Стилистический Энциклопедический Словарь РУССКОГО ЯЗЫКА

Под редакцией М.Н. Кожиной
Члены редколлегии:
Е.А. Баженова, М.П. Котюрова, А.П. Сковородников

2-е издание, стереотипное

Москва
Издательство «ФЛИНТА»
Издательство «Наука»
2011

УДК 811.161.1(038)
ББК 81.2Рус-5
С80

АВТОРЫ

Л.М. Алексеева, В.И. Аннушкин, Е.А. Баженова, О.И. Блинова, Н.С. Болотнова, И.А. Вещикова, Л.А. Грузберг, Н.В. Данилевская, В.В. Дементьев, Л.Р. Дускаева, О.Н. Емельянова, Т.Б. Иванова, Н.В. Кириченко, М.Н. Кожина, Б.В. Кондаков, Г.А. Копнина, М.П. Котюрова, Е.М. Крижановская, О.А. Крылова, Н.А. Купина, Т.В. Матвеева, Л.М. Майданова, О.В. Протопопова, В.А. Салимовский, Л.Г. Самотик, О.Б. Сиротинина, А.П. Сковородников, Г.Я. Солганик, Т.Б. Трошева, Э.В. Чепкина, В.Е. Чернявская

Стилистический энциклопедический словарь русского

С80 **языка** [электронный ресурс] / под ред. М.Н. Кожиной; члены редколлегии: Е. А . Баженова, М.П. Котюрова, А.П. С коворо дников. – 2-е изд., стереотип. — М.: Флинта: Наука, 2011. — 696 с.

ISBN 978-5-89349-342-9 (Флинта)
ISBN 978-5-02-002791-6 (Наука)

Энциклопедический словарь терминов стилистики издается впервые в отечественном языкознании. Он отражает различные направления стилистики: стилистику языка, т.е. его стилистические ресурсы, стилистику речи, функциональную, стилистику текста, практическую, историческую, сопоставительную, декодирования и др. Словарь восполняет недостаточную представленную в имею-щейся словарной литературе терминологию стилистики русского языка. Преследуются цели не только просветительские, но и исследовательской направленности; рассматриваются различные концепции, включая дискуссионные вопросы стилистики; при словарных статьях представлена богатая библиография. Все это, можно надеяться, будет активизировать творческую мысль читателя. Словарь отличается коммуникативнофункциональной, речеведческой ориентацией, что соответствует актуальным задачам современного языкознания и отвечает потребностям повышения стилистико-речевой культуры общества.

Для студентов, аспирантов, преподавателей вузов, учителей-словесников, абитуриентов и всех интересующихся проблемами стилистики.

УДК 811.161.1(038)
ББК 81.2Рус-5

ISBN 978-5-89349-342-9 (Флинта)
ISBN 978-5-02-002791-6 (Наука)

© Издательство «Флинта», 2003

Стилистика является своего рода вершиной исследования языка, теоретической основой развития национальной речевой культуры.

В.В. Виноградов

Язык вообще есть только тогда, когда он употребляется.

Г.О. Винокур

Эмоция, оценка, экспрессия чужды слову языка и рождаются только в процессе его живого употребления.

М.М. Бахтин

О стиле мы говорим лишь в сфере р е ч и.

М. Елинек

Именно текст... является релевантной единицей стилистических исследований.

М.А.К. Хэллидей

Изучать явления речи... значит распахивать двери перед целым рядом наук.
Деятельность говорящего субъекта должна изучаться целой совокупностью дисциплин.

Ф. де Соссюр

...когда мы соединим человека и процесс общения и поставим их в центр нашего внимания, мы тем самым... гуманизируем и социологизируем нашу науку и спасем ее от бездушного... изучения форм и структуры языка.

В. Ингве

Предисловие

На современном этапе развития литературного языка, отличающемся заметными изменениями его состава, а также некоторыми негативными явлениями (нарушением норм литературной речи, в том числе стилистических), возрастает необходимость заботы о языковой и стилистической культуре речи. Последнее стимулируется и повышением значимости речевой коммуникации в современном обществе, и активизацией деятельности СМИ. В «языковом существовании» современного человека заметно увеличилась доля времени на разные формы речевого общения. Не случайны и переориентация языковедческой науки, направленная на удовлетворение этого социального заказа, и развитие целого ряда новых коммуникативно-функциональных, речеведческих научных направлений и дисциплин, обновление и возрождение прежних. Приоритетное значение — как теоретическое, так и практическое — приобретают теория коммуникации, неориторика и стилистика, культура речи, прагматика, социолингвистика и другие научные дисциплины.

Закономерно, что не только в вузах, но и в школах, лицеях, гимназиях вводится преподавание стилистики и риторики, большое внимание уделяется вопросам речевого общения.

Между тем пособий по этим дисциплинам издается явно недостаточно. К тому же в самой науке, с одной стороны, остается много неисследованных проблем, с другой — налицо дискуссионные, порой противоречивые мнения (в частности, относительно определения ряда понятий).

Всем этим обусловлена подготовка авторским коллективом ученых-преподавателей вузов стилистического энциклопедического словаря, издание которого весьма актуально. Хотя в последнее время активизировалась публикация лингвистических словарей и энциклопедий (Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990; Русский язык. Энциклопедия. — М., 1997; Педагогическое речеведение. Словарь-справочник. — М., 1998 и др.), однако нет специально стилистического энциклопедического словаря (СЭС), то есть отраслевого, и тем самым удобного в пользовании для получения знаний и справок в этой области.

Изданный в 1996 г. «Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов» С.Е. Никитиной и Н.В. Васильевой, чрезвычайно интересный сам по себе, не может, однако, удовлетворить ука-

занную потребность, поскольку он ставит совершенно особые задачи («исследование терминологии в словарной форме» — «термин как логос и как лексис», демонстрация системности терминологии, семантической сети терминологических единиц, связанных регулярными отношениями, что отражается в особом, новом типе словаря и схеме словарной статьи). Стилистическая терминология в словаре предстает лишь как материал исследования (один из многих возможных) и ограничена терминами, «которые используются при лингвистическом описании художественного текста» (с. 3), а область функциональной стилистики «не рассматривается» (с. 134). При этом в словаре представлены лишь «избранные словарные статьи», из которых со словником нашего словаря совпадают всего 10.

Поскольку традиционно задача энциклопедического издания предстает как просветительско-исследовательская, авторский коллектив СЭС счел целесообразным следовать ей при написании словарных статей. В целом же Словарь имеет как практическую направленность (что сказалось в составе словника, в показе функций стилистических средств языка и всесторонней их иллюстрации), так и теоретическую. Последнее выражается включением в словник основных фундаментальных понятий стилистики, что сопряжено с рассмотрением многих теоретических проблем и концепций. Естественно, что в тех случаях, когда по тому или иному вопросу сложились более или менее единообразные взгляды и общепринятые определения научных понятий-терминов, СЭС дает соответствующую информацию и дефиниции. Когда же такое единство мнений отсутствует (что нередко наблюдается в стилистике), тогда предлагаются помимо наиболее общепринятого (либо отражающего усредненный научный «обиход» узуальное понимание термина многими лингвистами) и более «частные», индивидуальные толкования, представляющие научный интерес. Это демонстрирует исследовательскую ситуацию в науке и, думается, побуждает читателя к творческому прочтению текста. Отмечаемая в словаре многозначность терминов наблюдается и в тех случаях, когда один и тот же термин используется в лингвистической науке не в одном значении, а в двух-трех, отражающих понятия смежных со стилистикой дисциплин и направлений. Такая ситуация в стилистической науке проявляется, как известно, и в наличии нескольких номинаций (терминов) одного и того же понятия. В этих случаях при заголовочном термине в скобках даются все известные наименования-синонимы; и, кроме того, для удобства читателей, каждое из этих наименований занимает особую строку в словнике со ссылкой на основной (общепринятый или узуальный) термин.

Отражение в словаре не только общепринятого положения, но и отдельных оригинальных авторских концепций вызвано стремлением авторского коллектива СЭС показать процесс развития стилистической науки, обозначить острые дискуссионные вопросы, пути поиска решений проблем, требующих дальнейших изысканий. Все это, очевидно, будет стимулировать исследовательскую мысль читателя Словаря. Тем

самым, как надеется авторский коллектив, СЭС окажется полезным не только для неофита, но и для специалиста.

Отмеченные особенности Словаря согласуются с его энциклопедическим характером. Известно, что термины-понятия гуманитарных наук далеко не всегда позволяют дать точные и краткие дефиниции и тем самым вызывают необходимость обратиться к обширным описаниям. При этом если задачи словаря шире, чем представление знаний какой-либо одной научной школы, то естественной оказывается информация неодноплановогo характера. Между прочим «примечательно, что существующие в лингвистике словари различных направлений и школ... затрагивают практически все разделы лингвистики, за исключением стилистики» (*Никитина*, 1996, с. 4) — отчасти потому, что однозначности в понятийном аппарате здесь меньше, чем в других отраслях знаний.

Однако Словарь не отражает некоторых других особенностей, свойственных изданиям энциклопедического характера. А именно: в СЭС не представлены статьи о лингвистических (стилистических) школах, а также персоналии — специальные статьи об отдельных ученых, внесших большой вклад в стилистику. Это вызвано тем, что, во-первых, подробная информация о научных школах имеется в ЛЭС и Энциклопедии «Русский язык» (Виноградовская школа, ОПОЯЗ и некоторые другие); во-вторых, получение желательных и возможных сведений о современных региональных школах стилистики в настоящее время оказывается по объективным причинам затруднительным; здесь требуется временна́я перспектива. Что же касается персоналий, то, избегая дублирования материала, от них отказались и ЛЭС, и Энциклопедия «Русский язык», поскольку в содержании словарных статей по тому или иному вопросу имеются сведения о взглядах ведущих ученых, их вкладе в разработку соответствующих проблем, учений, теорий. Последнее касается и содержания данного Словаря. Тем самым из поля зрения не исчезает личностный характер науки: представлен и путь развития стилистики, динамика стилистических поисков по различным научным проблемам. Этому способствует и принятый в СЭС принцип — давать к словарным статьям, особенно по сложным теоретическим вопросам, достаточно объемные списки литературы.

Известно, что специфической чертой развития современного гуманитарного знания является интенсивный, динамичный интеграционно-дифференциальный процесс: появление все новых научных направлений и дисциплин (обычно на стыке наук) и их тесное взаимодействие, что и делает в наше время особенно актуальными междисциплинарные научные исследования. В языкознании это в первую очередь касается дисциплин, связанных с изучением **речи, функционирования** языка в реальной действительности, процессов речевого общения, роли личности в этих процессах, то есть в целом — дисциплин речеведческого (в широком смысле) плана. Особенностью этих новых научных дисциплин является их открытость, незамкнутость, отсутствие «четких контуров» (*Н.Д. Арутюнова*, 1990, с. 390), их тесное взаимодействие друг с другом, следствием чего и яви-

лась многозначность терминов современной лингвистики. Все это касается и стилистики, особенно функциональной. Последняя, будучи по сути своей дисциплиной коммуникативно-функциональной, речеведческой, инициировала в языкознании ранее многих других лингвистических дисциплин именно эти направления исследований и способствовала изменению в наше время парадигмы науки о языке (см. *И.Р. Гальперин, Л.Г. Лузина, В.Н. Телия, Н.Н. Трошина* и др.). Стилистика в 80—90-е гг. XX в. тесно взаимодействует с различными смежными дисциплинами (и, естественно, усваивает многие термины из этих отраслей). Наряду с исторически сложившимися связями с риторикой по ряду аспектов изучения стилистика «переплетается» с культурой речи, прагматикой, теорией общения, лингвистикой текста, теорией речевых актов, психолингвистикой, поэтикой и др. Не случайно говорят о прагмастилистике (*Л.Г. Лузина, М. Хоффман Б. Зандиг* и др.), о совмещении и, с другой стороны, различении лингвистики текста и стилистики текста (*Одинцов,* 1980) и т.д. Таким образом, изучение стилистики в наше время невозможно вне междисциплинарных комплексных исследований.

Отсюда целесообразно включение в словник СЭС ряда терминов-понятий, пришедших в стилистику из смежных научных дисциплин и направлений, т.е. новых для стилистики терминов, выходящих за рамки традиционного терминологического аппарата стилистики (*дискурс, концепт* и др.). Кроме того, достаточно обширна словарная статья теоретического характера «*Взаимоотношение стилистики и смежных дисциплин*» и представлены отдельные статьи *риторика, культура речи, поэтика* и др.*;* в статье *стилистика текста* рассматриваются вопросы взаимодействия стилистики текста с лингвистикой текста; в статье же *речевая ситуация* даются сведения из области прагматики, особенно актуальные для стилистики. Кроме того, помимо традиционно-стилистических в Словник СЭС включены термины *текст, узус, речевой акт, интертекстуальность, прецедентные тексты, коммуникативный блок* и некоторые другие.

В целом Словарь охватывает три группы понятий: 1) отражающие собственно лингвостилистические явления и факты (онтологию) — языковые средства стиля, стилистически окрашенные единицы русского языка на всех его уровнях; 2) сложившиеся научные понятия-термины стилистики (метаязык науки); 3) обозначающие наиболее актуальные проблемные вопросы стилистики *(классификация и внутренняя дифференциация функциональных стилей; направления стилистики, экстралингвистические стилеобразующие факторы; методы лингвостилистического анализа, вопрос о месте языка художественной литературы среди функциональных стилей* и др.). Таким образом, как видим, в Словарь включены не только слова-термины, но и терминологические выражения, номинации некоторых проблемных вопросов стилистики.

В Словаре стилистика представлена в различных ее отделах: стилистика языка («стилистика ресурсов») и стилистика речи (текста), функциональная (в том числе художественной речи), кроме того, затрагива-

ются вопросы различных направлений стилистики (синхронической, диахронической, сопоставительной, декодирования и т.д.); вопросы о стилистической норме, стилистических средствах, стилевых чертах и функциях отдельных функциональных стилей, стилистико-текстовых категориях, закономерностях функционирования языка в разных сферах общения. При этом в словнике и содержании статей отражается — и даже акцентируется — факт центрального положения функциональной стилистики в современной стилистической науке. Поскольку историческая стилистика до настоящего времени изучена явно недостаточно, то внимание Словаря сосредоточено в основном на явлениях стилистики современного языка (хотя имеются словарные статьи *Историзм стиля*, *Историческая стилистика* и представлены некоторые факты и явления в диахронии).

Словарь посвящен стилистике **русского** языка и отечественному варианту стилистики. Известно, что разные национальные школы стилистики, особенно с учетом функциональной стилистики, значительно отличаются по своим концепциям, рассмотрению тех или иных проблем, определению понятий и пользуются при этом различной терминологией. Поэтому в Словаре трудно было бы привести к «общему знаменателю» все многообразие терминов-понятий мировой стилистики. Сказанное, конечно, не означает, что отечественная стилистика не учитывает и не использует опыт зарубежной стилистики, что находит отражение в Словаре — как в содержании словарных статей, так и в рекомендуемой литературе.

Новизна СЭС и необходимость его издания обусловлены тем, что сам состав (объем) словника значительно шире представленного в известных лингвистических изданиях соответствующего профиля. В связи с этим в Словаре впервые, по сравнению с предыдущими, представлены статьи, определяющие следующие понятия: *религиозный стиль, интертекст, сверхтекст, тоталитарный язык, речевая агрессия*, а также *методы лингвостилистического анализа, глубинный смысл текста* и многие другие. Хотя отдельные номинации терминов-понятий СЭС имеются в предшествующих словарях и энциклопедиях, но там им не всегда посвящены отдельные словарные статьи либо дается лишь краткое — в отличие от настоящего Словаря — изложение вопроса, поскольку у этих изданий иные, чем у СЭС, цели и задачи. Авторский коллектив СЭС стремился к наиболее полному воплощению специфики словаря — именно как словаря **стилистических** терминов и понятий.

Словарная статья имеет следующую структуру (по описанным выше причинам последняя не является жесткой, однотипной):

полужирным шрифтом представлен заголовочный термин, в скобках даются, если они имеются, варианты его номинаций. Далее следует дефиниция (одна или две-три в случае многозначности термина или наличия разных трактовок соответствующего понятия) или описательное определение. В ряде случаев цитируется формулировка авторитетного ученого. Затем — в статьях фактографического плана — идет иллюстративный материал; в статьях теоретического характера излагается сущ-

ность вопроса, прежде всего наиболее общепринятая точка зрения, но указываются и другие мнения по данному вопросу, иные концепции, отмечаются дискуссионные проблемы. По возможности при этом учитывается временна́я перспектива (хронология) изучения вопроса с целью показать движение исследовательской мысли в области стилистики, ее истории. В конце представлена литература вопроса. Отличительной чертой Словаря является воплощенное в нем стремление авторов дать максимально обширную библиографию, особенно по сложным проблемам теоретического характера, неоднозначно представленным в стилистике. В ряде случаев — при особенно больших списках литературы — последняя подразделяется на основную и дополнительную (во втором абзаце).

Когда словарная статья посвящена сложному вопросу, требующему достаточно объемного изложения, в ней даются общие сведения и определение родового понятия, видовые же либо лишь перечисляются, либо даются кратко со ссылками на отдельные словарные статьи, посвященные каждому из названных видовых понятий (следует учесть, что в лингвистике родо-видовые отношения близки к отношению «часть–целое» — *Никитина*, 18). Например, дается обобщающая статья «Текстовая категория», в которой лишь перечисляются конкретные категории (со ссылкой на них, набранной курсивом и пометой «см»: см. *Текстовое время,* см. *Текстовое пространство*).

Стилистический энциклопедический словарь адресуется студентам, аспирантам, преподавателям вузов, учителям-словесникам, абитуриентам и всем интересующимся вопросами стилистики, культуры речи и речевого общения.

Авторский коллектив благодарит Ю.А. Бельчикова, Л.В. Красильникову, К.А. Рогову, Н.И. Формановскую за ценные критические замечания и всех тех, кто ознакомился с материалами Словаря и оказал поддержку его публикации. Ваши замечания просим посылать по адресу: 614990, Пермь, ул. Букирева, 15, Государственный университет, филологический факультет, кафедра русского языка и стилистики.

Лит.: Гальперин И.Р. Проблемы лингвостилистики // НЗЛ, вып. IX. — М., 1980. — С. 9; Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики // НЗЛ, вып. XVI. — М., 1985. — С. 4; Лузина Л.Г. Категории стиля и проблемы стилистики в современном языкознании // Проблемы современной стилистики, ИНИОН. — М., 1989; Трошина Н.Н. Соотношение стилистики и лингвистики текста // Проблемы современной стилистики, ИНИОН. — М., 1989; Арутюнова Н.Д. Прагматика // ЛЭС. 1990; Телия В.Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. — М., 1991; Никитина С.Е., Васильева Н.В. Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. — М., 1996.

М.Н. Кожина

Принятые сокращения

Автореф. — автореферат
БСЭ — Большая Советская Энциклопедия
Большой энциклопедический словарь. Языкознание. — БЭС
буд. время — будущее время
Вестник Моск. ун-та. Сер. — «Вестник Московского университета. Серия»
вин. падеж — винительный падеж
ВЛ — «Вопросы литературы»
в т.ч. — в том числе
вып. — выпуск
ВЯ — «Вопросы языкознания»
гг. — годы
гл. обр. — главным образом
дат. падеж — дательный падеж
дис. — диссертация
Докл. — Доклады
д-р — доктор
др. — другие
ед. число — единственное число
жен. род — женский род
Зап. — Записки
Избр. — Избранные
Изв. — «Известия»
Изв. АН. Сер. ЛиЯ — «Известия АН. Серия литературы и языка»
Изв. АН СССР. ОЛЯ — «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка»
Изв. АН СССР. Сер. ЛиЯ — «Известия АН СССР. Серия литературы и языка»
изд. — издание
им. падеж — именительный падеж
канд. — кандидат
кн. — книга
КСКТ — Краткий словарь когнитивных терминов
лингв. — лингвистический
Л. — Ленинград
Лит. — Литература
лит. — литературный
ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь
М. — Москва
Межд. — международный
мн. число — множественное число
муж. род — мужской род
напр. — например
наст. время — настоящее время
науч. — научный
нач. — начало
нейтр. — нейтральный
несов. вид — несовершенный вид
НЗЛ — Новое в зарубежной лингвистике
Отв. ред. — Ответственный редактор
оф.-дел. — официально-деловой
Очерки ист. науч. с. — Очерки истории научного стиля русского литературного языка XIX—XX вв. Перм. ун-т.
пер. — перевод
ПЛК — Пражский лингвистический кружок
пол. — половина
Полн. собр. соч. — Полное собрание сочинений

предл. падеж — предложный падеж
прич.-следст. — причинно-следственные отношения
прош. время — прошедшее время
публиц. — публицистический
Р. на/Дону — Ростов-на-Дону
разг. — разговорный
РВ — радиовещание
род. падеж — родительный падеж
рус. — русский
Рус. речь — «Русская речь»
Рус. яз. Энц. — Русский язык. Энциклопедия
РЯЗР — «Русский язык за рубежом»
РЯШ — «Русский язык в школе»
сер. — середина
сер. — серия
Слав. языкознание — «Славянское языкознание»
след. — следующий
слож.-подч. — сложноподчиненное предложение
см. — смотри
СМИ — средства массовой информации
сов. вид — совершенный вид
совр. — современный
сост. — составитель
Соч. — Сочинения
СПб. — С.-Петербург
ср. — сравни
сущ. — существительное
т. — том
ТВ — телевидение
твор. падеж — творительный падеж
т.е. — то есть
т.зр. — точка зрения
т.к. — так как
т.н. — так называемый
т.о. — таким образом
т.п. — тому подобное
Тр. — Труды
ун-т — университет
указ. выше — указанный выше
устно-разг. — устно-разговорный
Уч. зап. Перм. ун-та — «Ученые записки Пермского университета»
филол. — филологический
ФН — «Филологические науки»
функц. — функциональный
худож. — художественный
ч. — часть
яз. — языковой

А

АБЗАЦ — 1) Отступ вправо в начале первой строки; 2) Часть текста между двумя такими отступами.

А. во втором значении не имеет особой структуры помимо синтаксической (прозаическая строфа, фрагмент), поэтому рационально использовать этот термин только в первом значении. Однако некоторые авторы используют термин «абзац» во втором значении — «единица текста».

Как своеобразный знак препинания, А. выполняет в тексте различные функции.

1. А. «углубляет предшествующую точку и открывает совершенно новый ход мысли» (*Л.В. Щерба*), т.е. А. оформляет начало новой мысли и в то же время сигнализирует об окончании предшествующей.

2. А. выполняет в тексте экспрессивно-выделительную функцию. Выделение в абзац отдельного предложения — распространенный прием публиц. и худож. речи. Обычно выделяются важные в композиционном и смысловом отношении предложения, чаще всего зачины и концовки прозаических строф.

3. Важнейшая функция А. — графическое выделение, оформление композиционно-синтаксических единиц текста — прозаических строф, фрагментов. Абзацное членение проясняет композиционно-синтаксическую структуру текста. Отсутствие А. сделало бы текст трудновоспринимаемым. В стилистически нейтральной речи правилом является совпадение прозаических строф и А.

Однако нередко абзацное членение текста не совпадает с его композиционно-синтаксическим членением. В этом случае А. выполняет важную функцию смысловой и стилистической членимости, выступающей как усложнение и дополнение его композиционно-синтаксической структуры. При этом А. может расчленять прозаическую строфу, выделяя одно или два предложения, или, напротив, объединять несколько прозаических строф.

Объединение прозаических строф подчеркивает целостность фрагмента, тесную связь между прозаическими строфами.

Расчленение одной прозаической строфы на предложения-абзацы имеет разнообразное стилистическое назначение. В зависимости от контекста и др. факторов оно может придавать изложению импрессионисти-

ческий или афористический характер, может выразить динамику, быструю смену событий, действий, фактов, может быть приметой индивидуальной манеры писателя.

4. А. участвует в ритмическом членении текста, которое тесно связано со смысловым ритмом. Ритмическое членение создается абзацными паузами, которые длиннее, глубже паузы, образуемой точкой. Дробное членение прозаической строфы на А. ведет к прерывистому ритму. Ровный, плавный, спокойный ритм дают обычно строфы-абзацы. Объединение же нескольких прозаических строф в одном А. заставляет ускоренно читать весь отрывок, т.к. паузы между точками короче.

Членение на А. — существенная сторона любого текста, связанная с его стилем, смысловым ритмом произведения.

Лит.: Матезиус В. Язык и стиль // Пражский лингвистический кружок. — М., 1967; Сильман Т.И. Проблемы синтаксической стилистики (на материале немецкой прозы). — Л., 1967; Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика (сложное синтаксическое целое). — М., 1991.

Г.Я. Солганик

АБСТРАГИЗАЦИЯ (отвлеченно-обобщенность научной речи) — см. *Научный стиль; Стилевые черты.*

АВТОРСКАЯ РЕЧЬ — внутритекстовое воплощение автора (образа автора), ответственного за сказанное им. Последнее важно, поскольку, например, «в устном коллективном народном творчестве (фольклоре) категория автора лишена статуса персональной ответственности за поэтическое высказывание. Место автора текста заступает там исполнитель текста — певец, сказитель, рассказчик и т.п.» (*Прозоров В.В.*, 1999, с. 12).

Термин А. р. применим прежде всего к худож. речи, поскольку именно в худож. тексте мы встречаем множество «точек зрения» (*Б. Успенский*), «*чужую речь*» (см.) как речь персонажей или кого-либо, отличного от самого автора текста. В художественном тексте автор может быть представлен как собственно автор, автор-повествователь, лирический герой, лирическое «я» и герой ролевой лирики (см. об этом: *Корман Б.О.*, 1982).

Речь идет о субъективной структуре текста. «Если представить себе субъективную сторону [текста] как некую целостность, двумя полосами которой являются авторский и «геройный» планы, то ближе к авторскому будут располагаться автор-повествователь и «собственно автор», ближе к геройному (почти совпадая с ним) — герой ролевой лирики; промежуточное положение займут лирическое «я» и лирический герой» (*Бройтман С.Н.*, 1999, с. 144).

Все разнообразные формы присутствия автора в тексте зависят от родовой и жанровой принадлежности текста (произведения).

Как отмечают исследователи, более всего автор проявляется в рамочных компонентах текста (заглавии, эпиграфе, начале и концовке тек-

ста, псевдониме), а также в метатексте, составляющем целое с основным текстом и включающем посвящения, авторские примечания и ремарки, предисловия, послесловия, отступления и под.

Повествование (эпическое или же лирическое) всегда ведется от чьего-то лица; в нем прямо или косвенно присутствует повествователь — посредник между изображаемым в тексте (содержанием) и слушателем/читателем. В А. р. повествование ведется объективно от автора; автор сообщает все от своего лица.

Участие автора сказывается в употреблении эгоцентрических слов (иногда, напр., Е.В. Падучева, их называют «дейктическими словами»): местоимений (*я, ты, этот*), наречий (*здесь, сейчас, тут, там*), частиц (*вон, тот*), а также показателей субъективной модальности (по В.В. Виноградову) — вводных слов, высказываний, модальных слов и др., которые подразумевают говорящего.

А. р. обладает не только изобразительностью, но и выразительностью и характеризует не только объект высказывания, но и самого говорящего.

Лит.: Корман Б.О. Литературоведческие термины по проблеме автора. — Ижевск, 1982; Падучева Е.Р. Говорящий как наблюдатель. Об одной возможности применения лингвистики в поэтике, «Изв. РАН. Сер. Л и Я». — 1993. — № 30 — Т. 52; Бройтман С.Н. Лирический субъект // Введение в литературоведение. — М., 1999; Нечаева О.А. Речь автора-наблюдателя в художественном тексте // Очерки по синтаксической семантике и стилистике функционально-смысловых типов речи. — Улан-Удэ, 1999; Прозоров В.В. Автор // Введение в литературоведение. — М., 1999; Эр. Хан-Пира. О творческом характере авторских ремарок Ф.М. Достоевского. — Рус. речь. — 1999. — № 1.

О.Н. Емельянова

АВТОСЕМАНТИЯ — категория текста, обусловленная относительной независимостью отрезков текста по отношению к содержанию всего текста или его части. Самостоятельностью внутри единиц текста, а иногда и в целом тексте обладают сентенции, т.е. такие предложения внутри высказывания, которые, прерывая последовательность изложения фактов, событий, описаний, представляют собой некие обобщения, лишь косвенно связанные с этими фактами, событиями, описаниями. Особой автосемантией обладает цитата, структурно представленная одним или несколькими предложениями. Цитата — это «чужое слово», и поэтому она автономна. Однако эта автономность относительна в тексте: энергия интеграции как одной из кардинальных грамматических категорий текста иррадиирует на весь текст, в результате чего каждый его компонент становится зависимым от содержательно-фактуальной и в итоге содержательно-концептуальной информации.

Независимость сверхфразовых единств как конституентов текста поразному проявляется в разных стилях и жанрах, причем в жанровых разновидностях даже одного стиля эта грамматическая категория текста обнаруживается в своих вариантах.

А. отрезков текста является также необходимым приемом организации текста, который обеспечивает более углубленное раскрытие содержательно-концептуальной информации.

Лит.: Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М., 1981.

М.П. Котюрова

АГРЕССИЯ РЕЧЕВАЯ — см. Речевая агрессия.

АКЦЕНТНОСТЬ — см. *Категория акцентности*.

АКЦЕНТУАТОРЫ — разноуровневые языковые, собственно текстовые, а также графически оформленные средства смыслового выделения важных, по мнению автора, моментов содержания текста, привлечения к ним читательского внимания. Термин «А.» в данном значении ввел в лингвистику И.И. Сущинский. (См. *Категория акцентности* (*функциональная семантико-стилистическая*.)

Лит.: Сущинский И.И. О функциях акцентуаторов (на материале немецкого языка) // Фил. науки. — 1984. — № 4; Пуховская М.Ю. Смысловые акцентуаторы в научных (медицинских) текстах // Неполнозначные слова: история, семантика, функционирование. — Тверь, 1997.

Т.Б. Иванова

АНАФОРИЧЕСКИЕ СТРОФЫ — разновидность параллельных прозаических строф, в которых параллелизм предложений усиливается анафорой. Предложения имеют не только одинаковую (или сходную) структуру, но и одинаково выраженное начало. Синтаксический параллелизм дополняется и усиливается параллелизмом лексическим. По структуре А. с. аналогичны *параллельным* (см.). Однако в А. с. ярким показателем структуры, параллельной связи выступает анафора. Анафорическим может быть любой член предложения, что удобно положить в основу классификации А. с. Можно выделить строфы: 1) с анафорическим подлежащим, 2) с анафорическим сказуемым, 3) с анафорическими второстепенными членами предложения. Пример строфы с анафорическим подлежащим: «Книга — хранилище знаний. Книга — вместилище всего великого опыта человечества. Книга — неистощимый источник высокого эстетического наслаждения, глубоких раздумий» (*Б. Полевой*).

В стилистическом плане А. с. нередко используются для организации речи подчеркнуто эмоциональной, экспрессивной, приподнятой.

Лит.: Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика (сложное синтаксическое целое). — М., 1991.

Г.Я. Солганик

АНТОНИМЫ (от греч. anti — ‘против’ + onyma — ‘имя’) — пары слов одной части речи с противоположным значением.

Психологическая основа существования А. — ассоциация по контрасту; логическая — противоположные и противоречащие понятия. Отношения сопоставления и противопоставления лежат в основе языковой системы на всех уровнях. Но понятие А. обычно связывается с лексикой (ср. *синонимия*), хотя при выделении однокоренных антонимов речь в большей степени идет об антонимии морфем. Ср.: *«Он думает, что он* ***законченный*** *актер, а он* ***конченный*** *актер»* (*К. Станиславский*).

А. представляют собой часть лексической системы языка (реализуют парадигматические отношения).

Антонимические отношения могут быть представлены в языке достаточно развернуто внутри отдельных синонимических рядов: *вечный, непреходящий, бессмертный, нетленный — временный, преходящий.* Крайние члены одного синонимического ряда иногда могут выступать как А. (чаще — речевые). Напр.: *толстеть, полнеть, жиреть, тучнеть, добреть, грузнеть, поправляться, округляться* (*Анна Петровна не то чтобы* ***потолстела****, но как-то* ***округлилась***).

В тексте отдельные синонимы могут противопоставляться как А.:

У жены твоей —
очи*,*
и не губы —
уста…
Я люблю тебя очень!
Но пред нею
чиста.
(Римма Казакова)

Из антонимической пары *глаза — очи* использован только правый член, левый же представлен нулевой позицией.

А. предполагают общее для них (инвариантное) значение; это значение может подразумеваться (*утро — вечер*), а может быть зафиксировано в языке словом, например: *сутки* (*день — ночь*); в последнем случае антонимические отношения оказываются тесно связанными с родо-видовыми, гипо- и гиперонимическими (*сутки* — родовое понятие*, день и ночь* — видовые).

Основой антонимии является наличие в значении слова качественного признака, который может возрастать или убывать и доходить до противоположного. Поэтому антонимические отношения в наибольшей степени свойственны прилагательным и наречиям (*там — здесь, рано — поздно, далеко — близко, впереди — сзади*). Особенно много А. среди имен прилагательных, выражающих качества (*хороший — плохой*); различные ощущения (*мокрый — сухой*); понятия объема, протяженности, размера (*толстый — тонкий, длинный — короткий, просторный — тесный*); веса (*тяжелый — легкий*); формы (*острый — тупой*); цвета (*белый — черный, светлый — темный);* психологических оценок (*веселый — печальный*); времени (*ранний — поздний*); пространства (*близкий — далекий*); возраста

(*молодой — старый*). Кроме имен прилагательных и наречий, антонимические отношения могут складываться между словами в системе других частей речи: существительных (*свет — тьма*); глаголов *(радоваться — горевать);* некоторых местоимений (*все — никто*); слов категории состояния (*радостно — грустно*); служебных слов (*в — из*), (*к — от*).

По характеру противопоставления своих значений А. подразделяются на несколько типов.

1. А., один из которых обозначает наличие признака, а второй — его отсутствие: *движение — покой, спать — бодрствовать.*

При истолковании значений обнаруживается различие в смысловом компоненте «не»: *влажный* — ‘содержащий влагу’, *сухой* — ‘не содержащий влаги’; *зрячий* — ‘способный видеть’, *слепой* — ‘неспособный видеть’.

2. А., один из которых обозначает начало действия или состояния, а другой — прекращение действия или состояния: *войти — выйти, включить — выключить.*

Значения этих А. при их истолковании обнаруживают различие в смысловых компонентах ‘начать’ и ‘перестать’.

3. А., один из которых обозначает большую величину признака, а другой — малую его величину: *высокий — низкий; тяжелый — легкий; быстро — медленно.*

В значениях А. этого типа присутствует интуитивно ощущаемый смысловой компонент «норма»: когда мы характеризуем какой-то предмет как высокий или, напротив, низкий, мы мысленно сравниваем его с некоей «нормальной» величиной, т.е. антонимы данного типа различаются смысловыми компонентами ‘больше (нормы)’ — ‘меньше (нормы)’.

Помимо А., противопоставляемых по какому-либо одному смысловому компоненту, существуют пары таких слов, которые различаются не только этим компонентом, но и другими. Такие слова называются ***квазиантонимами***. Напр., прилагательные *бездонный* и *мелкий* различаются не только тем, что первый обозначает большую глубину, а второй — малую, но и степенью обозначаемого признака: *бездонный* — «очень большой глубины» (*бездонная пропасть*), *мелкий* же — «небольшой глубины» (компонента «очень» в значении этого прилагательного нет, поэтому можно сказать «*очень мелкая река*», но нельзя сказать *«очень бездонная пропасть»*).

Так же различаются пары слов: *лютый — легкий* (мороз); *беспробудный — чуткий* (сон) и др.

По структуре антонимы могут быть как ***разнокорневыми*** (*черствый — свежий, говорить — молчать*), так и ***однокорневыми*** (*подземный — надземный, вливать — выливать, зачет — незачет, плохо — неплохо*).

Многозначные слова в разных своих значениях могут иметь разные А. Так, для слова *легкий* (чемодан) в его прямом значении антонимом является слово *тяжелый*; в переносном значении слово *легкий* имеет другие А.: *легкий* (мороз) — *сильный* (мороз);

легкий (завтрак) — *плотный* (завтрак);
легкое (наказание) — *суровое* (наказание);
легкая (задача) — *трудная* (задача);
легкий (характер) — *тяжелый* (характер).

Многозначное слово в своем основном прямом значении может не иметь А., но в своих переносных значениях вступает в антонимические отношения с другими словами. Так, слово *глухой* — ‘не обладающий слухом, плохо слышащий’ — в этом своем прямом значении А. не имеет. Но в переносных значениях данное прилагательное может иметь А.:

глухая (улица) — *шумная* (улица);
глухой (воротник) — *открытый* (воротник).

В антонимические отношения по аналогии с прямыми могут вступать и переносные, и связанные значения слов: *белая краска — черная краска, белые ночи — черные ночи, белая зависть — черная зависть.*

В антонимические отношения могут вступать противоположные значения одного и того же слова. Это явление получило название ***энантиосемии*** (буквально: ‘противоположность внутри слова’). Напр.: *бесценный* — ‘имеющий очень высокую цену’ (*бесценные сокровища*) и ‘не имеющий никакой цены’ (*бесценный товар*, т.е. ’товар, купленный за бесценок’); *блаженный* — ‘в высшей степени счастливый’ (*в блаженном состоянии*) и ‘глуповатый’ (из более раннего *юродивый*, *несчастный*); *запустить* — ‘начать работу чего-либо’, ‘завалить, привести в упадок’.

Речевая энантиосемия возникает и в результате особой интонации, которая придает слову противоположное значение: *Ах ты, умная головушка*! (о недалеком человеке). *Ну и молодец!* (провинившемуся ребенку). ‘*Батяня мой был, конечно, мужик — **молоток!** Настрогал он нас — пять братьев и сестер — и отправился в город за большими заработками. Правда, нас никогда не забывал — каждый месяц присылал доплатное письмо*’ (Братья Вайнеры).

В письменной речи отработан особый графический прием, придающий слову противоположное значение — постановка его в кавычки: ‘*Ладно, продолжим* (осматривать место убийства). *Тебе предстоит еще увидеть немало* ‘*приятного*’ (*Чейз Д.Х.*). Этот способ смены значения в речи на противоположное называется **антифразисом**.

На противопоставлении значений одного слова строятся каламбуры:

В России две напасти:
Внизу — власть тьмы,
А наверху — тьма власти.
(В. Гиляровский)

От собственно языковых антонимов, присущих лексической системе рус. языка, необходимо отличать контекстуальные антонимы.

Собственно ***языковые А.*** противопоставлены по своему значению в самой лексической системе, вне контекста: *хороший — плохой, любовь — ненависть.* Такая противопоставленность слов вытекает из самой природы их значений и не зависит от окружающего текста, она объективно существует в лексической системе языка.

Но в определенном контексте в антонимические отношения могут вступать слова, которые вне данного контекста не имеют противопоставленного значения. Часто **речевые А**. связаны с употреблением слов не в прямом, а в обобщенно-символическом значении:

В толпе друг друга мы узнали,
***Сошлись** — и **разойдемся** вновь,*
*Была без **радости любовь**,*
***Разлука** будет без **печали**.*
(М. Лермонтов)

А. часты в названиях худож. произведений: ***«Толстый и тонкий»*** (*А. Чехов*); ***«Живые** и **мертвые**»* (*К. Симонов*); *«Сказка о Пете, **толстом** ребенке, и о Симе, который **тонкий»*** (*В. Маяковский*).

В тексте антонимы используются для связи контрастных тем: «После мрачной информации мне хочется перейти к светлой теме и поздравить мужчин с праздником 23 февраля» (Красноярское радио, 19 февраля 1990 г.)

В худож. литературе, особенно в поэзии, на А. бывает основана выразительная сила произведения:

*Полюбил **богатый — бедную**,*
*Полюбил **ученый — глупую**,*
*Полюбил **румяный — бледную**,*
*Полюбил **хороший — вредную**:*
***Золотой** — полушку **медную**.*
(М. Цветаева)

Антонимия лежит в основе ***оксюморона*** — соединения слов (обычно прилагательного с существительным), противоположных по смыслу: ***Но красоты** их **безобразия** я скоро таинство постиг* (*М. Лермонтов*); ***«Живой труп»*** (*Л. Толстой*).

Через А. реализуются в языке емкие философские обобщения. Так, заканчивая свое повествование в рассказах «Царь-рыба», В.П. Астафьев говорит о сути течения жизни: *«Время **родиться** и время **умирать**... Время **убивать** и время **исцелять**... Время **разрушать** и время **строить**... Время **любить** и время **ненавидеть**... Время **войне** и время **миру**»*.

А. собраны в специальных словарях, их можно определить и по толковому словарю, напр.: *маленький* — ‘незначительный по величине, размерам; противоп. *большой*’ (МАС).

Лит.: Введенская Л.А. Словарь антонимов русского языка. — Ростов н/Д., 1971; Колесников Н.П. Словарь антонимов русского языка. — Тбилиси, 1972; Новиков Л.А. Антонимы в русском языке. — М., 1973; Его же. Антонимы // Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990; Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. — М., 1976; Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка. — М., 1978; Крысин Л.П. Антонимы // Энциклопедический словарь юного филолога. — М., 1984; Касаткин Л.Л., Крысин Л.П. и др. Русский язык. — М., 1989.

Л.Г. Самотик

АРГУМЕНТАТИВНЫЙ ТИП РЕЧИ: ДОКАЗАТЕЛЬСТВО — *функционально-смысловой тип речи* (см.), аргументирующий содержание; подтип *рассуждения* (см.) в широком понимании последнего (как одного из компонентов триады *описание — повествование — рассуждение*). Коммуникативно-познавательная функция — установление истинности какого-либо утверждения. Центральная разновидность А. т. р. — доказательство, употребляемое обычно в текстах точных наук.

Структура доказательства — тезис и аргументы, а также логическая связь между ними. Аргументативное построение, как правило, завершается вариативным повтором тезиса — выводом, т.е. уже известным читателю суждением, новый момент которого заключается в том, что доказана его истинность. Между начальным и заключительным предложениями устанавливается дистантная лексико-семантическая связь, которая является сигналом начала и конца высказывания-доказательства, выполняет особую композиционную роль, организуя текст. Напр.: *«Тепловое движение излучающих атомов приводит к так называемому доплеровскому расширению спектральных линий. Пусть в момент испускания фотона атом обладает импульсом Поэтому импульс атома изменяется Следовательно, изменяется и энергия поступательного движения атома Заменим Обозначим Значение этой частоты получается из условия В результате получим, что Из формул вытекает, что Подставив сюда выражение придем к формуле Следовательно, выражение дает доплеровскую ширину у спектральной линии»* (*И.В. Савельев*. Курс общей физики). (Развернутый пример доказательства см. в статье *Рассуждение*.)

Доказательство характеризуется использованием типического набора средств. К стереотипным способам его оформления относится обозначение последовательности операций с помощью глаголов 1-го лица мн. ч.: *найдем, умножим, приравняем, определим* и т.п. Результат этих операций вводится словами *будет, будем иметь, получим, откуда получается, отсюда вытекает, тогда* и др. Для выражения причинно-следственных связей используются союзы и союзные аналоги соответствующей семантики: *так как, так что, потому, поэтому, следовательно, таким образом, итак*. В доказательстве, осуществляемом с помощью дополнительных допущений, используется частица *пусть*, перформативы *предположим, допустим*, условные конструкции.

Лит.: Метс Н.А., Митрофанова О.Д., Одинцова Т.Б. Структура науч. текста и обучение монологической речи. — М., 1981; Островская А.И. Сверхфразовые единства, выражающие доказательство и умозаключение, в науч. и общественно-политической речи. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1981; Панова О.В. Рассуждение как тип речи в прагматическом аспекте (аргументация и объяснение). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Минск, 2001. (См. также лит. к статьям *Рассуждение; Функционально-смысловые типы речи*.)

Т.Б. Трошева

АРХАИЗМЫ (от греч. archaios — древний) — *устаревшие слова* (см.), значения слов, словосочетания и другие единицы языка, вытесненные по каким-либо причинам из активного употребления синонимичными единицами: ***выя*** *— шея,* ***рыбарь*** *— рыбак,* ***позор*** *— зрелище,* ***адамант*** *— алмаз, бриллиант* и т.д.

Термин А. датируется 1751 годом («Словарь русского языка века»). Точного определения этого термина до сих пор не дано.

Одни лингвисты выводят А. за рамки совр. языковой системы, относя их к категории «нереально существующих единиц данного языка» (*А.И.Смирницкий*). «Устаревшими можно считать лишь те элементы, которые находятся уже *за пределами современной нормы*» (*А. Едличка*).

Другие, наоборот, утверждают, что «архаизмы представляют собой элементы совр. языка, т.к. в другие эпохи они не могли выполнять эту функцию» (*Э.Косериу*), что «архаизм может попасть в наше поле зрения, если он еще живой» (*Ш.Балли*). «Архаизм, безусловно, входит в современную систему языка, ибо за ее пределами он неизбежно меняет свое качество» (*Е.Г.Михайлова*).

С функциональной точки зрения А. определяют как стилистически отмеченные варианты с ограниченной сферой употребления, противопоставленные совр. нейтральным эквивалентам: ***очи*** *— глаза*, ***ибо*** *— так как*, ***сей*** *— этот* и т.п.

Большинством лингвистов А. рассматриваются либо как разновидность возвышенной лексики, используемой в стихах, публиц., ораторской речи (*О.С.Ахманова, С.Д.Жордания, И.Б.Голуб, Е.Ф.Петрищева, Н.С.Кононова*), напр.: *«****Восстань****, пророк, и* ***виждь****, и* ***внемли,*** */ Исполнись волею моей / И, обходя моря и земли, /* ***Глаголом*** *жги сердца людей»* (А. Пушкин); *«Но нам священный* ***град*** *Петра / Невольным памятником будет»; «Но много* ***премудр сребролюбец*** *Лаван»* (А. Ахматова); либо как средство создания исторической стилизации в худож. текстах, обычно в историч. романах и повестях (*В.В.Виноградов, Ю.Н.Тынянов, Г.А.Мамаев* и др.). Это наиболее традиционный подход к изучению А.

Выделяют и такую стилистическую функцию А., как характеристика отрицательных явлений через представление их в комическом (ироническом, сатирическом) виде. Напр.: *«Вообще в Таганроге мода бегать с актерами. Многие недосчитываются своих жен и* ***дщерей****»* (*А.Чехов*).

Существует несколько классификаций А., как общих (*Ш.Балли, Е.В.Гулыга, П.Н.Денисов, Р.А.Попов* и др.), так и специальных, посвященных отдельным видам А.: лексическим (*М.Д.Степанова, И.И.Чернышева, А.П.Ялышева*); грамматическим (*А.Г.Ломов, В.Н.Ярцева* и др.); стилистическим (*В.Ф.Мариемпольский*) и проч.

Общепризнанной считается классификация Н.М. Шанского. Он делит А. на лексические (собственно-лексические: ***мзда*** *— плата*; лексико-словообразовательные: ***плат*** *— платок*; лексико-фонетические: ***змий*** *— змей*) и семантические (устаревшие значения каких-либо слов, в других значениях являющихся обычными словами совр. рус. языка: ***живот*** *—* в значении *жизнь* и т.п.). В качестве возможных Н.М. Шанский называет фонетические и лексико-синтаксические А.

Орфографические варианты А. в отечественной лингвистике впервые были классифицированы в работе О.С. Ахмановой (1957), где они включены в число лексических вариантов слова.

Новую классификацию А., учитывающую все уровни и системы языка, предложила Е.Г. Михайлова. Она выделяет: 1. фонетические А. (собственно фонетические, акцентные — орфоэпические, графические — орфографические); 2. морфологические А.; 3. лексико-семантические А. (собственно лексические, деривационные, собственно морфологические, семантические, устаревшие служебные слова, фразеологизмы); 4. синтаксические А. (устаревшие конструкции словосочетаний, устаревшие конструкции предложений). Одна из наиболее распространенных разновидностей — собственно лексические А.

А. классифицируют также по степени устарелости: А. полного и неполного временного цикла, сложившегося и несложившегося типа (*Ж.Марузо*); устаревшие слова первой, второй степени (*Н.М.Шанский*).

По общему мнению, механизм процесса архаизации заключается в следующем: сначала мы наблюдаем наличие в языке как равноправных вариантов (стадия «безразличного варьирования»), так и вариантов стилистических. Затем это варьирование превращается в контрастивное из-за расширения функц. сферы одного из вариантов за счет сужения сферы другого. У другого меняется его статус в языке: сокращается число употребляющих этот вариант в речи как нейтральный и растет число употребляющих его как осознаваемо устаревший. Данный вариант смещается к периферии языка, сужается круг его потенциальных контекстов. Наконец А. либо закрепляется на периферии как носитель определенного признака, либо меняет свое категориальное качество.

Как считает Е.Г. Михайлова, последний этап можно рассматривать как период «консервации» А., а не «забвения», т.к. у любого устаревшего явления есть шанс «вернуться» к жизни даже спустя много веков. Напр., в «Словаре Академии Российской» существительное ***пасека*** определяется как *старинное*, а в качестве широко употребительного варианта дано ***борт для пчел***. В совр. рус. языке, наоборот, лексема ***борт*** является устаревшей в данном значении, а существительное ***пасека*** нейтрально.

Лит.: Шанский Н.М. Устаревшие слова в лексике совр. рус. лит. языка // РЯШ. — 1954. — № 3; Его же. Лексикология совр. рус. языка. — М., 1972; Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. — М., 1956; Ахманова О.С. Очерки по общей рус. лексикологии. — М., 1957; Балли Ш. Французская стилистика. — М., 1961; Косериу Э. Синхрония, диахрония и история // НЗЛ. — Вып. 3. — М., 1963; Едличка А. О пражской теории лит. языка // ПЛК. — М., 1967; Марузо Ж. Словарь линг. терминов. — М., 1969; Гулыга Е.В. Статус грамматических архаизмов в системе языка и их миграция в процессе историч. развития // ФН. — 1971, № 2; Михайлова Е.Г. Архаизация элементов языка в процессе его развития: Дис. ... канд. филол. наук. — Киев, 1987.

О.Н. Емельянова

В

ВАРВАРИЗМЫ (от греч. barbarismos, лат. barbaris — чужеземный) — заимствованные из чужого языка слова или выражения, не до конца освоенные заимствующим языком (чаще всего в связи с трудностями грамматического освоения, т.е. с несоответствием правилам словообразования, словоизменения или сочетания слов, действующим в заимствующем языке) и поэтому воспринимаемые как чужеродные. Напр.: ***авеню*** (фр. avenus) — *широкая, обычно обсаженная деревьями улица*; ***денди*** (англ. dandy) — *щеголь, франт*; ***табльдот*** (фр. table d'hote) — *общий обеденный стол в пансионах, курортных столовых и ресторанах.* Такое иноязычное слово и выражение может употребляться в его исконной форме, т.е. в иноязычном написании. Напр.:

Никто б не мог ее прекрасной
Назвать, но с головы до ног
Никто бы в ней найти не мог
Того, что модой самовластной
В высоком лондонском кругу
Зовется ***vulgar*** *(Не могу...*
Люблю я очень это слово,
Но не могу перевести;
Оно у нас покамест ново
И вряд ли быть ему в чести...)
(А. Пушкин)

Вопреки предположению Пушкина (*вряд ли быть ему в чести*) это слово прочно вошло в русский язык и перестало быть варваризмом (прилагательное *вульгарный*). Но во времена Пушкина оно воспринималось именно как варваризм (*Оно у нас покамест ново*).

Варваризмы выполняют две функции. Во-первых, они передают некоторые необычные понятия и создают «местный колорит», характеризующий быт разных стран, народов. Напр., у Маяковского в стихотворении «Бродвей» из цикла «Стихи об Америке» встречаем следующие строки:

На север
с юга
идут ***авеню,***
на запад с востока —
стриты,

.....
Хочешь под землю —
бери ***собвей,***
на небо —
бери ***элевейтер****...*

Собвей — подземная дорога; ***элевейтер*** — воздушная железная дорога; ***авеню, стрит*** — улица.

Во-вторых, варваризмы, вернее, насыщенная ими речь, — это одно из средств для высмеивания тех, кто преклоняется перед всем иностранным. Такая речь называется *макароническ*ой и чаще всего принимает стихотворную форму (так называемые макаронические стихи). Макароническими стихами написана, напр., комическая поэма И.П. Мятлева «Сенсации и замечания г-жи Курдюковой...»:

Адью, адью*, я удаляюсь,*
Люан де ву *я буду жить,*
Мэ сепандан *я постараюсь*
Эн сувенир де ву *хранить...*

Адью, адью — прощайте, ***Люан де ву*** — вдали от вас, ***Мэ сепандан*** — однако же, ***Эн сувенир де ву*** — воспоминания о вас.

Как правило, варваризмы вводятся в текст все-таки в усвоенном рус. фонетикой и морфологией виде: *По утрам она распевалась, и вся квартира наизусть выучила ее вокальные* ***экзерсисы*** (*М. Плисецкая*).

«По мере повторяемости варваризмы усваиваются языком и перестают быть *стилистическими варваризмами*, превращаясь в слова иностранного происхождения, заимствованные в различные эпохи культурных отношений у других народов» (*Б.В. Томашевский*).

В зависимости от языка, из которого заимствуются варваризмы, они делятся на галлицизмы (франц. происхождения), германизмы (нем. происхождения), полонизмы (польск. происхождения), англицизмы (англ. происхождения), американизмы (амер. происхождения) и др.

Наиболее распространены иноязычные слова и обороты, представляющие собой клише, идиоматические выражения: ***happy end*** — *счастливый конец* (англ.), ***c'est la vie*** — *такова жизнь* (франц.), ***chercher la famme*** — *ищите женщину* (франц.), ***a la guerre comme a la guerre*** — *на войне как на войне* (франц.) и др. — графика языка источника;

шерше ля фам — *ищите женщину* (франц.), ***уик энд*** — *выходные в конце недели* (англ.), ***ва банк*** — *идти на риск, рисковать всем* (франц.) и т.п. — графика рус. языка.

Периодически возникает протест против «варваризации» рус. языка и стремление заменить лексические новообразования иноязычного происхождения русицизмами. Особенно следует отметить в связи с этим деятельность В.И. Даля, автора «Словаря живого великорусского языка», А.С. Шишкова, возглавлявшего «Беседу любителей русского слова», а также А.И. Солженицына, составившего «Русский словарь языкового расширения».

Лит.: Лотте Д.С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминоэлементов. — М., 1982; Филимонова Е.Н. Иноязычные лексические элементы в переводном тексте (на материале русских переводов с корейского): Дис. ... канд. филол. наук. — М., 1999; Томашевский Б.В. Варваризмы // Теория литературы. Поэтика. — М., 2001.

О.Н. Емельянова

ВЗАИМООТНОШЕНИЕ СТИЛИСТИКИ И СМЕЖНЫХ ДИСЦИПЛИН. Во второй половине XX в. намечается смена парадигмы гуманитарных наук (*Т. Кун*) — процесс, пик которого в разных отраслях относится к 60-м и 70—80-м гг. В русской и чехословацкой (Пражский лингвистический кружок) традиции начало его связано с идеями И.А. Бодуэна де Куртенэ, Л.С. Выготского, Л.В. Щербы, а также С.И. Карцевского, Н.С. Трубецкого и других ученых, обратившихся к проблемам речевой деятельности, активной грамматики и функциям языка в процессах общения. В американистике — с провозглашением слова и его значения как действия и изучением языка в контексте социальной ситуации (*Л. Витгенштейн*), с исследованием когнитивных процессов комплексными методами и отходом от бихевиоризма (*Дж. Миллер и др.*), а также с развитием прагматики и теории речевых актов (*Ч.У. Моррис, Дж. Остин*, *Дж. Серл, Х. Грайс и др.*). В связи с этим расширяется сфера изучения языка: наблюдается постепенный выход исследовательских аспектов за пределы строя языка и его единиц, обращение к вопросам его использования человеком в разных областях и ситуациях общения, психологическим, когнитивным, социокультурным основам речевой деятельности. Многообразие исследовательских задач при изучении языка-речи как сложного феномена стимулировало появление целого ряда различных науч. дисциплин и направлений, изучающих разные стороны общего объекта. Дифференциация науч. знаний сопровождается интегративными процессами, обусловленными общностью объекта исследования. Все это приводит к тому, что, напр., когнитивная наука, «занимающаяся человеческим разумом и мышлением и теми ментальными (психическими, мыслительными) процессами и состояниями, которые с ними связаны» (*Кубрякова*, с. 58), предмет которой — когниция, т.е. познание, мышление, размышление, которые можно исследовать, изучая «процесс обработки информации» (там же), по существу представляет не одну, а комплекс наук обширной области исследований. Поэтому в данном случае используется термин во мн. числе (когнитивные науки) и метафорическое наименование — «зонтиковая» наука. Поскольку в ней изучаются разные аспекты когниции — знание, познание, информация, человеческий мозг, сознание, разум, постольку они могут быть исследованы лишь в результате междисциплинарного подхода, весьма характерного для современных гуманитарных отраслей знания, в том числе лингвистики, включая стилистику.

Формирование стилистики в качестве самостоятельной дисциплины, начавшееся под влиянием трудов В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, Б. Гавранка, В. Мукаржовского, К. Гаузенбласа и др., завершается в

60-х гг. оформлением особого направления — функц. стилистики, ставшей центральной в комплексе наук (направлений) о стиле, а позже — в 70—80-х гг. — стилистики текста как ее ответвления. Процесс этот, стимулированный обращением к изучению употребления языка, функционирования его в разных сферах и ситуациях человеческой деятельности и речевого общения, связан с расширением объекта исследования: не только строя (системы) языка, но и речи (ср.: «Язык есть только тогда, когда он употребляется» — *Г.О. Винокур*). Это, естественно, выразилось в образовании нескольких направлений стилистической науки, изучающих разные стороны единого сложного объекта. Еще Ф. де Соссюр говорил о том, что изучение речи потребует чрезвычайной многоаспектности ее исследования, обусловливаемой самой природой этого феномена. Функциональная, речеведческая направленность стилистики 2-й пол. XX в. потребовала обращения к изучению экстралингвистических стилеобразующих факторов (гносеологических, психологических, социокультурных и др. — см. *Функц. стилистика, Экстралингвистические факторы*) в качестве базовых детерминантов стилевого расслоения языка и специфики *функц. стилей* (см.). Тем самым функц. стилистика оказалась тесно связана с другими гуманитарными отраслями знания, без учета данных каждой из которых невозможно объяснить многие стилистические явления. И это потому, что сама «специфика стилевой области языка предполагает необходимость выхода за рамки лингвистики и заимствования понятий и терминов смежных наук» (*Лузина,* 1989, с. 72). Таким образом, сложность объекта стилистики, переориентация ее исследований от изучения строя языка (стилистически маркированных единиц) к речи (употреблению языка в разных сферах) способствовали изменению парадигмы лингвистических исследований — от строевой к функционально-коммуникативной.

Этот процесс в функц. стилистике обозначился раньше многих других направлений русистики; тем самым функц. стилистика оказалась приоритетной в ходе изменения парадигмы языкознания, кроме того, тесно связанной с рядом новых и других смежных гуманитарных наук 2-й пол. XX в. (прагматикой, коммуникативной лингвистикой, психолингвистикой как теорией речевой деятельности, лингвистикой текста, герменевтикой, интерпретацией текста, когнитивными науками и др.), что и определило необходимость указанного междисциплинарного подхода в стилистических исследованиях. Об этой роли стилистики в развитии русистики говорили многие ученые (*И.Р. Гальперин, М.Н. Кожина, Л.Г. Лузина, В.Н. Телия, Д.Н. Шмелев и др.*), напр.: «именно стилистика начала расшатывать основы структурной лингвистики, заставляя исследователей включать в сферу своих наблюдений живые формы языка, не укладывающиеся в строгие рамки формализованных процедур. Начался пересмотр канонов лингвистического анализа» (*Гальперин,* 1980, с. 9); «Многое из того, что... изучалось в стилистике, в последние десятилетия было успешно исследовано также в таких смежных с “собственно лингвистикой” отраслях знания, как психолингвистика, социолингвистика, прагматика» (*Шмелев,* 1989, с. 6); «Стилистика была единственным

разделом языкознания, «узаконившим» обращение к внеязыковой действительности, процессам коммуникации и ее участникам» (*Лузина*, 1989, с. 9); «именно в работах по функциональной стилистике были созданы теоретические предпосылки для коммуникативного подхода к проблемам стиля» (*Трошина,* 1989, с. 135).

Взаимосвязь стилистики с другими лингвистическими дисциплинами (грамматикой, лексикологией, риторикой, культурой речи) обусловлена, кроме сказанного, также фактом изначального вхождения стилистики в комплекс наук о языке-речи (ср. «тривий» античной гуманитарной науки); ср. также: «Прагматика охватила многие проблемы, имеющие длительную историю в рамках риторики и стилистики... типологии речи и речевой деятельности, теории коммуникации и функциональных стилей... с которыми П. имеет обширные области пересечения исследовательских интересов» (*Арутюнова,* 1990, с. 390).

Таким образом, если ученые в последние десятилетия все чаще говорят о важности для лингвистики интердисциплинарных исследований (*В.Г. Колшанский, Ю.Н. Караулов, В.В. Петров, Т.А. ван Дейк, Ст. Гайда* и др.), то для стилистики это положение самоочевидно и реализуется начиная с 60-х гг. При этом весьма значимыми оказываются экстралингвистические стилеобразующие факторы, фокусируемые в речевой деятельности человека и его социокультурной среде. Междисциплинарный подход в области функц. стилистики (включая стилистику текста) закономерен и предполагает соответствующий принцип анализа объекта. Если справедливо утверждение, что «разум — настолько сложный объект познания, что *изучение его не может быть ограничено рамками одной дисциплины...*» (*Кубрякова,* 1996, с. 58—59), то это относится и к изучению стилистики речи как весьма сложному объекту, познание которого возможно только в комплексе наук.

Стилистика, реализуя связь с другими лингвистическими дисциплинами (и соответственно уровнями языковой системы), в то же время существенно, принципиально отличается от этих дисциплин тем, что «изучает язык по всему разрезу языка» (*Г.О. Винокур*), поскольку стиль не представляет собою особого уровня языковой системы, а свойствен единицам каждого уровня и — главное — речевой организации высказывания (текста). При этом, по Г.О. Винокуру, о с о б ы й а с п е к т и с с л е д о в а н и я и составляет п р е д м е т изучения стилистики. Таким образом, будучи тесно связана с другими лингвистическими науками и пересекаясь с ними (ср. стилистику и лингвистику текста — ЛТ, культуру речи), а также используя данные других гуманитарных наук в качестве экстралингвистических основ стиля и объяснения стилеобразования, стилистика в то же время имеет с в о й, о с о б ы й предмет исследования (см. *Стиль*; *Стилистика*; *Функц. стиль*; *Направления стилистики*). Для многих современных новейших гуманитарных наук характерна нечеткость их определения, «размытость границ», взаимопересечение аспектов исследования (ср., напр., утверждения: «лингвопрагматика не имеет четких контуров» — *Арутюнова,* 1990, с. 389; «дискуссионным яв-

ляется вопрос о границах лингвистики текста — *Николаева,* 1990, с. 268). Это свойственно и стилистике. Данное явление обнаруживается при сопоставлении предмета, задач и направлений ее исследования с другими смежными дисциплинами.

Наиболее тесно стилистика соприкасается и пересекается с *культурой речи* (см.) и *риторикой* (см.). Так, при сопоставлении стилистики и культуры речи у них обнаруживаются как различные, так и общие, близкие аспекты исследования. К первым относятся проблемы нормы как правильности речи (на всех уровнях языковой системы), а также кодификации литературного языка. Однако помимо этого аспекта, К. р. включает и другой: «...высокая культура речи заключается не только в следовании норме», но и «в умении найти... точное средство... и наиболее уместное (т.е. самое подходящее для данного случая) и, следовательно, стилистически оправданное» (*Ожегов,* с. 287—288. — Разрядка наша. — *М.К.*). В последнем случае налицо объединение аспектов рассматриваемых дисциплин. Если вопросы правильности, чистоты, уместности использования языковых средств — это типичные вопросы К. р., то аспекты выразительности речи, соответствия специфике того или иного стиля — это уже прерогатива стилистики. Напр., логичность, точность и др. признаки речи К. р. рассматривает как коммуникативные качества, обеспечивающие эффективность общения, а стилистика — как стилевые черты, по-разному выступающие в различных функц. стилях. Обычно говорят о двух ступенях (этапах) овладения речевой культурой, или, по терминологии О.Б. Сиротининой, о разных *типах речевой культуры* (см.), среди которых высший, элитарный, тип предполагает владение стилистическими и стилевыми нормами речи. Здесь опять налицо «общее звено» у рассматриваемых дисциплин (с той лишь разницей, что стилистика изучает и описывает существующие в языке-речи закономерности употребления языка и речевую организацию разных типов текста и их стилевую специфику, обусловленные экстралингвистическими факторами, а К. р. предполагает прежде всего само владение этими нормами, помимо того что К. р. — раздел языкознания о языковых нормах и нормализации).

Формирование К. р. как особой лингвистической дисциплины шло параллельно со становлением стилистики и активизацией коммуникативно-функционального подхода в лингвистике (утверждению которого способствовали труды В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, В.Г. Костомарова, Л.И. Скворцова, Е.Н. Ширяева и др.). В современной лингвистике представлено широкое понимание К. р., смыкающееся со стилистикой. При этом следует помнить, что еще В.В. Виноградов в свое время определил взаимоотношение этих дисциплин: стилистика, по его мнению, «является своего рода вершиной исследования языка, теоретической основой развития национальной речевой культуры».

Риторика не имеет однозначного определения в современной филологии, однако наиболее общепринятым является ее понимание как теории и практического мастерства воздействующей, убеждающей, це-

лесообразной речи и тем самым эффективной, достигающей целей общения. Риторика и стилистика уходят своими корнями в глубь веков и тысячелетий. Истоки их видятся еще в древнеиндийских учениях о языке, стиле, поэтике и достигают расцвета во множестве трудов античности — Древней Греции и Рима. Для этого времени характерен синкретизм риторики, от которой позднее отпочковываются другие гуманитарные науки — логика, философия, поэтика, словесность, стилистика. Однако с середины XX в., в связи с ренессансом риторики и оформлением неориторики, последней свойственна заметная синтетичность.

Иногда говорят о поглощении стилистики риторикой (об их слиянии); но в действительности при общности этих дисциплин, объединенных таким подходом к языку, когда последний анализируется как деятельность и при этом выясняются закономерности использования языковых средств для реализации коммуникативных задач речевого общения, обнаруживаются и их различия. Имея определенное «поле совмещения» со стилистикой, риторика по своему предмету и задачам выходит за пределы этого поля. Так, со времен античности ее интересуют не только вопросы языкового оформления речи (elocutio, обычно по традиции связываемые со стилистикой), но и сам выбор актуальной темы ораторского выступления, логика построения речи, доказательность положений (важнейшей из пяти частей риторики считалась, по Аристотелю, часть «изобретение мыслей»). Кроме того, в компетенцию риторики входили и входят вопросы этики, морали и нравственности и, наконец, поведения оратора (ср. рекомендации и умения найти удачный момент для выступления, учет выигрышного для оратора порядка выступлений, организации дебатирования), не говоря уж о внимании к личности и внешнему виду ритора, его умению пользоваться жестами, мимикой, интонацией и т.п. К тому же современная неориторика рассматривается иногда как искусство управления — в рамках единого концепта завоевания власти; кроме того, как интегрирующая методологическая дисциплина о речи и общении вообще. Все эти аспекты выходят за рамки компетенции стилистики, которая, в свою очередь (если иметь в виду функц. стилистику), изучает собственно закономерности функционирования языка в разных сферах общения, фиксируемые в типах текстов, их речевую системность и стилевую специфику. В данном случае у стилистики имеет место *типологический* подход к объекту и более обобщенный, высокий уровень абстракции при анализе изучаемых явлений, тогда как риторику интересуют *конкретные* тексты в *конкретных* ситуациях общения. Отсюда неодинаковым у этих дисциплин оказывается и круг актуальных для них основных экстралингвистических факторов.

Хотя вопросы выразительности и коммуникативной эффективности речи, а отсюда и системы языковых средств достижения этих качеств являются общими для сопоставляемых наук, но их близость почти этим и ограничивается. При этом у риторически правильной речи доминантными признаками следует признать ее *убеждающий* характер, *воздействующую направленность*, *результативность* (эф-

фективность) общения, т.е. ярко выраженный прагматический аспект (ср.: «Неориторика родственна лингвистической прагматике» — *Михальская,* 1998, с. 204).

По определению Ю.А. Бельчикова, «современная риторика — наука, изучающая разнообразные формы языкового воздействия на слушателей (с учетом жестов и мимики) в целях преимущественно политической агитации, научно-просветительской популяризации, учитывающая при этом особенности аудитории» (2000, с. 48). Таким образом, предмет риторики не только (и не столько) собственно речь, ее стилистика («искусность» речи), которая является лишь средством, сколько речевое общение и поведение, которое вместе с невербальными формами направлено на оптимизацию общения. Итак, общие задачи риторики и стилистики близки друг другу, «...проблемы их взаимно переплетаются. А для системы правил и рекомендаций относительно способов использования языковых единиц, сложившихся в риторике, стилистика служит серьезной теоретической базой» (*Бельчиков,* 2000, с. 49. — Разрядка наша. — *М.К.*). О соотношении стилистики и риторики, как и других смежных дисциплин, см. в работах Ю.А. Бельчикова, М.Н. Кожиной (Очерки..., 1996; 2000), Л.Г. Лузиной (1989), Ю.В. Рождественского (1999), О.Б. Сиротининой (1998), И.А. Стернина (1993), Н.И. Формановской (1998), Т.В. Шмелевой (1997) и др.

О соотношении стилистики текста и лингвистики текста см. в ст. *Стилистика текста.*

Стилистика тесно взаимодействует с прагмалингвистикой, исследующей аспект «отношения знаков к их пользователям» (*Моррис*), изучающей вопросы речевого общения и поведения говорящих (взаимоотношения адресанта и адресата) в различных ситуациях общения для достижения определенных целей; в связи с этим — проблемы средств воздействия на адресата, типы речевого реагирования на стимул, вопросы успешности речевых актов, интерпретации, а также форм речевого общения (диалог, беседа, спор), перформативных высказываний (типа *клянусь*), социально-этикетной стороны речи и др. Многие из этих вопросов актуальны и для стилистики, как и для риторики, хотя каждая из сопоставляемых дисциплин рассматривает их под своим углом зрения. Тем не менее в последнее время наметились процесс интеграции стилистики и прагматики и формирование особого направления исследований — прагмастилистики. В частности, Ю. Степанов отмечает, что, в связи с активизацией изучения в лингвистике аспекта «использования языка говорящими в разных ситуациях, предпосылок успешного совершения речевых актов и т.п., эти вопросы включаются в сферу языковой прагматики, и, следовательно, можно говорить о прагматической С.» (*Ю. Степанов*, ЛЭС, 1990, с. 493). И это не случайно, так как, по словам Э.С. Азнауровой, «наиболее близок к лингвопрагматическому функционально-стилистический аспект», включая проблемы целей коммуникации и ситуации общения, принципов отбора и сочетания языковых средств в рамках определенного функц. стиля и др. (*Азнаурова*, 1988, с. 18—19). Одна-

ко проблемы выбора и целей коммуникации «акцентируются этими дисциплинами с разных сторон». Так, стилистику интересует, по мнению автора, прежде всего то, **как** организуется высказывание, а для лингвопрагматики это не основной вопрос (Там же. С. 19).

В последнее время, особенно при изучении науч. стиля речи, науч. текстов, наметилась активизация связи аспекта стилевой организации и специфики данного функц. стиля (его речевой системности) с изучением, с одной стороны, речевых жанров как феноменов речевого диалогического общения (в аспекте концепции М.М. Бахтина), с другой — речевых действий, основанных на реализации ментальных коммуникативно-познавательных процессов (*Н.К. Рябцева, В.А. Салимовский и др.*), в чем обнаруживается связь с аспектами когнитологии, когнитивных наук. Без учета данных этих наук выявление специфики науч. стиля, его речевой организации, обусловленной соответствующими экстралингвистическими факторами, было бы неполным, поверхностным.

Исследовательские области пересечения и совмещения наблюдаются у стилистики с психолингвистикой, изучающей процессы речеобразования и восприятия речи (*А.А. Леонтьев, Е.Ф. Тарасов, Ю.А. Сорокин и др.*), а также с социолингвистикой, развивающейся на стыке языкознания и социологии (*А.Д. Швейцер, Ю.Д. Дешериев, Л.П. Крысин и др.*), занимающейся не только вопросами социальной дифференциации языка, билингвизма, языковой политики, но и вопросами механизмов воздействия социальных факторов на язык-речь, социальных ролей говорящих — проблемами, пересекающимися со стилистикой. То же можно сказать и о взаимодействии стилистики с лингвосоциопсихологией, изучающей текстовую деятельность и «текст как единицу общения и образ деятельности» (*Т.М. Дридзе*), из которых, кстати, можно получить знания о коммуникативно-познавательном процессе, значимые для изучения специфики функц. стилей, в частности, экстралингвистических стилеобразующих факторов последних.

Существенны связи стилистики и с нелингвистическими дисциплинами (психологией, социологией, гносеологией, логикой), а также общефилологическими (поэтикой, словесностью) и такими лингвистическими, как паралингвистика, теория и практика речевого этикета, лингвострановедение (культуроведение), иначе говоря, с комплексом дисциплин, изучающих речь, т.е. речеведческих (см. *Речеве́дение*). Н.И. Формановская объединяет их в общее понятие «лингвистической теории общения» (1998).

В целом можно говорить о существовании ряда аспектов и проблем, являющихся общими у нескольких смежных гуманитарных дисциплин (хотя и различающихся подходами к их рассмотрению). Так, сама проблема **употребления, функционирования** языка как ключевая для всех указанных наук рассматривается в разных планах, например, в функц. стилистике (см. *ФССК* как *текстовые категории*) и функц. грамматике; **текст** как единица речи и общения, являясь общим объектом исследования, анализируется в названных дисциплинах с разных позиций. С этим

связана и **проблема** основных, наиболее приоритетных (значимых) **экстралингвистических факторов** (сферы деятельности и общения, типы мышления, социальные ситуации общения, социальные роли и жанры общения и др.), в той или иной мере исследуемых или учитываемых во всех указанных дисциплинах.

Почти всеобщей для стилистики и смежных отраслей знания является проблема **эффективности** речи, а также вопросы интерпретации текста (и здесь связь с герменевтикой), а также — **воздействия** адресанта на адресата и их **взаимодействия**. Конечно, при этом подходы, методы анализа и аспекты рассмотрения указанных проблем и феноменов в определенной степени различаются, поскольку при общем объекте исследования и частичном совмещении и пересечении аспектов его изучения все же каждая из названных дисциплин имеет свой предмет исследования. См. также *Речеве́дение* (о «зонтиковом» принципе).

Лит.: Винокур Г.О. О задачах истории языка. Избранные работы по русскому языку. — М., 1959; Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. — М., 1963; Виноградов В.В., Костомаров В.Г. Теория советского языкознания и практика обучения русскому языку иностранцев. — ВЯ. — 1967. — № 2; Лузина Л.Г. Введение. Категория стиля и проблемы стилистики в современном языкознании // Проблемы современной стилистики, ИНИОН. — М., 1989; Арутюнова Н.Д. Прагматика // ЛЭС. — М., 1990; Степанов Ю.С. Стилистика // ЛЭС. — М., 1990; Борисова И.Н., Купина Н.А., Матвеева Т.В. Основы стилистики, культуры речи и риторики. — Екатеринбург, 1995; Кожина М.Н. Соотношение стилистики текста со смежными дисциплинами // Очерки истории русского литературного языка XVIII—XX вв. Т. II. Стилистика научного текста (общие параметры). — Пермь, 1996; Ее же: Речеведческий аспект теории языка, «Stylistyka-VII». — Opole, 1998; Ее же: Предмет риторики в парадигме речеведческих дисциплин (взгляд со стороны стилистики) // Стереотипность и творчество в тексте. — Пермь, 2000; Шмелева Т.В. Речеведение: в поисках теории, «Stylistyka-VI». — Opole, 1997; Сиротинина О.Б. Риторика как составляющая системы наук об общении // Предмет риторики и проблемы ее преподавания. Материалы Первой Всероссийской конф. по риторике. — М., 1998; Формановская Н.И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. — М., 1998; Ее же: Соотношение риторики и речеведческих дисциплин // Риторика в современном образовании. Тезисы докладов 3-й Международной конф. по риторике. — М., 1999; Бельчиков Ю.А. Стилистика и культура речи. — М., 2000; Болотнова Н.С. Филологический анализ текста. Ч. 1. — Томск, 2001.

Пражский лингвистический кружок. — М., 1967; Ожегов С.И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. — М., 1974; Дридзе Т.М. Язык и социальная психология. — М., 1980; Скворцов Л.И. Теоретические основы культуры речи. — М., 1980; Гальперин И.Р. Проблемы лингвостилистики // НЗЛ, вып. IX. — М., 1980; Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика. — М., 1983; Витгенштейн Л. Философские исследования // НЗЛ., в. XVI. — М., 1985; Азнаурова Э.С. Прагматика художественного слова. — Ташкент, 1988; Котюрова М.П. Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста. — Красноярск, 1988; Караулов Ю.Н., Петров В.В. Вступительная статья // Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. — М., 1989; Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. — М., 1989; Трошина Н.Н. Соот-

ношение стилистики и лингвистики текста // Проблемы современной стилистики, ИНИОН. — М., 1989; Леонтьев А.А. Психолингвистика // ЛЭС. — М., 1990; Николаева Т.М. Лингвистика текста // ЛЭС. — М., 1990; Швейцер А.Д. Проблемы контрастивной стилистики (к сопоставительному анализу функциональных стилей). — ВЯ. — 1991. — № 4; Ширяев Е.Н. Что такое культура речи // Русская речь. — М., 1991. — №№ 4—5; Рябцева Н.К. Мысль как действие, или риторика рассуждения // Логический анализ языка. Модели действия. — М., 1992; Кубрякова Е.С. Когнитивная наука / Когнитивные науки // КСКТ. — М., 1996; Баранов А.Г. Функц.-прагматич. концепция текста. — Ростов н/Д., 1993; Стернин Н.А. Практическая риторика. — Воронеж, 1993; Рождественский Ю.В. Теория риторики. — М., 1997; Михальская А.К. Риторика // Педагогическое речеведение: Словарь-справочник. — М., 1998; Салимовский В.А. Речевые жанры научного эмпирического текста // Текст: стереотип и творчество. — Пермь, 1998; Его же: Речевые жанры научного эмпирического текста (статья вторая) // Стереотипность и творчество в тексте. — Пермь, 1999; Сиротинина О.Б., Гольдин В.Е. Речевая коммуникация и ее изучение // Проблемы речевой коммуникации. — Саратов: СГУ, 2000.

М.Н. Кожина

ВНЕЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЕКСИКА — это слова и словосочетания, а также их отдельные значения, находящиеся за пределами лит. языка.

К ним относятся диалектизмы, вульгаризмы, жаргонизмы и арготизмы, просторечия и под.

Все эти единицы языка время от времени пополняют его литературную часть как носители экспрессивных, эмоционально-оценочных значений.

Но и находясь за пределами лит. языка, они активно используются создателями текстов, в том числе худож. и публиц. в качестве стилистических средств.

I. Диалектизмы — слова или словосочетания, принадлежащие какому-либо диалекту и употребляемые в лит. языке со стилистическими целями: создания местного колорита, речевой характеристики персонажей и под. Напр.: *Все вечера, а то и ночи сидят [ребята] у* ***огончиков****, говоря по-местному, да пекут* ***опалихи****, то есть картошку* (*Ф. Абрамов*).

Умело введенные диалектизмы являются сильным средством речевой экспрессии.

Злоупотребление диалектными словами и оборотами приводит к засорению языка и затемнению смысла текста. Поэтому при использовании диалектизмов, особенно в публиц. тексте, следует проявлять большую осторожность.

II. Просторечная лексика — слова, выражения, формы словообразования и словоизменения, не входящие в литературный язык, характеризующиеся оттенком упрощения, сниженности, грубоватости, часто используемые в лит. произведениях и разг. речи как экспрессивные элементы. Напр.: *башка, дохлятина, нахрапистый, давеча, завсегда, отродясь, напополам, инженерá, шоферá, мóлодежь, средствá, хозяевá, транвай, колидор, чулков, носок, туфлей.*

Просторечие как разновидность национального языка находится как бы между лит. языком и диалектом. Чаще к просторечию относят ненормированную речь городских низов, на которую оказывают большое влияние, с одной стороны, диалекты, с другой — жаргоны. В этом случае говорят о городском просторечии: *Как я есть приехадши из города, так нельзя ли собрание собрать?* (*М. Зощенко*).

III. Вульгаризмы. Разновидностью просторечной лексики являются вульгаризмы, бранные слова, фамильярная лексика. Вульгаризмы (от лат. vulgaris — простой, обыкновенный) — грубые просторечные слова и выражения, встречающиеся в живой разговорной речи, текстах СМИ, литературе, публицистике и т.д.

Напр.:

Нами
лирика
в штыки
неоднократно атакована,
Ищем речи
точной
и нагой.
Но поэзия —
***пресволочнейшая** штуковина,*
Существует —
и ни в зуб ногой.
(В. Маяковский)

К любым
чертям с матерями
катись
Любая бумажка...
(В. Маяковский)

Вульгаризмы очень близки к *жаргонизмам* (см.) прежде всего своей резкой оценочностью, экспрессивностью. Как правило, это стилистически сниженные синонимы слов и выражений лит. языка. Ср.: *лицо — **харя, морда, рожа, рыло***; *кушать — **жрать, лопать, трескать***; *плохой человек — **сволочь, скотина, гад, подлец*** и т.д.

Яркая экспрессивность и оценочность В. приводят к их широкому употреблению в текстах разных стилей речи для выражения разнообразных эмоций — от восхищения до негодования. Напр.: *Хмурое **мурло** мещанина высовывается во все щели. И все, что это **мурло** заглатывает, оно заглатывает, не нарушая ни одного пунктика кодекса* (*Л. Лиходеев*); *Вы должны научиться «**жрать**» знания. Я всегда в таких случаях вспоминаю Шаляпина. Как-то на вечеринке сидел я с Мамонтовым, и мы издали наблюдали молодого Шаляпина, находившегося в кругу больших мастеров. Там были Репин, Серов и др. Он слушал их с жадностью, стараясь не проронить ни единого слова. Мамонтов толкнул меня и сказал: «Смотри, Костя, как он **жрет** знания»* (*К. Станиславский*).

В худож. текстах В. используются, как правило, в речи персонажей как характерологическое средство. Напр.: *А вчерась мне была выволочка.*

*Хозяин выволок меня за волосы на двор и **отчесал** шпандырем за то, что я качал ихнего ребятенка в люльке и по нечаянности заснул. А на неделе хозяйка велела мне почистить селедку и ейной **мордой** начала меня в **харю** тыкать. <...> А еды нету никакой. Утром дают хлеба, в обед каши и к вечеру тоже хлеба, а чтоб чаю или щей, то хозяева сами **трескают*** (А. Чехов).

В. используются и как элементы *языковой игры* (см.), для выражения *иронии* (см.)., *сарказма* (см.) и тому под. Напр.: ***Дураково** дело не богато; Тише едешь — шире **морда**; Для меня праздник — что для лошади свадьба: **морда** в цветах, а **зад** в мыле; В своем кругу даже **круглый дурак** на месте;*

«Скажи, что нового». — Ни слова.
«Не знаешь ли, где, как и кто?»
*— О братец, **отвяжись** — я знаю только то,*
*Что ты **дурак**... но это уж не ново.*
(А. Пушкин)

*В этом мире неверном не будь **дураком**:*
Полагаться не вздумай на тех, кто кругом,
Трезвым оком взгляни на ближайшего друга —
Друг, возможно, окажется злейшим врагом.
(Омар Хайям)

Употребление В. вне стилистических целей является нарушением речевого этикета, норм лит. языка и показателем низкой общей культуры говорящего.

IV. Жаргонизмы (от франц. jargon) — слова и обороты, входящие в состав какого-либо жаргона и при этом широко используемые за его пределами, в общей речи. Напр.: ***фэн*** (поклонник), ***шнурки*** (родители), ***путана*** (проститутка), ***видак*** (видеомагнитофон) и т.д.

Ж., теряя связь с источником (жаргоном), переходят в общенародный язык и воспринимаются как разговорные или просторечные слова: ***наезжать*** (преследовать), ***клёвый*** (хороший), ***кемарить*** (дремать) и т.д.

Ж. всегда экспрессивны или оценочны: «в жаргонном слове содержится значение не только литературного эквивалента, но и еще нечто — социальный довесок, поэтому у жаргонизмов более богатая семантика <...>, чем у их обыкновенных, а потому и пустых в известном отношении, эквивалентов «нормального языка» (*Е.Д. Поливанов*).

Как правило, Ж. являются стилистическими дублетами литературных слов, т.е. их *синонимами* (см.).

Источниками Ж. являются: заимствования из других языков (***чувак*** — из цыганск., ***атас*** — из франц., ***мани*** — из англ.); переосмысление слов литературного языка (***рвать когти, делать ноги*** — *быстро убегать*); новообразования (***междусобойчик*** — *дружеское неофициальное общение*); усечение (***препод*** — *преподаватель*, ***физичка, химичка, математичка*** и под.), аббревиация (***комок*** — *коммерческий ларек*), суффиксация, конверсия, метонимия и многие другие способы.

Ж., как правило, делают речь вульгарной, блатной, грубой.

V. Арготизмы (от франц. argot — жаргон) — слова и обороты, входящие в состав какого-либо арго (условная речь относительно замкнутой

социальной группы или сообщества, нередко с элементами «тайности»: театральное, спортивное, воровское, картежное, армейское и др. виды арго) и при этом широко используемые в общей речи.

Как правило, арготизмы теряют связь с корпоративным источником (арго) и первоначальной средой обитания, но сохраняют яркую экспрессивную окраску: ***тусовка*** (*встреча, вечеринка «своих»*); ***на халяву*** (*даром*); *стоять* ***на стрёме*** (*следить*), ***шмотки*** (*вещи*) и др.

Основной группой арготизмов являются общенародные слова с особым специфическим значением: ***загорать*** (*простаивать*); ***хвост*** (*несданный экзамен*); ***в натуре*** (*правильно*) и др.

Многие из арготизмов, потерявших связь с арго, воспринимаются как разговорные или просторечные слова: ***смыться*** (*уйти*); ***тарахтеть*** (*говорить без толку*); ***втирать очки*** (*лгать*); ***липовый*** (*фальшивый*) и др.

В худож. или публиц. тексте арготизмы используются как стилистическое средство, прежде всего для речевой характеристики персонажей, реалистического изображения соответствующей описываемой обстановки, быта.

М.М. Бахтин в работе «Слово в романе» (1934—1935) писал: «Роман — это художественно организованное социальное разноречие, иногда разноязычие, и индивидуальная разноголосица. Внутренняя расслоенность единого национального языка на социальные диалекты, групповые манеры, профессиональные жаргоны, жанровые языки, языки поколений и возрастов, языки направлений, языки авторитетов, языки кружков и мимолетных мод, языки социально-политических дней и даже часов (у каждого дня свой лозунг, свой словарь, свои акценты), — эта внутренняя расслоенность каждого языка в каждый момент его исторического существования — необходимая предпосылка романного жанра».

Вне этих функций арготизмы засоряют речь говорящих, делают ее вульгарной, блатной и т.п.

В последние десятилетия, как отмечают исследователи, в литературу и общенародный язык «мощным потоком хлынула <...> арго-тюремная лексика. Некогда зашифрованный язык блатных — *феня*, созданный для общения воровской касты, теряет свою функцию тайноречия и становится общедоступным: *баксы* (доллары), *лимон* (миллион), *кайф* (наслаждение, удовольствие) и многие другие слова вытесняют свои книжные варианты» (*О.А. Клинг*).

Лит.: Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. — М., 1972; Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. — М., 1975; Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. — М., 1977; Калинин А.В. Лексика русского языка. — М., 1978; Лихачев Д.С. Черты первобытного примитивизма воровской речи // Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы). — М., 1992; Елистратов В.С. Словарь московского арго. — М., 1994; Скворцов Л.И. Арго // Русский язык: Энциклопедия. — М., 1997; Шахнарович А.М. Арго // Языкознание: Большой энциклопедический словарь. — М., 1998; Клинг О.А. Словарь поэтический // Введение в литературоведение. — М., 1999; Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. — М., 2001.

О.Н. Емельянова

ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ РЕЧИ — понятие, объясняемое в специальной литературе по-разному, например: синоним экспрессивности речи (*Ахманова О.С.,* 1966, с. 94; *Матвеева Т.В.,* 1986, с. 88); «такие особенности ее структуры, которые поддерживают внимание и интерес у слушателя или читателя» (*Головин Б.Н.*, 1988, с. 182); «свойство речи обращать на себя внимание и запоминаться» (*Хазагеров Г.Г., Корнилова Е.Е.,* 2001, с. 126); «способность текста привлекать внимание своей речевой организацией» (*Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.,* 1999, с. 215); «способность... речи «хорошо», «ярко» выразить что-нибудь, тем самым привлечь внимание собеседника и удерживать его на всем протяжении этой речи» (*Пекарская И.В.,* 2001, с. 12); «коммуникативное качество речи», которое «характеризует эффективность коммуникативно-целесообразного проявления индивидуальности автора речи с помощью различных речевых средств» (*Савова М.Р.,* 1998, с. 29); «приемы использования языка для достижения конечной цели — убедить, доказать» (*Солганик Г.Я.,* 1973, с. 38) и т.д.

В принятой нами системе терминов элокуции выразительность речи (высказывания, части текста или текста в целом) определяется как совокупность таких качеств (прежде всего — *точности* (см.), *логичности* (см.), *ясности* (см.), *экспрессивности* (см.)), которые обеспечивают ее полноценное (максимально приближенное к пониманию передаваемой информации) восприятие адресатом.

Качества речи, обусловливающие ее В., обладают неодинаковой степенью релевантности (значимости) и отчасти разными средствами выражения в функциональных разновидностях языка. Так, в оф.-дел. речи точность, не допускающая инотолкования, «проявляется прежде всего в употреблении специальной терминологии, в однозначности и безóбразности нетерминологической лексики» (*Кожина М.Н.*, 1993, с. 179). А точность в речи художественной означает соответствие языковых средств эстетической задаче создания образа, т.е. их мотивированность худож. контекстом (*Шмелев Д.Н.*, 1964, с. 24—37).

Лит.: Шмелев Д.Н. Слово и образ. — М., 1964; Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. — М., 1966; Солганик Г.Я. Язык и стиль передовой статьи. — М., 1973; Матвеева Т.В. Лексическая экспрессивность в языке. — Свердловск, 1986; Капацинская Е.В. Определение выразительности и способы ее усиления // Проблемы экспрессивной стилистики. — Ростов н/Д., 1987; Головин Б.Н. Основы культуры речи. — М., 1988; Кожина М.Н. Стилистика русского языка. — М., 1993; Савова М.Р. Выразительность // Педагогическое речеведение: Словарь-справочник. — М., 1998; Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. — Ростов н/Д., 1999; Пекарская И.В. Контаминация в контексте проблемы системности стилистических фигур русского языка: Автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. — М., 2001; Хазагеров Г.Г., Корнилова Е.Е. Риторика для делового человека. — М., 2001.

А.П. Сковородников, Г.А. Копнина

ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ЯЗЫКА — понятие, по-разному определяемое в специальной литературе в связи с неоднозначной трак-

товкой категории выразительности (см.: *Выразительность речи*). В работах некоторых исследователей В. с. отождествляются со стилистическими фигурами (см., напр.: *Арнольд И.В.,* 1981, с. 53; Словарь литературоведческих терминов, 1974, с. 57) и — шире — со стилистическими приемами (см., напр.: Культура русской речи, 1998, с. 264—280). М.Р. Савова пишет, что «средствами выразительности могут являться все средства языка и речи (если они соответствуют коммуникативным целям автора речи)» (*Савова М.Р.,* 1998, с. 30). Подобной точки зрения придерживается и А.В. Федоров: «В системе стиля всякое средство выражения, всякий элемент языка, приобретающий стилистическую функцию, является выразительным средством, независимо от того, создает ли он в сочетании с другими элементами впечатление привычности данного отрезка речи, или, напротив, заставляет его выделяться в целом по контрасту с нейтральными формами речи, или же, наконец, создает контраст внутри него, вступая в столкновение с окружающими словами или грамматическими конструкциями» (*Федоров А.В.,* 1971, с. 73).

С точки зрения системного подхода к стилистическим терминам, В. с. являются такими языковыми средствами, которые способствуют точности, логичности, ясности, экспрессивности (эмоциональности, оценочности, интенсивности и образности) и обеспечивают полноценное (максимально приближенное к пониманию заложенной в тексте информации) восприятие речи адресатом.

Выбор и использование В. с. зависят от ситуации общения, избранного жанра и стиля речи, а также от авторской индивидуальности. Так, в оф.-дел. речи точность, не допускающая инотолкования, достигается благодаря использованию специальной терминологии, однозначной и безóбразной нетерминологической лексики, повторов слов (преимущественно терминов), уточняющих оборотов и др. средств языка. В газетно-публиц. же речи точность имеет подчеркнуто документально-фактологический характер и, следовательно, создается за счет широкого употребления профессионализмов, оценочных метафор и других В. с. языка. Употребление В. с. зависит также от авторской индивидуальности.

Традиционно выделяются:

— фонетические В. с.: *звуковые повторы*, *ударение*, *интонация*, *звукопись*, *звукоподражание*, *звуковой символизм*;

— лексические В. с.: *полисеманты*, *омонимы* (см.), *синонимы* (см.), *антонимы* (см.), *паронимы* (см.), *стилистически окрашенная лексика* (см.), *фразеологизмы*, *лексика ограниченного употребления* (*диалектизмы* (см.), *просторечные слова* (см.), *жаргонизмы* (см.), *профессионализмы*, *архаизмы* (см.), *историзмы* (см.), *неологизмы*, *иноязычные слова* и др.);

— словообразовательные В. с.: экспрессивные аффиксы, окказиональное словообразование, словообразовательные архаизмы;

— грамматические В. с.: *синонимия частей речи* (см.) и *синонимия синтаксических конструкций* (см.), понимаемые достаточно широко: «синонимы определяются по признаку взаимозаменяемос-

ти (возможности замены в определенном контексте)», что создает возможность выбора наиболее подходящего языкового средства (*Кожина М.Н.*, 1993, с. 106, 111).

К В. с. относятся также *тропы* (см.) и *стилистические фигуры* (см.). Кроме того, в речевом общении используются невербальные В. с.: в устной речи — позы, жесты, мимика; в письменной — графические средства.

В качестве примера использования В. с. языка приведем начало «Баллады о синем пакете» Николая Тихонова:

Локти резали ветер, за полем — лог,
Человек добежал, почернел, лег.

Лег у огня, прохрипел: «Коня!»
И стало холодно у огня.

А конь ударил, закусил мундштук,
Четыре копыта и пара рук.

Озеро — в озеро, в карьер луга,
Небо согнулось, как дуга.

Как телеграмма, летит земля,
Ровным звоном звенят поля.

В этом тексте использованы фонетические В. с.: звукоподражание (*прохрипел*); звуковая анафора (*звоном звенят*); аллитерация на [к], [т], [р] (*Четыре копыта и пара рук*); ассонанс на [у] (*Небо согнулось, как дуга*); лексические В. с.: конкретно-предметная лексика, метафоры (*локти резали, человек почернел, конь ударил, небо согнулось, летит земля*); грамматические (синтаксические) В. с.: экспрессивное бессоюзие (*Человек добежал, почернел, лег*); эллипсис (*Озеро — в озеро, в карьер луга*). Кроме того, использованы лексико-синтаксические приемы: анадиплозис (*...почернел, лег. / Лег у огня...*); сравнение (*...Небо согнулось, как дуга. / Как телеграмма, летит земля...*).

Лит.: Бахмутова Е.А. Выразительные средства языка. — Казань, 1967; Федоров А.В. Очерки общей и сопоставительной стилистики. — М., 1971; Словарь литературоведческих терминов / Ред.-сост. Л.И. Тимофеев и С.В. Тураев. — М., 1974; Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка (Стилистика декодирования). — Л., 1981; Ковалев В.П. Языковые выразительные средства русской художественной прозы. — Киев, 1981; Винарская Е.Н. Выразительные средства текста (на материале русской поэзии). — М., 1989; Стилистика английского языка: Учебник. — Киев, 1991; Кожина М.Н. Стилистика русского языка. — М., 1993; Голуб И.Б. Стилистика русского языка. — М., 1997; Культура русской речи / Под ред. Л.К. Граудиной и Е.Н. Ширяева. — М., 1998; Савова М.Р. Выразительность // Педагогическое речеведение: Словарь-справочник. — М., 1998; Москвин В.П. Стилистика русского языка: Приемы и средства выразительной и образной речи (общая классификация). — Волгоград, 2000.

Г.А. Копнина, А.П. Сковородников

ВЫСОКИЙ СТИЛЬ (штиль, слог) первоначально представлял собою стилевое единство темы, содержания, жанра и определенных языковых средств — с окраской приподнятости, торжественности (с широ-

ким использованием славянизмов, книжной лексики, образов античной мифологии, «пышной» метафоричности). Был представлен жанрами оды, героической поэмы, трагедии. Отличался возвышенным, риторическим, торжественным тоном выражения, что достигалось помимо указанных средств сложностью построения конструкций, частым употреблением риторических вопросов, восклицаний, использованием инверсий. Все это создавало эмоциональный настрой, «к важному великолепию возвышающийся». Типичным примером В. с. являются оды М.В. Ломоносова, разработавшего *Трех стилей теорию* (см).

В результате «перестройки» рус. лит. языка и его стилевой системы уже в начале XIX в. и окончательно к сер. XIX в. в связи с распадом системы трех стилей В. с. как строго очерченная разновидность языкового употребления прекращает свое существование. Однако номинация В. с. остается в применении к отдельным (большей частью стилизованным) произведениям: торжественная речь (по поводу соответствующих значительных событий), юбилейное поздравление и нек. др., либо в частях текста (художественного, публицистического) для подчеркивания значимости содержания конкретного контекста посредством обращения к приподнятому тону изложения. Наличие соответствующей стилистической окраски у отдельных языковых единиц совр. лит. языка отмечается в толковых словарях (пометами «высок.», «книжн.», «риторич.»). Напр., *возмездие, отторгнуть, дерзать, уповать, вознамериться* и т.п. В этих случаях налицо сохранившиеся лингвостилистические приметы В. с., отмеченные выше. Яркими примерами уходящего В. с. (как целостных произведений) в первой трети XIX в. были стихотворения «Пророк» А.С. Пушкина, «Умирающий гладиатор» М.Ю. Лермонтова. Однако с середины XIX в. средства В. с. начинают использоваться в сочетании со «сниженными» (разговорными, просторечными) в произведениях сатирического и юмористического характера (см., напр., соч. М.Е. Салтыкова-Щедрина); эта линия продолжается и в XX в. (напр. у М.М. Зощенко). Таким образом, в совр. рус. лит. языке номинация «В. с.» употребляется для обозначения подчеркнуто книжной, торжественной, перифрастической манеры выражения (что нередко подчеркивается оговорками «говоря высоким слогом» и т.п.) в ее противопоставленности обиходно-разг. или «нейтральной» речи. В совр. газетной публицистике обращение к «высоким» словам и фразеологизмам В. с. широко представлено в качестве средств создания иронии (особенно в связи с переоценкой ценностей доперестроечного периода). Напр., «Руководителю... достанется выгодная *стезя* — управление городским заказом»; «*Избранники* бьются за свои привилегии» (примеры В.Н. Виноградовой). См. также *Стиля модель традиционная.*

Лит.: Ефимов А.И. Язык сатиры Салтыкова-Щедрина. — М., 1953; Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. — М., 1957; Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. — М., 1980; Петрищева Е.Ф. Стилистически окрашенная лексика русского языка. — М., 1984; Бельчиков Ю.А. Лексическая стилистика: проблемы изучения и обучения. — М., 1988; Виноградова В.Н. О некоторых изменениях в стилистике русского языка, «Stylistyka — VII». — Opole, 1998.

М.Н. Кожина

Г

ГАЗЕТИЗМЫ — группа слов и выражений, составляющих характерную принадлежность газетно-публиц. речи и выделяемых некоторыми толковыми словарями с пометами «газ.», «журн.», «публ.». Так, в Толковом словаре русского языка под ред. проф. Д.Н. Ушакова 224 газетизма (*агентура, акробаты благотворительности, активизация, акула* — ср. *акулы пера, болезнь* — ср. *болезнь левизны, вандал, желтый* — ср. *желтая пресса, жупел, зубр, кликуша*, *плутократ, пошехонец* и др.).

Тематический состав слов, причисляемых к Г., весьма пестр: общественно-политическая, официально-деловая, военная, спортивная лексика и т.д. Неоднородна эта группа и со стилистической точки зрения: разговорные, просторечные, одобрительные, неодобрительные и др. слова. Представлены в списке Г. и устаревшие слова, а также слова с ограниченной сферой употребления.

Единственное, что объединяет эти слова, — социально-оценочная окраска, объясняющая восприятие их как газетных, публицистических. Именно эти слова и выражения, даже будучи малоупотребительными, типичны для газеты, наиболее ярко выражают ее идею, установку, реализуют одну из важнейших ее функций — функцию воздействия. Г. — специфическая принадлежность лексики газетно-публиц. стиля, используемая прежде всего в газете и обладающая газетно-публиц. функц.-стилевой окраской. Г. входят в характерные для газеты разряды концептуальной (общественно-политической), газетной оценочной и строевой лексики. С течением времени набор Г. меняется, но сам этот лексический слой остается как характерная принадлежность газетно-публиц. словаря.

Лит.: Калинин А.В. Слова-оценки // Книга о русском языке. — М., 1969; Полякова Г.П., Солганик Г.Я. Частотный словарь языка газеты. — М., 1971; Кожина М.Н. Стилистика русского языка. — М., 1977; Солганик Г.Я. Лексика газеты (функциональный аспект). — М., 1981.

Г.Я. Солганик

ГИПОТЕТИЧНОСТИ КАТЕГОРИЯ — см. Категория гипотетичности.

ГЛУБИННЫЙ СМЫСЛ ТЕКСТА — некоего завершенного связного целого — это обобщенное содержание, не привязанное к отдельным речевым составляющим, но являющееся произведением многочисленных поверхностных смыслов, преломленных в речевой ткани целого текста.

О глубинных, как и о поверхностных, явлениях можно говорить только образно, метафорически (*В.И. Солнцев*). Существует несколько подходов, связанных с интерпретацией Г. с. Для стилистики важно, что специфика Г. с. текста зависит от комбинации смысловых уровней, синтезированных в конкретном тексте: предметный смысл соответствует ситуации (фрагменту действительности), которая отражена в тексте; образный смысл — результат объективации ассоциативного мышления автора — проявляется в наличии содержательной двуплановости, картинности, оценочности; идейный смысл является отражением замысла, концепции автора. Г. с. выступает как результат соотношения наличествующих в тексте смысловых пластов (уровней). Так, в стихотворении М.Ю. Лермонтова «Утес» (*Ночевала тучка золотая*) предметно-ситуативный смысл можно охарактеризовать как пейзажный: описание скалы на фоне неба; образный смысл, ассоциативно связанный с предметным, воспроизводит любовь немолодого человека к юной ветренице; смысл идейный, надстраиваясь над предметным и образным и частично сливаясь с последним, отражает психологический и философский взгляд автора на диалектику категорий любви и красоты, любви и верности, любви и одиночества, человека и природы. Соотношение смысловых уровней в каждом конкретном случае определяется объективными и субъективными факторами текстообразования.

Специфика текста определяется типом целостности (тематическая, модальная). Целостность как содержательная по своей природе категория (*Г.В. Степанов*) обеспечивается тематическим и/или модальным единством текста. Тема текста имеет компонентный состав. Компоненты темы — микротемы. Г. с. текста можно описать как систему особым образом организованных микротем. В том случае, если текст строится как модально-аксиологическая целостность, Г. с. можно описать как систему смысловых предикатов, относящихся к смысловому субъекту (смысловым субъектам). Г. с. текста динамичен. Динамика Г. с. задана инкорпорирующим принципом его организации. Способы структурной организации Г. с.: включение, смысловая оппозиция, наложение, перекрещивание, отношения причины, следствия. Динамический характер Г. с. текста обусловливается и поддерживается развитием оппозиций, параллельным развитием микротем (блоков микротем), смысловых предикатов (блоков предикатов), процессами трансформации, нейтрализации, усиления, ослабления, уничтожения и др.

Лит.: Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. — М., 1963; Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. — Л., 1973; Купина Н.А. Смысл художественного текста и аспекты лингвосмыслового анализа. — Красноярск, 1983; Новиков А.И. Семантика

текста и ее формализация. — М., 1983; Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. — Свердловск, 1991; Болотнова Н.С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. — Томск, 1992; Кожина М.Н. Понятия «текст» и «целый текст» (в аспекте стилистики текста) // Стилистика научного текста (общие параметры). — Пермь, 1996.

Н.А. Купина

ГРАММАТИЧЕСКАЯ СТИЛИСТИКА — см. *Стилистические ресурсы морфологии и словообразования.*

Д

ДИАЛОГ (от греч. diálogos — разговор, беседа) — форма речи, которая характеризуется сменой высказываний (реплик) двух или нескольких (полилог) говорящих и непосредственной связью высказываний с ситуацией. Именно Д. является той формой речи, которая наиболее явно и непосредственно актуализирует социальную сущность языка, его коммуникативную функцию.

Заложивший основы теории Д. в отечественном языкознании, Л.В. Щерба называл именно Д. основной речевой формой языка, утверждая, что «подлинное свое бытие язык обнаруживает лишь в диалоге». Точку зрения на первичность функции языка в Д. разделяли Л.П. Якубинский, Е.Д. Поливанов, М.М. Бахтин и другие известные лингвисты, говорившие о естественности Д. и искусственности, вторичности монолога. В.В. Виноградов называл Д. наиболее употребительной формой социально-речевого общения, отмечая при этом, что монолог — «не данность языка как общей коллективу системы выражения, а продукт индивидуального построения».

Разграничивается широкое и узкое понимание Д. Любой текст (в том числе и «внешне» монологический) в той или иной мере диалогизирован, поскольку продуцируется с установкой на активное восприятие его адресатом (см. *Категория диалогичности*). В этом смысле явление Д. глобально. «Вся жизнь языка в любой области его употребления пронизана диалогическими отношениями» (*М.М. Бахтин*). Узкое же понимание Д. связано с противопоставлением последнего как формы речи, заключающейся в обмене взаимообусловленными репликами, монологу как высказыванию одного лица. Основным признаком различения диалогической реплики и монолога можно считать степень самостоятельности высказывания (автосемантичность монолога, синсемантичность реплики Д.).

Реплики участников Д., как правило, лаконичны. Обычно в каждой из последующих реплик сокращается все, что прозвучало в предыдущей или известно из ситуации. Поэтому смысл реплики становится полностью понятным только в связи с контекстом и ситуацией: *«Мы одни». — «Кажется, кто-то там» — «Никого»* (поцелуй). *— «Это какое дерево?» — «Вяз». — «Отчего оно такое темное?» — «Уже вечер, темнеют все предметы. Не уезжайте рано, умоляю вас». — «Нельзя»* (А.П. Чехов. Чайка).

В отличие от монолога, который нередко характеризуется сложностью синтаксического построения, диалогической речи в основном свойственна простота синтаксиса. Среди простых предложений большое число неполных, эллиптических, односоставных. В Д. представлены все виды предложений по цели высказывания, интонации, эмоциональной окраске.

В качестве единицы Д. как сложной целостной структуры выступает диалогическое единство (*Н.Ю. Шведова*), включающее две или более реплики, связанные единым содержанием. Одним из распространенных видов диалогического единства является вопросно-ответный комплекс.

Основная сфера использования Д. — повседневное общение, устно-разг. речь. Кроме того, диалогическая форма речи характерна для худож. литературы (диалоги персонажей), публицистики (интервью, дискуссия), некоторых других сфер общения.

При передаче Д. в письменной форме могут возникать различия с разговорным Д., напр., слабое отражение особенностей порядка слов разг. речи. В худож. и публиц. письменной речи Д., как правило, является литературно обработанным. На отбор лексики, синтаксических конструкций, способов взаимодействия реплик накладывают отпечаток как жанрово-стилевые нормы, так и индивидуальный стиль писателя, журналиста.

Лит.: Щерба Л.В. Восточнолужицкое наречие. — Пг., 1915. Т. 1; Его же: Современный русский литературный язык. — РЯШ. — 1939. — № 4; Якубинский Л.П. О диалогической речи // Избр. работы. Язык и его функционирование. — М., 1986; Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. — М., 1963; Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. — М., 1979; Шведова Н.Ю. К изучению русской диалогической речи. Реплики-повторы. — ВЯ. — 1956. — № 2; Гельгардт Р.Р. Рассуждение о диалогах и монологах (к общей теории высказывания) // Сборник докладов и сообщений лингвистического общества. — Калинин, 1971. Т. 2. Вып. 1; Одинцов В.В. О языке художественной прозы. Повествование и диалог. — М., 1973; Лаптева О.А. Рус. разг. синтаксис. — М., 1976; Валюсинская З.В. Вопросы изучения диалога в работах советских лингвистов // Синтаксис текста. — М., 1979; Кучинский Г.М. Диалог и мышление. — Минск, 1983; Винокур Т.Г. Диалог // Энц. Рус. яз. — 2-е изд. — М., 1998.

Т.Б. Трошева

ДИАЛОГИЧНОСТИ КАТЕГОРИЯ — см. Категория диалогичности.

ДИАЛОГИЧНОСТЬ РЕЧИ (письменной) — это выражение в тексте средствами языка взаимодействия общающихся, понимаемого как соотношение смысловых позиций, как учет реакций адресата (в том числе второго Я), а также эксплицирование в тексте признаков собственно диалога. При этом понятие адресованности, обращенности включается в более широкое понятие Д. р., а диалогизация лишь как стилистический прием (*Л.В. Славгородская, Э.В. Чепкина*) отличается от понятия диалогичности.

В русистике основы теории диалога были заложены трудами М.М. Бахтина, Е.Д. Поливанова, Л.В. Щербы, Л.П. Якубинского в 20—30 гг.

XX в. Знаменательно, что уже в это время понятие диалога связывается с реализацией коммуникативной функции языка, с социальной его сущностью. В работах этих ученых диалог предстает как форма речи, где наиболее полно реализуется коммуникативная функция языка.

Понятие диалога трактуется по-разному. При этом большинство языковедов объединяет подход к диалогу как к одной из форм речи, присущей главным образом устному виду общения. Однако в исследованиях о диалоге было подмечено, что критерии различения монолога и диалога оказываются нечеткими и потому эти понятия иногда сближаются, а нередко оказываются взаимоисключающими. Отсюда закономерно был сделан вывод об условности границ между диалогом и монологом.

Наиболее глубокая трактовка диалога представлена в трудах М.М. Бахтина, который считал социальную сущность диалога главной для характеристики этой формы речевого общения, поскольку диалог пронизывает собою всю речь. При этом диалогические отношения высказываний представляют собой смену «смысловых позиций». Смысловая позиция — это выражение жизненной позиции, точки зрения, определенного понимания факта, явления. В диалоге сходятся две позиции, между которыми и возникают диалогические отношения. «Событие жизни текста, т.е. его подлинная сущность, всегда разыгрывается на рубеже двух сознаний, двух субъектов» (*М.М. Бахтин*, 2000: 303). Благодаря такому подходу М.М. Бахтину удалось проникнуть и во внутренний диалог, в котором также взаимодействуют различные смысловые позиции, но уже не разных субъектов (как в двусторонней речи), а одного и того же субъекта (с учетом второго Я). Этот аспект глубоко проанализирован современным психологом Г.М. Кучинским в плане решения смысловых задач (*Кучинский,* 1987).

Исходя из положений М.М. Бахтина и с учетом результатов исследований философов, науковедов, психологов в функц. стилистике был сделан, в частности, вывод о том, что «языковое общение в принципе диалогично, более того, диалогичность — это форма существования языка в речи» (*Кожина*, 1986: 11). Таким образом, диалогичность наиболее явно эксплицируется в собственно диалоге как форме речи, но пронизывает и другую ее форму — монолог. Следовательно, диалогичность свойственна не только внешне диалогическим текстам (фиксированный знаками разговор двоих), но и монологическим. По утверждению Э. Вайганда, «язык должен восприниматься как особый постоянно функционирующий диалог, а смысл высказываний заключается в самом факте их использования при создании диалога».

Итак, вопрос о наличии диалогичности в письменных (в том числе нехудожественных) текстах был поставлен совершенно закономерно. Это качество стало изучаться не только на основе устной речи в обиходной сфере, но и применительно к речи письменной, причем не только в художественной литературе, но и в других, например в научной (*Л.В. Славгородская,* 1978; 1986; *М.Н. Кожина,* 1981, 1986, 1998; *Н.А. Красавцева,* 1987; *Л.В. Красильникова,* 1995), а затем в публицистической

(*Л.Р. Дускаева,* 1994; 1995). Прежде всего был поставлен вопрос об экстралингвистических основаниях диалогичности в письменной науч. речи.

Последнее сопряжено с тем, что особенности мышления, диалогичного и социального по своей природе, находят отражение не только во внутренней, но и во внешней письменной речи. Принципиальная диалогичность творческого научного мышления была экспериментально доказана Г.М. Кучинским (1983); было определено, что «акт мысли есть акт или возражения, или согласия» (*С.С. Гусев, Г.Л. Тульчинский,* 1985). Между тем акты возражения и согласия предполагают наличие второго лица, поддерживающего диалог, общение. Общение в современной лингвистике рассматривается как взаимодействие в процессе коммуникативно-познавательной деятельности. Общение — это не только вид деятельности, но и система межличностного взаимодействия, т.е. диалог, общение — процесс двусторонний. При этом и во внутренней, и особенно во внешней речи значим фактор адресата (*Н.Д. Арутюнова,* 1981).

Помимо коммуникативно-лингвистического аспекта, диалогичность имеет экстралингвистическое основание. С точки зрения науковедов, коммуникация — это процесс связи, общения ученых, в том числе через письменный текст. Диалогичность — неотъемлемое свойство творческого научного мышления (как внутренний диалог со вторым «я» или явный — со своим оппонентом), она помогает лучше понять истину и проверить ход решения проблемы, а в конечном счете — убедительнее доказать ее другим. Диалогичность состоит в установке на коммуникацию в познавательно-речевой ситуации.

Диалогичность мышления проявляется в форме самоконтроля, корректировки, в вопросо-ответных связях (*Г.М. Кучинский*), в форме оценки смысловых позиций предшественников и современников (*А.Н. Соколов, С.Л. Рубинштейн* и мн. др.). Диалогичность, следовательно, оказывается как бы «двуслойной» по своим основаниям: в ней совмещаются диалог эгоцентрический и собственно открыто коммуникативный, предполагающий взаимодействие и общение с другим лицом. Поэтому диалогичность письменной научной речи заключает в себе и отражение основной черты собственно диалога — реплицирования, направленности речи на адресата, кроме того, учет в организации текста его реакций, а также взаимодействие смысловых позиций коммуникантов (как разных субъектов, так и одного).

Таким образом, вывод о принципиальной диалогичности письменных научных текстов был сделан на основе комплексного подхода, т.е. с учетом результатов исследований психологов, философов, науковедов. Диалогичность теперь рассматривается как фундаментальное свойство речи вообще, это всеобщий ее признак, выступающий как речевая реализация коммуникативной и познавательной функции языка. Наиболее явно она эксплицируется в собственно диалоге как форме речи, но «пронизывает» собою и другую ее форму — монолог.

М.Н. Кожина выявила разновидности диалогичности письменной научной речи в аспекте структуры речевого акта и взаимодействия ком-

муникантов. Выражение диалогичности чрезвычайно многообразно как по своим разновидностям, так и по степени ее эксплицированности в тексте. Кроме того, установлены формы (способы) выражения диалогичности, основными из которых являются следующие: 1) «разговор» с другим упоминаемым лицом/-цами, идейными (теоретическими) противниками и единомышленниками; 2) сопоставление (или столкновение) двух и более различных точек зрения, которые обычно в процессе анализа оцениваются автором; 3) «разговор» с читателем, приглашение его к сомышлению, стремление привлечь его внимание к содержанию речи; 4) «разговор» со своим вторым «Я», не двойником, а объективированным «Я» (представленным в тексте как диалог-самоанализ, самоконтроль или — проще — диалог разных логик с целью проверки доказательства). Первая и вторая формы близки между собой. Примеры этих форм: 1) *Известна* ***точка зрения, согласно которой*** *понятия таксиса и относительного времени совпадают.* ***На наш взгляд****, эти понятия частично пересекаются,* ***но все же*** *не являются идентичными* (Бондарко). В этом примере «реплику-стимул» передает косвенная речь, «реплику-реакцию» — вводное слово, несогласие автора с иной точкой зрения — противительная частица *все же* и отрицательная частица *не*. В следующем примере чужая речь введена авторской ремаркой: ***Могут спросить****... а причем тут прогресс языка****? Не все ли равно****, будем мы по-русски акать или окать?..* ***Конечно****, это все равно,* ***если*** *отвлекаться от социальной сущности языка, от его истории* (Филин); 2) в приведенных далее отрывках «говорящие» представлены не только как отдельные ученые, но и как чья-то мысль (концепция); для обозначения этого используются имена собственные, соответствующие лексемы (*точка зрения, мысль, идея*): для ввода чужой речи — цитация, косвенная речь: *Так,* ***Ферс*** *утверждал, что язык и мышление Примерно о том же писал и* ***Ч. Фриз****, считая, будто бы «все неудачи в истолковании предложения были вызваны стремлением рассматривать предложение в связи со способом и характером развития мышления»* (Будагов); *Известна* ***точка зрения****, согласно которой каждый язык как бы «формует», «лепит соответствующее сознание Такую концепцию выдвигает, например,* ***И. Вайсгербер****, по мнению которого язык образует как бы «промежуточный мир» между человеком и его сознанием Подобным же образом* ***Г. Хольц*** *утверждает, что* (ВЯ-84); третья форма — это привлечение читателя к сомышлению, активизация его внимания: ***Обратим*** *и мы внимание на природу знака* (Головин); ***Обсудим теперь кратко*** *физический смысл коэффициента* (Регель); ***Допустим*** *на минуту такую возможность* (Головин); четвертая — пример своеобразного самоанализа, эксплицитно выраженной самопроверки с помощью цепи вопросительных предложений, введенных личной конструкцией*:* ***Нас сейчас интересует вопрос****: живая гибридная система, изображенная на рис. 23а,* ***или*** *неживая****? А если неживая, то сколько*** *«живых» звеньев надо добавить, чтобы сделать ее живой****? И обратная задача*** *— переход от живого к неживому... Лишь на субклеточном уровне* ***можно пытаться найти*** *этот переход* (Френкель).

Лингвистическое выражение первой и второй форм диалогичности осуществляется через использование чужой речи: прямой речи в виде цитации и косвенной, третья форма реализуется разного рода императивными формами и обращением ко второму лицу, а также в виде прямых вопросов, активизирующих внимание читателя. Четвертая форма диалогичности непосредственно связана с рассуждением как типом речи и реализуется в научных текстах помимо вопросительных предложений (в том числе риторических вопросов) употреблением вводных слов, подчеркивающих ход рассуждения, вставных конструкций и, конечно, использованием в этих целях структурных возможностей предложения. Причем в научных текстах третья и четвертая формы часто оказываются полифункциональными. В целом же научный текст с точки зрения диалогичности представляет собою как бы двухслойную и даже местами многослойную (в случае полилогичности) смысловую структуру.

Для характеристики своеобразия диалогичности научного текста важен вопрос о прагматическом аспекте структуры речевого акта и отражении в последнем характера взаимоотношений коммуникантов. В этом плане в значительной мере изучена устная (*Г.О. Винокур,* 1959; *А.К. Соловьева,* 1965; *А.Р. Балаян,* 1970; *З.В. Валюсинская,* 1979), а также разг. речь (*И.Н. Борисова,* 2000 и др.). Прагматический аспект науч. речи наиболее исследован на материале жанра рецензии (*Л.В. Красильникова,* 1995, *Е.С. Троянская*, 1989).

В науч. текстах выделяется круг разновидностей устного диалога: вопрос-ответ; диалог-унисон; диалог-спор; перевод темы в другую плоскость (переход к новой теме, нередко предваряемый риторическим вопросом). Различия письменной научной и устной разговорной речи обусловливают как спектр разновидностей диалога, так и круг речевых актов и средств выражения в этих сферах общения. В частности, некоторые из разновидностей актов, присущие разг. речи, не свойственны науч. Наиболее типичными ситуациями общения, представленными в письменной научной речи, являются следующие: согласие (одобрение), несогласие, оценка, вопрос-ответ, уточнение, дополнение, пояснение, доказательство, предположение, допущение. В исследованиях, посвященных диалогичности письменной речи, для обозначения минимальной единицы структурирования диалогичности используется понятие «цикл», под которым, вслед за психологом Г.М. Кучинским, понимается «единое целое, образованное двумя взаимосвязанными речевыми актами партнеров, из которых первый как бы открывает, начинает общение и детерминирует последующий» (*Кучинский,* 22). При этом в элементарный цикл входят лишь монофункциональные (решающие одну коммуникативную задачу) речевые акты. Наконец, в цикле важна способность к развертыванию диалога. Г.М. Кучинский подчеркивает, что в первом акте, который психологом назван обращением, отражается смысловая позиция, точка зрения субъекта, а в ответном — оценка этой позиции интерпретатором. На основе этой оценки, прикрепляясь к ней, выстраивается другая позиция. Так происходит развитие содержания текста.

В письменных текстах диалогичность структурируется в двухкомпонентных циклах, когда и позиция субъекта, и ее оценка эксплицированы в тексте, а также в однокомпонентных циклах, когда одна из позиций представлена имплицитно, т.е. лишь подразумевается. Конечно, циклы с одной выраженной репликой в письменной речи более частотны, потому что диалог с читателем в письменном тексте «свернут» в монологическую форму, т.е. в однокомпонентные циклы. Однако, для того чтобы автору открыто продемонстрировать свою ориентацию на позицию возможных единомышленников или оппонентов, необходимо использование и двухкомпонентных циклов. Степень выраженности диалогичности в этом случае, разумеется, выше, чем в первом, поскольку в двухкомпонентном цикле воспроизводится форма непосредственного устного общения. В тексте различные элементарные циклы чередуются, благодаря чему происходит развитие его содержания. Первая реплика цикла передает смысловую позицию одного партнера в форме сообщения, побуждения или вопроса. В ответной реплике содержится смысловая позиция другого в виде согласия и несогласия, анализа, оценки, уточнения, пояснения, доказательства, ответа на вопрос, причем выражение ответа становится предпосылкой для формирования следующего цикла. Значит, развитие содержания текста заключается в чередовании циклов, отражающем соотношение различных смысловых позиций — утверждение одних и опровержение других.

Примеры элементарных циклов с учетом их прагматических признаков: I. Сообщение как информирование читателя (через одно или ряд повествовательных предложений) о каком-либо фрагменте знаний — отношение к нему (эксплицитное или имплицитное), выраженное либо нейтрально, либо экспрессивно, эмоционально. Отношение к сообщению выражается различно, в виде согласованности или несогласованности точек зрения, например: а) Диалогичность «чисто» информативного характера: ***Идея*** *необходимости совмещения в грамматическом значении обоих направлений анализа эксплицитно* ***была выражена*** *уже в 1922 г.* ***С.И. Бернштейн писал****: «отправной точкой синтаксического исследования»* (Бондарко); *Невозможно осмыслить проблему без изучения идей И.П. Павлова* ***Полезно напомнить читателям высказывания*** *И.П. Павлова: «В развивающемся мире»* (Головин). При выражении диалогичности информативного характера представляются сведения, хорошо известные автору, но не читателю (сообщение для другого), при выражении же очень близкого ему диалога-унисона подчеркивается согласованность разных мнений.

б) Диалог-унисон (согласованность точек зрения, подтверждения одного мнения другим): *Изменение языка во времени не контролируется сознанием человека Можно в связи с этим* ***сослаться на мнение Э. Бенвениста****: «Применение языка»* (Головин).

в) Диалог-спор (несогласие): *Такого типа текст или текстема является переходной единицей* Ср**.** *прямолинейные* ***утверждения обратного порядка****: «Структуру текста можно рассматривать»* (Колшан-

ский); ***Согласно этому пониманию****... главные его признаки, выделенные Келером,* ***должны быть соотнесены*** *друг с другом в обратном порядке.* ***Не*** *факт переноса найденного решения следует объяснять...* ***но, наоборот****, ход экспериментальной задачи нужно понять как результат...* (А.Н. Леонтьев).

Диалог-унисон и диалог-спор, как правило, характеризуются явной оценочностью, степень выраженности которой в тексте и сопровождающая ее экспрессия (эмотивность) возрастают от первого ко второму. Замечено, что именно отрицательная оценка более экспрессивна и связана с воздействием на адресата. А.Р. Балаян выделяет диалог по степени модальной насыщенности (модальный диалог), в частности полемику, и диктальный — выяснение, уточнение каких-либо фактов.

II. Вопросо-ответный комплекс (ВОК) весьма характерен для науч. текстов, особенно для работ теоретического характера, посвященных дискуссионным проблемам и нередко реализуемым в «полемическом ключе». Однако ВОК используется и в учебной литературе, преимущественно для активизации внимания читателя. ВОК в научных текстах встречается чаще всего во фрагментах, содержащих концептуально особенно значимую информацию, а также при рассуждениях, размышлениях. Примеры: *Не теряется ли идеальный характер сознания? Перестает ли она быть идеальной копией? Конечно, нет* (А.П. Шептулин). Вводимые односоставными и личными конструкциями, ВОК предвосхищают реакцию читателя; см., напр.: ***«Что же, — спросит читатель,*** *— язык в процессе функционирования приостанавливается в своем развитии?» Получается, будто язык развивается вне процесса своего же функционирования* (Будагов).

Вопросо-ответный комплекс — это структурно-семантическое единство, состоящее минимально из двух предложений. Наиболее типичны для научных текстов вопросы в ходе решения творческих задач, в процессе анализа проблемы и принятия решений в альтернативных эпистемических ситуациях, т.е. при рассуждении. Весьма активны они при формулировании гипотезы и нового знания — авторской научной концепции (проблемные вопросы). В текстах теоретического характера они связаны с экспликацией таких фаз познавательной деятельности ученого, как проблемная ситуация, идея, гипотеза, а также доказательство гипотезы, особенно при наличии «конкурирующих гипотез» и их анализа.

ВОК реализуется как проблемные вопросы, исходящие от автора (и в то же время как предполагаемый вопрос читателя), на которые отвечает сам автор (риторический вопрос), для выражения автодиалогичности, напр.: ***Рождается вопрос: откуда*** *же взялось это тепло?* ***...какое же*** *это состояние энергии Для того, чтобы выяснить это,* ***мы должны взглянуть*** *на химические явления* (Тимирязев); ***Если*** *понимание настолько всеобще, то* ***насколько же*** *оно специфично?* ***Не является ли*** *оно бессодержательным? Где и как существует знание? В пятнах типографской краски в звуковых колебаниях? И да и нет* (Гусев); ***Допустим, что*** *синтаксис отдельного языка — понятие достаточно определенное, тогда* ***как же*** *следует толковать синтаксис ряда родственных языков?* ***Как*** *расширяются*

*границы синтаксиса ряда родственных языков**? Дело в том, что** синтаксис двух родственных языков...* (Будагов); ***Возникает вопрос о том, как** же богатство языка сочетается с его «экономией»**? Ответ на этот вопрос потребует рассмотрения хотя бы небольшого материала* (Будагов).

III. Еще один цикл: Побуждение — ответная реакция. Этот цикл в письменно-научной речи предстает прежде всего как активизация внимания читателя, напр.: ***Рассмотрим**, как С.Д. Кацнельсон преодолевает возникшее теоретическое затруднение. Ученый признает, что* (Головин). ***Пусть** в любой Е-окрестности содержится бесконечно много элементов. **Рассмотрим** совокупность*(Ильин). Здесь автор, обратившись к читателям, рассматривает проблему как бы на фоне их активизированного внимания. Побуждение обнаруживается в научных текстах рассуждающего характера, при допущениях в доказательстве: *Теперь **докажем** теорему. **Будем считать**, что **Введем** граничные условия **Проинтегрируем** уравнения* (Лебедев) или для выражения рекомендаций: *Теперь **следует перевести** на какие-нибудь меры, например, на граммы **и рассуждать** так* (Реформатский).

Прямое обращение к читателю может использоваться для передачи особого фрагмента — перехода к новой теме, выделяемого некоторыми лингвистами как семантико-структурный вариант диалогичности (или разновидность диалога): ***Обратимся** к другим аспектам различий* (Бондарко); ***Посмотрим** теперь на противоположение лексики и грамматики с другой стороны* (Щерба).

В целом в письменном научном тексте, по сравнению с устным диалогом, сила «иллокутивного вынуждения» ослаблена, так как тип запроса информации носит мыслительный характер» (*Л.В. Красильникова*, 1995). Важно, что диалог смысловых позиций, мнений реализует динамику текстообразования и предстает как весьма существенный стилистико-текстовой признак научной речи. Это подтверждает мысль о целесообразности отнесения диалогичности к *текстовым категориям* (см.), см. также: *Категория диалогичности (функциональная семантико-стилистическая).*

Лит.: Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. — М., 1940; Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. — М., 1959; Соловьева А.К. О некоторых общих вопросах диалога. — ВЯ. — 1965. — № 6; Арутюнова Н.Д. Некоторые типы диалогических реакций и «почему»-реплики в русском языке. — ФН. — 1970. — № 3; Ее же: Фактор адресата. — Изв. АН СССР. — Сер. лит. и языка. — 1981. — № 4; Балаян А.Р. К проблеме функционально-стилистического изучения диалога. — Изв. АН СССР. — Сер. лит. и языка. — 1970. — № 3; Ее же: Еще один монолог о диалоге (и полилоге). — РЯЗР. — 1981. — № 4; Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. — М., 1972; Его же: Эстетика словесного творчества. — М., 1979; Его же: Автор и герой. — М., 2000; Гельгардт Р.Р. Рассуждение о монологах и диалогах: Сб. докл. и сообщений лингв. общества. 2. — Калинин, 1971. Вып.1; Библер В.С. Мышление как творчество (Введение в логику мысленного диалога). — М., 1975; Валюсинская З.В. Вопросы изучения диалога в работах советских лингвистов. Синтаксис текста. — М., 1979; Кожина М.Н. Диалогичность письменной научной речи как проявление социальной сущно-

сти языка // Методика и лингвистика. — М., 1981; Ее же: О диалогичности письменной научной речи. — Пермь, 1986; Соколов А.Н. Проблемы научной дискуссии (логико-гносеологический анализ). — Л., 1980; Ломов В.Ф. Проблема общения в психологии (вместо введения) // Проблемы общения в психологии. — М., 1981; Кучинский Г.М. Мышление и диалог. — Минск, 1983; Амвросова С.В. Языковые средства полифонии в худож. тексте (на материале английских романов XX века): Дис. канд. филол. наук. — М., 1984; Славгородская Л.В. Научный диалог. — Л., 1986; Красавцева Н.А. Выражение диалогичности в письменной научной речи (на материале английского языка): Дис. канд. филол. наук. — Пермь, 1987; Карпенко Е.П. Внутренний диалог в лирической поэзии XX века: Автореф. канд. филол. наук. — М., 1991; Чепкина Э.В. Внутритекстовые автор и адресат газетного текста: Автореф. канд. филол.наук. — Екатеринбург, 1993; Дускаева Л.Р. Изменения форм выражения диалогичности в газетно-публиц. текстах нач. 1990-х гг. (по сравнению с текстами нач. 80-х гг.) // Разновидности текста в функционально-стилевом аспекте. — Пермь, 1994; Ее же: Диалогичность газетных текстов 1981—1991 гг.: Дис. канд. филол. наук. — Пермь, 1995; Ее же: Функц.-стилистическая категория диалогичности в газетно-публиц. текстах // Публицистика и информация в совр. обществе. — М., 2000; Красильникова Л.В. Диалогическая структура научного дискурса в жанре научной рецензии: Автореф. дис. канд. филол. наук. — М., 1995; Борисова И.Н. Русский разговорный диалог (структура и динамика). — Екатеринбург, 2001.

Л.Р. Дускаева

ДИСКУРС — (нем. Diskurs, франц. discours, англ. discourse) — многозначный термин-понятие, используемый в лингвистических, литературоведческих, философских, психологических, исторических исследованиях. При определении Д. в современной лингвистике существенное значение имеет научная традиция, различные сложившиеся параллельно друг с другом национальные научные школы дискурсивного анализа.

Понятие Д. активно используется в западноевропейской лингвистике с середины 1970-х гг. Первоначальное значение слова Д. «разумное размышление» (от лат. discursus) после определенного переосмысления трансформировалось в значение «диалог». Под влиянием структуралистской американской и британской лингвистики в этот период активно развивается теория разговорной речи (discourse analysis), направленная прежде всего на анализ устной «живой» речи, при этом Д. отождествляется с диалогом. В дальнейшем британо-американская лингвистическая традиция развивает анализ Д. как анализ связной речи (connected speech) в устной и письменной форме, сосредоточенный на интеракциональном взаимодействии отправителя и получателя сообщения.

Важной составляющей теории Д. является когнитивно-ориентированный анализ, обращенный к ментальным структурам, механизмам, стратегиям и операциональным установкам, релевантным при порождении и восприятии высказывания/текста. В связи с этим активно разрабатывается теория фреймов. Когнитивно-прагматический подход в понимании связности Д. развивается школой Т. ван Дейка.

В отечественной лингвистике круг вопросов, составляющих предмет исследования в Д., традиционно рассматривался в связи с проблемами речевой деятельности и в целом при изучении экстралингвистических факторов, «сплетенных» с лингвистическими, на различном функционально-стилевом и текстовом материале.

Развитие представлений о Д. поставило его в соотношение с категорией «текст» и ввело в систему понятий, методов и принципов *лингвистики текста* (см.). Д. обозначает конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах или устной речи, осуществляемое в определенном когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве. Это означает, с одной стороны, что прототипический характер коммуникативных процессов обнаруживается в соотнесенности с той или иной инвариантной моделью текстопорождения и восприятия: текст существует как представитель определенного типа текста. С другой стороны, коммуникативно-речевая деятельность и продукты этой деятельности — тексты — соотносятся с соответствующей ментальной сферой, сосредоточивающей в себе определенные знания. Д. в одном из его возможных пониманий обозначает текст в неразрывной связи с ситуативным контекстом, определяющим все то, что существенно для порождения данного высказывания/текста, в связи с системой коммуникативно-прагматических и когнитивных целеустановок автора, взаимодействующего с адресатом. В этом смысле Д. характеризует коммуникативный процесс, приводящий к образованию определенной структуры-текста. Становится очевидным разделение понятий «текст» и «дискурс» и задач традиционного текстового анализа и анализа Д. Если анализ текста направлен в первую очередь на внутренние — внутритекстовые — отношения высказываний между собой, их пропозициональную и иллокутивную структуру, взаимоотношения текстового целого и его частей, то анализ дискурса характеризует внешние по отношению к тексту особенности коммуникативного процесса. Дискурсивный анализ сконцентрирован на степени и характере влияния различных факторов коммуникативно-речевой деятельности, как непосредственного ситуативного контекста, так и более широкого экстралингвистического фона на формирование языковых закономерностей конкретного произведения. В этом случае значение термина Д. близко пониманию его в русской стилистике как текста, изучаемого в коммуникативно-деятельностном функц.-стилистическом аспекте.

В зависимости от исследовательской традиции в теоретической разработке принципов дискурсивного анализа вносятся различные акценты в понимание того, какие именно составляющие экстралингвистического контекста в большей степени имеют дискурсообразующий характер. В германо-австрийской школе дискурсивного анализа (*У. Маас, З. Егер, Ю. Линк, Ю. Хабермас, Р. Водак*), развившейся на основе концепции Д. французского историка, социолога, языковеда М. Фуко, Д. рассматривается как языковое выражение (языковой коррелят) определенной общественной практики, упорядоченное и систематизированное особым образом использование языка, за которым стоит идеологически и исторически

обусловленная ментальность. Каждый текст как часть соответствующей дискурсивной формации квалифицируется как социальное высказывание, как отражение надындивидуальной, коллективной («серийной», по *У. Маасу*, 1984) речевой практики. Дискурсивный анализ рассматривается как средство социально-исторической и идеологической реконструкции «духа времени», проникновения в глубинную структуру текста, его смысл.

Идея дискурсивной формации лежит в основе понимания Д. как интегративной совокупности текстов, связанных семантическими (содержательно-тематическими) отношениями и/или объединенных в коммуникативном и функционально-целевом отношении. В этом смысле дискурсообразующими характеристиками, т.е. критериями отбора текстов, берущихся в качестве эмпирической основы изучения дискурса того или иного типа, выступают сферы человеческой коммуникации и практики, области знания, типологии текста и др. (ср.: научный Д.; медицинский Д.; Д. функциональной стилистики; Д. фашизма; Д. средств массовой информации).

Д. как лингвистическая категория определяет особую исследовательскую стратегию, предполагающую макросемантический и одновременно глубинно-семантический анализ текста, направленную на выявление эпистемических предпосылок и условий порождения высказываний/текстов, обусловивших определенные в данной коммуникативно-прагматической и социально-исторической ситуации формы, структуры, языковые единицы или иные текстовые характеристики.

Лит.: Ван Дейк Т. Язык, познание, коммуникация, пер. с англ. — М., 1989; Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца XX века. — М., 1995; Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX в. — М., 1995; Ревзина О.Г. Язык и дискурс. — Вестник Моск. ун-та. — Сер. 9. — 1999. — № 1; Архипов И.К. «Знак-предмет» и знак-ситуация: текст и дискурс // Текст и дискурс. — СПб., 2001; Чернявская В.Е. Дискурс как объект лингвистических исследований // Текст и дискурс. — СПб., 2001; Harris Z. Discourse analysis, Language, 28, 1952; Foucault M. L'archeologie du savoir. — Paris, 1969; Его же: L'ordre du discourse. — Paris, 1972; Wunderlich D. Entwicklungen der Diskursanalyse // Studien zur Sprechakttheorie. — Frankfurt/M., 1976; Maas U. Als der Geist der Gemeinschaft eine Sprache fand. Sprache im Nationalsozialismus. — Opladen, 1984; Seriot P. Analyse du discours politique sovietique. — Paris, 1985; van Dijk T. Handbook of discourse analysis, 4 Bde. — Orlando, 1985; Maldidier D. Analyse de discours — nouveaux parcours. Hommage a Michel Pкcheux. Langage 81. — Paris, 1986; Fohrmann J., Müller H. Diskurstheorien und Literaturwissenschaft. — Frankfurt/M., 1988; Wodak R. Language, Ideology and Power. — Amsterdam, 1989; Ее же: Disorders of Discourse. — New York, 1996; Jäger S. Kritische Diskursanalyse. Eine Einführung. — Duisburg, 1993; Mills S. Discourse. The New York critical idiom. — London & N.Y., 1997.

В.Е. Чернявская

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО — см. *Аргументативный тип речи: доказательство.*

ДОМИНАНТА ФУНКЦИОНАЛЬНОГО СТИЛЯ — см. *Конструктивный принцип функционального стиля.*

Ж

ЖАНР (ЛИТЕРАТУРНЫЙ) — исторически складывающийся и развивающийся тип лит. произведения (художественного, публицистического, научного и др.), напр., роман, монография, репортаж и т.д. Традиционно под лит. жанрами понимаются главным образом типы худож. произведений, хотя каждая эпоха обладает своей системой жанров в каждой из сфер духовной деятельности и общения. О необходимости выработки единой методологии исследования разнородных типов высказываний (текстов) писал М.М. Бахтин, эксплицировавший понятие *речевого жанра* (см.). Вопрос о соотношении речевых и лит. жанров остается нерешенным. Наиболее аргументированной представляется точка зрения, согласно которой понятие речевого жанра является родовым по отношению к понятию Л. ж., обозначающему не все реально существующие жанры, но лишь те из них, которые исторически признаны таковыми.

Л. ж. обладает комплексом устойчивых свойств, причем эти свойства могут характеризовать самые разные стороны произведения — его объем, пафос, тематику, систему рифм, активность вымысла и т.д. Среди Л. ж. есть такие, которые бытуют на протяжении всей истории духовной культуры (напр. басня); другие же существуют лишь в определенные эпохи. Признаки жанра эволюционируют: нередко одни и те же жанровые названия в разные периоды литературного развития выражают разные понятия, так как соотнесены с различными типами текстов (ср., напр., понятие оды во времена Ломоносова и в первой трети XIX в.).

Л. ж. имеют как внешний, формальный, так и внутренний, содержательный план. Жанровая форма теснейшим образом связана с жанровым содержанием — с тематикой произведений и с особенностями осмысления автором-художником (публицистом, ученым) определенных сторон мира.

Жанровые формы могут быть готовыми, завершенными, жесткими или же гибкими, открытыми модификациям и обновлениям. Канонические жанры, регламентируемые нормативными поэтиками, особенно характерны для худож. литературы от античности до XVI—XVIII вв. В дальнейшем организация Л. ж. утрачивает каноничесую строгость, и они предоставляют автору широкие возможности для проявления его индивидуальной творческой манеры.

Л. ж. определяют стилевые особенности речи. Эта зависимость явно прослеживается в таких, напр., жанрах, как басня, фельетон, анекдот.

В системе Л. ж. каждой эпохи одни жанры становятся наиболее авторитетными (например, социально-психологические романы и повести в рус. литературе XIX в.), другие, напротив, утрачивают былое лидирующее положение, отходят на второй план или исчезают.

Л. ж. обеспечивают преемственность культурной жизни. По словам М.М. Бахтина, жанр — «представитель творческой памяти в процессе литературного развития». На каждом новом этапе литературного процесса и в каждом индивидуальном произведении жанр возрождается и вместе с тем приобретает новые черты.

Лит.: Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. — М., 1972; Его же: Эпос и роман // Вопросы литературы и эстетики. — М., 1975; Поспелов Г.Н. Проблемы исторического развития литературы. — М., 1972; Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. — М., 1979; Чернец Л.В. Литературные жанры. — М., 1982; Аверинцев С.С. Жанр как абстракция и жанр как реальность: диалектика замкнутости и разомкнутости // Риторика и истоки европейской литературной традиции. — М., 1996; Кожина М.Н. Стиль и жанр: их вариативность, историческая изменчивость и соотношение, «Stylistyka-VIII». — Opole, 1999; Крылова О.А., Со Ын Ён. Понятие жанра: принципы выделения и изучения жанров речи // Лингводидактический поиск на рубеже веков. — М., 2000; Хализев В.Е. Теория литературы. — М., 2000. См. также лит. к ст. Речевой жанр, Жанры научной литературы.

В.А. Салимовский

ЖАНР (РЕЧЕВОЙ) — см. Речевой жанр.

ЖАНРЫ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ — исторически сложившиеся устойчивые типы произведений науч. литературы, обладающие функционально-стилевой спецификой и стереотипной композиционно-смысловой структурой.

Науч. стиль речи реализуется в крупных и малых Ж.н.л. К первым относятся монография (индивидуальная и коллективная), диссертация, энциклопедия, словарь, справочник, учебник, учебное пособие; ко вторым — статья в периодическом или непериодическом издании, реферат, аннотация, тезисы, обзор, рецензия, хроника и др. Малые Ж.н.л. выделяются не только по количественному признаку. Обычно они не обладают отдельностью: статьи, рецензии, хроники, рефераты помещаются в журналах и сборниках. В крупных Ж.н.л., напр. в учебнике, соседние части подчинены целому, даже при разном авторстве, т.е. связаны как логико-смысловой, так и внешней линейной связью.

Известны различные классификации Ж.н.л. В зависимости от степени обобщения науч. сведений выделяются первичные науч. произведения и вторичные. Целевое назначение первичных Ж.н.л. состоит в изложении первичных науч. сведений, получаемых в процессе исследований. В отличие от них, вторичные науч. произведения информируют только о конечных результатах исследований, полученных в

процессе аналитико-синтетической переработки первичных науч. текстов. Каждый из данных типов текста реализуется в соответствующей системе Ж.н.л., которые объективируют конкретные коммуникативно-прагматические функции в рамках общей функции науч. стиля — объяснения явлений природы и социальной жизни: собственно научный (академический) тип реализуется в монографиях, статьях, диссертациях, тезисах, докладах, сообщениях, выступлениях, научно-технических отчетах и т.п.; информационно-реферативный — в рефератах, обзорах, аннотациях, резюме; справочно-энциклопедический — в энциклопедиях, словарях, справочниках; научно-оценочный — в рецензиях, отзывах, экспертных заключениях, полемических выступлениях, дискуссиях; научно-учебный — в учебниках, учебных пособиях, курсах лекций; научно-методический (инструктивный) — в методических пособиях, программах, рекомендациях, инструкциях; научно-деловой — в патентах, авторских свидетельствах, описаниях изобретений, стандартах, технических условиях, спецификациях, рекламациях (*Брандес М.П.,* 1983; *Ванников Ю.В.,* 1984; *Троянская Е.С.*, 1989 и др.).

В зависимости от композиционно-смысловой организации Ж.н.л. подразделяются на Ж.н.л. с «открытой», «свободной», «мягкой» структурой — статьи, монографии, рецензии, тезисы и нек. др. и Ж.н.л. с жестко фиксированной структурой — патенты, авторские заявки, стандарты и др.; промежуточные формы — рефераты (в том числе авторефераты диссертаций), аннотации.

Е.С. Троянская вводит полевое представление жанровой структуры науч. стиля, выделяя в нем три зоны: ядерную, периферийную и пограничную, подчеркивая при этом, что «отнесение жанров к различным зонам науч. стиля носит весьма неоднозначный характер» (*Троянская Е.С.,* 1989, с. 91). Ядерную зону образуют ведущие жанровые разновидности, репрезентирующие новое науч. знание, — собственно науч. статья, монография, диссертация, научно-технический отчет, тезисы, в которых находит свое наиболее яркое выражение стандарт стиля. К периферийной области относятся жанровые разновидности, в которых лингвостилистические характеристики, присущие науч. стилю в целом, выражены в меньшей степени, — реферат, аннотация, справочники, рецензия, отзыв, курс лекций, инструкция и др. Пограничную зону составляют Ж.н.л., представляющие собой межжанровые образования (напр., рецензия-рекомендация) и межстилевые Ж.н.л. (рекламная статья, научно-публицистическая статья, комментарий в науч. и публиц. стилях и др.). Пограничная область неоднородна, ей свойственны контрастные лингвостилистические характеристики, идущие от различных стилей. Например, патент, стандарт, договор, акт, заявка и т.д. всегда репрезентируют пограничную зону, сближающуюся с науч. произведениями оф.-дел. стиля. Чем дальше Ж.н.л. от ядра, тем слабее его стилевая выраженность. Кроме того, чем меньшее место в общем объеме публикаций занимает та или иная жанровая разновидность, тем меньше она влияет на языковые особенности Ж.н.л. в целом. На самом краю

пограничной области располагается научно-популярная и научно-публицистическая литература.

Ниже приводится общая характеристика некоторых из названных Ж. н. л.

М о н о г р а ф и я — науч. труд, посвященный многоаспектному рассмотрению и решению актуальной проблемы, обладающий новизной теоретического или эмпирического содержания, единством науч. подхода, смысловой завершенностью, сложной композиционной структурой. М. характеризуется м н о г о а с п е к т н ы м с о д е р ж а н и е м, включающим формулировку проблемы и/или постановку задачи; определение и дифференциацию понятий с установлением между ними логико-семантических отношений; экспликацию идеи, гипотезы или основного тезиса науч. концепции, «окрашенного» гипотетической модальностью; доказательство гипотезы с использованием разнообразных средств аргументации; характеризацию изучаемого объекта; демонстрацию эмпирического материала, подтверждающего достоверность нового знания, и др.

Несмотря на типовое содержание (введение, основная часть, заключение), текстам М. свойственна вариативность, обусловленная воздействием различных экстралингвистических факторов: специфики предметной области; типа изучаемого объекта (последний может быть «субстратным», т.е. материальным, либо «ментальным», т.е. идеальным продуктом человеческого сознания); теоретического или эмпирического ракурса исследования; многоуровневой структуры самой научно-познавательной деятельности; стиля индивидуального мышления ученого — «дискретно-логического» или «континуально-психологического» (*М.П. Котюрова*), а также уровня владения автором нормами науч. изложения.

К о м п о з и ц и я М. определяется процессом коммуникативно-познавательной деятельности ученого и динамикой науч. мышления, включающего этапы проблемной ситуации, проблемы, идеи, гипотезы, аргументации, вывода (закона). Каждый из этапов получает оформление посредством функционально типизированных текстовых единиц — *коммуникативных блоков* (см.) (*Крижановская Е.М.,* 2000). Реализация познавательных этапов в их закономерной последовательности является основным конструктивным принципом текстообразования во всех крупных академических Ж.н.л. В целом М. свойственны два типа композиции — моноцентрическая и полицентрическая. Первая характеризуется последовательной манифестацией познавательных форм (проблемной ситуации, проблемы, идеи и др.), отражающих решение одной проблемы. В произведениях с полицентрической композицией основная проблема расчленяется на ряд соподчиненных проблем, что приводит к разветвленности науч. содержания произведения. Стереотипная композиционная структура является коммуникативно целесообразной: она создает четкую перспективу развертывания и восприятия текста, способствует ясности изложения, программирует восприятие и понимание смысла адресатом.

Структурная целостность М. обеспечивается не только за счет тематического и смыслового единства ее содержания, но и благодаря прагматической рамке, которую образуют периферийные тексты — аннотация, предисловие, заключение, библиографический список, оглавление и др. Несмотря на научно-познавательную избыточность, они являются необходимыми компонентами политекстуальной структуры М.: в краткой и обобщенной форме дублируя основной текст, периферийные тексты представляют важнейшие аспекты полученного знания, программируя тематическое развертывание основного текста и в то же время удовлетворяя информационные потребности адресата. Одни из этих текстов предварительно сообщают о содержании основной части (аннотация, предисловие); другие акцентируют внимание на наиболее значимых результатах проведенного исследования и сообщают о возможностях его практического использования (заключение); третьи ориентируют читателя в расположении науч. информации на текстовом пространстве (оглавление); четвертые выполняют справочно-библиографическую функцию (библиографический список).

Так, аннотация кратко информирует о содержании и структуре науч. произведения, эксплицирует центральную проблему исследования, репрезентирует цели и задачи автора, а также намечает перспективу развертывания основного текста. А. характеризуется высокой степенью обобщения науч. содержания, имеет специфическую прагматическую установку и обладает высокой степенью автосемантии по отношению к основному тексту.

Основные черты М. как ядерного жанра науч. литературы присущи и статье, обладающей менее разветвленной смысловой структурой и в связи с этим более простой композицией и меньшим объемом. Жанр науч. С. дифференцируется следующим образом: 1) проблемно-постановочная С.; 2) С. — краткое сообщение о результатах научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ; 3) собственно-научная (научно-техническая) С., в которой достаточно подробно излагаются основные результаты исследования; 4) историко-научная обзорная С.; 5) дискуссионная / полемическая С.; 6) научно-популярная С.; 7) рекламная С. Подобные разновидности можно выделить и в других Ж.н.л., напр.: рецензия − научный отзыв, рецензия-аннотация, рецензия-рекомендация (см.: *Мальчевская Т.Н.,* 1976; *Троянская Е.С.,* 1989).

Тезисы — краткая запись содержания науч. исследования в виде основных, сжато сформулированных положений.

По содержанию Т. бывают первичными, т.е. авторскими, и вторичными, созданными на основе чужого текста. Оригинальные Т. предназначаются для научно-делового общения, публикуются в виде сборника и обычно распространяются между участниками форума до его начала. Кроме того, Т. как бы создают аудиторию «заочных» участников форума, для которых важно в предельно экономной форме представить его содержание. Наконец, Т. имеют и более долговременного адресата — массу специалистов, заинтересованных в получении соответствующей

информации и в поисковой ориентировке. Публикуемые Т. обычно совмещают все три предназначения, которые должны учитываться в первую очередь автором, а также редактором и читателем.

Т. предполагают определенную и строго нормативную композиционно-смысловую структуру, состоящую из 1) преамбулы (содержащей ввод в проблематику, обоснование ее актуальности, представление предмета исследования), 2) основного тезисного изложения (3—6 тезисов, составляющих предметно-логическое единство), 3) заключительного тезиса (итога изложенному). Заключительный тезис обычно необходим при комбинаторной усложненности основного тезисного изложения или при необходимости целостной подытоживающей экспликации выводного знания.

Строго логическое членение тезисного содержания подчеркивается рубрикацией, а в определенных случаях и выделением абзацев под одной рубрикой. Выделение первой и третьей структурной части под отдельной рубрикой или в отдельный абзац не обязательно — они могут примыкать к последующей или предыдущей части. По стилю изложения различают два типа тезисов: глагольного (с преобладанием глагольных сказуемых) и именного строя (с преобладанием имен существительных). На практике Т. часто имеют вид мини-статьи.

Взаимосвязи отдельных тезисов в рамках основного тезисного изложения могут осуществляться в различных комбинациях: по принципу причинно-следственной последовательности, по принципу индуктивного соподчинения, по принципу дедуктивного соподчинения, а также в различных комбинациях компонентов этих трех типов. В тезисном произведении должна четко просматриваться строгая логическая схема целого, и ему не свойственно затрудняющее мышление многообразие частных комбинаций. Обычно последовательное причинно-следственное соединение комбинируется с индуктивным или (реже) с дедуктивным соподчинением.

К Т. больше, чем ко многим другим Ж.н.л., применимы строгие требования стилистической чистоты и однородности речевой манеры. Здесь в принципе недопустимы эмоционально-экспрессивные метафоры, перифразы, инверсии, эллипсисы, восклицания и иные иностилевые включения, смещения способов речевого оформления, неточности и небрежности в оформлении. Тезисы основного изложения имеют, как правило, характер модально-утверждающего умозаключения, а не характер конкретно-фактологической констатации, что требует определенной речевой формы.

Общей нормой стиля Т. является высокая насыщенность высказывания предметно-логическим содержанием. Эта норма реализуется в оптимальном преодолении противоречия между содержательной концентрацией и коммуникативной доступностью. Нарушения данной нормы находят следующие типичные проявления: 1) чрезмерная усложненность фразы, затрудняющая восприятие и сохранение в памяти ее содержания; 2) содержательная недогруженность фразы (низкий удельный вес

научно значимой информации); 3) чрезмерное дробление фраз «ради простоты», приводящее к дроблению самой мысли, затрудняющее установление взаимосвязей между ее фрагментами, а также часто привносящее ложную эмоциональную экспрессию. Трудности содержательного восприятия фразы зависят не только от ее длины, но и от характера построения. Даже длинная фраза может легко восприниматься при логически прозрачном и последовательном движении мысли, а также соответствующем этому движению четком и однозначном языковом оформлении. Напротив, если части словосочетания разбиваются широко распространенной вставкой, если предикативная основа обрастает многочисленными оборотами и «оборотами в оборотах», попутными замечаниями и оговорками, то фраза и при небольшой длине часто становится трудновоспринимаемой, раздражает читателя, запутывает его.

Учебник (учебное пособие) — учебно-научное сочинение, излагающее основы той или иной науки и предназначенное для дидактических целей. Основными отличиями У. от других видов науч. литературы являются «сжатая полнота» информации (*А.Н. Васильева*), предметно-логическая последовательность, ясность и доходчивость изложения, активизация внимания адресата. Сжатая полнота выражается в том, что, с одной стороны, излагается только часть накопленной информации о предмете данной науки, но, с другой — эта часть является базовой и равномерно-разносторонне характеризующей предмет. Этим определяется и предметно-логическая последовательность изложения, а именно: сначала дается определение и общая характеристика предмета, определяются его основные стороны (аспекты), затем рассматривается каждая из них. При описании аспектов данная структурно-содержательная схема обычно сохраняется. Поскольку в У. представлено уже устоявшееся, базовое (дисциплинарное) науч. знание, изложение в целом не имеет проблемного характера и полемической заостренности (за отдельными исключениями). Построение целого и его частей подчиняется закону предметно-логической иерархии и является линейно-разветвленным.

Научная рецензия выполняет функции репрезентации науч. произведения, его оценки и осмысления в общем пространстве науч. знания. Рец. — давно сложившийся Ж.н.л. с высокой степенью стандартизации на всех уровнях построения текста. Ее отличают особый словарь (прежде всего оценочная лексика) и типовые грамматические структуры, посредством которых актуализируется диалогическая природа этого Ж. В Рец. отражается состояние науки в определенный период ее развития, формулируются критерии оценки науч. труда и система требований к науч. произведению. Рец. может иметь рекламный характер, если на первый план выдвигается цель заинтересовать читателя науч. трудом.

Основные функции Рец. — информирующая и оценочная — могут быть реализованы по-разному, так как ее композиция и пропорциональное соотношение частей вариативны. В то же время инвариантная структура Рец. гармонично сочетает информирование читателя о содержании новой науч. публикации, анализ ее отдельных положений с

оценкой работы в целом. От ядерных Ж.н.л. Рец. отличается максимальным проявлением личностного начала, что ведет к использованию различных языковых единиц, посредством которых рецензент обнаруживает себя как субъект речи, субъект сознания, субъект эмоций, т.е. индивидуальная языковая личность.

Текст Рец. находится в интертекстуальной связи с первоисточником (см. *интертекстуальность*), которая проявляется в форме содержательных или текстуальных повторов по отношению к первичному тексту. Повторы, в том числе цитатные, сочетаются с оценочной частью или формулами согласия/несогласия, образуя с ними двучленные конструкции. На уровне композиции текст Рец. может быть представлен как двучленная реплика: изложение содержания (основная часть) + оценка (заключительная часть).

Объектами оценки являются: обозначение рецензируемой работы через ее жанр или часть (словарь, справочник, пособие, монография, издание, раздел и др.); аспекты, методы исследовательской деятельности ученого; поставленная науч. задача; материал исследования; характер стиля и др. Л.В. Красильникова выделяет четыре типа оценок науч. произведения в целом и его отдельных аспектов: 1) общая аксиологическая оценка (*высокий уровень, хороший образец, блестящая идея*); 2) ментальная оценка, включающая в себя психолого-интеллектуальную (*важный вклад, основополагающий метод, серьезная попытка* и др.) и эмоционально-интеллектуальную (*остроумная идея, рациональный подход, тонкий анализ*) оценку; 3) практическая оценка, основывающаяся на отношении к норме, стандарту, традиции, актуальности, эффективности и т.д. (*идеальная классификация, академический труд, своевременная постановка проблемы*); 4) эмоциональная оценка, обозначающая различные психологические состояния и реакции (*сильное впечатление, неожиданные выводы, поразительные результаты*). Оценка лица, упоминаемого в Рец., включает в себя общую оценку мастерства (*большой ученый*), профессиональную оценку (*высококвалифицированный специалист*), этико-психологическую оценку (*смелое решение*) (*Красильникова Л.В.,* 1999).

Реферат — семантически адекватное, ограниченное малым объемом и вместе с тем достаточно полное изложение основного содержания первичного науч. текста, отличающееся постоянством структуры и предназначенное для выполнения разнообразных информационных функций при использовании его читателями разных категорий. В настоящее время в сфере науч. коммуникации Реф. является одним из самых распространенных Ж.н.л. Главная функция любого Реф. — информативная. Из всех вторичных документов Реф. отличается наибольшей информативностью, благодаря чему в ряде случаев он может заменить первоисточник. Прежде всего это касается расширенных Реф., типа публикуемых в экспресс-информации ВИНИТИ, реферативных журналах ИНИОН и т.п., а также кратких рефератов статей, содержащих описание изделий, технологических процессов, результатов экспериментов.

Основные требования, предъявляемые к Реф., были сформулированы еще М.В. Ломоносовым, который цель Реф. видел в том, «чтобы уметь схватить новое и существенное в сочинениях». Поскольку Реф. является сообщением вторичного характера, его тема и содержание обусловлены темой и содержанием реферируемого источника информации. В Реф. сохраняются уровень доступности материала, присущий первичному тексту; отдельные структурные элементы реферируемого документа (заглавие, текстовая часть, некоторые рисунки и др.). Для процесса реферирования имеет значение и такое существенное явление, как инвариантность информации относительно логических преобразований, совершаемых в процессе подготовки Реф. Инвариантный характер информации проявляется в том, что независимо от степени сжатия ее семантические свойства остаются неизменными. Свертывание становится возможным благодаря анализу, обобщению и представлению в Реф. прежде всего тех фактов, которые относятся к основным аспектам содержания первичного текста. Иными словами, в процессе подготовки Реф. извлекается и освобождается от логических связей (доказательств, обсуждений и т.п.) главная идея, которая объединяет все информационные элементы первичного документа и основные факты.

Важно, что при пользовании Реф. читатель имеет иную направленность чтения, иную цель, чем при чтении первичного текста, а именно оценить первичный документ и определить свое отношение к нему. В ряде случаев Реф. может заменять чтение первичного документа. Поэтому при оценке адресата Реф. учитывают различия в понятиях «потребитель информации» и «читатель».

Структура Реф. стандартизована и включает следующие части: заголовочную (заглавие Реф. и библиографическое описание первичного текста), собственно реферативную (информацию, получаемую путем аналитико-синтетической переработки содержания первичного текста), справочный аппарат (индекс УДК, справки о числе иллюстраций и таблиц в тексте реферируемого документа, примечания референта или редактора и др.).

В зависимости от назначения и объема разграничиваются информативные и индикативные Реф. Информативный Реф. может выполнять весь комплекс функций вплоть до замены реферированной работы: в нем указываются предмет исследования и цель работы, приводятся основные результаты, содержатся данные, относящиеся к характеру, методам, условиям исследования, отражаются намеченные автором возможности применения результатов и т.д. Индикативный Реф. лишь указывает на основные аспекты содержания первичного документа без детальной фактографической информации, подробного изложения теоретических и практических результатов и выводов. Его целевое назначение — обратить внимание потребителя информации на важность первичного документа. Текст индикативного Реф. обычно излагается в пассивном залоге (*Исследуется проблема Анализ проводится с точки зрения Используются методы Рассматриваются вопросы*).

Специфической разновидностью Реф. является автореферат диссертации (АРД), фиксирующий основное содержание диссертации, выполняющий функцию информирования о результатах проведенного исследования и введения их в сферу науч. коммуникации. Наряду с информативной АРД выполняет также «сигнальную», «адресную», «представительскую» и «правовую» функции (*В.И. Соловьев*). Первая связана с тем, что факт появления автореферата сигнализирует о предстоящей защите диссертации. Вторая — с наличием в АРД сведений о времени и месте защиты, об оппонентах, ведущей организации, месте хранения диссертации и др. Представительская функция заключается в ознакомлении с диссертацией читателей — как правило, специалистов в соответствующей области науки, среди которых выделяются читатели-ученые, выступающие в роли оппонентов, рецензентов, критиков. В связи с этим важно, чтобы АРД содержал данные, по которым можно было бы судить об уровне диссертации и о научной квалификации ее автора, включая его навык реферирования и оформления результатов науч. труда. АРД имеет силу официального юридического документа, без которого диссертация не может быть допущена к защите, — с этим связана его правовая функция.

В структурном отношении АРД, как и всякий Реф., включает три части: заголовочную (сведения о специализированном совете, ФИО автора, название темы, шифр и название специальности, название ученой степени); собственно реферативную, в которой излагается содержание диссертации; справочную (сведения о ведущей организации, науч. руководителе, оппонентах, дате защиты, а также перечень опубликованных работ).

Основной объем АРД занимает собственно реферативная часть, которая существенно отличается от аналогичного структурного элемента прочих рефератов. Ее особенность заключается в том, что она состоит из трех практически самостоятельных разделов. В первом разделе дается общая поаспектная характеристика содержания диссертации, во втором излагается содержание диссертации по ее структурным элементам, в третьем приводится обобщенное заключение. Поаспектная характеристика диссертации включает следующие рубрики: актуальность темы, науч. проблема (задача), цель исследования, результаты исследования, методы, материал, условия исследования, науч. новизна, теоретическая значимость, практическая ценность, реализация результатов, пути их дальнейшей реализации, апробация работы, структура и объем диссертации. Для представления соответствующих аспектов диссертации используются стандартные стилистические конструкции, напр.: *Автор видит новизну полученных результатов в том, что; По мнению автора, новыми являются; В отличие от в данной диссертации; Материалы исследования могут быть использованы в; На защиту выносятся следующие положения* и др.

Второй раздел АРД должен дать как можно более полное представление о науч. содержании и внутреннем единстве диссертации. Здесь

важно показать, как были получены результаты, представить ход исследования, изложить суть использованных методов, привести данные об их точности и трудоемкости, описать условия и основные этапы эксперимента. Во всех случаях — т.е. независимо от науч. области, темы и других конкретных факторов — в АРД необходимо включать выводы и конечные результаты. Сокращение текста в процессе реферирования достигается за счет уменьшения количества (или исключения) рассуждений, сравнений, обсуждений, обоснований, описаний и т.п. Резервом для сокращения могут послужить иллюстрации, из которых в АРД целесообразно включать лишь самые необходимые.

В Заключении не стоит перечислять общие выводы диссертации, уже изложенные в первом и втором разделах, целесообразнее давать обобщенную итоговую оценку проделанной работы. При этом следует указывать, в чем автор видит главный смысл своего труда; какие важные побочные результаты получены при выполнении диссертации; каковы новые науч. задачи / проблемы в связи с проведенным исследованием и возможные направления их решения. Заключение, составленное по такому принципу, дополнит характеристику теоретического уровня диссертации, а также продемонстрирует профессиональную зрелость автора и его науч. квалификацию.

Жанр — категория исторически изменчивая. Ядро и периферия науч. жанра непостоянны во времени, и, кроме того, характеристика ядра и его соотношение с периферией и пограничными областями зависят от конкретной науч. дисциплины и ее полиграфических традиций, от издательских традиций той или иной страны, обусловленных исторически и социально-экономически.

Лит.: Мальчевская Т.Н. Специфика научных текстов и принципы их классификации (на материале английских биологических текстов) // Особенности стиля научного изложения. — М., 1976; Соловьев В.И. О функциональных свойствах автореферата диссертации и особенностях его составления. — НТИ. — Сер. 1. — 1981. — № 6; Брандес М.П. Стилистика немецкого языка. — М., 1983; Жанры информационной литературы: Обзор. Реферат. — М., 1983; Ванников Ю.В. Типы научных и технических текстов и их лингвистические особенности: Методическое пособие. Ч. 1. — М., 1984; Барнет В. Проблема изучения жанров устной научной речи // Современная русская устная научная речь. — М., 1985; Лаптева О.А. Общие особенности устной публичной (научной) речи, там же; Троянская Е.С. Научное произведение в оценке автора рецензии (к вопросу о специфике жанров научной литературы) // Научная литература: Язык, стиль, жанры. — М., 1985; Ее же: Обучение чтению научной литературы. — М., 1989; Воробьева М.Б. Некоторые особенности научного произведения обзорного характера // Общие и частные проблемы функциональных стилей. — М., 1986; Магеррамов И.А. О структурно-семантической неоднородности научного текста // Вопросы стилистики. — Саратов, 1986; Радзиевская Т.В. Реферативный текст в лингвопрагматическом аспекте. — НТИ. — Сер. 2. — 1986. — № 1; Разинкина Н.М. Библиографические ссылки и их роль в организации научного текста // Общие и частные проблемы функциональных стилей. — М., 1986; Шурыгина И.Л. Жанры научной литературы. — М., 1986; Котюрова М.П. Об экстралингвистических

основаниях смысловой структуры научного текста. — Красноярск, 1988; Васильева А.Н. Основы культуры речи. — М., 1990; Демидова А.К. Пособие по русскому языку. Научный стиль. Оформление научной работы. — М., 1991; Чернявская В.Е. Интертекстуальность как текстообразующая категория вторичного текста в научной коммуникации (на материале немецкоязычных научно-критических текстов рецензий). — Ульяновск, 1996; Красильникова Л.В. Жанр научной рецензии: семантика и прагматика. — М., 1999; Крижановская Е.М. Коммуникативно-прагматическая структура научного текста: Дис. ... канд. филол. наук. — Пермь, 2000; Баженова Е.А. Научный текст в аспекте политекстуальности. — Пермь, 2001.

Е.А. Баженова, М.П. Котюрова

ЖАНРЫ ОБИХОДНО-РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ представлены *речевыми жанрами* (Р. ж.) (см. *Речевой жанр*), являющимися основным средством организации обиходно-разговорной речи (О.-р. р.) — сложного коммуникативного феномена, чаще всего характеризующегося спонтанностью, неофициальностью, непосредственностью, постоянным активным участием слушающего (как следствие — частой сменой тем, коммуникативных ролей, непредсказуемостью).

«Даже в самой свободной и непринужденной беседе мы отливаем нашу речь по определенным жанровым формам, иногда штампованным и шаблонным, иногда более гибким, пластичным и творческим (творческими жанрами располагает и бытовое общение). Эти речевые жанры даны нам почти так же, как нам дан родной язык» (*М.М. Бахтин*).

Р. ж. о.-р. р. являются средством ориентации в многообразии диалогических коммуникативных смыслов, участвуют в становлении коммуникативной компетенции языковой личности, при этом, по-видимому, овладение жанровой системностью предшествует овладению языковой системностью.

К числу важнейших признаков (оснований типологии) Р. ж. о.-р. р. можно отнести противопоставление жанров: а) первичных и вторичных, б) фатических и информативных, в) риторических и нериторических, г) конвенциональных и неконвенциональных, д) простых и сложных.

Ведущая роль в О.-р. р. принадлежит первичным (непосредственным) Р. ж. (М.М. Бахтин). На их базе в опосредованных культурных сферах коммуникации развиваются разнообразные вторичные Р. ж. — о них подробнее см. в других статьях Словаря.

«Фатика» понимается как вступление в общение, имеющее целью само общение. «Информатика» — как вступление в общение, имеющее целью сообщение чего-л. (*Т.Г.Винокур*). Выделяется пять основных типов фатических речевых жанров (Ф.р.ж.): 1) Ф.р.ж., ухудшающие межличностные отношения в прямой форме: оскорбления, ссоры; 2) улучшающие межличностные отношения в прямой форме: признания, комплименты; 3) ухудшающие отношения в косвенной форме: колкость, издевка; 4) улучшающие отношения в косвенной форме: шутка, флирт; 5) праздноречевые жанры: межличност-

ные отношения не улучшаются и не ухудшаются, степень косвенности — приблизительно $^1/_2$.

По тяготению к «верху» и «низу» коммуникативного пространства Р. ж. о.-р. р. делятся на риторические и нериторические. Риторические Р. ж. о.-р. р. (светская беседа, застольные жанры) главным образом обслуживают неофициальные, но публичные коммуникативные ситуации (*К.Ф.Седов*).

Конвенциональные жанры диктуют адресату речи четкую интерпретацию коммуникативных намерений адресанта. Конвенциональные первичные простые жанры близки иллокутивным (речевым) актам. Их можно типологизировать на целевой основе, напр., вопрос: *Ну ты была в больнице? Как там Марина?*; просьба: (по телевизору передают концерт) *Никита, убавь, пожалуйста, это эту — Да/муру*.

Неконвенциональные жанры соотносимы не с типическими интенциями, а с бесконечно многообразными интенциональными состояниями адресата и порождают нечеткую интерпретацию. Интенциональное состояние — сообщение: (соседки по дому А. и Б. встречаются на улице) А.*Здрасьте / что там в овощном?* — Б. *Ничё нету //* — А. *Совсем?* — Б. *Токо картошка //* — А. *Молодая?* — Б. *Нет / старая // А больше ничего //* — А. *Ну пойду посмотрю //*. Невозможно сказать, означает ли последняя реплика А. *Ну пойду посмотрю* то, что А. осталась не удовлетворена ответом Б. на свой вопрос *Что там в овощном?* и хочет получить более точную информацию, или же А. хочет сообщить, что отправляется *посмотреть* старую картошку. Складывается впечатление, что А. вообще не ждет ответа как такового.

Интенциональное состояние — воздействие (периферия «поля побудительности»): (А. входит в комнату, где находятся Б. и В., погруженные в работу) А. *Кто как хочет / но время обеденное //* — Б. *Угу //* (А. молча собирается и уходит обедать). Высказывание *Кто как хочет / но время обеденное* можно истолковать как предложение пойти пообедать вместе, однако А. не пытается уговорить коллег, и ее удовлетворяет неопределенная ответная реплика *Угу*.

На неконвенциональные Р. ж. приходится основная часть общего пространства О.-р. р., особенно в области фатических Р. ж.

Особую разновидность Р. ж. о.-р. р. составляют косвенные Р. ж., среди которых также выделяются конвенциональные косвенные Р. ж., напр.: косвенная просьба: *Вы меня завтра разбудите пораньше / Да?*; *Галь // Можно у тебя веник попросить (на пятнадцать минут)?*; косвенное оскорбление (колкость): *Телесериалы смотрят одни идиоты*; косвенный комплимент (флирт): *Ты говори, а я буду любоваться тобой.*

Лит.: Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. — М., 1993; Ее же: Информативная и фатическая речь как обнаружение разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего // Рус. яз. в его функционировании. Коммуникат.-прагматич. аспект. — М., 1993; Бахтин М.М. Проблема речевых жанров. Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров» // Собр. соч. Т. 5. — М., 1996;

Жанры речи. Вып. 1. — Саратов, 1997; Вып. 2. — Саратов, 1999; Вып. 3. — Саратов, 2002; Федосюк М.Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров. — ВЯ. — 1997. — №5; Формановская Н.И. Коммуникат.-прагматич. аспекты единиц общения. — М., 1998; Дементьев В.В. Фатические речевые жанры. — ВЯ. — 1999. — №1; Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Речь москвичей. Коммуникат.-культурологич. аспект. — М., 1999; Кожина М.Н. Стиль и жанр: их вариативность, историческая изменчивость и соотношение, Stylistyka-VIII. — 1999; Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. — Екатеринбург, 2001; Седов К.Ф. Жанр и коммуникат. компетенция // Хорошая речь. — Саратов, 2001.

В.В. Дементьев

ЖАНРЫ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОГО СТИЛЯ, как и других стилей, — определенные «относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы» произведений» (*М.М. Бахтин*). В официально-деловом стиле (сравнительно, например, с научным стилем) жанр является сильно действующим фактором, т.е. жанровые стилистические различия текстов деловой речи выражены явно и определенно.

Долгое время в центре внимания исследователей Ж.оф.-д.с. находились лишь законодательные тексты, составляющие ядро стиля. Изучение этих текстов началось в конце 1960-х гг. с анализа языка первых декретов Советской власти, Конституции СССР, советских законов как с позиции лингвостилистики (*К.А. Логинова,* 1968; *М.Н. Кожина,* 1977; *А.К. Панфилов,* 1968; *Д.Н. Шмелев,* 1977), так и с позиций специалистов в области права (*А.С. Пиголкин,* 1972*; А.А. Ушаков,* 1968). Благодаря этому были выявлены основные *стилевые черты* (см.) *официально-делового функционального стиля* (см.), дано теоретическое обоснование его внутренней дифференциации, объяснены принципы построения официально-деловых текстов (*М.Н. Кожина,* 1966, 1968, 1972). Изучение законодательных жанров было продолжено наблюдениями над выражением в текстах УК и ГК РСФСР функциональной семантико-стилистической категории оценочности (*Т.В. Губаева,* 1987; *Н.Н. Ивакина,* 1994). Параллельно идет изучение юрисдикционных жанров, в частности обвинительных заключений (*В.С. Зубарев, Л.П. Крысин, В.Ф. Статкус,* 1976), приговоров, протоколов (*Т.В. Губаева,* 1978; 1990). Позднее исследователи обращают внимание на особенности не только первичных законодательных жанров, но и вторичных (М.*А. Ширинкина,* 2001).

В исследованиях Ж.оф.-д.с. в связи с необходимостью обучать делопроизводству и редактированию служебной документации большое развитие получил методический аспект, что нашло выражение в изданиях прикладного характера с рекомендациями по соблюдению функционально-жанровой нормы, рациональному использованию языковых средств и повышению эффективности делового общения (см. работы *П.В. Веселова, А.К. Демидовой, и Е.А. Смирнова, М.В. Колтуновой, Ф.А. Кузина, Л.В. Рахманина, И.А. Стернина, Б.С. Шварцкопфа* и др.). С развитием лингвориторики в последнее десятилетие продолжено изучение устных жанров де-

ловой речи, в частности производственных, а также дипломатических речей (*Н.Н. Романова, А.В. Филиппов,* 1999), речей-представлений (*М.В. Колтунова,* 2000).

В то же время вследствие расширения сферы делового общения в связи с социальными изменениями XX в. и появлением новых жанров устной и письменной официально-деловой речи и их проникновения в речевую практику становится весьма актуальным их изучение с целью выработки нормативно-стилистических рекомендаций. Реально существующее и изменчивое жанровое многообразие официально-деловых текстов все еще остается недостаточно изученным из-за ограничения объекта исследования наиболее известными и значимыми жанрами типа закона, приказа, заявления и нек. др.

Ж.оф.-д.с. создаются в правовой сфере, где основным стилеобразующим экстралингвистическим фактором выступает право как форма общественного сознания с соответствующим ему видом деятельности. Если правовой вид социокультурной деятельности рассмотреть в качестве иерархически организованной системы частных деятельностей с их целями общения и функциями (*Г.С. Батищев; В.А. Салимовский*), то на их основе можно осуществить дальнейшую внутристилевую классификацию жанров. Вербальная регулятивная деятельность в сфере права реализуется, во-первых, через выражение *предписаний* государства, органа, уполномоченного лица по отношению к нижестоящим органам, институтам, организациям, гражданам, во-вторых, путем *ходатайства* нижестоящих структур, исполнителей, отдельных граждан к вышестоящим органам с просьбами, предложениями, заявлениями, *побуждающими* последних *к* каким-либо *действиям*, *к принятию решений*. Наконец, чтобы принять те или иные решения и осуществить правовые действия, необходима информационно-правовая основа, которая создается посредством *фиксации* состояния дел на конкретном участке деятельности. Таким образом, в текстах официально-деловой сферы объективируются как минимум три вида более частных деятельностей, отличающихся целями общения и функциями: предписание, ходатайство и информирование, на основе которых внутри каждого из четырех подстилей официально-делового стиля (законодательного, юрисдикционного, административного и дипломатического) соответственно названным выше разновидностям деятельности и подцелей выделяются следующие три группы жанров. Поскольку количество жанров ОДС чрезвычайно велико, многообразно, необходимо их систематизировать.

Из таблицы видно, что жанровое расслоение в оф.-д. с. представляет собой весьма сложную и разветвленную картину. При этом выделенные группы текстов могут функционировать в тех или иных формах речи (устной или письменной). Так, законодательные тексты предписывающего типа реализуются лишь в письменной форме, тогда как тексты-ходатайства и тексты информирующего типа лишь в устной. Административные же тексты всех видов встречаются как в письменной, так и в устной форме.

Таблица

ЖАНРЫ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОГО СТИЛЯ

Виды деятельности				
Подстили	Формы речи	Предписание	Ходатайство	Информирование
Законодательная	**Письменные**	Законы, решения, нормативные акты, указы, постановления, вторичные (инструкции, разъяснительное письмо, консультация, постатейные и оперативные комментарии)		
	Устные		Апеллирующие парламентские речи	Парламентские речи, прения
Юрисдикционная	**Письменные**	Обвинительные заключения, приговоры, определения, судебные решения, постановления об аресте, об обыске и др.	Кассационные жалобы, кассационные протесты, поручения, подписки, обязательства	Процессуальные акты, протоколы
	Устные		Судебные речи, беседы при приеме граждан и др.	Опросы, допросы, показания, очная ставка
Административная	**Письменные**	Приказы, решения, уставы, постановления, инструкции, служебные циркулярные письма, факсы и телеграммы директивного характера договоры, контракты, трудовые соглашения, представления, заявки, контракты (торговые), договоры страхования (жизни, имущества и др.)	Петиции; исковые, личные заявления, объяснительные записки, рекомендательные письма, служебные письма, факсы и телеграммы ходатайствующего характера, заявки, завещания, коммерческие письма типа оферты и претензии	Автобиографии, докладные записки, личные листки по учету кадров, резюме, коммерческие письма, банковские документы (чеки, аккредитивы, кредитные карты, платежные поручения), акты, бухгалтерская документация (ордера, отчеты, квитанции, счета, реестры, ведомости, регистры, журналы-ордера, кассовые книги, калькуляции (сметы), календарные планы, авансовые отчеты, карточка учета материальных ценностей), товаросопроводительная документация (накладная, акт, сертификат соответствия/происхождения), страховые полисы и др.
	Устные	Распоряжения, переданные лично или опосредованно (по телефону)	Речи-представления, аукционы, выступления-предложения, просьбы	Коммерческие переговоры, речи на приемах и презентациях, торги, беседы, выступления и доклады на собраниях, совещаниях, телефонные разговоры, прения

Продолжение табл.

Виды деятельности				
Подстили	Формы речи	Предписание	Ходатайство	Информирование
Дипломатическая	**Письменные**	Договоры, соглашения, конвенции, пакты, декларации, ультиматумы, вербальные ноты, протоколы	Личные ноты	
	Устные			Совместные заявления, коммюнике, совместные коммюнике, меморандумы

Жанровые особенности оф.-дел. текстов обусловлены типовыми целеустановками, которые реализуют тот или иной вид деятельности в определённой сфере. Так, деятельность по предписанию может осуществляться как указание на юридическую ответственность, наступающую при определенных обстоятельствах и условиях, или как требование выполнения тем или иным должностным лицом необходимых действий, как установление порядка и способа выполнения действий и т.д. Ходатайство, обращенное к компетентным органам, структурам, должностным лицам, осуществляется как просьба, жалоба, претензия, предупреждение, напоминание, опровержение, запрос, предложение и т.д. Информирование осуществляется как констатация, удостоверение, описание, перечисление и т.д.

Каждая из перечисленных целеустановок реализуется более или менее привычным образом некоторой совокупностью нормативно-правовых коммуникативных действий. Следовательно, жанровая форма предстает как закрепленный социальным опытом, многократно используемый способ реализации авторского замысла (общей цели) набором коммуникативных действий (*В.А. Салимовский*). Применительно к Ж.оф.-д.с. это означает, что выполнение той или иной целеустановки осуществляется с помощью реквизитов (совокупностью формальных элементов документа), регламентируемых законодательством (гражданским или уголовным кодексом — в документах юрисдикционной сферы), устанавливаемых этикетными нормами (в письмах), расположенных по определенной, закрепленной ГОСТом схеме (в документах административной сферы). Тем самым отличительной специфической чертой Ж.оф.-д.с. является их жесткая стандартизация, форма.

Этот набор реквизитов передается регламентированными языковыми средствами, что приводит к использованию устойчивых, клишированных выражений и синтаксических конструкций, проверенных долголетней практикой. Такая стандартизированность текста особо характерна для административных жанров, достаточно изученных стилистами, что

позволяет вырабатывать практические рекомендации по составлению этих документов. Интерес исследователей к названным жанрам объясняется масштабами их проникновения в речевую практику различных сфер деятельности.

Оф.-дел. письменные тексты различаются также по способу синтаксической организации речи, ее пространственно-графическому оформлению: 1) традиционная линейная запись связной речи (закон, автобиография, договор, приговор, обвинительное заключение и др.); 2) трафарет — традиционная линейная запись, содержащая пробелы, которые заполняются переменной информацией (протоколы, справки, чеки, контракты); после заполнения пробелов запись воспринимается в целом как линейная; 3) анкета — перечень заранее подготовленных вопросов и ответов на них (личный листок по учету кадров, заявление абитуриента); 4) таблица — совокупность данных, представленных в словесной и цифровой форме и заключенных в графы по вертикали и горизонтали (отчеты, финансовые ведомости, табели и др.). В одном тексте свободно могут сочетаться различные способы подачи информации.

Широкое распространение нелинейных текстовых форм, содержащих помимо заранее напечатанной постоянной информации пробелы и графы для заполнения их сведениями переменного характера (названиями организаций, фамилиями, датами, суммами, денежными единицами и т.п.), объясняется наличием типовых ситуаций делового общения, в которых в соответствии с коммуникативной целеустановкой используются документы строго определенных жанров. Их тиражирование позволяет составителям экономить усилия и время. Особенно разнообразны такого рода административные письменные тексты (банковская и бухгалтерская, товаросопроводительная документация).

В соответствии с определенной коммуникативной целеустановкой, функцией документа, связанного с реализацией того или иного вида деятельности, определяется характер изложения, строй и тон речи, ее стилевые качества, отбор языковых и речевых средств. В Ж.оф.-д.с. в силу различных экстралингвистических обстоятельств в разной степени выражены *стилевые черты* (см.) данного стиля. Так, в текстах предписывающего типа в большей степени востребованы императивность изложения и точность выражения, которые способствуют «безотказной» реализации регулировочной функции права. Поскольку в этих документах фиксируются отношения между государством и гражданами как некой совокупностью, общностью, постольку этим текстам присущ неличный характер изложения.

Текстам-ходатайствам, наряду с императивностью, свойственна личностность изложения, нехарактерная для других текстов оф.-д.с., так как в этих документах отражаются отношения между юридическими лицами, представителями администрации, с одной стороны, и отдельными гражданами, с другой.

Для информирующих текстов характерна подчеркнутая, акцентированная констатация, способствующая отражению стадий применения

законов в практике правоохранительных органов или состояния дел в том или ином случае. При этом в значительно меньшей степени выражена императивность. Рассмотрим особенности отдельных Ж.оф.-д.с. в соответствии с представленной в таблице классификацией.

Юрисдикционные документы (письменной формы речи) — индивидуальные правовые акты, оформляющие применение правовых норм в конкретных жизненных ситуациях (гражданских, уголовных и арбитражных делах). Среди них можно выделить несколько групп: 1) документы-предписания, типовое содержание которых состоит в отражении решения какого-либо процессуального вопроса; 2) документы-письма (кассационные жалобы, кассационные протесты, поручения, подписки, обязательства и др.), содержащие ходатайства; 3) информирующие документы — протоколы (показаний, осмотров, обысков и т.д.), фиксирующие ход и результаты процессуальных действий, осуществляемых следователем, лицом, производящим дознание, при расследовании уголовных и гражданских дел, а также арбитражным судом при разбирательстве арбитражных дел.

Из первой группы рассмотрим приговоры и обвинительные заключения. Приговор — документ, целевая установка которого зафиксировать решение, вынесенное в судебном заседании по вопросу виновности подсудимого (обвинительный) или его невиновности (оправдательный), а также о применении или неприменении к нему определенного наказания. Документ состоит из трех частей: 1) вводной, содержащей изложение обстоятельств вынесения приговора; 2) основной, включающей описание преступного деяния и доказательство его совершения; 3) заключительной, резолютивной.

Первая часть, раскрывающая обстоятельства вынесения приговора, синтаксически организована в одно предложение и распространена: а) обстоятельствами времени (сообщающими о дате вынесения приговора), места (сообщающими о местонахождении суда, постановившего приговор), б) рядом однородных определений, содержащем данные о подсудимом; в) определением, которое содержит ссылку на статью того уголовного закона, в нарушении которого обвиняется подсудимый.

Основная часть документа включает следующий набор реквизитов: а) описание преступного деяния, признанного доказанным; б) изложение доказательств, на которых основаны выводы суда, или доказательства, послужившие основанием для оправдания судом; в) указания на обстоятельства, смягчающие или отягчающие ответственность, или мотивов, объясняющих, почему суд отвергает доказательства, на которых построено обвинение. При описании преступных действий используются глаголы и глагольные формы, темпоральные единицы и языковые средства, указывающие на место совершения преступления.

В резолютивной части нейтрально-констатирующий тон основной части заменяется директивным, здесь излагаются: а) решение суда (обвинение или оправдание); б) вид и размер наказания или указание об отмене меры пресечения; в) решение по предъявленному гражданскому

иску или решение о возмещении ущерба; г) решение вопроса о вещественных доказательствах, о распределении судебных издержек, порядка и срока кассационного обжалования и опротестования приговора. Эта часть документов организована рубрикацией, содержание решения передается инфинитивными предложениями.

Обвинительное заключение — процессуальный документ, составляемый по завершении предварительного расследования, цель которого — обоснование вывода следователя (органа дознания) о достаточности данных для предания суду обвиняемого. Жанровую форму документа составляют три речевых действия: 1) изложение существа дела; 2) анализ собранных доказательств; 3) формулировка обвинения.

В описательной части излагается сущность дела: место и время совершения преступления, его способы, мотивы, последствия и др. существенные обстоятельства; сведения о потерпевшем, а также доказательства, которые подтверждают наличие преступления и виновность обвиняемого; доводы, приводимые обвиняемым в свою защиту, и результаты проверки его доводов. В резолютивной части приводятся сведения о личности обвиняемого и излагается предъявленное обвинение с указанием статьи или статей закона, предусматривающих данное преступление.

Логическая композиция описанных документов составляет чередование стандартного и свободного текста. Стилистические особенности документов определяются характером излагаемой информации: событийная информация передается описанием фактических обстоятельств дела (указанием на место, время, действующих лиц и их действия); констатирующая информация выражается клишированными конструкциями, вводящими в ситуацию и указывающими на процессуальные действия и их обоснование; предписывающая информация — побудительно-императивными конструкциям.

В правовой сфере широко используются также устные тексты — допросы, опросы, судебные речи (см. *судебное красноречие*).

Административные документы ***(деловое досье фирмы) — это набор необходимых документов, регулирующих отношения как внутри фирмы, так и за ее пределами, с другими предприятиями.***

Нередко документы служат письменным доказательством при возникновении имущественных, трудовых и иных споров. Документирование информации осуществляется в порядке, который устанавливается органами государственной власти, ответственными за организацию делопроизводства и стандартизацию документов. В управленческой деятельности используются разнообразные документы, рукописные, машинописные, составленные на компьютере, полученные по телефаксу, электронной почте и т.д.

Документы обладают многими функциями, среди которых следует выделить коммуникативную, позволяющую поддерживать внешние связи предприятий и организаций, и юридическую, позволяющую использовать деловые бумаги в качестве доказательств при рассмотрении спорных вопросов. Ряд документов уже изначально наделен юриди-

ческой функцией: это договорная документация, правовые акты государственного управления, нотариально заверенные документы и др.

У каждого жанра существует официально принятая, а чаще утвержденная ГОСТом форма, или сумма реквизитов, а также схема их расположения, что придает им правовую значимость. В соответствии с жанром делового текста регламентируются и языковые средства, что приводит к использованию устойчивых, клишированных выражений и синтаксических конструкций, проверенных долголетней практикой.

Документы сферы управления можно разделить на следующие группы: 1) директивные и информационно-инструктивные: законы, указы, постановления, подзаконные акты, методические указания, инструкции вышестоящих органов; 2) внутренние распорядительные документы (обычно называемые организационно-распорядительными): уставы, приказы, распоряжения, учредительные договоры, решения, докладные и объяснительные записки, справки, письма и факсы и т.д.; 3) документы по личному составу, регулирующие трудовые отношения: приказы о приеме, увольнении, переводе и т.д., заявления, характеристики, табели и графики, трудовые книжки, учетные личные карточки, личные дела (данные документы важны, поскольку с их помощью осуществляется право человека на труд, пенсионное обеспечение и т.д.); 4) финансово-бухгалтерские документы, с помощью которых, независимо от форм собственности, ведется установленный государством учет и отчетность (в них отражаются операции фирмы: затраты и расходы, доходы, прибыль, расчеты с поставщиками, клиентами, бюджетом): балансы, различные акты, счета, бизнес-планы, ведомости, платежные поручения, бухгалтерские книги и т.д.

Очевидно, что описать каждый из названных жанров невозможно; охарактеризуем несколько наиболее распространенных, повседневно актуальных жанров.

При приеме на работу и знакомстве работодателя с кандидатом на вакантное место требуется ряд документов: заявление, автобиография, резюме.

Заявление — документ-ходатайство, содержащий просьбу/предложение (в некоторых случаях их краткую аргументацию) какого-либо лица и адресованный организации или должностному лицу учреждения. В заявлении используются клишированные синтаксические конструкции: 1) выражающие просьбу: прошу (принять, разрешить, допустить и т.п.); *Прошу Вашего разрешения* (согласия) + на что? (на зачисление и т.п.). 2) вводящие аргументацию: *ввиду того что; в связи с тем что, на основании того, что; потому что; так как; учитывая (что?)*

Автобиография — документ информационного типа, целевая установка которого описать жизненный путь составителя текста. Пишется от руки, излагается в произвольной форме от 1-го л. в хронологическом порядке и должен дать представление о жизни, квалификации и общественно-политической деятельности составителя. Жанровую форму составляет сообщение следующей информации: 1) сведения о со-

ставителе (имя, отчество, фамилия, дата и место рождения, сведения о родителях), 2) сведения об образовании (когда и где учился), 3) сведения о трудовой деятельности (специальности, виды деятельности, последнее место работы), 3) знаки отличия (награды, поощрения), 4) сведения о семье (семейное положение, состав семьи, домашний адрес и телефон), 5) дата и подпись. Каждый новый блок информации лучше начинать с определения времени и графически обозначать абзацем.

Резюме (самохарактеристика) — составляемый при приеме на работу документ информационного характера, целевая установка которого изложить сведения об образовании и трудовой деятельности кандидата на вакантное место. Главные принципы составления резюме — подчеркнуть все положительные сильные моменты и сделать незаметными, насколько это возможно, отрицательные слабые стороны. Правильно составленное резюме — рекламный проспект, призванный показать, что собой представляет его податель и чем он лучше других. Сообщение неверных сведений может стоить человеку репутации.

Сведения излагаются в «обратном» хронологическом порядке. Обычно отмечается все, что имеет отношение к той специальности или должности, на которую претендует соискатель. О местах работы сообщается в обратном порядке с обозначением времени (сроков), мест, должностей, служебных обязанностей. Затем отмечается то, что характеризует автора как работника, но не относится к конкретным служебным обязанностям, например наличие водительских прав, умение работать с компьютером, знание иностранных языков, наличие печатных трудов, профессиональные навыки по другой специальности.

В случаях конфликтных ситуаций на предприятиях, выявлении каких-либо нарушений, невыполнения указаний составляются докладные и объяснительные записки.

Докладная записка — информационно-справочный документ, цель которого — информирование о ситуации, каком-л. факте, о выполненной работе. Адресат — руководитель подразделения или учреждения. Информация записки принимается им к сведению или побуждает его к действию. Жанровую форму составляют два действия: 1) сообщение негативных фактов, 2) изложение выводов и предложений. Тексту записки предшествует заголовок, начинающийся с предлога *о*, например: *О срыве занятий*. Текст подписывается составителем с указанием должности, инициалов и фамилии.

Объяснительная записка — документ, указывающий на причины, которые привели к каким-либо нарушениям. Составляется в произвольной форме и по структуре близка к докладной записке.

В докладной и объяснительной записках используются следующие клишированные синтаксические конструкции: 1) вводящие констатирующую информацию: *Сообщаю Вам, что; Довожу до Вашего сведения...*; 2) выражающие просьбу или предложение: *Прошу, предлагаю + инфинитив (принять меры, выделить, разрешить, допустить, перенести...*); 3) объясняющие ситуацию: *В связи с...; Вследствие...*

Достаточно распространены также исковые заявления — документы, целеустановкой которых является разрешение в суде спорных вопросов, возникших в отношениях работника и предприятия, клиента и служащих. Жанровую форму составляют следующие реквизиты: 1) номинация конфликтующих сторон (истца с указанием его адреса и ответчика); 2) изложение сути претензий, напр. «О взыскании зарплаты». Текст заявления должен быть подтвержден соответствующими документами (оформленными как приложения) и подписан заявителем.

Деловые (служебные) письма, несмотря на новые, более быстрые, порой и более надежные технологии, продолжают оставаться надежным каналом связи — однонаправленным, непрерываемым. Входящая и исходящая корреспонденция занимает значительное место в документообороте организаций; разнообразие П. позволяет классифицировать их по различным признакам. Так, разделение корреспонденции на деловую и коммерческую проводится по тематическому признаку. Дел. принято считать П., оформляющие экономические, правовые, финансовые и т.п. виды деятельности организаций, тогда как коммерческими считаются П., составляемые при заключении и выполнении контрактов, при решении вопросов покупки и продажи, сбыта и снабжения. Виды коммерческих П.: запросы, в которых содержатся просьбы что-л. разъяснить; предложения (оферты) — заявления о желании заключить сделку и ее конкретных условий; рекламации (претензии) — требования возместить убытки, нанесенные в результате невыполнения или нарушения условий контракта другой стороной. Инициативные коммерческие П. требуют обязательного ответа.

Дел. П. в соответствии с назначением могут быть гарантийными, сопроводительными, информационными, рекламными, содержащими просьбы, запросы, приглашения, напоминания, подтверждения, отказы и т.п. Осознанная адресатом цель общения формулируется в виде языковой формулы — устойчивого оборота, выражающего назначение послания. Ключевым словом в нем выступают глаголы соответствующей семантики: *просим, сообщаем, напоминаем* и др., напр.: *Просим Вас...; Мы будем благодарны (Вам), если Вы...; Напоминаем, что...; Считаем необходимым еще раз обратить Ваше внимание на...; Подтверждаем получение товара* и т.п.

Разделение служебных П. проводится также по признаку адресата на обычные и циркулярные, последние направляются из одного источника в несколько адресов: как правило, подчиненных организаций.

Немаловажное значение в деловой переписке имеет речевой этикет. В современных П. принято обращение *Уважаемый господин!..*, а в заключении: *Заранее благодарим за...; С уважением...* (см. *Речевой этикет*).

Лит.: Винокур Г.О. Культура языка. — М., 1929; Ушаков А.А. Очерки советской законодательной стилистики. — Пермь, 1967; Кожина М.Н. О речевой системности науч. стиля сравнительно с некоторыми другими. — Пермь, 1972; Ее же: О специфике худож. и науч. речи в аспекте

функц. стилистики. — Пермь, 1966; Ее же. К основаниям функц. стилистики. — Пермь, 1968; Ее же: Стилистика рус. языка. — М., 1977; 1983, 1993; Логинова К.А. Дел. речь и ее изменения в советскую эпоху. Развитие функц. стилей совр. рус. языка. — М., 1968; Веселов П.В. Совр. дел. письмо в промышленности. — М., 1970; Его же: Как составить служебный документ. — М., 1982; Иссерлин Е.М. Оф.-дел. стиль. — М., 1970; Пиголкин А.С. Основные особенности языка законодательства как особого стиля лит. речи и редактирование служебных документов. — М., 1973; Зубарев В.С., Крысин Л.П., Статкус В.Ф. Язык и стиль обвинительного заключения. — М., 1976; Шмелев Д.Н. Рус. язык в его функц. разновидностях. — М., 1977; Губаева Т.В. Грамматико-стилистические особенности юридических текстов: Дис. ... канд. филол. наук. — Баку, 1984; Ее же: Семантико-стилистическая категория оценки в законодательном тексте // Стилистика текста в коммуникативном аспекте. — Пермь, 1987; Ее же: Практический курс рус. яз. для юристов. — Казань, 1990; Ее же: Словесность в юриспруденции. — Казань, 1995; Веселовская Т.М. Особенности синтаксиса оф.-дел. стиля // Типология текста в функц.-стилистическом аспекте. — Пермь, 1990; Рус. язык дел. общения. — Воронеж, 1995; Шварцкопф Б.С. Оф.-дел. язык // Культура рус. речи и эффективность общения. — М., 1996; Его же: Оф.-дел. стиль // Энц. Рус. яз. — М., 1997; Ивакина Н.Н. Профессиональная речь юриста. — М., 1997; Культура рус. речи. — М., 1997; Колтунова М.В. Язык и дел. общение. — М., 2000; Шугрина Е.С. Техника юридического письма. — М., 2000; Кирсанова М.В., Анодина Н.Н., Аксенов Ю.М. Дел. переписка. — М.; Новосибирск, 2001; Ширинкина М.А. Вторичный дел. текст и его жанровые разновидности: Дис. ... канд. филол. наук. — Пермь, 2001.

Л.Р. Дускаева, О.В. Протопопова

ЖАНРЫ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО СТИЛЯ — определенные «относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы» произведений» (*М.М. Бахтин*), функционирующие в средствах массовой информации. Обычно выделяют три группы жанров: информационные (заметка, репортаж, интервью, отчет); аналитические (беседа, статья, корреспонденция, рецензия, обзор, обозрение) и худож.-публиц. (эссе, очерк, фельетон, памфлет). В перечисленных жанрах реализуются те черты и признаки, которые заключает в себе функц. стиль.

Публицистические тексты выполняют две основные функции: сообщение информации и воздействие на массового адресата. Сложная стилевая картина этого стиля обусловлена двойственностью его функциональной природы. Этим двуединством предопределен основной стилистический принцип публицистики, который В.Г. Костомаров называет единством, сопряжением экспрессии и стандарта. Первая, информирующая, функция проявляется в таких особенностях стиля, как документальность, фактологичность, официальность изложения, объективность, сдержанность. Другой, воздействующей, функцией детерминируется открытая, социальная оценочность (см. *социальная оценочность*) и эмоциональность речи, призывность и полемичность, простота и доступность изложения. Информационным жанрам в большей степени присуща функция сообщения, тогда как аналитическим — функция воздействия.

Однако перечисленные черты в разных жанрах порождают множество вариаций. Модифицируется в жанрах выражение авторского начала. Например, жанр заметки не предполагает открытого проявления авторского присутствия, тогда как в жанре репортажа событие передается через восприятие его автором. Вариативно в разных жанрах действие конструктивного принципа. Так, например, экспрессия возрастает от информационных материалов к художественно-публицистическим, при этом, соответственно, стандарт сокращается.

Вследствие таких различий некоторые исследователи отрицают единство газетно-публиц. стиля и считают публиц. лишь аналитические и худож.-публиц. тексты, исключая из числа публиц. информационные тексты, однако, представляется, такой подход неправомерен. Нельзя не согласиться с утверждением: «В основе различения понятий публицистический стиль — язык публицистики лежит узкое понимание стиля, при котором отношение названных единиц оказывается скорее количественным, чем качественным. Более широкая трактовка стиля, принимающая во внимание два типа показателей (интралингвистических и экстралингвистических — *авт.*), оказывается предпочтительнее, поскольку позволяет детально характеризовать языковые сущности и тем самым установить их сходство и отличия, а также специфическое в их составе» (*И.А. Вещикова,* 1991, с. 24). Следовательно, публицистическими являются не только аналитические и художественно-публицистические, но и информационные тексты: «Давний спор — является ли публицистикой новостная информация — бессмыслен: любое сообщение, опубликованное в СМИ, рассчитанное на определенное восприятие аудиторией и несущее на себе печать личности автора, — публицистично» (*Кройчик,* 2000, с. 141). Таким образом, несмотря на то что стилистические различия между жанрами могут быть весьма значительными, это не противоречит идее единства публицистического стиля. Напротив, функц. стиль «задает общую установку использования языковых средств и способ речевой организации» (*Г.Я. Солганик*), поэтому без такого общего подхода к исследованию, который позволяет осуществить понятие функц. стиля, невозможно вскрыть характерные черты отдельных жанров. Но, с другой стороны, вскрыть особенности функционального стиля в целом можно лишь в результате тщательного исследования специфики его жанровой реализации.

Рассмотрим стилистические особенности наиболее распространенных жанров газетной публицистики.

Хроника — жанр новостной журналистики, вторичный текст, представляющий собой подборку сообщений, констатирующих наличие события в настоящем, ближайшем прошлом или ближайшем будущем. Хроникальное сообщение — текст объемом от одного до трех-четырех предложений с общим смыслом «где, когда, какое событие произошло, происходит, будет происходить». Основные показатели времени — наречия «сегодня», «вчера», «завтра», позволяющие соотнести событие с датой сообщения о нем. Временной сигнал может быть имплицитным: смысл

«*только что, сейчас, скоро*» задается самим жанром, его констатирующим содержанием. Точно так же может быть имплицитным указание места, например, в хронике городских событий нет нужды в каждом сообщении упоминать название города (выражение типа «*Сегодня состоится велопробег*» будет однозначно понято как «*состоится в нашем городе*», если в сообщении есть еще одно-два предложения, может появиться более конкретное указание на место действия). Наличие события фиксируется бытийным глаголом в разных формах (состоялось, состоится, открыт, запланировано, происходит, собирается, соберется, работает и т.д.). Типичные формулы в начале хроникального сообщения: «*Вчера в Москве открылась выставка*», «*Сегодня в Екатеринбурге проходит собрание*», «*Завтра в Перми состоится открытие*».

Подборка хроникальных сообщений составляется по тематическому или временному принципу, напр.: «*Криминальная хроника», «Актуально», «Официальная хроника», «Новости в середине часа*» и др. Заголовок очень часто представляет собой название рубрики и переходит из номера в номер, из выпуска в выпуск.

Жанр Х. используется во всех средствах массовой информации, т.е. в газетах, на радио и на телевидении. В форме этого жанра оформляются анонсы и заключения теле-, радионовостей. Констатирующие сообщения часто вводятся в заголовочный комплекс газетных материалов, поэтому газетная страница может быть прочитана как некая рассыпанная хроника, фиксирующая основные актуальные события.

Репортаж — в узком смысле слова это жанр новостной журналистики, в котором рассказ о событии ведется (в электронных СМИ) или как бы ведется (в прессе) одновременно с развертыванием действия. В радио- и телерепортаже при этом все средства, передающие присутствие говорящего на месте события, используются естественным образом, как единственно возможные, например: «*мы находимся в зале областного музея*», «*сейчас спасатель прикрепляет лестницу», «прямо передо мной*» и др. В письменной речи те же средства используются для имитации одновременности события и рассказа о нем: это наст. время глагола в сочетании с перфектом, типа «*я вижу, что спасатель уже поднялся на третий этаж*», эллиптические и односоставные предложения (*мы на каменистом плато, сегодня пасмурно*), авторское «я» или «мы» в значении «я и мои спутники».

Композиция Р. предусматривает фиксацию естественного хода события. Однако очень мало событий, да и то только в электронных СМИ передаются в режиме реального времени от начала и до конца (футбольный матч, военный парад, инаугурация Президента). В других случаях время приходится сжимать за счет отбора эпизодов. При этом возникает проблема монтажа эпизодов. Сложное событие, состоящее из ряда параллельно протекающих действий типа Олимпиады в режиме реального времени передается как последовательность эпизодов разных действий, напр.: «*сейчас у российских гимнасток вольные упражнения, на ковер выходит...», «а сейчас нам показывают выступления румынских гимнасток на*

брусьях». В записи событие также передается как последовательность смонтированных эпизодов, за счет монтажа здесь можно добиться четких акцентов на важных моментах события и расширить авторский комментарий. Письменный текст в принципе не способен отразить событие целиком, поэтому автору репортажа приходится излагать только самые яркие эпизоды события, стараясь эту яркость передать в слове за счет отбора самых значимых деталей. И чем больше роль монтажа, тем все более возрастает возможность включения в текст подробного и развернутого авторского комментария, в результате чего может появиться особая разновидность жанра — аналитический Р. Такой текст представляет собой чередование по-репортажному поданных фрагментов события и различного рода комментирующих вставок, рассуждений, которые, однако, не должны заслонять от читателя момент присутствия журналиста на месте события. Репортер может передоверить комментарий специалисту — участнику события, тогда в репортаже появляется элемент интервью по поводу текущего события в целом или по поводу отдельных его моментов. Это важный способ динамизации изложения, обогащения содержания и формы текста. С помощью языковых средств в изложение может вовлекаться адресат, напр.: «*мы с вами сейчас...*».

В современной журналистике репортажем часто называется такой текст аналитического характера, в котором подчеркнуты активные действия журналиста, предпринятые им для выяснения вопроса, — даже если нет никаких попыток языковыми средствами создать эффект присутствия говорящего на месте действия. Такое произведение включает интервью со специалистами, изложение и анализ документов, часто с сообщением о том, как автору удалось их получить, рассказы о поездке на место события, о встречах с очевидцами. Поскольку Р. предполагает активные действия автора, композиционным стержнем оказываются событийные элементы, хотя содержательно текст направлен на анализ проблемы. Такой прием динамизации в подаче проблемы обогащает арсенал способов представления аналитического материала читателю.

Интервью — полифункциональный жанр. Это могут быть тексты новостной журналистики, т.е. диалогическая форма представления только что совершившегося или текущего события. Это могут быть аналитические тексты, представляющие диалогическое обсуждение проблемы. Объединяются все эти далекие друг от друга по содержанию произведения (как далека заметка от статьи) только одним — формой диалога, который ведет журналист с информированным лицом.

«Новостное», информационное И. содержательно представляет собой короткую или расширенную заметку, т.е. оно констатирует событие и сообщает краткую информацию о его деталях. Журналист задает вопросы о некоторых подробностях события, а информированное лицо коротко на них отвечает.

Аналитическое И. — развернутый диалог о проблеме. Журналист в своих вопросах задает разные аспекты ее рассмотрения (суть, причины, следствия, способы решения), информированное лицо на эти вопросы

подробно отвечает. Роль журналиста отнюдь не пассивна. Его познания в данной проблеме помогают ему ставить вопросы по существу и таким образом участвовать в формировании концепции текста, в формулировании тезисов, которые складываются из предпосылки вопроса журналиста и ответа собеседника.

Между описанными крайностями располагается бесконечное множество И., разных по тематике, по объему и качеству информации, по тональности и т.д. Напр., во всех СМИ популярны портретные интервью и интервью, совмещающие характеристику лица и раскрытие проблемы (герой на фоне проблемы, проблема через призму характера героя).

И. в электронных СМИ — это диалог, реализующий закономерности публичной спонтанной речи. Со стороны журналиста — это сочетание заготовленных и свободно возникающих в процессе разговора вопросов; выражение оценки ответов, живая, часто весьма эмоциональная реакция на них (согласие, несогласие, уточнение и т.п.); высказывание собственного мнения по обсуждаемой теме. Журналист следит за тем, чтобы собеседник не отклонялся от темы, пояснял детали (в том числе термины), которые могли бы оказаться непонятными для слушателей или зрителей. Со стороны интервьюируемого — это глубокая осведомленность в проблеме, обеспечивающая сформированность содержательной стороны речи, спонтанность которой проявляется только в неподготовленности конкретной формы ответа. Ответ строится в соответствии с текущим разговором, зависит от формы вопроса, от сказанного ранее, от сиюминутного замечания журналиста. На уровне формы проявляются все особенности диалогической спонтанной устной речи: особый ритм, обеспечиваемый близкими по длине синтагмами, паузы, поиск слова, неполнота синтаксических конструкций, повторы, подхват реплик, переспросы и т.д.

И. в прессе — это письменный текст, передающий устный диалог и сохраняющий некоторые признаки спонтанной устной речи. Напр., на стыке реплик сохраняется структурная неполнота второй реплики, повтор первой реплики, употребление указательных местоимений, смысл которых раскрывается в предыдущей чужой реплике. Внутри реплик сохраняются моменты поиска слова, недосказанность и т.п.

И. очень часто является составной частью журналистского текста другого жанра: репортажа, статьи, очерка, рецензии.

Статья — аналитический жанр, в котором представлены результаты исследования события или проблемы. Основной стилистический признак жанра — логизированность изложения, рассуждение, развертывающееся от главного тезиса к его обоснованию через цепочку промежуточных тезисов с их аргументами или же от посылок к выводам, также через цепь второстепенных тезисов и их аргументов.

В языковом плане на уровне синтаксиса выделяется обилие средств, выражающих логические связи высказываний: союзы, вводные слова логического характера, слова и предложения, обозначающие вид логической связи, типа «приведем пример», «рассмотрим причины» и др. На

уровне морфологии жанр характеризуется грамматическими средствами, позволяющими выразить формулировки закономерностей: настоящее абстрактное, единственное число с собирательным значением, абстрактные существительные. На уровне лексики наблюдается употребление терминов, в том числе и узкоспециальных с пояснениями, а также слов, называющих отвлеченные понятия. Используются, таким образом, средства языка, позволяющие оформить результат аналитической деятельности автора, который вскрывает закономерности развития явления, его причины и следствия, его значение для жизни общества.

Публиц. С., однако, это не науч. статьи. Это произведения, форма которых разнообразна. Основные источники варьирования формы газетной С. — композиция и стилевая ориентация текста. С. может строиться как рассуждение от тезиса к доказательству или от посылок к выводам. Композиционно С. обогащают различные вставки в виде ярко выписанных эпизодов события, включаемых на правах фактологических аргументов и поводов для рассуждения, или в виде мини-интервью, также выполняющего аргументирующую функцию, ср., например, аргумент «к авторитету».

Особенно разнообразны С. по стилевой ориентации. С., ориентированные на научный стиль, выдерживают эту направленность чаще всего только в плане логизированности текста. Рассуждение в них может эмоционально окрашиваться. В соответствии с общим книжным характером изложения появляются фигуры ораторского синтаксиса, но не ради нагнетания пафоса, а ради подчеркивания мысли. Включается и книжная эмоционально-оценочная лексика.

Широко используется ориентация на разг. стиль. При этом в С. резко возрастает количество приемов, имитирующих дружеское, заинтересованное устное общение с читателем по серьезному вопросу. В синтаксисе появляются конструкции, имитирующие разговорную речь: бессоюзные предложения, передающие причинно-следственные связи, разговорного типа присоединение. Уменьшается длина предложений. Текст насыщается разговорной лексикой, выражающей эмоциональную оценку предмета речи.

Аналитические С. критического характера могут сочетать ораторский синтаксис и иронию, элементы разговорного синтаксиса и сниженную эмоционально-оценочную лексику, приемы комического (каламбуры, пародирование известных текстов и др.).

Очерк — худож.-публиц. жанр, требующий образного, конкретно-чувственного представления факта и проблемы. Тематически очерки весьма разнообразны: они могут быть, напр., проблемными, портретными, путевыми, событийными. Поскольку О. — это произведение с высокой степенью обобщения жизненного материала, герой и событие рисуются автором в процессе анализа актуальной общественной проблемы. В тексте О. гармонично сочетаются ярко, выразительно переданные события, убедительно нарисованные образы героев и глубокие, доказательные рассуждения. Объединение событийных, предметных и логических эле-

ментов очеркового содержания зависит от ряда факторов. Прежде всего оно определяется тем, какой тип композиции избран очеркистом. Если используется событийная композиция, тогда О. строится как рассказ о событии, в изложении которого, как и в художественном рассказе, выделяются завязка, развитие действия, кульминация, развязка. Авторские рассуждения, описание героев прерывают действие на какое-то время, но потом развертывание текста вновь подчиняется ходу события. Если используется логическая композиция, построение текста определяется развитием авторского рассуждения, эпизоды одного события или несколько разных событий включаются в изложение как повод для рассуждения, аргумент тезиса, ассоциация по сходству или контрасту и т.д. Изредка используется в О. эссеистская композиция, при которой развертывание текста осуществляется за счет ассоциаций, резких переходов от одного предмета речи к другому. Надо, однако, учитывать, что внешне хаотичное изложение скрывает целеустремленное развитие авторской мысли, ход которой читатель должен уяснять за счет интерпретации ассоциативных связей текстовых элементов.

Помимо типа композиции на объединение, а также на языковое оформление содержательных элементов О. влияет тип повествователя. Используется повествование в форме третьего и в форме первого лица. В форме третьего лица повествователь может выступать как закадровый наблюдатель или закадровый комментатор. В первом случае событие, о котором ведется рассказ, предстает перед читателем протекающим как бы само по себе, авторское присутствие обнаруживается только косвенно — в выборе слов, обозначающих детали очеркового мира и оценивающих их, в приостановке повествования для введения формулировок, раскрывающих журналистскую концепцию. Повествователь — закадровый комментатор более активен. Не раскрывая себя в форме «я», он может энергично вмешиваться в действие, прерывая его отступлениями в прошлое (ретроспекциями) или забеганием вперед (проспекцией, т.е. изложением будущих событий, о которых герой пока знать не может). Такой повествователь часто весьма пространно комментирует происходящее и выносит ему оценку.

Наиболее разнообразны функции повествователя в форме первого лица. Иногда журналист использует «я» героя, т.е. О. строится как рассказ героя о самом себе. Но чаще всего используется авторское «я», при котором повествователь выступает как текстовое воплощение реальной личности журналиста. Функции такого повествователя разнообразны. Так, он может выступать как участник события, анализу которого и посвящен О. Больше же всего привлекает журналистов форма повествователя-исследователя. В этом случае в основу компоновки очеркового материала кладется рассказ об исследовании события, которое в результате развертывается перед читателем не так, как оно происходило на самом деле, а в том порядке, как о нем узнавал исследователь.

Таким образом, О. может строиться, во-первых, как рассказ о реальном событии, которое развертывается в своей естественной последо-

вательности или с ее нарушением в виде ретроспекций и проспекций и которое прерывается или обрамляется авторскими рассуждениями, доносящими до читателя журналистскую концепцию. Автор при этом может выступать как закадровый наблюдатель, закадровый комментатор, участник события, собеседник героя, рассказывающего о событии. Во-вторых, О. может строиться как рассказ о журналистском расследовании, и в форме изложения бесед с героями, содержания прочитанных документов и соображений по поводу увиденного читатель узнает о событиях и людях, в них участвовавших, а также о проблеме, которую журналист усматривает в приводимых фактах. В-третьих, О. может представлять собой эмоционально окрашенное рассуждение журналиста о проблеме. По ходу рассуждения излагаются события, описываются герои, что позволяет такому размышляющему повествователю раскрыть проблему на наглядном жизненном материале.

О. характеризуется изобразительным письмом: для представления героя и события требуются конкретные, яркие, наглядные детали, которые в ряде случаев и рисуются как реально наблюдаемые повествователем в ходе исследования, путешествия, встречи с героем и т.д.

И наблюдающий, и комментирующий, и участвующий в событии, и исследующий ситуацию повествователь не может быть бесстрастным. Актуальная общественная проблема, события и люди предстают перед читателем в свете эмоциональной авторской оценки, в результате чего очерковый текст бывает окрашен той или иной тональностью.

При разных типах повествователей по-разному строится общение с читателем. Изложение в форме третьего лица или в форме «я» героя обходится без прямого обращения к читателю. Напротив, авторское «я» чаще всего сочетается с активным общением с читателем, особенно в форме «мы» со значением «я, автор, и мой читатель».

Различные сочетания типов композиции, типов повествователя, тональности и способов общения с читателем создают большое разнообразие очерковых форм.

Фельетон — худож.-публиц жанр, представляющий событие или проблему в сатирическом или, реже, юмористическом освещении. Ф. могут быть адресными, высмеивающими конкретный факт, и безадресными, обличающими негативное социальное явление. В тексте может рассматриваться одно событие или несколько событий, привлеченных автором на основе сходства между ними и тем самым демонстрирующих типичность анализируемого явления.

Форма Ф. обусловливается несколькими факторами. Композиция его определяется тем, какой содержательный компонент текста становится основой изложения. Если автор делает стержнем развертывания текста событие, мы получаем событийный фельетон, представляющий собой насыщенный комическими подробностями рассказ о происшествии. Если основой изложения становится рассуждение, событийные элементы вводятся как аргументы к суждениям автора. В обоих случаях события могут быть не только реальными, но и воображаемыми, нередко фантастичес-

кими. Между событийным и «рассужденческим» Ф. размещается масса текстов, по-разному комбинирующих аналитические и событийные элементы.

Связь содержательных элементов и их языковое оформление зависят от типа повествователя. Напр., Ф. может быть построен как рассказ о событии с заключительной формулировкой авторской оценки изложенного. Автор при этом избирает форму третьего лица и как бы не вмешивается в ход события. Ф. может быть построен как рассказ об исследовании события. В этом случае используется повествователь в форме первого лица, подчиняющий подачу информации о событии и выражение оценки рассказу о ходе расследования. Повествователь в форме первого лица может быть и участником события. Размышляющий повествователь строит текст как рассуждение о явлении, при этом как бы вспоминая о событиях, которые навели его на ту или иную мысль.

Все эти композиционно-речевые приемы определяют общее построение текста и сами по себе ничего комического не содержат, почему и используются не только в фельетоне, но и в других жанрах, напр., в очерке, репортаже, рецензии. Но Ф. — жанр комического, и он прибегает к различным источникам комического эффекта. Основные из них — комический повествователь, комизм положений и словесный комизм.

Комический повествователь может быть участником или исследователем события, выступающим в маске простака, неудачника, растяпы, глупца и прочих несимпатичных личностей, его нелепые поступки позволяют обнаружить реальные недостатки тех ситуаций, которые осуждаются фельетонистом. Комический рассуждающий повествователь строит рассуждение как доказательство от противного, т.е. он горячо расхваливает то, что на самом деле в фельетоне обличается. Комизм положений либо обнаруживается в реальной ситуации, либо достигается с помощью преобразования реальной ситуации за счет преувеличения, подчеркивания ее недостатков, либо вносится в текст путем создания воображаемой ситуации, моделирующей недостатки ситуации реальной. Словесный комизм — это ирония, сарказм, каламбур, стилистический контраст, пародирование стилей и известных произведений и прочие приемы создания комического эффекта. Он обязательно присутствует в фельетоне любого типа и любой композиции.

В последние полтора десятилетия в жанровой системе газеты произошли существенные изменения (см. *Языково-стилистические изменения в современных СМИ*).

Лит.: Солганик Г.Я. Стиль репортажа. — М., 1970; Власов В.И. Газетные жанры. — М., 1971; Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. — М., 1971; Рогова К.А. Синтаксические особенности публицистической речи. — Л., 1975; Вакуров В.Н., Кохтев Н.Н., Солганик Г.Я. Стилистика газетных жанров. — М., 1978; Глушков Н.И. Очерковая проза. — Ростов н/Д., 1979; Тищенко В.А. Интервью в газете: Теория и практика развития жанра. – М., 1980; Язык и стиль средств массовой информации и пропаганды. — М., 1980; Стилистика газетных жанров. — М., 1981; Васильева А.Н. Газетно-публицистический стиль. —

М., 1982; Коньков В.И., Краснова Т.И., Рогова К.А. Язык художественной публицистики. — Л., 1983; Информационные жанры газетной публикации. — М.,1986; Стилистика русского языка: Жанрово-коммуникативный аспект стилистики текста. — М., 1987; Майданова Л.М. Структура и композиция газетного текста: Средства выразительного письма. — Красноярск, 1987; Ее же: Практическая стилистика жанров СМИ: Заметка, интервью, статья. — Екатеринбург, 1996; Тертычный А.А. Аналитическая журналистика: познавательно-психологический подход. — М., 1987; Современная газетная публицистика. — Л., 1988; Холмов М.И. Художественно-публицистические жанры газеты: Очерк, фельетон. — Л., 1988; Лысакова И.П. Тип газеты и стиль публикации: Опыт социолингвистического исследования. — Л., 1989; Мазнева О.А. Объективное и субъективное в очерке: (К теории жанра). Дис. канд. филол. н. — М., 1989; Ее же: Структура газетного жанра. — М., 1990; Вещикова И.А. Публицистический стиль как единица в системе функциональных разновидностей языка. // Вестник МГУ, Сер. IX, Филология. — 1990. — № 1; Стрельцов Б.В. Основы публицистики: Жанры. — Минск, 1990; Читатель и газета: проблемы взаимодействия. — Свердловск, 1990; Аргументация в публицистическом тексте. — Свердловск, 1992; Кайда Л.Г. Авторская позиция в публицистике (функц.-стилистическое исследование современных газетных жанров). Автореф. докт. дис. — М., 1992; Горохов В.М. Газетно-журнальные жанры. — М., 1993; Шостак М.И. Информационные жанры. — М., 1998; Ее же: Журналист и его произведение. — М., 1998; Ее же: Репортер: профессионализм и этика. — М., 1999; Бойкова Н.Г., Беззубов А.Н., Коньков В.И. Публицистический стиль. — СПб, 1999; Кройчик Л.Е. Система журналистских жанров // Основы творческой деятельности. — СПб, 2000; Смелкова З.С., Ассуирова Л.В., Савова М.Р., Сальникова О.А. Риторические основы журналистики. Работа над жанрами газеты. — М., 2000; Ким М.Н. Очерк: теория и методология жанра. — СПб, 2000.

Л.М. Майданова, Л.Р. Дускаева

З

ЗАВЕРШЕННОСТЬ ТЕКСТА — 1) психолингвистическое свойство целого текста по отношению к названию (заголовку), соотносимое с исчерпывающим выражением замысла автора; это функция замысла, положенного в основу произведения и развертываемого в процессе коммуникации; 2) в лингвистике текста — это грамматическая категория, вариативно реализующаяся в текстах разных функц. стилей через соотношение содержания текста и его заголовка (названия). Название — это компрессированное, нераскрытое содержание текста; в нем выражается основной замысел, идея, концепт автора текста. В науч. текстах название выражает либо тему произведения (онтологический аспект знания), либо содержательно-концептуальную сущность (науч. знание в единстве его аспектов — онтологического, методологического и аксиологического) (*М.П. Котюрова, Е.А. Баженова*). В худож. текстах название лишь опосредованно связано с содержательно-концептуальной информацией (ср. название-символ, название-тезис, название-цитата, название-сообщение, название-намек и др.), вместе с тем оно обладает способностью ограничивать текст и наделять его завершенностью. Заглавие — это рамочный знак, требующий возвращения к себе по прочтении текста. Семантическая специфика заглавия состоит в том, что в нем одновременно осуществляется конкретизация и генерализация (обобщение) значения. Первое отличается от обычной контекстуальной реализации значения тем, что происходит с разрывом между появлением формы и ее осмыслением, причем не единовременно, а поэтапно. Второе связано с тем, что в расшифровку заглавия включаются значимости различных элементов худож. текста, что позволяет значению, пройдя через этап конкретизации, приобрести обобщающий характер, стать знаком целого завершенного текста.

Кроме того, в текстах всех функц. стилей — научного, делового, публицистического, художественного и др. — смысловой законченностью, завершенностью характеризуется, по мнению В.В. Одинцова, такая речевая единица, как логическое единство. Относительная смысловая законченность такого отрезка текста обусловливается структурной его завершенностью, организацией по определенной схеме (модели). Конструктивные схемы обеспечивают смысловую и структурную целостность

(а значит, и завершенность) текста как в отношении отдельных речевых единиц (логических единств), так и в отношении целого произведения. По мнению же И.Р. Гальперина, текст можно считать завершенным тогда, когда с точки зрения автора его замысел получил исчерпывающее выражение. Завершенность текста — функция замысла, положенного в основу произведения и развертываемого в ряде сообщений, описаний, размышлений и т.п. Понятие завершенности приложимо лишь к целому тексту, а не к его части. Завершенность как признак правильно оформленного текста читателю, не разгадавшему замысла автора, может показаться нереализованной.

Лит.: Кухаренко В.А. Интерпретация текста. — Л., 1978; Одинцов В.В. Стилистика текста. — М., 1980; Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М., 1981; Баженова Е.А. Научный текст в аспекте политекстуальности. — Пермь, 2001.

М.П. Котюрова

ЗАКОНОМЕРНОСТИ (ОБЩИЕ) **ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СТИЛЯХ** заключаются в строгой количественной (стилостатистической) зависимости употребления языковых единиц определенной семантики от обусловливающих это употребление экстралингвистических факторов.

На основе анализа большого объема фактического материала — текстов трех функц. стилей — стилостатистическим методом обнаружены общие закономерности функционирования языковых средств, проявляющиеся с последовательностью и силой закона.

Одна из них: *существует строгая количественная* (вероятностно-статистическая) *зависимость между абстрактностью содержания текста* (с проявляющимся в нем *типом мышления) и абстрактностью речи*, то есть между частотой употребления слов и грамматических форм (с их лексико-грамматическими значениями) абстрактного же, отвлеченно-обобщенного значения. Та же зависимость имеется между конкретностью содержания и конкретностью речи.

Схематически эту зависимость можно выразить следующим образом.

При абстрактности содержания (АС) число абстрактных по значению речевых форм (АРФ) стремится к 100%, а конкретных (КРФ) — к нулю.

Иначе говоря, при АС АРФ $\rightarrow$ 100%, а КРФ $\rightarrow$ 0%.

Можно вычислить и коэффициент абстрактности речи по формуле:

$$\text{АР} = \frac{\Sigma\text{АРФ}}{\Sigma\text{АРФ} + \Sigma\text{КРФ}}, \text{ где } \Sigma \text{ есть сумма.}$$

Коэффициент конкретности речи определяется по формуле:

$$\text{КР} = \frac{\Sigma\text{КРФ}}{\Sigma\text{КРФ} + \Sigma\text{АРФ}}, \text{ где } \Sigma \text{ — сумма.}$$

В текстах абстрактного, отвлеченно-обобщенного содержания, представленных прежде всего науч. публикациями (и их фрагментами), суммарный средний коэффициент абстрактности речи равен 0,76, или 76%, а конкретности = 0,24 (24%). Эти показатели как самые общие можно распространить на науч. стиль в целом, хотя сама по себе закономерность (тенденция частоты употребления соответствующих языковых единиц) касается не только науч. стиля, но и других речевых разновидностей при указанном типе содержания (в их фрагментах).

Для текстов конкретного содержания, напр. художественных, также суммарно в среднем: АР = 0,30, а КР = 0,70, т.е. 30 и 70%.

Как видим, разница существенная, данные диаметрально противоположны.

Отмеченная закономерность отражает прежде всего специфические стилевые черты двух функц.-стилевых разновидностей — научной и художественной, которые обусловлены активизацией в процессе творчества отвлеченно-обобщенного либо образно-конкретного типа мышления субъекта речи. Хотя мы говорим о содержании речи, однако зависимость отвлеченности / конкретности речи обусловлена более глубинными факторами, а именно типом творческого мышления, что и создает в конечном счете стилевую специфику соответствующей речевой разновидности. По словам А.А. Леонтьева, «Речевое мышление всегда есть р е ч е в о е мышление» (1965), и вот эту-то речевую «оболочку» мышления, а также ее отношение к мысли призван изучать лингвостилист.

Представленная закономерность употребления средств языка в речи касается функционирования не только лексических единиц, но и морфологических, а также синтаксических (насколько позволяет применение к последним признака отвлеченности или конкретности грамматического значения). Таким образом, и морфология обладает стилистическими средствами (хотя, например, А.М. Пешковский считал морфологию почти целиком нейтральной в стилистическом отношении).

Что касается лексики, то затронутый вопрос не требует специальных пояснений (оговорим лишь, что здесь имеется в виду не только сама по себе абстрактная или конкретная лексика, но и учет употребления различных лексико-семантических вариантов — ЛСВ — у многозначного слова). В отношении грамматики он сложнее, хотя имеет давнюю историю. Прежде всего следует учесть, что еще Ш. Балли писал об отражении в речи чисто рассудочной деятельности, или о научном языке: «научный язык — это отнюдь не то же самое, что научная терминология», «научный язык совпадает с понятийно-логическим языком...», а «понятийный язык выступает как более абстрактный».

Лингвистической традиции русистики известна характеристика грамматических средств языка по степени их обобщенности (и отвлеченности) или конкретности: см. Ф.И. Буслаев, К.С. Аксаков, А.А. Потебня, А.М. Пешковский, А.И. Томсон, А.А. Шахматов, В.В. Виноградов, В.Г. Адмони, А.Н. Гвоздев, А.В. Бондарко и др. При этом, особенно в более поздних работах (*В.Г. Адмони, А.В. Бондарко*), отмечается, что лексико-

грамматическое значение, т.е. семантический план форм, связан с закономерностями и общностью их функционирования, в частности наблюдаются закономерно повторяющиеся обобщенные контекстные «окружения» словоформ.

А.И. Томсон замечал, что «сов. вид глаголов обозначает конкретное действие». В.В. Виноградов говорит об отвлеченности среднего рода (по сравнению с мужским и женским), так как существительные ср. рода представляют собой общее отвлеченное значение вещной предметности, как и обозначение «абстрактных понятий». По мнению ученого, со ср. родом сочетается самое отвлеченное представление о категории не-лица. Как известно, в грамматиках среди глагольных форм несов. вида выделяются наст. вневременно́е, или абстрактное (*птицы летают, рыбы плавают*), как способность, свойственная лицу или предмету вне ограничений времени. Формы сов. вида глагола в целом отличаются более конкретным значением, чем вида несов.; лицо глагола, в частности 2-е л., может выступать в обобщенном значении; от особенностей употребления зависит грамматическое число существительных, напр., ед. числа в собирательном значении (*в этих местах водится белка*) и при выражении общего понятия (*лист состоит из, береза — порода светолюбивая*) и т.д. В отношении лексики характерно, что не только отвлеченные либо конкретные по своему значению слова (лексемы) обнаруживают противоположные часто́ты употребления в науч. текстах сравнительно с художественными, но это касается и лексико-семантических вариантов — ЛСВ (см.: *В.А. Салимовский,* 1991). Ср., напр.: *синтезы идут с большой скоростью — по дорожке идет женщина; оценочность входит в значения подобных слов — вот он входит в лес и видит; в этой теории опираются на синтагматический анализ — девушка оперлась рукой о стол; на это указывает его структура — дед указал в сторону леса; теперь переходим к доказательству — через улицу переходит «стайка» ребятишек.*

Таким образом, с учетом контекстного употребления слов и форм (их семантики) по признаку их отвлеченности либо конкретности (или степени отвлеченности/конкретности) может быть сформулирован закон функционирования языковых единиц, отражающий их зависимость от определенных экстралингвистических факторов.

Другая закономерность употребления языковых единиц в разных функц. стилях заключается в том, что в зависимости от специфики того или иного функц. стиля (в свою очередь обусловленной его экстралингвистической основой) из общего фонда лит. языка отбираются и используются далеко не все возможные языковые средства, а способные наилучшим образом выразить специфику соответствующего стиля. В данном случае речь идет не только о различиях стилей по признаку абстрактности/конкретности, но имеется в виду вообще соотношение языковых средств в текстах того или иного функц. стиля с фондом общелитературного языка и выбор из него не всех единиц, а лишь соответствующих коммуникативным целям общения в той или иной сфере.

Наблюдается количественно-качественная функционально-семантическая зависимость языковых средств, употребляющихся в той или иной речевой разновидности, от экстралингвистической основы функц. стиля, определяющей специфику последнего. Или — иначе — имеется теснейшая, закономерно проявляющаяся *взаимосвязь функционально-семантической стороны языковых средств со специфическими признаками стиля. Происходит как бы семантическое расщепление одной и той же языковой единицы общелитературного языка и преимущественное использование ее ЛСВ в том или другом функц. стиле лишь в определенном значении, которое наиболее согласуется со спецификой стиля.*

Напр., из различных значений глагольных форм наст. времени рус. лит. языка наст. вневременное используется преимущественно в научной речи; наст. долженствования — в оф.-деловой; наст. историческое, или наст. живого представления, — в художественной, хотя в последней преобладают формы глаголов прош. времени, наст. репортажное (*А.Н. Васильева*) — в публицистической. Характерны в этом отношении данные по отбору и употреблению в каждом функц. стиле определенных (а не всех) лексем и ЛСВ из числа словарных, представленные в монографии В.А. Салимовского (1991). При этом соответствующие значения проявляются весьма отчетливо у большого числа слов, форм, конструкций в контексте соответствующей речевой разновидности. В результате образуется общая для данной речевой разновидности макроокраска, специфическая и неповторимая, которая и становится стилеобразующей, охватывая средства всех уровней. Это и создает речевую системность стиля.

Итак, вторая закономерность кратко может быть сформулирована следующим образом. В каждой речевой разновидности, в зависимости от ее экстралингвистических стилеобразующих основ и в результате выражения специфики стиля, формируются и активно функционируют (являются преобладающими и специфичными) особые функц.-семантические значения используемых здесь единиц различных языковых уровней. Они создают общую для данного стиля функц.-стилевую окраску речи и являются одной из существенных черт речевой системности функц. стиля.

Именно в результате проявления в речи (тексте) указанной закономерности, отражающей принцип отбора (выбора) и сочетания (в целом — организации) языковых средств, функц. стили различаются присущими каждому доминантными стилевыми чертами: научный — отвлеченно-обобщенностью, точностью и логичностью, официально-деловой — предписующе-долженствующим и констатирующим характером речи, газетно-публицистический — социальной оценочностью, художественный — художественно-образной речевой конкретизацией. Это самые общие и базовые черты макростилей, обусловленные их экстралингвистической основой (фундаментом). Как всякое общее, они не полностью отражают конкретное. В конкретных же текстах функц. стилей представлены и другие стилевые черты и признаки, как бы наслаивающиеся на базовые (иногда несколько трансформирующие их — см. *полевая структура функц.*

стиля). Помимо базовых (первичных) экстралингвистических факторов и соответствующих им стилевых черт в конкретном тексте представлены и другие — вторичные, обогащающие его стилевую палитру.

Проблема закономерностей использования языковых единиц в аспекте экспрессивной стилистики подробно и глубоко разработана Т.Г. Винокур (1980). (См. статьи словаря: *Экспрессивная стилистика; Стилистическое значение; Стилистическое задание; Стилистический прием; Стилистический эффект; Стилистическое согласование; Стилистический контраст*.)

Лит.: Головин Б.А. Язык и статистика. — М., 1971; Кожина М.Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. — Пермь, 1972; Ее же: Стилистика русского языка. — 3-е изд. — М., 1993; Кожина М.Н., Капустина Н.М. Эволюция употребления двух семантических групп глаголов в русских научных текстах // Специфика и эволюция функциональных стилей. — Пермь, 1979; Митрофанова О.Д. Язык научно-технической литературы. МГУ. — М., 1973; Лариохина Н.М. Вопросы синтаксиса научного стиля речи. — М., 1979; Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. — М., 1980; Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка / Под ред. О.Б.Сиротининой. Лексика. — Саратов, 1983; Грамматика. — Саратов, 1992; Салимовский В.А. Семантический аспект употребления слова в функциональных стилях речи, 1991.

М.Н. Кожина

И

ИДИОСТИЛЬ (индивидуальный стиль, идиолект) — совокупность языковых и стилистико-текстовых особенностей, свойственных речи писателя, ученого, публициста, а также отдельных носителей данного языка.

Проблема индивидуального стиля речи носит интердисциплинарный характер, поэтому зафиксирована в литературе в разных аспектах: историко-научном (Коммуникация, 1976; *Карцев В.П.,* 1984 и др.), науковедческом (Человек науки, 1974; Творчество, 1976; Школы, 1977; *Яковлев В.В.,* 1989 и др.), психологическом (Научное творчество, 1969; *Абульханова-Славская К.А.,* 1986; *Мерлин В.С.,* 1986; *Семенов И.Н.,* 1992 и др.), функц.-стилистическом (*Терешкина Р.К.,* 1982*; Котюрова М.П.,* 1996; *Gajda St.,* 1996 и др.). Различие в подходах обусловлено тем, какие свойства текста (концептуально-содержательные, идейно-содержательные, коммуникативно целесообразные и др.) рассматриваются как доминирующие, в какой степени они отступают от норм функц. стиля, жанра, «коммуникативного блока» и т.п. («Отступление от принятой нормы в плане более свободного стиля изложения, большей персонификации и авторской индивидуализации в большей степени свойственно крупным научным авторитетам и свидетельствует о творческом начале языковой личности» — Хорошая речь, 2001, с. 76).

Индивидуальный стиль речи выдвигает на передний план интеллект личности. Но интеллектуальные свойства человека отчетливо проявляются не на всяком уровне использования языка, в частности на уровне структурно-языковом, отражающем степень владения обыденным языком, а лишь на сложных уровнях организации языковой личности — лингвокогнитивном и мотивационном (*Караулов Ю.Н.,* 1987). Соотношение именно со сложными уровнями может стать основанием для дифференциации близких, но не тождественных понятий «идиостиль» и «идиолект». Если идиолект представляет собой совокупность собственно структурно-языковых особенностей (стабильных характеристик), имеющих место в речи отдельного носителя языка, то идиостиль — это совокупность именно речетекстовых характеристик отдельной языковой личности (индивидуальности писателя, ученого, конкретного говорящего человека), тем не менее формирующихся под воздействием всей экстралингвистической основы — как функц.-стилевой, жанрово-

стилевой, так и индивидуально-стилевой. Идиостиль имеет разноуровневый (по степени обобщения) интегрированный характер уже потому, что является «посредником» между текстом и его создателем. Именно близость к человеку обусловливает особые трудности в процессе изучения И.: слишком мало пространство для абстрагирования от конкретного текста и обобщения его особенностей. В то же время несомненно, что идиостиль (см. *коммуникативная стилистика художественного текста*) — это стиль языковой личности во всем многообразии проявления специфики ее уровней (по Ю.Н. Караулову, вербально-семантического, когнитивного, мотивационного) в текстопорождающей деятельности и в структуре, семантике и прагматике текста в рамках того или иного функц. стиля речи.

Индивидуальный стиль мышления и речи можно изучать в пределах лишь одного функц. стиля (что установлено в отношении худож., науч., публиц. стилей рус. языка). Действительно, только в широком психологическом контексте творческого процесса, напр. художественного или научного, можно объяснить собственно лингвистические научные факты, полученные в результате анализа целого текста. Кроме того, индивидуальный стиль речи (и мышления) автора, в частности ученого, испытывает воздействие таких внелингвистических факторов, как эмпирический или теоретический уровень развития научной области знания, соответствующие этому уровню методы исследования (наблюдение, эксперимент, классификация, типология, теория и др.), рафинированно объектный либо субъектный способы изложения, речевой жанр и т.д.

Понятие И. традиционно используется в науке о стилях худож. литературы для описания стиля того или иного писателя, а также стиля отдельного худож. произведения при решении вопросов интерпретации конкретных текстов. В.В. Виноградов считает, что одной из центральных проблем стилистики худож. литературы является характер речевого воплощения в произведении образа автора. Эта проблема активно разрабатывается новым направлением стилистики — коммуникативной стилистикой худож. текста (*Болотнова Н.С.* и др., 2001).

В функц. стилистике идиостиль понимается как совокупность доминирующих отличительных свойств речи индивида, проявляющихся в употреблении языковых единиц — как в качественном, так и в количественном отношениях — в рамках данного функц. стиля, жанра, текстовой категории и т.п. И. соотносится поэтому не с языковой личностью вообще, а с языковой личностью в определенной социальной роли субъекта речи. В связи с этим и основной методологический принцип анализа И. ученого, писателя, публициста тот же, что и в функц. стилистике, а именно констатирующий лингвистический и объяснительный, заключающийся в установлении воздействия экстралингвистических факторов на формирование И. данной языковой личности. Поэтому применительно к стилистике науч. речи предполагается учет взаимодействия таких трех основных компонентов экстралингвистической основы, как тип мышления, познавательный стиль и стиль мышления ученого. Исходя из

того что субъект познавательной деятельности проявляет себя в тексте по существу односторонне, в отвлечении от конкретных психологических черт, т.е. преимущественно в обусловленности типичной психологией науч. творческого мышления, можно сказать, что тип мышления является «фоновым», всеобъемлющим фактором, потому лежащим в основе творческой индивидуальности ученого. Получить более или менее полное науч. представление об И. можно лишь в результате синтезирования количественно-качественных данных о формировании определенных качеств текста целого произведения, а также в результате выявления доминирующего качества и доминирующих же в употреблении языковых единиц.

В рамках стилистики науч. текста изучение И. опирается на единство двух сторон функционирования языка — лингвистической и экстралингвистической. Именно связь с экстралингвистической основой письменного стиля речи ученого, причем с акцентом на субъективированной стороне науч.-познавательной деятельности и ее продукта, является базой формирования индивидуального стиля речи ученого. В плане аргументации этого основного принципа имеют значение науч. факты проявления речевой индивидуальности не только писателя (чему посвящена обширная литература), но и ученого. Экстралингвистическими предпосылками проявления И. ученого являются сама личность (полиструктурное образование, включающее природные и социальные свойства человека), когнитивный стиль, творческий характер деятельности, активность в поиске средств для лучшего выражения мысли, т.е. весь комплекс социальных, психологических и языковых факторов.

В широком смысле познавательная деятельность всегда является аналитико-синтезирующей деятельностью. Вместе с тем при неразрывной связи обеих сторон познавательного процесса различаются два основных стиля мышления, а именно: дискретно-логический и континуально-психологический, которые и определяют специфику науч. изложения. Так, преобладающий дискретно-логический стиль мышления обусловливает такую характеристику стиля речи, как подчеркнутая логичность, специально выраженная в речевой ткани функционально ориентированными языковыми единицами, а также их комплексами. Творческая преобразовательная сущность дискретно-логического мышления заключается в том, что оно позволяет членить знание на разных основаниях (находя все новые и новые), правда, нередко не доводя этого членения до логического конца. Важно, что естественная при этом фрагментарность мысли не всегда является недостатком, но переходит в достоинство, связанное с количественной стороной фрагментов. Второй принцип формирования индивидуально-стилевой специфики речи ученого составляет обусловленность И. науч. функц. стилем изложения. Однако функц. стиль реализуется творческой индивидуальностью не во всей его целостности, а в соответствии со спектральным взаимодействием свойств, качеств, признаков и т.п. Это позволяет объяснить единство науч. стиля при диффузном многообразии индивидуальных стилей. Третий принцип формирова-

ния И. ученого имеет собственно лингвистический, а именно текстовой характер. Он сопряжен со стилевыми чертами-категориями, которые реализуются только в целом тексте (наиболее полно — во всем науч. творчестве).

В целом И. ученого обусловлен такими факторами, как: 1) доминирующие свойства познавательного стиля (преимущественно аналитический или синтезирующий характер, степень дифференциации понятий, ригидность/гибкость связей при формировании содержания понятия и др.); 2) свойства стиля мышления (понятийное или образное, негативно-оценочное либо толерантное, экстравертное или интровертное и т.д.); 3) объективированность («рафинированность») либо субъективированность изложения, что приводит к использованию определенных речевых жанров (в трактовке М.М. Бахтина); 4) языковая компетенция автора, причем не только в отношении степени владения синонимическим богатством языка, но и в плане творческой способности ориентировать языковые единицы на возможно более точное выражение тех или иных «квантов» смысла, а также движение содержания от незнания к знанию; 5) прагматическая установка на коммуникацию с читателем и т.д.

Дискретно-логический либо континуально-психологический стиль мышления ученого пронизывает все зафиксированные в тексте приемы, способы, методы познавательной деятельности. Ученый с преимущественно дискретно-логическим стилем мышления проявляет тенденцию к структурному анализу, четкой дифференциации терминированных понятий, их логическому определению, установлению логико-семантических отношений между исходными, основными и уточняющими понятиями, что находит отражение в дефинициях, классификациях, схемах, таблицах, диаграммах и т.д. Напротив, континуально-психологический стиль мышления характеризуется логической нечеткостью определений (описаний) терминированных понятий, диффузным представлением их отношений («пушистые множества»), метафоризацией, распыленностью объяснения понятий и вплетенностью его в непрерывный поток речи.

В силу методической сложности полного анализа текстов и недостаточности описания лишь специфических, индивидуально-авторских языковых средств, необходимо «укрупнение» единицы лингвистического анализа — носителя речевой индивидуальности. Такой единицей признается текстовая категория, понимаемая в качестве комплекса языковых единиц, объединенных на функц.-семантической основе (см. *текстовая категория; ФССК*). И. ученого проявляется как в отношении состава категорий, выраженных в тексте, так и в отношении (даже в большей мере) пользования этим гибким инструментом оформления речи. Взаимодействие текстовых категорий — подчеркнутой логичности/ассоциативности, связности/фрагментарности, фактологичности/гипотетичности, нейтральности/оценочности и др. — формирует доминирующую категорию текста, реальное «наполнение» которой языковыми единицами способствует выражению творческой индивидуальности.

Одно из ярких проявлений И. в науч. тексте — использование иностилевых вкраплений. Напр., *В русском языке чрезвычайно развито образование глаголов от других глаголов с помощью префиксов. — Всякий глагол в русском языке* ***обрастает*** *целой системой префиксов; Во французском языке «плохо» образуются относительные прилагательные Дело в том, что, действительно, во французском языке «****туго****» создаются относительные прилагательные* (Гак); *Отрицательные предложения интересовали исследователей издавна. — Однако* ***настоящая вспышка интереса*** *к таким предложениям произошла в последние 10—15 лет* (Богуславский). Появление подобных «инкрустаций» с определенной текстообразующей нагрузкой свидетельствует об индивидуальном их использовании.

Изучение И. может быть объединено таким общим направлением, как идиостилистика, проблематика которой — углубляемая и расширяемая в процессе «приближения» к языковой личности как автору того или иного текста — формируется в недрах функц. стилистики.

Лит.: Виноградов В.В. О языке художественной литературы. — М., 1959; Научное творчество. — М., 1969; Ларин Б.А. Эстетика слова и язык писателя. — Л., 1974; Человек науки. — М., 1974; Коммуникация в науке: Пер. с англ. — М., 1976; Творчество в научном познании. — Минск, 1976; Школы в науке. — М., 1977, Григорьев В.П. Поэтика слова. — М., 1979; Терешкина Р.К. К вопросу об авторской речевой индивидуальности в научных текстах // Лингвостилистические особенности научного текста. — М., 1982; Абульханова-Славская К.А. Личностные типы мышления // Когнитивная психология: Материалы финско-советского симпозиума. — М., 1986; Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. — М., 1986; Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. — М., 1987; Яковлев В.А. Диалектика творческого процесса в науке. — М., 1989; Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. — Свердловск, 1990; Залевская А.А. Индивидуальное знание: специфика и принципы функционирования. — Тверь, 1992; Семенов И.Н. Психология рефлексии в организации творческого процесса мышления. — М., 1992; Очерки истории языка русской поэзии XX века. Опыты описания идиостилей. — М., 1995; Котюрова М.П. Научный текст и стиль мышления ученого. — Вестник Перм. ун-та. — Вып. 2. Лингвистика. — 1996; Ее же: Понятие о речевой индивидуальности ученого // Текст и дискурс: Проблемы экономического дискурса. — СПб., 2001; Хорошая речь / Под ред. М.А. Кормилицыной и О.Б. Сиротининой. — Саратов, 2001; Болотнова Н.С., Бабенко И.И., Васильева А.А. и др. Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль. — Томск, 2001; Gajda St., Styl osobniczy uczonych // Styl a text. — Opole, 1996.

М.П. Котюрова

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОСТЬ РЕЧИ — см. *Образность.*

ИНТЕГРАТИВНОСТЬ ТЕКСТА — одно из параметральных свойств (категорий) текста, соотносимое с объединением всех его частей в целях достижения целостности. По И.Р. Гальперину, «интеграция задана самой системой текста и возникает в нем по мере его развертывания. Она

является неотъемлемой категорией текста, обеспечивающей последовательное осмысление содержательно-фактуальной информации» (*И.Р. Гальперин*). Интеграцию понимают как «скрытую» категорию, так как она может осуществляться средствами когезии, но может строиться и на ассоциативных и пресуппозиционных отношениях. В основе интегративности текста, независимо от формы его существования, лежит замысел автора. «В каждом высказывании мы охватываем, понимаем, ощущаем речевой замысел или речевую волю говорящего, определяющую целое высказывание, его объем и его границы» (*М.М. Бахтин*). Концептуальность замысла подчеркивается в утверждениях о том, что замысел как «общая концепция текста функционально объединяет все его элементы в единую целостную структуру» (*Т.М. Дридзе*), что «психологическое понятие «образ результата», примененное к деятельности текстопорождения, трансформируется в категорию авторского замысла» (*И.Н. Борисова*).

Интеграция по-разному проявляется в текстах научных, публицистических, официально-деловых, с одной стороны, и в тестах художественных — с другой. В определенной степени она является функцией объема текста: чем более развернут текст, тем менее отчетливо реализуется категория интеграции. В науч., оф.-дел., публиц. текстах интеграция легко поддается анализу, поскольку связь и взаимообусловленность частей обычно очевидны. Вместе с тем в науч. текстах сложных жанров (монографиях, диссертациях, учебниках) возможны отклонения: анализ проведенных экспериментов, изложение точек зрения других исследователей, история вопроса и др. Однако они легко поддаются интеграции, будучи связаны с основной проблемой исследования. Наиболее полно и всесторонне интеграция реализуется в выводах и заключениях (к науч. исследованиям), где можно увидеть как процесс интеграции, так и его результат.

В худож. текстах интеграция приобретает разнообразные формы, причем объединяемые части целого не всегда подчинены одна другой и все вместе — одной, наиболее важной. Интеграция раскрывает взаимообусловленность частей, иногда ставя их в положение равнозначных или близких по выраженным в них этическим принципам или художественно-эстетической функции. Главное в процессе интеграции — центростремительность частей текста.

Разговорный диалог на фоне других жанров речевых произведений характеризуется наибольшей степенью свободы в развертывании содержательно-смысловой стороны сообщения: в нем отсутствует строгая заданность информативной модели, присущая науч. стилю речи (*В.А. Салимовский*). Структура замысла и его коммуникативная доминанта определяют коммуникативный тип диалога в неподготовленной, спонтанной разг. речи, а также других речевых разновидностях, по-разному интегрированных коммуникативным замыслом.

Лит.: Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. — М., 1979; Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М., 1981; Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной комму-

никации: Проблемы семиосоциопсихологии. — М., 1984; Салимовский В.А. К экспликации понятия жанрового стиля (проблема стилистико-речевой системности в отношении к речевым жанрам) // Стереотипность и творчество в тексте. — Пермь, 2000; Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. — Екатеринбург, 2001.

М.П. Котюрова

ИНТЕРВЬЮ — см. *Жанры публицистического стиля*.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ — (от лат. *interpretārī, -ātus; interpres, -etis* — посредник, толкователь, переводчик) истолкование, раскрытие смысла, значения чего-либо. Объектом интерпретации является текст. И. зародилась как основное понятие герменевтики, науки о правилах толкования, связанное с желанием читателя «преодолеть культурную отдаленность, дистанцию, отделяющую читателя от чуждого ему текста, чтобы поставить его на один с ним уровень и таким образом включить смысл этого текста в нынешнее понимание, каким обладает читатель» (*П. Рикер*). Иногда И. относят к экзегетике, толкованию или искусству понимания четко зафиксированных жизненных проявлений (*У. Дильтей*). И. входит в объекты изучения многих наук: логики, математики, герменевтики, философии, семиотики, лингвистики, дидактики. В логике И. называют совокупность переменных величин, входящих в гипотезы и делающих их истинными. До интерпретации они ни истинны, ни ложны (*Б. Рассел*). В математике, в частности геометрии, существуют эмпирический и неэмпирический (логический) виды И. Эмпирическая И. всегда должна включать термины, имеющие наглядное определение, полученное из чувственного опыта. В этом случае говорят, что стороны треугольника приблизительно являются прямыми линиями, а углы — приблизительно точками. Неэмпирическая И. имеет место в сфере чистой математики. «Совокупность всех упорядоченных триад реальных чисел образует трехмерное евклидово пространство. При такой интерпретации вся евклидова геометрия дедуцируется из арифметики. Даже неевклидова геометрия допускает подобную арифметическую интерпретацию» (*Б. Рассел*).

В герменевтике И. определяется как «работа мышления, которая состоит в расшифровке смысла, стоящего за очевидным смыслом, в раскрытии уровней значения, заключенных в буквальном значении» (*П. Рикер*). Задачу И. представители герменевтики видят в обнаружении множественности смыслов сообщения. Герменевтики различают внешнюю (внесение смысла в текст) и внутреннюю И. (расшифровка смысла) (*П. Рикер*). Они рассматривают И. в широком смысле, восходящем к Аристотелю (hermenêia позволяет овладевать реальностью с помощью значащих выражений), т.е. как постижение знаков, и в узком смысле — как толкование письменных текстов. Два вида трактовки И. положили начало соотношению категорий интерпретации и понимания. «Герменевтика рассматривает значение не как когнитивную репрезентацию, а как практическое понимание, интерпретацию». Данная наука также

трактует понимание как стремление интерпретировать действия другого человека через призму некоторой интерпретационной схемы (*А.А. Залевская*). И. связана с понятием «герменевтического круга». Это значит, что любой феномен определяется на базе имеющегося предпонимания, адаптирующегося в процессе интерпретации (*Г. Гадамер*).

В понимании философов, И. предполагает различные понятия. Так, в мифе оказываются тесно связанными структура сознания и ряд интерпретаций, производимых не только исследователем, но и самим мифом. «Миф живет в интерпретациях как некая неанализируемая целостность» (*М.К. Мамардашвили, А.М. Пятигорский*). В отношении языка момент И. свидетельствует о том, что язык «взрывается, устремляясь навстречу к иному, чем он сам», «распечатывается». Этот «взрыв» философы называли говорением, т.е. приравнивали понятие И. к говорению (*П. Рикер*).

В семиотике трактовка И. относительно структуры знака (знак, десигнат, интерпретатор) вызывала большие разногласия. Ч.С. Пирс, родоначальник семиотики, указывал на свойство интерпретируемости знаков. Функцию И. выполняет другой знак (или совокупность знаков), который сохраняет за собой возможность заменить интерпретируемый знак. В семиотике развитие понятия И. началось с работ Ч.С. Пирса и Ч.У. Морриса. Ч.С. Пирсу принадлежит идея о «сообществе интерпретаторов», соотносимая с понятием бесконечности и коллективности процесса осмысления явлений действительности. Ч.У. Моррис рассматривал И. в качестве составляющей знакового семиозиса, в котором «нечто учитывает нечто другое опосредованно, то есть через посредство чего-то третьего». Семиозис, в его понимании, это опосредованное учитывание, в котором посредниками выступают знаковые средства, учитывание — это интерпретанта, действующие лица процесса — интерпретаторы. Нечто есть знак только потому, что оно интерпретируется как знак чего-либо некоторым интерпретатором. «Интерпретанта знака — это навык, в силу которого можно сказать, что то или иное знаковое средство означает некоторые виды объектов или ситуаций; выступая как метод определения совокупности объектов, которые означает данный знак, интерпретанта не является членом этой совокупности» (*Ч.У. Моррис*). Р. Якобсон различал три способа И. вербального знака: перевод знака в знаки того же языка (внутриязыковой перевод, или переименование), перевод знака в знаки другого языка (межъязыковой перевод, или собственно перевод), перевод знака в невербальную систему символов (межсемиотический перевод, или трансмутация).

Значительный вклад в развитие понятия И. внесла лингвистика текста. И. текста как целостного творческого произведения рассматривается как составная часть структуры текстовой деятельности (*И.Р. Гальперин, В.А. Кухаренко, И.Я. Чернухина*). Знаковый характер текста и правила декодирования позволяют читателю интерпретировать текст (*И.В. Арнольд*). В основу понятия И. художественного текста легла идея А.А. Потебни о том, что содержание художественного произведения развивается не в художнике, а в понимающем. «Слушающий может гораздо лучше гово-

рящего понимать, что скрыто за словом, и читатель может лучше самого поэта постичь идею его произведения. Сущность, сила такого произведения не в том, что разумел под ним автор, а в том, как оно действует на читателя или зрителя, следовательно, в неисчерпаемом возможном его понимании» (*А.А. Потебня*). Лингвистами было установлено, что механизмы И. хотя и обусловлены социальными и культурными факторами, все же имеют индивидуальный характер.

В дидактике понятие И. трактуется как методический прием изучения текста, способствующий повышению уровня знания языка на основе анализа и осмысления текста как сложного структурно-семантического единства (*А.И. Домашнев, И.П. Шишкина, Е.А. Гончарова*). Считается, что грамматика, семантика, а также языковые средства выражения способствуют пониманию анализируемого текста. В зависимости от аспекта текстовой деятельности выделяются лингвоцентрический, текстоцентрический, антропоцентрический и когнитивные типы И. (*Л.Г. Бабенко, И.Е. Васильев, Ю.В. Казарин*). Возможность использования И. в обучении анализу текста изучал Г.И. Богин, отмечая необходимость формирования навыков понимания текста через обучение рефлексии. Методика обучения И. текста соотносится с задачами практики перевода, непосредственно использующего результаты анализа произведения.

И. текста часто соотносят с анализом дискурса, имеющим целью выяснить, каким образом проявляет себя субъект в том, что он говорит (*П. Серио*). При этом дискурс трактуется как речь, присваиваемая говорящим, в противоположность повествованию, которое разворачивается без эксплицитного вмешательства субъекта (*Э. Бенвенист*). Анализ дискурса включает два элемента — архив и язык (*Ж. Гийом, Д. Мальдидье*). Любой дискурс строится на большом количестве текстов, архиве (*М. Фуко*), содержит следы преконструкта (*М. Пешё*), «уже сказанного», «слышанного». Поэтому одной из задач анализа дискурса может стать выявление следов субъекта акта высказывания, указывающих на присвоение языка говорящим. Архив детерминирует смысл, вводя ограничения в описание семантики высказывания. Другой компонент дискурса — язык — позволяет выявить смысл на основе синтаксических и текстовых механизмов. Таким образом, смысл дискурса берет свое начало в архиве и языке, т.е. одновременно ограничен и открыт.

Лит.: Арнольд И.В. Стилистика декодирования: Курс лекций. — Л., 1974; Бенвенист Э. О субъективности в языке // Общая лингвистика. — М., 1974; Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «смысл — текст». — М., 1974; Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках: Опыт философского анализа // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. — М., 1977; Домашнев А.И., Шишкина Е.А., Гончарова Е.А. Интерпретация художественного текста. — М., 1983; Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. — М., 1983; Задорнова В.Я. Восприятие и интерпретация художественного текста. — М., 1984; Якобсон Р. Избранные работы. — М., 1985; Долинин К.А. Интерпретация текста. — М., 1985; Богин Г.И. Типология понимания текста. — Калинин, 1986; Язык и моделирование социального взаимо-

действия. — М., 1987; Кухаренко В.А. Практикум по интерпретации текста. — М., 1987; Ее же: Интерпретация текста. — М., 1988; Дейк Т.А. ван, Кинг В. Стратегии понимания связного текста // НЗЛ. — М.; 1988. — Вып. 23; Богин Г.И. Схемы действия читателя при понимании текста. — Калинин, 1989; Домашнев А.И., Шишкина И.П., Гончарова Е.А. Интерпретация худож. текста. — М., 1989; Белянин В.П. Психолингвистический и концептуальный анализ худож. текста с позиций доминанты // Логический анализ языка. Концептуальный анализ. — М.; 1990, Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. — Свердловск, 1991; Гюббенет И.В. Основы филологической интерпретации литературно-худож. текстов. — М.; 1991, Пищальников В.А. Концептуальный анализ худож. текста. — Барнаул, 1991; Понимание и интерпретация текста. — Тверь, 1994; Потебня А.А. Мысль и язык. — Киев, 1993; Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. — М., 1995; Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: Человек — текст — семиосфера — история. — М., 1996; Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. Метафорические рассуждения о сознании, символике и языке. — М., 1997; Квадратура смысла. — М., 1999; Басималиева М.К. О понятиях «текст» и «дискурс». — Филол. науки. — № 2. — 1999; Бабенко Л.Г., Васильев И.Е., Казаринов Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. — Екатеринбург, 2000; Крюкова Н.Ф. Метафорика и смысловая организация текста: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 2000; Воронова Н.Г. Деятельностная модель интерпретации художественного текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Барнаул, 2000; Степанов Ю.С. Семиотика. Антология. — Екатеринбург, 2001; Рассел Б. Человеческое познание. Его сфера и граница. — Киев; М., 2001; Dithey W. Die geistige Welt: Einleitung in die Philosophie des Lebens: Abhandlugen zur Grundlegung der Geisteswissenschaften // Gesammelte Schriften. Vol. 5. — Ed. By G. Misch. — Gottingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1924; Gadamer H.G. Wahrheit und Methode. — Tuebingen: J.C.B.Mohr, 1960; Harris Z.S. Discourse Analysis. Language. Vol. 28, 1969; Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. — Frankfurt am Main: Suhramp Verlag, 1981.

Л.М. Алексеева

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ — *текстовая категория* (см.), отражающая соотнесенность одного текста с другими, диалогическое взаимодействие текстов в процессе их функционирования, обеспечивающее приращение смысла произведения.

Несмотря на новизну термина «интертекстуальность», предложенного семиотиками Р. Бартом и Ю. Кристевой, обозначаемое этим термином явление «текста в тексте» было открыто еще М.М. Бахтиным и описано им в работах, посвященных диалогичности худож. текста. В русле идей М.М. Бахтина межтекстовые связи худож. произведения традиционно рассматриваются в литературоведении в рамках проблемы литературных влияний, заимствований, подражания и пародирования, а в стилистике и лингвистике текста — в рамках проблемы взаимодействия «своей» и «чужой» речи (цитат, аллюзий, реминисценций и т.п.). Однако выдвижение И. на передний план лингвостилистических исследований обеспечивает бóльшую масштабность и глубину изучения межтекстового взаимодействия не только отдельного произведения, но и функц.-стилистических типов текстов.

И. рассматривается как важнейшая категориальная характеристика текста, отражающая его «разгерметизацию» (термин В.Е. Чернявской) и открытость другим смысловым системам, способность текста вступать в контакт с другими — предшествующими — текстами (прототекстами, предтекстами), а также как специфическая стратегия текстопостроения в различных сферах коммуникации. Многообразие существующих интертекстуальных концепций можно объединить в две группы: в широком плане И. понимается как универсальное свойство текста (текстуальности) вообще; в узком плане — как функционально обусловленное специфическое качество определенных текстов (или типов текста).

Широкий подход к И., разрабатываемый прежде всего в рамках семиотики, предполагает рассмотрение всякого текста как интертекста (*Р. Барт, Ю. Кристева, Ж. Деррида, М. Риффатер, Ю.М. Лотман и др.*). В соответствии с таким пониманием предтекстом каждого отдельного произведения является не только совокупность всех конкретных предшествующих текстов, но и сумма лежащих в их основе общих кодов и смысловых систем. Между новым создаваемым текстом и предшествующим «чужим» существует общее интертекстуальное пространство, которое вбирает в себя весь культурно-исторический опыт личности. По Ю. Кристевой, И. предстает как теория безграничного, бесконечного текста, интертекстуального в каждом своем фрагменте.

Однако рассмотрение всякого текста как интертекста, а И. как сущности худож. коммуникации «растворяет» сами понятия текста и И., подвергает сомнению их самоценность и целостность, не позволяет выявить различные типологические формы И. В соответствии с более узким подходом И. обозначает не свойство текстов (текстуальности) вообще, но особое качество лишь определенных текстов (или типов текста). В этом случае под И. понимаются такие диалогические отношения, при которых один текст содержит конкретные и явные отсылки к предшествующим текстам. При этом не только автор намеренно и осознанно включает в свой текст фрагменты иных текстов, но и адресат верно определяет авторскую интенцию и воспринимает текст в его диалогической соотнесенности. Данная трактовка И. получила реализацию в исследованиях Н.А. Кузьминой, Н.А. Фатеевой, В.Е. Чернявской и др.

В работах В.Е. Чернявской И. рассматривается как 1) содержательно-смысловая открытость текста по отношению к другим текстам; 2) коммуникативно-прагматическая и психологическая открытость текста адресату (предполагающая наличие интертекстуальной компетенции у читателя); 3) идейная и тематическая открытость друг другу текстов одного автора; 4) внутренняя содержательная открытость друг другу смыслов и структурно-композиционных частей одного и того же текста; 5) типологическая открытость друг другу текстов одного класса; 6) открытость отдельного типа текста более общим функционально-стилистическим системам (*Чернявская В.Е.,* 1999).

И. получает конкретное воплощение в разнообразных видах и формах межтекстового взаимодействия, специфика которых определяется

функционально-стилистической принадлежностью текстов, а также их типологическими особенностями внутри одной сферы коммуникации.

Развитие теории И. в ее различных аспектах формировалось главным образом в рамках худож. коммуникации (на материале поэтических или прозаических текстов) как наиболее органичной сфере существования межтекстового взаимодействия. В худож.-эстетической сфере И. является одной из возможностей создания нового текстового смысла, смысловой полифоничности текста и выражается широким спектром интертекстуальных референций — от имплицитных, скрытых в подтексте, до прямых отсылок (цитат), эксплицированных в текстовой ткани. Кроме того, худож. произведение открыто для реализации полной палитры интертекстуальных смыслов — от преемственности до конфронтации. Новый текст, диалогически реагирующий на другой текст (предтекст), может задавать ему любую новую смысловую перспективу: дополнять, избирательно выдвигать на первый план отдельные актуальные смыслы, трансформировать их, исходя из худож. замысла автора, вплоть до разрушения первичной смысловой системы, как это происходит, например, при пародировании.

Худож. коммуникация, стилистический эффект которой во многом связан с подтекстовой информацией, тяготеет к завуалированности, имплицитности сигналов И., тем самым оставляя широкое интерпретационное пространство для адресата. В этом случае авторская стратегия поддерживается за счет таких единичных (или существующих в комплексе) имплицитных интертекстуальных маркеров, как заголовок, эпиграф, выбор «говорящих» имен, повтор ритма и т.п. Заголовок является средством обозначения соотнесенности произведения с другим, когда в него включаются имя персонажа предшествующего текста или намек на сходство с сюжетной линией, напр.: «Страдания молодого В.» У. Пленцдорфа — «Страдания молодого Вертера» Гёте; «Доктор Фаустус» Т. Манна — «Фауст» Гёте; «Мсье Кихот» Г. Грина — «Дон Кихот» Сервантеса и др. Эпиграф имеет большую возможность для актуализации ретроспективных связей двух текстов в силу своей расположенности в сильной позиции текста. Выбор имени персонажа или введение в текст литературных героев из иных произведений также являются средством реализации худож. И. Так, в романе У. Эко «Имя розы» соотнесенность детективной линии с традицией детективных романов Конан Дойля актуализируется благодаря одному только имени главного героя — Баскервиль. Повтор текстовой формы (структуры, ритма), отдельных лексических средств, напоминающий читателю другой текст, широко используется в поэтических произведениях, где хорошо узнаваема ритмическая структура предтекста (*см.: Кузьмина Н.А., 1999; Фатеева Н.А.,* 1998).

Коммуникативно-прагматическая специфика науч. речи обусловливает иной характер языкового выражения межтекстового взаимодействия. В науч. коммуникации невозможно существование скрытых, завуалированных намеков и требуется полная определенность и однозначность в разграничении своего и чужого знания. Поэтому в науч. изложении

представлены только эксплицитные или квазиэксплицитные маркеры И.: цитаты, выделенные кавычками или дополнительными графическими средствами; косвенная речь, фоновые ссылки, библиографический аппарат, примечания, приложения и т.п.

В науч. коммуникации И. выступает как универсальный принцип построения текста на уровне содержания, поскольку всякое произведение ретроспективно и проспективно связано с другими исследованиями и выступает как своеобразный микротекст в общенауч. макротексте. В соответствии с законом преемственности знания каждый новый науч. текст включен в сложный механизм, осуществляющий как хранение знания, так и общение людей, создавших это знание. Науч. текст «лежит на пересечении двух коммуникативных цепей: от одного ученого к другому и от одного этапа в развитии отрасли знания — к следующему» (*Славгородская Л.В.,* 1986, с. 115). Обращаясь к фонду уже созданных текстов, субъект познания находит в нем импульс для собственного творчества, для создания новых текстов.

В отличие от худож. произведения, в науч. коммуникации переосмысление одного текста другим не может быть безграничным и всегда сдерживается понятийно-тематическими и логическими рамками конкретного науч. исследования. Если и возможно значительное дистанцирование текстов друг от друга через негативно-критическое противопоставление мнений и концепций, то полное перекодирование предтекста в новом тексте (например пародирование) исключено в силу преемственности науч.-познавательной деятельности и этических норм науч. изложения.

И. может проявляться в использовании прецедентных текстов — потенциально автономных смысловых блоков речевого произведения, актуализирующих значимую для автора фоновую информацию и апеллирующих к «культурной памяти» читателя. П.т., будучи результатом смысловой компрессии исходного текста и формой его метонимической замены, характеризуется признаками автосемантичности, дейктичности и реинтерпретируемости, т.е.многократной повторяемости в интертекстуальном ряду. П.т. может быть изъят из речевого сообщения без потери познавательно-эстетической ценности и использован как самостоятельное утверждение в виде отдельного мини-текста или в других текстах.

Феномен прецедентности получил разностороннее освещение в лингвистической литературе. В центре внимания исследователей находятся преимущественно «культурнознаковые» прецедентные высказывания, опирающиеся на общность универсальных —социальных, культурных или языковых — фоновых знаний автора и читателя. Так, Ю.Н. Караулов относит к П.т. общеизвестные цитаты, имена персонажей, названия произведений и их авторов, а также культурные знаки невербальной природы. В.Я. Шабес выделяет социальные, коллективные и индивидуальные прецедентные высказывания. В.В. Красных рассматривает социумно-прецедентные, национально-прецедентные и универсально-прецедентные текстовые структуры (см. лит.).

Изучение И. в различных сферах коммуникации углубляет представление о тексте не только как лингвистическом, но и социокультурном явлении. Кроме того, теория И. позволяет объяснить имманентное свойство текста — способность к приращению смысла, генерированию новых смыслов через взаимодействие с другими смысловыми системами.

Лит.: Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. — М., 1975; Его же: Проблема текста: Опыт философского анализа. — ВЛ. — 1976. — № 10; Волошинов В.Н. (М.М. Бахтин) Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке (Бахтин под маской, вып. 3). — М., 1993; Лотман Ю.М. Текст в тексте // Текст в тексте: Тр. по знаковым системам. Вып. 14. — Тарту, 1981; Его же: Внутри мыслящих миров: человек — текст — семиосфера — история. — М., 1996; Тороп П.Х. Проблема интекста // Текст в тексте. Вып. 14. — Тарту, 1981; Кожина М.Н. О диалогичности письменной научной речи. — Пермь, 1986; Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. — М., 1987; Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. — М., 1989; Ильин И.Т. Стилистика интертекстуальности: теоретические аспекты // Проблемы современной стилистики: Сб. науч.-аналит. обзоров ИНИОН АН СССР. — М., 1989; Шабес В.Я. Событие и текст. — М., 1989; Супрун А.Е. Текстовые реминисценции как языковое явление. — ВЯ. — 1995. — № 6; Гаспаров Б.М. Повседневное языковое существование как предмет изучения // Язык, память, образ: Лингвистика языкового существования. — М., 1996; Фатеева Н.А. Интертекстуальность и ее функции в художественном дискурсе. «Stylistyka-VII»; Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. — Екатеринбург; Омск, 1999; Чернявская В.Е. Интертекстуальность как текстообразующая категория вторичного текста в научной коммуникации. — Ульяновск, 1996; Ее же: Интертекстуальное взаимодействие как основа научной коммуникации. — СПб., 1999; Баженова Е.А. Научный текст в аспекте политекстуальности. — Пермь, 2001; Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? — М., 1998; Kristeva J., Sémiotiké: Recherches pour une sémanalyse. — Paris, 1969.

Е.А. Баженова

ИНФОРМАТИВНОСТЬ ТЕКСТА — 1) психолингвистическое свойство (категория) текста, соотносимое с его способностью участвовать в коммуникации в зависимости от социальных, психологических, научно-теоретических, общекультурных, возрастных и других особенностей коммуникантов. Для одного получателя сообщение будет новым, т.е. информативным, для другого это же сообщение будет лишено информации, поскольку содержание сообщения ему уже известно или непонятно; 2) в лингвистике текста это основная категория текста, включающая различную по своему прагматическому назначению информацию: а) содержательно-фактуальную (СФИ), б) содержательно-концептуальную (СКИ), в) содержательно-подтекстовую (СПИ).

Содержательно-фактуальная информация содержит сообщения о поставленных проблемах, выдвигаемых гипотезах, путях решения проблем, сведения о фактах, событиях, процессах, происходящих, происходивших или которые будут происходить в окружающем нас мире, дей-

ствительном или воображаемом. В такой информации могут быть даны сведения о гипотезах, выдвигаемых учеными, их взглядах, сопоставления фактов, их характеристики, возможные решения поставленных вопросов и т.д. Содержательно-фактуальная информация эксплицитна по своей природе, т.е. всегда выражается вербально, причем языковые единицы обычно употребляются в их прямых, предметно-логических, словарных значениях, закрепленных за этими единицами социально обусловленным опытом.

Содержательно-концептуальная информация служит для передачи понимания автором отношений между явлениями, значимости этих явлений в социальной, экономической, политической, культурной жизни народа. Такая информация извлекается из всего произведения и представляет собой творческое переосмысление отношений между явлениями, фактов, событий, процессов, происходящих в обществе и представляемых писателем в созданном его воображением мире. Этот мир приближенно отражает объективную действительность в ее реальном воплощении. СКИ не всегда выражена с достаточной ясностью. Она дает возможность разных толкований. СКИ присуща текстам разных функц. стилей — научного, художественного, публицистического. Различие же заключается в том, что в науч. текстах она эксплицирована достаточно определенно, ясно, посредством выражения методологического аспекта знания, значит, особенно в теоретических текстах, насыщенных языковыми единицами, ориентированными на формирование методологического субъекта науч. текста (*Е.А Баженова*), в то время как в худож. текстах СКИ представляет собой авторский замысел и его содержательную информацию. На этом основании И.Р. Гальперин считает содержательно-концептуальную, глубинную, информацию, лишь опосредованно выявляемую в содержательно-фактуальной, категорией преимущественно худож. текстов. Вместе с тем и в публиц. текстах эмоционально-субъективный замысел автора реализуется в разных жанрах по-разному: например, «сообщение не обладает концептуальностью» (*И.Р Гальперин*), в то время как аналитические жанры предполагают наличие концептуальной информации.

Содержательно-подтекстовая информация (СПИ) обусловлена тем, что к заключенной в «поверхностной структуре» объекта добавляется иная, скрытая информация, исходящая из модели данного объекта (*В.А. Звегинцев*). Подтекст сосуществует с вербальным выражением и сопутствует ему, запланирован и реализуется автором текста; это своего рода «диалог» между содержательно-фактуальной и содержательно-концептуальной разновидностями информации. Идущие параллельно два потока сообщения — один, выраженный языковыми знаками, другой, создаваемый полифонией этих знаков, — в некоторых точках сближаются, дополняют друг друга, иногда вступают в противоречия. Отсюда неоформленность и неопределенность подтекста. Понятию подтекста близки понятия пресуппозиции, а также приращения смысла. Пресуппозиция — термин лингвистической семантики, обозначающий компонент смысла

предложения, который должен быть истинным для того, чтобы предложение не воспринималось как семантически аномальное или неуместное в данном контексте. Приращение смысла спонтанно возникает в процессе реализации лексических, синтаксических, композиционных особенностей текстовых единиц. По И.Р. Гальперину, целесообразно различать СПИ двух видов: ситуативную и ассоциативную. Ситуативная СПИ возникает в связи с фактами, событиями, ранее описанными в целом произведении. Ассоциативная СПИ не связана с фактами, описанными ранее, а возникает в силу свойственной сознанию привычки связывать изложенное вербально с накопленным личным или общественным опытом. Ассоциативная СПИ сравнительно с ситуативной более эфемерна, размыта и неопределенна. Категория И. представляет собой обязательный признак текста и может проявиться в разных формах — от нулевой, когда в тексте не содержится ничего нового, а лишь повторяется уже известное, до концептуальной, для выявления которой необходим скрупулезный анализ текста. Между этими полюсами располагается информация различной степени насыщенности (меры новизны).

И. в качестве категории текста обусловлена его функц.-стилевой и жанровой спецификой. Так, дипломатические документы, объединенные официально-деловым стилем, по характеру информации могут быть представлены в виде пакта, договора, меморандума, ноты, заявления, протеста, ультиматума и проч. Худож. стиль реализуется в текстах рассказа, басни, романа, стихотворения, драмы, поэмы, повести. Газетно-публиц. стиль воплощается в текстах коротких сообщений, газетных заголовков, передовых статей, коммюнике и проч. В самом названии типа текста заключена пресуппозиция, предопределяющая основное направление самого текста. Как и всякая категория, И. проявляется в определенных формах, таких, как сообщение, описание, рассуждение, письмо, резолюция, договор, статья, заметка, справка и др. В частности, сообщение — форма И., предназначенная для передачи получателю сведений о событиях происходящих, происшедших или которые будут происходить в ближайшее время. Сообщение ориентирует читателя на получение какого-либо нового известия. Эта форма И. чаще всего встречается в газетах, в радио- и телепередачах. Она обладает эксплицитно выраженными указателями временно́го и пространственного характера, в отличие от других форм информации, в которых временны́е и пространственные параметры часто подвергаются существенным трансформациям, вплоть до их нулевого выражения.

Лит.: Сильман Т.И. Проблемы синтаксической стилистики. — Л., 1967; Ее же: Подтекст как лингвистическое явление. — Филол. науки. — 1969. — № 1; Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. — М., 1976; Кожевникова К.В. Формирование содержания и синтаксис художественного текста // Синтаксис и стилистика. — М., 1976; Гаузенблаз К. О характеристике и классификации речевых произведений // Новое в зарубежной лингвистике. Вып 8. Лингвистика текста. — М., 1978; Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М., 1981; Котюрова М.П. Об экстралингвистических основаниях смысловой

структуры научного текста (Функционально-стилистический аспект). — Красноярск, 1988; Голякова Л.А. Подтекст как полидетерминированное явление. — Пермь, 1999; Баженова Е.А. Политекстуальность научного текста. — Пермь, 2000.

М.П. Котюрова

ИСТОРИЗМ СТИЛЯ. Стиль — понятие историческое. В процессе развития лит. языка его стилевые разновидности претерпевают изменения. В рус. языке понятие *стиль* (см.) — «штиль» — появляется в XVII в., когда зарождается система стилей как двух полярных и среднего между ними. В учении М.В. Ломоносова эта система «трех штилей» приобрела строгий и законченный вид. Она просуществовала до пушкинской эпохи, хотя отступления от данной теории (см. *трех стилей теория*) наблюдались в литературной практике и самого Ломоносова, и особенно писателей 2-й пол. XVIII—нач. XIX в. Ломоносовское понятие стиля имело не столько функциональный, сколько экспрессивно-жанровый характер. Стили, закрепленные за определенными литературными жанрами, различались ориентацией на языковые единицы (лексику, грамматические формы) той или иной стилистической окраски (торжественной, нейтральной и т.д.). Становление системы *функциональных стилей* (см.) происходит позже, в конце XVIII—нач. XIX в. Постепенно формируются закономерности использования языковых единиц в зависимости от целей общения в той или иной функц. сфере: науч., оф.-дел., худож. и др. Т. о., вместо стиля в традиционном его понимании, т.е. стиля, единого по составу средств (с общей стилистической окраской), формируется стиль с разнообразным составом средств, но единый по семантико-функциональным признакам языковых единиц, выполняющих единое коммуникативное задание в соответствующей сфере общения.

На формирование и развитие функц. стиля оказывает влияние комплекс *экстралингвистических стилеобразующих факторов* (см.): функции языка (по В.В. Виноградову, функции общения, сообщения, воздействия), вид деятельности, соотносительный с формой общественного сознания (наука, политика, право, искусство), тип содержания, характерный для соответствующей сферы коммуникации, и др. Все это и определяет типовые цели и задачи общения и порождает социальный заказ на тот или иной функц. стиль. Напр., формирование науч. стиля связано с развитием самой науки, теоретического мышления. В России наука как новая, особая форма общественного сознания начала формироваться в конце XVII столетия. XVII в. и 1-я пол. XVIII в. — это период накопления эмпирического материала, сбора фактов. Письменная фиксация фактов и стала основой первых науч. описаний. Создается науч. терминология; с ориентацией на средний «штиль» Ломоносова складываются лексико-грамматические особенности языка науки. Однако собственно научный стиль, специфическими чертами которого являются обобщенно-отвлеченность и подчеркнутая логичность, формируется лишь в процессе развития рас-

суждения как *функционально-смыслового типа речи* (см.). Усложнение науч. мысли, стремление к науч. обоснованию гипотез приводит во 2-й пол. XVIII в. (период интенсивного развития отечественной науки) к формированию науч. изложения, для которого характерна демонстрация не только результатов исследования, но и хода рассуждения автора.

Каждый функц. стиль имеет предысторию, связан с традициями различных типов лит. языка донационального периода. Оф.-дел. и худож. стили (последний выделяется не всеми лингвистами как особый функц. стиль; см. *Художественный стиль*) уходят корнями в памятники Древней Руси. Напр., уже в «Русской правде», как памятнике дел. типа древнерус. лит. языка, отмечаются приметы именно дел. текста — директивность изложения, однозначность (терминологически точная лексика), специфическая стандартность синтаксиса (условные конструкции). Многие черты публиц. стиля представлены в произведениях XVI в. Так, в «Посланиях» Ивана Грозного мы находим специальные приемы создания экспрессивности (через столкновение высоких, старославянских элементов с обиходно-разговорными), подчеркнутого выражения в тексте авторской позиции, острой социальной оценочности. Однако функц. стилями эти разновидности речи становятся лишь в национальный период, поскольку стили выделяются в пределах одного (единого) лит. языка, который образуется в процессе формирования рус. нации. Система функц. стилей (научный, оф.-дел., публиц., худож., разг.) сложилась в рус. лит. языке к сер. XIX в. Сформировавшись в своих основных чертах, стили в дальнейшем, в XIX—XX вв., проходят этап «кристаллизации». На этом этапе специфика стиля получает более яркое и последовательное выражение, что проявляется в функционально-семантическом, структурном обогащении, количественном расширении комплекса единиц, репрезентирующих *стилевые черты* (см.). В связи с развитием функций лит. языка усложняется система подстилей каждого функц. стиля.

В наше время меньшим изменениям подвержены науч. и оф.-дел. стили, и наиболее значительным — публицистический. Действующая тенденция к демократизации лит. языка выражается в науч. сфере в более свободном проявлении личности автора, напр. более широком, чем ранее (в доперестроичный период научно-технической революции), местоимений и форм глаголов 1-го лица ед. ч. В дел. текстах некоторых жанров, напр. предвыборных программах, обнаруживается стремление писать простым и внятным языком (*В.Н. Виноградова*). Общественно-политические изменения отражаются в первую очередь на языке публицистики. Чрезвычайно разнообразны в совр. период средства реализации основных черт публиц. стиля — экспрессии, социальной оценочности, установки на новизну выражения. Многочисленный слой новообразований в лексике образуют заимствования (*брифинг, дайджест, эксклюзив*), экспрессивными элементами текста являются словообразовательные неологизмы (*думцы, купонизация, официоз, демроссы*), в том числе каламбуры (*думейшая Дума*). В связи с демократизацией языка СМИ происходит распространение в этой сфере разговорно-просторечных и жаргонных слов

и выражений (*чернуха, беспредел, тусовка, крутой, наезд, халява*). Высокая лексика сейчас появляется в СМИ реже, чем в предыдущие периоды. Она концентрируется в статьях на религиозные темы («*возрождение церковной святыни*»). Активизировалось использование устаревшей лексики с целью выражения иронии (*выгодная стезя, нервическая атмосфера*). Многие из оценочных слов официальной публицистики советского времени также употребляются в наше время с иронией. С другой стороны, в серьезной, интеллектуальной прессе увеличился удельный вес аналитических материалов (в том числе статей, написанных учеными) и — соответственно — аргументативного типа речи (рассуждения), активизация которого в определенной мере противостоит распространению волны разговорности. С сер. 80-х гг. столетия, в связи с изменившейся общественно-политической обстановкой в стране, когда читатель ждет от газетных и журнальных публикаций глубины анализа, серьезного осмысления прошлого и настоящего, аргументированных прогнозов на будущее, проблемы аргументации стали для публицистики особенно важными. Активное функционирование в совр. публиц. текстах разновидностей рассуждения отвечает и задаче реализации традиционной коммуникативной функции публицистики — убеждения, причем не давления на адресата, а убеждающего воздействия — как взаимодействия с читателем — через аргументацию, в основном фактологическую. Подтверждение тезиса фактами важно для автора еще и потому, что в наше время он обычно выступает не как проводник официальной, общей точки зрения, а как выразитель собственной — индивидуальной или разделяемой какой-либо группой людей. Если в XIX в. рассуждение, функционировавшее в публиц. речи, испытывало влияние науч. стиля изложения (напр., в газетных публикациях использовались в большом количестве лексические единицы науч. стиля — *следовательно, вследствие этого* и т.п., которые позже стали нехарактерными даже для статей, написанных людьми науки), то в XX в. формируется специфическое именно для публицистики экспрессивное рассуждение, всем комплексом средств (лексических, синтаксических и др.) привлекающее внимание читателя и убеждающего его в справедливости тех или иных выводов.

В 80—90-е гг. XX в. происходят значительные изменения в стилистической системе рус. лит. языка. Они выражаются в глубокой внутренней дифференциации функц. стилей, в усилении взаимовлияния стилей (ср., напр., формирование стиля рекламы), в повышении роли некоторых из них в развитии лит. языка (ср. роль *публицистического стиля*, *разговорного стиля* — см.).

Лит.: Виноградов В.В. Вопросы образования рус. нац. лит. языка. — ВЯ. — 1956. — № 1; Его же: Очерки по истории рус. лит. языка XVII—XIX вв. — М., 1982; Его же: Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. — М., 1963; Развитие функц. стилей совр. рус. языка. — М., 1968; Вомперский В.П. Стилистическое учение М.В. Ломоносова и теория трех стилей. — М., 1970; Акимова Г.Н. Очерки по синтаксису языка М.В. Ломоносова: Дисс. ... д-ра филол. наук. — Л., 1973; Мещерский Н.А. История рус. лит. языка. — М., 1981; Аргументация в публицистическом

тексте. — Свердловск, 1992; Кожина М.Н. Стилистика русского языка. — 3-е изд. — М., 1993; Очерки истории науч. стиля рус. лит. языка XVIII—XX вв. — Пермь, 1994. Т. 1. Ч. 1, 2; Рус. язык конца XX столетия (1985—1995). — М., 1996; Рус. язык (1945—1995) / Ред. Е.Н. Ширяев. — Opole, 1997; Виноградова В.Н. Стилистический аспект рус. словообразования. — М., 1984; Ее же: О некоторых изменениях в стилистике рус. языка, «Stylistyka-VII». — Opole, 1998.

Т.Б. Трошева

ИСТОРИЗМЫ — *устаревшие слова* (см.), значения слов или словосочетания, вышедшие из употребления в связи с исчезновением тех реалий, которые они обозначали: *коллежский асессор, ермолка, лорнет, извозчик, жандарм, целовальник, тягло* и т.д. И. являются единственными названиями исчезнувших предметов и явлений действительности, не имеют параллелей в совр. рус. языке и выполняют главным образом номинативную функцию.

Наиболее важными отличительными признаками И. являются: отсутствие у них вариантов или синонимов; однозначность стилистической маркировки; их принадлежность только к лексическому пласту языка.

Процесс историзации обусловлен экстралингвистическими причинами (неактуальностью называемых предметов и явлений действительности): «причины ухода слов из активного употребления в составе историзмов совершенно ясны и не требуют никаких особых разъяснений» (*Н.М. Шанский*)

Поскольку И. выполняют номинативную функцию и, как правило, терминологичны по своей природе (это единственные названия исчезнувших реалий), они в большинстве своем являются существительными (*жупан, забрало, вассал*), реже прилагательными (*жалованный, земский, губернский*), еще реже глаголами (*викжелять, колесовать, забривать*).

И. могут обозначать отечественные реалии (*коллежский асессор* — гражданский чин восьмого класса по табели о рангах дореволюционной России; *глашатай* — в старину: лицо, всенародно объявлявшее что-то) или относиться к прошлому других народов (*каган* — 1. Титул главы государства у тюркских народов в средние века, а также лицо, носившее этот титул; 2. Наименование хазарского хана в VIII—X в.; *колон* — в Древнем Риме: арендатор небольшого участка земли, принадлежащей крупному землевладельцу).

Терминологичность И. заключается в том, что они называют понятия, имеющие культурно-историческое значение и выступают как специальные обозначения. Это приводит к тому, что, с одной стороны, И. являются пассивной лексикой, а с другой, — активной лексикой определенных научных дисциплин (истории, социологии, этнографии и др.), т.е. функционально ограниченной лексикой активного словаря, что доказывает условность отнесения И. к пассивной части лексики языка и условность деления лексики вообще (любой) на активную и пассивную.

З.Ф. Белянская выделяет историзмы-слова — лексические И. и историзмы-значения многозначного слова — семантические И. (напр. *фарисей* — член религиозно-политической партии в древней Иудее, ср. *фарисей* — лицемер; *ярлык* — письменный указ хана, ср. *ярлык* — этикетка) и отмечает особенности историзации многозначного слова: 1) полисемантичные слова, производные значения которых возникли в результате метонимических переносов, подвергаются историзации во всех значениях; 2) производные значения многозначного слова, образовавшиеся путем метафорического переноса, обычно сохраняются в активном словарном запасе, в то время как исходное значение переходит в состав И.

Д.Н. Шмелев называет семантические И. (т.е. слова с историческими и актуальными значениями) частичными И.

Среди И. выделяют слова, называющие предметы и явления, устаревшие в отношении отечественной действительности, но актуальные в жизни других стран. На эту лексику обращали внимание Д.Н. Ушаков, С.И. Ожегов, Ф.П. Филин, Ю.С. Маслов и др.

Ю.С. Маслов, напр., относит такие слова к И., но подчеркивает их двойственную природу: «После Великой Октябрьской революции некоторые слова стали не только историзмами, но одновременно и экзотизмами — обозначениями явлений чужой действительности. Таковы, напр., слова *сословие, дворянин, помещик, поместье, лакей*; они используются в своих прямых значениях либо когда речь идет о прошлом нашей страны, либо когда речь идет о тех зарубежных странах, в которых еще существует сословное деление общества» (*Маслов Ю.С.,* Введение в языкознание. М., 1975, с. 248—249).

Некоторые И. сохраняются в активном словаре в составе идиом, устойчивых выражений: *точить **лясы**, бить **баклуши*** и др.

И. могут вернуться в активный словарный запас языка при возвращении, актуализации обозначаемых ими реалий, понятий. Так произошло, напр., со словами *меценат, мировой судья* и проч.

Многие лингвисты считают, что И. в худож. текстах выполняют стилистическую функцию — создают исторический колорит, однако другие утверждают, что и в беллетристике, и в науч. литературе И. *называют* предметы и явления, характерные для описываемого времени, следовательно, их роль номинативная: *Иван Андреевич в **исподнем** белье выскочил из шатра, размахивая **бердышом** <> На выжженных скамьях сидели **бояре**, одетые по военному времени в **шлемах**, в **епанчах** <> **Думный дьяк** Шакловитый прочел сказку о его «винах»* (А. Толстой).

И все же И., используемые, напр., в поэтическом тексте, не только передают колорит ушедших эпох, но и стилизуют семантику всего поэтического произведения. Этот эффект тонко использовали очень многие поэты. Так, напр., А. Белый в цикле стихов «Прежде и теперь» из книги «Золото в лазури» с помощью И. (*камзол, букли, менуэт* и др.) воссоздал стилизованное прошлое. Широко использовал И. в своих стихотворных стилизациях под прошлое В. Брюсов: см., напр., «Ассаргадон», «Халдейский пастух», «Рамсес», «Цирцея», «Кассандра», «Мои-

сей», «Клеопатра», «Скифы» (уже сами заглавия этих поэтических текстов являются своего рода ключом к их стилизаторской семантике): *фаланга, скрижали, скипетр, сатрапии, свитки, гвельфы, гибеллины* и др.

То же можно сказать и о многих других произведениях классической рус. литературы.

Лит.: Селищев А.М. Революция и язык // Изб. труды. — М., 1968; Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. — М., 1972; Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. — М., 1977; Белянская З.Ф. Устаревшая лексика современного русского языка (Историзмы): Дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1978; Михайлова Е.Г. Архаизация элементов языка в процессе его развития: Дис. ... канд. филол. наук. — Киев, 1987; Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. — М., 1993; Груздева Е.В. Хронологически отмеченная лексика в современном русском языке и ее лексикографическая интерпретация: Дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 1996; Ковалева Е.В. Устаревшая лексика в системе современного русского языка и в художественных текстах XIX в.: Дис. ... канд. филол. наук. — М., 1996; Нестеров М.Н. Русская устаревшая и устаревающая лексика. — Смоленск; Брянск, 1998.

О.Н. Емельянова

ИСТОРИЧЕСКАЯ (ДИАХРОНИЧЕСКАЯ) СТИЛИСТИКА — см. Стилистика историческая (диахроническая).

К

КАНЦЕЛЯРИЗМЫ — слова, устойчивые словосочетания, грамматические формы и конструкции, употребление которых в лит. языке закреплено за оф.-дел. стилем, особенно за его административным подстилем (см. *Жанры официально-делового стиля*)**.** К К. относятся как отдельные слова с окраской оф.-дел. стиля (*уведомление*, *ходатайствовать*, *именуемый*, *надлежит* и т.п.), так и синтаксические конструкции, построенные по определенным моделям («цепочка» форм родительного падежа существительных, напр.: *деятельностью*, *не преследующей цели получения прибыли*; *выяснение условий совершения преступления*; сочетание существительного с делексикализованным глаголом, напр.: *оказывать помощь* вместо *помогать*, *проводить контроль* вместо *контролировать*).

К. являются необходимым структурным элементом любого оф.-дел. текста. Напр.: *Завод «Прогресс»* ***просит*** *Вас* ***оказать техническую помощь в разработке чертежей насосной станции****. Так как в настоящий момент монтаж уже ведется*, ***просим произвести эту работу*** *непосредственно на площадке* (из гарантийного письма).

Естественные в деловой речи, вне ее К. становятся чужеродными и нежелательными. Некоторые из них архаично торжественны: *вышеназванный, поименованный, надлежит*, *взимать*, *возыметь действие, истребовать, препроводить, таковой, податель сего.* Другие свойственны речи современных чиновников и деловито будничны: *задействовать*, *проговорить* (в значении «обсудить»), *озадачить*, *заслушать*, *подвижки*, *наработки*, *конкретика* и т.д. Строго мотивировано содержанием и сферой речи должно быть и использование таких существительных, как *заказчик*, *сторона*, *владелец*, *доверитель*, *клиент*, *лицо*, а также прилагательных и причастий, в том числе субстантиватов *докладная*, *вакантный*, *потерпевший*, *накладная*, *исходящий*, *суточные*, наречий типа *незамедлительно*, *безотлагательно*, *безвозмездно*, глаголов-связок *являться*, *быть*, *иметься (иметь место)* и т.п.

Придают и усиливают канцелярскую окраску речи отглагольные существительные с суффиксами *-ени*, *-ани*, *-ат*, *-ут*, напр.: *устранение*, *начинание*, *нахождение, взятие*, *изъятие*, *исполнение*, бессуфиксальные типа *угон*, *отгул*, *прием*, *наем*, *пошив*, *надзор*, а также слова с приставками *не-*, *недо-*: *недовыполнение*, *необнаружение*, *неимение*, *недопоставить*, *недопущение*, *невыявление* и т.п.

Яркой оф.-дел. окрашенностью отличаются и особые служебные слова — сложные отыменные предлоги — *за счет*, *в адрес*, *в части*, *по линии*, *на основании* и др., напр.: ***в связи с*** *истечением срока действия договора,* ***согласно*** *распоряжению*, ***в случае*** *несвоевременной оплаты*, ***в результате*** *изучения*, а также союзы: *в силу того что, несмотря на то что*, *благодаря тому что*, *а именно*, *равно как*, *а равно* и т.п.

К оборотам канцелярского характера относятся также составные наименования типа *силовые ведомства*, *материальные ценности*, *продукты питания*, *транспортные средства*, *дипломатические отношения*, *бюджетная сфера*, *единовременное пособие*, *кассационная жалоба*, составные глагольно-именные сочетания (так называемые «расщепленные сказуемые») *дать указания (указать), оказать содействие (воздействовать)*, *приводит к усложнению (усложняет)* и др.

Описанная лексика и фразеология с оф.-дел. окраской получает наименование К. лишь в тех случаях, когда она употребляется в чуждой сфере, за пределами оф.-дел. стиля. Достаточно уместные и необходимые в повторяющихся ситуациях оф.-дел. общения канцелярски окрашенные слова и выражения, попадая в тексты других функц. стилей, придают речи казенный, невыразительный характер, лишают ее живости, эмоциональности, простоты и естественности. Использование К. в науч. и публиц. речи должно быть продуманным и ограниченным, а в разг. — без особой стилистической мотивировки — не только нежелательно, но и недопустимо. Если они употреблены случайно, непреднамеренно, то это расценивается как нарушение стилистической нормы, как речевая ошибка, напр.: *В нашем* ***зеленом массиве*** *так много грибов и ягод*; *Необходимо ликвидировать отставание на фронте* ***недопонимания*** *сатиры*; *Передо мной* ***встает проблема***; *Мы оказались* ***в тисках дилеммы***.

Употребление К. в несвойственном им стилевом контексте (не в оф.-дел. текстах) без стилистического задания является речевым недочетом, получившим название «*канцелярит*» (*К.И. Чуковский,* 1963, с. 119). Так, неуместное употребление К. наблюдаем в следующем высказывании: *Политику кооперации краевая администрация считает самой приемлемой, но это не значит, что предприятиям региона* ***таковая*** *будет навязываться: сейчас у каждого свои соображения* ***по поводу того, как*** *выжить* (Красноярский комсомолец, 7 февр. 1998 г.). Ср.: Политику кооперации краевая администрация считает самой приемлемой, но это не значит, что предприятиям она будет навязываться: сейчас у каждого свои соображения, как выжить.

Не является речевым недочетом намеренное употребление К. в качестве стилистического приема, напр., в худож. речи как средства речевой характеристики персонажа: *Давыдов вышел, развернул записку. Синим карандашом было размашисто написано: «Лиза!* ***Категорически предлагаю незамедлительно и безоговорочно предоставить обед предъявителю этой записки.*** *Г. Корчжинский». — «Нет, уж лучше без обеда, чем с таким мандатом», — уныло решил проголодавшийся Давыдов, прочитав записку и направляясь в райполеводсоюз* (Шолохов).

Или: — *Но ведь я же* ***в порядке неимения жилплощади****, — прошептал молодой человек. — Граждане!* (Ильф, Петров).

С целью достижения юмористического эффекта используются К. в следующем примере: *Муза ему долго не давалась, а когда далась, то поэт удивился от того, что у него с ней получилось. Во всяком случае,* ***по прочтении продукции*** *ему стало ясно, что не может быть и речи о гонораре* (Зощенко).

Неоправданное проникновение К. из оф.-дел. сферы в худож. лит., в быт, устную речь происходило и раньше и справедливо критиковалось не только лингвистами, но и писателями: М. Салтыковым-Щедриным, А. Чеховым, А. Толстым, И. Ильфом и Е. Петровым, Л. Кассилем, К. Паустовским, В. Ардовым и др.

Известны стилизации под бюрократическую речь, напр.: *Равным образом воспрещается* ***выколотие*** *глаза,* ***откушение*** *носа отнятие головы* (Салтыков-Щедрин); ***Умерщвление*** *произошло по причине* ***утонутия*** (Чехов); *Дело об* ***изгрызении*** *плана* ***оного*** *мышами* (Герцен); *Дело о* ***влетении*** *и* ***разбитии*** *стекол вороною* (Писарев); *Позор* ***срывщикам*** *кампании за борьбу по* ***выполнению плана организации кампании борьбы*** (Ильф и Петров).

В «Истории одного города» М. Салтыков-Щедрин пародирует слог царских законов, используя К. со специальным стилистическим заданием добиться экспрессии: *1. Всякий да печет по праздникам пироги, не возбраняя себе таковое печение и в будни 4. По вынутии из печи, всякий да возьмет в руку нож и, нарезав из середины часть, да принесет оную в дар*

Пример современной пародии на бюрократические речения принадлежит перу М. Жванецкого: *Постановление по дальнейшему углублению расширения конструктивных мер, принятых в результате консолидации по улучшению состояния всемирного взаимодействия всех структур консервации и обеспечения еще большей активизации наказа трудящихся всех масс на основе ротационного приоритета будущей нормализации отношений тех же трудящихся по их же наказу.*

Наибольшего распространения канцелярит достиг в нашей стране в годы застоя, когда в сфере политического, социального, культурного, науч. и даже бытового общения в ходу была заштампованная речь ритуального характера, наполненная словами-пустышками типа *вопрос, дело, задача, проблема, факт* и т.п.

Впоследствии этот малопонятный, неуклюжий бюрократический язык получил название «новояза». Одним из лингвистических завоеваний перестройки стал отказ от речи ритуальной в пользу живых, стилистически нормальных текстов, к сожалению, далеко не всегда грамотных.

Сегодня К. как спутники командно-бюрократической системы, как наследие предшествующей эпохи сдают свои позиции в публичных выступлениях, в текстах СМИ, во многом из-за общей «боязни громких слов», благодаря отказу от подчеркнуто книжных конструкций, в частности от глагольно-именных оборотов, служивших неотъемлемой принадлежностью оф.-дел., науч. и вообще официального языка. В.Г. Костомаров также отмечает, «что в нынешних оценках речи не упоминается

«канцелярит», в котором К.И. Чуковский видел главный порок современной ему речи».

Лит.: Щерба Л.В. Современный русский литературный язык // Избранные работы по русскому языку. — М., 1957; Чуковский К.И. Живой как жизнь (О русском языке). — М., 1963; Винокур Т.Г. Когда «канцеляризмы» и «штампы» становятся опасной болезнью? // Наша речь. Как мы говорим и пишем. — М., 1965; Головин Б.Н. Основы культуры речи. — М., 1980; Его же: Как говорить правильно. Заметки о культуре русской речи. — М., 1988; Кожин А.Н., Крылова О.А., Одинцов В.В. Функциональные типы русской речи. — М., 1982; Скворцов Л.И. О канцеляризмах и штампах // Русская речь. — 1982. — № 1; Галь Н.Я. Слово живое и мертвое. Из опыта переводчика и редактора. — М., 1987; Розенталь Д.Э. Практическая стилистика. — М., 1987; Его же: Справочник по правописанию и литературной правке. — М., 1996; Борисова И.Н., Купина Н.А., Матвеева Т.В. Основы стилистики, культуры речи и риторики. — Екатеринбург, 1995; Касаткин Л.Л., Клобуков Е.В., Лекант П.А. Краткий справочник по современному русскому языку. — М., 1995; Солганик Г.Я. Русский язык.10—11 класс. Стилистика. — М., 1995; Голуб И.Б. Стилистика русского языка. — М., 1997; Кожина М.Н. Стилистика русского языка. — М., 1997; Львов М.Р. Словарь-справочник по методике русского языка. — М., 1997; Рахманин Л.В. Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов. — М., 1997; Шварцкопф Б.С. Канцеляризмы // Русский язык. Энциклопедия. — М., 1997; Колтунова М.В. Язык и деловое общение. Нормы, риторика, этикет. — М., 2000.

Г.А. Копнина, О.В. Протопопова

КАТЕГОРИЧНОСТЬ / НЕКАТЕГОРИЧНОСТЬ ИЗЛОЖЕНИЯ — см. *Стилевые черты*.

КАТЕГОРИЯ «ОБРАЗ АВТОРА» — см. Образ автора.

КАТЕГОРИЯ АКЦЕНТНОСТИ (ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ) (ФССК акц.) — одна из текстовых категорий, представляющая собой систему акцентуаторов — разноуровневых языковых, собственно текстовых, графически оформленных средств, объединенных функц.-семантически на текстовой плоскости для смыслового выделения концептуально важных, по мнению автора, моментов содержания текста, привлечения к ним внимания, убеждения адресата в правильности авторской точки зрения и достижения таким образом взаимопонимания между отправителем и получателем сообщения; структурирована по принципу поля. ФССК акц. реализует коммуникативное намерение автора организовать текст так, чтобы адресат смог адекватно интерпретировать излагаемую концепцию. Адресанту важно через акцентуаторы эксплицировать свою интенцию, убедить получателя информации в ее истинности, актуальности, новизне. Способы текстовой реализации ФССК акц. зависят от стилистической принадлежности речевого произведения.

В науч. стиле поле ФССК. акц. членится на следующие микрополя: уточнения (функция акцентирования актуальных логико-смысловых

отношений — сопоставления, противопоставления, отрицания, ограничения и др.); усиления (функция привнесения дополнительных оттенков смысла, подчеркивания коммуникативно значимых элементов речи); оценки (функция передачи важных для автора оценок науч. фактов и их интерпретации); категоричности/некатегоричности изложения (функция выражения объективности излагаемого науч. знания); активизации внимания читателя (функция облегчения коммуникативно-прагматической ориентации адресата в тексте, создания благоприятных условий для целенаправленного восприятия информации, усиления речевого воздействия на читателя, обеспечения согласованности между коммуникантами). Микрополя ФССК акц. обусловливаются целями и задачами общения в сфере науки и коррелируют с основными *стилевыми чертами* (см.) науч. речи. Каждое микрополе, имея специфический набор ядерных и периферийных акцентуаторов, занимает определенное место в общем поле ФССК акц. В науч. стиле доминирующим является микрополе уточнения, затем следуют микрополя усиления, активизации внимания читателя, оценки, категоричности/некатегоричности изложения. Совокупность микрополей составляет сущность ФССК акц. в том или ином функц. стиле.

Центральное положение микрополя уточнения объясняется его связью с базовыми стилевыми чертами науч. речи — точностью и логичностью изложения. Примечательно, что логичность науч. стиля традиционно определяется как подчеркнутая логичность. В силу специфических особенностей науч. познания речевой процесс в этой сфере осуществляется преимущественно в форме логических доказательств, суждений, дефиниций. Максимальная логизация науч. текста достигается главным образом строгой последовательностью изложения и тесной спаянностью всех компонентов произведения.

Акцентуаторы микрополя уточнения (термин «уточнение» используется не в узкограмматическом смысле как название определенного типа логико-смысловых отношений, а в широком смысле — как экспликация разного рода логико-смысловых отношений, когда они выражены не приблизительно, а предельно точно, исчерпывающе, подчеркнуто) — это лексико-грамматические и синтаксические акцентуаторы (частицы, союзы, местоимения, вводные слова) с противительным, отрицательным, градационно-сопоставительным, ограничительным значениями. Напр.: *Модель Мельчука—Жолковского на всех этапах оперирует* ***хотя и*** *«базисным»,* ***но все-таки*** *естественным языком В принципиальной* ***же*** *структуре моделей* ***нет*** *серьезных противоречий* ***Однако*** *интересно, что идея независимых механизмов соответствует тому, что мы предполагали выше* (Леонтьев). Здесь союз *хотя и — но*, усиленный с помощью частицы *все-таки*, союзы *однако*, *же* в противительном значении, отрицательное слово *нет* акцентируют общую противительную тональность фрагмента текста, в котором автор сопоставляет результаты своих исследований с имеющимся знанием.

Большой процент уточняющих средств составляют акцентуаторы с семантикой сопоставления (противопоставления и отрицания), актуальность которой объясняется природой и динамикой процесса познания, в частности законом «отрицания отрицания». Широкое использование союзов, частиц, вводных слов с противительным значением (*но, а, однако, же, вместе с тем, напротив, все же, между тем, тем не менее, впрочем* и т.п.) связано с тем, что с их помощью решаются важные задачи любого науч. текста: и раскрытие определенного подхода к уже известному объекту анализа, и конструирование нового предмета исследования, и осуществление критического анализа или обзора имеющегося знания в целях его систематизации, осмысления и интерпретации.

Кроме того, типичными средствами выражения акцентированного противопоставления в науч. речи являются конструкции с соотносительными союзами и отрицательными частицами, образующими в предложениях так называемые закрытые сочинительные ряды типа *не ... а, не ... но, а ... не, но ... не* (противительно-отрицательное значение); *не только ... но и, как ... так и, не столько ... сколько* (градационно-сопоставительное значение). Корректирующую, уточняющую, а значит, акцентирующую функцию выполняют в науч. текстах ограничительные частицы *только, лишь*, частицы и наречия *и, уже, же.*

Наряду с микрополем уточнения, центральное положение в поле ФССК акц. занимает микрополе у с и л е н и я, которое соотносится с такими стилевыми чертами науч. речи, как точность и ясность изложения. Самыми частотными акцентуаторами-усилителями являются частицы. Будучи специально предназначенными для выражения акцентности, они своей лаконичной, компактной формой в полной мере соответствуют потребностям науч. изложения. К лексико-грамматическим акцентуаторам микрополя усиления относятся также наречия и усилители с «не» *отнюдь, вовсе, совсем, явно, совершенно, вообще, абсолютно, далеко, ни в коем случае, нисколько,* значительно усиливающие отрицание, ср.: *После умственной деятельности* ***ни в коем случае не следует*** *заниматься чтением* (Ермолаев). Еще более частотными являются лексические усилители наречного типа, так называемые слова-интенсивы *очень, весьма, чрезвычайно, особенно, крайне, совершенно, абсолютно* и др., сигнализирующие о том, что следующее слово является для автора значимым и требует специального подчеркивания. Примечательно, что наречия меры и степени часто употребляются в науч. речи в сочетании с оценочными прилагательными, напр.: *Но* ***особенно важной*** *и* ***интересной*** *остается проблема происхождения космического излучения* (Наумов). Еще больший усиливающий эффект обеспечивают компаративы, природа которых обусловливает функц.-стилистическую специфику их использования в речи: признаку приписывается высшая степень, тем самым он акцентируется. Это обусловлено желанием автора науч. текста предельно усилить логическое и эмоциональное воздействие интеллектуального содержания на адресата. Напр.: *Пищеварение —* ***наиважнейший*** *из процессов, обеспечивающих тесную связь организма с внешней средой* (Герловин).

Направленность речи на адресата эксплицируют также акцентуаторы микрополя активизации внимания читателя, в частности синтаксические и графические средства (смысловое выделение, оформленное курсивом, разрядкой, полужирным, жирным шрифтами, подчеркиванием). В науч. тексте они облегчают читателю восприятие сложной интеллектуальной информации, помогают ориентироваться в содержании, подчеркивают коммуникативно значимые фрагменты текста. Графические акцентуаторы нередко выделяют важную мысль в речевой ткани произведения, маркируют выводы исследования, вводят новые понятия, термины, определения, акцентируют сопоставляемые факты и явления. К синтаксическим акцентуаторам данного микрополя относятся конструкции «безлично-модальный глагол + инфинитив глагола мысли, речи и восприятия» (*следует обратить внимание на то, что; необходимо подчеркнуть, что* и др.), в которых используются глаголы с собственно акцентирующим лексическим значением (*подчеркнуть, обратить внимание, заметить* и т.п.). Другие прямые акцентуаторы — конструкции побудительной семантики, так наз. императивы совместного действия и императивы адресата: *обращаем внимание на; обратим внимание на; еще раз подчеркнем, что; заметим, что; отметим, что*и др. Напр.: *В заключение параграфа* ***необходимо подчеркнуть, что*** *описанная схема искусственно упрощена* (Гегузин); ***Обращаем внимание на*** *порядок следования аргументов волновой функции* (Наумов).

Помимо указанных средств, синтаксическими акцентуаторами микрополя активизации внимания являются также некоторые модально-оценочные конструкции, напр.: *важно отметить, что; интересно отметить, что; примечательно, что; легко заметить, что; знаменательно, что* и др. В информационном плане эти акцентуаторы избыточны, в связи с чем некоторые исследователи считают их «засоряющими» текст и даже в какой-то мере нарушающими нормы науч. речи. Однако нельзя отрицать и того, что эти обороты речи традиционно считаются приметой именно науч. функц. стиля.

Синтаксическими акцентуаторами микрополя активизации внимания читателя выступают также вопросительные и восклицательные предложения — единицы экспрессивного синтаксиса, которые хотя и нечасто употребляются в науч. текстах, но именно поэтому привлекают к себе внимание читателей. Особенностью функционирования вопросительных предложений в науч. речи является их использование в составе вопросо-ответных комплексов — собственно текстовых единиц, позволяющих имитировать диалог между автором и читателем, прогнозировать реакцию адресата, управлять его вниманием, ср.: ***Может ли модель сама по себе обусловить аналогичные расхождения? Нет, не может*** (Будагов). Используются также открытые, или дистантные, вопросо-ответные комплексы, когда ответы на поставленные вопросы содержатся в дальнейшем изложении. В науч. произведении вопросо-ответные комплексы нередко употребляются и в функции введения дефиниций, что особенно характерно для жанра учебного пособия. Другие вопросы встречаются

чаще всего в частях текста, носящих полемический характер, с целью имитации диалога с читателем. Привлекают внимание адресата и восклицательные предложения, воспринимаемые на нейтральном эмоциональном фоне науч. речи как весьма экспрессивное средство, см.: ***Всего за сутки через почки протекает до 2000 л крови!*** (Ермолаев). Характерно также употребление восклицательного знака в скобках, благодаря чему автор добивается повышенного внимания адресата к определенному высказыванию. В целом использование в науч. речи вопросительных и восклицательных предложений характеризуется особой выразительностью, экспрессивностью и демонстрирует проявление стилевой черты «экспрессивность изложения», с которой соотносится рассматриваемое микрополе активизации внимания читателя.

Тот же коммуникативный эффект вызывает экспрессивный порядок слов (инверсия). В науч. текстах чаще встречается инверсия определений, выраженных сочетанием прилагательного (часто оценочного) и наречия меры и степени, а также инверсия обстоятельств-наречий (также оценочного характера). Напр.: ***Очень эффективным*** *представляется использование фразеологического оборота в качестве свободного сочетания слов* (Шанский); ***Явно ошибочным*** *представляется утверждение такого рода* (Шмелев); ***Уродуются и искажаются*** *национальные языки в процессе отождествления* (Будагов). Характерно, что инверсия практически всегда сочетается с другими акцентуаторами, вместе с ними привлекая внимание читателей к актуальным для автора элементам речи. Яркими акцентуаторами микрополя активизации внимания читателя являются также средства словесной образности (текстовые акцентуаторы), прежде всего метафоры, которые, как правило, используются в тех частях текста, где излагается новое знание, см.: ***Фронт диффузии мог бы продвинуться*** *на расстояние лишь порядка межатомного* (Гегузин); *В области от* 10^{-15} *до* 10^{-18} ***властвует*** *современная физика высоких энергий* (Наумов).

Еще одно микрополе ФССК акц. — микрополе о ц е н к и — коррелирует с такой стилевой чертой науч. речи, как «оценочность», которая гораздо в большей степени, чем, напр., подчеркнутая логичность, точность, объективность, связана с активностью субъекта речи. Науч. информация без ее оценки не может быть квалифицирована как науч. знание. В связи с этим автор, осознавая необходимость выразить мысль не столько для себя, сколько для читателя, актуализирует «присутствие» адресата, которого необходимо убедить в правомерности излагаемой концепции, сделать единомышленником. Значит, от авторской убежденности во многом зависит, какое отношение к объекту оценки сложится у читателя: если автор уверен в том, о чем сообщает, и эксплицирует свою уверенность в тексте, то это не может не передаться и читателю (происходит эффект «заражения» авторской оценкой). Модальность убежденности автора в истинности излагаемой точки зрения важна для создания общей убеждающей тональности науч. текста. Такая тональность достигается использованием специальной оценочной лексики, в основном оценочных прилагательных и наречий, компаративов, модально-оценочных

конструкций типа *важно, что, интересно, что...* и т.п., напр.: *Этот случай **особенно важен** применительно к ультрадисперсным порошкам* (Гегузин); *В понятии функц. гр. **весьма существенным** является акцент на изучении функций* (Бондарко).

Направленность науч. текста на доказательность, убедительность актуализируют также средства выражения оценки и с точки зрения достоверности знания. Поскольку этот оценочный аспект связан в большей степени с реализацией другой стилевой черты науч. речи — объективности изложения, — можно говорить еще об одном микрополе в поле ФССК акц. — микрополе категоричности/некатегоричности изложения. Объективность, непредвзятость науч. стиля обусловлена, как известно, стремлением ученого к объективной истине, к беспристрастному отражению реальной действительности. В науч. тексте это проявляется главным образом в том, что автор стремится избежать категоричности суждений. Некатегоричная манера изложения является нормой науч. речи, что объясняется самой природой науч. знания (его относительностью), сложившейся традицией, науч. этикетом, а также психологией восприятия, когда читателю предоставляется возможность самому оценить факты, без «давления» со стороны автора. Типичными акцентуаторами некатегоричности изложения являются модальные слова со значением сомнения, акцентуаторами категоричности — модальные слова со значением уверенности в достоверности знания. Напр.: ***По-видимому**, лишь категории глагола представляют такое единство, которое является целостной системой* (Бондарко); ***Бесспорно**, космическое излучение может служить источником частиц* (Наумов).

Помимо вводных слов (*конечно, действительно, бесспорно* и т.п.), авторскую уверенность передают также синтаксические конструкции *очевидно, что; ясно, что; понятно, что...; естественно, что* и др. При этом средства со значением уверенности чаще всего встречаются в частях текста, выражающих отношение автора к изучаемому объекту, а также в заключительных разделах работы, где автор излагает выводы проведенного исследования, в которых он уже не сомневается.

Сомнение, неуверенность в достоверности знания, а значит, некатегоричность изложения передают прежде всего модальные слова: *вероятно, по-видимому, видимо, может быть* и т.п. Эти средства выражают гипотетическую модальность и используются преимущественно в тех разделах науч. произведения, где высказываются гипотезы и содержится их доказательство, т.е. на этапах формирования нового знания, однако — в силу традиции — отмеченные языковые единицы употребляются и в том случае, если автор уверен в достоверности излагаемого знания.

Несмотря на то что некатегоричая манера изложения предпочтительна для науч. стиля, средств со значением сомнения в них в 2,5 раза меньше, чем средств выражения уверенности. Широкое распространение последних объясняется спецификой науч. деятельности — публикацией проверенного знания, а также изложением знания «тривиального», не требующего доказательства. И хотя стремление снять категорич-

ность высказывания, с одной стороны, и стремление сделать его более определенным, несомненным, неоспоримым — с другой, являются, казалось бы, противоположными коммуникативно-прагматическими установками, обе установки служат целям более убедительной презентации науч. материала.

Все рассмотренные микрополя выражают сущность ФССК акц. в науч. стиле речи. Перечисленные акцентуаторы, выполняя конкретные («тактические») задачи (уточнить, усилить, активизировать внимание читателя и др.), вместе с тем реализуют глобальную («стратегическую») интенцию автора — выразительно представить науч. концепцию и тем самым достичь взаимопонимания с читателем, а значит, коммуникативного успеха. В науч. текстах акцентуаторы используются достаточно регулярно: в среднем на одну страницу текста приходится около десяти акцентирующих единиц. Данный среднеарифметический показатель условно можно назвать мерой акцентуации на одну страницу текста. Естественно, в различных текстах эта мера варьируется: в гуманитарных — больший процент использования акцентуаторов, в текстах по точным наукам — наименьший; больший процент — в учебном пособии, меньший — в монографии.

Лит.: Сущинский И.И. О коммуникативно-прагматической категории «акцентирование» (немецкий язык). — ИЯШ. — 1984. — № 2; Его же: Коммуникативно-прагматическая категория акцентирования и ее роль в вербальной коммуникации (на материале немецкого языка). — ВЯ. — 1987. — № 6; Кожина М.Н. О функциональных семантико-стилистических категориях. — Фил. науки. — 1987. — № 2; Ее же: О функциональных семантико-стилистических категориях в аспекте коммуникативной теории языка // Разновидности и жанры научной прозы: Лингвостилистические особенности. — М., 1989; Ее же: Общая характеристика текстовых категорий в функционально-стилевом аспекте (применительно к научной сфере общения) // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII—XX вв. Т. 2. Стилистика научного текста (общие параметры). Ч. 2. Категории научного текста: функционально-стилистический аспект. — Пермь, 1998; Иванова Т.Б. Функциональная семантико-стилистическая категория акцентности в русских научных текстах. Там же.

Т.Б. Иванова

КАТЕГОРИЯ ГИПОТЕТИЧНОСТИ (ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ) (ФССК гип.) — одна из разновидностей текстовых категорий, представляющая собою систему разноуровневых языковых средств (включая текстовые), объединенных на текстовой плоскости общей функцией и семантикой и предназначенных для выражения гипотезы и более широкого явления — гипотетичности; структурируется на основе полевого принципа (центр—периферия). ФССК гип. эксплицирует стилевой аспект речи, однако характеризует не всякую речь, а преимущественно научную. Здесь она оказывается тексто- и стилеобразующей, реализующей одну из *стилевых черт* (см.) науч. речи — гипотетичность. Экстралингвистической основой этой категории явля-

ются особенности самого процесса научного познания и мышления ученого. Гипотеза выступает как одна из форм знания и метод познания в процессе производства нового знания, что и является целью науки. Она составляет одну из фаз (этапов) науч. познания, возникая всякий раз из проблемной ситуации, и развивается из предположительного, недостоверного знания через анализ и доказательство к достоверному знанию, к выводу, закону. По словам М. Коэна, «думать — значит прежде всего решать проблемы, а решать проблемы — выдвигать гипотезы» (разрядка наша. — *М.К.*).

Однако выдвижение предположений, предвидений, прогнозов — прерогатива не только научной сферы деятельности и общения. «Гипотеза, — как отмечает А.Т. Шумилин, — является универсальной, всеобщей формой творческого мышления, неизбежно используемой в явной или неявной форме при решении задач любого типа в любой сфере деятельности» (разрядка наша. — *М.К.*). Поэтому в той или иной степени и вариативно (как это свойственно различным текстовым категориям) гипотетичность представлена в различных речевых сферах, однако именно в науч. текстах она предстает как специфическая для них, стиле- и текстообразующая. Это обусловлено существенным отличием гипотезы от предположений обыденного сознания (порой необоснованных, близких к желаемому, воображаемому), которые нельзя считать знанием, тогда как «научная гипотеза, истинность которой оказалась подтвержденной, была истинной... и до процедуры подтверждения», поэтому она «синоним нового знания», это уже «некое объяснение» (*Ю.С. Степанов*. — Разрядка наша. — *М.К.*). Характерно, что в целых научных текстах (произведениях) — в отличие от других речевых сфер — развертывание гипотезы является текстообразующим, проходящим через весь текст: от ее формулировки как предположительного, недостоверного знания к процессу ее разработки и доказательства, превращения в достоверное знание — вывод (либо опровержение). В других же речевых сферах гипотетичность обычно выступает спорадически.

Итак, под гипотетичностью понимается стилевая черта науч. текста, возникающая в результате отражения в нем динамики науч. знания от предположительного (гипотетического) к достоверному, доказанному, т.е. реализация в тексте гипотезы как формы мысли и метода познания. Основная, концептуальная, гипотеза обычно представлена в тексте специальной формулировкой.

Гипотетичность свойственна текстам всех отраслей науки, хотя несколько варьируется по средствам и способам выражения. Наиболее широко и последовательно она представлена в текстах, отличающихся особенной новизной (новых отраслей знания в процессе исторического развития науки), а также в работах теоретического характера, в отличие от описательных, поэтому она тесно связана с *рассуждением как функц.-смысловым типом речи* (см.).

Можно выделить такие разновидности гипотезы, как концептуальная авторская гипотеза, доказательство которой проходит через весь текст;

единичные гипотезы — частные допущения в ходе доказательства; конкурирующая гипотеза (другого автора, оппонента), реализация которых связана с композиционной стороной текста.

Представленность этой категории неодинакова в различных жанрах науч. литературы: составляя неотъемлемую часть центральных жанров науч. стиля (монографии, статьи, диссертации), она менее представлена в обзорах, рецензиях (и лишь описательно). ФССК гип. тесно связана с методологическим и аксиологическим аспектами эпистемической ситуации, что отражается на ее полевом структурировании и взаимосвязях с категориями оценки, предшествующего знания, ретроспекции и проспекции, некатегоричности изложения. Гипотетичность может выражаться с большей и меньшей долей уверенности в достоверности знания.

Взаимосвязь указанных категорий и типов изложения выражается в том, что в самом науч. тексте эксплицируется познавательный процесс, а именно то, как на основе анализа и оценки предшествующего знания выдвигается, формулируется, а затем развертывается гипотеза посредством ряда допущений, предположений, которые либо принимаются, либо опровергаются, а также поиска путей и методов решения проблемы. Все это и вызывает взаимодействие средств разных текстовых категорий и их маркеров при некатегоричном стиле изложения и динамике развертывания гипотетического знания от недостоверного, недоказанного, к достоверному, истинностному, либо высказыванию новой, более обоснованной гипотезы. Здесь невозможно дать ширококонтекстуальный пример, ограничимся небольшими выдержками: *Учитывая все это... можно сейчас утверждать, что свободный кислород... есть создание жизни* (В.И. Вернадский); *Высказывались не раз гипотезы о вероятном существовании в глубинах земной коры первичных углеродных тел иногда допускают, что первичные карбиды находятся в Однако эти движения являются для планеты поверхностными. Проникновение ее в металлическое ядро гипотетично. Есть однако факты, что когениты действительно выпадают Однако те же карбиды находят в других месторождениях и очень возможно, что изучение этих минералов выяснит Но даже в этом случае образование углеводородов из карбидов не может иметь значения. Мы должны считать нефти фриатическими минералами Нефти не могут содержать ювенильных углеводородов* (*В.И. Вернадский*). Здесь формулировка итогового гипотетического суждения, высказанного с большой долей уверенности, т.е. как достоверного знания, появляется после цепи допущений и анализа альтернативных положений в ходе рассуждения. Еще аналогичный пример: *Каков общий механизм? Каков принцип этого различия? Нетрудно видеть, что в норме реакции организма вызываются Однако дистантные раздражители имеют место и при рефлексах. Существенный признак высшей нервной деятельности которая принадлежит, вероятно, большим полушариям Итак, основная и общая деятельность больших полушарий есть сигнальная* (*И.П. Павлов*). Как видим, анализ гипотетического знания и доказательство гипотезы выступает в качестве стержня смысловой структуры научного текста.

В процессе развития лит. языка, науки и науч. стиля изложения сформировались и определились в функции выражения гипотетичности языковые и текстовые средства. Их нельзя назвать средствами выражения именно и только гипотетичности (поскольку они могут выступать и в других функциях), однако, несомненно, существует большой круг разноуровневых языковых средств, используемых постоянно в виде сигналов, маркеров, гипотетичности. Это и номинации семантического поля «гипотеза», в рамках которого представлены смыслы, связанные с этим понятием, включающие семы предположительности и обозначения соответствующих ментальных действий: *допущение, идея, предположение, научное предвидение, открытие, проблема, закон, объяснение, догадка, прогноз, сомнение; допускать, предполагать, ожидать (результата), предвидеть; возможный, вероятный, малообоснованный, неокончательный, дискуссионный* и т.п. Это и целый ряд устойчивых, стандартизированных словосочетаний и конструкций: *рабочая гипотеза, предварительно заметить, необходимо выяснить, можно предположить, следует признать, теоретически возможно, нетрудно заметить, что, в пользу такого предположения говорит то, что* и т.д. Естественно, что широко используются модальные слова и частицы (*едва ли, чуть не, возможно, очевидно, может быть*); а также — из морфологических средств — сослагат. наклонение, формы буд. времени глагола; кроме того — модальные слова и словосочетания в функции вводных (*по-видимому, возможно, пожалуй, безусловно, конечно* и т.д.). В науч. тексте они обычно выступают в совокупности друг с другом, а не как отдельные, единичные маркеры. К текстовым средствам относятся сами формулировки гипотез (в виде СФЕ), *К-блоки* (при выражении проблемной ситуации) — см., вопросо-ответные комплексы и др.

К центру поля ФССК гип. относятся текстовые и синтаксические средства, в том числе вопросо-ответные комплексы, проблемные вопросы, цепочки вопросительных предложений, синтаксические конструкции с придаточным условия, безличные конструкции с модальными словами со значением долженствования и возможности, вводные слова и словосочетания с семантикой предположительности, а также указанные выше морфологические средства и лексические единицы.

Закономерен вопрос о соотношении категории гипотетичности с категорией модальности, тем более что среди значений последней выделяют и гипотетическую модальность. Объективная модальность, связанная с предикативностью, ограничивается чисто грамматическим аспектом и рамками предложения, субъективная же рассматривается и как текстовая категория (*И.Р. Гальперин*, *Т.В. Матвеева,* см. *категория тональности*). Однако ФССК гип. существенно отличается не только от объективной, но и от субъективной модальности. Если в последнем случае речь идет вообще о выражении специально оформленного грамматически отношения субъекта речи к высказыванию соотносительно с психологическим настроем адресанта, то категория гипотетичности — это знаниевая, когнитивная категория, выступающая в тексте в качестве сред-

ства выражения гипотезы как формы знания и метода познания, как реализация динамики познания от предположительного знания к достоверному, т.е. как механизм развертывания науч. текста, что и создает стилевую специфику последнего. Можно сказать, что категории модальности и гипотетичности — «омонимичные» явления.

Изучение категории гипотетичности началось недавно. Одним из первых обратил внимание на наличие средств, выступающих регулярно в функции выражения гипотезы в научных текстах, В.В. Кусков (1976), не ставя еще вопроса о категориально-текстовом их статусе. Затем появляются работы, в которых поднимается вопрос о ФССК гип. и подробно исследуются средства ее выражения в русских (*М.Н. Кожина,* 1989, 1998; *Т.Н. Плюскина,* 1996, 1998) и английских (*И.С. Бедрина,* 1995) текстах. Активизации исследований гипотезы в лингвистике и гипотетичности в научных текстах способствовала публикация монографии «Гипотеза в современной лингвистике» под ред. Ю.С. Степанова (1980).

Перед исследователями стоит задача дальнейшего изучения этой категории на материале науч. литературы (разных отраслей науки, жанров, в историческом аспекте и т.д.), а также изучение своеобразия ее проявления, ее вариативности в других сферах общения.

Лит.: Кусков В.В. О средствах выражения научной гипотезы в немецком языке и их переводе на русский язык // Особенности стиля науч. изложения. — М., 1976; Гипотеза в современной лингвистике. — М., 1980; Кожина М.Н., Бедрина И.С., Полыгалова Н.В. Функциональная семантико-стилистическая категория гипотетичности в научных текстах // Функционирование языка в различных типах текста. — Пермь, 1989; Бедрина И.С. Функциональная семантико-стилистическая категория гипотетичности в английских научных текстах. — Екатеринбург, 1995; Плюскина Т.Н. Функциональная семантико-стилистическая категория гипотетичности в русских научных текстах XVIII—XX вв.: Автореф. дис. канд. филол наук. — Пермь, 1996; Очерки истории науч. стиля рус. лит. яз. XVIII—XX вв. Т. II. Ч. 2, Категории научного текста: функц.-стилистический аспект (см. гл. VIII—IX—X (М.Н. Кожина, Т.Н. Плюскина). — Пермь, 1998.

М.Н. Кожина

КАТЕГОРИЯ ДИАЛОГИЧНОСТИ (ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ) (ФССК) — одна из разновидностей текстовых категорий, представляющих собой систему разноуровневых языковых средств (включая текстовые), объединенных на текстовой плоскости общей функцией выражения *диалогичности* (см.); структурируется на основе полевого принципа (наличие центра-периферии).

При рассмотрении категорий внимание исследователей привлекает функционально-коммуникативный аспект языка-речи, при этом учитывается взаимодействие партнеров по речевому акту, активная роль адресата, его воздействия на отправителя речи. Поэтому вполне закономерно выделить ФССК диалогичности, которая выступает как одно из категориальных свойств текста, варьируясь в своем выражении по разным функц.

стилям. Предпосылкой для такого рассмотрения диалогичности является и то, что взаимодействие различных смысловых позиций находит выражение не только на уровне текста, в его семантической структуре, в стилевом своеобразии, в частности наличии форм и циклов диалогичности в тексте (см. *Диалогичность речи*), но и через комбинацию повторяющихся в определенных контекстных условиях языковых средств различных уровней — лексических, морфологических, синтаксических. Причем в составе средств ее реализации имеют место как типичные и частотные, иначе говоря, центральные, ядерные, так и менее употребительные, т.е. периферийные. Следовательно, применительно к данной категории правомерно говорить о ее полевой структуре, представленной микрополями.

Для науч. и публиц. сферы общения ФССК диалогичности выступает как одна из центральных текстовых категорий и может быть исследована и описана в общем плане (как свойство текста) и — специально — как одна из текстовых категорий стиля.

Выявляется круг средств — маркеров диалогичности. Здесь имеются в виду языковые средства, как непосредственно способствующие выражению диалогичности (свойственные оформлению диалога), так и не являющиеся в системе русского языка собственно средствами выражения диалогичности (т.е. регулярно и единственно выступающими в этой функции), но используемые в научных текстах для обозначения или реализации диалогических отношений. Таким образом, термин «средства выражения диалогичности» достаточно условен, поэтому используется термин «маркеры диалогичности».

Выделяются следующие функции средств выражения диалогичности: 1) репрезентации плана речи «третьих» лиц; 2) указания на характер взаимодействия смысловых позиций; 3) экспликации автодиалогичности; 4) побуждения.

Примеры: 1) Чужие смысловые позиции эксплицируются соответствующими средствами: цитацией, косвенной речью, ссылками, сносками, а также вводными словами и словосочетаниями (ВСС) и вводными предложениями, указывающими на источник информации. «Третьи» лица называются именами собственными, другими лексемами соответствующей семантики (*точка зрения, мысль, идея; многие, большинство, представители школы, читатель и т.д.*). Чужая речь вводится личными, неопределенно-личными предложениями. 2) Отношения противопоставления между смысловыми позициями эксплицируют вводные слова *напротив, наоборот, однако* и др., а также противительные союзы: ***Не*** *факт переноса найденного решения следует объяснять...* ***но, наоборот,*** *ход экспериментальной задачи нужно понять как результат...* (Леонтьев); отрицательные конструкции, отрицательно-оценочные лексемы, напр.: ***Однако*** *этот тезис указывает только на какие-то количественные изменения, а их качественный характер остается* ***не****раскрытым* (Филин); *Наконец, приведенное понимание...* ***оставляет не****раскрытым главное... Итак, и эта концепция* ***не в состоянии*** *удовлетворительно* ***ответить*** *на основные воп-*

росы... Самое же важное заключается в том, что... она, с другой стороны, вновь ***затушевала*** *его качественное своеобразие...* (Леонтьев). На согласие, подтверждение указывают вводные слова соответствующей семантики *конечно, разумеется, бесспорно, действительно* и др., предлоги *в соответствии с, согласно,* оценочная лексика *верно, справедливо* и т.п., напр.: *Обычно* ***говорят, что*** *язык* ***не*** *замкнутая,* ***а*** *открытая система... Это,* ***конечно****, верно* (Филин). ***Глубоко прав*** *Ф.Т. Архипов, который указывает: «философия освободила»* (Шептулин); альтернативность позиций выражается разделительными союзами, напр.: *Если сознание едино, то что является главным в обеспечении этого единства: второй компонент* ***или*** *же единый общий стержень?..* (ВЯ-84). При выражении коррекции сначала автор указывает на ту часть, с которой согласен, используя языковые средства, выражающие семантику согласия или предположения *возможно, наверное, казалось, казалось бы*, а затем указывает на другую часть чужого высказывания, с которой не согласен, для этого использует средства выражения противопоставления, напр.: ***Казалось бы****, резкое ограничение электронного и дырочного механизмов вытекает из существования запрещенной зоны...* ***Между тем*** *оценка количественных данных как раз и приводит нас к заключению, что и...* (Ландау). 3) Автодиалогичность эксплицируется в вопросо-ответных комплексах, напр.: ***Где же*** *в таком случае материальный субстрат у понятий, выраженных словом? Если утверждение о возможности мышления без слов, по мнению вербалистов, является* ***насквозь*** *идеалистичным, то,* ***очевидно Нетрудно*** *понять, что отражениями такой материи они* ***быть не могут*** (Серебренников); в сложноподчиненных предложениях с придаточным условия, напр.: *В каком отношении к общественному сознанию общества находятся перечисленные явления? Входят ли они в его состав или сосуществуют рядом с ним в качестве какого-то особого образования?* ***Если верно первое****, то как тогда совместить этот факт с тезисом о соответствии общественного сознания основным особенностям... общества?* ***Если же верно второе****, то где проходят границы общественного сознания и что представляют собой духовные образования, как их следует квалифицировать*? (Грушин). 4) Активизации мышления читателя способствуют конструкции, имеющие в своем составе «модальную лексику + инфинитив», напр.: ... ***необходимо учесть*** *тот факт,* ***что*** *в присутствии магнитного поля вид функции меняется...* (Ландау); *В связи с этим* ***естественно предположить, что*** *такой физической причиной является тепловое движение атомов* (Регель); *Здесь* ***уместно подчеркнуть, что*** *рассмотренные выше две попытки объяснить... зависимость... близки между собой* (Регель). Кроме того, использование указанных конструкций конституирует в речи модальность убежденности, благодаря которой истинность нового знания становится несомненной для читателя, напр.: ***Нет никаких оснований*** *считать, что категория отношения в синтаксисе вместе с тем сама же является и категорией значения* (Будагов). Конструкции связи такого рода как бы предупреждают возможные сомнения, которые могут возникнуть у читателя, рассеивают их.

Такие языковые средства, как вводные слова и словосочетания (ВСС), эксплицирующие различную степень уверенности, порядок следования

мыслей, вставные конструкции (ВсК) разных функционально-семантических групп, восклицательные предложения, хотя самостоятельно цикла не формируют, но способствуют экспрессивной передаче смысловых позиций участников коммуникации. Напр., четкому, стройному изложению смысловых позиций в научном тексте способствуют вводные слова, словосочетания и предложения, передающие порядок изложения мыслей, их логику, а также обобщение, выступающее в функции итогового заключения текстового фрагмента: *с одной стороны, с другой стороны, во-первых, во-вторых, итак, таким образом, как указывалось выше* и т.д. Автор как бы контролирует ход мысли со стороны своего объективированного «я», а также учитывает, предугадывает восприятие адресата. Демонстрируя таким образом поэтапное аргументирование, адресант тем самым доказывает правильность своей смысловой позиции, акцентируя ее для читателя, напр.: *Вполне справедлива мысль, что несмешанных языков не существует... Однако разделение внешних и внутренних причин условно.* ***Во-первых,*** *потому, что элементы чужих языков... утрачивают свою чужеродность...* ***Во-вторых****, мы не всегда уверены, что спонтанные инновации не были вызваны внешними обстоятелствами.* ***Например****, у русистов имеется двоякое мнение...* (Филин). Вводные предложения, указывающие на связь с вышесказанным или с последующим ходом изложения мыслей, а также акцентирующие частицы, суперлативы почти прямо обращены к читателю и играют «направляющую», организующую при восприятии текста роль, напр.: ***Как должно быть ясно из изложенного****, подобная картина может быть в настоящее время с* ***наибольшей*** *детальностью обрисована* ***лишь*** *для полимеров...* (Регель).

Наиболее ярко и непосредственно диалогичность выражается на синтаксическом уровне. Синтаксические средства, формируя циклы выражения диалогичности, т.е. эксплицируя реплику-стимул или реплику-реакцию, помогают автору проблемно представлять свою концепцию в споре с оппонентами, в единстве с единомышленниками, «защищать» свое решение проблем, передавать процесс размышления в процессе поиска истины.

Представленный анализ средств оформления диалогичности в научном тексте демонстрирует наличие первого категориального признака ФССК диалогичности — системы разноуровневых языковых средств. Однако для данной категории характерно распределение средств на центральные, составляющие ядро поля диалогичности, и периферийные. В ряду «маркеров диалогичности» в научной речи отчетливо выделяются две большие группы. К первой из них относятся те, что наиболее ярко и непосредственно актуализируют диалогичность, имитируют собственно диалог (реплицирование), т.е. передают «стимул» или «реакцию» в циклах, указывают на характер отношений между смысловыми позициями, иначе говоря, используемые в комплексе, они «выстраивают» цикл выражения диалогичности в письменном тексте и организуют в основном двухкомпонентные циклы. Вторую группу средств составляют, главным образом, средства, направленные на активизацию внимания адресата,

т.е. средства выражения акцентности в тех случаях, когда они способствуют подчеркнуто логичной, экспрессивной передаче смысловых позиций коммуникантов. Эта вторая группа средств обычно репрезентирует диалогичность не самостоятельно, а лишь в комплексе со средствами первой группы.

С учетом количественных данных об употреблении маркеров диалогичности к ядерным (центральным) относятся средства передачи чужой речи: прямая и косвенная речь (цитация); вводные слова, словосочетания и предложения, передающие источник сообщения, ссылки, сноски, а также ВОК. Эти средства обладают полнотой выражения отношений диалогичности коммуникантов и имитации форм собственно диалога, они к тому же оказываются и весьма активно употребляемыми в науч. текстах. В то же время вопросо-ответные комплексы в науч. текстах не являются особенно частотными и, на первый взгляд, в соответствии с количественным критерием их нельзя причислить к числу ядерных. Однако их роль в тексте и значимость для формирования диалогических отношений настолько велики, что нет сомнения в правомерности отнесения их к центральным (здесь применяется первый, смысловой критерий членения поля). К ядерным же относятся и другие средства, способствующие формированию речевого акта общения. Наиболее значимыми здесь оказываются синтаксические средства: конструкции побудительного характера, вводные слова и словосочетания, выражающие семантику согласия, отрицательные конструкции, сложноподчиненные предложения с придаточным условия.

К периферийным относятся средства, которые не выполняют строевой функции в речевых актах общения — циклах, не формируют стимулирующую или реагирующую реплики, а также низкочастотные средства, не имеющие особой значимости для выражения диалогичности. В состав таких средств входят: из синтаксических — вставные конструкции коммуникативно-информационного характера, вводные слова и словосочетания, вводные предложения, подчеркивающие логику изложения, восклицательные предложения; из морфологических — акцентирующие частицы, указательные наречия и местоимения. Из лексических средств к периферии поля относятся лексемы, передающие оценку исследуемых фактов.

ФССК диалогичности структурируется не только в плане ядерных и периферийных средств выражения, но и возможного внутреннего деления поля категории на микрополя. С учетом вышеуказанных функций в структуре поля ФССК диалогичности, очевидно, можно вычленить четыре микрополя: 1) репрезентации плана речи «третьих» лиц; 2) взаимодействия смысловых позиций; 3) автодиалогичности; 4) побуждения. Поскольку средства выражения диалогичности полифункциональны, постольку микрополя пересекаются, частично совмещаясь.

ФССК диалогичности свойственна и публиц. текстам, хотя, разумеется, представлена в них вариативно. Её формирование обусловлено целым рядом экстралингвистических факторов. Основными из них здесь

являются особые цели и задачи общения: при информировании необходимость реализовать убеждающе-воздействующую функцию, ориентировать читателя в окружающей его действительности, проводя авторскую позицию и идейные установки. Именно поэтому в публицистике при текстообразовании важно учитывать адресата. Редакции изданий, успешно строящие взаимодействие с массовой читательской аудиторией, учитывают не только апперцепционный фон сознания адресата, т.е. возможности восприятия, понимания, как это делается в научном тексте, но и другие характеристики: социальный статус, характер репрезентативности, эмоциональные особенности, настрой, культурный и образовательный уровень читателей и мн.др. Такого спектра характеристик в концепции адресата научных текстов, разумеется, нет. Воздействие осуществляется с учетом разных характеристик адресата, во взаимодействии с ней.

Журналист в целях аргументации собственной позиции демонстрирует адресату ход своих мыслей, поиск решений, рефлексию, поэтому в ряду экстралингвистических факторов, обусловливающих проявление диалогичности в публиц. стиле, выступает диалогичность мышления, однако, в отличие от научного стиля, она пронизана эмоциональностью. При этом оценка чужих взглядов, даваемая с позиции той социальной группы, интересы которой отстаивает журналист, выражается значительно резче, иногда переходит в разоблачение.

Диалогичность в газетно-публиц. речи выражается в основном в четырех формах (в тех же, что прежде были выделены и описаны применительно к научной речи), однако здесь они модифицируются в соответствии с функциональными особенностями газетной речи и ее экстралингвистическими основаниями. Большое значение в публицистике имеет текстовая экспликация информирования о событиях и аргументации авторской оценки описываемого факта, явления, события, осуществляемого с учетом реакции адресата (в широком смысле, включая alter ego автора) на совершаемое воздействие, а также с ориентацией на иные смысловые позиции и их социальную оценку. В результате диалогичность публиц. стиля речи является его фундаментальным качеством, отражающим специфику этого функционального стиля.

В связи с этим в публиц. сфере наблюдается иная картина функц. семантико-стилистических полей данной категории, как и система конкретных разноуровневых средств-маркеров. Организуют циклы диалогичности, служат непосредственной передаче смысловых позиций в газетно-публиц. тексте, придают высказыванию черты диалога в качестве ядерных такие языковые средства-маркеры: из группы синтаксических — побудительные, вопросительные предложения; средства передачи чужой речи; вопросо-ответные комплексы; обращения; конструкции устной диалогической речи (конструкции со словом-предложением *да, нет*, построения с частицами *ну, да и, что ж* и междометиями, вопросы, имитирующие переспросы, вводные слова, представляющие собой апелляцию к читателю); вводные слова, передающие модальность согласия; из группы

морфологических средств — местоимения и глаголы в формах 1 и 2 л. ед. и мн. ч., союзы и слова с противительным значением (*а, но, однако, же, вместе с тем, все же, наоборот, напротив, тем не менее*), указывающие на противопоставленность смысловых позиций, союзы противительно-отрицательные (*не, а; не, но, а; не, но; не*), градационно-сопоставительные (*не только но и, как так и, не столько... сколько*), формирующие верификативные высказывания корректирующего типа, сочинительно-разделительные союзы (*или, ли*), показывающие альтернативные смысловые позиции; из группы лексических средств — лексемы, выражающие сомнение в излагаемом содержании, содержащие оценку чужой позиции, лексема «читатель», лексемы речи, мысли, чувств, помогающие ввести чужую речь. Помимо того что эти средства выполняют строевую функцию в актах общения—циклах, они оказываются весьма активно употребляемыми в газетных текстах.

Периферийными же, по нашему мнению, являются те средства, которые не формируют реагирующую или стимулирующую реплики, и низкочастотные средства. К их числу из синтаксических средств относим риторические, восклицательные предложения, вставные конструкции, вводные слова и предложения, указывающие на порядок изложения, пояснительные и разъяснительные верификативные высказывания, разнообразные фигуры речи из морфологических — акцентирующие частицы, наречия меры и степени, элативы, из лексических средств — тропы, оценочные, стилистически окрашенные лексемы, лексемы, передающие эмоциональное состояние. Все эти средства и способы помогают экспрессивно осуществить воздействие, создать необходимую тональность высказывания, уточнить наиболее важный момент в смысловой позиции того или иного коммуниканта.

В разных стилях системы средств-маркеров диалогичности состоят из разных языковых средств, которые выполняют в них функции в соответствии с экстралингвистической основой каждого из стилей. Различия здесь проявляются прежде всего в составе самих средств. В ориентированной на раскованность изложения публиц. речи используется большое число разговорных средств, которые научным текстам противопоказаны. Значительно больше, чем в научном стиле, эмоционально-оценочных средств, богаче спектр выражаемых оценок, чаще используются те средства, которые генетически восходят к разг. речи, например вопросо-ответные комплексы. В науч. текстах на 1 тыс. предложений используется 14, тогда как в публиц. почти в 3 раза больше. В результате в газетных текстах передается стимулирующая и реагирующая стороны циклов с иным интонационным рисунком, живым, эмоциональным, сориентированным на разг. речь.

Диалогичность выражается в основном посредством циклов трех видов (сообщение / его оценка; вопрос / ответ; побуждение к действиям / их выполнение). Поэтому в газетно-публицистическом стиле выделяются три группы средств, формирующих эти циклы, а значит, и три микрополя: 1) со значением оценки чужого высказывания; 2) вопросо-от-

ветное; 3) со значением побуждения к действию. В газетных текстах циклы диалогичности выражаются следующим образом.

I. Оценка чужих позиций, особенно отрицательная, выражается аффективно, пейоративной лексикой и фразеологией, иногда саркастически, поскольку авторы газетных текстов стремятся разоблачить своих оппонентов, чего категорически не допускает этика науч. общения. Пример оценочного цикла типа диалога-конфликта: *Но что совсем уж, до* ***тошноты аморально****, так это выслушивать такие* ***сентенции*** *Крючкова: «Я ни разу не слышал от Яковлева теплого слова о Родине, не замечал, чтобы он чем-то гордился* ***Когда*** *Александр Яковлев воевал на передовой, его ровесник Крючков* ***сидел в глубоком тылу. Когда*** *десантник Яковлев был тяжело ранен, Крючков* ***подвизался на безопасной*** *комсомольской работе.* ***Когда*** *инвалид второй группы Яковлев защищал докторскую диссертацию,* ***недоучка*** *Крючков* ***пришпиливал*** *генеральские погоны за то, что* ***вовремя подносил*** *Андропову бумажки. И этот человек осмеливается бросать А.Н. Яковлеву обвинения в отсутствии «элементарной порядочности по отношению к Родине и собственному народу».* ***Нет слов***... (Изв. 23.02.93). Наряду с собственно оценочными средствами, в языке публицистики большую роль играют средства косвенного выражения диалогичности, в частности ирония, эвфемизация. Эти средства снижают агрессивность в выражении отрицательной оценки чужих позиций, напр.: *На днях власть наконец-то разобралась, что она хотела сделать с бюджетниками. Указ подписан. Он****, разумеется, не*** *о «сокращении»,* ***Боже упаси****. Он — об «оптимизации численности». Представьте себе на минуточку, что произошло бы в стране, выйди в свет Указ «О сокращении бюджетников и об уменьшении им зарплаты»? А так «оптимизация». Это может означать что угодно. Не подкопаешься* (АиФ 1998, № 3); б) оценки сообщения: *Аргумент использовала партия В.В. Жириновского. Никакого фашизма в России нет****.*** *Есть карликовые «партии», «кучки ряженых», на которые не стоит обращать внимания.* ***Боюсь****, что наши* ***«либеральные демократы»*** *или сами* ***ошибаются****, или* ***хотят, чтобы мы сами ошиблись.*** *Экстремистские партии, группы и движения* ***действительно не*** *слишком многочисленны, а их лидеры* ***склонны к хлестаковщине и опереточным эффектам****.* ***Но*** *они* ***чрезвычайно активны****. Они* ***умело используют конъюнктуру****. Они, несмотря на* ***склоки и столкновения амбиций****,* ***тесно связаны между собой****. Они, наконец,* ***имеют все больше...*** (Изв. 20.01.98).

II. В газетных текстах используются вопросо-ответные комплексы (ВОК), придающие речи динамизм. Внутренний диалог журналиста напрямую обращен к читателю, поэтому с помощью ВОК передается не только логика и даже не столько логика авторской мысли, сколько история поиска решений в той или иной ситуации, переплетение чувств, «переживания» этой ситуации, последовательность возникающих в процессе мыслительной деятельности предположений, сомнений, возможных ошибок в оценках, заключениях.

В вопросо-ответном цикле: *потребность в живых деньгах огромна* ***Но с другой стороны****, растащить миллиард — проще простого (****не*** *столь

велика сумма с учетом страждущих), ***ну а*** *потом* ***что? Не умнее ли*** *пустить деньги в оборот?* (СЖ 6.02.91) — позиция автора противопоставлена позиции предполагаемого оппонента; это противопоставление выражено противительным союзом *но* и вводным словом *с другой стороны*, оценочными лексемами (*не умнее*), союзом *ли*. Вводимые односоставными и личными конструкциями, ВОК предвосхищают реакцию читателя; напр.: ***Предвижу, как перегретый от возмущения*** *избиратель,* ***традиционно жалеющий гонимых****, воскликнет:* ***«А что, если*** *он председатель, так и есть не хочет?»* ***Успокойтесь,*** *хочет (*Изв. 13.07.91). Моделируемая реплика читателя передается здесь прямой речью. В конструкции, которая вводит прямую речь, несколькими штрихами (всего двумя причастными оборотами!) создается «портрет» одного из воображаемых читателей — предполагаемых оппонентов журналиста. Реплика-реакция обращена непосредственно к читателю. Чтобы журналисту в полемике открыто продемонстрировать ориентацию на смысловую позицию возможных единомышленников либо оппонентов, такие построения необходимы, чтобы оживить повествование, сделать его динамичнее, установить прямой контакт с читателем.

Журналист говорит от своего имени, делится своими мыслями, размышлениями, это сближает автора и читателя. Мысль публициста предстает развернуто и полно, полемически заостренно, напр.: *Но* ***не могу*** *отделаться от назойливой мысли, которая* ***преследует меня*** *уже не первый день и, собственно, заставила взяться за перо.* ***Я задаю и задаю себе в который раз один и тот же мучительный вопрос. Неужели*** *и сегодня, в очередной раз... вновь судьбу деревни будет решать не он, а кто-то другой? Ведь это было, было... И насильно загоняли в колхоз. И обдирали как липку самообложением. И за каждую яблоньку налог брали...* ***неужели*** *и на сей раз мы будем мифотворцами?* ***Неужели*** *снова не спросим у крестьянина? Эти вопросы* ***я задаю себе и читателям*** (СЖ 10.01.91). Вопросы (начинающиеся с частицы «неужели») активизируют не столько мысль автора, сколько мысли и чувства читателей. Внутренний диалог обращен к читателю и максимально приближен к нему вследствие интимизации изложения, которая создается разговорными средствами (разговорными лексемами, фразеологизмами, синтаксическими конструкциями, повторами), разного рода акцентуаторами.

III. В газетной речи, в отличие от научной, и побуждение выражено ярко эмоционально, причем читатель побуждается не только к ментальным действиям, но и к эмоциональным и даже физическим действиям. В следующем примере побуждение к мыслительному действию передается эмоционально, даже запальчиво за счет повтора побуждения: ***Но, может, вспомним*** *всех бросивших и забывших своих детей* ***Вспомним*** *и другую статистику — разводов, и ту жестокость, с которой расстаются люди...* (Изв. 2.02.93). Побуждение может быть и предостережением от ошибочных действий: *Если даже они есть,* ***не*** *всегда их* ***следует*** *сразу* ***расходовать...*** *При 25-кратном росте индекса цен за минувший год и ужасающем дефиците государственного бюджета говорить о наличии денег для*

удвоения пенсий можно только ***в загадочном состоянии ума…*** (Изв. 23.02.93) В публиц. текстах сила иллокутивного побуждения вовсе не ослаблена, как в науч. текстах, а, наоборот, акцентирована.

Категория диалогичности неодинаково представлена в различных жанрах газеты. В аналитических и худож.-публиц. жанрах она выражена в большей степени, тогда как в информационных — в меньшей. Однако — и это особенно важно — и в информационных текстах отдельных разновидностей она тоже представлена достаточно широко.

Таким образом, диалогичность, выступая как одно из категориальных свойств текста, занимает особое место среди других ФССК, как категория наиболее широкого и общего плана, состоит в принципиальной смысловой полилогичности газетных и научных текстов и поэтому выражена в них вариативно.

Лит.: Кожина М.Н. Диалогичность письменной научной речи как проявление социальной сущности языка // Методика и лингвистика. — М., 1981; Ее же: О соотношении некоторых стилистических понятий и категорий с функционально-семантическими категориями // Структура лингвостилистики и ее основные категории. — Пермь, 1983; Ее же: О диалогичности письменной научной речи. — Пермь, 1986; Ее же: О функциональных семантико-стилистических категориях текста. — ФН. — 1987. — № 2; Ее же: Общая характеристика текстовых категорий в функционально-стилевом аспекте. Диалогичность как категориальный признак письменного научного текста // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII—XX вв. Т. 2. Ч. 2. Категории научного текста: функционально-стилистический аспект. — Пермь, 1998; Кучинский Г.М. Мышление и диалог. — Минск, 1983; Гусев С.С., Тульчинский Г.Л. Проблема понимания в философии. — М., 1985; Красавцева Н.А. Выражение диалогичности в письменной научной речи (на материале английского языка): Дис. канд. филол. наук. — Пермь, 1987; Иванова Т.Б. Функциональная семантико-стилистическая категория акцентности в русских научных текстах: Дис. канд. филол. наук. — Харьков, 1988; Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. — Свердловск, 1990; Сретенская Л.В. Функциональная семантико-стилистическая категория оценки в научных текстах разных жанров: Дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 1994; Дускаева Л.Р. Изменения форм выражения диалогичности в газетно-публицистических текстах нач. 1990-х гг. (по сравнению с текстами нач. 80-х гг.) // Разновидности текста в функционально-стилевом аспекте. — Пермь, 1994; Ее же: Диалогичность газетных текстов 1981—1991 гг., Дис. ... канд. филол. наук. — Пермь, 1995; Ее же: Функционально-стилистическая категория диалогичности в газетно-публицистических текстах // Публицистика и информация в современном обществе. — М., 2000; Красильникова Л.В. Диалогическая структура научного дискурса в жанре научной рецензии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1995.

Л.Р. Дускаева

КАТЕГОРИЯ ОЦЕНКИ — совокупность разноуровневых языковых единиц, объединенных оценочной семантикой и выражающих положительное или отрицательное отношение автора к содержанию речи.

В общеязыковом плане О. подразумевает ценностный аспект значения языковых выражений и характеризуется особой структурой — мо-

дальной рамкой, которая накладывается на высказывание и не совпадает ни с его логико-семантическим, ни с синтаксическим построением. Элементами оценочной модальной рамки являются субъект и объект, связанные оценочным предикатом. Субъект О. (эксплицитный или имплицитный) — это лицо или социум, с точки зрения которого дается О.; объект О. — это лицо, предмет, событие или положение вещей, к которым относится О. Кроме того, в модальную рамку входят (как правило, имплицитно) шкала оценок и стереотипы, на которые ориентирована О. в социальных представлениях коммуникантов.

Важнейшей особенностью О. является то, что в ней всегда присутствует субъективный фактор, взаимодействующий с объективным. Оценочное высказывание, даже если в нем прямо не выражен субъект О., подразумевает ценностное отношение между субъектом и объектом. Субъективный компонент связан с возможностью положительного или отрицательного отношения субъекта О. к ее объекту («нравиться/не нравиться», «ценить/не ценить», «одобрять/не одобрять» и т.п.), в то время как объективный (дескриптивный, признаковый) компонент О. ориентируется на собственные свойства предметов или явлений, на основе которых выносится О. (см. об этом: *Вольф Е.М.,* 1985, с. 24—33).

В зависимости от наличия в оценочном суждении эмотивного компонента разграничивают эмоциональную и рациональную О. Первая предполагает непосредственную реакцию на объект, характеризуется экспрессивностью и обычно выражается междометием или аффективным словом (*Ах! Поразительно! Негодяй!*). Рациональная О. опирается на социальные стереотипы и выражается оценочным суждением, ср.: *Я считаю, что это хорошо; По всеобщему мнению, он поступил плохо* и т.п. Однако при разных формах оценок соотношение рационального и эмоционального меняется, и не всегда эти два вида О. строго дифференцируются. Так, трудно разграничить рациональное и эмоциональное в высказываниях типа: *Он настоящий герой; Он поступил как отъявленный негодяй*.

Характерной особенностью выражения О. является возможность ее интенсификации (усиления признака «хорошо» или признака «плохо») и деинтенсификации (ослабления признака «хорошо» или признака «плохо»), отражающих движение по оценочной шкале как в зоне «+», так и в зоне «−», ср.: *хороший, очень хороший, необыкновенно хороший, не очень хороший, довольно хороший* и т.п. При этом интенсификация О. не дискретна (нельзя измерить расстояние между хорошим и очень хорошим) и не ограничена определенным числом позиций, подобно степеням сравнения. «Интенсификаторы составляют длинные, слабо организованные ряды из единиц, соотнесенных друг с другом неопределенным образом» (там же, с. 45).

В тексте О. чаще всего не независима, а входит как часть в общее изложение и органически связана с дескриптивной стороной произведения в целом. По мнению Н.Д. Арутюновой, средства О. информативно

недостаточны, поэтому в тексте так или иначе компенсируется их смысловая неполнота и неоднозначность. Оценочные предикаты обладают сильной валентностью на смысловое развертывание, которая составляет одно из основных свойств прагматического значения оценочных единиц. Будучи тесно связанным с ситуацией общения, прагматическое значение восполняется общими для собеседников знаниями и нормами. При отсутствии такого рода общих норм и знаний говорящий дополняет О. дескриптивными характеристиками объекта или приводит фактические данные (см.: *Арутюнова Н.Д.,* 1999, с. 215—218).

В тексте О. обычно выражается комбинированно — как собственно языковыми (дотекстовыми), так и текстовыми средствами. При этом тексты, разные по стилю и содержанию, различаются и по способам выражения в них О.

В научн. тексте О. играет особую роль, связанную с ценностной ориентацией автора в старом и получаемом новом знании: О. регулирует усвоение, систематизацию и преобразование прошлого науч. опыта; стимулирует выдвижение новых науч. идей и поиск новых результатов; мотивирует программу познавательных действий ученого, т.е. сопровождает науч. знание на всем пути его возникновения, развития и кристаллизации в тексте. При этом «каждый класс теоретических объектов и ментальных операций имеет свои критерии О.: выводное знание — гипотезы, подходы, методики и пр. — квалифицируются по их обоснованности, обобщения — теории, концепции и пр. — по объяснительной силе, классификации — по основаниям, события — по вероятности, законы — по области действия, построения — по сложности, рассуждение и изложение — по непротиворечивости, непредвзятости, глубине, понятности, полноте, результаты — по значимости, новизне и т.п.» (*Рябцева Н.К.,* 1996, с. 26). «Сквозная» оценочность познавательной деятельности получает выражение в «аксиологическом поле» науч. текста (*М.П. Котюрова*) или «субтексте оценки» (*Е.А. Баженова*), представленном совокупностью разноуровневых языковых единиц, объединенных оценочной семантикой и функцией аксиологической квалификации излагаемого знания.

В науч. произведениях О. формируется достаточно большим набором лексико-грамматических, синтаксических, а также текстовых единиц, семантически близких к базовым понятиям хорошо/плохо. При этом положительно оценивается знание, соответствующее качествам новизны, актуальности, достоверности, точности, логичности и др.; отрицательно — знание, не соответствующее данным качествам. Оценочное содержание в целом получает в науч. тексте разнообразное и в то же время стандартизованное выражение. Наиболее употребительными являются обороты на базе слов *значительный (значительная работа), убедительный (решение очень убедительно), корректный (корректное решение), оптимальный (оптимальный способ), авторитетный (авторитетное утверждение), продуктивный (продуктивный подход)*; типичны клишированные словосочетания *особый интерес, яркий образец, существенный вклад, положить*

начало, важная роль и др. Отрицательные оценки выражаются значительно реже, для этой цели используются антонимы названных выше единиц: *неудачный, некорректный, неубедительный, неприемлемый*, словосочетания *вызывает сомнение, нуждается в проверке, плоские представления* и др.

В науч. тексте, содержание которого детерминировано теоретическим мышлением субъекта, преобладает рациональная оценка, составляющая 97,3 % всех оценочных средств (данные *Л.В. Шиукаевой*). Эмоционально-экспрессивная О., представленная значительно слабее, выражает различные оттенки удовольствия/неудовольствия, одобрения/неодобрения, восхищения, удивления, сопровождающие познавательную деятельность автора, напр.: *великолепный анализ, привлекательные черты модели, странное заявление, вдохновляющие результаты* и др.

Оценочные единицы неравномерно распределяются на пространстве науч. текста. Их скопление связано с такими композиционно-содержательными частями произведения, как введение, изложение истории вопроса, постановка проблемы, обоснование избираемого метода исследования. Кроме того, концентрация оценочных средств наблюдается во всех полемических фрагментах текста. Менее «плотные» участки аксиологического поля связаны с характеристикой материала, представлением гипотезы и хода ее доказательства, изложением выводов. В качестве средства текстообразования единицы О. включаются в оценочные суждения, которые, в свою очередь, чередуясь с протокольными — нейтральными в оценочном плане — высказываниями о свойствах объекта, образуют цепочки рассуждений. В процессе чередования оценочных и протокольных суждений формируется новое знание, причем лишь на фундаменте старого, осознанного в плане его важности для развития нового знания.

Особую роль О. играет в науч. рецензии, где объектами оценочных суждений являются аспекты, методы исследовательской деятельности ученого; поставленная науч. задача; материал исследования; характер стиля и др. Л.В. Красильникова выделяет четыре типа оценок науч. произведения в целом и его отдельных аспектов: 1) общая аксиологическая оценка (*высокий уровень, хороший образец, блестящая идея*); 2) ментальная оценка, включающая в себя психолого-интеллектуальную (*важный вклад, основополагающий метод, серьезная попытка* и др.) и эмоционально-интеллектуальную (*остроумная идея, рациональный подход, тонкий анализ*) оценку; 3) практическая оценка, основывающаяся на отношении к норме, стандарту, традиции, актуальности, эффективности и т.д. (*идеальная классификация, академический труд, своевременная постановка проблемы*); 4) эмоциональная оценка, обозначающая различные психологические состояния и реакции (*сильное впечатление, неожиданные выводы, поразительные результаты*). О. лица, упоминаемого в рецензии, включает в себя общую оценку мастерства (*большой ученый*), профессиональную оценку (*высококвалифицированный специалист*), этико-психологическую оценку (*смелое решение*) (*Красильникова Л.В.,* 1999).

По наблюдениям Т.В. Матвеевой (1990), исследовавшей категорию О. во всех функц. стилях, в о ф и ц.-д е л. тексте базовыми единицами О. являются глагол *улучшить* и отглагольное существительное *улучшение*, которые являются неотъемлемыми средствами выражения оценочности в преамбулах документов. Отрицательная О. отражается в дел. тексте в том случае, когда в мотивирующей части есть критическая констатация исходной ситуации. Наряду с основными единицами в состав текстового ядра О. входит лексика с дифференциальными семами оценочности — положительной (*совершенствование, правильность, прогресс, рациональный, эффективность, передовой, благоприятный, удовлетворение*) или отрицательной (*бюрократический, недопустимый, неоправданный, негативный, диспропорция*). Употребительна также лексика с рационально-оценочной коннотацией: *планомерное развитие, гибкая структура, сбалансированная система, громоздкая структура, узковедомственный подход.* Состав оценочных единиц определяется на основе практического опыта делопроизводства и юриспруденции, многие из этих единиц образуют клишированные сочетания, напр.: *коренным образом улучшить, полное удовлетворение, недопустимо медленно, непомерно высокие цены, крайне неудовлетворительно* и др. В целом преамбула таких жанров офиц.-дел. стиля, как закон, постановление, положение, соглашение, характеризуется открытой оценочностью, прагматически ориентированной на подготовку адресата к восприятию главного содержания офиц.-дел. текста — предписательного. Хотя в постановляющей (предписывающей) части наблюдается уменьшение количества оценочных средств, преамбула дает оценочную настройку всему документу. Существенное семантическое отличие оценочности офиц.-дел. текстов сравнительно с другими функц.-стилистическими разновидностями состоит в ее модальной окраске долженствования, обязанности, напр.: *Предприятие* ***обязано*** *постоянно обеспечивать воспроизводство материально-технической базы* ***на прогрессивной основе***.

В п у б л и ц. стиле оценочность является специфической *стилевой чертой* (см.), поскольку О. предмета речи возводится в принцип создания текста, причем это социальная О. Открытая оценочность речи особенно ярко проявляется в полемике, в критике противоположного мнения, в различных оценках освещаемых событий. Для выражения О. используется широкий круг качественно-оценочных прилагательных и существительных, средства фразеологии, экспрессивного синтаксиса и др., напр.: *гениальное творение, величие, общечеловеческие ценности, созидательный потенциал, золотые руки, трудиться не покладая рук — клика, происки, злодеяния, экстремистский, показуха, политическое банкротство, загребать жар чужими руками, погреть руки* и др. Для выражения оценочного содержания нередко используется нейтральная лексика с рационально-оценочной коннотацией, известной носителям данного языка из общечеловеческого или национального опыта, напр., *честность, смелость, трудолюбие, право, демократия* и др. — *лживость, трусость, лень, фашизация, терроризм* и др.

Авторские О. могут быть рациональными по смыслу и развернутыми по форме, тогда они выражаются в отдельных микротекстах и входят в логическую схему текста на правах отдельных логических тезисов. Оценочные тезисы выступают логическим продолжением основного или развивающего тезисов. В другом случае авторская О. бывает разлита по всему тексту, при этом оценочные единицы, вкрапленные во многие микротексты, оценочно окрашивают весь текст. Кроме того, в современной публицистике распространены тексты, которые вообще не содержат сигналов оценочности. Все фрагменты такого текста носят объективно-логический характер, однако они компонуются автором таким образом, что предполагают вполне определенную социальную оценку предмета речи. В этом случае читатель самостоятельно выводит оценочную идею автора из объективно-логического содержания текста. В целом современная публицистика избегает прямых, лобовых оценочных выводов. Открытому выражению эмоций и оценок журналисты предпочитают опосредованное воздействие на адресата — через отбор фактов и их качественную характеристику.

Р а з г. тексту собственно рациональная, объективно-логическая О. в целом не свойственна. Как правило, лексическая единица прямой интеллектуальной оценки «обрастает» дополнительными эмоциональными смыслами и сопровождается контекстными эмоциональными средствами — интонацией, эмоциональными междометиями, эмоционально-экспрессивной лексикой, экспрессивным порядком слов и др. Типичными оценочными средствами разг. текста являются 1) сочетания рационально-оценочного слова с наречиями меры и степени, указывающими на крайнюю степень О.: *страшно, ужасно, кошмарно, безумно, жутко, здорово, адски, чертовски хорошо/плохо* (*безумно хорошо, страшно хвалят, жутко довольны, чертовски выгодно* и др.); 2) сочетания рационально-оценочной единицы с плеонастическими словами *так* и *такой*, выражающими нужную говорящему интонацию: *так выгодно, так нравится, так полезно; такой удачный, такой красавец, такой умный* (*Три года, а она* ***так плохо говорит****; Тут у меня* ***такая возможность*** *появилась* ***хорошая***); 3) субъективно-модальные синтаксические конструкции с оценочной семантикой: *И кому это нужно! Больно надо! Мало ли что! Сейчас, разбежалась!*; 4) жаргонизмы, имеющие нерасчлененное оценочное значение: *Дискотека такая* ***классная*** *была вообще! Волосы у меня* ***крутые*** *после мытья, правда? Концерт вчера, говорят,* ***покайфный*** *был*. О. в разг. речи отличается заметной насыщенностью единиц, которые распределяются по всему пространству текста без каких-либо признаков упорядоченности.

Х у д о ж. стилю, как и разг., сугубо рациональная О. не свойственна. Избегает худож. текст и открытых обобщенно-логических О. Их редкое использование в авторской речи всегда сопряжено с привнесением в произведение публиц. начала. Рационально-оценочные единицы в худож. стиле окрашиваются в эмоциональные тона за счет их контекстного окружения. Типичным является сочетание оценочного слова с прямым или

непрямым сигналом эмоциональности: ***Хорошо*** *просыпаться, когда с первой мыслью приходит чувство, что тебя ждет* ***радость*** (В. Шукшин).

Основным средством выражения О. в худож. речи являются нейтральные слова с языковой оценочной коннотацией, напр.: *Первых ораторов слушали* ***внимательно*** [+]*, потом стали переминаться с ноги на ногу, уставая от* ***однообразия*** [−] *речей; Плясали они* ***незатейливо*** [−]*, но так раскраснелись милые девичьи лица, так* ***старательно*** [+] *кружились девушки, оправляя развевающиеся подолы, что даже самые равнодушные начали притопывать в такт музыке; Кто-то сказал, что самое* ***надежное*** [+] *место во время бомбежки — около печки в коридоре.*

Своеобразие худож. стиля в отношении О. состоит в том, что его текстовое оценочное содержание может не совпадать с языковым или даже противоречить ему. Конкретное оценочное содержание языковой единицы определяется только широким контекстом, нередко — контекстом целого произведения. Так, по наблюдениям Т.В. Матвеевой, в рассказе В. Шукшина «Вянет-пропадает» О. *хороший* постоянно возникает в связи с сюжетной линией дяди Володи, в его прямой речи (*хорошее дело очень хорошее дело; мне и так хорошо; завтра хороший день будет*). Данная О. накладывает отпечаток на соседние конкретно-предметные реалии, так что *хорошими* становятся и комната, и сервант, и запланированная медвежья шкура на пол. Однако чем лучше все обстоит у этого персонажа, тем больше читательское раздражение по его поводу (через восприятие других персонажей и автора). И напротив, отрицательно-оценочная фраза *проломиться с молотком к Игорю* (с целью убийства) в рассказе В. Шукшина «Обида» имеет совершенно иное текстовое наполнение — вызывает читательское сочувствие, сострадание к герою (*Матвеева Т.В.,* 1990).

В одном и том же худож. тексте могут совмещаться несовпадающие оценки, принадлежащие разным субъектам, что отражает многоаспектную «картину мира», где одновременно сосуществуют разные ценностные стереотипы. Именно в оценках часто проявляется полифония, многоголосие, которые не раз отмечали исследователи языка худож. текста (*М.М. Бахтин, Ю.Н. Тынянов, Б.А. Успенский* и др.). Ср. пример, который приводит М.М. Бахтин, анализируя соотношение монологического слова героя и слова рассказчика у Достоевского: *Я живу в кухне, или гораздо правильнее будет сказать вот так: тут подле кухни есть одна комната* (*а у нас, нужно вам заметить, кухня чистая, светлая, очень хорошая*)*, комнатка небольшая, уголок такой скромный, то есть, или еще лучше сказать, кухня большая в три окна, так у меня вдоль поперечной стены перегородка, так что и выходит как бы еще комната, нумер сверхштатный, все просторное, удобное, и окно есть, и все, одним словом, все удобное* («Бедные люди»). Комментируя данный отрывок, Е.М. Вольф пишет: «Здесь серия оценочных слов (субъект оценки — говорящий) со знаком «+» (*кухня чистая, светлая, очень хорошая, уголок такой скромный, кухня большая, все просторное, удобное*), контрастирует с описанием кухни, которая на основании общепринятых стереотипов оценки скорее характери-

зуется знаком «—» (в кухне за перегородкой жить плохо). Но при этом оба стереотипа совмещаются в изложении рассказчика» (*Вольф Е.М.,* указ. соч., с. 209). Таким образом, подлинное понимание оценочного значения той или иной языковой единицы в худож. тексте возможно только в контексте худож. целого.

О. в том или ином виде присутствует в любых видах текстов, даже если она не выражена эксплицитно. Оценочная позиция субъекта речи детерминируется канонами, выработанными соответствующей эпохой, поэтому изучение О. позволяет понять обобщенную ценностную ориентацию социума в определенный период его развития.

Лит.: Ивин А.А. Основания логики оценок. — М., 1970; Вакуров В.Н., Кохтев Н.Н., Солганик Г.Я. Стилистика газетных жанров. — М., 1978; Арутюнова Н.Д. Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики, 1982. — М., 1984; Ее же: Язык и мир человека. — М., 1999; Шиукаева Л.В. Отбор и функции языковых средств модуса рациональной оценки в научной речи // Основные понятия и категории лингвостилистики. — Пермь, 1982; Солганик Г.Я. К проблеме модальности текста // Русский язык: Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст. — М., 1984; Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. — М., 1985; Троянская Е.С. Научное произведение в оценке автора рецензии (к вопросу о специфике жанров научной литературы) // Научная литература: Язык, стиль, жанры. — М., 1985; Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. — Новосибирск, 1986; Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. — М., 1986; Майданова Л.М. Структура и композиция газетного текста. — Красноярск, 1987; Котюрова М.П. Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста. — Красноярск, 1988; Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. — Свердловск, 1990; Сретенская Л.В. Функциональная семантико-стилистическая категория оценки в научных текстах разных жанров: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 1994; Рябцева Н.К. Теоретическое и лексикографическое описание научного изложения: межъязыковой аспект: Науч. доклад д-ра филол. наук. — М., 1996; Пермякова Т.М. Динамика соотношения категорий оценки и аргументативности в газетных текстах 1980—1990-х гг. под влиянием социальных факторов (на материале газет русского и английского языка): Автореф. дис. канд. филол. наук. — Пермь, 1997; Красильникова Л.В. Жанр научной рецензии: семантика и прагматика. — М., 1999; Баженова Е.А. Научный текст в аспекте политекстуальности. — Пермь, 2001.

Е.А.Баженова

КАТЕГОРИЯ ТЕКСТА — см. Текстовая категория.

КАЧЕСТВА РЕЧИ — см. *Коммуникативные качества речи.*

КЛАССИФИКАЦИЯ И ВНУТРЕННЯЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СТИЛЕЙ. Функц. стиль — явление не монолитное, а представляющее собою (если речь идет о конкретных текстах данного типа как его носителей) «многослойное» (сложное) единство. Это обусловлено тем, что на речь и создание ее стилевого своеобразия одно-

временно воздействует множество внелингвистических факторов, каждый из которых так или иначе оставляет в стиле речи свой след. Стиль речи — это, конечно, нечто единое, но ее анализ позволяет определить, какие конкретные стилевые признаки связаны с теми или иными экстралингвистическими факторами (и обусловлены ими). Сами функц. стили (как макростили) выделяются и классифицируются на основе базовых (первичных) *экстралингвистических стилеобразующих факторов* (см.), а именно социально значимой, исторически сложившейся сферы общения и вида деятельности, соотносительных с той или иной формой общественного сознания (наука, политика, искусство и т.д.), назначением ее в обществе и целеполаганием, а также формой мышления и нек. др. Стилевая специфика каждой такой функц. разновидности речи формируется традиционно сложившимся *конструктивным принципом*(*-ами*) (см.) отбора и сочетания в ней языковых средств. Отсюда в отечественной, а также славистической и — шире — европейской традиции выделяются функц. стили: научный, публицистический (политический), официально-деловой (административный, законодательный), художественный, разговорно-обиходный, религиозный (клерикальный). Иногда называются и некоторые другие, которые, однако, обычно представляют собой варианты указанных функц. стилей. Относительно *художественного* и *разговорного стилей* (см.) нет единства мнений, но целесообразно их отнесение к функц. стилям с позиций определения их на основе формы общественного сознания (или, в терминологии М. Бахтина, «типа идеологии»), так как при этом сохраняется единство принципа классификации. Это подтверждает правильность последней и действительное обоснование интуитивно осознаваемых стилей, которые, кстати, так или иначе выделяются и в классификациях функц. стилей на других основаниях.

Каждый из функц. стилей подразделяется на более частные и конкретные стилистико-речевые разновидности: подстилевые, жанровые и т.д. — вплоть до отражения в стиле индивидуальной стилевой манеры автора текста. Так что каждый конкретный текст (произведение, высказывание), с которым, собственно, и имеет дело исследователь (и реципиент), обладает одновременно стилевыми чертами и макростиля, и конкретной более частной его разновидности, к которой он принадлежит, т.е. стилевыми особенностями, образуемыми комплексом стилеобразующих факторов этого текста.

Назовем более конкретные стилевые разновидности функц. стилей.

В ***научном*** (см.) различают подстили: собственно научный, научно-технический, научно-учебный, научно-популярный (можно выделить в первом еще более частные разновидности: научно-гуманитарную, естественно-научную, точных наук). Дальнейшие более частные стилевые особенности зависят от природы жанра: монографии, статьи, очерка, рецензии, учебника, курса лекций, доклада, реферата, тезисов (при этом некоторую вариативность стилю могут придавать частные разновидности жанров со специальными тематическими целями, напр., статья тео-

ретического или экспериментального характера по содержанию, обзорная). Кроме этих жанров (в основном первичной литературы) выделяется вторичная, также стилистически отмеченная: автореферат, резюме, обзор реферативного журнала. Помимо этих жанров, бытующих обычно в письменной форме, могут быть и их устные «аналоги»: устный доклад, учебная лекция в аудитории. При этом следует различать доклад, прочитанный по заготовленному ранее письменному тексту, и неподготовленный, в известной мере спонтанного характера; кроме того, устное выступление в дискуссии (см. *жанры научного стиля*). Хотя почти все функц. стили выступают и в письменной, и в устной форме, однако первая явно превалирует, а вторая обычно представлена довольно узким кругом жанров (кроме, конечно, сферы разг. речи). Вопрос об *устной* форме *публичной речи* в целом — УПР — (в том числе в науч. сфере общения) не нашел пока общепринятого решения. Здесь, как минимум, две точки зрения (см. *устная публичная речь*): с одной стороны, Е.А. Земской, Е.Н. Ширяева, О.Б. Сиротининой, с другой — О.А. Лаптевой. Влияет на стиль речи и тип общения — контактный или дистантный (иначе — непосредственный или опосредованный), степень официальности/неофициальности и, конечно, характер аудитории (напр., выступление ученого на науч. тему перед студентами либо по радио или в газете) и т.п. Однако следует учесть, что истинная с п е ц и ф и к а функц. стиля, так сказать, его ядро (фундамент), будучи обусловленной базовыми экстралингвистическими факторами, является обязательной, инвариантной для всех разновидностей текстов как носителей данного функц. стиля, а все прочие стилевые особенности — вариативными и как бы дополнительными к первым, сопутствующими им. Отражение в науч. тексте особенностей индивидуально-речевой манеры автора не обязательно и не всегда явно представлено, однако, как правило, наличествует в науч. текстах, особенно принадлежащих крупным ученым.

Помимо указанных внутренних разновидностей науч. функц. стиля, представляющих «чистые» формы науч. речи, имеются другие разновидности, в том числе подстилевые и жанровые, которые отражают взаимодействие разных функц. стилей (и, следовательно, соответствующих целей и задач общения). Эти разновидности, находясь на периферии функц. стиля, несут в себе черты двух (трех) взаимодействующих стилей (хотя обычно с доминированием черт того или другого), представляя собою переходные стилевые сферы в общем, глобальном речевом континууме. Напр., и н с т р у к ц и я к пользованию каким-либо техническим прибором объединяет черты науч. и оф.-дел. речи; п а т е н т (то же самое); произведение науч.-худож. характера (в отличие от научно-популярного) сочетает в себе черты науч. и худож. стилей. В связи со сложностью картины стилевых «расслоений» (разветвлений) и взаимодействия функц. стилей удобнее представить это явление, используя принцип полевого структурирования (см. *полевая структура функц. стиля)*.

Таким образом, стилевая сторона каждого конкретного текста содержит *одновременно* инвариантные черты — черты специфики соответ-

ствующего функц. стиля — и вариативные. Соотношение тех и других может быть различным, но до тех пор, пока в тексте наличествуют специфические черты данного функц. стиля, этот текст является представителем последнего (несмотря на присутствие других частновариативных стилевых черт). Для разграничения функц. стилей важен учет стилостатистического критерия существенности/несущественности различий стилевой специфики анализируемых текстов (при их сопоставлении в поисках границ функц. стиля).

Иногда среди функц. стилей называют особый — производственно-технический, однако он почти не исследован на конкретном материале и в сопоставлении с другими функц. стилями. Кроме того, исходя из существующих принципов определения и классификации функц. стилей, нет оснований для его выделения (именно как особого функц. стиля). Скорее всего, это гибридная разновидность науч.-технич. речи (сферы общения), поскольку та или иная производственная деятельность базируется в конечном счете на фундаменте той или иной отрасли науки и техники (и ориентируется на них). Но это разновидность, взаимодействующая с профессиональной речью (подъязыком), в том числе в ее устно-разг. форме; она находится на пересечении стилей, подстилей, жанровых разновидностей и форм речи. А кроме того, в значительной части вообще на пересечении лит. языка (к которому относятся функц. стили) и нелитературного (профессиональных, жаргонных «языков»).

Официально-деловой функц. стиль (см.) включает подстили: законодательный, административно-хозяйственный (канцелярский), дипломатический. Кроме того, в первом можно выделить более частные разновидности: собственно законодательный и юрисдикционный (судебно-процессуальный), а во втором — административный и обиходно-деловой (выступающий широко в устной форме, особенно в коммерческой сфере). Жанровые разновидности: в законодательном — закон, указ, устав, постановление (высших органов власти); в том числе в судебно-процессуальной сфере — иск, приговор (обвинительное заключение), протокол расследования и др.; в административно-хозяйственном — трудовое соглашение, приказ, распоряжение, деловое письмо, акт (о приемке-сдаче чего-л.), заявление, справка, расписка и др.; в дипломатическом подстиле — меморандум, коммюнике, договор, соглашение, нота, заявление МИДа и др. Отдельные жанры оф.-дел. функц. стиля могут быть представлены в разных подстилях (напр., заявление, договор и нек. др., хотя стилевой характер их при этом обычно видоизменяется).

Подстилевые и жанровые разновидности оф.-дел. ф. с. весьма заметно различаются даже по издающему органу (институту), напр., «Устав железных дорог» и «Устав внутренней службы вооруженных сил Российской Федерации». В силу того что оф.-дел. ф. с. наименее изучен, не вполне решены и вопросы его стилевой внутренней дифференциации. Так, нет единого мнения о статусе дипломатического подстиля. Явно выделяются среди других и некоторые жанры судебной речи (особенно в ее

устной форме). Тем не менее общие инвариантные специфические *стилевые черты* (см. *официально-деловой функц. стиль*) свойственны стилю всех текстов правовой (законодательной в широком смысле) сферы (см. *жанры оф.-дел. стиля*).

Приоритетной здесь и обязательной для всех разновидностей текстов является письменная форма (обязательная фиксация на письме всех очных и заочных правовых речевых контактов). Однако налицо и устная форма (судебное разбирательство — выступления прокурора, адвоката, материалы следствия), которая фиксируется письменной формой лит. языка. Однако в ряде ситуаций в правовых отношениях (а отсюда и в стиле речи) даже фиксированная на письме речь бывает подвергнута сильному воздействию либо разг. речи (документы следствия, показания свидетелей), либо публиц. (выступления защитников на суде, парламентская речь), т.е. в ряде жанров сильно взаимодействие функц. стилей. Характерно, что в современных текстах оф.-дел. ф. с. (письменных, особенно устных) сравнительно низок уровень речевой культуры, налицо много черт устно-разг. обиходной речи, нарушений норм лит. языка.

Публицистический функц. стиль (см.) подразделяется на собственно публицистику (журнальную), газетно-публиц., политико-агитационный подстили, радио- и телепублицистику. Первый представлен формами профессиональных публикаций (памфлет, очерк, проблемная статья как самостоятельные литературные произведения); второй — жанрами газетной речи (репортаж, интервью, хроника, статья, корреспонденция, информация, аналитический комментарий (колонка комментатора), фельетон и др.); радио- и телепублицистика характеризуются воздействием на публиц. стиль устно-разг. речи; то же свойственно политико-агитационному подстилю (воззвания, призывы, прокламации, листовки, выступления на митингах), для которого устная форма реализации весьма актуальна.

Стилевая структура публицистики (в целом, в широком смысле) весьма сложна. Стилистически различаются, с одной стороны, публикации оф.-обобщенного плана (от издающего органа, от общественных организаций, партий: см. в газетах прежних лет передовую, материалы партийных пленумов и съездов, отличающиеся стилевыми чертами обобщенности, официальности, высокой стандартизированности и т.п.), с другой — менее официальные, чисто авторские, в том числе и диалогового характера (аналитическая статья-раздумье, интервью, репортаж, открытое письмо, «прямая линия»). Поскольку важнейшими в газете являются информационная и воздействующая функции, то это выражается не только в такой стилевой особенности газетной речи, как сочетание экспрессии и стандарта, но и в известном разделении жанров — с преобладанием той или иной функции и стилевой маркировки, например, с одной стороны, хроника, информация, с другой — репортаж, очерк, фельетон (хотя, естественно, жесткого разделения здесь нет). В связи с тем, что газетно-публицистический стиль испытывает на себе влияние худож. речи (отчасти в связи с реализацией воздействующей, экспрес-

сивной функции), это находит отражение, в частности, в жанрах очерка и фельетона. А одна из функций газеты (популяризация знаний) — выражается в воздействии на газетный стиль речи науч. (науч.-популярного) стиля изложения — в статьях, посвященных науч. открытиям и проблемам, вопросам экономики, банковского дела и т.д., посредством чего в газетную речь, а затем в лит. язык в целом проникает терминологическая, в том числе иноязычная, лексика и фразеология.

Художественный функц. стиль речи (см.), стилевое своеобразие которого во многом зависит от авторской индивидуальности, от *«образа автора»* (см.), имеет, однако, в то же время общую для всех худож. текстов стилевую специфику (которая обусловлена спецификой образного мышления и другими факторами) (см. *худож.-образная речевая конкретизация*). Помимо авторской индивидуальности, заметные стилевые различия худож. текстов зависят от ряда экстралингвистических факторов, касающихся прежде всего признаков самой литературы и типа изложения. Так, самое общее стилевое расслоение происходит, очевидно, в соответствии с тремя родами литературы — эпосом, драмой, лирикой. Это обусловливает выделение подстилей: худож.-прозаического, драматургического, стихотворного. Далее стилевые различия обусловливаются худож. методом изображения действительности — стилем классицизма, романтизма, реализма. Затем — в известной мере — различия стиля касаются и худож. текстов различных жанров — романа, рассказа, очерка, басни и т.д. Стилистика худож. речи зависит и от характера рассказчика, цели и темы произведения (напр., сказовая манера речи, стилизация, преимущественно в произведениях на исторические темы); вообще — от содержания и темы произведения, его композиции, системы образов, а также от преобладающего в тексте (избранного автором) способа изложения — повествовательного, описательного, рассуждающего. В конечном счете стиль истинно худож. текста зависит от авторской, творческой индивидуальности и представляет собою своеобразный синтез различных (указанных) стилевых явлений, что не означает, однако, того, что все и каждый худож. тексты не обладают общей для них стилевой спецификой, принципиально отличающей худож. речь в ц е л о м от всех других функц. стилей.

Разговорный (разговорно-обиходный) стиль (см.) характеризуется в целом довольно четкими специфическими стилевыми особенностями. Но он не однороден. Выделяется прежде всего разг.-обиходный (бытовой) подстиль и публичная разг. речь, различающиеся по сфере общения и деятельности говорящих и вместе с тем по разной степени официальности/неофициальности, непосредственности/опосредованности, подготовленности/неподготовленности, тематики (содержания) речи. Разг. жанры (связанные с ситуацией и частной сферой общения) — бытовой разговор, застольная беседа, разговор по телефону, спор, дружеская беседа, расспросы, личное письмо, записка и др. Последнее говорит о том, что Р.с. выступает не только в устной, но и в письменной форме. Иногда особо выделяют *эпистолярный стиль* (см.), который все

же либо является одной из разновидностей письменной разг. речи, либо лит. жанром.

Специальной оговорки требует вопрос о статусе ***религиозного стиля*** (см.) в рус. лит. языке. Согласно принципу определения и классификации функц. стилей, есть все основания для его выделения. Он называется и описывается в ряде языков (и стран), напр. в польском. К изучению этого функц. стиля на российской почве ученые только еще приступают. Судьба же его в России (на русской основе) достаточно сложна, а основания для его выделения хотя и есть, но ограниченны. Во-первых, функц. стили рассматриваются в пределах **одного** лит. языка, тогда как многие жанры религии развивались на церковнославянском (хотя и близкородственном, но другом языке). Во-вторых, до недавнего времени (по социально-политическим причинам) сфера религиозного общения была отделена от государства и как бы изымалась (не признавалась) одной из «ветвей» рус. лит. языка (имеем в виду случаи общения в этой сфере на рус. языке). Т. о., вопрос о религиозном стиле требует специального изучения. В настоящее время религиозный стиль получает, так сказать, права гражданства и все более расширяет сферу применения (даже в СМИ) (см. *Л.П. Крысин, О.А. Крылова и др.*).

Оговорки требует и так называемый ***ораторский стиль*** (см.). Он представлен в различных сферах общения (ср. ораторскую публицистику или политические речи ораторов, судебное красноречие, академическое красноречие). По этой причине, точнее потому, что О. с. не имеет в своей основе прикрепленности к одному виду деятельности и форме общественного сознания, он (исходя из принципов определения функц. стиля) не может быть отнесен к функц. стилям (*В.П. Мурат*). Ближе всего он по своей функции (воздействия) и стилевым чертам (экспрессивности, приподнятости, эмоциональности) к публиц. функц. стилю.

Очевидно, учитывая многозначность термина «стиль», следует считать, что в номинациях *ораторский стиль* и *эпистолярный стиль* само слово «стиль» используется в значениях (манера, характер речи), не синонимичных значению термина «функциональный стиль».

Помимо представленной классификации функц. стилей и ее принципа, принятых в русистике, славистике и — в основном — в европейских стилистиках, известны попытки систематизации стилей на других основаниях, напр., с учетом структуры речевого акта (1-е лицо — 2-е — 3-е, т.е. соотношение говорящего — слушающего — передающегося содержания), а также отдельно стилей книжной речи и разговорной (*Д.Н. Шмелев*), на основе социальных ролей говорящих (*К.А. Долинин*), на выявлении соответствия языковых особенностей стиля коммуникативным запросам и выделении соответственно двух сфер использования языка — строгой и нестрогой (*Е.Н. Ширяев*) и нек. др. Симптоматично, однако, что в конечном счете эти авторы все же оперируют понятиями названных функц. стилей, что, очевидно, говорит об объективности существования последних и целесообразности их выделения. Кстати, необходимо учитывать, что попытки классификации речевых разновидностей осу-

ществляются в разных науках (и, естественно, в различных аспектах), с позиций социолингвистики, психолингвистики, прагматики, культуры речи, а не только собственно функц. стилистики. Отсюда естественные различия этих систематизаций и типологий.

Лит.: Виноградов В.В. Итоги обсуждения вопросов стилистики. —ВЯ. — 1955. — № 1; Его же: Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. — М., 1963; Мурат В.П. Об основных проблемах стилистики. — М., 1957; Клаус Г. Сила слова. — М., 1967; Кожина М.Н. К основаниям функциональной стилистики. — Пермь, 1968; Ее же: Стилистика русского языка. — 3-е изд. — М., 1993; Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. — М., 1971; Васильева А.Н. Курс лекций по стилистике русского языка. Общие понятия стилистики, разговорно-обиходный стиль речи. — М., 1976; Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики. — Горький, 1976; Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. — М., 1977; Вакуров В.Н., Кохтев Н.Н., Солганик Г.Я. Стилистика газетных жанров. — М., 1978; Долинин К.А. Стилистика французского языка. — Л., 1978; Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. — М., 1979; Бондалетов В.Д. Стилистика русского языка. — Л., 1982; Кожин А.Н., Крылова О.А., Одинцов В.В. Функциональные типы русской речи. — М., 1982; Разговорная речь в системе стилей современного русского литературного языка. Лексика. — Саратов, 1983; Грамматика. — Саратов, 1992; Наер В.Л. Уровни языковой вариативности и место функциональных стилей // Научная литература. Язык, стиль, жанры. — М., 1985; Современная русская устная научная речь / Под ред. О.А. Лаптевой. Т I. — Красноярск, 1985; Т. 2. — 1994; Т. 3. — М., 1995; Стилистика русского языка. Жанрово-коммуникативный аспект стилистики текста. — М., 1987; Разновидности и жанры научной прозы. Лингвостилистические особенности. — М., 1989; Функциональные стили и формы речи. — Саратов, 1993; Жанры речи. — Саратов, 1997; Матвеева Т.В. К изучению функциональной стилистики в средней школе // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Вып. 5. — Красноярск; Ачинск, 1997; Ее же: Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. — Свердловск, 1990; Сиротинина О.Б. Изучение разговорной речи как одна из проблем русской стилистики, «Stylistyka-VI». — Opole, 1997; Кожина М.Н., Рычкова В.Н. Выражение связности как критерий внутристилевой дифференциации научной речи // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII—XX вв. Т. II. Ч. 2. — Пермь, 1998; Hausenblas K. Výstavba slovesných komunikatů a stylistyka. Čsl. přednašky pro VI mzdn. sjezd slavistů. — Praha, 1968; Jelinek M. Stylové rospěti současné spisovné češtiny // Bělič, Daneš и др. Kultura českého jāzyka.— Liberec, 1969; Kraus J. Uvod do stylistiky pro informačni pracovniky. — Praha, 1977; Mistrik J. Štylistika slovenského jazyka. — Bratislava, 1985; Wilkoń A. Tipologia odmian językowych współczesnej polszczyzny. — Katowice, 1987; Tošovic B. Funkcionalni stilovi. — Sarajevo, 1988; Gajda St. Wspolczesna polszczyzna naukovwa. Jezyk czy zargon? — Opole, 1990; Makuchowska M. Styl religijny // Przewodnik po stylistyce polskie. j. — Opole, 1995.

М.Н. Кожина

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА — этим терминологическим словосочетанием некоторые исследователи худож. (поэтической и прозаической) речи называют слова, выражающие главную идею целого худож. текста. К. с. иногда

выносятся в названия худож. произведений («*Обрыв*» И.А. Гончарова, «*Гроза*» А.Н. Островского, «*Хорошо!*» В.В. Маяковского и др.). «От них идут невидимые нити к портретам действующих лиц и пейзажам. Они создают внутреннее единство лексической системы произведений, становясь существенным элементом его композиционного построения. <...> Ключевые слова в литературных произведениях одной своей, предметно-вещной, стороной обращены к деталям быта, а другой — к социальным и нравственно-этическим проблемам. Они семантически многомерны, отсюда их образно-символическое значение» (*Петровский В.В.,* 1977, с. 54—57).

«В одних произведениях ключевые слова лишь изредка проступают выпукло на поверхности контекста; в других — наоборот, отчетливо, густо пронизывают художественную ткань, заставляя читателя искать в них особый смысл. Такие ключевые слова часто выделяются в контексте графически: курсивом, разрядкой. Так, напр., одно из ключевых слов в романе Ф. Достоевского «Преступление и наказание» — *проба* — дается курсивом. В том же романе ключевое слово *угол* повторяется несколько раз, наслаивая на свое основное, конкретно-бытовое значение широкое социальное значение («*угол жизни*»): «*спрятать мои деньги, чтобы их у меня* ***в угле*** *не украли*»; «*Я прямо требовал* ***угла****, чтобы только повернуться*»; «*Оттого, что вырос в* ***углу***»; «*закупориться еще больше в* ***угол***»; «*я сделал себе* ***угол*** *и жил в* ***углу***»; «*Моя идея —* ***угол***» и пр. У каждого самобытного автора свои способы создания ключевых слов, наполнения их образно-символическим содержанием, установления внутренней связи между обобщенным значением и предметно-бытовым значением других слов в контексте целого. Во всем этом проявляется особый склад художественного мышления писателя» (Там же, с. 54—55).

Так, в повести В.Г. Короленко «Слепой музыкант» велико значение слов «*тихо*», «*тишина*» и других однокоренных слов. С этими словами так или иначе связано все содержание повести, психология, характеры героев, вся худож. ткань повествования, ее своеобразная тональность.

«Слово *тишина* и производные от него у Короленко нагнетают соответствующие настроения и производят большое впечатление. Мальчик «***тихо*** *заплакал*», мать «***тихо*** *спросила*», «*в усадьбе все* ***стихло***», слышен «***тихий*** *плеск реки*», и вновь все «*спокойно,* ***тихо****, невозмутимо*», «***тихая*** *жизнь*», «***тихое*** *настроение*». Иногда слово *тишина* употребляется по три-четыре раза на странице. Создают лирическое настроение и близкие к понятию «тишина» слова: *затишье, молчаливый, смолк, молча, замирая, журчание, тайна, шелест, шепот, вздохи, шурша*» (Гибет Е.И., 1973, с. 21—24).

В рассказе А.М. Горького «Мальва» первая фраза, вынесенная в отдельный абзац и расчлененная на две части с помощью тире (и тем самым актуализированная), — «*Море — смеялось*». Эта фраза — как ведущая тема в музыкальном произведении: она определяет общую тональность, служит раскрытию основной идеи; проходя через всё произведение, развиваясь и обогащаясь, она выступает в различных вариациях <...>. Образ «смеющегося моря» повторяется неоднократно: «*Ласковый ветер с моря приносил брызги волн почти к их ногам, а неугомонный* ***смех***

моря всё звучал»; «*Перед ним (Василием) было море.* ***Смеялись*** *волны, как всегда шумные, игривые* <...>». Эта основная мелодия в изображении пейзажа как бы переливается в характеристику романтического героя: «*Мальва, обняв руками колени, тихонько покачивала корпусом, рассматривая зелеными глазами* ***веселое*** *море, и* ***улыбалась*** *одной из тех торжествующих* ***улыбок****, которых так много у женщины, понимающей силу своей красоты*». Слова *смеяться, улыбаться* пронизывают всю речевую ткань рассказа, проходят в ней лейтмотивом и в связи с выраженной в нем философско-эстетической концепцией приобретают обобщенно-символическое значение» (*Сиротина В.А.,* 1971, с. 21—22).

«Всякое стихотворение — покрывало, растянутое на остриях нескольких слов. Из-за них существует стихотворение» (*А. Блок*). Эта характеристика в полной мере может быть отнесена и к К. с. поэтического текста. Так, напр., в стихотворении А. Вознесенского «Дозорный перед полем Куликовым» К. с. является слово «*поле*», которое, повторяясь и раскрывая свою многозначность в разных словосочетаниях и предложениях («*Один в* ***поле*** *воин*», «*Волшебное* ***поле***», «*но если есть* ***поле***», «*в чистом* ***поле***», «*За мной останется* ***поле*** *великое*», «*зову тебя,* ***поле***!», «***Поле*** *придет*»), составляет как бы смысловой стержень этого поэтического текста.

К. с. и словосочетания в худож. текстах не обязательно повторяются дословно. Часто они выступают в виде слов, словосочетаний и сочетаний слов («оборотов») разной грамматической оформленности. Так, напр., в стихотворении И. Северянина «Поющие глаза» ключевое словосочетание, вынесенное в заголовок, в тексте повторяется в виде следующих конструкций: «*За стеклом* ***два глаза запоют***», «*Женщина* ***с певучими глазами***», «*Те* ***глаза, которые поют***».

К. с. увеличивают смысловую емкость худож. текста, расширяют изобразительные возможности худож. (поэтической и прозаической) речи, а читателю позволяют глубже проникнуть в идейно-худож. структуру произведения.

В стилистике дел. речи К. с. или словосочетаниями называют текстовую формулу дел. документа, выражающую его главную функцию. Так, напр., «в *распоряжении* — это слово ***Приказываю***. Текстовой формулой *акта* является конструкция «***Мы, нижеподписавшиеся, составили настоящий акт в том, что***». В *протоколе* — ряд слов: ***Слушали, Выступили, Постановили***. В *гарантийном письме* главной является формула ***Наш расчетный счет Оплата гарантируется*** <...>. Текстовая формула определяет выбор слов и, таким образом, обусловливает конкретную сочетаемость и даже грамматику словоформ» в текстах дел. документов (*Веселов П.В.,* с. 48—49).

В лексикографии термин К. с. используется в работе над тезаурусами, обозначая те опорные слова, которые, как своеобразные нити, «связывают внутреннюю структуру тезауруса» (*Караулов Ю.Н.,* 1981, с. 152).

Наконец, в последние годы, в контексте исследований национальной культуры и национальной ментальности, возникли такие пока еще необщепринятые терминологические словосочетания как «ключевые слова русского менталитета (русской ментальности)», «ключевые слова текущего момента» и некоторые другие.

Под «ключевыми словами текущего момента» (К. с. т. м.) понимают слова и обороты, актуальные именно для данного, текущего, сравнительно короткого исторического периода развития общества. «Без каких-либо предварительных исследований ясно, что каждый «текущий момент» выдвигает в центр общественного сознания фрагмент словаря, заключающий в себе понятия наиболее значимые, обсуждаемые повсеместно — в парламенте и в очереди, на радио и в печати, на телевидении и «в трудовых коллективах» <...> Очевидно, что в таких импровизированных списках, напр., октября 1992 г., окажутся *рынок, приватизация, ваучер, съезд, Грузия, Абхазия, Хазбулатов, Ельцин, Гайдар* (*Шмелева Т.В.,* с. 33). К собственно языковым приметам К. с. т. м. относятся: 1) резкое возрастание частотности употребления, 2) тяготение к позиции заголовка, 3) расширение формо- и словообразовательных возможностей, 4) расширение сочетаемости слова, 5) формирование новых синонимических и антонимических связей (парадигматика), 6) использование слова в качестве имени собственного (онимическое употребление), 7) склонность включаться в высказывания типа дефиниций, 8) тенденция быть объектом вкусовых оценок (языковой рефлексии) и языковой игры (Там же, с. 40).

Если под менталитетом понимать «национальный способ видеть мир и действовать (когнитивно и прагматически) в определенных обстоятельствах» (*В.В. Колесов,* с. 106), иначе говоря, специфические особенности национального самосознания и мироощущения, обусловленные историей народа, его культурой, традициями и характером (психическим складом), национального, то ключевыми словами менталитета следует называть такие слова (и соответствующие концепты), которые занимают доминирующее положение в «мыслительном пространстве» национального самосознания.

К.с. рус. менталитета — это лексика, выражающая опорные понятия и символы, определяющие идеи и представления традиционного рус. национального мировоззрения и миросозерцания. Можно выделить по крайней мере три группы таких слов (на основе тематической или предметно-понятийной соположенности): 1) слова, обозначающие понятия и предметы традиционного народного быта, преимущественно крестьянского (*дом, усадьба, земля, семья, хозяин* и др.); 2) слова, обозначающие основные понятия рус. государственности и общественной жизни (*государство, родина, отечество, держава, народ, соборность, мир, артель* и др.); 3) слова, обозначающие мир рус. души и народной этики (*Бог, правда, совесть, справедливость, сострадание, милосердие, терпение, раскаяние* и т.д.) (*А.П. Сковородников*, с. 272).

Перечисленные группы слов, объединенных предельным интегральным признаком (идеей), не представляют собой закрытых рядов и могут быть представлены с большей или меньшей степенью детализации. В особенностях семантики этих слов, их соотношений со словами сходными или, наоборот, противоположными по значению (парадигматика), их сочетаемости (синтагматика) и употребления отражается специфика на-

ционального русского менталитета (в его историческом прошлом и в современном состоянии). Естественно, что такие слова-понятия, занимающие чрезвычайно важное место в системе ценностных представлений, в духовном мире как целого народа, так и отдельной личности, требуют особенно бережного, «экологического» отношения и пристального изучения.

Лит.: Сиротина В.А. Море — смеялось. — Рус. речь. — 1971. — № 1; Айзерман Л.С. Ключевые слова. — РЯШ. — 1973. — № 4; Гибет Е.И. Слово «тишина» у В.Г. Короленко. — Рус. речь. — 1973. — № 5; Петровский В.В. О ключевых словах в художественной прозе. — Рус. речь. — 1977. — № 5; Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. — М., 1981; Веселов П.В. Как составить служебный документ? — Рус. речь. — 1988. — № 1; Колесов В.В. Отражение русского менталитета в слове // Человек в зеркале наук: Труды методологического семинара «Человек». — Л., 1991; Сковородников А.П. О ключевых словах русского менталитета. — Светлица. — 1993. — № 1; Шмелева Т.В. Ключевые слова текущего момента, «Collegium». — 1993. — № 1.

А.П. Сковородников

КОЛЬЦЕВЫЕ СТРОФЫ — особый структурный тип прозаических строф, зачин и концовка которых полностью или частично лексически совпадают (образуют кольцо). Нередко повторяется и синтаксическая форма предложений, начинающих и завершающих строфу. Кольцевое обрамление подчеркивает цельность и завершенность строфы, ее монолитность. Однако это средство экспрессивно, эмоционально окрашено, характеризует в основном речь приподнятую, подчеркнуто выразительную и не является широко распространенным.

Внутренне строение К. с. обычно: предложения связаны между собой цепными или параллельными связями, нередко они имеют смешанный состав (цепные и параллельные связи). Напр.: «Я пересек Сибирь по диагонали от полюса холода на отдаленной Индигирке до раскаленных степей у подножия Алтая. С извилинами пути — пять тысяч километров. <...> Я пересек всю Сибирь, и она из-за купола земли все вставала и вставала мне навстречу — волнами гор в лохматой тайге, серебряными саблями рек, дымами новых городов» (*Н. Михайлов*).

Г.Я. Солганик

КОММУНИКАТИВНАЯ СТИЛИСТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА — новое направление совр. функц. стилистики, формирующееся на стыке с другими науками, комплексно изучающее целый текст (речевое произведение) как форму коммуникации и явление идиостиля. Комплексное изучение текста в данном случае предполагает исследование лингвистических и экстралингвистических факторов общения, связанных с порождением текста и его интерпретацией. Лингвистические факторы общения включают отбор и организацию языковых средств раз-

ных уровней в их текстовом воплощении с учетом не только языковой системы, «стоящей за текстом», но и *речевой системности* (см.) (*М.Н. Кожина*), обусловленной авторским замыслом. Среди экстралингвистических факторов общения для К. с. х. т. актуальны личность автора и адресата; цели и задачи, определяющие их первичную и вторичную коммуникативную деятельность; специфика сферы общения; характер ситуации; жанр и т.д. (см. подробнее: *Болотнова Н.С.,* 1992).

Как связана К. с. х. т. со смежными областями знания? В отличие от лингвистики текста и лингвистической поэтики, К. с. х. т. изучает текст в коммуникативно-деятельностном аспекте с точки зрения сопряженности деятельности автора и адресата (*Сидоров Е.В.,* 1987). От других наук (прагматики, психолингвистики, психопоэтики, филологической герменевтики), опирающихся на теорию речевой деятельности, она отличается пристальным вниманием к лингвостилистическим аспектам эстетической сферы речевого общения в их текстовом воплощении. При этом исследование структурно-смысловой организации худож. текста с точки зрения коммуникативного эффекта рассматривается как обусловленное рядом факторов, включая стилистический узус и идиостиль автора.

С названными областями знания коммуникативную стилистику текста сближает интерес к языковой личности, «стоящей за текстом» (*Ю.Н. Караулов*), внимание к процессам восприятия, интерпретации и понимания текста, а также общая направленность на эффективность речевого общения.

Вполне очевидно, что проблема эффективности речевого общения является центральной в филологии. Разные области филологического знания, включая текстоведение, разрабатывают эту глобальную проблему исходя из своих возможностей, определяемых конкретными целями и задачами, преимущественным вниманием к различным аспектам в исследовании текста. Стилистика имеет широкие возможности в решении этой проблемы, она изучает «язык по всему разрезу его структуры сразу» (*Винокур Г.О.,* 1959, с. 223), но в особом аспекте — с точки зрения употребления, функционирования. В силу интегративного характера стилистика текста способна реализовать комплексный подход к исследованию его структуры, семантики и прагматики. Все эти аспекты текста значимы в процессе общения. О важной роли функц. стилистики в становлении новой лингвистической парадигмы, плодотворно изучающей лингвистические и экстралингвистические факторы речевого общения в их соотнесенности с функциональными стилями и текстом, писали Г.В. Лузина (1989) и М.Н. Кожина (1996).

В отличие от традиционной стилистики целого текста, исследующей общие и частные закономерности организации языковых единиц, структуру текста, композиционно-стилистические приемы, типологию текстов в зависимости от композиционно-стилистических особенностей, совр. стилистика текста ориентирована на структурно-смысловую ее организацию и интерпретацию (*Кожина М.Н.,* 1993, с. 27). В коллективной монографии пермских ученых, посвященной стилистике научного тек-

ста, рассматривается «смысловая сторона целого текста, принципы его развертывания (причем не общетекстовые, а присущие именно определенной сфере общения), композиция, своеобразие реализации текстовых категорий, стилевая специфика...» (см. Очерки, 1994, с. 8). Акцент, таким образом, делается на стилистическом узусе в его проекции на смысловое развертывание текста, его композицию, текстовые категории. Разделяя позицию авторов относительно общих задач стилистического изучения текста, определим своеобразие коммуникативной стилистики худож. текста.

На социокоммуникативный характер совр. стилистики указывала Т.Г. Винокур (1993). Генетически коммуникативная стилистика текста связана с функц. стилистикой и стилистикой целого текста (подробнее см.: *Болотнова Н.С.,* 1996). Выделившись из функц. стилистики, изучающей функционирование языковых единиц в разных сферах и условиях общения, а также «специфику и речевую системность функциональных стилей» (*Кожина М.Н.,* 1993, с. 21), коммуникативная стилистика текста приобрела особую направленность (коммуникативно-деятельностную), свои цели и задачи, а также ориентацию на определенные методы исследования (опрос, анкетирование, эксперимент в сочетании с традиционными методами).

Деятельностный подход в рамках коммуникативной стилистики текста связан с рассмотрением текста как продукта первичной коммуникативной деятельности автора и объекта вторичной коммуникативной деятельности читателя. Цель коммуникативной стилистики текста — разработка проблемы эффективности текстовой деятельности автора и адресата с учетом специфики их языковой личности, сферы общения, целей и задач, жанрово-стилевых и других особенностей текста.

Языковая личность автора интересует коммуникативную стилистику текста в аспекте идиостиля, проявляющегося в текстовой деятельности. При этом данное понятие наполняется новым, более широким по объему содержанием сравнительно с традиционным (ср.: «Индивидуальную манеру письма писателя называют индивидуально-авторским стилем, стилем писателя» — *Бельчиков Ю.А.,* 1997, с. 542). Новая интерпретация идиостиля связана с многоаспектностью данного понятия, способного интегрировать разные особенности языковой личности автора (ср. известное суждение: «Стиль — это сам человек»). С этой точки зрения логично предположить, что идиостиль имеет комплексный характер, разноаспектно выражает социально-историческую сущность, национальные, индивидуально-психологические и нравственно-этические особенности человека. В идиостиле проявляется его мировоззрение и знание о мире (концептуальная картина мира и тезаурус), общая и языковая культура в их текстовом воплощении. Идиостиль, таким образом, — это стиль личности во всем многообразии ее многоуровневых текстовых проявлений (в структуре, семантике и прагматике текста).

Коммуникативно-деятельностный подход к тексту как явлению идиостиля в его проекции на все уровни модели языковой личности, разра-

ботанной Ю.Н. Карауловым (вербально-семантический, когнитивный, мотивационный), открывает новые перспективы в развитии К. с. х. т. На вербально-семантическом уровне это анализ употребления в процессе текстовой деятельности не только соответствующих узусу, но и наиболее оригинальных индивидуально-авторских языковых средств и особых приемов их грамматической и стилистической организации; изучение регулятивных текстовых структур различных типов, стимулирующих познавательную деятельность читателя; исследование определенных способов ассоциативного развертывания текста. Идиостиль проявляется как в «доминантных личностных смыслах», характерных для автора (эту особенность идиостиля впервые отметила В.А. Пищальникова, 1992), так и в специфике смыслового развертывания текстов, в характере моделирования их смысловой структуры. Этот аспект К. с. х. т. остается неизученным, составляя особое направление исследований, осуществляемых на стыке с филологической герменевтикой. При этом анализ смыслового развертывания текста на основе его комплексного лингвостилистического изучения значим не только сам по себе, но и для выявления идиостиля автора и приобщения к его взгляду на мир. Знание идиостиля автора открывает новые смысловые глубины его творений. В лингвостилистическом анализе текста К. с. х. т. преимущественное внимание уделяет его лексическому уровню как наиболее значимому в выражении смысла (см.: *Болотнова Н.С.,* 1992).

Второй, когнитивный, уровень языковой личности автора в процессе текстовой деятельности проявляется в идейно-тематическом и индивидуально-стилистическом своеобразии его произведений, в том, о *чем* он пишет, *к чему* призывает; *как,* с помощью *каких* средств он это делает. Изучение произведений с этой точки зрения позволяет судить о новых аспектах идиостиля автора. Поскольку речь идет в конечном счете о постижении его концептуальной картины мира, выраженной в особой форме (художественной), то особенную значимость приобретает ассоциативное развертывание текста. Именно ассоциативность речемыслительной деятельности автора и адресата делает возможным их сотворчество в разных сферах общения, особенно в художественной. Изучение текстовых ассоциативных связей, стимулированных прежде всего лексическими средствами, становится особенно актуальным для коммуникативной стилистики текста. Это еще одно важное направление, формирующееся на стыке с психолингвистикой. В его задачи входит выявление видов текстовых ассоциативных связей; определение их лингвистического статуса; соотношение текстовых ассоциативно-смысловых полей с данными Словаря ассоциативных норм (М., 1977) и Русского ассоциативного словаря (М., 1994—1996); разработка понятий «ассоциативное поле текста» и «ассоциативная структура текста» и т.д. При этом важна опора не только на сам текст, его структуру и семантику, но и на показания языкового сознания реципиентов — потенциальных адресатов.

Третий, мотивационный, уровень языковой личности автора в процессе текстовой деятельности отражает ее цели и мотивы в их конкрет-

ном речевом воплощении. В связи с этим К. с. х. т. начинает изучать не только коммуникативные стратегии и тактики текстового развертывания, но и исследовать их типовые особенности на уровне общего моделирования, а также средств и приемов их реального воплощения. С этим связана разработка теории регулятивности — третьего направления коммуникативной стилистики текста, развивающегося на стыке с прагматикой. *Регулятивность* (см.) вслед за Е.В. Сидоровым (1987) трактуется как системное качество текста, связанное с его информативностью, структурностью, интегративностью. При коммуникативно-деятельностном подходе к тексту становится актуальным изучение средств регулятивности и способов регулятивности, т.е. приемов организации текстовых микроструктур, стимулирующих речемыслительную деятельность адресата. Поскольку «за каждым высказыванием стоит волевая задача» (*Л.С. Выготский*), которая соотносится с одним из этапов текстового развертывания и общей целевой программой текста, в основу выделения регулятивных структур (регулятивов) целесообразно положить осознание адресатом мотива (микроцели) в рамках общей коммуникативной стратегии текста. Средства и способы регулятивности являются важным показателем идиостиля автора и основным ключом к постижению глубинного смысла текста и его коммуникативного эффекта.

Таким образом, в целом К. с. х. т. нацелена на изучение структуры, семантики и прагматики худож. текста в их комплексной соотнесенности, на постижение его смысла и коммуникативного эффекта. При этом в соответствии с антропоцентрическим системно-деятельностным подходом к тексту в качестве организующего ключевого понятия рассматривается идиостиль, который получает новое, коммуникативное содержание. Данное понятие фокусирует в себе многоаспектные проявления языковой личности автора в структуре, семантике и прагматике текста. Изучение идиостиля в коммуникативно-деятельностном аспекте расширяет представление читателя не только о глубинном смысле текста, но и о личности автора. При этом ключевой остается проблема эффективности речевого общения. На ее решение и ориентированы основные направления К. с. х. т., связанные с разработкой теории регулятивности, теории текстовых ассоциаций и смыслового развертывания текста.

Лит.: Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. — М., 1959; Одинцов В.В. Стилистика текста. — М., 1980; Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. — М., 1987; Сидоров Е.В. Проблемы речевой системности. — М. 1987; Болотнова Н.С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. — Томск, 1992; Ее же: Краткая история стилистики художественной речи в России (к истокам коммуникативной стилистики текста). — Томск, 1996; Ее же: Коммуникативная стилистика текста и ее особенности // Матер. междунар. съезда русистов в Красноярске (1—4 октября 1997). — Красноярск, 1997. Т. 1; Ее же: О статусе коммуникативной стилистики текста и перспективах ее развития. — Изв. Алтайск. ун-та. — 1998. — № 3(8); Ее же: О трех направлениях коммуникативной стилистики художественного текста и изучении текстового слова // Ком-

муникативно-прагматические аспекты слова в художественном тексте. — Томск, 2000; Пищальникова В.А. Проблема смысла художественного текста: Психолингвистический аспект. — Новосибирск, 1992; Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. — М., 1993; Кожина М.Н. Стилистика русского языка. — М., 1993; Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII—XX вв. Т. I: Развитие научного стиля в аспекте функционирования языковых единиц различных уровней. Ч. 1; Т. II: Стилистика научного текста (общие параметры). Ч. 1 / Под ред. проф. М.Н. Кожиной. — Пермь, 1994—1996; Коммуникативные аспекты слова в текстах разной жанрово-стилевой ориентации: Межвуз. сб. науч. тр. — Томск, 1995; Бельчиков Ю.А. Стиль // Русский язык: Энциклопедия. — М., 1997; Болотнова Н.С., Бабенко И.И., Васильева А.А. и др. Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль / Под ред. проф. Н.С. Болотновой. — Томск, 2001.

Н.С. Болотнова

КОММУНИКАТИВНЫЕ КАЧЕСТВА РЕЧИ — признаки хорошей, культурной речи, которые обеспечивают эффективность общения и гармоничное взаимодействие его участников.

Основы учения о качествах хорошей речи были заложены в античную эпоху. В появившихся в XVIII—XIX вв. руководствах по риторике для оценки эффективной речи используются такие понятия, как ясность, точность, логичность и др. В наше время теоретическое обоснование выдвижения коммуникативных качеств речи как критериев для оценки культурной речи наиболее последовательно представлено в книге Б.Н. Головина. В рамках системного подхода ученый выделяет 10 качеств: правильность, чистоту, точность, логичность, выразительность, богатство, уместность, а также образность (близкую к выразительности), доступность и действенность; подробно рассматриваются семь первых из названных качеств, определены экстралингвистические и лингвистические условия их формирования.

Коммуникативные качества определяются в соотношении с неречевыми структурами (языком, мышлением, сознанием, действительностью, адресантом-адресатом, условиями общения). Коммуникативные качества правильности (нормативности), чистоты (отсутствия диалектизмов, жаргонизмов и т.п., что также относится к ведению нормативного аспекта) и богатства (использования в речи разнообразия языковых средств) получают определения на базе соотношения знаковой структуры речи с тем, что дает говорящему или пишущему литературный язык. Соотношение «речь—сознание» помогает понять, что стоит за словами выразительность (способность речи осуществлять воздействие не только на ум, но и на эмоциональную область сознания, а также поддерживать внимание и интерес адресата), образность (способность речи формировать конкретно-чувственные представления о действительности), действенность и уместность (способность высказывания отвечать целям и задачам общения). Соотношение «речь—

действительность», наряду с соотношением «язык—мышление», позволяет осмыслить коммуникативные качества *точности* (см.) и *логичности* (см.). На базе соотношения «речь—человек, ее адресат» получает разъяснение такое качество, как доступность (облегчение опознавания получателем выраженной информации) и уместность, а также действенность. Качество уместности речи определяется соотношением «речь—условия общения» (место, время, жанр и задачи коммуникативного процесса).

Перечисленные отношения структуры речи к неречевым структурам участвуют в осуществлении коммуникативного процесса. Ослабление и нарушение коммуникативных отношений речи к неречевым структурам ухудшает ее качество.

Все перечисленные коммуникативные качества А.Н. Васильева рассматривает как общие культурно-речевые критерии, которые в значительной степени специфичны по стилям, жанрам, ситуациям, а также разнообразятся во взаимодействии между собой. При этом рассматривается, как все они приобретают новые и новые значимости и воплощения не только в основных стилях, но и в более узких речевых подсистемах.

Число выделяемых исследователями коммуникативных качеств может варьировать. Так, Б.С. Мучник применительно к письменной коммуникации рассматривает пять речевых качеств: я с н о с т ь (недвусмысленность), т о ч н о с т ь (соответствие актуализированного автором значения высказывания передаваемому смыслу), к р а т к о с т ь (умение передать мысль наименьшим количеством слов), п о л н о т а (противоположное избыточности речи развернутое выражение мысли), л о г и ч н о с т ь (соответствие законам и правилам логики).

Дальнейшую разработку коммуникативные качества речи получили в последнее десятилетие в связи с актуализацией лингвометодических, лингвокультурологических, лингвориторических исследований (*Л.А. Введенская, Л.Г. Павлова,* 1995*, Н.Н. Ивакина,* 1997 и мн. др.). Коммуникативные качества рассматриваются не только как критерии анализа речевых произведений, но и как направления совершенствования речевого мастерства (*Л.Р. Дускаева, О.В. Протопопова,* 2000).

Лит.: В а с и л ь е в а А.Н. Основы культуры речи. — М.,1990; В в е д е н с к а я Л.А., П а в л о в а Л.Г. Культура и искусство речи. — Ростов н/Д., 1995; Г о л о в и н Б.Н. Основы культуры речи. — М.,1988; И в а к и н а Н.Н. Профессиональная речь юриста. — М., 1997; М у ч н и к Б.С. Культура письменной речи: Формирование стилистического мышления. — М., 1996; Б е л ь ч и к о в Ю.А. Стилистика и культура речи. — М., 2000; Д у с к а е в а Л.Р., П р о т о п о п о в а О.В. На пути к речевому мастерству. — Пермь, 2000; Д а н ц е в А.А., Н е ф е д о в а Н.В. Русский язык и культура речи. — Ростов на/Д., 2001.

Л.Р. Дускаева, О.В. Протопопова

КОММУНИКАТИВНЫЙ БЛОК (К-блок) — текстовая функционально-смысловая единица, представляющая собой результат языковой материализации одного или нескольких коммуникативно-познавательных

действий (смыслов), функционирующая в качестве структурного элемента содержания и характеризующаяся коммуникативной направленностью на выражение актуальной для автора и читателя информации.

К. б. как текстовая единица выявлен в результате коммуникативно-прагматического анализа науч. текста. К. б. являются типичными структурными компонентами науч. произведения, т.к. они эксплицируют один из главных аспектов смыслового содержания науч. текста — информационный. В связи с тем что в науч. тексте находит отражение не только сложившаяся авторская концепция, но в определенной мере и процесс ее формирования, проходящий этапы проблемной ситуации, проблемы, идеи, гипотезы и теории (*Баженова Е.А.,* 1996, с. 161), К. б. информируют читателя о коммуникативно-познавательных операциях автора науч. текста. Многие когнитивные действия исследователя осуществляются интуитивно, еще до создания текста и, следовательно, не актуальны для самого автора, но экспликация их в тексте науч. произведения диктуется потребностями эффективной коммуникации.

К. б. объединяет два вида науч. информации: общенаучную, представляющую собой систему когнитивных категорий, принятых науч. сообществом на соответствующем этапе развития науки, и узкоспециальную, отражающую специфику содержания отдельных областей знания. Общенаучная информация выражается в тексте при помощи особых клишированных речевых конструкций — метатекстовых маркеров, повторяющихся в разных контекстах при выражении однотипного смыслового содержания. Несмотря на то что текст науч. произведения не членится без остатка на К. б., они характеризуются регулярной частотой встречаемости в определенных частях контекста и занимают фиксированное положение в системе структурных компонентов целого произведения. К. б. свойственна вариантность текстового оформления, т.к. они строятся не по жестким моделям. Величина данной единицы в тексте колеблется от одного до нескольких предложений.

Строение К. б. демонстрируется уровневой схемой: применительно к глубинному уровню смысловой структуры науч. текста К. б. понимаются как совокупности материализованных в тексте коммуникативно-познавательных действий; на поверхностном уровне смысловой структуры К. б. — это последовательность объединенных определенным способом фрагментов смысла; на уровне содержания текста К. б. формируются взаимодействием общенаучной и узкоспециальной информации; на уровне текста К. б. представляют собой речевые единицы, построенные по моделям, в которых, наряду с маркерами метатекста, допускающими варьирование, используются средства всех уровней языковой системы.

На уровне текста у К. б. отсутствуют четко очерченные границы: сигналом окончания одной текстовой единицы и начала другой служит завершение экспликации одной группы коммуникативно-познавательных действий и начало текстового оформления других таких операций, поэтому строение К. б. можно определить как строение по типу «нечеткого множества» («fuzzy sets» — термин предложен учеными-кибернетиками L. Zadeh, A. Kaufmann и др.).

Вследствие того что экспликация определенных когнитивных действий автора, которые выступают основой К. б., вызывается потребностями коммуникации, т.е. созданием условий для эффективного восприятия науч. информации читателем, данная текстовая единица реализует прагматические функции. Поскольку в науч. тексте языковые средства не только информируют читателя, но и воздействуют на него (*Матвеева Г.Г.,* 1984, с. 9), прагматические составляющие К. б. являются производными от его содержательных компонентов.

Названными свойствами К. б. определяются такие его функции, как: экспликация наиболее важных для автора и читателя операций когнитивного процесса, формирование структуры смыслового содержания, участие в развертывании целого текста.

Для науч. текста характерны следующие К. б.: «введение темы», «постановка цели и задач исследования», «краткая история вопроса», «формулировка проблемы», «описание стадий эксперимента», «выдвижение гипотезы», «характеристика объекта изучения», «выводы», «прогнозирование», «выражение признательности/благодарности» и некоторые другие. Очевидно, вышеназванные К. б. не исчерпывают многообразия текстовых единиц этого типа, т.к. ряд коммуникативно-познавательных действий, которые выступают основой этих речевых единиц, является принципиально открытым.

Определение и описание К. б. как текстовой единицы явилось результатом учета целого комплекса факторов: наличия в целом тексте программы информирования читателя посредством экспликации коммуникативно-познавательных операций автора, возможности реализации когнитивными действиями одновременно нескольких функций (их полифункциональности) в процессе формирования содержательной структуры речевого произведения, соответствия авторских речемыслительных операций определенному выражению их в тексте. Вероятно, названные факторы имеют характер закономерности, поэтому представляется, что понятие функционально-смысловой единицы К. б. может быть применено как для анализа науч. текстов, так и для анализа произведений других функц. стилей.

Показательно, что проблема изучения макроструктуры целого текста в аспекте выявления и описания ее компонентов (текстовых единиц) характеризуется определенными этапами развития, связанными с применением разнородных методик анализа речевого целого. Так, при абзацно-графическом подходе (*В.Г. Бутко, В.А. Кухаренко, Г.Ю. Ума, Н.П. Эфендиева*) текст рассматривается как иерархическая система *абзацев* — единиц, выделяемых в процессе композиционно-стилистического членения текста. В качестве основных свойств абзаца называются его графическая оформленность, смысловая и интонационная завершенность, наличие синтаксических и логико-семантических связей между предложениями абзаца, а текстовые функции абзаца выводятся из положения, занимаемого этим элементом в композиции речевого произведения.

В работах синтаксического направления основное внимание уделяется установлению синтаксических отношений текстовой единицы.

Синтаксические отношения объединяют содержательные фрагменты разной протяженности, поэтому в качестве структурно-синтаксических компонентов целого текста называют *сложное синтаксическое целое (ССЦ), линейно-синтаксические цепи, прозаическую строфу, суперсинтаксическое единство, суперсегмент, микротекст* и многие другие (*Н.Д. Зарубина, С.Г. Ильенко, Л.М. Лосева, О.И. Москальская, Г.Я. Солганик*). Названные текстовые единицы характеризуются наличием группы синтаксически и семантически взаимосвязанных предложений; единством выражаемой микротемы, меньшей, чем совокупность тем всего текста, но большей, чем микротема одного предложения; гибкой структурой, т.е. возможностью построения синтаксической единицы не по заданным моделям; способностью функционировать в качестве компонента синтаксической структуры текста и некоторыми другими свойствами. Вопросы воспроизводимости и функционирования синтаксических единиц текста рассматриваются исследователями как актуальные. Несмотря на отсутствие единого мнения по проблеме функц. роли синтаксических единиц в границах речевого целого, функционирование сложных синтаксических единиц связывают, как правило, с реализацией в тексте определенных типов речи.

В семантических исследованиях в центре внимания лингвистов находится семантика текста, представляющая собой систему когнитивно и коммуникативно актуальных смыслов. Семантика текста — это не только внутреннее свойство текста, но и субстанция, отражающая и интерпретирующая окружающую действительность. В связи с тем, что семантика текста рассматривается как актуализация значений языковых знаков в речевой ситуации, смысл речевого произведения понимается как целостность, возникающая на основе содержания текста и не сводимая к сумме значений составляющих его единиц. В соответствии с трактовкой содержания текста и сегментированием отраженной в нем речевой ситуации на определенные элементы в качестве структурно-семантических компонентов содержания называются *денотаты* (*А.И. Новиков*, *Г. Чистякова*), *фреймы* (*Е.А. Шингарева*), *эпистемические ситуации* (*М.П. Котюрова, Н.М. Брылякова*), *коммуникаты* (*А.Г. Баранов, Л.М. Жданова, И.П. Торсуева*), особо понимаемые *синтаксические целые* (*М.Я. Дымарский*). Изучение текстовых единиц в аспекте семантики предлагает качественно новый уровень познания речевого целого — уровень коммуникативно и когнитивно актуального смысла, генетически связанного с экстралингвистическим контекстом.

Основная задача функционально-смысловых исследований (*Ю.А. Волоснова, Н.В. Данилевская, Н.В. Кириченко, М.Н. Кожина, Я.М. Колкер, Н.М. Краевская, Н.М. Лариохина, А.М. Мороховский, В.А. Портянников, М.В. Сосаре*) состоит в поиске такой единицы текста, которая содержала бы в себе некоторую часть макроструктуры всего речевого произведения. Главным критерием сегментации текста на структурные единицы выступает параметр соответствия между определенным фрагментом типового содержания и реализуемыми этим фрагментом функциями в структуре целого текста. Смысловые компоненты не равнознач-

ны по объему отражаемого ими содержания и по способу представления их в тексте. В определении таких текстовых единиц важно то, что они участвуют в содержательном развитии целого текста, границы их делимитации определяются авторским замыслом (целеустановкой), а их речевое оформление является следствием вербализации коммуникативных действий автора. В качестве минимальных единиц текста называются *микротексты* (понимаемые особо), *коммуникативные* и *смысловые блоки*.

В рамках функционально-смыслового направления связь между текстовыми компонентами определяется как чисто смысловая. Смысловое сцепление текстовых единиц обусловлено особой структурой: с одной стороны, наличием жестких моделей построения, с другой — возможностью объединения с другими содержательными элементами. Такая структура текстовой единицы способствует порождению единого смысла всего произведения.

Несмотря на то что перечисленными выше аспектами изучения текстовых единиц далеко не исчерпывается многообразие существующих исследований, они дают представление о современном состоянии проблемы коммуникативно-смыслового членения текста.

Лит.: Зарубина Н.Д. К вопросу о лингвистических единицах текста // Синтаксис текста. — М., 1979; Новиков А., Чистякова Г. Содержание текста и его основные единицы // Фонетика и психология речи. — Иваново, 1981; Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика (Сложное синтаксическое целое). — М., 1991; Баранов А.Г. Функционально-прагматическая концепция текста. — Ростов н/Д., 1993; Кожина М.Н. Смысловая структура текста в аспекте стилистики научного текста // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII—XX вв. Т. 2. Ч. 1. Стилистика научного текста (общие параметры). Гл. 3. — Пермь, 1996; Баженова Е.А. Специфика смысловой структуры научного текста и его композиции // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII—XX вв. Т. 2. Ч. 1. Стилистика научного текста (общие параметры). Гл. 7. — Пермь, 1996; Колкер Я.М. Анализ текста путем выделения коммуникативных блоков (с опорой на коммуникативные блоки) как один из приемов проверки его большей или меньшей доступности для восприятия // Смысловое восприятие речевого сообщения. — М., 1976; Матвеева Г.Г. Актуализация прагматического аспекта научного текста. — Ростов н/Д., 1984; Кухаренко В.А. Информативность вводящего абзаца научного филологического текста // Функциональные стили: лингвометодические аспекты. — М., 1985; Лариохина Н.М. Об использовании типового научного текста в обучении русскому языку специалистов-нефилологов. — Рус. яз. за рубежом. — 1985. — № 3, Портянников В.А. Структура текста как результат реализации коммуникативной и прагматической направленности процесса текстообразования // Вопросы нормы и нормативности в реализации языковых средств. — Горький, 1988; Мороховский А.Н. К проблеме текста и его категорий // Текст и его категориальные признаки. — Киев, 1989; Дымарский М.Я. О лингвистическом статусе сложного синтаксического целого // Текстовый аспект в изучении синтаксических единиц. — Л., 1990; Котюрова М.П., Брылякова Н.М. В поиске единицы смысла научного текста // Лингвистика: взаимодействие концепций и парадигм. Вып. 1. Ч. 2. — Харьков, 1991.

Е.М. Крижановская

КОМПОЗИЦИЯ (ТЕКСТА) — это схема организации и структурной упорядоченности целого текста (произведения), отражающая строение, соотношение и взаимное расположение его частей, членение на смысловые элементы, степень и характер выраженности этих элементов, порядок их следования и взаимосвязь между ними.

Понятие К. традиционно используется для характеристики худож. произведения как целого со стороны его содержательной формы. В литературоведении К. определяется как «построение худож. произведения, определенная система средств раскрытия, организации образов, их связей и отношений, характеризующих жизненный процесс, показанный в произведении» (*А.И. Ревякин*). К. обусловливается не только закономерностями изображаемой действительности, но и мировоззрением, худож. методом и конкретными идейно-эстетическими, в частности жанровыми, задачами, поставленными автором. Обычно к элементам К. худож. произведения относят экспозицию, завязку, развитие действия, кульминацию и развязку.

К. нехудож. текстов обычно понимается как последовательность трех основных частей речевого сообщения: вступления, главной части и заключения. Вступление предполагает введение в тему и содержание текста, представление материала, постановку проблемы, конкретизацию аспекта ее рассмотрения и др. Нередко (особенно в публиц. и науч.-популярных жанрах) введение преследует психологические цели, т.е. отражает стремление автора завладеть вниманием читателя (слушателя), вызвать его интерес, установить психологический контакт с аудиторией. С этой целью могут использоваться яркие образы, интересные, интригующие сообщения о каких-либо фактах, парадоксальные суждения, проблемные вопросы, обращения к аудитории и др.

Главная (основная) часть содержит развитие концепции, намеченное вступлением. Здесь непосредственно и разносторонне раскрывается тема, решаются поставленные проблемы, сообщаются основные сведения. В этой части особенно важно соотношение общих и частных вопросов, абстрактных понятий и конкретных примеров, фактических и статистических сведений и т.п. Здесь же наиболее полно реализуется тот или иной *функц.-смысловой тип речи* (см.) — *повествование* (см.), *рассуждение* (см.), *описание* (см.) и др. В главной части автор излагает основной материал, в отношении которого выносится суждение или оценка; анализирует (отвергает или принимает) чужие суждения или оценки, предлагает свое понимание темы. Коммуникативное намерение субъекта речи реализуется посредством *констатации* (см.), *доказательства* (см.), опровержения и других способов аргументации, включающих тезис — основное положение, которое доказывается в процессе речи, аргументы — положения, которые приводятся в обоснование тезиса и истинность которых является доказанной независимо от тезиса (в качестве аргументов также используются проверенные науч. положения, достоверные факты, аксиомы), демонстрацию — форму соотнесенности аргументов и тезиса. Важнейшая роль в основной части принадлежит тезису, его подтверждению или опровержению.

В заключении обычно подводится итог, со всей определенностью формулируются выводы, суммируется сказанное, намечаются новые задачи и проблемы, требующие разрешения, содержатся призывы к аудитории и т.п.

Однако подобное членение является в большей степени не композиционным, а содержательно-тематическим, поскольку одно и то же трехчастное деление свойственно текстам, К. которых различна. Иногда названные три части действительно совпадают с композиционным членением, но и в этом случае они связаны с содержательным, а не структурным аспектом текста.

В лингвостилистике понятие К. отражает 1) взаимосвязь статического и динамического аспектов текста (первый связан с построением, архитектоникой текста, второй — с логическим развертыванием содержания, движением хода мысли); 2) процесс расчленения *континуума* (см.) текста на сегменты, информативные блоки и объединения информации внутри каждого блока; 3) внутреннюю (смысловую) сторону организации текста (см. *смысловая структура*) и его внешнюю сторону (членение на части, разделы, главы, параграфы, абзацы и и.п.).

Исходя из этого в композиционно-смысловой организации текста различаются логико-композиционный и собственно-композиционный планы. Логико-композиционный план, в свою очередь, включает структурно-логический и структурно-смысловой аспекты; собственно-композиционный план предполагает композиционно-содержательный и формально-композиционный аспекты.

Структурно-логический план текста характеризует его конкретные особенности через призму логических понятий как отражение хода мыслей автора в виде суждений и умозаключений, а также способ изложения мыслей (дедуктивный, индуктивный, дедуктивно-индуктивный, индуктивно-дедуктивный). Структурно-смысловой план текста проявляется в организации смыслового содержания. Он отражает способы развития мыслей (последовательное или параллельное), направление логического движения мыслей (горизонтальное или вертикальное), способы сопоставления мыслей (сравнения, аналогии, противопоставление понятий или их признаков и т.п.). Композиционно-содержательный план текста фиксирует структурные способы раскрытия компонентов содержания через их расположение в составе целого, форму выражения, характер речевой реализации. Формально-композиционный план текста характеризует взаимоотношения между его вступительной, основной и заключительной частями, которые могут нести различную композиционную и смысловую нагрузку в зависимости от стиля, жанра и типа, в рамках которых создан текст.

К. текста может быть простой и сложной. Для многих жанров (типов текстов) существуют готовые стандартные формы не только выражения мысли (на уровне предложения, абзаца), но и на уровне построения текста (документы, деловые письма, авторефераты диссертаций и др. — см. *жанры оф.-дел. стиля*, *жанры науч. литературы*). В связи с этим выде-

ляется «нулевой уровень» композиции с присущим ему линейно-последовательным и объективно-нейтральным изложением (например, *N родился в году в селе В детстве В юности* и т.п.). Стремление к большей выразительности требует от автора трансформации нейтрально-линейной последовательности изложения — реальной (т.е. изменение естественного течения факта, явления) либо логической (т.е. изменение отношений элементов в системе, установленной в той или иной науч. области, например замена дедукции индукцией в науч.-популярном тексте). Трансформированные композиционные структуры широко используются не только в худож. произведениях, но во многих нехудож. жанрах — очерках, фельетонах, науч.-популярных текстах, учебниках, в судебной речи и т.д. В.В. Одинцовым выделено пять типов усложненной К., определяющей развертывание нехудож. текстов: конкретизацию, трансмутацию, адаптацию, аддицию, иммутацию (см. лит.).

В рамках риторики (применительно к устной и письменной у б е ж д а ю щ е й р е ч и) используется коммуникативный подход к К., который базируется на следующих теоретических положениях: 1) речь является не только результатом деятельности, но и самой этой деятельностью, отсюда К. речевого произведения есть не только готовая структура, но и процесс создания этой структуры; 2) речевая деятельность основана на целеполагании, поэтому К. текста — это не просто структура, а структура, наделенная коммуникативной функцией управления вниманием адресата. В соответствии с данными положениями К. речевого произведения определяется как строение, соотношение, взаимное расположение частей (подбор, группировка и последовательность), посредством которого адресант (оратор) управляет вниманием адресата (аудитории) таким образом, что эти части воспринимаются как единое иерархическое целое, где каждому компоненту уделяется внимание, соответствующее его значимости, обусловленной коммуникативной установкой (*Т.Г. Хазагеров*).

В риторике разработаны основные принципы композиционного построения убеждающей речи: 1) оптимальный подбор главных и факультативных компонентов; 2) оптимальная внутренняя структура главных компонентов, включающих описание темы и проблемы, контактоустанавливающую часть, изложение тезисов, аргументов и выводов и др.; 3) оптимальное расположение и группировка факультативных компонентов (отступлений, связанных с налаживанием обратной связи с аудиторией, приемов, обеспечивающих активизацию внимания адресата, и др.); 4) оптимальный подбор, группировка и последовательность расположения используемых языковых средств.

Лингвистический аспект изучения К. х у д о ж. т е к с т а предполагает «анализ динамически развертывающегося содержания, которое раскрывается в смене и чередовании разных форм и типов речи, синтезируемых в образе автора и его создающих как сложную, но целостную систему экспрессивно-речевых средств» (*В.В. Виноградов*). Композиционной единицей литературного произведения является такой его элемент (микро-

образ), в рамках которого сохраняется один и тот же способ худож. изображения. С этой точки зрения выделяются динамическое повествование, статическое описание или характеристика, диалог персонажей, монолог, внутренний монолог, авторская ремарка, лирическое отступление и т.п. Каждый из этих элементов характеризуется особым содержанием, определенной функцией в образной системе произведения, а также специфической речевой реализацией.

Простейшие единицы композиции объединяются в более сложные и крупные композиционные формы — портрет (который может слагаться из отдельных элементов повествования, описания, характеристики и т.п.), пейзаж, разговор и др. Дальнейшее укрупнение композиционных элементов приводит к выделению сцены, в рамках которой осуществляется взаимодействие ряда более частных компонентов. Сцены объединяются в самые крупные единицы композиции — главы, части, тома, акты произведения.

Специфический характер имеет композиция в лирическом произведении, где более ограничен круг способов худож. изображения, а членение текста неразрывно связано со структурой стиха.

Науч. текст, содержащий изложение нового знания, в целом характеризуется композиционной однотипностью, хотя и допускающей вариативность. Помимо членения на введение, основную часть и заключение К. науч. произведения свойственно отражение закономерностей процесса познавательной деятельности и формирования знания (*Е.А. Баженова, Л.М. Лапп*). Так, композиционно-смысловая структура монографий и статей обычно фиксирует динамику этапов (фаз) развития науч. знания, его движение от старого к новому по законам «отрицания отрицания», преемственности, развития мысли по спирали. Изложение строится от экспликации в тексте проблемной ситуации, далее — проблемы, идеи, гипотезы — к доказательству (аргументации) и выводу (закону). Кроме того, науч. текст может фиксировать и интуитивные решения проблемы. Словесное воплощение названных этапов, выражаемое специализированными языковыми и текстовыми средствами (см. *коммуникативный блок*), сопровождается различными модальными значениями и актуализацией определенных текстовых категорий (см. *функциональная семантико-стилистическая категория*). Если, например, описание проблемной ситуации связано с выражением удивления и сомнения, идеи — эмоцией радости, гипотезы — модальным значением возможности, то вывод (закон) формулируется в тональности уверенности, определенности и даже категоричности.

Специфичным способом развертывания науч. текста, также определяющим своеобразие его К., являются *развернутые вариативные повторы*, или *РВП* (см.), когда вначале кратко сформулированный тезис (обычно центральный в концепции автора) затем многократно повторяется, семантически углубляясь и развиваясь (*Н.В. Данилевская*). РВП в науч. тексте оказываются своеобразным композиционным стержнем, обеспечивающим структурную упорядоченность и смысловую прогрессию произведения.

Композиция оф.-дел. текстов унифицирована и подчинена комплексу государственных стандартов, устанавливающих общие требования к содержанию и форме документов, используемых на всех уровнях управления. Форма документа определяется его назначением, типом, а также конкретным содержанием. К элементам содержания документа относятся распоряжения, обращения, мотивировки, выводы, цифровые перечни, схемы и т.д., к элементам оформления — реквизиты (наименования, адреса, даты, регистрационные номера и т.д.). Служебный документ, как правило, составляется в строгом соответствии с типовым формуляром, принятым для документов данной разновидности. Так, приказ содержит перечисление предписываемых действий с указанием исполнителя каждого действия, мероприятий, которые могут быть необходимы для его исполнения, и сроков исполнения. Текст приказа состоит из двух частей: констатирующей и распорядительной. В констатирующей части излагаются цели и задачи предписываемых действий и причины издания приказа. Распорядительная часть содержит изложение конкретных предписываемых действий и указание исполнителей.

Композиционная стройность документа определяется не только последовательностью изложения содержания и расположением материала. Во многом она зависит от характера и объема сведений, включаемых в документ. В любом случае текст документа должен быть компактным, по возможности кратким и не должен содержать тематически разнородных, логически не связанных между собой сведений.

Внешним выражением композиционной структуры дел. текста является рубрикация — графически выраженное членение текста на составные части. Простейшей рубрикой выступает абзац, который является внутренне замкнутой смысловой единицей и служит показателем перехода от одной темы (мысли) к другой. Абзацное членение текста нередко сочетается с нумерацией, заголовками и подзаголовками.

Стандартизация композиционной структуры дел. текстов, обусловленная спецификой коммуникации в оф.-дел. сфере, значительно упрощает работу с документацией. Напротив, нарушение требований, предъявляемых к документу типовым формуляром, существенно осложняет работу и затрудняет использование документа.

Композиционное членение разг. диалога основывается на выделении в нем тематических фрагментов (*Т.В. Матвеева*), минимальных диалогических единств (*А.Н. Баранов, Е.Г. Крейдлин*), интенционально-тематических фрагментов (*И.Н. Борисова*) — локальных содержательных единиц, характеризующихся тематической и смысловой целостностью, тема-рематической организацией, коммуникативным и структурным единством. Объединение данных компонентов в целое обеспечивается ассоциативными, логическими, эмоциональными связями, заданным сценарием коммуникативного события или коммуникативной стратегией участников речевого взаимодействия (*И.Н. Борисова*).

Композиционная организация нехудож. текстов различных речевых разновидностей и жанров требует дальнейшего изучения.

Лит.: Виноградов В.В. О языке художественной литературы. — М., 1959; Кожинов В. Сюжет, фабула, композиция // Теория литературы. Т. 2. — М., 1964; Лотман Ю.М. Структура художественного текста. — М., 1970; Успенский Б.А. Поэтика композиции: Структура художественного текста и типология композиционной формы. — М., 1979; Одинцов В.В. Стилистика текста. — М., 1980; Рахманин Л.В. Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов. — М., 1982; Текст и его компоненты как объект комплексного анализа. — Л., 1986; Бабайлова А.Э. Текст как продукт, средство и объект коммуникации при обучении неродному языку. — Саратов, 1987; Кухаренко В.А. Интерпретация текста. — М., 1988; Лапп Л.М. Интерпретация научного текста в аспекте фактора «субъект речи». — Иркутск, 1993; Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика. — Ростов н/Д., 1994; Данилевская Н.В. Вариативные повторы как средство развертывания научного текста // Очерки истории науч. стиля рус. лит. языка. Т. II. Ч. 1. Стилистика научного текста (общие параметры). — Пермь, 1996; Баженова Е.А. Научный текст в аспекте политекстуальности. — Пермь, 2001; Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. — Екатеринбург, 2001.

Е.А. Баженова

КОНСТАТАЦИЯ — *функционально-смысловой тип речи* (см.), который реализует типовое коммуникативное задание удостоверения того или иного факта действительности вплоть до установления этого факта в статусе закона. К. формирует, как правило, вторичную, т.е. уже переработанную первичную информацию и имеет широкое распространение в текстах оф.-дел. стиля. Само название К. говорит о характере составляющих ее элементов — это сообщение в форме предложений, содержащих констатации, утверждения. Напр.: *«Российская Федерация и Республика Казахстан, именуемые в дальнейшем Высокими Договаривающимися Сторонами, опираясь на исторически сложившиеся прочные связи двух государств, традиции доброго общения... подтверждая свою приверженность нормам международного права... договорились о нижеследующем»* (из договора); *«При приемке товара по счету от 5 мая 1990 г. за № 810 удостоверена недостача товара, что и удостоверено прилагаемым актом от 6 мая 1990 г. за № 945... а также актом вскрытия контейнера упаковочных мест»* (из претензии); *«Настоящее Свидетельство выдано в соответствии с положениями части первой Налогового кодекса Российской Федерации и подтверждает постановку физического лица на учет 20.03.1997 в ГНИ»* (из свидетельства).

В К. синтезированы два вида логической связи: пространственное соположение и временна́я последовательность. Констатирующий характер высказывания, отсутствие в нем динамики, ярко выраженная законченность мысли ослабляет временну́ю последовательность в пользу соположенности в передаче фактов. То, что события подаются в результативном аспекте, как факты, позволяет квалифицировать тип дел. речи с внешними признаками повествования как К. В К. ощущается не столько последовательно-временно́й характер связи, сколько последо-

вательно-перечислительный. При перечислительной связи логическая спаянность текста часто не находит языкового выражения в виде союзов, союзных слов или местоименных наречий, в результате чего повышается коммуникативная нагрузка каждого предложения, границы предложений четко очерчены. Напр.: *«Слушали: доклад аспиранта о содержании диссертационной работы После выступления было задано 12 вопросов. На все вопросы аспирантом были даны убедительные ответы. Выступили»* (из протокола).

Для К. типично функционирование глагольных форм прош. времени в значении т. н. прошедшего подчеркнутой констатации; напр.: *«Мы, нижеподписавшиеся, осмотрели, обмерили сличили чертежи и приняли одноквартирный щитовой дом»* (из акта). Глаголы сов. вида употребляются в текстах конкретного содержания (акт, заключение, протокол собрания и т.п.). Глаголы же несов. вида как более отвлеченные по значению преобладают в жанрах дел. речи более общего характера (Конституция, кодекс, устав и др.); напр.: *«Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием»* (из Конституции).

Не только традиционные представляющие типы речи (повествование и описание) преобразуются, реализуя коммуникативные задачи дел. текстов, в специфические для данного стиля типы (констатацию и *предписание* — см.), но и рассуждение обычно приобретает здесь констатирующий характер. Так, в некоторых жанрах (уставах, инструкциях, договорах и др.) активны условные конструкции, однако большое их количество не свидетельствует о широком использовании в оф.-дел. речи рассуждения. Структура рассуждения служит тому, чтобы зафиксировать условия, из которых вытекает необходимость определенных действий, напр.: *«Если предложение о пересмотре глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации будет поддержано тремя пятыми голосов от общего числа членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы, то в соответствии с федеральным конституционным законом созывается Конституционное Собрание»* (из Конституции); *«Если состояние возвращаемого имущества после окончания договора хуже предусмотренного договором, арендатор возмещает арендодателю причиненный ущерб, исходя из оценки имущества на момент заключения договора»* (из договора). Рассуждения такого рода (близкие по функции к К.) известны со времен «Русской правды» — свода законов XI в., т.е. являются приметой дел. текста начиная с древнерус. периода в истории языка.

В древнейших дел. документах использовался констатирующий тип речи и в «чистом» виде — в исторически исходном значении слова «констатация», с соответствующими этому типу речи стилевыми особенностями. Напр., в тексте договора русских с греками (X в.) специально (с помощью перформатива *«утверждаю»*) подчеркивается констатируемое договором утверждение дружественного отношения договариваю-

щихся сторон (*«Азъ Святославъ, князь Руськый утверждаю на свещании сем роту свою, и хочю имети мир с цесаремъ Грьчькымъ; Мы отъ рода Руськаго съли и гостие посълани отъ Игоря обновити ветъхыи миръ и утвьрдити любъвь межю Грькы и Русию»*).

Лит.: Брандес М.П. Стилистика немецкого языка. — М., 1983; Кожина М.Н., Кыркунова Л.Г. О связи функционально-смысловых типов речи со спецификой функц. стилей // Слово в различных сферах речи. — Волгоград, 1988; Кожина М.Н. Стилистика рус. языка. — 3-е изд. — М., 1993; Кыркунова Л.Г. Смысловая структура оф.-дел. текстов соотносительно с жанром (на материале актов) // Разновидности текста в функционально-стилевом аспекте. — Пермь, 1994.

Т.Б. Трошева

КОНСТРУКТИВНЫЙ ПРИЕМ — вид семантических отношений между основными смысловыми элементами логического единства, выступающий как средство стилистической выразительности и соответствующий определенной структурно-смысловой целостности дискурса. Конструктивные приемы, так же как риторические фигуры (представляющие собой стилистически значимые единицы функционально направленной речи — гиперболу, мейозис, метафору, оксюморон, сравнение и проч.), относятся к средствам выразительной речи, с той лишь разницей, что (в отличие от них) отражают структурные схемы, лежащие в основе стилистических приемов. Поэтому К. п. не следует отождествлять с риторическими фигурами. К. п. — это не языковые, а стилистические средства выразительности, они обеспечивают структурную целостность и в масштабах целого произведения, и в масштабах отдельных речевых единиц, составляющих целый текст, — логических единств.

К.п. вычленяется в рамках логического единства (ЛЕ) — структурной единицы речи (мышления), представляющей собой тесное объединение нескольких суждений; в ЛЕ мысль совершает относительно полное развитие по сравнению с отдельным суждением. В.В. Одинцов выделяет следующие ЛЕ: 1) определение; 2) умозаключение; 3) характеристику; 4) сообщение; 5) объяснение; 6) рассуждение; 7) описание; 8) повествование. Каждое из указанных ЛЕ характеризуется определенной композиционной структурой, которая создается за счет конкретных семантических отношений, входящих в нее центральных (главных) понятий высказывания. Иначе говоря, композиционная структура ЛЕ реализуется элементами, относящимися к смысловому центру высказывания.

В высказывании может быть как минимум два смысловых элемента (два понятия), которые образуют либо *последовательность* (цепь), либо располагаются *параллельно*, образуя так называемый охват. Последовательный, или цепной, тип соединения характеризуется тем, что высказывания следуют одно за другим, как бы сцепляются друг с другом, создавая эффект перечисления мыслей, их соединения, нанизывания и т.п. При параллельной связи предложения не сцепляются одно с другим, а сопоставляются или противопоставляются в зависимости от конкрет-

ного лексического наполнения. При этом семантический параллелизм конструкций создается однотипностью (параллельностью) их главных членов, а также лексическими повторами.

Последовательность и параллельность лежат в основе структурных характеристик логических единств, причем первые четыре из указанных разновидностей ЛЕ характеризуются последовательной связью смысловых элементов, тогда как вторые четыре разновидности могут характеризоваться как последовательной, так и параллельной структурной организацией. Однако если в высказывании содержится более двух смысловых элементов, его структура усложняется и возможна комбинация типов смысловых отношений. Важно, что разновидность К. п., лежащего в основе ЛЕ, определяется спецификой соединения и взаимодействия всех смысловых элементов высказывания.

Для последовательного развертывания смыслового единства выделяются следующие разновидности К. п.:

1) простое перечисление — перечисляются, следуют друг за другом относительно самостоятельные смысловые единицы: *Раннее утро. Уныло стоят трамваи. Нет тока. Темно...; Экспрессивная стилистика имеет дело с особыми текстами: во-первых, эти тексты целостны; во-вторых, они насыщены новыми образными представлениями; в-третьих, они должны обладать особой силой воздействия*;

2) прием последовательного добавления, когда перечисляются разные стороны, признаки, особенности одного понятия, которое объясняется в данной последовательности, напр.: *Внесенный на заранее установленный срок — не менее шести месяцев — вклад считается срочным. Этот срок не является предельным, вклад остается срочным и после истечения шести месяцев. Срочный вклад из сберкассы может быть получен только полностью. По срочным вкладам выплачивается три процента годовых* (*Одинцов,* 1982, с. 203);

3) прием аккумуляции, т.е. нагнетания, нагромождения, внешне как будто случайного, бессистемного перечисления фактов, оценок, свойств объекта: *Вадим стал застегивать и расстегивать «молнию» на куртке. Тон незнакомца его покоробил: это был не тот тон, к которому Вадим привык. И тем не менее положение было тяжелое. Человеку, который едет развлекаться, трудно спорить с человеком, которому нужно ехать по делу* (Стругацкие);

4) логическое следование. По сути это простое перечисление фактов, событий, понятий, но осложненное нарочитым авторским подчеркиванием самого следования друг за другом представляемых фактов, т.е. речь идет о перечислении, снабженном логическим выделением связующих элементов. Логические связи в этом случае представлены зримо (эксплицитно), они лингвистически актуализированы в рамках ЛЕ. Наиболее ярко логическое следование выступает в силлогистическом построении речевой единицы, напр.: *Если человек много работает над собой, он добивается поставленной цели. Но достигнутая цель обычно оказывается началом нового этапа духовного труда. Иначе говоря, вся наша жизнь — это постоянная работа над собой.*

Логическое следование может также актуализироваться посредством градации (приема, а не фигуры!). Так построена, напр., известная зарубежная «рекламная мудрость»: *Половина людей не читает рекламы. Половина из тех, кто ее читает, не обратит внимание на ваше объявление. Половина из тех, кто его заметит, не станет его читать. Половина из тех, кто его прочтет, не придаст ему значения. Половина из тех, кто придаст ему значение, не поверит объявлению. Наконец, половина из тех, кто поверит, не может считаться вашими покупателями — им ваши товары не нужны!* (*Одинцов,* 1982, с. 204);

5) вопросно-ответный ход — один из очень эффективных приемов построения ЛЕ. Данный прием имеет ряд разновидностей в зависимости от характера отношений смысловых элементов. Он наиболее типичен для публицистики, а также как экспрессивный прием используется в разгов., худож. и науч., особенно научно-популярной, речи. Напр., цитата из размышлений Гельвеция: *Почему требуется разнообразие, неожиданность в оборотах речи? Потому что однообразные обороты притупляют внимание, а когда внимание притуплено, идеи и образы выступают перед нашим умом менее ясно и производят на нас слабое впечатление*;

6) прием динамического перечисления, который стоит на границе простого перечисления и логического следования (1-я и 4-я разновидности). Прием конструируется за счет быстрой смены коротких, как правило, однотипных синтаксических конструкций при опоре на лексические повторы, обеспечивающие актуализацию логических связей предложений: *С каждым годом растет количество абитуриентов. Чем больше абитуриентов, тем выше конкурс. Высокий конкурс поднимает цену знаниям. В этих условиях сложнее становится поступить в вуз тем, кто в школе не ценил слово учителя. Отсюда — все более назревающая необходимость школьной реформы* (газ.).

При параллельной связи предложений используется, как указывалось, ряд приемов, в основе которых лежит то или иное сопоставление понятий; параллелизм часто связан как с лексико-семантическим, так и синтаксическим повтором. Для параллельного развертывания смыслового единства выделяются следующие К. п.:

1) прием параллелизма — один из самых распространенных приемов, который характеризуется яркой структурной и лексической соотнесенностью элементов строфы: параллелизм ключевых предложений проявляется в параллелизме их главных членов, причем каждое из ключевых предложений начинается (или заканчивается), как правило, одними и теми же грамматическими членами, напр. подлежащими, выражающимися синонимичными словами. Впрочем, бывает достаточно и того, чтобы синонимичные слова относились к одному семантическому полю или одному классу понятий. Помимо этого смысловое единство строфы поддерживается лексико-синтаксическими повторами, являющимися главным структурным признаком при создании синтаксического параллелизма. Таким образом, синтаксическая и лексическая однотипность и создает параллелизм ключевых предложений: *Предвидящий опира-*

ется на факты, на точное знание и, горька она или отрадна, ищет объективную истину. Гадатель боится фактов, чужд знанию, он фантазирует, прикрывая свое невежество ссылками на свидетельства карточных королей и дам, линий руки, звезд... Пророки предпочитают обходиться без знаний, без фактов и даже без декораций и полезных атрибутов — они просто выдают чаемое за сущее... (Н. Грибачев). Прием параллелизма типичен для устной и письменной публицистики, для текстов массовой коммуникации;

2) разделение. В основе этого приема лежит логическая операция деления понятия. Прием разделения особенно характерен для научных и деловых текстов, где логическая основа (само разделение) часто выражена специально, обнажена, напр.: *Наша пресса сегодня весьма неоднородна. Одна ее часть стоит на службе у интересов правящей элиты. Другая часть защищает чаяния демократической и интеллигентской прослойки общества. Третья же отстаивает интересы только коммунистов. Есть еще одна разновидность – пресса бульварная, «настроенная на волну» потакания низменным страстям и прихотям* (газ.).

В научно-популярных или публицистических текстах, напротив, логическое разделение понятий скрыто, замаскировано, т.е. специально не подчеркивается. В этих случаях обычно отсутствует лексико-синтаксический повтор, а отсюда и лексико-семантические показатели связи ключевых предложений. Поэтому особое значение здесь приобретает логико-смысловая соотнесенность предложений ЛЕ;

3) охват, или прием рамки. Данный прием основан на параллелизме, лексико-синтаксической однотипности конструкций начала и конца ЛЕ, при этом рамочная конструкция может быть и специальным средством оформления абзаца и общим композиционным приемом. Напр., статья под заголовком «Секреты шведского социализма» заканчивается предложением *У них были свои ошибки, они постарались их исправить и никогда больше не повторять — в этом, по-моему, и заключается главный секрет шведского социализма* (газ.). Рамочное оформление возможно и в соединении с другими приемами, особенно с вопросно-ответным ходом;

4) прием контраста основан на противопоставлении двух явлений, фактов, событий и т.п. Он чрезвычайно характерен для публицистики и текстов массовой коммуникации. Контраст может быть нерасчлененным и расчлененным. Нерасчлененный контраст характеризуется простым противопоставлением двух субстанций, напр.: *В годы мира газета — это часть жизни, ее подробность; газету читают вечером, она поучает и развлекает. В годы войны газета — личное письмо, от которого зависит судьба каждого* (И. Эренбург); при расчлененном контрасте последовательно противопоставляются отдельные признаки, черты, особенности каждого из двух противопоставляемых явлений, фактов, событий. При этом многократные повторы и сопоставления делают высказывание, оформленное по типу расчлененного контраста, экспрессивным. Приведем пример использования при-

ема расчлененного контраста из одной речи В. Володарского об использовании буржуазных специалистов: *И сейчас мы их берем не так, как брали их наши противники, — они их брали в качестве господ, а мы берем их в качестве слуг. Они давали им привилегии, а мы ничего не даем. Они брали их в качестве повелителей судеб русской армии, а мы берем их в качестве техников...* (*Одинцов,* 1982, с. 208);

5) концессия — прием, основанный на логике «возврата аргумента»: говорящий как бы соглашается со своим оппонентом, принимает его доводы, но затем неожиданно наносит удар этим же аргументом, превращая последний в контраргумент. При этом сила удара зависит от семантической и структурной продуманности высказывания, где в начале обязателен элемент подчеркнутого согласия: *Нам говорят, что эта жестокая, братоубийственная, кровавая война была развязана президентом без разрешения парламента. Да, действительно, парламент на это добра не давал. Иное дело, если бы жестокая, братоубийственная и кровавая война была развязана с разрешения парламента! Тогда бы она мигом превратилась в благородную, справедливую и бескровную* (газ.);

6) напряжение (или утрирование) — прием группировки в нарастающей последовательности (по степени их значимости для говорящего) однотипных фактов, положений, доводов, с тем чтобы далее резко противопоставить им факт или положение совершенно иного рода, совершенно иной значимости. Напряжение как конструктивный прием речи особенно употребителен в публицистике и в языке худож. литературы, напр.: *Да, Обломов добр, отзывчив, незлобив, незаносчив. Он больше демократичен, чем деспотичен, несмотря на то что потомственный барин (вспомним хотя бы их отношения с Захаром, которые больше напоминают отношения компаньонов, старшего и младшего, чем отношения барина и слуги). Да, Обломов — привлекательная личность, ведь он не способен совершить преступление или унизить, оскорбить, предать кого-либо. Но он ленив! Ленив не просто физически, но и духовно! И это одно перечеркивает все его достоинства* (из критической статьи);

7) прием дилеммы, когда логические единства, построенные по типу напряжения, организуют альтернативное противопоставление. Указывая на возможность выбора одного из двух положений (*или... или...*), говорящий защищает что-то одно и соответственно приводит противопоставление.

Т. о., последовательные (цепные) и параллельные связи между элементами высказывания реализуются рядом основных конструктивных приемов и их разновидностей, а сама структура ЛЕ оказывается более или менее усложненной и выразительной. (См. также *Риторический прием.*)

Лит.: Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики. — Горький, 1975; Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. — М., 1980; Одинцов В.В. Стилистика текста. — М., 1980; Кожин А.Н., Крылова О.А., Одинцов В.В. Функциональные типы русской речи. — М., 1982; Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика. — М., 1991.

Н.В. Данилевская

КОНСТРУКТИВНЫЙ ПРИНЦИП ФУНКЦИОНАЛЬНОГО СТИЛЯ (доминанта функц. стиля) — свойственный тому или другому функц. стилю ведущий принцип отбора языковых средств и их текстовой организации, обусловленный базовыми *экстралингвистическими стилеобразующими факторами* (см.) и тем самым создающий специфику функц. стиля. К. п. определяет и характерные для данного функц. стиля основные стилевые черты. К. п. может быть простым («одномерным») и сложным, объединяющим два и более взаимосвязанных способа отбора и сочетания языковых средств как двуединство, и отсюда — ряд основных *стилевых черт* (см.). Так, К. п. науч. стиля, формирующий его специфику, представляет собою единство отвлеченно-обобщенности и подчеркнутой логичности (как текстовую реализацию процесса познания и доказательства истины посредством понятийно-логической формы мышления). К. п. газетно-публиц. стиля, по В.Г. Костомарову, — это соединение экспрессии и стандарта как выражение двух основных функций газетной публицистики: информативной и воздействующей, осложненных условиями создания газетных текстов. К. п. оф.-дел. стиля — регулятивный, поскольку основная функция права — регулирование правовых отношений в обществе (государстве) на основе выражения воли государства (государственных институтов, народа). Отсюда (более приближенно к лингвистической терминологии) его можно назвать предписующе-долженствующим в сочетании с точностью, не допускающей инотолкования. К. п. худож. функц. стиля — реализация эстетической функции посредством *худож.-образной речевой конкретизации* (см.), т.е. принцип отбора и организации языковых средств, обусловленный образным мышлением, текстовое воплощение и передача идейного содержания и интенций автора худож. произведения через «слово-образ» («перевод» — в контексте — слова-понятия в слово-образ в широком смысле).

Понятие К. п. (и сам термин) введено в научный обиход функц. стилистики В.Г. Костомаровым в конце 60-х—нач. 70-х гг. (на основе определения понятия «стиль» В.В. Виноградовым и ряда исследований по функц. стилистике того времени).

Лит.: Кожина М.Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики. — Пермь, 1966; Ее же: Стилистика русского языка. — 3-е изд. — М., 1993; Костомаров В.Г. Тезисы возможной концепции функциональных стилей // Из опыта преподавания русского языка нерусским. Вып. 5. — М., 1970; Его же: Русский язык на газетной полосе. — М., 1971; Митрофанова О.Д. Язык научно-технической литературы. — М., 1973; Лариохина Н.М. Вопросы синтаксиса научного стиля речи. — М., 1979; Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка / Под ред. О. Б. Сиротининой. Лексика. — Саратов, 1983; Грамматика. — Саратов,1992; Матвеева Т.В. К изучению функциональной стилистики в средней школе // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Вып. 5. — Красноярск; Ачинск, 1997.

М.Н. Кожина

КОНТИНУАЛЬНОСТЬ ТЕКСТА — в лингвистике текста грамматическая категория, связанная с понятиями времени и пространства; определенная последовательность фактов, событий, развертывающихся во времени и пространстве, причем развертывание событий осуществляется не одинаково в разных типах текстов. В худож. тексте континуум как текстовая категория, проявляющаяся в разных формах течения времени, пространства, событий, представляет собой особое худож. осмысление категорий времени и пространства объективной действительности, условную хронологическую последовательность событий, вступающую в противоречие с реальным течением времени; поскольку континуум худож. текста обычно основан на нарушении реальной последовательности событий, он предоставляет читателю возможность творчески воспринимать текст: домысливать некоторые факты, устанавливать причинно-следственные и определительные отношения между «разорванными» действиями и связывать их между собой, восстанавливая их непрерывность. Временная и пространственная континуальность текста (по И.Р. Гальперину, континуум) вызывает у читателя ощущение движения. Континуум в худож. произведении непрерывен и дискретен; когда он непрерывен, то передает действие, деятельность; когда он дискретен, то выражает состояние или качество. Читатель воспринимает время и движение независимо от того, представлены они в непрерывном или дискретном виде.

Лит.: Сапаров М.А. Об организации пространственно-временно́го континуума художественного произведения // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. — Л., 1974; Чернухина И.Я. Очерк стилистики художественного прозаического текста: факторы текстообразования. — Воронеж, 1977; Тураева З.Я. Категория времени. Время грамматическое и время художественное. — М., 1979; Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М., 1981; Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. — Свердловск, 1990.

М.П. Котюрова

КОНЦЕПТ — один из наиболее популярных и наименее однозначно дефинируемых терминов совр. лингвистики. Он связан прежде всего с антропоцентрической парадигмой языкознания и когнитивно-прагматической методологией и используется наряду с такими ключевыми понятиями, как «дискурс», «картина мира» и др., для репрезентации мировоззренческих, интеллектуальных и эмоциональных интенций личности, отраженных в ее творениях — текстах.

Само понятие К. сформировалось в отечественной лингвистике в последнее десятилетие. В «Философ. энцикл. словаре» (1983) определение К. предельно кратко: «(от лат. *conceptus*) — содержание понятия»; в «Лингв. энцикл. словаре» (1990) этот термин не приводится. Первоначально термин появился при переводе работ иноязычных авторов как синоним понятия «сигнификат». Одной из первых лингвистическое содержание К. определила А. Вежбицка: «Это объект из мира «Идеальное», имеющий

имя и отражающий определенные культурно обусловленные представления человека о мире «Действительность»» (цит. по: *Фрумкина Р.М.,* 1992). Однако в настоящее время в языковедении с термином «К.» связывают «весьма различающиеся теоретические построения, что в значительной мере осложняет взаимопонимание между авторами тех или иных публикаций» (*Залевская А.А.,* 2001, с. 31).

В когнитологии под К. понимается «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (lingua mentalis), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» («Краткий словарь когнитивных терминов», 1996, с. 90). Некоторые ученые полагают, что часть концептуальной информации имеет языковую «привязку», т.е. способы их языкового выражения, но часть этой информации представляется в психике принципиально иным образом, т.е. ментальными репрезентациями другого типа — образами, картинками, схемами и т.п. Как интерпретаторы смыслов К. постоянно уточняются и модифицируются. «Так как люди постоянно познают новые вещи в этом мире и поскольку мир постоянно меняется, человеческое знание должно иметь форму, быстро приспосабливаемую к этим изменениям» (*Барсалоу Л.В.* Цит. по: «Краткий словарь...», с. 91).

Термин и понятие К. широко используются и при описании языковой семантики. Нередко значения языковых выражений приравниваются к соответствующим К. Однако такое истолкование соотношения К. и значения не является единственно возможным. «К. — это скорее посредники между словами и экстралингвистической действительностью» («Краткий словарь...», с. 92). Как перспективное оценивается то направление в семантике, которое придерживается идеи о противопоставленности концептуального уровня семантическому (языковому), поскольку общечеловеческие (если и не универсальные) К. по-разному группируются и по-разному вербализуются в разных языках в тесной зависимости от собственно лингвистических, прагматических и культурологических факторов, а следовательно, фиксируются в разных значениях (Там же, с. 92—93).

В лингвокультурологии К. мыслится как «культурно-ментально-языковое» образование, своего рода «сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека тот «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, который сопровождает слово» (*Степанов Ю.С.*, 2001). В отличие от многих исследователей, Ю.С. Степанов считает К. и понятие различными сущностями, ср.: «В отличие от понятий концепты не только мыслятся, они переживаются. Они — предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений» (Там же). По мнению этого исследователя, в структуру К., с одной стороны, входит все, что имеет отношение и к строению понятия; с другой стороны, к структуре концепта относится все то, что делает его фактом культуры: исходная форма, сжатая до основных признаков содержания история, современные ассоциации, оценки и т.д. По В.В. Колесову, К. предстает в своих содержательных формах как образ, как понятие и как символ; И.А. Стернин рассматривает К. как комплексный мыслительный образ, являющийся операционной единицей мыш-

ления и вербализуемый в процессе коммуникации теми или иными речевыми средствами (см. лит.).

Тот факт, что слово и так называемый «культурный концепт» материализуются обычно в одном и том же звуковом / буквенном комплексе, обусловливает необходимость различения внутреннего содержания слова, с одной стороны, и концепта, с другой, а также специфики семантического и концепторного анализа. Концепторный анализ, обнаруживая точки соприкосновения с семантическим, отличен от него прежде всего по конечным целям и анализируемому материалу. Семантический анализ (СА) «направлен на экспликацию семантической структуры слова, уточнение реализующих ее денотативных, сигнификативных и коннотативных значений» (*Кубрякова Е.С.,* 1991). Концепторный анализ (КА) предстает как поиск того общего, что подведено под один знак и предопределяет бытие знака как когнитивного образования. СА связан с разъяснением слова, КА движется к знаниям о мире. Материалом для СА служат реализующие слово речевые контексты. Источниками сведений для постижения К. являются «тексты культуры», в частности, прецедентные тексты, художественные дефиниции (типа *Вся наша жизнь — игра; Мир — театр, и люди в нем актеры; Слово есть Бог, и Бог есть слово* и т.п.), концепции, выработанные в том или ином произведении духовной культуры, например, концепция войны у Л. Толстого, концепция игры у Г. Гессе, концепция рока в древнегреческой трагедии и т.д. (см.: *Грузберг Л.А.,* 2001).

Говоря о внутреннем содержании слова, языковед имеет в виду его семантику. Внутреннее содержание К. — это своего рода совокупность смыслов, организация которых существенно отличается от структуризации сем и лексико-семантических вариантов слова. Соотношение семантики слова и совокупности смыслов одноименного К. многопланово, а иногда и парадоксально. Так, в концепте *игра* отсутствуют смыслы ‘безделье’, ‘несерьезное времяпрепровождение’. В то же время весьма актуальными оказываются смыслы субстанционального характера, а именно осмысление игры в качестве олицетворения высокоинтеллектуальной деятельности и/или аналога сознательной деятельности как таковой. Для многих культурных концептов характерна антиномичность — диалектичное совмещение, гармония противоположностей. В концепте *слово*, например, отчетливо уловимы такие составляющие, как ‘всесильность — бессилие’, ‘вечность — мимолетность’, ‘спасительность — губительность’. В концепте *смерть* отразилось представление о ней как о явлении угрожающе-ужасном и в то же время житейски-философски-спокойное отношение к неизбежности ее, характерное для народного сознания.

К осознанию К. как текстовой категории наиболее близка современная психолингвистика, то ее крыло, которое осуществляет интегративный подход к анализу языковых явлений, предполагающий выход за рамки лингвистики и учет особенностей функционирования языка как одного из компонентов сложного ансамбля психических процессов, без взаимодействия которых пользование языком (в том числе понимание текста) невозможно. Именно такой подход к анализу К.

осуществлен в исследовании А.А. Залевской «Текст и его понимание» (2001). Опираясь на труды по психологии, нейролингвистике, физиологии высшей нервной деятельности, антропологии, патопсихологии (*И.М. Сеченова, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурии, К. Харди, А. Дамазио, Ф.Е. Василюка и др.*), А.А. Залевская разрабатывает теорию К. как достояния человека. Важнейшим для этой теории является разграничение концепта как достояния индивида, концепта как инварианта, функционирующего в определенном социуме или — шире — культуре, и конструкта как продукта науч. описания. К. как достояние личности — это «спонтанно функционирующее в познавательной и коммуникативной деятельности индивида базовое перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера, подчиняющееся закономерностям психической жизни человека» (*Залевская А.А.,* 2001, с. 90).

В целом утверждение в лингвистике понятия К. обозначило новую ступень в постижении способов, закономерностей и особенностей взаимодействия языка, сознания и культуры, а следовательно, выявило и новые аспекты взаимодействия лингвистики, когнитологии, культурологии, психологии, философии; расширило рамки содержательного анализа языковых явлений и придало значительно большую глубину и эффективность семантическим исследованиям.

Лит.: Концептуализация и смысл. — Новосибирск, 1990; Логический анализ языка: Культурные концепты. — М., 1991; Кубрякова Е.С., Об одном фрагменте концептуального анализа слова ПАМЯТЬ // Логический анализ языка: Культурные концепты. — М., 1991; Соломоник А. Язык и знаковая система. — М., 1992; Фрумкина Р.М. Концепт, категория, прототип // Лингвистическая и экстралингвистическая семантика. — М., 1992; Василюк Ф.Е. Структура образа. — Вопросы психологии. — 1993. — № 5; Лукин В.А. Концепт истины и слово истина в русском языке (опыт концептуального анализа рационального и иррационального в языке). — ВЯ. — 1993. — № 4; Колесов В.В. Ментальная характеристика слова в лексикологических трудах В.В. Виноградова. — Вестник Моск. ун-та. Серия «Филология». — 1995. — № 3; Кубрякова Е.С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. — М., 1996; Руднев В.П. Словарь культуры XX в.: Ключевые понятия и тексты. — М., 1997; Бабушкин А.П. Типы языковых концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Воронеж, 1998; Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? — М., 1998; Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. — Воронеж, 1999; Сазонова Т.Ю. Различные подходы к проблеме концепта // Слово и текст в психолингвистическом аспекте. — Тверь, 2000; Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. — М., 2000; Грузберг Л.А. Концепт как культурно-ментально-языковое образование // Изменяющийся языковой мир. — Пермь, 2001; Залевская А.А. Текст и его понимание. — Тверь, 2001; Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования. — М., 2001; Wierzbicka A. Semantics, culture and cognition. Universal human concepts in culture-specific configurations. — N.Y.; Oxford, 1992; Hardy C. Networks of meaning. A bridge between mind and matter. — Wesport, Connecticut; London: Praeger, 1998.

Л.А. Грузберг

КОСВЕННАЯ РЕЧЬ — это чужая речь, воспроизводимая не от лица говорящего и введенная автором повествования в форме изъяснительной придаточной части сложноподчиненного предложения. Напр.: *Так он без всякого стеснения объясняет Бунину,* ***что не считает его поэтом и что Гумилев и все аполлоновцы возмущались, когда такая высококвалифицированная типография, как «Голике», отпечатала его «Листопад»*** (И. Одоевцева).

В К. р. личные формы глаголов и местоимений употребляются от лица повествователя. Синтаксическим центром, организующим всю конструкцию с К. р., являются вводящие слова автора — это главная часть сложноподчиненного предложения.

Особенно часто К. р. используется в газетных жанрах. Как правило, это клишированные конструкции с набором вводящих слов: ***заявил, что***; ***сообщают, что***; ***передали, что***; ***пишут, что***. Напр.: *Вчера лидер этой партии* ***заявил, что*** *принято решение выставить своего кандидата на выборах* (Из газет).

В таких предложениях-конструкциях отсутствуют элементы экспрессивности, присущие прямой речи: обращения, междометия, некоторые частицы, повелительная форма глагола, просторечные, диалектные, жаргонные слова и проч. Поэтому в ряде случаев прямую речь нельзя преобразовать в косвенную, не изменив существенно ее содержания. Напр.: *Хотя почтмейстер был очень речист, но и тот, взявши в руки карты, тотчас же выразил на лице своем мыслящую физиономию <...>. Выходя с фигуры, он ударял по столу крепко рукою, приговаривая, если была дама:* ***«Пошла, старая попадья!»****, если же король:* ***«Пошел, тамбовский мужик!»*** *А председатель приговаривал:* ***«А я его по усам! А я ее по усам!»*** *Иногда при ударе карт по столу вырывались выражения:* ***«А! была не была, не с чего, так с бубен!»*** *Или же просто восклицания:* ***«черви! червоточина! пикенция!»*** *или:* ***«пикендрас! пичурущих! пичура!»*** *и даже просто:* ***«пичук»*** *— названия, которыми перекрестили они масти в своем обществе»* (Н. Гоголь).

К. р. очень удобна для краткого пересказа обширных высказываний. При этом она может быть предельно обобщенной, но может и включать фрагменты дословного высказывания.

Языковой смысл К. р., по мнению М. Бахтина, заключается «в аналитической передаче чужой речи. Одновременный с передачей и неотделимый от нее анализ чужого высказывания есть обязательный признак всякой модификации косвенной речи. Различными могут быть лишь степени и направления анализа».

М. Бахтин выделяет две основные модификации К. р. — предметно-аналитическую и словесно-аналитическую. В первом случае чужое высказывание воспринимается «как определенная смысловая позиция говорящего, и в этом случае с помощью косвенной конструкции аналитически передается его точный предметный состав (что сказал говорящий). <...> Это достигается лишь ценой известного обезличивания передаваемой речи». Предметно-аналитическая модификация косвенной речи, с точки зрения М. Бахтина, слабо развита в рус. языке. Зато распространена другая — словесно-аналитическая, при которой чужое высказыва-

ние передается «как выражение, характеризующее не только предмет речи (или даже не столько предмет речи), но и самого говорящего: его речевую манеру, <...> его душевное состояние, выраженное не в содержании, а в формах речи (напр., прерывистость, расстановка слов, экспрессивная интонация и пр.), его умение или неумение хорошо выражаться и т.п.».

При помощи К. р. можно передать чужую речь лишь с той или иной степенью точности, что может создать у слушающего (читающего) впечатление вольной или невольной интерпретации высказывания.

Лит.: Кодухов В.И. Прямая и косвенная речь. — Л., 1957; Милых М.К. Конструкции с косвенной речью в современном русском языке. — Ростов н/Д., 1975; Труфанова И.В. Способы передачи чужой речи в русском языке. — Елец, 1994; Бахтин М.М. Косвенная речь, прямая речь и их модификации // Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. — М., 2000.

О.Н. Емельянова

КРАСНОРЕЧИЕ — см. *Риторика; Судебное красноречие.*

КУЛЬТУРА РЕЧИ — область духовной культуры, связанная с применением языка; качества речи, обеспечивающие эффективное достижение цели общения при соблюдении языковых правил, этических норм, ситуативных требований и эстетических установок.

Термин К. р. указывает на степень развития, достигнутую обществом в области речевого пользования. В К. р. соединяется язык и общественный опыт применения языка. Традиция речевого пользования (особенно опыт наиболее авторитетных в этой области людей — златоустов, мастеров красноречия) переводится в область ценностных характеристик: одни средства языка и речевые приёмы выделяются и рекомендуются в виде образцов для подражания (становятся литературной нормой), другие не рекомендуются в качестве социально осуждаемых или непрестижных. Т. о., в основе понятия К. р. лежит понятие нормативности.

При освоении культуры родной речи человек имеет четыре крупных ориентира: совокупность норм лит. языка, совокупность этических установлений своего народа, совокупность целей и обстоятельств общения и, наконец, национальное представление о красоте речи (соответственно выделяются языковой, этический, коммуникативный и эстетический факторы и соответственно компоненты К. р.). В каждом конкретном случае говорящему приходится учитывать не один, а все четыре ориентира, так что выбрать одни единицы и отказаться от других, правильно соединить их не так просто и в родном языке. Это тем более так, поскольку каждый из компонентов К. р., соответствующий названным ориентирам, представляет собой обширный свод речевых обычаев и правил, которые приняты в обществе и которых придерживается большинство, они могут изучаться по отдельности. Правило, правильность, норма — это центральные понятия К. р., действующие во всех ее сферах.

Языковой компонент К. р., в первую очередь, охватывает правила предпочтения литературной языковой единицы, а не ее нелитературного языкового конкурента, т.е. круг обязательных норм лит. языка (правильно *класть*, а не *ложить*; инженеры, а не *инженера*, мн.; *который час?*, а не *сколько время?*). Для того чтобы осуществить этот выбор и добиться **правильности речи**, необходимо иметь представление о делении национального языка на лит. и нелит. разновидности (диалекты, просторечие, жаргоны), об особенностях лит. языка и его составе, а также знать круг фактов, связанных отношениями конкуренции, как в приведённых выше примерах. Вторая часть языкового компонента связана с правилами выбора одного из вариантов в пределах лит. языка — того варианта, который больше соответствует определённой сфере употребления, т.е. круг вариативных норм лит. языка (в разговорной лучше сказать *картошка*: *почистить картошку, сварить картошку*, в деловой — *картофель*: *закупка картофеля, цены на картофель*). Для того чтобы правильно осуществлять такой выбор, нужно иметь представление о функц. стилях речи и эмоционально-экспрессивном расслоении языковых единиц. К этому же компоненту относится полнота понимания языковой единицы, от которой зависит **точность речи**, и владение законами логики при создании и восприятии текстов, выражающееся в **логичности речи**.

Этический компонент К. р. связан с речевым выражением нравственного кодекса народа и учётом этого фактора. При этом выбор в пользу более эффективной единицы общения осуществляется не только между литературной (правильной) и нелитературной (неправильной), но и между правильными единицами. Напр., и приветствие *Здравствуйте, Константин Александрович!* (1), и приветствия *Здравствуй, Костя!* (2), *Привет, Костик!* (3) правильны, но в общении взрослых в официальной обстановке или обращении младшего к старшему лучше будет (1), а в неофициальном общении ровесников или приятельском обращении старшего к младшему — (2) или (3). Правильный выбор здесь требует знания культурных традиций и запретов, понимания, что такое **уместность** и **чистота речи**.

Коммуникативный компонент связан с тем влиянием, которое оказывает на речь обстановка общения, внешние обстоятельства, т.е. ситуация. К. р. предполагает, что, владея языковыми нормами и зная культурно-этическую синонимию, нужно ещё и гибко вести себя применительно к ситуации. При одних и тех же отношениях (предположим, со старшим по возрасту официальным лицом) в ситуации «встреча на ходу» приветствие может быть сокращено до одного слова *здравствуйте*, а присутствие третьих лиц заставит приятелей-ровесников выбрать не обычное для них «*Привет, Костя!* — *Привет, Андрюха!*», а более нейтральный вариант. Ещё сильнее будет влиять на выбор эффективных средств экстремальная ситуация: под ее влиянием многие правила перестают иметь значение. Ситуация определяет и количество речи, необходимое и достаточное в определённом случае. Гибкости требует также приспособление речи к возможностям адресата: изложение информации долж-

но соответствовать речевой эрудиции собеседника. В теории качеств речи данные свойства названы **уместностью, лаконизмом, ясностью речи**.

Эстетический компонент связан с укоренившимися в отечественной культуре представлениями о том, что красиво и что некрасиво в речи. Эти представления имеют отношение к конкретным внешним качествам речи: высказывание *Но и у Анны его не было* некрасиво и неудобно за счёт несвойственного рус. языку стечения гласных; в выражении *Я знал, что шторм нам не грозит* неэстетичен звуковой повтор [што што]. Обобщённо они связаны с понятием о **богатстве** и **выразительности речи**.

Таким образом, сфера К. р. — это сфера взаимодействия языка и культуры, языка и неязыковой действительности, применение языка с учётом требований отечественной культуры и обстоятельств общения. Различные коммуникативные качества, естественно, жёстко не разделены, они частично пересекаются и дополняют друг друга.

Науку о К. р. называют так же, как и сам изучаемый ею объект: **культура речи**, а если нужно подчеркнуть их различие, то **теория культуры речи**. К. р., обобщённо, изучает характер пользования языком и занимается регламентацией речевой деятельности с нормативных позиций. Данное направление языкознания относится к области лингвистической аксиологии: все языковые и речевые данные, а также разработки всех наук, на которые опирается К. р. (в их числе лингвопрагматика, психолингвистика, социолингвистика, этика, эстетика, лингвострановедение), переводятся в оценочную плоскость на основе понятия нормы, трактуемой в качестве культурной ценности. Кроме того, в задачи данной науки входит прогнозирование изменений нормы на основании суммы внешних и внутриязыковых факторов. Параллельно рассматривается и феномен «антикультуры», как в целом, так и в частностях (коммуникативная агрессия и коммуникативные неудачи), а также коммуникативные помехи.

К. р. как область языкознания складывалась долгое время и в различных вариантах. Она ведёт своё начало от работ М.В. Ломоносова, А.Х. Востокова, Я.К. Грота. Одной из первых специальных работ, повлиявших на дальнейшее развитие К.р., является труд В.И. Чернышева «Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики» (1911). В качестве самостоятельной научной дисциплины К.р. складывается к 20-м годам XX в., выделившись на пересечении лингвистики, риторики и стилистики в качестве интегративного прикладного направления науки. В создании теории К. р. и практической нормализаторской деятельности (прежде всего, создании культурно-речевого оснащения толковых словарей) принимают участие крупнейшие учёные: Г.О. Винокур, А.М. Пешковский, Л.В. Щерба, Д.Н. Ушаков, позднее Р.И. Аванесов, С.И. Ожегов, Ф.П. Филин и др. Их трудами сформирована теория нормы и нормативности, выработана систематика языковых норм, заложены основы нормализации. Нормативная отрасль К. р., имеющая столь мощную опору, активно развивалась и в дальнейшем (такими учеными, как К.С. Горбачевич, Л.К. Граудина, В.А. Ицкович, Л.И. Скворцов и др.).

Коммуникативному аспекту К. р. первоначально уделялось меньшее внимание. Однако параллельно на эмпирической основе сложилась такая культурно-речевая по своей сути дисциплина коммуникативной направленности, как практическая стилистика (*М.К. Милых, Д.Э. Розенталь*). Её основное содержание — обоснованная критика речи на основе теории коммуникативных речевых качеств, систематика которых выполнена ещё в античной риторике, и предложения по совершенствованию речи и текста в соответствии с конкретикой определённой сферы речевого взаимодействия, задачами общения, целеустановкой автора и особенностями адресата. Данное ответвление и сейчас продуктивно используется при подготовке журналистов, учителей-словесников, редакторов (*Л.М. Майданова*).

Первая целостная концепция в области теории К. р. также возникает на основе практических потребностей при подготовке специалистов-гуманитариев. Её автор Б.Н. Головин последовательно рассматривает все взаимосвязи речи с неречевыми, внешними по отношению к речи структурами (концепция разрабатывалась в 60—70-е годы XX в., в 1976 г. увидел свет первый вузовский учебник по данной проблематике: «Основы культуры речи»). Системные связи между речью и языком, речью и мышлением, речью и действительностью, речью и человеком, речью и условиями общения, по Головину, создают общую координатную сетку речевого общения, что позволяет рассматривать различные качества речи (логичность, точность, ясность, уместность и др.) на едином — коммуникативном — основании и с учётом их взаимной обусловленности в коммуникативном акте. Так же чётко взаимосвязь общих критериев культуры речи с принципами речевого функционирования прослежена в работах А.Н. Васильевой (1990 и др.).

Развитие теории К. р. связано, особенно в последнее десятилетие, с усилением внимания к коммуникативному компоненту, укреплению антропоцентризма и более яркой выявленностью культурологических подходов к материалу. Понятия нормы и нормативности также претерпели некоторые изменения: нормативность как фундамент речевой культуры в настоящее время понимается не только как свойство единиц языковой системы, но и как параметр дискурса и текста. Теоретическую опору данных представлений составляет, прежде всего, типология норм, в соответствии с которой наряду с языковыми (системными) выделяются коммуникативные и стилистические нормы (*Едличка и др.*). Коммуникативно-прагматический аспект культуры речи разрабатывается сейчас наиболее активно, поскольку именно с ним более всего связана успешность и эффективность коммуникации. Современные исследования коммуникативных норм предполагают ориентацию на ценности, выработанные в русском общении (в том числе этические и эстетические) и регулятивы (в том числе связанные с нравственной сферой), т.е. характеризуются этическим и культурологическим наполнением, направленностью на осмысление и распространение толерантного речевого общения в противовес явлениям «антикультуры». Таким образом, в новейших

трудах (*Е.Н. Ширяева, Л.К. Граудиной, С.И. Виноградова, Н.Н. Кохтева, Н.И. Формановской и др.*) К. р. предстаёт интегративной наукой об эффективности речевого общения, на новом витке развития научного знания сближающейся с риторикой.

Лит.: Винокур Г.О. Культура языка. — 2-е изд. — М., 1929; Розенталь Д.Э. Культура речи. — 3-е изд. — М., 1964; Ицкович В.А. Языковая норма. — М., 1968; Актуальные проблемы культуры речи / Под ред. В.Г. Костомарова и Л.И. Скворцова. — М., 1970; Горбачевич К.С. Изменение норм русского литературного языка. — Л., 1971; Его же: Нормы современного русского литературного языка. —2-е изд. — М., 1981; Ожегов С.И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. — М., 1974; Практическая стилистика русского языка. — Ростов н/Д., 1974; Скворцов Л.И. Теоретические основы культуры речи. — М., 1980; Основы культура речи: хрестоматия / Сост. Л.И.Скворцов. — М., 1984; Майданова Л.М. Очерки по практической стилистике. — Свердловск, 1986; Розенталь Д.Э., Теленкова М. Практическая стилистика русского языка. — 5-е изд. — М., 1987; Головин Б.Н. Основы культуры речи. — 2-е изд. — М., 1988; Едличка А. Типы норм языковой коммуникации // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XX. — М., 1988; Васильева А.Н. Основы культуры речи. — М., 1990; Ширяев Е.Н. Культура русской речи: теория, методика, практика. — Изв. РАН. Сер. Л. и Я. Т. 51. — 1992. — № 2; Культура парламентской речи / Под ред. Л.К. Граудиной и Е.Н. Ширяева. — М., 1994; Культура русской речи и эффективность общения. — М., 1996; Культура русской речи / Под ред. Л.К. Граудиной и Е.Н. Ширяева. — М., 1998; Майданова Л.М. Критика речи и литературное редактирование. — Екатеринбург, 2001.

Т.В. Матвеева

Л

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СТИЛИСТИКА — см. Стилистические ресурсы лексики

ЛИНГВИСТИКА РЕЧИ — см. Речеве́дение

ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА — направление лингвистики, в рамках которой формулируются и решаются проблемы текста (см. *текст*). «Лингвистика текста — направление лингвистических исследований, объектом которых являются правила построения связного текста и его смысловые категории, выражаемые по этим правилам» (ЛЭС). Л. т. как наука формирует новые онтологические основания для анализа взаимоотношения языка и речи, позволяет наблюдать данную связь опосредованно, через текст. Наиболее естественным кажется определение Л. т. в рамках общей лингвистики, основывающееся на соотнесенности языка и речи: «язык становится видимым в форме текста» (*П. Хартман*).

Истоками Л. т. можно считать античную риторику, поэтику, изучавшие тексты, фигуры речи, герменевтику, семиотику, психологию и др. Однако текст в данных науках рассматривался лишь как объект исследования, в качестве одного из «побочных продуктов» коммуникации, представляющегося в виде статической структуры элементов и типов их связей.

Формирование и развитие Л. т. в 1970-е гг. совпадает с возникновением нового направления — лингвистического функционализма, ориентированного на изучение дискурса, более широкого понятия, чем текст (У. Чейф — квант дискурса, Т. Гивон — дискурсивный синтаксис, С. Томпсон — теория риторической структуры, П. Хоппер — эмерженгная грамматика и др.). Дискурсом считается функционирование языка в реальном времени. У. Чейф «декларирует право исследователя опираться на интроспекцию как на законченный источник информации о когнитивных процессах» (*А.А. Кибрик, В.А. Плунгян*). Исследуя структуру дискурса, У. Чейф выделяет интонационную единицу**,** квант дискурса, соответствующий одному фокусу сознания. Т. Гивон основывает дискурсивное направление в синтаксисе, использующее новые теоретические и методологические принципы (когнитивность, коммуникатив-

ность, иконичность) для анализа таких традиционных грамматических категорий, как порядок слов, референция, топикализация и др. С. Томпсон и У. Манн изучают риторические отношения между единицами дискурса, иерархически организующие уровни дискурса, составляют инвентарь риторических отношений дискурсивных единиц и выявляют классы риторических отношений.

Л. т. и теория дискурса имеют «точку пересечения». Работа с текстом в рамках Л. т. не сводится к простому оперированию чистыми объектами, заданными вне знания, особенностей языковой личности, ситуации, а всегда опирается на результаты понимания смысла речевого сообщения, подразумевающего более широкий контекст деятельности. Выявление содержания текста на основе анализа его компонентов соотносимо с интерпретацией текста, целью которой является преобразование исходного текста в другой тип. В этом смысле Л. т. и теория дискурса выступают как взаимно ассимилирующие направления.

Работа Г.О. Винокура «Горе от ума» как памятник русской художественной речи» (1948 г.) считается первой отечественной работой по Л. т. (*Г.Я. Солганик*). Зарождение Л. т. часто связывают со стремлением ученых изучать грамматику языка в рамках единиц более сложных, чем предложение. Так, исследователи приходят к выводу о значительной обусловленности порядка слов в предложении его связями с соседними предложениями. «Исследование тесно связанных между собой групп самостоятельных предложений значительно обогащает наши представления о синтаксической роли союзов и союзных слов, функции которых в качестве связующих средств между законченными предложениями сложнее и разнообразнее, чем при связи слов в простом предложении и частей сложного предложения» (*Г.Я. Солганик*). В качестве предпосылок зарождения Л. т. в России рассматривают учение М.В. Ломоносова о «союзе периодов», понятие «отрывистой речи» А.Х. Востокова, понятие «организма языка» Ф.И. Буслаева, понятие речи А.А. Потебни, определение синтаксической единицы более крупной, чем сложное целое, А.М. Пешковского, понятие «сложного синтаксического целого» Н.С. Поспелова, типы связи между законченными предложениями И.А. Фигуровского, понятие «сверхфразного единства» Л.А. Булаховского. Л. т., возникшая первоначально как раздел синтаксиса, развивающаяся затем как самостоятельная, но достаточно обособленная от других наук область лингвистики, «оказывается втянутой в общий круг лингвистических и нелингвистических наук, изучающих текст». «Сам же текст становится объектом изучения всех этих дисциплин. Именно связь лингвистики текста с данным кругом наук и превращение текста в интрадисциплинарный объект изучения определяет новое понимание текста и новый подход к тексту» (Русский язык. Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст. — М., 1984). Т. о., Л. т. признала право говорящей и понимающей личности выносить свои суждения о тексте, позволила ей быть экспертом текста.

О б ъ е к т о м изучения Л. т. является текст, рассматриваемый на фоне единства его противоречивых свойств. М.М. Бахтин — один из первых исследователей текста — отмечал противоречивую природу текста, выражающуюся в том, что, с одной стороны, за каждым текстом стоит система языка, т.е. нечто повторяемое, воспроизводимое, а с другой — индивидуальное, неповторимое (1976). В Л. т. 1970-х гг. текст рассматривался не только как результат речевой деятельности, но и как процесс, как язык в действии. Объект лингвистики текста изначально носит интегрированный характер, поскольку входит в объекты изучения разных наук — философии, логики, социологии, психологии, и др.

П р е д м е т Л. т. во многом определяется интрадисциплинарным характером объекта, т.е. при всей его широте и определенности остается открытым. Определение предмета Л. т. шло во многих аспектах: лингвоцентрическом, стилистическом, текстоцентрическом, философском, семиотическом, культурологическом, литературоведческом и др. В рамках Л. т. формирование предмета изучения происходило в двух направлениях: 1) текст определялся как некая знаковая форма, созданная в ходе соотнесения с определенной ситуацией, т.е. как частная структура акта коммуникации; 2) текст трактовался как процесс актуализации смысла в знаковой форме. Существование этих направлений во многом обусловлено сопряженностью процесса формирования предмета лингвистики текста с эволюцией взглядов на текст: от структуралистского понимания текста как готового, подлежащего таксономическому описанию продукта, ф е н о - т е к с т а (*Ю. Кристева*), к постструктуралистской трактовке текста как постоянно конструируемого объекта, г е н о - т е к с т а. В предмете Л. т. учитывается дифференциация понятий п р о и з в е д е н и е и т е к с т. Произведения, по Р. Барту, должна изучать критика, т.е. интерпретирующее литературоведение. Ю.М. Лотман предлагал рассматривать текст только как момент его актуализации.

Л. т. как наука включает т е о р и ю т е к с т а и п р и к л а д н ы е н а п р а в л е н и я. «Если бы мы были неравнодушными к неологизмам, то могли бы определить теорию текста как г и ф о л о г и ю (*гифос* означает «ткань» и «паутина») (*Р. Барт*). В области теории текста Л. т. видит свои задачи в нахождении и построении системы категорий текста, в области прикладных направлений — изучить условия правильной человеческой коммуникации (*Т.М. Николаева*). Большую роль в развитии теории текста сыграли концепции и теории европейских лингвистов, представителей Пражского лингвистического кружка (*К. Гаузенблад*, *П. Сгалл*, *Х. Изенберг* и др.), французской лингвистической школы (*Ш. Балли*, *Э. Бенвенист*, *Р. Барт*, *Ю. Кристева*, *П. Серио*, *М. Пешё* и др.), немецкой лингвистической школы (*Э. Косериу*, *Х. Вайнрих*, *П. Хартман*, *И. Беллерт*, *Р. Харвег*, *В. Дресслер* и др.), российских лингвистических школ и направлений (*В.В. Виноградов*, *Л.В. Щерба*, *И.И. Мещанинов*, *В.М. Жирмунский*, *М.М. Бахтин*, *С.Д. Кацнельсон*, *Ю.М. Лотман*, *О.И. Москальская*, *И.Р. Гальперин*, *М.Н. Кожин*а, *В.В Одинцов*, *Г.Я. Солганик*,

З.Я. Тураева, *Т.М. Николаева*, *Л.А. Новиков*, *Т.М. Дридзе*, *Н.Д. Зарубина*, *В.Я. Шабес*, *Г.И. Богин*, *А.А. Залевская* и др.).

Лит.: Поспелов Н.С. Сложное синтаксическое целое и основные особенности его структуры // Докл. и сообщ. русск. языка АН СССР. Вып 2. — М., 1948; Распопов И.П. Актуальное членение предложения. — Уфа, 1961; Севбо И.П. Структура связного текста и автоматизация реферирования. — М., 1969; Виноградов В.В. О теории художественной речи. — М., 1971; Арнольд И.Б. Стилистика декодирования: Курс лекций. — Л., 1974; Лингвистика текста. — М., 1974; Бахтин М.М. Проблемы текста: Опыт философского анализа. — ВЛ. — № 10. — 1976; Апухтина В.Б. Психолингвистический метод анализа смысловой структуры текста. — М., 1977; Языковая номинация. Виды наименований. — М., 1977; Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. — М., 1978; Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // Эстетика словесного творчества. — М., 1979; Синтаксис текста. — М., 1979; Одинцов В.В. Стилистика текста. — М., 1980; Кожина М.Н. Об отношении стилистики к лингвистике текста // Функциональный стиль научной прозы: Проблемы лингвистики и методики преподавания. — М., 1980; Колшанский Г.В. Контекстная семантика. — М., 1980; Барт Р. Текстовый анализ // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. IX. — М., 1980; Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М., 1981; Зарубина Н.Д. Текст: лингвистический и методологический аспекты. — М., 1981; Москальская О.И. Грамматика текста. — М., 1981; Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. — М., 1982; Основные понятия и категории лингвостилистики. — Пермь, 1982; Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: Проблемы семиосоциопсихологии. — М., 1984; Категории текста. — М., 1984; Проблемы типологии текста. — М., 1984; Текст и его компоненты как объект комплексного анализа. — Л., 1986; Текст, контекст, подтекст. — М., 1986; Тураева З.Я. Лингвистика текста. — М., 1986; Новиков Л.А. Художественный текст и его анализ. — М., 1988; Новое в зарубежной лингвистике, вып. XXIII. — М., 1988; Дейк Т.А., ван. Язык. Познание. Коммуникация, 1989; Лингвистика текста // ЛЭС. — М., 1990; Психолингвистическая и лингвистическая природа текста и особенности его восприятия. — М., 1991; Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика. — М., 1991; Его же: От слова к тексту. — М., 1993; Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. — М., 1994; Кибрик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу. — ВЯ. — № 4. — 1994; Человек — текст — культура. — Екатеринбург, 1994; Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX в. // Язык и наука конца 20 в.. — М., 1995; Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: Человек — текст — семиосфера — история. — М., 1996; Категоризация мира: пространство и время. — М., 1997; Кибрик А.А., Плунгян В.А. Функционализм // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. — М., 1997; Бисималиева М.К. О понятиях «текст» и «дискурс». — Филол. науки. — № 3. — 1999; Бабенко Л.Г., Васильев И.Е., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. — Екатеринбург, 2000; Eco Umberto. The Role of the Reader: Exploration in the Semiotics of the Text. — Bloomington: Indiana Univ. Press, 1979; Givyn T., Discourse and Syntax. — N.Y., 1979; Dijk T.A. van. Handbook of Discourse Analysis. — N.Y., 1985; Mann W.C., Thompson S.A. Rhetorical Structure Theory: Toward A Functional Theory of text Organization // Text 8. — 1988. — Chafe W. Discourse, Consciousness, and Time. The Flow and Displacement of Conscious Experience in Speaking and Writing. — Chicago, 1994; Givyn T. Functionalism and Grammar. — Amsterdam, 1995.

Л.М. Алексеева

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА — подробный и тщательный анализ роли и функций языковых средств разных уровней в организации и выражении идейно-тематического содержания произведения.

Начало формирования теоретических основ Л. а. х. т. было заложено в работе известного русского лингвиста Л.В. Щербы «Опыты лингвистического толкования стихотворений» (1922 г.). Ученый указывал на недостаточность сведе́ния анализа художественного произведения (далее — ХП) лишь к тем или иным историко-литературным или историко-культурным построениям и ратовал за анализ, основанный на разыскании «тончайших смысловых нюансов отдельных выразительных элементов» языка произведения в их теснейшей связи с особенностями содержания и идеи текста. При этом отдельный художественный текст (далее — ХТ) как бы вычленялся исследователем из общего контекста литературы и рассматривался в качестве имманентного явления.

В.В. Виноградов в работе «О языке художественной прозы» (1930 г.) обосновывает мысль о том, что язык ХП может быть рассмотрен и «проекционным» методом, т.е. как элемент общего литературно-языкового контекста. В связи с этим сегодня выделяются два типа анализа языка ХП: имманентный и проекционный.

Особый рост интереса лингвистов к проблемам Л. а. х. т. отмечается с конца 60-х гг. XX в., а в начале 70-х гг. Л. а. х. т. вводится в программу педагогических институтов как особая дисциплина. Именно в 70-е гг. разрабатывается отечественная теория Л. а. х. т. (см. работы *Л.Г. Барласа, В.П. Вомперского, А.И. Горшкова, С.Г. Ильенко, Е.В. Капацинской, В.И. Кодухова, Н.А. Купиной, А.Н. Кожина, Л.Ю. Максимова, Л.А. Новикова, В.В. Одинцова, Л.Ф. Тарасова, Н.М. Шанского* и др.). Постепенно усиливается тенденция к комплексному изучению литературного произведения, когда лингвистический анализ 1) рассматривается как составная часть исследования текста; 2) охватывает единицы всех уровней языка; 3) осуществляется с учетом экстралингвистических оснований текстопроизводства; 4) объединяется со смежными дисциплинами (историей, культурологией, литературоведением, психологией, теорией коммуникации и др.) с целью истолкования языковых особенностей; 5) все больше выходит на уровень анализа целого текста (всего произведения).

Благодаря комплексному, синтетическому подходу к исследованию ХТ преодолевается поаспектное, поуровневое его изучение, господствовавшее в лингвистике долгие годы. Именно комплексный анализ ХП позволил увидеть, что взаимодействие языковых единиц в рамках текста носит не случайный, а целенаправленный характер: языковая структура (лингвистический узор) произведения всегда глубоко продумана автором с точки зрения наиболее полной и эффективной (а также эффектной) реализации в ней эстетической концепции.

В отличие от литературоведческого анализа (целями которого являются изучение образного и идейного планов текста, определение особенностей его взаимодействия с культурно-историческим и концепту-

альным — творчество автора — контекстами, изучение ХП как факта истории общественной мысли и социальной борьбы и др.) предметом Л. а. х. т. служит языковая организация текста, а именно связи и отношения единиц разных уровней, в единстве выражающих ту или иную линию эстетической концепции произведения. Поэтому материалом Л. а. х. т. оказываются: 1) архаизмы и историзмы; 2) непонятные факты поэтической символики; 3) незнакомые или малознакомые читателю диалектизмы, профессионализмы, арготизмы, жаргонизмы и термины; 4) особенности писательского словоупотребления: индивидуально-авторские языковые инновации; 5) ключевые слова; 6) тропы; 7) особенности синтаксиса; 8) своеобразие композиции; 9) специфика употребления и сцепления друг с другом нейтральных и стилистически значимых (экспрессивных) языковых элементов и структур; 10) особенности языковой организации подтекста; 11) особенности выбора и организации языкового материала в его частностях и целостности — речевая системность; 12) взаимосвязь языкового и смыслового уровней текста с точки зрения полноты выражения авторской концепции и др.

Относительно последней разновидности материала лингвистического анализа следует сказать, что вопрос о том, ка́к писатель использует язык при выражении определенного художественного содержания, относится скорее к области стилистического анализа. Впрочем, исследование эстетической функции языка (на что в самом общем смысле и направлен Л. а. х. т.) уже само по себе предполагает взаимодополняющее единство лингвистического и стилистического анализов, «образуя комплексный лингвостилистический анализ того, чем и как создается неповторимая оригинальность литературного произведения» (*Шанский,* 1990, с. 8).

Сказанное означает, что основная задача Л. а. х. т. заключается в изучении языковых средств разных уровней в системе определенного ХТ с точки зрения их соответствия замыслу автора и его индивидуальной манере письма. При этом единство формы и содержания является исходным методологическим принципом современного Л. а. х. т. Ср.: «Форма упорядочивает, организует материал, диалектически с ним соотносится. Форма «мстит» за пренебрежительное отношение к ней прежде всего тем, что не позволяет адресату адекватно воспринять содержание, правильно понять мысль автора» (*Одинцов,* 1982, с. 134). Вместе с тем при изучении ХП нельзя ограничиваться только формальной стороной текста, поскольку последний «создается не для того, чтобы употребить какие-то слова или синтаксические конструкции, а для выражения мыслей содержания» (там же, с. 4). Поэтому объяснение структурных особенностей текста необходимо соотносить с содержательными понятиями и категориями, такими, как тема, идея, авторский замысел, художественно-образная система.

В соответствии с этим основной целью Л. а. х. т. является рассмотрение ХП как организованной системы языковых средств, отражающей определенное идейно-тематическое, образное и эстетическое содержа-

ние текста в их общих и особенных чертах. При этом совокупность языковых средств писателя должна рассматриваться, по мнению А.И. Горшкова, не как «язык», т.е. не как механическое сочленение в тексте лингвистических форм и приемов (= языковой материал), а как «стиль», т.е. «языковая реальность», само функционирование языка, исходя из которого выявляются конкретные случаи употребления, использования элементов общенародной языковой системы (*Горшков,* 1982, 1996).

Л.А. Новиков различает несколько видов анализа ХТ: 1) лингвистический анализ — раскрытие значения различных элементов языка с целью полного и ясного понимания текста. Этот анализ может быть а) элементарным практическим, служащим общему «прояснению» текста (например, объяснению устаревших слов и форм языка), и б) филологическим, опирающимся на данные лингвистической теории, факты системы языка и его истории; 2) стилистический анализ — изучение образных средств текста как а) общеязыковых (в разных стилях и жанрах) и б) авторских, раскрывающих идею ХП; 3) литературоведческий анализ — изучение ХП как продукта национальной культуры, общественной мысли, произведения словесного искусства (т.е. исследование связи ХТ с эпохой, его места в литературном процессе и творчестве писателя, проблематики, идейного содержания, образов, композиции, сюжета, языка и др.). При этом Л. а. х. т. опирается, по мнению ученого, на ряд основных положений, образующих его принципы, среди которых: 1) рассмотрение ХТ в трояком аспекте: «идейное содержание — образ — язык». Промежуточное положение худож. образа в этом ряду делает первый «средоточием» идейно-эстетического содержания и определенной формы его языкового выражения, придающим образу индивидуальность и неповторимость. «Образ оказывается как бы обращенным разными своими сторонами одновременно и к идейному, социальному содержанию ХП, будучи включенным в общую систему образов (= «литературный образ»), и к языку, худож. материалу (= «словесный образ»). Он представляет собой своеобразное диалектическое единство этих разных начал» (*Новиков,* 1979, с. 14); 2) конкретно-исторический подход к толкованию текста, опирающийся на культурно-исторический комментарий, обеспечивающий более полное и глубокое понимание ХП в контексте того периода общественной жизни, к которому принадлежит изучаемый текст; 3) разграничение в тексте фактов нормативных, свойственных современному словоупотреблению, и различного рода отклонений от нормы, фактов общеязыковых и индивидуальных, авторских и их соответствующая оценка; 4) понимание поэтического языка как особой формы эстетического освоения действительности, как активного средства создания худож. обобщения; 5) активная роль читателя (интерпретатора) текста; 6) единство различных принципов толкования ХТ, схема которых варьируется в зависимости от особенностей текста и целей его анализа (*Новиков,* 1979).

Л.Г. Бабенко выделяет следующие существующие основные подходы к изучению ХП: 1) лингвоцентрический подход: изучение особенностей функционирования в условиях худож. речи лексических, фонетических, грамматических и стилистических единиц и категорий. Это, напр., прилагательные цвета, звука, глаголы речи, движения, действия, синтаксические конструкции разных типов, особенности выражения категорий времени, пространства, условия, императивности и пр. В рамках данного подхода выявляется специфика идиостиля определенного писателя (см.: *Григорьев,* 1979; *Иванчикова,* 1979; *Долинин,* 1985; *Ларин,* 1974; *Новиков,* 1983; *Сулименко,* 1990; *Шанский,* 1990 и др.); 2) текстоцентрический подход: текст рассматривается как самостоятельный объект исследования в его целостности и завершенности. При этом актуальными для анализа являются как статический, так и динамический аспекты текста (ХП анализируется и как результат, и как отражение в нем процесса творческой деятельности), однако в работах этого плана за пределами внимания остаются коммуникативный, в том числе диалогический аспекты худож. речи, в результате чего ХТ предстает как структурно-семантическое целое. Достоинством текстоцентрического подхода является вычленение и разработка собственных категорий и свойств ХТ (см.: *Гальперин,* 1981; *Золотова,* 1982, 1995, 1998; *Ковтунова,* 1986; *Кожевникова,* 1979; *Кубрякова,* 1997; *Кухаренко,* 1988; *Падучева,* 1985; *Чернухина,* 1990 и др.); 3) антропоцентрический подход: интерпретация ХТ осуществляется с учетом позиций автора текста (аспект порождения) и его адресата (аспект восприятия), а также с учетом воздействия текста на читателя. Кроме того, в рамках данного подхода активно разрабатывается деривационный аспект. В связи с этим антропоцентический подход совмещает в себе психолингвистическое, прагматическое, коммуникативное и деривационное направления Л. а. х. т. (см.: *Выготский,* 1980; *Дридзе,* 1984; *Болотнова,* 1992; *Баранов,* 1993; *Мурзин,* 1994; *Сахарный,* 1994; *Жинкин,* 1998 и др.); 4) когнитивный подход: ХТ осмысляется как сложный знак, выражающий знания писателя о действительности, воплощенные посредством определенным образом организованных языковых средств в худож.-образной системе произведения. В рамках этого подхода ХТ предстает как отражение индивидуально-авторской картины мира. Семантическое пространство текста рассматривается как единство концептуализированных областей, структура концептов. Понятия *концепт* (см.), *концептуализированная область* являются здесь основными и понимаются как ментальные сущности, связанные с процессами говорения и понимания, т.е. отражают психический аспект взаимодействия субъектов худож. коммуникации (см.: *Караулов,* 1981, 1987; *Белянин,* 1990; *Сидоров,* 1991; *Лихачев,* 1993*; Кибрик,* 1994; *Кубрякова,* 1994; *Лотман,* 1996 и др.).

Современная теория Л. а. х. т. основывается на признании сложности и многогранности ХТ как объекта исследования, в частности, сосуществуют разноречивые представления о тексте как многослойном, многоуровневом объекте. Так, самым традиционным для лингвистики являет-

ся понимание текста, основанное на стратификационном подходе — текст как система взаимосвязанных и взаимодействующих уровней языка. Причем лексический уровень обычно считается самым значимым для формирования и выражения идейно-тематического содержания ХТ. Кроме того, текст представляется как единство таких трех уровней, как идейно-эстетический, жанрово-композиционный и собственно языковой. Отдельно выделяются также такие аспекты ХП, как эстетический, метрический, метроритмический, суперсегментный (ритмический и ритмомелодический), композиционно-синтаксический, план фабулы, идей и др. В целом же, обобщая все существующие подходы к выделению аспектов изучения ХТ, релевантных для его лингвистического анализа, можно назвать четыре основных: 1) функционально-стилистический; 2) структурно-языковой (собственно лингвистический); 3) текстовой (структурно-семантический, или композиционно-смысловой); 4) коммуникативный.

Н.А. Купина предлагает разграничивать поверхностный и глубинный уровни смысла ХТ и в соответствии с ними осуществлять его анализ. К поверхностному уровню исследователь относит словарь текста, или текстовую специфику семантики лексических средств. Взятые в единстве и системности лексические средства ХТ формируют *поверхностный смысл текста* (см.). Глубинный уровень произведения представляет собой иерархию смысловых уровней, к которым относятся: а) предметный смысл (денотативное пространство ХТ), соответствующий ситуации, описанной в тексте. Если содержание текста не отражает такой ситуации, оно оказывается внефабульным, внепредметным. В этом случае денотативный уровень смысла сливается с образным или приобретает условный характер; б) образный смысл (эмоционально-оценочное пространство ХТ), представляющий собой результат объективации ассоциа-тивно-худож. мышления автора. Он условно расчленяется на два пласта: образно-изобразительный смысл (представление в тексте какой-либо картины) и образно-оценочный смысл (или эмотивный), связанный с положительной или отрицательной оценкой изображаемого; в) идейный смысл (концептуальное пространство ХТ), отражающий замысел автора, систему его эстетических представлений (*Купина,* 1983).

Подобный поуровневый анализ ХП позволяет выявить количество и состав микротем представляемой в тексте темы, описать механизмы связи между этими микротемами, а также дает возможность определить основы динамики смысла текста как результат взаимодействия всех трех подуровней, составляющих *глубинный уровень* (см.) ХП. В зависимости от глубины проникновения в содержание ХТ и от объема учета литературоведческого анализа различают три вида лигвистического анализа: 1) лингвистическое комментирование; 2) полный поуровневый и частичный лингвистический анализ; 3) лингво-поэтический разбор текста (*Болотнова,* 2001). При этом любой из видов анализа всегда начинается с замедленного чтения литературного произведения под «лингвистическим микроскопом» (*Н.М. Шанский*).

Лингвистическое комментирование направлено на выявление в тексте трудных для понимания мест, наиболее значимых с точки зрения эстетической концепции фрагментов или индивидуальных особенностей авторского изложения и их комментирование (разъяснение). Можно сказать, что лингвистическое комментирование выполняет популяризаторскую функцию, истолковывая для широкого круга читателей наиболее сложные или интересные места ХТ; поэтому в теории Л. а. х. т. он относится к поверхностному лингвистическому анализу.

В зависимости от уровня образования и культуры адресата лингвистическое комментирование может быть полным и выборочным. Полное комментирование обычно связано с целым произведением (стихотворение, рассказ, т.е. чаще всего с текстом небольшого объема) и носит характер подробных, развернутых объяснений. Разновидностями полного комментирования являются филологический и культурно-исторический виды комментирования. Разновидностями выборочного комментирования являются разъяснения непонятных слов или отдельных фрагментов текста, анализ наиболее интересных и ярких отрезков и др.

По отношению к моменту первого прочтения текста выделяют предваряющее, синхронное и последующее комментирование. При этом наиболее эффективным представляется синхронное лингвистическое комментирование, выступающее как замедленное чтение ХТ лингвистически вооруженным глазом (*Н.М. Шанский*).

Поуровневый лингвистический анализ направлен на полный или частичный анализ того или иного языкового уровня произведения — фонетического, морфологического, лексического или синтаксического — и преследует своей целью объяснение отдельных особенностей текста, связанных с идейным содержанием. В отличие от лингвистического комментирования этот вид анализа носит глубинный характер, поскольку стремится определить специфику взаимосвязи формальной и содержательной сторон ХТ. Таким образом, поуровневый лингвистический анализ, выявляя особенности использования автором в тексте тех или иных языковых единиц, объясняя их особую речевую и композиционную организацию, позволяет мотивированно судить о тонкостях содержательного плана текста, открывает новые грани его эстетического смысла.

Однако системный характер ХТ обусловливает непременную взаимосвязь, с одной стороны, всех языковых уровней между собой, с другой — каждого из уровней с концепцией произведения. Полный поуровневый анализ основан на исследовании всех языковых уровней текста в их единстве, взаимодействии и соотнесенности с содержательной, тематической, образной и идейной (эстетической) наполненностью произведения. Анализ каждого из языковых уровней по-своему дополняет и конкретизирует представление читателя о худож. смысле текста. Частичный анализ не может дать адекватного понимания содержательного плана текста и тем более адекватного, целостного представления о воплощенной в произведении эстетической идее.

Лингвопоэтический разбор текста — это анализ стихотворного произведения с точки зрения набора, отбора и специфики структурирования в нем языковых единиц, а также с точки зрения поэтики. Это анализ поэтической формы, дающий ключ к мотивированной интерпретации смысла стиха. Иными словами, данный вид анализа ХП предстает как «анализ и систематизация элементов языковой организации текста, воплощающих «образ мира» и «образ автора» с позиций определенного эстетического идеала» (*Болотнова,* 2001, с. 48). Очевидно, поэтому лингвопоэтическому разбору (гораздо более, чем другим видам Л. а. х. т.) свойственно вторжение в литературоведческий анализ.

Лингвопоэтический разбор текста включает в себя следующие необходимые компоненты исследовательских действий: 1) определение места произведения в творчестве поэта; 2) интерпретация жанровых и тематических особенностей текста; 3) определение идеи произведения; 4) эмоциональной тональности; 5) ритмики, стихотворного размера, особенностей рифм; 6) описание художественных приемов и их роли в произведении; 7) анализ языковых средств в их соотнесенности с образным строем.

В качестве специфического инструментария Л. а. х. т. служат *текстообразующие категории* (см. *Текстовая категория*). Среди текстовых категорий можно выделить универсальные и соотнесенные с ними (неуниверсальные). Так, к универсальным категориям относятся: целостность (план содержания) и связность (план выражения), вступающие друг с другом в отношения дополнительности.

Целостность (или *цельность*) *текста* (см.) как пространственное и временное единство содержательной организации, направленное на решение определенной внеречевой задачи (*Гальперин,* 1981, с. 84—85), связана с содержательным планом, смыслом произведения, или, иначе, с худож.-эстетической концепцией писателя/поэта. Следовательно, эта категория соотносится прежде всего с ментально-эмоциональными особенностями чтения, с особенностями восприятия читающим худож. информации и реализуется в интерпретационной деятельности адресата как его стремление объединить в единое смысловое целое отдельные части произведения. Отсюда ясно, что целостность является категорией больше психологической, чем собственно лингвистической (*Сорокин,* 1982).

Как явление психолингвистическое, цельность не может возникать «на выходе» (при завершении чтения) автоматически. Она обеспечивается денотативным пространством текста и конкретной ситуацией его восприятия, а также способностями воспринимающего: кто воспринимает текст, где, когда, зачем? Это говорит о потенциальности и ситуативности цельности ХТ. Кроме того, противоречивость цельности заложена самой природой ХТ — его линейно-нелинейным (дискретно-непрерывным) характером изложения. Таким образом, целостность худож. текста носит парадигматический характер.

Однако важно, что «на входе» автор, понимая (интуитивно или осознанно) сложность в достижении целостного восприятия текста читате-

лем, стремится так или иначе заложить условия для возникновения именно такого восприятия в сознании адресата, стремится сформировать целостность в общих и конкретных чертах, используя для этого различные языковые и речевые средства, в том числе и средства, относящиеся к другим (неуниверсальным) категориям ХТ.

Связность (см.) — это взаимосвязь и взаимообусловленность всех элементов текста, иначе, это его системность на всех уровнях, когда изъятие из общего континуума даже незначительной части приводит к разрушению целого (*Гальперин,* 1981). В рамках целого текста связность реализуется как расчлененность содержательно-смыслового пространства на предопределяющие друг друга и зависимые друг от друга компоненты. В отличие от целостности эта категория более лингвистична, поскольку материализуется на поверхностном уровне текста с помощью синтагматики слов, предложений, текстовых фрагментов.

Л.Г. Бабенко выделяет интенциональную и синтагматическую связность. Интенциональная связность обусловлена замыслом автора и создается по его воле как особое, специфическое для конкретного художника и конкретного произведения членение континуального смысла на компоненты. Интенциональная связность реализует в ХТ интрасвязность текста, т.е. обеспечивает содержательный план концептуальной (внутренней) связностью. Синтагматическая связность — это связность, имеющая внешнее, собственно лингвистическое выражение, она реализует в ХТ его экстрасвязность, т.е. взаимосцепление звуков, слов, предложений, композиционных частей текста и т.п. Эти два проявления связности взаимообусловлены, но не жестко, поэтому можно говорить об их относительной независимости (*Бабенко,* 2000). Таким образом, связность ХТ может быть реализована на пространстве текста семантическими, смысловыми или структурно-языковыми средствами.

Эти две фундаментальные текстообразующие категории притягивают к себе и формируют вокруг себя категории, соотнесенные с ними. Так, целостность ХТ обеспечивается категориями информативности, интегративности, завершенности, хронотопа (текстового времени и текстового пространства), категориями образа автора и персонажа, модальности, эмотивности и экспрессивности; связность ХТ обеспечивается семантическими, структурно-языковыми и смысловыми повторами, континуумом, когезией, ретроспективной и проспективной направленностью высказывания (*Гальперин,* 1981).

Кроме указанных текстовых категорий ХТ, в научной литературе называются и некоторые другие универсальные свойства текста, которые следует учитывать при Л. а. х. т. К ним относятся: а б с о л ю т н а я а н т р о п о ц е н т р и ч н о с т ь ХТ (*Гончарова,* 1983), связанная с тем, что худож. текст «зиждется» на трех центрах: авторе — создателе ХП; действующих лицах — образах ХП, в качестве которых выступают чаще всего люди; читателе, выступающем в качестве «сотворца» ХП. Таким образом, ХТ насквозь антропоцентричен. С о ц и о л о г и ч н о с т ь ХТ — это его, с одной стороны, связь с определенным временем, эпохой, соци-

альным устройством общества, а с другой — способность самостоятельно выполнять социальные функции (*Бахтин,* 1994; *Гюббенет,* 1991). С этим свойством связаны понятия «вертикального контекста», т.е. контекста воссозданной в произведении эпохи, и «фоновых знаний», под которыми понимается совокупность общих для коммуникантов сведений. Диалогичность ХТ — свойство, связанное, с одной стороны, с бесконечностью, открытостью его содержания, не допускающими однозначного толкования смысла произведения, в связи с чем ХТ не теряет своей актуальности на протяжении многих лет; с другой — с соотнесенностью с другими текстами, как более ранними, уже существующими, так и последующими, на данном конкретном историческом этапе развития литературного процесса лишь потенциальными. Теория диалогичности ХП была разработана в трудах М.М. Бахтина (*Бахтин,* 1975, 1979). Напряженность текста — это динамическая плотность его содержания, способная держать читателя в эмоционально-интеллектуальном напряжении от начала произведения до самого конца (*Адмони,* 1994). Это его психологический накал, развивающийся по нарастающей от завязки к кульминации и далее — к развязке, а также, в некоторых случаях, эпилогу. И др. универсальные свойства ХТ.

Н.С. Болотнова определила некоторые специфические качества, порождаемые эстетической функцией ХП: эстетически обусловленная прагматичность — способность текста вызывать эстетический эффект всей системой средств и приемов; эстетически ориентированная концептуальность — неповторимость творческой индивидуальности автора и его отношения к действительности; образность — способность ХТ вызывать в читательском восприятии систему представлений.

Одной из характерных черт ХТ является его интерпретируемость — принципиальная неоднозначность понимания, толкования, раскрытия смысла произведения. Множественность интерпретаций обусловлена тем, что худож. текст является психо-эстетическим феноменом, «ибо он создается автором для выражения своих индивидуальных представлений о мире, знаний о мире при помощи набора языковых средств и направлен читателю» (*Бабенко,* 2000, с. 63). Читатель, пытаясь проникнуть в концептуальный мир писателя, выступает не пассивным воспринимающим, а активным деятелем, т.е. «сотворцом» худож.-образной системы. При этом структурно-языковая и композиционно-смысловая организации ХП являются основой объективности его интерпретации, а коммуникативно-прагматическая природа текста и социальные характеристики читателя (возраст, пол, образование, уровень культуры и т.п.) допускают неоднозначность интерпретации всего того, что объективировано в языковой и глубинной ткани текста.

В заключение следует отметить, что Л. а. х. т. является достаточно молодой лингвистической дисциплиной, при этом тесно связанной с такими недавно оформившимися направлениями, как лингвистика текста, психолингвистика, герменевтика, стилистика, прагматика, теория

коммуникации и некоторые др. Очевидно, поэтому в теории Л. а. х. т. пока еще больше вопросов, чем ответов.

Лит.: Лотман Ю.М. Структура художественного текста. — М., 1970; Его же: Анализ поэтического текста. — М., 1972; Его же: Внутри мыслящих миров: Человек — текст — семиосфера — история. — М., 1996; Ларин-Б.А. Эстетика слова и язык писателя. — Л., 1974; Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. — М., 1975; Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. — М., 1975; Его же: Эстетика словесного творчества. — М., 1979; Чернухина И.Я. Очерк стилистики художественного прозаического текста: Факторы текстообразования. — Воронеж, 1977; Ее же: Элементы организации художественного прозаического текста. — Воронеж, 1984; Ее же: Общие особенности поэтического текста. — М., 1987; Иванчикова Е.А. Синтаксис художественной прозы Достоевского. — М., 1979; Новиков Л.А. Лингвистическое толкование художественного текста. — М., 1979; Его же: Художественный текст и его анализ. — М., 1983; Виноградов В.В. Избранные труды: О языке художественной прозы. — М., 1980; Одинцов В.В. Стилистика текста. — М., 1980; Купина Н.А. Лингвистический анализ художественного текста. — М., 1980; Ее же: Смысл художественного текста и аспекты лингвистического анализа. — Красноярск, 1983; Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М., 1981; Горшков А.И. Язык предпушкинской прозы. — М., 1982; Его же: Русская словесность: От слова к словесности. — М., 1996; Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. — М., 1981; Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. — М., 1982; Сорокин Ю.А. Текст, цельность, связность, эмотивность // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. — М., 1982; Его же: Текст и его пространство // Категоризация мира: пространство и время. — М., 1997; Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. — М., 1983; Долинин К.А. Интерпретация текста. — М., 1985; Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис. — М., 1986; Кухаренко В.А. Интерпретация текста. — М., 1988; Шанский Н.М. Лингвистический анализ художественного текста. — Л., 1990; Белянин В.П. Психолингвистический и концептуальный анализ художественного текста с позиций доминанты // Логический анализ языка. Концептуальный анализ. — М., 1990; Максимов Л.Ю. Лингвистический анализ художественного текста. — М., 1992; Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка. Изв. АН СССР. Сер. ЛиЯ. — 1993. Т. 52. — № 1; Баранов А.Г. Функционально-прагматическая концепция текста. — Ростов н/Д., 1993; Бабенко Л.Г., Васильев И.Е., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. — Екатеринбург, 2000; Болотнова Н.С. Анализ текста. — Томск, 2001.

Н.В. Данилевская

ЛИТЕРАТУРНО-РАЗГОВОРНЫЙ СТИЛЬ (тип) речи (разговорная речь) — 1) Функц. разновидность лит. языка, употребляемая в условиях неофициального, непринужденного общения и противопоставленная в пределах лит. языка как дихотомической системы *стилю книжному* (см.). Лит.-разг. стиль в данном значении рассматривается вне системы функц. стилей и может быть обозначен термином не стиль, а тип языка. Основная форма реализации Л.-р. с. (т.) р. — *устная речь* (см.), однако он функционирует и в некоторых жанрах *письменной речи* (см.): записках,

частных письмах, дневниковых записях. Экстралингвистическими факторами (ориентацией прежде всего на устную форму речи, использованием в неофициальной обстановке, преимущественно — в частно-бытовом, обиходном общении, реже — в служебной и социально-культурной сфере, но тоже в ситуациях неподготовленного, неофициального общения) обусловливаются основные стилевые черты Л.-р. с. (т.) р. — непринужденность, конкретность, экспрессивность, субъективная оценочность. Эти черты находят яркое и последовательное отражение в составе употребляемых в Л.-р. с. (т.) р. языковых единиц и особенностях их функционирования.

2) Один из функциональных стилей лит. языка (см. *Разговорный стиль*).

3) Индивидуальная манера речи с «налетом» разговорности, или «фрагментарным» использованием способов и средств Л.-р. с. (т.) р. в первом значении (см. п. 1), т.е. это стиль непринужденного изложения, возможный в различных функц. стилях и жанрах, в т.ч. в письменной форме (ср., напр., индивидуальный стиль некоторых ученых). Данная разновидность речи является книжно-разговорной, или «олитературенной» разговорной, следовательно, нормативной, но характеризующейся более свободной формой выражения, чем собственно книжная речь.

4) Намеренное использование средств разг. речи (непринужденной, может быть, даже фамильярной) — сигналов разговорности (разг.-просторечной лексики, разг. порядка слов, неполных предложений и т.д.) — для получения разг. окраски в неразг. жанрах. Это, во-первых, стилизация разг. стиля и самого процесса говорения в худож. литературе, когда разговорность выступает в качестве эстетической категории; во-вторых, употребление разг. элементов с целью достижения простоты, доступности, эмоциональности речи, создания впечатления меньшей официальности в ораторском искусстве, СМИ, научно-популярном изложении (особенно в устной публичной речи, но также и в письменной), разговорность проявляется при этом как риторическая категория (*О.Б. Сиротинина*). Указанное значение Л.-р. с. (т.) р. близко к предыдущему (см. п. 3), поскольку и в том и в другом случае разговорность характеризует индивидуально-авторский стиль. Однако в последнем случае (в отличие от предыдущего) это качество речи достигается осознанно, усилия автора специально, с определенной целью направлены на передачу особенностей разг. речи.

Если применительно к первому значению (п. 1) более уместен термин «тип языка», а во втором случае имеется в виду функциональный стиль (п. 2), то в последних значениях (п. 3 и 4) зафиксировано понимание стиля, идущее от традиций рус. словесности XIX в.

К числу наиболее общих лингвистических признаков разг. речи (разг. системы общения) относятся следующие: активность некнижных средств языка (со стилевой окраской разговорности и фамильярности), средств субъективно-модального и эмоционально-оценочного характера на всех уровнях языка; употребительность языковых единиц конкретного значения; неполноструктурная оформленность синтаксических конструкций.

В лексике широко используются единицы бытового, конкретного содержания (т. н. бытовизмы): *чайник, кастрюля, расческа, шкаф, куртка*

и мн. др. слова, специализирующиеся на повседневном обиходе, образующие лексико-семантические поля *еда, дом, одежда* и т.п. Ограничен состав абстрактной лексики, книжных слов, терминологии, необщеизвестных слов иноязычного происхождения. Подавляющее количество слов в разг. речи относится к нейтральной общеупотребительной лексике (напр., нейтральное *говорить* используется гораздо чаще, чем *болтать*). Используются оценочные слова (*балбес, растяпа, дрыхнуть*). Отрицательную или (реже) положительную оценку в контекстах разг. речи приобретают слова нейтральные (*собака, корова, орел* и др.). Экспрессивная окраска имеет широкий диапазон — от дружески фамильярной до грубо фамильярной и бранной.

Разг. речь богата фразеологизмами: экспрессивно окрашенными разговорными *(заговаривать зубы, палка о двух концах, рвет и мечет)*, просторечной окраски *(ни в зуб ногой, ни в какие ворота не лезет, курам на смех)*, бранными *(ну их к черту, ко всем чертям, шут гороховый* и др.*)*. Говорящие (независимо от уровня образованности) видят во фразеологизмах единицы с постоянной экспрессией, готовые выразительные средства и легко употребляют их в спонтанной речи.

Словообразовательные особенности Л.-р. с. (т.) р. связаны прежде всего с его экспрессивностью и оценочностью. Активны суффиксы субъективной оценки: *лапушка, мамуся, кисонька, холодина, слабак, хитрюга, злюка*; суффиксы с функциональной окраской разговорности: *-к- (тетрадка, известка), -ик (ножик, дождик), -ун (говорун, крикун), -яг(а) (работяга, трудяга)* и др. Употребительны бессуффиксные образования *(хворь, пляс)*, словосложения *(вертихвостка, лежебока, пустомеля)*, существительные, образованные способом универбации — на базе словосочетания (*сгущенка* — сгущенное молоко, *маршрутка* — маршрутное такси), способом усечения (*комп* — компьютер, *диссер* — диссертация). Оценочное значение получают не только имена существительные, но и прилагательные, в основном благодаря суффиксам: *очк-астый, кус-ачий, худющий, бедн-енький, высоч-енный* и т.д., и глаголы, среди которых префиксально-суффиксальные образования *(по-шал-ивать, при-говар-ивать)*, префиксальные *(под-устал, при-купить)*, суффиксальные *(штраф-ануть, здоров-еть)*. В целях усиления экспрессии используется удвоение основы, иногда с дополнительной префиксацией или суффиксацией *(чудесный-расчудесный, огромный-преогромный, штопано-перештопано, лежмя лежит)*.

В области морфологии в Л.-р. с. (т.) р. специфично соотношение частей речи. В разг. сфере нет обычного для языка преобладания существительных над глаголами: в рус. разг. речи глагол является самым употребительным среди знаменательных слов. Значительно повышенную частотность демонстрируют личные местоимения и частицы, в числе последних активны разговорные *ну, ведь, вот*. Употребительны притяжательные прилагательные *(Колин отец, Димкина кассета, бабушкино лекарство)*. Напротив, почти не встречаются причастия и деепричастия. Ограничен круг кратких прилагательных, в основном это предикативы, очень редко употребляемые в полной форме или вообще не имеющие ее *(должен,*

нужен, рад, прав, виноват, согласен, доволен, похож); в результате в разг. речи почти отсутствует противопоставление кратких и полных форм прилагательных. Среди падежных образований употребительны варианты форм родительного и предложного падежей на *-у (из дому, в отпуску)*. К морфологическим особенностям Л.-р. с. (т.) р. относится и ослабление грамматического значения местоимений, использование их для усиления экспрессии *(Я вся такая уставшая; Она пришла с этим своим новым другом)*. Наблюдается тенденция к усилению черт аналитизма, проявляющаяся, напр., в несклонении первой части составных имен *(к Иван Иванычу, читал Майн Рида)*, составных числительных *(в пятьсот семи)*.

Для синтаксиса характерны неполные, эллиптические предложения, незавершенные конструкции; разного рода повторы (как экспрессивное средство и как прием актуализации тех или иных элементов высказывания); ассоциативные вставки; большое число вопросительных и побудительных предложений, восклицательных предложений. Порядок слов более свободный, чем в книжно-письменной речи. Среди сложных предложений преобладают бессоюзные и сложносочиненные. Процент сложноподчиненных ниже, чем в книжных стилях, причем весьма однообразен состав придаточных, в основном это изъяснительные предложения, присоединяемые к ограниченному кругу глаголов: *Я не знал, что; Я не говорю, что* Для устно-разговорной сферы характерно разнообразие ритмико-темпового оформления речи и богатство эмоционально-экспрессивных интонаций.

Лит.: Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису рус. разг. речи. — М., 1960; Земская Е.А. Рус. разг. речь. — М., 1968; Ее же: Рус. разг. речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. — М., 1979; Сиротинина О.Б. Разг. речь и разг. стиль // Вопросы филологии, Уч. зап. МГПИ. — М., 1969. — № 341; Ее же: Совр. разг. речь и ее особенности. — М., 1974; Ее же: Разг. речь в системе лит. языка и разговорность в истории рус. худож. речи, «Stylistyka-IV» . — Opole, 1995; Ее же: О терминах «разг. речь», «разговорность» и «разг. тип речевой культуры» // Лики языка. — М., 1998; Рус. разг. речь / Под ред. О.Б. Сиротининой. — Саратов, 1970; Петрищева Е.Ф. Стиль и стилистические средства // Стилистические исследования (на материале совр. рус. языка). — М., 1972; Инфантова Г.Г. Очерки по синтаксису совр. рус. разг. речи. — Ростов н/Д., 1973; Рус. разг. речь / Под ред. Е.А. Земской. — М., 1973; Васильева А.Н. Курс лекций по стилистике рус. языка. Общие понятия стилистики. Разговорно-обиходный стиль. — М., 1976; Лаптева О.А. Рус. разг. синтаксис. — М., 1976; Ее же: Разг. речь // ЛЭС. — М., 1990; Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Рус. разг. речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. — М., 1981; Кожин А.Н., Крылова О.А., Одинцов В.В. Функц. типы рус. ре-чи. — М., 1982; Разг. речь в системе функц. стилей совр. рус. лит. языка. Лексика / Под ред. О.Б. Сиротининой. — Саратов, 1983; Рус. разг. речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / Под ред. Е.А. Земской. — М., 1983; Земская Е.А., Ширяев Е.Н. Рус. разг. речь: итоги и перспективы исследования // Русистика сегодня. — М., 1988; Кожина М.Н., Стилистика рус. языка. — 3-е изд. — М., 1993; Функц. стили и формы речи / Под ред. О.Б. Сиротининой. — Саратов, 1993; Горшков А.И. Рус. стилистика. — М., 2001.

Т.Б. Трошева

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК — основная форма существования национального языка, принимаемая его носителями за образцовую; исторически сложившаяся система общеупотребительных языковых средств, прошедших длительную культурную обработку в произведениях авторитетных мастеров слова, в устном общении образованных носителей национального языка. Функциональное назначение и внутренняя организация Л. я. обусловлены задачами обеспечения речевой коммуникации в основных сферах деятельности всего исторически сложившегося коллектива людей, говорящих на данном национальном языке. По своему культурному и социальному статусу Л. я. противопоставляется народно-разг. речи: территориальным и социальным диалектам, которыми пользуются ограниченные группы людей, живущих в определенной местности или объединенных в сравнительно небольшие социальные коллективы, и просторечию — наддиалектной некодифицированной устной речи ограниченной тематики. Между формами национального языка существует взаимосвязь: Л. я. постоянно пополняется за счет народно-разг. речи.

Л. я. присущи след. основные признаки, выделяющие его среди других форм существования национального языка:

1. Нормированность. Языковая норма — общепринятое употребление, регулярно повторяющееся в речи говорящих и признанное на данном этапе развития Л. я. правильным, образцовым. Лит. нормы охватывают все стороны (уровни) языковой системы и поэтому сами представляют собой определенную систему: лексических, фразеологических, морфологических, синтаксических, словообразовательных, орфоэпических, правописных норм. Наличие языковых норм является условием всеобщности Л. я. «Быть общепринятым, а потому и общепонятным» — основное свойство Л. я., которое «в сущности и делает его литературным» (*Л.В. Щерба*).

2. Кодифицированность. Кодификация — научное описание норм, закрепление их в грамматиках, справочниках, словарях; наиболее эксплицитная и объективированная форма признания нормативности языкового явления. Кодификация лит. норм обновляется по мере изменений как в самом языке, так и в оценках его средств говорящими. В совр. обществе кодификация лит. норм происходит при активном участии научной, педагогической, писательской общественности, СМИ.

3. Относительная стабильность (историческая устойчивость, традиционность). Без этого качества Л. я. был бы невозможен обмен культурными ценностями между поколениями. Стабильность Л. я. обеспечивается, во-первых, действием общеобязательных кодифицированных языковых норм, во-вторых, поддержанием стилевых традиций благодаря письменным текстам, т.е. связана еще с одним признаком Л. я. — наличием его письменной фиксации. Стабильности рус. Л. я. способствует также его целостность, отсутствие существенно различающихся местных вариантов.

4. Полифункциональность. Основными формами Л. я., представляющего собой дихотомическую систему, являются разговорно-литератур-

ная и книжно-литературная речь (см. *литературно-разговорный стиль речи, стиль книжный*), противопоставленные друг другу как наиболее крупные функционально-стилевые сферы. В свою очередь книжная речь демонстрирует функционально-стилевое расслоение на речь научную, официально-деловую, публицистическую, художественную. Понятия «Л. я.» и «Язык худож. литературы» нетождественны. Первое шире в том смысле, что объединяет несколько функционально-стилевых разновидностей языка, второе является более широким в другом отношении — в худож. произведения включаются, помимо лит. языковых средств, элементы народно-разг. речи (диалектизмы, жаргонизмы и др.). Кроме того, Л. я. ориентирован на всеобщность, а худож. язык — на творческое индивидуальное своеобразие.

5. Развитая вариативность и гибкость, что обеспечивает параллельные способы выражения и языковую свободу личности. Формирование разнообразных средств выражения в сфере лексики, фразеологии, словообразования, грамматической вариантности в процессе эволюции Л. я. способствовало расширению его функций. Постепенно он начинает обслуживать все сферы человеческой деятельности, и этот процесс сопровождается функционально-стилевым расслоением Л. я. Многообразие пополняющих Л. я. стилей порождает богатую синонимику языковых средств в пределах единого Л. я., делает его сложной, разветвленной системой функц. разновидностей, представляющей интерес как для теории Л. я., так и для стилистики, областью взаимодействия данных языковедческих дисциплин, пересечения их проблематики. Стилистическое (экспрессивно-стилистическое, функционально-стилистическое) богатство Л. я. составляет стилистический аспект Л. я., источник формирования и развития стилистики как науки.

Л. я. проходит в своем становлении несколько этапов, связанных с историей народа. В развитии рус. Л. я. выделяются две главные эпохи: донациональная, которая заканчивается в XVII в., и национальная. Более детальная периодизация Л. я. может быть представлена в след. виде: 1) Л. я. древнерусской народности (XI—нач. XIV в.); 2) Л. я. великорусской народности (XIV—XVII вв.); 3) Л. я. периода формирования рус. нации (от середины—2-й пол. XVII в. до Пушкина); 4) совр. Л. я. (от Пушкина до нашего времени). В более узком понимании термином «совр. рус. Л. я.» обозначается язык XX—XXI в. (с 1917 г.). Еще более узкое толкование — Л. я. новой России (постсоветского периода).

Л. я. — понятие историческое, поскольку на разных этапах развития Л. я. меняются его признаки. В отношении рус. Л. я. эти изменения состояли в следующем: 1. Л. я. возник как письменный (лат. littera — буква, письмо). Под древнерусским Л. я. понимается тот язык, который дошел до нас в письменных памятниках XI—XIII вв., принадлежащих к различным жанрам, а именно: жанрам светской повествовательной литературы (литературно-худож. произведение «Слово о полку Игореве», летописные повествования и др.), деловой письменности (свод законов «Русская правда», договорные, купчие, жалованные и другие грамоты), цер-

ковно-религиозной литературы (проповеди, жития). Рус. Л. я. функционировал только как письменный на протяжении всего донационального периода. 2. Л. я. донациональной эпохи не был единым: существовало несколько его типов, среди которых сформированные не только на основе языка древнерусской народности, но и на основе церковнославянского языка. 3. В истории рус. Л. я. претерпевал изменения такой существенный признак Л. я., как норма. Нормы в донациональный период имели стихийный характер, не были кодифицированными (до появления первых рус. грамматик), строго обязательными. Для каждого типа Л. я. (напр., народно-литературного или церковно-книжного) складывались свои нормы. Они имели отношение только к письменной форме языка, поскольку и сам Л. я. был письменным. 4. Л. я. донационального периода отличался узостью употребления и своих функций. Им владела ограниченная часть общества — представители высших кругов и монахи. Л. я. был прежде всего языком оф.-дел. общения (некоторые исследователи, напр. А.И. Горшков, не считают, что на ранних этапах развития Л. я. деловой язык можно признать Л. я.); кроме того, использовался в худож. литературе и летописях. Становление системы функц. стилей в рамках единого Л. я. происходит позже, в конце XVIII—нач. XIX в. Постепенно формируются закономерности использования языковых единиц в зависимости от целей общения в той или иной функц. сфере (см. *Функциональный стиль, Историзм стиля*).

В истории Л. я. большую роль играет творчество выдающихся мастеров слова. Так, А.С. Пушкин, руководствуясь принципами соразмерности и сообразности, достиг в своем творчестве смелого синтеза всех жизнеспособных элементов Л. я. с элементами живой народной речи и положил начало совр. рус. Л. я.

В качестве основной тенденции в развитии рус. Л. я., действующей начиная с пушкинского периода, исследователи называют тенденцию к демократизации Л. я. Однако демократические процессы в рус. языке имели разную направленность, особенно в XX в. Для первых послереволюционных лет характерно вовлечение в общественно-политическую жизнь широких слоев населения, которые не владели или не вполне владели нормами Л. я., в результате чего сами нормы получили активное развитие, расширение. В тоталитарно-административную эпоху были по многим позициям отброшены назад процессы демократизации (см. *Тоталитарный язык*), однако в противовес жесткой регламентации языка возникали новые демократические тенденции: стремление освободиться от т. н. новояза, творческое освоение языка, появление газет, журналов, радио- и телепередач с собственным стилем во времена «хрущевской оттепели». В период стагнации (брежневский период) наблюдается попытка возродить (в ослабленных, иногда пародийных формах) тоталитарное мышление и новояз — официальный язык тоталитарной эпохи. В период перестройки и постперестройки в развитии Л. я. возрождается демократическая доминанта. Характерные тенденции — усиление в речи личностного начала, диалогичность, стилистический динамизм. Наибо-

лее подвижны разг. речь и публ. стиль, особенно такая его разновидность, как язык СМИ. Совр. период развития Л. я. характеризуется и некоторыми негативными явлениями: нарушением норм лит. речи (в связи с расширением границ речевой свободы), тенденцией к *речевой агрессии* (см.). (См. также *Языково-стилистические изменения в современных СМИ*.)

Многофункциональность рус. Л. я., вариативность, взаимодействие с различными ответвлениями общенационального языка и с другими национальными языками, а также сама история рус. Л. я. определили его богатство в сфере стилистических ресурсов: разнообразие стилистических, выразительных и образных возможностей, многообразие интеллектуальных и экспрессивно-эмоциональных средств выражения.

Лит.: Соболевский А.И. История рус. лит. языка. — М., 1980; Щерба Л.В. Избр. работы по рус. языку. — М., 1957; Истрина Е.С. Нормы рус. лит. языка и культура речи. — М.; Л., 1948; Винокур Г.О. Избр. работы по рус. языку. — М., 1959; Виноградов В.В. Очерки по истории рус. лит. языка XVII—XIX вв. — 3-е изд. — М., 1982; Его же: Проблемы лит. языков и закономерностей их образования и развития. — М., 1967; Его же: Лит. язык // Избр. тр. История рус. лит. языка. — М., 1978; Пражский лингвистический кружок. — М., 1967; Рус. язык и советское общество: В 4 т. — М., 1968; Ицкович В.А. Языковая норма. — М., 1968; Гухман М.М. Лит. язык // ЛЭС. — М., 1990; Семенюк Н.Н., Норма (там же); Шмелев Д.Н. Рус. язык в его функц. разновидностях. — М., 1977; Филин Ф.П. Истоки и судьбы рус. лит. языка. — М., 1981; Брагина А.А. Синонимы в лит. языке. — М., 1986; Бельчиков Ю.А. Речевая коммуникация как культурно-исторический и историко-лингвистический фактор функционирования лит. языка, «Stylistyka-II». — Opole, 1993; Его же: Лит. язык // Энц. Рус. яз. — М., 1997; Его же: Стилистика и культура речи. — М., 2000; Рус. язык конца XX столетия (1985—1995). — М., 1996; Рус. язык (1945—1995). — Opole, 1997.

Т.Б. Трошева

ЛОГИЧНОСТЬ (как коммуникативное качество речи) — одно из важнейших коммуникативных качеств, характеризующееся как последовательность, непротиворечивость высказывания или построение речи в соответствии с законами логики, с отношениями и связями реальной действительности. Иначе говоря, выражение смысловых связей и отношений между частями и компонентами мысли посредством языковых единиц, способствующих организации смысловой связанности и непротиворечивости элементов речевой структуры *(Б.Н. Головин*). Л., как и *точность* (см.), характеризует речь со стороны содержания.

Для соблюдения Л. важны условия как экстралингвистические (умение логически мыслить, знание формально-логических законов), так и собственно лингвистические. Одни лингвистические условия могут действовать на пространстве одного высказывания, другие — в пределах объединения высказываний, третьи — лишь на уровне целого текста.

Условием Л. на уровне высказывания является непротиворечивое сочетание слов. Утверждение взаимоисключающих понятий (напр.: *По-*

терпевший поджал под себя ноги и лежал невредим с разбитой головой.), соединение логически неоднородных понятий (напр.: *В море плавали спасательные круги, лодки и матросы*) и их сопоставление (*Кругом, кроме трупов, ни живой души*.) очень часто, как видно из примеров, создают комический эффект.

Нарушения Л. возникают при неправильном порядке слов, напр.: *Интересно и содержательно освещают работу выставки по рекламе продукции отечественных предприятий газеты*, что также создает комический эффект, напр.: *В продажу поступила одежда для детей отечественного производства*.

Важным условием создания Л. речи является обозначенность переходов от одной мысли к другой. Пропуск звеньев в развитии мысли приводит к смещению плана изложения (напр.: *В семье Татьяну Ларину не понимали. Она часто сидела у окна*.) или к нарушению причинных связей (*В нашем районе отсутствуют спортивные площадки. Это приводит к тому, что некоторые подростки портят стены, бьют стекла*.).

Особую роль в построении логичного текста играют средства внутрифразовой и межфразовой связи (средства связности): лексические (повторы, синонимические замены, антонимы, слова со значением «части и целого»), морфологические (местоимения 3-го лица, указательные местоимения и наречия, наречия времени, порядковые и количественные числительные, предлоги *в, к, на, от, по; в отношении и др.*, союзы *и, а, но, не... а..., однако; будто, если, чтобы, хотя, так как, потому что*, частицы *ведь, вот и, же, ли)*; синтаксические средства (вводные слова и словосочетания, единство видо-временных форм глаголов-сказуемых, вопросительные и восклицательные предложения). Обычно названные средства в тексте выступают во взаимодействии.

Средства внутрифразовой и межфразовой связи должны ясно и правильно выражать связь частей высказывания или между отдельными высказываниями в тексте. Неправильный выбор средств связи приводит к алогичности: *Сейчас в Москве 14—16 градусов,* ***а*** *в Санкт-Петербурге* ***тоже*** *14—16.*

Текстовые средства межфразовой связи, как правило, выполняют двойную функцию: обобщают сказанное ранее и открывают следущую микротему повествования. Существуют два способа межфразовой связи: 1) *цепная*, 2) *параллельная*. Большую роль в речи играет *цепной* вид связи (80—85% объема текстов во всех стилях речи), отражающий последовательное движение мысли, при котором каждое последующее предложение развивается из предыдущего: *«...теперь жена казалась в полтора раза старше его. Это была женщина высокая, с темными бровями, прямая, важная, солидная...»* (А.П. Чехов).

Речь приобретает эмоциональный, экспрессивный характер при *параллельной* связи, когда предложения не развиваются одно из другого, а сопоставляются. Каждое последующее предложение развивается по типу предыдущего. Не случайно параллельная связь очень часто дополняется фигурами речи, усиливающими ее выразительность, например *анафо-*

рой (единоначатием): *«Это было* в День Победы. *Это было* в солнечном городе, в сквере, *где* буйная зелень, яркие цветы и веселые ребятишки — все говорит о весне и жизни. *Это было* там, *где* над братской могилой горит вечный огонь» (Из газ.).

Л. речи на уровне текста проявляется в умело построенной *композиции* (см.). Представление о композиции как логике развития темы возникло в древности. Законы композиции во многом определяются конкретным жанром произведения, но трехчастное построение речи (вступление, основная часть, заключение) — почти универсальный закон конструирования нехудожественного текста.

Вступление предполагает введение в тему, ознакомление с предметом речи. Основная часть содержит развитие основной мысли, намеченное во вступлении. Здесь непосредственно и разносторонне раскрывается тема, решаются поставленные проблемы, сообщаются основные сведения, суть дела. В заключении обычно подводится итог, формулируются со всей определенностью выводы, суммируется сказанное.

Цельность, стройность логической организации текста, выраженные переходы от одной части к другой помогают создать внутренне стройный и завершенный текст. Цельность тексту придает наличие главной мысли. Развитие ее в тексте происходит через развитие микротем (звеньев главной мысли). Показателем перехода от одной микротемы к другой служит *абзац* (см.). Разделение текста на абзацы облегчает его восприятие и понимание.

Л. как общее коммуникативное качество свойственно текстам любых функц. стилей. Но проявляется это речевое качество весьма специфично — в зависимости от конкретных условий коммуникации. Требования, предъявляемые речи со стороны ее логичности, особенно высоки в науч. стиле, которому свойственна подчеркнутая Л. (см. *Стилевые черты*). В худож. и публиц. стилях могут использоваться алогизмы в стилистических целях как средство создания комического эффекта, напр.: *Был с почтением у губернатора, который, как оказалось, подобно Чичикову, был ни толст, ни тонок собой, имел на шее Анну и поговаривали даже, что был представлен к звезде, впрочем,* ***был большой добряк и даже сам вышивал по тюлю*** (Н.В. Гоголь). Алогизмы могут быть положены в основу афоризмов, басен, т.е. целых худож. произведений.

Лит.: Кожина М.Н., О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. — Пермь, 1972; Васильева А.Н. Курс лекций по стилистике русского языка. Научный стиль. — М., 1976; Котюрова М.П. Эволюция выражения связности речи в научном стиле XVIII—XX вв. — Пермь, 1976; Головин Б.Н. Основы культуры речи. — М., 1988; Васильева А.Н. Основы культуры речи. — М., 1990; Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. — Свердловск, 1990; Введенская Л.А., Павлова Л.Г. Культура и искусство речи. — Ростов н/Д., 1995; Мучник Б.С. Культура письменной речи: Формирование стилистического мышления. — М., 1996; Ивакина Н.Н. Профессиональная речь юриста. — М.,1997.

Л.Р. Дускаева, О.В. Протопопова

ЛОГИЧНОСТЬ ТЕКСТА (как стилевая черта) — существенное свойство текста, определяющее качество структуры, организации содержания речи в плане соответствия последнего формально-логическим законам мышления.

В функц. стилистике, в частности стилистике науч. текста, под Л.т. понимается структурно-логическая схема целого текста, а также соответствующее свойство развертывания этой схемы в процессе изложения научного содержания как существенная *стилевая черта* (см.) науч. функц. стиля. С учетом именно качества изложения трактуются понятия подчеркнутой Л.т. (*М.Н. Кожина*) и открытой Л.т. (*А.Н. Васильева*). Вместе с тем во фрагментах текста даже с «прозрачной», логически стройной организацией имеет место определенное противоречие: с одной стороны, четкая логическая структура смысла текста, с другой — нарушение последовательности, логичности изложения в «строго» науч. тексте. Это противоречие обусловлено взаимодействием двух принципов организации содержания — логического и иерархического. Любой уровень иерархической системы содержания характеризуется дискретностью единиц (понятий, суждений, умозаключений, логем; слов, словосочетаний, предложений, сложных синтаксических целых), которые включаются в функционирование избирательно, отчего и образуются «смысловые скважины». Эти дискретные единицы объединяются по правилам формальной и диалектической логики и образуют целостность именно в пределах доказательства гипотезы. Установление отношений дискретных единиц в пределах вышележащего уровня вызывает наличие не только строго логических отношений (что является основанием для существующего в лингвостилистике утверждения о строгой Л. содержания текста), но и отношений, логически устанавливаемых лишь при обращении к более широкому контексту (что является основанием для вывода о нестрогой Л. собственно науч. текста).

Л. как одна из важнейших стилевых черт науч. речи, образующая наряду с другими специфику науч. функц. стиля, может рассматриваться в разных отношениях: понятийно-логическом, психолого-коммуникативном и когнитивно-эпистемическом. В понятийно-логическом отношении Л. р. представляет собой совокупность языковых единиц со значением определенных логико-семантических отношений между науч. понятиями в рамках высказываний разной степени сложности (от отдельного предложения до текста целого произведения). В психолого-коммуникативном отношении Л. р. соотносится с объективной языковой значимостью той или иной единицы среди единиц с аналогичным значением. Так, в отличие от глаголов, подчеркивающих наличие того или иного свойства, причастия и полные прилагательные характеризуются меньшей коммуникативной значимостью: выступая в роли определений, они являются факультативными компонентами синтаксической структуры предложения. См.: «*диалекты* ***характеризуются*** *набором признаков»; «показатели,* ***характеризующие*** *особенности языковой ситуации»; «выдвигать признаки,* ***характерные*** *для современных славянских языков*». В этом смысле

периферийное положение занимают и такие важные, специализированные в языковой системе средства выражения отношений между понятиями, как предлоги. В коммуникативном плане средства выражения логико-семантических отношений между понятиями различаются в соответствии со степенью их актуальности/неактуальности с позиции автора, а именно в зависимости от его психолого-коммуникативной установки. В речи автор отдает предпочтение глаголам, причастиям либо предлогам, осознавая или, возможно, не осознавая того, что глаголы констатируют отношения, наиболее актуальные в процессе коммуникации, причастия и отыменные предлоги — менее актуальные, непроизводные же предлоги лишь сигнализируют о них (напр.: «*признаки* ***относятся*** *к диахронии»; «вопросы,* ***относящиеся*** *к истории славянских языков*»; «***по отношению к*** *другим стратам предлагается ряд признаков»; «изменений в языке* ***в отношении*** *форм вежливости»; «как это видно* ***в отношении*** *грамматики»; «наблюдения* ***относительно*** *аналитических форм»*). В текстах, представляющих тот или иной функц. стиль, психолого-коммуникативные различия в выражении Л. р. могут быть установлены с учетом лишь всего комплекса средств, использованных для подчеркивания этого качества речи в текстах целых произведений.

В когнитивно-эпистемическом отношении Л. науч. р. соотносится с композицией таких компонентов знания, как проблема, гипотеза, доказательство, научные факты (эмпирические данные либо теоретическое положение, обоснованные в рамках других концепций), теоретическое положение и т.д. В процессе текстообразования такая «многоликая» научная информация выстраивается в соответствии с динамикой развивающегося науч. знания как целостной эпистемической системы, в соответствии с логическими установками и ограничениями, вместе с тем оформляясь средствами языковой системы.

Л. науч. р. имеет целенаправленный эпистемический характер, проявляющийся в том, что информация даже нечетко (нестрого) логическая вводится специальными речевыми средствами, помогающими читателю ориентироваться в гетерогенной «массе» знания.

Лит.: Кожина М.Н., О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. — Пермь, 1972; Васильева А.Н. Курс лекций по стилистике русского языка. Научный стиль. — М., 1976; Котюрова М.П. Эволюция выражения связности речи в научном стиле XVIII—XX вв. — Пермь, 1976; Головин Б.Н. Основы культуры речи. — М., 1980; Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. — Свердловск, 1990; Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII—XX вв. Т. II. Стилистика научного текста (общие параметры). Ч. 2, Категории научного текста: функционально-стилистический аспект / Под ред. М.Н. Кожиной. — Пермь, 1998 (глава IV. Логичность научной речи — автор М.П. Котюрова).

М.П. Котюрова

ЛОКАЛЬНОСТЬ — см. *Текстовое пространство.*

М

МАКРОТЕКСТ — совокупность высказываний или текстов, объединенных содержательно или ситуативно, а также связанных на основе структурно-композиционного и культурного единства. Это *целостное* образование, единство которого зиждется на тематической общности входящих в него единиц (*микротекстов* — см.).

В лингвистической литературе понятие М. неоднозначно. Под ним понимаются единицы от безмерно больших — М. как объединение всех существующих в культурном пространстве текстов — до предельно малых — М. как объединение нескольких высказываний (микротекстов) в рамках одного структурно-смыслового целого, например в рамках сверхфразового единства (СФЕ). В зависимости от «масштабности» трактовки М. все существующие подходы к нему можно разделить на две группы: 1) М. как единица культуроцентрического порядка и 2) М. как единица текстцентрического порядка.

М. в аспекте культуроцентрического подхода предстает как универсальная модель текста вообще, где текст понимается как *интертекст*, включающий в свое содержание разные другие, «чужие» тексты. Иначе говоря, М. здесь выступает как единица высокого уровня абстракции, охватывающая неопределенное множество более мелких, частных микротекстов.

Эта радикальная концепция М. восходит к трудам М.М. Бахтина, в частности к его идее о принципиальной диалогичности текста. Так, по мнению ученого, литературная коммуникация не может существовать как tabula rasa, и «всякое конкретное высказывание находит тот предмет, на который оно направлено, всегда уже оговоренным, оцененным. Этот предмет пронизан точками зрения, чужими оценками, мыслями, акцентами. Высказывание входит в эту диалогически напряженную среду чужих слов, вплетается в их сложные взаимоотношения, сливается с одними, отталкивается от других, пересекается с третьими» (*Бахтин,* 1975, с. 89—90). В этом случае всякий текст означает не только отдельное произведение, но высказывание в общей динамике культуры.

Идея диалогичности текста и его принципиальной незамкнутости разрабатывалась также и в зарубежном языкознании (труды *Ю. Кристевой, М. Риффатера, Ж. Дерриды, Р. Барта, Х. Пфистера* и др.). В отече-

ственной лингвистике этой проблеме посвящены исследования Ю.М. Лотмана, Н.А. Купиной, Г.В. Битенской, Н.А. Кузьминой, Е.В. Чернявской и др. При этом диалогичность в этой группе концепций трактуется как перекличка идей во времени, а сам текст приобретает значение интертекста со статусом историко-культурной парадигмы. Так, по Ю. Кристевой и Ю.М. Лотману, текст предстает как «транссемиотический универсум», вбирающий в себя все смысловые системы и культурные коды. С этой точки зрения всякий текст выступает как интертекст, а предтекстом каждого отдельного произведения является не только совокупность всех предшествующих текстов, но и сумма лежащих в их основе общих кодов и смысловых систем. Между новым, создаваемым, текстом и предшествующими существует общее пространство, которое вбирает в себя весь культурно-исторический опыт личности. Таким образом, текст выступает как интертекст, как безграничный, бесконечный макротекст, объединяющий в каждом своем фрагменте все предшествующие тексты (микротексты).

Существует и более узкое понимание М. как интертекста, когда последний связан с отдельным текстом определенного стиля (худож., науч., публиц. и др.) и представляет собой смысловую структуру, открытую для других смыслов («чужих» текстов). Эта «открытость» реализуется в общем речевом движении посредством цитации, ссылок на других авторов и их произведения, отсылок читателя к предшествующим (уже существующим в общечеловеческом фонде знания) идеям, мнениям, высказываниям, в косвенной цитации, пересказе, упоминаниях, а также посредством неэксплицированной, ментальной опоры на накопленный человечеством интеллектуальный багаж и т.п. (*Кузьмина,* 1999; *Чернявская,* 1999).

Близким к культуроцентрической концепции оказывается и понятие *сверхтекста*, под которым подразумевается «совокупность высказываний, текстов, ограниченная темпорально и локально, объединенная содержательно и ситуативно, характеризующаяся цельной модальной установкой, достаточно определенными позициями адресата и адресанта, с особыми критериями нормального/анормального» (*Купина, Битенская,* 1994, с. 215). Правда, понятие сверхтекста является содержательно более узким, частным по сравнению с понятием интертекста, поскольку объединяет микротексты не в рамках всей культуры, а лишь в рамках определенной тематики или специфической авторской модальности (см. *Сверхтекст*).

М. в аспекте текстцентрического подхода предстает как модель отдельного текста, включающего в свою смысловую структуру некоторый набор иерархически упорядоченных и взаимосвязанных микротекстов. В рамках данной концепции также можно выделить группу более «широкого» и более «узкого» понимания М.

«Широкое» понимание М. связано с *функц.-смысловым подходом* к анализу текста. В этом случае М. выступает в качестве содержательной целостности, в рамках которой микротексты различного ранга объеди-

няются не только на основе структурно-композиционного единства, но, главным образом, на основе смыслового взаимодействия и логико-семантической взаимообусловленности. При этом исходным объяснительным критерием организации М. служит функ. принцип исследования, учитывающий экстралингвистическую предопределенность внутреннего устройства целого произведения. Такой подход позволяет объяснить собственно стилистическую специфику смысло-текстостроительства и самого текста как продукта функционально обусловленной коммуникативно-речевой деятельности.

Разновидностями микротекста в данном подходе служат такие единицы, как, напр., 1) *субтекст* (СТ), под которым понимается относительно самостоятельная структурно-смысловая единица целого текста (напр., научного), являющаяся средством речевой реализации одного из аспектов познавательной, эпистемической, ситуации (онтологического, методологического, коммуникативно-прагматического или рефлективного), соотнесенная с определенным объектом действительности и определенной целеустановкой в научно-познавательной деятельности (*Баженова,* 2001). Среди СТ как текстообразующих единиц выделяются основные и дополнительные. К основным относятся СТ нового знания и методологический СТ, которые наиболее тесно связаны с основной информацией произведения, поскольку опредмечивают в тексте само новое знание и способы его получения в познавательном процессе. К дополнительным относятся СТ, формирующие контекст нового знания, т.е. несущие дополнительную информацию о нем; это иносубъектные, рефлективные и прагматические СТ. Каждый из СТ включает в свой состав несколько микросубтекстов. Таким образом, научный текст как макроструктура (макротекст) оказывается представленным своей системой микроструктур (микротекстов) (см. *Интертекстуальность*);

2) *развернутый вариативный повтор* (*РВП* — см.). Это специфические микроструктуры научного текста, которые представляют собой структурно-смысловые сегменты целостного повествования, соотносящиеся с ранее выраженной в тексте мыслью (положением). РВП воспроизводит эти предшествующие мысли, но не дословно, а развертывая их в содержательном плане, обогащая небольшими «порциями» нового знания. В зависимости от структурных и семантических особенностей, а также от функциональной роли в научно-познавательном диалоге РВП подразделяются на разные группы, подгруппы и разновидности, составляя иерархически организованную систему микроструктур в макротексте (*Данилевская,* 1992);

3) *коммуникативный блок*, понимаемый как структурно-семантическая текстовая единица, являющаяся результатом языковой материализации одного или нескольких коммуникативно-познавательных действий (смыслов) и функционирующая в научном тексте в качестве структурного элемента его содержания. В процессе порождения текста К-блоки реализуют определенные коммуникативно-познавательные действия автора и выполняют функцию воздействия на адресата (*Крижановская,*

2000). В зависимости от реализуемых коммуникативно-познавательных действий и от фрагмента смыслового содержания выделяются следующие К-блоки: введение темы, формулировка проблемы, постановка цели и задач, выдвижение гипотезы и др. В одном и том же произведении каждая из этих единиц единственна, т.е. не повторяется; в рамках целого текста, объединяясь, К-блоки организуют иерархически упорядоченную систему и тем самым формируют композиционно-смысловую структуру научного произведения. Следовательно, по отношению к целому (= сверхтексту) К-блоки выступают в качестве его строевых коммуникативно и содержательно маркированных компонентов, или микротекстов (см. *Коммуникативный блок*);

4) *типовые комплексы коммуникативно-познавательных действий* автора научного произведения, понимаемые как жанровые субформы научного речевого произведения (описательный, классификационный и др.). Эти познавательно-коммуникативные действия реализуются в научном тексте в виде стереотипных в языковом и функциональном отношении структур и отражают когнитивно-стилистические особенности речевой деятельности, материализующейся в произведении (*Салимовский,* 2002). Объединяясь и взаимодействуя в процессе развертывания речевой ткани произведения, они обусловливают макроструктуру и суперструктурную схему речевого жанра научной статьи или монографии, т.е. их важнейшие тематические и композиционные особенности.

«Узкое» понимание М. связано со *структурно-семантическим подходом* к анализу текста. В этом случае текст, понимаемый как отдельное произведение, предстает в виде макроструктуры, возникающей на основе логико-семантических отношений между суперсинтаксическими единицами. При этом в качестве последних называются сложное синтаксическое целое (ССЦ), суперсинтаксическое единство, прозаическая строфа, сверхфразовое единство (СФЕ), абзац, сегмент, суперсегмент и др. Данные единицы вычленяются из текста на основе критерия тематической определенности и отличаются друг от друга «масштабностью» своих микротем (см. работы *М.П. Брандес, Г.А. Золотовой, О.А. Крылова, Л.М. Лосевой, Е.А. Реферовской, И.П. Севбо, Л.Г. Фридмана* и др.). Такой синтактико-тематический подход к анализу организации текста не учитывает содержание целого произведения и потому отражает лишь его структурные особенности, оставляя без внимания сам процесс, динамику текстообразования.

Представляет интерес подход к тексту со стороны лингвосоциопсихологии, где в качестве М. выступает некоторая система смысловых элементов, функционально объединенных в единую иерархически организованную коммуникативно-познавательную структуру общей концепцией или замыслом субъектов общения. Эта система формируется микроструктурами, под которыми понимаются разнопорядковые смысловые блоки-предикации: предикации первого порядка — это отдельные языковые средства и целостные высказывания, выражающие основную идею сообщения; предикации второго, третьего и т.д. порядков — это языко-

вые единицы различных рангов, связанные с выражением неосновных, дополнительных смыслов и отличающиеся друг от друга степенью отдаленности от предикаций первого порядка (основной информации). При этом ранжирование смыслов на разные уровни блоков-предикаций происходит с учетом психологических особенностей восприятия и понимания текстовой информации читателем (*Дридзе,* 1980).

К проблеме соотношения макро- и микротекстов можно отнести и структурно-семантическую теорию, провозглашающую идею о денотативной природе смысловой структуры текста, где в качестве ее элементов выступают темы, подтемы и субподтемы, связанные иерархическими отношениями (работы *А.И. Новикова, К.С. Чикваишвили, Л.А. Черняховской* и др.).

Кроме того, к области макро/микротекстового соотношения относятся такие известные концепции, как теория актуального членения (*Г.А. Золотова*, *О.Б. Сиротинина*, *О.А. Лаптева*, *И.И. Ковтунова*, *И.П. Распопов*, *Н.А. Слюсарева* и др.), теория «категориального текстструктурирования» (см. *Категория функциональная семантико-стилистическая*), ср., напр., функционально-стилистическое и структурное значение в текстообразовании таких категорий, как диалогичность (*М.Н. Кожина*, *Л.Р. Дускаева*), гипотетичность (*И.С. Бедрина*, *Т.Н. Плюскина*), связность (*И.Р. Гальперин*, *М.П. Котюрова*), оценочность (*М.П. Котюрова*, *Л.В. Сретенская*), ретроспекция и проспекция (*И.Р. Гальперин*, *Н.В. Брускова*, *Я.А. Чиговская*) и некоторые иные, а также роль их системных отношений в процессе формирования текста как структуры смысла (*Т.В. Матвеева*). Во всех этих концепциях целый текст предстает как макроструктура, основанная на взаимосвязи иерархически организованных микроструктур того или иного вида.

Лит.: Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. — М., 1975; Лотман Ю.М. Текстовые и внетекстовые структуры // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. — М., 1994; Его же: Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. — М., 1999; Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. — Екатеринбург; Омск, 1999; Чернявская В.Е. Интертекстуальное взаимодействие как основа научной коммуникации. — СПб., 1999; Баженова Е.А. Научный текст в аспекте политекстуальности. — Пермь, 2001; Салимовский В.А. Жанры речи в функцитонально-стилистическом освещении (научный академический текст). — Пермь, 2002 и др.; Севбо И.П. Структура связного текста и автоматизация реферирования. — М., 1969; Лосева Л.М. Текст как единое целое высшего порядка и его составляющие (сложные синтаксические целые) // Русский язык в школе. — 1973. — № 1; Золотова Г.А. Роль ремы в организации и типологии текста. — М., 1979; Кухаренко В.А. Интерпретация текста. — Л., 1979; Дридзе Т.М. Язык и социальная психология. — М., 1980; Сиротинина О.Б. Лекции по синтаксису русского языка. — М., 1980; Слюсарева Н.А. Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. — М., 1981; Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. — М., 1983; Реферовская Е.А. Коммуникативная структура текста. — Л., 1989; Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Синхронно-сопоставительный очерк. — Свердловск, 1990; Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика (сложное синтаксическое целое). —

М., 1991; Данилевская Н.В. Вариативные повторы как средство развертывания научного текста. — Пермь, 1992; Крылова О.А. Коммуникативный синтаксис русского языка. — М., 1992; Фридман Л.Г. Границы абзацев и их маркеры // Лингвистика текста. — Пятигорск, 1993; Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. — М., 1998; Крижановская Е.М. Коммуникативный блок как единица смысловой структуры научного текста // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII—XX вв. / Под ред. М.Н.Кожиной. Т. II. Ч. 1. Стилистика научного текста (общие параметры). — Пермь, 1996; Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII—XX вв. / Под ред. М.Н.Кожиной. Т. II. Ч. 2. Категории научного текста: функционально-стилистический аспект. — Пермь, 1998 и др.

Н.В. Данилевская

МЕТАФОРА — см. *Стилистические ресурсы лексики*.

МЕТОД(Ы) ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА — это совокупность различных приемов анализа текста (и его языковых средств), с помощью которых в стилистике формируются знания о закономерностях функционирования языка в различных сферах общения; способы теоретического освоения наблюдаемого и выявленного в процессе исследования. Наряду с использованием общелингвистических методов стилистика вырабатывает и свои, соответствующие предмету исследования и целям анализа. Правила использования методов, а также составляющих их приемов есть *методика* стилистического анализа. Кроме того, понятие М. с. а. (как и более общее понятие «методы лингвистич. анализа») связано с понятиями *аспект*, *концепция* и *методология*, не совпадая, однако, по значению ни с одним из них полностью.

Аспект исследования — это «угол зрения», «ракурс рассмотрения» объекта действительности, например диахрония и синхрония, парадигматика и синтагматика, язык и речь в совокупности используемых при их изучении методов и приемов. Концепция [лат. conceptio — понимание, система] — определенный способ понимания, трактовки каких-либо явлений, руководящая идея для их освещения, ведущий замысел, конструктивный принцип различных видов деятельности. Следовательно, концепция предопределяет возможную процедуру реализации (практической проверки) своих собственных принципиальных положений. Именно в этом смысле стилистика как определенный способ видения языковых явлений не только по-своему использует существующие в лингвистике методы, но и предлагает (разрабатывает) свои собственные. Методология [греч. méthodos — путь исследования, теория, учение + logos — слово] — это учение о приемах и средствах научного познания, это совокупность методов, применяемых в какой-либо науке.

Таким образом, методология − это наиболее общее, наиболее широкое понятие. Она может быть основой для многих концепций. Метод как важнейшее составляющее включается и в методологию, и в концепцию, хотя разработка его ведущих принципов и приемов, последова-

тельность их использования диктуются прежде всего концептуальными установками. Метод, как правило, представляет собой совокупность приемов, вводимых в действие в определенной последовательности.

Методологической основой стилистического анализа в русской лингвистике с XIX в. являются фундаментальные положения о связи языка и мышления, языка и общества, о социальной сущности языка и его функций (труды *В. Гумбольдта, А.А. Потебни, Ф. де Соссюра, Б. Де Куртенэ, М.М. Бахтина, Л.С. Выготского, Б.А. Серебренникова, А.А. Леонтьева, Г.П. Щедровицкого* и др.).

С оформлением функц. стилистики в отдельную научную дисциплину особое значение приобретают проблемы системности изучаемого объекта, социальных функций языка, различения языка и речи с акцентом на проблеме употребления (использования) языка в разных сферах общения, связанных с разными видами деятельности и формами сознания. В связи с этим методологическая основа стилистики расширяется, опираясь на знания смежных гуманитарных наук — философии, гносеологии, психологии, психолингвистики, науковедения и др.

Применение того или иного метода в конкретной исследовательской практике зависит от цели исследования. Если в самом общем плане под стилистикой понимать лингвистическую науку о средствах речевой выразительности и о закономерностях функционирования языка, обусловленных целесообразным использованием языковых единиц в зависимости от содержания высказывания, целей, ситуации, сферы общения и др. экстралингвистических факторов, то следует признать реальность существования различных целей стилистического исследования, каждая из которых формирует определенное методико-стилистическое направление, аспект исследования. Сегодня выделяют шесть таких направлений, различающихся методами (методикой) анализа объекта исследования: стилистику ресурсов, (в том числе практическую), функциональную стилистику, стилистику текста, стилистику художественного текста, диахроническую и сопоставительную стилистики как ответвления (разновидности) от стилистики ресурсов и функц. стилистики. При этом принципы функц. стилистики — как методологически более широкого направления — пронизывают собою все другие стил. направления: в рамках функц.-стилистических исследований могут быть поставлены цели и решаться задачи, относящиеся к любому из направлений или сразу к нескольким из них, однако концептуальная основа, целевое начало все же будет оставаться за функц. стилистикой. Можно считать, что последняя в определенных случаях соотносится с другими стилистическими направлениями как методология с входящими в нее конкретными методами.

Теоретической основой *функциональной стилистики* (см.) является идея о единстве языка со всем комплексом неязыковых (экстралингвистических) факторов, сопутствующих интеллектуально-духовной деятельности человека и влияющих на процесс и специфику речепроизводства. Поэтому предмет ее исследования — речевая организация (речевая сис-

темность), т.е. не структура языка, не сами по себе языковые средства, а принципы их отбора и сочетания в различных сферах деятельности, в зависимости от конкретных коммуникативных условий общения и экстралингвистических стилеобразующих факторов (см. *Стилистика; Функц. стилистика; Экстралингвистические стилеобразующие факторы*).

В стилистике ресурсов основной метод и путь анализа — от средств к функциям; т.е. главной целью здесь является определение того, как те или иные стилистические средства языка (единицы и их пласты со стилистическими окрасками) используются в текстах отдельных произведений, авторов, жанров и т.д., какие конкретные стилистические функции они выполняют.

В функц. стилистике, как одном из центральных направлений стилистики, общий подход и методика исследования противоположны — от функций к средствам; т.е. центральной целью анализа является выявление того, какими языковыми и речевыми средствами реализуются основные функции речевых разновидностей (функц. стилей, подстилей, жанров), как экстралингвистическая основа стилей влияет на формирование речевой организации, речевой системности стилей. При этом учитывается взаимодействие средств не только одной стилевой окраски или одного уровня языка, но взаимодействие разноуровневых средств.

Таким образом, функц. подход (метод), *во-первых*, означает анализ единиц разных уровней языка, причем не столько структурно-системное их исследование, сколько коммуникативно-системное, с учетом целей и задач общения. *Во-вторых*, для функц. стилистики характерен функциональный метод, смысл которого заключается в установлении значимости определенных закономерностей функционирования языковых средств для специфики речевой системности стиля и его разновидностей (текстов). *В-третьих*, функц.-стилистический метод теснейшим образом связан с идеей единства лингвистического и экстралингвистического аспектов речи. Эта идея, в свою очередь, предопределяет важность для функц. стилистики принципа системности, когда речевая единица понимается как некоторый компонент взаимообусловленности в ряду других подобных единиц, а также в соотношении этого ряда с экстралингвистическими факторами стиля. Исходя из данного принципа лингвистические явления рассматриваются в функц. стилистике с точки зрения их текстообразующей роли. *В-четвертых*, функц.-стилистический метод основан на признании деятельностной природы языка (язык как интеллектуально-эмоциональная деятельность), в связи с чем в рамках функц. стилистики особое значение приобретает антропоцентрический подход к изучению языковых явлений. При этом необходим и используется комплексный/междисциплинарный метод, т.е. исходя из учета знаний смежных дисциплин (гносеологии, психологии, психолингвистики, науковедения и т.д.) определяется, как и в чем экстралингвистические факторы, и прежде всего базовые (назначение форм сознания, типа мышления, соответствующего вида деятельности в обществе, целей и задач общения и др.),

воздействуют на закономерности функционирования языковых средств, формируя специфику стиля и его речевую организацию на уровне и микротекста, и макротекста. Таковы основные принципы функц.-стилистического подхода к исследованию языка (речи), позволяющие выявить конструктивные приемы формирования функц. стилей, закономерности текстообразования в каждом из них и т.д.

Кроме этих основных, базовых принципов исследования, в функц. стилистике существуют и учитываются вторичные, производные от них. Это: 1) принцип единства формы и содержания. Формально-языковые черты текста неразрывно связаны с его содержательной стороной, поэтому изучение специфики функционирования тех или иных единиц может быть объективным только на основе признания взаимообусловленности поверхностного (структурно-языкового) и внутреннего (содержательно-смыслового) уровней текста. При этом функц. стилистика анализирует поверхностный уровень текста не с формальной (грамматической), а с функционально-коммуникативной стороны; 2) принцип координации общего и отдельного. Этот принцип предполагает рассмотрение отдельного — лексической единицы, высказывания, сложного синтаксического целого или целого текста — либо в качестве единицы целого, отражающей все свойства и особенности этого целого (напр. определенного функционального стиля как особой системы), т.е. в аспекте типологии; либо в качестве единицы предельно конкретного характера (напр. особенности индивидуального стиля писателя, ученого, законодателя, публициста и т.д.), находящейся в родо-видовых отношениях с целым, «отпечатки» которого она тем не менее сохраняет.

Исходя из этих концептуальных принципов функц. стилистики ее важнейшими, базовыми методами анализа являются: 1) функциональный метод, который в отличие от структурного метода основан, как уже было отмечено, на внимании к функц. аспекту языка/речи, когда языковые средства изучаются с точки зрения их роли в процессе формирования и выражения мысли, концепции, композиции, жанра и т.д. Здесь в центре внимания оказываются не статические свойства языка/речи, а именно процесс рече-текстообразования. Это предопределяет, в свою очередь, и собственно коммуникативный подход функц. стилистики к объяснению языка, т.е. учет целей, задач, ситуации, условий общения и т.д. вплоть до социальных и индивидуальных особенностей коммуникантов; 2) комплексный метод изучения языка/речи, т.е. широкое (и целенаправленное) использование данных разных наук — особенно философии, психологии, науковедения, логики, социологии, теории коммуникации, прагматики и некот. др. — для объяснения в процессе научной интерпретации полученных в эксперименте или наблюдении фактов; 3) многоаспектный анализ взаимосвязи разноуровневых языковых единиц в процессе их функционирования, выявление закономерностей этого функционирования, специфики функц. стилей.

Более частными методами функц. стилистики — однако не менее важными для нее в теоретическом плане — являются семантический

(или семантико-смысловой), стилостатистический и сопоставительно-диахронический метод, опирающийся на сравнительно-исторический анализ высказываний/текстов. При этом семантический метод можно считать ведущим в этой группе более частных видов стил. анализа, что связано с особым вниманием функц. стилистики к проблеме адекватности выражения в высказывании/тексте различных оттенков смысла.

Так, семантический метод связан с анализом тех или иных языковых (речевых/текстовых) элементов с точки зрения их содержательно-смыслового значения в окружающем контексте или целом произведении, а также с точки зрения определения специфики взаимодействия внешнего и внутреннего членов высказывания. Стилостатистический метод используется при определении стилевой специфики как следствия воздействия на этот стиль тех или иных экстралингвистических факторов (см. *Стилостатистический метод*). С помощью сопоставительного метода анализа в стилистике устанавливается специфика каждого из стилей речи, их функциональное, лингвистическое, композиционное и семантико-смысловое своеобразие по отношению друг к другу. Сопоставительно-диахронический метод призван помочь изучать процессы формирования функц. стилей в связи с изменением социально-исторических условий жизни человека и, следовательно, экстралингвистических факторов языка. Данный метод применяется при исследовании специфики функционирования тех или иных единиц в языке/речи/тексте любого временного периода, а также при исследовании закономерностей формирования стилистической системы и функц. стилей в рамках лит. языка.

Кроме названных исходных, общих методов и принципов функц.-стилистического анализа, сегодня в стилистике существует целый ряд конкретно-практических методов, или приемов непосредственной реализации стилистического исследования языка. Их можно подразделить на: 1) общенаучные, среди которых выделяются а) метод непосредственного наблюдения, б) описательный метод с такими его специальными приемами, как наблюдение, сопоставление, классификация, эксперимент, реконструкция, обобщение, интерпретация, в) метод моделирования; 2) общефилологические, включающие прием интерпретации и сравнительный анализ языкового материала; 3) общелингвистические методы, представленные в стилистических исследованиях а) структурным, в частности структурно-семантическим анализом, б) статистическим анализом, в) методом построения лингвистических парадигм, г) методом полевого структурирования, д) комплексным анализом; 4) частнолингвистические, в т.ч. **собственно стилистические методы**, объединяющие а) дискурсный анализ, б) дистрибутивный анализ, в) компонентный анализ, г) метод ступенчатой идентификации объекта исследования, д) контекстуальный, или контекстологический, анализ, е) прагматический, ж) семемный анализ, з) структурно-смысловой анализ материала, и) дискурс-анализ и некот. др.

Конкретное применение М. с. а. определяется целями, задачами, методологическими и концептуальными установками исследования, а так-

же принадлежностью ученого к той или иной лингвистической школе. В связи с этим такие методы, как дискурс-анализ, комплексный анализ и метод полевого структурирования, несколько модифицируются в рамках функц. стилистики. Так, метод полевого структурирования используется для систематизации выявленных стилистических средств (не только дотекстовых, но и текстовых) с точки зрения их близости/отдаленности (центральности/периферийности) в плане реализации в тексте определенной стилевой черты или категории (см. *Функц. категория текста*). Метод дискурсного анализа понимается не как анализ тех или иных структурно-семантических контекстов целого — напр. фрагментов текста, содержащих экспрессивность, императивность, недосказанность и т.п., — а как анализ той или иной структурно-семантической особенности текста в ее взаимосвязанности с экстралингвистическими основами коммуникации конкретной речевой сферы (см. *Дискурс*). Комплексный анализ в рамках функц. стилистики предполагает не просто объединение разных видов и приемов исследования (как, напр., в других дисциплинах), но, главным образом, учет связи конкретных фактов функционирования языка в той ли иной сфере общения с различными экстралингвистическими явлениями, изучающимися в других науках. Причем опора на данные других наук — философию, логику, социологию, науковедение, психологию, психолингвистику, прагматику, семиотику, теорию коммуникации, культурологию и др. — выступает как о б ъ я с н и т е л ь н а я основа изучения закономерностей функционирования языка (речи).

Кроме того, особое содержание получает в рамках функц. стилистики метод интерпретации, связанный с объяснением и толкованием функц. специфики не столько дотекстовых единиц, сколько именно текстовых, с выходом на интерпретацию целого текста=произведения.

Учет целей, подцелей и задач общения в процессе познавательной и речемыслительной деятельности, отраженной в тексте, при выявлении проекции их на конкретный текст, его содержательно-смысловые единицы и речевые жанры дает возможность определить структуру и композицию текста на уровне микротекстов, первичных речевых жанров как отражение динамики речемыслительной деятельности. При этом в качестве частных методов используются стилостатистический и количественный, точнее качественно- (с учетом семантики) количественный метод (см. работы *О.Б. Сиротининой, М.А. Кормилицыной, В.В. Одинцова, О.А. Крыловой, Ю.А. Скребнева, Н.М. Разинкиной, Е.А. Баженовой, В.А. Салимовского, Н.А. Купиной*, *В.В. Дементьева, К.Ф. Седова, И.А. Стернина* и др.).

Особую группу М. с. а. представляют приемы, применяемые для анализа *художественного текста* (х. т). Изучение х. т. исходит из принципа общей образности, единства формы и содержания, реализации эстетической функции языка в этой сфере общения. Основным методом (подходом) анализа изучаемого объекта является определение того, как весь строй речи отдельного худож. контекста, произведения (ряда текстов писателя, литературного направления и т.д.) и отдельных его языковых

и текстовых единиц (стилистических приемов, композиции и т.п.) способствует выражению идейно-образного содержания произведения, реализует в тексте «*образ автора*» (см.).

Одним из наиболее ранних методов анализа, используемых в русской стилистике, является метод «explication du text», разработанный и примененный Л.В. Щербой при анализе худож. и особенно стихотворных произведений. Суть этого метода заключается в определении взаимодействия лингвистической организации (особенностей архитектоники, специфики синтаксических структур, приемов и принципов расстановки и расположения слов, форм и типов интонационного членения высказывания и др.) с идейным, худож.-образным и эмоциональным содержанием текста. При этом взаимодействие рассматривается как конструктивное взаимовлияние, посредством которого в целом произведении создается (материализуется, выражается) эстетическая концепция автора произведения *(Щерба,* 1957. См. также: *Ефимов*, 1974; *Григорьев*, 1979; *Горшков*, 1982, 1996; *Шанский*, 1990 и др.).

А.М. Пешковским разработана методика стилистического эксперимента, которая заключается в подстановке синонимов к тому или иному слову в произведении (или в изъятии каких-либо слов из него) и определении эстетической значимости авторского слова/выражения, его концептуально-образной и смысловой нагрузки по сравнению с экспериментальными текстами. Ср. введенное ученым понятие «общей образности», которая заключается в том, что все языковые единицы того или иного истинно худож. текста направлены на выражение конкретного худож. образа и поэтому являются строго эстетически и стилистически мотивированными, т.е. единственно возможными для выражения данной эстетической мысли (*Пешковский,* 1930).

Анализ худож. текстов представлен и подходом к ним Б.А. Ларина, направленным на раскрытие системных взаимосвязей слова с другими словами худож. целого при выражении так называемой сквозной поэтической мысли-идеи (или лейтмотива) произведения, худож. образа. Такое свойство худож. слова ученый назвал «*комбинаторным приращением смысла*», появляющимся у слова в динамике содержательно-концептуального развертывания всего х. т. (целого), а также идиостиля писателя (*Ларин*, 1974). Близка к этому идея Г.О. Винокура о «*внутренней форме художественного слова*», заключающаяся в том, что лексические средства языка и их значения оказываются в х. т. той основой, отталкиваясь от которой, художник создает поэтическое слово — метафору, целиком «повернутую» к теме и идее произведения. При этом смысл и назначение худож. метафоры могут быть поняты только по прочтении всего произведения, т.е. вытекают из эстетического целого (*Винокур*, 1991).

В целом все эти методы(-ики) можно условно объединить в более общем методе, называемом «слово и образ» (см. *Виноградов*, 1959, 1981; *Шмелев*, 1964; *Васильева*, 1983; *Кожина*, 1966, 1993) и ориентированном на выявление в х. т. системы языковых средств реализации образно-эстетической функции *художественного стиля речи* (см.). Этот метод на-

правлен на достижение наиболее адекватного прочтения авторского текста, в аспекте единства слова и образа выявляется характер индивидуального стиля писателя, литературного направления, т.е. решаются различные проблемы интерпретации х. т. Ср. в связи с этим разработанные В.В. Виноградовым принципы исследования языка худож. литературы как искусства поэтического слова, языка худож. произведения, индивидуально-авторского стиля и самого понятия «образ автора» (*Виноградов*, 1981), а также развитие этих идей в работах В.В. Одинцова (1980), Н.А. Кожевниковой (1994), Л.А. Новикова (1983), В.П. Григорьева (1979), Д.Н. Шмелева (1964), И.Я. Чернухиной (1977) и др.

В области стилистического анализа х. т. наиболее распространены такие методы, как ассоциативно-концептуальный анализ поэтического (худож.) текста, выявляющий его доминантные смыслы. Такой анализ объединяет следующие конкретные исследовательские действия: компонентный анализ, контекстологический анализ, эстетико-стилистический анализ, культурологический анализ, соотносящий текстовые смыслы с информацией общекультурного фонда. Х. т. изучается также посредством тематико-классификационного, семантического, формально-когнитивного видов анализа, направленных на исследование структурно-содержательных особенностей того или иного концепта в х. т.; концептуального анализа, призванного выявлять идеи концептов как нормативно-ценностных фактов в поэтическом (худож.) творчестве; метода структурно-фрагментарного описания, опирающегося на понятие системности х. т. и предусматривающего выделение отдельных фрагментов в целях сопоставления; сопоставительно-стилистического анализа, позволяющего сопоставить первоначальный (черновой) текст с его окончательным вариантом с целью выявления особенностей авторской работы над концепцией произведения; метода лингво-поэтической интерпретации, предполагающего толкование содержания текста на основе вскрытия системно-семантических отношений языковых единиц разных уровней. Кроме того, при исследовании х.т. в последние годы широко применяется комплексный анализ, совмещающий в себе разные виды не только лингвистического, но и литературоведческого анализа (см. работы *Л.Г. Бабенко*, *Н.С. Болотновой*, *Н.А. Купиной*, *Н.А. Кузьминой* и др.).

Особого внимания заслуживает появившаяся в последние годы *коммуникативная стилистика художественного текста* (см.). В связи с особыми исследовательскими задачами коммуникативная стилистика х. т. вырабатывает свои методы (методики) анализа, которые в целом могут быть представлены тремя разновидностями: метод ассоциативного поля, «регулятивного структурирования» и метод информационно-смыслового анализа (*Болотнова*, 2000, 2001).

Метод ассоциативного поля основан на выявлении в х. т. ассоциативных связей между словами. При этом анализ лексем идет по разным уровням, когда учитываются одновременно их фонемный облик и грамматическая природа, морфемная структура и лексическое значение, стилистическая маркированность и тематическая и ситуативная соотнесенность

и т.д. Именно благодаря своим ассоциативным связям слово становится «проводником» эстетической концепции автора, выражаемой в целом произведении, способствует определению концептуальной и языковой картины мира автора и его идиостиля.

Метод «регулятивного структурирования» предполагает выявление в тексте регулятивных структур (регулятивов), стимулирующих различные коммуникативные эффекты и представляющие собой текстовые структур-стимулы. Последние понимаются как приемы организации текстовых микроструктур, соотнесенных с общей коммуникативной стратегией текста (см. *Регулятивность*). Регулятивы выделяются и формируются на основе лексических средств, соотнесенных в восприятии читателя по принципу ассоциативных связей. Поэтому вспомогательными приемами анализа здесь служат психолингвистический эксперимент и контекстуальный анализ.

С помощью информационно-смыслового метода осуществляется анализ смыслового развертывания текста, направленный на изучение процесса смыслоформирования на основе информации, представленной в худож. произведении. Под *информацией* здесь понимаются знания о мире, воплощенные в тексте с позиций определенного эстетического идеала автора. Результатом отражения этой информации в сознании адресата является *смысл текста*, под которым понимается структура лингвистически оформленных смысловых фрагментов текста, коррелирующих с действительным миром, т.е. *смысловая структура текста* (см.). Конкретными приемами данного метода служат а) экспериментальный анализ, позволяющий выявлять ключевые элементы лексической системы текста и актуализированные им смыслы, изучать сам механизм поэтапного формирования смысла в сознании адресата в процессе его познавательной деятельности, определять индивидуально-авторскую специфику в развертывании эстетического смысла, особенности этого процесса в текстах разных типов в связи с их разной коммуникативной стратегией и т.д.; б) контекстуальный анализ; в) компонентный анализ; г) моделирование текстовых парадигм и ассоциативно-смысловых полей концептов.

В завершение следует отметить, что в современной функц. стилистике — особенно в связи с переходом к изучению целого текста — применяется именно комплексная методика исследования как с точки зрения объединения разных типов анализа в рамках конкретной работы, так и с точки зрения взаимодополняющего совмещения собственно лингвистического и экстралингвистического планов интеллектуально-духовной деятельности. В функц. стилистике комплексный подход к изучению речевой ткани текста является не просто одним из методов, но основой функционально-стилистического анализа.

Лит.: Пешковский А.М. Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики. — Л., 1930; Виноградов В.В. О художественной прозе. — М.; Л., 1930; Его же: О языке художественной литературы. — М., 1959; Его же: Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. — М., 1963;

Щ е р б а Л.В. Избранные работы по русскому языку. — М., 1957; Ш м е л е в Д.Н. Слово и образ. — М., 1964; К о ж и н а М.Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте функц. стилистики. — Пермь, 1966; Е е ж е: О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. — Пермь, 1972; Е е ж е: Стилистика русского языка. — М., 1993; Е ф и м о в А.И. Стилистика русского языка. — М., 1969; Л а р и н Б.А. Эстетика слова и язык писателя. — Л., 1974; Б а х т и н М.М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. — М., 1975; Ч е р н у х и н а И.Я. Очерк стилистики худож. прозаического текста. — Воронеж, 1977; Г р и г о р ь е в В.П. Поэтика слова. — М., 1979; О д и н ц о в В.В. Стилистика текста. — М., 1980; Н о в и к о в Л.А. Худож. текст и его анализ. — М., 1983; В а с и л ь е в а А.Н. Худож. речь (курс лекций). — М., 1983; К у п и н а Н.А. Смысл худож. текста и аспекты лингвистического анализа. — Красноярск, 1983; С у л и м е н к о Н.Е. Лексические предпосылки свертывания информации в худож. тексте // Проблемы исследования слова в худож. тексте. — Л., 1990; Ш а н с к и й Н.М. Лингвистический анализ худож. текста. — Л., 1990; В и н о к у р Г.О. О языке худож. литературы. — М., 1991; Р о г о в а К.А. О филологическом анализе худож. текста // Худож. текст: Структура. Язык. Стиль. — СПб., 1993; С о л г а н и к Г.Я. От слова к тексту. — М., 1993; Г о р ш к о в А.И. Язык предпушкинской прозы. — М., 1982; Е г о ж е: Русская словесность: От слова к словесности. — М., 1996; Б о л о т н о в а Н.С. О трех направлениях коммуникативной стилистики худож. текста и изучении текстового слова // Русский язык в современном культурном пространстве: Материалы юб. конф. — Томск, 2000; Е е ж е: Филологический анализ текста. Часть I. — Томск, 2001 и др.

Н.В. Данилевская

МИКРОТЕКСТ — относительно самостоятельная структурно-смысловая или синтактико-тематическая единица целого текста (произведения), выступающего по отношению к этой единице как *макротекст* (см.). В зависимости от культуроцентрического или текстцентрического подхода к пониманию макротекста объем микротекста как единицы может быть разным — от целого отдельного (самостоятельного) текста до относительно самостоятельного высказывания в рамках абзаца, *сложного синтаксического целого* (см.) или *сверхфразового единства* (см.).

Н.В. Данилевская

МОДАЛЬНОСТЬ ТЕКСТОВАЯ — см. Тональность.

МОНОГРАФИЯ — см. *Жанры научной литературы*.

МОНОЛОГ (от греч. mynos — один и lógos — слово, речь) представляет собой речь, обращенную к самому себе или другим (речь от первого лица), не рассчитанную, в отличие от *диалога* (см.), на непосредственную вербальную реакцию другого лица (лиц). — М. обладает относительно большой протяженностью, определенной композиционной организованностью и смысловой завершенностью.

Монологическая форма речи реализуется в различных функц. стилях (авторская речь в худож. произведениях, тексты научн., оф.-дел. стилей,

статьи в газетах, журналах и т.п.). — М. может осуществляться как в письменной форме, так и в устной (ораторская речь, учебная лекция, бытовой рассказ и т.д.). В устном М. языковые средства могут усиливаться жестами, различными телодвижениями, мимикой. Разговорные монологические тексты по сравнению с отредактированными письменными и подготовленными устными более имплицитны. Многие смысловые связи не вербализуются, поскольку говорящий рассчитывает на активное восприятие речи, на то, что слушающий сам обнаружит эти связи.

Типичной сферой функционирования М. является драматургия. Ориентируясь на устное высказывание, драматический М. допускает употребление разг. и экспрессивно окрашенной лексики, междометий, разговорно-экспрессивных синтаксических построений. Для монологической речи, имеющей внешнего адресата, характерны такие языковые средства, как обращения, местоимения и глаголы 2-го лица, глаголы повелительного наклонения и другие формы волеизъявления (напр.: *«Вот то-то, все вы гордецы! Спросили бы, как делали отцы? Учились бы, на старших глядя...»; «Где, укажите нам, отечества отцы, которых мы должны принять за образцы?»; «Ах! Если рождены мы все перенимать. Хоть у китайцев бы нам несколько занять премудрого у них незнанья иноземцев»* — А.С. Грибоедов. Горе от ума).

Особую разновидность М. представляет собой т.н. внутренний М. — лингвостилистический прием, позволяющий автору худож. произведения вызвать у читателя представление о процессах, совершающихся во внутреннем мире героя, сымитировать эмоционально-мыслительную деятельность человека в ее непосредственном протекании (поток возбужденного сознания). Напр.: «Вот как шли его мысли: *“Теперь в Москву. И первым делом — выжить. Не поддаваться бессоннице. Не ложиться спать. Работать ночами до одурения, пока усталость не свалит замертво. И вот еще что. Сейчас же истопить в спальне, чтобы не мерзнуть ночью без надобности”*» (Б.Л. Пастернак. Доктор Живаго). Синтаксические построения, оформляющие размышление персонажа, обычно характеризуются эллиптичностью, прерывистостью. Типичным для внутреннего М. является вопрос, часто остающийся без ответа: «Размышления о своих, с новою силой набежавшие на него, заслонили на время его ревнивые выдумки. *“Итак, вы в Москве, родные мои?.. Вы снова, значит, без меня повторили этот долгий, тяжелый путь? Как вы доехали? Какого рода эта командировка Александра Александровича, этот вызов? Наверное, приглашение из Академии возобновить в ней преподавание? Что нашли вы дома? Да полно, существует ли он еще, этот дом? О как трудно и больно, Господи! О, не думать, не думать! Как путаются мысли!”*» (там же).

Речевые типы М. (повествование, описание, рассуждение) связаны с его функциями (рассказ о событии, исповедь, рассуждение на волнующую автора тему и т.д.). Тип речи во многом определяет логико-семантические, композиционно-структурные, лексико-грамматические особенности М. (см. *Функционально-смысловые типы речи*).

Любой монологический текст в той или иной мере диалогизирован (это относится и к текстам, казалось бы, «чисто» монологическим, напр.

письменным науч. произведениям). Не случайно исследователи (Л.П. Якубинский, Г.О. Винокур и мн. др.) говорят о нечеткости различий монолога и диалога, об отсутствии между ними «строгих и абсолютных границ» (*Винокур*). Диалогичность, т.е. выражение в тексте установки на адресата, — фундаментальное общее свойство речи, обусловленное социальной сущностью языка и диалогической природой мышления (см. *Категория диалогичности*).

Лит.: Якубинский Л.П. О диалогической речи // Избр. работы. Язык и его функционирование. — М., 1986; Винокур Г.О. «Горе от ума» как памятник рус. худож. речи // Избр. работы по рус. языку. — М., 1959; Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. — М., 1963; Гельгардт Р.Р. Рассуждение о диалогах и монологах (к общей теории высказывания) // Сборник докл. и сообщений лингвистического общества, Калинин, 1971, т. 2, вып. 1; Ширяев Е.Н. Структура разг. повествования // Русский язык. Текст как целое и компоненты текста. — М., 1982; Васильева А.Н. Худож. речь. — М., 1983; Кожина М.Н. О диалогичности письменной науч. речи. — Пермь, 1986; Винокур Т.Г. Монолог // Энц. Рус. яз. — 2-е изд. — М., 1997.

Т.Б. Трошева

Н

НАПРАВЛЕНИЯ СТИЛИСТИКИ. Как всякая наука со сложным объектом исследования и достаточно длительной историей существования, стилистика не ограничивается одним направлением исследований, но включает в себя несколько научных направлений. Известны попытки систематизации направлений о б щ е й С. (С. в целом), определения структуры стилистики на одном, двух или нескольких основаниях (В.В. Виноградов, В.Д. Бондалетов, К.А. Долинин, М.Н. Кожина, Г.Я. Солганик, Д.Н. Шмелев и др.). Тем не менее общепринятой систематизации — тем более на едином принципе — не существует. Дело в том, что вряд ли возможно уложить в единую схему направления, изучающие разные стороны объекта с различных точек зрения, с применением разных методов исследования. Да и нужно ли это? Гораздо важнее знать имеющиеся в стилистике направления исследований, предмет их изучения, методы и материал анализа, исследовательскую проблематику. В.В. Виноградов называл три стилистики: *стилистику языка, стилистику речи, стилистику худож. литературы* (см. *Стилистика*).

Известна попытка классификации направлений стилистики на основе дихотомических (парных) противопоставлений: стилистика средств (ресурсов) и стилистика функциональная; стилистика языка худож. литературы и стилистика нехудож. стилей (обиходно-разговорного, научного и т.д.); стилистика частная (отдельных языков), сопоставительная (как переходная от частной к общей) и общая (теоретическая); стилистика кодирования и стилистика декодирования; стилистика синхронная и стилистика диахроническая; экспрессивная и «строевая» (изучающая межстилевые средства и др.); другие направления как разновидности вышеназванных. Эта, на первый взгляд достаточно стройная классификация, предложенная В.Д. Бондалетовым, не лишена, однако, некоторых недостатков. Напр., нарушение дихотомического принципа в триаде с сопоставительной стилистикой, а также не вполне корректное противопоставление общей (теоретической) стилистики частной, так как и в стилистике отдельных языков, и в других направлениях стилистики имеется как теоретический аспект, так и практический. Хотя стилистика языка худож. литературы едина по материалу, но включает в себя различные направления по предмету изучения и исследовательской проб-

лематике (изучение худож. речи в аспекте функц. стилистики, индивидуального стиля писателя, собственно языка худож. литературы как эстетической ценности). Стилистика же нехудож. стилей (тем более с включением в нее обиходно-разговорного, представляющего собой особую ипостась) не составляет обычно единого самостоятельного направления.

Наиболее общепринятым в настоящее время является выделение в стилистике — на фоне разветвленной системы подразделов — четырех основных направлений: *стилистика строя языка* (языковых единиц), иначе — аналитическая, или *«стилистика ресурсов»* (см.), *функц. стилистика, стилистика худож. речи* (или «языка худож. литературы»), *стилистика текста*. Первая, как видно из названия, изучает стилистические средства языка (лексические и грамматические единицы, окраски, средства словесной образности, синонимы и т.д.), взятые внеконтекстуально, существующие в самой языковой системе как ресурсы создания стиля в том или ином вербальном контексте. *Функц.* же *стилистика* (см.) изучает закономерности использования языка в различных сферах общения, языковую организацию речи (речевую системность), свойственную тем или иным функц. стилям и другим речевым разновидностям. Тем самым это направление стилистики эксплицирует аспект у п о т р е б л е н и я, функционирования языка в широком экстралингвистическом контексте.

В силу традиции, значимости для понимания самого феномена стиля, источника его формирования и в основном благодаря общности материала (объекта) исследования в особое направление выделяется стилистика худож. речи на основании ее экстралингвистической основы и общих для нее, в отличие от других стилей, специфических лингвостилевых черт, связанных с реализацией эстетической функции. Однако это направление, в свою очередь, в зависимости от исследовательских задач распадается по крайней мере на три подраздела: худож. речь изучается как один из функц. стилей — *худож. стиль речи* (см. там же о дискуссионности вопроса), реализующий эстетическую функцию языка и отличающийся в связи с этим общей спецификой (вне зависимости от индивидуальных черт стилей различных писателей и их произведений), противопоставляемой нехудож. речи, другим функц. стилям. Выделяется этот функц. стиль на основе общего, принятого в функц. стилистике экстралингвистического принципа классификации стилей.

Другой исследовательский аспект — стилистика языка худож. литературы, или, по номинации В.В. Виноградова, *«наука о стилях худож. литературы»* (см. *Стилистика*). Она исследует взаимодействие лит. языка и различных стилей худож. литературы в синхронии и — особенно — в их историческом развитии. Сюда же относятся исследования индивидуально-авторских стилей отдельных писателей, их произведений и направлений литературы, проблема *образа автора* (см.) и другие.

В проблематике исследований стилистики языка худож. литературы выделяется и такой подход, ведущий свое начало от языка рус. формальной школы 20-х гг. XX в., когда *язык худож. литературы* (см.) рассматривается как специфический язык искусства, противопоставленный лит.

языку. Однако при всей значимости эстетической функции языка в худож. литературе его нельзя отрывать от лит. языка, который, кстати, «шлифуется» и нормализуется в лаборатории писателя. По М.М. Бахтину, «словесное художественное произведение опирается на слово языка, отталкивается от него» (с. 11—12). Понятия «лит. язык» и «язык худож. литературы», конечно, не тождественны, но соотносительны. Язык худож. литературы, будучи явлением искусства, не утрачивает своей лингвистической субстанции (*Ю. Бельчиков,* 1997).

Одним из недавно оформившихся направлений на пересечении стилистики и лингвистики текста является *стилистика текста* (см.); кроме того, *коммуникативная стилистика худож. текста* (см. *Н. Болотнова*).

На основе всех названных направлений, но более всего на базе стилистики ресурсов развивается *практическая стилистика* (см.), описывающая нормы употребления лингвостилистических средств и призванная воспитывать у говорящих языковое чутье и вкус, развивать умение строить речь в соответствии с коммуникативными целями, задачами, ситуацией и другими экстралингвистическими факторами общения. Она близка к *культуре речи* (см.) и, собственно, не составляет особого науч. направления в строгом смысле слова, а представляет собой практическое приложение теории к нуждам речевого общения. Г.О. Винокур писал: «С проблемой искусно писать связано понятие нормативной лингвистической стилистики как практической дисциплины» (1959, с. 235). Другим направлением, также методического характера, является *«лингвистический анализ худож. текста»* (см.).

В кругу общей стилистики, кроме ее четырех основных разделов (направлений), выделяются еще направления, рассматривающие стиль в каком-то одном, более узком аспекте, напр., *историческая стилистика* (см.) (в отличие от синхронической, хотя последняя обычно как особое направление не оговаривается), *сопоставительная стилистика* (см.), *стилистика кодирования* (см.) (аспект отправителя речи), *стилистика декодирования* (см.) (аспект получателя речи), *экспрессивная стилистика* (см.).

Несмотря на выделение в общей стилистике (как одном из разделов языкознания) довольно большого числа направлений, почти все их (за исключением особого положения стилистики «языка худож. литературы») можно подразделить на два круга исследований: структурный (стро́я языка) и функциональный. Именно здесь проходит «водораздел» двух разных подходов к языку и стилю, как это свойственно языкознанию вообще (ср. структурная грамматика и функциональная); иначе говоря, по аналогии с дихотомией языка-речи можно говорить о стилистике языковых единиц (в аспекте строя, системы языка) и стилистике речи (использования языка), речевого общения. Такое подразделение происходит почти в каждом направлении стилистики. В наиболее явном виде это противопоставление обнаруживается в наличии, с одной стороны, традиционной *стилистики ресурсов* (см.), а с другой стороны, сравнительно новой — *функц. стилистики* (см.). Эти два подхода можно обнаружить и в *исторической*, и *сопоставительной стилистиках* (см.). Так, в истори-

ческой, с одной стороны, прослеживается формирование стилистических ресурсов языка на разных уровнях последнего (лексическом, грамматическом), с другой — образование различных стилей в истории языка, в том числе и функц. стилей на более поздних этапах его развития. То же и в сопоставительной стилистике: сопоставление стилистических систем и стилистически маркированных языковых единиц разных уровней, с одной стороны, с другой — сходства и различия в функц.-стилевой дифференциации двух сравниваемых языков.

Кроме того, семиотическое направление стилистики (*Ю.М. Лотман*), собственно антропоцентрическое (*Е.А. Гончарова* и др.) и вопросы когнитивного стиля в когнитологии (*В.З. Демьянков*, *Л.Г. Лузина*), не говоря о различных школах стилистики (напр. Саратовской; интересна синтезирующая модель стилистики *О.Г. Ревзиной*, 1997).

Однако при всем различии названных направлений и аспектов исследований все их объединяет общий объект и исследовательская цель — стиль, хотя и изучаемый, как всякое многогранное явление, с различных точек зрения.

Лит.: Виноградов В.В. Итоги обсуждения вопросов стилистики. — ВЯ. — 1955. — № 1; Его же: О языке художественной литературы. — М., 1959; Его же: Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. — М., 1963; Кожина М.Н. К основаниям функциональной стилистики. — Пермь, 1968; Ее же: Статус исторической стилистики, «Stylistyka-II». — Opole, 1993; Ее же: Стилистика русского языка. — 2-е изд. — М., 1983; 3-е изд. — 1993; Ее же: Сопоставительная стилистика: современное состояние и аспекты изучения функциональных стилей, «Stylistyka-III». — Opole, 1994; Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. — Л., 1972; Васильева А.Н. Функциональное направление в лингвостилистике и его значение в преподавании рус. языка как иностранного: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. — М., 1981; Бондалетов В.Д. Стилистика русского языка. — Л., 1989; Его же: К типологии направлений совр. стилистики // Межд. юб. сессия 100-летию со дня рожд. В.В. Виноградова. Тезисы. — М., 1995; Солганик Г.Я. О предмете и структуре рус. стилистики // Synteza w stylistyce slowianskiej. — Opole, 1991; Швейцер А.Д. Контрастивная стилистика. — М., 1993; Лузина Л.Г. Когнитивный стиль // КСКТ. — М., 1996; Бельчиков Ю.А. Стилистика // Энц. Рус. яз. — 1997; Гучинская Н.О. О петербургской школе стилистики, «Stylistyka-VI». — Opole, 1997; Ревзина О.Г. Стилистика русского языка // Рус. язык и его история (Программы каф. МГУ). — М., 1997; Гончарова Е.А. Стиль как антропоцентрическая категория // Studia linguistica. Вып. 8. Слово, предложение и текст как интерпретирующие системы. — СПб., 1999.

М.Н. Кожина

НАУКА О СТИЛЯХ ХУДОЖ. ЛИТЕРАТУРЫ — см. *Стилистика.*

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ПОДСТИЛЬ — одна из стилистико-речевых разновидностей науч. функц. стиля, выделяемая (по сравнению с собственно научным) на основании реализации «дополнительных» задач коммуникации — необходимости «перевода» специальной науч. информации на язык неспециального знания, а именно — задач популяризации науч. знаний для широкой аудитории.

В совр. лингвостилистике вопрос о статусе науч.-популярного типа речи в системе функц. стилей рус. языка не решен окончательно. Одни лингвисты (*Р.А. Будагов*, *И.Р. Гальперин*, *М.Н. Кожина*, *М.П. Сенкевич*, *Т.А. Тимофеева*, *Н.М. Разинкина*, *Л.А. Баташева* и др.) рассматривают сферу научной популяризации в рамках науч. функц. стиля как его вариантную разновидность — подстиль. Науч. функц. стиль и науч.-популярный подстиль, находясь в близких родо-видовых отношениях, имеют в своей основе как общее (единая целевая установка, общая коммуникативная задача — передача суммы науч. знаний), так и различающее их (частные коммуникативные задачи, различные сферы функционирования).

Другая позиция по этому вопросу принадлежит М.К. Милых, Н.Н. Маевскому, Н.Я. Сердобинцеву, Г.А. Васюченко и др., которые рассматривают науч.-популярный тип речи как самостоятельный функц. стиль. При этом в основание классификации стилей кладутся такие экстралингвистические факторы, как задачи и цель общения, характер взаимоотношения между автором и читателем, а также содержание сообщения (см.: *Н.Н. Маевский,* с. 5). Для подобной модели функц. стиля в качестве базовых экстралингвистических факторов избраны, таким образом, весьма значимые и стилеобразующие, однако либо не все базовые факторы функц. стилей, либо вторичные (см. *Функциональный стиль; Научный стиль*).

Как подстилевая разновидность науч. функц. стиля, Н.-п. п. сохраняет основные специфические особенности, характерные для науч. стиля: в науч.-популярной литературе излагаются знания, добытые в сфере науч. деятельности; содержание науч.-популярной литературы (в основном, в главном) то же, что и в собственно науч. литературе. Основные стилеобразующие экстралингвистические факторы, которые определяют закономерности функционирования в речи языковых средств Н.-п. п., те же, что и в собственно науч. стиле. Отличие Н.-п. п. от собственно науч. стиля — в указанных «дополнительных», частных задачах коммуникации: для науч.-популярной литературы это задача донесения до неспециалиста в доступной форме достоверных науч. знаний.

Учитывая наличие вышеуказанных признаков науч.-популярной литературы, общих с собственно научной, и несколько видоизмененных вторичных экстралингвистических факторов («осложненность» целей и задач общения, упрощенность, облегченность содержания), целесообразно стилевой аспект науч.-популярной литературы определять как подстиль единого науч. функц. стиля (*М.Н. Кожина*).

Науч.-популярная литература, как правило, имеет своим читателем неспециалиста, однако в совр. науч. коммуникации можно отметить тенденцию к расширению адресации науч.-популярных произведений. Так, выделяют три формы популяризации: общеобразовательную, интранаучную (удовлетворяющую профессиональные запросы специалистов, стремящихся выйти за пределы узкой специализации в рамках своей науки) и интернаучную (восполняющую междисциплинарные интересы ученых).

В текстах, рассчитанных на массового читателя, каковой и является науч.-популярная литература, ярко проявляется их прагматический аспект — направленность на определенный тип читателя. Фактор дифференцированной адресации науч.-популярных произведений усиливает их роль «связующего звена» между специалистами разных областей знаний, а также различных возрастных групп читателей. Поэтому известные классификации науч.-популярной литературы построены на учете типа адресата. У Н.Н. Маевского это классификация по возрастному принципу; существуют также классификации, учитывающие другие особенности читателей, напр. подготовленность аудитории к восприятию науч. знания (*Э.А. Лазаревич*).

Науч.-популярная речь имеет стилистически контаминированную природу. С одной стороны, будучи разновидностью науч. стиля, она излагает науч. информацию, то есть содержание науч.-популярной литературы то же, что и собственно научной. Отсюда — некоторые конституенты собственно науч. речи наличествуют и в науч.-популярном произведении. Это прежде всего общенаучная лексика и термины (правда, последние функционируют здесь несколько иначе, чем в науч. речи) — (*Л.А. Баташева*). Рассказывая о науч. поиске, совр. автор науч.-популярного текста, как правило, показывает готовый его результат, при этом намеренно опускается большая часть логических доказательств и аргументации, поскольку популяризатор старается сделать текст и доступным, и увлекательным.

Приемы подачи терминов в науч.-популярном произведении, сравнительно с собственно научным, имеют свои особенности. Так, наряду с характерными для науч. стиля дефинициями типа «родовой признак + видовое отличие», в науч.-популярном произведении обнаруживается целый ряд приемов введения терминов, используемых лишь в науч.-популярной литературе: краткая расшифровка значения только в скобках (*Атомы, несущие на себе положительный заряд* (***катионы***)*, откладываются на катоде*); в сноске; при помощи образных средств (*Ген,* ***который берет верх****, называется доминантным, а* ***который уступает*** *— рецессивным*) и т.п.

С другой стороны, прагматика науч.-популярного произведения, «фактор адресата» (*Н.Д. Арутюнова*) определяет его специфику, своеобразие его построения как текста «нежесткого типа» (*Н.М. Разинкина,* 1989, с. 125) по сравнению с текстами иного типа. Языковая антиномия отправителя и получателя речи имеет здесь свое специфическое выражение: для достижения адекватного прагматического эффекта в науч.-популярном произведении (любой адресации) необходима максимально открытая выраженность в нем установки на ответную реакцию читателя, построение такой языковой стратегии субъекта речи, которая обеспечивала бы потенциальную обратную связь, т.е. реализацию диалогических отношений (*М.Н. Кожина*).

Экспрессивность (выразительность) науч. речи как средство оптимальной коммуникации в данной сфере является одним из сущностных

ее признаков (*М.Н. Кожина, Н.Я. Милованова, Н.М. Разинкина*). Для науч.-популярного произведения наличие признака «экспрессивность» тем более обязательно. Особого внимания заслуживают экспрессивные синтаксические показатели стилевой организации науч.-популярного текста, т.к. именно в синтаксической структуре особенно ярко проявляются наиболее характерные черты стиля.

В науч.-популярном произведении экспрессивные синтаксические средства играют важную роль в выполнении коммуникативной задачи науч.-популярного текста, они организованы в нем на уровне всего текста: выступают как средства выражения и компоновки событийных, предметных и эмоционально-оценочных компонентов текста. Они располагаются в «узловых» местах науч.-попул. произведения: в заголовках, в абсолютном начале и конце текста, в местах, где формулируется основная тема, ставится проблема, решаются гипотезы и т.п. При этом они служат как для образования коммуникативно-дискурсной рамки произведения (включающей элементы, определяющие вступление в речь, выход из речи, членение речи), так и эмоционально-оценочной рамки (мобилизующей внимание и интерес адресата, выражающей авторскую оценку и т.п.). Таким образом, средства экспрессивного синтаксиса в науч.-популярном произведении помогают переходу от замысла к готовому науч.-популярному тексту, подчиняются при этом стилеобразующему принципу науч.-популярного изложения — принципу доступности и наглядности.

Это прежде всего вопросо-ответные комплексы (ВОК) и парцеллированные конструкции (ПК). ВОК — своеобразный способ создания плана адресата; с помощью ВОК реализуется коммуникативная ориентация автора на управление вниманием читателя: это имитация диалога между автором и читателем, способ установления обратной связи с читателем путем активизации его внимания. Можно выделить также информативную функцию ВОК: они способствуют расчлененному усвоению мысли; вводят термины, дефинируют их. В оценочной функции выступают риторические вопросы: обычно они заключают в себе экспрессивно окрашенное отрицание (напр.: *А какой же он, если разобраться, новый?*). Можно назвать также функцию композиционной связности: ВОК создают композиционный каркас науч.-популярного произведения. Это группа вопросов, функционирующих в заглавиях, подзаголовках и внутренних заглавиях. При этом ответом на заглавие-вопрос может быть вся статья или ее часть (см., напр., *Н.В. Кириченко,* 1990, с. 52—53).

Многообразна роль парцеллированных конструкций (ПК) в науч.-популярном произведении. Они детализируют сообщение, как бы упрощая структуру высказывания, в то же время делают его более обозримым. В описании при конкретизации изображаемого ПК выделяют детали общей картины, наиболее существенные моменты, напр.: *Термин «биосфера» включает в себя все части нашей планеты. И атмосферу, и океан, и все части земной поверхности.* Нередко ПК выступают как средство выражения точки зрения автора, создавая иронический план пове-

ствования, напр.: *Впрочем, довольно эмоций. Нас просили написать. Мы написали. Мы написали бы сдержаннее, если бы не пробовали сам продукт. Но мы пробовали. А вы, уважаемый читатель, скорее всего, и не видали его.*

Широко используются в науч.-популярном произведении средства словесной образности, в том числе метафоры. Причина широкого распространения стилистического приема метафоры в науч.-популярном изложении прежде всего в том, что метафора — способ стимулирования творческого восприятия читателем науч.-популярного текста. Неожиданность, непредсказуемость, оригинальность метафоры позволяют выходить за пределы привычных представлений (в то же время метафора обусловливает ассоциативное обращение к вещам, явлениям обыденного мира), пробуждает творческую активность читателя, стимулирует возникновение у него нового знания.

Ведущей функцией метафоры в науч.-популярном произведении, является раскрытие сущности науч. понятия — познавательная, эвристическая функция. Указывают, что метафора часто вводит науч. термин. Однако функции метафоры в науч.-популярном изложении гораздо многообразнее: к метафоре прибегают при введении нового знания, а также для трактовки старых, известных науч. положений, напр.: *...для охоты за* ***бозонами*** *специально переоборудован ускоритель.* Ср.*: охота за бизонами.* Особый, оценочный характер приобретает метафора в тех частях науч.-популярного текста, где речь идет об изложении каких-либо новых концепций, теорий.

В целом науч.-популярном тексте метафоры могут выполнять роль конструктивного элемента: метафоры, не создавая худож. образа, могут перекликаться даже на расстоянии, образуя некую систему. Весьма частотны такие примеры, когда метафора размещается на уровне целого текста, главы или части текста, участвуя в объяснении сложного процесса, помогая автору развить науч. мысль, объяснить сложную проблему (см., напр.*: Н.В. Кириченко,* 1991, с. 70—73).

Таким образом, в структуре конкретного науч.-популярного текста маркированные экспрессивные синтаксические средства (и не только синтаксические) играют важную роль в выполнении коммуникативной задачи науч.-популярного текста, помогают реализации стилеобразующего принципа науч.-популярного изложения — принципа доступности и наглядности.

Решению общей коммуникативной задачи науч.-популярного произведения подчинены и элементы композиционно-смысловой структуры науч.-популярных текстов: особого рода интродуктивный предтекст, характерный для жанра современной науч.-популярной статьи, так называемый заголовочный комплекс, эпиграф.

Таким образом, специфика науч.-популярного произведения обусловлена прежде всего ориентацией на особый тип читателя и необходимостью наиболее оптимального выполнения основной задачи науч.-популярного текста — задачи популяризации науч. знания. Вместе с тем стилистико-речевые средства и особенности Н.-п. п. и науч. стиля во мно-

гом совпадают, различаясь лишь частотностью употребления, большей функц.-стилевой вариативностью и коммуникативными задачами.

Рассматривая полевую модель науч. стиля, следует учесть, что помимо «чистых» форм науч. речи и подстилевых, периферийных, характеризующихся дополнительными, сравнительно с собственно научными, задачами существуют синкретичные образования, находящиеся на пересечении нескольких стилей, соответственно — вмещающие в себе их черты. Так, напр., существуют научно-художественные тексты, представляющие собой своеобразный гибрид двух соответствующих стилей. Сложно квалифицировать подобные образования: они представляют собой переходную стилевую сферу, находясь именно на пересечении двух стилей.

Принципы изложения науч.-популярного произведения были разработаны еще в XIX в. Д.И. Писаревым, а позже также другими исследователями (см. — *М.Н. Кожина,* 1966, с. 180—185, 196—206).

Лит.: Разинкина Н.М. О преломлении эмоциональных явлений в стиле научной прозы // Особенности языка научной литературы. — М., 1965; Ее же: Функциональная стилистика. — М., 1989, ч. 2, гл. 3; Кожина М.Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики. — Пермь, 1966; Ее же: О диалогичности письменной научной речи. — Пермь, 1979; Ее же: Стилистика русского языка. — 3-е изд. — М., 1993; Степанов А.В. Проблемы стиля научно-популярной литературы // Вопросы стилистики, МГУ, 1966; Сердобинцев Н.Я. Выразительность как средство становления научно-популярного стиля литературного языка // Проблемы лингвистической стилистики. — М., 1969; Его же. К истории научно-популярного стиля // Вопросы стилистики, в. 2. — Саратов, 1976; Тимофеева Т.А. Некоторые речевые приемы популяризации в научно-популярной литературе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Саратов, 1969; Иваницкий В.Ю. Наука и ее популяризация. — М., 1972; Моль А. Социодинамика культуры. — М., 1973; Сенкевич М.П. Стилистика научной речи и редактирование научных произведений. — М., 1976; Полищук Г.Г. Приемы научно-популярного изложения. — М., 1977; Лазаревич Э.А. Искусство популяризации науки. — М., 1978; Медведев А.Р. К вопросу о микрокомпозиции научно-технических текстов // Стиль научной речи. — М., 1978; Маевский Н.Н. Особенности научно-популярного стиля: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Ростов-на-Дону, 1979; Сорокин Ю.А. Смысловое восприятие текста и библиопсихология // Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, А.М. Шахнарович. Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. — М., 1979; Кажан В.И. Об особенностях определений терминов в учебной, научной и научно-популярной литературе (на материале наименований сплавов) // Языковые средства дифференциации функциональных стилей современного русского языка. — Днепропетровск, 1982; Милованова Н.Я. Экспрессивность в стиле научной прозы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Баку, 1982; Одинцов В.В. Речевые формы популяризации. — М., 1982; Кислицына С.В. Лингвостилистические средства научно-популярного изложения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1984; Сковородников А.П. Экспрессивные стилистические конструкции современного русского литературного языка. — Томск, 1984; Милевская Т.Е. Средства выражения речевого контакта в русском языке (Вопросно-ответный комплекс в научно-популярных произведениях): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1985; Митрофанова О.Д. Научный стиль речи: проблемы обучения. — М., 1985; Нистратова С.Л. Коммуника-

тивная направленность и стилевая дифференциация синтаксических средств выражения адресованности речи в письменных и устных сферах коммуникации на научные темы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1985; Баташева Л.А. Варианты толкования терминов в разных типах научной речи // Вопросы стилистики. Межстилевая и внутристилевая вариантность языковой системы, Изд-во Саратовского ун-та, 1986; Ее же: Приемы популяризации в разных типах научной речи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1986; Ее же: Некоторые принципы подачи терминов в научно-популярной литературе (на материале лингвистических работ) // Вопросы стилистики. Стилистика художественной речи, Изд-во Саратовского ун-та, 1988; Славгородская Л.В. Научный диалог. — Л., 1986; Кириченко Н.В. Специфика выражения коммуникативной задачи предтекстов в композиционно-смысловой структуре научно-популярной статьи // Функциональные разновидности речи в коммуникативном аспекте. — Пермь, 1988; Ее же: Функционирование средств экспрессивного синтаксиса в текстовой структуре научно-популярного произведения // Типология текста в функционально-стилевом аспекте. — Пермь, 1990; Ее же: Роль метафоры в организации текстовой структуры научно-популярного произведения // Функционально-стилевые аспекты различных типов текста. — Пермь, 1991; Харченко Н.П. Функционально-стилевая дифференциация языка и статус научно-публицистического текста // Статус стилистики в современном языкознании. — Пермь, 1990.

Н.В. Кириченко

НАУЧНЫЙ СТИЛЬ представляет науч. сферу общения и речевой деятельности, связанную с реализацией науки как формы общественного сознания; отражает теоретическое мышление, выступающее в понятийно-логической форме, для которого характерны объективность и отвлечение от конкретного и случайного (поскольку назначение науки — вскрывать закономерности), логическая доказательность и последовательность изложения (как воплощение динамики мышления в суждениях и умозаключениях). Общая цель науч. речи — сообщение нового знания о действительности и доказательство ее истинности. Н. с. в письменной форме представлен в разных *жанрах науч. литературы* (см.): монографиях, статьях, учебниках и т.д.

Круг указанных базовых экстралингвистических стилеобразующих факторов обусловливает конструктивный принцип Н. с., основные стилевые черты последнего и специфическую *речевую системность* (см.). При этом значимы и собственно коммуникативные задачи — передача адресату знаний в убедительной и доступной форме. *Конструктивный принцип* Н. с. (см.) — обобщенно-отвлеченность в сочетании с подчеркнутой логичностью и терминированностью речи, а основные *стилевые черты* (см.) — абстрагизация, или, иначе, отвлеченно-обобщенность, подчеркнутая логичность, точность, ясность и объективность изложения, его последовательность, терминированность, логизированная оценочность, именной характер речи, а также некатегоричность изложения. В целом Н. с. свойствен книжный характер речи, нежелательность разговорных и эмотивных средств (но не абсолютное их отсутствие, поскольку эмотив-

ный компонент включен в структуру науч.-познавательной деятельности и мышления). Экспрессивность, в смысле выразительности науч. речи, создается преимущественно за счет полной реализации указанных стилевых черт Н. с., в том числе непременного учета адресата. Экстралингвистические стилеобразующие факторы Н. с. определяют принципы отбора языковых средств и их организации; немаловажную роль при этом имеет частота употребления тех или иных языковых единиц.

Отвлеченно-обобщенность Н. с. создается за счет широкого использования языковых единиц абстрактного и обобщенного значения или способных передавать их в контексте науч. речи. Так, высокочастотна в науч. речи абстрактная лексика (в том числе терминологическая), слова, выражающие общие понятия — даже в тех случаях, если в общеязыковом употреблении (в других сферах общения) это конкретные слова (*Химия занимается однородными телами; физические и химические свойства воды, температура кипения воды; Дуб растет в довольно разнообразных почвенных условиях*), причем обобщенно-отвлеченный характер речи подчеркивается специальными словами: *обычно, обыкновенно, регулярно, всегда, каждый, всякий* и т.п. Не только существительные, но и глаголы выступают в обобщенно-отвлеченном значении, поскольку десемантизируются, придавая выражению качественный характер (*О.Д. Митрофанова*) и уже не обозначают конкретных действий. Это глаголы широкой семантики (*существовать, иметь, обнаруживать, проявляться* и т.п.). Многие глаголы в науч. речи выступают в связочной функции (*быть, являться, служить, обладать, отличаться)*; значительная группа глаголов используется в роли компонентов глагольно-именных сочетаний, в которых основная смысловая нагрузка выражается существительными (*подвергать анализу, производить перегонку, оказывать влияние*). В выражении и создании стилевой черты отвлеченно-обобщенности участвует не только лексика, но и морфология, и синтаксис. Так, формы глагола используются преимущественно в значении наст. вневременно́го (выражающего качественный, признаковый оттенок значения): *Хлорид медленно разлагается; Вода кипит при 100°; болонский шпат в темноте светится*. Это значение захватывает также формы будущего (*число попаданий будет случайной величиной* — в смысле «является», т.е. синонимично наст. вневременному) и частично — прошедшего. Указанная стилевая черта проявляется и при употреблении лица глаголов и личных местоимений (*Мы можем заключить; мы имеем несколько эпох* — синонимичны случаям *можно заключить, имеется несколько эпох,* — т.е. формы глагола выступают с ослабленным, неопределенным и обобщенным значением лица). Та же стилевая черта выражается и в формах числа существительного: наиболее широко употребительная в науч. речи форма ед. числа сущ. обозначает в контексте не отдельные считаемые предметы, но служит для выражения общего понятия либо неделимой совокупности и целостности: *дуб — порода теплолюбивая; ухо — анализатор звуков*. В том же русле находится повышенная (по сравнению с другими функц. стилями) употребительность слов ср.

рода, которому, по В.В. Виноградову, свойственно «...общее, отвлеченное значение вещной предметности» (по сравнению со значением форм муж. и жен. рода). Среди существительных ср. рода, кстати, много абстрактных слов (*свойство, значение, определение, влияние, равновесие, явление* и т.д.).

На синтаксическом уровне отвлеченно-обобщенность (покрывающая, по мнению Н.М. Лариохиной, стилевые черты абстрактности, безличности, объективности) выражается в исключении из структуры предложения личного субъекта действия (агенса), так как познание мира в Н. с. представляется в обобщенной форме — как процесс коллективного творчества. Этому соответствуют обобщенно-личные предложения, безличные предложения, двучленный пассивный оборот с процессуальным значением, т.е. деагентивные синтаксические структуры. «Предполагаемый агенс в них характеризуется именно обобщенностью, а не неизвестностью, неопределенностью (как в художественной и разговорной речи): *В механике пользуются понятием материальной точки...*» (*Н.М. Лариохина*). Кроме того, отвлеченно-обобщенность реализуется через широкую употребительность номинализованных структур, в частности таких, в которых семантика предиката выражена отглагольными существительными в синтаксической позиции подлежащего или дополнения, а глагол является формально-грамматическим центром предложения (*В результате реакции происходит перераспределение массы*). Проявлением отвлеченно-обобщенности, связанной с тенденцией к десемантизации, является вообще номинативный строй науч. речи: это проявляется, напр., в возрастании доли имен и уменьшении доли глаголов (по сравнению с другими функц. стилями). Безличные структуры достигают 60—80% от всех односоставных предложений. Так, род. пад. приименный достигает 83% против род. приглагольного (17%). Номинативность науч. речи проявляется и в преобладании имени существительного над лексемами других знаменательных частей речи (до 40%); в большой частотности именных сказуемых (30%). Отражением отвлеченно-обобщенности на синтаксическом уровне является и модально-временно́й план предложения (с вневременны́м значением глаголов-сказуемых).

Подчеркнутая логичность, тесно связанная с последовательностью изложения, его доказательностью и аргументированностью, выражается в основном на синтаксическом уровне и на уровне текста. Ее созданию и реализации способствуют многие средства. Прежде всего, это полнооформленность высказывания — полнота грамматического оформления предикативных единиц, что выражается в преобладании союзных предложений над бессоюзными, так как союзы позволяют более четко передать смысловые и логические связи частей предложения. При общем высоком проценте сложных предложений (41—50, 3%) преобладают сложноподчиненные (62%). Простые же предложения (как и сложные) осложняются оборотами с подчинительной связью, что повышает спаянность предложения; но при этом увеличивает длину предложения (сред-

няя длина простого предложения 20,3, а сложного — 25,4 словоупотребления). В простом и сложном предложениях широко используются вводные слова и словосочетания, подчеркивающие логику мысли и последовательность изложения (*во-первых, во-вторых, следовательно, итак, таким образом, с одной стороны, с другой стороны* и т.п.), так называемые конструкции и обороты связи (*в заключение отметим...; обратимся к примерам...; необходимо сказать, что...; перейдем к рассмотрению...; подчеркнем еще раз...; подведем итоги*). По насыщенности связочными средствами науч. речь занимает первое место среди функц. стилей. В качестве связочных средств выступают не только союзы и союзные слова, но и ряд других слов в этой функции (*Из табл. I видно, что... О т с ю д а следует, что...; ...п о э т о м у было бы логично систематизировать...*) и др.

Выражению подчеркнутой логичности и последовательности изложения способствует и порядок слов науч. речи, как правило объективный, нейтральный (когда тема предшествует реме).

Естественно, что подчеркнутая логичность науч. речи ярко представлена на текстовом уровне. Сами текстовые категории *связности* (см.), *логичности* (см.), *цельности* (см.) призваны реализовать (и реализуют) указанную стилевую черту. Этому способствует высокая частотность случаев повторов (лексических, синонимических, местоименных) между самостоятельными предложениями (*Характерной чертой этого момента является его о п р е д е л е н н о с т ь... Эта о п р е д е л е н н о с т ь дает о себе знать...*).

Последовательности и связности изложения способствует и обычно строго оформленная композиция текста (деление на главы, параграфы; выделение зачинов-вступлений, концовок-заключений). Организующим началом *композиции текста* (см.) является категория гипотетичности, обусловленная особенностями познавательной деятельности, и этапы (фазы) продуктивной деятельности ученого, находящие выражение в науч. тексте. В чистом виде это проявляется в развертывании содержания текста от экспликации в последнем проблемной ситуации, идеи/гипотезы и затем ее анализа и доказательства, приводящих к выводам/закону. Последовательности и связности изложения способствует и широкое использование средств проспекции и ретроспекции (*теперь перейдем к рассмотрению..., Далее остановимся на..., Рассмотрим экспрессивные средства..., как было отмечено выше..., возвращаясь к поставленному вопросу...* и т.п.). Подобные связующие средства создают *с т е р е о т и п н о с т ь* (см.) науч. текста, наличие многих готовых формул. Кроме того, эти средства являются многофункциональными, выражая не только собственно логичность, но и другие категории. Логичность обусловлена не только спецификой мышления, но и отсутствием непосредственного контакта с адресатом, и потому науч. изложение требует повышенной *точности речи* (см.), ясности, аргументированности высказывания, т.е. реализации коммуникативных качеств речи, учета адресата.

Т о ч н о с т ь (а также я с н о с т ь) Н. с. достигается употреблением большого числа *терминов* (см.), как правило, слов однозначных, строго

определенных в своих значениях в пределах конкретной науки, выражающих существенные признаки называемых предметов и явлений (*генератор, гипотенуза, минерал, конус, конденсатор, реактив, траектория, карбонат* и т.д.); нежелательностью и даже недопустимостью их замены на синонимы и вообще ограничением синонимических замен; необходимостью давать четкие определения вновь вводимым понятиям; вообще — однозначностью, недвусмысленностью высказываний (явление многозначности слов не свойственно научной речи); использованием вводных слов, оборотов, вводных и вставных конструкций в функции уточнения; широким употреблением обособленных согласованных определений, в том числе причастных оборотов (в синтаксической функции уточнения); кроме того, — ссылок и сносок в тексте, в том числе библиографического характера с точным указанием инициалов и фамилии автора, названия его работы, года и места издания.

Точность на синтаксическом уровне как реализация подчеркнутой логичности выражается свойственными последней синтаксическими конструкциями (преобладанием союзия над бессоюзием и т.п. — см. выше).

Достижению **объективности** изложения помимо точности способствует характерная для науч. речи стилевая черта **некатегоричности изложения**, которая выражается во взвешенности оценок (соответствующем словоупотреблении) как в отношении степени изученности темы, эффективности теории и путей решения исследуемых проблем, степени завершенности («окончательности») результатов исследования, так и в отношении упоминаемых в работе и цитируемых мнений других авторов-ученых и своих личных.

Коммуникативная направленность науч. речи, необходимость учета адресата выражается в категории ***диалогичности*** (см.) Н. с. Хотя науч. текст квалифицируется как монологический, однако ему тем не менее свойственна диалогичность, т.е. выраженный языковыми и текстовыми средствами в науч. речи учет адресата (как взаимодействие двух или нескольких смысловых позиций, в том числе автора и читателя) вплоть до использования средств собственно диалога. Этому способствует адресованность, обращенность науч. текста к читателю с целью привлечения его внимания к особо значимым частям текста и — как результат — достижение адекватности понимания текста и как бы сомышления. Диалогичность науч. речи выражается в использовании вопросо-ответных комплексов, вопросительных предложений (в том числе проблемных вопросов); чужой речи в виде прямой цитации (как правило, с оценкой приводимого мнения); императивов как обращений к читателю (*обратите внимание на...; теперь определим суть явления*); оценочных средств языка; в широком применении так называемых конструкций связи (*подчеркнем еще раз...; остановимся на этом подробнее...);* вводных слов и словосочетаний и вставных конструкций с семантикой выражения авторского отношения к сообщаемому либо справочного (уточняющего) характера *(к счастью, вероятно, конечно, очевидно, безусловно, как нам представляется, см. рис. 1*); повторений, в том числе так называемых

развернутых вариативных повторов (см.); подчеркнутого, акцентированного противительными союзами и другими средствами языка противопоставления разных точек зрения на проблему; средств категорий проспекции и ретроспекции, разного рода *акцентуаторов* (см.), реализующих категорию *акцентности* (см.).

Категории диалогичности и акцентности науч. речи, реализуя коммуникативную связь автора с адресатом, выступают в то же время средствами экспрессивности (а подчас и эмоциональности) речи. Хотя эмотивность не является специфической чертой Н. с. (некоторыми она отрицается как стилевая черта науч. речи — А.Н. Васильева, О.А. Крылова), однако она ей свойственна (Н.Я. Милованова, Н.М. Разинкина), отражая наличие чувственного компонента и немалую роль его в процессе получения нового знания, а также задачи коммуникации — стремление к выразительности речи как более убедительной.

Н. с. выступает прежде всего в письменной форме, но реализуется также и в устном общении (дискуссии по научным проблемам). Правда, статус устной науч. речи до конца не определен. Одни (и достаточно убедительно на анализе материала) доказывают наличие лингвостилевого единства письменной и устной форм речи науч. функц. стиля (саратовская школа под руководством О.Б. Сиротининой), другие объединяют устную научную речь с *устной публичной речью* (см.) вообще — (О.А. Лаптева).

До 60—70 гг. XX в. науч. стиль не подвергался специальному исследованию и монографическому описанию. Изучалась лишь науч. терминология (Д.С. Лотте, А.А. Реформатский, В.В. Веселитский и др.), либо назывались лишь самые общие черты науч. речи (обычно в противопоставлении к художественной) — (В.Г. Белинский, Г.В. Степанов, Р.А. Будагов). Л.Л. Кутиной изучена терминология и история формирования языка науки в России XVIII в.. С 60—70 гг. вместе с развитием функц. стилистики начинается специальное интенсивное исследование Н. с. русского и европейских языков, в том числе стилостатистическими методами, и к настоящему времени он уже достаточно изучен (см. труды А.Н. Васильевой, О.Д. Митрофановой, М.Н. Кожиной М.П. Котюровой, Н.М. Лариохиной, Н.М. Разинкиной, Е.С. Троянской, О.А. Лаптевой, Г.А. Лесскиса, А.С. Герда, Р.А. Будагова, Г.Н. Акимовой; С.Г. Ильенко и др.).

Лит. Лесскис Г.А. О размерах предложения в русской научной и художественной прозе 60-х гг. XIX в. — ВЯ. — 1962. — № 2; Кутина Л.Л. Формирование языка русской науки. — М.; Л., 1964; Ильенко С.Г. Сложноподчиненные предложения в различных сферах языкового употребления // Вопросы синтаксиса и лексики рус. языка. — Л., 1965; Разинкина Н.М. О преломлении эмоциональных явлений в стиле научной прозы // Особенности языка науч. литературы. — М., 1965; Ее же: Развитие языка английской научной литературы. — М., 1978; Кожина М.Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики. — Пермь, 1966; Ее же: О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. — Пермь, 1972; Будагов Р.А. Литературные языки и языковые стили. — М., 1967; Лаптева О.А. Внутристилевая эволюция современной русской научной прозы // Развитие функциональных стилей совр. рус. языка. — М., 1968; Современные проблемы терминологии в науке и технике. — М., 1969;

Проблемы языка науки и техники. Логические, лингвистические и историко-научные проблемы терминологии. — М., 1970; Веселитский В.В. Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII — начала XIX в. — М., 1972; Акимова Г.Н. Очерки по синтаксису языка М.В. Ломоносова, Дис. ... докт. филол. наук. — Л., 1973; Митрофанова О.Д. Язык научно-технической литературы. — М., 1974; Ее же: Научный стиль речи: проблемы обучения. — М., 1976; Функциональный стиль общенаучного языка и методы его исследования. — М., 1974; Васильева А.Н. Курс лекций по стилистке русского языка. Научный стиль. — М., 1976; Сенкевич М.П. Стилистика научной речи и редактирование научной литературы. — М., 1976; Даниленко В.П. Русская терминология: опыт лингвистического описания. — М., 1977; Лариохина Н.М. Вопросы синтаксиса научного стиля речи. — М., 1979; Герд А.С. Формирование терминологической структуры русского биологического текста. — Л., 1981; Милованова Н.Я. Экспрессивность в стиле научной прозы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Баку, 1982; Троянская Е.С. Лингвостилистическое исследование немецкой научной литературы. — М., 1982; Котюрова М.П. Эволюция выражения связности речи в научном стиле XVIII—XX вв. — Пермь, 1983; Ее же: Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста (функционально-стилистический аспект). — Красноярск, 1988; Разговорная речь в системе стилей современного русского литературного языка / Под ред. О.Б. Сиротининой, Лексика. — Саратов, 1983; Грамматика, 1992; Гречко Н.К. Синтаксис немецкой научной речи. — Л., 1985; Современная русская устная научная речь / Под ред. О.А. Лаптевой. — Т. 1. — Красноярск, 1985. — Т. 2. — 1994. — Т. 3. — М., 1995; Гвишиани Н.Б. Язык научного общения (вопросы методологии). — М., 1986; Славгородская Л.В. Научный диалог. — Л., 1986; Иванова Т.Б. Функциональная семантико-стилистическая категория акцентности в русских научных текстах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Харьков, 1988; Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. — Свердловск, 1990; Салимовский В.А. Семантический аспект употребления слова в функц. стилях речи. — Иркутск, 1991; Его же: Жанры речи в функц.-стилистическом освещении (научный академический текст). — Пермь, 2002; Данилевская Н.В. Вариативные повторы как средство развертывания научного текста. — Пермь, 1992; Рябцева Н.К. Мысль как действие, или Риторика рассуждения // Логический анализ. Модели действия. — М., 1992; Лапп Л.М. Интерпретация научного текста в аспекте фактора «субъект речи». — Иркутск, 1993; Очерки истории науч. стиля рус. лит. языка XVIII—XX вв. / Под ред М.Н. Кожиной. Т. I. Ч. 1—2. — Пермь, 1994. Т. II. Ч. 1, 1996 (см. ст. Баженовой Е.А. о композиции научного текста). Т. II, Ч. 2. — Пермь, 1998; Чернявская В.Е. Интертекстуальность как текстообразующая категория вторичного текста в научной коммуникации. — Ульяновск, 1996; Ее же: Интертекстуальное взаимодействие как основа научной коммуникации. — Л., 1999; Кожина М.Н., Котюрова М.П. Изучение научного функционального стиля во второй половине XX в., «Stylistyka-VI». — Opole, 1997; Трошева Т.Б. Формирование рассуждения в процессе развития научного стиля русского литературного языка XVIII—XX вв. (сопоставительно с другими функц.и разновидностями). — Пермь, 1999; Баженова Е.А. Научный текст в аспекте политекстуальности. — Пермь, 2001; Кожина М.Н., Чиговская Я.А. Стилистико-текстовый статус и взаимодействие категорий ретроспекции и проспекции в научной речи // Стереотипность и творчество в тексте. — Пермь, 2001; Mistrík J. Štylistika slovenskeho jazyka. — Bratislawa, 1985; Gajda St. Współczesna polszczyzna naukowa. Język czy zargon? — Opole, 1990; Его же: Podstawy bodań stylistycznych nad językiem naukowym. — Warszawa; Wroclaw. 1982.

М.Н. Кожина

НЕЙТРАЛЬНЫЙ СТИЛЬ — стиль, характерный для текстов, лишенных стилистической маркированности, и выделяемый в ряду: высокий — нейтральный — сниженный стили. Восходит к понятию *стиля* («штиля»), которое появилось в рус. языке в XVII в., когда зародилась система стилей как двух полярных и среднего между ними — система «трех штилей», получившая законченный вид в учении М.В. Ломоносова (см. *Трех стилей теория*). Н. с. не является *функциональным стилем* (см.), т.е. стилем с разнообразным составом средств, но единым по семантико-функциональным признакам языковых единиц, выполняющих единое коммуникативное задание в соответствующей сфере общения. Говоря о Н. с., имеют в виду стиль в традиционном его понимании, т.е. стиль, единый по составу языковых средств, в данном случае — стилистически не окрашенных (в отличие от высокого стиля, обладающего общей стилистической окраской торжественности, возвышенности, или сниженного с разговорной, просторечной окраской средств).

Применительно к совр. рус. лит. языку высказывается точка зрения, разделяемая многими учеными, согласно которой в наст. время Н. с. не существует. Признавая Н. с. как своего рода вспомогательный методологический конструкт, служащий исходной точкой для описания других стилей, эти ученые отрицают Н. с. как реальное явление, как свойство определенного класса текстов, поскольку живые тексты не могут состоять из одних лишь нейтральных средств. Даже короткие высказывания часто не свободны от стилистической маркированности. Ср. пример К. Гаузенбласа: «Если взять высказывание типа «Последний поезд уже ушел», то неэксплицированность выражения некоторых данных (какой поезд? в каком направлении?) сигнализирует о том, что речь идет о высказывании из простого информационного функционального стиля, а не делового или научного». След., такое высказывание в целом нельзя считать стилистически нейтральным. Единственный общественно значимый тип текста, который (по мнению К. Гаузенбласа) может быть признан нейтральным, — это адаптированный учебный текст, где стилистически маркированные средства или устранены, или заменены нейтральными. Однако и в данном случае можно говорить о Н. с. лишь условно, поскольку это искусственные, вторичные тексты, выполняющие роль грамматического примера, в силу чего в них аннулирована предметно-прагматическая функция языковых средств (примеры побудительных предложений учащийся не воспринимает как побуждение к действию и т.п.).

Живого Н. с., существовавшего во времена «трех стилей» в рамках «старой» стилистики, в совр. языке нет, он представлен лишь как пласт стилистически нейтральных языковых единиц разных уровней.

Нейтральные стилистические языковые средства (слова, словосочетания, фразеологические единицы, синтаксические конструкции, морфологические формы) являются общеупотребительными, могут использоваться в любом функц. стиле, в устной и письменной форме речи, в любой коммуникативной ситуации, обеспечивая единство лит. языка как системы. В иной терминологии они называются межстилевыми. Понятие

стилистической нейтральности соотносимо с понятием нормативности/ненормативности. Категория нейтральности языковых единиц изучается теорией *литературного языка* (см.) и *стилистикой ресурсов* (см.), в которой понятие нормы обычно связано с представлением о единстве стиля — недопустимости смешения в тексте средств с контрастными стилистическими маркировками (см. *Стилистическая норма*).

Нейтральные единицы языка образуют синонимические ряды со стилистически окрашенными. Ср. синтаксические конструкции: *По возвращении на родину...* (книжн.) — *Когда я вернулся...* (нейтр.); морфологические формы: *в отпуске* (нейтр.) — *в отпуску* (разг.); словообразовательные варианты: *оштрафовать* (нейтр.) — *штрафануть* (разг.); фразеологизмы: *ни за какие блага* (книжн., высокое) — *ни за что на свете* (нейтр.) — *ни за какие коврижки* (разг.); лексические единицы: *изрекать, шествовать, вкушать, лик* (книжн., высок.) — *говорить, идти, есть, лицо* (нейтр.) — *болтать, плестись, лопать, рожа* (сниженное). В ряду стилистических синонимов нейтральные единицы являются семантической доминантой, своеобразной осью, на которой выстраивается парадигма «шкалы экспрессивности». Границы нейтральных средств языка исторически изменчивы: стилистически маркированные единицы могут переходить в нейтральные (возможен и обратный процесс). Так, состав нейтральной лексики постоянно пополняется за счет книжной и разг. (*живописец, действительно, огрех, расческа, напарник* и др.).

Понятие нейтральности чаще всего применяется к области лексики и является исходным для квалификации единиц словарного состава как стилистически маркированных. В лексикографической практике стилистическая квалификация лексики осуществляется с помощью специальных помет (*разг., прост., высок.* и др.). Нейтральные слова не снабжаются пометами, что и подчеркивает их противопоставленность стилистически окрашенной лексике. Нейтральная лексика лишена экспрессии, эмоциональных и социальных оценок, предназначена для констатирующего обозначения предметов и явлений.

Нейтральные слова являются производящей основой словообразовательных гнезд (*вода — водица, водичка* и т.д.) и семантической базой для производных значений, коннотативных, прежде всего переносно-метафорических, с различным стилистическим статусом, разной экспрессивной окраски (напр., *вода* — о бедности мысли: *в докладе много воды*), а также терминологических значений (*свеча* — приспособление для воспламенения горючей смеси в двигателе внутреннего сгорания, *волна* — распространяющиеся в пространстве колебания вещества или поля).

Лит.: Щ е р б а Л.В. Совр. рус. лит. язык // Избр. работы по рус. языку. — М., 1957; Г в о з д е в А.Н. Очерки по стилистике рус. языка. — М., 1965; Г е л ь г а р д т Р.Р. О стилистических категориях. — ВЯ. — 1968. № 6; П е т р и щ е в а Е.Ф. Стиль и стилистич. средства // Стилистич. исследования. — М., 1972; С к р е б н е в Ю.М. Очерк теории стилистики. — Горький, 1975; Ш м е л е в Д.Н. Рус. язык в его функц. разновидностях. — М., 1977; Г а у з е н б л а с К. Существует ли «нейтральный стиль»? // Функц. стилис-

тика: теория стилей и их языковая реализация. — Пермь, 1986; Бельчиков Ю.А. Лексическая стилистика: проблемы изучения и обучения. — М., 1988; Его же: Нейтральная лексика // Рус. яз. Энц. — М., 1997; Салимовский В.А. К понятию стилистически нейтральной лексики // Функц.-стилистический аспект различных типов текста. — Пермь, 1991; Кожина М.Н. Стилистика рус. языка. — М., 1993.

Т.Б. Трошева

НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМАЯ, или НЕСОБСТВЕННО-АВТОРСКАЯ РЕЧЬ — способ передачи чужой речи, при котором используются элементы *прямой* (см.) и *косвенной* (см.) речи. Это речь повествователя, пронизанная вместе с тем лексикой, значениями (семантикой), синтаксическими конструкциями речи персонажа — источника информации, его интонациями, чувствами, мыслями. С прямой речью ее сближает воспроизведение манеры речи говорящего (его подлинных выражений, строя речи), с косвенной речью — то, что в ней личные формы глаголов и местоимений употреблены от лица повествователя. Но при этом не используются никакие вводящие глаголы речи и мысли («*говорил, что...*»; «*сообщил, что...*»), т.е. отсутствует формальный сигнал перехода от авторской речи к чужой. Н.-п. р. не выделяется в тексте авторскими словами, не вводится как придаточная часть сложноподчиненного предложения.

Автор как бы сливает речь своего героя со своей, приспосабливает собственную манеру говорить к его речевой манере. Напр.: *Он вспомнил как в детстве во время грозы он с непокрытой головой выбегал в сад, а за ним гнались две беловолосые девочки с голубыми глазами и их мочил дождь; они хохотали от восторга, но когда раздавался сильный удар грома, девочки доверчиво прижимались к мальчику, он крестился и спешил читать: «Свят, свят, свят...». **О, куда вы ушли, в каком вы море утонули, зачатки прекрасной, чистой жизни? Грозы уж он не боится и природы не любит, бога у него нет, все доверчивые девочки, каких он знал когда-либо, уже сгублены им и его сверстниками, в родном саду он за всю свою жизнь не посадил ни одного деревца и не вырастил ни одной травки, а живя среди живых, не спас ни одной мухи, а только разрушал, губил и лгал, лгал...*** (А. Чехов.).

К Н.-п. р., как правило, прибегают для передачи невысказанных мыслей, внутреннего монолога. Создается двуплановость высказывания: воспроизводится «внутренняя речь» героя, но выступает за него автор: *Она выписывала книги и журналы и читала у себя в комнате. И по ночам читала, лежа в постели. Когда часы в коридоре били два или три и когда уже от чтения начинали болеть виски, она садилась в постели и думала. **Что делать? Куда деваться? Проклятый, назойливый вопрос, на который давно уже готово много ответов и в сущности нет ни одного. О, как это, должно быть, благородно, свято, картинно — служить народу, облегчать его муки, просвещать его. Но она, Вера, не знает народа. И как подойти к нему? Он чужд ей, неинтересен, она не выносит тяжелого запаха изб, кабацкой брани, немытых детей, бабьих разговоров о болезнях*** (А. Чехов).

Наиболее характерный тип несобственно-прямой речи — вопросительные и восклицательные предложения, выделяющиеся на фоне авторского повествования, например: *Он ужаснулся и в отчаянии спрашивал себя, **как это и зачем попал он в неизвестную землю, в компанию страшных мужиков? Где теперь дядя, отец Христофор и Дениска? Отчего они так долго не едут? Не забыли ли о нем?*** (А. Чехов); *Николай Ростов отвернулся и, как будто отыскивая чего-то, стал смотреть на даль, на воду Дуная, на небо, на солнце. **Как хорошо показалось небо, как голубо, спокойно и глубоко! Как ярко и торжественно опускающееся солнце! Как ласково и глянцевито блестела вода в далеком Дунае!*** (Л. Толстой).

Н.-п. р. используется многими писателями. Сергей Залыгин, автор «На Иртыше» и «Соленой пади», отмечал, что персонажи этих произведений (Чаузов и Мещеряков) «буквально заставляли <...> писать о них тем языком, который они считали приемлемым для себя <...> Конечно, этот язык оставался в то же время и моим, он лежал в пределах моих собственных возможностей, но эти собственные возможности как раз они-то и расширяли» (*Залыгин С.,* 1969, с. 120—121).

По словам М. Бахтина, Н.-п. р. является «наиболее важным и синтаксически шаблонизированным <...> случаем интерферирующего слияния двух, интонационно разнонаправленных речей», проявлением речевой интерференции в языке.

Лит.: Ковтунова И.И. Несобственно-прямая речь в современном русском языке. — РЯШ. — 1953. — № 2; Глушкова М.Н. Несобственно-прямая речь в языке прозы Пушкина. — РЯШ. — 1962. — № 1; Соколова Л.А. Несобственно-авторская (несобственно-прямая) речь как стилистическая категория. — Томск, 1968; Залыгин С. О художественном языке и художественном образе. — ВЛ. — 1969. — № 6; Блинов Г.И. Изучение способов передачи чужой речи. — РЯШ. — 1974. — № 2; Труфанова И.В. Способы передачи чужой речи в русском языке. — Елец, 1994; Бахтин М.М. Несобственная прямая речь во французском, немецком и русском языке // Бахтин М.М. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. — М., 2000; Труфанова И.В. Прагматика несобственно-прямой речи. — М., 2000.

О.Н. Емельянова

О

ОБРАЗ АВТОРА — 1) одно из проявлений глобальной категории субъектности, выражающей творческое, созидательное начало в разных видах деятельности, включая речевую; 2) основная категория текстообразования, наряду с образом адресата формирующая лингвистические и экстралингвистические факторы текстообразования; 3) худож. категория, формирующая единство всех элементов многоуровневой структуры литературного произведения; 4) образ творца, создателя худож. текста, возникающий в сознании читателя в результате его познавательной деятельности.

В стилистике худож. литературы целостная концепция О. а. была разработана В.В. Виноградовым в монографии «О теории художественной речи» (1971), хотя эта проблема затрагивалась и ранее в трудах Г.О. Винокура, Б.М. Эйхенбаума, А.Н. Соколова и др. В.В. Виноградов трактовал О. а. как «концентрированное воплощение сути произведения, объединяющее всю систему речевых структур персонажей в их соотношении с повествователем-рассказчиком или рассказчиками и через них являющееся идейно-стилистическим средоточием, фокусом целого» (с. 118). «В образе автора, как в фокусе, сходятся все структурные качества словесно-художественного целого», — писал ученый (с. 211). В его работах О. а. интерпретируется как проявление «литературного артистизма» творца, с которым связано «распределение света и теней с помощью выразительных речевых средств, экспрессивное движение стиля, переходы и сочетания экспрессивно-стилевых красок, характер оценок, выражаемых посредством подбора и смены слов и фраз...» (с. 83).

Категория О. а. рассматривается ученым как проявление отношения писателя «к литературному языку своей эпохи, к способам его понимания, преобразования и поэтического использования» (с. 106). В.В. Виноградов предлагает изучать О. а. как в плане диахронии («вглубь») с учетом истории языка и смены литературных школ и направлений, так и «вширь» (в плане синхронии) на основе сопоставления произведений ряда совр. писателей или творений одного из них для выявления динамики О. а. в его творчестве.

Рассматривая О. а. как «индивидуальную словесно-речевую структуру, пронизывающую строй художественного произведения и определяющую

взаимосвязь и взаимодействие всех его элементов», подчеркивая историческую изменчивость и многообразие типов и форм «этих соотношений внутри произведения» «в зависимости от стилей и систем словесно-художественного творчества» (с. 152), В.В. Виноградов наметил глобальную перспективу дальнейшего изучения О. а. в совр. стилистике.

В трудах В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, Б.М. Эйхенбаума, Б. Томашевского, М.П. Брандес, Б.О. Кормана, Е.А. Гончаровой и др. рассмотрены типы и виды О. а., различные лики худож. «я» в драме, лирике, романе и т.д., исследовано соотношение О. а. с личностью писателя и разными типами повествователей: объективным (максимально приближенным к автору и ведущим повествование от 3-го лица); личным, субъективным (в повествовании от 1-го лица без конкретизации и речевой характерологии); «персонифицированным» рассказчиком (в повествовании от 1-го лица в сказовой манере, с использованием характерологических речевых средств).

Термин «автор», как известно, может обозначать: 1) реальную личность писателя; 2) повествователя, субъекта-персонажа; 3) худож. личность создателя («автор» как присущий данному произведению создающий субъект, который обозначается... самим произведением, так что только из самого произведения мы о нем и узнаем, иначе, «автор» как художественная личность писателя» — *Брандес М.П.,* 1971, с. 54).

В сфере эстетической коммуникации О. а. соотносится с реальной личностью творца литературного произведения, который выражает в словесно-худож. форме свое мировоззрение, эстетическое кредо, свой лексикон, тезаурус, ассоциации. Вместе с тем О. а. и писатель — не тождественные понятия: О. а. имеет эстетическую сущность и отражает не в полной мере концептуальную и языковую картину мира создателя литературного произведения, поскольку полностью его картина мира не может реализоваться в одном или нескольких текстах.

Что же касается повествователя (объективного, личного или рассказчика), его выбор определяется писателем и является одной из форм выражения О. а. наряду с другими, включая различные композиционные виды «монтажа», речевые средства (внутреннюю прямую или несобственно-прямую речь), лирические отступления.

Новые аспекты в изучении О. а. открываются в связи с особенностями совр. лингвистической парадигмы: ее диалогичностью и опорой на теорию речевой деятельности, антропоцентризмом и текстоцентризмом (отсюда интерес к языковой личности автора, «стоящей» за текстом). В связи с этим О. а. в совр. стилистике худож. литературы необходимо изучать в коммуникативно-деятельностном аспекте не только в свете категории субъектности, но и категории адресованности (ср. работы о параметризации адресата *Н.Д. Арутюновой, Г.В. Степанова, Г.Г. Молчановой, О.Л. Каменской, О.П. Воробьевой и др.*). Это обусловлено диалогической концепцией совр. мировосприятия, в основе которой лежит теория диалога М.М. Бахтина, предполагающая ориентацию «на другого» и его ответную активность. Идея диалогизации стала ведущей в совр. гуманитарном знании, вклю-

чая стилистику (см. работы *М.Н. Кожиной, М.П. Котюровой* и др.), хотя В.В. Виноградов видел в идее полифонии М.М. Бахтина не диалоги автора и героев, а проявление разных ликов О. а. (ср. восприятие ученым книги «Марксизм и философия языка», 1930).

Проблема О. а. в худож. произведении исследуется в литературоведении (с историко-литературной; эстетической и социально-психологической точек зрения) и стилистике худож. литературы (в композиционно-речевом и стилистическом аспекте). В совр. коммуникативной стилистике текста изучается языковая и концептуальная картина мира автора; многоаспектные проявления О. а. в структуре, семантике и прагматике текста; рассматриваются модели смыслового развертывания худож. текстов разных типов в аспекте *идиостиля* (см.); своеобразие текстовых ассоциаций и регулятивных структур, поразному организующих познавательную деятельность читателя.

Лит.: Виноградов В.В. О языке художественной литературы. — М., 1959; Его же: О теории художественной речи. — М., 1971; Брандес М.П. Стилистический анализ. — М., 1971; Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. — 3-е изд. — М., 1972, гл. 2, 5; Его же: Автор и герой в эстетической деятельности. — ВЛ. — 1978. — № 12; Его же: Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках: Опыт философского анализа // Русская словесность: Антология / Под ред. проф. В.П. Нерознака. — М., 1997; Одинцов В.В. Стилистика текста. — М., 1980; Левидов А.М. Автор — образ — читатель. — 2-е изд. — Л., 1983; Гончарова Е.А. Пути лингвистического выражения категорий автор — персонаж в художественном тексте. — Томск, 1984; Караулов Ю.Н. Понятие языковой личности в трудах В.В. Виноградова // Русский язык: Языковые значения в функциональном и стилистическом аспектах. — М., 1987; Степанов Г.В. Единство выражения и убеждения (автор и адресат) // Степанов Г.В. Язык. Литература. Поэтика. — М., 1988; Винокур Г.О. Филологические исследования. — М., 1990. — С. 8—14; 112—140 и др.; Бескровная И.А. Поэтический текст как модель автокоммуникации: типы адресантов. — Филол. науки. — 1998. — № 5—6; Минералов Ю.И. Теория художественной словесности (поэтика и индивидуальность). — М., 1999; Чурилина Л.Н. Автор — концепт — текст: к вопросу о принципах организации лексического уровня художественного текста // Говорящий и слушающий: языковая личность, текст, проблемы обучения: Матер. междунар. науч.-метод. конф. (Санкт-Петербург, 26—28 февраля 2001 г.). — СПб., 2001.

Н.С. Болотнова

ОБРАЗНОСТЬ — сложная и многозначная категория стилистики, имеющая различные интерпретации в связи с различными осмыслениями понятия и термина образ. «Необходимо иметь в виду, что самый термин «образ» имеет множество самых различных значений, особенно когда он сопровождается такими эпитетами, как «поэтический», «художественный», «творческий». Или употребляется в таких выражениях, как «мышление в образах». Везде в таких случаях термин «образ» получает с трудом формулируемую массу семантических оттенков и становится поразному семантически нагруженным» (*Лосев А.Ф.,* 1994, с. 175).

Дело усложняется тем, что, как замечает Д.Б. Ольховиков, «производное слово-термин «образность» находится в сложных отношениях синонимии с рядом близких по значению семантико-стилистических категорий: «выразительность», «экспрессивность», «метафоричность» (в широком смысле слова), в работах некоторых авторов — «символичность» и «поэтичность» (к примеру, у А.А. Потебни)» (*Ольховиков Д.Б.,* 2000, с. 341).

По-видимому, можно выделить О. тропеическую, основанную на употреблении слов и выражений в переносном значении (см. *Тропы*), сопоставимую с понятием металогии (*Квятковский А.П.,* 1998, с. 181), и О. нетропеическую, сопоставимую с понятием автологии (*Квятковский А.П.,* 1998, с. 8—10).

Под нетропеической О. речи (высказывания, части текста или текста в целом) понимается ее соответствие авторскому эстетическому заданию. С этой точки зрения «в структуре лит.-худож. произведения острые экспрессивно-образные функции могут выпасть даже на долю семантически нейтральных, совсем безобразных местоименных слов <...> (*Виноградов В.В.,* 1963, с. 125). Таким образом, «образность художественной речи <...> не сводится к использованию образных средств самого языка, «переносно-фигуральных значений» слов, их экспрессивно-стилистической значимости и т.д.» (*Шмелев Д.Н.,* 1964, с. 105).

И О. тропеическая, и О. нетропеическая могут выступать как изобразительность речи, под которой понимается такая степень ее предметной конкретности, благодаря которой содержание речи воспринимается преимущественно через чувственные (зрительные, слуховые, тактильные, вкусовые, обонятельные) представления. Напр.: *Однажды ночью я проснулся от странного ощущения. Мне показалось, что я оглох во сне. Я лежал с закрытыми глазами, долго прислушивался и, наконец, понял, что я не оглох, а попросту за стенами дома наступила необыкновенная тишина.* ***Такую тишину называют «мертвой». Умер дождь, умер ветер, умер шумливый, беспокойный сад.*** *Было только слышно, как посапывает во сне кот* (К. Паустовский).

Изобразительность этого текста представлена как тропеической О. (выделена в тексте), так и нетропеической О. (весь остальной текст, в особенности последнее предложение).

Изобразительность текста (чаще — его фрагмента) может иметь место и при отсутствии (или почти при полном отсутствии) тропеической О. Такую нетропеическую изобразительность мы можем наблюдать, например, в следующем отрывке из «Графа Нулина» А.С. Пушкина:

Наталья Павловна сначала
Его внимательно читала,
Но скоро как-то развлеклась
Перед окном возникшей дракой
Козла с дворовою собакой
И ею тихо занялась.
Кругом мальчишки хохотали.

Меж тем печально, под окном
Индейки с криком выступали
Вослед за мокрым петухом;
Три утки полоскались в луже;
Шла баба через грязный двор
Белье повесить на забор;
Погода становилась хуже;
Казалось, снег идти хотел...

Нетропеическая О. не обязательно связана с изобразительностью; она может быть обусловлена лишь соответствием речевой единицы авторскому эстетическому заданию, его худож. мотивированностью, целенаправленностью в составе целого произведения, что свойственно любой речевой единице худож. текста. Нетропеическую О. такого рода можно, вслед за А.М. Пешковским, В.Д. Левиным, Д.Н. Шмелевым и другими, назвать общей образностью (*Шмелев Д.Н.,* 1964, с. 105). Напр.: *Стоит только признать, что цель волнений европейских народов нам неизвестна, а известны только факты, состоящие в убийствах, сначала во Франции, потом в Италии, в Африке, в Пруссии, в Австрии, в Испании, в России, и что движения с запада на восток и с востока на запад составляют сущность и цель этих событий, и нам не только не нужно будет видеть исключительность и гениальность в характерах Наполеона и Александра, но нельзя будет представить себе эти лица иначе, как такими же людьми, как и все остальные; и не только не нужно будет объяснять случайностию тех мелких событий, которые сделали этих людей тем, чем они были, но будет ясно, что все эти мелкие события были необходимы* (Л. Толстой).

В цитированном тексте нет изобразительности (в вышеуказанном смысле), однако этот фрагмент в целом и все составляющие его речевые единицы эстетически мотивированы авторским заданием и, следовательно, образны (в контексте категории общей образности).

Следует иметь в виду, что в литературоведении широко используется понятие худож. образа, под которым понимается «категория эстетики, характеризующая особый, присущий только искусству способ освоения и преобразования действительности. О. также называют любое явление, творчески воссозданное в худож. произв. <...>, напр., О. войны, О. народа, О. Наташи Ростовой в «Войне и мире» Л.Н. Толстого» (*Эпштейн М.Н.,* 1987, с. 252).

Лит.: Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. — М., 1963; Шмелев Д.Н. Слово и образ. — М., 1964; Федоров А.И. Образная речь. — Новосибирск, 1985; Эпштейн М.Н. Образ художественный // Литературный энциклопедический словарь. — М., 1987; Лосев А.Ф. Проблемы художественного стиля. — Киев, 1994; Квятковский А.П. Школьный поэтический словарь. — М., 1998; Новиков В.И., Шкловский Е.А. Энциклопедический словарь юного литературоведа. — М., 1998; Ольховиков Д.Б. «Образность» как категория филологического описания текста // Res Linguistica. — М., 1999.

А.П. Сковородников, Г.А. Копнина

ОБЩЕНАУЧНАЯ ЛЕКСИКА — лексика, используемая в науч. текстах всех областей знания.

Специфической чертой науч. прозы является лексикоцентричность. Именно слово в науч. тексте является необходимой предпосылкой для последовательных операций с понятиями в процессе формирования мысли. Состав лексики науч. речи неоднороден. В нем выделяются три относительно самостоятельных слоя: нетерминологическая (неспециальная), общенаучная и терминологическая лексика (*Даниленко В.П.,* 1977). Каждый слой играет свою роль в языке науки. Нетерминологическая лексика формирует нейтральную словесную ткань специального текста. О. л. характеризуется однородностью не только сферы употребления, экспрессивно-стилистической окраски, но и семантики. В ее состав входят отглагольные имена процессуального значения (*введение, заключение, формирование, использование* и др.), оценочные прилагательные и наречия типа *активный, глубокий, важный, новый, существенный, активно* и др., имена отвлеченного качества типа *сложность, активность, истинность, актуальность* и др. О. л. используется для связи науч. понятий, выражения их отношений, толкования понятий, описания материала. Она объединяет специальные слова, которые «обслуживают» не одну науч. область. Эта лексика обозначает понятия «широкого профиля», которые соотносятся с объектами, явлениями, процессами, свойствами в разных областях изучаемой действительности (*морфология* — в языкознании, биологии; *электрогенераторный* — в физике, биологии; *изоляция* — в физике, истории и др.). Этот класс лексических единиц имеет тенденцию к расширению благодаря интеграции и дифференциации наук и их терминосистем, а также проникновению методов одних наук в другие. Слова широкой семантики выполняют методологическую функцию в процессе получения нового знания. Методологическая функция понятий и их номинаций выявляется, напр., при характеристике свойств исследуемого объекта. Свойства объекта (*свойства, качества, признаки*) конкретизируются со стороны содержания (*содержание, сущность, природа*), формы, состава (*форма, состав, структура, строение, элементы, единицы, компоненты*), генезиса (*генезис, происхождение, истоки*), отношений с другими объектами, явлениями (*статус, положение, место; соотношение, связь, взаимодействие, взаимосвязь; единство, диада, триада; отличия, различия, специфика, особенности*), изменения (*становление, формирование, развитие, движение*), функции (*функция, роль*) и др.

В речевой ткани текста О. л. представлена совокупностью речевых единиц, объединенных различными значениями. Одно из них — ‘идентификация форм науч. знания’, связанная с функцией выражения познавательных форм в той последовательности, которая определяется логикой авторской мысли. В этой функции используются существительные *проблема, задача, вопрос, идея, гипотеза, предположение, доказательство, обоснование, подтверждение, аксиома, вывод, результат, концепция, теория, закон* и др. В качестве номинаций более частных познавательных форм выступают слова *принцип, категория, понятие, постулат, критерий, при-*

знак, параметр, свойство, система, структура, функция, процесс, классификация, типология и мн. др. Данные номинации маркируют этапы развертывания науч. содержания от постановки проблемы до непротиворечивого вывода. В связи с этим они обладают высоким текстообразующим потенциалом, обеспечивая методологическую оформленность нового знания и членение текста на кванты смысла.

Другую группу О. л. составляют слова, объединяемые вокруг когнитивного существительного *метод* и его контекстуальных синонимов: *методика, принцип, средство, способ, подход, путь, процедура*. Данные существительные фиксируют методы различной степени обобщения — от философских подходов, отражающих науч. картину мира субъекта и его мировоззрение, до специальных способов решения частной проблемы. Выбор конкретной номинации определяется типом решаемой проблемы и содержанием познавательной операции. Так, для эмпирических текстов актуальны существительные *наблюдение* и *эксперимент* с дальнейшим расширением семантической зоны за счет наименования конкретных действий, напр.: *измельчение, обезвоживание, растворение, термическая обработка, обжиг, обогащение, взвешивание, измерение* и мн. др. В текстах теоретической направленности типичными номинациями являются существительные *анализ, синтез, абстрагирование, идеализация, обобщение, ограничение, моделирование, описание, классификация, систематизация, дифференциация, формализация, интерпретация, экстраполяция* и др. В контексте науч. произведения приведенные языковые единицы определяют направление науч. поиска как при решении основной проблемы, так и в процессе работы над более частными проблемами. «Синхронизируя» познавательную деятельность субъекта и представление в тексте ее этапов, эти единицы обеспечивают прогрессию содержания, программируют композиционное развертывание произведения, координируют логическое развитие науч. мысли автора и читателя.

Фиксирование в тексте познавательных действий субъекта осуществляется посредством большой группы общенауч. когнитивных глаголов *исследовать*, *изучать* и их контекстуальных синонимов, обозначающих виды профессиональной науч.-познавательной деятельности и действующих во всех предметных областях: *анализировать, выявлять, классифицировать, определять, описывать, характеризовать, понимать, получать, обнаруживать, разрабатывать, рассматривать, противопоставлять, объединять, отождествлять, соединять, различать, доказывать, обосновывать, объяснять, подтверждать, систематизировать, уточнять, интерпретировать, моделировать* и мн. др. Общей чертой этих глаголов является их способность описывать пути получения и обоснования знания. Вместе с тем эти глаголы демонстрируют разнообразие семантики, обусловленное содержанием конкретных познавательных ситуаций. Глаголы объединяются в следующие семантические группы: 1) перцептивные, связанные с ситуацией эмпирического пополнения знания (*видеть, следить, наблюдать, фиксировать, выявлять, обнаруживать* и т.д.); 2) аргументативные, описывающие ситуацию логического вывода зна-

ния (*объяснять, разъяснять, доказывать, опровергать, обосновывать, подтверждать* и др.); 3) релятивные, обозначающие ситуацию определения понятий и установления между ними логико-семантических отношений (*относить (ся), соответствовать, обусловливать (ся), контрастировать, гармонировать, ассоциировать (ся), соотносить (ся), определять (ся), называть (ся), классифицировать, дифференцировать, систематизировать, разделять (ся), делить (ся), объединять (ся)* и др.). Между семантическими группами отсутствуют жесткие границы, так как одни и те же глаголы могут употребляться в различных значениях.

Кроме нетерминологической и общенаучной лексики в науч. тексте используется лексика терминологическая (см. *термин*). Она представляет собой совокупность специальных наименований, объединенных в терминосистемы, каждая из которых отражает категориальный аппарат, систему понятий конкретной науки. В этих системах термин безразличен к контексту, жанру высказывания, ситуации речи. Кроме того, как утверждает Л.А. Капанадзе, «термины — наиболее «управляемая» часть лексики... пример целесообразно управляемого приспособления языковых средств к потребностям обмена опытом в человеческом обществе» (*Капанадзе Л.А.,* 1965, с. 75). Основными признаками терминов являются точность, однозначность, удобство образования от них производных слов, ориентированность на объект в системе.

Лит.: Капанадзе Л.А. О понятии «термин» и «терминология» // Развитие лексики современного русского языка. — М., 1965; Веселитский В.В. Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII — начала XIX в. — М., 1972; Толикина Е.Н. Термин в Толковом словаре // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. — М., 1974; Даниленко В.П. Русская терминология. — М., 1977; Петрищева Е.Ф. Стилистически окрашенная лексика русского языка. — М., 1984; Бельчиков Ю.А. Лексическая стилистика: проблемы изучения и обучения. — М., 1988; Рябцева Н.К. Противопоставления в классе когнитивов // Прагматика и проблемы интенсиональности. — М., 1988; Ее же: Ментальные перформативы в научном дискурсе. — ВЯ. — 1992. — № 4; Котюрова М.П. Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста (функционально-стилистический аспект). — Красноярск, 1988; Баженова Е.А. Научный текст в аспекте политекстуальности. — Пермь, 2001.

М.П. Котюрова

ОБЪЯСНЕНИЕ — *функционально-смысловой тип речи* (см.), для которого смыслоформирующими являются отношения причинности; разновидность *рассуждения* (см.) как типа речи, производного от коммуникативного намерения установить причинно-следственные связи между явлениями. Ключевая часть О. содержит сообщение о каком-либо явлении, комментирующая часть находится в постпозиции и раскрывает причины этого явления. Напр.: *«На первый взгляд может показаться странным, что в случае π-мезонов в одном зарядовом мультиплете объединяются и частица... и ее античастица... в то время как, например, Λ-гиперон и*

анти-Λ-гиперон образуют два различных зарядовых мультиплета. ***Объяснение заключается в том, что*** *в зарядовый мультиплет объединяются частицы, отличающиеся только величиной или знаком электрического заряда; все остальные величины, характеризующие частицы, должны быть одинаковыми...»* (И.В. Савельев. Курс общей физики); *«Величина концентрационных напряжений* ***зависит*** *не от диффузионных констант компонентов диффузионной пары, а лишь от отличия атомных объемов и сжижаемости атомов этих компонентов...»* (Я.Е. Гегузин. Диффузионная зона).

Маркерами О. являются причинные союзы *так как, поскольку, потому что* и др.; конструкции с перформативами *объяснить, объяснение,* каузальными глаголами и краткими причастиями типа *это зависит от..., происходит от..., это связано с тем, что..., обусловлено* и т.п. Переход от ключевой части О. к комментирующей может оформляться с помощью вопроса: *«Известно, что в изоэлектрической точке вода ведет себя как амфотер, что отвечает нейтральности всей системы. Но чем она* ***обусловлена****?»; «В чем* ***причина*** *столь резко различающейся формы халцедоновых выделений?»* (Ю.А. Колясников. Причины различных форм отложений халцедона в основных и кислых вулканитах).

Наиболее типично О. для науч. речи. Объяснение — важнейшая функция науч. исследования и присутствует поэтому как этап познавательной деятельности и соответственно тип речи в произведениях любой отрасли науки. О. может выполнять, кроме того, важную коммуникативную задачу — оно делает излагаемое более доступным для читателя. Функция О. как познавательно-коммуникативного действия может иметь в качестве основного либо познавательный компонент (О., заключающее в себе новизну для науч. сообщества), либо коммуникативный (истолкование причин сложного, малопонятного для читателя явления). Последний обычно усилен в произведениях жанра учебника либо научно-популярной литературе.

Коммуникативное воздействие любого текста наиболее успешно происходит в условиях его адекватного восприятия читателем, а следовательно, предполагает в числе прочего реализацию в тексте категории объяснительности. Этим обусловлено участие О. в создании текстов всех функц. разновидностей лит. языка.

В оф.-дел. текстах О. выступает в традиционной функции раскрытия причин какого-л. факта. Напр.: *«Занятие по педагогике 14.05.01 не состоялось,* ***так как*** *студенты были задействованы в проведении общеуниверситетской спартакиады»* (из объяснительной записки); *«В настоящее время я нуждаюсь в материальной помощи в связи с рождением 5 (пятого) ребенка,* ***так как*** *муж погиб, на моем попечении осталось пять детей и моя мать, Зуева Мария Александровна, инвалид II группы»* (из заявления).

В публицистике О. также используется обычно в основной функции — раскрывает причины событий, явлений, при этом, правда, степень субъективности О. здесь больше, чем в науч. и дел. речи. Напр.: *«...И тогда я поняла,* ***почему*** *так трудно писать про Париж. Просто Париж не город.*

Париж — это такой образ жизни...» («АиФ»). Нередко вместо действительного О. волнующих читателей фактов автор дает О. ироническое, используя иронию как яркую форму выражения своей позиции. Напр.: *«В самом центре столицы, в двух шагах от Арбата, российские семьи свято чтут мусульманские праздники. **Потому что** только в эти редкие дни молчит стройка у них под окнами. В праздники туркам работать грешно. В остальные дни работать почетно. **Поэтому** они без устали стучат и гремят с 7 утра и далеко за полночь. По-русски не понимают не только они, но и заказчик — Верховный суд»; «...Провинившихся ожидает штраф в размере сколько-нибудь минимальных зарплат. Может, эту зарплату **потому** и не увеличивают, чтобы штрафы были поменьше?»; «**Почему** денег нет — давно известно. **Потому что** их нет. Ответ этот так же универсален, как стиральный порошок «Миф». А может, это и в самом деле миф?»* («АиФ»). Неожиданный поворот мысли позволяет публицисту ярче обозначить проблемность, остроту ситуации.

Имеются существенные, принципиальные различия функционально-семантического плана между О. в науч., оф.-дел., публиц. текстах и О. в худож. речи. Играя важную роль в раскрытии создаваемого образа, О. в худож. произведении выступает (как и другие типы рассуждения) прежде всего как элемент образной конкретизации. Ср.: *«...Всякий раз, когда глаза наши встречались, что случалось часто, **так как** мы сидели наискоски друг против друга, он отворачивался и брался за книгу или смотрел в окно»* (Л.Н. Толстой. Крейцерова соната); *«Я приходил к Лере лишь утром — я говорил с ней, стоя в самых дверях, **так как** войти в загроможденную тумбочками и прочим добром кладовку было невозможно»* (В.С. Маканин. Отставший). Имея те же структурные параметры, что и в других функц. стилях (ключевая часть → комментирующая часть), подобные О. десемантизированы, выполняют прежде всего изобразительную функцию. Отсюда и сам термин «объяснение» не вполне созвучен функционально-стилевой специфике худож. речи.

Художественное О. нередко бывает слито с предположением, если автор хочет придать реальность и психологическую достоверность изображаемому, которое происходит как будто независимо от его воли и по неизвестным ему причинам. Напр.: *«Акакий Акакиевич покачнул головой и усмехнулся и потом пошел своею дорогою. **Почему** он усмехнулся, **потому ли**, что встретил вещь вовсе не знакомую, но о которой, однако же, все-таки у каждого сохраняется какое-то чутье, **или** подумал он, подобно многим другим чиновникам, следующее: «Ну, уж эти французы! Что и говорить, уж ежели захотят что-нибудь того, так уж точно того...» **А может быть**, даже и этого не подумал — ведь нельзя же залезть в душу человеку и узнать все, что он ни думает»* (Н.В. Гоголь. Шинель); *«Обо всем этом думала я... идя на работу в тот обычный счастливый день. **Почему** счастливый? С утра узнала, что Максимова — самая тяжелая больная в отделении, инфарктница, мать троих детей, как будто (тьфу-тьфу!) выкарабкивается. Дежурила при ней три ночи подряд. Искусственное дыхание, массаж сердца... Удалось-таки спасти!»* (И.Н. Грекова. Перелом).

Худож. О., рассматриваемое в аспекте отношений «автор—герой», как специфическая форма выражения авторского сознания, помогает не только выявить психологическое самочувствие героев, но и раскрыть своеобразие и глубину авторского отношения к героям и ситуации, что в конечном счете способствует наиболее полному прочтению худож. произведения, его концепции.

В худож. речи О. обладает меньшей по сравнению с другими стилями степенью не только функционально-семантической, но и структурной стабильности. Здесь распространены О. с имплицитной связью, напр.: *«Это меня еще более успокоило: я нашел себе место в этом утре, в этом Городе, в этом государстве»* (Г.А. Горышин. Мой дядюшка Егор); *«Я еще раз дал лошадям напиться и покормиться на околице мертвого селения, сам маленько подкрепился, настороженно озираясь по сторонам, — в таких вот развалинах, средь ломи кирпичей и головешек, горелых печных труб, хат со спаленными крышами, с выбитыми окнами, сорванными дверьми, подходяще скрываться братьям-самостийщикам»* (В.П. Астафьев. Обертон). В худож. и публиц. О. широко используется парцелляция, воскл. предложения и другие способы усиления экспрессии, позволяющие акцентировать важные моменты содержания, напр.: *«Она будет жить ожиданием. Это будет ЖИЗНЬ. А без него — НЕ ЖИЗНЬ. Хуже, чем смерть.* ***Потому что*** *смерть — это отсутствие всего, и страданий в том числе. А без него — страдания, ежедневные, ежеминутные»* (В.С. Токарева. Сентиментальное путешествие); *«Безвыходных положений в экономике нет!* ***Ибо*** *экономика может умереть только вместе с обществом»* («АиФ»).

Лит.: Одинцов В.В. Стилистика текста. — М., 1980; Доблаев Л.П. Смысловая структура учебного текста и проблемы его понимания. — М., 1982; Цветкова Т.М. Конституирующие факторы текста «рассуждение» в науч. стиле (на материале лингвистической литературы): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1983; Девкин А.П. Определение и объяснение как композиционно-речевые формы в английских науч. и науч.-популярных текстах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Минск, 1984; Радзиевская Т.В. Прагматические свойства высказывания-объяснения // Каузальность и структуры рассуждений в рус. языке. — М., 1993; Трошева Т.Б. Формирование рассуждения в процессе развития науч. стиля рус. лит. языка XVIII—XX вв. (сопоставительно с др. функц. разновидностями). — Пермь, 1999; Панова О.В. Рассуждение как тип речи в прагматическом аспекте (аргументация и объяснение): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Минск, 2001.

Т.Б. Трошева

ОМОНИМИЯ И СМЕЖНЫЕ ЯВЛЕНИЯ (от греч. homōnymia — одноименность) — наличие в языке единиц, совпадающих по форме (звучанию и/или написанию), но имеющих разную семантику (значение) и не связанных ассоциативно. Напр.: ***брак*** *— изъян* и ***брак*** *— женитьба*; ***брань*** *— ругань* и ***брань*** *— война, битва* и др.

Омонимия очень распространенное явление, охватывающее все стороны языка — лексику, словообразование, грамматику.

В настоящее время выделяют собственно **омóнимы** (лексические — полные или неполные, синтаксические), **омофóны** (лексические — полные и неполные, лексико-грамматические), **омóграфы** (лексические — полные и неполные, грамматические, лексико-грамматические, стилистические) и **омофóрмы**.

Полные лексические омонимы — это слова одной части речи, совпадающие во всех грамматических формах в звучании и написании, но совершенно разные по значению. Напр.: ***свет*** *— электромагнитное излучение, воспринимаемое глазом и делающее окружающий мир видимым* и ***свет*** *— земля со всем, что на ней существует, мир, вселенная.*

Неполные лексические омонимы отличаются от полных тем, что они совпадают в звучании и написании не во всех грамматических формах. Напр.: ***коса́*** *— сельскохозяйственное орудие;* ***коса́*** *— отмель, мыс;* ***коса́*** *— заплетенные волосы.* В последнем случае слово ***коса*** имеет акцентологическую норму ***ко́сы*** (вин. п. мн. число).

Синтаксические омонимы — слова, полностью совпадающие в звучании и написании форм, но относящиеся к разным частям речи и выполняющие в предложении разные синтаксические функции. Напр.: *Собеседник* ***холодно*** *посмотрел на меня* (наречие) и *На улице* ***холодно*** (слово категории состояния).

Полные лексические омофоны (от греч. homós — одинаковый и phōne — голос, звук) — слова одной части речи, совпадающие во всех грамматических формах в звучании, но не совпадающие в написании и совершенно разные по значению. Напр.: ***компа́ния — кампа́ния, бачо́к — бочо́к*** и др.

Неполные лексические омофоны отличаются от полных тем, что совпадают в звучании не во всех грамматических формах. Напр.: ***кот — код*** (*кота́ — ко́да*), ***грипп — гриб*** (*гри́ппа — гриба́*), ***седе́ть — сиде́ть*** (*седе́я — си́дя*) и проч.

Лексико-грамматические омофоны — это: 1) совпадающие в звучании (но не в написании) разные формы слов одной части речи. Напр.: ***ве́ко*** (глазное) — ***ве́ка*** (род. п. ед. ч. от *век* — столетие) или 2) омофонические слова разных частей речи. Напр.: ***ли́ца*** (сущ.) — ***ли́ться*** (глаг.), ***ре́зка*** (отглаг. сущ.) — ***ре́зко*** (нареч.) и др.

Нередко встречаются трехчленные омофонические гнезда. Напр.: ***паз*** (*отверстие*) — ***пас*** (*в игре передача мяча партнеру*) — ***пасс*** (*движение руки гипнотизера*); ***аз*** (*название буквы алфавита*) — ***ас*** (*мастер высшей квалификации*) — ***асс*** (*древнеримская денежная единица*).

Омóграфы (от греч. homós — одинаковый и gráphō — пишу) — слова одной или разных частей речи, совпадающие в написании всех или отдельных форм, но не совпадающие в звучании и имеющие разные значения. Лексикологи выделяют разные виды омографов. **Лексические омографы** — слова, совпадающие в написании в равнозначных грамматических формах: ***мука́ — му́ка, атла́с — а́тлас*** и др.

Полные лексические омографы совпадают во всех равнозначных формах: ***па́рить — пари́ть, за́мок — замо́к*** и др.

Грамматические омографы — совпадающие в написании разные формы одного слова: ***дома́*** (им. — вин. п. мн. ч.) — ***до́ма*** (род. п. ед. ч.).

Лексико-грамматические омографы — слова одной или разных частей речи, совпадающие в написании отдельных неравнозначных форм: ***по́том — пото́м, уха́ — у́ха, село́ — се́ло*** и др.

Стилистические омографы — произносительные стилистические варианты слов с «нормативным» акцентом, напр., профессионально-жаргонным: ***ко́мпас — компа́с*** (морской жаргон), ***осуждённый — осу́жденный*** (жаргон юристов), ***шофёр — шо́фер*** (жаргон шоферов) и т.д.

Омоформы — слова одной или разных частей речи, совпадающие в звучании и написании лишь в отдельных неравнозначных формах (поэтому омоформы не могут быть полными или неполными). Напр.: ***мой*** (местоим.) — ***мой*** (повелит. форма глаг. *мыть*). Встречаются трехчленные гнезда омоформ. Напр.: ***слив*** (род. п. мн. ч. от *слива*) — ***слив*** (отглаг. сущ.) — ***слив*** (дееприч.).

Омонимы, омографы, омофоны и омоформы появляются в языке по следующим причинам:

Во-первых, они могут появиться в результате фонетических процессов, происходящих в языке, — изменения звукового облика слов. Так, напр., первоначально слова ***лук*** (*растение*) и ***лук*** (*орудие для стрельбы*) различались по звучанию и написанию: ***лоукъ*** и ***лАк***.

Во втором слове находился гласный звук «О носовое», обозначавшийся буквой «А — юс большой». После исчезновения из древнерус. языка носовых гласных звуков и обозначавших их букв слова ***лук*** и ***лук*** совпали в произношении и написании и образовали омонимичную пару.

Во-вторых, омонимы и смежные с ними единицы могут появиться в результате заимствования слов из других языков. При этом заимствованное слово может совпасть по звучанию и написанию с русским словом (например, ***брак*** — *изъян* из немецк. brack совпало с исконно русским ***брак*** — *супружество*) или же с другим заимствованным из иного языка словом (например, ***фокус*** — *трюк* из немецкого совпало с ***фокус*** — *точка пересечения преломленных и отраженных лучей* (из латинск.).

В-третьих, многие ученые называют в качестве основного источника омонимии распад *полисемии* (см.), когда разные значения одного многозначного слова расходятся настолько, что образуются два (или даже больше) разных слова. Напр., так образовались омонимы ***свет*** — *земля, мир, вселенная* и ***свет*** — *электромагнитное излучение*.

Вообще вопрос о соотношении омонимии и многозначности до сих пор является одним из наиболее дискуссионных в лексикологии. В основном ученые придерживаются двух крайних точек зрения на омонимию и многозначность. Первые признают омонимами лишь те одинаково звучащие и пишущиеся слова, которые изначально имели разные формы и только с течением времени совпали из-за фонетических (звуковых), и в общем случайных, причин. Все остальные случаи совпадения эти ученые относят к полисемии. Это традиционный классический взгляд лексикологов и лексикографов (поскольку наибольшие трудно-

сти возникают при лексикографическом описании данных слов, т.е. при представлении их в словарях).

Другие утверждают, что к омонимам следует относить как исторически разные, но впоследствии совпавшие слова, так и случаи распада полисемии. Сторонниками этого взгляда на природу омонимии являются Л.А. Булаховский, В.В. Виноградов, Р.А. Будагов, А.И. Смирницкий и др.

По мнению Д.Н. Шмелева, «большую группу омонимов в рус. языке составляют слова, звуковое совпадение которых обусловлено независимым (иногда — в разное время) образованием от одной и той же основы при помощи одних и тех же аффиксов, но каждое в специализированном значении: ***«ветрянка»*** (*мельница*) и ***«ветрянка»*** *(оспа)*, ***«приемник»*** *(учреждение)* и ***«приемник»*** *(устройство для приема чего-либо)* и т.д.» (*Шмелев Д.Н.,* 1998, с. 345).

Стилистические функции О. разнообразны. О. используются для усиления выразительности речи, экспрессии, лежат в основе *языковой игры* (см.):

Ты белых лебедей ***кормила****,*
Откинув тяжесть черных ***кос****...*
Я рядом плыл; сошлись ***кормила****;*
Закатный луч был странно ***кос****.*
Вдруг лебедей метнулась ***пара****...*
Не знаю, чья была ***вина****...*
Закат замлел за дымкой ***пара****,*
Алея, как поток ***вина****...*
(В.Я. Брюсов)

На О. строятся многие загадки. Напр.: ***Три*** *теленка — сколько ног?* (Ответ*: Сколько ни* ***три*** *— останется четыре).*

В основе *каламбура* (см.) также лежит омонимия (или полисемия):

В любви все ***средства*** *хороши.*
И чем они крупнее — тем лучше.
(Н. Богословский)

Защитник вольности и ***прав***
В сем случае совсем не ***прав.***
(А. Пушкин)

Любил студентов ***засыпать*** *он, видно, оттого,*
Что те любили ***засыпать*** *на лекциях его.*
(С. Маршак)

Как писал В.В. Виноградов, «каламбур может состоять <...> в новой этимологизации слова по созвучию или в образовании нового индивидуально-авторского омонима от созвучного корня» (*Виноградов В.В.,* 1960, с. 5). Напр.: *Ноздрев был в некотором роде* ***исторический*** *человек. Ни на одном собрании, где он был, не обходилось без истории* (Н. Гоголь); *Я всю зиму провел в здешнем краю. Я говорю, что я* ***остепенился****, потому что зарылся в степь* (П. Вяземский); *«Из одних перлов состоит* ***перловая*** *каша», — язвительно перебил его Петушков* (Д. Гранин).

Лит.: Виноградов В.В. Об омонимии и смежных явлениях. — ВЯ. — 1966. — № 5; Арсеньева М.Г., Строева Т.В., Хазанович А.П. Многозначность и омонимия. — Л., 1966; Колесников Н.П. Словарь омонимов русского языка. — М., 1978; Крысин Л.П. Омонимы // Энциклопедический словарь юного филолога. — М., 1984; Ахманова О.С. Словарь омонимов русского языка. — М., 1986; Касаткин Л.Л. Омонимы // Краткий справочник по современному русскому языку. — М., 1995; Шмелев Д.Н. Омонимия. Омонимов словари. Омонимы // Русский язык: Энциклопедия. — М., 1997; Его же: Омонимия // Языкознание: Большой энциклопедический словарь. — М., 1998.

О.Н. Емельянова

ОПИСАНИЕ — *функционально-смысловой тип речи* (см.), сущность которого сводится к выражению факта сосуществования предметов, их признаков в одно и то же время. О. служит для подробной передачи состояния действительности, изображения природы, местности, интерьера, внешности. Напр.:

«Кочановская усадьба стоит на речке, против деревни. Усадебка небогата — дом крыт щепой, с обеих сторон ворота соединяют его с флигелями, в левом флигеле кухня, в правом рига, коровник, сарай. Одно окно кухни выходит на речку, но речки не видать, старый жесткий малинник подпирает флигель...» (К. Федин. Пастух); *«...Дорога, словно не желая быть назойливой, ушла куда-то вправо. Еле заметная тропка ответвилась от нее, попетляла меж сосен и умерла на полянке, около домика. Несмотря на ночные сумерки, трава на полянке белела цветочками земляники. Она, эта ягода моего детства, особенно густо цвела позади домика: я стоял на одном месте, боясь переступить и растоптать ее белые звездочки»* (В. Белов. Бобришный угор).

В содержании описательных текстов главное — предметы, свойства, качества, а не действия. Поэтому основную смысловую нагрузку несут имена существительные и прилагательные. Существительные относятся к конкретной лексике (*речка, деревня, дом, ворота, флигель, окно* и др.). Широко используются слова с пространственным значением — обстоятельства места (*на речке, против деревни, с обеих сторон, меж сосен, на полянке, около домика, позади домика* и т.п.). Глагольные сказуемые в смысловом отношении либо ослаблены, стерты (*усадьба* ***стоит*** *на речке; окно* ***выходит*** *на речку; дорога* ***ушла*** *вправо*), либо имеют качественно-изобразительное значение (*трава* ***белела*** *цветочками земляники; она густо* ***цвела***). Часто используется глагольная форма наст. времени, выражающая длительное состояние предмета или «вневременное» состояние (*стоит, соединяют, подпирает*). Глаголы несов. вида прош. времени указывают на состояние описываемых явлений в момент наблюдения за ними (*белела, цвела*). Даже глаголы сов. вида в описательных контекстах передают свойство, характеристику предмета, а не активное действие (*еле заметная тропка* ***ответвилась*** *от нее,* ***попетляла*** *меж сосен и* ***умерла*** *на полянке*). Для О. характерна однотипность форм сказуемого, которая является показателем статичности изображаемого. Наиболее частотны О. с единым

планом наст. времени или с единым планом прош. времени. Степень статичности в О. с планом прош. времени ниже, чем в О. с планом наст. времени. Строю предложений в О. нередко присущ синтаксический параллелизм.

О. может включать последовательность номинативных и эллиптических конструкций, что создает своеобразный номинативный стиль, наиболее ярко представленный в ремарках драматургических произведений, киносценариях, записях дневникового характера. Напр.: *«Большая комната, угол дома; здесь Васса прожила лет десять и проводит большую часть дня. Большой рабочий стол, перед ним легкое кресло с жестким сиденьем, несгораемый шкаф, на стене обширная, ярко раскрашенная карта верхнего и среднего течения Волги — от Рыбинска до Казани; под картой — широкая тахта покрыта ковром, на ней груда подушек; среди комнаты небольшой овальный стол, стулья с высокими спинками; двойные стеклянные двери на террасу в сад, два окна — тоже в сад. Большое кожаное кресло, на подоконниках — герань, в простенке между окнами на полу в кадке — лавровое дерево. Маленькая полка, на ней — серебряный жбан, такие же позолоченные ковшички. Около тахты дверь в спальную, перед столом — дверь в другие комнаты»* (М. Горький. Васса Железнова). В таких О. объекты как будто фиксируются видеокамерой. Предложения равноправны относительно друг друга, автосемантичны. Их можно сгруппировать и иначе, все зависит от «точки отсчета».

Перечислительный смысл описательного текста часто передается параллельной связью предложений. Это наглядно демонстрируют тексты описательных наук (биологии, геологии и др.), включающие в виде целых абзацев логические единства, которые состоят из предложений, выражающих параллельно связанные суждения с единым субъектом и разными предикатами.

Напр.: *«Обыкновенный уж хорошо отличим по темной, почти черной окраске... Распространен в европейской части страны, в Сибири на восток до Забайкалья и местами в Средней Азии. Держится по берегам болот, рек, прудов. Питается лягушками, ящерицами, грызунами, реже насекомыми. Рыбу ест редко»* (С.П. Наумов. Зоология позвоночных).

Особой разновидностью О. является характеристика — тип речи, используемый для изображения качеств человека или предмета. Напр., в науч. тексте: *«Дадим краткую характеристику перечисленных классов частиц. 1. Фотоны... участвуют в электромагнитных взаимодействиях, но не обладают сильным и слабым взаимодействиями. 2. Лептоны получили свое название от греческого слова «лептос», которое означает «легкий». К их числу относятся частицы, не обладающие сильным взаимодействием: мюоны... электроны... электронные нейтрино... и мюонные нейтрино... Все лептоны имеют спин, равный 1/2, и, следовательно, являются фермионами. Все лептоны обладают слабым взаимодействием... 3. Мезоны — сильно взаимодействующие нестабильные частицы, не несущие так называемого барионного заряда... К их числу принадлежат... пионы... каоны... и эта-мезон...»* (И.В. Савельев. Курс общей физики).

В характеристике, как и в любом О., могут быть элементы рассуждения. Так, в приведенном фрагменте (п. 2) есть предложение (*«Все лептоны имеют спин, равный 1/2, и, следовательно, являются фермионами»*), которое представляет собой дедуктивное умозаключение с отсутствующей первой посылкой. Однако функционирование его в данном тексте подчинено выполнению главной задачи — описать свойства лептонов. Для худож. текста характерна контаминация описания с *повествованием* (см.). Элементы описательности присутствуют практически в любом повествовательном тексте.

Иногда смысловая нагрузка в О. падает на действие, в этом случае говорят о «динамическом описании» — типе речи переходном, граничащем с повествованием. Динамическое О. передает протекание действий с маленькими временными интервалами в ограниченном пространстве. Структурное содержание О. сводится к временному отношению простого следования. В связи с тем что все внимание сосредоточено на фиксации динамики, на ряде моментов действия, их «шаговом» характере, такое содержание определяет отбор предложений, имеющих самостоятельный характер, автосемантичных. Динамическое О. используется часто для показа внешних событий, являясь средством натуралистического отражения действительности (существует специальный термин для обозначения натуралистического метода очень подробного описания действия с большой точностью передачи деталей — «секундный стиль»). Кроме того, динамическое О. может служить средством острых, тонких психологических зарисовок — при изображении переживания, динамики внутреннего состояния героя.

Динамическое О. широко представлено в науч. текстах (наряду с описанием статическим и рассуждением), где используется для подробного, точного изображения действий, совершаемых в ходе проведения опыта, эксперимента. Задача автора при этом состоит не в рассказе о разворачивающихся в определенном времени событиях (что характерно для повествования), а в описании процесса, этапов этого процесса, обычно вне зависимости от конкретного времени. Напр.: *«Берут призму исландского шпата... Призму распиливают перпендикулярно к плоскости... Затем обе половины склеивают канадским бальзамом»* (А.Г. Столетов. Введение в акустику и оптику).

Лит.: Нечаева О.А. Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение).— Улан-Удэ, 1974; Ее же: Очерки по синтаксической семантике и стилистике функционально-смысловых типов речи. — Улан-Удэ, 1999; Лосева Л.М. Как строится текст. — М., 1980; Одинцов В.В. Стилистика текста. — М., 1980; Метс Н.А., Митрофанова О.Д., Одинцова Т.Б. Структура науч. текста и обучение монологической речи. — М., 1981; Гришина О.Н. Соотношение повествования, описания и рассуждения в худож. тексте (на материале английской и американской прозы XX в.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1982; Брандес М.П. Стилистика немецкого языка. — М., 1983; Протопопова О.В., Трошева Т.Б. Функционально-смысловые типы речи как критерий стилевой дифференциации научных и технических текстов // Очерки истории науч. стиля рус. лит. языка XVIII—XX вв. — Пермь, 1998, т. 2, ч. 2.

Т.Б. Трошева

ОРАТОРСКАЯ РЕЧЬ — разновидность устной формы литературного языка, которая находит выражение в различных типах публичных выступлений. В современной практике публичного общения в зависимости от сферы общения выделяют следующие роды О. р.: социально-политическая, академическая, судебная, социально-бытовая, духовная (церковно-богословская), поэтому многими исследователями О. р. рассматривается как устная форма реализации известных функц. стилей: публиц., науч., оф.-дел., разг.-бытового, религиозного (*Н.Н. Кохтевым*, *Е.Н. Ширяевым* и др.). Иногда выделяют среди других ораторский стиль, но в этом случае речь должна идти не об отдельном функц. стиле, т.к. не существует отдельной ораторской сферы деятельности и соответствующей ей формы сознания (*В.П. Мурат*), здесь под «стилем» понимаются «особенности речи, представленные в совокупности ораторских произведений, характеризующихся единством стилистических качеств». Результатом дальнейшей дифференциации О. р. на основании более конкретных признаков являются ее жанры.

Науч. стиль представлен такими жанрами О. р., как вузовская лекция, науч. доклад, науч. сообщение, науч.-популярная лекция. Публиц. стиль — такими жанрами, как выступления на социально-политические, политико-экономические, социально-культурные, этико-нравственные темы, отчетные доклады на съездах, собраниях, конференциях, политические, военно-патриотические, митинговые, агитаторские, парламентские речи. Официально-деловой стиль — судебными, дипломатическими речами, речами-представлениями. Разговорный стиль — жанрами юбилейной речи, посвященной знаменательной дате или произнесенной в честь отдельной личности и носящей торжественный характер; приветственной речи; застольной речи, надгробной речи, посвященной ушедшему из жизни. Религиозный стиль представлен жанром проповеди. Такова в общих чертах жанрово-стилистическая картина О. р. См. также *Риторика*.

Стилистика этих жанров обусловлена принадлежностью их к соответствующему функц. стилю. Так, напр., жанры, обслуживающие сферу науки, имеющие основной целью доказательство истинности выдвигаемой концепции, сообщение информации актуализируют черты науч. стиля речи, но наделены специфическими ораторскими приемами и средствами.

Помимо специфических черт, присущих жанрам О. р. и обусловленных принадлежностью разным сферам общения, жанры О. р. характеризуются рядом общих особенностей. Действительно, в процессе подготовки и произнесения постоянно возникает внутреннее противоречие между книжной речью, поскольку выступление тщательно готовится, и устным воплощением, на которое влияет разговорная речь. Такие выступления отходят от строгой книжности и оказываются частично или полностью своеобразно подготовленной импровизацией и выражением

спонтанной устной речи с импровизационной манерой изложения. А.М. Пешковский отметил: «Это особый вид собственно литературной речи — вид, который я бы назвал в известном смысле подделкой письменной речи под устную. Такая подделка действительно необходима в той или иной степени во всех публичных выступлениях, но она ничего общего не имеет с тем случаем, когда оратор не умеет справиться со стихией устной речи или не умеет ориентироваться в должной мере на письменную» (Избр. тр., 1959). Степень книжности/разговорности зависит от способа выступления (чтение текста, воспроизведение его по памяти (с разной степенью опоры на него), импровизация), а также от индивидуальных навыков оратора и его ораторского опыта. Отталкивание от книжно-письменных форм и стремление к живой устной речи характерны для всех выдающихся ораторов. Для создания эффекта непринужденности ими используются разговорная лексика и фразеология, особенности разг. синтаксиса: вопросительные, присоединительные конструкции, обращения и др.

Устная форма и слуховое восприятие обусловливают наличие большого количества разговорных средств (среди них сравнительно небольшой объем и четкая синтаксическая структура предложения, деление фразы на интонационные части, достраивание фразы «на ходу», лексические и другие повторы, ассоциативные вставки, прямые обращение к адресату), в том числе паралингвистических (жесты, мимика и др.) (Т.В. Матвеева).

Другая черта, отличающая стилистику О. р., — полемичность. Специально убеждающей О. р. делают сложная и планомерная организация противонаправленного смысла, экспрессивность, аргументативная структура. Таким образом, смысловой план в О. р. выстраивается как целостный противопоставленный, движение речи организуется как развертывание сложной мысли, отталкивающееся от противоположного смысла.

Исследователи говорят о двух видах полемичности: 1) имплицитной (или скрытой, внутренней) и 2) эксплицитной (или открытой, внешней). Первый вид проявляется в том случае, когда оратору приходится убеждать аудиторию в своей правоте, не называя возможных несогласных слушателей или оппонентов, которые могут быть в данной аудитории или вне ее. Эксплицитная полемичность связана с открытой защитой своих взглядов и опровержением оппонентов. При этом оратор, высказывая свои взгляды, опровергает взгляды оппонентов, борется с воображаемым противником.

Полемика между оратором и оппонентом возникает в том случае, когда эксплицитная полемичность направлена на определенное, реальное лицо, когда оратор публично выступает в защиту своих взглядов. Полемика предполагает тщательный анализ исходного фактического материала, статистических данных, научных проблем, мнений различных людей и т.д., основанную на этом строгую аргументацию, а также эмоциональное воздействие на слушателя, необходимые в процессе убеждения. Ораторы пользуются средствами из богатого полемического арсе-

нала: намеками, иронией, сарказмом, многозначительными умолчаниями, резкими оценочными суждениями, антитезой, сравнениями, ремарками, «картинностью» речи, пословицами, поговорками и другими классическими ораторскими приемами, связанными с речевым контрпланом. Убедительность полемического выступления во многом зависит от тех аргументов, с помощью которых обосновывается истинность основной идеи, а также от степени использования в качестве доказательства фактов и положений, не требующих обоснования, сделанных ранее обобщений, точных цитат и высказываний. В результате усиливается аналитическая сторона речи, ее информативная значимость и проявляется комментаторская позиция оратора (*Н.Н. Кохтев*).

Все части ораторской речи переплетены и взаимосвязаны, ее связанность обеспечивается когезией, ретроспекцией и проспекцией. Наличие в О. р. интеграционных, т.е. когезийных (связывающих), ретроспективных, проспективных языковых элементов и многие другие особенности ее построения и восприятия объясняются отсутствием обозримой последовательности элементов, которую можно было бы охватить, как письменный текст, взглядом. Когезия выражается различными повторами, словами, обозначающими временные, пространственные и причинно-следственные отношения: *таким образом, итак, во-первых, во-вторых, в-третьих, следующий вопрос, в настоящее время, совершенно очевидно, посмотрим далее, перейдем к следующему*. Связующую роль выполняют и такие слова и словосочетания, как *принимая во внимание, с одной стороны, с другой стороны, между тем, несмотря на это, как оказывается, по всей вероятности, как оказалось впоследствии*. Ретроспекция выражается в ссылках на информацию, которая имеется помимо его выступлений (таким образом происходит связь данной речи с общим информационным контекстом), отсылках слушателей к информации, содержащейся в предыдущих его выступлениях или в данном выступлении, но изложена ранее (так осуществляется связь речи с предыдущими речами). Проспекция — это один из элементов речи, относящих содержательную информацию к тому, о чем будет говориться в последующих частях выступления. Когезия, проспекция и ретроспекция в О. р. помогают аудитории ориентироваться в «маршруте» совместного с нею продвижения. Это дает возможность слушателю яснее представить себе связь и взаимообусловленность мыслей и идей, изложенных в речи.

Создать и передать атмосферу взаимопонимания между оратором и аудиторией позволяет субъективность речи и ее контактность, которые формируются личными местоимениями. Напр., с помощью «мы совместное» оратор приглашает слушателей к совместному размышлению о каких-либо фактах, создает атмосферу непринужденного разговора. Установлению контакта с аудиторией и привлечению внимания к информации служат и другие приемы — глагольные формы, обозначающие совместное действие, вводные конструкции, содержащие обращения к слушателям: *как вы понимаете, как вы догадываетесь, как видите, как вы знаете, как мы знаем, как вы убедились* и др., побудительные предложе-

ния, этикетные речевые формулы, вопросо-ответное единство, некоторые конструкции с изъяснительными придаточными, имеющими императивную окраску: ясно, *что... известно, что... понятно, что...* Использование таких средств и приемов создает ситуацию непосредственного общения со слушателями и придает сообщению непринужденный, разговорный характер. Эффект речи зависит именно от того, как оратор выполняет одну из своих коммуникативных задач — преодолевает дистанцию между собой и слушателями. Благодаря этим приемам устанавливается доверительный разговор между оратором и аудиторией, объединяется позиция оратора и слушателей, возникает их своеобразный диалог.

Лучшим образцам О. р. свойственно использование *тропов* (см.) и фигур речи, т.е. такой образности, которая способствует эмоциональности, легкости запоминания содержания, большей доступности изложения.

Лит.: Апресян Г.З. Ораторское искусство. — 2-е изд. — М., 1972; Вомперский В.П., Риторики в России XVII—XVIII вв. — М., 1988; Кохтев Н.Н. Розенталь Д.Э., Искусство публичного выступления. — М., 1988; Сергеич П. Искусство речи на суде. — М., 1988; Ножин Е.А. Мастерство устного выступления. — 3-е изд. — М., 1989; Граудина Л.К., Миськевич Г.И. Теория и практика рус. красноречия. — М., 1989; Кохтев Н.Н. Ораторская речь: стиль и композиция. — М., 1992; Его же: Основы ораторской речи. — М., 1992; Его же: Риторика. — М., 1994; Сопер П.Л. Основы искусства речи: Пер. с англ. — 2-е изд. — М., 1992; Введенская Л.А, Павлова Л.Г. Культура и искусство речи. — Ростов-на Дону, 1995; Матвеева Т.В. Устная публичная речь // Словарь-справочник по культуре русской речи. — М., 2002.

Л.Р. Дускаева

ОТВЛЕЧЕННО-ОБОБЩЕННОСТЬ (АБСТРАГИЗАЦИЯ) НАУЧНОЙ РЕЧИ — см. *Стилевые черты; Научный стиль.*

ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОЙ СТИЛЬ (деловой, официально-документальный, административный, законодательный, официально-канцелярский, канцелярский, деловая словесность) — это функциональная разновидность современного литературного языка, обслуживающая сферу права, власти, администрации, коммерции внутри- и межгосударственных отношений. Оф.-дел. с. относится к социально значимым функциональным разновидностям, т.к. формирование, развитие и совершенствование деловой речи составляет жизненно важную для каждого общества потребность в эффективном управлении и регулировании (*Т.В. Губаева*).

Как одна из самых древних функциональных разновидностей литературной речи, Оф.-дел. с. сыграл огромную роль в становлении национального русского языка. Сложившийся еще в древнерусский период, на народной основе именно этот деловой язык являлся общенациональным, понятным и доступным всем средством общения. Г.О. Винокур видел в канцелярском языке «первую попытку человека овладеть языковой стихией».

Основная форма функционирования Оф.-дел. с. — письменная, что связано с необходимостью документировать информацию, придавая ей правовую значимость с помощью особого построения служебных документов. Поскольку «в отличие от других разновидностей литературного языка деловая речь исторически возникла, сформировалась и функционирует как первично письменная» (Культура русской речи и эффективность общения: 279), именно письменные деловые тексты изучены лингвистами в большей степени, нежели устные варианты общения в ситуации заседаний, переговоров, приемов, презентаций и т.д.

Наиболее общими стилеобразующими экстралингвистическими факторами Оф.-дел. с. является правовая сфера, соотносимая с законодательной, правовой, административной, коммерческой видами деятельности и формой общественного сознания — правом. В этой сфере общения имеется свой базовый комплекс стилеобразующих факторов, которые обусловливают специфику Оф.-дел. с.: назначение, тип содержания, цели и задачи общения. Назначением права как нормативной системы является регулирование отношений в обществе, действий и поведения людей, а также функционирования объединений и государственных органов. Тип содержания Оф.-дел. с. — нормы, устанавливающие отношения в обществе и государстве. Цели и задачи данного стиля — выражение предписаний государства, органа, уполномоченного лица, констатация статуса, состояния кого-л. (чего-л.), положения дел в указанной сфере.

Основные стилевые черты Оф.-дел. с. детерминируются перечисленными экстралингвистическими факторами. Так, стилевая окраска долженствования характерна для деловой речи в силу необходимости реализовывать основные регулировочные функции права. Функции права помогает презентировать и такая черта деловой речи, которую Л.В. Щерба назвал точностью, «не допускающей кривотолков», а М.Н. Кожина — точностью, не допускающей инотолкования. Действительно, закон не должен истолковываться неоднозначно, иначе он лишается авторитета, поэтому точность в Оф.-дел. с. играет особую роль. Условия, в которых протекает коммуникация в сфере деловых отношений, а именно регламентированность, определили такую специфическую черту Оф.-дел. с., как стандартизованность.

Каждая из указанных черт выражается средствами и способами разных уровней. Императивность на морфологическом уровне проявляется в активности инфинитивов, форм наст. времени в значении предписания (*Обвиняемому обеспечивается право на защиту*), кратких прилагательных модального характера (*должен, обязан, ответствен, подотчетен, подсуден*). На синтаксическом уровне — в активности инфинитивных конструкций со значением долженствования (*Необходимо решительно пресекать случаи...*), пассивных конструкций. На уровне лексики — лексем, способствующих выражению воли законодателя (*разрешить, запрещается, надлежащие, необходимые, дозволенные*).

Точность, не допускающая инотолкования, выражается частотностью употребления тех средств, которые помогают достичь

исчерпанности предмета сообщения: на уровне лексики — специальной (дипломатической, юридической, экономической) терминологией (*персона нон грата, санкция, учредитель, залоговое обязательство*), ограниченным использованием синонимов, лексическими повторами (***Документы*** *должны составляться и оформляться... Вид* ***документа*** *должен соответствовать... Форма* ***документов*** *разных видов унифицирована. Многие* ***документы*** *состоят...*). На грамматическом уровне: частотностью конструкций, включающих сложные отыменные предлоги (*в части, по линии, на предмет, во избежание*), содержащих цепи родительных падежей (*трехкратный размер минимальной месячной оплаты*), сложносочиненных предложений с придаточными условия (*Залогодатель вправе,* ***если*** *иное не предусмотрено..., пользоваться...*), предложений с однородными членами, количество которых доходит до 8—10, в целом преобладанием союзной связи внутри предложений над бессоюзной.

Стандартизованность Оф.-дел. с. проявляется в активности устойчивых оборотов речи (*в установленном законом порядке, по истечении срока*), клишированных фраз (*В связи с истечением срока действия договора поставки прекращаются*), стандартностью построения текстов.

Характерными чертами Оф.-дел. с. являются неличностность изложения, связанные с этим официальность, а также безэмоциональность изложения, что проявляется в отсутствии местоименно-глагольных форм 1—2 л., частотности форм 3 лица в неопред.-личн. значении, собирательных, отглагольных сущ., активности страдательных конструкций.

Оф.-дел. с. свойственна дифференциация на более частные стилевые разновидности — подстилевые, жанровые и другие, однако вопрос об их выделении еще не получил окончательного решения. Обычно называются следующие подстили: собственно законодательный, административный, канцелярский, дипломатический. Логична и другая схема внутристилевой дифференциации Оф.-дел. с. — на три подстиля: законодательный, юрисдикционный, административный, соответствующих трехчленному делению государственной власти на сферы законодательства, правосудия и управления. Законодательный подстиль обеспечивает координацию деятельности людей в сфере создания нормативных актов. Юрисдикционный подстиль обеспечивает координацию деятельности людей в сфере применения законов в практике правоохранительных органов. Административный — обеспечивает координацию деятельности людей в сфере управления в широком смысле, включая финансовое регулирование, управление собственностью и т.п. (*Т.В. Губаева*, 1996). Однако выведение за пределы Оф.-дел. с. сферы дипломатических отношений и общения весьма спорно и не поддерживается многими авторами, поэтому представляется возможным выделять также и дипломатический подстиль. Целесообразно также дифференцировать в административном подстиле собственно административную и административно-коммерческую разновидности, к последней можно отнести тексты, обеспечивающие координацию в сфере коммерции, т.е. торговли и предпринимательской деятельности.

В рамках каждого подстиля возможна дальнейшая дифференциация текстов в соответствии с более частными экстралингвистическими задачами, т.е. отнесение их к тому или иному жанру. Так, в рамках законодательного подстиля выделяются лишь письменные жанры — законы, указы, постановления, нормативные акты. В рамках других подстилей выделяются жанры не только письменной, но и устной речи. Юрисдикционные тексты: письменные — акт, приговор, протокол, обвинительное заключение, постановление об аресте, об обыске; устные — допросы, опросы, судебные речи, беседы во время приема граждан. Собственно административные тексты: письменные — устав, учредительный договор, приказ, распоряжение, решение, должностная инструкция, заявления; устные — выступления и доклады на собраниях, совещаниях, телефонные разговоры. Административно-коммерческие: письменные — контракт, договор, коммерческие письма, платежное поручение, чек, аккредитивы, кредитная карточка, акт, ордер, отчет, квитанция, накладная, сертификат соответствия; устные — речи на приемах и презентациях, коммерческие переговоры.

Оф.-дел. с. долгое время оставался «нелюбимым ребенком русской стилистики»: «Бедный лексически, однотонный по содержанию, лишенный, кроме моментов официального холопства, всякой другой эмоциональности, не пользующийся никакой репутацией изысканности и даже отдаленно не претендующий на нее, он, конечно, ничьего внимания при разрешении задачи о слоге для изящной литературы к себе не привлек» (*Булаховский Л.А.:* 25). Теоретическое изучение Оф.-дел. с. началось в аспекте истории русского литературного языка, продолжилось же в рамках стилистической проблематики. Но целостным и самостоятельным объектом теоретического изучения Оф.-дел. с. стал лишь в последние три десятилетия. В 60—70 гг. XX в. в связи с разработкой оснований для классификации функциональных стилей Оф.-дел. с. был определен в качестве одной из основных функциональных разновидностей русского языка, описаны базовые экстралингвистические факторы этого стиля и его стилевые черты (*М.Н. Кожина,* 1966, 1968, 1972, 1977). Были очерчены языковые параметры стиля (*М.Н. Кожина,* 1972, 1977; *Д.Н. Шмелев,* 1977). В рамках законодательной стилистики изучался язык законов (А.С. Пиголкин, 1972; А.А. Ушаков, 1968).

В 80—90-е гг. укрупняется единица исследования Оф.-дел. с., объектом изучения становятся функционально-смысловые категории (*Т.В. Губаева,* 1987; *Н.Н. Ивакина,* 1990) и функционально-смысловые типы речи (*М.Н. Кожина,* 1989), исследования продолжаются на более широком и разнообразном материале с привлечением текстов иных подстилей и жанров Оф.-д. с. (*Т.В. Губаева,* 1984; *Н.Н. Ивакина*, 1995; *Г.Я.Солганик,* 1997; *Б.С. Шварцкопф*, 1998; *М.А. Ширинкина,* 2001). Данные о специфике Оф.-дел. с., полученные при изучении в синхроническом аспекте, дополняются исследованиями диахроническими (*К.А. Логинова*; *А.П. Романенко*). Оф.-дел. с. активно изучался и в методическом аспекте с целью научить рациональному использованию языковых средств в деловом об-

щении (*П.В. Веселов,* 1993; *Т.В. Губаева,* 1986*; Н.Н. Ивакина,* 1997; *М.В. Колтунова,* 2000; *Л.В. Рахманин,* 1997; Русский язык делового общения, 1995).

Лит.: Винокур Г.О. Культура языка. — М., 1929; Ушаков А.А. Очерки советской законодательной стилистики. — Пермь, 1967; Веселов П.В. Современное деловое письмо в промышленности. — М., 1970; Иссерлин Е.М. Официально-деловой стиль. — М., 1970; Пиголкин А.С. Основные особенности языка законодательства как особого стиля литературной речи. — М., 1972; Булаховский Л.А. Исторический комментарий к русскому литературному языку. — М., 1975; Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. — М., 1977; Романенко А.П. Проблемы нормализации русского канцелярского стиля первой пол. XIX в. Дис. ... канд. филол. наук. — М., 1980; Как составить служебный документ. — М., 1982; Губаева Т.В. Грамматико-стилистические особенности юридических текстов: Дис. ... канд. филол. наук, 1983; Ее же: Семантико-стилистическая категория оценки в законодательном тексте // Стилистика текста в коммуникативном аспекте. — Пермь, 1987; Веселовская Т.М. Особенности синтаксиса официально-делового стиля // Типология текста в функционально-стилистическом аспекте. — Пермь, 1990; Кожина М.Н. К основаниям функциональной стилистики. — Пермь, 1968; Ее же: О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики. — Пермь, 1966; Ее же: О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. — Пермь, 1972; Ее же: Стилистика русского языка. — М., 1977, 1983, 1993; Культура русской речи. — М., 1997; Логинова К.А. Деловая речь и ее изменения в советскую поху // Развитие функциональных стилей современного русского языка. — М., 1968; Рахманин Л.В. Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов. — М., 1973, 1982; Солганик Г.Я. Стилистика текста. — М., 1997; Шварцкопф Б.С. Официально-деловой стиль // Русский язык. Энциклопедия. — М., 1979; Русский язык делового общения, Воронеж, 1995; Шварцкопф Б.С. Официально-деловой язык // Культура русской речи и эффективность общения. — М., 1996; Колтунова М.В. Язык и деловое общение. — М., 2000; Ширинкина М.А. Вторичный деловой текст и его жанровые разновидности, Дис. ... канд. филол. наук. — Пермь, 2001.

Л.Р. Дускаева, О.В. Протопопова

ОЦЕНКИ КАТЕГОРИЯ — см. Категория оценки.

ОЧЕРК — см. *Жанры публицистического стиля.*

П

ПАРАДИГМАТИКА СТИЛИСТИЧЕСКАЯ — см. Стилистическая парадигматика.

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ ПРОЗАИЧЕСКИЕ СТРОФЫ — прозаические строфы, основанные на параллельной связи между предложениями.

При параллельной связи предложения не сцепляются одно с другим, а сопоставляются, при этом благодаря параллелизму конструкций, в зависимости от лексического наполнения, возможно сопоставление или противопоставление. Формула параллельной связи А — В, С — Д, где все члены смежных предложений или только некоторые выражены одинаковыми формами: *Маленькие ветви пригнуло к земле. Желтые листья унесло в сторону.* Средство связи этих предложений — структурная соотнесенность, выражающаяся в параллелизме конструкций.

Если некоторые члены соединяемых предложений (нередко первые, стоящие в начале предложения) имеют одинаковое лексическое выражение, то параллельная связь усиливается анафорой. Такая связь называется параллельной анафорической: «*Нашу гордость проверили каленым железом. Нашу верность испытали танками и бомбами*» (И. Эренбург).

Можно выделить следующие структурные виды параллельных прозаических строф: 1) параллельные строфы в «чистом виде», предложения которых объединяются благодаря параллелизму их синтаксического строения; 2) повествовательные строфы; 3) описательные строфы; 4) анафорические строфы; 5) эпифорические строфы.

В собственно параллельных строфах главным средством синтаксической организации строфы выступает часто параллелизм предикативных основ (главных членов предложения), напр.: «*Между тем общества представляли картину самую занимательную. Образованность и потребность веселиться сблизила все состояния. Богатство, любезность, слава, таланты, самая странность, все, что подавало пищу любопытству или обещало удовольствие, было принято с одинаковой благосклонностью...* (А. Пушкин).

Повествовательные строфы описывают сменяющие друг друга процессы как расположенные в пространстве и во времени параллельно один другому. Предложения таких строф имеют различные по лексическому

наполнению подлежащие и сказуемые, которые расположены в строфе параллельно и однотипно оформлены морфологически. Сказуемые выражены обычно глаголами прош. времени сов. вида, подлежащие — формой им. падежа существительного. Повествовательные строфы раскрывают тесно связанные между собой события, явления, действия как объективно происходившие в прошлом. Предложения не описывают действия, а повествуют о них, т.е. передается самое событие, самое действие, напр.: «*Последний день перед Рождеством. Зимняя, ясная ночь наступила. Глянули звезды. Месяц величаво поднялся на небо посветить добрым людям и всему миру, чтобы всем весело было колядовать...*» (Н. Гоголь).

Описательные строфы характеризуются единством видовременных форм сказуемых и синтаксическим параллелизмом. Среди описательных строф по структурным признакам можно выделить несколько разрядов: 1) строфы с единым планом наст. времени (сказуемые выражены глаголами в наст. изобразительном времени); 2) строфы с единым планом прош. времени (сказуемые — глаголы в имперфекте, прошедшем описательном; 3) номинативные строфы (целиком состоящие из номинативных предложений); 4) описательные строфы номинативного типа (с номинативным значением и серией двусоставных, полных или эллиптических предложений со значением наст. времени). Вот, напр., номинативная строфа: «*Лестница, звонкие ступени. Длинный гулкий коридор. Поворот. Еще поворот. Комната «Ц-86» — «Вход воспрещен»* (из газет).

В *анафорических* (см.) и эпифорических строфах параллелизм предложений усиливается одинаковым лексическим выражением члена предложения, стоящего соответственно в начале или в конце составляющих строфу предложений.

Лит.: Поспелов Н.С. Синтаксический строй стихотворных произведений Пушкина. — М., 1960; Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика (сложное синтаксическое целое). — М., 1991.

Г.Я. Солганик

ПАРЦЕЛЛЯЦИЯ (от франц. parcelle — частица) — стилистический прием (в иной интерпретации — стилистическая фигура), состоящий в таком расчленении единой синтаксической структуры предложения, при котором она воплощается не в одной, а в нескольких интонационно-смысловых речевых единицах, или фразах. Фраза, в которой реализуется структурно господствующая часть предложения, называется базовой (основной); фраза, в которой реализуется структурно зависимая часть предложения (отчленяемая часть), называется парцеллятом. Базовая часть и парцеллят (парцелляты) образуют парцеллированную конструкцию. Напр.:

Она действительно отличается от большинства современных актрис, равно хороших или плохих. Играя по своей собственной первоочередной системе. Плача настоящими слезами, не глицериновыми. Истекая не клюквенным соком. Никому не подражая. Ничего не имитируя (Сегодняшняя газета, 16 авг. 1997).

В данной парцеллированной конструкции базовая часть — «*Она действительно отличается от большинства современных актрис, равно хороших или плохих*», парцелляты — «*Играя по своей собственной первоочередной системе*», «*Плача настоящими слезами, не глицериновыми*», «*Истекая не клюквенным соком*», «*Никому не подражая*», «*Ничего не имитируя*».

С точки зрения *актуального членения предложения* (см.) П. представляет собой средство выделения, усиления наиболее важных моментов предложения, т.е. средство создания в высказывании нового (дополнительного) рематического центра (или нескольких рематических центров).

В письменной речи между расчленяемыми частями предложения ставится пунктуационный знак конца предложения (точка, восклицательный знак, вопросительный знак, многоточие). Напр.:

Некто четвертый — это мой страх. Он сидит во мне. ***Он правит мной. Подсказывает. Корректирует. Вымогает. Удерживает. Бросает в дрожь. Усиливает кровообращение. Вгоняет в жар. В холод. Создает ощущение беспомощности. Оцепенения. Полного разлада с другими моими «я»*** (Ю. Азаров)*;* ***Что за страсть к пустой болтовне! К пересудам! Сплетням!*** **(**Б. Рахманин**);** ***Я? Вам? Дал телефон?*** *Что за ерунда! — не понимая, сказал Никитин* (Ю. Бондарев)*; Но все бросаю, все...* ***Сейчас будем пить чай... С конфетами!*** (А. Приставкин).

П. может также оформляться при помощи точки с запятой, тире, скобок. Напр.:

Все-таки люди сходятся, именно что вот сходные — похожие, общие там, внутри себя, по своему строю. А они с ним были куда как несхожи... ***Но тянулись друг к другу — да, тянулись, что говорить; оба, взаимно*** (А. Курчаткин)*;* ***Он чувствовал себя необходимой деталью мирозданья — в какой-то мере, естественно. Потому что масштабы не имеют значения*** (М. Чулаки)*;* ***Пора сказать, что Ван Гог — это Евгений Миронов.*** **(***Без сближающегося с персонажем грима. Без какого-либо внешнего преображения.***)** *Он играет так, как, казалось бы, сегодня уже невозможно играть* (Труд, 12 февр. 1998 г.).

Случаи подобного пунктуационного оформления П. не являются частотными.

Возможно написание парцеллята как с прописной, так и (значительно реже) со строчной буквы, напр.:

— ...Ныряй в эту рыночную стихию. В одиночку. Головой. Головой о камушек. ***Может, повезет. Если! голова! крепче! камушка!*** (Южно-Сибирский вестник, 15 окт. 1994 г.).

Можно встретить размещение базовой части парцеллированной конструкции и парцеллята (парцеллятов) в разных абзацах. Напр.:

Все мы жили рядом с ней и не поняли, что есть она тот самый праведник, без которого, по пословице, не стоит село.

Ни город.

Ни вся земля наша (А. Солженицын);

А сейчас этот жанр... политическая острота, сатирическое мышление, умный юмор настолько нужны и любимы, что когда меня один министр спросил: «Чем вы так быстро берете публику?»

Я остолбенел (Известия, 9 авг. 1986 г.).

В лингвистической литературе можно встретить обозначение одних и тех же речевых фактов то термином «парцелляция», то термином «присоединение». Однако их не следует смешивать, так как присоединение — это грамматическая категория, обладающая собственным грамматическим значением (значением добавочного сообщения) и собственной грамматической формой (специальными союзами, союзными речениями, интонацией). Причем П. может «накладываться» на присоединительные отношения и усиливать их. Напр.:

О чем же новое произведение? ***Я не могу пересказать. Да и не надо этого делать*** (Лит. газета, 30 апр. 1995 г.); ***Надежды на новые перемены враз улетучились от новых, более высоких, цен на все молочные продукты. Причем «новизна» эта оказалась довольно внушительной — где-то процентов на 25—30*** (Хакасия, 9 января 1997 г.).

П. может осуществляться не только в простых, но и сложных предложениях разных структурно-семантических типов (сложносочиненных, сложноподчиненных, бессоюзных). Напр.:

Кошка может стать бешеной. И она так же опасна, как и бешеная собака (Комсомольская правда, 4—9 янв. 1998 г.); *У банды Малахова было три полных комплекта милицейского оборудования.* ***Еще у них были наручники. Настоящие. Которые в свободной продаже не появляются. Но которые по сходной цене на токарном станке смастерит любой работяга (зарплату ведь на заводах не платят)*** (АиФ, 6 марта 1998 г.); *Жили-были на свете три брата****. Один работал лаборантом-технологом. Другой — электромонтажником*** (Известия, 15 августа 1970 г.).

Прием П. используется во всех стилях, допускающих экспрессию, но с наибольшей частотностью и разнообразием конкретных стилистических функций он представлен в текстах художественных и публицистических. Так, в следующих примерах из худож. прозы П. используется в изобразительных целях:

Кнозоров долгим полусвистом выпустил воздух через сжатые зубы.

Положил руку на трубку.

Взял ее.

Сел.

— Саша. Соедини с Хабалыгиным (А. Солженицын) (изобразительный эффект «замедленного кадра»);

Ребятам так и сказали: хотите, мол, нажраться, поезжайте. ***Там все есть. И хлеб там есть. И картошка. И даже фрукты, о существовании которых наши шакалы и не подозревали*** (А. Приставкин) (выделение наиболее существенных деталей общей картины).

П. часто вступает в конвергенцию (взаимодействие) с другими стилистическими приемами, усиливая их прагматический (воздействующий) потенциал. Напр.:

Вскоре на манеже появилась русая циркачка в слюдяном шарфе. И в воздух. По лестнице, опущенной пилотом. На лету. Без страховки. Кокетливо помахивая узкой ладошкой (Н. Воронов).

В приведенном примере П. взаимодействует с эллипсисом, выполняя функцию выделения наиболее важных элементов общей картины, способствующих большей наглядности образа. Ср.: *...появилась русая циркачка в слюдяном шарфе и поднялась в воздух по лестнице, опущенной пилотом...*

Редко встречается слоговая П., которая осуществляется в предложении, состоящем из одного слова. Напр.:

Лолита, свет моей жизни, огонь моих чресел. Грех мой, душа моя. Ло-ли-та: кончик языка совершает путь в три шажка вниз по небу, чтобы на третьем толкнуться о зубы. ***Ло. Ли. Та*** (В. Набоков*).*

Лит.: Иванчикова Е.А. Парцелляция, ее коммуникативно-экспрессивные и синтаксические функции // Русский язык и советское общество: Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. — М., 1977; Сковородников А.П. О классификации парцеллированных предложений в современном русском литературном языке. — Филол. науки. — 1978. — № 1; Его же: О функциях парцелляции в современном русском литературном языке. — РЯШ. — 1980. — № 5; Сковородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. — Томск, 1981; Ванников Ю.В. Синтаксис речи и синтаксические особенности русской речи. — М., 1979; Библиографический указатель по вопросам присоединения, парцеллирования и сложного синтаксического целого. — Самарканд, 1987; Квятковский А.П. Школьный поэтический словарь. — М., 1998.

Г.А. Копнина

ПЕРИОД (от греч. periodos — обход, круг, круговращение) — стилистическая фигура, представляющая собой семантико-структурное единство, образованное простым или сложным предложением, а также сложным синтаксическим целым, которые разделяются на две интонационно противопоставленные части — *протазис,* характеризующийся повышением, восходящим движением тона, и *аподозис,* характеризующийся понижением, нисходящим движением тона, и, с точки зрения содержания, представляющий вывод или следствие из того, о чем говорилось в протазисе. Протазис и аподозис отделяются друг от друга длительной (явно выраженной) паузой. Со стороны содержания П. характеризуется смысловой законченностью.

Таким образом, выделяют следующие признаки периодических построений: 1) структурная замкнутость; 2) бинарность (двучленность) структуры; 3) семантико-структурная взаимосвязь и взаимообусловленность частей; 4) контрастная интонационная оформленность частей: повышение тона в протазисе и понижение в аподозисе; 5) длительная пауза между протазисом и аподозисом; 6) структурно-семантический параллелизм членов частей периода.

Напр.:

1. *Когда я вижу, что исчезает нравственность, то есть люди действуют не по совести, когда любовь стала элементом физическим, то есть превратилась в удовлетворение физических потребностей и переродилась в*

механическую любовь на обочине любви, когда сексуальные аномалии узаконены в странах Европы, в том числе и в России, когда омертвляют несравнимую русскую культуру, а школьникам вместо любви к гениям своего Отечества прививают умение раскавычивать и запоминать цитаты из пособий и руководств по порнографии, когда в разбитые окна России дуют ледяные сквозняки, несущие могильные запахи тлена, голода и вымирания недавно самой здоровой и самой сильной нации, — то я в невеселые минуты спрашиваю себя: наступит ли наконец пробуждение России, кончатся ли оцепеняющий сон моих современников, их сказочное долготерпение, их как бы усталое безразличие собственному позору, малодушию, бессилию, кончится ли наше душное погружение во тьму блаженного рабства? Где же предел унижения? (Правда, 17 янв. 2000 г.).

Графически период часто совпадает с абзацем, но может быть и не тождествен ему.

В отношении лингвистической природы и границ П. в лингвистической литературе нет единого мнения. При широком подходе под П. понимают всякое сложное синтаксическое целое (сверхфразовое единство, микротекст, прозаическая строфа), т.е. два и более самостоятельных предложения, объединенных тождеством темы в смысловые блоки (*Г.Я. Солганик,* 1997; *В.Я. Шевякова,* 1999, с. 435; *Л.Е. Тумина,* 1998, с. 214). В узком смысле слова термин П. закрепляют за особым кругом построений экспрессивного синтаксиса и относят к синтактико-стилистическим выразительным средствам языка. При этом утверждается, что П. выходит за рамки сложного синтаксического целого, т.к. может представлять простое предложение, весьма распространенное, сложное многокомпонентное предложение, а также сложное синтаксическое целое. Т. о., не исключается и возможность трансформации П. в сложное синтаксическое целое, равно как и сложного синтаксического целого в П. (*Л.И. Байкова,* 2000).

В отношении стилистического статуса П. также нет единства мнений. Так, некоторые словари и справочники содержат определения П. без указания на его стилистический статус (*А.П. Квятковский,* 1964, с. 209; *В.Я. Шевякова,* 1990, с. 435; *Л.Е. Тумина,* 1998, с. 214). Иногда П. рассматривают как выразительный прием синтаксической организации речи (*М.Ю. Скребнев,* 1968, с. 74—76); как гибридную фигуру, сочетающую в себе свойства разнотипных изобразительных средств (*Т.Г. Хазагеров, Л.С. Ширина,* 1999, с. 252—257), как один из типов выдвижения — средство усиления выразительности (*И.В. Пекарская,* 2000, с. 179).

Наиболее распространенные типы П. выделяют на основе смысловой связи между протазисом и аподозисом: **временной П.** (в протазисе которого указывается время действий, событий, явлений, составляющих предмет речи в аподозисе), **причинно-следственный П**. (между частями П. — причинно-следственные отношения), **определительный П.** (в протазисе которого определяется лицо, явление, представляющее предмет речи в аподозисе), **предикативный П.** (в протазисе П. содержится подлежащее, а в аподозисе — сказуемое), **соединительный П.** (в аподозисе

которого имеется дополнение, добавление к сказанному в протазисе), **сопоставительный П.** (период, между частями которого устанавливаются сопоставительные отношения), **сравнительный П.** (П., содержащий сравнение), **условный П.** (в протазисе которого указывается на условия, при которых происходит то, что описано в аподозисе), **уступительный П.** (в протазисе П. данного типа дается описание обстоятельств, препятствующих совершению того, о чем говорится в аподозисе). Несколько примеров:

2. *Когда душе моей*
Сойдет успокоенье
С высоких после гроз
Немеркнущих небес,
Когда душе моей,
Внушая поклоненье,
Идут стада дремать
Под ивовый навес,
Когда душе моей
Земная веет святость,
И полная река
Несет небесный свет, —
Мне грустно оттого,
Что знаю эту радость
Лишь только я один:
Друзей со мною нет...
(Н. Рубцов)

3. *Но когда на полотне экрана перед вами бьется благородное человеческое сердце, когда мужество, честность, благородство и любовь к человечеству разворачиваются, как широкая сюита, когда у зрителя закипают слезы благодарности к этому высокому, юному душой старику ученому, — уверяю вас, никакие штыковые атаки и военные марши, никакая самая горячая перестрелка между гангстерами и полицейскими сыщиками не увлекут и не захватят вашу душу, как фильм, подобный «Депутату Балтики»* (А.Н. Толстой).

Данные примеры иллюстрируют временные П., т.к. здесь подчеркнута временная соотнесенность событий, представленных в протазисе и аподозисе.

4. *Но ни в том, ни в другом случае, как бы мы ни изменяли нашу точку зрения, как бы ни уясняли себе ту связь, в которой находится человек с внешним миром, или как бы ни удлиняли или укорачивали период времени, как бы понятны или непостижимы ни были для нас причины — мы никогда не можем себе представить ни полной свободы, ни полной необходимости* (Л. Толстой).

Данный пример показывает уступительный П., т.к. в протазисе указанного П. описываются обстоятельства, недостаточные для того, чтобы изменить то, что отражено в аподозисе.

5. *Мечта превращалась в навязчивую идею: если нельзя того, что хочется, если невозможно изменить, сломать вокруг себя эту раму несчаст-*

ливо скленной жизни, если так и не удается преобразить жизнь, — то стоит ли жить (Н. Берберова).

В указанном примере демонстрируется условный П., так как в протазисе П. указаны условия, при которых совершается то, о чем говорится в аподозисе.

Периодические построения располагают широкими стилистическими возможностями. Основными функциями П. являются текстообразующая и экспрессивная.

Текстообразующая функция периода проявляется в автосемантии (известной самостоятельности и независимости от контекста). В силу этого П. может быть использован в различных композиционно важных частях текста. Но стремление П. к автосемантии в то же время не исключает его тесную соотнесенность с окружающим его контекстом (т.е. носит относительный характер).

Экспрессивная функция П. состоит в том, что периодические построения используются с целью создания торжественности, взволнованности, приподнятости, лирического пафоса (могут приобретать патетическое звучание).

П. — сравнительно малочастотная стилистическая фигура. Она употребляется преимущественно в худож. прозе и поэзии, в публицистике. При этом в худож. текстах основное значение приобретает эмоционально-образная функция П. (илл. 2, 4), тогда как в публиц. текстах П. выступает в целях логико-эмоционального убеждения, а также первостепенное значение приобретает оценочно-образная функция (илл. 1, 3, 5).

Лит.: Акишина А.А. Периодическая форма речи в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Львов, 1958; Квятковский А.П. Поэтический словарь. — М., 1966; Скребнев М.Ю. Синтактико-стилистические средства языка (Функционально-стилистическая и эмоционально-экспрессивная характеристика). — М., 1968; Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. — М., 1976; Шевякова В.Е. Сверхфразовое единство // Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990; Солганик Г.Я. Стилистика текста. — М., 1997; Тумина Л.Е. Сложное синтаксическое целое // Педагогическое речеведение: Словарь-справочник. — М., 1998; Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. — Ростов н/Д., 1999; Байкова Л.И. Период — синтактико-стилистическое и текстообразующее явление русского языка: Дисс. ... д-ра филол. наук. — Краснодар, 2000**;** Пекарская И.В. Контаминация в контексте проблемы системности стилистических ресурсов русского языка. — Абакан, 2000.

А.А .Кузнецова

ПИСЬМЕННАЯ РЕЧЬ — речь, изображенная на бумаге (пергамене, бересте, камне, полотне или какой-либо др. поверхности) с помощью специальных графических знаков (знаков письменности). Использование письменной формы речи позволяет пишущему обдуманно отбирать языковые средства, строить высказывание постепенно, исправлять

и совершенствовать текст. Это способствует появлению более сложных синтаксических конструкций, чем в *устной речи* (см.), большей логичности, последовательности, связности изложения, высокой нормативности речи.

П. р. необходима для коммуникации во всех функц. сферах: научной (произведения, относящиеся к жанрам монографии, статьи, учебника и др.), официально-деловой (законы, указы, постановления, договоры, заявления и т.д.), публицистической (статьи в газетах, журналах), художественной (литературные произведения), разговорной (записки, частные письма). Научные, публицистические, официально-деловые тексты формируются преимущественно на базе письменной реализации лит. языка. Не случайно эти функц. стили называют книжными. В форме П. р. существует и худож. литература. В этой области лишь устное народное творчество имеет в качестве первичной формы существования устную, записи фольклора являются вторичной формой его реализации.

Для русского (древнерусского) языка первые фиксации П. р. относятся к X—XI вв. Появление письменности у восточных славян стало основной предпосылкой формирования лит. языка, который возник именно как письменный (лат. littera — буква, письмо). Под древнерус. лит. языком понимается тот язык, который дошел до нас в письменных памятниках XI—XIII вв., принадлежащих к различным жанрам, а именно: жанрам светской повествовательной литературы (литературно-художественное произведение «Слово о полку Игореве», летописные повествования и др.), деловой письменности (свод законов «Русская правда», договорные, купчие, жалованные и другие грамоты), церковно-религиозной литературы (проповеди, жития), где был широко представлен старославянский язык, но употреблялись и восточнославянские элементы. Рус. лит. язык существовал только как письменный на протяжении всего донационального периода.

Для развития письменного лит. языка огромное значение имеет деятельность выдающихся мастеров слова. Писателям принадлежит важная роль в эволюции стилей худож. прозы и поэзии, в литературной обработке общенародного языка. Так, А.С. Пушкин, руководствуясь принципами соразмерности и сообразности, достиг в своем худож. творчестве смелого синтеза всех жизнеспособных элементов лит. языка с элементами живой народной речи. Велика роль крупных ученых (среди отечественных — прежде всего М.В. Ломоносова и других деятелей науки периода формирования науч. стиля рус. лит. языка) в создании специальной терминологии, в становлении речевой системности функционального стиля, в совершенствовании способов выражения рассуждения как логического построения текстового характера, формирующегося и используемого прежде всего именно в письменной науч. речи. Значителен вклад В.Г. Белинского, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, Д.И. Писарева в формирование стиля литературно-критических работ.

Лит.: Соболевский А.И. История рус. лит. языка. — М., 1980; Виноградов В.В. Очерки по истории рус. лит. языка XVII—XIX вв. — 3-е изд. —

М., 1982; Его же: Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития. — М., 1967; Винокур Г.О. Рус. язык. Исторический очерк // Избр. работы по рус. языку. — М., 1959; Ефимов А.И. История рус. лит. языка. — М., 1971; Мещерский Н.А. История рус. лит. языка. — Л., 1981; Горшков А.И. Теория и история рус. лит. языка. — М., 1984; Земская Е.А. Письменная речь // Рус. язык: Энц. — М., 1998.

Т.Б. Трошева

ПОВЕРХНОСТНЫЙ СМЫСЛ ТЕКСТА. Всякий текст есть единство плана выражения и плана содержания. План содержания текста — это его смысл. План выражения — речевая форма, являющаяся способом материального существования текста и, в свою очередь, обладающая известным (системно-языковым) планом содержания.

Смысл текста (см.) — «конкретная информация (логическая, эмоциональная, эстетическая и иная), выраженная речью и при ее участии сформированная в сознании человека» (*Б.Н. Головин*). Различают поверхностный и глубинный смысл текста.

Поверхностный смысл текста — это актуальное значение речевых средств, употребленных в данном тексте: звуков, звукосочетаний, слов и их форм, предложений. П. с. текста комбинируется как произведение (не сумма) речевых составляющих.

Речевые составляющие можно рассматривать в контекстах разного типа. Последнее определяет статус конкретной речевой составляющей. Так, речевая составляющая, рассматриваемая в линейном контексте, имеет статус текстового элемента; речевая составляющая в составе внутритекстовой парадигмы имеет статус компонента; речевая составляющая, которая в изолированном от текста виде обладает основными категориальными свойствами текста, имеет статус единицы. Единицей текста обычно является сверхфразовое единство, которое может рассматриваться в окружении подобных единиц. П. с. речевой составляющей обретает определенность как в составе линейного, так и в составе вертикального видов контекста. Для толкования П. с. речевой составляющей текста избирается указательный контекстный минимум — речевое окружение, необходимое и достаточное для понимания актуального содержания данной речевой составляющей текста — и широкий контекст, напр. текстовой фрагмент, целый текст. Толкование проводится в опоре на контекст ситуации. П. с. речевой составляющей текста непосредственно соотносится с языковым (системным) значением.

Сопоставление семного языкового и семного речевого (контекстуального) состава плана содержания отдельной речевой составляющей текста приводит к выявлению специфики ее П. с. При анализе слова могут иметь место определенные виды соотношения П. с. и языкового словарного значения (З): *П. с. = З; П. с. > З; П .с. < З; П. с.* представляет собой уникальное образование. В худож. тексте (в отличие от текста нехудож., для которого, как правило, характерны лишь первые три вида

соотношения П. с. и З) находим все возможные виды соотношения П. с. и З, как, напр., в приводимых ниже поэтических контекстах из лирики А. Ахматовой.

Ни в лодке, ни в телеге нельзя попасть сюда. — Слово *лодка* употреблено в языковом словарном значении ‘небольшое гребное судно’ (П. с. = З). *На Малаховом кургане / Офицера расстреляли.* П. с. слова *офицер* шире языкового значения ‘лицо командного и начальствующего состава армии и флота’. Стихотворение датировано 1918 г., следовательно, здесь актуальна добавка: ‘участвующий в гражданской войне на стороне белой армии’ (П. с. > З). *Солнце в небе. Солнце ярко светит.* Языковое словарное значение слова *солнце* ‘небесное светило — раскаленное плазменное тело шарообразной формы, вокруг которого обращается Земля и другие планеты’ сужается: семантическая доля ‘плазменное тело, вокруг которого обращается Земля и другие планеты’ в тексте не реализуется (П. с. < З). *Над городом древним алмазные русские ночи.* Слово *алмазные* имеет П. с. ‘усеянные звездами, которые сверкают, как алмазы’. Здесь языковое словарное значение (сделанный из алмаза — драгоценного камня, блеском и твердостью превосходящего все другие минералы) — присутствует лишь в качестве «снятого момента», образного представления. П. с. выступает как уникальное семное объединение.

Предметом лингвистического толкования может выступать П. с. отдельных речевых составляющих текста и П. с. целого текста. Напр., в науч. тексте целесообразно осуществить толкование терминологического аппарата; в худож. поэтическом — толкование образных речевых средств. Толкование П. с. целого текста предполагает комментирование всех речевых составляющих, образующих линейный ряд, умение извлекать из речевых составляющих текста «то, о чем они сообщают, уметь их читать» (*Г.О. Винокур*). Толкование П. с. текста проводится с учетом специфики организации текстовой «композиции, принципов и приемов развертывания текста, обусловленных... экстралингвистическими факторами» (*М.Н. Кожина*). Комментирование П. с. текста, замедленное чтение предваряет интерпретацию *Глубинного смысла* текста (см.).

Лит.: Щерба Л.В. Опыты лингвистического толкования стихотворений // Избранные работы по русскому языку. — М., 1957; Винокур Г.О. Введение в изучение филологических наук // Проблемы структурной лингвистики — 1978. — М., 1981; Его же: Понятие поэтического языка // О языке художественной литературы. — М., 1991; Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М., 1981; Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика. — М., 1991.

Н.А. Купина

ПОВЕСТВОВАНИЕ — *функционально-смысловой тип речи* (см.), предназначенный для изображения последовательного ряда событий или перехода предмета из одного состояния в другое. Напр.:

«И доктору Старцеву, Дмитрию Ионычу, когда он был только что назначен земским врачом и поселился в Дялиже, в девяти верстах от С.,

тоже говорили, что ему, как интеллигентному человеку, необходимо познакомиться с Туркиными. Как-то зимой на улице его представили Ивану Петровичу; поговорили о погоде, о театре, о холере, последовало приглашение. Весной, в праздник — это было вознесение, — после приема больных, Старцев отправился в город, чтобы развлечься немножко и кстати купить себе кое-что. Он шел пешком, не спеша (своих лошадей у него еще не было), и все время напевал... В городе он пообедал, погулял в саду, потом как-то само собой пришло ему на память приглашение Ивана Петровича, и он решил сходить к Туркиным, посмотреть, что это за люди...» (А.П. Чехов. Ионыч); *«Пришла весна, зацвели мать-и-мачеха и незабудки, под коричневыми корнями леса явились подснежники, а в соседнем доме неожиданно расцвел Кот. Подснежниками заголубели котовьи усы, мать-и-мачехой и листом черемухи зазолотели глаза, а на лапах и на груди объявились белые вербные сережки. Разукрашенный, цветущий, полеживал он на новой траве, посиживал на старом заборе, блистал глазами на крыше сарая. Я все ждал, что на хвосте у него объявится какой-нибудь тюльпан весенний, особенный, котовий, но тюльпан не появлялся...»* (Ю. Коваль. Весенний кот).

На первом плане в содержании повествовательных фрагментов текста — порядок протекания действия. Каждое предложение обычно выражает какой-либо этап, стадию в развитии действия, в движении сюжета. Большую роль играет временная соотнесенность сказуемых, которая может проявляться и как их временная однотипность, и как временная разнотипность. Основную смысловую нагрузку выполняют обычно глаголы сов. вида, приставочные и бесприставочные (*поселился, представили, поговорили, отправился, пообедал, погулял, решил* и т.д.; *пришла, зацвели, расцвел, заголубели, зазолотели* и др.), которые обозначают действия предельные, сменяющиеся. Для П. характерна конкретная лексика (*доктор, больные, лошади, город, сад; лес, подснежники, кот, усы, лапы*). Ход событий акцентируется посредством обстоятельств времени (*только что, как-то зимой, весной, в праздник, после приема больных, потом*).

По использованию синтаксических построений и типов связи предложений П. противопоставлено *описанию* (см.), что проявляется, в частности, в следующем: 1) в различии видо-временных форм глаголов — описание строится в основном на использовании форм несов. вида, повествование — совершенного; 2) в преобладании цепной связи предложений в П. — для О. более характерна параллельная связь; 3) в употреблении односоставных предложений — для П. нетипичны номинативные предложения, безличные предложения, широко представленные в описательных контекстах.

П. — тип речи, функционирующий прежде всего в худож. текстах и оформляющий рассказ о событиях, система которых составляет сюжет произведения. В художественно-изобразительной речи (худож. произведениях, текстах некоторых жанров публицистики — репортажа, очерка, информативно-экспрессивных заметок, текстах-рассказах в разг. стиле) органично сочетаются элементы описательности и повествовательности. Описание включается в П. для наглядно-образного представления героев, места действия.

Лит.: Виноградов В.В. Проблема сказа в стилистике // Избр. труды. О языке худож. прозы. — М., 1980; Его же: О языке худож. литературы. — М., 1959; Нечаева О.А. Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение). — Улан-Удэ, 1974; Ее же: Очерки по синтаксической семантике и стилистике функционально-смысловых типов речи. — Улан-Удэ, 1999; Лосева Л.М. Как строится текст. — М., 1980; Гришина О.Н. Соотношение повествования, описания и рассуждения в худож. тексте (на материале английской и американской прозы XX в.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1982; Брандес М.П. Стилистика немецкого языка. — М., 1983; Исмаилова Ж.А. Семантическое взаимодействие видо-временных форм глагола с типами текста (на материале повести В. Распутина «Прощание с Матерой»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1990; Бурцев О.П. Актантно-предикатные отношения в высказываниях описания и повествования: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Красноярск, 1999.

Т.Б. Трошева

ПОВТОРЫ РАЗВЕРНУТЫЕ ВАРИАТИВНЫЕ — см. Развернутые вариативные повторы.

ПОДСТИЛЬ — см. *Классификация и внутренняя дифференциация функциональных стилей.*

ПОДЧЕРКНУТАЯ ЛОГИЧНОСТЬ (НАУЧНОЙ РЕЧИ) — см. *Стилевые черты; Научный стиль.*

ПОЛЕВАЯ СТРУКТУРА ФУНКЦИОНАЛЬНОГО СТИЛЯ — это модель функц. стиля, представляющая собой подразделение каждого из функц. стилей на более частные видовые образования, структурируемое по принципу поля, т.е. с выделением центра (ядра) стиля и его периферии, включая случаи пересечения и взаимодействия разных функц. стилей. Весь текстовой (речевой) континуум как носитель функц. стилей подразделяется на пять-шесть (если брать религиозный) *функц. стилей* (см.), при этом специфика каждого функц. стиля соотносится с узким кругом центральных подстилей и жанров, в наиболее чистом виде и наиболее полно представляющих эту специфику как лингвистическое воплощение влияния на речь прежде всего базовых *экстралингвистических стилеобразующих факторов* (см.). Наиболее полно и последовательно здесь представлены все основные стилевые черты каждого функц. стиля. Дальше от центра (на пути к периферии) находятся подстили и жанры, отражающие помимо базовых и другие экстралингвистические факторы; тем самым к основным стилевым чертам добавляются другие, обусловленные дополнительными (кроме базовых) факторами. Напр., к основной цели общения письменной науч. речи — сообщение новой науч. информации, полученной в ходе науч. познания, и доказательство ее истинности — может добавляться задача популяризации полученных в науке знаний широкой (непрофессиональной) аудитории; может быть и задача обучения этим знаниям и т.д. В этих случаях специфика науч. речи и ее основные стилевые черты сохраняются (хотя частотность выражающих

их средств может изменяться), но к ним добавляются другие, обусловленные дополнительными экстралингвистическими факторами, идущими от новой ситуации общения. При этом речевая системность и стилевая окраска речи несколько видоизменяются, несколько теряется чистота данного функц. стиля, представленная его центром. Однако до тех пор пока основные черты данного Ф. стиля остаются в тексте, последний квалифицируется как носитель этого функц. стиля. Отношения его с центром рассматриваются как инвариант и варианты.

Т. о., более частные и не центральные стилевые образования обладают как стилевыми чертами центра (специфичными для данного функц. стиля), так и новыми, дополнительными, что несколько видоизменяет их стилевой облик в целом, но не «переводит» их в другой функц. стиль. Еще дальше от центра отстоят собственно периферийные сферы, а затем переходные образования (в «местах» пересечения и взаимодействия двух-трех функц. стилей). Так, в науч. функц. стиле центр представлен собственно науч. текстами (монография, статья, диссертация, реферат, тезисы); далее следуют тексты учебной литературы (учебники, учебные пособия, курсы лекций); еще далее — научно-популярная литература, составляющая периферию функц. стиля. На пересечении с худож. стилем находится научно-худож. литература, а на пересечении с официально-деловым разного рода инструкции, патенты. Переходные образования могут быть в разной степени качественной отдаленности от специфики того или другого функц. стиля; они отличаются от периферийных тем, что значительно утрачивают связь с центром и способны представлять гибридные образования (совмещение черт двух-трех функц. стилей). Конечно, здесь нет жестких границ между функц. стилями. Следует помнить, что каждый, дополнительный к базовым, экстралингвистический фактор оказывается в той или иной мере стилистически значимым, влияющим на стиль речи (кстати, в науч. сфере таковым является фактор авторской индивидуальности), но не изменяющим принципиально специфику функц. стиля. (Подробнее см.: *классификация функц. стилей, экстралингвистические стилеобразующие факторы*).

Лит.: Баташева Л.А. Приемы популяризации в разных типах научной речи: Дис. ... канд. филол. наук. — Саратов, 1986, Ее же: Автореф. указ. дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1986; Кожина М.Н. Стилистика русского языка. — М., 1993; Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII—XX вв. Т. II. Ч. 1. Гл. XIV. — Пермь, 1998; Колтунова М.В. Деловое общение: устная и письменная формы (к вопросу о стилевой принадлежности): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Саратов, 1998.

М.Н. Кожина

ПОМЕТЫ СЛОВАРЕЙ — см. Стилистическая помета.

ПОЭТИЗМЫ — группа лексики с окраской возвышенности, ограниченная употреблением преимущественно в стихотворных жанрах литературы XVIII—1-й пол. XIX в. Напр., имена существительные: *десница, ланиты, очи, перси, перст, чело, лира, венец, чертог*; прилагательные: *див-*

ный, чудный, вдохновенный, дерзновенный, немолчный, лазурный, лучезарный, златокудрый, благовонный; глаголы: *лобзать, влачить, зардеть, развернуться, мниться*. Большая часть П. по происхождению — *славянизмы* (см.), поэтому в числе П. отмечаются слова с неполногласием и другими фонетическими приметами старославянского языка: *власы, врата, младость, хлад, елени, могущ* и т.п.

В соответствии с теорией трех стилей М.В. Ломоносова (см. *Трех стилей теория*) слова этой группы использовались в произведениях *высокого стиля* (см.) для придания стилистической окраски торжественности. Напр.: *«Вы, наглы вихри, не **дерзайте** реветь, но кротко **разглашайте** прекрасны наши времена. В безмолвии **внимай** вселенна: се **хощет лира восхищенна гласить** велики имена»* (М.В. Ломоносов. Ода на день восшествия на престол Елисаветы Петровны).

Особенно широко П. представлены в стихотворных произведениях XIX в.: *«...**Перстом** невидимым свои невидимы черты на них Судьба уж написала», «...И вдруг стоят пред ним **чертоги**...», «...Торжественный поющих **глас**...»* (В.А. Жуковский. К Воейкову); *«Навис покров угрюмой **нощи**...», «Блеснул кровавый меч в неукротимой **длани**...», «...Над ним сидит орел **младой**»* (А.С. Пушкин. Воспоминания в Царском Селе); *«Там погружались в **хладный** сон воспоминанья величавы...», «Как часто по **брегам** твоим бродил я...», «...Как ты, **могущ**, глубок и мрачен...»* (А.С. Пушкин. К морю); «***Перстами** легкими как сон моих **зениц** коснулся он. **Отверзлись вещие зеницы**...»* (А.С. Пушкин. Пророк); *«...Как ни **браздят чело** морщины...», «...И страх кончины неизбежной не свеет с **древа** ни листа...»* (Ф.И. Тютчев. Весна); *«Всем нравятся твой рост, и гордый облик твой, и кудри пышные, беспечностью завиты, и бледное **чело**, и нежные **ланиты**...», «Когда же **ложе** их оденет темнота, **алкают уст** твоих, раскрывшись, их **уста**»* (А.А. Фет. К красавцу).

До настоящего времени лексика этой группы, давно перешедшая в разряд архаической (см. *Архаизмы*), сохраняет колорит поэтичности и не характерна для других стилей, кроме художественного (см. *Стилистически окрашенная лексика*).

Лит.: Виноградов В.В. Очерки по истории рус. лит. языка XVII—XIX вв. — 2-е изд. — М.; Л., 1938; Его же: Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. — М., 1963; Левин В.Д. Очерки стилистики рус. лит. языка конца XVIII—начала XIX в. Лексика. — М.; Л., 1964; Ильинская И.С. Лексика стихотворной речи Пушкина. «Высокие» и поэтические славянизмы. — М., 1970; Замкова В.В. Славянизм как стилистическая категория в рус. лит. языке XVIII в. — Л., 1975; Кожина М.Н. Стилистика рус. языка. — 3-е изд. — М., 1993.

Т.Б. Трошева

ПОЭТИКА (от греч. poiētikē — поэтическое искусство) — раздел филологии, посвященный описанию историко-литературного процесса, строения литературных произведений и системы эстетических средств, в них использованных; наука «о поэтическом искусстве», «изучающая

поэзию как искусство» (*В.М. Жирмунский*). В широком смысле слова П. — наука о худож. языке (языке как «вторичной моделирующей системе», «языке культуры») литературных произведений. Предмет изучения П. при таком понимании в значительной степени совпадает с предметом теории литературы (или даже теории искусства), однако теория литературы в большей мере сосредоточена на проблеме определения понятий, в то время как П. — на описании законов, определяющих внутренние связи, структуру анализируемого объекта и специфику функционирования использованных для его создания худож. средств. В более узком понимании П. — это описание худож. (поэтической) речи, сближающееся по своему предмету и целям со *стилистикой* (см.).

Задача П. — систематизация и анализ элементов текста, формирующих в сознании читателя целостный «худож. мир» произведения и его основную концепцию, носителем которой является *образ автора* (см.). П. раскрывает процесс превращения авторского замысла, возникшего под воздействием реальной действительности, в созданные средствами языка худож. образы, возникающие в сознании читателя и непрерывно меняющиеся в процессе исторического функционирования произведений искусства.

Термином П. может быть обозначено исследование различных проявлений худож. целого: национального варианта литературы, определенной стадии литературного процесса («П. древнерусской литературы»), отдельной типологической категории — направления, литературного рода, жанра и т.п. («П. романтизма», «П. романа»), творчества конкретного писателя («П. Гоголя»), отдельного произведения («П. романа «Евгений Онегин») и даже аспекта анализа худож. текста («П. композиции»). Во всех случаях описание П. предполагает рассмотрение изучаемого объекта как некой целостности, как относительно завершенной системы, обладающей единством содержания и формы.

П. сосредоточена на анализе семантики текста, тропов, ритма, способов организации речи автора и героев (прямая и несобственно-прямая речь; внутренний монолог). Каждый предмет, деталь, ситуация, мотив, образ рассматриваются П. в процессе реализации образного воплощения определенной худож. идеи.

П. занимается описанием худож. использования средств языка, относящихся ко всем уровням организации текста — фонетическому, лексическому, морфологическому, синтаксическому, стилистическому, мотивному, образному. Исследованием худож. функций языковых единиц разного уровня и особенностями их отбора занимаются получившие развитие на протяжении последних десятилетий поэтическая фонетика, поэтическая морфология («поэзия грамматики»), поэтический синтаксис — филологические дисциплины, возникшие на пересечении литературоведения и лингвистики.

Слово «П.» осмысливалось как производное от слова «поэзия», которое — вплоть до самого конца XVIII в. — было синонимичным худож. литературе в целом — в отличие от прозы — деловой, обыденной (прак-

тической) речи, изучением которой занималась *риторика* (см.). Риторика отличается от П. также своей прагматической направленностью на изучение средства воздействия, убеждения аудитории, реализацию суггестивной функции языка. Становление худож. прозы в литературе Нового времени привело к ускоренному развитию в филологии XIX—XX вв. стилистики — как литературоведческой и как лингвистической дисциплины, а также к изменению общественных и науч. функций П. и риторики.

Особый раздел П., посвященный исследованию поэзии, во второй половине XX в. оформился в самостоятельную науку — стиховедение, которое занимается изучением фоники, строфики, ритмики и метрики поэтического текста.

В зависимости от предмета (аспекта) исследования и используемых науч. методов сложились две основные разновидности П. — теоретическая и историческая.

Теоретическая («общая», «систематическая») П. (или «макропоэтика») занимается систематизированным описанием законов построения различных уровней худож. целого, структуры словесного худож. образа и отдельных эстетических средств (приемов) организации текста. Теоретическая П. исследует соотношение литературной и внелитературной реальности, связи между «внутренней» и «внешней» худож. формой, законы претворения действительности и материала в худож. (поэтический) мир произведения, организацию худож. времени и пространства, а также способы воплощения в тексте произведения замысла писателя — в зависимости от стадии историко-культурного процесса, направления, литературного рода и жанра.

Историческая П. рассматривает категории теоретической П. в диахроническом аспекте. Ее задача — «определять роль и границы предания в процессе личного творчества», «отвлечь законы поэтического творчества <...> для оценки его явлений» (*А.Н. Веселовский*). Основное внимание историческая П. уделяет целостному освещению истории худож. литературы, реконструкции причинно-следственных связей в литературном (историко-культурном) процессе. Историческая П. описывает развитие и изменение границ худож. систем, жанров, сюжетов, мотивов, образов и (или) эволюцию отдельных литературно-худож. приемов (метафор, эпитетов, сравнений и т.п.) от ранних (примитивных) синкретических форм, характерных для мифологии и фольклора, до сложных развитых форм, свойственных искусству современности. Историческая П. широко использует сравнительно-исторический (компаративистский) метод, который позволяет сопоставлять различные национальные литературы (в этом случае она иногда называется сравнительной П.).

Если теоретическая и историческая П. занимаются исследованием общих закономерностей развития словесности, то описанием индивидуальных особенностей творчества отдельных писателей и структуры конкретных произведений занимается частная (описательная) П. (или «микропоэтика»). Частная П. может изучать историю твор-

ческого замысла писателя и эволюцию худож. текста, взаимные связи, возникающие между текстом произведения, его историко-культурным контекстом и внешним миром.

История П. П. — один из старейших разделов литературоведения. Первые попытки описать национальный худож. опыт были сделаны уже в конце второго тысячелетия до н. э. в странах Древнего Мира — Индии, Китае, Японии, Персии, арабских государствах. Создание П. закрепляло национальные культурные традиции и нередко придавало им статус канона, нормы.

Для П., возникших в Древнем Востоке, была характерна органическая связь с религиозными, философскими, этическими и политическими концепциями. Создание словесных произведений рассматривалось в тесной связи с произведениями, относимыми к другим видам искусства, прежде всего с музыкой, театром и живописью. Словесность интерпретировалась в качестве важнейшего средства духовного совершенствования личности. В П. Древнего мира особо акцентировался процесс воздействия различных худож. приемов на восприятие читателями произведений искусства.

Первое систематическое изложение П. было дано в V—IV вв. до н.э. Аристотелем, описавшим древнегреческую литературную практику. Понятие «П.» рассматривалось Аристотелем как общеэстетическое, как проявление особого искусства подражания действительности («мимесис»). В зависимости от того, чему и как должно подражать произведение искусства, Аристотелем выделялись различные типы содержания и родовые формы.

В период классицизма П. стала иметь нормативный характер — как свод (система) иерархических правил (см. «Поэтическое искусство» Н. Буало). Дальнейшее развитие П. просветителями и романтиками (Г.Э. Лессинг, Д. Дидро, Дж. Веко, И.Г. Гердер) связано с постепенным освобождением П. от догматических норм и проникновением в П. идей историзма.

Древнейшим из сохранившихся русских текстов, излагающих принципы П., является фрагмент «Об образех» в Изборнике Святослава 1073 года, написанный византийским писателем Георгием Хировоском. Разработка науч. П. началась в России в XVIII в. (Ф. Прокопович, В. Тредиаковский, М. Ломоносов). В качестве специальной филологической дисциплины П. стала развиваться в XIX в. Принципы теоретической П. были заложены в исследованиях А.А. Потебни, исторической П. — в работах А.Н. Веселовского. В XX в. большую роль в процессе развития П. как филологической дисциплины сыграли работы В.В. Виноградова, В.М. Жирмунского, Б.М. Эйхенбаума, Р.О. Якобсона, Ю.Н. Тынянова, В.Б. Шкловского, О.М. Фрейденберг, М.М. Бахтина, Н.И. Конрада, Д.С. Лихачева, Ю.М. Лотмана, С.С. Аверинцева и др. исследователей.

Лит.: Потебня А.А. Из записок по теории словесности, Харьков, 1905; Его же: Эстетика и поэтика. — М., 1976; Его же: Теоретическая поэтика. — М., 1990 (Классика литературной науки); Белый А. Сим-

волизм. — М., 1910; Мюллер-Фрейенфельс Р. Поэтика. — Харьков, 1923; Эйхенбаум Б.М. Литература. — Л., 1927; Жирмунский В.М. Вопросы теории литературы. — Л., 1928; Его же: Теория литературы. Поэтика. Стилистика. — Л., 1977; Тынянов Ю.Н. Архаисты и новаторы. — Л., 1929; Его же: Поэтика. История литературы. Кино. — М., 1977; Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. — 6-е изд. — М.; Л., 1931; Гораций. Послание к Пизонам // Полн. собр. соч. — М.; Л., 1936; Веселовский А.Н. Историческая поэтика. — Л., 1940; М., 1989 (Классика литературной науки); Белинский В.Г. Разделение поэзии на роды и виды // Полн. собр. соч. Т. 5. — М.; Л., 1954; Аристотель, Об искусстве поэзии. — М., 1957; Его же: Поэтика. Риторика. — СПб., 2000; Буало Н. Поэтическое искусство. — М., 1957; Лессинг Г.Э. Лаокоон, или О границах живописи и поэзии. — М., 1957; Шкловский В.Б. Художественная проза. Размышления и разборы. — М., 1961; Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. — 2-е изд. — М., 1963; 4-е изд. — М., 1979; Его же: Эстетика словесного творчества. — 2-е изд. — М., 1986; Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. — М., 1963; Его же: Поэтика русской литературы. — М., 1976; Гегель Г.В.Ф. Эстетика. Гл. 3. Т. 3. — М., 1971; Якобсон Р.О. Работы по поэтике. — М., 1987 (Языковеды мира); Ревзина О.Г. Системно-функц. подход в лингвистической поэтике // Проблемы структурной лингвистики. — М., 1989; Новиков Л.А. Поэтический язык // Рус. яз.: Энц. — М., 1998.

Сборники по теории поэтич. языка. т. 1—2, Пг., 1916—1917; Поэтика: Сборники по теории поэтич. языка, Пг., 1919; Русская речь / Под ред. Л.В. Щербы. — Пг., 1923; Скафтымов А.П. Поэтика и генезис былин. — М.; Саратов, 1924; Проблемы поэтики / Под ред. В.Я. Брюсова. — М.; Л., 1925; Поэтика. Временник отдела словесных искусств Гос. Ин-та истории искусств, т. 1—5. — Л., 1926—1929; Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. — Л., 1936; Ее же: Миф и литература древности. — М., 1978; Верли М. Общее литературоведение. — М., 1957; Теория литературы. Т. 1—3. — М., 1962—1965; Лотман Ю.М. Лекции по структурной поэтике. — Тарту, 1964; Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. — Л., 1967; Иванов В.В. Поэтика // Краткая лит. энциклопедия. Т. 5. — М., 1968; Структура худож. текста. — М., 1970; Успенский Б.А. Поэтика композиции. Структура худож. текста и типология композиционной формы. — М., 1970; М., 2000; Поэтика и стилистика рус. литературы. [Памяти акад. В.В. Виноградова]. — Л., 1971; Фридлендер Г.М. Поэтика русского реализма. — Л., 1971; Исследования по поэтике и стилистике. — Л., 1972; Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. — М., 1977; Уэллек Р., Уоррен А. Теория литературы. — М., 1978; Поэтика древнегреческой литературы. — М., 1981; Восточная поэтика. Структура художественного образа. — М., 1983; Историческая поэтика: Итоги и перспективы изучения. — М., 1986; Поэтика // Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В.М. Кожевникова и П.А. Николаева. — М.; Поэтика древнеримской литературы: Жанры и стили. — М., 1989; Scherer W. Poetik. — B., 1888; Poetics, Poetika, Поэтика, Wars., — P. — The Hage, 1961; Wellek R., Warren A. Theory of Literature. — 3 ed. — N.Y., 1963; Staiger E. Grundbegriffe der Poetik, 8 Aufl. — Z., 1968; Jakobson R. Questions de potique. — P., 1973.

Б.В. Кондаков

ПОЭТИЧЕСКОЕ РЕЧЕВОЕ МЫШЛЕНИЕ — зафиксированная в тексте творческая интеллектуальная деятельность поэта, связанная с его способностью создавать образы, обладающие эстетикой, индивидуаль-

ной семантикой и вызывающие представление благодаря использованию богатых возможностей семантической структуры слова.

П. р. м. противопоставлено, с одной стороны, внеречевому (художественному и нехудожественному) мышлению, с другой — речевому непоэтическому мышлению. Худож. внеречевое мышление проявляется преимущественно как образное — в произведениях композиторов, живописцев, графиков, скульпторов, хореографов и др. Нехудож. внеречевое мышление охватывает другие сферы бытия человека, в том числе и обыденную сферу (почувствовав дождь, мы раскрываем зонт; увидев книгу, стараемся прочитать ее заглавие, и т.д.). Речевое непоэтическое мышление связано с созданием информативных единиц в вербализованной форме, оно проявляется в различных сферах: бытовой и неофициальной (обыденное речевое мышление), публичной (политика, публицистика, юриспруденция и др.), научной, деловой, художественной (прозаическое речемышление).

П. р. м. связано с обостренно эмоциональным восприятием художником слова окружающего мира: поэт, обладая особой «зоркостью» и свежестью взгляда, способен увидеть то, что не укладывается в рамки ранее увиденного. В сфере подсознания поэта интуитивно осуществляется отбор и обработка нерасчлененного потока информации, в результате чего под влиянием авторского замысла из этого потока вычленяются более компактные идеальные образования, «зачины мысли» (*И.Я. Чернухина*), которые поэт намерен передать в процессе коммуникации. Зачин мысли имеет объемный характер и сначала скорее ощущается, чем осознается. Для линейного воплощения в тексте поэтическая мысль художника дробится на мельчайшие смысловые единицы, имеющие универсальный характер и свойственные носителю любого языка — с е м ы. На границе сознания и подсознания семы соединяются в с е м е м ы — смысловые образования, характерные только для одного языка. В результате дальнейшей вербализации замысла появляются слова, связанные с образом-представлением, а также осуществляется грамматическая связь слов.

Одним из сильных интуитивных стремлений поэта является стремление оптимально воплотить замысел, преодолев линейный характер речи. С этим нередко связаны мучительные поиски нужного слова: нечто в сознании поэта подсказывает ему, с какой степенью полноты и адекватности он передает зачин мысли. Автор интуитивно выбирает тот тип поэтического речевого мышления, который в наибольшей степени оказывается способным передать в линейной речи объемную мысль и целостный образ.

Существует большое количество свидетельств художников слова об особенностях момента, предшествующего появлению стихотворения. Почти всегда речь в этих случаях идет о том, что в сознании поэта появляется некий звуковой фон или ощущение ритма, и это предваряет рождение поэтической речи. Напр.:

Какой-то демон обладал
Моими играми, досугом;

За мной повсюду он летал,
Мне звуки дивные шептал,
И тяжким, пламенным недугом
Была полна моя глава;
В ней грезы чудные рождались;
В размеры стройные стекались
Мои послушные слова
И звонкой рифмой замыкались.
(А.С. Пушкин)

Бывает так: какая-то истома;
В ушах не умолкает бой часов;
Вдали раскат стихающего грома.
Неузнанных и пленных голосов
Мне чудятся и жалобы, и стоны,
Сужается какой-то тайный круг,
Но в этой бездне шепотов и звонов
Встает один, все победивший звук.
Так вкруг него непоправимо тихо,
Что слышно, как в лесу растет трава,
Как по земле идет с котомкой лихо.
Но вот уже послышались слова
И легких рифм сигнальные звоночки, —
Тогда я начинаю понимать,
И просто продиктованные строчки
Ложатся в белоснежную тетрадь.
(А. Ахматова)

Худож. творчество связано с вдохновением — состоянием человека, особо благоприятным для творческой деятельности. Вдохновение приводит к повышенной способности творческого субъекта переводить нерасчлененный поток мысли в «россыпь сем» (*И.Я. Чернухина*) и преобразовывать их в речь. В состоянии вдохновения накопленная и сложно преобразованная информация как бы прорывает плотину, переходя на уровень сознания и затем в речь, при условии, что для этого есть необходимые эмоционально-физиологические обстоятельства. Нередко приближение способности творить поэты переживают как «недомогание», ср.: *«И тяжким, пламенным недугом / Была полна моя глава»* (А.С. Пушкин); *«Бывает так: какая-то истома», «Муза... Как лихорадка, оттреплет»* (А. Ахматова). Диапазон и сила эмоций при состоянии вдохновения даже у одного художника слова могут быть достаточно широкими, поэтому стихи воплощают всю гамму человеческих реакций — от жесточайших страданий до состояния благотворного покоя или высшего наслаждения.

Хотя поэт отражает в своем творчестве «общеизвестные» эмоции, но отражает их как нечто уникальное, единичное. Напр., общеизвестное чувство «любовь» у каждого большого поэта имеет особый компонентный состав, который далеко не всегда знаком не только носителю обыденного сознания, но и другому художнику слова. Так, если состав эмоции в стихотворении А.С. Пушкина «Я вас любил...» включает элементы «робость», «ревность», «самоотречение» (*«Как дай вам Бог любимой быть*

другим»), то у Ф. Тютчева в стихотворении «Любовь» компоненты этой эмоции иные: «поединок роковой», «борьба неравная двух сердец», «гибель одного из сердец» (*«И чем одно из них нежнее / В борьбе неравной двух сердец, / Тем неизбежней и вернее / Любя, страдая, грустно млея, / Оно изноет наконец»*).

Наряду с общеизвестными эмоциями поэт может переживать и неповторимое, индивидуальное эмоциональное состояние, для называния которого используются окказиональные языковые средства, напр.: *«Сад весь в цвету, / Вечер в огне, / Так* ***освежительно-радостно*** *мне!»* (А. Фет).

Эмоциональный строй стихотворения создает «поле напряжения» (*И.Я. Чернухина*), которое в совокупности с семантической, грамматической, ассоциативной и композиционной организацией текста обусловливает его целостность. Большую роль в передаче эмоционального состояния играют экспрессивные средства: *тропы* (см.), стилистические *фигуры* (см.), индивидуально-авторские *неологизмы* (см.), а также подтекст.

В зависимости от авторского замысла и индивидуальных особенностей речемыслительной деятельности того или иного поэта различаются семемный, семно-семемный и семный типы П. р. м.

Семемный тип соотносится с использованием в поэтической речи общепринятых (узуальных) слов и нормированной грамматики. В стихотворениях данного типа тропы имеют стертый характер, лишены яркой индивидуальности, ассоциации слов стандартны. Однако уникальные содержательные особенности стихотворения, воплощенные в высокоэстетической форме, делают его в большой степени ценным для общества, напр.:

Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны.
В том, что они — кто старше, кто моложе —
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь, —
Речь не о том, но все же, все же, все же...
(А. Твардовский)

Стихотворения, созданные благодаря семемному типу речемышления, не нуждаются в интерпретации, для их толкования в неподготовленной аудитории достаточно лишь комментирования: развертывания отдельных содержательных сторон текста, частичной экспликации имплицитных смыслов, соотнесения стихотворения с некоторыми экстралингвистическими факторами (биографией поэта, историческими событиями и т.д.). Такие стихотворения формируют культуру чтения, готовят читателя к восприятию более сложных поэтических текстов.

Семно-семемный тип П. р. м. проявляется в ослаблении корреляции «семема — лексема — представление», в результате чего слово приобретает способность десемантизироваться, а также получать дополнительные семы. В этом случае целостный худож. образ возникает не из совмещения простых представлений, как при семемном типе, а из ин-

теграции представлений, в результате чего создается не только образ с его семантикой, представлением и эстетикой, но и образный фон, который обладает лишь представлением (слуховым, зрительным, вкусовым и др.). Продуктивным способом создания образа в стихотворениях этого типа является метафора. Напр.:

В степи мирской, печальной и безбрежной,
Таинственно пробились три ключа;
Ключ юности, ключ быстрый и мятежный,
Кипит, бежит, сверкая и журча.
Кастальский ключ волною вдохновенья
В степи мирской изгнанников поит.
Последний ключ — холодный ключ забвенья,
Он слаще всех жар сердца утолит.
(А.С. Пушкин)

Сложный семантический процесс воплощения поэтического содержания при данном типе речемышления приводит к тому, что для восприятия текста неподготовленным читателем одного комментирования уже недостаточно. Такие стихотворения нуждаются в интерпретации, которая предполагает выявление слов с сохранившейся узуальной семантикой (в приведенном стихотворении: *мирской, печальной, юности, вдохновенье* и др.) и слов с модифицированной, т.е. контекстуальной семантикой (*безбрежной, быстрый, кипит, бежит, степь, ключ* и др.). Целью интерпретации становится понимание характера поэтической трансформации универсальных смыслов худож. произведения («пространство», «время», «состояние», «событие» — *И.Я. Чернухина*). В данном случае метафоры *степь* и *ключ* служат поэтическими трансформами представлений о человеческой жизни, включающей три этапа — юность, зрелость и старость.

С е м н ы й тип П. р. м. проявляется в конструировании поэтом значений слов, выражений, фраз, фрагментов текста или целого текста из отдельных сем, в создании новых слов и в возбуждении в сознании читателя новых, неизвестных ему до сих пор представлений. Продуктами данного типа речемышления являются неологизмы, окказионализмы, авторские формы слов, авторский синтаксис, авторскиая пунктуация, а иногда и орфография. Напр.:

О, рассмейтесь, смехачи!
О, засмейтесь, смехачи!
Что смеются смехами, что смеянствуют смеяльно,
О, засмейтесь усмеяльно!
О, рассмешищ надсмеяльник — смех усмейных смехачей!
О, иссмейся рассмеяльно, смех надсмейных смеячей!..
(В. Хлебников)

При анализе подобных стихотворений необходимо, во-первых, определить ключевые для создания гипотетического содержания текста слова; во-вторых, актуализировать в памяти все сведения, относящиеся к семантике ключевых слов; в-третьих, вспомнить весь круг реалий, свя-

занных с обозначаемыми явлениями, и, наконец, привлечь ассоциации. Так, направление декодирования стихотворения В. Хлебникова дает его заглавие: «Заклятие смехом». См. у В. Даля: «Заклинать — заповедовать, заказывать, запрещать, под страхом проклятия, кары небесной; упрашивать, умолять всем, что дорого и свято; заговаривать, завораживать, заколдовывать».

В содержании стихотворения заложены все три набора смыслов слова *заклятие*. Смех понимается автором и как исцеляющее средство, и как орудие возмездия проявлению зла. Форма и своеобразная семантическая организация стихотворения призваны заворожить, «загипнотизировать» читателя, сделать его единомышленником автора.

Описанные типы речевого мышления используются во всех сферах речемыслительной деятельности. При этом семемный тип «обслуживает» в первую очередь репродуктивное мышление; семно-семемный и семный типы «приспособлены» для эвристической речемыслительной деятельности. Применение названных типов к речевому поэтическому мышлению позволяет с новых позиций объяснить многообразие худож. мира стихотворных произведений.

Лит.: Тынянов Ю. Проблема стихотворного языка. — М., 1965; Ларин Б.А. Эстетика слова и язык писателя. — Л., 1974; Потебня А.А. Эстетика и поэтика. — М., 1976; Поляков М. Вопросы поэтики и художественной семантики. — М., 1978; Васильева А.Н. Художественная речь: Курс лекций по стилистике для филологов. — М., 1983; Григорьев В.Д. Словотворчество и смежные проблемы языка поэта. — М., 1986; Чернухина И.Я. Общие особенности поэтического текста. — Воронеж, 1987; Ее же: Поэтическое речевое мышление. — Воронеж, 1993; Болотнова Н.С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. — Томск, 1992.

Е.А. Баженова

ПРАГМАСТИЛИСТИКА — см. *Взаимоотношение стилистики и смежных дисциплин.*

ПРАКТИЧЕСКАЯ СТИЛИСТИКА — см. *Стилистика; Направления стилистики; Стилистика ресурсов.*

ПРЕДПИСАНИЕ — *функционально-смысловой тип речи* (см.) — ФСТР, используемый для выражения директив, рекомендаций. Функционирует прежде всего в оф.-дел. и науч.-технических текстах (законах, постановлениях, указах, приказах, разного рода инструкциях) — текстах, коммуникативной задачей которых является передача обязательных для исполнения указаний или вооружение читателя способом действия при соблюдении определенных условий, знанием технологических процессов.

В оф.-дел. речи, основной стилевой чертой которой является императивность, обусловленная регулирующей, регламентирующей функцией права (см. *Официально-деловой стиль, Стилевые черты функционально-*

го стиля), П. является ведущим ФСТР, выражающим типовое коммуникативное волеизъявление создателей правовой нормы. П. реализуется в трех основных подтипах: долженствовании, разрешении и запрещении. Напр.: *«Каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры»; «Каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления, имеет право пользоваться помощью адвоката...»; «Не допускается экономическая деятельность, направленная на монополизацию и недобросовестную конкуренцию»* (из Конституции).

Для оформления структурных частей П. в документах типично использование рубрикации. Напр.: *«Постановили: 1. Диссертацию... принять к защите как соответствующую специальности 10.02.01 — русский язык. 2. Степень отражения материалов диссертации в опубликованных трудах считать достаточной... 3. В качестве официальных оппонентов... назначить... 4. В качестве ведущей организации диссертации... утвердить...»* (из протокола).

В науч.-технических текстах П. также относится к основным ФСТР (наряду с еще одним представляющим типом — описанием). Технические науки представляют собой специфическую систему знаний, отражающую процесс целенаправленного преобразования природных материальных объектов в технологические процессы и искусственные материальные устройства. В науч.-технической деятельности происходит накопление репродуктивных операций, которые исследователь группирует, а затем вырабатывает предписания для выполнения стереотипных процедур. Тип речи П. и служит для выражения рецептурного знания, используется в инструкциях, предназначенных для изложения технологических рецептов, которые предписывают определенные действия адресатам. Напр.: *«Усилия резания на остром резце при снятии стружки большого сечения принято рассчитывать по выражению [формула]... Величина касательных усилий применительно к работе проходческих комбайнов устанавливается по эмпирическим выражениям типа [формула]...»* (В.В. Ржевский. Физико-технические параметры горных пород); *«При разработке тампонажного раствора выбор оптимальной рецептуры необходимо осуществлять в строгом соответствии с конкретными горными и гидрогеологическими условиями. Необходимо учитывать химический состав подземных вод...»* (*Э.Я. Кипко* и др. Комплексный метод тампонажа при строительстве шахт).

Предписания имели большое распространение в науч. речи XVII и 1-й пол. XVIII в. (т. н. рецептурный стиль) — в текстах-руководствах, что связано с общим дидактическим характером науч. литературы того времени. Среди оригинальных науч. сочинений преобладали произведения, сочетавшие в себе черты учебных и научно-деловых произведений. В наше время П. также характерны для учебно-дидактической литературы (см., напр., образовательные программы, учебники, методические рекомендации, инструкции).

Выполняя функции регулятива деятельности, П. может выступать в различных модификациях — с оттенками жесткой директивы, рекомен-

дации, руководства, пожелания. В связи с этим степень выражения императивности может быть различной. Для вполне определенного выражения императивности используются след. языковые средства: 1) побудительные предложения с глагольными формами повелительного наклонения или инфинитива, часто — цепь этих форм, напр.: *«Первые тренировки на льду сочетайте с привычными «сухопутными». Кроме того, 5—10-минутное катание на коньках в спокойном темпе чередуйте с коротким отдыхом в помещении. Катайтесь на слегка согнутых ногах... Корпус при беге наклоните вперед. Голову и плечи не опускайте...»* (из рекомендации начинающим конькобежцам); 2) модальные слова со значением долженствования (*должен сообщить, обязаны выплатить, необходимо учитывать*); 3) усиливающие категоричность П. наречия (*незамедлительно решить вопрос*). Встречается и несколько завуалированная форма П. — обычно с использованием глаголов в наст. времени (т.н. наст. предписания) в составе неопред.-личных предложений (они типичны, напр., для кулинарных рецептов: *«Из перца удаляют семена, творог протирают, перемешивают с брынзой, манной крупой и сметаной, затем добавляют ...»*), двусоставных конструкций (*наниматель отвечает за вред, причиненный нанятому имуществу...* — т.е. *должен отвечать*); в этом случае контекст является предписующим.

Лит.: Москальская О.И. Грамматика текста. — М., 1981; Кожина М.Н., Кыркунова Л.Г. О связи функц.-смысловых типов речи со спецификой функц. стилей // Слово в различных сферах речи. — Волгоград, 1988; Красильникова Е.В. Семантика и функции форм числа имен сущ. в разных типах речи // Грамматические исследования. Функц.-стилистический аспект. — М., 1989; Кожина М.Н. Стилистика рус. языка. — М., 1993; Ее же: Общие проблемы истории формирования науч. стиля как одной из функц. разновидностей рус. лит. языка // Очерки истории науч. стиля рус. лит. яз. ... — Пермь, 1994. Т. 1. Ч. 1; Кыркунова Л.Г. Смысловая структура оф.-дел. текстов соотносительно с жанром // Разновидности текста в функц.-стилевом аспекте. — Пермь, 1994; Протопопова О.В., Трошева Т.Б. Функц.-смысловые типы речи как критерий стилевой дифференциации научных и технических текстов // Очерки истории науч. стиля... — Пермь, 1998. Т. 2. Ч. 2.

Т.Б. Трошева

ПРЕДПИСУЮЩЕ-ДОЛЖЕНСТВУЮЩИЙ ХАРАКТЕР (деловой речи) — см. *Стилевые черты; Официально-деловой стиль.*

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ТЕКСТЫ — см. *Интертекстуальность.*

ПРИЕМ ОЖИВЛЕНИЯ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ СЛОВА — стилистическая фигура, заключающаяся в подчеркивании, выделении внутренней формы слова.

«От частого употребления слова стираются» (*С. Маршак*). «Чем привычнее для нас слово, тем меньше мы ощущаем его скрытую образ-

ность» (*Д.Н. Шмелев*). Оба высказывания — писателя и ученого — применимы к внутренней форме слова (В.Ф.С.), которая со временем может тускнеть, не так четко осознаваться, как в период возникновения слова. Поэтому художники слова прибегают к использованию П. о. В.Ф.С. — основного средства, выражающего его образность.

Одну из иллюстраций приема представляет стихотворение А. Исаакяна (в переводе А. Блока) «Ночью в саду у меня...»: *Ночью в саду у меня / Плачет плакучая ива. И безутешна она, / Ивушка, грустная ива. ...Раннее утро блеснет — / Нежная девушка-зорька / Ивушке, плачущей горько, / Слезы кудрями утрет.*

Оживление В.Ф.С. ***плакучая*** достигается за счет использования серии слов, мотивационно (***плачет, плачущий***) и тематически связанных (***безутешна, грустная, горько, слезы утрет***), которые объединяет ряд приемов — прием олицетворения (***ива плачет***; ***ивушка***, ***плачущая горько***; ивушка-***девушка***), прием плеоназма (***плачет плакучая***), дополненных выразительным ассонансом У-У-У..., имитирующим плач в каждой строке вышеприведенных строф. Благодаря использованию приема не только высвечивается В.Ф.С. ***плакучий*** в значении ‘имеющий длинные, свисающие ветви’, как бы возвращая его к первоначальному значению — ‘плачущий’, но и возникает дополнительный образ свисающих рук-ветвей «девушки-ивы». (Ср. контекст вне приема оживления В.Ф.С.: «*Из-за купы плакучих берез виднелась крутая крыша оранжереи*» — И. Тургенев).

Рассматриваемый прием может реализоваться посредством привлечения и других фигур речи, напр. приема перевернутой мотивации, особенность которого в инверсии мотивируемого и мотивирующего слов, напр., ***забыть о незабудках*** (*Сад, где газон зимы, / Забыл о незабудках* С. Кирсанов), ***солнца подсолнечников*** (*Я кружил в полях совхозных / — Полон воздуха был рот / — Солнц подсолнечника грозных / Прямо в очи оборот.* — О. Мандельштам), приема инотолкования В.Ф.С. (*Ах, доброе русское слово острог — и крепкое-то какое! И сколочено как! И все тут стянуто в шести звуках — и строгость, и острога, и острота... А рог? Да рог прямо торчит, выпирает! Прямо в нас направлен!* — А. Солженицын), приема индивидуально-авторской мотивации, или «поэтической этимологии» (*Г.О. Винокур*) (*Пролетают стрижи, словно небо стригут.* — М. Дудин) и некоторые др.

В поэтических текстах встречаются случаи последовательного, ступенчатого оживления В.Ф.С.: *За кустами ивняка / Рябинники уселись на рябинке. / У них на грудке капельки рябин, / Как будто рябь в озерной серой глади, / А дерево на солнце, как рубин, / В глазах рябит при тихом листопаде* (И. Флеров).

П. о. В.Ф.С. — один из активно привлекаемых художниками слова приемов, начиная с А. Пушкина. Прием играет важную роль и в эстетической, и в коммуникативной сферах языка, о чем справедливо писал Г.О. Винокур: «Смысл слова может быть понятен лишь до тех пор, пока жива, действенна его форма. Когда форма слова перестает ощущаться как таковая, не бьет по восприятию, то перестает доходить до сознания

смысл. Живое слово превращается в название, в этикетку. Это особенно ясно на примере поэзии».

Лит.: Винокур Г.О. Культура языка. — М., 1929; Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 1—2. — М., 1958; Блинова О.И. Явление мотивации слов: Лексикологический аспект. — Томск, 1984; Блинова О.И. Прием «оживления» внутренней формы слова // Проблемы лексикографии, мотивологии, дериватологии. — Томск, 1998; Голев Н.Д. Эстетическое функционирование внутренней формы слова // Культура и текст. Вып. 2. — Барнаул, 1998.

О.И. Блинова

ПРОЗАИЧЕСКАЯ СТРОФА — группа тесно взаимосвязанных по смыслу и синтаксически предложений, выражающая более полное, по сравнению с отдельным предложением, развитие мысли; одна из основных единиц речи. В логике прозаической строфе соответствует логическое единство.

В лингвистической литературе для обозначения этой единицы речи используют и другие термины: чаще других — «сложное синтаксическое целое», а также «сверхфразовое единство», «абзац», «компонент». Однако термин «сложное синтаксическое целое» подчеркивает синтаксическую природу этой единицы, оставляя в стороне ее смысловое единство. Кроме того, термином «сложное целое» некоторые ученые (*А.М. Пешковский*) обозначают сложное предложение. Термин же «прозаическая строфа» совмещает признаки смыслового и синтаксического единства.

Со стороны интонационной П. с. характеризуется ритмико-интонационным единством и сверхмерно удлиненными паузами на границах П. с.

Со стороны смысловой П. с. характеризуется единством мысли, высказывания, темы, что особенно остро ощущается в худож. литературе. Отдельное предложение, как правило, неполно, не закончено по смыслу. Полную, подлинную жизнь предложение приобретает в контексте, т.е. в П. с.

Тесному смысловому единству П. с. соответствует единство синтаксическое. Важнейшей характеристикой П. с. как синтаксической единицы является наличие специфических синтаксических связей между составляющими ее предложениями (цепные, параллельные, присоединительные). Важная черта грамматической организации П. с. — согласование (в широком смысле) форм времени, обусловливающее создание общей временной перспективы повествования или сообщения. Сказуемые в рамках П. с. имеют единый видовременной план, что способствует тесной связи предложений.

Представляя собой тесное семантико-синтаксическое единство, П. с. является в то же время и модальным единством. Предложения П. с. имеют, как правило, единую субъективно-модальную окраску, и любое изменение модального «тона» сказывается на ее структуре. В качестве средств выражения субъективной модальности (для оформления переходов, начала, конца мысли и т.д.) используются личные местоимения (*я, мы*), личные глагольные формы, модальные слова, частицы и др.

Будучи одной из крупных структурно-семантических единиц, на которые членится речь, П. с. имеет определенную композицию. Входящие в нее предложения играют неодинаковую роль. Наибольшей самостоятельностью, относительно большей свободой своего строения характеризуется первое предложение П. с. — зачин, для которого используются специальные синтаксические средства, оформляющие момент начала мысли. Другие предложения П. с. менее самостоятельны в структурном и смысловом отношении и зависят синтаксически от зачина, который является организующим центром строфы. Помимо зачина и средней части П. с. часто имеет выраженную концовку, для оформления которой также используются специальные синтаксические средства. Таким образом, П. с. имеет, как правило, следующую композицию: зачин, содержащий начало мысли, формирующий ее тему; средняя часть — развитие мысли, темы; концовка — своеобразная синтаксическая (композиционная) точка, подводящая итог микротеме П. с. и подчеркивающая это не только в смысловом, но и в синтаксическом отношении.

Описанная композиция П. с. — характерная, типовая, но не обязательная. В зависимости от структуры целого произведения или его фрагмента возможны П. с. без зачина, без концовки, строфы-предложения. Композиционно-тематическое многообразие П. с. определяется задачами, содержанием текста. Однако это многообразие основывается на типовом, идеальном виде П. с., состоящей из зачина, средней части и концовки.

Следует различать два плана членения П. с. — композиционно-тематический, дающий как бы внешний контур П. с., ее абрис, и синтаксический — способы связи между предложениями, составляющими П. с. Синтаксическое членение — внутренний план строения П. с. Полная характеристика П. с. складывается из анализа ее в этих двух планах.

В зависимости от синтаксического строения П. с. подразделяются на цепные П. с., классифицируемые по типу зачинов, параллельные (повествовательные, описательные, анафорические), а также особые структурные типы П. с. (П. с. с единым субъектом, П. с., строящиеся по модели зачина, кольцевые П. с.).

П. с. в отличие от предложения, имеет гибкую структуру. П. с. не является воспроизводимой единицей жесткого строения (воспроизводимы лишь грамматические образцы, модели соединения предложений). П. с. задает программу, характер, схему развертывания мысли, способ изложения. Конкретные же варианты воплощения этих схем отличаются многообразием как в синтаксическом, так и в композиционном отношении. Строя предложение, говорящий (пишущий) выбирает одну из моделей, наиболее подходящую для выражения мысли, но он не может изменить модель предложения (структурную схему), жестко заданную языком. При построении П. с. степень свободы возрастает, но она также не беспредельна. Она достаточно велика при выборе первого предложения (выбор определяется общим замыслом, предполагаемым характером движения мысли) и постепенно сужается к концу П. с., т.к. предшествующие пред-

ложения с большой силой принудительно диктуют то или иное продолжение или завершение мысли.

Большое значение имеет П. с. для стилистики, для выявления худож. манеры писателя. Своеобразие слога не столько проявляется в строении предложения, сколько в строении П. с., в связях между ее элементами — предложениями. В худож. литературе, в публицистике не предложение, а П. с. является, как правило, наименьшим худож. целым, единицей слога. У каждого большого писателя существует более или менее постоянный (хотя бы для отдельного периода или произведения) тип П. с., тип организации большого контекста, тесно связанный с его худож. методом, способом познания и видения действительности. Весьма велика роль П. с. и в других стилях.

Лит.: Поспелов Н.С. Сложное синтаксическое целое и основные особенности его структуры, Докл. и сообщения Ин-та рус. яз. АН СССР. — М., 1948. Вып. 2; Его же: Синтаксический строй стихотворных произведений Пушкина. — М., 1960; Булаховский Л.А. Курс русского литературного языка. Т. 1. — Киев, 1952; Сильман Т.И. Проблемы синтаксической стилистики (на материале немецкой прозы). — Л., 1967; Лосева Л.М. Порядок слов как средство организации текстов монологической речи. — Одесса, 1969; Синтаксис текста. — М., 1979; Одинцов В.В. Стилистика текста. — М., 1980; Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М., 1981; Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика (сложное синтаксическое целое). — М., 1992.

Г.Я. Солганик

ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫЙ (фонетический, орфоэпический) **СТИЛЬ** — категория устной формы речи, научное изучение которой в отечественной русистике начинается в XX в. и связано с именем Л.В. Щербы. П. с. — это выделяемые в системе литературного произношения соотносительные варианты фонетического выражения, противопоставление которых осуществляется за счет определенного набора признаков. Совокупности таких признаков и конституируют стиль в фонетике. Системы П. с. и содержание стиля, их соотношение и весомость в общей стилистической картине, состояние стилистических границ и закономерности использования стиля в разные эпохи существования одного языка различны. Напр., на этапе становления нового рус. лит. языка в области фонетической дифференциации возможными оказались только два стиля — высокий и простой (орфоэпические рекомендации М.В. Ломоносова обсуждаются в «Российской грамматике» 1757 г.). Нормы высокого стиля (оканье, наличие особой фонемы *ять*, сохранение ударного *е* перед твердым согласным, произношение фрикативного *г* и т.п.), совпадающие с церковным чтением, использовались лишь в словах церковно-славянского происхождения, нормы простого стиля (аканье, переход ударного *е* в *о*, реализация *г* как взрывного и т.п.), соответствующие разгов. произношению, — в словах собственно русских. Если слово употреблялось и в церковно-славянском, и в рус. языках, его произношение зависело от кон-

текста. Таким образом, фонетические признаки не были предметом особого выбора и определялись происхождением слова, при этом каждый из двух стилей признавался законным лишь в своей специфической области и был «прикреплен» к строго определенным жанрам, что делало соотношение П.с. эквиполентным.

Лит. языку современности также свойственны разные П. с., однако их состав и номенклатура могут представляться по-разному. Применительно к совр. рус. языку одни ученые считают систему П. с. трехчленной, другие выделяют лишь два основных типа соотносительных форм: Р.И. Аванесов, М.В. Панов (публикации 60-х гг.), Н.К. Пирогова, Л.Л. Касаткин и др. различают высокий/нейтральный/разгов. стили, Л.В. Щерба — полный/разгов. стили, Г.О. Винокур — два варианта образцового произношения — более строгое и менее строгое, М.В. Панов (работы конца 60—90-х гг.), Е.А. Земская, Н.Н. Розанова и др. — кодифицированный лит. язык и разгов. язык и др. Несмотря на несходство существующих классификаций, в каждой из них центральное положение занимают нейтральные произносительные единицы. Основными показателями П. с. служат средства сегментного уровня, т.е. каждый стиль находит свое выражение прежде всего в особом характере позиционного варьирования фонем и/или фонемных чередований (в настоящее время фонемные чередования потеряли свое значение критерия высокого стиля). Многие явления произносительной системы универсальны, поэтому нормы нейтрального стиля не всегда находят соответствия в других стилях. Набор признаков, составляющих содержание нейтрального стиля, обычно отражает орфоэпический status quo, получая отражение как в учебниках и грамматиках, так и словарных описаниях; он же является и тем фоном, на котором проявляются особенности окрашенных стилей. Так, высокий стиль характеризуется уменьшением числа фонем, вступающих в нейтрализацию, и числа позиций, допускающих нейтрализации, отсутствием нулевой репрезентация фонем и т.п. В разгов. стиле, напротив, противопоставленность фонем ослаблена, набор представляющих фонему звуков увеличен (ординарна и нулевая реализация), сочетаемость звуковых единиц более свободная, одно и то же слово может приобретать различный облик. Окрашенные стили, кроме того, имеют различия и на уровне восприятия: формальные показатели высокого стиля в той или иной степени осознаются, приметы же разгов. стиля нередко остаются неосознанными. При этом стилистический статус отдельных фонетических фактов со временем может претерпевать изменения. Так, черты старомосковского произношения в настоящее время уже не ассоциируются с нейтральной зоной, продолжая свое существование либо в качестве признаков высокого стиля (эканье), либо примет нелитературного произношения (многие случаи ассимилятивного смягчения согласных). Некоторые произносительные особенности (иканье или ослабленное ассимилятивное смягчение согласных), напротив, потеряв значение окрашенных единиц, становятся сегодня показателями нейтрального стиля, что делает границы между П. с. в XX в. достаточно сложными и тонкими.

Существуют разные мнения относительно принципов употребления сосуществующих П. с. При одном подходе разработка данной проблемы связывается с «поиском» и описанием основных сфер их применения и в конечном итоге с анализом характера этого взаимодействия; при другом подходе первоочередное внимание уделяется решению вопроса, связанного с определением «тех смыслов», которые передаются с помощью подобного рода разграничений. В первом случае акцентируется, что П. с. не являются фонетическими эквивалентами функц. разновидностей языка и что выбор того или иного П. с. представляет собой сложный и многоаспектный процесс. Во втором случае подчеркивается, что «основное значение стилистических различий надо видеть в том, что сама речь может оцениваться как важная, существенная для всех (или многих) или, наоборот, как имеющая значение только ограниченное: здесь, сейчас, для присутствующих» (*М.В. Панов*). Вместе с тем, отмечая «отмирание» высокого стиля и актуализацию разгов. произносительных форм, обнаруживающую себя в том, что «разговорные единицы превращаются из вкраплений, которые окрашивают текст, состоящий из нейтральных единиц, в господствующий, основной тон, в самостоятельное, самодостаточное средство общения» (*М.В. Пано*в), сторонники этой точки зрения утверждают, что разгов. особенности образуют уже не один из П. с., но особую самостоятельную разновидность устной литературной речи — разгов. речь, параллельную кодифицированному литературному языку. Это влечет за собой перестройку стилистических отношений и возникновение в произношении нового разграничения — К.Л.Я./РР: РР обслуживает сферу неофициального, неподготовленного, личного общения, «К.Л.Я. в этом отношении нейтрален: на нем можно говорить всегда» (*М.В. Панов*). Несмотря на различия в членении произношения и в объяснении характера реализации соответствующих единиц, принципиально важным оказывается то, что отношения между сосуществующими вариантами фонетического выражения оказываются привативными: нейтральный стиль или К.Л.Я. лишены функциональной спецификации и, таким образом, могут употребляться повсеместно; высокий/разгов. стиль или РР, напротив, имеют ограничения в своем использовании. Нередко в числе П. с. называется и просторечный стиль. Однако включение их в один понятийный ряд нельзя признать правомерным, поскольку просторечные формы (напр., *поло́жить*, *колидор*, *жись* и т.п.) противопоставлены лит. языку в целом и имеют иную природу (просторечная фонетика — это не имеющая системного характера совокупность особенностей, обнаруживающая себя в речи носителей просторечия), чем стилистические разграничения.

Лит.: Чернышов В.И. Заметки о делении слов в русском произношении, Известия ОРЯС, 1911, кн. 2; Аванесов Р.И. Русское литературное произношение. 1—6 изд. — М., 1950—1984; Щерба Л.В. О разных стилях произношения и об идеальном фонетическом составе слов // Избранные работы по русскому языку. — М., 1957; Его же: Фонетика французского языка. — М., 1963; Его же: Теория русского письма. — Л., 1983; Трубецкой Н.С. Основы фонологии. — М., 1960; Панов М.В.

О стилях произношения (в связи с общими проблемами стилистики) // Развитие современного русского языка / Под общей ред. С.И. Ожегова и М.В. Панова. — М., 1963; Его же: Русская фонетика. — М., 1967; Его же: Стилистические изменения в фонетике // Фонетика современного русского литературного языка. Социолого-лингвистическое исследование / Под ред. М.В. Панова. — М., 1968, гл. 8; Бернштейн С.И. Словарь фонетических терминов. — М., 1966; Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. — М., 1966; Поливанов Е.Д. О фонетических признаках социально-групповых диалектов и, в частности, русского стандартного языка. Фонетика интеллигентского языка // Статьи по общему языкознанию. — М., 1968; Бондарко Л.В. и др. Стили произношения и типы произнесения. — ВЯ. — 1974. — № 2; Пирогова Н.К. Об орфоэпических стилях и их эволюции в русском языке // Славянская филология. Вып. XI / Под ред. К.В. Горшковой и А.Г. Широковой. — М., 1979; Ее же. Н.С. Трубецкой и фонетическаяя стилистика // Вестник Московского ун-та. — Сер. 9. Филология. — 1992. — 1; Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX веков. — М., 1982; История русского литературного произношения XVIII—XX вв. — М., 1990; Успенский Б.А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI—XIX вв.). — М., 1994; Борунова С.Н., Воронцова В.Л., Еськова Н.А. Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы / Под ред. Р.И. Аванесова. — М., 1997; Агеенко Ф.Л., Зарва М.В. Словарь ударений русского языка / Под ред. М.А. Штудинера. — М., 2000; см. также лит. к статье *Фонетика функциональных стилей*.

И.А. Вещикова

ПРЯМАЯ РЕЧЬ (от лат. oratio recta) — один из способов передачи *чужой речи* (см.) — воспроизводимая дословно речь какого-либо лица, оформленная как относительно самостоятельное предложение и вводимая в текст словами другого лица — автора этого текста, так называемыми авторским словами, комментирующими ситуацию. Напр.: «***Вот граница! —*** *сказал Ноздрев.* — ***Все, что не видишь по эту сторону, все это мое, и даже по ту сторону, весь этот лес, который вон синеет, и все, что за лесом, все мое»*** (Н. Гоголь).

Употребление П. р. — свидетельство достоверности, подлинности приводимого чужого высказывания, и, кроме того, она косвенно передает уважение к источнику информации и сказанному им.

С точки зрения структуры, П. р. представляет собой простые и сложные, полные и неполные, одно- и двусоставные предложения. Грамматические элементы в составе конструкций с прямой речью специфичны для разговорного стиля: обращения, форма повелительного наклонения глагола, междометия, частицы, личные местоимения, лексические и морфологические диалектизмы и проч. Напр.: ***«Весна близко****! — говорил один приятель другому, стараясь взять его под руку.* — ***Пакостница эта весна! Грязь везде, нездоровье, расходов много... Дачу нанимай, то да се... Ты, Павел Иваныч, провинциал и не поймешь этого... Тебе не понять. У вас в провинции, как выразился однажды какой-то писатель, благодушие одно только... Ни горя, ни печалей. Едите, пьете, спите и никаких вопросов не знаете... Не то, что мы... Подмерзать начало... замечаешь? Впрочем, и у***

вас не без горя... И у вас своя печаль. Хе-хе-хе. Теперь у вас, провинциалов, начинает кровь играть... страсти бушуют. Мы, столичные — люди каменные, ледяные, нет в нас пламени, и страстей мы не знаем, а вы вулканы, везувии! Пш! пш! Дышит! Хе-хе-хе... Ой, обожгусь! А признайся-ка, Павел Иваныч, сильно кровь играет?» (А. Чехов).

Таким способом может воспроизводиться и внутренняя речь кого-либо, напр., персонажа в лит. тексте: ***«И куда все это делось***, *— вздохнул Ганин.* — ***Где теперь это счастье и солнце, эти рюхи, которые так славно звякали и скакали, мой велосипед с низким рулем и большой передачей? ...По какому-то там закону ничто не теряется, материю истребить нельзя, значит, где-то существуют и по сей час щепки от моих рюх и спицы от велосипеда. Да вот беда в том, что не соберешь их опять, — никогда. Я читал о «вечном возвращении»... А что если этот сложный пасьянс никогда не выйдет во второй раз?»*** (В. Набоков).

В форме чужой может представляться речь не другого лица, а своя собственная: ***«Как это скучно!»*** *— воскликнул я невольно* (М. Лермонтов).

Вводящие П. р. авторские слова могут предшествовать ей, вклиниваться в нее или следовать за ней, напр.: ***Он вздохнул и сказал, пустивши кверху трубочный дым:*** *«На все нужно родиться счастливцем, Павел Иванович»; «Андрей Иванович, помилуйте!* — ***сказал он, взявши его за обе руки***. — *Какое ж оскорбление? что ж тут оскорбительного в слове ты?»; «Какой, однако же, чудак этот Тентетников!»* — ***думал между тем Чичиков*** (Н. Гоголь).

П. р. может находиться внутри авторских слов: *Когда товарищ прокурор сумел доказать, что Шельмецов виновен и не заслуживает снисхождения; когда он уяснил, убедил и сказал:* ***«Я кончил»***, *— поднялся защитник* (А. Чехов).

Иногда П. р. вводится в текст в качестве элементов подлинного выражения, напр.: *Предположение дневального, что* ***«взводный нажрался и дрыхнет где-то в избе»***, *все больше собирало сторонников* (А. Фадеев).

Выбор слов, вводящих П. р., очень важен. Как правило, для этого используются глаголы речи и мысли (*сказал, заметил, отметил, подумал*), эмоции и чувства (*удивился, обрадовался, возмутился, увлекся*), действия (*оборотился, привстал, подскочил*), глаголы, обозначающие мимику и жесты (*улыбнулся, нахмурился, кивнул*). Напр.: *«Я считаю «Темные аллеи» лучшим, что я написал,* — ***заявлял*** *он* ***запальчиво***, *— а они, идиоты, считают, что это порнография и к тому же старческое бессильное сладострастие. Не понимают, фарисеи, что это новое слово в искусстве, новый подход к жизни!»* (И. Одоевцева).

Авторские слова не только указывают на сам факт чужой речи, но и содержат ее оценку, отношение к ней автора, характеристику говорящего, т.е. являются важным экспрессивным, выразительным средством.

Конструкцию с П. р. не следует путать с репликой диалога, которая также является передачей прямого, дословного высказывания, но не вводится авторскими словами.

М. Бахтин отмечает наличие множества модификаций прямой речи в лит. языке, таких, как подготовленная П. р. (возникновение пря-

мой речи из косвенной или несобственно прямой; классическим образцом этой модификации М. Бахтин называет изображение состояния князя Мышкина перед эпилептическим припадком в «Идиоте» Достоевского); овеществленная прямая речь (авторский контекст строится так, что характеристики героя, данные ему автором, «бросают густые тени на его прямую речь». Такова, как правило, прямая речь у Гоголя и представителей так называемой «натуральной школы»); предвосхищенная, рассеянная и скрытая П. р. (предвосхищение чужой речи рассказом ее темы, оценок и акцентов. Запрятанная в авторском контексте чужая речь как бы прорывается в действительном прямом высказывании. По мнению Бахтина, эта модификация очень распространена в современной прозе — у А. Белого, И. Эренбурга и др.); риторическая П. р. (риторические вопросы, восклицания и др.); замещенная П. р. (это говорение за другого, очень близкое к несобственно-прямой речи, при котором авторская речь сливается с чужой речью).

Лит.: Кодухов В.И. Прямая и косвенная речь. — Л., 1957; Кулагин А.Ф. Конструкции с прямой речью и сложное предложение. — РЯШ. — 1969. — № 1; Блинов Г.И. Изучение способов передачи чужой речи. — РЯШ. — 1974. — № 2; Ширяев Е.Н. Прямая речь // Русский язык. Энциклопедия. — М., 1979; Коньков В.И. Прямая речь и цитата в художественном тексте. — Русская речь. — 1980, № 4; Кручинина И.М. Прямая речь // Лингвистич. энциклопедич. словарь. — М., 1990; Бахтин М.М. Косвенная речь, прямая речь и их модификации // Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. — М., 2000.

О.Н. Емельянова

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ СТИЛЬ (газетно-публицистический, газетный, политический, газетно-журнальный) — один из функц. стилей, обслуживающий широкую область общественных отношений: политических, экономических, культурных, спортивных и др. П. с. используется в политической литературе, его представляют средства массовой информации (СМИ) — газеты, журналы, радио, телевидение, документальное кино. В качестве синонимов термина П. с. употребляются приведенные в заголовке наименования: наиболее распространенное газетно-публицистический характеризует наличие в П. с. двух подстилей — газетно-информационного и собственно публицистического; газетный и газетно-журнальный выделяют главную сферу применения П. с. — периодическую печать в указанной сфере общения; политический подчеркивает важную роль политического аспекта в подходе к действительности.

Тематический диапазон П. с. практически неограничен: политика, идеология, философия, экономика, культура, спорт, повседневный быт, текущие события (не случайно публицистику называют «летописью современности»), рассматриваемые, однако, сквозь призму определенных политико-идеологических установок.

Главные задачи П. с. — сообщение новостей и их комментирование, оценка фактов и событий. П. с. реализует две функции языка — воздей-

ствующую и информативную. Взаимодействие этих функций и составляет языковую специфику П. с. Информативная функция ведет к формированию нейтрального слоя словаря, речевых стандартов, строевой лексики, необходимой для словесного оформления сообщений. Воздействующая функция обусловливает наличие и формирование оценочной лексики — прежде всего концептуальной, т.е. идеологической, общественно-политической (концептуальные слова, как правило, оценочны). Это наиболее важный разряд П. с., ключевые слова, характеризующие социально-политическую направленность газетно-публиц. текста. Воздействующая функция формирует и большой разряд оценочной (неконцептуальной) лексики.

Благодаря взаимодействию информативной и воздействующей функций, а также в результате условий создания газетного текста (оперативность) последнему свойственно сочетание экспрессии и стандарта (*В.Г. Костомаров*), поиски новых, необычных выразительных средств, переходящих нередко в стандарт, штамп.

Таким образом, организацию языковых средств П. с. определяют его главные функции — информативная и воздействующая. Использование языковых средств обусловливается во многом их социально-оценочными качествами и возможностями с точки зрения эффективного воздействия на аудиторию. Материалом для формирования газетно-публиц. лексики выступает вся общелитературная лексика. В результате газетно-публиц. специализации разнородная по составу, тематике, языковым качествам общелитературная лексика трансформируется в единые, однородные функционально и стилистически разряды публиц. (газетной) лексики. Напр., основной путь формирования публиц. лексики из специальной — переносное ее использование, сопровождаемое развитием в ней социально-оценочной окраски (*сцена, арена, агония, артерия, раковая опухоль*).

Социальная оценочность — одна из главных особенностей языка газеты (публицистики), нуждающейся не только в номинации явлений, фактов, событий, но и в их социальной оценке, интерпретации. Социальная оценочность определяет главные языковые процессы, происходящие в недрах П. с. Так, для периода 70—80-х гг. XX в. было характерно обусловленное идеологическими причинами резкое разграничение языковых средств на позитивно- и негативно-оценочные (ср., с одной стороны, *веха, форум, свершения* и, с другой — *злодеяния, клика, клеймить*). В 90-е годы действие социальной оценочности сохраняется, но она принимает более тонкие формы: исчезает резкое разделение языковых средств на положительные и отрицательные, многие слова меняют знак оценки на противоположный (*бизнес, бизнесмен, ВПК*) или нейтрализуются (*элита*). Широкое распространение получает ирония как средство непрямой оценки, позволяющая в условиях отсутствия в обществе четких идеологических ориентиров избегать выражения собственных позиций.

Действие социальной оценочности проявляется и на уровне речи, прежде всего в ее структуре. Специфика публиц. речи определяется во

многом характером публиц. субъекта — автора. В отличие от худож. литературы автор публиц. текста — конкретная личность, подлинный, реальный, «частный» человек. Отсюда документальность, эмоциональность, субъективность публиц. речи. Другая сторона личности автора публиц. текста — человек социальный, что обусловливает социально-политический, социально-оценочный подход к явлениям действительности, т.е. широкое привлечение приемов риторики, теории аргументации, полемики, методов социального, политического анализа и т.д. Взаимодействие двух сторон категории автора публиц. произведения (человек частный — человек социальный) определяет широкий спектр публиц. произведений — от сдержанных, трезво-аналитических до эмоциональных, личностных, пристрастных. Последнее особенно характерно для современной газеты; автор же советской газеты до середины 80-х гг. выступал как обобщенное лицо, как рупор партии и издающего органа.

Таким образом, структура понятия «автор» определяет во многом стиль публицистики того или иного периода. Так, авторское «я» в современной публицистике приобретает черты мягкости, человечности, раскованности. Автор не человек, вершащий суд, расставляющий безапелляционные оценки, но размышляющий, наблюдающий, выражающий свои чувства и мысли. Авторское «я» стало богаче, разнообразнее, конкретнее, сменив прежнее безликое, обобщенное и унифицированное «мы». Изменились и взаимоотношения автора и читателей: речь из преимущественно однонаправленной становится более диалогичной (отсюда увеличение доли интервью).

С точки зрения структуры, публиц. речь однослойна в отличие от художественной. Она представлена авторским монологом, оживляемым диалогами и редкими вкраплениями несобственно-прямой речи (в очерке, фельетоне, репортаже). Однако однослойность публицистической речи не недостаток, но признак ее специфики, силы и выразительности. Она позволяет прямо, открыто, эмоционально выразить чувства и мысли. К этому средству нередко прибегают и писатели, когда испытывают необходимость в непосредственном обращении к читателю (публиц. отступления). В документальности (подлинности), персонализованности (личностности и эмоциональности) и заключается специфика и выразительность публиц. речи.

Структура авторского «я» формирует и систему жанров, в которых реализуется П. с. Обычно выделяют информационные жанры (хроника, информационная заметка, интервью, репортаж), аналитические жанры (статья, корреспонденция), худож.-публиц. жанры (очерк, фельетон, памфлет, эссе, рецензия).

Естественная форма бытования П. с. — письменная. Но он реализуется и в устной форме — доклады, речи, выступления на собраниях, митингах, в государственных и общественных организациях и т.д.

П. с. занимает ведущее место в стилистической структуре рус. литер. языка. По силе и масштабу влияния на развитие лит. языка, формирования языковых вкусов, речевых норм он превосходит худож. речь. Особен-

но велика роль в этих процессах СМИ. Многие новые средства лит. выражения рождаются и проходят апробацию сначала в П. с. Однако следует иметь в виду и возможность отрицательного влияния СМИ на лит. язык (злоупотребление заимствованиями, жаргонами, вульгаризмами, нарушение языковых норм и т.д.).

Лит.: Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. — М., 1971; Его же: Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой массмедия. — М., 1994; Рогова К.А. Синтаксические особенности публицистической речи. — Л., 1975; Светана С.В. Телевизионная речь. — М., 1976; Вакуров В.Н., Кохтев Н.Н., Солганик Г.Я. Стилистика газетных жанров. — М., 1978; Язык и стиль средств массовой информации и пропаганды / Под ред. Д.Э. Розенталя. — М., 1980; Его же: Современная публицистическая картина мира // Публицистика и информация в современном обществе. — М., 2000; Лысакова И.П. Язык газеты: социолингвистический аспект. — Л., 1981; Ее же: Тип газеты и стиль публикации. Опыт социолингвистического исследования. — Л., 1989; Солганик Г.Я. Лексика газеты. Функциональный аспект. — М., 1981; Васильева А.Н. Газетно-публицистический стиль речи. — М., 1982; Майданова Л.М. Структура и композиция газетного текста. — Екатеринбург, 1987; Стилистика русского языка. Жанрово-коммуникативный аспект стилистики теста / Под ред. А. Н. Кожина. — М., 1987; Лаптева О.А. Живая русская речь с телеэкрана. — Сегед, 1990; Аргументация в публицистическом тексте. — Свердловск, 1992; Вещикова И.А. Публицистический стиль как единица в системе функциональных разновидностей языка. — Вестник Моск. ун-та. Сер. IX. Филология. — 1992. — № 1; Кайда Л.Г. Авторская позиция в публицистике: Автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. — М., 1992; Какорина Е.В. Стилистические изменения в языке газеты новейшего времени: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1992; Кожина М.Н. Стилистика русского языка. — 3-е изд. — М., 1993; Кожина М.Н., Дускаева Л.Р. Лингвостилистические изменения в русской газете последнего десятилетия, «Stylistyka-II». — Opole, 1993; Лазарева Э.А. Системно-стилистические характеристики газеты. — Екатеринбург, 1993; Дускаева Л.Р. Диалогичность газетных текстов 1980—1990-х гг.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук, 1994; Русский язык / Под ред. E. Širjaev. — Opole, 1997; Виноградова В.Н. О некоторых изменениях в стилистике русского языка, «Stylistyka-VII». — Opole, 1998.

Г.Я. Солганик

Р

РАЗВЕРНУТЫЕ ВАРИАТИВНЫЕ ПОВТОРЫ (РВП) — смысловые единицы научного текста различной протяженности (от словосочетания до нескольких абзацев), дословно или с перефразировкой повторяющие высказанное ранее в тексте положение и содержащие в своей структуре элементы нового знания, т.е. некоторое развитие темы (содержания) произведения. Это коммуникативные единицы, способствующие развертыванию целого научного произведения, точнее — выражению динамики старого и нового знания; это средство реализации коммуникативной функции языка (именно в научной сфере) и «спиралевидности» научного познания. Они специфичны для научного стиля речи, поскольку обращение к ним автора научного произведения обусловлено учетом психологии восприятия научного текста, необходимостью преодоления психологического барьера при понимании нового знания и стремлением добиться адекватного понимания текста читателем. Не случайно употребление РВП связано с акцентированием авторской концепции, т.е. нового знания.

РВП — это к о м м у н и к а т и в н ы е единицы, и их существование в научном тексте обусловлено целым комплексом экстралингвистических факторов: закономерностями научного познания и мышления, логикой развития научной мысли, психологическими закономерностями научной коммуникации, а также глубокой диалогичностью речи в рамках научного письменного общения.

Тем самым РВП принципиально отличаются от традиционных повторов, под которыми в лингвистике подразумеваются прежде всего лексические единицы, представляющие собой тавтологическое (синонимическое) воспроизведение и выполняющие в основном функцию связи (средства связности). РВП — это совершенно иные единицы не только по своему лексическому составу и синтаксической организации, но они имеют и свою собственную смысловую структуру, соотнесенную со смысловой структурой целого текста. Это единицы не языковые, а речевые (текстовые): они формируются и существуют только в конкретном тексте и выполняют в его рамках текстообразующую функцию. Кроме того, они концептуально маркированы, поскольку несут на себе нагрузку основного смысла целого произведения и выражают в нем (несмотря на то что они повторы) именно н о в о е знание.

Выполняя в тексте функцию повторения, РВП не являются самостоятельными единицами и всегда зависят от тех высказываний (или основных высказываний — ОВ), которые воспроизводят. Как производное от ОВ, РВП всегда постпозитивны по отношению к ним.

Структурная природа РВП разнообразна и в целом представлена единицами двух уровней: синтаксического (синтаксические конструкции) и текстового (текстовые единицы). РВП синтаксического уровня — это повторы, выраженные сложными словосочетаниями, простыми и сложными предложениями. РВП текстового уровня обычно выражены либо сложными синтаксическими целыми (ССЦ), либо единством нескольких ССЦ, объединенных на основе смысла (РВП-фрагменты).

Текстовые РВП представляют собой наиболее сложные единицы в смысловом и структурном отношениях, поскольку характеризуются структурной членимостью и всегда — многозначностью. При этом семантическая организация РВП-фрагмента имеет как минимум три уровня градации: 1) уровень общей семантики (т.е. семантики соотношения РВП-фрагмента с его ОВ); 2) семантики соотношения структурных частей фрагмента (т.е. ССЦ, входящих в его состав); 3) семантики соотношения структурных частей ССЦ (т.е. предложений, составляющих ССЦ). За счет частных повторов внутри отдельных ССЦ количество семантических уровней в РВП-фрагменте может увеличиваться.

РВП являются функционально маркированными текстовыми единицами, поскольку, вплетаясь в окружающий их конкретный контекст, выполняют в нем какую-либо смысловую функцию. Это: 1) *обобщение содержания* ОВ; 2) его *конкретизация*; 3) *пояснение*; 4) *уточнение*; 5) его *акцентирование*; кроме того, 6) *ретроспекция* и 7) *проспекция*. Все перечисленные функции РВП объединены в целом тексте наиболее общей *текстообразующей* функцией (применительно к вербальному развитию мысли, концепции и развертыванию текста, т.е. текстообразованию), хотя сама по себе эта функция не собственно смысловая.

Употребление РВП в тексте может сопровождаться их формальным выделением, или введением их в окружающий контекст с помощью специальных языковых «сигналов» (отмеченные РВП), или отсутствием такого введения (неотмеченные РВП). При этом для каждой функции существует свой набор «сигналов», Так, обобщающие РВП вводятся в текст следующими средствами: вводными словами *итак, словом,* вводными словосочетаниями *одним словом, таким образом,* конструкциями связи *обобщая, можно сделать вывод, что; в заключении скажем, что; подводя итог, скажем (повторим, еще раз отметим), что* и т.п.; конкретизирующие РВП — вводными словами *так, например, действительно, сравните, сравним, в частности*; вводными словосочетаниями *в самом деле, по мнению Х, по выражению Х. По замечанию Х* и т.п.; конструкциями *судите сами; сравните сами; Х об этом писал следующее; говоря об этом, Х писал; как писал Х* и т.п.; поясняющие РВП — пояснительными союзами *то есть, а именно, именно, или;* вводными словами

иначе, значит, следовательно; вводными словосочетаниями *другими словами, иначе говоря, иными словами;* конструкциями связи *это означает, что; отсюда следует, что; это свидетельствует о том, что* и т.п.; уточняющие РВП — пояснительными союзами *а именно, именно, или* с семантикой уточнения в контексте данных повторов; вводным словом *в частности;* наречием *точнее,* а также сочетанием *имеется в виду;* акцентирующие РВП — конструкциями *необходимо еще раз подчеркнуть; подчеркнем, что; важно отметить, что; необходимо отметить, что; мы должны понимать, что; подчеркнем еще раз, что* и т.п.; ретроспективные РВП — конструкциями связи и безличными предложениями *как мы видели; как уже было сказано; как мы указывали раньше; как мы видели выше; как уже было отмечено; как было показано в предыдущем разделе; как мы знаем; о чем уже многократно говорилось; мы уже отметили, что; что уже было нами отмечено; что было подчеркнуто в...главе* и т.п.; проспективные РВП — конструкциями связи *ниже будет показано, что; ниже мы увидим, что; об этом подробнее ниже; в последующем изложении мы рассмотрим эти вопросы более обстоятельно; этому вопросу мы уделим особое место* и т.п.

По своей природе РВП глубоко противоречивая единица. С одной стороны, повтор чаще всего *качественно* преобразует ОВ, т.е. полностью или частично изменяет его семантику, его лексическую и синтаксическую структуру. Качественные же изменения ОВ приводят (но не всегда!) к его структурному обновлению в рамках РВП: в смысловой структуре повтора наряду с повторяющимся (старым) содержанием появляется новое, еще неизвестное читателю из данного текста. С другой стороны, в научном тексте происходит в основном повторение наиболее важных, в том числе *концептуально значимых* моментов содержания. Благодаря этому авторская научная концепция, во-первых, получает возможность адекватного выражения в тексте, а во-вторых, она закрепляется и оттачивается в структуре воспринимающей мыслительной деятельности реципиента. Указанные качества РВП в конечном счете способствуют развитию содержания научного текста, развертыванию авторской концепции в целостное произведение.

РВП, кроме того, в целом произведении выполняют функцию текстообразующего механизма: с их помощью происходит постепенное и незаметное для читателя чередование старого (коммуникативно и концептуально) и нового (коммуникативно и концептуально) знания. Так, посредством опоры на коммуникативно старое как известное и понятное для читателя автор поэтапно («по частицам») добавляет в общий объем содержания текста новое, в т.ч. концептуальное знание. Т.о., процесс развертывания целого текста идет во многом как постепенное приращение новой информации и ее чередования с известным уже знанием. При этом сам повтор уже не может быть рассмотрен как остановка движения мысли, как «топтание на месте» в общей динамике вербализации авторской концепции.

Так, например, в своей монографии «Семантика акцентного выделения» (М., 1982) Т.М. Николаева концептуально значимую мысль (но-

вое знание) о том, что высказывания с акцентным выделением (АВ) «меняют картину описываемого мира» повторяет двадцать восемь раз. Ср.: ОВ— «*Оказывается, что наличие и/или место такого выделения меняет картину описываемого мира, даже и не включаемого в очевидной форме в текст, где располагается АВ*» (с. 3); РВП[1]— «Как представляется, требуемые рамки могут быть наложены именно исходя из *специфики АВ как коммуникативного явления. А именно... АВ создает вокруг высказывания, в которое оно входит, определенный коммуникативно-текстовый и достаточно объективный для данного социума ореол*» (с. 5); РВП[2]— «*Ее я никогда не понимала (а других — да); Сегодня не так холодно (до сегодняшнего дня было холодно и т.п.)*» (с. 5); РВП[3]— «Мы говорили о двух отличиях высказываний с АВ от высказываний с нейтральным фразовым ударением: ...*и созданием вокруг высказывания особой текстово-коммуникативной ауры*» (с. 8); РВП[4]— «*Иначе говоря, для высказывания с АВ конструируется контекст*» (с. 14) и так далее по всему тексту.

Даже отсутствие в некоторых повторах элемента новизны отнюдь не свидетельствует об отсутствии у них текстообразующей функции. Такие повторы, как и РВП с приращением смысла, также акцентируют внимание читателя на наиболее важных смысловых и концептуальных моментах в каждом конкретном месте содержания целого текста, чем способствуют формированию наиболее адекватного понимания последнего читателем. А это, в свою очередь, обусловливает возможность успешного (т.е. логически стройного и семантически понятного реципиенту) перехода в авторских рассуждениях от одной темы к другой, от подтемы к подтеме и т.д. Таким образом, отсутствие нового содержания в РВП, т.е. отсутствие дополнительного (по сравнению с ОВ) элемента в его смысловой структуре, только на первый взгляд может показаться моментом некоторого застоя в процессе развертывания текста. На самом же деле и без «частицы» новизны повторы в научном тексте способствуют неуклонному постепенному развертыванию его содержания.

Во многом через повторы, а часто именно через повторы «работает» в научном тексте механизм текстообразования и развертывания авторской концепции в целостное произведение.

Лит.: Кожина М.Н., Данилевская Н.В. О развитии смысловой структуры в научном тексте посредством развернутых вариативных повторов (к постановке вопроса) // Принципы функционирования языка в его речевых разновидностях. — Пермь, 1984; Данилевская Н.В. Вариативные повторы как средство развертывания научного текста. — Пермь, 1992.

Н.В. Данилевская

РАЗГОВОРНАЯ ЛЕКСИКА — см. *Стилистически окрашенная лексика.*

РАЗГОВОРНОСТЬ — см. *Разговорный стиль.*

РАЗГОВОРНЫЙ СТИЛЬ (разговорно-бытовой, разговорно-обиходный, повседневного общения) — один из функц. стилей, но в системе

функц.-стилевой дифференциации лит. языка занимает особое место, т.к. в отличие от других не связан с профессиональной деятельностью человека, используется только в неофициальной сфере общения и не требует для его применения специального обучения: им овладевают с раннего детства.

Ярче всего специфика Р. с. проявляется в непринужденном непосредственном общении, а потому она тесно связана с устной формой речи. В результате наиболее используемый термин — разговорная речь. Однако Р. с. реализуется не только в разг. (устной) речи и в ее стилизации в письменных худож. текстах (стилизованная разговорная речь), но и в бытовых письмах, в том числе и через Интернет, в дневниковых записях.

Ряд исследователей разговорной речи (Е.А. Земская, Е.Н. Ширяев и др.) считают ее особым языком, а не одним из функц. стилей. Другие (например, Е.А. Лаптева) видят черты разговорной речи в любой устной форме речи, противопоставляют не разг. и науч., публиц. и другие стили, а устную и письменную разновидность лит. языка в целом.

При всей дискуссионности вышеперечисленных точек зрения рационально сосредоточить внимание на тех характерных чертах разг. стиля, которые споров не вызывают: 1) Р. с. усваивается с детства; 2) Р. с. используется только в персонально адресованном не публичном общении или при стилизации такого общения в худож. литературе, реже в СМИ; 3) Р. с. выполняет прежде всего функцию общения в прямом смысле этого слова, функции сообщения (передачи информации) и воздействия отходят в нем на второй план; 4) Р. с. характеризуется наибольшей свободой в выражении мыслей и чувств, т.е. его доминантой, организующей речь, является минимум заботы о форме выражения (важно ЧТО, а не КАК); 5) нормы Р. с. носят узуальный характер, кодификация норм в Р. с. действует только в пределах общелитературных норм, но даже в этих случаях наименее жестко; 6) в Р. с. велика доля окказиональной и персонально-личностной составляющей (говорю и пишу как хочу), но одновременно очень существенна доля автоматизма речи, приводящая к сглаживанию «идиостильных» различий между людьми (авторство худож. текста установить легче, чем разговорного) и к широкому использованию в нем стереотипных оборотов, к лексической бедности, бездумному (особенно в устной форме) употреблению выражений, усвоенных в семье, навязанных рекламой и СМИ. Этим объясняются и «узкоколлективные» словечки типа семейных названий блюд, часто посещаемых магазинов (напр.: *зайди в три ступеньки вниз, в длинный, в наш* и т.д.) и победное шествие в конце XX в. ненужных рус. языку иноязычных слов *(тинейджер, шопинг, маркет)*.

Как правило, в Р. с. передаются не только мысли, но и чувства, отсюда его эмоциональная насыщенность (в устной форме прежде всего интонационная). В нем широко используется эмоциональная лексика, восклицательные предложения, в худож. текстах при стилизации Р. с. — оборванные предложения, парцелляция, в пунктуации — тире и многоточие.

Р. с. связан с бытовой сферой жизни человека, хотя может и выходить за ее пределы в рамках неофициального общения. И «бытовая наполненность» (встречается более узкий термин — обиходно-бытовой стиль), а также и принципиальная неофициальность разг. стиля порождают представление о свойственной ему разговорной лексике, понимаемой как сниженная. Такая лексика (вплоть до отдельных жаргонизмов) широко в нем (и ни в каком ином, кроме еще стилизации Р. с. в худож. текстах) встречается, но не **является** для Р. с. релевантной, тем более обязательной. Типичнее для него отсутствие книжной лексики, хотя оно тоже не релевантно, тем более не обязательно. Релевантна для Р. с. свобода выражения (в пределах литературных норм), преобладание (особенно в устной форме) неосложненных предложений, простых предлогов и союзов, широкое использование местоимений и частиц.

Общий корень с термином разговорность нередко приводит к подмене понятий разг. стиль, разг. речь (функц. разновидностей лит. языка) и понятия разговорность (риторической категории), используемого для противопоставления сухой, книжной, малопонятной широким массам людей и доступной, простой, эмоциональной речи в ораторском искусстве, в СМИ, а также в худож. речи (эстетическая категория, сигналы разговорности при стилизации Р. с. и самого процесса говорения в худож. литературе).

Лит.: Виноградов В.В. О художественной прозе. — М.; Л., 1930; Его же: Стилистика, Теория поэтической речи. Поэтика. — М., 1963; Лаптева О.А. О некодифицированных сферах современного русского литературного языка. — ВЯ. — 1966. — № 2; Ее же: Устная речь в свете теории литературного языка // Филологический сборник (к 100-летию со дня рождения академика В.В. Виноградова). — М., 1995; Сиротинина О.Б. Разговорная речь и разговорный стиль // Вопросы филологии. Уч. зап. МГПИ. — № 341. — М., 1969; Ее же: Разговорная речь в системе литературного языка и разговорность в истории русской художественной речи, «Stylistyka-V», 1995; Ее же: О терминах «разговорная речь», «разговорность» и «разговорный тип речевой культуры» // Лики языка. — М., 1998; Левин В.Д. Литературный язык и художественное повествование // Вопросы языка современной русской литературы. — М., 1971; Русская разговорная речь. — М., 1973; Васильева А.Н. Курс лекций по стилистике русского языка. Общие понятия стилистики. Разговорно-обиходный стиль. — М., 1976; Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. — М., 1977; Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. — М., 1981; Земская Е.А., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь: итоги и перспективы исследования // Русистика сегодня. — М., 1988; Кожина М.Н. Стилистика русского языка. — М., 1993; Функциональные стили и формы речи. — Саратов, 1993.

О.Б. Сиротинина

РАССУЖДЕНИЕ — *функционально-смысловой тип речи* (см.) — (ФСТР), соответствующий форме абстрактного мышления — умозаключению, выполняющий особое коммуникативное задание — придать

речи аргументированный характер (прийти логическим путем к новому суждению или аргументировать высказанное ранее) и оформляемый с помощью лексико-грамматических средств причинно-следственной семантики. Основной сферой употребления Р. является научная, актуализирующая логический, рациональный тип мышления.

Р. функционирует в текстах в виде нескольких коммуникативно-композиционных вариантов, типология которых представляет собой полевую структуру.

Центральной разновидностью Р. является собственно рассуждение (Р. в узком смысле слова) — тип речи, наиболее последовательно выражающий причинно-следственные отношения между суждениями: от причины к следствию, а не от следствия (тезиса) к причине (основанию). Центральное место собственно рассуждения в системе аргументативных подтипов речи обусловлено и его ролью в коммуникативно-познавательном процессе. Именно данный тип речи оформляет выведение нового знания, демонстрирует ход авторской мысли, путь решения проблемы. Структурно собственно рассуждение представляет собой цепь предложений, связанных отношениями логического следования. Напр.: *«Под действием электромагнитной волны атом с равной вероятностью может перейти как в более высокое, так и в более низкое энергетическое состояние... В первом случае волна будет ослабляться, во втором — усиливаться. **Если** парамагнетик находится в тепловом равновесии, атомы распределяются по подуровням в соответствии с законом Больцмана... **Следовательно**, число атомов, находящихся в состоянии с меньшей энергией, превышает число атомов, находящихся в состоянии с большей энергией. **Поэтому** переходы, происходящие с увеличением энергии атомов, будут преобладать над переходами, происходящими с уменьшением энергии. **В итоге** интенсивность волны будет уменьшаться — парамагнетик поглощает электромагнитное излучение, **в результате чего** он нагревается. **Из сказанного вытекает, что** электронный парамагнитный резонанс представляет собой избирательное поглощение энергии радиочастотного поля в парамагнитных веществах, находящихся в постоянном магнитном поле»* (И.В. Савельев. Курс общей физики).

Прилегающую к центру область, область ближней периферии, занимают подтипы Р., которые служат для того, чтобы придать высказанным суждениям более аргументированный характер: доказательство (коммуникативно-познавательная функция — установление истинности тезиса), опровержение (разновидность доказательства, которая служит для установления ложности тезиса), подтверждение (или эмпирическое доказательство, функция — установление достоверности высказанного положения посредством подкрепления его фактами), обоснование (установление целесообразности действия, мотивировка; в отличие от доказательства, которое соответствует вопросу «Действительно ли это так?», обоснование дает ответ на вопрос «Действительно ли это нужно, целесообразно?»). Эти подтипы Р. объединяются между собой на основе структурного сходства: все они включают тезис (или высказывание, выпол-

няющее функцию, аналогичную функции тезиса), образующий ключевую часть построения, и аргументы — комментирующую часть, которая призвана снять сомнения (полностью или частично) относительного выдвинутого в качестве тезиса положения. Напр.: «*Уравнения (1) имеют квадратичный интеграл, независимый от интеграла энергии, только в случаях Лагранжа и Е.И. Харламовой. Доказательство от противного.* ***Пусть*** *(2) — квадратичный интеграл...* ***Продифференцируем*** *Ф по t: [уравнение].* ***Подставим*** *в (3) значения производных p, q, v ... из системы (1) и* ***сгруппируем*** *их.* ***Получим*** *полином не выше третьей степени относительно p, q, тождественно равный нулю...* ***Поэтому*** *[уравнения]...* ***Подставим*** *(10) в (9) и* ***приравняем*** *нулю коэффициенты при одинаковых степенях...* ***Из части этих равенств следует****, что* ***если*** *[уравнение],* ***то*** *[уравнения]...* ***Итак, мы установили****, что* ***если*** *[уравнения],* ***то*** *мы имеем случай Лагранжа.* ***Тогда*** *существует линейный интеграл,* ***следовательно****, и квадратичный. Нам осталось рассмотреть случай a = 0.* ***Определим*** *коэффициенты квадратичного интеграла...* ***Так как*** *интеграл определяется с точностью до постоянного множителя,* ***то*** *можно считать k = 1.* ***Найдем*** *μ... [уравнения]... Из этой системы* ***определим*** *[уравнение].* ***Следовательно****, при [уравнение] искомый интеграл совпадает с интегралом энергии с точностью до постоянного множителя,* ***если*** *не выполнены условия Е.И. Харламовой или условия аналога случая Лагранжа»* (В.М. Никифоров. О квадратичных интегралах задачи Суслова).

В области дальней периферии полевой структуры Р. находится *объяснение* (см.). В отличие от названных подтипов Р., объяснение служит не столько целям подтверждения справедливости тезиса (или установления его ложности), сколько раскрытию причин реальных явлений. И хотя, по сложившейся в отечественной лингвостилистической литературе (*В.В. Одинцов*) традиции, объяснение относят обычно к аргументативному типу речи (объединяя все ФСТР в соответствии с их прагматической направленностью в два основных типа — представляющих и аргументирующих содержание), возможно рассмотрение аргументативности и объяснительности и в качестве отдельных классифицирующих категорий.

Наконец, наиболее отдаленной от центра зоной является открытое пространство (общее для аргументативных и представляющих ФСТР), занимаемое контаминированными типами, в которых элементы Р. присутствуют, но не играют решающей роли.

Таблица

Основные средства оформления Р.

Разновидности рассуждения	Союзы	Союзные аналоги (вводные слова, наречия)	Конструкции с каузальными и перформативными лексемами
Собственно рассуждение	поскольку, так как, так что, в связи с чем, вследствие чего, в результате чего, если	следовательно, итак, таким образом, поэтому, потому, отсюда	из этого следует, что...; отсюда заключаем, что...; из этого вытекает, что...; это позволяет предположить, что...

Продолжение табл.

Разновидности рассуждения	Союзы	Союзные аналоги (вводные слова, наречия)	Конструкции с каузальными и перформативными лексемами
Доказательство	так как, так что, если	следовательно, итак, таким образом, поэтому, потому, отсюда, откуда, тогда	отсюда имеем...; будем иметь...; получим...; отсюда вытекает..., следует..., получается...; предположим, что...; допустим, что...
Подтверждение	поскольку, ибо, потому что	например	это подтверждается тем, что...; об этом свидетельствует...; доказательством служит...
Обоснование	поскольку, так как, ибо, потому что, в связи с тем что, в связи с чем, для того чтобы, чтобы	поэтому	это обусловлено тем, что...; оправдано...; это связано с...; это необходимо для того, чтобы...; это целесообразно потому, что...; нуждается в дополнительном обосновании...
Объяснение	так как, потому что, поскольку		причина состоит в следующем...; укажем на причины...; это объясняется тем, что...; объяснение заключается в том, что...; это зависит от...; это связано с тем, что...; это обусловлено...; является следствием того, что...

Р. как текстовое явление сформировалось в науч. речи. Именно благодаря науч. стилю рус. лит. язык в процессе своего развития обогатился рассуждением в его наиболее «чистом» виде, во всех его основных разновидностях. В текстах других стилей обнаруживается функционально-смысловая трансформация Р., приспособление его к специфике того или иного стиля.

Для худож., публиц., оф.-дел. текстов не характерно строго логичное развернутое собственно рассуждение. Подтип «собственно рассуждение» в худож. текстах предстает в виде его эмоционального варианта — свободного размышления, в котором каузальная связь между суждениями в целом прослеживается, но не объединяет их жестким логическим стержнем. Нестрогость формы речи, непринужденность размышления помогают создать обстановку интимного общения автора с читателем, характерную для худож. сферы. В публиц. текстах собственно рассуждение выполняет функцию подготовки, подведения читателя к определенному

заключению, однако здесь, в отличие от науч. речи, данный подтип Р. даже при большом его объеме, как правило, представляет собой не цепь логически вытекающих одно из другого суждений, а фактуальную информацию с последующим выводом.

В худож. текстах не используется доказательство. Логическая проверка истинности выдвигаемого тезиса с помощью сложной системы выводных суждений актуальна прежде всего для науч. сферы деятельности, а кроме того — уголовно-правовой сферы. Для публицистики, ориентированной на менталитет образованного, интеллигентного адресата, аргументативные типы речи принципиально важны, поскольку обеспечивают осуществление основной коммуникативной функции публицистики — убеждающего воздействия. Однако задача убеждения решается в публицистике не посредством собственно доказательства, т.е. не с помощью строгих логических процедур, как в науч. речи. В коммуникативно-познавательной функции доказательства коммуникативный аспект не является основным, главная его роль (логическим путем установить истинность тезиса) — познавательная, поэтому оно и функционирует в науч. сфере. В публицистике же в целях убеждения читателя в правильности суждений автора используется подтверждение их фактами. В связи с этим здесь обнаруживается большая активность аргументативного подтипа речи «подтверждение». В худож. произведениях подтверждение как аргументативное построение, которое включает гипотетическое высказывание автора и изложение подкрепляющих это высказывание фактов, имеющих не собственно причинное, как в объяснении, а причинно-аргументирующее значение, используется редко. Подтверждение аргументами высказываний автора в сфере худож. творчества не столь принципиально, как в области науки или публицистики. К тому же подтверждение, функционирующее в худож. текстах, выполняет задачу, отличную от задачи подтверждения в науч. речи. Если в последней оно помогает сделать более достоверной научную догадку, то в худож. произведении выполняет сугубо коммуникативную функцию — делает изображаемое более наглядным, психологически более достоверным, помогает читателю почувствовать внутреннее состояние героя. Напр.: *«Он стоял, положив руки на спинку сидения, и, очевидно, очень волновался: лицо его было красно, и на щеке вздрагивал мускул...»* (Л.Н. Толстой. Крейцерова соната). Аргументативная функция Р. в худож. текстах нивелируется за счет активизации его изобразительной, эстетической функции.

Объяснение и обоснование распространены не только в науч., но и в публиц. текстах, где служат задаче повышения степени понимания читателем анализируемых проблем, важности принимаемых решений, предпринимаемых действий. Объяснение присутствует и в худож. произведениях, однако, как и другие разновидности Р., оно отличается здесь особой «аурой», возникает в результате творческого диалога автора с читателем в процессе выяснения худож. смысла текста. Открытое объяснение описываемых событий, состояний героев, повышающее степень правдоподобия изображаемого, сочетается со скрытыми формами объяс-

нения, намеренной недосказанностью, которая побуждает читателя размышлять, искать ответы на возникающие многочисленные «почему?» в общем контексте и в подтексте произведения и тем самым помогает читателю приблизиться к пониманию глубинного идейно-эстетического содержания произведения.

В оф.-дел. текстах в целом частота употребления Р. незначительна. В силу специфики этого стиля, экстралингвистической его основы — назначения в обществе, регулирующей функции (в связи с чем доминирующее положение в текстах занимает *предписание* — см.), Р. не может быть системным конструктивным признаком оф.-дел. речи. В некоторых жанрах представлены те или иные разновидности Р. (напр., для заявлений и претензий характерно обоснование, объяснение), однако нет ни одного подтипа Р., который использовался бы в дел. текстах всех жанров (хотя бы жанров в пределах одного подстиля). Кроме того, подтипы Р. функционируют здесь специфически, отражая особенности стиля. Напр., собственно рассуждение близко в текстах правовой сферы к представляющему типу речи — *констатации* (см.), поскольку служит обычно тому, чтобы зафиксировать условия, из которых вытекает необходимость определенных действий.

Структура развернутого Р. в худож. и публиц. речи значительно менее стандартизирована, чем в научной и деловой. Свободная манера Р. порождает в тексте произведения индивидуальные, сложные, не поддающиеся систематизации взаимодействия типов речи. Приведем фрагмент худож. произведения, где в пяти абзацах текста обнаруживается синтез всех функционирующих в худож. речи подтипов Р.: собственно рассуждения, подтверждения, опровержения, объяснения и обоснования:

«Правды, только правды просила больная у своего врача, и в этой правде ей было отказано. Имеет же право человек приготовиться к смерти? Имеет. Когда-то умирающих больных соборовали, причащали. Готовили к переходу в иной мир. Теперь только казенная бодрость...

Правда. Правда... Нужна ли человеку такая правда? Одному нужна, другому — нет. Самые сильные духом готовы выслушать правду. Другим это только кажется, просят сказать им правду, а сами в глубине души хитрят, ждут обмана. Тянутся к надежде, пускай призрачной. Может быть, права традиционная врачебная этика: всегда скрывать?

Нет, бывают исключения. Где-то незадолго перед тем читала «скорбный лист» болезни Пушкина, историю его последних страдальческих дней. По тем временам, при тогдашнем состоянии медицины рана была безусловно смертельной. Врачи не скрыли этого от Пушкина. Ставился вопрос: правильно ли они сделали? И давался ответ: правильно. Потому что это был Пушкин, человек исключительной силы духа.

Значит, Пушкину можно было сказать правду, а старухе Быковой — нет? Несправедливо.

Иной бодрячок спросит: для чего ей нужна была правда? Распорядиться нехитрым своим достоянием? Пальто с норковым воротником? Витая ложечка? Экие пустяки! Нет, не пустяки. Уважение к вещам не вещизм.

Вещизм — от изобилия, уважение к вещам — от трудовой жизни. Уважают не вещи, а вложенный в них труд. Да, надо было, надо сказать бабе Мане правду. И нечего себя утешать, что она все равно не успела бы «распорядиться». Может быть, именно это помогло бы ей продержаться подольше. Формальности, подписи... Все-таки при деле» (И.Н. Грекова. Перелом).

В приведенном примере причинно-следственная связь, реализующая собственно рассуждение, объединяет весь фрагмент и обнаруживает себя в выводных суждениях четвертого абзаца (предложение-суждение с вводным словом *значит*) и пятого (итоговое суждение всего рассуждения: *«Да, надо было... сказать... правду»*). Подтверждение присутствует в первом и втором абзацах как подкрепление аргументами гипотетических суждений о том, что 1) человек имеет право приготовиться к смерти, 2) сильному духом человеку нужна такая правда. Подтверждение собственных мыслей сопровождается опровержением не разделяемых автором мнений: 1) традиционной точки зрения медиков (приведенной во втором абзаце), что правду о смерти всегда надо скрывать от больного; 2) высказывания предполагаемого оппонента (*«бодрячка»*) о несущественности материальной стороны вопроса (пятый абзац). При этом первое опровержение включает объяснение факта, приведенного в качестве аргумента (парцеллированное причинное предложение в третьем абзаце), а в речи, приписываемой оппоненту, содержится обоснование его точки зрения. Окончательный вывод собственно рассуждения о том, что надо было сказать больной правду, имеет в постпозиции дополнительное обоснование, которое и завершает фрагмент.

Функционально-стилевые варианты Р. различаются средствами оформления композиционных частей. В публиц. и особенно худож. текстах наблюдается высокая степень имплицитности Р., причем не только на уровне средств связи между структурными компонентами, но и в отношении самих звеньев Р., которые могут находиться в подтексте. Синтаксические средства Р. передают его экспрессивность в этих стилях. Широко используются восклицательные и вопросительные предложения, парцелляция. Незавершенность и фрагментарность аргументации подчеркивается посредством многоточия. Средства связи композиционных частей Р. в худож. и публиц. произведениях стилистически многообразнее, чем в науч. и оф.-дел. (от книжных, архаичных лексико-грамматических единиц типа союза *дабы,* наречия *посему* до разг. *потому как, раз, ведь, мол* и т.п.).

Функционирование Р. в науч., публиц., дел., худож. текстах, характер аргументативных высказываний и круг реализуемых аргументативных моделей отражают своеобразие задач коммуникации в соответствующих сферах и специфику функц. стилей.

Лит.: Виноградов В.В. О языке худож. литературы. — М., 1959; Нечаева О.А. Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение). — Улан-Удэ, 1974; Тертычный А.А. Типы аргументов в структуре публиц. произведения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1979; Одинцов В.В. Стилистика текста. — М., 1980; Метс Н.А.,

Митрофанова О.Д., Одинцова Т.Б. Структура науч. текста и обучение монологической речи. — М., 1981; Островская А.И. Сверхфразовые единства, выражающие доказательство и умозаключение, в науч. и общественно-политической речи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1981; Пфютце М., Блей Д. О коммуникативно-функциональном методе анализа монологического текста-рассуждения в обучении иностр. языкам // Лингвистика текста и методика преподавания иностр. языков. — Киев, 1981; Цветкова Т.М. Конституирующие факторы текста «рассуждение» в науч. стиле (на материале лингвистической литературы): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1983; Кожина М.Н. К вопросу о единицах текста в аспекте коммуникативной теории языка // Всесоюзная научная конференция «Коммуникативные единицы языка». — М., 1984; Грохольская Т.В. Организация учебно-научного текста типа рассуждение: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 1991; Аргументация в публиц. тексте (жанрово-стилистический аспект). — Свердловск, 1992; Каузальность и структуры рассуждений в рус. языке. — М., 1993; Трошева Т.Б. Формирование рассуждения в процессе развития науч. стиля рус. лит. языка XVIII—XX вв. (сопоставительно с др. функц. разновидностями). — Пермь, 1999.

Т.Б. Трошева

РЕГУЛЯТИВНОСТЬ — системное качество текста, заключающееся в его способности «управлять» познавательной деятельностью читателя (*Сидоров Е.В.,* 1987). Р. худож. произведения имеет нежесткий, вариативный характер, отличается подвижностью, образной ориентацией, ассоциативной направленностью. Р. текста, связанная с другими его особенностями — информативностью, структурностью, интегративностью (*Е.В. Сидоров*), определяет меру и способ подачи эстетической информации. Связь со структурностью выражается в том, что Р. охватывает все элементы текстовой структуры, коррелируя с его общей целевой программой (об иерархии целевых программ см.: *Дридзе Т.М.,* 1980, 1984). Соотнесенность с иерархией целей определяет взаимозависимость Р. текста и его целостности и интегративности.

Р. связана и с особыми функц. качествами худож. текста: предсказуемостью / непредсказуемостью текстового развертывания, вариативностью интерпретации и образностью. Эти качества определяют своеобразие регулятивной эпифункции худож. произведения.

Таким образом, на уровне текста можно говорить о Р. как одном из его системных качеств и о регулятивной эпифункции как коммуникативном проявлении эстетической функции худож. текста. На уровне макроструктуры текста целесообразно выделять способы Р., т.е. приемы организации текстовых микроструктур, регулирующих процесс восприятия на основе соотнесенности с целевой программой текста и спецификой канала связи с адресатом.

Поскольку «за каждым высказыванием стоит волевая задача» (*Выготский Л.С.,* 1996, с. 357), которая соотносится с одним из этапов текстового развертывания и общей целевой программой текста, в основу выделения регулятивных структур (регулятивов) в рамках ком-

муникативной стилистики текста положено осознание читателем мотива (микроцели) в рамках общей коммуникативной стратегии текста. Так как регулятивные структуры организуются по-разному, можно говорить о различных способах Р., напр., разных видах сопряженности стилистических приемов и типов выдвижения, выделенных в рамках стилистики декодирования вслед за М. Риффатером. Описание многообразных способов Р. текста может быть объектом специального исследования в текстах разной жанрово-стилевой ориентации в аспекте регулятивных универсалий и индивидуально-авторской реализации.

На уровне элементов текста выделяются регулятивные средства. По объему, структуре, значимости и смыслу они могут быть нетождественными единицам узуса, т.к. это порождение конкретной текстовой системы, отражающей авторское мировидение, его творческий замысел. Регулятивные средства выделяются функционально. С их помощью выполняется та или иная психологическая операция в интерпретационной деятельности читателя. Средства Р. худож. текста дифференцируются на лингвистические (ритмико-звуковые, лексические, морфологические, словообразовательные, синтаксические) и экстралингвистические (композиционные, логические, графические). Чаще всего Р. имеет комплексный интегративный характер, однако можно говорить и о преобладании регулятивных средств одного типа, своеобразной доминанте Р. По характеру следования в тексте выделяются контактные и дистантные регулятивные средства. По соотнесенности с информативно-смысловым и прагматическими уровнями текста выделяются прагмемы и информемы (см.: *Болотнова Н.С.,* 1992). Среди типов регулятивных средств имеются яркие и слабые по степени актуализации в тексте и коммуникативному эффекту. По способности актуализировать микроцель в пределах текстовых фрагментов или макроцель в рамках общей коммуникативной стратегии текста различаются регулятивы-локативы и регулятивы-концепты (*Болотнова Н.С.,* 1998).

Средства и способы Р. текста в целом определяются как спецификой худож. сферы общения, так и своеобразием творческого метода автора, традициями литературных школ, направлений, к которым он принадлежит, индивидуально-авторским мировидением. Для поэзии М.И. Цветаевой, напр., характерен полный спектр разнообразных лингвистических средств Р., но особенно значимыми являются ритмико-звуковые и лексические. Ср. суждение М.И. Цветаевой: «О Маяковском сказано — мною обо мне сказанное: Я слово беру — на прицел! А словом — предмет, а предметом — читателя!» На основе данных средств формируются наиболее характерные для поэта способы Р. — сопряжение стилистических приемов антитезы и оксюморона, создающие контраст как доминирующий в лирике М.И. Цветаевой тип выдвижения языковых средств. Все это отражает характер мировосприятия страстной, мятущейся души поэта, обостренно воспринимающей мир во всей его сложности и противоречивости.

Таким образом, на уровне текста можно говорить о его Р. как о системном свойстве и регулятивной эпифункции; на уровне структуры тек-

ста — о регулятивных структурах (регулятивах), на уровне элементов текста — о регулятивных средствах разных уровней. Регулятивные средства формируют регулятивы (текстовые структуры регулятивного типа), регулятивы создают регулятивную макроструктуру, по-разному определяющую способность текста управлять познавательной деятельностью читателя в зависимости от индивидуальной манеры писателя.

В аспекте *идиостиля* (см.) важно, какие средства Р. доминируют в творчестве данного автора. Так, в исследовании Н.Г. Петровой (2000) убедительно раскрыта символическая функция звуковой организации слова и текста К.Д. Бальмонта, специфика «звукобукв»: превалирование Е (зеленого), И (синего), Ю (голубоватого, сиреневого), создающих ведущую сине-зеленую цветовую гамму в стихах поэта. На фоне общих тенденций, характерных для словотворчества и словоупотребления в поэзии начала XX в., выявлены и индивидуальные особенности автора (доминирование многозначных слов, использование в основном общеупотребительной и стилистически нейтральной лексики и др.). Что касается типов лексических регулятивов, у К. Бальмонта наиболее важны заглавия (хотя это универсальный регулятив, относящийся к стилистическому узусу, типы заглавий отражают творческую индивидуальность автора), регулятивные цепочки, лексические регулятивные структуры, основанные на принципе синтаксического параллелизма.

Наряду с типами лексических регулятивных средств и регулятивных структур, важен характерный для конкретного автора механизм их использования, т.е. характер взаимосвязи лексических регулятивов в общей структуре текста или отдельных текстовых фрагментов. В лирике К. Бальмонта, по данным Н.Г. Петровой (2000), особенно значимыми оказались следующие способы взаимосвязи лексических регулятивов: 1) сопряженность заглавия с лексической регулятивной цепочкой; 2) сопряженность заглавия с лексической регулятивной структурой, основанной на принципе синтаксического параллелизма; 3) сопряженность заглавия с лексическими регулятивными структурами, основанными на принципе синтаксического параллелизма; 4) сопряженность заглавия с регулятивной цепочкой и лексической регулятивной структурой, основанной на принципе синтаксического параллелизма.

Моделирование лексической регулятивной макроструктуры текста и анализ особенностей регулятивной стратегии автора также является важным для изучения его идиостиля в коммуникативно-деятельностном аспекте. Как показали эксперименты по определению границ информем и прагмем (регулятивных единиц информативно-смыслового и прагматического уровней худож. текста), в инвариантной модели восприятия поэтического текста наибольшее единство в ответах информантов наблюдается в случае многократного и многоканального воздействия разных регулятивных средств, объединенных в рамках общей коммуникативной программы текста (*Болотнова Н.С.,* 2001). Экспериментальный анализ поэтических текстов показал, что наибольшая общность в ответах информантов, связанных с выделением

информем, наблюдается, если они: а) выделены графически; б) имеют грамматическую законченность; в) содержат изобразительно-выразительные средства; г) обладают сильной связанностью; д) находятся в сильной позиции (в начале и в конце стихотворения). При этом текст рассматривался как особым образом организованная регулятивная макроструктура, стимулирующая смысловое развертывание и отражающая взаимосвязь регулятивных микроструктур (регулятивов), формирующихся на основе регулятивных средств. Границы регулятивов определялись их соотнесенностью с «волевой задачей» автора (*Выготский Л.С.,* 1996), осознаваемой адресатом как проявление коммуникативной стратегии творца. Обнаружена приоритетная значимость не столько строфики, сколько смыслового (тематического) и логико-грамматического критериев в выделении информем. Роль лексических средств заключается в актуализации повторяющихся смысловых признаков описываемых реалий; их «накопление» стимулирует формирование микросмыслов разного уровня обобщения и общий смысл текста.

Как показало экспериментальное исследование границ прагмем, обычно они совпадают с границами строф в стихах, характеризующихся несколькими микротемами, смысловой и эмоциональной динамикой. Важную роль в формировании эмоциональной тональности прагмем, судя по данным экспериментов, играют ключевые слова, имеющие определенную коннотацию. Именно она в основном определяет тональность прагмемы. На границы прагмем оказывает влияние и тип лексического структурирования текста.

Разработка теории Р. представляется перспективной для *коммуникативной стилистики художественного текста* (см.).

Лит.: Дридзе Т.М. Язык и социальная психология. — М., 1980; Ее же: Текстовая деятельность и структура социальной коммуникации: Проблемы семиосоциопсихологии. — М., 1984; Сидоров Е.В. Проблемы речевой системности. — М., 1987; Болотнова Н.С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. — Томск, 1992; Ее же: О теории регулятивности художественного текста, «Stylistyka-7»; Ее же: О трех направлениях коммуникативной стилистики художественного текста и изучении текстового слова // Коммуникативно-прагматические аспекты слова в художественном тексте. — Томск, 2000; Ее же: К вопросу о границах прагмем в поэтическом тексте // Говорящий и слушающий: Языковая личность, текст, проблемы обучения: Матер. междунар. науч.-метод. конф. (Санкт-Петербург, 26—28 февраля 2001 г.). — СПб., 2001; Ее же: О соотношении прагмем и информем в поэтическом тексте как форме коммуникации (по данным экспериментов) // Художественный текст и языковая личность: проблемы изучения и обучения: Матер. Всерос. науч.-практ. конф. (11—12 октября 2001 г.). — Томск, 2001; Выготский Л.С. Мышление и речь. — М., 1996; Петрова Н.Г. Типы лексических регулятивных структур в поэзии К. Бальмонта. — Вестник Томск. гос. пед. ун-та. — Вып. 6. — Сер. «Гуманитарные науки (Филология)», 1998; Ее же: Лексические средства регулятивности в поэтических текстах К.Д. Бальмонта: Дис. ... канд. филол. наук. — Томск. 2000; Болотнова Н.С., Бабенко И.И., Васильева А.А. и др. Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль / Под ред. проф. Н.С. Болотновой. — Томск, 2001.

Н.С. Болотнова

РЕКЛАМЫ ЯЗЫК И СТИЛЬ — см. Язык и стиль рекламы.

РЕЛИГИОЗНЫЙ СТИЛЬ — см. Церковно-религиозный стиль.

РЕПОРТАЖ — см. *Жанры публицистического стиля.*

РЕФЕРАТ (автореферат) — см. *Жанры научной литературы.*

РЕЦЕНЦИЯ — см. *Жанры научной литературы.*

РЕЧЕВЕ́ДЕНИЕ — новая, еще только складывающаяся область знания, иначе, лингвистика речи (в отличие от собственно лингвистики языка, языковедения). Термин «речеве́дение» употребляется по отношению к комплексу научных дисциплин, объединенных общим объектом изучения — речь, речевая деятельность, речевое общение и поведение. В лингвистике две сферы исследований, в одной изучаются языковые системы (строй языка), в другой — речь. «Лингвистика речи, — по определению Н.Д. Арутюновой, — имеет своим объектом все те типизированные явления, которые не оторвались от участников коммуникации и обстановки общения», т.е. *речь* (см.) как конкретное говорение, как процесс (речевая деятельность) и его результат (речевые произведения, тексты).

Целесообразно различать названные сферы исследования, поскольку термины «язык» (языковая система) и «речь» (употребление языка) обозначают не одно и то же. Если язык — это орудие общения, то речь — это вид общения, реализация через действующую систему языка основной коммуникативной функции последнего, которая у языка (стро́я) лишь потенциальна.

Хотя обоснование различения понятий языка и речи (дихотомии языка-речи) было осуществлено Ф. де Соссюром еще в начале XX в., но почти до конца столетия языковеды изучали именно систему (строй) языка и в меньшей степени речь. Этому способствовало и то, что главным объектом лингвистики Соссюр считал систему языка (langue). Поэтому если можно говорить о сложившейся теории языка и почти исчерпывающем описании его системы (и систем конкретных языков), то этого нельзя сказать о речи. Создание теории речи, речеведения еще предстоит (ср. название статьи Т.В. Шмелевой «Речеведение: в поисках теории»). Правда, такая науковедческая ситуация в лингвистике не означает, что в ней не накоплен материал по проблемам речеведения и конкретному анализу речи. Напротив, он достаточно обширен, поскольку с 60-х годов и особенно в 70—80-е гг. активизируются исследования лингвистики речи.

Сам термин «речеведение» в русистике используется сравнительно недавно, хотя был зафиксирован в некоторых речеведческих работах 60—70-х гг. (*М.Н. Кожина, Т.А. Ладыженская, Г.Г. Почепцов, А.А. Холодович*), а в последнее время к нему все чаще обращаются лингвисты (*Н.С. Болотнова*, *Т.В. Матвеева*, *В.Н. Мещеряков*, *О.Б. Сиротинина*, *Н.И. Формановская*, *Т.В. Шмелева* и др.).

Более распространено понимание речеве́дения в области лингводидактической практики, а именно как «педагогическое речеведение», инициированное Т.А. Ладыженской. Оно определяется как «культура демократического общения и взаимодействия», в центре внимания которого — «говорящая и воспринимающая личность, ориентация на характеристику речевого акта в совокупности его языковых, прагматических, психологических и социальных параметров» (*Мещеряков*, 1998, с. 3). Речеведческие знания о речи и речевой деятельности включают в себя понятия (и формируют соответствующие навыки) о разновидностях речи, о невербальных средствах общения, об особенностях педагогического голоса и способах его совершенствования, особенностях педагогического диалога, умении построить беседу с родителями и т.д. Об этой отрасли знаний свидетельствуют, например, такие термины и терминообразования из Словаря-справочника «Педагогическое речеведение», отражающие связь последнего с различными гуманитарными дисциплинами: *развитие речи, учебно-речевая ситуация, виды коммуникативной деятельности учителя, анализ педагогического дискурса, выносливость (неутомляемость) голоса, громкость голоса, аудирование, выразительность речи, точность Р., правильность Р., жанр, газетно-публицистические жанры, зачин текста, информативность текста, структура абзаца, риторический прием, адресат, речевая ситуация, теория речевых актов, метафора, фигуры, тропы* и т.д. Как видим, здесь представлены термины не только собственно «педагогического плана» («школьного словоупотребления»), но и «заимствованные» из различных областей: культуры речи, риторики, стилистики, лингвистики текста, теории речевых актов. Это естественно, так как понятийная система речеведения связана с понятиями указанных (и других) наук, обогащается их знаниями и методами исследования.

Однако речеведение не ограничивается указанной отраслью. Основное значение этого термина отражает одну из сфер изучения теории языка. Как известно, не только Ф. де Соссюр, но и И.А. Бодуэн де Куртенэ, Л.П. Якубинский, Л.В. Щерба, М.М. Бахтин, несколько позже Г.О. Винокур, В.В. Виноградов, на Западе Ч.У. Моррис, Л. Витгенштейн, Э. Бенвенист, ученые Пражского лингвистического кружка — ПЛК и др. (не говоря о более ранних идеях В. Гумбольдта, А.А. Потебни) пришли к необходимости изучения не только строя языка, его системы, но и его использования в речевой деятельности, функционирования в разных сферах общения. Исследования речи, речевой деятельности в разных аспектах с середины XX столетия начинают постепенно все более развиваться, в связи с чем появляются новые науч. дисциплины и направления (психолингвистика, функциональная стилистика, лингвистика текста, прагматика, неориторика, коммуникативная лингвистика, теория речевых актов и др.), исследующие не статичный объект в его имманентной сущности, а в самой его реализации, в живой коммуникации, для которой он, собственно, и предназначен. Ощущается неполнота познания языка в его отвлечении от речи (Ср.: «...теория, ориентиро-

ванная на язык и только на язык, не способна объяснить процессов коммуникации» — *Р. Шенк;* «...когда мы соединим язык и процесс общения... мы тем самым... спасем нашу науку от бездушного... изучения форм и структуры языка» — *В. Ингве;* «...с предложением кончается область системы знаков и налицо область языка как средства общения, т.е. речи» — *Э. Бенвенист*). Процесс этот, как известно, привел в конечном счете к изменению парадигмы языкознания от структурной к коммуникативно-функциональной и антропоцентрической. Полнота исследования объекта требовала такого подхода (ср. утверждение Аристотеля о необходимости исследования любого объекта с двух сторон — структурной и функциональной). Собственно, Ф. де Соссюр предполагал помимо лингвистики языка развитие и лингвистики речи, отмечая при этом, правда, чрезвычайные трудности исследования этого столь сложного и многостороннего объекта, не умещающегося, очевидно, в рамках одной науки: «Изучать явления речи, — писал он, — значит распахивать двери перед целым рядом наук»; «Деятельность говорящего человека должна изучаться в целой совокупности дисциплин» (*Соссюр,* 1933, с. 34, 42). Изучение реализации даже одной (правда, важнейшей) функции языка — коммуникативной требует учета знаний социологии, психологии, социо-, психо-, этнолингвистики, теории коммуникации, теории речевых актов, стилистики, риторики и др. Но у языка есть и другая важнейшая функция — когнитивная, речемыслительная, изучение реализации которой вызвало к жизни целый комплекс новых наук; не говоря о иных функциях и сторонах динамического аспекта языка, т.е. речи. Характерно, что все новейшие и более традиционные дисциплины, изучающие различные стороны речи и речевой деятельности, взаимосвязаны друг с другом, пересекаются (оттого и не имеют четких границ; см. *Взаимоотношение стилистики и смежных дисциплин*), поскольку все они изучают разные аспекты одного общего объекта. Наличие множества исследовательских направлений при этом закономерно; однако с точки зрения лингвистики речи закономерна и попытка определить объединяющее их начало (принцип), хотя бы на высоком уровне абстракции.

Таким самым общим признаком у речи (как объекта лингвистики) является динамика языка в процессах его употребления, обусловленная принадлежностью речи человеку (ее антропоцентризмом; по Ч. Моррису, отношением знаков к человеку). Именно человек, используя язык, производит речь; без деятеля, речедеятеля, последняя невозможна. Ср.: «...человек как создатель и «ваятель» слова оказывается центральной фигурой функционирующего языка» (*Э.С. Азнаурова,* 1988, с. 4). Речь человека как существа не только биологического, но социального — и, конечно, мыслящего, разумного — протекает как речевая деятельность в процессах общения и широкого, невербального, контекста, т.е. она диалогична (в том числе и в «разговоре» с ego).

Итак, **динамика употребления** языка **человеком** — главнейший, существенный признак речи, обусловливающий все другие ее признаки и свойства, круг категорий и аспектов исследования.

Между прочим, в русистике приоритет изучения языка в аспекте его употребления принадлежит функц. стилистике (наряду с психолингвистикой, а, например, социолингвистика подошла к изучению этого аспекта много позже — см. *А.Д. Швейцер,* 1991), так сказать, с легкой руки Г.О. Винокура (ср. его крылатую фразу: «Язык вообще есть только тогда, когда он употребляется», кстати, высказанную на десяток лет ранее идеи Л.Витгенштейна о языке как действии). По словам Ю. Степанова, «...в противопоставлении развивающемуся учению о структуре языка... стилистика стала осознаваться как общее учение об употреблении языка» (1990, с. 493). Аналогично высказалась В.Н. Телия: «Стилистика раньше других разделов языкознания... обратилась к исследованию динамического состояния языковой системы и к проблемам анализа целостного текста. И это не случайно: в центре ее внимания всегда находились закономерности выбора средств, способных удовлетворить той или иной социально-ролевой или эмоционально окрашенной интенции говорящего именно как субъекта речи. Именно в стилистических штудиях был сохранен интерес к деятельностному проявлению языковой компетенции, к речевой деятельности (langage), в то время как в лингвистике основное внимание было уделено языку (langue)» (*Телия,* 1991, с. 9—10. — Разрядка наша. — *М.К.*). О прерогативе изучения употребления языка стилистикой говорит и Т.Г. Винокур: «...собственные закономерности употребления языка обществом (внутри языкознания) принадлежат только стилистике» (1980, с. 17), очевидно, потому, что «стиль по своей онтологической природе является антропоцентрической категорией» (*Гончарова*, 1999, с. 150).

Отдавая должное функц. стилистике на пути активизации развития коммуникативно-функционального направления в русском языкознании, все же вряд ли можно считать ее объединяющим звеном, «крышей» всех речеведческих дисциплин, скорее, одной из них, правда, главнейшей. Ситуацию с речеведческими дисциплинами можно, очевидно, рассматривать по аналогии с когнитивной наукой (которую, вероятно, также можно отнести к речеведению), т.е. говорить о «зонтиковой» их «природе». Ср.: «...обозначение «когнитивная наука» относится к обширной и весьма общей программе науч. исследований, объединяемых связующим их единым объектом — когницией. Термин К. Н. следует в связи с этим рассматривать как «зонтиковый» для объединения определенного количества научных дисциплин и создания междисциплинарной науки...» (*Кубрякова,* 1996, с. 58. — Разрядка наша. — *М.К.*).

Все речеведческие дисциплины, как отмечено, объединяет свойственный речи принцип употребления языка говорящими. По словам Нисио Минору, если ранее «выделяли одни и те же элементы независимо от того, кто, когда и где их употребляет, и именно их считали сущностью языка...», то позже стало понятно, что «нужно изучать функции живого, действующего языка» (1983. — Разрядка наша. — *М.К.*). Но именно употребление (функции) языка изучает каждая из указан-

ных выше дисциплин в том или другом его аспекте: не только стилистика, но и прагматика и теория речевых актов исследуют «функционирование языковых знаков в речи» (ЛЭС, 1990, с. 389) «в связи с субъектом речи и адресатом», с учетом «отношений между участниками коммуникации», с учетом интенций говорящих и достижения перлокутивного эффекта и др. «Выдвинув в качестве объединяющего принцип употребления языка говорящими в коммуникативных ситуациях... прагматика охватила многие проблемы, имеющие длительную историю изучения в рамках риторики и стилистики, коммуникативного синтаксиса, теории и типологии речи и речевой деятельности, теории коммуникации и функциональных стилей, социолингвистики, психолингвистики, теории дискурса и др.» (*Арутюнова,* 1990, с. 390).

Действительно, риторика (в самом общем плане) изучает употребление (использование) языка в одном из возможных аспектов — достижение эффективности речи через воздействие и убеждение адресата (аудитории). Психолингвистика «исследует процессы речеобразования, а также восприятия и формирования речи...» (*А.А. Леонтьев*). Современная социолингвистика, наряду с другими проблемами, — социальные роли говорящих. Поскольку речевая деятельность — это в то же время и речемыслительная деятельность, то изучение последней связано со многими аспектами когнитивных наук. Поэтому в последнее время указанные дисциплины стали именоваться речеведческими. Так, О.Б. Сиротинина называет риторику одной из речеведческих дисциплин (1998), а Н.И. Формановская к речеведческим дисциплинам относит функц. стилистику, культуру речи, риторику, прагмалингвистику, психолингвистику, когнитивную лингвистику, паралингвистику, социолингвистику, лингвострановедение (культуроведение), этнолингвистику, речевой этикет, лингвистику текста, считая их также в комплексе составляющими теории общения (1998, с. 12—16). И действительно, все эти дисциплины изучают те или другие стороны единого объекта — речи в процессе речевого общения говорящих (речепроизводства, речеобразования, порождения речи и т.д.).

В поисках специфики языка — вопросе, которому Ф. де Соссюр придавал особое (приоритетное) значение, он определил язык как достаточно жесткую систему, каждая единица которой обладает значимостью, ценностью (valeur) как член системы в противопоставлении с другими единицами. Отсюда имманентность, статичность, почти неизменяемость этой системы. Обратившись к определению специфики речи, исследователи в области функц. стилистики называют также ее **системность** (ср.: «речь тоже системна» — *Гальперин,* 1981), сущность организации которой, однако, принципиально иная, вытекающая из принципа употребления языка в широком контексте: обусловлена она экстралингвистической основой речи (см. *Кожина,* 1972; см. *речевая системность*). Именно реализация в целом задач общения в определенной его сфере и ситуации, весь комплекс экстралингвистических факторов детерминируют взаимосвязи языковых (и текстовых) единиц в «линейной динамике» речи, определяют **речевую организацию**. Таким

образом, *система языка и системность речи — не одно и то же. Определяющим принципом последней является не valeur, а комплекс экстралингвистических факторов. Именно он обусловливает выбор и организацию языковых и текстовых единиц и их взаимосвязи на текстовой плоскости, т.е. системность речи, именно он «дирижирует» процессом ее образования.* (Поэтому термин «исполнение», а не «употребление» в данном случае нежелателен, так как он предполагает простую реализацию самой системы, строя, языка, а не влияние на процесс речеобразования внелингвистической действительности и не выражает проявление творческого начала речедеятеля.) При этом если функц. стилистика сосредоточила свое исследование на одном комплексе *экстралингвистических факторов* речи (см.), или, иначе, широком контексте (вневербальном, коммуникативном контексте), то другие речеведческие дисциплины постепенно «подключали» к этому списку иные факторы: скрытые и явные цели адресанта в процессе общения, конкретные интенции говорящих, речевые стратегии и тактики, прагматические пресуппозиции, типы речевого реагирования, социально-этикетные требования к речи, социальные роли говорящих, ментальные действия и др.

Таким образом, речеведение можно рассматривать как комплекс наук или междисциплинарную науку, объединенную общим объектом исследования — **речью** как целостным единством ее фундаментальных специфических признаков: употреблением, иначе функционированием языка в процессах речевого общения, а следовательно, диалогичностью и социальностью (вспомним слова М. Бахтина: «диалогичность есть высшая форма социальности»), особой речевой системностью, а именно признаков собственно речевых. В поисках критерия систематизации понятий речеведения, его понятийного аппарата и определения основных его разделов, по мнению Т.В. Шмелевой, следует обратиться к другим параметрам речи и — соответственно — основным линиям ее дифференциации. Таковыми можно считать: роль, фактуру, сферы, жанр, правило. В связи с этим речеведение, как считает ученый, должно включать по крайней мере пять разделов.

По мнению автора, «первая линия дифференциации речи проходит по координации ролей, участников речи, речедеятелей» (*Шмелева,* 1997, с. 304). Сюда включаются исследование авторской речи и роли адресата, их взаимодействия, вопросы понимания и интерпретации речи. Здесь «должно быть изучено такое свойство текста, как *диалогичность* во всем многообразии ее языковых проявлений» (там же). Результаты исследований в этом аспекте имеются в области риторики, стилистики, прагматики, герменевтики, поэтики. В рамках речеве́дения необходимо создать «список коммуникативных ролей в современной речевой практике и истории русской культуры — переводчик, интерпретатор, комментатор, диктор, декламатор, актер, импровизатор» и т.д. (там же). Здесь должна быть разработана теория типов речи (не только монолога и диалога), а также в связи с речевыми ролями и видами речи поставлены вопросы речевого поведения.

Второй раздел — учение о фактуре речи, которое должно исследовать дифференциацию речи по признаку устная—письменная, кроме того, печатная, телеграфная, телефонная, радио-, телеречь, компьютерная. Каждая из них, очевидно, имеет свои принципы поиска языковых средств и их организации.

Далее — учение о сферах речи, которое «должно занять центральное место», поскольку этот фактор является «важнейшим в дифференциации языка, определяющим его систему функциональных стилей» (там же, с. 306). При этом нельзя оставить без внимания и исторический (диахронический) аспект. Следующий раздел — учение о жанрах речи, инициированное еще работами М.М. Бахтина и получившее в настоящее время широкое и многоаспектное развитие, вместе с тем не лишенное ряда дискуссионных проблем и наметившее различные аспекты и задачи дальнейшего изучения жанроведения.

Наконец, учение о правилах речи, менее других разработанное в отечественном языкознании (в зарубежной лингвистике см.: Г.П. Грайс, Д. Гордон, Дж. Лакофф), однако представленное: о правиле преувеличения, склонности к гиперболичности — работами Л.П. Крысина, Т.В. Шмелевой, а также о правилах речевого этикета — А.А. Акишиной, Н.И. Формановской.

Все указанные линии дифференциации речи, определяющие основные разделы речеведения, «сплетены в неразрывное единство».

В конечном счете речеве́дение можно определить так: это основанный на теоретических установках лингвистики речи как одного из двух основных отделов теории языкознания междисциплинарный комплекс лингвистических дисциплин, изучающих разные аспекты речи как речевой деятельности, объединенных по «зонтиковому» принципу на основе единства фундаментальных специфических параметров именно **речи**: употребления языка говорящими, или фукционирования языка, диалогичности как проявления социальности в процессах речевого общения, особой стилистико-речевой системности, обусловленной экстралингвистически.

Лит.: Винокур Г.О. О задачах истории языка // Избр. работы по рус. языку. — М., 1959; Ахманова О.С., Натан Л.Н., Полторацкий А.И., Фатющенко В.И. О принципах и методах лингвистического исследования. — М., 1966; Кожина М.Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики. — Пермь, 1966; Ее же: О речеведческом аспекте лингвистического исследования // Исследования по стилистике, вып. 2. — Пермь, 1970; Ее же: О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. — Пермь, 1972; Ее же. Речеведческий аспект теории языка, «Stylistyka-VII». — Opole, 1998; Ее же. Истоки и перспективы речеве́дения // Проблемы речевой коммуникации. — Саратов, 2003; Ладыженская Т.А. Система работы по развитию связной устной речи учащихся. — М., 1975; Почепцов Г.Г. мл. О некоторых вопросах лингвистики общения // Структурная и математическая лингвистика. Вып. 3. — Киев, 1975; Холодович А.А. О типологии речи (1977) // Холодович А.А. Проблемы грамматической теории. — Л., 1979; Шмелева Т.В. Кодекс речевого поведения. — Русский язык за рубежом. — 1983. — № 1; Ее же:

Речевой жанр (Возможности описания и использования в преподавании языка), «Russistik. Русистика», № 2, Berlin, 1990; Ее же: Речеведение. Теоретические и прикладные аспекты. — Новгород, 1996; Ее же: Речеведение: в поисках теории, «Stylistyka-VI». — Opole, 1997; Арутюнова Н.Д. Прагматика // ЛЭС. — М., 1990; Ее же: Речь. Русский язык. Энциклопедия. — М., 1997; Степанов Ю.С. Стилистика // ЛЭС. — М., 1990; Мещеряков В.Н. Предисловие к словарю-справочнику «Педагогическое речеведение». — М., 1998; Педагогическое речеведение: Словарь-справочник / Под ред. Т.А. Ладыженской и А.К. Михальской. — М., 1998; Сиротинина О.Б. Риторика как составляющая системы наук об общении // Предмет риторики и проблемы ее преподавания, Материалы Первой Всероссийской конференции по риторике. — М., 1998; Формановская Н.И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. — М., 1998; Ее же: Соотношение риторики и речеведческих дисциплин // Риторика в современном образовании, Тезисы докл. 3-ей Международной конференции по риторике. — М., 1999; Болотнова Н.С. О связи риторики и коммуникативной стилистики текста в речеведении // Риторическая культура в современном обществе, Тезисы IV Международной конференции по риторике. — М., 2000; Хорошая речь / Под ред. М.А. Кормилицыной и О.Б. Сиротининой. — Саратов, 2001; Матвеева Т.В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. — М., 2003.

Якубинский Л.П. О диалогической речи, Русская речь, 1. — Пг, 1923; Щерба Л.В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. — Изв. АН СССР. Отд. общ. н. — Вып. 1. — 1931; Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. — М., 1933; Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. — М., 1963; Его же: О художественной прозе // Избранные труды художественной прозы. —М., 1980; Пражский лингвистический кружок. — М., 1967; Бенвенист Э. Общая лингвистика. — М., 1974; Крысин Л.П. Речевое общение и социальные роли говорящих // Социально-лингвистические исследования. — М., 1976; Рождественский Ю.В. О правилах ведения речи по данным пословиц и поговорок // Паремиологический сборник. — М., 1978; Его же: Введение в общую филологию. — М., 1979; Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. — М., 1980; Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М., 1981; Нисио Минору, Язык японцев // Языкознание в Японии. — М., 1983; Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика. — М., 1983; Витгенштейн Л. Филологические исследования // НЗЛ. Вып. XVI. — М., 1985; Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. — М., 1987; Азнаурова Э.С. Прагматика художественного слова. — Ташкент, 1988; Акишина А.А., Акишина Т.Е. Этикет русского телефонного разговора. — М., 1990; Леонтьев А.А. Психолингвистика // ЛЭС. — М., 1990; Телия В.Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. — М., 1991; Швейцер А.Д. Проблемы контрастивной стилистики. — ВЯ. — 1991. — № 4; Кубрякова Е.С. Когнитивная наука / Когнитивные науки // Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков и др. КСКТ. — М., 1996; Гончарова Е.А. Стиль как антропоцентрическая категория // Studia Linguistika. Вып. 8. Слово, предложение и текст как интерпретирующие системы. — СПб., 1999; Ее же: Еще раз о стиле как научном объекте современного языкознания // Текст—Дискурс—Стиль. — СПб., 2003; Ingve V., On Achieving Agriment in Linguistics, In: Papers from the Fifth Regional Meeting Chicago Linguistic Society, Chicago, 1969.

М.Н. Кожина

РЕЧЕВАЯ АГРЕССИЯ — использование языковых средств для выражения неприязни, враждебности; манера речи, оскорбляющая чье-л. самолюбие, достоинство. В наибольшей степени Р. а. находит воплощение в разг. и публиц. сферах коммуникации.

Содержательная сторона и формы Р. а. исторически изменчивы. Р. а. может переживать периоды активизации и спады употребления; особенно характерна для совр. этапа развития рус. лит. языка.

Первой фиксацией Р. а. в рус. публицистике можно считать обличительные «Послания» Ивана Грозного к князю Андрею Курбскому (1564 г.), которые лежат у истоков «родословной» публиц. стиля. Иван Грозный клеймит измену своего политического противника, употребляя при этом грубые, бранные слова, которые, врываясь в книжно-славянское окружение, создают резкий контраст стилистических контекстов, усиливающий воздействующий эффект послания, его обличительный пафос: *«И ты то все забыл, с о б а ц к и м изменным обычаем преступил крестное целование, ко врагам христианским соединился еси»; «И еже воевод своих различными смертьми расторгали есмя, а Божиею помощию имеем у себя воевод множество и опричь вас, и з м е н н и к о в»; «...А еже о изменах и чародействе воспомянул еси, — ино таких с о б а к везде казнят»*.

В XX в. длительным периодом Р. а. в отношении целых слоев общества был период господства тоталитарного режима, когда от человека требовалось полное подчинение единой моральной норме общественного служения в ущерб всем другим интересам. В публиц. выступлениях Р. а. была направлена против граждан, проявлявших «беспринципность», «эгоизм», склонность к «вещизму». В сталинскую эпоху достигла пика активности такая форма языкового насилия, как «наклеивание ярлыков»: *враг народа, троцкистский вредитель, уклонист* и т.п. (см. *Тоталитарный язык*).

Поскольку информация о событиях была значима не сама по себе, а как средство проведения определенной идеологии, действительность в СМИ искажалась. Так, сведения о событиях за рубежом окрашивались мрачным цветом с оттенком неприязни. События внутренней жизни рисовались обычно в светлых, приподнято-торжественных тонах, и это высокопарное представление действительности, вызывавшее неприятие у многих мыслящих членов общества, также было своеобразной формой Р. а. Основная масса публикаций представляла собой набор идеологических штампов. СМИ выступали в качестве орудия партийного руководства обществом, читателю отводилась роль объекта идеологического воздействия. Отношения автора и адресата, складывавшиеся как отношения руководителя и подчиненного, обусловливали главенствующую модальность текстов СМИ того периода, нередко проявляющуюся прямо и грубо, — модальность долженствования. Немногие публикации (прежде всего очерки талантливых журналистов) демонстрировали искреннее уважение к герою и читателям.

Тенденция к Р. а. продолжает действовать в период расширения границ речевой свободы — в период перестройки и постперестройки. Отмена цензуры, идеологических табу, строгих стилевых установок привела к раскрепощению языка публицистики.

Меняется статус участников коммуникативного акта: журналиста и читателя. Становятся неактуальными отношения автора и адресата как отношения поучения, подчинения, диктата. Меняется вектор модальности долженствования, она обращена теперь к властным структурам: *«И невозможно себе представить, что при осуществлении такого проекта какой-нибудь фининспектор в районе будет действовать, а министр финансов, к примеру, соблюдать политес. Так не получится. Усилия должны быть предприняты всей государственной машиной»; «Можно переписать все законы, сделать их прекрасными, но без конкретных жестких мер, без личной ответственности министров-капиталистов никакого прорыва добиться невозможно»; «И, как ни крути, только президент отвечает за это лично»* («Московский комсомолец» в Перми»).

Приоритет общественного над частным сменился всплеском интереса ко второму: в СМИ с энтузиазмом обсуждаются вопросы, связанные с частной жизнью, с интимными сторонами существования человека. Одним из самых популярных жанров стало интервью. Проявляющаяся в этом жанре назойливость журналистов воспринимается как Р. а. по отношению как к интервьюируемым, так и к читателям. Напр., в интервью с бывшим актером В. Царевым автор выпытывает интересующую его подробность с помощью вариативного повтора одного и того же болезненного для его собеседника вопроса:

— Выпить-то, наверное, любите?
— Нет, а кто не любит? И почему не выпить, если есть?
— Сильно пьете?
— Да ну, перестань!
— В запои не уходите?
— Не на что.
(«“Комсомольская правда” в Перми»).

В некоторых СМИ распространился своеобразный вид Р. а., получивший название *стеб* (стеб — ернически агрессивное поведение, отношение к чему-л. и соответствующий стиль речи). В ерническом стиле журналисты пишут о катастрофах, пожарах, убийствах, грабежах, высмеивают то, что, казалось бы, не располагает к шутке: *«27 января около 17-ти часов на улице Юрша ударили по головушке заместителя начальника одного из сбербанков...»; «В селе Кыласово Кунгурского района 34-летний мужик развелся с женой, потом как следует напился по этому поводу, а затем устроил пиф-паф себе в грудь из охотничьего ружья...»; «Нехило заполыхал деревянный двухквартирный дом по улице Таджикской... Полыхали хозяйственные постройки, баня... В неравной битве с огнем четыре барана превратились в шашлык»* («МК в Перми»). Такая манера навязывает агрессивно-нигилистическое отношение ко всем без исключения явлениям (как отрицательным, так и положительным) и отражает идейный разброд общества, в котором прежние идеалы разрушены, а новые еще не сформированы.

Разрушение концептуального и стилистического единства СМИ выразилось в разделении прессы на качественную и бульварную, в последней Р. а. имеет часто разнузданный характер, который был невозможен

в прежние годы жесткой цензуры. Если серьезные издания не позволяют себе явных оскорблений, а грубости читателя противопоставляют иронический или подчеркнуто вежливый тон, то другие издания избирают грубую, агрессивную манеру речи. В совр. прессе распространяется Р. а. в ее «чистом» виде, когда речевое действие осознанно совершается как агрессивное и читатель воспринимает его именно как агрессивное. В высказываниях с установкой на прямое оскорбление объекта употребляется бранная лексика и фразеология, в том числе перифрастического типа (напр.: *дерьмократы, демпроститутки пера, дристуны свободы*). Такая лексика и фразеология является языковым насилием над этическим и эстетическим сознанием читателя.

Отказ от обязательного принципа коммунистической партийности привел к идеологическому размежеванию, к появлению самых разных по политической окраске газет — от коммунистических, монархических и даже фашистских до демократических широкого спектра. В газетах «Завтра», «Русский порядок» и т.п. используются грубо-просторечная лексика и другие средства уничижения (напр., написание фамилий и имен со строчной буквы: *господин чубайс* и т.д.) политических оппонентов. Т. о., в совр. публицистике Р. а. проявляется не только в сфере межличностных отношений, но и — как в прежние времена — в сфере идеологического противостояния, но противостояния более сложного, чем бинарная оппозиция «свои — чужие».

Тенденция к Р. а. в постперестроечное время активно проявляет себя в сферах функционирования устной разг. речи: в семье, в школе и других учреждениях образования, в армии, сфере хозяйства, где заняты работники низкой квалификации и используется преимущественно физический труд, сфере обслуживания, в парламентском общении. В этих коммуникативных сферах Р. а. находит яркое воплощение в инвективном стиле речевого взаимодействия.

Поскольку механизмы, традиционно сдерживавшие проявление Р. а., в значительной степени утрачены в условиях общего культурного неблагополучия, обусловленного длительными социальными катаклизмами, в наше время назрела необходимость в научной разработке новых механизмов, которые предотвратили бы распространение Р. а. и способствовали тем самым процессам гуманизации общения.

Лит.: Кайда Л.Г. Эффективность публиц. текста. — М., 1989; Какорина Е.В. Стилистические изменения в языке газеты новейшего времени: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1992; Лоренц К. Агрессия. — М., 1994; Купина Н.А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. — Екатеринбург; Пермь, 1995; Солганик Г.Я. Газетные тексты как отражение важнейших языковых процессов в совр. обществе (1990—1994 гг.), «Stylistyka-IV». — Opole, 1995; Михальская А.К. Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике. — М., 1996; Рус. язык конца XX столетия (1985—1995). — М., 1996; Рус. язык (1945—1995), Opole, 1997; Майданова Л.М., Соболева Е.Г., Чепкина Э.В. Общественная концепция личности и жанрово-стилистические характеристики текстов в средствах массовой информации, «Stylistyka-VI». — Opole, 1997; Речевая агрессия и гуманизация общения в сред-

ствах массовой информации. — Екатеринбург, 1997; Сковородников А.П. Языковое насилие в совр. российской прессе // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. — Красноярск; Ачинск, 1997. Вып. 2; Булгакова Н.Е. Словесные ярлыки как фактор языкового насилия (там же); Диева Т.М. Социальные диалекты в совр. российской прессе (газеты «Завтра» и «Русский порядок»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2001.

Т.Б. Трошева

РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА — часть культуры народа, связанная с использованием языка. В нее включается сам язык, его этническая специфика, функциональные и социальные разновидности, воплощенные в устной или письменной форме. Кроме того, в нее входят и этнические особенности языковой картины мира, и сформировавшиеся обычаи и правила поведения (в том числе использование невербальных средств), совокупность текстов на данном языке. (См. определение речевой культуры в Энциклопедии «Русский язык», 1997.)

Каждый народ за века своего существования выработал свою Р. к., и то, что свойственно речевой культуре одного народа, может быть совсем несвойственно Р. к. другого народа, хотя есть и общечеловеческие свойства в любой речевой культуре: обязательно есть представление о правильности речи, ее эталоне, представленном в каких-то текстах, есть передача знаний о ней (хотя сами способы передачи могут быть разными), обязательно есть правила вежливости (хотя сами эти правила тоже могут различаться). Поэтому можно говорить о русской, английской, китайской, японской и т.д. речевых культурах и о Р. к. как общечеловеческом феномене.

Понятие Р. к. шире понятия культуры речи, в которое включается только характер использования языка, отношение к нему, но не сам язык и закрепленная в нем картина мира. Реализуется Р. к. в речи, в процессе общения.

Как правило любой народ не однороден ни по образованию, ни по степени уважения к языку, выработанным за века правилам общения, ни по роду деятельности. Отсюда понятие внутриязыковых типов Р. к. Эти типы могут выделяться во всем народе — носителе того или иного языка или только среди тех, кто говорит и пишет на лит. языке. Г.Л. Нещименко выделяет среди них носителей лит. языка, т.е. действительно владеющих им, и пользователей, т.е. тех, кто лит. языком пользуется, но в достаточной мере им не владеет. Количество выделяемых типов в сфере действия лит. языка Н.И. Толстой сводит к одному (элитарная Р. к.), а В.Е. Гольдин и О.Б. Сиротинина в 1993 г. выделили 4, а в 2001 г. — 5: полнофункциональный, неполнофункциональный, среднелитературный, литературно-жаргонизирующий и обиходный. Каждый из них распространен в определенной социальной группе, но это не тип речи, не социолект, а именно тип Р. к.

Полнофункциональный тип наблюдается среди людей с высшим образованием, характерен для людей с самым высоким уровнем общей

культуры. Для него характерны: владение всеми функц. стилями лит. языка, привычка к самоконтролю речи, навык обращения к словарям и справочникам не только в рамках своей профессии, максимально полное использование всех возможностей литературного языка при очень осторожном и всегда целесообразном применении внелитературных средств, соблюдении ортологических, коммуникативных и этнических норм. Для носителей этого типа Р. к. эталоном речи и прецедентными текстами служат тексты классической худож. литературы и действительно образцовые тексты других видов речи. Владея языком (часто и несколькими), они не злоупотребляют ни иностранными, ни сниженными словечками, не подменяют ни письменную речь тем, что свойственно устной, ни устную речь конструкциями письменной речи, свободно переходят с одного функционального стиля на другой в зависимости от условий и задач коммуникации.

Способствуют формированию полнофункционального типа речевой культуры воспитание и обучение (семья, школа, вуз), характер профессиональной деятельности, требующей социальной активности и многорольности, но главное — активное самообразование, постоянное стремление расширить свои познания, проверить себя не только в своей профессии, но и в языке (проверить правильность произношения, написания, значения слов и т.д.).

Неполнофункциональный тип близок к полнофункциональному и характерен для людей все же высокой культуры, хотя и менее высокой, чем у носителей полнофункционального типа. Это тоже люди с высшим образованием, но степень владения ими лит. языком не достигает уровня полнофункционального: владение *не всеми* функциональными стилями (обычно только профессионально значимыми для них и разговорным); *не всеми* богатствами лексической и грамматической системы (используется лишь малая часть синонимических возможностей языка); не вполне разграничиваются ими устная и письменная формы речи (возможна подмена или владение только одной из них). В их речи встречаются нарушения ортологических, коммуникативных и этических норм (но грубые нарушения редки) из-за недостаточной их освоенности. Это как бы несформировавшийся полнофункциональный тип Р. к. Способствуют этому некоторые условия семейного воспитания (низкий культурный уровень родителей, отсутствие домашней библиотеки), плохие учителя в школе и в вузе, но главные причины — выраженная профессиональная и социальная однорольность (только оратор или только «книжный червь» — бухгалтер, работник канцелярии и т.д.) при отсутствии стремления или должных усилий к расширению круга своих интересов, привычки проверять себя не только в профессиональной сфере. Часто это интеллигенты в первом поколении, ориентирующиеся не на словари и справочники в том, что касается языка, а на то, что они слышат по телевидению, читают в газетах. Их прецедентными текстами являются не только тексты классической литературы, но и тексты СМИ, тексты «полухудож.» произведений, тексты, написанные начальником или учителем. Ослаблено критическое внимание к речи других и к себе.

Среднелитературный тип характеризует большинство населения со средним образованием, встречается и у людей с высшим образованием. В этом типе Р. к. нарушения ортологических, коммуникативных и этических норм частотны и системны не только из-за недостаточного владения лит. языком, но прежде всего из-за сознательного игнорирования его норм при очень большой самоуверенности в их знании. Как правило, речевые ошибки сопровождаются и фактическими, свидетельствующими как о низком уровне общей культуры (в газете журналист пишет о полуострове Сахалин), так и о чрезмерной самоуверенности (в газете журналист путает фамилии известных в стране губернаторов, меняет области, которыми они руководят, не утруждая себя элементарной проверкой).

Принадлежность к среднелитературному типу некоторых журналистов создает порочный круг, т.к. их речь воспринимается другими носителями этого типа как эталон, а, следовательно, ошибки журналиста тиражируются.

Ощущение некоторой ущербности своих речевых возможностей при свойственной им самоуверенности приводит носителей этого типа Р. к. или к ориентации на сугубо книжную речь, к широкому употреблению иностранных слов, или к намеренному эпатажу (бранная лексика вплоть до мата).

Поскольку прецедентными текстами для носителей среднелитературного типа являются СМИ и псевдохудож. литература, отражающая этот же тип, этот тип Р. к. постоянно самовоспроизводится без каких бы то ни было усилий со стороны его носителей.

Литературно-жаргонизирующий тип сформировался в конце XX в. усилиями журналистов как реакция на официоз и казенность речи СМИ советской эпохи. Стремление к раскованности речи, сближению с народом привело к журналистской разнузданности, прежде всего в их речи. Этот тип Р. к. характеризуется намеренным снижением речи (жаргонизация речи, предпочтение литературному слову любых его синонимов из просторечия, диалектов, жаргона, бранного лексикона).

Основные его отличия от арготического типа (см. ниже) — в социальной группе носителей (журналисты) и функции используемых ими жаргонизмов (прежде всего экспрессивная). Наблюдается он у журналистов не самой высокой культуры, но вне своей профессии, возможно, относящихся к неполнофункциональному типу, так что это не столько особый тип Р. к. человека, сколько создаваемое им впечатление, тип Р. к. конкретной теле- или радиопередачи, конкретной газеты.

Влияние таких СМИ на население порождает постепенное формирование литературно-жаргонизирующего типа как действительно самостоятельного типа Р. к., носителями которого являются уже не журналисты, а те пользователи литературного языка (*Нещименко,* 2001), которые, ориентируясь на речь СМИ, широко используют в экспрессивных целях и жаргонизмы, и любую сниженную лексику, считая, что так и надо говорить и писать.

Обиходный тип не предполагает сознательного отношения к своей речи, выбора нужной формы и нужного стиля. Носители этого типа Р. к. —

самого низкого в сфере действия лит. языка — в любых условиях, в том числе и в официальной обстановке, пользуются только с детства освоенной разговорной речью и беспомощны поэтому перед необходимостью использования речи в ее письменной форме. Их устный монолог не строится как текст, а все время сбивается на диалог с кем-то из слушателей (*Понял, нет? Ты понимаешь?*). В телевизионных передачах, даже если это выступление приглашенного на передачу перед присутствующими в студии (а ведь главный адресат — телезрители), это фактически диалог со знакомым ведущим, в некоторых радиопередачах — диалог диджея с одним из позвонивших.

Формирование этого типа Р. к. — результат того, что его носитель никогда не прикладывал никаких усилий для овладения навыками хорошей речи, а прецедентными текстами для него служит только домашняя и уличная речь да реклама, впечатывающаяся в подсознание из-за назойливого ее повторения.

За пределами лит. языка выделяются **просторечный, арготический и народно-речевой** типы. Просторечный характерен для речи малообразованных горожан; арготический формируется в определенных социальных группах ради «шифрования», сокрытия информации от посторонних и в парольной функции; народно-речевой типичен для диалектоносителей с их особой культурой, особыми языковыми, коммуникативными и этическими нормами и даже представлениями о мире. «Вытягивание» из этих типов определенных слов и форм иногда обогащает литературный язык, но чаще просто засоряет его.

Для всех этих типов органична только устная форма речи, и даже передача знаний от поколения к поколению тоже происходила (и происходит) только в устной форме. Жаргонные и диалектные словари создаются лингвистами, а не носителями этих типов и не для их носителей, а ради изучения соответствующих социальных компонентов национального языка или понимания используемых в этих социальных группах слов.

Лит.: Толстой Н.И. Язык и культура // Русский язык и современность: Проблемы и перспективы развития русистики. — М., 1991; Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б. Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие // Вопросы стилистики: Проблемы культуры речи. Вып. 25. — Саратов, 1993; Их же. Речевая культура // Энциклопедия «Русский язык». — М., 1997; Сиротинина О.Б. Устная речь и типы речевых культур. — Русистика сегодня. — 1995. — № 4; Ее же. Русский язык в разных типах речевых культур // Русский язык сегодня. — М., 2000; Фишер И.С. Устная монологическая речь (на материале публицистических телепередач): Автореф. дис.... канд. филол. наук, Саратов, 1995; Кондратьева-Фишер И.С. Телевизионная публичная речь // Журналистика на пороге XX в.: исторический опыт, современное развитие. — Владикавказ, 1997; Инфантова Г.Г. О типах элитарной речевой культуры // Предложение и слово. — Саратов, 1999; Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. — М., 1994, СПб., 1999; Кочеткова Т.В. Языковая личность носителя элитарной речевой культуры: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Саратов, 1999; Горбаневский М.Л., Караулов Ю.М., Шаклеин В.М. Не говори шершавым языком. — М., 2000; Голь-

дин В.Е., Сиротинина О.Б., Ягубова М.А. Русский язык и культура речи: Учебник для нефилологов. — Саратов, 2001; Нещименко Г.П. Динамика речевого стандарта современной публичной вербальной коммуникации: Проблемы. Тенденции развития. — ВЯ. — 2001. — № 1; Хорошая речь. — Саратов, 2001.

О.Б. Сиротинина

РЕЧЕВАЯ СИСТЕМНОСТЬ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО СТИЛЯ — это взаимосвязь разноуровневых языковых и текстовых единиц в конкретной речевой разновидности, основанная на выполнении единой коммуникативной цели и общей функции, обусловленная экстралингвистической базой этой разновидности, прежде всего назначением в обществе соответствующей формы общественного сознания (науки, искусства, права и т.д.). Это взаимосвязь и системность языковых единиц именно на текстовой плоскости (в самой организации речи), реализующая *конструктивный принцип* (см.) данного функц. стиля. Своя особая Р. с. свойственна как каждому Ф. стилю (т.е. и данному типу текстов), так и отдельному тексту. Принцип Р. с., или стилистико-речевой организации, существенно отличается от принципа организации уровневой системы языка, так как последний (по Соссюру) заключается в значимости, ценности (valeur) каждой единицы языка как члена системы (в смысле имманентной сущности) в противопоставлении с другими единицами. Речевая же системность стиля обусловлена экстралингвистической стилеобразующей основой функц. стиля — реализацией в речи назначения в социуме соответствующей формы сознания и вида деятельности, задач общения и т.д.

Своеобразный стиль той или иной социально значимой разновидности речи (представленной тем или иным конкретным текстом-произведением или целым корпусом последних) создается не набором средств одной стилистической окраски — подобных в языке не так много, но функционально и семантически специализированными средствами, исторически (в процессе развития данного функц. стиля) приспособленными для реализации общения в данной сфере. В итоге создается специфическая речевая (текстовая) организация, особый композиционный тип речи с определенным функц.-стилевым своеобразием. Так, напр., поскольку для науч. речи характерны обобщенно-отвлеченность (абстрагизация) и подчеркнутая логичность и терминированность как ее сущностные стилевые черты (в силу обусловленности речи абстрактно-понятийным и строго логическим типом мышления), то в ней активизируются языковые единицы (всех уровней языковой системы) с абстрактным и обобщенным значением, а также и акцентированно выраженные в тексте логичность и точность изложения. Это касается не только лексики, но и морфологии и синтаксиса. В науч. текстах активизируется не только абстрактная лексика и слова с общим значением (термины и не термины), но и грамматические формы и конструкции с наиболее общим (не конкретным) значением. Напр., высокочастотны глаголы наст. времени во вневременно́м (абстрактном) значении (*Земля* ***вращается***

вокруг Солнца; вода ***замерзает*** *при* 0°) (в отличие, напр., от более конкретных по значению форм настоящего момента речи (актуального) (***иду*** *домой)* или наст. исторического (*пришел и* ***вижу)***, более свойственных разг. и худож. речи); широкоупотребительны существительные в форме ед. числа в обобщенном значении (как названия не отдельных, считаемых предметов — *дуб, береза, ель*, но как обозначение породы: *дуб — порода светлолюбивая*) и т.д.; высока частотность использования страдательных, обобщенно-личных, неопределенно-личных и безличных конструкций. Все эти единицы, широко используемые в науч. текстах, выступают в о д н о й функции — выражение конструктивного принципа данного функц. стиля — и на этой основе взаимосвязаны на текстовой плоскости, придавая последней особую *функц.-стилевую* общетекстовую *окраску* (см.) как специфическую черту данного функц. стиля. Оф.-дел. речи, направленной на регулирование отношений между гражданином и обществом, между социальными институтами власти и предписывающей выполнение определенных правовых норм, свойственны императивность и долженствующе-предписующий характер как ее общая стилевая черта. Это достигается широким употреблением здесь не только слов со значением долженствования, необходимости (*нужно, необходимо, следует, обязан* и т.д.), но и форм с аналогичным значением (напр., временны́х форм глагола со значением настоящего долженствования: *пароходство* ***выплачивает*** *пеню*, в смысле — ***должно*** *выплачивать*) и соответствующих конструкций (напр., инфинитивных: инфинитив глагола со словами *должен, обязан, имеет право* и т.д.).

Подобная системность принципиально отлична от понятия «система (строй) языка», так как она образуется на коммуникативно-функциональной экстралингвистической основе каждого функц. стиля. Ее в общих чертах можно назвать по ведущему стилевому признаку того или иного функц. стиля.: научный как обобщенно-отвлеченный и подчеркнуто логичный; публиц. как информативно-воздействующий; худож. как выразительно-изобразительный; оф.-дел. как предписующе-долженствующий.

При этом та или иная общеязыковая единица (лексема, форма, конструкция) при использовании ее в том или ином функц. стиле как бы семантически расщепляется и определенной своей стороной участвует в выражении и создании речевой системности соответствующего стиля (напр., форма наст. времени глагола в науч. речи преимущественно выступает во вневременно́м, абстрактном значении; в оф.-дел. — в значении долженствования; в разг. — момента речи (наст. актуального) или в значении будущего; в худож. — в значении наст. исторического, хотя здесь более активизируются формы прош. времени, так как идет повествование; в публиц. формируется особое значение (употребление) этой формы — наст. репортажное).

Созданию общей стилевой характеристики и специфики речевой системности того или иного функц. стиля способствуют в каждом из них свои *закономерности функционирования языковых единиц в функц. стилях* — см., в том числе носящие вероятностно-статистический характер.

В аспекте собственно текстового уровня Р. с. ф. с. (подстиля и т.д.) выражается не только указанными взаимосвязями дотекстовых языковых единиц, но и в таких особенностях организации речи (обусловленных все той же экстралингвистической основой функц. стиля.), как специфичная архитектоника и композиция текста, соотношение разных функц.-смысловых типов речи в тексте данного Ф. стиля, своеобразие и своя динамика речевых жанров и форм речи, реализация и взаимодействие определенных текстовых категорий. Все это взаимосвязано в целях выполнения единого коммуникативного задания и функции в качестве реализации экстралингвистической основы соответствующего функц. стиля. Так, в науч. речи активизируется *рассуждение* (см.) с элементами описания (как выражение понятийно-логической формы мышления); *композиция* (см.) развивается путем реализации фаз познавательной деятельности ученого (от проблемной ситуации к идее/гипотезе, ее доказательству и, наконец, выводам). При этом большую роль в науч. текстах играет *категория гипотетичности* (см.), вообще своеобразный набор и связь текстовых категорий. *Текстовые категории* (см.) являются функц.-стилистически ориентированными при их реализации в текстах различных функц. стилей (*Матвеева,* 1990). Т.о., все единицы текста (языковые и текстовые) взаимосвязаны общей функцией.

Введение в науч. оборот понятия «Р. с. ф. с.» позволило выйти на новый уровень изучения функц. стилей и оказалось (напр., по мнению В.В. Одинцова, 1980, с. 16—17) весьма перспективным. Вместо описания совокупности языковых средств какого-либо функц. стиля, которые обычно повторялись в описаниях стилей, не выявляя действительной их специфики, появился инструмент определения последней, так как речевая системность неповторима (и не может заимствоваться из стиля в стиль). Кстати, это критерий для сопоставления и разграничения функц. стилей.

Предпосылками для формирования понятия Р.с. (как оно представлено выше) послужили высказывания В.В. Виноградова о худож. тексте как «целостной организации речи» (1930) и И.Р. Гальперина о функц. стилях как «замкнутых системах... использования языковых средств» (1954), а также о вероятностной структуре речи (*Андреев, Зиндер* 1963, см. *Стилостатистич. метод*). Позже Б.А. Серебренников отмечает, что речь не может быть несистемной (1983). Особое место занимают работы Е.В. Сидорова о смысловой системности речи (текста), рассматриваемой в аспекте психолингвистики.

Лит.: Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. — М., 1963; Кожина М.Н. К проблеме речевой системности и функц.-стилистических норм в связи с описанием и изучением рус. языка // Межд. конф. преподавателей рус. яз. и лит. — М., 1969; Ее же: О речевой системности науч. стиля ср. с некоторыми другими. — Пермь, 1972; Ее же: Стилистика русского языка. — М., 1993; Лариохина Н.М. Вопросы синтаксиса научного. стиля речи. — М., 1979; Одинцов В.В., Стилистика текста. — М., 1980; Разг. речь в системе функц. стилей совр. рус. лит. языка / Ред. О.Б. Сиротининой. — Саратов, Лексика, 1983, Грамматика, 1992; Сидоров Е.В. Проблемы речевой системности. — М., 1987; Матвеева Т.В. Функц. стили в аспекте текстовых категорий. — Сверд-

ловск, 1990; Салимовский В.А. Семантический аспект употребления слова в функц. стилях речи. — Пермь, 1991; Его же: Смысловая структура науч. текста в отношении к дотекстовым единицам // Очерки истории науч. стиля. Т. II. Ч. 1. — Пермь, 1996; Его же: Речевые жанры науч. эмпирического текста // Текст: стереотип и творчество. — Пермь, 1998; Рябцева Н.К. Мысль как действие, или риторика рассуждения // Логический анализ языка. Модели действия. — М., 1992; Баженова Е.А. Специфика смысловой структуры научного текста и его композиция // Очерки истории науч. стиля рус. лит. языка XVIII—XX вв. Т.П. Ч. 1. — Пермь, 1996; Трошева Т.Б. Формирование рассуждения в процессе развития научного стиля русского литературного языка. XVIII—XX вв. (сопоставительно с другими функциональными разновидностями). — Пермь, 1999.

М.Н. Кожина

РЕЧЕВАЯ СИТУАЦИЯ — ситуация, в которой осуществляется речевое взаимодействие между коммуникантами. Ее важнейшие параметры обычно описываются на основе классических моделей коммуникативного акта (*К. Бюлер*, *Р. Якобсон* и др.). Согласно модели Р. Якобсона, этими параметрами являются адресант, адресат, контекст, сообщение, контакт и код. В отечественной стилистике существенно дополненный вариант этой схемы предложил К.А. Долинин. В его трактовке набор взаимосвязанных и частично переходящих друг в друга параметров Р. с. составляют: а) партнеры по общению — адресант (отправитель, субъект речи) и адресат (получатель); б) референтная ситуация, представляющая собой фрагмент объективной действительности, с которым соотнесено референциальное содержание высказывания; в) деятельностная ситуация, в рамках которой происходит речевое взаимодействие; г) предметно-ситуативный фон, т.е. место и время общения, всё то, что происходит вокруг, присутствующие при общении люди, социальная, политическая и историко-культурная ситуация; д) канал связи, который может быть акустическим или визуальным, предполагающим наличие или отсутствие непосредственного контакта между коммуникантами. При этом высказывание детерминируется не непосредственно характеристиками Р. с., а представлением о них, сложившимся в сознании адресанта.

Эта модель, включающая, в отличие от других схем коммуникативного акта, параметр деятельностной ситуации и широко трактующая предметно-ситуативный фон, охватывает тем самым не только ближайшую, но и более широкую социальную среду. Как отмечал еще в 1920-е годы М.М. Бахтин, именно эта последняя определяет глубинные пласты структуры высказывания. При актуализации же переживания в законченном высказывании первоначальная социальная ориентированность сообщения осложняется установкой на ближайшую ситуацию говорения.

Функциональная стилистика классифицирует экстралингвистические факторы с точки зрения их значимости для стилеобразования и вводит в анализ вслед за базовыми явлениями более частные детерминанты речи, а также параметры ближайшей социальной ситуации (см. *Экстралингвистические стилеобразующие факторы функц. стилей*).

Лит.: Бюлер К. Теория языка // История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. — М., 1965; Кожина М.Н. К основаниям функциональной стилистики. — Пермь, 1968; Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». — М., 1975; Долинин К.А. Имплицитное содержание высказывания. — ВЯ. — 1983. — № 6; Его же: Стилистика французского языка. — М., 1987; Волошинов В.Н. (М.М. Бахтин). Марксизм и философия языка. — М., 1993.

В.А. Салимовский

РЕЧЕВОЙ АКТ — целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принятыми в данном обществе нормами коммуникации; элементарная единица языкового общения. Р. а., будучи сложноструктурированным образованием, включает: акт произнесения; построение высказывания по правилам грамматики данного языка; пропозициональный акт, осуществляющий референцию и предикацию; иллокутивный акт, выражающий коммуникативную цель. Совершение речевого действия вызывает искомые последствия (перлокутивный эффект).

Р. а. производится в определенной *речевой ситуации* (см.). Его участники обладают общей речевой компетенцией и общими представлениями о мире.

Важнейшим звеном в структуре Р. а. является иллокутивый акт, называемый также иллокутивной силой. Он отражает межличностные отношения и показывает, чего хочет достичь говорящий своим высказыванием. Существует ряд измерений, в которых происходит варьирование иллокутивных актов. Это различия в цели данного акта, в выраженных психологических состояниях, в энергии, с какой подается цель, в статусе и положении говорящего и слушающего и др. В таксономии Р. а. выделяются следующие базисные категории (по Дж. Р. Серлю): репрезентативы, или сообщения: *Сегодня понедельник*; директивы, являющиеся актами побуждения: *Выключите телевизор!*; комиссивы, т.е. акты принятия обязательств: *Обещаю вести себя хорошо*; экспрессивы, выражающие психологическое состояние, задаваемое условием искренности: *Извините за то, что наступил Вам на ногу*; декларации, посредством которых устанавливается соответствие между пропозициональным содержанием и реальностью: *Ваш трудовой договор (настоящим) расторгается*.

Обычно высказывание содержит компоненты, позволяющие адресату судить о коммуникативной интенции говорящего. Но существуют и косвенные Р. а., иллокутивная цель которых не выражена и устанавливается адресатом благодаря его коммуникативной компетенции: *Можете ли вы достать соль?* (просьба в форме вопроса).

Под Р. а. обычно понимаются однофразовые высказывания. Однако актами речевой коммуникации являются и тексты. Известны попытки классификации текстов как «макроактов» по иллокутивному критерию. В этом случае тип макроакта определяется не по совокупности высказываний, характеризующихся той или иной иллокутивной силой, а по функции текста как целого в процессе общения. При таком подходе научные статьи квалифицируются как репрезентативы, гарантийные письма как

комиссивы, распоряжения, указы как декларации и т.д. Иной метод систематизации Р. а. (независимо от их размера) предложила А. Вежбицка. Р. а., в том числе макроакты, моделируются ею на основе семантической методики при помощи последовательности предложений, выражающих мотивы, интенции и другие ментальные акты говорящего. (Лекция: *хочу сказать вам разные вещи об X; думаю, что вы должны знать нечто об X; думаю, что вы знаете, что я знаю много об X; говорю это, потому что хочу, чтобы вы знали нечто об X.*)

В ряде функционально-стилистических исследований процесс текстообразования рассматривается в типологическом аспекте как развертывание авторского замысла в виде типичной последовательности познавательно-речевых действий. В этом случае Р. а. предстает как действие, включенное в текстовую деятельность.

Лит.: Булыгина Т.В. О границах и содержании прагматики. — Изв. АН СССР. Сер. Л и Я. — 1981. — № 4; Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. — М., 1985; Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. — М., 1986; Остин Дж.Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике, вып. 17, Теория речевых актов. — М., 1986; Серль Дж.Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. — М., 1986; Стросон П.Ф. Намерение и конвенция в речевых актах // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. — М., 1986; Арутюнова Н.Д. Речевой акт // Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990; Богданов В.В. Речевое общение. Прагматические и семантические аспекты. — Л., 1990; Его же: Текст и текстовое общение. — СПб., 1993; Рябцева Н.К. Ментальные перформативы в научном дискурсе. — ВЯ. — 1992; Вежбицка А. Речевые жанры // Жанры речи. — Саратов, 1997.

В.А. Салимовский

РЕЧЕВОЙ ЖАНР — относительно устойчивый тематический, композиционный и стилистический тип высказываний (текстов). Будучи культурными формами, Р. ж. характеризуются следующими основными свойствами: они объективны по отношению к индивиду и нормативны; историчны, вырабатываются людьми в определенную эпоху в соответствии с конкретными условиями социальной жизни; характеризуются особым оценочным отношением к действительности; выполняют функцию интеграции индивидов в социум; многообразны и разнородны, дифференцированы по сферам человеческой деятельности и общения; являются опорой для творчества. Р. ж. (от однословной бытовой реплики до больших произведений науки или литературы — *М.М. Бахтин*) являются единицами общения. Важнейшие конститутивные особенности высказываний (текстов), отливаемых в те или иные жанровые формы, — смена речевых субъектов и завершенная целостность. Высказывание (текст) есть духовное преломление бытия, осуществляемое в разных сферах культурного творчества в соответствии с различными принципами.

В плане генезиса Р. ж. разделяются на первичные и вторичные. Первичные Р. ж. складываются в условиях непосредственного общения, а вторичные — в условиях высокоразвитой культурной коммуникации, напр., научной, административно-правовой, политико-идеологической, художественной, религиозной (романы, драмы, научные исследования и др.). Первичные Р. ж. могут преобразовываться, усложняться, превращаться во вторичные. «Мотивировка своего поступка есть в маленьком масштабе правовое и моральное творчество; восклицание радости или горя — примитивное лирическое произведение; житейские соображения о причинах и следствиях явлений — зачатки научного и философского познания...» (*В.Н. Волошинов*). Вторичные Р. ж. как формы целых речевых произведений включают в свой состав богатый репертуар модифицированных первичных жанров.

Другим важнейшим критерием классификации Р. ж. являются сферы деятельности (прежде всего духовной) и общения. Важнейшие виды духовной социокультурной деятельности, выступая экстралингвистической основой соответствующих функциональных стилей, предстают в качестве иерархически организованных систем частных деятельностей и образующих их типовых действий, лежащих в основе групп речевых жанров и отдельных жанров.

Р. ж. типологизируются, кроме того, по признаку информативной или фатической целеустановки коммуникантов, т.е. установки на сообщение чего-л. или же на удовлетворение потребности в общении как таковом. Каждая из этих двух наиболее общих целей представлена набором более частных типовых интенций, соответствующих отдельным жанрам. Собственно информативными речевыми жанрами в сфере непосредственного общения являются, например, личностно нейтральные вопросы и ответы, прямые просьбы и обещания, речевое взаимодействие на производстве и пр., фатическими — празднореч ивые жанры, флирт, шутка, розыгрыш, издевка, похвальба и др.

Р. ж. допускают разную степень свободы в развертывании содержательно-смысловой стороны сообщения, а также в выборе и использовании языковых средств. Различаются 1) тексты, которые строятся в соответствии с более или менее жесткими, но всегда облигаторными информативными моделями (напр., кулинарный рецепт, инструкция, театральная афиша); 2) тексты, содержание которых строится по узуальным информативным моделям, т.е. моделям, носящим довольно общий характер (газетное сообщение о текущих событиях, рецензия на литературное произведение); 3) тексты нерегламентированные, содержание которых не подлежит никакой строгой заданности со стороны жанра и коммуникативной сферы (частная переписка, большинство жанров худож. произведений — Кв. Кожевникова).

В случае специально спланированного, сознательного построения речи и употребления в ней определенных языковых средств речевые жанры становятся риторическими.

Жанровые формы во многом определяют характер мышления и дискурсивного поведения языковой личности. В процессе развития социолингвистической компетенции человека система жанровых фреймов становится имманентной его сознанию структурой. Это облегчает процессы формирования и формулирования мысли, а также восприятие чужого высказывания.

В последние годы Р. ж. становятся объектом новой лингвистической дисциплины — жанроведения, тесно взаимодействующей с другими направлениями современной коммуникативно-функц. лингвистики.

Лит.: Солганик Г.Я. Введение // Вакуров В.Н., Кохтев Н.Н., Солганик Г.Я. Стилистика газетных жанров. — М., 1978; Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. — М., 1979; Шмелева Т.В. Речевой жанр // Русистика. — № 2. — Берлин, 1990; Ее же: Речеведение. — Новгород, 1996; Волошинов В.Н. (Бахтин М.М.). Фрейдизм. — М., 1993; Его же: Марксизм и философия языка. — М., 1993; Матвеева Т.В. К лингвистической теории жанра // Collegium, 1—2. — Киев, 1995; Дементьев В.В. Изучение речевых жанров. Обзор работ в современной русистике. — ВЯ. — 1997. — № 1; Его же: Непрямая коммуникация и ее жанры. — Саратов, 2000; Дементьев В.В., Седов К.Ф. Социопрагматический аспект теории речевых жанров. — Саратов, 1998; Вежбицка А. Речевые жанры // Жанры речи. — Саратов, 1997; Федосюк М.Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров. — ВЯ. — 1997. — № 5; Долинин К.А. Проблема речевых жанров через сорок пять лет после статьи Бахтина // Русистика: лингвистическая парадигма конца XX в.. — СПб., 1998; Кожина М.Н. Некоторые аспекты изучения речевых жанров в нехудожественных текстах // Стереотипность и творчество в тексте. — Пермь, 1999; Седов К.Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности. — Саратов, 1999; Сиротинина О.Б. Некоторые размышления по поводу терминов «речевой жанр» и «риторический жанр» // Жанры речи. — Саратов, 1999.

В.А. Салимовский

РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ — совокупность принятых обществом правил речевого поведения в соответствующих сферах и ситуациях общения. Речевое поведение регулируется социальной иерархией, национальной культурой и этикетом, ритуалом, воспитанностью языковой личности, постоянной практикой, контролируемой сознанием.

В социальных контактах для поддержания общения в нужной тональности употребляются этикетные формулы — разноуровневые языковые единицы (полнознаменательные словоформы, слова неполнознаменательных частей речи — (частицы, междометия), словосочетания и целые фразы, принятые в определенных ситуациях, в разных социальных группах. Социальный символизм этикетных формул подчеркивал французский стилист Ш. Балли. Он писал: «Дело обстоит так, как будто речевые явления впитывают в себя запах, присущий той среде и тем обстоятельствам, в которых они обычно употребляются... Таким образом, им удается символизировать, вызывать в сознании представление об этой группе (людей — *авт.*) с ее образом жизни или формами

деятельности». Единицы речевого этикета отражают постоянные социальные признаки участников общения: их возраст, степень образованности, воспитанности, место рождения, воспитания и жительства, пол, а также переменные социальные роли (товарищ, пациент, клиент, милиционер и др.).

Обычно называют более десяти важнейших этикетных позиций (ситуаций), отчетливо различающихся и имеющих свой этикетный словарь, который характеризуется разнообразием вариантов: обращение и привлечение внимания, знакомство, приветствие, прощание, извинение, благодарность, поздравление, пожелание, комплимент, сочувствие, приглашение, просьба, согласие, отказ.

В научной, деловой, общественно-политической, бытовой сферах не только повторяются типичные ситуации Р. э., но и создаются новые. Напр., в научной сфере общения в область речевого этикета входят правила самоманифестации автора научного произведения, а в деловой сфере, в частности, в судебной коммуникации — правила выражения отношения к подсудимым и к потерпевшим. Таким образом, ряд ситуаций Р. э. не закрыт, а, напротив, открыт в широкую область социально и национально специфичных стереотипов общения.

В условиях спонтанного общения от коммуникантов требуется «автоматизм» в выборе и употреблении «вежливых слов». Этикет речи усваивается как в практической речевой деятельности, так и в процессе специального, целенаправленного обучения или самообучения. Назовем речевые формулы наиболее социально значимых ситуаций, где в современных условиях чаще всего встречаются нарушения этикетных норм.

Обращения: прямые обращения: *Дамы и господа! Гражданин! Господин*! — офиц.; *Товарищ!* — офиц. (арм.); *Братья и сестры*! — возвыш.; *Друзья!* — торж.; *Павел Антонович! Коллега! Уважаемый! Молодой человек!* — общеупотреб.; *Сударыня!* — ирон.; *Девушка! Ребята!* — разг.; *Старик!* — фамильярн. — *Мужчина! Женщина! Парни! Мамаша! Мать! Отец! Кузьмич! Ивановна*! — простор.; контактоустанавливающие формулы: *Не откажите в любезности... Будьте любезны!* — офиц.; *Простите..., Простите за беспокойство..., Извините...; Скажите, пожалуйста...; Будьте добры! Не скажете ли Вы?* — общеупотреб.; *Скажите...* — разг.; *Послушайте...; Не подскажете ли вы...?* — простор.

Приветствия: *Приветствую вас! Разрешите (позвольте) приветствовать вас! Рад вас приветствовать (видеть)!* — офиц., церемон.; *Здравия желаю!* — офиц. (арм.); *Здравствуйте! Добрый день (утро, вечер)! С добрым утром! Добро пожаловать! Как поживаете?* — общеупотреб.; *Милости просим! Привет! Что нового? Как дела? Давно не виделись!* — разг.; *Мое почтение! Приветик! Наше вам!* — иронич., шутл.; *Хелло!* — жарг.

Знакомство без посредника: *Позвольте представиться! Разрешите (позвольте) (с вами) познакомиться! Рад познакомиться*! — офиц.; *Меня зовут ...; Будем знакомы!* — нейтр.; через посредника: *Позвольте (разрешите) вас познакомить! Разрешите вам представить! Познакомьтесь, по-*

жалуйста! — офиц.; *Знакомьтесь!* — общеупотреб. *Давайте познакомимся! Давай знакомиться!* — разг.

Извинения: *Я должен извиниться* — офиц.; *Убедительно прошу простить меня! Приношу (вам свои) (глубокие) извинения*! — церемон.; *Извините! Простите! Прошу прощения! Простите за беспокойство! Извините, пожалуйста! Извините за...* — общеупотреб.

Современные этикетные обороты речи зачастую утратили свое первоначальное значение (например, '*спасибо*' — спаси тебя бог; '*пожалуйста*' — пожалуй, приди, войди в мой дом; '*благодарю*' — дарю тебе благо). Многие формулы иносказательны, метафоричны (*приношу вам свои извинения; разрешите откланяться; не знаю как отблагодарить вас; не судите меня строго*).

Средства Р. э. устойчивы (близки к фразеологизмам, например: *С легким паром! Добро пожаловать! Прошу любить и жаловать! Милости прошу к нашему шалашу*!). Несмотря на такую устойчивость, стандартность, они гибки, легко поддаются варьированию. При этом они образуют развернутые синонимические ряды, различающиеся прикрепленностью к конкретным ситуациям (официально, неофициально), к социальным группам и слоям (общеупотребительно, широкоупотребительно (разговорно), узкоупотребительно, т.е. просторечно, жаргонно), экспрессивно-эмоциональными оттенками (нейтрально, возвышенно, торжественно, церемонно, шутливо, иронично).

Сохраняя «этикетную рамку» текстов разных функциональных стилей, автор должен сознательно выбирать из синонимического ряда лишь те средства, которые обусловлены экстралингвистически, т.е. целями, задачами, условиями общения. Действительно, шутливые, дружеские обращения, уместные в частной переписке, совершенно не соответствуют стилю официально-деловых писем. В научной сфере в целях необходимого здесь сохранения объективности изложения не принято категорично выражать несогласие с точкой зрения оппонента (отрицательная оценка смягчается, опосредованно выражается с помощью эвфемизмов). В общественно-политической сфере нейтрализация оценки в речи невозможна в принципе, потому что общение здесь предполагает открытое выражение своей позиции.

В употреблении этикетных фраз огромна роль интонации (она должна быть доброжелательной) и невербальных средств общения (правдивого выражения лица, особенно глаз, а также жестов, мимики, позы, телодвижений).

Р. э. противопоставлен «антиэтикет». Однако не только в неправильном выборе формул может проявляться невладение речевым этикетом. Его нарушения разнообразны и обнаруживаются: в бестактности, развязной фамильярности, грубости (начальника по отношению к подчиненным, ученика к учителю, молодых к пожилым, мужчины к женщине, в семье); в приказном администрировании, оскорблении, унижении, брани, ругани (при общении начальника и подчиненного,

работников сферы обслуживания и клиентов, учителя и учеников, должностных лиц и посетителей, мужа и жены, родителей и детей).

Р. э. — неотъемлемый элемент культуры народа, важная часть культуры поведения и общения, продукт культурной деятельности человека. Основные черты национального русского этикета могут быть сформулированы как максимы этикетного речевого поведения. Говорящему следует: проявлять лишь доброе отношение к собеседнику посредством уместной вежливости (с учетом возраста, пола, служебного или общественного положения адресата); не навязывать собеседнику собственных мнений и оценок, уметь встать на точку зрения партнера; отбирать языковые средства в соответствии с избранной тональностью текста, ориентируясь не только на ситуацию общения в целом, но и на официальность или неофициальность обстановки; не перебивать собеседника; адекватно реагировать на обращение и поставленный собеседником вопрос; использовать возможности невербальных средств общения.

Все эти правила базируются на принципах сотрудничества (с партнером в достижении целей коммуникации) и принципе вежливости (уважении к партнеру), т.е. толерантности, гармоничности речевого общения.

Начало изучению русского речевого этикета положила статья В.Г. Костомарова «Русский речевой этикет» (1967). В последние десятилетия, благодаря прежде всего работам Н.И.Формановской, Р. э. становится предметом лингвистических исследований. Причем научные исследования проводятся в разных аспектах: лингвокультурологическом (*Акишина, Формановская*, 1975), прагматическом (*Формановская,* 1982, 1989), социолингвистическом (*Гольдин,* 1978), методическом (*Лазуткина,* 1998; *Смелкова,* 1997). В результате выявлены разноуровневые языковые средства, используемые в общении в качестве этикетных формул, определена семантика указанных единиц, их социальные смыслы (*Формановская*). Классификация этих формул по ситуациям получила научное обоснование. Так, выявлена их социально-стилистическая маркированность, определена национальная специфика русского Р. э. в сопоставлении с некоторыми другими языками (в частности с венгерским и чешским языками см. в кн.: *Формановская Н.И., Сепеши Э.*, 1986; *Формановская Н.И., Тучны П.Г.* 1986; *Формановская,* 1989). Изучен этикетный диалог и его жанры: извинение, благодарность, похвала и др. (Арутюнова, 1970; 1998). В последние годы наблюдается активизация исследований речевого этикета в генологическом аспекте (*Тарасенко,* 2000). В связи с актуализацией лингвометодических исследований начато изучение употребления Р. э. в разных сферах общения, напр., в деловой сфере (*Смелкова,* 1997; *Колтунова,* 2000).

Лит.: Костомаров В.Г. Русский речевой этикет. — РЯЗР. — 1967. — №1; Арутюнова Н.Д. Некоторые типы диалогических реакций и «почему» — реплики в русском языке. — ФН. — 1970. — №3; Ее же: Человек и его мир. — М., 1998; Акишина А.А., Формановская Н.И. Русский

речевой этикет. — М., 1975; Их же: Этикет русского письма. — М., 1986; Гольдин В.Е. Речь и этикет. — М., 1978; Формановская Н.И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. — М., 1982; Ее же: Употребление русского речевого этикета. — М., 1982; Ее же: Речевой этикет и культура общения. — М., 1989; Ее же: Речевой этикет. — ЛЭС; Формановская Н.И., Сепеши Э. Русский речевой этикет в зеркале венгерского. — М.; Будапешт, 1986; Формановская Н.И., Тучны П.Г. Русский речевой этикет в зеркале чешского. — М.; Прага, 1986; Акишина А.А. Этикет русского телефонного разговора. — М., 1990; Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. — 4-е изд. — М., 1990; Смелкова З.С. Деловой человек: культура речевого общения. — М., 1997; Лазуткина Е.М. Этика речевого общения и этикетные формулы речи // Культура русской речи. — М., 1998; Тумина Л.Е. Речевой этикет // Педагогическое речеведение. Словарь-справочник. — М., 1998; Тарасенко Т.В. Этикетные жанры русской речи: благодарность, извинение, поздравление, соболезнование: Автореф. ... канд. филол. н. — Красноярск, 1999; Колтунова М.В. Язык и деловое общение: Нормы, риторика, этикет. — М., 2000.

Л.Р. Дускаева, О.В. Протопопова

РЕЧЬ — функционирование языка в процессе общения. В лингвистике первой половины XX в. под влиянием идей Ф. де Соссюра предметом этой науки считался главным образом язык, противопоставленный речи. Согласно Соссюру, язык — социален, а Р. — индивидуальна; язык — установление, Р. — реализация; язык — фиксирован, Р. — свободна; язык — системен, Р. — бессистемна. Ученый не отрицал плодотворности исследования Р., но считал, что она может стать предметом лишь внешней, а не внутренней лингвистики, между тем именно последняя изучает языковую систему — «подлинный и единственный объект языкознания». К области внешней лингвистики Соссюр относил, в частности, проблемы стилистики.

В дальнейшем соотношение языка и Р. получило многочисленные истолкования: язык — общее, Р. — частное; язык — абстрактное, Р. — конкретное; язык — сущность, Р. — явление; язык — форма, Р. — субстанция; язык — психическое, Р. — физическое; язык — потенция, Р. — акт ее выявления; язык — конструкт, Р. — наблюдаемый объект; язык — система, Р. — текст; язык — инвариант, Р. — вариант; язык — целое, Р. — частное; язык — код, Р. — сообщение и др. Помимо признаков Р., выраженных в этих противопоставлениях, ее важнейшими свойствами являются: творческий характер, преднамеренность и обращенность к определенной цели, динамизм, вариативность.

В ряде концепций 20—30-х гг. XX в. понятия языка и Р. интерпретировались с функциональных позиций, чем создавалась теоретическая база для последующего формирования функциональной стилистики. Это, прежде всего, работы лингвистов, продолжавших традицию Бодуэна де Куртенэ, который еще в 1870 г. указывал на необходимость различения языка, с одной стороны, как комплекса составных частей и категорий, существующих только потенциально, и с другой — как непрерывно по-

вторяющегося процесса, основывающегося на общительном характере человека. Так, Л.В. Щерба уточняет представления о неодноплановости языка, различая речевую деятельность, т.е. процессы говорения и понимания, языковую систему и языковой материал, под которым понимается совокупность всего говоримого и понимаемого, тексты. Л.П. Якубинский одним из первых поставил проблему функциональной дифференциации языка и Р. в связи с действием внеязыковых факторов — психологических и социальных, а также проблему диалогичности Р.

Интерпретируя взгляды Ф. де Соссюра, Г.О. Винокур писал о том, что Р. является не просто реализацией языковой системы, но целесообразным творческим использованием последней в соответствии с велениями разума, воли и чувства. При этом Р. — это не только индивидуальное говорение, но и особая нормативная структура, строящаяся сверх собственно системы языка. Несколько актов Р. — «уже не сумма индивидуальных актов только, а их система, обладающая... общеобязательной значимостью, смыслом, хотя бы и в узких, но все же социальных пределах». Дихотомия языка и Р., по мнению Г.О. Винокура, совпадает с противопоставлением языка и стиля. Поэтому стилистика может стать той лингвистической наукой, которую Ф. де Соссюр назвал лингвистикой речи.

Проблемы речевого общения в лингвофилософском ключе разрабатывал М.М. Бахтин (В.Н. Волошинов). Язык определяется ученым как непрерывный процесс становления, осуществляемый социальным речевым взаимодействием говорящих. Именно формы и типы речевого взаимодействия рассматриваются как исходный пункт методологически обоснованного порядка изучения языка. Единицей речевого взаимодействия является высказывание. Структура последнего, в том числе его стилистическое оформление, обусловлены ближайшей ситуацией говорения и более широкой социальной средой.

Согласно взглядам представителей Пражской школы, язык — это функц. система, служащая цели общения. Язык необходимо изучать во всех его существенных связях с внелингвистической действительностью.

Решительный поворот лингвистики к исследованию собственно Р. происходит в 1960—1970-е гг., чему в немалой степени способствует развитие теории речевой деятельности и функц. стилистики. Наряду с ними комплекс дисциплин речеведческого цикла образуют лингвистика текста, лингвопрагматика, анализ дискурса, неориторика, ряд направлений социолингвистики и нек. др. В функц. стилистике разрабатывается концепция стилевой дифференциации Р. и стилистико-речевой системности (см. *Речевая системность функц. стиля*), определяемой целостным комплексом экстралингвистических факторов, прежде всего базовых — видом социокультурной деятельности в единстве с соответствующей формой общественного сознания.

В последующие годы все более явственно начинает осознаваться потребность в построении теории Р., синтезирующей различные подходы. Намечаются проблемные области, которые этой теорией могли бы быть охвачены и соответственно — разделы речеве́дения. Это учение об учас-

тниках Р. — авторе, адресате, посреднике; о видах Р. — устной и письменной, диалогической и монологической, массовой, общественной или личной; предполагающей прямое или дистантное (во времени и пространстве) взаимодействие между коммуникантами; о сферах Р. — научной, административно-правовой, политико-идеологической, художественной, обиходно-бытовой, религиозной; о правилах Р., ее стратегиях и тактиках.

Лит.: Бодуэн де Куртенэ И.А. Некоторые общие замечания о языковедении и языке // Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. — М., 1963; Леонтьев А.А. Слово в речевой деятельности. — М., 1965; Его же: Язык, речь, речевая деятельность. — М., 1969; Кожина М.Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики. — Пермь, 1966; Ее же: К основаниям функциональной стилистики. — Пермь, 1968; Ее же: Речеведческий аспект теории языка, «Stylistyka-VII», 1998; Тезисы Пражского лингвистического кружка // Пражский лингвистический кружок. — М., 1967; Основы теории речевой деятельности. — М., 1974; Щерба Л.В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. — Л., 1974; Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. — М., 1976; Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. — М., 1977; Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. — М., 1983; Якубинский Л.П. О диалогической речи // Язык и его функционирование. — М., 1986; Арутюнова Н.Д. Речь // Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990; Винокур Г.О. Поэтика. Лингвистика. Социология // Филологические исследования. — М., 1990; Волошинов В.Н. (М.М. Бахтин), Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке. — М., 1993; Шмелева Т.В. Речеведение. Теоретические и прикладные аспекты. — Новгород, 1996; Ее же: Так что же такое речь? // Речеведение. Научно-методические тетради, № 1. — Новгород, 1999.

В.А. Салимовский

РИТОРИКА — теория и искусство речи, фундаментальная наука, изучающая объективные законы и правила речи. Поскольку речь — инструмент управления и организации социальных и производственных процессов, Р. формирует норму и стиль общественной жизни. Классическая античная традиция рассматривала Р. как «искусство находить способы убеждения относительно каждого данного предмета» (*Аристотель*), «искусство хорошо (достойно) говорить (ars bene et ornate dicendi — *Квинтилиан*). В русской традиции Р. определяется как «учение о красноречии» (*М.В. Ломоносов*), «наука изобретать, располагать и выражать мысли» (*Н.Ф. Кошанский*), предметом которой является «речь» (*К.П. Зеленецкий*). Современная Р. — учение об эффективном речевом построении развитого информационного общества, предполагающее исследование и овладение всеми видами общественно-речевого взаимодействия. Р. как наука изучает законы и правила ведения речи в разных видах и жанрах современной словесности, Р. как искусство предполагает умение эффективно говорить и писать, развитие речевых способностей.

В определениях Р. обычно ищут точные эпитеты для образцовых качеств речи, поэтому Р. называют наукой об убедительной, украшенной (в классических трудах), целесообразной, эффективной, действенной, гармонизирующей речи (в современных теориях Р.). Качества речи называются также в учении о стиле, относя к ним ясность, точность, чистоту, краткость, благопристойность и нек. др. Ни одно из указанных качеств не исчерпывает представлений о речевом идеале, но их совокупность позволяет назвать Р. учением о совершенной речи. Совершенство речи связано с имеющимися в общественном и личном сознании речевыми идеалами, образцами речи, стилистическими предпочтениями.

Р. — учение о воспитании личности через слово. Личность человека как индивидуальное воплощение его телесно-духовного единства становится только тогда, когда сформируется его нравственное и интеллектуальное мировоззрение, которое находит воплощение в характере речи. Вот почему для риторического воспитания небезразлично, какими речами, текстами (содержанием учебного предмета) будет обеспечено преподавание Р.

Современная Р. изучает все виды общественно-речевого взаимодействия. Недостаточно определять Р. как науку только об ораторском искусстве, с которого она начиналась в античном полисе. Уже русская классическая Р. предполагала обращение к письменной речи, философской и науч. литературе, а современная Р. вмещает также Р. разг.-бытовой речи и Р. средств массовой информации.

В русской науке существует традиционное деление на общую и частную Р. Во всяком случае уже в латинских риториках Киевской Духовной академии XVII в. записано, что существуют общие правила ведения и построения речи (предмет общей Р.) и рекомендации к ведению речи в разных видах словесности (предмет частной Р.).

Общая риторика в традиции, восходящей к Цицерону и Квинтилиану, включает пять разделов (так называемый риторический канон), каждый из которых показывает отдельные моменты в подготовке и реализации речи: 1) изобретение (лат. inventio — *что* сказать?), 2) расположение (лат. dispositio — *где* сказать?), 3) выражение (лат. elocutio — *как* сказать?), 4) память (лат. memoria), 5) произношение и телодвижение (лат. pronuntiatio).

Общая Р. в традиции, восходящей к Аристотелю, насчитывает следующие разделы: 1) образ оратора; 2) изобретение — содержание речи; 3) композиция; 4) речевые эмоции; 5) стиль речи (слововыражение, произношение, язык тела).

Каждый из этих разделов, как сказано выше, показывает последовательность подготовки и развертывания речи:

1. И з о б р е т е н и е — рождение замысла, создание идей, содержания речи. Риторическое изобретение основывается на о б щ и х м е с т а х (т о п о с а х), и с т о ч н и к а х и з о б р е т е н и я. Общие места — основные ценностные и интеллектуальные категории, относительно которых оратор достигает согласия с аудиторией. Нравственная и идеологическая

жизнь общества организуется общими местами как некоторыми суждениями, которые признаются всеми. Общие места (топосы) — также способы развития замысла и содержания речи. Это техника создания и развития речи. Виды общих мест (или топосы) показывают, как может быть построена речь о любом предмете или человеке. Существуют следующие общие места (топосы): 1) определение, 2) части/целое, 3) род/вид, 4) свойства, 5) противоположность, 6) имя, 7) сравнение (подобие, количество), 8) причина/следствие, 9) условие, 10) уступление, 11) время, 12) место, 13) свидетельство, 14) пример.

Критика топосов — общих мест — связана с их формально-схоластическим использованием при обучении Р. Именно учение об общих местах, а следом и «все риторики» были критикованы в середине XIX в. В.Г. Белинским и К.П. Зеленецким (последний, в частности, утверждал, что «невозможно изобретать мысли»). Тем не менее топическая структура обнаруживается во всякой речи, и ее забвение приводит подчас к неумению порождать замысел речи, создавать тексты. Большинство современных теорий текста основывается именно на топике как способах описания речевых ситуаций (ср. теорию фреймов и мн. др.). Топосы необходимо знать как творческие возможности развития мысли, при создании речи избираются те из них, которые представляются уместными и необходимыми в данной ситуации.

2. Р а с п о л о ж е н и е — раздел о правилах композиционного построения речи. Изобретённый материал необходимо разумно, в определённой последовательности расположить. Обоснованный порядок частей композиции речи позволяет развивать и представлять идеи в убедительной форме. Традиционными частями композиции речи являются вступление (обращение и называние), описание, повествование, рассуждение (доказательство), опровержение, заключение. Каждая из них имеет прочные традиции описания и рекомендации в построении — в русских учениях о речи XX в. сохранилось именно учение о композиционных частях речи и стиле.

3. С л о в о в ы р а ж е н и е как словесное оформление речи связано с поиском уместного индивидуального стиля высказывания, без которого невозможно эффективное речевое воздействие. Слововыражение предполагает нахождение нужных слов и их эффективное расположение в фигурах речи. В учении о слововыражении традиционно описывались качества речи, виды тропов и фигур. Каждый из авторов риторик обычно предлагает свое ви́дение эффективного использования стилевых возможностей лексики и стилистического синтаксиса через определенные отбираемые для обучения тексты. Именно слововыражение является основным способом украшения речи.

4. П а м я т ь считалась переходным этапом к заключительному исполнению речи. В риторических учениях обычно описывались способы запоминания и развития памяти. Кроме индивидуальных способностей и индивидуальных приёмов существуют универсальные приёмы подготовки к исполнению будущей речи. Чем больше ритор (любой говорящий)

продумывает текст будущей речи, тем богаче копилка его памяти. Он может делать это в разной форме: 1) заучивание наизусть с повторением про себя или вслух написанного текста (механическое запоминание необходимо отличать от осмысленного, вдумчивого проговаривания текста); 2) неоднократное прописывание, редактирование текста, невольно проявляющееся затем и в устном воспроизведении; 3) прочитывание вслух приготовленного текста с проверкой запоминания; 4) произнесение речи без письменного текста — самостоятельно или перед кем-то; 5) прочитывание или проговаривание текста с записью на магнитофон и последующим анализом собственной речи.

Память вытренировывается постоянным возвращением к предмету, размышлением, повторением, напряжённой умственной работой. Каждому ритору рекомендуется понять, какой тип работы над текстом, воспроизведения речи наиболее ему свойствен.

5. Раздел произношение и телодвижение считается заключительным с точки зрения подготовки речи, но первоначальным в восприятии речи. Оратор реализует свою речь в произношении, но не менее значимы мимика, жестикуляция и телодвижения в целом. Это последняя стадия в реализации речи, хотя восприятие речи слушателем начинается с внешнего вида оратора и оценки стиля его произношения.

Произношение и голосоведение предполагают создание определенного стиля произношения, включающего работу над громкостью (звучностью) речи, темпом и ритмом, паузацией, артикуляцией, логическими ударениями, интонацией, тембром голоса. Хорошее произношение основывается на владении дыханием. Все перечисленные факторы требуют от ритора упражнений и накопления практического опыта.

Внешние манеры оратора имеют огромное значение для представления личности говорящего в речи. Человек говорит не только языком, но и всем своим телом: «говорят» руки, ноги, поворот фигуры, головы, мимика и т.д. В некотором смысле человеческая речь начинается с телодвижения. Ребёнок начинает прежде двигать руками и ногами, ходить, а потом произносить осмысленные звуки. И как среди детей лучше развита речь того ребёнка, который быстрее начинает управлять своим телом, так и в речевом искусстве более умел тот, кто разумно управляет мимикой и пластикой телодвижений.

Важнейший раздел Р. — учение об образе ритора. Ритором называется всякий участник речи, речедеятель, человек, воздействующий речью, мастер риторики как искусства нравственно-речевого убеждения. Исторически риторами называли также учителей Р. Оратором принято называть человека, произносящего устные публичные речи, автором — создателя письменных текстов. В современной Р. возможно говорить о коллективном или коллегиальном риторе, представленном в работе книжных издательств или средств массовой информации. Ораторика — область риторики, изучающая правила создания устных публичных выступлений.

Оценка речи человека в восприятии его образа оратора происходит с разных сторон. Прежде всего это оценка нравственно-этическая. Доверие аудитории возможно, если она считает, что перед ней человек честный и справедливый. Аудитория дает нравственную оценку оратору: к «хорошему» человеку испытывают доверие, к «нехорошему» — недоверие. При этом не исключено, что какая-то сторона может придерживаться ложных взглядов или интересов. Тогда оратору приходится защищать свою позицию, иногда расплачиваясь головой за несовпадение его мировоззрения со взглядами аудитории.

Интеллектуальная оценка ритора связывается с богатством мыслей, его мудростью, способностью аргументировать, рассуждать и находить оригинальные мыслительные решения. Интеллект говорит обычно о знании оратором предмета речи.

Эстетическая оценка связана с отношением к исполнению речи: ясности и изяществу выражаемых мыслей, красоте звучания, оригинальности в подборе слов. Если мысль не выражена в привлекательных словах и уместном произношении, речь не будет воспринята.

В Р. всегда обсуждался вопрос: какими качествами должен обладать оратор, воздействующий на аудиторию не просто словом, но и всем своим обликом? Ведь о каждом говорящем можно сказать, что у него есть определенный характер, качества личности, нравственные достоинства или недостатки. Все эти требования объединялись понятием **ораторские нравы**, ибо само слово «нрав» изначально понималось как характер, душевные качества, внутреннее свойство человека.

В каждую историческую эпоху ценятся разные качества людей в зависимости от идеологии этой эпохи, стиля жизни. Так, в античных риториках перечислялись следующие достоинства ораторов: справедливость, мужество, благоразумие, щедрость, великодушие, бескорыстие, кротость, рассудительность, мудрость (Аристотель, «Риторика»). Зарождение христианства связано с новыми требованиями к человеку, предполагающими в нем на основе веры в Бога смиренномудрие, кротость, скромность, терпение, трудолюбие, милосердие, послушание, внимание к бедам и переживаниям других людей, способность принять другого человека как самого себя, отчего всякий человек назывался «ближним». Современная Р. называет такие качества оратора, как честность, знание, ответственность, предусмотрительность, доброжелательность, скромность (*А.А. Волков*). Совокупность этих качеств выстраивает **образ совершенного ритора**, некоторый **риторический идеал**, в принципе не достижимый ни в одном реальном ораторе, но требующий устремления к нему в реальной речи и речевой педагогике.

Риторическая педагогика суммирует способы и приемы в обучении Р. Классическая риторика предлагала следующие «средства приобретения красноречия» (по М.В. Ломоносову): природные дарования, знание науки (теории Р.), подражание (т.е. ориентация на определенные образцовые тексты), упражнения. В качестве философско-профессиональной основы Р. М.В. Ломоносов называет знание других наук. Современная Р.

ставит задачу формирования личности человека через развитие его речевых способностей и повышение речевой эрудиции. При этом требуется оптимальный баланс в соотнесении теории Р. и практики обучения. Ритор формируется в чтении и анализе текстов (ошибкой многих современных концепций является тренировка в умении «общаться» вне содержательной основы общения), в реальной ораторской практике, учебной тренировке. Ритору рекомендуется много читать, анализировать тексты, наблюдать образцовых и необразцовых ораторов, а в работе над собой заниматься декламацией текстов и техникой речи (не по театральной «играющей» методике, а более формируя личный ораторский облик ученика).

В **частной риторике** рассматриваются правила и рекомендации к ведению речи в отдельных родах, видах и жанрах словесности. Традиционная Р. занималась преимущественно монологической речью, и первое деление на роды речей мы находим у Аристотеля: совещательная речь, (политическая речь, имеющая целью обсуждение общественного блага), эпидейктическая речь (поздравительная, целью которой является похвала или хула, а содержанием «прекрасное»), судебная речь (состояние тяжущихся сторон, целью при этом служит установление истины, содержанием — «справедливое или несправедливое»). Впоследствии объём видов словесности, подвергавшихся описанию, разрастался, напр., «Риторика Феофана Прокоповича 1705 года, профессора Киево-Могилянской академии», включала описание поздравительных речей, церковного, свадебного красноречия, правила написания писем к различным особам и способы писания истории. Профессор Московского университета А.Ф. Мерзляков в своей «Краткой риторике» 1804—1828 гг. рассматривает: а) письма, б) разговоры, с) рассуждения или учебные книги, д) историю истинную и вымышленную, е) речи (последние по «содержанию и намерению» делились на «духовные, политические, судебные, похвальные и академические». Значительно расширенной выглядит эта схема в риториках середины XIX в., например, у Н.Ф. Кошанского подробно разбираются: «1) словесность, 2) письмо, 3) разговоры (философские, драматические и др., но не бытовой диалог), 4) повествование, 5) ораторство, 6) учёность». Во второй половине XIX в. с заменой Р. на теорию и историю словесности в состав изучаемых видов словесности добавилось устное народное творчество, но изучение текстов всё более ограничивалось лишь произведениями изящной или худож. литературы.

Современная частная Р. включает в сферу своего изучения максимальный состав форм и видов словесности: 1) устная речь: а) дописьменная речь, не имеющая письменной основы (разг.-бытовая речь, молва, фольклор); б) риторическая речь, т.е. устная речь, могущая иметь письменный прототип (политическая, судебная, эпидейктическая, учебная, пропагандистская, проповедническая); в) репродуцирующая, т.е. устно копирующая письменную речь (дикторская, театральная); 2) письменная речь (письма, документы, сочинения); 3) печатная словесность,

литература (худож., науч., журнальная); 4) массовая коммуникация, подразделяемая на массовую информацию (радио, телевидение, газета, кино, реклама) и информатику.

Сегодня приходится говорить о разных видах профессиональной Р. как разделах частной Р. Основные интеллектуальные профессии в обществе связаны с активной речью, ибо речь — основное средство организации и управления жизнью общества. Базисными родами речей (ораторского красноречия) продолжают оставаться политическая, судебная, педагогическая, проповедническая, военная, дипломатическая, публицистическая риторики. Каждый вид профессионального искусства требует своей «риторики» (ср. медицинская или торговая речь, деловая Р. в разных проявлениях), а подготовка специалиста невозможна без речевой выучки, которая является средством выражения профессиональных знаний и умений.

Замечательна история русской Р., обнаруживающая прямую связь с идеологическими и стилевыми преобразованиями в истории русского общества. Риторики обычно пишутся, а риторическая деятельность активизируется в периоды революционно-общественных поновлений. Каждый риторический период насчитывает 50—70 лет (возраст человеческой жизни), включая 10—15 лет преобразований, утверждения общественно-речевого стиля, стагнации и вызревающей критики.

Оптимизация Р. как науки и искусства, организация риторического образования и воспитания — важнейшие задачи, стоящие не только перед современной филологической наукой, но и перед обществом в целом, поскольку все общественные деяния организуются и выражаются в речевой деятельности.

Лит.: Ломоносов М.В. Краткое руководство к красноречию: Полн. собр. соч. — М.; Л., 1951. Т. 7.; Цицерон Марк Фабий. Три трактата об ораторском искусстве. — М., 1972; Античные риторики / Под ред. А.А. Тахо-Годи. — М., 1978; Вомперский В.П. Риторики в России XVII—XVII вв. — М., 1988; Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика. Курс лекций и словарь риторических фигур. — Ростов н/Д., 1994.; Риторика. Специализированный проблемный журнал. — 1995—1997. — № 1—4; Волков А.А. Основы русской риторики. — М., 1996; Его же: Курс русской риторики. — М., 2001; Граудина Л.К. Русская риторика: Хрестоматия. — М., 1996; Граудина Л.К., Кочеткова Г.И. Русская риторика. — М., 2001; Михальская А.К. Основы риторики: Мысль и слово. — М., 1996; Ее же: Педагогическая риторика: история и теория. — М., 1998; Иванова С.Ф. Говори! Уроки развивающей риторики. — М., 1997; Аннушкин В.И. История русской риторики: Хрестоматия. — М., 1998; Его же: Первая русская «Риторика» XVII в.. — М., 1999; Предмет риторики и проблемы ее преподавания. Докл. 1-й Всерос. конф. по риторике. — М., 1998; Рождественский Ю.В. Принципы современной риторики. — М., 1999; Его же: Теория риторики. — М., 1999.

В.И. Аннушкин

РИТОРИЧЕСКИЙ ПРИЕМ — понятие, которое с точки зрения системного подхода к определению понятий и терминов элокуции пред-

ставляется целесообразным считать наиболее общим (родовым) в кругу таких понятий и терминов, как *троп*, *фигура речи* (*стилистическая фигура, риторическая фигура*), *стилистический прием*. Причем такое осмысление понятия «Р. п.» предполагает самое широкое понимание нормы и соответственно мотивированного условиями речевого общения отклонения от той или иной ее разновидности. Норма в таком случае может быть определена как «понятие, обозначающее границы, в которых вещи, явления, природные и общественные системы, виды человеческой деятельности и общения сохраняют свои качества, функции, формы воспроизводства» (*Кемеров В.Е.,* 1998, с. 579). Отклонения от нормы (в таком ее понимании) фиксируются в речи, но не обязательно являются нарушением собственно языковых норм, поскольку «отношения «нормативный язык / ненормативное содержание» возможны при передаче различных абсурдов, бессмыслиц, нарушающих нормы психического абсолюта: при передаче ситуаций в фантастике и волшебных сказках и т.д., т.е. при нарушении социальных (статусных, ролевых, поведенческих, моральных, этических, религиозных и т.д.) норм» (*Болотов В.И.,* 1985, с. 41).

В рамках такого понимания нормы можно выделить, по крайней мере, такие ее разновидности и, соответственно, разновидности Р. п., понимаемых как прагматически мотивированные отклонения от этих норм.

I. Нормы собственно языковые и собственно речевые

Нормы языковые, которые, будучи опосредованы узусом, восходят к системе и структуре языка, — это «совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закрепленных в процессе общественной коммуникации» (*Семенюк Н.Н.,* 1990, с. 337).

Осуществляемое в процессе речевой деятельности прагматически целесообразное отклонение от языковой нормы или ее нейтрального варианта можно назвать языковым Р. п. Такими приемами являются, в частности, грамматическая фигура (илл. 1.1.), прием трансформации (разложения) фразеологизма (илл. 1.2.), какозелия (илл. 1.3.), эллипсис фразеологизированного типа (илл. 4) и др. Напр.:

1.1. *Именно на студенческой скамье надо вложить в душу будущего словесника ту влюбленность в язык и литературу, ту одержимость, то умение сопереживать художнику, которые он потом понесет в школу. Нельзя допустить, чтобы педагог-словесник* ***работал мимо сердца ученика*** (Л. Ошанин). По правилам русской грамматики предлог «мимо» нормативно употребляется с глаголами перемещения в пространстве: *идти, бежать, ехать, лететь* и т.п.; глагол *работать* не относится к этой группе глаголов.

1.2. ***Долг грабежом красен*** («Комсомольская правда». 3 марта 1995 г., заголовок). Ср. с фразеологизмом *Долг платежом красен.*

1.3. *Уже в течение пяти лет, <...> не могу въехать, кому творчество этих кренделей* (имеется в виду эстрадная труппа — *А.С.*) ***нДравится****?* («Сегодняшняя газета», 8—14 июля 2000 г.). Здесь имеем намеренное от-

клонение от орфоэпической и одновременно орфографической нормы, подчеркнутое графически.

1.4. *Мишка ни на шаг не отстает от нее:* ***мать в погреб — и он за ней, мать на кухню — и он следом*** (М. Шолохов). Здесь выделенная часть текста представляет собой цепочку двусоставных эллиптических предложений с незамещенными синтаксическими позициями глаголов-сказуемых. Такие синтаксические конструкции демонстрируют стилистически значимое отклонение от нейтрального варианта синтаксической нормы — полного двусоставного предложения.

Нормы речевые, или текстовые, — это правила построения письменного и устного текста, обеспечивающие его связность, цельность и однозначность, а также среднестатистические языковые характеристики текстов определенной стилевой и/или жанровой принадлежности.

Осуществляемые в процессе речевой деятельности прагматически целесообразные отклонения от речевых (текстовых) норм можно назвать речевыми риторическими приемами. Реализация речевых риторических приемов не влечет за собой нарушения языковых норм. Такими приемами являются, в частности, амплификация (илл. 1.5), анадиплозис (илл. 1.6.), антиэллипсис (илл. 1.7.) и некоторые другие. Напр.:

1.5. *Арина Власьевна была настоящая русская дворяночка прежнего времени; ей бы следовало жить лет за двести, в старомосковские времена. Она была очень набожна и чувствительна, верила во всевозможные приметы, гаданья, заговоры, сны; верила в юродивых, домовых, в леших, в дурные встречи, в порчу, в народные лекарства, в четвергову соль, в скорый конец света ... боялась мышей, ужей, лягушек, воробьев, пиявок, грома, холодной воды, сквозного ветра, лошадей, козлов, рыжих людей и черных кошек и почитала сверчков и собак нечистыми животными; не ела ни телятины, ни голубей, ни раков, ни сыру, ни спаржи, ни земляных груш, ни зайца, ни арбузов...* (И. Тургенев). Протяженность этого перечисления больше среднестатистического, что и позволяет квалифицировать его как а м п л и ф и к а ц и ю.

1.6. Шесть парадоксов советской системы:

Нет безработицы, но никто не работает.

Никто не работает, но растет производительность труда.

Растет производительность труда, но в магазинах пусто.

В магазинах пусто, но в домах кое-что есть.

В домах кое-что есть, но все недовольны.

Все недовольны, но единогласно голосуют «за» («Книжное обозрение», № 48, 1991 г.). Представленные здесь плеонастичность (избыточное многословие) и упорядоченность дискурса (повторение одних и тех же слов в конце и начале соседних предложений) являются отклонением от обычной (среднестатистической) структуры прозаического текста и составляют фигуру а н а д и п л о з и с а.

1.7. *...Нет, конечно, бывает, что молоденькая у нас иногда выходит за пожилого. Но зато этот пожилой* ***у нас*** *обыкновенно какой-нибудь там крупнейший физиолог, или* ***он*** *ботаник, или* ***он*** *чего-нибудь такое изобрел*

всем на удивленье, или, наконец, он ответственный бухгалтер и у него хорошая материальная база на двоих (М. Зощенко). Здесь имеет место избыточное замещение потенциальных синтаксических позиций (фигура контекстуального антиэллипсиса), не характерное для стилистически нейтральных контекстов.

Все приведенные выше примеры Р. п. объединяются в группу стилистических фигур, под которыми будем понимать стилистически значимые, осуществляемые в первую очередь в синтагматическом (линейном, горизонтальном) контексте отклонения от языковых норм, их нейтральных вариантов или норм речевых (ср.: *Скребнев Ю.М.,* 1975, с. 591).

Со стилистическими фигурами коррелируют тропы, которые представляют собой стилистически значимые, осуществляемые в первую очередь в парадигматическом (вертикальном, ассоциативном) контексте, отклонения от лексико-семантических и грамматико-семантических норм (ср.: *Никитина С.Е., Васильева Н.В.,* 1996, с. 138—142).

В силу вышеуказанной общности тропов и фигур их целесообразно объединить в класс **стилистических Р. п**.

II. **Нормы логические**, под которыми понимаются законы формальной логики, соблюдаемые при построении нормативного высказывания.

В процессе речевой деятельности говорящий/пишущий может намеренно нарушать ту или иную логическую норму (закон логики) для достижения какого-либо прагматического эффекта.

Так, напр., на нарушении логического закона противоречия, гласящего (в одной из своих формулировок), что «не могут быть одновременно истинными некоторое суждение и его отрицание» (*Свинцов В.И.,* 1998, с. 141), основан риторический прием алогизма, реализованный в следующем анекдоте:

2.1. *«Когда вернешься из кинотеатра, — говорит жена, — а я еще буду смотреть телевизор, то ты меня не буди»* (Анекдоты наших читателей. — М., 1995). Очевидно, что не могут быть одновременно истинными утверждения «Х смотрит телевизор» и «Х спит».

Примером нарушения логического закона тождества, согласно которому «в процессе определенного рассуждения всякое понятие и суждение должны быть тождественны самим себе» (*Гетманова А.Д.,* 1995, с. 95), может служить амфиболия, реализуемая в тексте такого шутливого афоризма:

2.2. *«Человек может вынести все, если его не остановить»* («Твой Додыр», № 18, 2001). Глагол *вынести* поставлен в такой контекст, в котором одновременно реализуются его прямое и переносное значения: 1) «неся, удалить откуда-либо» и 2) «устоять, выдержать; не сдаться перед лишениями, трудностями» — т.е. нарушено его смысловое тождество.

Основу Р. п. может составить нарушение логического закона достаточного основания, в соответствии с которым «ничто не должно утверждаться без основания» (*Берков В.Ф., Яскевич Я.С., Павлюкевич В.И.,*

1997, с. 232). Использование такого приема можно усмотреть, напр., в следующем анекдоте:

2.3. *Идет репетиция оркестра.*

Дирижер:— Так, всем стоп. Третья скрипка сильно фальшивит.

Пауза. Затем недоуменный голос:

— Третьей скрипки сегодня вообще нет!

Дирижер кивает и спокойным голосом:

— Хорошо, тогда передайте ему мои замечания... («Московский комсомолец», №3, 2001).

Для последней реплики дирижера нет логических оснований в предшествующей конситуации.

Осуществляемые в процессе речевой деятельности прагматически целесообразные отклонения от логических норм можно объединить в группу **паралогических риторических приемов.**

III. **Нормы этологические** (поведенческие), в том числе **лингвоэтологические** (речеповеденческие), понимаемые как «грамматика речевого поведения» (*Михальская А.К.,* 1998, с. 310—311). К последним относятся так называемые постулаты речевого общения (поведения); правила речевого этикета, регулирующие выбор соответствующих речевых стереотипов; вообще то, что называют коммуникативными и этическими нормами (*Грайс Г.П.,* 1985., с. 221—228; *Формановская Н.И.,* 1998, с. 56—269; *Ширяев Е.Н.,* 1996, с. 24—38). Когда говорящий/пишущий намеренно и прагматически целесообразно сообщает о нарушении кем-либо этологической нормы или сам совершает речевой поступок, нарушающий ту или иную лингвоэтологическую норму, он использует **параэтологический** Р.п.

Такой прием лежит, напр., в основе следующего анекдота:

3.1. *Встречаются два друга:*

— Однажды я перепутал жену с грабителем. Как она сопротивлялась, как кричала, когда я выбрасывал ее из окна!..

— Да это еще что! Я как-то перепутал грабителя с женой, так вот он сопротивлялся, он кричал!.. («Твой Додыр», № 16, 2001).

Совершенно очевидно, что комический эффект в этом анекдоте возникает потому, что его персонажи сообщают (повествуют) о якобы совершенных ими поступках, которые не соответствуют нормативному поведению людей в описываемых ситуациях, т.е. этологической норме.

Комизм следующего шутливого объявления основан на нарушении лингвоэтологической нормы:

3.2. *Украду картошку с дачи. Самовыкоп. Звонить необязательно. Найду вас сам.* («Твой Додыр», № 17, 2001.) Здесь наблюдаем ненормативный для коммуникативной ситуации и жанра объявления речевой поступок, т.е. отклонение от лингвоэтологической нормы.

Лингвоэтологическим по своей сути является прием умолчания, на котором построен такой анекдот:

3.3. *Петр Ильич Чайковский, Фредди Меркьюри, Джордж Майкл, Элтон Джон, Энди Белл, Джимми Саммервил, Марк Алмонд, Сергей Пенкин, Борис Моисеев...*

Вы все еще хотите отправить вашего сына в музыкальное училище? («Сегодняшняя газета», 8—14 июля 2000 г.). Намек, содержащийся в этом анекдоте, демонстрирует отклонение от постулата полноты информации.

На нарушении лингвоэтологических норм основываются некоторые приемы, используемые в некорректном споре (речевые уловки).

IV. **Нормы онтологические**, понимаемые как присущие человечеству в целом или какому-либо социуму и получившие отражение в языке представления о бытии (социальном, культурном, историческом и т.д.), его строении, законах и формах; «картина мира», отраженная в языке. Соответственно мотивированное интенцией говорящего/пишущего и прагматически целесообразное (в данной конситуации) отклонение от онтологической нормы должно квалифицироваться как **параонтологический Р. п.**

Таким приемом является, напр., намеренное предъявление (изображение) связей и отношений вещей (фактов, явлений, событий, людей, их отношений, представлений) в искаженном (нереальном, фантастическом, абсурдном) виде:

4.1. *Ехала деревня*
Мимо мужика.
Вдруг из подворотни
Лают ворота.
— Тпр! — сказала лошадь,
А мужик заржал.
Лошадь пошла в гости,
А мужик стоял...
(фольклор)

4.2. *В одном роддоме родилась как-то девочка. Врач, принимавший роды, сразу же заметил две странности.* ***Во-первых, девочка беспрерывно хохотала, во-вторых, кулачок ее правой ручки был плотно сжат. Когда врач с трудом разжал его, то обнаружил противозачаточную таблетку*** («Твой Додыр», № 16, 2001 г.).

4.3. *Говорю о том образе тотального куриного мышления, который создают экранных дел мастера <...>.* ***Население потребляет прокладки с двойной защитой от кариеса и более ни о чем не помышляет*** («Известия», 6 августа 1998 г.).

Во всех трех вышеприведенных текстах описываются события, ситуации, невозможные с точки зрения онтологической нормы.

Обобщая сказанное, **можно определить Р. п. как способ построения высказывания, основанный на прагматически мотивированном отклонении от нормы: собственно языковой, речевой, логической, этологической, онтологической — с целью того или иного воздействия на адресата.**

Следует иметь в виду, что довольно часто перечисленные выше типы риторических приемов представлены в речи не в чистом виде, а в совмещенном, синкретичном. Напр.:

В. Жириновский: *«Когда русские брали Казань, турки брали Константинополь. Лучше бы наоборот».*

Или вот еще парадокс истории: ***когда любимые Владимиром Вольфовичем иракцы брали Кувейт, русские брали в долг у МВФ*** («Аргументы и факты», № 25, 2001).

В шутливом комментарии журналиста к высказыванию В. Жириновского реализована диафора — фигура речи, состоящая в том, что в узком контексте одно и то же слово (в данном случае глагол «брали») употребляется в разных значениях, а это является одновременно отклонением как от речевой, так и от логической нормы.

Синкретизм Р. п. как их типологическую двойственность (совпадение в одном речевом факте двух типологических принципов) нужно отличать от конвергенции Р. п как их контекстуального взаимодействия (совместного выполнения какой-либо прагматической функции). Конвергенцию риторических приемов разного типа мы можем наблюдать, напр., в следующем тексте:

Когда Альберт Эйнштейн умер, в очереди у райских ворот он встретил трех новозеландцев. Чтобы убить как-то время, он спросил, какой у них интеллектуальный коэффициент.

— 190, — ответил первый.

— Прекрасно, сказал Эйнштейн. — Мы сможем поговорить с Вами о вкладе Резерфорда в атомную физику и в общую теорию относительности.

— 150, — ответил второй.

— Хорошо, — сказал Эйнштейн. — Мы обсудим с Вами роль Новой Зеландии в борьбе за нераспространение ядерного оружия.

— 50, — ответил третий.

Эйнштейн задумался, а потом спросил:

— Ладно, тогда поделитесь своим прогнозом относительно дефицита бюджета на следующий год («Сегодняшняя газета», 12 апр. 2001г.).

В тексте этого анекдота взаимодействуют параонтологический Р. п. (изображение нереальной, фантастической ситуации), лингвоэтологический Р. п. (скрытый намек, содержащийся в последней реплике Эйнштейна) и стилистический риторический прием (стилистическая фигура нисходящей градации: 190... 150... 50; Прекрасно... Хорошо... Ладно...).

Таким образом, рассмотренные выше элокутивные понятия составляют иерархическую систему, в которой позицию первого ранга занимает понятие риторического приема, позицию второго ранга — понятие стилистического приема (наряду с другими выделенными типами Р. п.), а позицию третьего ранга — понятия стилистической фигуры и тропа.

Лит.: Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. — М., 1980; Одинцов В.В. Стилистика текста. — М., 1980; Болотов В.И. Проблемы теории эмоционального воздействия текста: Дис. ... д-ра. филол. наук. — Ташкент, 1985; Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике, вып. XVI, Лингвистическая прагматика. — М., 1985; Семенюк Н.Н. Норма языковая // Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990; Гетманова А.Д. Логика. — М., 1995; Никитина С.Е., Васильева Н.В. Экспериментальный системный толковый словарь стилистических тер-

минов. Принципы составления и избранные словарные статьи. — М., 1996; Ширяев Е.Н. Культура речи как особая теоретическая дисциплина // Культура русской речи и эффективность общения. — М., 1996; Берков В.Ф., Яскевич Я.С., Павлюкевич В.И. Логика. — Минск, 1997; Кемеров В.Е. Норма // Современный философский словарь / Под. ред. В.Е. Кемерова. — Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург, Москва, Минск, 1998; Михальская А.К. Педагогическая риторика: история и теория. — М., 1998; Свинцов В.И. Логика. Элементарный курс для гуманитарных специальностей. — М., 1998; Формановская Н.И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. — М., 1998; Сковородников А.П., Копнина Г.А. Об определении понятия «риторический прием». — Филол. науки. — № 2. — 2002.

А.П. Сковородников

С

СВЕРХТЕКСТ — совокупность высказываний или текстов, объединенных содержательно и ситуативно. Это *целостное* образование, единство которого зиждется на тематической и модальной общности входящих в него единиц (текстов). Сверхтекст ограничен во времени и пространстве; как целостная речевая единица имеет коммуникативные полюсы — автора и адресата.

Представление о С. отражает культуроцентрический подход к интерпретации общелингвистического понятия *текст*: ситуативно-тематическое объединение разных текстов (высказываний), в том числе принадлежащих разным авторам, выступает как частносистемное речевое образование, входящее в общую систему культурного фонда нации. Таким образом, С. является единицей культуры и понятием лингвокультурологии.

В качестве таких С. выступают, напр., разного рода листовки, воззвания, плакаты и т.п., призывавшие в годы Великой Отечественной войны к борьбе с захватчиками, или тезисы научной конференции, объединенные одной исследовательской проблематикой, или система толкований социальных и научных понятий («материя», «знание», «производственные отношения», «аксиология», «экзистенционализм», «материализм» и др.), связанных на основе определенной — коммунистической — идеологии, т.е. система понятий-идеологем в словарях философских терминов, издававшихся в Советском Союзе до 1991 г., или весь массив текстов-анекдотов на тему «Штирлиц», «Василий Иванович Чапаев», «Вовочка» и т.п.

Количество компонентов (структурных единиц) в С. может быть разным — от двух-трех единиц (например две-три газетные статьи, посвященные одной теме) до трудно определимого количества (например анекдоты одной тематики, общее количество которых определяется лишь гипотетически). При этом единство компонентов в рамках С. обеспечивается цельностью затекстового денотата, который определяет его (сверхтекста) семантическую разновидность, относя С. либо к тематическому, либо к модальному варианту. С. тематического типа представляет собой объединение разных текстов/высказываний на основе единства темы (анекдоты, тезисы, рекламные блоки, публицистические статьи и др.); С. модального типа объединяет тексты/высказывания на основе един-

ства отношения их содержания к действительности или единства отношения автора к содержанию, выражаемому в тексте (тексты-идеологемы, тексты-императивы, тексты-советы и т.п.). В содержательном поле модальных С. доминирует целенаправленное волеизъявление того или иного значения.

Н.А. Купина и Г.В. Битенская предлагают следующую типологию сверхтекстов:

1. С. закрытые и открытые. Закрытый С. отличается обязательной законченностью (завершенностью) и имеет маркированный конец. Открытый С. не имеет маркированного конца и поэтому отличается незавершенностью, предполагающей продолжение С., его количественно-качественное развитие. Напр.: совокупность коммунистических лозунгов можно назвать закрытой системой, которая не способна развиваться в силу социально-исторических условий современной российской действительности; в качестве открытого С. может выступать система демократических лозунгов наших дней, которая в будущем может изменяться не только количественно, но и качественно.

2. С. различаются в зависимости от вида коммуникативной рамки, а именно с точки зрения категорий адресанта и адресата. В аспекте категории *адресанта* С. подразделяются на авторские и неавторские. Авторские С. характеризуются соотнесенностью с конкретным автором (авторами) — создателем (создателями) входящих в С. отдельных текстов. Напр., поэтический цикл, сборник научных статей, серия завершенных, относительно самостоятельных романов (рассказов, повестей) с одним главным действующим лицом (произведения А. Кристи, Б. Акунина напр.) и т.п. Неавторские С. характеризуются отсутствием конкретного автора-создателя текста. При этом «неавторство» сверхтекста может быть выражено, во-первых, как обобщенно-анонимный образ автора — авторы считалок, поговорок, прибауток, анекдотов и пр. существуют, но в сознании носителей языка ассоциируются с народом, во-вторых, как обобщенно-собирательный образ автора, когда автор известен в целом, но не определен в своем конкретном проявлении — лагерная поэзия сталинского периода, студенческие песни и т.п.

В аспекте категории *адресата* выделяются С., ориентированные на относительно конкретного адресата и на адресата максимально обобщенного. С. с конкретным адресатом — это такие единства текстов/высказываний, адресат которых в принципе предполагаем автором, обозрим не только в общих чертах, но и в некоторых частных моментах; такой адресат поэтому поддается гипотетическому конструированию в момент создания текста. Можно сказать, что адресат здесь понимается как сознание, с которым автор вступает в мысленный диалог. Это, напр., предполагаемый читатель специализированных (профессиональных, социально ориентированных) газет и журналов, читатель научных трудов, отдельные группы избирателей, напр. сельские работники или студенчество, потребитель рекламы «суженной» тематики (бытовые приборы, чистящие средства, лекарства для пожилых людей и др.) и т.д.

С. с максимально обобщенным адресатом ориентированы на современную аудиторию читателей (слушателей, потребителей, пользователей) вообще. В системе газетных С. это, напр., читатели таких общенациональных газет, как «Аргументы и факты», «Комсомольская правда» и некоторых др.

Отдельно выделяют С. с размытой позицией адресата. К ним относятся газеты или другие тексты, не имеющие своего специального адресата или потерявшие его.

3. С точки зрения степени структурной определенности выделяются С. однотипно структурированные и неоднотипно структурированные. Однотипно структурированные С. — это единства с наибольшей структурной определенностью. Единицами таких С. являются однотипные канонические тексты, например, стихи определенного поэтического цикла или статьи в научном сборнике. Единицами неоднотипно структурированных С. служат неканонические тесты, или текстоиды. К ним можно отнести лозунги, словарные статьи-идеологемы в энциклопедических или толковых словарях.

Выбор единицы анализа зависит от задач исследования и от типа С.

В однотипно структурированных С. единицей анализа является текст или текстоид, т.е. языковые составляющие, служащие единицами соответствующих С., — лирическое стихотворение, лозунг, реклама и др.

В неоднотипно структурированных С. единица анализа выбирается в зависимости от степени ощутимости в тексте категориальной доминанты. Так, категориальной доминантой лагерной поэзии как сверхтекста может служить смысл «пространство». Тогда единицей анализа оказывается, напр., речевой сигнал ценностного представления о пространстве, сконцентрированный в отрезках разной протяженности: звук, подчеркивающий замкнутость пространства — начальный, серединный или конечный *з*, приставка *за-*, сама идея, воссоздающая идею замкнутости, кольцевая композиция, семантические и смысловые повторы и др.

Методика анализа сверхтекстовых систем выходит за пределы лингвистического анализа, но не отрывается от него полностью.

Лит.: Купина Н.А., Битенская Г.В. Сверхтекст и его разновидности // Человек—Текст—Культура. — Екатеринбург, 1994.

Н.В. Данилевская

СВЯЗНОСТЬ РЕЧИ (КАК ТЕКСТОВАЯ КАТЕГОРИЯ) — 1) свойство речи или целого текста (см. *Текстовая категория*), реализуемое специализированными или функционально ориентированными на выражение этого свойства разноуровневыми языковыми единицами; 2) семиологическая категория, представляющая собой основной текстообразующий фактор, имеющая двусторонний характер: а) связность как отражаемое, передаваемое или создаваемое речью наличие общего в двух или более фактах, явлениях и т.д., что обусловливает независимый

характер связности; б) связность как отражаемое, передаваемое или создаваемое речью о б ъ е д и н е н и е ф а к т о в, явлений и т.д. в одно замкнутое в смысловом отношении целое, в чем заключается роль связности в образовании целого текста (*Кв. Кожевникова*); 3) категория, соотносимая с системой разноуровневых языковых единиц, объединенных функцией (см. *Функц.-стилистическая семантическая категория — ФССК*) выражать как расчленение (отграничение), так и связь текстовых единиц — самостоятельных предложений, сверхфразовых единств, абзацев и др. Средствами выражения связности речи выступают такие специализированные языковые единицы, как союзы *и, а, но, да, однако, так как, потому что* и т.п., а также единицы, получающие добавочную функциональную нагрузку в речевом контексте: имена существительные в роли повторов, личные и указательные местоимения, некоторые наречия, конструкции связи.

Напр.: *«**Итак**, первый вывод, который можно сделать применительно к функциональной парадигме хинди, заключается в том, что ее специфику составляет наличие двух литературных форм единого разговорного языка — **феномен**, аналогов которому не так уж много в лингвистической истории земного шара.*

*Возникновение, утверждение и сохранение **этого феномена** обусловлено особенностями исторического развития данного ареала*

Таким образом**, специфика функциональной парадигмы хинди* (*которая, как принято, изображается в виде пирамиды*) *состоит прежде всего в том, что верхняя ее часть* (*«вершина»*) *представляет собой совокупность двух литературных форм — **хинди и урду.

***Однако** соотношение между **урду и хинди** в плане охвата различных функциональных сфер не является стабильным.., выступая как **соперничество между урду**, с одной стороны, и **хинди** — с другой. **Соперничество между ними** началось с того самого времени, как произошло их размежевание. **Это соперничество** отмечалось в прошлом веке. **Оно** достигло особого накала в первой половине XX в.»* (Функциональная стратификация языка / Под ред. М.М. Гухман. — М., 1985, с. 26).

Анафорический повтор выражает связь между элементами содержания, по мере его удаления от начала предложения эта функция ослабляется. Качества повторов: позиция в предложении, состав, грамматическое выражение, значение повтора в тексте — объединяясь в разных соотношениях, обусловливают степень «силы» сцепления предложений. Связность изложения усиливает лексический повтор в сочетании с указательным местоимением. Такой повтор, выраженный абстрактным существительным типа *факт, обстоятельство, случай, смысл, отношение* и др., нередко формирует с помощью указательного местоимения такие фразеологические сочетания, как *в этом отношении, в этом случае, в этом смысле, с этой точки зрения, с этой целью, для этой цели, на этом основании, на этой основе* и др. Указательное местоимение в сочетании с некоторыми глаголами образует конструкции связи *это значит, что; это означает, что; это показывает, что; это говорит о том, что; это свидетельствует о том, что* и др.

Система таких языковых единиц может интерпретироваться в качестве текстовой категории двух типов — функц.-семантической (*ФСК*) и функц. семантико-стилистической (*ФССК*). ФСК связности основывается на том, что это свойство присуще любому целому тексту, благодаря чему сформировалась система языковых единиц как средств выражения связи самостоятельных предложений и абзацев в текстах в целом, независимо от какой-либо дифференциации последних. Проблема сочетания самостоятельных предложений поставлена М.В. Ломоносовым, к ней обращались А.Х. Востоков, Ф.И. Буслаев, Д.Н. Овсянико-Куликовский, А.М. Пешковский, Л.А. Булаховский и др. отечественные ученые. В последние десятилетия изучение средств связи предложений осуществлялось в плане выявления самого состава средств, а также в плане определения специфики их функционирования (*М.Е. Боскова*, *Н.А. Кобрина*, *М.М. Макарова*, *В.Н. Скибо*, *В.Е. Берзон*, *С.И. Гиндин*, *И.М. Новицкая*, *Н.Н. Леонтьева* и др). Целый ряд работ посвящен изучению группы связанных предложений, формирующих текстовую синтаксическую единицу (*И.А. Фигуровский*, *Н.С. Поспелов*, *Г.Я. Солганик*, *Т.И. Сильман*, *Л.М. Лосева*, *И.Т. Боевец*, *Н.А. Лезова*, *Н.И. Серкова*, *М.П. Котюрова*, *Н.В. Муравьева* и др.). Общий лингвистический подход к связности речи охватывает одну сторону проблемы — средства выражения связи самостоятельных предложений на лексическом и синтаксическом уровнях. Здесь учитываются только внутренние отношения между элементами текста. Функц.-стилистический подход (*М.П. Кульгав*, *М.П. Сенкевич*, *М.Н. Кожина*, *М.П. Котюрова* и др.) реализуется в учете экстралингвистических факторов, обусловливающих внутренние отношения, и функционально-стилевых особенностей языковых единиц, выражающих связность речи. ФССК связности проявляет вариативность в зависимости от выбора определенных языковых единиц и употребления их в функции средств межфразовой связи, а также формирования системы этих средств в текстах той или иной функционально-стилевой направленности.

Экстралингвистические основания стилей обусловливают принципиальные различия как в составе, так и в функционировании языковых единиц в качестве средств выражения связности. В частности, в науч. стиле используются обстоятельственные наречия местоименного происхождения *сюда, отсюда, тогда, тут, там, так, туда, оттуда, здесь, откуда; отчего, оттого, из-за того, почему, потому, зачем, затем* и др., а также некоторые наречия неместоименного происхождения с пространственным и временным значениями, такие, как *теперь, сейчас, сначала, сперва, после, справа, слева, дальше* и др., однако с ослабленным лексическим значением. Кроме того, в науч. текстах широко употребляются специфические словосочетания и конструкции связи (худож. речи, например, они не свойственны) типа *необходимо заметить, что; следует подчеркнуть, что; надо сказать, что; заметим, что; как мы отмечали; как известно* и многие другие. Функционирование языковых единиц в качестве средств выражения связности различается по стилям как в количественном, так и в качественном отношении (*М.П. Котюрова*, *Н.В. Му-*

равьева и др.), что свидетельствует о функционально-стилевом варьировании ФССК связности. Так, в контексте науч. речи актуализируются те значения и оттенки значений языковых единиц, которые могут выражать связность речи, подчеркивать логические отношения между элементами информационно-познавательной стороны науч. речи, а также логику мысли автора, ход его рассуждений, т.е. особую логико-связующую сторону науч. речи. Связность науч. речи формируется на эпистемической основе, поскольку гетерогенность науч. знания может быть преодолена и автором, и читателем только благодаря установлению и адекватному выражению логико-семантических отношений между высказываниями, реализованными посредством предложений и абзацев. Разноплановый, разноаспектный характер содержания науч. текста предопределяет необходимость специального «стягивания» и «связывания» его компонентов. Это и обусловливает широкое употребление языковых единиц в связующей функции. Средства связи предложений и абзацев способствуют созданию целостности содержания науч. текста.

В худож. стиле нет необходимости подчеркивать логику развития худож. образа, поэтому языковые единицы, которые могут выступать в функции связи, употребляются в незначительном количестве сравнительно с использованием их в науч. речи. При этом отличительной чертой языковых единиц, выражающих связность худож. речи, является их особая стилистическая функция, которая как бы «сливается» с синтаксической связующей функцией. Все средства связи самостоятельных предложений «вовлечены» в эстетическую сферу худож. произведения. Худож. речь преобразует, трансформирует коммуникативную функцию всех языковых единиц для выражения худож. образа. В худож. речи значение слова «осложняется отношением данного слова к данному художественному образу, точнее, к элементу, к частичке его, к «микрообразу», осложняется функционально» (*М.Н. Кожина*).

Качественное своеобразие выражения связности в газетных текстах (Н.В. Муравьева) заключается прежде всего в том, что связность газетного текста имеет внутренний, но подчеркнутый характер. Внутренняя связь предложений подчеркивается в газетной речи различными способами: использованием нескольких средств межфразовой связи для объединения двух самостоятельных предложений, сложным взаимодействием самих связей («цепочки связей», образование «слоев» связей). В соответствии с основным конструктивным принципом языка газеты (чередование экспрессии и стандарта, по *В.Г. Костомарову*), с основными функциями газетной речи (*Е.П. Прохоров*, *М.С. Черепахов*, *Г.Я. Солганик*) средства межфразовой связи могут выступать как: 1) информационно-тематические: те средства, которые отражают предметно-логическую основу текста, обеспечивают логическое развитие темы текста и представляют стандартные элементы (нейтральные единицы) газетной речи; 2) экспрессивно-воздействующие: те средства, которые не только объединяют предложения, но и усиливают воздействующую сторону газетной речи, т.е. совмещают функцию связи и какую-либо стилистичес-

кую функцию (оценочную, характерологическую, подчеркивания отдельных элементов текста и т.д.). Распределение в тексте информационно-тематических и экспрессивно-воздействующих средств связи самостоятельных предложений и абзацев отражает процесс развития авторской мысли в газетно-публиц. произведении. Средства сцепления, относящиеся к этим группам, реализуют «волнообразную» по силе связность, и этим обеспечивается адекватное восприятие основных и более частных моментов в содержании материала.

Характер связности речи/текста и средства выражения этой категории (т.е. количественные и качественные закономерности употребления средств межфразовой связи), определяемые экстралингвистическими факторами, своеобразными для каждого функц. стиля, способны передавать функц.-стилевую информацию. Иначе говоря, количественный и качественный аспекты связности (в их единстве) являются критерием разграничения функц. стилей. При этом, несмотря на внутристилевую дифференциацию в выражении связи между отдельными высказываниями, в реализации межфразовой связи проявляется единство того или иного стиля речи.

Лит.: Поспелов Н.С. Проблема сложного синтаксического целого в современном русском языке. — Учен. зап. МГУ. — Труды кафедры рус. языка. — М., 1948. Вып. 137. Кн. 2; Кобрина Н.А. Синтаксические средства связи самостоятельных предложений в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1953; Боскова М.Е. Союзные функции вводных слов и вводных сочетаний слов в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Рига, 1956; Макарова М.М. Средства связи самостоятельных предложений в научно-технической речи современного немецкого языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1960; Фигуровский И.А. Синтаксис целого текста и ученические письменные работы. — М., 1961; Скибо В.Н. О средствах связи самостоятельных предложений в английской научной прозе (на материале лингвистической литературы): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1966; Сильман Т.И. Проблемы синтаксической стилистики. — Учен. зап. ЛГПИ. — 1967. — № 315; Лосева Л.М. К изучению межфразовой связи (абзац и сложное синтаксическое целое). — Русский язык в школе. — 1967. — № 1; Доблаев Л.П. Логико-психологический анализ текста. — Саратов, 1969; Севбо И.П. Структура связного текста и автоматизация реферирования. — М., 1969; Боевец И.А. Сложное синтаксическое целое в современном французском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1971; Берзон В.Е. Исследование связности текста при разработке автоматических методов его свертывания: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1972; Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика. — М., 1973; Котюрова М.П. Лингвистическое выражение связности речи в научном стиле (сравнительно с художественным): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Саратов, 1975; Ее же: Эволюция выражения связности речи в научном стиле XVIII—XX вв. — Пермь, 1983; Кожевникова Кв. Об аспектах связности в тексте как целом // Синтаксис текста / Под. ред. Г.А. Золотовой. — М., 1979; Муравьева Н.В. Лингвистическое выражение связности газетной речи (сравнительно с научной и художественной): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1980; Лапынина Н.Н. Межфразовые скрепы, формирующиеся на базе стандартизованных предикативных единиц: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Воронеж, 1996; Очерки истории научного стиля русского литературного

языка XVIII—XX вв. Т. 2. Стилистика научного текста (общие параметры). Ч. 2. Категории научного текста: функционально-стилистический аспект / Под ред. М.Н. Кожиной. — Пермь, 1998 (глава III. Связность научного текста — автор М.П. Котюрова).

М.П. Котюрова

СИНЕКДОХА — см. *Стилистические ресурсы лексики.*

СИНОНИМЫ (от греч. synônymia — одноименность) — тождественные или близкие по значению (но разные по звучанию) единицы языка одного уровня (морфемы, слова и словосочетания, синтаксические конструкции).

С. чаще всего называют близкие или тождественные по значению слова и устойчивые словосочетания: *красный — багровый — алый; смелый — храбрый — мужественный — стойкий — отважный; капля в море — кот наплакал; пальчики оближешь — язык проглотишь.* Это лексические (фразеологические) С. Среди них выделяют: 1. Семантические С. — их еще называют идеографическими или понятийными — слова и словосочетания, различающиеся оттенками в значениях: *молодость — юность*; 2. Стилистические С. — это С., имеющие одинаковые значения, но различающиеся стилистической окраской. Стилистическая синонимия бывает: а) межстилевой — С., принадлежащие к разным *функциональным стилям* (см.): *новобрачные* (офиц.) — *молодые* (разг.); *жить* (межст.) — *проживать* (оф.-дел.); б) внутристилевой — С., принадлежащие к одному функц. стилю, но имеющие разные эмоциональные и экспрессивные оттенки: *толковый* (с положительной окраской) — *башковитый* (грубов.-фамильярн.). Этот вид синонимии особенно развит в разговорной речи; в) семантико-стилистическая синонимия — С., отличающиеся и значением, и стилистической окраской: *бродить* (ходить без определенной цели; нейтр.) — *шататься* (ходить без всякого дела; простореч.) — *блуждать* (плутать, терять дорогу; книжн).

Кроме лексической, выделяют грамматическую и словообразовательную синонимию. Под грамматическими С. понимают функц.-тождественные грамматические формы: *ложка сахара — ложка сахару, умный — умен, мудрейший — самый мудрый.* Разновидностью грамматических С. являются синтаксические С.: а) разные модели предложений, передающие одно и то же значение (*Я купил книгу — Книга куплена мной*); б) предложения, составляющие вариативный ряд по отношению к основной модели, выражающей общее значение минимальными языковыми средствами: *Словари синонимов* — типовое значение «признак предмета», основная модель. Синонимические варианты: *Словари, описывающие синонимы; Словари, фиксирующие синонимы* и др.; в) словоформы разных типов в сходных конструкциях и в одинаковой синтаксической функции: *пошли за ягодами — пошли по ягоды* и др.

Словообразовательные С. — это: а) слова с одной основой и разными аффиксами, имеющие тождественные или близкие значения: *зас-*

нуть — уснуть, затухнуть — потухнуть, лимонный — лимоновый и т.д.; б) разные аффиксы, соединяющиеся с разными основами и имеющие одно значение: *-н*; *-ов* — со значением принадлежности — *сестрин, материн, отцов* и под.

Синонимы служат для точности выражения мысли, избежания тавтологии, передачи экспрессии, стилистической окраски и вместе с *антонимами* (см.) и *омонимами* (см.) составляют парадигматику семантических отношений в языке.

Лит.: Ковтунова Т.И. О синтаксической синонимике // Вопросы культуры речи. Вып. 1. — М., 1955; Клюева В.Н. Краткий словарь синонимов русского языка. — М., 1961; Евгеньева А.П. Проект словаря синонимов. — М., 1964; Ее же: Введение // Словарь синонимов русского языка. Т. 1. — Л., 1970; Очерки по синонимике современного русского литературного языка. — М.; Л., 1966; Лексическая синонимия. — М., 1967; Золотова Г.А. Синтаксическая синонимия и культура речи // Актуальные проблемы культуры речи. — М., 1970; Синонимия в языке и речи. — Новосибирск, 1970; Словарь синонимов русского языка: 2 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. — Л., 1970—1971; Синонимы русского языка и их особенности / Под ред. А.П. Евгеньевой. — Л., 1972; Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. — М., 1973; Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. — М., 1974; Словарь синонимов / Под ред. А.П. Евгеньевой. — Л., 1975; Шанский Н.М. Русский язык. Лексика. Словообразование. — М., 1975; Винокур Т.Г. Синонимия // Русский язык: Энциклопедия. — М., 1979; Крысин Л.П. Синонимы // Энциклопедический словарь юного филолога. — М., 1984; Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. — М., 1986; Брагина А.А. Синонимы в литературном языке. — М., 1986; Раков Т.А. Диалектная лексическая синонимия и проблемы идеографии. — Томск, 1988; Касаткин Л.А., Крысин Л.П., Львов М.Р. Русский язык. Ч. 1. — М., 1989; Черняк В.Д. Проблема синонимии и лексико-грамматических классификаций слов. — Л., 1989; Новиков Л.А. Синонимы // Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990.; Алекторова Л.П., Зимин В.Н., Ким О.М. и др. Учебный словарь синонимов русского языка. — М., 1994; Апресян Ю.Д., Богуславская О.Ю. и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка: Проспект. — М., 1995; Сухотин В.П. Синтаксическая синонимика в современном русском литературном языке. — М., 1998; Чумакова Т.В. Синонимия односоставных инфинитивных предложений: Дис. ... канд. филол. наук. — М., 1998.

О.Н. Емельянова

СИНТАГМАТИКА СТИЛИСТИЧЕСКАЯ — см. Стилистическая синтагматика.

СИНТАКСИС ТЕКСТА — отрасль лингвистики текста и синтаксиса, изучающая синтаксическую организацию целого текста: связь между самостоятельными предложениями, единицы текста (предложение, прозаическая строфа — сложное синтаксическое целое, фрагмент и др.), целое речевое произведение.

В отличие от семантики текста, изучающей его смысловую структуру, С. т. исследует синтаксическую (в т. ч. интонационно-ритмическую)

организацию текста, опираясь, естественно, и на закономерности мышления.

Между предложениями, составляющими речевое произведение, существует не только смысловая связь (что не требует доказательств), но и синтаксическая, отличающаяся от связи слов в словосочетании и предложении. Это более высокий уровень синтаксических явлений, к которому лишь в незначительной степени приложимы понятия и категории низших уровней.

Синтаксическая связь между самостоятельными предложениями определяется, во-первых, движением мысли (смысловыми закономерностями), во-вторых, природой предложения как законченной единицы.

По смыслу каждая пара соседних предложений объединяется благодаря общему компоненту мысли, который обозначается в языке, во-первых, лексическим повтором, во-вторых, словом и заменяющим его лично-указательным местоимением (*лодка — она*), в-третьих, словом и заменяющим его синонимом (*елка — дерево*). Это три способа обозначения общего компонента мысли, т.е. смысловой связи между предложениями, своеобразные сигналы, свидетельствующие, что речь идет об одном и том же. Эти сигналы имеют важный, хотя и внешний, поверхностный характер.

Глубинная же суть связи между предложениями заключается в ее структурном характере, в структурной соотнесенности соединяемых предложений. Существуют определенные языковые модели структурной соотнесенности предложений: дополнение — подлежащее, подлежащее — подлежащее, подлежащее — дополнение и т.п. Синтаксическая связь возникает благодаря тому, что член предыдущего предложения (напр. дополнение) становится в последующем предложении другим членом предложения (напр. подлежащим): *Маша читает **книгу**. **Книга** очень интересная*. Синтаксический характер связи в данном примере заключается именно в структурной соотнесенности предложений по модели дополнение — подлежащее. Лексический же повтор (Книгу — Книга) лишь обнаруживает синтаксическую модель, делает ее явной. Вместо повтора могут быть использованы другие средства, напр.: *Маша читает **книгу**. **Она** очень интересная; Маша читает **книгу**. **Роман** очень интересный*. Меняются средства выражения модели, но модель остается неизменной: дополнение — подлежащее. По этой модели может быть соединено бесконечное количество предложений. Такой способ связи называется *цепной связью* (см.). Она отражает последовательное движение мысли, при котором второе предложение вытекает из первого, развивает первое.

Другой способ структурной соотнесенности, синтаксического соединения предложений — параллельная связь, осуществляемая благодаря параллелизму структуры предложений (*Кто на лавочке сидел, кто на улицу глядел)*. При *параллельной связи* (см.) предложения не развиваются одно из другого, а сопоставляются, сравниваются.

Итак, самостоятельные предложения текста соединяются по определенным синтаксическим моделям, обнаруживающим синтаксический

характер связи. Лексическое же наполнение моделей — это внешнее, индивидуальное, поверхностные сигналы, показывающие, обнаруживающие модели, «проявляющие» связь. Между самостоятельными предложениями текста существуют три типа связи: цепная, параллельная и присоединительная, хорошо известная из синтаксиса предложения.

Второй объект С. т. — прозаическая строфа (ССЦ), фрагмент и другие более крупные единицы текста. Главный строительный материал связной речи — самостоятельные предложения, которые объединяются в тесно связанные по смыслу и синтаксически группы предложений — *прозаические строфы* (ССЦ) — см. Последние объединяются в более крупные единства — фрагменты и т.д. до законченного речевого произведения. Членение на прозаические строфы и фрагменты — важная сторона синтаксической организации текста, показывающая стилевые, художественные его особенности. Большое значение имеет и членение на *абзацы* (см.), соотношение их с прозаическими строфами и фрагментами.

Нижняя граница текста — одно предложение, верхняя — неопределенное множество предложений. Специфика всех перечисленных единиц речи состоит в их структурной и относительной смысловой законченности, что позволяет каждой из них выступать в качестве самостоятельного речевого произведения (афоризмы, загадки, пословицы, сентенции, хроникальные заметки и т.д.). Такая возможность свидетельствует о том, что они являются важнейшими единицами речи.

Основной способ синтаксической организации крупных текстов — дистанционная семантико-синтаксическая связь зачинов (первых фраз) прозаических строф и фрагментов. Являясь ключевыми, опорными фразами, заключая в себе основные мысли-тезисы, зачины образуют логический, смысловой и синтаксический каркас текста. Они выступают своеобразными двигателями сюжета, развития мысли.

С. т. — одна из важнейших отраслей лингвистики текста наряду с семантикой и стилистикой текста. Возможности ее далеко не исчерпаны. Особенно перспективно изучение синтаксической организации крупных худож., публиц. и науч. произведений.

Лит.: Поспелов Н.С. Синтаксический строй стихотворных произведений Пушкина. — М., 1960; Севбо И.П. Структура связного текста и автоматизация реферирования. — М., 1969; Шмелев Д.Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. — М., 1976; Одинцов В.В. Стилистика текста. — М., 1980; Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М., 1981; Синтаксис текста. — М., 1981; Москальская О.И. Грамматика текста. — М., 1981; Реферовская Е.А. Лингвистическое исследование структуры текста. — Л., 1983; Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика (сложное синтаксическое целое). — М., 1991; Его же: Стилистика текста. — М., 1997; Текст: стереотип и творчество. — Пермь, 1998; Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII—XX вв. Т. 2. Стилистика научного текста (общие параметры). Ч. 2. Категории научного текста: функционально-стилистический аспект. — Пермь, 1998.

Г.Я. Солганик

СИНТАКСИЧЕСКАЯ СТИЛИСТИКА — см. *Стилистические ресурсы синтаксиса*.

СИНТАКСИЧЕСКИЙ ЭЛЛИПСИС И АНТИЭЛЛИПСИС — см. *Стилистические ресурсы синтаксиса*.

СИНТАКСИЧЕСКОЕ УСЕЧЕНИЕ — см. *Стилистические ресурсы синтаксиса*.

СЛАВЯНИЗМЫ (церковнославянизмы, старославянизмы) как стилистические средства русского литературного языка — слова или обороты, заимствованные рус. языком из старославянского или из более позднего церковнославянского языка русской редакции. Основная масса С. вошла в рус. язык с принятием христианства (конец X—XI вв.) и в период т.н. второго южнославянского влияния (конец XIV—XV вв.).

Лексические С. могут содержать фонетические и словообразовательные признаки принадлежности к старославянскому языку. Ср.: *брег, храм* (неполногласие) — *пророк, святой* (без специальных фонетических и морфемных примет).

Главными фонетическими признаками С. являются следующие: 1) т.н. неполногласные сочетания *ра, ла, ре, ле* между согласными, соответствующие русским полногласным сочетаниям *оро, оло, ере, ело*(*оло*) (*град — город, злато — золото, древо — дерево, млеко — молоко*); 2) сочетания *ра, ла* в начале слова перед согласными, соотносительные с русскими *ро, ло* (*равный — ровный, ладья — лодка*); 3) сочетание *жд* и звук *щ* (из *ш'т'*) на месте русских *ж* и *ч* (*чуждый — чужой, нощь — ночь*); 4) *е* в начале слова, соответствующее русскому начальному *о* (*единый — один*).

К словообразовательным признакам С. относятся некоторые префиксы, например: *из-* выделительного значения, соотносительный с префиксом рус. происхождения *вы-* (*избрать — выбрать*); *воз-* в соответствии с русским *за-* (*возгореться — загореться*); префикс *низ-* (*нис-*), синонимичный русскому *с-* (*нисходить — сходить*); *во-, со-* (рус. *в-, с-*); некоторые суффиксы существительных: *-ствие* (*странствие*), *-знь* (*жизнь*), *-ыня* (*гордыня*) и др. Нередко аффиксы отражают характерные для С. фонетические явления: префиксы *пре-, пред-, чрез-* являются неполногласными эквивалентами рус. префиксов, старославянскими по происхождению являются суффиксы причастий *-ущ-, -ющ-, -ащ-, -ящ-*. К словообразовательным элементам, типичным для С., относятся и первые части сложных слов *благо-, добро-, зло-* и нек. др.: *благоразумие, добродетель, злословие*.

Будучи заимствованиями из письменных текстов главным образом церковного характера, С. за время функционирования в рус. языке претерпели семантические преобразования, в большинстве случаев утратив свойственное многим из них прежнее религиозное содержание. При этом С. могли вытеснить древнерусские эквиваленты (*благо*; ср. тот же корень в названии *Вологое*), либо разойтись с ними в значениях (*гражданин — горожанин*), либо стать стилистическими вариантами (*глас — голос*).

Многие С. лишились книжной окраски и вошли в фонд нейтральной лексики: *власть, вред, пещера, сладкий, среда* и др. Однако большое количество С. сохранило книжный характер, оттенок возвышенности: *бремя, всемогущий, грядущее, предтеча, созидание* и др. Фонетический облик таких слов, их семантика несут в себе экспрессивно-эмоциональный заряд, делающий эти лексические единицы стилистически окрашенными средствами языка. Они употребляются в основном в публиц. устной и письменной речи для придания ей торжественности, патетичности, в худож. произведениях — для создания исторического колорита (напр.: *«древний городок с детинцем и златоверхими теремами»* — Б.Л. Пастернак. Доктор Живаго) или речевой характеристики персонажей (*«— Ступай, — говорила ворожея Агафье, — корову твою отчитала я — выздоровеет. Молись Божьей Матери. Се бо света чертог»* — Там же). В публиц., худож. и разг. речи встречается также пародийное использование С., придающее высказываниям ироническую окраску (напр.: *не соизволил прийти, соблаговолите ответить*). Ироническое и сатирическое употребление С. стало традицией в XIX в. В произведениях критической направленности широко использовался прием намеренного столкновения С., носивших яркую книжно-архаичную окраску, с просторечной лексикой (*«Много в том месте, злачнем и прохладнем, паразитов»* — Н.Г. Помяловский. Очерки бурсы).

В XVIII—XIX вв. С. использовались главным образом для создания высокого стиля — одного из «трех штилей», система которых была описана М.В. Ломоносовым и просуществовала до пушкинской эпохи (см. *Трех стилей теория*). Ломоносовское понятие стиля имело прежде всего экспрессивно-жанровый характер. Высокий стиль, закрепленный за литературными жанрами, предназначенными для «речей о важных материях», характеризовался ориентацией на языковые единицы соответствующей (торжественной) стилистической окраски.

Среди лексических С. с окраской возвышенности особую группу составляют т. н. *поэтизмы* (см.): *десница, ланиты, лобзать, очи, перси, перст* и др. К этой группе С. относятся и многие слова с неполногласием и другими фонетическими приметами старославянского языка: *власы, врата, младость, хлад, елени, могущ* и т.п. С XIX в. их функционирование связано прежде всего со стихотворными жанрами (*«Перстом невидимым свои невидимы черты на них Судьба уж написала»; «И вдруг стоят пред ним чертоги»; «Торжественный поющих глас»* — В.А. Жуковский. К Воейкову; *«Навис покров угрюмой нощи», «Блеснул кровавый меч в неукротимой длани»; «Над ним сидит орел младой»* — А.С. Пушкин. Воспоминания в Царском Селе; *«Там погружались в хладный сон воспоминанья величавы»; «Как часто по брегам твоим бродил я»; «Как ты, могущ, глубок и мрачен»* — А.С. Пушкин. К морю). До наст. времени С. этой группы, давно перешедшие в разряд архаизмов, сохраняют колорит поэтичности и не характерны для других стилей, кроме художественного.

Велика роль А.С. Пушкина в решении проблемы использования С. в рус. лит. языке. В сочинениях Пушкина за С., не ушедшими к тому време-

ни из лит. языка, окончательно закрепляются разнообразные стилистические функции, сохранившиеся за ними до сих пор: 1) традиционная функция придания тексту торжественности, возвышенности (*«Перстами легкими как сон моих зениц коснулся он. Отверзлись вещие зеницы»* — «Пророк»); 2) выражение гражданской патетики, обличительного пафоса (обличение угнетателей — продолжение традиции А.Н. Радищева и поэтов-декабристов): *«Тираны мира! Трепещите! А вы, мужайтесь и внемлите, восстаньте, падшие рабы!»* («Вольность»); 3) пародирование, создание комического эффекта: *«Пошли нам, Господи, греховным, поменьше пастырей таких, — полублагих, полусвятых»* («На Фотия»); 4) историческая стилизация: *«И он промчался пред полками, могущ и радостен, как бой»* («Полтава»). Новаторским в литературной практике Пушкина было явление нейтрализации (ассимиляции) церковнославянизмов, отражающее одну из основных тенденций пушкинского языка — к взаимодействию и смешению С. и русских литературных и разговорно-бытовых выражений. С. перестают восприниматься как элементы церковно-книжного языка, сталкиваются с рус. словами: *«Зима!. Крестьянин, торжествуя, на дровнях обновляет путь»* («Евгений Онегин»), обрастают «светскими» переносными значениями: *«Там скука, там обман и бред; в том совести, в том смысла нет. На всех различные вериги»* (там же). Процесс нейтрализации С. был очень важен для развития рус. лит. языка, С. органично входили в ткань рус. речи, обогащая запас нейтральной лексики.

В рус. языке помимо лексических имеются фразеологические С.: *бразды правления, во время о́но, глас вопиющего в пустыне, исчадие ада, кладезь премудрости, притча во языцех, святая святых, хранить как зеницу ока* и др. Напр.: *«Притчей во языцех были состоятельность его купечества и фантастическое плодородие его почвы»* (Б.Л. Пастернак. Доктор Живаго). Ср. ироническое употребление фразеологизма: *«Это тетка Ливерия, местная притча во языцех и свояченица Микулицына»* (там же). Фразеологические С., как правило, сохраняют оттенок книжности, хотя некоторые из них нейтрализуются (*ради бога, всей душой* и др.).

С. как отдельный стилистический пласт, как особая стилистическая категория в совр. рус. языке уже не существуют. Особую стилистическую роль играют лишь те С., которые являются архаизмами. Однако архаизмами могут быть не только старославянизмы, но и исконно русские слова, и заимствования из самых разных языков. И все же значение С. как стилистических средств рус. лит. языка чрезвычайно велико, прежде всего потому, что именно они традиционно составляют ядро книжной лексики и фразеологии с окраской возвышенности, риторичности.

Лит.: Шахматов А.А. Очерк совр. рус. лит. языка. — 4-е изд. — М., 1941; Виноградов В.В. К истории лексики рус. лит. языка. — Русская речь. Новая серия, I. — Л., 1927; Его же: Очерки по истории рус. лит. языка XVII—XIX вв. — 2-е изд. — М.; Л., 1938; Винокур Г.О. Избр. работы по рус. языку. — М., 1959; Левин В.Д. Очерки стилистики рус. лит. языка конца XVIII—начала XIX в. Лексика. — М.; Л., 1964; Горшков А.И. История рус. лит. языка. — М., 1969; Ильинская И.С. Лексика сти-

хотворной речи Пушкина. «Высокие» и поэтические славянизмы. — М., 1970; Замкова В.В. Славянизм как стилистическая категория в рус. лит. языке XVIII в. — Л., 1975; Мещерский Н.А. История рус. лит. языка. — Л., 1981; Арапова Н.С. Славянизмы // ЛЭС. — М., 1990; Колесов В.В. Общие понятия исторической стилистики // Историческая стилистика рус. языка. — Петрозаводск, 1990; Тарланов З.К. О предмете и задачах исторической стилистики рус. языка (там же); Кожина М.Н. Стилистика рус. языка.— 3-е изд. — М., 1993; Копорская Е.С. Славянизмы // Энц. Рус. яз. — 2-е изд. — М., 1997.

Т.Б. Трошева

СЛОГ — см. *Стиль.*

СМЫСЛОВАЯ СТРУКТУРА (смысл) текста — многоуровневая иерархическая организация содержательной стороны текста (представленная в его поверхностной структуре посредством взаимосвязи текстовых единиц, типовых текстовых структур, архитектоники, композиции и др.), компонентами которой являются смыслы, формируемые комплексом экстралингвистических факторов, детерминирующих стилевую специфику текста.

В современной лингвистике дифференцируются понятия «семантика», «содержание» и «смысл» по отношению к структуре текста. Под семантикой понимаются значения составляющих текст языковых единиц, обладающих способностью во взаимодействии друг с другом отражать объективную действительность. Содержание текста составляют знания о действительности, объективируемые в произведении автором. В свою очередь, смысл соотносится со знаниями, получаемыми реципиентом при восприятии текста. Отсюда, семантическая структура текста связана с его знаковым характером, содержательная структура — с кодированием заключенной в нем информации, смысловая структура — с декодированием информации и восприятием текста как целого. По мнению Г.В. Колшанского, «смыслы высказываний и смысл текста представляют собой единство и цельность, в рамках которого семантика отдельных языковых единиц составляет лишь часть этого целого. Семантическая дискретность текста есть его смысловое структурирование, а не сумма отдельных значений единиц... Элементарные значения отдельных единиц есть результат структурирования тотального смысла высказывания (текста)» (*Колшанский,* 1979, с. 55).

С. с. т. интерпретируется по-разному. В коммуникативных направлениях лингвистики — семантике текста, лингвосоциопсихологии, функц. стилистике — С. с. т. не сводится к совокупности составляющих ее грамматических единиц, а обусловливается внелингвистическим контекстом, связанным с речемыслительной деятельностью и коммуникацией. Наиболее известны три подхода к пониманию С. с. т.: 1) смысл текста на денотатной основе, отсюда — С. с. т. как иерархия тем и подтем (аспект семантики текста); 2) С. с. т. как иерархия коммуникативных программ — предикаций первого, второго и т.д. порядков зна-

чимости — при передаче авторского замысла (аспект лингвосоциопсихологии); 3) С. с. т. как многоуровневая организация содержательной стороны целого текста, обусловленная комплексом экстралингвистических факторов (аспект функц. стилистики).

В семантике текста различаются понятия «смысл» (целостное и потому не структурируемое образование) и структурно оформленное «содержание». Содержательная структура текста, или его внутренняя форма, представляет собой иерархию денотатов — единиц мысли, причем в качестве элементов структуры выступают предмет и его признаки, а не предложение и слово (*А.И. Новиков* и др.). В любом тексте выделяется главный предмет (тема) и ряд других элементов содержания (подтемы), непосредственно или опосредованно раскрывающих аспекты главного предмета. По А.И. Новикову, структуру текста составляет совокупность денотатов, связанных предметными отношениями в целостный семантический комплекс. Объективация содержания в тексте подчинена языковому закону линейности. Содержание, будучи мыслительным образованием и существуя в виде целостных образов, данных как бы в одновременности, в тексте может быть выражено только в виде последовательности языковых единиц, репрезентирующих дискретные фрагменты этого содержания. Поэтому мыслительное содержание определенным образом расчленяется и организуется в соответствии с линейной структурой текста.

Собственно коммуникативный аспект текстовой организации является специальным предметом изучения в лингвосоциопсихологии, а также психолингвистике, прагматике, герменевтике, в рамках которых С. с. т. исследуется в зависимости от структуры речемыслительной (познавательно-коммуникативной) деятельности и *речевого акта* (см.) (*Т.М. Дридзе*, *А.А. Леонтьев*, *Г.И. Богин*, *Е.В. Сидоров*, *Ю.А. Сорокин*, *А.А. Залевская*, *Т.А. ван Дейк* и др.).

В лингвосоциопсихологии С. с. т. рассматривается как концептуальная организация текста — иерархия мотивов и целей его порождения и способов реализации «коммуникативных программ», подчиненных интенции (основному коммуникативному намерению) автора. Метод «информативно-целевого анализа», разработанный Т.М. Дридзе, по сравнению с другими (например тема-рематическим) позволяет ближе подойти к моделированию структуры внутреннего плана (программы, замысла) текста в сознании его автора, а также дает возможность объективировать интуитивное ощущение смысловой структуры и смысловой насыщенности текста. В этом плане безусловно значимым является вывод, что единицы языка реализуют в тексте не только свои системные свойства, но вступают и в иные — иерархические, семантико-смысловые, собственно коммуникативные отношения, мотивированные задачами общения. Коммуникативные отношения определяют лингвистическую организацию текста, или иначе — в терминологии функц. стилистики — его стилистико-речевую системность (см. *Речевая системность функционального стиля*).

В функц. стилистике, рассматривающей ц е л ы й т е к с т, т.е. речевое произведение, подчеркивается, что именно целый текст характеризуется свойствами, качественно отличающими его от единиц языковой системы (*А.Н. Васильева*, *Т.В. Матвеева*, *М.Н. Кожина*, *М.П. Котюрова*, *В.В. Одинцов* и др.). Только целый текст способен полностью передать авторский замысел, концепцию, т.е. обладает смыслом, не сводимым к сумме значений составляющих его языковых единиц. Смысловое приращение текста обусловлено его особой организацией, детерминированной не только языковыми законами, но и экстралингвистически.

Изучение С. с. т. в функц. стилистике связано с решением вопроса, каким образом различные коммуникативно-познавательные процессы в их широком экстралингвистическом контексте отражаются в языковой и смысловой организации текста, обусловливая его стилевую специфику. Так, реализованный в функц. стилистике подход к изучению С. с. н а у ч. текста, опирающийся на принципы системности и функциональности, позволил выявить механизм перехода экстралингвистического, внешнего по отношению к речевому произведению, в собственно лингвистическое и тем самым объяснить стилистико-речевую природу науч. текста (*М.Н. Кожина*, *М.П. Котюрова*, *Л.М. Лапп*, *Е.А. Баженова*, *Н.В. Данилевская*, *В.А. Салимовский* и др.).

С. с. науч. произведения понимается как типовая текстовая организация, обусловленная комплексом экстралингвистических факторов, связанных со спецификой научного мышления, познавательной деятельности и функционирования вербализованного знания в науч. коммуникации. Содержанием науч. произведения является науч. знание, представленное в единстве трех аспектов: онтологического (связанного с предметным содержанием старого и нового знания); методологического (объединяющего способы и приемы получения знания); аксиологического (соотносимого с ценностной ориентацией ученого в общем фонде знания). Названные компоненты оказывают закономерное воздействие на формирование смысла науч. текста, обусловливая его лингвостилистическую специфику. Каждый из этих аспектов имеет типизированный характер речевой реализации посредством функционально ориентированных языковых (дотекстовых и текстовых) единиц, организованных по принципу поля (*М.П. Котюрова*) или субтекста (*Е.А. Баженова*). Взаимодействие глубинной (содержательно-смысловой) и поверхностной (формально-языковой) сторон текста проявляется в стилистическом согласовании содержания и формы произведения.

С. с. структура х у д о ж е с т в е н н о г о произведения чрезвычайно специфична и многослойна: она соотнесена с такими уровнями смысла, как тематический, проблемный, идейный, идеологический, эстетический. Более того, в высокоэстетическом худож. произведении глубинный идейно-эстетический смысл текста обычно завуалирован, скрыт в подтексте.

С. с. худож. текста объединяет различные компоненты: макроконтекст (широкий контекст культуры, в котором функционирует произведение),

микроконтекст (контекст конкретного образа), контекст линейного движения текста (речевое развертывание произведения), контекст реальной последовательности «событийного» движения изображаемого (сюжет и композиция) и т.д. (*А.Н. Васильева*). Все эти компоненты значимы для понимания смысла худож. произведения.

Один из важнейших факторов, определяющих структурированность худож. текста, связан с целостностью, единством замысла, воплощаемого в процессе его словесной реализации. Исходя из этого объединяющим началом целостной, замкнутой структуры худож. текста является *образ автора* (см.) — единый организующий центр всех элементов худож. структуры. Образ автора объединяет систему речевых структур, является идейно-стилистическим средоточием, «фокусом целого текста» (*В.А. Кухаренко*). Наряду с образом автора, единство и цельность С. с. худож. произведения обеспечиваются сюжетом, композицией, архитектоникой и другими компонентами текста.

В отношении публиц., оф.-дел., разг. стилей речи вопрос о С. с. т. остается неизученным.

Очевидно, С. с. публицистического текста определяется взаимодействием информации разных видов — содержательно-фактуальной и коммуникативно-прагматической. При этом все составляющие С. с. публиц. текста ориентированы на выполнение функции воздействия на адресата.

С. с. официально-делового текста детерминируется его регулятивной функцией, которая может быть конкретизирована посредством информативной, императивной (функцией долженствования), предписывающей и др. С. с. деловых текстов фиксируется посредством устойчивых композиционных форм, а также типизированных, стереотипных, клишированных речевых единиц, имеющих стандартизованный характер.

С. с. разговорного текста определяется спецификой коммуникативного акта в ситуации неподготовленного, спонтанного общения. Немаловажную роль играют тема, формат речи (монолог, диалог, полилог), коммуникативные установки участников речевого взаимодействия — внеязыковой контекст в целом.

Изучение С. с. т. в функц.-стилистическом аспекте позволяет более точно определить лингвостилистическую специфику произведений разных функц. типов с учетом их обусловленности экстралингвистической основой.

Лит.: Жинкин Н.И. Механизмы речи. — М., 1958; Его же: Речь как проводник информации. — М., 1982; Его же: Язык. Речь. Творчество. — М., 1998; Лотман Ю.М. Структура художественного текста. — М., 1970; Ван Дейк Т.А. Вопросы прагматики текста // НЗЛ. Вып. VIII. — М., 1978; Колшанский Г.В. Проблемы коммуникативной лингвистики. — ВЯ. — 1979. — № 6; Его же: Контекстная семантика. — М., 1980; Его же: Коммуникативная функция и структура языка. — М., 1984; Кухаренко В.А. Интерпретация текста. — Л., 1979; Леонтьев А.А. Понятие текста в современной лингвистике и психологии // Психолингвисти-

ческая и лингвистическая природа текста и особенности его восприятия. — Киев, 1979; Одинцов В.В. Стилистика текста. — М., 1980; Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М., 1981; Демьянков В.З. Прагматические основы интерпретации высказывания. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. — 1981. — № 4; Васильева А.Н. Художественная речь: Курс лекций по стилистике для филологов. — М., 1983; Купина Н.А. Смысл художественного текста и аспекты лингвосмыслового анализа. — Красноярск, 1983; Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. — М., 1983; Павилёнис Р.И. Проблема смысла (Современный логико-философский анализ языка). — М., 1983; Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. — М., 1984; Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста. — М., 1985; Богин Г.И. Типология понимания текста. — Калинин, 1986; Его же: Схемы действий читателя при понимании текста. — Калинин, 1989; Его же: Субстанциональная сторона понимания текста. Тверь, 1993; Васильев С.А. Синтез смысла при создании и понимании текста. — Киев, 1988; Залевская А.А. Понимание текста: психолингвистический подход. — Калинин, 1988; Ее же. Текст и его понимание. Тверь, 2001; Котюрова М.П. Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста. — Красноярск, 1988; Мурзин Л.Н., Штерн А.А. Текст и его восприятие. — Свердловск, 1991; Болотнова Н.С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. — Томск, 1992; Ее же: Основы теории текста. — Томск, 1999; Кожина М.Н. Смысловая структура текста в аспекте стилистики научного текста // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII—XX вв. Т. II. Ч. 1. Стилистика научного текста (общие параметры). — Пермь, 1996; Леонтьев Д.А. Психология смысла. — М., 1999; Крюкова Н.Ф. Метафорика и смысловая организация текста. — Тверь, 2000; Сидорова М.Ю. Грамматика художественного текста. — М., 2000; Баженова Е.А. Научный текст в аспекте политекстуальности. — Пермь, 2001; Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. — Екатеринбург, 2001.

Е.А. Баженова, М.П. Котюрова

СМЫСЛОВОЕ РАЗВЕРТЫВАНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА — поэтапное отражение в сознании коммуникантов многообразных знаний о мире, выраженных в словесно-образной форме с позиций определенного эстетического идеала.

Следует дифференцировать объективное содержание худож. текста (как продукт эстетической речемыслительной деятельности автора и объект познавательной деятельности читателя) и отражение этого содержания в сознании коммуникантов. Это связано, во-первых, с тем, что С. р. х. т. выражает прямо или косвенно лингвистически материализованную интенцию автора, однако то, что автор, возможно, хотел сказать, и то, что им действительно сказано, не всегда совпадает. Во-вторых, объективно воплощенное содержание текста может по-разному интерпретироваться читателями ввиду несовпадения их информационного тезауруса, разной языковой компетенции и общего культурного уровня.

Согласно концепции И.Р. Гальперина (1981), информация, составляющая содержательный план текста, может быть содержательно-

фактуальной, содержательно-концептуальной, содержательно-подтекстовой. Отражаясь в сознании адресата, содержательно-фактуальная информация приобретает статус *поверхностного смысла* (см.) текста, который, по мнению Н.А. Купиной (1983), выражается прежде всего лексическими средствами. Освоение содержательно-концептуальной и содержательно-подтекстовой информации требует более высокого уровня духовной и языковой культуры адресата и связано с постижением им *глубинного смысла* текста на основе интерпретации системно организованных языковых средств всех уровней, включая лексические.

Поскольку худож. текст содержит эстетическую информацию (*А. Моль*), способную рождать «лирическую эмоцию» и отражающую реальный мир в образной форме с позиций эстетического идеала автора, С. р. х. т. всегда прагматически окрашено и имеет ассоциативно-образный характер.

В худож. тексте как форме коммуникации дифференцируются два аспекта его смыслового развертывания: лингвистический и экстралингвистический. Первый предполагает систему контекстуального выдвижения отобранных автором и особым образом организованных речевых средств, призванных возбудить творческое воображение читателя в нужном для писателя русле. С. р. х. т., таким образом, воплощает коммуникативно-эстетическую стратегию автора. Второй (экстралингвистический) аспект смыслового развертывания произведения характеризуется прагматической направленностью, определяющей особый ассоциативно-образный характер отражения эстетической информации в сознании читателя.

Вторичная коммуникативная деятельность адресата, включающая, согласно концепции В.З. Демьянкова, восприятие, интерпретацию, понимание текста, рождает динамику личностных смыслов, позволяя выявить «доминантный личностный смысл» (*В.А. Пищальникова*). Существуют и другие походы к определению сущности смысловой интерпретации, которую трактуют как постижение собственного «я» (*М. Мамардашвили*), как освоение идейно-эстетической, смысловой и эмоциональной информации худож. произведения (*В.А. Кухаренко*), как взаимодействие текста с воспринимающей его личностью (*В.В. Васильева* и др.). Проблема смыслового восприятия текста разрабатывается в психологии и психолингвистике (*Л.С. Выготский*, *Н.И. Жинкин*, *А.А. Леонтьев*, *А.А. Брудный*, *И.А. Зимняя*, *Т.Н. Дридзе*, *Ю.А. Сорокин*, *В.А. Пищальникова* и др.), в лингвистике текста (*О.И. Москальская*, *Н.Д. Зарубина*, *С.Г. Ильенко*, *З.Я. Тураева* и др.), в стилистике текста (*В.В. Одинцов*, *М.Н. Кожина*, *И.В. Арнольд*, *Н.А. Купина*, *И.Я. Чернухина* и др.).

Воспринимая текст как предметно-знаковое образование, читатель продуцирует его смысл (эксплицитный и имплицитный) в соответствии со своим информационным тезаурусом, опираясь на объективный фактор — семантику текста. Она формируется на основе коммуникативной ориентации текстовых единиц различных уровней (их выразительных

возможностей, прежде всего семантических, и образного потенциала, эстетически актуализированных в произведении), а также многообразных связей текстовых единиц «по горизонтали» в процессе линейного развертывания текста (синтагматический уровень) и «по вертикали» — в перспективе текста на основе возможных «притяжений и отталкиваний» (парадигматический уровень).

Смысловая макроструктура текста состоит из смысловых микроструктур отдельных высказываний и блоков высказываний. Микро- и макроструктуры текста (*Ван Дейк*) определяются его общей целевой программой и микроцелями (*Т.М. Дридзе*), выявляемыми в процессе интерпретационной деятельности читателя. В связи с этим можно говорить о локальной и глобальной интерпретации текста (термины *Ван Дейка*). Применительно к анализу лексики первая основана на изучении связей и отношений лексических единиц в высказывании и блоке высказываний, вторая — на анализе связей и отношений микроструктур и их элементов в макроструктуре целого худож. произведения.

В С. р. х. т. особенно велика роль лексических средств. Слово является не только «основной единицей словесного художественного построения» (*Ю.М. Лотман*), но и опорным элементом процесса понимания (*А.А. Смирнов, А.А. Леонтьев, Н.Н. Соколов, И.А. Зимняя* и др.). Коммуникативные свойства слова-знака и его синтактика реализуются в высказывании, референтом которого является, по В.Г. Гаку, ситуация. Как элемент высказывания слово служит сигналом соответствующего «отрезка», «фрагмента» ситуации. Элементы ситуации, согласно денотативной концепции значения предложения, соответствуют членам предложения, — предикату и актантам, коррелирующим с ролевыми функциями участников события (*И.Г. Ольшанский*). Элементами ситуации, отраженной в высказывании, являются, т.о., субъекты и объекты, их свойства, статус и функции, действия, процессы, состояния, отношения и пространственно-временной континуум.

Своеобразие высказываний худож. текста заключается в том, что они фиксируют не реальные ситуации, а моделируемые художественно в соответствии с эстетической концепцией автора, т.е. речь идет об отражении фрагментов худож. мира, образно воплощенного в тексте. В связи с этим элементы ситуации в сознании воспринимающего текст субъекта коррелируют как с единицами образного строя (микрообразами, образами целых ситуаций), так и с единицами понятийно-концептуального уровня.

Информативные сигналы различных элементов воплощенной ситуации, вербально закодированные в тексте, логично рассмотреть как имеющие статус семантических признаков соответствующих элементов. При этом репрезентируемый вербально семантический признак может отражать либо одну из сторон описываемого элемента ситуации (на уровне сем), либо элемент в целом (на уровне слов, фразеологизмов), либо координацию элементов (на уровне высказывания и его частей). Таким образом, выделяются семантические признаки разных ран-

гов и степени обобщения. Их соотнесенность, фиксирующая отличительные свойства целой ситуации, ее элементов и отдельных сторон этих элементов, коррелируется в сознании читателей со смысловой иерархией: от микросмыслов отдельных компонентов слов к смыслу слов и обобщенному смыслу высказывания. При этом целое не складывается из суммы его составляющих.

Блок высказываний, объединенных функционально и по смыслу, и целый текст, отражающий ряд соотносительных ситуаций, эпизодов или целое событие, характеризуется взаимодействием ассоциативно-смысловых комплексов разного ранга и масштаба. При этом действует механизм «накапливания и укрупнения» информативных сигналов отдельных худож. реалий, выражающийся в отношениях дополнения, усиления и контраста соответствующих семантических признаков различных уровней обобщения, формирующий в сознании читателя представление об общей информативной и прагматической сущности текста. Семантические признаки определяются широко, как закодированные вербально информативные сигналы различных реалий худож. мира, воплощенного в тексте (от отдельных элементов до ситуаций).

Механизм «накапливания и укрупнения» семантических признаков различных элементов худож. действительности по-разному действует в соответствии с эстетически обусловленной концептуальностью и прагматичностью текста и *идиостилем* (см.) автора. Данный процесс реализуется неодинаково: 1) путем линейно-последовательного проявления ряда семантических признаков описываемых реалий; 2) благодаря многократной актуализации одного или нескольких семантических признаков изображаемых явлений; 3) на основе парадоксального сочетания признаков одного или разных элементов воплощенной в тексте худож. действительности. В соответствии с этим вербально выраженные семантические признаки различных реалий худож. мира могут связываться отношениями дополнения, усиления и контраста. Эти отношения коммуникативно значимы на разных этапах смыслового развертывания произведения: от высказывания до целого текста. Выделяются различные виды каждого из этих универсальных смысловых отношений.

«Остовом», «каркасом» общей смысловой структуры текста и основной формой его репрезентации является лексическая макроструктура — коммуникативно ориентированная и концептуально обусловленная ассоциативно-семантическая сеть, отражающая многообразные связи и отношения однословных и неоднословных лексических элементов. Узловые звенья лексической структуры текста являются важными смысловыми вехами в интерпретационной деятельности читателя. В их формировании особенно значимы смысловые отношения дополнения, усиления, контраста как основополагающие факторы в регулировании познавательной деятельности адресата.

Лит.: Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М., 1981; Гюббенет И.В. К проблеме понимания литературно-художественного текста (на английском материале). — М., 1981; Демьян-

ков В.З. Понимание как интерпретирующая деятельность. — ВЯ. — 1983. — № 6; Его же Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода. — ВЯ. — 1994. — № 4; Купина Н.А. Смысл художественного текста и аспекты лингвосмыслового анализа. — Красноярск, 1983; Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. — М., 1983; Черняховская Л.А. Смысловая структура текста и ее единица. — ВЯ. — 1983. — № 6; Молчанова Г.Г. Семантика художественного текста (Имплицитивные аспекты коммуникации). — Ташкент, 1988; Каменская О.Л. Текст и коммуникация. — М., 1990; Болотнова Н.С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. — Томск, 1992. Раздел III; Пищальникова В.А. Проблема смысла художественного текста: Психолингвистический аспект. — Новосибирск, 1992; Чернухина И.Я. Поэтическое речевое мышление. — Воронеж, 1993; Ее же: Виды речемыслительной деятельности и типология текстов (на материале лирических стихотворений) // Человек — Текст — Культура. — Екатеринбург, 1994; Потебня А.А. Мысль и язык // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста. Антология / Под ред. проф. В.П. Нерознака. — М., 1997; Васильева В.В. Интерпретация как взаимодействие человека и текста // Текст: Стереотип и творчество. — Пермь, 1998; Болотнова Н.С., Бабенко И.И., Васильева А.А. и др. Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль / Под ред. проф. Н.С. Болотновой. — Томск, 2001. Главы 6, 7; Лексические аспекты смыслового анализа художественного текста в вузе и школе: Матер. науч.-практ. семин. (26 апреля 2001 г.) / Под ред. проф. Н.С. Болотновой. — Томск, 2001; Чернейко Л.О. Художественный текст как объект филологической интерпретации // Текст. Интертекст. Культура: Матер. междунар. науч. конф. (Москва, 4—7 апреля 2001 года). — М., 2001.

Н.С. Болотнова

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ СТИЛИСТИКА — см. Стилистика сопоставительная.

СОЦИАЛЬНАЯ ОЦЕНОЧНОСТЬ (ГАЗЕТНОЙ РЕЧИ) — одна из основных стилевых черт газетно-публиц. стиля, обусловленная не только информативным, но и — преимущественно — воздействующим характером публиц. речи. Как важнейший принцип языка публицистики, С. о. была обоснована в работах Г.Я. Солганика (1980).

В постперестроечные годы в исследовательской литературе предпринимались попытки переосмыслить этот принцип. Так, напр., один из авторов монографии «Культура русской речи и эффективность общения» (1996) пишет: «В советском лингвистическом газетоведении социальная оценочность нередко рассматривалась как примарный признак «языка газеты», хотя это утверждение покоилось не столько на лингвистических, сколько на идеологических основаниях». Думается, что упрек зиждется на недооценке влияния экстралингвистических факторов на лингвистические характеристики текстов. Г.Я. Солганик прав, отмечая, что «смена идеологической парадигмы не отменила принципа социальной оценочности» (*Солганик,* 2000).

Принцип С. о. вытекает из особенностей публиц. подхода к миру. Журналист осуществляет свою профессиональную деятельность как предста-

витель, выразитель, защитник интересов и ценностей тех или иных социальных групп. Следовательно, аксиологическая деятельность журналиста укладывается в оценки той или иной социальной группы. Несмотря на то что порою он глубоко вникает в суть фактов, явлений, умело подбирает аргументы для обоснования своей позиции, журналист, даже провозгласив примат общечеловеческих ценностей, в конечном итоге воспроизводит оценки какой-то социальной группы (Е.П. Прохоров; Г.В. Лазутина; Г.О. Устимова и мн. др.). Такая особенность оценочной деятельности отражается в характере оценочности журналистских текстов.

С. о. в доперестроечной прессе выражалась в резком делении оценочных языковых средств на позитивно- и негативнооценочные, связанные с номинацией идеологических понятий («наше» — «не наше»). Это деление сохраняется и в современной прессе, хотя, конечно, палитра оценок весьма обогатилась. Принцип С. о. продолжает действовать и формирует, как и в прошлом, важнейший разряд словаря публицистики — концептуальную лексику. Однако отсутствует резкое разграничение позитивной и негативной оценочности. Многие слова, имевшие ранее отрицательную окраску, приобретают нейтральное звучание или даже меняют знак оценки (*ВПК, бизнес*). Как своеобразное средство непрямой оценки получает распространение ирония, служащая средством снижения агрессивности, категоричности.

Лит.: Солганик Г.Я. Общие особенности языка газеты // Язык и стиль средств массовой информации и проопаганды. — М., 1980; Его же: Современная публицистическая картина мира // Публицистика и информация в современном обществе. — М., 2000; Кайда Л.Г. Авторская позиция в публицистике: Дис. д-ра филол. н. — М., 1992; Прохоров Е.П. Введение в теорию журналистики. — М., 1996; Виноградов С.И. Язык газеты в аспекте культуры речи // Культура русской речи и эффективность общения. — М., 1996; Лазутина Г.В. Журналистское познание мира // Основы творческой деятельности журналиста. — СПб., 2000; Сметанина С.И. Медиа-текст в системе культуры. — СПб., 2002.

Л.Р. Дускаева

СТАНДАРТ — см. *Стереотипность речи.*

СТАНДАРТИЗИРОВАННОСТЬ ДЕЛОВОЙ РЕЧИ — см. *Стереотипность речи; Официально-деловой стиль.*

СТАТЬЯ ГАЗЕТНАЯ — см. *Жанры публицистического стиля.*

СТАТЬЯ НАУЧНАЯ — см. *Жанры научной литературы.*

СТЕРЕОТИП — см. *Стереотипность речи.*

СТЕРЕОТИПНОСТЬ РЕЧИ — результат проявления в тексте процесса стереотипизации, или специализации языковых средств в соответствии с функц. стилями речи.

Языковая стереотипизация представляется как постепенное «заполнение» компонентов моделей смыслов комплексами (преимущественно словосочетаниями) языковых единиц, наиболее пригодными для этой цели. Стереотипизация заключается в формировании «парадигмы, описывающей случаи, которые уже были, и способной образовывать устойчивые контексты (аналог лексикализации)» (*Хазагеров,* 1997, с. 12—13). Напр., стереотипный комплекс (парадигма), объединяющий ряд минимальных стереотипных компонентов-словосочетаний, которые заполняют когнитивную модель 'модальность возможности/необходимости + ментальное действие + познаваемый объект'. Эта модель включает компоненты двух типов: *надо изучить* и *изучить вопрос*. Каждый компонент может быть выражен одним из членов открытой парадигмы стереотипных словосочетаний: *надо* (*нужно, необходимо, следует, важно*, *легко, можно, нет возможности, нельзя* и др.) + *изучить* (*исследовать, установить, вскрыть, обнаружить, выявить, определить, доказать, аргументировать, найти* и др.) + *вопрос* (*проблему, принцип, сущность, закономерность, положение, утверждение* и др.). Вслед за В.Г. Костомаровым, Е.С. Троянской и др. целесообразно разграничивать «стереотип», «стандарт» и «шаблон» (штамп), считая стандартом лишь такое использование автоматически воспроизводимых языковых средств, которое связано с достижением определенного п о л о ж и т е л ь н о г о стилистического эффекта, в отличие от шаблона, или штампа, где этот эффект негативен (*Троянская,* 1982, с. 252). Стереотип — это либо «текст, вписанный в контекст коммуникативного акта и отражающий определенную микроситуацию» (Русский язык, 1996, с. 352), либо «психолингвистическая динамическая функц. система, призванная стабилизировать любую социально значимую деятельность субъекта» (*Дмитриева,* 1996, с. 9), либо «условная часть, неточная идея, минимальный пучок свойств объекта того или иного класса» (*Базылев,* 1997, с. 52). Психолингвистический аспект стереотипа соотносится с личным опытом человека, ориентацией на «другого» (в более широком плане — на традицию), со способностью к усвоению (точнее, присвоению) образца в когнитивном, оценочном и поведенческом отношениях. В функц. стилистике стереотип — применительно к функц. стилю — служит критерием комплексной оценки правильности речи, т.е. представляет собой ядро стилевого узуса, которое соотносится с понятием коммуникативно-стилистической целесообразности речи (высказывания). С. речи (и мышления), проявляющаяся в разной степени, имеет большое значение и для формирования единого логико-семантического, а также интеллектуально- и эмоционально-оценочного контекста, присущего прежде всего науч., дел., публиц. стилям. Минимальные стереотипные компоненты-словосочетания, объединяясь, составляют стереотипные комплексы, даже целые высказывания, которые включаются в стереотип стиля в целом.

Каждый стиль отбирает из общелитературного языка те языковые средства, которые в наибольшей степени соответствуют коммуникативному назначению. Другие же языковые единицы подвергаются измене-

нию, трансформации, специализации для выполнения особой функции того или иного стиля. Каждый стиль производит своеобразное перераспределение и трансформацию языковых единиц, в чем заключается важнейшая роль стилей в развитии языка, которое совершается именно в рамках функц. стилей. «Заимствуя» из лит. языка и специализируя языковые единицы, стили «производят» свои стереотипные единицы. Так, в науч. текстах формируются такие языковые единицы, которые наиболее точно могут выражать многократно повторяющийся процесс научной познавательно-коммуникативной деятельности и также многократно зафиксированный в текстах и потому ставший стереотипным в отношении как содержания, так и средств его оформления. Именно стереотипные текстовые единицы, обусловленные не только высокой частотностью языковых единиц, но и принципами смысловой структуры текста, делают возможным развертывание текста целого произведения с присущими ему жанровыми и функц.-стилевыми особенностями.

Функц.-стилевая С. соотносится с системным отбором типичных или предпочтительных единиц языковой системы и формированием фонда средств, предназначенных для выражения когнитивных моделей. В частности, в науч. стиле — моделей познавательной деятельности, ее этапов, методов, познавательных действий. Поскольку ментальные (познавательные) действия играют важную роль в познавательной деятельности в целом, то и слова, их обозначающие, выполняют текстообразующую функцию. Функц.-стилевая С. представляет собой соответствие речи функц. стилю как инвариантному свойству текста, понимаемому в качестве динамического стереотипа, который служит для применения стилеобразующих принципов сравнения и выбора (*Лузина,* 1989, с. 13) языковых единиц в процессе реализации коммуникативной стратегии автора текста.

С. научного изложения оценивается как позитивная характеристика научного функц. стиля, благодаря которой повышается «информационно-пропускная» способность науч. текста, т.е. активизируется понимание читателем авторской концепции. В то же время С. речевых единиц, структурно-композиционных компонентов и типизированных смыслов не исключает возможности широкого варьирования и тем самым не мешает проявлению авторской индивидуальности. С. научного изложения (а следовательно, и научного мышления, опосредованного текстом) проявляется в разных отношениях: 1) на текстовой плоскости, 2) в организации содержательной структуры целого произведения, 3) глубинной организации смысла текста целого произведения (*Крижановская,* 1998, с. 136—151).

Особому рассмотрению явление С., или языкового стандарта, наряду с газетной экспрессией, подвергнуто В.Г. Костомаровым (1971), который понимает под стандартом «любое интеллектуализованное средство выражения — независимо от характера и природы — в его противопоставленности средствам с так или иначе выраженной экспрессией. Отличительными чертами стандарта выступают воспроизводимость, од-

нозначная семантика и, прежде всего, нейтрально-нормативная окраска» (*Костомаров,* 1971, с. 180). Прагматическая роль стандарта в газетном языке значительно сложнее и противоречивее, чем в науч. и дел. речи, где преследуется лишь цель точности, недвусмысленности изложения. Сменяющие друг друга факты, ситуации жизни и изменяющиеся социально-политические оценки вызывают и быструю смену обозначений, и высокую степень интенсивности их стандартизации. Отличительной чертой стандарта в газетном языке выступает его непосредственная обусловленность контекстом: с одной стороны, *узким контекстом,* который здесь подчинен конструктивному принципу контраста, с другой — *широким контекстом*, который здесь имеет характер синхронно общекультурный. Вообще газетно-языковые стандарты прямолинейно отражают социально-политические идеалы, вкусовые устремления, «языковую моду», играющие в газетном языке при отборе средств выражения основополагающую роль в целом.

Еще очевиднее и ярче первая обусловленность — зависимость интенсивно формирующихся и часто сменяющихся стандартов газетного языка от узкого контекста, связанного с конструктивной потребностью. В данном случае стандарты играют роль костяка, обеспечивая надежность и преемственность словоупотребления при постоянном изменении общего состава средств выражения. Самый контекст оказывается и не «творческим» (как в худож. произведении), и не «нетворческим» (как в науч. и дел. общении), а именно принципиально-конструктивным. Основанный на сталкивании стандарта и экспрессии, он строг, прямолинеен и упорядочен в сочетании слов, но одновременно и терпим к характеру этого сочетания, подвижен в нем, пока соблюдается контрастное противопоставление средств выражения (*Костомаров,* 1971, с. 190—191).

Применительно к газетно-языковому контрасту В.Г. Костомаров определяет стандарт как антиэкспрессию, а экспрессию — как антистандарт. Смысл этого разграничения в указании на регулярное и последовательное конструктивное противоположение маркированного и немаркированного компонентов. Стандарт, по природе предназначенный для воспроизведения, при утрате основного свойства нейтральности воспринимается как штамп. «Штампы — слова и выражения, лишенные образности, часто и однообразно повторяемые без учета контекста» (*Д.Э. Розенталь*). Условием штампа, таким образом, выступает слепой автоматизм, механический характер воспроизводства, что нетерпимо в сфере эмоционально-экспрессивной, образной, метафорической.

Нанизанные цепочки стандартов — естественное качество газетного языка, но их осмысленное применение — условие сохранения их в качестве положительно-конструктивного средства.

Лит.: Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. — М., 1971; Троянская Е.С. Лингвостилистическое исследование немецкой научной литературы. — М., 1982; Разинкина Н.М. О понятии стереотипа в языке научной литературы (к постановке вопроса) // Научная литература: язык, стиль, жанры. — М., 1985; Лузина Л.Г. Введение: Катего-

рии стиля и проблемы стилистики в современном языкознании // Проблемы современной стилистики: Сборник науч.-аналитич.обзоров. — М., 1989; Дмитриева Н.Л. Стереотип как средство регуляции восприятия вербализованного содержания: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1996; Коровкин М.М. Роль когнитивных моделей в познании и речемыслительной деятельности // Лингвистические маргиналии: Сб. науч. трудов. Вып. 432. — М., 1996; Котюрова М.П. Многоаспектность явлений стереотипности в научных текстах // Текст: стереотип и творчество. — Пермь, 1998.

М.П. Котюрова

СТИЛЕВАЯ СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНАЛЬНОГО СТИЛЯ — см. *Функциональный стиль.*

СТИЛЕВЫЕ ФУНКЦИИ РЕЧЕВЫХ РАЗНОВИДНОСТЕЙ. В процессе своего функционирования язык как важнейшее средство человеческого общения выполняет различные функции: регулирует межличностные, производственные и социальные отношения людей, участвует в формировании их мировоззрения и культурных систем, обеспечивает процесс познания действительности, осуществляет накопление и передачу информации от поколения к поколению, расчленяет и классифицирует понятия, формирует суждения и умозаключения, служит средством формирования оценок и материалом художественного (эстетического) творчества и т.д.

Среди многочисленных Ф. языка обычно выделяют базовые, первичные, и частные, производные. К базовым, фундаментальным Ф. относятся: *коммуникативная* — осуществление процесса общения между людьми и *когнитивная* (или, в иных терминологиях, логическая, познавательная) — выражение деятельности сознания. Кроме того, общими для языка, существенными Ф. являются *номинативная* (или эпистемическая, репрезентативная, референциальная) — обозначение предметов и явлений внеязыковой действительности, *эмотивная* (или эмоциональная) — выражение отношения автора речи к сообщаемому, *конативная* (от лат. conatus — попытка) — ориентация на собеседника, т.е. учет автором речи особенностей усвоения информации адресатом. Базовые Ф. относятся к общеязыковым и проявляют себя в любых высказываниях/текстах, т.е. независимо от их стилистической принадлежности.

Проявление частных Ф. зависит от ситуации, условий, целей, задач коммуникации, или, в целом, от сферы, в которой происходит общение. Так, коммуникативная Ф. в конкретных речевых ситуациях реализуется либо как волюнтативная (воздействия), либо как фатическая (контактоустанавливающая) и др.; когнитивная — в таких ее конкретных проявлениях, как информативная, Ф. описания, рассуждения, строгой логичности, оценки (аксиологическая), овладения социально-историческим опытом и др.; номинативная — как способ денотации, референции, предикации и др.; эмотивная — как выразительность, изобразительность, образность высказывания и др.; конативная — как выраже-

ние субъективной модальности, пропозициональных установок, восклицательности, эмфазы и др. (*Слюсарева,* 1990, с. 564—565; *Арутюнова,* 1998, с. 609—611).

В конкретных речевых разновидностях на базе общеязыковых Ф. развиваются стилевые Ф., среди которых также выделяются основные (или конструктивные) и частные (неконструктивные). При этом «степень проявления» той или иной Ф. в конкретной речевой разновидности зависит от назначения последней, от ее роли в социуме.

В лингвистике слово «функция» используется в двух значениях: 1) собственно лингвистическая Ф. языковой единицы в системе языка и вербальном контексте (напр., творительный орудийный, настоящее историческое и т.п.); 2) социальные Ф. языковых и текстовых единиц как их роль в реализации целей и задач общения и других экстралингвистических стилеобразующих факторов той или иной речевой разновидности, ее назначения в социуме. Именно это, второе, значение связано со стилевыми функциями, для определения которых необходим учет широкого, социокультурного контекста. Вопрос о стилевых Ф. рассматривался учеными Пражского лингвистического кружка, а также в работе В.В. Виноградова 1963 года.

Распределение стилевых Ф. на конструктивные и частные не совпадает с иерархией общеязыковых Ф., поскольку определяется именно функциональной значимостью (тексто- и стилеобразующей ролью) языковой организации той или иной речевой разновидности в соответствующей сфере интеллектуально-духовной деятельности. При этом одна и та же Ф. в разных стилях может носить одинаковый статус, быть, напр., для нескольких стилей центральной, основной, но может выступать в одних стилях как центральная, а в других как частная, периферийная или вообще отсутствовать.

Обычно выделяют следующие стилистико-речевые функции: Ф. *выразительности*, *изобразительности*, *образности*, *эстетическую* Ф., *информативную* (сообщения), Ф. *воздействия* (экспрессивную), *агитационно-пропагандистскую*, Ф. *ценностной ориентации*, *популяризаторскую*, *рекламную*, *социальной оценки*, Ф. *предписания* (долженствования, или императивную), *констатации*, *фатическую* и некоторые др. Реализация стилевых Ф. в тексте создает соответствующие *стилевые черты* (см.).

В сфере научного общения, обслуживающей нужды познавательной деятельности, основной Ф. является когнитивная. Популяризации добываемых знаний об объективной действительности способствуют такие Ф., как информативная (сообщения), популяризаторская, Ф. констатации и ценностной ориентации (аксиологическая). В качестве частных, или вторичных выступают Ф. социальной оценки, выразительности изложения (экспрессивности и образности) (см. *Научный стиль*, *Стилевые черты*).

В официально-деловом стиле, призванном регулировать отношения между гражданами и государством, учреждениями и странами, в качестве основных выступают Ф. предписания (долженствования), констата-

ции, точности, не допускающей инотолкования. Роль частных, вторичных, Ф. выполняют инструктивная (особенно во вторичных документах, жанрах подзаконных актов) и воздействующая (см. *Официально-деловой стиль*).

Для публицистической речи, обслуживающей нужды массовой коммуникации, основными являются информативная Ф., Ф. ценностной ориентации и социальной оценки, экспрессивная Ф., Ф. воздействия, а также налицо Ф. констатации и агитационно-пропагандистская (см. *Публицистический стиль*; *Языково-стилистич. изменения в современных СМИ*).

В рамках художественного стиля, направленного на удовлетворение эстетических потребностей общества и обслуживание сферы словесного искусства, основными, конструктивными оказываются такие Ф., как *эстетическая* (поэтическая), реализующаяся в Ф. *изобразительности* (см.), *образности* (см.), и эмотивности (экспрессивности) (см. *Художественный стиль*).

В разговорно-обиходной речи, обслуживающей сферу повседневного непосредственного межличностного неофициального общения, основными являются: Ф. эмотивная, воздействия, фатическая, ценностной ориентации и информативная (см. *Разговорный стиль*, *Жанры обиходно-разговорной речи*).

Лит.: Винокур Г.О. Понятие поэтического языка // Избранные работы по русскому языку. — М., 1959; Его же: Филологические исследования. — М., 1990; Виноградов В.В. О языке художественной прозы. — М., 1959; Его же: Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. — М., 1963; Пражский лингвистический кружок. — М., 1967; Кожина М.Н. К основаниям функциональной стилистики. — Пермь, 1968; Ее же: Стилистика русского языка. — М., 1993; Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм «за» и «против». — М., 1975; Одинцов В.В. Речевые формы популяризации. — М., 1982; Слюсарева Н.Д. Функции языка // ЛЭС / Гл. ред. В.Н.Ярцева. — М., 1990; Солганик Г.Я. Русский язык. 10—11 кл. Стилистика. — М., 1995; Арутюнова Н.Д. Функции языка // Рус. язык. Энц.— 2-е изд. / Гл. ред. Ю.Н.Караулов. — М., 1998; БЭС. Языкознание. — М., 1998.

Н.В. Данилевская

СТИЛЕВЫЕ ЧЕРТЫ — признаки текста, выражающие специфику и стилевое своеобразие соответствующего функц. стиля благодаря реализации функций последнего, обусловленных его экстралингвистическими факторами. Напр., см.: *обобщенно-отвлеченность*, *социальная оценочность*, *точность*, *образность* и др. Тем самым по ним можно составить представление о том или ином функц. стиле и описать его. С. ч. представляют собою компонент (ступень) детерминативной вертикали: от экстралингвистической основы функц. стиля, прежде всего базовых экстралингвистических факторов, к обусловливаемым ими функциям соответствующих речевых разновидностей, которые, в свою очередь, реализуются языковыми и текстовыми средствами в С. ч.; последние структурируются в виде *функц. семантико-стилистических категорий* — *ФССК* — см.

В свое время идею о стилевых чертах в аспекте функц. стилистики плодотворно развивала Э.Г. Ризель, предложившая классификацию стилевых черт с учетом их полярности, несовместимости в одной речевой разновидности. М.П. Кульгав разграничивает понятия «стилевая черта», «стилистическое значение» и «языковое средство». Тесная, причинно обусловленная связь этих понятий образуется в процессе функционирования языка и создается в конкретной речевой системе. М.П. Кульгав считает целесообразным от понятия «стилевой черты» отличать понятие «лингвистического признака», имеющего чисто языковую природу, напр., номинальность, вербальность, безличность и т.п. Концепция С. ч. вскрывает, таким образом, действительно существующую ступенчатую обусловленность явлений, которую можно выразить так: экстралингвистическая стилеобразующая основа → целенаправленность конкретной коммуникации → стилевая черта → лингвистические признаки, что в результате дает речевую систему языковых средств функц. стиля, обладающих общими специальными стилистическими значениями, содержащими единую функционально-стилевую окраску.

Концепция С. ч. претерпела значительные изменения: от противопоставления их по полярности, напр., точность — расплывчатость, образность — безóбразность, эмоциональность — сухость и т.п., до их полевой организации по принципу соотношения ядерных и периферийных С. ч.

Поскольку экстралингвистическое основание функц. стиля представляет собою двустороннее единство (форма сознания и вид деятельности, а значит, цели и задачи общения), то определяемые им С. ч. стоит подразделить на обусловленные той и другой сторонами этого единства. Тем самым выделить С. ч. онтологической (условно) основы и собственно коммуникативной. К первым отойдут отвлеченно-обобщенность (в науч. речи), предписующе-долженствующий характер речи (в оф.-дел. стиле), социальная оценочность (в газетно-публиц.), худож.-образная конкретизация (в худож. стиле). С. ч. собственно коммуникативного назначения — это точность, логичность, выразительность, образность, стандартизированность выражения, категоричность/некатегоричность и др. При этом следует помнить, что каждый функц. стиль обычно обладает не какой-либо одной С. ч., а несколькими, представляя собою целый спектр взаимосвязанных С. ч.

Иногда С. ч. подразделяют на основные (первичные), обусловленные базовыми экстралингвистическими факторами, и вторичные, обусловленные факторами более низкого уровня, напр., у с л о в и я м и соответствующего вида деятельности и общения. Это не означает, что они стилистически малозначимы. Так, при ограниченном во времени процессе создания газеты и вместе с тем стремлении автора к новизне выражений и экспрессивности речи его находки — на первый взгляд удачные выражения — быстро тиражируются другими авторами, превращаясь в стандарт. Сам же конструктивный принцип газетной речи — сопряжение экспрессии и стандарта (В.Г. Костомаров) — является типичным для нее и стилистически значимым. То же можно сказать отно-

сительно офиц.-деловой сферы общения, в которой стандартизация в виде формы (готового текста) коммуникативно удобна и потому употребительна в официально-деловой речи и характерна для нее.

Многие из С. ч. вариативно представлены в разных функц. стилях. Так, можно сказать, что точность точности рознь применительно, напр., к оф.-дел., науч., публиц. и худож. функц. стилям. Если, по выражению Л.В. Щербы, для деловой сферы свойственна (необходима) точность, не допускающая инотолкования, так как здесь от неточности зависят судьбы людей (не случайно в этой сфере существует специальная отрасль знания по составлению и толкованию законов и подзаконных актов), то точность как одна из важных С. ч. науч. речи выступает не в столь строгой форме в силу того, что науч. текст всегда читается критически. В публицистике, в частности на газетной полосе, точность — признак профессионализма и высокого качества речи, однако он часто нарушается по ряду причин (из-за стремления избежать повторения слова — а синонимы, как известно, неадекватны по смыслу; из-за отражения в тексте разговорной речи, особенно в интервью, и т.д.). В худож. речи точность — это, очевидно, верность образу. Иногда указанная вариативность фиксируется в названии С. ч., напр.: *подчеркнутая логичность* применительно к науч. речи (т.е. сугубо строгая и акцентируемая языковыми средствами и строем речи), в отличие от большей или меньшей логичности речи других сфер общения, в которых (в художественной, публицистической) иногда даже допускаются алогизмы как средство образности или экспрессивности.

Следует оговорить тот факт, что многие из С. ч. по своим номинациям сходны с терминами культуры речи (как отрасли языкознания), напр.: точность, логичность, выразительность, образность. Это естественно, поскольку стилистика и культура речи — дисциплины очень близкие друг к другу. И хотя содержание терминов-понятий в той и другой отрасли науки близко, аспект их рассмотрения различный: в функц. стилистике — не только как нормативный признак хорошей речи вообще для обеспечения эффективности общения на лит. языке (что составляет предмет К. р.), но прежде всего *как характерологическая черта того или иного функц. стиля*, помогающая уяснить его стилевую природу, понять закономерности функционирования языковых средств в той или иной речевой разновидности с учетом ее экстралингвистических основ и функций.

Раскроем (конкретизируем) содержание некоторых стилевых черт.

Отвлеченно-обобщенность (абстрагизация) науч. речи — это обусловленный спецификой познания объекта субъектом, типом его мышления, типом содержания и др. факторами такой признак текста, его С. ч., который выражается в широкой (высокочастотной) представленности в науч. тексте обобщенно-отвлеченных по своей семантике разноуровневых языковых средств, функционально и стилистически взаимосвязанных между собой. Науч. текст в целом окрашен отвлеченно-обобщенностью: представленные в нем языковые и речевые средства по своей

семантике являются отвлеченно-обобщенными и реализуют соответствующую познавательную функцию (см. *Закономерности функционирования языковых единиц в функц. стилях*). Поэтому в лексике здесь большой процент абстрактной (ср. термины) и выражающей общие понятия, при этом даже конкретная лексика выражает общее понятие (*дуб, ствол, стебель* в о о б щ е, а не какой-то конкретный, ср. *дуб — п о р о д а теплолюбивая, т е л о есть пространственно-временной объект*). В морфологической стороне языковых единиц активизируются формы и значения общего, абстрактного характера. В частности, при употреблении имен существительных категория числа выступает с ослабленным грамматическим значением, поскольку названия отвлеченных понятий несовместимы с идеей числа, счета. Ср.: *Процесс отвердевания с т е к л а происходит в интервале температур и сопровождается возрастанием вязкости Поскольку в стеклах правильное геометрическое расположение координационных полиэдров нарушено, то связи между атомами неодинаковы. Это приводит к отсутствию постоянной температуры плавления с т е к л а* (Л.А. Резницкий). Ед. число существительных, обозначающих единичные считаемые предметы, в науч. речи обычно служит для выражения обобщенного понятия либо неделимой совокупности: *Б е р е з а относится к породам светолюбивым* (Г.Ф. Морозов). Значение ед. числа существительных может приобретать весьма обобщенный характер: *У х о производит анализ всякого звука* (А.Г. Столетов). Подобное касается и глаголов, напр. здесь употребительна форма глаголов наст. вневременного, абстрактного — *земля в р а щ а е т с я вокруг солнца*; *карась в о д и т с я в пруду*; форма будущего в значении, синонимичном наст. вневременно́му: *Подобные возвратные глаголы р а з д е л и м на две группы. В первую в о й д у т глаголы Р а с с м о т р и м вопрос При этом мы выйдем за пределы морфологических категорий и о б р а т и м с я к тем функциям...* Формы лица глаголов и личные местоимения также употребляются в обобщенном и абстрактном значениях: широко используется так называемое «авторское **мы**» (***Мы*** *придерживаемся той точки зрения, что; Ниже* ***мы*** *приводим диаграмму*), «**мы** совокупности» (*если* ***мы*** *измельчим, то получим...; пользуясь этим,* ***мы можем*** *получить*). В последних случаях местоимение либо вообще может быть опущено, так как выражение синонимично безличному *‘можно получить’*, либо под **мы** подразумевается *всякий*. Даже краткие прилагательные используются в научной речи в нехарактерном для них в других сферах речи значении, выражая не вре́менный, а постоянный признак: *Сланец тут м я г о к, и з в е с т к о в а т, Удельный вес минералов н и з о к, Кристаллы б е с ц в е т н ы, п р о з р а ч н ы, Соединения с водородными кислотами б е з в о д н ы, углерод углекислоты и н е р т е н.*

И м п е р а т и в н о с т ь, или п р е д п и с у ю щ е - д о л ж е н с т в у ю щ и й х а р а к т е р, деловой речи реализуется широким использованием языковых единиц в функции предписания, долженствования с соответствующей семантикой, поскольку предназначение базового экстрафактора (права как формы сознания и деонтического, нормативного мышления) — р е г у л и р о в а н и е общественных отношений. Для этой сфе-

ры речи типичны, напр., формы наст. времени глагола в значении долженствования: *пароходство выплачивает пени* в смысле 'должно, обязано выплачивать'; широкое употребление слов обязан, должен, необходим и т.п.

О С. ч. газетной речи см. *Социальная оценочность,* художественной — *Художественно-образная речевая конкретизация.*

С. ч. образность, а именно использование образных средств языка-речи, наличествует в разных функц. стилях, но представлена вариативно: в худ. речи — как компонент худ.-образной конкретизации, в газетно-публицистической — как средство экспрессивности и эмотивности речи, сопровождаемое оценкой с целью воздействия на адресата либо привлечения его к диалогу; в научной — в коммуникативно-познавательной функции (напр., метафоры выступают как средство терминообразования — *алгоритм с оракулом, возмущенная орбита, химическое спокойствие, поле устойчивой жизни, сгущение жизни, фазовый мост, волновой фронт*; сравнения, аналогии используются для пояснения сложных и новых понятий в ряде жанров, особенно в науч.-популярной литературе, для «оживления» стиля речи, наглядности и др.).

С. ч. собственно коммуникативного характера — экспрессивность и категоричность/некатегоричность. *Экспрессивность* науч. стиля речи — это его выразительность и ясность для адресата, ибо науч. текст — это узел, связывающий воедино познание и общение. Для облегчения восприятия содержания текста используются специальные, выработанные в науч. стиле в процессе его развития способы и средства выражения, способствующие активизации внимания адресата, привлечению его к сомышлению, диалогу (см. *Категория акцентности; Категория диалогичности*). Для публиц. стиля, имеющего целью эффективное воздействие авторской позиции на читателя, характерно широкое использование не только экспрессивных языковых средств и разнообразных стилистических приемов для передачи той или иной социальной оценочности, но и средств создания рекламности речи, даже и при реализации фактографической информации.

К С. ч., имеющим стилистико-нормативный характер, относится категоричность/некатегоричность изложения (графика номинации позволяет подчеркнуть градуальность этого свойства речи). Эта С. ч. присуща всем функц. стилям — оф.-деловому, научному, публицистическому, разговорному, но представлена в них по-разному. Текстовое варьирование средств со значением категоричности/некатегоричности изложения может быть объяснено с учетом экстралингвистической основы текста. Ей присуща вариативность не только в отношении состава средств ее выражения, но и функционально-текстовая — в отношении функционально-семантически целостных фрагментов текста, которые характеризуются смысловым единством и завершенностью в пределах текста, лексической и синтаксической связностью. В частности, оф.-дел. стилю свойственна императивность как выражение воли (в широком смысле), и поэтому предписующе-долженствующие значения самых различных

языковых единиц придают речи окраску категоричности. В свою очередь, категоричность/некатегоричность науч. речи основывается как на познавательных, так и на коммуникативных принципах. Познавательные принципы соотносятся, с одной стороны, с убежденностью автора в верности и процесса, и результата своей деятельности (значит, в этом случае вполне правомерна категоричность высказывания), с другой — с относительностью знания, получаемого благодаря этой деятельности (значит, категоричность недопустима).

Если говорить о доминировании в тексте той или другой стороны этой С. ч., то для оф.-дел. стиля более свойственна, как сказано, категоричность, а для научного — некатегоричность. При этом использование той или другой стороны этой С. ч. на текстовом пространстве целого науч. произведения связано с особенностями содержания и композиции, отражением в тексте фаз познания и этапов развертывания гипотезы (см. *Категория гипотетичности*). Ср.: некатегоричность вербализации предположения и — обычно — категоричность выводов. Коммуникативные принципы (максимы Грайса) предполагают толерантность, общечеловеческую ориентацию на «другого». Проявление категоричности/некатегоричности в том или ином стиле речи подчиняется нормам и правилам, общепринятым в определенной сфере коммуникации.

Лит.: Балли Ш. Французская стилистика. — М., 1961; Ризель Э.Г. Полярные стилевые черты и их языковое воплощение. — Ин. яз. в школе. — 1961. — № 3; Кульгав М.П. Основные стилевые черты и синтаксические средства их реализации в современной немецкой научно-технической речи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1964; Кожина М.Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. — Пермь, 1972; Ее же: Стилистика русского языка.— 2-е изд. — М., 1983; Троянская Е.С. К вопросу о технико-стилистических приемах в научной речи // Язык научной литературы. — М., 1975; Ее же: Научное произведение в оценке автора рецензии (к вопросу о специфике жанров научной литературы) // Научная литература. Язык, стиль, жанры. — М., 1985; Ее же: Лингвостилистическое исследование немецкой научной литературы. — М., 1987; Котюрова М.П. Категоричность... некатегоричность как свойство индивидуального стиля речи ученого // Текст: узоры ковра. Вып. 4. Ч. 2. Актуальные проблемы исследования разных типов текста / Под ред. К.Э. Штайн. — СПб.; Ставрополь, 1999.

М.Н. Кожина, М.П. Котюрова

СТИЛИ ПРОИЗНОШЕНИЯ — см. Произносительный (фонетический, орфоэпический) стиль.

СТИЛИСТИКА (лингвистическая, лингвостилистика, общая С.) — раздел языкознания, изучающий выразительные средства и возможности языка и закономерности функционирования (использования) последнего в различных сферах общественной деятельности и ситуациях общения; предметом С. является *стиль* (см.) во всех его значениях. Однако задачи современной стилистики шире, поскольку она исследует и

вопросы формирования стилей в связи с историей лит. языка, и язык худож. литературы (смыкаясь с поэтикой), и проблемы организации текста (смыкаясь с лингвистикой текста), и различные жанры общения, исходя из учета структуры речевого акта и его успешности, эффективности (смыкаясь с прагматикой) (см. *Взаимоотношение С. и смежных дисциплин*). Существенной приметой С. является изучение языка в динамике — аспект функционирования языка (речеведческий), поскольку стиль по природе своей — явление функциональное и динамичное. Поэтому развитие С. как науки связано с постепенным формированием и оформлением в языкознании коммуникативно-функциональной парадигмы лингвистической науки (см. *Лингвистика речи; Речеве́дение*). В этом плане актуально определение Ю.А. Бельчикова (1997): «С. — раздел языкознания, в котором исследуются закономерности использования языка в процессе речевой коммуникации, функционирование языковых единиц (и категорий) в рамках лит. языка в соответствии с его функциональным расслоением в различных условиях речевого общения, а также функц.-стилевая система, или «система стилей» лит. языка в его современном состоянии и диахронии». С. противопоставлена разделам языкознания, описывающим языковые единицы по уровням языковой системы (фонетика, лексикология, грамматика), но соотносительна с культурой речи и риторикой.

С., как и многие современные лингвистические дисциплины (особенно новые, например прагматика), многоаспектна и потому представлена не одним, а целым рядом направлений; в центре внимания каждого из них какой-либо аспект многогранного понятия «стиль». В С. в целом, или общей С., основными направлениями являются С. *структурная* (С. строя языка), иначе *С. ресурсов* (см.), или С. языка; *С. функциональная* (см.), т.е. употребления языка, включающая *С. текста* (см.); С. *худож. речи* (см. *Язык худож. литературы, Худож. стиль речи, Коммуникативная С. худож. текста*).

Предшественницей современной С. была античная риторика (и поэтика), первоначально как наука об ораторском искусстве, о словесном выражении и мастерстве, в которой рассматривались отбор слов и их сочетания, тропы и фигуры речи. Термин «стиль» закрепляется в употреблении в XIX в. (первоначально в произведениях немецких романтиков) в связи с «провозглашением» понятия индивидуальности творческой личности. С середины XIX в. риторика теряет свою былую значимость, заметно «выхолащивается» и смыкается со С. (по номинации заменяясь последним словом) в ее собственно практическом преломлении: описание средств выразительности языка и эффективной речи. Это и составило основу одного из наиболее ранних направлений традиционной С., впоследствии названной «С. ресурсов», и примыкающей к ней *практической С.* (см.) как реализации первой в практике обучения.

В современной С. как науке обычно выделяются следующие направления.

Так называемая ***структурная,*** или аналитическая, **С.**, иначе ***С. языка*** (см. *С. ресурсов*), занимающаяся изучением и описанием стилистичес-

ки значимых средств и возможностей языка (преимущественно современного, т.е. в синхронном аспекте). Предмет ее — прежде всего сами стилистически значимые средства, определение их различных маркировок, систематизация стилистически отмеченных средств, тем самым стилистическая сторона языковой системы; отсюда и ее название — структурная (в противоположность речевой, функциональной). Однако поскольку стиль — явление в принципе функциональное, то и это направление не является собственно (исключительно) структурным. Кстати, практическая С. как раз дает рекомендации эффективного употребления в речи стилистических средств языка. Структурная С. (С. языка) изучает *стилистические значения* (см.) и *стилистические окраски* (см.) языковых единиц, стилистические потенции синонимов, антонимов, *средства словесной образности* (см.), *стилистические нормы* (см.), систематизируя и описывая обычно все эти средства по уровням языковой системы (см. *Лексическая С.*; *Синтаксическая С.* и т.д.).

Направление, смыкающееся со С. языка, но более широко охватывающее всю коннотативную «сферу» языка (не только стилистические, но и экспрессивные, эмоциональные, оценочные средства), а главное, ориентированное на изучение закономерностей функционирования выразительных средств языка в речи, представлено ***экспрессивной С.*** (см.). Она исследует средства и способы достижения выразительности речи в соответствии с целями общения и интенциями говорящих в тех или иных ситуациях и сферах коммуникации. Предметом ее изучения являются не столько сами по себе экспрессивно-эмоциональные и другие выразительные средства языка, сколько сложившиеся (и окказиональные) приемы, способы использования этих средств в речи, их сочетания — стилистические и композиционные приемы — и достигаемый при этом коммуникативно-стилистический эффект.

Центральным направлением современной С. является ***функциональная С.*** **(**см**.)**, исследующая закономерности функционирования языка в зависимости от коммуникативных задач в различных социально значимых сферах общения и деятельности, соотносительных с формой общественного сознания, и прежде всего *специфику* и *речевую системность функциональных стилей* (см.) и их более частных функц.-стилевых разновидностей: подстилевых, жанровых, ситуативных и т.д., нормы отбора и сочетания в них языковых средств. В отличие от структурной С. (С. языка, С. ресурсов), предметом ее изучения являются не сами по себе языковые единицы и их описание, но закономерности их использования в речи (текстах, типах текстов), обусловленные прежде всего влиянием на речь базовых и других *экстралингвистических стилеобразующих факторов* (см.), т.е. воздействием на последнюю соответствующей формы общественного сознания, типа мышления, целей и задач общения и вида деятельности, тематики и содержания целостного высказывания (произведения), жанра и др., определяющих принципы отбора и сочетания языковых элементов и организацию речи, смысловую структуру текста. Исследуются также: вопросы взаимодействия функц.

стилей и подстилей, внутренней дифференциации функц. стилей; особенности использования в текстах разных функц. стилей *функц.-смысловых типов речи (описания, рассуждения* и др. — см.); композиционные особенности функц. стилей; специфика их *смысловой структуры* (см.); *функц. семантико-стилевые категории* (см.) и мн. др.

Хотя проблема соотношения стилистики строя языка и С. его употребления была обоснована Г.О. Винокуром и В.В. Виноградовым, наиболее явно о целесообразности выделения двух направлений С. — аналитической и функциональной С. (именно в этих терминах) — высказался Ю.С. Сорокин, открывший знаменательную дискуссию по С. (1954).

В последнее время особо выделяется ***С. текста*** (см.), чему во многом способствовало появление лингвистики текста. Однако изучение текста в качестве предмета исследования С. — смысловой структуры текста, его речевой организации, композиции, средств и способов достижения стилевой специфики текстов и т.д. — это проблематика и функц. С. Поэтому *следует рассматривать С. текста как один из аспектов функц. стилистики*, с той лишь разницей, что первая исследует преимущественно целый отдельный текст, а вторая типологию текстов как единиц функц. стиля (здесь более широкий аспект). Необходимо разграничивать, однако, С. текста и лингвистику текста, понимаемую обычно как грамматика текста.

Историческая (диахроническая) С. (см.) — малоразработанное, но весьма перспективное направление исследований. И. с. призвана изучать развитие стилистических средств лит. языка и его стилевых разновидностей: прежде всего формирование функц. стилей (их специфики, речевой системности, стилевых категорий) в связи с историей рус. лит. языка; взаимодействие функц. стилей, их роль в лит. языке на разных этапах его истории, обогащение лит. языка за счет функц.-стилевых разновидностей и др. Собственно говоря, это проблематика функц. С. и С. ресурсов, но представленная не в синхронном «срезе», а в диахронии.

Сопоставительная С. (см.), предмет изучения которой — стилевые системы двух-трех сравниваемых языков, их различия и возможные сходства. Так, функц. стили славянских и — шире — западноевропейских языков имеют многие общие стилевые закономерности. Однако по традиции С. с. до недавнего времени ограничивалась аспектом сопоставительной лингвистики, лишь частично изучая сходства и различия стилистических окрасок и значений языковых единиц по уровням языковой системы (лексических, грамматических и т.д.), выявляя национальные и другие характерологические черты сравниваемых языков, но без выхода в функц.-стилистические проблемы исследования.

С. художественной речи (см. *Художественный стиль речи*, *Язык худож. литературы*) изучает своеобразие функционирования языка в сфере худож. литературы (в художественных текстах). Хотя понятие «язык худож. литературы» означает реализацию эстетической функции языка (эстетической значимости языковых единиц в контексте целого художественного произведения) и хотя «понятия «язык худож. литературы» и «литературный язык» не тождественны, а соотносительны как общее,

родовое, и видовое», понятие С. х. р. «не утрачивает своей лингвистической субстанции» (Бельчиков, 1997). Существенно, что в сфере худож. литературы шлифуются нормы лит. языка, что «язык худож. литературы» ориентирован на нормы лит. языка. С. худож. речи в качестве направления общей С. представлена как собственно *лингвистическими* исследованиями (проблемы соотношения понятий «язык худож. литературы» и «лит. язык»; роль худож. литературы в формировании норм лит. языка; специфика языка худож. литературы — речевой организации последней по сравнению с другими функц. стилями, изучение закономерностей и своеобразия функционирования различных языковых единиц и категорий, включая текстовые, в худож. текстах), *так и лингво-литературоведческими*, которые В.В. Виноградов именовал ***наукой о стилях худож. литературы*** (1959). Здесь в центр внимания исследователя ставятся проблемы изучения истории стилей худож. литературы и их своеобразия, появление этих стилей на определенном уровне развития лит. языка, а также — индивидуально-авторские стили (стиль писателя), проблема *«образа автора»* (см.) как идейно-композиционного стержня худож. произведения, организующего его языковые и композиционные элементы, благодаря чему они получают идейно-эстетическое назначение. Принципом анализа материала при этом является единство формы и содержания. В задачи С. худож. речи входит анализ разных типов авторского повествования, определение состава и функций *внелитературных средств языка* (см.), изучение типологии композиционно-синтаксических форм повествования, исследование *глубинного и поверхностного смысла* (см.) худож. произведения, его *смыслового развертывания* (см.) и др.

Кроме того, с учетом структуры речевого акта (автор — код (текст) — получатель) и в зависимости от того, на первом или третьем компоненте этой модели сосредоточивается исследовательское внимание, выделяют стилистику от автора, иначе — ***С. кодирования*** (см.), и от читателя — ***С. декодирования*** (см.).

Структура С. может быть представлена и в виде совокупности дихотомических (парных) противопоставлений (В.Д. Бондалетов) — см. *направления С.* Е.П. Карташевой (2002) предложена интересная классификация на основе методик лингвистического анализа текста, в связи с которой выделяются следующие исследовательские парадигмы современной стилистики: 1) имманентный анализ (уровень языковых единиц, когда текст исследуется через специфику языковых единиц); 2) системный функц.-стилистический (в русле идей классической функц. стилистики); 3) интертекстуальный анализ (изучение текстов в тексте как культурно-социологическом феномене); 4) антропоцентрическая парадигма, опирающаяся на понятие *дискурс* (см.), *концепт* (см.), *картина мира*, категория *языковой личности* (см.) и др.; 5) особое направление — семиотическое, предлагаемое формально-структурной школой Ю. Лотмана (ранее — В.М. Жирмунский, Ю.Н. Тынянов, Р.О. Якобсон и др.). См. также: *Направления С.* и Б. Тошович (2002).

Научное изучение проблем С. в России началось в XVIII в. и связано с деятельностью М.В. Ломоносова. Позднее вопросы С. разрабатываются С.Т. Аксаковым, Ф.И. Буслаевым, А.А. Потебней, А.Н. Веселовским, Д.Н. Овсянико-Куликовским и др.

Как особая науч. дисциплина С. оформляется в XX в., и это во многом связано с изучением функционирования языка в процессе общения и прежде всего с формированием функц. С. Именно постепенное утверждение принципа функционализма приводит, особенно с серед. XX в., к определению понятия «функц. стиль» и всей новой проблематики стилистики (в русле ее функц. направления), развитию ее методов и частных методик (см. *Методы лингвостилистического анализа*), появлению многочисленных публикаций. В этом большую роль вначале сыграли труды Ш. Балли, ученых Пражского лингвистического кружка и их последователей (В. Матезиус, Я. Мукаржовский, Б. Гавранек, К. Гаузенблас, Й. Мистрик, Й. Краус, М.Елинек и др.). Основатели современной отечественной С. — В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, М.М. Бахтин, А.М. Пешковский, Л.В. Щерба, В.Б. Шкловский, В.М. Жирмунский, Л.А. Булаховский, Б.А. Ларин. Их последователи — Ю.С. Сорокин, Р.А. Будагов, А.Н. Гвоздев, Б.Н. Головин, Д.Э. Розенталь, Д.Н. Шмелев, Т.Г. Винокур, Г.В. Степанов, В.В. Одинцов, А.Н. Васильева, Ю.А. Бельчиков, В.П. Григорьев, Е.А. Иванчикова, В.Г. Костомаров, М.Н. Кожина, О.А. Крылова, О.А. Лаптева, О.Г. Ревзина, О.Б. Сиротинина, Г.Я. Солганик, Ю.С. Степанов, Н.И. Формановская и мн. др.

Лит.: Сорокин Ю.С. К вопросу об основных понятиях стилистики. — ВЯ. — 1954. — № 2; Виноградов В.В. Итоги обсуждения вопросов стилистики. — ВЯ. — 1955. — №1; Его же: О языке худож. литературы. — М., 1959; Его же: Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. — М., 1963; Мурат В.П. Об основных проблемах стилистики. — М., 1957; Щерба Л.В. Избр. работы по русскому языку. — М., 1957; Винокур Г.О. О задачах истории языка // Избр. работы по русскому языку. — М., 1959; Балли Ш. Французская стилистика. — М., 1961; Ефимов А.И. Стилистика худож. речи. — М., 1961; Гальперин И.Р. К проблеме дифференциации стилей речи // Проблемы современной филологии. — М., 1965; Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике рус. языка. — 3-е изд. — М., 1965; Степанов Ю.С. Французская стилистика. — М., 1965; Будагов Р.А. Лит. языки и языковые стили. — М., 1967; Пражский лингвистический кружок. — М., 1967; Гельгардт Р.Р. О стилистических категориях. — ВЯ. — 1968. — №6; Кожина М.Н. К основаниям функц. стилистики. — Пермь, 1968; Ее же: Стилистика рус. языка. — М., 1993; Ее же: Пути развития стилистики рус. языка во 2-й половине XXв., «Stylistika-VI». — Opole, 1997; Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. — М., 1971; Его же: Языковой вкус эпохи. — М., 1994; Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. — Л., 1972; Митрофанова О.Д. Язык научно-технической литературы. — М., 1973; Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика. — М., 1973; Сиротинина О.Б. Современная разг. речь и ее особенности. — М., 1974; Иванчикова Е.А. Синтаксис худож. прозы Достоевского. — М., 1975; Рогова К.А. Синтаксические особенности публиц. речи. — Л., 1975; Васильева А.Н. Курс лекций по стилистике рус. языка. — М., 1976; Ее же: Функц. направление в лингвостилистике...: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 1981; Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики. — Горький, 1976;

Бельчиков Ю.А. Лексическая стилистика. — М., 1977; Его же: Труды акад. В.В.Виноградова по рус. стилистике и развитие стилистических исследований в последней трети XXв., «Stylistika-VI». — Opole, 1997; Его же: Стилистика // Энц. Рус. яз. — М., 1997; Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. — Л., 1977; Розенталь Д.Э. Практическая стилистика рус. языка. — М., 1977; Шмелев Д.Н. Рус. язык в его функц. разновидностях. — М., 1977; Григорьев В.П. Поэтика слова. — М., 1979; Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. — М., 1980; Одинцов В.В. Стилистика текста. — М., 1980; НЗЛ. Вып. IX (см. Гиро, Михель, Риффатер). — М., 1980; Сковородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции совр. рус. лит. языка. — Томск, 1981; Бондалетов В.Д. и др. Стилистика рус. языка. — Л., 1982; Кожин А.Н., Крылова О.А., Одинцов В.В. Функ. типы русской речи. — М., 1982; Купина Н.А. Смысл худож. текста и аспекты лингвосмыслового анализа. — Красноярск, 1983; Томашевский Б.В. Стилистика. — М., 1983; Лаптева О.А. Языковые основания выделения разновидностей разг. совр. рус. лит. языка. — ВЯ. — 1984. — № 6; Разинкина Н.М. Функц. стилистика. — М., 1989; Матвеева Т.В. Функц. стили в аспекте текстовых категорий, Свердловск. — 1990; Ревзина О.Г. Альтернативные подходы к худож. тексту: синтезирующий взгляд // Текст: Проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания рус. языка как иностранного. — М., 1996; Гончарова Е.А. Стиль как антропоцентрическая категория // Studia linguistica. Вып.8. Слово, предложение и текст как интерпретирующие системы. — СПб., 1999; Горшков А.И. Русская стилистика. — М., 2001; Карташева Е.П. Стилистика прозы В.В. Розанова: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 2002; «Stylistika-VI». — Opole, 1997 (см. статьи О.Б. Сиротининой, Г.Я. Солганика, Н.О. Гучинской и др.); Havranek B. Studie o spisovnem jazyce. — Praha, 1963; Hausenblas K. Výstavba jazykových projevů a styl. — Praha, 1972; Fleischer W., Michel G. Stilistik der deutschen Gegenwartssprache. — Leipzig, 1975; Mistrik J. Štylistika slovenského jazuka. — Bratislava, 1985; Tošovič B. Funkcionalni stilovi. — Sarajevo, 1988; Его же: Функционални стилови. — Београд, 2002; Gajda S. Stan wspólczesnej stylistyki a synteza stylistyczna // Synteza w stylistyce slowianskej. — Opole, 1991; Przewodnik po stylistyce polskiej / Red. n. St. Gajda. — Opole, 1995.

М.Н. Кожина

СТИЛИСТИКА ДЕКОДИРОВАНИЯ (С. восприятия, С. читателя) — направление стилистики (стилистики худож. речи), изучающее те стороны высказывания, которые передают лицу, принимающему (декодирующему) сообщение, мысли и чувства лица, отправляющего сообщение, а также факторы, определяющие воздействие текста на читателя. Противопоставлена *стилистике кодирования* (см.).

Целью анализа текста в С. д. является объективное лингвистическое подтверждение идейно-худож. содержания произведения. Главная задача С. д. — изучение кодов и алгоритмов декодирования произведения для разных уровней языка и культуры. Под кодом понимается набор значимых языковых единиц и правил их соединения (комбинирования), под алгоритмом декодирования — правила восстановления сообщения на основе знания кодовых комбинаций. Под сообщением понимается текст литературного произведения или его отрывок такой

длины, какая признается необходимой и достаточной, чтобы быть эстетически значимой. В С. д. основное внимание уделяется изучению коннотативных значений, выразительного потенциала лексических, фразеологических, грамматических и фонетических единиц языка в контексте произведения, т.е. их экспрессивные качества, функционирование и взаимодействие при передаче мысли, чувств и отношений в худож. тексте или в различных условиях общения.

При декодировании неизбежна утрата некоторой части информации, что обусловлено рядом причин, главными из которых являются различие содержания памяти кодирующего и декодирующего и возможные изменения в коде. Борьба с потерей информации осуществляется с помощью приемов выдвижения тех или иных смыслов, значимых для автора. Эти приемы обеспечивают надежную защиту сообщения от искажений и препятствуют неправильному пониманию при его декодировании. В С. д. к таким приемам относятся, напр., конвергенция, эффект обманутого ожидания и сцепление.

К о н в е р г е н ц и я — избыточность стилистических средств передачи важного для автора мотива, чувства или настроения, усиливающего и концентрирующего читательское восприятие сообщения. Э ф ф е к т о б м а н у т о г о о ж и д а н и я — появление в высказывании элемента малой вероятности, нарушающего непрерывность сообщения и создающего неожиданность, которые вызывают сопротивление восприятия, требуют усилия со стороны читателя, а потому сильнее на него воздействуют, поскольку наиболее информативными и экспрессивными являются элементы низкой предсказуемости. С ц е п л е н и е — фонетическое (рифма, метр, аллитерация, ассонанс), структурное (морфологическое или синтаксическое построение) или семантическое (синонимы, антонимы) сходство элементов произведения, занимающих сходные позиции, сообщающее целостность тексту.

Наряду с потерей информации при декодировании сообщения возможно и ее возрастание, т.е. сотворчество читателя и автора, в результате которого происходит обогащение личности читателя. Поэтому в С. д. подчеркивается активность лица, декодирующего заключенное в тексте сообщение. Однако эффективное декодирование смысла произведения возможно только при условии наличия у читателя фоновых знаний, необходимого предварительного запаса информации, складывающегося из ранее прочитанного, услышанного и пережитого. Если этот предварительный запас недостаточен, т.е. читатель интеллектуально и эмоционально неразвит, то не будет получена и основная информация, заключенная в сообщении. В связи с этим практическое значение С. д. связано с необходимостью создания высокой культуры чтения.

С. д. является теоретической базой интерпретации текста.

Основы С. д. заложены Л.В. Щербой в его «Опытах лингвистического толкования стихотворений» (1922—1936 гг.). Общественное значение филолога-стилиста ученый видел в индивидуальном толковании инд. худож. произведения. Метод Л.В. Щербы, противопоставленный структурально-

му анализу, предписывает не членить текст дальше некоторого предела функц. восприятия эстетической ценности произведения (как в плане содержания, так и в плане выражения) и подвергать стилистическому анализу лишь средства, которые выполняют худож. функцию.

Лит.: Щ е р б а Л.В. Избр. работы по рус. языку. — М., 1957; С т е п а н о в Ю.С. Французская стилистика. — М., 1965; К у х а р е н к о В.А. Интерпретация текста. — Л., 1979; А р н о л ь д И.В. Стилистика совр. английского языка (стилистика декодирования). — М., 1981; Ж и н к и н Н.И. Речь как проводник информации. — М., 1982; Н о в и к о в А.И. Семантика текста и ее формализация. — М., 1983; Д р и д з е Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. — М., 1984; Д о м а ш н е в А.И., Ш и ш к и н а И.П., Г о н ч а р о в а Е.А. Интерпретация худож. текста. — М., 1989.

Е.А. Баженова

СТИЛИСТИКА ИСТОРИЧЕСКАЯ (ДИАХРОНИЧЕСКАЯ) — одно из направлений общей стилистики, изучающее процессы становления стилистических ресурсов языка в ходе развития последнего, его стилистической системы и средств выразительности, а также формирование функц. стилей и более частных жанрово-речевых разновидностей в связи с изменением их экстралингвистических основ. И. с. подразделяется на два аспекта исследований: структурный (строя языка, его диахронии) и собственно функциональный; однако при этом и первый аспект не лишен отражения процессов употребления языковых единиц, т.е. функционального. Это вытекает из тесной взаимосвязи развития языка с его использованием в процессах общения. Ср.: «любое изменение языка начинается в речевой деятельности» (*Кубрякова,* 1970, с. 199) и «язык существует и развивается как целенаправленная функционирующая система» (там же, с. 200). Отсюда стиль — категория историческая (см. *Историзм стиля*). Учет аспекта функционирования языка позволяет определить причины языковых изменений, начиная с глобальных: «Язык изменяется под давлением нужд коммуникации» (*Мартине,* 1965, с. 451).

Развитие стилистической системы рус. языка происходило в сложных процессах взаимодействия лит. (на восточнославянской основе) языка с церковнославянским и с диалектами, с устной и письменной речью, позже — профессиональными и другими социальными жаргонами, иноязычными заимствованиями. Стилистической обработке языка во многом способствовало развитие письменности, а затем и печатного слова; кроме того, влияние фольклора и литературы, приведшее к обогащению языка и «шлифовке» его стиля в лаборатории ведущих писателей, публицистов, ученых, проповедников. Ср. неоценимую роль А.С. Пушкина в упорядочении стилистических средств рус. языка, отказ от устаревших церковнославянизмов и расширение функций многих слов и пластов лексики. В этих процессах еще ранее была задействована реформаторская деятельность М.В. Ломоносова (см. *Трех стилей теория*) и карамзинские преобразования.

Весьма заметны в процессе развития лит. языка не только обогащение его системы новыми стилистическими средствами, а также средствами и приемами словесной образности и выразительности, синонимическими, антонимическими и другими ресурсами стиля, но и преобразование функц.-стилевой системы языка: формирование стилистико-речевых разновидностей (*функц. стилей* — см.), их взаимодействие, шлифовка средств выражения, композиции, развития жанров, различных текстовых единиц и т.д. Все это связано с функц. расслоением и обогащением *литературного языка* (см.), чему, в свою очередь, способствовали изменения в материальной, духовной, политической жизни общества, т.е. преобразования в ее социокультурной стороне и др. В частности, формированию науч. функц. стиля способствовало развитие науки, публицистического — появление газеты, журналов и разных жанров публицистики; по наблюдениям В.В. Виноградова, развитие реализма в рус. литературе XIX в. тесно связано со стилистическими преобразованиями языка. Теперь уже самоочевидны существенные изменения в стилистике совр. газетной, *радио-* и *телеречи* (см.), оф.-деловой в стилевом и жанровом отношении под влиянием общественно-политических перемен в России последнего времени. Поэтому изучение проблем исторической стилистики особенно явственно показывает взаимосвязи языка и общества (в нашем случае — стиля и общества) и роль динамики экстралингвистических факторов как основы стилевых преобразований. Отметим при этом и влияние изменений стиля мышления на стиль речи, напр., преобразование образной системы средств, лишенных индивидуальной образности в средневековой литературе (см. *Д.С. Лихачев, В.В. Колесов*), или науч. стиля в зависимости от стиля эпохи. Ср.: «Стиль — всегда следствие изменений по линии язык — мышление» (*Колесов*).

И. с. как сложившаяся дисциплина, особенно ее функц. аспект (изучение истории функц. стилей и других речевых разновидностей) — это сравнительно молодая отрасль лингвистики. Сам термин «И. с.» и задачи ее исследования представлены в работе Г.О. Винокура 40-х гг. «О задачах истории языка». Отталкиваясь от фундаментального тезиса о функц. природе языка («язык есть только тогда, когда он употребляется»), Г.О. Винокур определяет основы функц. направления стилистики и связывает его с историей языка: «Перед нами новая проблема истории языка, без изучения которой история языка неполна. Она составляет содержание лингвистической дисциплины — стилистики, поскольку речь идет об истории языка — исторической стилистики» (1959, с. 222). Правда, позже идеи ученого были «приложены» к стилистике вообще и преимущественно синхронической, а также к истории лит. языка (*Горшков,* 1984). Вообще же функц. стилистика как самостоятельная дисциплина формируется с конца 20-х и в 30-е гг. — прежде всего в трудах В.В. Виноградова — вместе с образованием истории лит. языка и культуры речи. Это в известной степени отразилось в том, что предмет исследования И. с. в истории лит. языка оказался недостаточно четко очерченным и в некоторых аспектах эти дисциплины пересекаются, совмещаются.

До настоящего времени нет ясности в вопросе о самостоятельности (отдельности) истории лит. языка и И. с., при общем стремлении ученых различать эти дисциплины. Показателен в этом плане сб. «Историческая стилистика» (1990), авторы двух статей которого неоднозначно трактуют предмет исследования названных дисциплин. Так, В.В. Колесов под историей лит. языка понимает «изучение становления и развития нормы языка» (с. 16), при том, что И. с. «изучает средства речевой выразительности, в своей совокупности организующие стиль (стили)», или — иначе — «становление и развитие стилистических средств языка» (с. 18). З.К. Тарланов понятие И. с. толкует широко, в ряде случаев объединяя проблемы стилистики и истории лит. языка. С одной стороны, автор справедливо замечает, что «стилистический анализ не исчерпывается изучением стилистически маркированных средств» (с. 14) и что нельзя сводить историю лит. языка к истории стилей, с другой — он относит к И. с. многие традиционные аспекты истории лит. языка, напр., исследование языка древнерусских памятников, «описание территориальных вариантов церковнославянского и чисто русского языков» и др. Известны также разные позиции относительно целесообразности введения в курс истории лит. языка вопроса об особенностях языка и стиля писателя или памятника письменности (точка зрения Б.А. Ларина и Г.О. Винокура); иное видим в ранних работах В.В. Виноградова (в отличие от поздних), у А.И. Ефимова и др. Следует также отметить, что сам термин «стиль» в это время употребляется еще неоднозначно. Позже (в 50—60-е гг.) В.В. Виноградов разграничивает понятия стилей языка и стилей речи и считает неправомерным употребление термина-понятия «стиль» применительно к донациональному периоду рус. лит. языка, предлагая пользоваться термином «тип речи» (ср. иное у А.И. Ефимова, а также обозначение Б.Н. Головиным истории лит. языка как стилелогии).

В итоге, согласно наиболее общепринятой точке зрения, И. с. и история лит. языка различаются как особые дисциплины. Основным предметом второй является определение путей развития норм как одного из существенных признаков литературности языка. Историческая же стилистика изучает как становление и развитие стилистических средств языка (наиболее традиционный и исследованный аспект, связанный со *стилистикой ресурсов* — см.), так и закономерности функционирования языка в различных сферах общения — в функц. стилях и иных речевых разновидностях (типах текста), представляющих стилистико-системные образования, — в процессе их формирования и развития на разных этапах истории языка, создающих стилевую специфику того или иного функц. стиля. Это выражается в кристаллизации стилевой специфики функц. стилей, особенностях использования функц.-смысловых типов речи, совершенствовании композиции, формировании закономерностей отбора и организации языковых средств в целом тексте и группе текстов). Функц.-стилистический аспект И. с. только еще начинает развиваться (за исключением анализа худож. текстов). В последние годы активному исследованию

в этом плане подвергается науч. стиль, а также публицистический (см. *лит.*).

Лит.: Ольшки Л. История научной литературы на новых языках. — М.; Л., 1934; Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. — М., 1938 и М., 1982; Винокур Г.О. О задачах истории языка // Избр. работы по рус. языку. — М., 1959; Лесскис Г.А. О размерах предложений в русской научной и худож. прозе шестидесятых годов XIX в. — ВЯ. — 1962. — № 2; Звегинцев В.А. Теоретические аспекты причинности языковых изменений // НЗЛ. Вып. 3. — М., 1963; Кутина Л.Л. Формирование языка русской науки. — Л., 1964; Сиротинина О.Б., Бах С.А., Богданова В.А. К вопросу об изменениях дифференциации языка // Язык и общество. — Саратов, 1964; Будагов Р.А. Лит. языки и языковые стили. — М., 1967; Его же: Что такое развитие и совершенствование языка. — М., 1977; Развитие функц. стилей современного русского языка. — М., 1968; Рус язык и советское общество / Ред. В.М. Панов. — М., 1968; Кожина М.Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. — Пермь, 1972; Ее же: О понимании научного стиля и его эволюции в период научно-технич. прогресса // Научно-технич. революция и функционирование языков мира. — М., 1977; Ее же: О некоторых вопросах диахронической стилистики // Лингвостилистические исследования научной речи. — М., 1979; Ларин Б.А. Лекции по истории рус. лит. языка. — М., 1975; Сердобинцев Н.Я. Очерки по истории рус. лит. языка 1-й полов. XVIII в. — Саратов, 1975; Кубрякова Е.С. Общее языкознание. Формы языкознания, функции, история языка. — М., 1976; Линк Н.А. Функционирование некоторых форм глагола и сущ. в научных текстах XVII—первой пол. XVIII вв. (К вопросу о формировании специфики научного стиля): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Саратов, 1982; Герд А.С. Формирование терм. структуры рус. биологич. текстов. — Л., 1981; Зырянова Т.А. Изменения в семантике и функционировании сложноподч. предложений с прич.-следст. отношениями // Язык и стиль научного изложения. Лингвостилистические исследования. — М., 1983; Котюрова М.П. Эволюция выражения связности в научном стиле XVIII—XX вв. — Пермь, 1983; Горшков А.И. Теория и история рус. лит. языка. — М., 1984; Юдакин А.П. Развитие структуры предложения в связи с развитием структуры мысли. — М., 1984; Ярцева В.К. История английского лит. языка XI—XV вв. — М., 1985; Колесов В.В. Общие понятия исторической стилистики // Историческая стилистика рус. языка. — Петрозаводск, 1990; Тарланов З.К. О предмете и задачах исторической стилистики русского языка. Там же; Майданова Л.М. Синтаксические поиски современной газеты // Читатель и газета: проблемы взаимодействия. — Свердловск, 1990; Кайда Л.Г. Авторская позиция в публицистике (функц.-стилистическое исследование совр. газетных жанров): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 1992; Кокорина Е.В. Стилистические изменения в языке газеты: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1992; Ее же: Стилистический облик оппозиционной прессы // Рус. яз. конца XX столетия. — М., 2000; Кожина М.Н., Дускаева Л.Р. Лингвостилистические изменения в русской газете последнего десятилетия, «Stylistyka-II». — Opole, 1993; Кожевникова Н.А. Типологические характеристики худож. текста на фоне традиций русской литературы XIX—XX вв. // Человек—Текст—Культура. — Екатеринбург, 1994; Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. — М., 1994; Очерки по истории науч. стиля рус. лит. языка XVIII—XX вв. Т. 1. — Пермь, 1994; Соловьева Г.И. Изменение стиля советских работ по политэкономии в связи с воздействием на них экстралингвистических факторов // Функционирование языка в различных типах текста. — Пермь, 1994; Трошева Т.Б. Формирование рассуждения в процессе развития научного стиля рус-

ского литературного языка XVIII—XX вв. — Пермь, 1999; Skubalanka T. Historyczna stylistyka języka polskiego. Przekroje, Wrocław, 1984; Stylistyka-II (Стилевые перемены) / Ред. St. Gajda. — Opole, 1993.

М.Н. Кожина

СТИЛИСТИКА КОДИРОВАНИЯ (стилистика от автора, генетическая стилистика) — направление стилистики (преимущественно стилистики худож. речи), изучающее речевое произведение в аспекте реализации в нем авторского замысла, а также движущие силы творческого процесса писателя. Противопоставлена *стилистике декодирования* (см.). С. к. пересекается с теорией и историей литературы, поскольку стилистический анализ от автора и обоснованное толкование его намерений требуют обязательного учета литературной, культурной, социальной и политической обстановки эпохи, знания фактов творческой и личной биографии писателя, генезиса произведения, литературно-эстетической традиции. В С. к. предполагается, что читателю уже известна главная идея произведения, и его интерпретация заключается в том, чтобы обнаружить эту идею в тексте и доказать ее анализом языковых средств.

Основные понятия С. к. заимствованы из теории информации: писатель получает разнообразную информацию из окружающей его действительности (источника информации), перерабатывает эту информацию и воссоздает действительность в худож. произведениях (каналах передачи информации), так организуя их структуру, что они получают способность воздействовать на сознание, чувства, волю читателя (приемника информации). Информация преобразуется в *композиции* (см.) произведения, системе образов, характерах, обстановке, фабуле и кодируется языковыми средствами так, что сообщение получает свое лексическое и грамматическое выражение. Кодом называется набор значимых единиц и правил их соединения, позволяющий передавать сообщения.

В рамках С. к. исследуется целенаправленная работа писателя над языком его произведений. Специфическим методом анализа текста в С. к. является стилометрический (статистический) метод, который устанавливает зависимость слога, манеры речи, отбора лексических единиц и т.п. от особенностей личности писателя.

Лит.: Степанов Ю.С. Французская стилистика. — М., 1965; Васильева А.Н. Стилистический анализ языка художественного произведения. — М., 1966; Лотман Ю.М. Структура художественного текста. — М., 1970; Филипьев Ю.А. Сигналы эстетической информации. — М., 1971; Ларин Б.А. Эстетика слова и языка писателя. — Л., 1974; Григорьев В.П. Поэтика слова. — М., 1979; Кухаренко В.А. Интерпретация текста. — Л., 1979; Одинцов В.В. Стилистика текста. — М., 1980; Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования). — М., 1981.

Е.А. Баженова

СТИЛИСТИКА РЕСУРСОВ (структурная, строя языка, стилистических средств языка, аналитическая, практическая, традиционная) — направление стилистики, изучающее стилистические ресурсы языка. Это наиболее традиционная область стилистики, объектом которой является состав стилистически окрашенных языковых средств, их выразительные возможности и семантико-функциональные оттенки, а также средства словесной образности (тропы). Иными словами, С. р. — это структурный аспект стилистики языка, хотя изначально (в самом объяснении собственно стилистического в языковых единицах) он все-таки ориентирован на особенности языкового функционирования.

В своем стремлении описать и систематизировать стилистически окрашенные средства С. р. смыкается с практической стилистикой как направлением, имеющим целью обучить стилистическим нормам родного языка.

Стилистические средства и приемы складываются в языке постепенно и представляют собой незамкнутую постоянно меняющуюся (динамичную) систему. Первые научные наблюдения за семантико-функциональным своеобразием языковых единиц и рекомендации по их использованию появляются уже в XVII в., а в XIX—XX вв. создаются специальные пособия, представляющие и описывающие стилистические ресурсы языковой системы.

Известно, что огромное влияние на процесс формирования русского литературного языка оказывало взаимодействие двух его форм — письменной и устной. Письменная форма в основном обслуживала книжные жанры и находилась под большим влиянием церковнославянского языка, в результате чего языковые средства письменного языка носили характер торжественности, официальности, строгости и т.п. Устная же форма языка обслуживала живой народный язык и поэтому отличалась непринужденным или даже фамильярным, экспрессивным и спонтанным характером. Языковые средства письменной формы языка условно объединяются в группу книжных средств, или книжных стилей; языковые средства устной формы составляют группу разговорных (в том числе просторечных) средств, или разгов. стиль, стиль литературного просторечия. Книжные и разгов. средства имеются на всех уровнях языка: фонетическом, лексическом, фразеологическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом.

Описание и систематизация стилистически окрашенных средств, осуществляемые сегодня в рамках С. р., проводятся в основном по двум указанным группам и в соответствии с уровневой специализацией языковых единиц.

Одной из важнейших проблем С. р. является проблема, связанная с изучением и описанием средств словесной образности. В качестве основных здесь выступают лексические и синтаксические средства: эпитет, метафора, синекдоха, различные синтаксические фигуры и др. При этом значимыми (стилистически маркированными) прежде всего оказываются образные средства, относящиеся к числу свежих,

новых, оригинальных выражений (в отличие, напр., от окаменелых, стертых метафор типа *ножка стола, горлышко бутылки, крыло самолета, рукав реки, зеленая улица, высокие рубежи, ручка двери, черное золото, голубой экран* и т.п.).

Больше всего образных средств (все их разновидности) употребляется в *художественной литературе* и *публицистике* (см.), но и другим стилям средства выразительности тоже не чужды, хотя и менее типичны для них. Метафора и эпитет могут, напр., использоваться в науч. речи, правда, ввиду терминологичности и обязательной однозначности данного стиля, эти средства утрачивают здесь свою образность (*клапан сердца, оптический обман, смысловые ножницы, усталость металла, головка, муфта, колено; взаимопроникающие факторы, хрящевидная поверхность, тесьмовидные формы*). Деловой речи, в силу ее официальности, точности, терминологичности, безэмоциональности, средства словесной образности почти несвойственны, исключая отдельные жанры, например законодательно-публицистические (декреты, праздничные приказы) или некоторые собственно деловые (договоры, соглашения), ср.: синекдоха — *официальное лицо, договаривающаяся сторона, клиент гарантирует;* метафора — *несут расходы, ответственность лежит на нанимателе, вступать в законную силу*. Правда, образность в этих случаях не явная, а стертая. Для разгов. речи образные средства вполне характерны, но активность их употребления зависит от ситуации общения, темы разговора, а также индивидуальности общающихся (см. об этом: *Г.З. Апресян*, *А.Н. Васильева*, *В.В. Виноградов*, *Б.Н. Головин*, *М.Н. Кожина*, *В.В. Одинцов*, *Ю.М. Скребнев*, *Г.Я. Солганик* и др.) (см. *Стилевые функции речевых разновидностей*).

Другой важнейшей проблемой С. р. является проблема синонимии (лексической и грамматической). С синонимией связана возможность выбора из ряда подобных какого-то одного языкового варианта, но именно такого, который является наиболее подходящим в данном контексте. При этом синонимия (= синонимика) в С. р. трактуется широко, как «совпадение по основному значению (обычно при сохранении различий в оттенках и стилистической характеристике) слов, морфем, конструкций, фразеологических единиц и т.д.» (*Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. — М., 1969, с. 407). Как видно, в С. р. синонимы определяются через принцип взаимозаменяемости в определенном контексте.

Лексическая синонимия представлена двумя группами: 1) экспрессивно-эмоциональные синонимы: слова с повышением стиля (*флаг — стяг, родина — отчизна, губы — уста*) и с понижением (*есть — лопать, украсть — стибрить, кричать — орать*). Стилистическая окраска этой группы слов определяется на фоне стилистически нейтральных; 2) стилистические (функциональные) синонимы, стилистическое различие которых определяется сферой употребления (нейтр. — *просить*, оф.-деловой — *ходатайствовать*, поэтич. — *взывать*, разгов. — *клянчить*). При этом отмечается неодинаковое использование синонимов в

разных стилях: в оф.-деловой и науч. речи синонимия минимальна; в худож. и публиц. — максимальна, причем худож. речи свойственна (помимо двух указанных разновидностей) контекстная синонимия, когда синонимами становятся слова, не являющиеся таковыми в языковой системе (*Она действительно походила на молодую, белую, стройную, гибкую березу.* — Б. Полевой); в разгов. речи синонимия потенциально велика, но конкретное количество всегда сильно зависит от индивидуальности говорящего.

Кроме лексической синонимии, языку свойственна синонимия на словообразовательном уровне — выбор различных суффиксов или префиксов для образования от одного и того же корня слов близкой семантики, но различной стилистической окрашенности (*телевизор, телик; ветер, ветерок, ветрище, ветрило*); морфологическом — выбор варианта падежного окончания (*инженеры — инженера, метр ситца — ситцу, помидор — помидоров*), полного или усеченного варианта окончания твор. падежа имени (*зарей — зарею, дверьми — дверями, доброй — доброю*) или глагола (*мчалась — мчалася, вожусь — вожуся*) и т.п. (См.: *Д.Э. Розенталь, К.С. Горбачевич, М.Н. Кожина* и др.) и синтаксическом — синонимия предлогов (*для улучшения — в целях улучшения, за грибами — по грибы*), союзов (*если сможешь — ежели сможешь, коли сможешь*), выбор синтаксической формы: обособленный оборот / придаточное предложение (*Подойдя ближе к дому, я узнал соседа* (кн.). — *Когда я подошел ближе к дому, то узнал соседа* (нейтр.). — *Подошедши ближе к дому, я узнал соседа* (разгов.)), сочинительная конструкция / подчинительная конструкция (*Дверь открыли, и холодный пар повалил на кухню. — Когда дверь открыли, холодный пар повалил на кухню*), полное / неполное предложение (*Когда ты вернешься домой? — Когда вернешься?*) и др.

Средства словесной образности и синонимические ресурсы разных языковых уровней описываются в рамках ономатологии (стилистике единиц) и стилистике последовательностей (*Скребнев,* 1975). Выделив парадигматику и синтагматику стилистических единиц, Ю.М. Скребнев распределил их в соответствии с уровнями языковой системы (см. *Стилистическая парадигматика, Стилистическая синтагматика).*

Помимо средств словесной образности и синонимии, к стилистическим ресурсам относят и многие др. языковые единицы различных уровней языковой системы. Это: 1) эмоционально-экспрессивно окрашенная лексика, т.е. лексика с устойчивой эмоционально-экспрессивной окраской, обусловленной определенным отношением к называемому объекту. В этих случаях само слово содержит элемент оценки: а) *губошлеп, разгильдяй, забулдыга, всемогущий, потрясающий* и т.п. Стилистическая окраска таких слов обусловлена их закрепленностью за определенным типом речи — либо разговорным, либо книжно-торжественным; б) о человеке: *дуб, медведь ворона; тряпка* (о мужчине); *болото* (о группе людей) и т.п. — ситуативно-стилистически окрашенная лексика, точнее многозначные слова, приобретающие оценочность в контексте; в) *кот**ик**, мам**очк**а, баб**ус**я, **вз**ыграть* — стилистические коннотации дос-

тигаются аффиксами. Многообразные оттенки эмоционально-экспрессивной окраски принято делить на две группы: с положительной и отрицательной (негативной) характеристикой;

2) функционально-стилистически окрашенная лексика связана с традицией употребления в определенных стилях: а) лексика науч. стиля — узкоспециальные термины (*полимер, дифференциал, аффиксация*) и общенауч. терминология (*классификация, диалектика, аргумент*); б) лексика оф.-делового стиля — оф.-деловая терминология (*закон, юрисконсульт, документация*), канцеляризмы (*нижеподписавшийся, возыметь действие, вакантное место*), особые служебные слова (*согласно, в случае, в силу того что, во изменение*); в) лексика, характерная для публиц. стиля — публиц. терминология (*интервью, репортаж, комментатор),* общественно-публиц. термины (*дискриминация*, *ратификация*, *агрессия*); г) лексика, употребительная в худож. текстах (преимущественно XIX в.), — слова с пометами «поэтическое», «народно-поэтическое», «высокое», «торжественное», «книжное» и т.п. (*чары, бездна, воинственный, очи, одухотворенный, ниспадать, воистину, добрый молодец, кручинушка, лебедушка*); д) лексика разгов. стиля — собственно разговорная (*балагурить, прихворнуть, вдребезги, воркотня, нежничать*) и просторечная, среди которой выделяют лексику негрубого просторечия (*пустомеля, скупердяй, огромнущий, застудиться, ляпнуть, горланить*) и грубо-просторечную, или вульгаризмы (*рыло, пузо, хахаль, шпана, жрать, лаяться, выпендриваться*); к разгов. лексике иногда относят также диалектизмы, однако они сами по себе не имеют стилевой окрашенности и приобретают ее только в определенном контексте.

В рамках С. р. решается проблема описания и систематизации стилистических средств других языковых уровней. Так, на уровне фразеологии выделяются: 1) книжные и разгов. средства (*почивать на лаврах, домоклов меч, не хлебом единым* — книжные; *втирать очки, была не была, хоть глаз выколи* — разговорные), а также 2) функционально окрашенная фразеология (*сила тока, щитовидная железа, поставить опыт* — науч.; *докладная записка, исполнение обязанностей, ответственное лицо* — оф.-деловая; *гражданский долг, правительственный кризис, с позиции силы, застойный период, новое мышление* — публиц.; *узы дружбы, мировая скорбь, кисейная барышня, без страха и упрека* — поэтич.; *плакать в жилетку, тютелька в тютельку, с жиру беситься, из пальца высосать* — разгов. фразеология).

На уровне словообразования выделяется стилистическая маркированность словосложения (*держиморда, славянофил, светолюбивый, винторез, кирпично-красный*), а также стилистическая синонимия суффиксов и префиксов: 1) суф. субъективной оценки — *сестр**ичк**а, нов**еньк**ий, игол**очк**а, пол**юшк**о* (уменьшительно-ласкательный оттенок); *здоров**енн**ый, кот**ище**, дет**ин**а* (значение увеличительности с оттенком неодобрения или, наоборот, восхищения, удивления); *грязи**ща**, белоручка, болт**ун**, верт**лявый*** (значение пренебрежительности с возможным оттенком ласкательности) и др.; 2) суф. и преф. функционально-стилевой окраски —

*варвар**ство**, феодал**изм**, скульпт**ура**, ваят**ель**, объедин**ение**, **анти**общественный, **ультра**модный, **экстра**ординарный* (книжной); *здоров**як**, глаз**ник**, дворня**га**, стол**овка*** (разговорной); *электр**ификация**, плевр**ит**, тонн**аж**, передат**чик**, интер**вокальный**, **ультра**фиолетовый* (научной и научно-технической); *группов**щина**, попул**истский**, критик**ан*** (публиц. речи).

На уровне морфологии стилистически маркированными оказываются грамматические формы в зависимости, во-первых, от степени частоты употребления в тех или иных стилях: *секретарь* (оф.-деловой) — *секретарша* (разгов.); крас**и**вее (лит. язык) — красив**е**е (простореч.); *мы* в значении «нас много» (нейтр.) — так называемое авторское «мы» (науч.); *слышать, видеть, лазить* (нейтр.) — *слыхать, видать, лазать* (разгов.); *несомый, ведомый, взяв, высунув, запотевший* (лит.-книжные) — *взявши, высуня, едучи, запотелый* (разгов.-простореч.) и т.п.; во-вторых, от связей значений отдельных форм с тем или иным функц. стилем, его спецификой: повел. наклонение глагола типично для разгов., худож. и публиц. речи и нетипично для науч. и оф.-деловой; наст. время глагола для науч. речи характерно как наст. вневременное, абстрактное, а для оф.-делового языка — как наст. долженствования; в разгов. речи усилению экспрессивности глагола в повел. наклонении способствуют частицы *да, ну, же, ка* и др. (*Открой же! Ну, говори! Подойди-ка! Да перестань!*).

На уровне синтаксиса к стилистическим средствам принято относить прежде всего такие единицы, которые отличаются сильной эмоциональностью и экспрессивностью, напр.: предложения, различные по цели высказывания (побудительные, восклицательные, нередко вопросительные); полные предложения, являющиеся признаком книжно-письменной, интеллектуальной речи, и неполные предложения, свойственные сфере живого общения, а отсюда и худож, и публиц. речи; односоставные предложения, среди которых безличные (*Смеркается; Ему не спится; У нас нет времени*) тяготеют к разгов. и худож. речи, обобщенно-личные (*Цыплят по осени считают; Что посеешь, то и пожнешь)* — к народной и поэтич. речи; инфинитивные предложения, являясь эмоциональным типом односоставных предложений, формируют фонд разгов. и худож.-поэтического синтаксиса (*Быть беде! Что тебе привезти? Да мне ль его бояться? Не догнать тебе бешеной тройки* и т.п.), тогда как синонимичные им безличные предложения с модальными словами *необходимо, можно, следует* и т.п., а также инфинитивные побудительные предложения характерны для книжн. речи — науч. и оф.-деловой (*Необходимо следовать законам; Можно говорить о положительных результатах опыта; Приглушить моторы! Свистать всех наверх!*); номинативные предложения, в силу своей способности создавать образную, живую картину, типичны для худож.-поэтической и публиц. речи (*Тишина. Перья скрипят, сверчок скрипит* (Чехов); *Ночь, улица, фонарь, аптека...* (Блок)).

Стилистическими средствами, кроме того, считаются такие синтаксические единицы, которые характеризуются функциональной ограниченностью. Напр., причастные и деепричастные обороты (преимуществен-

но книжн. и публиц. речь), некоторые виды сказуемого (осложненная форма сказуемого наиболее типична для науч., оф.-деловой и отчасти публиц. речи; простое глагольное сказуемое — для разгов. и худож. речи; случаи расщепления сказуемого — для оф.-деловой и науч. речи и т.п.), случаи использования однородных членов (однородные перечисления наиболее типичны для худож., науч. и оф.-деловой речи и не типичны для разгов. языка), ряд отыменных предлогов и союзов (*принес брату — для брата, средство от гриппа — против гриппа, говорить об уроках — касательно, относительно уроков, говорить о жизни — за жизнь, ваза как цветок — типа цветка* и т.п.), употребление междометий (характерно для разгов., худож. и отчасти публиц. речи), вводные слова и вставные конструкции (наиболее частотны в науч. и худож. речи), а также различные средства поэтического синтаксиса, которые практически отсутствуют в разгов., науч. и оф.-деловой речи (*парцелляция, эллипсис, антиэллипсис, усечение (опозиопезис), позиционно-лексический повтор* (см. *А.П. Сковородников*), *анафора, эпифора, антитеза, градация* и т.п. (см. *Ю.М. Скребнев*, *В.В. Одинцов*, *Д.Э. Розенталь*) и некоторые др. стилистически маркированные средства синтаксиса.

Лит.: Былинский К.И. Практическая стилистика языка газеты. — М., 1941; Пешковский А.М. Избранные труды. — М., 1959; Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка. — М., 1965; Прокопович Е.Н. Стилистика частей речи: Глагольные словоформы. — М., 1969; Чернышев В.И. Правильность и чистота русской речи: Опыт русской стилистической грамматики // Избранные труды. Т. 1. — М., 1970; Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики. — Горький, 1975; Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П. Грамматическая правильность русской речи: Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. — М., 1976; Бельчиков Ю.А. Лексическая стилистика. — М., 1977; Его же: Практическая стилистика // Рус. яз. Энц. — М., 1997; Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. — М., 1977 (и др. издания); Барлас Л.Г. Русский язык: Стилистика. — М., 1978; Черемисин П.Г. Русская стилистика. — М., 1979; Сковородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского языка. — Томск, 1981; Практическая стилистика русского языка: функциональные стили / Под ред. К.А. Роговой. — М., 1982; Вакуров В.Н. Основы стилистики фразеологических единиц. — М., 1983; Брагина А.А. Синонимы в литературном языке. — М., 1986; Кожина М.Н. Стилистика русского языка. — М., 1993; Солганик Г.Я. Русский язык. 10—11 кл. Стилистика. — М., 1995 и др.

Н.В. Данилевская

СТИЛИСТИКА СИНХРОНИЧЕСКАЯ — см. *Направления стилистики.*

СТИЛИСТИКА СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ — одно из направлений общей стилистики, изучающее сходство и различие двух или нескольких сравниваемых языков в стилистическом отношении: стилистических систем этих языков, их функц.-стилевой дифференциации и др. С. с. представлена — как и стилистика вообще и лингвистика — двумя аспектами (направлениями) исследований: структурным и функциональным. Пер-

вый исторически более ранний и более традиционный, чем второй. Традиционно С. с. изучает стилистические ресурсы сравниваемых языков в сопоставительном плане по уровням языковой системы (фонетическому, лексическому, морфологическому, синтаксическому), описывая сходство и различие стилистических окрасок этих средств, их семантических нюансов, вообще стилевого расслоения языковых средств, особенностей их употребления в вербальном контексте, а также рассматривая средства образности и изобразительности, синонимы и антонимы и др. Иначе говоря, реализует в лингво-сопоставительном плане проблематику *«стилистики ресурсов»* (см.). Тем самым выявляется национальная и культурно-историческая специфика сравниваемых языков, отраженная в их стилистической стороне. Одним из аспектов исследований этого направления является проблема наибольшей точности выражения одного и того же содержания (мысли, понятия, явления) средствами того и другого из сравниваемых языков, связанная с трудностями перевода с одного языка на другой.

Менее изученный и новый аспект С. с. — функц.-стилистический — реализует в сопоставительном плане проблематику *функц. стилистики* (см.). В этом случае исследуются и описываются сходство и различие сравниваемых языков в отношении их стилевого расслоения, жанровой и другой, более частной дифференциации *функц. стилей* (см.), полевой структуры этих стилей в том и другом языке, а также стилистико-текстовое своеобразие сравниваемых языков, закономерности функционирования языковых средств со стилевой значимостью, особенности композиции, текстовых единиц — при анализе всего этого с учетом сопоставления сравниваемой экстралингвистической основы стиля (наличии, отсутствии, видоизменении экстралингвистических стилеобразующих факторов сравниваемых языков) и др.

Основы и некоторые положения С. с. были заложены еще в начале XX в. во французской стилистике Ш. Балли, а затем развиты в работах А. Мальблана, Ж.П. Вине и Ж. Дарбельне, однако активный процесс формирования С.с. связан с появлением контрастивной лингвистики.

Другим основанием и побудительной причиной становления С. с. явились потребности перевода литературы (степени его адекватности) с одного языка на другой. В исследованиях этого плана идеи контрастивной лингвистики транспонируются в стилистику; функц. же аспект сопоставительной стилистики развивается лишь с конца XX столетия. Ср., напр., высказывания В.Н. Ярцевой: «Актуальным для современного состояния сопоставительного языкознания является его расширение в сторону сопоставительно-**стилистических** исследований» (Ярцева, 1986. — Выделено нами. — *М.К.*), а также А.Д. Швейцера: «Проблемы сопоставления функц. стилей еще нуждаются в фундаментальной разработке» (1991). Идею создания С. с. в России (бывшем СССР) выдвинул А.И. Ефимов на V международном конгрессе славистов (1963), однако работы этого плана появляются позже (см., напр., монографию *Г.П. Ижакевич* и др., 1980 г.). В исследованиях А.Д. Швейцера (1991) определяются предмет,

задачи и методы изучения функц. стилей в аспекте контрастивной стилистики и дается обоснование последней как особого науч. направления; представлен также и конкретный анализ материала в пределах публиц. стиля. Сопоставительные исследования науч. стиля осуществлены в работах В.Н. Ярцевой, Т.С. Тетериной, М.Н. Кожиной, С.В. Абрамовой, затрагиваются они и в известных монографиях Н.М. Разинкиной, Е.С. Троянской и др. Кстати, в них отмечены факты зависимости функционально-стилистических значений грамматических единиц от экстралингвистической основы науч. речи, а именно идентичности этих значений в разных языках. Ср. теоретическое положение, сформулированное В.Н. Ярцевой: «Стиль научной прозы имеет некоторые общие тенденции вне зависимости от конкретных языков» (1970, с. 6). Значимость для развития С. с. не только структурного подхода, но и функционального подчеркивает и А.В. Федоров (1971 г.). Активизации сопоставительных функц.-стилистических исследований естественно способствует комплекс проблем антропоцентрической и лингвокультуроведческой парадигмы новейшего периода языкознания (*Ю.Н. Караулов* и др.). В связи с этим характерно высказывание Ван Дейка: «Существенные результаты в современных исследованиях языка вряд ли могут быть получены путем изучения чисто языковых явлений. Только тщательно и детально исследуя социальный контекст функционирования языка мы можем надеяться узнать о нем действительно новое» (1989, с. 11). Обсуждение проблем сопоставительной стилистики в славянских странах было представлено на конференции в Opole (Польша, 1993), в ж. Stylistyka (1994), в выступлениях и статьях Ст. Гайды, М. Баловского, В. Лейчика, М. Кожиной и др.

Лит.: Балли Ш. Французская стилистика. — М., 1961; Бархударов Л.С. Общелингвистическое значение теории перевода // Теория и критика перевода. — Л., 1962; Степанов Ю. Французская стилистика. — М., 1965; Ярцева В.Н. Межд. роль языка науки // VII Межд. социологический конгресс, Варна, 1970. Доклады советской делегации. — М., 1970; Ее же: Теория и практика сопоставит. исследования языков. — Изв. АН СССР. Сер. Л. и Я. — М., 1986; Федоров А.В. Очерки общей и сопоставит. стилистики. — М., 1971; Тетерина Т.С. Становление науч. стиля английского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1973; Кожина М.Н. Сопоставительное изучение науч. стиля и некоторые тенденции его развития в период научно-технической революции // Язык и стиль научной литературы. — М., 1977; Ее же: Сопоставительная стилистика: современное состояние и аспекты изучения функц. стилей, «Stylistyka-III». — Opole, 1994; Кумахова З.Ю., Кумахов М.А. Функциональная стилистика адыгских языков. — М., 1979; Ижакевич Г.П., Кононенко В.И., Пилинский Н.Н., Сиротина В.А. Сопоставительная стилистика русского и украинского языков. — Киев, 1980; Абрамова С.В. Выражение связности текста в научной литературе на испанском языке (сравнительно с русским) // Лингвостилистические особенности научного текста. — М., 1981; Гак В.Г. О сопоставительной стилистике // Методы сопоставительного изучения языков. — М., 1988; Гарбовский Н.К. Сопоставительная стилистика профессиональной речи (на материале русского и французского языков, Изд-во МГУ, 1988; Файзуллаева Ш.А. Функционирование простого двусоставного предложения в научной речи русского языка сопоставительно с узбекским:

Автореф. дис. докт. филол. наук, Баку, 1990; Швейцер А.Д. Проблемы контрастивной стилистики (к сопоставительному анализу функциональных стилей). — ВЯ. — 1991 — № 4; Его же: Контрастивная стилистика. Газетно-публицистический стиль в английском и русском языках. — М., 1993; Лейчик В. По поводу расширения предмета сопоставительной стилистики // Stylistyczne konfrontacje / Red. S. Gajda, M. Balowski. — Opole, 1994; Malblanc A. Stylistique comparée du français et de l'allemand. — Paris, 1961; Koževniková K. Problematika porovnováci stylistiky, «Slovo a slovesnost», 1979. — № 4; Gajda S. Stylistics today, «Stylistyka-I», 1992; Balowski M. Podstawowe zagadnienia stylistyki porownawczej (zarys problematyki) // Stylistyczne konfrontacie / Red. S. Gajda, M. Balowski. — Opole, 1994.

М.Н. Кожина

СТИЛИСТИКА ТЕКСТА — одно из направлений стилистики, предметом изучения которого является целый текст и его (текстовые) единицы в стилистическом аспекте, а именно закономерности организации текста (речевого произведения) как содержательно-смыслового, композиционно-структурного и жанрового единства в зависимости от целей и задач общения, идейного содержания и функц.-стилевой принадлежности со всем комплексом его экстралингвистических факторов — для наилучшей его интерпретации (см. *Стилистика*).

Текст издавна был объектом стилистики, поскольку стиль — свойство текста. Основы и теоретические разработки С. т. были заложены в трудах В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, Б.А. Ларина, М.М. Бахтина. Однако в качестве особого направления С. т. оформилась лишь в последние десятилетия в связи с развитием *лингвистики текста* (см.) и на пересечении ее с *функц. стилистикой* (см.). Четкие границы между этими дисциплинами не всегда осознаются, и проблемы С. т. рассматриваются в рамках лингвистики текста (Л. т.). Так, И.Р. Гальперин, говоря о соотношении Л. т. и С. т. отмечает, что ряд проблем первой «довольно подробно рассматривался стилистикой языка» и что «стилистика языка служит подспорьем для лингвистики текста в тех случаях, когда объектом наблюдения являются функц. стили языка и средства их детерминирующие» (1981, с. 6). Между тем есть основания для утверждения о принципиальном различии указанных направлений исследования и наличии своего онтологического статуса у С. т. Если Л. т. изучает структуру текста вообще и собственно текстовые единицы (ССЦ — *сложное синтаксическое целое,* СФЕ — *сверхфразовое единство, абзац* — см.), их роль в развертывании текста, создании основных его свойств — связности и цельности, т.е. представляет собою грамматику текста, то С. т. сосредоточивается на исследовании стилистической значимости этих и других единиц в конкретном произведении (целом тексте и типе текстов), их роли в создании стилевой специфики последних и выражении содержания текста. По определению В.В. Одинцова, «стилистика текста изучает структурно-стилистические возможности речевых произведений (включая литературно-художественные), композиционно-стилистические типы и формы, кон-

структивные приемы и функционирование в речи языковых средств. Стилистика текста входит в состав стилистики речи», «ее методологической основой служит представление о единстве формы и содержания», «стилистика текста, учитывая стилистическую значимость языковых единиц, стремится определить и описать стилистические эффекты, возникающие в речи благодаря структурной организации текста». Кроме того, автор отмечает, что «важно показать принципиальное отличие подхода с позиций стилистики текста от подхода с позиций лингвистики текста» (с. 50. — Разрядка наша. — *М.К.*).

Таким образом, важнейшим (основополагающим) у С. т. является не структурно-грамматический, а функциональный аспект, предполагающий единство формы и содержания и экстралингвистическую обусловленность текста. Тем самым С. т. является функциональной дисциплиной, можно сказать, ответвлением функц. стилистики, однако она уже по объекту и предмету исследования (изучая преимущественно конкретный, худож. и публиц., реже науч. текст), тогда как прерогативой *функц. стилистики* (см.) является типология речи, закономерности функционирования языковых единиц всех уровней в текстах разных сфер общения. Именно на основе функц. подхода С. т. можно объединить с функц. стилистикой. Сближает их и центральный для той и другой исследовательский аспект — внимание к *речевой системности* (организации) текста (см.), предполагающий взаимосвязь всех составляющих текста (дотекстовых и текстовых единиц, композиционных, жанровых и др. особенностей) на определенной экстралингвистической основе, тем самым выполняющих единую коммуникативно-стилевую функцию. В этом плане в последнее время целый текст исследуется в аспекте развертывания его *смысловой структуры* (см.) (*М.П. Котюрова, Е.А. Баженова, М.Н. Кожина и др.,* Очерки...), отражения в нем речевых действий адресанта и экспликации при этом речевых жанров в связи с определенным типом мышления и функциональным стилем (см., напр.: *В.А. Салимовский,* 1999, 2000).

Одной из проблем функциональной С. т. является изучение стилевых функций *текстовых категорий* (см.) и их роли в организации речевой и содержательно-смысловой структуры произведения и текстообразовании, а также особых *функционально-стилевых текстовых категорий* (см.) и, конечно, вопросов *композиции* (см.) и архитектоники текста, обусловленных экстралингвистической основой последнего.

С. т., будучи теоретической основой учебной дисциплины *Лингвистический анализ худож. текста* (см.), призвана решать две задачи: способствовать лучшему пониманию анализируемых (читаемых) текстов, а также развитию и совершенствованию умений создавать тексты в разных жанрах и стилях (и здесь она сближается со стилистикой кодирования) и их адекватному пониманию и толкованию, т.е. связана с *интерпретацией текста* (см.) как целого речевого произведения.

В последнее время начинает оформляться в качестве особого направления функц. стилистики *«коммуникативная стилистика худож. текста»*

(см.), которая формируется «на стыке с другими науками, комплексно изучающими целый текст (речевое произведение) как форму коммуникации и явление идиостиля» (*Болотнова,* 1998, с. 6), для которой характерен «коммуникативно-деятельностный подход к тексту как явлению идиостиля в его проекции на все уровни модели языковой личности» (там же, с. 7). Большое внимание при этом уделяется проблемам ассоциативного развертывания текста, реализации регулятивной функции адресанта, эффективности текстовой деятельности. При этом используются методы опроса, анкетирования, эксперимента и др. Оригинальная концепция стилистики именно как С. т. представлена А.И. Горшковым (2001).

Лит.: Винокур Г.О. О задачах истории языка. Язык худож. лит. Язык писателя // Избр. работы по русскому языку. — М., 1959; Лотман Ю.М. Структура худож. текста. — М., 1970; Виноградов В.В. О теории худож. речи. — М., 1971; Его же: О худож. прозе // О языке худож. прозы. Избр. труды. — М., 1980; Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика. — М., 1973; Его же: Стилистика текста. — М., 1997; Чернухина И.Я. Очерки стилистики худож. прозаического текста. — Воронеж, 1977; Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. — М., 1979; Кухаренко В.А. Интерпретация текста. — Л., 1979; Одинцов В.В. Стилистика текста. — М., 1980; Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистич. исследования. — М., 1981; Ковтунова И.И. Вопросы структуры текста в трудах акад. В.В. Виноградова // Рус. язык. Текст как целое и компоненты текста. Виноградовские чтения XI. — М., 1982; Кожин А.Н., Крылова О.А., Одинцов В.В. Функц. типы русской речи. — М., 1982 (ч. III); Купина Н.А. Смысл худож. текста и аспекты лингвосмыслового анализа. — Красноярск, 1983; Долинин К.А. Интерпретация текста. — М., 1985; Баженова Е.А. Выражение преемственности и формирования знания в смысловой структуре рус. научных текстов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Воронеж, 1987; Ее же: Специфика смысловой структуры науч. текста и его композиции // Очерки истории научного стиля рус. лит. языка. Т. II. Ч. I. Стилистика науч. текста. — Пермь, 1996; Стилистика рус. языка: Жанрово-коммуникативный аспект стилистики текста. — М., 1987; Котюрова М.П. Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры науч. текста. — Красноярск, 1988; Матвеева Т.В. Функц. стили в аспекте текстовых категорий. — Свердловск, 1990; Данилевская Н.В. Вариативные повторы как средство развертывания научного текста. — Пермь, 1992; Кожина М.Н. Интерпретация текста в функц.-стилевом аспекте, «Stylistyka-I». — Opole, 1992; Ее же: Стилистика русского языка.— 3-е изд. — М., 1993; Ее же: Целый текст как объект стилистики текста, «Stylistyka-IV». — Opole, 1995; Баранов А.Г. Функц.-прагматическая концепция текста. — Ростов н/Д., 1993; Дымарский М.Я. Метафоры текста // Русский текст. — 1993, № 1; Салимовский В.А. Функц.-смысловое и стилистико-речевое варьирование научного текста, «Stylistyka-VI». — Opole, 1997; Его же. Речевые жанры научного эмпирического текста: Статья первая // Текст: стереотипность и творчество. — Пермь, 1998; Его же: Жанры речи в функц.-стилистическом освещении (научный академический текст). — Пермь, 2002; Болотнова Н.С. Задачи и основные направления коммуникативной стилистики худож. текста, «Вестник ТГПУ». Вып. 6, Серия «Гуманитарные науки». — Томск, 1998; Горшков А.И. Русская стилистика. — М., 2001.

М.Н. Кожина

СТИЛИСТИКО-РЕЧЕВАЯ СИСТЕМНОСТЬ — см. Речевая системность функционального стиля.

СТИЛИСТИКО-ТЕКСТОВЫЕ КАТЕГОРИИ — см. *Текстовая категория; Функциональная семантико-стилистическая категория.*

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ КОННОТАЦИЯ (окраска, стилистическое значение) обычно определяется как дополнительные по отношению к предметно-логическому и грамматическому значению языковой единицы ее экспрессивно-эмоционально-оценочные и функциональные свойства. В более широком смысле это любая субъективная (т.е. выражающая человеческий фактор) окраска языковых единиц, в том числе социально-политическая, морально-этическая, этнографическая и др.

Традиционное представление о дополнительности, второстепенности субъективного компонента семантики языковой единицы (закрепившееся в номинациях «созначение», «обертон», «наслоение» и др.) в последнее время обоснованно подвергается сомнению. Факты говорят о том, что предметно-логические и эмоциональные элементы могут соединяться в содержании языковых единиц в разных пропорциях. Показательно, что у многих слов эмоционально-оценочная информация является основной (*гуляка, канючить, дребедень*), а у междометий, выражающих чувства, — единственной (*ай-ай-ай, вот тебе раз, тьфу*). По-видимому, указанные элементы могут расцениваться как потенциально равноправные.

Виды С. к. имеют разную природу, но при этом они тесно взаимосвязаны, «взаимопроницаемы». Так, согласно наиболее распространенной точке зрения, экспрессивная окраска (усиленная выразительность, изобразительность) проявляется в отклонении от общепринятого стандарта, эмоциональная — в выражении эмоций, чувств, оценочная — в квалификации обозначаемого предмета как «хорошего» или «плохого» по отношению к социальной норме, образная — в эффекте прозрачной внутренней формы, собственно функц.-стилистическая — в отнесенности языковой единицы к обычной для нее сфере употребления, ср.: *синтез, вакуум* (научн.), *недвижимость, получатель* (оф.-дел.), *спикер, кворум* (публиц.). Часто *экспрессивность*, *эмоциональность* и *оценочность* слиты в содержании языковой единицы (что находит отражение в составных терминах «экспрессивно-эмоциональное» или «эмоционально-оценочное» значение) и выделяются лишь аналитически. Экспрессивно окрашенная единица может иметь и определенную *функциональную окраску* (см). Напр., слово *драндулет* выражает шутливость, оценку качества обозначаемого предмета и при этом используется преимущественно в разг.-бытовом общении. Негативно-оценочное слово *приспешник* функционально закреплено за книжной речью (преимущественно публицистической).

Языковые единицы, не имеющие устойчивой внеконтекстуальной С. к., тем не менее обладают коннотативным потенциалом, актуализируемым в высказывании в ходе реализации выразительных намерений

говорящего, обычно с использованием *стилистического приема* (см. *Конструктивный прием*): *Осторожно, **SOSлуживцы!*** (заглавие журнальной статьи).

В функц. стилистике при изучении коммуникативно целесообразной организации речевых разновидностей как стилистически значимые рассматриваются все те языковые средства и особенности их употребления, которые способствуют наиболее эффективной реализации коммуникативных задач той или иной сферы. В каждой речевой разновидности активизируются и создаются специфические С. к., определяемые сферой и условиями общения, целенаправленностью речевого акта. Таковы, напр., значения форм настоящего времени глагола в различных стилях: настоящее вневременное — в научном, долженствования — в официально-деловом, настоящее репортажа — в публицистическом, живого представления — в художественном, момента речи — в разговорно-бытовом. Активизация С. к. происходит у всех единиц, в принципе обладающих такой возможностью, чем создается своеобразная *макроокраска стиля* (см.).

Лит.: Шендельс Е.И. Многозначность и синонимия в грамматике (на материале глагольных форм современного немецкого языка). — М., 1970; Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики. — Горький, 1975; Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. — М., 1980; Говердовский В.И. Диалектика коннотации и денотации (взаимодействие эмоционального и рационального в лексике). — ВЯ. — 1985. — № 2; Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. — Воронеж, 1985; Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. — М., 1986; Ее же: Коннотация // Энц. Рус. яз. — М., 1997; Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. — Воронеж, 1987; Кожина М.Н. Стилистика русского языка. — М., 1993. См. также лит. к ст. *Стилистические средства*.

В.А. Салимовский

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ НЕЙТРАЛЬНОСТЬ — см. *Нейтральный стиль*.

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ НОРМА — совокупность исторически сложившихся и вместе с тем закономерно развивающихся общепринятых реализаций заложенных в языке стилистических возможностей. С. н. подразделяются на экспрессивно-стилистические, связанные с созданием выразительного эффекта высказывания, и функционально-стилистические — наиболее целесообразные в каждой сфере общения реализации принципов отбора и сочетания языковых средств, создающих определенную стилистико-речевую организацию. Лит. язык представляет собой систему функц. стилей, каждому из которых присуща особая нормативность (см. *функциональный стиль; научный; официально-деловой; публицистический; художественный; разговорный стиль*).

Различаются норма языковая (основополагающая категория культуры речи) и норма стилистическая (категория стилистики). Языковая норма — общепринятое употребление, регулярно повторяющееся в речи говорящих и признанное на данном этапе развития лит. языка правильным,

образцовым. Общелитературные нормы охватывают все стороны (уровни) языковой системы и поэтому сами представляют собой определенную систему: лексических, фразеологических, морфологических, синтаксических, словообразовательных, орфоэпических, правописных норм. В отличие от С. н., языковые нормы лит. языка не связаны с ограничением сферы их применения. Языковая норма, т.о., обладает качествами правильности и общеупотребительности.

Понятие языковой нормы включает как статический аспект (систему языковых единиц), так и динамический (функционирование языка). Важным условием признания употребления языковых средств нормативным является их функциональная целесообразность, соответствие целям общения и др. характеристикам коммуникативной ситуации. Эта точка зрения восходит к взглядам И.А. Бодуэна де Куртенэ, Е.Д. Поливанова, Л.П. Якубинского. С функциональной природой нормы связано наличие вариантов, синонимических способов выражения. Вариативность языковых средств обеспечивает функционально-стилистическую дифференциацию лит. языка.

Динамический характер нормы, ее обусловленность целями и задачами общения, ее творческое начало (последнее заключается в том, что понятие нормы не ограничивается реализованной частью, оно включает и потенциальную) — все это базируется на функциональном аспекте лингвистики и перекликается с функц. стилистикой. Такое понимание языковой нормы сближает ее с нормой стилистической.

Вопрос о соотношении стилистической и языковой нормы тесно связан с проблемой взаимоотношений стилистики и культуры речи как научных дисциплин. Границы этих дисциплин не определены достаточно ясно. Если предметом культуры речи считать не только правильность, но и в известном смысле искусство речи, то оказывается, что на высшем своем уровне культура речи пересекается со стилистикой, ее проблематикой (см. *Культура речи*; *Стилистика*). Элитарная речевая культура предполагает владение всеми функц. стилями. В соответствии с концепцией Г.О. Винокура о двух ступенях культуры речи (низшей, связанной лишь с правильностью речи, и высшей, смыкающейся со стилистикой, состоящей в разнообразном применении языковых средств в каждой функц. разновидности языка), стилистические нормы — это цель и вершина речевой культуры, т. о., С. н. не противопоставлены общеязыковым лит. нормам.

Функционально-стилевые нормы (как и системно-языковые) охвачены кодификацией — отражены в лингвистических описаниях функц. разновидностей лит. языка, хотя кодификация здесь не столь строгая и всеобъемлющая, т.к. С. н. имеют более свободный характер, чем общеязыковые. Правда, свобода эта относительна. Степень допустимости отхода от сложившихся правил организации речи меняется в зависимости от того, какое место — центральное (наиболее близкое к специфике данного функц. стиля) или периферийное, «межстилевое» — занимает данное высказывание (текст) и какие функционально-стилистические

категории и стилевые черты при этом реализуются. В случае, если текст тяготеет к центру функц. стиля, нормы строже и определеннее, к периферии — свободнее, вариативнее.

Степень вариативности зависит и от характера самого функц. стиля. Вариативность, наблюдающаяся в рамках функц. нормы, разновелика в различных стилях. Напр., если рассматривать тексты рассуждающего характера, легко обнаружить, что наибольшей четкостью, а след., максимальной близостью к композиционно-смысловому инварианту отличаются построения науч. речи — основной сферы функционирования рассуждения. На другом полюсе книжных стилей находится в этом отношении худож. речь. Рассуждение характеризуется здесь наименьшей степенью функционально-семантической и структурной стабильности. Худож. речь демонстрирует многовариантность, большое разнообразие в способах построения и оформления рассуждения, высокую степень проявления авторской индивидуальности в пределах функц.-стилевой нормы. Ср. такое по внешним признакам ненормативное синтаксическое построение: *«Гаражи, сооруженные из лифтов, потому что. По трамвайной линии прошел последний трамвай, а потом пошел поезд»* (В.С. Нарбикова. План первого лица. И второго). Употребление причинных союзов в высказываниях с нарушенной логикой подчеркивает абсурдность изображаемого. Отсюда функционально обусловлены и, следовательно, нормативны соответствующие синтаксические конструкции в данном худож. произведении. Тот факт, что функц. норма по-разному проявляет себя в различных функц. стилях, может быть подтвержден и другими примерами. Если для худож. речи нормативной является словесная образность (стилевая черта — художественно-образная речевая конкретизация), то для др. функц. стилей — в большей степени необразность. Различные требования существуют в отношении лексических повторов. Если в газетно-публиц., худож. речи во избежание повторов рекомендуется использовать синонимы, местоимения, то применительно к научн. речи нормативным как раз является повтор слов (терминов), что позволяет реализовать такую стилевую черту ее, как смысловая точность (однозначность). Точность, не допускающая инотолкования, ограничивает возможности синонимических замен и в оф.-дел. текстах, типичной особенностью которых является поэтому широкая повторяемость одних и тех же слов, преимущественно терминов.

Функц. норма исторически изменчива. Претерпевают эволюцию состав и частота употребления лексико-грамматических средств в каждом функц. стиле. В процессе становления и развития стилей, по мере эволюции средств выражения специфических стилевых черт той или иной разновидности лит. языка более существенными становятся различия между функционально-стилевыми вариантами единиц текстового уровня — *функционально-смысловых типов речи, развернутых вариативных повторов* (см.) и др.

В традиционной *стилистике ресурсов* (см.) понятие нормы обычно связано с представлением о единстве стиля — недопустимости смеше-

ния в тексте средств с контрастными стилистическими маркировками. Для совр. речеупотребления такая строгость стиля имеет весьма относительный характер, хотя в качестве общего правила она не утратила своей силы. Напр., известно, что в бытовой речи неуместны канцеляризмы или книжные слова и конструкции. Однако применительно к конкретной речевой ситуации следует, оценивая соответствие или несоответствие высказывания стилистическим нормам, учитывать фактор коммуникативной целесообразности, обусловливающий возможность взаимодействия стилевых единиц разного порядка (ср. мнение о том, что «узуально-стилевая норма — это в некотором смысле антинорма». — *Т.Г. Винокур*).

Исходя из того, что каждый речевой акт осуществляется в русле определенной функц. разновидности языка и в рамках конкретного жанра, лингвистами делаются обобщения относительно допустимости иностилевых вкраплений в тех или иных контекстах. Так, намеренное столкновение разностилевых элементов издавна (со времен посланий Ивана Грозного) является одним из эффективных стилистических приемов публиц. речи. Такое употребление языковых средств является нормативным, в частности, для совр. фельетона. Нарочитое смешение контрастных по стилистической окраске единиц встречается и в худож. литературе. Напр.: *«Пробовали тут прижиться вновь посаженные елки и сосны, но дальше младенческого возраста дело у них не шло — елки срубались к Новому году догадливыми жителями поселка Вэпэвэрэ, сосенки ощипывались козами и всяким разным блудливым скотом, просто так, от скуки, обламывались мимо гулявшими рукосуями до такой степени, что оставались у них одна-две лапы, до которых не дотянуться Всегда тут, в парке, стояла вонь, потому что в канаву бросали щенят, котят, дохлых поросят, все и всякое, что было лишнее, обременяло дом и жизнь человеческую»* (В.П. Астафьев. Людочка). Соединение в этом тексте сниженной лексики (*блудливый скот, рукосуи, вонь, дохлые поросята*) и книжной, высокой (*обременять жизнь человеческую, младенческий возраст*) порождает комический эффект, помогающий читателю осознать вырисовывающийся за видимым комизмом глубинный смысл произведения — опасность уничтожения всего живого, вечного чем-то преходящим и ужасным. Использование разностильных языковых средств характерно и для разг. речи. Последней вообще присуща бóльшая по сравнению с другими функц. стилями свобода в сочетаемости различных стилистических элементов (преимущественно как выражение эмоциональности устно-разг. речи). Для речи оф.-деловой (основных ее жанров) и научной отмеченное явление нехарактерно, т. о., при наличии более или менее типичных и устойчивых словоупотреблений в том или ином функц. стиле встречаются и отклонения от этого, нестрогое употребление языковых единиц. Контрастные стилевые средства, используемые в некоторых стилях и жанрах, могут быть квалифицированы как нормативные, но только в том случае, если они оправданы функционально-стилистически: коммуникативным заданием, сферой, ситуаци-

ей общения и т.д. Стилистически нормативным является то, что оказывается стилистически уместным для данной сферы общения, функц. стиля, жанра.

Лит.: Винокур Г.О. Культура языка. — М., 1925; Виноградов В.В. Проблемы культуры речи и некоторые задачи рус. языкознания. — ВЯ. — 1964. — № 3; Костомаров В.Г., Леонтьев А.А. Некоторые теоретические вопросы культуры речи. — ВЯ. — 1966. — № 5; Ризель Э.Г. Проблемы лингвистической стилистики. — М., 1969; Кожина М.Н. О речевой структуре функц. стиля и методах его изучения // Науч. конференция по проблемам лингвистической стилистики. — М., 1969; Ее же: Стилистика рус. языка.— 3-е изд. — М., 1993; Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. — М., 1980; Головин Б.Н. Основы культуры речи. — М., 1980; Скворцов Л.И. Теоретические основы культуры речи. — М., 1980; Кожин А.Н., Крылова О.А., Одинцов В.В. Функц. типы рус. речи. — М., 1982; Едличка А. Типы норм языковой коммуникации // НЗЛ. — М., 1988. Вып. 23; Купина Н.А., Матвеева Т.В. От культуры речи к новой рус. риторике // Вопросы стилистики. — Саратов, 1993. Вып. 25; Захарова Е.П. Коммуникативные нормы речи (там же); Лаптева О.А. Стратификация лит. нормы, «Stylistyka-III». — Opole, 1994; Вепрева И.Т. Разг. норма: в поисках новых критериев // Рус. разг. речь как явление городской культуры. — Екатеринбург, 1996.

Т.Б. Трошева

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ОШИБКА (НЕДОЧЕТ) — вид речевых ошибок, состоящих в употреблении слов, словосочетаний, конструкций, которые не соответствуют стилю данного текста, нарушают требование коммуникативной целесообразности высказывания. С. о. возникает вследствие выбора слова, не соответствующего по своей дополнительной (функц. или экспрессивной) окраске условиям и задачам речи. Нарушение стилевого единства текста ослабляет его выразительность. Напр., лексика терминологического характера, а также конструкции и обороты, свойственные науч. или офиц.-дел. стилю, отяжеляют ткань худож. описания или разг. повествования и лишают речь яркости (*Болконский храбро сражался на войне, **согласно желанию отца.*** Или отец своему ребенку: *Пожалуйста, можешь гулять, но **поставь в известность** меня и маму*). Различают лексико-стилистические ошибки, напр.: неоправданное употребление диалектизмов, архаизмов, жаргонизмов, вульгаризмов, канцеляризмов (*Попечитель богоугодных заведений **подмазывается** к Хлестакову; Девочка, ты **по какому вопросу** плачешь?*), морфолого-стилистические, проявляющиеся, напр., в неоправданном использовании слов с уменьшительно-ласкательными и другими оценочными суффиксами и приставками в офиц.-дел. и науч. тексте (*На стенках колбы появляются **капелюшечки** воды*), синтаксико-стилистические ошибки, напр., неоправданное употребление предложений с причастными оборотами в разг. речи (*Человек, назвавший этот факт, казавшийся большим знатоком вопроса*), и логико-стилистические ошибки. Известна и другая классификация С. о.: стилистические недочеты, связанные со слабым овладением

ресурсами русского языка (немотивированное повторение в узком контексте одного и того же слова или однокоренных слов, плеоназмы и тавтология, штампы, слова-паразиты, нелитературная лексика); стилистические ошибки, обнаруживающие недостаточно развитое языковостилистическое чутье (погоня за красивостью, смешение разностильной лексики, неблагозвучие); ошибки, связанные с нарушением норм функц. стилей (злоупотребление канцеляризмами, специальными терминами в тексте ненаучного характера). Последнюю группу составляют ошибки, заключающиеся в нарушении стилистических требований, связанных с широким контекстом, в отличие от указанных выше стилистических недочетов (обычно узкоконтекстных).

В школьной практике нередко любые речевые ошибки называют С. о., что неверно, поскольку С. о. — одна из разновидностей речевых ошибок. С. о., не связанные с нарушением грамматических норм, могут квалифицироваться не как ошибки в строгом значении этого слова, а как недочеты (отсюда условный характер термина «стилистическая ошибка»). В школе проводится специальная работа над стилистическими ошибками (недочетами) учащихся, при этом исходят из того, что залог успешной работы по предупреждению подобных ошибок — в точной квалификации ошибки и верном определении ее лингвистического механизма. Работа по предупреждению и исправлению стилевых смешений направлена на развитие языкового чутья, воспитание речевого вкуса учащихся. При этом не следует забывать, что «большинство эффектов литературной речи основано на тонкой игре стилями» (*Л.В. Щерба*), что совмещение разностилевой лексики служит иногда стилистическим приемом, напр., создания комического, иронического эффекта (*Ксендз! Перестаньте трепаться! — строго сказал великий комбинатор. — Я сам творил чудеса. Не далее как четыре года назад мне пришлось в одном городишке несколько дней побыть Иисусом Христом. И все было в порядке. Я даже накормил пятью хлебами несколько тысяч верующих. Накормить-то я их накормил, но какая была давка.* — И. Ильф, Е. Петров).

Лит.: Алгазина Н.Н. Предупреждение ошибок в построении словосочетаний и предложений. — М., 1962; Чуковский К.И. Живой как жизнь: Разговор о русском языке. — М., 1962; Воронин М.Т. Предупреждение и исправление стилистических ошибок в школе. — М., 1963; Пленкин Н. А. Предупреждение стилистических ошибок на уроках русского языка. — М.; Л., 1964; Сулименко Н.Ф. Стилистические ошибки и пути их устранения. — М., 1966; Галь Н. Слово живое и мертвое. — Л., 1972; Писатели о литературном языке. — М., 1974; Горбачевич К.С. Нормы современного русского литературного языка. — М., 1981; Цейтлин С.Н. Речевые ошибки и их предупреждение. — М., 1982; Ладыженская Т.А. Живое слово. — М., 1986; Оценка знаний, умений и навыков учащихся по русскому языку. — М., 1986; Граудина Л.К., Миськевич Г.И. Теория и практика русского красноречия. — М., 1989; Панфилов А.К. Сборник упражнений по стилистике русского языка. — М., 1989; Капинос В.И. Культура речи // Методика развития речи на уроках русского языка / Под ред. Т.А. Ладыженской. — М., 1991; Капинос В.И., Сергеева Н.Н., Соловейчик М.С. Развитие речи: теория и практика обучения. — М., 1991; Кожина М.Н.

Стилистика русского языка. — М., 1993; Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. — М., 1994; Иванова Т.Б., Баженова Е.А., Дускаева Л.Р. Орфографические, пунктуационные, речевые нормы русского языка в таблицах и тестах. — Пермь, 1998.

Т.Б. Иванова

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМАТИКА — это совокупность разноуровневых единиц, составляющих стилистические ресурсы языка и обеспечивающих говорящему возможность выбора для осуществления акта коммуникации в соответствии с целями общения и всем комплексом *экстралингвистических факторов* (см.) речи. Парадигматический аспект предполагает описание статической системы сосуществующих, соотнесенных одна с другой единиц вне их пространственных (линейных) и временных характеристик. С. п. лежит в основе стилистики единиц, или *стилистики ресурсов* (см.), и составляет стилистику языка (*М.В. Панов*).

Стилистическим значением (см.) может обладать изолированная языковая единица безотносительно к ее контекстуальному окружению и соотносимая лишь с параллельными ей (тождественными, различающимися, контрастными) единицами, образующими в совокупности стилистические градации в виде парадигм. Парадигматические отношения в стилистической системе характеризуются стилистическим сходством и стилистическим противопоставлением. Стилистические оппозиции могут быть межуровневыми и внутриуровневыми, двучленными и многочленными. Стилистические парадигмы пронизывают все уровни языка — фонетический, морфологический, лексический, синтаксический.

В области фонетики стилистическую парадигму образуют варианты фонем или собственно стилевые реализации фонем. Напр., использование в речи фрикативного *г* вместо *г* взрывного несет очевидную стилистическую информацию о том, что говорящий является носителем одного из южнорусских диалектов; употребление нередуцированного *о* в безударной позиции — признак северного говора; ударения в словах *до́быча, искра́, ка́учук, компа́с, а́лкоголь* свидетельствуют о профессиональном жаргоне; просторечию принадлежат формы «*чё*» вместо *чего* или «*што*», «*тока*» вместо *только* и др.; для религиозной речи характерно оканье и т.д.

В парадигматической морфологии стилистической значимостью обладают 1) синонимия (взаимозаменяемость) морфем и 2) вариантность в употреблении морфологических категориальных форм. Напр., разг. стиль маркируется вариантами падежных окончаний существительных (*быть в* ***отпуску****, двести* ***грамм****, подписать* ***договора***), употреблением форм 1 л. глаголов и местоимений в значении 2 л. (*Ну, как* ***мы*** *себя* ***чувствуем****?*), заменой форм косвенных падежей числительных формами им. падежа (*проехали около* ***двести пятьдесят*** *километров*), использованием наст. времени глаголов в функции прош. и буд. времени (***Прихожу*** *я вчера до-*

мой и ***узнаю: уезжает*** *через неделю*); для науч. стиля характерно употребление ед. числа существительных в значении мн. числа (***Дуб*** *— порода светолюбивая*), 2 л. местоимений и глаголов в значении 1 л. (*в результате* ***мы приходим*** *к выводу*); типичным для офиц.-дел. речи является использование существительных муж. рода для обозначения лиц женского пола (***студент*** *Петрова,* ***управляющий*** *банком Захарова*) и т.д.

Важнейшим источником стилистических ресурсов языка являются стилистические парадигмы слов, т.е. парадигматическая лексика. Стилистическая инвентаризация лексики прежде всего предполагает ее подразделение на стилистически нейтральную и стилистически окрашенную; в свою очередь, стилистически окрашенная лексика в зависимости от типа окраски дифференцируется далее на эмоционально-экспрессивно окрашенную и функц.-стилистически окрашенную.

Лексика эмоционально-экспрессивно окрашенная. Экспрессивные и эмоциональные слова имеют постоянную стилистическую окраску и дифференцируются — с учетом положительной или отрицательной коннотации — на высокие — нейтральные — низкие (см. *трех стилей теория*). Существуют и более дробные классификации стилистических пластов лексики в зависимости от характера ее эмоционально-экспрессивной окраски. Так, Ю.М. Скребнев выделяет три степени повышения и понижения эстетической ценности слова сравнительно с нейтральной. Минимально повышенной ценностью обладают книжно-литературные слова, употребляемые в офиц. речи без каких-либо «стилистических претензий» (лекция, доклад, дискуссия, деловая беседа, деловое письмо, объяснительная записка и т.д.), напр. *деятельный, важнейший, присущий, завершение, преобладать, повсеместно* и др. Средняя степень повышенной стилистической ценности свойственна словам, употребляемым говорящим с целью придания высказыванию окраски торжественности, архаичности, принадлежности к высоким эстетическим сферам: *братоубийственный, низвержение, воспрянуть, нижепоименованный, глобальный, тотальный, ваятель, монументальность* и др. К максимальной степени повышения относится поэтическая лексика — архаическая (*ланиты, рамена, длань, младость, златой*), традиционно трафаретная (*тишь, синь, гладь, отзвенеть, приволье, сизокрылый*) и некоторые авторские новообразования (*стозвонный* — С. Есенин, *взорлить* — В. Маяковский).

Стилистическая градация лексики, лежащей ниже нейтрального пласта, включает минимально сниженные, так наз. разг. слова (*сгущенка, штучка, промокашка, язвенник, декрет* — декретный отпуск, *диплом* — дипломная работа). Более значительной степенью снижения обладают арготизмы, выражающие неодобрительное, юмористическое или небрежное отношение к предмету речи (*рубать* в значении *есть*, *раздавить* в значении *выпить*, *железно* в значении *обязательно* и др.). Наконец, максимально сниженными являются слова, отвергаемые самой системой морально-этических воззрений языкового коллектива — чрезмерно грубые по своим коннотациям арготизмы.

К области стилистической парадигматики относится также лексическая синонимия. Центральными ресурсами стилистики в синонимии языка являются стилистические синонимы, которые при большой близости или тождественности значения различаются стилевой окраской и сферой употребления. Стилистические окраски синонимов становятся очевидными на фоне нейтрального в стилистическом отношении слова, в качестве которого выступает обычно доминанта синонимического ряда. Традиционно различаются синонимы с повышением и с понижением стиля относительно нейтральной доминанты, напр.: *взирать* (высок.) — *смотреть* (нейтр.) — *глазеть* (низк.). Стилистические различия синонимов определяются также сферой их употребления, напр.: *просить* (нейтр.) — *ходатайствовать* (офиц.-дел.) — *взывать* (худож.) — *клянчить* (разг.).

Использование синонимов в различных функц. стилях неодинаково, что обусловлено задачами общения в той или иной сфере и другими экстралингвистическими факторами. Так, для офиц.-дел. речи характерно стремление к предельной точности выражения (недопустимости инотолкования) и терминированности, что приводит к ограничению использования синонимов и даже отказу от них, поскольку синонимы почти всегда привносят в речь изменения оттенков смысла. В публиц. стиле, наоборот, нацеленность на экспрессию выражения, стремление разнообразить речь, избегая повторений, естественно приводит авторов к использованию всех возможных ресурсов синонимии, а также к порождению новых контекстуальных синонимов *(нефть — черное золото, медицинская помощь — служба здоровья* и т.д.). Наиболее благодатную почву для развития и использования синонимии представляет худож. сфера общения, для которой характерна индивидуально-авторская, контекстная синонимия.

К лексике функц.-стилистически окрашенной относятся прежде всего слова, наиболее или исключительно употребительные в том или ином функц. стиле. Традиция употребления, прикрепленность к определенной речевой сфере приводят к появлению у этих слов функц.-стилевой окраски. Для науч. стиля характерны общенаучные и узкоспециальные термины, напр.: *дифференцировать, классификация, синхронный* и др.; *фильтрат, окись, полимер* и др. (хим.), *дифференциал, вектор, гипотенуза* и др. (матем.), *этимология, аффиксация, лабиализованный* и др. (языкозн.). Лексика офиц.-дел. стиля отличается «сухостью» и антиэмоциональностью, обусловленной его экстралингвистическими факторами и стилевыми чертами. Прежде всего это офиц.-дел. терминология (*юрисконсульт, прокурор, декрет* и др.), канцеляризмы (*нижеподписавшийся, взимать, наниматель* и др.), ярким стилистическим средством являются также отыменные предлоги (***согласно*** *постановлению,* ***в соответствии с*** *уставом,* ***во изменение*** *приказа* и др.). Публиц. стиль маркируется специальной публиц. терминологией (*интервью, репортаж, информировать* и др.), общественно-политическими терминами, широко употребительными в СМИ (*агрессия, ратификация, электо-*

рат и др.), а также ярко оценочными и потому эмоционально окрашенными словами — не терминами (*двурушник, соглашатель, захватнический, пресловутый* и др.). Вопрос о функц.-стилистической окраске лексики художж. стиля сложен, так как в худож. текстах представлено все многообразие словаря. Вместе с тем следует учесть, что, во-первых, лексика, типичная для иных функц. стилей, используется в худож. речи в измененной стилистической функции — как средство создания худож. образа; во-вторых, существует лексика, наиболее употребительная именно в худож. сфере общения и почти неупотребительная в других функц. стилях. Это традиционный пласт поэтической лексики, отмечаемой в словарях пометами «поэтическое», «народно-поэтическое», «высокое», «торжественное», «риторическое», «книжное», а также «архаическое», «старославянское». Напр.: *венец, упование, божественный, лучезарный, влачить, зардеться, ниспадать, разверзнуться* и др. Разг. стиль характеризуется использованием так наз. разг. лексики — литературными словами, придающими речи разг. характер (*ахнуть, балагурить, вертлявый, всплакнуть* и др.), а также просторечной лексики (*белиберда, пустомеля, хлипкий, ляпнуть* и др.), жаргонизмов, диалектизмов и др. нелитературных лексических единиц.

К стилистическим ресурсам лексики относятся также слова ограниченного употребления (в том числе и нелитературные): *диалектизмы, просторечные слова, арготизмы,* профессионализмы*, варваризмы*, а также *архаизмы* (см.)*,* неологизмы и т.п.

Все сказанное о стилистической парадигматике лексики распространяется также на фразеологию.

К синтаксической парадигматике относится совокупность существующих в языке параллельных форм (структур) предложений, обладающих соотносительной стилистической ценностью и преимущественным употреблением в том или ином функц. стиле.

В простом предложении стилистическую парадигматику формируют средства выражения членов предложения, особые случаи использования однородных членов, стилистически значимые разновидности простых предложений, порядок слов и др. Напр., сказуемые осложненной формы типичны для науч., дел., отчасти публиц. речи; параллельными им оказываются простые глагольные сказуемые, характерные для разг. и худож. речи: *принимать участие — участвовать; вести борьбу — бороться; оказывать помощь — помогать* и др. (первые варианты книжные). Яркий разг. характер имеют формы простого глагольного сказуемого, выраженные инфинитивом (ср. нейтральное *Она опять стала кричать* и разг. *Она опять кричать*), междометием (*А он бац на землю*). Использование однородных членов предложения — явление книжно-письменной — худож., науч., офиц.-дел. — речи. К стилистическим явлениям в сфере управления относится синонимия предлогов: ***с** помощью — **при** помощи; **вследствие** дождя — **из-за** дождя; **по** окончании — **после** окончания* и др. (первые варианты носят книжный характер). Яркой стилистической окраской отличаются причастные и

деепричастные обороты, носящие книжный характер, и соотносительные с ними придаточные предложения. Особенной экспрессией и стилистической значимостью обладает нарушение прямого порядка слов в предложении — *инверсия* (см.). Стилистическую парадигматику создают и варианты типов предложения: утвердительных и отрицательных (*Кто же этого не знает! — Все знают!*); определенно-личных и безличных (*Рекомендуют избрать — Рекомендуется избрать*); эллиптических и полных и т.д.

Сложные предложения, по сравнению с простыми, более частотны в книжной речи в силу ее повышенной логичности и интеллектуальности. Сложноподчиненные предложения стилистически маркируют прежде всего науч. стиль, что обусловлено подчеркнутой логичностью науч. изложения. Для разг. речи более свойственно сочинение, допускающее отсутствие строгих логических связей между простыми предложениями, при этом для выражения связей нередко используются союзы с разговорной окраской *да и, да, зато*, не свойственные книжной речи, в которой логические связи оформляются союзами *а также, к тому же, при этом*. Определенную стилевую прикрепленность имеют и виды придаточных предложений. Бессоюзные сложные предложения более свойственны разг. и афористической худож. речи, в то время как союзная связь характеризует науч. и офиц.-дел. речь, поскольку точность выражения требует более отчетливого оформления синтаксических связей между частями предложения.

К числу стилистических ресурсов синтаксиса относятся также типы предложений по цели высказывания (повествовательные, вопросительные и побудительные), обращения, разные формы передачи чужой речи, вводные слова и предложения, экспрессивные синтаксические конструкции (парцелляция, эллипсис, усечение и др. — см.: *Сковородников А.П.*, 1981).

По традиции в синтаксическую парадигматику включают средства поэтического синтаксиса — особые синтаксические приемы и поэтические фигуры, которые широко используются в худож. литературе и публицистике: *анафору, эпифору, параллелизм,* антитезу, градацию, *период* и др. (см.).

Средства словесной образности являются объектом парадигматической семасиологии (*Ю.М. Скребнев*), которая изучает проблематику выбора языковых наименований для обозначения и характеристики предмета речи. Один и тот же предмет (явление, процесс, свойство) в зависимости от обстоятельств коммуникации можно назвать либо общепринятым, прямым наименованием, либо переносным — по некоторым второстепенным признакам, субъективно существенным для отправителя речи. Напр., один и тот же объект языковой номинации фигурирует в речи разных лиц или в разных условиях как *молодой человек, молокосос, очкарик, шляпа, свинья* и т.п. Парадигматическая семасиология устанавливает языковые и речевые механизмы осуществления переносов названий, именуемых в стилистике *тропами* (см.).

Согласно традиции, к тропам относятся *метафора,* метонимия*, ирония,* гипербола*,* олицетворение*, синекдоха, эпитет* (см.) и некоторые другие явления.

Поскольку стилистические отношения охватывают весь лит. язык, то изменения в стилистике влияют на лексическую, грамматическую, фонетическую системы. По мнению М.В. Панова, стилевые градации должны быть в центре внимания при изучении истории рус. языка. Кроме того, овладение стилистической парадигматикой, или стилистикой ресурсов, необходимо говорящему для того, чтобы его речь отвечала основным стилистическим требованиям — выразительности, точности, стилистической мотивированности, а используемые в ней средства были бы наиболее целесообразными для выражения данного содержания и уместными в данном контексте.

Лит.: Сухотин В.П. Синтаксическая синонимика в современном русском литературном языке. — М., 1960; Панов М.В. О развитии русского языка в советском обществе (К постановке проблемы). — ВЯ. — 1962. — № 3; Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. — М., 1963; Шмелев Д.Н. Слово и образ. — М., 1964; Его же: Проблемы семантического анализа лексики. — М., 1973; Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка. — М., 1965; Черемисин П.Г. Опыт исследования стилистической синонимии. — Орел, 1966; Проблемы синтаксической стилистики. — Л., 1969; Прокопович Е.Н. Стилистика частей речи. — М., 1969; Головин Б.Н. Язык и статистика. — М., 1971; Грехнева Г.М. О стилевой дифференциации сложного предложения в современном русском литературном языке. — Горький, 1971; Винокур Т.Г., Петрищева Е.Ф. Стилистические исследования. — М., 1972; Кожина М.Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. — Пермь, 1972; Ее же: Стилистика русского языка. — М., 1993; Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. — М., 1972; Ларин Б.А. Эстетика слова и язык писателя. Избр. статьи. — Л., 1974; Журавлев А.П. Фонетическое значение. — М., 1974; Пумпянский А.Л. Информационная роль порядка слов в научной и технической литературе. — М., 1974; Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. — М., 1974; Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики. — Горький, 1975; Бельчиков Ю.А. Лексическая стилистика. — М., 1977; Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. — М., 1980; Сковородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. — Томск, 1981.

Е.А. Баженова

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ПОМЕТА — разновидность словарной пометы, лексикографический прием указания на стилистические особенности разъясняемой словарной единицы. Напр.: ***книжн.*** — книжное слово; ***разг.*** — разговорное; ***простор.*** — просторечное и т.д.

С помощью С. п. отмечаются те стилистические признаки языковой единицы (слова, устойчивого сочетания слов), которые определяют ее особую позицию в отношении других, сопоставляемых с ней, единиц. Напр.: ***глаза*** — без пометы (нейтральное), ***очи*** (*высок., устар.*), ***зенки*** (*простореч., груб.*) и т.д.

С. п. ставится в словаре (как правило, толковом словаре) после грамматической характеристики слова и перед его значением / значениями, если относится к слову в целом, или перед тем значением многозначного слова (ЛСВ), к которому С. п. относится. При устойчивых сочетаниях слов (фразеологизмах) С. п. ставится обычно после них в скобках. Напр.: ***Гнать в шею*** (*прост.*) — грубо выгонять.

Кроме толковых словарей, С. п. имеют и некоторые специальные лингвистические словари, напр., «Словарь трудностей русского языка» Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой, «Словарь синонимов русского языка» А.П. Евгеньевой.

Система стилистических помет зависит от уровня развития разных областей языкознания (стилистики, лексикографии и др.) и отражает их.

Впервые подробно разработанная система помет (в том числе и стилистических) была использована в «Словаре русского языка, составленном вторым отделением Академии Наук» под ред. Я.К. Грота (1895 г.). С тех пор некоторые пометы вышли из употребления (***общерусское, простонародно-ироническое*** и др.), другие, наоборот, появились. В целом, система С. п. далека от совершенства. Об этом свидетельствует тот факт, что в каждом толковом словаре используется своя система С. п., иногда существенно отличающаяся от системы С. п. других толковых словарей.

Так, напр., «Толковый словарь русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова (1935) (далее СУ) не отделяет стилистические пометы от других помет, определяющих круг употребления слова, и предлагает следующую систему: 1. Пометы, указывающие на разновидности устной речи (***разг., простореч., фам., детск., вульг., арго, школьн., обл.***); 2. Пометы, указывающие на разновидности письменной речи (***книжн., науч., тех., спец., газет., публиц., канц., офиц., поэт., нар.-поэт.***); 3. Пометы, устанавливающие историческую перспективу в словах современного языка (***нов., церк.-книжн., старин., устар.***); 4. Пометы к словам, обозначающим предметы и понятия чуждого быта (***истор., дореволюц., загр.***); 5. Стилистические пометы, указывающие на выразительные оттенки (экспрессию) слов (***бран., ирон., неодобрит., шутл., презрит., пренебр., укор., торж., ритор., эвф.***).

«Словарь русского языка» С.И. Ожегова (1936) (далее СО) выделяет пометы, указывающие стилистическую характеристику слов: ***книжн., высок., офиц., разг., прост., обл., презр., неодобр., пренебр., шутл., ирон., бран.***

«Словарь русского языка» АН СССР в 4-х т. под ред. А.М. Евгеньевой (1957—1961 гг.) (далее МАС) к стилистическим относит следующие группы помет: 1. Пометы, указывающие принадлежность слова к различным пластам лексики русского языка (***обл., прост., груб. прост.***); 2. Пометы, указывающие на стилистическую ограниченность употребления слов в литературном языке (***разг., книжн. офиц.*** **и** ***офиц.-дел., высок., трад.-поэт., народно-поэт.***); 3. Пометы, указывающие специальную область применения слова (***астр., бакт., бухг., геол., зоол.*** и др.); 4. Пометы, указывающие

эмоциональную окраску слова (***бран., ирон., шутл., пренебр., презр., неодобр.*** и ***почтит***.); 5. Помета ***устар.*** к словам, выходящим из употребления в современном русском языке.

«Словарь русского литературного языка» АН СССР в 17-ти т. (1950—1965 гг.) (далее БАС) сопровождает слова следующими стилистическими пометами: ***разг., простореч., обл., устар., народно-поэт., шутл., ирон., бран., устар. быт.***

С. п. одного плана в разных словарях могут отличаться. Напр., стилистически возвышенные слова и значения в СУ имеют пометы ***торж***. и ***ритор***., а в СО — помету ***высок.***

Очень часто С. п. при одном и том же слове (значении слова) не совпадают в разных словарях. Так, напр., слово ***амуниция*** в СУ дается без каких-либо помет, в БАСе имеет помету *воен*., в СО и МАСе характеризуется как *устарелое*. Слово ***диспутировать*** в СО и СУ имеет помету *книжн.,* в МАСе — *устар.,* а в БАСе помет не имеет.

Существующие несогласованность и непоследовательность в применении С. п. неоднократно отмечались лингвистами (В.П. Берков, Х. Касарес, К. Людвиг, Ф.П. Сороколетов, Л.П. Ступин, Ф.П. Филин, Л.В. Щерба, И.Л. Резниченко, Л.В. Бойко, О.А. Нестерова, Г.Ф. Кузьмина и др.). «Описание стилистического качества слова представлено практически во всех существующих словарях. Однако <...> это описание сравнительно с описанием других свойств лексических единиц до сих пор характеризуется существенно меньшей степенью обоснованности и упорядоченности» (*Бойко Л.В.,* 1991, с. 1).

По мнению лингвистов, разногласия, возникающие по поводу выделения тех или иных разновидностей С. п., их иерархии и т.п., обусловлены прежде всего: более быстрой, по сравнению с другими, сменой стилистических норм; отсутствием специально ориентированной на потребности лексикографии стилистической теории слова; сосуществованием различных подходов к интерпретации стилистического потенциала слова, отсутствием в современной отечественной лингвистике общезначимого потенциала слова (через категорию экспрессивности, через категорию функциональности, через синтез этих категорий); существенными различиями в понимании самих данных категорий и отношений между ними (отсутствием единого представления о категориях эмотивности, оценочности, экспрессивности и их возможных взаимоотношениях и т.п.).

Т. о., мы можем говорить о том, что недостатки стилистического описания лексики в словарях обусловлены в значительной степени нерешенностью ряда важнейших проблем теоретической стилистики и отсутствием концепции стилистического потенциала слова, разработанной специально с ориентацией на лексикографическое применение.

Лит.: Сорокин Ю.С. О нормативно-стилистическом словаре современного русского языка. — ВЯ. — 1967. — № 5; Денисов П.Н., Костомаров В.Г. Стилистическая дифференциация лексики и проблема разговорной речи // Вопросы учебной лексикографии. — М., 1974; Катлинская Л.П. Нормативные пометы в словарях и реальное речевое

употребление (языковое сознание и критерии нормы) // Литературная норма и просторечие. — М., 1977; Скляревская Г.Н. Заметки о лексикографической стилистике // Современность и словари. — Л., 1978; Петрищева Е.Ф. Стилистически окрашенная лексика русского языка. — М., 1984**;** Резниченко И.Л. Стилистический узус русского языка и его отражение в лексикографии. — М., 1984; Бойко Л.В. Стилистическая ценность русского слова и ее отражение в учебных словарях. — М., 1991; Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. — М., 1993.

О.Н. Емельянова

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ СИНОНИМИЯ — см. *Синонимы; Стилистические ресурсы лексики.*

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ СИНТАГМАТИКА — стилистически значимые линейные отношения между разноуровневыми языковыми единицами, совместно встречающимися в тексте, а также правила объединения единиц в некоторые последовательности (синтагматические цепочки). С. с. лежит в основе стилистики речи (М.В. Панов).

Стилистический эффект сообщения, как правило, создается не языковой единицей как таковой, а фактом совместной встречаемости, соотнесенности в тексте данной единицы с другой единицей. Характер их соотнесенности квалифицируется как то или иное стилистическое явление. Нередко сами по себе две или несколько единиц могут быть стилистически нейтральными: стилистически значимо лишь их взаимоотношение, тип их взаимосвязи. Данные явления изучаются уровневыми стилистическими дисциплинами — синтагматической фонетикой, синтагматической морфологией и т.д., суммарно называемыми синтагматической стилистикой, или стилистикой последовательностей (*Ю.М. Скребнев*). Решение вопроса о том, наблюдается ли стилистический эффект совместной встречаемости единиц, различается применительно к разным уровням языка. Так, если соотнесенность содержания двух высказываний (предложений), разделенных десятками страниц текста, способна сохранять свою актуальность для читателя, то соотнесенность, связь фонетических единиц (напр., явлений рифмы, аллитерации и т.п.) актуальна лишь в пределах фрагментов небольшой протяженности.

К области компетенции синтагматической фонетики относятся проблемы просодии и взаимоотношений звуков в речи (ритм, рифма). В этом аспекте прежде всего разграничиваются две противопоставленных разновидности текстов — с неупорядоченной и упорядоченной, регулярной ритмикой, т.е. прозаические и стихотворные тексты. Ритмический рисунок прозы произволен, стихотворная же речь предполагает созвучие ударных и безударных слогов и их чередование, лежащее в основе стихотворных размеров — ямба, хорея, дактиля, амфибрахия, анапеста и др. Если в поэзии рифма является одним из основных и необходимых средств ее звуковой организации, то в прозаическом тексте так называемая «случайная рифма» представляет собой стилистическую погрешность.

К собственно стилистическим явлениям фонетической синтагматики относятся также случаи целенаправленного повторения в пределах соотносимости, т.е. на небольшом расстоянии друг от друга, одних и тех же гласных и согласных звуков — ассонанс и аллитерация, свойственные худож. стилю — прежде всего поэтической речи.

Синтагматическая фонетика решает не только проблемы стилистического использования совместной встречаемости фонетических единиц языка в специальных — эстетических — целях, но также проблемы стилистически отрицательных, нежелательных последствий такой встречаемости. К их числу относится, напр., нежелательность фразовой омонимии, порождающей ошибочное понимание сказанного. Так, В. Маяковский, критикуя строку одного из своих современников *Не придет он так же вот*, писал: «Получается определенный *живот*». Непреднамеренность ошибок подобного рода отличает их от каламбуров, создаваемых умышленно в юмористических целях. Нежелательны, кроме того, сочетания звуков, ассоциируемые со словами, изгоняемыми из культурного обихода, а также труднопроизносимые сочетания нескольких согласных.

Проблемы стилистической синтагматики м о р ф о л о г и ч е с к и х единиц в теоретическом плане исследованы мало. В рамках практической стилистики и культуры речи разработаны некоторые нормы, касающиеся соотнесенности в одном высказывании тех или иных грамматических форм. Напр., недопустимо смешение форм времени и вида глагола: *Он **мечтает** посвятить себя литературной деятельности, но задуманная им пьеса так и **осталась** неоконченной, и он **бросил** занятия литературой* (все глагольные формы следует перевести в план одного — прош. или наст. — времени); ошибочным является употребление полной формы прилагательного в функции сказуемого при наличии зависимого слова: *Наш край **богатый талантами*** (следует сказать *богат талантами*); неправильно смешивать простые и составные формы сравнительной и превосходной степеней прилагательных и наречий (*более худший, менее дороже, самый наибольший* и др.); к ошибке приводит употребление собирательных числительных с существительными, обозначающими лиц женского пола (*двое сестер*) и др.

Своего рода законом «хорошего слога» является варьирование способов выражения одних и тех же (или близких) грамматических значений: напр., вместо формы род. падежа — *Чехова* — в одном предложении, в следующем предложении рекомендуется употреблять притяжательное прилагательное *чеховский* и, наконец, в третьем предложении использовать описательную конструкцию *свойственный Чехову*. Требование варьировать способы выражения морфологических значений основывается на запретительном правиле: монотонная повторяемость грамматических форм считается стилистическим дефектом.

Собственно функц.-стилистическая значимость морфологической синтагматики может рассматриваться в статистическом аспекте при общей сравнительной оценке типов текстов. Установлено, что функц. сти-

ли дифференцируются в зависимости от представленности и частотности в них тех или иных частей речи. Так, по данным М.Н. Кожиной, О.Б. Сиротининой, Е.А. Земской и др., в разг. речи меньше существительных и прилагательных, чем в книжной речи; в то же время в разг. речи чаще употребляются местоимения, частицы и междометия и практически отсутствуют причастия и деепричастия. Офиц.-дел. стиль является самым «именным»: частота употребления существительных в нем выше, чем в остальных функц. стилях, в том числе науч., тоже обладающем именным характером. В худож. стиле одним из специфических способов достижения образной конкретизации (см. *Художественно-образная речевая конкретизация*) является глагольное речеведение, или сюжетоведение (*М.Н. Кожина*), которое заключается в том, что писатель называет каждое движение (физическое и психическое) и изменение состояния героя как бы поэтапно — отсюда повышение частоты глагола и вообще роли глагола в худож. речи; другим видам речи (науч., офиц.-дел., разг.) такая черта не свойственна.

Для синтагматической лексикологии главная стилистическая проблема — «слово в контексте», т.е. проблема стилистических функций совместной встречаемости слов разных стилистических тональностей.

С одной стороны, стилистически маркированное слово, будучи помещенным в нейтральный контекст, становится стилистически господствующим элементом, «окрашивает» все высказывание, становится его стилистической доминантой (напр.: *Мы узнали* ***божественную*** *новость* или *Мы узнали* ***громоподобную*** *новость* — возвышенная тональность; *Мы узнали* ***вышеозначенную*** *новость* — тональность офиц.-дел. стиля; *Мы узнали* ***мировую*** *новость* — разг. тональность). Приобретение текстом стилистических свойств «сильного» (доминирующего) элемента имеет место только в тех случаях, когда контекст стилистически нейтрален.

С другой стороны, нейтральное слово в контексте стилистически окрашенного высказывания само приобретает стилистическую окраску и становится носителем стилистического значения. Напр.: *Капитальный ремонт* ***лежит*** *на нанимателе* (в значении долженствования — «должен лежать», — свойственном офиц.-дел. речи); *Обломов* ***лежит*** *на диване* (значение конкретного физического состояния, вызывающее живое представление, свойственное худож. речи); *Эти факторы* ***лежат*** *в основе определения стиля* (отвлеченное значение «быть основой», свойственное науч. речи); *Я же говорю тебе, что он еще* ***лежит*** (значение физического состояния в конкретный момент речи, свойственное разг. стилю).

В худож. текстах столкновение в одном высказывании единиц различных функц.-стилистических окрасок умышленно используется авторами как средство речевой характеристики персонажа с целью создания комического эффекта (напр., речь чеховского унтера Пришибеева, персонажей *М. Зощенко*, *И. Ильфа* и *Е. Петрова*, *В. Шукшина* и др.).

Ненамеренное смешение разностильных слов свидетельствует о языковой некомпетентности отправителя речи и является одной из стилистических ошибок (см. *Стилистическая ошибка*).

Проблематика совместной встречаемости лексических единиц включает также вопрос о лексическом повторе, т.е. появлении в тексте одного и того же слова в контактной или дистантной позиции, напр.: *Роман классический, старинный, отменно* ***длинный, длинный, длинный*** (А.С. Пушкин); *Вот тебе* ***книга****, читай* ***книгу****, дружи с* ***книгой***. Функция повтора как намеренного стилистического средства (в отличие от случайного повторения при неподготовленной устной речи) всегда является усилительной: повторяемое слово подчеркивается отправителем речи; к понятию, выражаемому этим словом, привлекается особое внимание адресата речи. Случайные, непреднамеренные повторения слова, свидетельствующие о неумении заменить его синонимом или изменить тип конструкции, расцениваются как стилистический дефект.

С и н т а к с и ч е с к а я синтагматика изучает структурную соотнесенность сцепляемых предложений в образовании фрагментов текста (сверхфразового единства, сложного синтаксического целого, прозаической строфы) и выявляет стилистические функции совместной встречаемости форм предложений. Напр., регулярное чередование, регулярная смена вопросительной и повествовательной форм предложений характеризует диалог (если вопросы и ответы принадлежат разным лицам) или внутренний монолог, т.е. вопросно-ответная форма построения монологического текста. Регулярно воспроизводиться (повторяться) может также синтаксическая структура (модель) предложения: смежные предложения нередко являются тождественными или аналогичными по своему синтаксическому (иногда — синтактико-морфологическому) строению.

От чисто синтаксического повтора следует отграничивать лексико-синтаксические повторы, в которых обязательно лексическое тождество тех или иных частей смежных предложений. Среди таких повторов традиционно различаются анафора, эпифора, анадиплозис, хиазм, симплока и обрамление.

Связь предложений (суждений) в речи может быть 1) параллельной, когда один и тот же субъект характеризуется с разных сторон, разными предикатами; 2) цепной, когда предикат предыдущего суждения выступает в последующем в качестве субъекта, и 3) смешанной. При этом каждый вид связи осуществляется посредством различных лексико-грамматических единиц: лексических повторов, синонимов, местоимений и др. (*Г.Я. Солганик*). Названные типы построения синтаксических цепочек оказываются стилистически значимыми. Так, цепная связь посредством лексического или местоименного повтора максимально обеспечивает непрерывность и последовательность рассуждения, поэтому она свойственна преимущественно науч. тексту, напр.: *Земная кора сохраняет в своих недрах* ***остатки вымерших животных и растений****. По* ***этим остаткам*** *изучается история нашей планеты и история жизни на ней.*

Параллельная связь с анафорическим местоимением *это* обладает яркой эмоциональной и риторической окраской и поэтому широко распространена в публицистике и ораторской речи, напр.:

Это было *в День Победы, 9 мая.*

Это было *в солнечном городе, в сквере, где буйная зелень, яркие цветы и веселые ребятишки — все говорит о весне и жизни.*

Это было *там, где над братской могилой павших горит вечный огонь* (газ.).

Параллельное сцепление вопросительных анафорических предложений организует подчеркнуто эмоциональную, экспрессивную, взволнованную речь худож. произведения, напр.: *Кто не проклинал станционных смотрителей, кто с ними не бранивался? Кто, в минуту гнева, не требовал от них роковой книги? Кто не почитает их извергами человеческого рода, равными муромским разбойникам?* (А.С. Пушкин).

Стилистические функции совместной встречаемости предметных значений слов, словосочетаний, предложений и более крупных единиц, образующих текст, исследуются синтагматической семасиологией (Ю.М. Скребнев). Различаются три типа предметных соотнесенностей («фигур совмещения»): 1) соотношение тождественных значений, когда языковые единицы обозначают один и тот же предмет (явление, процесс, свойство) действительности, или «фигуры тождества» — сравнение и синонимы-заменители; 2) соотношение различающихся между собой значений, или «фигуры неравенства» — синонимы-уточнители, каламбур, зевгма и др.; 3) соотношение противоположных значений, или «фигуры противоположности» — оксюморон и антитеза.

Изучение стилистической синтагматики необходимо для понимания одной из базовых категорий стилистики — *речевой системности функционального стиля* (см.), а также для выявления механизмов текстообразования в различных видах речи; в аспекте культуры речи — для построения стилистически правильных высказываний.

Лит.: Панов М.В. О развитии русского языка в советском обществе (К постановке проблемы). — ВЯ. — 1962. — № 3; Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. — М., 1963; Прокопович Е.Н. Стилистика частей речи. — М., 1969; Головин Б.Н. Язык и статистика. — М., 1971; Грехнева Г.М. О стилевой дифференциации сложного предложения в современном русском литературном языке. — Горький, 1971; Винокур Т.Г., Петрищева Е.Ф. Стилистические исследования. — М., 1972; Кожина М.Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. — Пермь, 1972; Ее же: Стилистика русского языка. — М., 1993; Пумпянский А.Л. Информационная роль порядка слов в научной и технической литературе. — М., 1974; Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. — М., 1974; Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики. — Горький, 1975; Бельчиков Ю.А. Лексическая стилистика. — М., 1977; Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. — М., 1980; Земская Е.А. и др. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. — М., 1981; Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика. — М., 1991; Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка / Под ред. О.Б. Сиротининой. — Саратов, 1992.

Е.А. Баженова

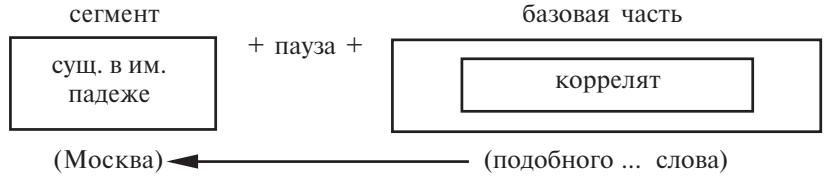
СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ФИГУРА (от лат. figura — очертание, образ, изображение, оборот речи) — термин, привнесенный в античную риторику из искусства танца и вошедший в употребление в эллинистическое время, когда развилось учение о фигурах как о необычных оборотах, украшающих речь и способствующих ее убедительности (Об античной теории фигур см., напр.: Античные теории языка и стиля, 1996).

В современной филологии нет общепринятой точки зрения на природу, терминологическое обозначение и классификацию С. ф. Существует широкое и узкое понимание С. ф. В широком смысле к С. ф. относят любые языковые средства, служащие для создания и усиления выразительности речи. При таком взгляде на С. ф. в их состав включаются *тропы* (см.) и другие *риторические приемы* (см., напр.: *Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.,* 1994). В узком понимании С. ф. называются синтагматически образуемые средства выразительности (см., напр.: *Скребнев,* 1997).

С точки зрения системного подхода к исследованию выразительных средств языка/речи и их терминологическому обозначению, целесообразно рассматривать понятия С. ф. и тропа в качестве гипонимов (разновидностей) по отношению к родовому понятию (гипериониму) стилистического приема.

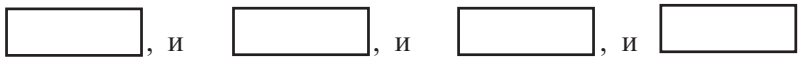
Отличительной особенностью С. ф. как разновидности стилистического приема является ее относительно формализованный характер (наличие синтагматической схемы, модели). Например, С. ф. являются 1) конструкции с именительным темы, 2) анадиплозис, 3) полисиндетон и ряд других фигур.

1. ***Москва!*** *На картах мира нет для нас* ***подобного****, наполненного таким содержанием* ***слова*** (Л. Леонов).



2. *Так и вышло — запнулся и* ***завяз... завяз и покраснел; покраснел и потерялся; потерялся и поднял глаза; поднял глаза и обвел их кругом; обвел их кругом и*** *— обмер* (Ф. Достоевский).

3. *...Попишу животом,* ***и*** *ноздрей,* ***и*** *ногами,* ***и*** *пятками,*
Двухкопеечным мыслям придам сумасшедший размах.
(Саша Черный)



Разные С. ф. обладают различной степенью формализованности (моделируемости). Так, рассмотренные выше фигуры обладают достаточно высокой (хотя и не одинаковой) степенью формализованности, так как их реализация требует соблюдения не одного, а нескольких условий: именительный темы — четырех (сегмент, пауза, базовая часть, коррелят в базовой части); анадиплозис — трех (минимум два повторяемых компонента, их лексическое тождество, контактность повторяемых компонентов); полисиндетон — двух (минимум два перечисляемых компонента, повторяющиеся союзы при каждом компоненте).

Меньшая степень формализованности наблюдается, напр., в парентезе, при реализации которой необходимо соблюдение только одного условия — разрыв синтаксической связи в предложении (высказывании) каким-либо вставляемым компонентом. Напр.: *Личность ценна прежде всего не своей особенностью, своеобразием* (***хотя она, конечно, невозможна без этого!***)*, но богатством содержания и духовной высотой, которые имеют всечеловеческое значение* (В. Кожинов).

…(…)…

Т. о., С. ф. можно определить как синтагматически формализованный стилистический прием, основанный на прагматически мотивированном отклонении от языковой или речевой нормы.

Лит.: Корольков В.И. К теории фигур // Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореза. Вып. 78. — М., 1973; Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики. — Горький, 1975; Его же: Фигуры речи // Русский язык, Энциклопедия. — М., 1997; Общая риторика: Пер. с фр. / Ж. Дюбуа, Ф. Пир, А. Тринон и др. — М., 1986; Гаспаров М.Л. Фигуры стилистические // Литературный энциклопедический словарь. — М., 1987; Риторика и синтаксические структуры. — Красноярск, 1988; Василькова Н.Н. Типология стилистических фигур в риториках и курсах словесности II пол. XVIII—нач. XIX вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1990; Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических фигур. — Ростов н/Д., 1994; Античные теории языка и стиля (Антология текстов). — СПб., 1996; Горшков А.И. Русская словесность: От слова к словесности. — М., 1996; Никитина С.Е., Васильева Н.В. Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи. — М., 1996; Боженкова Н.А. Стилистические фигуры и типологические аспекты исследования: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1998; Квятковский А.П. Школьный поэтический словарь. — М., 1998; Топоров В.Н. Фигуры речи // Языкознание, Большой энциклопедический словарь. — М., 1998.

А.П. Сковородников, Г.А. Копнина

СТИЛИСТИЧЕСКИ ОКРАШЕННАЯ ЛЕКСИКА — это лексические единицы (однозначные слова или отдельные значения многозначных слов), характеризующиеся способностью вызывать особое стилистическое впечатление вне контекста. Эта способность обусловлена тем, что в значении данных слов содержится не только предметно-логическая (све-

дения об обозначаемом предмете) информация, но и дополнительная (непредметная) — *коннотации* (см.). В непредметной информации, заключенной в лексических единицах, находят выражение не только экспрессивно-эмоциональные коннотации, но и отражается влияние различных экстралингвистических (стилеобразующих) факторов, таких как: сфера общения, специфика функц. стиля, жанр, форма и содержание речи, взаимоотношения между адресантом и адресатом сообщения, отношение автора к предмету речи и др. Вместе с тем непредметной информацией являются и содержащиеся в некоторых лексических единицах исторически сложившиеся характеристики самого слова как вульгарного, неприличного, устарелого и т.п., причем одна и та же лексема может совмещать разные характеристики.

Хотя в лексикологии нет единой классификации С. о. л., однако в качестве общепринятой считается подразделение С. о. л. на экспрессивно-эмоциональную и функционально-стилистически окрашенную (соотнесенную с функц. стилями рус. языка). Более детальную систематизацию С. о. л. дает Е.Ф. Петрищева, выделяя три основные группы средств с их дальнейшей дифференциацией.

В С. о. л. совр. рус. лит. языка Е.Ф. Петрищева выделяет следующие типы: а) лексика, сообщающая о сфере своего употребления; б) лексика, сообщающая об отношении говорящего к предмету речи; в) лексика, характеризующая говорящего.

К лексике, сообщающей о сфере своего употребления, относятся слова разговорные и книжные. Разговорно окрашенная лексика характеризует сферу своего употребления как обиходно-бытовую (напр., *бывало, ведь, видно* в значении вводного слова, *высыпать* ‘появиться толпою’, *дедушка, застрять* ‘плотно попасть во что-н. так, что трудно высвободить’, *кладовка, мама, морковка, натянуть* ‘надеть с усилием, надвинуть что-н.’, *папа, примоститься* ‘поместиться в неудобном для этого месте’, *тетя, чуть* и др.). Книжно окрашенная лексика характеризует сферу своего употребления как возвышающуюся над уровнем бытовой повседневности, напр., *возложить, впоследствии, вследствие того что, вышеназванный, ибо, конфигурация, опознать, потреблять, предварительно, проживать, произрастать, с тем чтобы, супруги, указанный, явление* и др.

Второй тип С. о. л. составляют слова, сообщающие об отношении говорящего к предмету речи. Этот тип С. о. л., в свою очередь, можно подразделить на т.н. рассудочно-оценочные слова (обозначающие отрицательные или положительные предметы, действия и вызывающие у адресата речи определенное эмоциональное отношение к объекту высказывания) и эмоционально-оценочные слова (характеризующиеся способностью сообщать адресату речи об эмоциональном состоянии адресанта). В словах последней подгруппы информация об эмоциональном отношении к предмету речи может наслаиваться на рассудочную оценочность (напр., в словах *писака, рифмоплет*) либо слово может содержать только какой-то один из названных видов оценки.

К рассудочно-эмоциональным относятся такие слова, как *безапелляционный, безвозмездный, благоухание, даровой, демонстративный* ‘подчеркнутый’, *дилетант, зачинщик, коновал* ‘врач’, *насаждать, наукообразный, обелить* ‘оправдать’, *обречь, пустяк, рассадник, сговор, слишком, чрезмерно* и др. Эмоционально-оценочная лексика, сопровождаемая в словарях стилистическими пометами *бран., ирон., шутл., неодобр., пренебр., презрит., укор., торж., ритор.* по признаку особого стилистического впечатления, указывает на чувства, которые обычно вызывают предметы или явления, соответствующим образом оцениваемые обществом.

В подгруппе эмоционально-оценочной лексики выделяются слова, содержащие отрицательную или положительную эмоциональную оценку предмета речи (напр., *верзила, вытворять* ‘совершать какие-то отрицательные, нежелательные поступки’, *гнусный, миндальничать* ‘проявлять излишнюю мягкость’, *модничать* ‘франтить’, *необъятный, прихвостень* ‘чей-н. приспешник’, *счастливчик*) и слова, которые эмоционально возвышают или принижают предмет речи (такие, напр., как *вершитель, грядущий, злодеяние, изгнанник, мерещиться, озираться, плюхнуться, стяг, уставиться*). Кроме того, к эмоционально-оценочной лексике относятся слова, выражающие фамильярное, ироническое, шутливое, ласковое или снисходительное отношение к предмету речи (напр., *баловень, бедняга, благоверный, верхотура, глупышка, горемыка, допотопный, душещипательный, егоза, заморыш, капризуля, карапуз, мордашка, ребятня*). Разновидностью эмоционально-оценочной лексики является и бранная лексика.

Третью группу С. о. л. составляют слова, заключающие в себе характеристику самого говорящего, т.е. слова, которые не содержат в себе информации ни о форме речи, ни о сфере общения, но сообщают сведения о самом говорящем субъекте, в частности — о его принадлежности к определенной категории носителей совр. рус. лит. языка. Так, напр., лексические единицы типа *воротиться* (ср. *вернуться*), *к примеру* (ср. *например*), *нынче* (ср. *теперь*), *покуда* (ср. *пока*), *сперва* (ср. *сначала*) вызывают впечатление стилистической сниженности, т.к. сферой преимущественного употребления этих слов является обиходно-бытовая речь. Лексемы этого типа характеризуют говорящего либо как представителя интеллигенции с невысокими уровнем образования, либо как выходца из народной среды. В то время как слова *впоследствии* (ср. *потом, после*), *игнорировать* (ср. *пренебрегать*), *импульсивный* (ср. *порывистый*), *обитать* (ср. *жить*), *полагать* (ср. *считать, думать*), *утомление* (ср. *усталость*), *утрировать* (ср. *преувеличивать*), *экстраординарный* (ср. *необыкновенный*) свойственны главным образом текстам, содержание которых возвышается над уровнем обыденности. Такие слова свидетельствуют о принадлежности говорящего к высокообразованной или потомственной интеллигенции.

При широком понимании стилистической системы лит. языка к стилистически маркированной лексике (в частности — лексике, характеризующей говорящего) относят слова, не входящие в состав совр. лит. языка (просторечные, диалектные, жаргонные).

Несмотря на выявленные отличия, названные группы С. о. л. объединяют общие существенные признаки — наличие непредметной (дополнительной по отношению к основной, предметно-логической) информации и способность этих слов вызывать в сознании носителей лит. языка особое стилистическое впечатление. Эту способность стилистически маркированные слова приобрели, «вобрав» в себя содержащиеся в специфических контекстах сведения о тех или иных экстралингвистических обстоятельствах, не связанных с признаками самого обозначаемого словом предмета или явления.

Лит.: Ахманова О.С. О стилистической дифференциации слов // Сборник статей по языкознанию. Профессору Московского университета академику В.В. Виноградову. — М., 1958; Галкина-Федорук Е.М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке // Сборник статей по языкознанию. Профессору Московского университета академику В.В. Виноградову. — М., 1958; Панов М.В. О стилях произношения (в связи с общими проблемами стилистики) // Развитие современного русского языка. — М., 1963; Денисов П.Н., Костомаров В.Г. Стилистическая дифференциация лексики и проблема разговорной речи. По данным Словаря русского языка С.И. Ожегова // Вопросы учебной лексикографии. — М., 1969; Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. — М., 1973; Его же: Русский язык в его функциональных разновидностях (к постановке проблемы). — М., 1977; Петрищева Е.Ф. Стилистически окрашенная лексика русского языка. — М., 1984.

Е.М. Крижановская

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ ЛЕКСИКИ (ЛЕКСИЧЕСКАЯ СТИЛИСТИКА) — 1) раздел лингвистической стилистики, ориентированный на описание стилистических ресурсов совр. рус. лит. языка на лексическом уровне языковой структуры (см. работы *Л.В. Щербы, Г.О. Винокура, А.Н. Гвоздева, А.М. Ефимова, Д.И. Розенталя, Д.Н. Шмелева, Е.Ф. Петрищевой и др.*); 2) раздел *функц. стилистики* (см.), включающий проблемы, связанные с определением закономерностей функционирования единиц лексико-семантического уровня в различных функц. стилях — научном, официально-деловом, газетно-публицистическом, художественном (см. работы *Ю.А. Бельчикова, М.Н. Кожиной, Г.Я. Солганика, Н.А. Лукьяновой, В.А. Салимовского и др.*).

В области лексической стилистики особую значимость имеют вопросы стилистической дифференциации словарного состава совр. рус. языка, функц.-стилистического статуса основных лексико-семантических пластов, их выразительных возможностей, особенностей и закономерностей использования в речевой коммуникации, в типических контекстах, в разных стилях, в текстах различного содержания и назначения. В лингвометодическом аспекте Л. с. наиболее сложными, но и наиболее коммуникативно значимыми являются вопросы сочетаемости слов, поскольку именно в этой сфере системных связей получают свое выражение семантические и экспрессивно-эмоциональные свойства лексической единицы, ее функц.-стилевая «стратификация» в рус. лит. языке

(*Ю.А. Бельчиков*). Стилистическая структура языка понимается как исторически сложившаяся, внутренне организованная иерархическая система коммуникативно обусловленных нейтрально-стилистических и коннотативных «значений», способов их выражения, осложненная функц.-речевой дифференциацией лит. языка. С этим связана и двойственная характеристика стилистических качеств речевых средств, в том числе и лексико-семантических, лит. языка: с точки зрения функц.-экспрессивной и функц.-стилистической. Экспрессивная окраска — это дополнительные оттенки оценочного характера, которые как бы наслаиваются на номинативное значение слова, на предметно-логическую основу его семантики. Экспрессивная окраска слов исключительно разнообразна, однако лексика рус. языка распределяется по трем разрядам в зависимости от общей экспрессивной тональности, окрашенности, которую имеют (или не имеют) слова: «лексика повышенной экспрессии», «пониженной экспрессии» и «нейтральная». При этом «точкой отсчета» является лексика нейтральная, т.е. лишенная экспрессивной окраски. Нейтральная лексика служит фоном, на котором проявляется экспрессивно-эмоциональная характеристика книжных и разговорных слов, объединяемых в лексические разряды с функц.-экспрессивной точки зрения. Вокруг слов, выступающих как семантическая (смысловая) доминанта синонимического ряда, располагаются лексические единицы с повышенной и пониженной окраской. Напр.: *ходить — блуждать — слоняться*. В этом синонимическом ряду *ходить* — основное слово, обозначающее в данном случае движение, совершающееся в разных направлениях (с определенной или неопределенной целью): *ходить по городу, по лесу, ходить по магазинам*. *Блуждать* — «ходить без определенной цели и направления», бродить, скитаться: *Вот уже целый месяц я блуждаю в степи по кочевым дорогам* (М. Пришвин). *Слоняться* — «ходить, бродить взад и вперед, обычно без дела»: *Работа на ум не шла — никто ничего не делал, слонялись без толку в коридорах* (Д. Фурманов). Главное различие сопоставляемых слов заключается в их экспрессивной окраске: *ходить* — нейтральное, общеупотребительное; *блуждать* — несколько архаизированное для совр. лит. речи; *слоняться* — слово разг. речи, сниженной экспрессии, с оттенком неодобрительности, пренебрежения.

Выразительность нейтральной лексики определяется тем, что, с одной стороны, обобщенные, емкие значения нейтральных по экспрессивной окраске слов позволяют обозначить достаточно широкий круг явлений, в чем-либо сходных с предметно-понятийной основой данной лексемы. С другой стороны, нейтральные слова очень подвижны в смысловом и экспрессивном отношениях. Благодаря семантической гибкости под воздействием контекста и фразеологического окружения раскрываются возможности лексической единицы в передаче новых значений интеллектуального содержания и субъективной модальности (*Ю.А. Бельчиков*).

К стилистическим ресурсам лексики относятся 1) средства словесной образности — лексические и синтаксические; 2) лексические сино-

нимы; с синонимией связана возможность выбора одного языкового средства, целесообразного в данном контексте; 3) специальные языковые единицы, стилистически окрашенные в системе, в том числе эмоциональная и экспрессивная лексика; 4) лексические единицы ограниченного употребления: диалектизмы, просторечные слова, профессионализмы, а также архаизмы, неологизмы и т.п.; 5) фразеология: фразеологизм, как правило, выразительнее синонимичного ему слова или свободного словосочетания.

К средствам словесной образности относят прежде всего тропы: метафору, метонимию, синекдоху, олицетворение, образное сравнение, эпитет, гиперболу и др., а также синтаксико-поэтические фигуры: анафору, эпифору и др. Тропы — явления лексико-семантические, это разные случаи употребления слова в переносном значении, однако, как известно, не всякое переносное значение для современного языкового сознания является образным.

Напр., под м е т а ф о р о й понимают слово или оборот речи, употребленные в переносном значении для определения предмета или явления на основе какой-либо аналогии, сходства. Однако при этом обычно различают метафоры общеязыкового характера (стертые или окаменелые), метафоры, сохраняющие «свежесть», и метафоры собственно поэтические, которые отличаются индивидуальным характером. Общеязыковые окаменелые метафоры со стершейся образностью *(рукав реки, горлышко бутылки, подножие горы* и т.п.) к средствам словесной образности не относятся. Стилистическим средством этого рода являются метафоры широкого употребления, так сказать, с заранее готовой образностью, но не утратившие свежести (их образность ясно ощущается говорящими): *золотая осень, серебро седины, алмазная прозрачность, горячая пора, металл в голосе, теплота встреч, дуб* (о человеке). К ним относятся и так называемые народнопоэтические постоянные метафоры и метафорические эпитеты: *лебедушка, голубушка* (о женщине), *соколик* (о человеке), *гроза* (нечто устрашающее).

Однако когда речь идет о собственно образных средствах, прежде всего имеются в виду случаи новой, оригинальной метафоризации, создающей яркие индивидуализированные образы, или случаи обновления, «освежения» различными способами общеязыковых метафор. Именно свежесть, новизна метафоры является одним из главных ее признаков как образного средства, характерного прежде всего для поэтической речи. Для создания неповторимой метафоры необходимо образное восприятие мира и особый талант. Однако, стремясь к выразительности и яркости речи, не только писатели создают метафоры. Удачные метафоры, а также образные эпитеты и сравнения можно встретить и в газетном очерке, и в научной статье, и в выступлении оратора, и в живом рассказе умелого собеседника.

При этом метафора соответствует некоторым требованиям. Она не должна быть надуманной, неестественной (когда сопоставляются признаки или понятия, вообще не сочетающиеся в жизни, в природе; вспом-

ним, что метафора представляет собой скрытое сравнение). Она должна отвечать закономерностям языка. Следует помнить и о том, что метафора (как и другие образные средства) имеет свойство быстро «стираться» от частого употребления и превращаться в штамп, стандарт. Именно такой процесс часто наблюдается в газетной речи, когда недавняя свежая метафора становится надоедливым шаблоном, утратившим всю свою былую образность *(маяки производства, высокие рубежи, зеленая улица),* или «терминологизируется» *(голубой экран, черное золото).*

Метафора, как и другие средства словесной образности, имеет неодинаковую функциональную активность в разных сферах общения. Как известно, основная область применения образных средств — худож. литература. Другой сферой довольно активного их употребления является публицистика, поскольку присущая ей функция наиболее эффективно реализуется в условиях экспрессивной речи. Однако увлечение образными средствами, перенасыщение ими текста — явление нежелательное. Все зависит от конкретных условий коммуникации, прежде всего от темы, идеи, направленности, общей стилевой атмосферы текста, что в целом обусловлено единством формы и содержания.

Метафора свойственна и науч. речи, поскольку посредством метафоры реализуется «потребность человеческого мышления, оперирующего одновременно абстракциями и образами» (*С.Е. Никитина*). При этом важно, что «метафора в функции терминологической единицы является не конечным продуктом речевой деятельности или неким эффективным экспрессивным средством, а составляет основу процесса индивидуального научного творчества, целью которого является представление новизны открываемого знания и его оязыковление» (*Л.М. Алексеева*). Науч. метафора имеет противоречивый характер, заключающийся в том, что в процессе терминологической метафоризации актуализируется как определенное сходство между референтами, поскольку метафора должна быть обязательно понята, так и одновременно несходство, поскольку порождается новый смысл, причем степень сходства и несходства определяет истинное значение метафоры. Ученый оперирует понятиями и поэтому использует прямые номинативные значения слов, стремясь к точности, терминированности, однозначности выражения. Вместе с тем неверно было бы считать образность и эмоциональность выражения вообще несвойственными научной речи. Монотонность, серость, как верно отмечает Р.А. Будагов, нежелательны и недопустимы в науч. речи (*Р.А. Будагов,* 1967, с. 229—230 и 245).

Немало метафор и в области научной и специальной терминологии *(шаг маятника, клапан сердца, корона солнца, усталость металла, карусель, головка, муфта),* однако вследствие терминологичности, а следовательно, однозначной номинативности эти слова утрачивают образность.

В силу общей понятийности и точности науч. речи к использованию в этой сфере образных средств, в особенности метафор, следует подходить осторожно: лучше подыскать точный термин, чем использовать образ. Из истории науч. стиля известно, что образность здесь нередко рож-

дается как раз тогда, когда не найдено еще точного наименования, т.е. термина. А это свидетельствует о том, что не определилось еще ясно и само понятие. Кроме того, науч. речи более свойственно сравнение, чем метафора, поскольку оно представляет собой одну из форм логического понятийного мышления и способов его выражения.

Лишь в одной из сфер письменной речи средства словесной образности почти совсем неупотребительны. Это — деловая речь, поскольку здесь официальности, точности, безэмоциональности общения и терминированности выражения оказываются как бы противопоказанными образные средства. Лишь смешанным, «пограничным» жанрам (законодательно-публицистическим), некоторой части деловой терминологии известны элементы образности (напр., синекдоха: *официальное лицо, договаривающаяся сторона* и т.д.).

Употребительность образных средств в устно-разговорной речи зависит от индивидуальности общающихся, темы разговора и ситуации общения. Для этой сферы особенно характерна эмоциональность выражения, которая сказывается на свойствах образности. Здесь широко употребительна общеязыковая образность (что не исключает окказиональных метафор). Это связано с быстрой реактивностью устно-разговорной речи, ее спонтанностью, неподготовленностью.

Эпитет — слово, образно определяющее предмет или действие, подчеркивающее характерное их свойство, также наиболее употребительно в худож. речи, где оно выполняет эстетическую функцию. Эпитет нередко бывает метафорическим: *В ущелье не проникал еще* ***радостный*** *луч* ***молодого*** *дня* (Лермонтов); *С* ***медного*** *открытого его лица стекал пот* (Паустовский); *Она улыбалась* ***голубой*** *детской улыбкой* (Шолохов).

Широко используются эпитеты и в публиц. речи, что обусловлено экспрессивной функцией публицистики: *гигантское строительство, светлое будущее; гневный протест; ратные подвиги.*

Иногда говорят об эпитетах в науч. речи. Однако если под этим средством словесной образности понимать худож. определение с присущей ему эстетической функцией, то термин «эпитет» вряд ли применим к науч. речи. Здесь лучше говорить просто об определениях, поскольку они преследуют не художественно-изобразительные цели, а логико-уточнительные, в крайнем случае — наглядность. Определения некоторых областей научной литературы на первый взгляд весьма образны, но они принципиально отличаются от худож. определений-эпитетов стремлением прежде всего точно и объективно характеризовать предмет. Основное их отличие от худож. определений в том, что они однозначны, в отличие от собственно эпитетов не допускают двуплановости. Примеры определений в науч. речи: *Ломонтит отличается* ***розовым*** *цветом,* ***переходящим в кирпично-красный*** (Ферсман); *Флора, представляющая нам* ***хрящеватые вилообразно ветвящиеся желто-бурые, тесьмовидные*** *формы* (Тимирязев).

Другие средства словесной образности, напр. метонимия, синекдоха и др., также наиболее свойственны худож. речи.

Примеры метонимии как слова или выражения, переносное значение которых основано на внешней или внутренней связи (смежности) двух предметов или явлений: *Ну, скушай же еще* ***тарелочку****, мой милый* (Крылов); *А в двери —* ***бушлаты, шинели, тулупы*** (Маяковский).

Синекдоха — это разновидность метонимии, основанная на перенесении значения с одного явления на другое по признаку количественного отношения между ними (часть вместо целого, ед. число вместо мн. числа или, наоборот, видовое название вместо родового или наоборот), напр.: *И слышно было до рассвета, как ликовал* ***француз*** (Лермонтов); *Мы все глядим в* ***Наполеоны*** (Пушкин).

Перифраза (парафраза) — оборот, состоящий в замене названия предмета или явления описанием его существенных признаков или указанием на его характерные черты, — широко используется, помимо худож., в публиц. речи: *корабль пустыни* (верблюд); *королева полей* (кукуруза); *царь зверей* (лев).

Для стилистики (особенно практической) и языковой практики более актуально расширенное понимание синонимии (оно характерно и для синонимических словарей): синонимы определяются по признаку взаимозаменяемости (возможности замены в определенном контексте). Кстати, об этом признаке как об основном для синонимии говорят Л.А. Булаховский, А.П. Евгеньева, Ю.Д. Апресян, Н.М. Шанский и др.; он оказывается основным методом вычленения синонимов на разных уровнях языка в стилистической литературе (*А.Н. Гвоздев*, *А.И. Ефимов*, *Д.Э. Розенталь* и др.). И это не случайно, т.к. стилистика имеет дело с функционированием языка в речи, в контексте; здесь основными функциями синонимов являются: функция замещения («чистого», уточняющего смысл, или с экспрессивно-стилистическим заданием). Именно возможность взаимозаменяемости (слов, форм, конструкций) согласуется с одним из основных принципов стилистики — принципом выбора. Так, на основании возможностей замены к грамматическим синонимам обычно относятся, напр., случаи использования одних времен глагола в значении других; форм одного лица или падежа в значении другого; разных по структуре конструкций для выражения близкого или тождественного в контексте значения и др.

Еще более широкое понимание синонимии свойственно стилистике худож. речи. Лексические синонимы бывают смысловые (идеографические) и стилистические. Первые могут рассматриваться как одно из стилистических средств языка. Когда говорят о качествах стиля речи в элементарном плане речевой культуры, то учет смыслоразличительных свойств синонимов оказывается весьма существенным. Однако центральными ресурсами стилистики в синонимии языка являются стилистические синонимы, которые при большой близости или тождественности значения различаются стилевой окраской и сферой употребления *(будущий — грядущий, вверх — ввысь, знамя — стяг, сообщить — уведомить, лицо — лик, бить — лупить)*. Стилистические различия обычно сопро-

вождаются и некоторыми смысловыми оттенками. Т.о., разделение синонимов на идеографические и стилистические оказывается несколько условным. Речь идет здесь скорее о преобладании того или иного признака в словах синонимического ряда. Ср. ставший хрестоматийным пример: *А у Ули глаза были большие, темно-карие,* ***— не глаза, а очи,*** в котором стилистическим различиям синонимов сопутствуют смысловые (качественные, оценочные), подчеркнутые противопоставлением.

Стилистические окраски слов-синонимов становятся очевидными на фоне нейтрального в стилистическом отношении слова, в качестве которого выступает обычно доминанта синонимического ряда.

Традиционно различаются синонимы с повышением (приподнятостью) стиля: *родина — отчизна, лоб — чело, жаждать — алкать, говорить — вещать* и с понижением (прозаичностью, фамильярностью): *лицо — рожа, рваный — драный, украсть — стибрить, ходить — шляться.* Нередко одной и той же нейтральной доминанте соответствуют одновременно два стилистических ряда — с повышением стиля и с понижением.

Обычно синонимы стилистически «возвышенной» окраски черпаются из фонда книжной лексики с оттенками торжественного, риторического, поэтического характера. Сниженный же стилистический ряд формируется из слов разговорно-просторечных, жаргонных, профессиональных, даже диалектных, преимущественно с оттенком фамильярности, с экспрессией иронии, пренебрежения, неодобрения. Но могут быть и оттенки ласкательности, сочувствия и т.д. как выражение не только отрицательных, но и положительных оценок. Генетической основой первых (с повышением стиля) являются нередко славянизмы и слова иноязычного происхождения, вторых (с понижением), как отмечено, нелит. фонд в основном рус. и отчасти иноязычного происхождения. В целом весь представленный стилистический аспект синонимии можно назвать аспектом экспрессивно-эмоциональных окрасок.

Кроме того, стилистические различия синонимов определяются сферой их употребления, прежде всего соответствием тому или иному функц. стилю. Эти различия определяются также по сравнению со стилистической нейтральностью доминанты синонимического ряда, представляющей общеупотребительные слова.

Использование синонимов в различных функц. стилях неодинаково: в одних — широкий простор для синонимии (худож. речь), в других возможности образования и использования синонимов чрезвычайно ограниченны (оф.-дел.). Это связано с задачами общения в той или иной сфере, а также и с др. экстралингвистическими факторами.

Так, для оф.-дел. (особенно законодательной) речи характерно стремление к предельной точности выражения (недопустимости инотолкования) и терминированности. А термины, как известно, однозначны, и им обычно не свойственна синонимия. Это приводит к ограничению использования синонимов и даже отказу от них в этой сфере, поскольку синонимы почти всегда привносят в речь изменение оттенков смысла.

Примерно та же картина в науч. речи, т.к. и ей свойственно стремление к наивысшей точности выражения и терминированности. Синонимия в принципе не характерна для науч. речи, хотя она здесь представлена более широко, чем в речи деловой.

Совсем иное наблюдается в публицистике, особенно в газете. Нацеленность на экспрессию выражения, стремление разнообразить речь, избегая надоедливых повторений, естественно, приводят публицистов к использованию всех возможных ресурсов синонимии. Кроме того, в качестве синонимов к общеупотребительным словам и терминам изобретаются все новые и новые контекстуальные синонимы, разнообразные перифразы (*нефть — черное золото; врачи — люди в белых халатах; медицинская помощь — служба здоровья* и т.д.). Нередко в пределах одного текста выстраивается целый синонимический ряд (он может состоять не только из лексических единиц, но и фразеологизмов и перифрастических оборотов речи): *река — водная магистраль, голубая артерия, водная трасса; лес — зеленый друг, зеленое золото, зеленый наряд, зеленое ожерелье, зеленая зона, зеленый пояс, зеленый щит; небо — голубой океан, космические дали*. Заметим, что синонимия здесь довольно условна, узко контекстуальна.

Разг.-бытовой сфере синонимия не противопоказана. Однако использование ее зависит в очень сильной степени от индивидуальности говорящего и потому подвержено большим колебаниям. В целом в силу неподготовленности (спонтанности) речи синонимия для этой области общения не очень характерна. Впрочем, если брать разг. речь широко (с учетом просторечия, жаргонов, профессиональных сфер), то в ней обнаруживаются весьма яркие, экспрессивные и в то же время многоэлементные и нередко многостильные синонимические ряды (*украсть, стибрить, слямзить; умереть, сковырнуться, дать дуба, почить, сдохнуть*).

От синонимии принципиально отличается п а р о н и м и я (от греч. parά — около и ónyma — имя) — явление частичного звукового сходства слов (паронимов) при их полном или частичном семантическом различии. Структурное сходство П. обусловливает их известную смысловую соотносительность (*надеть — одеть, советник — советчик, командированный — командировочный*). Однокорневые слова, относящиеся к одной части речи, образуют паронимические ряды. При сопоставлении П. акцент делается на их семантических различиях, влияющих на сочетательные возможности слов.

В рус. языке имеется немалый фонд слов с устойчивой эмоционально-экспрессивной окраской. Оттенки этой окраски обусловлены тем или иным отношением к называемому явлению и чрезвычайно многообразны: иронический, неодобрительный, презрительный, ласкательный, торжественно-приподнятый и др. Характер окраски может видоизменяться в зависимости от контекста и речевой ситуации. Напр., ласкательная лексика выражает неодобрение: *Что же это ты, **батенька,** промолчал?!* Однако важно то, что та или иная эмоционально-экспрессивная окрашенность у слова при этом остается; за исключением, может быть, очень

редких случаев — специальных контекстов нейтрализации окраски. Выразительные же качества слова позволяют зачислять его в языковой фонд стилистических средств.

Что создает эту окрашенность и почему она так устойчива? Экспрессивно-эмоциональная окраска у слова возникает в результате того, что само его значение содержит элемент оценки. Функция чисто номинативная осложняется здесь оценочностью, отношением говорящего к называемому явлению, а следовательно, экспрессивностью (обычно через эмоциональность). Такие слова, как *губошлеп, разгильдяй, горлодер, брюзга, пустомеля, мазила, кликуша, властелин, всемогущий* и т.п., уже сами по себе, в своей семантике несут экспрессивно-эмоциональный заряд и потому являются стилистически окрашенными. Слова этой группы обычно однозначны; заключенная в их значении оценка настолько явно и определенно выражена, что не позволяет употреблять слово в других значениях.

Эта лексика используется преимущественно в устно-фамильярной, сниженной речи: *лентяй, беспардонный* и т.п. — либо, напротив, в книжно-торжественной: *дерзновенный, стяг, всемогущий* (последние слова иногда употребляются иронически).

Вторая группа — это многозначные слова, которые в своем прямом значении обычно стилистически нейтральны, однако в переносном значении наделяются яркой оценочностью и экспрессивной стилистической окраской. Эти слова можно условно назвать ситуативно-стилистически окрашенными. Ср., напр.; *дуб* (о человеке), *тряпка* (о мужчине), *болото* (об общественной группе), *баба* (о мужчине); о человеке*: слон, медведь, орел, ворона* и т.п.

Третью группу составляют слова, в которых эмоциональность, экспрессивность и вообще стилистическая окрашенность достигаются аффиксацией, большей частью суффиксами: *мамочка, грязнулька, бабуля, солнышко, цветочек* и т.п. Однако это явление не столько собственно лексическое, сколько словообразовательное.

Выделяется и четвертая группа, точнее, подгруппа в первом разряде слов. Она состоит из таких лексических единиц, в которых оценочность и экспрессия связаны с традицией употребления и сопутствуют ей. Именно последнее видоизменяет значение слова или отражается на нем: *вития* (оратор), *вещать* (говорить, провозглашать), *взывать* (обращаться), *предвосхитить, благой* (хороший, заслуживающий одобрение), *дерзать* (стремиться), *глашатай, провозвестник*. Семантический сдвиг по сравнению с нейтральным синонимом незначителен, порой еле уловим. Стилистическая высокость, торжественность, риторичность таких слов обусловлена традицией их употребления преимущественно в письменной речи. В связи с этим присуща и некоторая оценочность: обычно значение интенсивности положительного качества.

Многообразные оттенки эмоционально-экспрессивной окраски принято делить на два больших разряда: с положительной и с отрицательной (негативной) оценкой. Среди положительных оттенков выделяются,

напр., торжественный, возвышенный (*воздвигать, восхотеть, водрузить, изведать, чаяния, грядущий, дерзновенный, нерушимый, воистину*), близкий к ним риторический (*вопиять, возвещать, кара, держава, властелин, зиждитель*) и возвышенно-поэтический (*лучезарный, блистательный, горделивый*) — это оценки общие и собственно экспрессивные. Эмоциональная оценка преобладает в словах одобрительных (*прекрасный, изумительный, благородный, грандиозный*), ласкательных (*заинька, мамочка, куколка, мой ангелочек, золотце мое*); шутливых (*ерундистика, чепуховинка*).

Негативные оттенки еще более разнообразны: неодобрительные (*критикан, выродок, брюзга, картежник, гулена*); презрительные (*зубрила, ищейка* — о человеке, *балаболка, балбес*); укоризненные (*бесстыдник, бедокурить*); иронические (*вздыхатель, великовозрастный, выдворить*); пренебрежительно-фамильярные (*белобрысый, выскочка, злопыхатель, иностранщина, заваль*); бранные (*безмозглый, гад, выдра* — о женщине, *барахло — о* человеке) и др. Эти нюансы нередко с трудом уловимы, к тому же изменчивы: и исторически, и в зависимости от контекста. Однако при возможном изменении оттенка общая эмоционально-экспрессивная окраска у этих слов, как правило, всегда присутствует.

К функц.-стилистически окрашенной лексике относятся прежде всего слова, наиболее или исключительно употребительные в той или иной речевой сфере, соответствующей одному из функц. стилей. Традиция употребления, прикрепленность к определенной речевой сфере приводят к появлению у этих слов функц.-стилистической окраски.

I. Лексика науч. стиля. Прежде всего окраской этого функц. стиля обладают узкоспециальные термины и общенаучная терминология. С точки зрения эмоционально-экспрессивной, эта лексика нейтральна; ее иногда называют «сухой». Отчасти это происходит потому, что слова-термины, как правило, не имеют синонимов и выражают по возможности точно и однозначно понятия. В силу этого и главным образом по причине таких специфических черт научного стиля, как его общая отвлеченность и обобщенность (т.е. в известном смысле та же понятийность), терминологическая лексика необразна и безэмоциональна. Но, разумеется, было бы неверно утверждать, будто научная терминология вообще лишена какой бы то ни было стилистической окраски. Эта лексика ограничена сферой своего употребления; таким образом, она не нейтральна с точки зрения функциональной. Терминология чрезвычайно типична как раз для научной сферы общения и широко употребительна именно в ней. При использовании в других сферах (напр., худож., публиц.) она, как правило, изменяет свою функцию, а нередко и семантику, т.е. переосмысляется и получает различные эмоционально-экспрессивные оттенки, что генетически ей не свойственно. Если, напр., устно-разговорная речь, даже при специальной теме разговора, неумеренно насыщается терминологией, то такая речь сейчас же начинает квалифицироваться как неестественная, книжно-научная, наукообразная. В этом случае говорящие чувствуют ее стилистический (именно стилистический!) сдвиг,

и как раз в сторону науч. стиля, а не какого-либо другого. Терминология вносит в речь оттенок научности.

Заметим, что слова с функц.-стилистической окраской (в особенности представляющие такие стили, как науч. и оф.-дел.) по сравнению с эмоционально-экспрессивно окрашенными отличаются строгой системностью, устойчивостью их «частной» стилистической окраски, более четкой ограниченностью сферы их употребления. Ограничительные требования нормативно-стилистического характера здесь весьма жестки: несоблюдение их ведет к болезням речи: «канцеляриту», «наукообразности» и т.п.

Системность науч. терминологии очевидна: термин может быть понят и определен именно в системе данной терминологии. Отсюда — функц. ограничения при его употреблении. Помимо общенаучной терминологии (используемой в ряде наук, группе наук, всех науках), которая проникает в другие функц. стили, существует и узкоспециальная терминология отдельных наук: термины химии, физики, математики, языкознания и т.д. Если первая несколько менее ярко функц.-стилистически окрашена, то узкоспециальная терминология обладает более сильной функц.-стилистической окраской: использование ее в непривычной сфере не только затрудняет понимание, но и с очевидностью приводит к неприятию самого факта ее употребления в данной сфере.

Примеры науч. лексики. ***Общенаучная****: дифференцировать, классификация, функция, синхронный, диалектика, аномалия, дискуссионный, апробация, аргумент, интерпретация, дефиниция, монография.* ***Узкоспециальная****:* термины химии— *фильтрат, окись, молекула, полиэтилен, полимер, гидрат, кальций, температура кипения, реторта, колба, раствор, хлорметилен, окисление, концентрация;* математики — *дифференциал, интегрирование, вектор, гипотенуза, уравнение, катет, логарифм, многочлен, вычисление, теорема, делитель;* языкознания — *диалектология, этимология, орфоэпия, синоним, омоним, суффикс, аффиксация, аббревиатура, фонема, лабиализованный.*

II. Лексика оф.-дел. стиля отличается с точки зрения экспрессивно-эмоциональной особенной официальностью и «сухостью», которые и привносит в речь. В отличие от науч. лексики она обладает не только функц.-стилистической, но и сопутствующей ей своего рода квазиэмоционально-экспрессивной окраской, точнее, значительной долей антиэмоциональности, недопустимостью даже намека на эмоцию и присутствием оттенка официальности.

Лексика с этой окраской ярко системна, как и научная терминологическая, она четко нормативно ограничена сферой своего применения. Использование именно этой лексики (канцелярской, как ее называют) не только нежелательно, но и недопустимо в разг. речи без особой стилистической мотивировки. Весьма ограниченным должно быть ее использование и в публиц. речи, а в худож. она может быть употреблена лишь в качестве средства стилизации и в других эстетических целях.

Оф.-дел. лексика, очевидно, обладает неодинаковой силой функц.-стилистической окраски и в связи с этим разной степенью допустимос-

ти в речи. Вопрос этот, к сожалению, пока не разработан. Самый приблизительный и общий анализ оф.-дел. лексики позволяет выделить следующие ее разновидности. Прежде всего оф.-дел. терминология, не имеющая синонимов в общеупотребительной лексике. Этот пласт слов содержит, с одной стороны, широко известную и употребительную лексику, необходимую для разговора или письма на соответствующие темы: *закон, конституция, паспорт, декрет, юрисконсульт, следователь, прокурор, постановление, заявление, протокол, свидетель* и т.д. Эти слова-термины в силу широкой употребительности несколько детерминологизировались, приобрели всеобщий характер. В отношении собственно стилистическом они хотя и сохраняют оттенок официальности и указание на определенную сферу общения, однако заметно обнаруживаемой стилистической окраски и отрицательного нормативно-стилистического тонуса не имеют. С другой стороны, выделяется группа узкоспециальной юридической терминологии: *санкция, правопорядок, истец, ответчик, кодификация, расследование.* Эти термины, как и узконаучные, имеют яркую функц.-стилистическую окраску и узкое применение — лишь в специальной сфере.

Кроме терминов, выделяются слова, которые обычно именуются канцеляризмами. Это общеизвестная лексика (обычно нетерминологическая), которая обладает, помимо функц.-стилистической окраски, своего рода экспрессивной окрашенностью. Такие слова как будто даже получают эмоциональный «призвук»: архаичная официальная торжественность некоторых из них вызывает то или иное к себе отношение, оценку. Именно этих слов следует избегать, особенно не в деловой речи. При обучении же языку нужно указывать на нежелательность и большей частью недопустимость этих слов в речи. Примеры: *нижеподписавшийся, вышеозначенный, нижеозначенный, поименованный, взимать, возыметь действие, податель сего, запротоколировать, наличествовать, истребовать, удостоверять* и т.п. Строго мотивировано содержанием и сферой речи должно быть употребление слов *клиент, пациент, наниматель, владелец, доверитель, лицо, получатель, отправитель, накладная, докладная, вакантный, конфискация, потерпевший, форма №, повестка* и т.п. Одно из ярких стилистических средств оф.-дел. речи — особые служебные слова. Это сложные позднего происхождения отыменные предлоги (***согласно*** *постановлению,* ***в соответствии*** *с уставом,* ***касательно*** *состояния дел,* ***вследствие*** *невыполнения,* ***по линии*** *месткома,* ***в случае*** *несвоевременной оплаты,* ***в деле*** *реорганизации,* ***по вопросу*** *хранения,* ***ввиду*** *неявки*) и союзы (***а равно*** *руководящие лица;* ***а также*** *прокуроры республики;* ***в силу того*** *что условия не выполнены*). Употребление их вне текстов законодательных актов и деловых бумаг весьма нежелательно. Лишь отчасти эти единицы допустимы в науч. речи.

III. Лексика публиц. стиля. В многочисленных стилистических исследованиях, основанных на анализе конкретного материала, а также в словарях обычно выделяется специальная публиц. лексика и фразеология. Однако некоторыми учеными высказывается мнение об отсутствии таковой. Действительно, в связи со значительно возросшей ролью таких видов массовой коммуникации, как газета, радио, телевидение, они

оказывают все большее влияние на язык других сфер общения. Происходит некоторое стирание граней между стилями, и публиц. лексика в известной степени утрачивает стилевую специфичность. Тем не менее язык публицистики сохраняет определенные отличия: в нем выделяется особая публиц. лексика, стилистическая окраска которой ощущается говорящими, эта лексика имеет в ней высокую частоту употребления.

Традиционно публиц. словами, напр., считаются: *нигилист, маниловщина, обломовщина, двурушник, соглашатель, капитулянт, администрирование* и др. Все это слова, сопровождающиеся экспрессивно-эмоциональной окраской.

К публиц. лексике как лексике, особым образом функц.-стилистически окрашенной, относятся две группы слов. В первую входят специальная публиц. терминология, в том числе газетная: *интервью, репортаж, информировать, хроника, корреспонденция, заметка, комментатор, обозреватель* и т.п. — и общественно-политические термины, широко употребительные в газете: *дискриминация, сегрегация, геноцид, неоколониализм, антагонизм, неофашист, агрессия, акция, ратификация* и т.п. (первый разряд слов этой группы не обладает дополнительной экспрессивно-эмоциональной окраской, второму она отчасти свойственна).

Вторую группу составляют ярко оценочные и потому эмоционально окрашенные слова — не термины: *захватнический, обуржуазиться, плутократия, пресловутый* и т.п. Есть здесь слова и без особо ярко выраженной сопутствующей эмоциональной окраски: *климат* (обстановка), *микроклимат, потепление* (в отношениях государств), *натовский, проатлантический, ультра* и т.п. Для всех этих слов характерно то, что они обладают высокой частотой повторяемости в публиц. литературе, а употребление их в других сферах придает речи публицистичность.

IV. Вопрос о функц.-стилистической окраске лексики, представляющей худож. речь, сложен, потому что худож. литература, в особенности современная (в том числе поэзия), отражает все многообразие жизни человека. В худож. текстах используются самые разнообразные пласты словаря, и определить специально узкохудожественный разряд слов не так-то просто. Для литературы XIX в. это были так называемые поэтизмы, слова с особым стилистико-поэтическим ореолом, наиболее часто встречающиеся именно в худож. (у́же — стихотворно-поэтической) речи как ее неизменные приметы. Применительно к современной литературе о такой лексике говорить затруднительно. Вместе с тем необходимо учесть, во-первых, то, что лексика, типичная для иных функц. стилей (разного рода терминологическая), нехарактерна для худож. речи и используется в ней в измененной стилистической функции (именно как неспецифическая для худож. речи); во-вторых, что существует лексика, наиболее употребительная именно в художественной сфере общения и неупотребительная или чрезвычайно редко употребляемая в других функц. стилях (и опять-таки в измененной функции). В связи с этим появляется возможность определить круг худож.-поэтич. лексики, которая обладает функц.-стилистической окраской. Правда, численно это небольшой фонд слов. Сердцевину его составляет традиционный пласт лексики поэтичес-

кой, отмечаемой в словарях пометами «поэтическое», «народно-поэтическое», кроме того, отчасти «высокое», «торжественное», «риторическое», «книжное», а также «архаическое», «старославянское».

По традиции названия определенного круга предметов и явлений считались в XIX в. и сейчас еще считаются поэтическими. До настоящего времени сохраняют колорит поэтичности слова, не характерные для других стилей, кроме худож.

Особый круг составляет народно-поэтическая лексика, пришедшая в литературное употребление из языка устной народной поэзии: *горюшко, буйная головушка, лебедушка, голубушка, красная девица, добрый молодец, зелье, кручина, пригожий, родимый, лазоревый, бесталанный, погожий* и др. Те или иные из названных слов, конечно, могут употребляться и в других сферах общения, особенно в публиц. и отчасти в разговорной.

Слова, которые используются преимущественно в письменных и устных функциональных вариантах книжной речи (см. статью в энциклопедии «Русский язык». — М., 1979, с. 112) — художественных, публицистических, научных, официально-деловых текстах, составляют книжную лексику, которая группируется главным образом в такие предметно-тематические объединения, как: общественно-политическая лексика (*агитация, государство, отечество* и т.п.); научная и научно-техническая терминология (*письменность, словесность, языкознание, география, летальный* и т.п.); общенаучная лексика (*анализ*, *синтез, методология, принцип, параметр, теория* и т.п.); официальная лексика, включающая в себя словарь делопроизводства, юридическую, дипломатическую лексику (*приказ, благодарность, выговор, служебный*, *кодекс, статус, договор* и т.п.).

Среди книжных слов есть многочисленная группа общекнижной лексики, по происхождению связанной с той или иной специальной терминосферой: *абстракция, амплитуда, информация, исчерпывающий, параллельный, результативный, элементарный* и т.п. Внутри книжной лексики наблюдаются перемещения: часть слов претерпевает семантические изменения в результате расширительного и переносно-метафорич. употребления.

Лит.: Щерба Л.В. Избр. работы по русскому языку. — М., 1957; Винокур Т.Г. Стилистическое развитие совр. русской разговор. речи // Развитие функц. стилей совр. рус. языка. — М., 1968; Русский язык и советское общество: Соц.-лингвистич. исследование. Лексика совр. рус. лит. языка. — М., 1968; Виноградов В.В. О взаимодействии лексико-семантич. уровней с грамматическими в структуре языка // Мысли о совр. рус. языке. — М., 1969; Его же: Лексикология и лексикография // Избр. труды. — М., 1977; Его же: Очерки по истории рус. лит. языка XVII—XIX вв.— 3-е изд. — М., 1982; Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. — М., 1974; Бельчиков Ю.А., Панюшева М.С. Трудные случаи употребления однокоренных слов рус. языка. — М., 1968; Вишнякова О.В. Паронимы совр. рус. языка. — М., 1981; Петрищева Е.Ф. Стилистически окрашенная лексика рус. языка. — М., 1984; Бельчиков Ю.А. Лексическая стилистика: проблемы изучения и обучения. — М., 1988; Винокур Г.О. О языке худож. литературы. — М., 1991; Алексеева Л.М. Термин и метафора. — Пермь, 1998.

М.П. Котюрова

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ МОРФОЛОГИИ И СЛОВООБРАЗОВАНИЯ (грамматическая стилистика) — это 1) средства морфологии и словообразования, дающие говорящему возможность наиболее целесообразного выбора и использования морфологических и словообразовательных синонимов и вариантов в соответствии с целями и задачами общения, а также функционально-стилистической принадлежностью текста, его стилевым назначением; 2) раздел стилистики, изучающий стилистические ресурсы морфологии и словообразования.

Морфологические средства, с точки зрения их стилистической значимости, подразделяются на явления морфологической синонимии и функц.-речевые морфологические средства, тяготеющие к определенному функц. стилю. По мнению А.М. Пешковского, одним из первых давшего тонкий анализ стилистических ресурсов морфологии, синонимические ресурсы морфологии в русском языке довольно ограниченны и касаются в основном некоторых падежных вариантов типа *сыра — сыру, в лесе — в лесУ, аптекари — аптекарЯ* и т.п. (1930, с. 153). Мнение о том, что в области морфологии менее всего стилистических показателей, что морфология вследствие этого — нестилеобразующий ярус языка, поддерживается некоторыми исследователями (напр. А.Н. Гвоздевым, А.И. Ефимовым и др.).

Действительно, если отвлечься от функционирования морфологических средств, тяготеющих к определенному функц. стилю, то морфолого-стилистическая парадигматика, по сравнению с лексико-стилистической, не играет сколько-нибудь значительной роли в стилистической системе языка. Это некоторые падежные варианты, различающиеся функц.-стилистической окраской (разговорной, книжной) на фоне нейтральных средств и обусловленные устной или письменной формой речи, той или иной сферой общения, традицией употребления. Напр., характерными для разг. речи (и даже просторечия) являются синонимические варианты: им. множ. числа существительных 1-го склонения (*инженерА, токарЯ, шоферА, договорА*); род. ед. числа вещественных и собирательных существительных с партитивным значением (*дайте немного сахару, меду, чаю; чайку, медку, сахарку*), род. мн. числа с нулевым окончанием существительных 1-го склонения (*помидор, апельсин, абрикос; гектар, грамм, ватт*) и нек. другие. В некоторых случаях в последнее время здесь наметились стилистические сдвиги в окраске: партитив без изменения смысла высказывания может быть заменен род. падежом (ср.: *ложка сахару — ложка сахара, килограмм меду — килограмм меда*).

Стилистико-морфологические пары встречаются также в глагольных формах (*боюсь — боюся, плетусь — плетуся*), а также в деепричастиях сов. вида (*сказав — сказавши, взяв — взявши*) с разг.-просторечной окраской вторых членов пар, тогда как первые принадлежат книжно-письменной речи. Некоторые варианты отличаются более экспрессивным характером (напр. синтетические и аналитические формы превосходной степени прилагательных типа *самый сильный — сильнейший, самый детальный — детальнейший*); вторые члены пар, часто будучи фразеологизированны-

ми (ср.: *мельчайшие подробности, злейший враг, добрейшая душа*), менее употребительны сравнительно с первыми.

Однако стилистическая характеристика морфологии не может ограничиваться только явлениями стилистической синонимии. К С. р. м. относятся морфологические средства с определенной функц.-стилистической окраской. Напр., наст. вневременное глагола широко используется в науч. стиле (ср., напр., *Углерод* ***составляет*** *количественно самую важную часть растения*); наст. момента речи более характерно для языка худож. литературы и разговорной речи; для деловых текстов — наст. долженствования (напр. *По договору мены* ***производится*** *обмен*). Переносное употребление форм наст. времени с учетом сферы их использования способствует проявлению ведущей функции того или иного стиля.

Функц.-стилистическая специализация средств морфологии выражается, во-первых, в степени частоты употребляемости тех или иных грамматических форм и категорий в разных функц. стилях и, во-вторых, в связи значений грамматических форм с тем или иным функц. стилем, с его спецификой.

К С. р. м. могут быть отнесены некоторые формы и категории существительного. Так, категория рода небезразлична для функц. стиля: в оф.-деловых и научных текстах ср. род, как особо отвлеченно-обобщенный по своему значению, является наиболее употребительным. Более редки существительные ср. рода в разг. и худож. речи. В стихотворной речи род выступает как признак пола благодаря олицетворению. В оф.-дел. речи предпочтительнее употребление форм муж. рода для обозначения лиц жен. пола (*лаборант Иванова, кассир Петрова*), а в разг. речи — жен. рода (*лаборантка, кассирша*).

Использование форм мн. числа веществ. и отвлеченных существительных характерно для науч. стиля, а также для профессиональной речи (*глубины, климаты, освещенности, яркости, высадки*). Ср. особую экспрессию высказывания, связанную с употреблением в разг. речи формы мн. числа в значении единственного (*И чему тебя там в ваших университетах учат?*).

Ед. число имен существительных употребляется в обобщенно-собирательном значении в науч. речи (***Сосна*** *растет на хорошо дренированных почвах*); весьма характерно такое употребление и для публиц. речи (*Что волнует* ***зрителя?***; *Производить то, что нужно для* ***потребителя*****),** а также для разговорной речи, напр., ***Ягода*** *в этом году хорошо уродилась.* ***Рыба*** *сегодня плохо клюет.*

Формы имен прилагательных также имеют определенное тяготение к той или иной сфере общения: обычно отмечается синонимия полных и кратких форм прилагательных, синонимия и дублеты кратких форм, синонимия степеней сравнения. Формы степеней сравнения стилистически значимы: простая форма компаратива имеет нейтральную стилистическую окраску, соответственно — употребительна в текстах любой функц.-стилевой сферы речи. Сложная же форма тяготеет к книжной речи, употребляется в научной и дел. речи (напр., ***Более высокое*** *содержание углерода*).

Иное соотношение у простой и сложной форм превосходной степени. Простая форма носит несколько книжный характер (*глубочайший, теснейший*), часто имеет экспрессивные значения (см. выше), тогда как сложная более нейтральна (ср. *самый глубокий, самый тесный*), отсюда — общеупотребительна.

Синонимия полных и кратких форм прилагательных возможна в предикативной функции, при этом они отличаются семантически: полная форма, как правило, выражает признак постоянный (*Больная мать*), а краткая — временный (*Мать больна*). Однако в науч. речи широко употребительны краткие формы, обозначающие постоянные свойства, качества предмета (*Музыкальные звуки* ***сложны;*** *Глаз особенно* ***чувствителен;*** *Клетки* ***бедны*** *протоплазмой*). Для деловой речи характерны краткие формы со значением долженствования, или предписания (*Голосование* ***должно*** *производиться по каждой кандидатуре; Вызов экспертов* ***обязателен;*** *Суд* ***обязан*** *разрешать дела на основании законов*).

Личные местоимения в основном стилистически нейтральны, однако определенную функц.-стилистическую окраску они имеют (напр., местоимения 1-го и 2-го л. почти отсутствуют в офиц.-дел. речи, напротив, преобладают в разговорной). В определенных речевых ситуациях возможна транспозиция их форм: в науч. речи широко используется так наз. «авторское мы» (в значении 1 лица ед. числа — автора), напр.: *Во второй главе* ***мы*** *уже говорили об этом.* Неупотребительная для науч. речи форма 1-го л. ед. числа (во избежание нескромности) широко используется в разг. стиле; в некоторых жанрах дел. речи, напр., в приказах, служебных письмах, **я** опускают, что придает высказыванию категорический характер (ср.: *Приказываю, Утверждаю*). Ср. также пропуск местоимения 1-го л. мн. числа в служебных документах (*Доводим до Вашего сведения...; Ставим в известность о том, что...; Информируем...*).

Такая емкая, конструктивная и гибкая часть речи, как глагол, особо богата синонимическими возможностями и имеет широкий диапазон стилистических и экспрессивных оттенков, что обусловливает возможность выбора и употребления глагольных форм и категорий в той или иной сфере общения.

Личные формы глагола богаты синонимикой, возможностями транспозиции форм, что помогает выражению экспрессивных оттенков. Так, форма 2-го л. ед. числа в обобщенно-личном значении (вместо 1-го л. ед. числа) тяготеет к сфере худ. и разг. речи. Ср.: *Иной раз* ***думаешь, думаешь*** *— что только в голову не придет!* Специфично для разг. речи использование формы 3-го л. ед. числа вместо 1-го л. ед. числа, напр.: *Не хочу я, тебе* ***говорят!*** Экспрессивны также формы 3-го л. ед. числа, употребленные вместо 2-го л. ед. числа, характерные также для разг. речи, напр.: *Ну что ты тянешь время? Все уже ушли, а он* ***сидит*** *и идти не* ***думает.***

Обезличенный характер дел. речи вызывает почти полное отсутствие личных местоимений 1-го и 2-го лица и соответствующих форм глагола, кроме жанра заявления, где используется 1-е л. (*Прошу разрешить...*), а также жанра приказа (*Приказываю...*).

К С. р. м. относятся многочисленные случаи переносного употребления временны́х форм глагола, причем характерно то, что различные временны́е формы тяготеют к той или иной сфере общения, кроме того, важна также частотность их употребления.

Т.о., в противоположность первоначальным представлениям исследователей, морфология имеет широкий круг стилистических средств.

О синонимии таких морфолого-синтаксических средств, как предлоги и союзы, см. *Стилистические ресурсы синтаксиса.*

Словообразовательные средства рус. языка также обнаруживают свою специфику в различных функц. разновидностях речи.

Так, для науч., офиц.-дел. и публиц. стилей характерны аффиксальные способы словообразования и словосложение, что «способствует максимальному сохранению мотивирующей основы и потому «прозрачности» структуры слова» (Виноградова В.Н., 1984, с. 180). В книжной речи продуктивны существительные с суф. *-(е)ниј(е)*, *-тиј(е)*, *-ациј(я)*, *-ость*, *-изм* со значениями отвлеченного действия или качества (*отслоение, взятие, космизация, отчужденность, аскетизм* и др.); с приставками *анти-*, *де-*, *дис-*, *контр-*, *сверх-* (*антивещество, дегуманизация, дисбаланс, контраргументы, сверхпроводимость* и др.). Из глаголов здесь активны производные с суф. *-ова(ть)*, *-изовать(ть)*, *-ирова(ть)*, *-изировать(ть)*, *-ствова(ть)*, напр.: *объективировать, поляризовать, фетишизировать, резонерствовать* и др. Во всех разновидностях книжной речи продуктивно образование сложных слов, совмещающих значения родового и видового признака, что особенно важно для терминологии, напр.: *грозозащита, засухоустойчивый, местопребывание.*

В разг. стиле выделяются специфически разг. средства, не используемые в книжной речи: усечения (*препод, неуд, член-корр, зав, наив, фанат, экстрим* и др.); существительные с суф. *-к(а)*, *-ух(а)*, *-ач*, *-ик*, *-ник* (*неотложка, чернуха, строгач, глазник* и др.); глаголы с суф. *-нича(ть)*, *-ану(ть)*, а также с приставками *вы-*, *на-*, *от-*, *раз-*, *до-*, *из-*, обозначающими интенсивность действия (*умничать, штрафануть, разохаться, избегаться, нарадоваться* и др.). Кроме того, здесь широко употребительны наименования лиц жен. пола типа *комендантша, врачиха, депутатка, математичка*, а также экспрессивно-оценочные слова с суф. *-ун*, *-ак(як)*, *-к(а)*, *-л(а)*, *-(а)к(а)*, передающими одобрение, иронию, презрительность, уничижительность и др. значения в зависимости от ситуации высказывания, напр.: *драчун, здоровяк, гордячка, воротила, гуляка* и др.

В худож. текстах, с одной стороны, меньше мотивированных слов, чем в науч., офиц.-дел. и публиц. С другой — здесь актуализируется внутренняя форма слова путем необычности словообразовательной структуры и использования этой структуры для выражения образных значений (см. *Прием оживления внутренней формы слова*).

В связи с общей перестройкой языка современных СМИ, их демократизацией наблюдается активизация в образовании слов, отвечающих новым потребностям общества, а также окказиональных слов как экспрессивных элементов текста. Из элементов книжной речи особой про-

дуктивностью отличаются существительные на *-изация* (*украинизация, ваучеризация*) часто с приставками *де-*, *ре-* со значениями уничтожения, разрушения, отказа (*дерусификация, ремилитаризация*). Активизировалось использование приставок *пост-*, *после-*, обозначающих новый период в развитии (*постсоветский, послеавгустовский*), приставок *анти-* и *про-* (*антисоциальный, проамериканский*), приставок и префиксоидов *лже-*, *квази-*, *псевдо-*, *пара-*, *около-*, выражающих ложность, поддельность (*квазиденьги, паранаука, околопрезидентский*). Захлестнувшая СМИ стихия разговорной и жаргонной речи проявляется, в частности, в активности усеченных прилагательных и существительных (*неформал, межрегионал, эксклюзив, джины*), разговорных аббревиатур (*демроссы, гумпомощь*), в экспрессивном соединении разностилевых или разноязычных основы и аффикса (*диссидуха, гербалайфщик, имиджмейкерский*).

Сказанное позволяет сделать вывод, что словообразовательная система рус. языка располагает весьма богатыми стилистическими ресурсами.

Лит.: Пешковский А.М. Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики. — М.; Л., 1930; Его же: Русский синтаксис в научном освещении. — М., 1938; Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка. — М., 1965; Бондарко А.В., Буланин Л.Л. Русский глагол. — Л., 1967; Бондарко А.В. Вид и время русского глагола. — М., 1971; Кожина М.Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. — Пермь, 1972; Ее же: Стилистика русского языка. — 3-е изд. — М., 1993; Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики. — Горький, 1975; Барлас Л.Г. Русский язык. Стилистика. — М., 1978; Рахманин Л.В. Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов. — 2-е изд. — М., 1982; Виноградова В.Н. Стилистический аспект русского словообразования. — М., 1984; Ее же: О некоторых изменениях в стилистике русского языка // Stylistyka-7, 1998; Сенкевич М.П. Стилистика научной речи и лит. редактирование науч. произведений. — М., 1984; Голуб И.Б. Стилистика совр. рус. языка. — М., 1986; Розенталь Д.Э. Практич. стилистика рус. языка. — М., 1987; Губаева Т.В. Практический курс рус. языка для юристов. — Казань, 1990.

Н.В. Кириченко, Е.А. Баженова

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ СИНТАКСИСА (СИНТАКСИЧЕСКАЯ СТИЛИСТИКА) — стилистические возможности средств синтаксиса, их роль в порождении стилистически маркированных высказываний; способность синтаксических единиц выступать в качестве средств экспрессивно-стилистических, т.е. связанных с достижением выразительного эффекта высказывания (экспрессивный синтаксис), и функционально-стилистических, т.е. типичных для той или иной сферы функционирования языка и участвующих в создании определенной стилистико-речевой организации. Раздел стилистики, изучающий С. р. с., называют синтаксической стилистикой.

К С. р. с. могут быть отнесены некоторые особые случаи использования главных и второстепенных членов предложения, однородных чле-

нов, стилистически значимые структурно-семантические разновидности предложений, средства связи, порядок слов и некоторые др. синтаксические явления. Этим явлениям свойственна богатая синонимия. Напр., если для книжной речи (науч. и оф.-дел., отчасти публиц.) характерны сказуемые, выраженные фразеологическими глагольно-именными сочетаниями, то для разгов. и худож. — параллельные им односложные простые глагольные сказуемые (*принимает участие — участвует, дал ответ — ответил, произвели осмотр — осмотрели*). Яркий разг. характер имеет простое глагольное сказуемое, выраженное инфинитивом (*А он* ***бежать****; Она опять* ***кричать***. Ср. нейтр.: *Он бросился бежать; Она стала кричать*), глагольным междометием (*А он* ***прыг*** *в окно*), осложненное простое глагольное сказуемое с повторяющимися компонентами (*ждет-пождет, ждем не дождемся, знать не знает, удружил так удружил, лежмя лежит*). Некоторые виды связок именного сказуемого (*есть, является* и т.п.) типичны для книжной речи.

Использование ряда однородных членов — явление книжно-письменной речи, разговорной оно не свойственно. Писатели и публицисты употребляют однородные члены в различных стилистических функциях: от изобразительной (для подробного описания) или торжественно-приподнятой (в периоде) до юмористической (при намеренном объединении в качестве однородных членов разнородных понятий, напр.: *«****...Инженер и трус, буржуй и несимпатичный****, Василий Иванович Лисович...»* — Булгаков). Однородные члены широко употребляются, кроме того, в науч. речи, в описаниях свойств явлений, объектов исследования, а также в оф.-дел. текстах, где они обычно оформляются особым образом — с использованием нумерации.

К С. р. с. в сфере управления относится синонимия предлогов, напр.: ***относительно*** *поездки,* ***касательно*** *поездки* (книжн.) — ***насчет*** *поездки,* ***о*** *поездке* (нейтр.) — ***про*** *поездку* (разг.); ***по*** *окончании* (книжн.) — ***после*** *окончания* (нейтр.). Богата синонимия причинных предлогов; напр., в науч. текстах используется более десятка только отыменных предлогов, служащих для выражения различных оттенков причинных отношений: *вследствие, ввиду, в зависимости от, по причине, в связи с, в силу* и др. Яркую стилистическую окраску книжной речи (оф.-дел. и отчасти науч.) имеют отыменные предлоги позднего образования: *в деле, в области, по линии, по части* и т.п. Нередко они ведут к нежелательному отяжелению и «сухости» стиля высказывания. К использованию конструкций с подобными предлогами прибегают сатирики в целях стилизации и осмеяния канцелярской речи.

Книжный колорит привносит в высказывание употребление причастных и деепричастных оборотов, в отличие от соотносительных с ними придаточных предложений.

Особую экспрессию создает дистантное расположение обособленного определения или приложения относительно определяемого слова: *«****Овеян вещею дремотой****, полураздетый лес грустит»* (Тютчев); *«****Сыны любимые победы****, сквозь огнь окопов рвутся шведы»* (Пушкин).

Велико стилистическое значение порядка слов. И н в е р с и я (от лат. inversio — перестановка, переворачивание) — перестановка компонентов предложения, нарушающая их обычный порядок. Прямой порядок слов стилистически нейтрален, инверсированный же обладает экспрессией и потому оказывается стилистически значимым. Экспрессией обладает, напр., инверсия именного сказуемого (***Замечательный*** *сегодня вечер!*). Инверсия широко используется в худож. и публиц. речи.

Употребление структурно-семантических разновидностей предложений имеет обычно определенное тяготение к той или иной сфере общения. Так, в разг. речи, в отличие от книжно-письменной, распространены неполные предложения. Функционально маркированны многие односоставные предложения. Напр., безличные предложения, обозначающие явления природы или состояние человека (*Смеркается; Не спится*), используются почти исключительно в разг. или худож. речи. Обобщенно-личные предложения, выражающие суждения общего характера, свойственны народной речи (*Слезами горю не поможешь*). Инфинитивные конструкции составляют фонд разг. синтаксиса (*Нам завтра ехать; Скоро сдавать экзамен*), в то время как синонимичные им безличные предложения с модальными словами *необходимо, следует* и т.п. характерны для книжной речи (науч. и дел.). Побудительные инфинитивные предложения, напротив, несут на себе печать официальности (*Документы направлять в деканат; Утерянный диплом считать недействительным*). Сфера употребления номинативных предложений — в основном худож. речь и некоторые жанры публицистики, где данные конструкции выполняют особую функцию создания образной картины (*«Шепот, робкое дыханье, трели соловья, серебро и колыханье сонного ручья...»* — Фет).

Сложные предложения особенно частотны в книжной речи, что согласуется с такими ее чертами, как логичность, интеллектуальность. Наиболее книжным характером отличаются сложноподчиненные предложения, способствующие однозначному и подчеркнутому выражению логических связей, что особенно важно для науч. речи. Однако некоторые виды сложноподчиненных конструкций в большей степени свойственны другим функц. сферам. Так, в худож. текстах значительно выше, чем в науч., процент предложений с придаточными места и времени, поскольку они связаны с повествовательной манерой изложения, типичной именно для худож. произведений. Для разг. речи более характерно сочинение, а также присоединительные связи, что соответствует неподготовленности этой речи, необязательностью установления в ней строгих логических отношений.

Из союзных средств связи, кроме нейтральных общеупотребительных (*и, а, как, когда, пока, потому что, если* и мн. др.), одни характеризуются окраской книжности (*однако, между тем как, в то время как, тогда как, так как, поскольку, ибо, вследствие того что* и т.д.), другие — окраской разговорности (*да, да и, зато, покамест, потому как, даром что*). Архаичные союзы обычно выступают как разговорные (*ежели, коль, сколь*), но могут иметь и книжный характер (*дабы, затем что*).

Традиционно к С. р. с. относятся явления т. н. поэтического синтаксиса (анафора, эпифора, антитеза, градация, параллелизм и т.д.) и др. Это особые синтаксические приемы и поэтические фигуры, которые широко используются в худож. литературе и публицистике, но чрезвычайно редки в науч. речи и почти отсутствуют в оф.-дел. текстах.

К числу С. р. с. относятся, кроме того, некоторые специальные конструкции, функционирующие в речи как средства экспрессивного синтаксиса: неполные и эллиптические предложения, антиэллипсис, усечение, позиционно-лексический повтор, парцелляция (*А.Н. Гвоздев*, 1973; *П.А. Лекант*, 1974; *А.П. Сковородников*, 1981; *В.В. Бабайцева*, *Л.Ю. Максимов*, 1987; *Н.С. Валгина*, 1991). При этом экспрессивность синтаксиса понимается как отражение в предложении эмоциональных проявлений и волевых усилий говорящего; как средство логического усиления изобразительности, выразительности, оценочности — одним словом, прагматического потенциала высказывания; как способность синтаксической конструкции к акцентированному выражению образности и новизны мысли; а также как способность того или иного вида предложения реализовать в тексте определенное функц.-стилистическое значение, т.е. быть «закрепленным» за определенным стилем речи.

Неполные предложения — это синтаксические конструкции, допускающие пропуск одного или нескольких компонентов, известных или подразумеваемых из ближайшего контекста или ситуации; отсутствующими могут быть как главные, так и второстепенные члены предложения. Напр.: *Я разостлал бурку на лавке, казак свою — на другой* (Лермонтов). Во второй части предложения не названы глагол-сказуемое, объектное (*бурку*) и обстоятельственное (*лавке*) дополнение; *Калиныч стоял ближе к природе. Хорь же — к людям* (Тургенев). Во втором предложении пропущено сказуемое. Неполные предложения широко употребляются как в монологической речи (см. примеры), так и в диалогической: — *Вы давно приехали в Ялту? — Дней пять* (Чехов); — *Карета готова? — Выезжает* (Л. Толстой); — *Что, Петр, не видать еще? — спрашивал... барин лет сорока... — Никак нет-с, не видать* (Тургенев).

Структурная неполнота таких предложений коммуникативно обусловлена и восстанавливается из ближайшего контекста или ситуации общения. Причем именно пропуск понятных из контекста или ситуации слов делает такие конструкции более динамичными, содержательно емкими и, следовательно, более экспрессивными. В связи с этими особенностями неполные предложения в целом относятся к стилистически маркированным конструкциям, среди которых ситуативно неполные более характерны для худож. и разг. речи, контекстуально неполные — для всех типов речи, в том числе для науч. и оф.-дел. Контекстуально неполные предложения А.П. Сковородников называет общеупотребительными. В целом неполные предложения выполняют в разных стилях функции экономии (лаконизации) изложения, его оживления, интимизации, усиленного выделения, акцентуации повествования и др.

Эллиптические предложения, структурирующиеся на основе пропуска глагольного сказуемого, также обладают высокой степенью экспрессивности, ср.: *Вдруг меж дерев шалаш убогой* (Пушкин); *Я за свечку, Свечка — в печку* (Чуковский); *Ну как же тут быть? Я Максима — по лбу, я Варвару — за косу* (Горький); *Он за револьвер. — Застрелю!* (Фурманов) и др. Именно благодаря отсутствию глагольного сказуемого эллиптические предложения приобретают значение интенсивного (иногда даже стремительного) действия, выражаемого кратко, но емко. В силу этого такие конструкции наиболее типичны для худож., разг. и публиц. стилей, причем в последнем они реализуются, кроме общеупотребительных, и с помощью специфических для данного стиля структур лозунгово-рекламного характера, ср.: *В отпуск всей семьей! Работе — добросовестное отношение! Сдачу объекта — досрочно!* и т.п. Достаточно употребителен эллипсис и в более «строгом» стиле речи — оф.-дел., особенно в его канцелярском подстиле. Правда, экспрессивная семантика, свойственная эллипсису в других стилях, в этом случае приближается к нулевой: *Дирекция на совещании*; *Документы в папке*; *У студентов сессия*; *В здании капитальный ремонт* и др. Здесь можно говорить именно о функциональной экспрессии, связанной с выражением стилистически значимой семантики констатации, оповещения.

Для совр. науч. стиля эллиптические предложения практически не характерны, за исключением некоторых случаев описания (см. *Функционально-смысловые типы речи)*, где они чаще всего употребляются как окказиональные структуры (*Сковородников*, 1981, с. 33—34).

Антиэллипсис — стилистически значимая гиперхарактеризация, основанная на употреблении в высказывании плеоназмов и тавтологии. Антиэллипсис противоположен эллипсису, как речевая избыточность противоположна экономии. Антиэллипсис может быть контекстуальным и ситуативным, монологическим и диалогическим, ср.: *Ирине Викторовне хотелось бы забыть свой вопрос, но уже нельзя было его забыть* (Залыгин); — *Цепи дашь — поеду. — Нету цепей. — Есть цепи!* (Белов). Сферой регулярного и полифункционального использования антиэллипсиса являются три стиля: худож., публиц. и разгов. Оф.-дел. и науч. стилям антиэллипсис в принципе не свойствен. Его спорадическое появление в текстах этих стилей связано с логико-информативным, а не с эмоционально-экспрессивным заданием.

В типичных для него стилях антиэллипсис выполняет различные функции: сигнализирует о «логизированном» типе речи, организует речь в интонационно-ритмическом отношении, усиливает значения противопоставления, уточнения, наглядно-образного представления, субъективно-личного начала повествования, актуализирует сравнение или контраст в изображении и др., а в целом используется как средство *художественно-образной конкретизации* (см.).

Усечение (апозиопезис), или незавершенные, недоговоренные, прерванные предложения, возникают и функционируют в конкретных (устных или письменных) речевых актах и различаются степенью опре-

деленности невыраженной информации. Так, усеченные конструкции, во-первых, могут выражать вполне определенную информацию, вплоть до однозначной. Напр.: *Сатира? Что ж, тоже ничего. На безрыбье, как говорится...* (газ.); *Утром деньги — вечером стулья. Вечером деньги — утром стулья. Нет денег...* (Ильф, Петров); *Разгадаешь мою загадку — возьму к себе в подмастерья. Не разгадаешь...* (братья Гримм). Во-вторых, усеченные конструкции могут содержать информацию неопределенную, допускающую несколько вариантов осмысления: *Я боюсь, Виктор, мы не сможем... Мне надо уйти от тебя* (Гранин); *Фирс. — В прежнее время вишню сушили, мариновали, варенье варили, и бывало... Гаев. — Помолчи, Фирс* (Чехов). Такая особенность усеченных предложений делает их одним из основных средств худож. приема умолчания.

Усеченные конструкции свойственны в основном разг. и двум книжным стилям — художественному и публицистическому, где они выполняют характерологическую функцию, характеризуя говорящего с какой-либо определенной стороны: передают в речи прямую специфику устного говорения, выражают различные эмоции и эмоциональные состояния говорящего с точки зрения гнева, возмущения, негодования, досады, сожаления, смущения, неуверенности, замешательства, удивления, взволнованности, состояния раздумья, неосведомленности или, напротив, нежелания называть вещи своими именами или высказывать мысль до конца и т.д. Иногда введение в речь усеченных конструкций показывает не столько специфику говорения автора речи, сколько обстановку разговора или его восприятия. Такое использование усеченных конструкций связано с изобразительной (эстетической) функцией данного типа предложений. Усеченные конструкции способствуют также созданию в речи эффекта интимизации, рекламности, усилению в высказывании субъективно-модальных значений, оформлению в тексте композиционных стыков и переходов (в рамках диалога как реплика-стимул / реплика-реакция, введение перебивающей реплики, переход от реплики к паралингвистическому плану поведения персонажа (ср.: — *Ты его не слушай! Он тебя обязательно обхитрит, обманет... — Иван Алексеевич махнул рукой* (Шукшин), как средство динамического, не нарушающего естественности прямой речи перехода от одного субъектного плана к другому и др.).

Для оф.-дел. и науч. стилей усеченные конструкции практически не характерны; редко, в основном в качестве окказионального явления, употребляются в науч.-популярном стиле.

Позиционно-лексический п о в т о р — разновидность повтора, которая предполагает однородность повторяемых синтаксических позиций и тождество их лексического наполнения. Как экспрессивная стилистико-синтаксическая единица позиционно-лексический повтор (по сравнению с грамматическим повтором) связан с экспликацией избыточной, сопутствующей по отношению к основной информации высказывания и, следовательно, отличается необязательностью, факультативностью повторения. Однако избыточность таких повторов стилистически оправ-

дана, так как связана с выражением дополнительной информации экспрессивного характера: дополнительные эмоционально-экспрессивные значения сожаления, раскаяния, умиления, одобрения, недоумения и др., наслаиваясь на основную, предметно-логическую информацию, способствуют ее более точному выражению. Напр.: *Молоды вы еще, очень молоды! — вздохнул Иван Игнатьевич* (Тендряков); *Как же так, как же так! Ведь мы верили вам, граф! Как же так!* (Достоевский); *Бабушка шуметь на меня станет. Пусть шумит. Я уж не буду огрызаться. Пусть шумит...* (Астафьев).

Функционирование конструкций с позиционно-лексическим повтором связано прежде всего с разг., худож. и публиц. сферами общения; в науч. речи указанное явление не регулярно, в оф.-дел. текстах вовсе не употребительно.

Типизированные речевые функции позиционно-лексического повтора в «экспрессивных» стилях связаны с такими функциями, как 1) экспрессивно-грамматическая — связующая или расчленяющая (сегментирующая) роль повтора в сложных и простых предложениях; роль синтаксического распространения с точки зрения уточнения, конкретизации сообщаемой информации; средство интенсификации побуждения и заключенных в побудительном высказывании субъективно-модальных значений; средство интенсификации вопроса; средство выражения длительности и интенсивности действия; средство обозначения ограниченно длящегося действия; 2) характерологическая функция — позиционно-лексический повтор как средство усиления субъективно-модального значения высказывания и, следовательно, как средство характеристики субъекта речи; усиление патетической, полемической, иронической позиции автора речи, т.е. в целом эмоциональной тональности повествования; 3) изобразительная функция — выделение существенной детали предметного/интеллектуально-духовного описания или характеристики субъекта действия, изображение действия в его динамике и др.; 4) композиционно-изобразительная функция — композиционно-языковое совмещение плана повествователя и плана персонажа (повтор в данном случае является сигналом психологического и речевого «присутствия» персонажа); 5) интонационно-ритмическая функция — в повествовательной монологической речи служит средством передачи фольклорного стиля с его напевной замедленностью или способствует сближению авторского повествования с непринужденным устно-разг. повествованием, имитируя его непосредственность, неподготовленность; в лирической речи повышает ритмическую организацию текста; служит средством достижения актуального расчленения высказывания с выделением его части в самостоятельную рему (как и с помощью парцелляции), но без интонационного и структурного разрыва высказывания, свойственного парцелляции; 6) акцентирующая функция — широкое использование повтора как средства экспрессивного выделения каких-либо важных смыслов изложения; 7) функция логического выделения — участие позиционно-лексического повтора в акцентуации важнейших

смыслов изложения, но без придания им дополнительной экспрессивной окраски и др.

Парцелляция — явление динамического аспекта, заключающееся в разделении предложения на несколько самостоятельных фраз в экспрессивных целях. Парцелляция может осуществляться в простых и сложных предложениях разной структуры. Напр.: *Человек всегда был красив, если его имя звучало гордо. Когда был бойцом. Когда был открывателем. Когда дерзал* (газ.); *Он тоже пошел. В магазин. Сигарет купить* (Шукшин); *Зачем он живет, зачем появился на свет? Только для одного, чтобы совершить ужасное. И ненужное!* (Тендряков).

Наиболее типична парцелляция для экспрессивных стилей, и прежде всего для худож.; достаточно активно употребляется в разг. и публиц. текстах; в науч. речи парцелляция — редкое явление, но, по мнению исследователей, вполне естественное, не чуждое, а в науч.-популярном стиле даже регулярное; для оф.-дел. языка парцелляция практически нехарактерна. По замечанию А.П. Сковородникова, доля парцеллированных конструкций резко падает в текстах, ориентированных на авторский монолог, и, напротив, возрастает в текстах диалогического характера.

В текстах разных стилей парцелляция выполняет такие функции, как: 1) изобразительная, когда посредством парцелляции усиливается художественно-образная конкретизация изображаемого, выделяются отдельные детали общей картины, создаются паузы между синтагмами, способствующие созданию такого ритма, который усиливает эффект длительности действия и др.; 2) характерологическая — парцелляция выступает как средство имитации речевой манеры субъекта речи (автора или персонажа); 3) эмоционально-выделительная, связанная с усилением эмоционально-оценочных смыслов в высказывании — иронии, сарказма, одобрения, осуждения и т.п.; 4) грамматико-синтаксическая — парцелляция как средство модификации отношений между членами однородного ряда, а именно усиление в контексте уточнительных и пояснительных отношений: *Это вы мне как врач говорите? — Как врач. Социальный. Лечащий язвы общества* (братья Вайнеры); — *Почему Лев должен знать? — А он у Льва любимчик. Стихи пишет* (Ю. Семенов) и др.

Лит.: Пешковский А.М. Избр. труды. — М., 1959; Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике рус. языка.— 3-е изд. — М., 1965; Ильенко С.Г. Сложноподчиненное предложение в различных сферах языкового употребления // Вопросы синтаксиса и лексики рус. языка. — Л., 1965; Сильман Т.И. Проблемы синтаксической стилистики. — М.; Л., 1967; Петрищева Е.Ф. Стиль и стилистические средства // Стилистические исследования (на материале совр. рус. языка). — М., 1972; Гвоздев А.Н. Совр. рус. лит. язык. Ч. 2, Синтаксис. — 4-е изд. — М., 1973; Лекант П.А. Синтаксис простого предложения с современном русском языке. — М., 1974; Розенталь Д.Э. Практическая стилистика рус. языка. — 4-е изд. — М., 1977; Формановская Н.И. Стилистика сложного предложения. — М., 1978; Сковородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции совр. рус. лит. языка. — Томск, 1981; Брагина А.А. Синонимы в лит. языке. — М., 1986; Бабайцева В.В., Максимов Л.Ю. Совр. рус. язык. Ч. 3, Синтаксис, Пунктуация. — 2-е изд. — М., 1987;

Кормилицына М.А. Семантически осложненное (полипропозитивное) простое предложение в устной речи. — Саратов, 1988; Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика. — М., 1991; Кожина М.Н. Стилистика рус. языка. — М., 1993; Очерки ист. науч. стиля. Т. 1. Ч. 2. — Пермь, 1994; Валгина Н.С. Совр. рус. язык. — М., 2001.

Н.В. Данилевская, Т.Б. Трошева

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ ФОНЕТИКИ — см. Фонетика функциональных стилей.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА — языковые единицы, тропы и фигуры речи, а также стилистические приемы, речевые стратегии и тактики, используемые при выражении *стиля* (см.).

Традиционно С. с. называют лишь такие языковые единицы, которые имеют внеконтекстуальные *стилистические коннотации* (см.). Это связано с тем, что в лингвистической стилистике первой половины XX в. господствовало понимание стиля как некоторой совокупности однотипно окрашенных языковых единиц, т.е. как участка языковой структуры. При такой трактовке С. с. важнейшим их источником является синонимия (наряду со средствами словесной образности). Ср. многообразие стилистических коннотаций в синонимических рядах, напр.: *пьяный, хмельной, подгулявший, косой, подшофе, под парами, под мухой, пишет ногами вензеля, выделывает ногами кренделя, языком не ворочает, лыка не вяжет, папа-мама сказать не может* и т.д.

С. с. представлены на всех уровнях языковой структуры, наиболее богато — на лексическом. В настоящее время они не образуют устойчивых, относительно замкнутых стилистических систем, а являются лишь рядами (пластами) слов, форм и конструкций.

В узуальной стилистике (см. работы *Т.Г. Винокур*) главным объектом изучения является высказывание (акт речевой коммуникации). С. с. — это языковые единицы, приобретающие или видоизменяющие стилистические коннотации в высказывании при реализации некоторого экспрессивного задания, установки на определенный стилистический эффект. Способом актуализации задания выступает *стилистический прием* (см.), образуемый с участием С. с.

Иначе истолковывается понятие С. с. в функц. стилистике, что связано с трактовкой функц. стиля как своеобразного характера речи той или иной социальной ее разновидности, создаваемого — под действием комплекса базовых экстралингвистических факторов — специфическим отбором, повторением, сочетанием, размещением, трансформированием разноуровневых языковых единиц. В выражении стиля участвуют не только и не столько коннотативно окрашенные языковые средства, сколько так называемые нейтральные. Последние, впрочем, во многих случаях актуализируют специфические функциональные значения, обусловленные единым коммуникативным заданием той или иной сферы общения, в результате чего возникает определенная макроокраска стиля.

В стилистике текста, являющейся одним из направлений функц. стилистики, принято более широкое понимание стиля как способа осуществления текстовой деятельности (интегрального способа построения речевого произведения). Соответственно этому наиболее широким становится и понятие С. с. Так, согласно данной концепции, в выражении стиля участвуют не только языковые, но также тематические и тектонические средства — стилистические приемы, стратегии и тактики построения текста (текстотипа).

Т. о., при изменении трактовок стиля и подходов к его изучению меняется и содержание понятия «С. с.».

Лит.: Виноградов В.В. Итоги обсуждения вопросов стилистики. — ВЯ. — 1955. — № 1; Его же: Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. — М., 1963; Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка. — М., 1965; Гаузенблас К. К уточнению понятия «стиль» и к вопросу об объеме стилистического исследования. — ВЯ. — 1967. — №5; Стилистические исследования. — М., 1972; Кожина М.Н. О соотношении стилистической окраски, стилистических средств и стиля // Исследования по стилистике. — Пермь, 1974. Вып. 4; Ее же: Стилистика русского языка. — М., 1993; Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. — М., 1980; Одинцов В.В. Стилистика текста. — М., 1980; Сковородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. — Томск, 1981; Петрищева Е.Ф. Стилистически окрашенная лексика русского языка. — М., 1984.

В.А. Салимовский

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ КОНТРАСТ — одна из двух взаимосвязанных общих закономерностей употребления стилистически значимых единиц, заключающаяся в несовпадении (контрасте) стилистических окрасок слов (или большинства слов) в высказывании, напр.: *Того же мнения придерживался и попугай в красных подштанниках* (И. Ильф и Е. Петров); *Не знаю, подлинно не знаю, за что от общения отметаюсь!* (М.Е. Салтыков-Щедрин); *грядущий хам; административный светоч глупости; устранить неполадочку* и т.п.

С. к. (как и *стилистическое согласование* (СС) — см.) создается в высказывании, в живой речи и относится, следовательно, к явлениям языкового функционирования, или области речевой деятельности. Как видно из примеров, С. к. служит приемом создания в речи образных, метафоричных выражений, реализации юмора, сатиры, иронии и т.д.

Своеобразной точкой отсчета и в то же время минимальным условием для появления в речи С. к. служит уровень нейтральных языковых средств: употребление стилистически маркированных или экспрессивных единиц на стилистически нейтральном языковом фоне порождает стилистически и экспрессивно рельефное высказывание, воспринимаемое как яркое или необычное, образное, в котором не типично само сочетание слов: *Твой телевизор давно не фурычит!* (разг.); *Разнузданная вседозволенность пацанов; Прямые потомки держиморды* (публиц.); *Уда-*

рим автопробегом по бездорожью и разгильдяйству! Залохматилась тьма; На чешуе жестяной рыбы прочел я зовы новых губ (худож.)

При этом, по мнению Т.Г. Винокур, С. к. (как и СС) конструируется в речи двумя способами: 1) соединением во фразе стилистически однотипных средств; 2) соединением элементов разных стилей.

Первый способ включает в себя две разновидности: а) С. к. создается за счет употребления в высказывании на фоне лексики определенного стиля общекнижных слов, т.е. таких единиц, которые в лит. языке не создают оппозиции нейтральной лексике, напр.: *Я была б о л ь н а две недели* (ср.: *Я болела две недели*); *Вы когда свои б у м а ж к и на столе разберете?* (ср.: *Вы когда разберете бумаги на своем столе?*); *Она любит выводить своих детей на всякие м е р о п р и я т и я; Они сделали себе е в р о р е м о н т по полной программе* и т.п. В этом случае в высказывании создается «минимально необходимый стилистический контраст» (*Т.Г. Винокур*), или, иначе, С. к. м и н и м а л ь н о й с т е п е н и; б) С. к. создается за счет особой функционально-стилистической принадлежности высказывания или его части: *Я разговаривал с одним врачом, работающим в с л о ж н о й а т м о с ф е р е р а й о н н о й п о л и к л и н и к и.* В этом случае важно понимать, что основой С. к. является сочетание в одном высказывании (или каком-то связном целом) двух контекстов разной стилевой принадлежности, напр.: *Конечно, жизнь сложна. Такая колоссальная страна, пейзаж такого сложного рисунка* (Л. Мартынов). Здесь второе предложение представляет собой сложный конгломерат разных стилей — худож., науч., публиц., а первое предложение относится к нейтрально-книжной речи. Объединение двух стилистически разных конструкций в рамках одного смыслового целого и порождает ощущение контраста, эффект необычности, экспрессивности. Такого рода С. к. относят к контрасту с р е д н е й с т е п е н и; высокая степень экспрессии здесь редка в силу объемности иностилевых конструкций, ср.: *Мы почти уже бежали по лесной тропинке: ж а ж д а д о с т и г л а а п о г е я, хотелось скорее п р и п а с т ь у с т а м и к чистому ручью.*

Второй способ создания С. к. — соединение элементов разных стилей — связан с сиюминутной необходимостью говорящего выразить оценку по отношению к тому, о чем идет речь, или сказать о чем-либо через оценку. Высказывания подобного типа всегда очень эмоциональны, образны и метафоричны, т.е. в целом обладают высокой степенью экспрессивности. Напр.: *элегантно врезать; зарвавшийся властитель* (худож.); *соперничать по части разбазаривания; сварганить доктрину новой религии; закоченевшие от речей и прений делегаты* (публиц.); *Ты опять эту хламиду на себя напялила! Мне тут твои выпендривания не нужны!* (разг.) и т.п. Такую разновидность С. к., основанную на соединении во фразе разностилевых компонентов, можно условно назвать г р а м м а т и ч е с к и н о р м а т и в н о й (или с т и л и с т и ч е с к и нормативной, но при одном важном условии: если иметь в виду функционально-стилистическое соответствие подобных экспрессивных конструкций тем контекстам, в которых они употребляются).

Наряду с грамматически (стилистически) нормативным С. к. существует другая, противопоставленная ей, разновидность, которую условно можно обозначить как грамматически (или стилистически) ненормативный С. к. Данная разновидность основана на столкновении элементов разных стилей, где один (или несколько) из элементов является грамматической (стилистической) ошибкой. При этом ошибка допускается на разных уровнях языковой системы — от фонетического до синтаксического.

Такой С. к. появляется в речи в двух случаях: 1) при намерении автора речи «поиграть словом» в поисках экспрессивного выражения; 2) с целью создания концептуально обусловленной речевой ошибки, т.е. цель создания контраста в этом случае не ограничена стремлением говорящего к выразительности высказывания: наряду с этой (основной для С. к.) целью здесь обнаруживаются и другие. Во-первых, это стремление к демократизации непосредственного общения, связанная с желанием выразиться непринужденно, ярко, с юмором, а также с желанием говорящего сблизить стилистику своей речи со стилистикой речи собеседника: *Я наелась, остальное вы доёдывайте* (мать — детям); *Ну, вот, пришла и разбросала опять везде свои барóхла!* (старшая сестра /дружелюбно/ — младшей сестре, пришедшей в гости); *Давай включим радивульку, а то что-то скучно; Здесь, в городе, он совсем обынтеллигентился* и пр. Однако следует помнить, что речь об игре словом возможна лишь тогда, когда это намеренное, осознаваемое говорящим искажение нормы и в силу этого стилистически и ситуативно уместное. Игра словом как языковое творчество подвластна преимущественно культурным слоям общества и противоположна речевой ошибке, коренящейся в незнании основных правил речепроизводства.

Игра словом свойственна, как правило, разг. речи, а также встречается в худож. и публиц. текстах как выразительное средство. Игру словом, или, в другой терминологии, окказиональность, следует относить к разряду стилистической нормы, поскольку с помощью этого приема язык получает возможность создания особенно экспрессивных средств выражения в соответствующих для этого ситуациях общения (см. *Языковая игра*).

Во-вторых, в качестве экстралингвистической причины грамматически ненормативного С. к. может быть стремление автора речи через стилистический узор языкового повествования передать глубинные смыслы эстетической концепции. Этот стилистический прием функционирует в основном в текстах худож. литературы. Одним из самых ярких примеров этому может служить язык произведений А. Платонова, основанный на концептуально значимом нарушении литературной нормы, когда исковерканный, «вывернутый наизнанку» язык (персонажей и отчасти — когда это концептуально необходимо — самого автора) служит средством создания содержания образов, специфики мироощущения и мировоззрения героев, а также своеобразия авторского отношения к изображаемому, т.е. в целом — средством формирования и выражения эсте-

тической (художественной) концепции. Во многом именно через язык А. Платонов передает резко негативное отношение как к самим героям, строящим мифическое светлое будущее, так и к этому будущему: и то и другое одинаково убого, анормально, безжизненно и бездуховно. Ср.: *Дванов скучал жить; Безлюдье лежало позади ее тела; Пожилой товарищ делает нам залегание по вопросу необходимого стыда для власти; пошел внутрь города; морщинистая мысль; роющий труд; женщина в сытой шубке* и т.п. В результате взаимодействия и переплетения двух пластов — содержательного и языкового — формируется и выражается индивидуальная художественная концепция. М. Шимонюк в своем специальном исследовании, посвященном анализу стиля писателя, определяет платоновский идиостиль как новаторский, создающийся во многом посредством девиации — ломки лингвистических стереотипов, конвенций и норм; такой «девиационный» стиль помогает, по мнению автора, более тонко отразить «проникновение литературы в доселе неизвестные глубины человеческого существования» (*Шимонюк*, 1997).

С. к., таким образом, имеет разные диапазоны и разные приемы речевого обнаружения (по сравнению со *стилистическим согласованием* (см.), — которое одномерно). Поэтому его действие распространяется на любые языковые единицы, начиная с фонетических приемов противопоставления (особенно в поэзии), через слово (ср. хотя бы глаголы общего вида на *-ировать*, принадлежащие книжной речи и получающие в приеме «открытого ряда соединений» (*Т.Г. Винокур*) сниженно-разговорные приставочные образования — *сагитировать, проинтервьюировать, отбальзамировать* и пр.), словосочетание к предложению и целому тексту.

Различают два вида С. к.: контактный и дистантный.

К о н т а к т н ы й С. к. основан на контактной, структурной сочлененности высказывания: *сокровищница мерзостей; беззаветная дурь; Ударим автопробегом по бездорожью и разгильдяйству!*

При д и с т а н т н о м С. к. члены оппозиции оторваны друг от друга другими компонентами или находятся в разных синтаксических конструкциях: *Не в р и, пожалуйста, дети в о с п р и н и м а ю т все с и н т е р е с о м; Зачем ты п р и т а щ и л с собой этого о р а т о р а?*

Итак, С. к. (как и СС) представляет собой языковой отбор единственно возможных с точки зрения отправителя и получателя речи средств. Как правило, «единственно возможными» в высказывании те или иные средства делают тематическая специфика, ситуация общения, цели и задачи диалога, а также общая функционально-стилистическая окраска речи. Если С. к. «вписан» во все перечисленные условия, он считается уместным, стилистически оправданным, т.е. отражающим нормы речевого поведения в целом и, главное, норму литературного языка. Впрочем, как упоминалось, нарушение нормы также часто является стилистически оправданным и уместным средством создания С. к., если оно обусловлено целями общения, замыслом автора.

Как отмечает Т.Г. Винокур, многие «ненормированные с культурно-речевой точки зрения, но тем не менее широкоупотребительные вари-

анты лексической, грамматической и т.п. сочетаемости выступают как явления внутригрупповой стилевой нормы» (*Винокур*, 1980, с. 233). Особенно распространен в качестве такого «варианта» стилистический эллипсис, с помощью которого происходит перевод высказывания из одного стиля в другой. Напр., глагол *переживать* без дополнения (*Вы по-прежнему переживаете? Если вы умеете переживать, значит вы живете полноценной внутренней жизнью*), идущий из театрального жаргона; или в устной научной речи возвратная форма глагола *защищать* без названия объекта (*Когда будешь защищаться? Работы еще много: он пока не готов защищаться*). Ср.: *защищаться перед ученым советом, защищать диссертацию*.

Равновесие между языковым отбором, содержанием высказывания и конкретной ситуацией общения обеспечивает возможность удачного использования в рамках одного высказывания противоположных приемов — и согласования, и контраста. С. к. и СС, обнаруживая взаимное притяжение, «дозируются» в речи экстралингвистическими факторами — целями и задачами общения, ситуацией речи, содержанием высказывания, а также культурно-речевой практикой и вкусовыми приоритетами людей в области речепроизводства. Взаимодействие С. к. и СС в речевой деятельности, как отмечается в лингвистической литературе, полностью удовлетворяет требованиям экспрессивного разнообразия и информативной полноценности языковой коммуникации.

Существование С. к. и СС в творческом коммуникативном процессе вызвано стремлением автора речи преодолеть имманентность языковой системы, поисками стилевого разнообразия и выразительности, стремлением совместить в одном высказывании средства разных стилевых пластов (стилистические оппозиции), добиваясь яркости, выразительности, экспрессивности, стилистической и смысловой рельефности высказывания. В связи с этим Т.Г. Винокур справедливо отмечает, что «Неспонтанный характер стилевого отбора дает нам практически неограниченный диапазон взаимодействий контраста и согласования. Способность эксплуатировать эти свойства в разнообразном репертуаре стилистических средств и приемов, имеющих конкретное стилистическое значение и соответственное экспрессивное задание, — основа информативно полноценного речевого общения в современном обществе, пользующимся высокоразвитым национальным языком».

Лит.: Григорьева А.Д. Слово в поэзии Л. Мартынова и Б. Слуцкого // Языковые процессы современной русской художественной литературы. Поэзия. — М., 1977; Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. — М., 1980; Одинцов В.В. Стилистика текста. — М., 1980; Шимонюк М. Деструкция языка и новаторство художественного стиля (по текстам Андрея Платонова), Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 1997.

Н.В. Данилевская

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ — «заложенное» в высказывании и реализованное в нем с помощью специальных языковых средств намерение автора речи вызвать у адресата определенную эмоциональную реакцию на это высказывание. С. э. так же, как *стилистическое задание* (СЗ), относится к экстралингвистическому контексту, объясняющему специфику структурно-лингвистического плана речи.

Стилистически значимое высказывание — в аспекте экспрессивной стилистики и стилистики текста — является результатом взаимодействия трех компонентов коммуникативного акта. Так, левым (исходным) компонентом речевого акта выступает СЗ (см. *Стилистическое задание*), именно оно предопределяет «рождение» в высказывании определенного стилистического значения, выступающего в качестве правого (вторичного) компонента стилистической структуры речевого акта. Таким образом, с точки зрения соотношения внутри- и внеязыковых факторов в рамках создания стилистически значимого высказывания образуется оппозиция «стилистическое задание — стилистическое значение», где левый компонент представляет неязыковой план, а правый — языковой план коммуникативного акта. При этом (в обратной последовательности) стилистическое значение является инвариантным признаком конкретного (лингвистического) проявления стилистического задания, а вариантность реализации последнего определяется уже неязыковой областью (типом задания, целью сообщения, диалогичностью и т.п.).

Вместе с тем СЗ планируется и осуществляется говорящим с целью достижения определенного С. э., который выступает в качестве конечного — третьего — компонента центральной оппозиции, формирующей стилистическую структуру коммуникативного акта, или «узуально-стилевой комплекс» (термин Т.Г. Винокур): стилистическое задание — стилистическое значение — стилистический эффект. Примечательно, что среднее звено в этой оппозиции является тем собственно лингвистическим «мостом», который на основе причинно-следственной связи объединяет в речевом единстве два крайних компонента. Вообще, языковое средство становится стилистическим, получая стилистическое значение в процессе образования с его участием стилистического приема, т.е. при функционировании языковой единицы в речи, тексте.

Итак, С. э. — в отличие от СЗ — соотносится с получателем речи, и, следовательно, понимание С. э. как феномена коммуникации непосредственно связано с проблемой понимания/восприятия. Поэтому наличие в высказывании и само значение С. э. выявляются в зависимости от двух составляющих (критериев) — стилистического контекста (особого отбора и сочетания языковых компонентов в единице речи) и реального эмоционального результата, возникающего в восприятии реципиента.

Семантический контекст С. э. формируется стилистическим заданием автора речи и может быть прямым или инвертированным (см. *Стилистическое задание*). При этом в живой разг. речи С. э. выступает как: 1) п р е д н а м е р е н н ы й, о ж и д а е м ы й, когда говорящий обдуманно,

целенаправленно производит выбор языковых средств и их сочетание в рамках высказывания в расчете на достижение определенной (задуманной) экспрессивной реакции слушателя. В этом случае в затекстовой ауре высказывания налицо оба компонента экстралингвистической цепочки «СЗ — С. э.», которые реализуются в его языковой ткани; 2) спонтанный, неподготовленный, когда С. э. оказывается неожиданным для автора, т.е. в экстралингвистической ауре высказывания отсутствует звено «СЗ». Впрочем, здесь можно говорить лишь об отсутствии именно специально продуманного задания, как ментально-волевого расчета говорящего на получение определенного эффекта от речи. Очевидно, даже при спонтанном словесном отборе стилистическое задание присутствует, но не в сознании говорящего, а на уровне его эмоционально-чувственного восприятия содержания коммуникативного акта.

С другой стороны, в живой речи С. э. — будучи экстралингвистической категорией, связанной именно с получателем речи, точнее, с его воспринимающей деятельностью, — может быть коммуникативно состоявшимся и коммуникативно не состоявшимся. Коммуникативно состоявшийся С. э. — это понятое адресатом СЗ автора, т.е. СЗ, реализовавшееся для реципиента в качестве С. э. посредством определенного стилистического приема, вербализованного в высказывании. В этом случае в языковой структуре высказывания реализуются оба звена коммуникативной цепочки «СЗ — С. э.». С коммуникативно не состоявшимся С. э. мы сталкиваемся тогда, когда СЗ говорящего/пишущего остается не понятым адресатом, в результате чего СЗ не достигает своего С. э. (разрушается целостность цепочки «СЗ — С. э.»).

Таким образом, можно назвать основные противопоставления: 1) в отправлении специального задания экспрессия отсутствует, но возникает в восприятии; 2) экспрессивное задание есть в высказывании, но не дает экспрессивного эффекта. Данные противопоставления «образуют весь комплекс явлений стиля в коммуникативном процессе, будучи связанными с двойственной ролью стилистического приема, который представляет собой отстоявшуюся в узусе модель стилистической репрезентации» (*Т.Г. Винокур*, 1980, с. 96—97).

Следует отметить, что гармония (успешность) коммуникативного акта возможна лишь при полной речевой реализации экстралингвистического двуединства «СЗ — С. э.». При этом в речемыслительной деятельности автора речи расчет на специальное стилистическое задание может отсутствовать, но его возникновение в психо-эмоциональной деятельности реципиента необходимо.

Лит.: Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. — М., 1980; Одинцов В.В. Стилистика текста. — М., 1980; Винокур Г.О. Филологические исследования. — М., 1990; Винокур Г.О. О языке художественной литературы. — М., 1991; Кожина М.Н. Стилистика русского языка. — М., 1993.

Н.В. Данилевская

СТИЛИСТИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ — специальное (продуманное) намерение говорящего создать выразительное, экспрессивное высказывание, способное вызвать в восприятии адресата *стилистический эффект* (см.). Представленное в тексте С. з. проявляет себя как его *стилистическая окрашенность*, зафиксированная с помощью тех или иных стилистически значимых *конструктивных приемов* (см.).

Понятие С. з. относится к экстралингвистической области языковой деятельности и представляет собой внешний, по отношению к самому процессу речепроизводства, стимул (отправную точку) выбора и сочетания (со стороны автора речи) в высказывании тех или иных языковых единиц. Именно С. з. говорящего определяет степень экспрессивности сообщения.

С точки зрения лингво-стилистического анализа С. з. выступает как левый (исходный) компонент речевого акта и предопределяет «рождение» в высказывании определенного стилистического значения, выступающего в качестве правого (вторичного) компонента стилистической структуры речевого акта. Таким образом, с точки зрения соотношения внутри- и внеязыковых факторов в рамках создания стилистически значимого высказывания образуется оппозиция «стилистическое задание — стилистическое значение», где левый компонент представляет неязыковой план, а правый — языковой план коммуникативного акта. При этом (в обратной последовательности) *стилистическое значение* (см.) является инвариантным признаком конкретного (лингвистического) проявления стилистического задания, а вариантность реализации последнего определяется уже неязыковой областью (типом задания, целью сообщения, диалогичностью и т.п.).

Вместе с тем С. з. планируется и осуществляется говорящим с целью достижения определенного *стилистического эффекта* (см.), который выступает в качестве конечного — третьего — компонента центральной оппозиции, формирующей стилистическую структуру коммуникативного акта, или «узуально-стилевой комплекс» (термин Т.Г. Винокур): стилистическое задание — стилистическое значение — стилистический эффект. Примечательно, что среднее звено в этой оппозиции является тем собственно лингвистическим «мостом», который на основе причинно-следственной связи объединяет в речевом единстве два крайних компонента.

Если исходить из того, что языковой состав высказывания зависит от конкретной цели общения, т.е. от частной функции — сообщение, убеждение, волеизъявление, обмен мнениями, фатическое общение и пр., — то следует признать, что С. з. — это стилистически осознанная цель высказывания, или, иными словами, волевая установка автора речи на создание стилистически значимого (стилистически окрашенного) высказывания/текста. Ср. мысль Г.О. Винокура о том, что «самое понятие стилистики в основе своей связано с понятием цели: стилистическое построение есть построение целевое, целесообразное, а следовательно, различные типы этих построений могут между собою различаться по тому, какая цель тому или иному построению предпос-

лана, каково структурное задание каждого такого построения в каждом отдельном случае» (*Винокур*, 1990, с. 26). Поэтому С. з. реализуется в речи посредством разных стилистически значимых (экспрессивных) приемов, таких, как стилистическое задание, стилистический контраст, интимизация, стилистический эллипсис, стилистическое столкновение и др.

Необходимо подчеркнуть, что С. з. семантически связано именно с экспрессией, точнее, с речевым конструированием экспрессивно значимых высказываний/текстов (в отличие, напр., от нейтральных). Стилистически отмеченное языковое выражение, следовательно, является в то же время экспрессивным. Ср.: «Термином «экспрессия» покрывается вся область стилистической выразительности вообще, независимо от того, какими именно средствами она создается» (*Т.Г. Винокур*, 1980, с. 55). В оппозиции «экспрессивное высказывание — нейтральное высказывание» первый компонент означает структуру с повышенной выразительностью по сравнению со вторым компонентом, называющим структуру, передающую лишь предметно-логическую информацию. Таким образом, С. з. — это внелингвистическая целевая установка говорящего на создание особо (стилистически) выразительного, экспрессивного высказывания, рассчитанного на достижение в восприятии адресата особого эффекта. Следовательно, понятия стилистического задания и стилистического эффекта (СЭ) составляют двунаправленное единство коммуникативного акта: С. з. исходит от автора речи, СЭ направлен на получателя речи. Стилистика отправителя и стилистика получателя — это результат соотношения между коммуникативно значимыми экспрессивным заданием и экспрессивным эффектом.

Различают два основных вида реализации С. з.: 1) прямое С. з.; 2) инвертированное С. з.

При прямом С. з. языковые средства используются в типичной для них сфере употребления и в соответствии с их функц. значением. В языке науки, напр., это средства, с помощью которых создается неличный, обобщенный характер речи, подчеркнутая логичность, точность изложения, некатегоричность суждения и т.п.; в деловой речи это средства, выражающие официальность, строгую логичность и последовательность (перечислительность) изложения, императивность, абстрактность/обобщенность действия/факта/закона и т.п. Стилистический прием в этом случае создается по принципу *стилистического согласования* (см.): типичная для данной функц. разновидности речи конструкция (канцеляризм в деловом стиле, терминологическое сочетание в научном или троп в художественном) выступает в окружении ему подобных элементов с нейтральным фоном как основой высказывания.

При инвертированном С. з. в высказывании употребляются языковые средства, принадлежащие разным сферам употребления, в том числе языковые средства, не свойственные данной речевой разновидности. Стилистическое значение единиц используется в этом случае «вопреки» их типичному (обычному) функц. назначению. Иными словами,

инвертированное С. з. осуществляется с помощью такого приема, как *стилистический контраст* (см.), т.е. объединения в одном высказывании элементов разных стилей. С помощью инвертированного С. з. в высказывании реализуется прием иронии, сила которой тем выше, чем резче границы между стилистической принадлежностью элементов высказывания. Ср.: *Спокойно, спокойно. За дело берусь я. Заседание продолжается. Кстати, нам с вами нужно заключить небольшой договорчик* (И. Ильф, Е. Петров); *Я взял бумаги, козырнул и удалился* (С. Довлатов); — *Тестю, — говорит, — преподнесу на именины, старому козлу...* (С. Довлатов); *Откровенно говоря, меня пленяли ее хулиганские выходки на занятиях, тем более что я поражал всех скромностию и прилежанием... А после инцидента с ком. билетом она уже бесповоротно стала кумирить в моих глазах* (В. Ерофеев); *Эти фельдмаршалы от руководства, видимо, думали, что подарят людям праздник* (о народном гулянии на центральной площади города). *Как будто не знали, что народ наш просто великолепное быдло!* (разг.).

С. з. и прямого, и инвертированного типа может быть реализовано на единицах разных уровней — от слова до целого текста. Напр., глаголы общего вида на *-ировать*, принадлежащие книжной речи и получающие в приеме «открытого ряда соединений» сниженно-разговорные приставочные образования — *среагировать*, *проинтервьюировать*, *откорректировать*, *залоббировать*, *провентилировать* и пр.; или контактные и дистантные стыки слов и словосочетаний в предложениях (см. примеры выше, а также *Стилистический контраст*); или лингво-стилистическое (наравне с жанровым, сюжетным и композиционно-смысловым) выражение эстетической идеи в целом художественном тексте, где стиль, или общее С. з. автора, оказывается важнейшим компонентом внутренней формы произведения. Ярчайшим примером этому является язык А. Платонова, основанный на деструкции типичных грамматических и стилистических норм русского языка, что служит отражением разрушенного, извращенного, межеумочного состояния внутреннего мира людей, строящих светлое будущее для нового рабоче-крестьянского общества. В этом смысле можно говорить о стиле как о средстве реализации художественной идеи, или «конструктивной идеи» (термин В.В. Одинцова). Конструктивная идея воплощается в особенностях построения, организации словесного материала, своеобразии выбора и сочетания языковых единиц как в отдельном предложении, так и в целом тексте.

Т. о., сама структура языковой единицы (в широком смысле, т.е. от отдельного слова до целого текста) — соотношение, сопоставление, композиция элементов — вскрывает стилистическое задание, обусловливающее все высказывание в целом.

Лит.: Одинцов В.В. О языке художественной прозы. — М., 1973; Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. — М., 1980; Одинцов В.В. Стилистика текста. — М., 1980; Винокур Г.О. Филологические исследования. — М., 1990; Винокур Г.О. О языке художественной литературы. — М., 1991.

Н.В. Данилевская

СТИЛИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ — особая, экспрессивная окраска языковой единицы (или высказывания), определяющая ее как яркую, выразительную, необычную или нетипичную для определенной речевой сферы. Это тот компонент смысловой стороны языковой единицы, который способен реализовать свои функц.-стилистические потенции при употреблении этой единицы, делая последнюю стилеобразующей в речевой системе других стилеобразующих средств данной речевой разновидности (напр., наст. вневременное в контексте науч. речи или наст. долженствования в деловой оказываются функц.-стилистически значимыми).

В самом общем плане стилистически значимыми в языке и речи следует считать все те языковые средства и приемы их употребления, которые способствуют достижению выразительности речи, эффективной реализации коммуникативных задач в той или иной сфере деятельности. Это достигается как стилистически маркированными в системе языка (внеконтекстуальными), так и др. языковыми средствами, которые приобретают С. з. лишь в высказывании (речи), становясь стилистически значимыми (т.е. ощущаются адресатом как необычные, яркие, экспрессивные) на фоне стилистически нейтральных единиц. Следовательно, любая маркировка языковой единицы и закономерности ее использования, отвечающие указанным задачам, являются стилистически отмеченными, т.е. признаком стиля. В связи с этим стилистической оказывается не только отнесенность средств к определенной сфере, но и эмоциональность, экспрессивность, оценочность этих средств. Поэтому С. з. часто определяют как экспрессивно-эмоционально-оценочные и функциональные свойства языковых единиц; в более широком смысле это любая их субъективная (т.е. выражающая человеческий фактор) окраска, в том числе социально-политическая, морально-этическая, этнографическая и др.

В речевом развертывании С. з. является результатом реализации *стилистического задания* (см.), т.е. специального (продуманного) намерения говорящего создать выразительное, экспрессивное высказывание, способное вызвать в восприятии адресата *стилистический эффект* (см.). Объединяясь, эти три аспекта формируют стилистическую структуру коммуникативного акта, или так называемый «узуально-стилевой комплекс» (термин Т.Г. Винокур): *стилистическое задание — стилистическое значение — стилистический эффект*. Крайние компоненты представляют здесь неязыковой план, а средний (С. з.) — языковой план коммуникативного акта. При этом С. з. является инвариантным признаком конкретного (лингвистического) проявления стилистического задания, а вариантность реализации последнего определяется уже неязыковой областью (типом задания, целью сообщения, диалогичностью и т.п.). Иначе говоря, С. з. в этой оппозиции является тем собственно лингвистическим «мостом», который на основе причинно-следственной связи объединяет в речевом единстве два экстралингвистических компонента речемыслительной деятельности.

В зависимости от «масштабности» высказывания С. з. может быть либо контекстуально-узуальным, т.е. реализующимся в отдельном высказывании-контексте (*Т.Г. Винокур*, 1980), либо функционально-нормативным, т.е. реализующимся в целом тексте, оформленном по законам (нормам) определенного стиля (*Одинцов*, 1980; *Г.О. Винокур*, 1990; *Кожина*, 1993).

С. з. контекстуально-узуального типа формируется под воздействием субъективного намерения (субъективного стилистического задания) говорящего — создать выразительное, экспрессивное высказывание, способное вызвать у слушателя/читателя стилистический эффект (напр., в разг. и худож. речи). С. з. функционально-нормативного типа определяется объективными нормами, речевыми и логико-композиционными традициями текстообразования в конкретной стилевой разновидности (науч., оф.-деловой, разг., худож. и публиц. сферах общения). Иначе говоря, функционально-нормативное С. з. языковая единица приобретает в рамках определенной речевой системы (системности), где реализует свои стилеобразующие потенции. Однако эти разновидности С. з. не автономны и не противопоставлены друг другу, поскольку в реальном функционировании (в речи) они взаимодействуют, переплетаясь, ср., напр., науч. стиль, в котором нередки яркие, экспрессивные (образные, метафоричные) высказывания, несмотря на свойственную ему логичность, строгость и точность изложения (см. *Стилевые черты, Научный стиль*).

В совр. лингвистич. литературе синонимично термину *значение* употребляются термины *окраска* и — более общий — *коннотация* (см.). Однако такое обозначение не является единственным. Существует иное мнение, напр., И.Р. Гальперина, Н.М. Разинкиной, О.А. Крыловой, «разводящее» указанные понятия. Для этого есть определенные основания.

Поскольку стиль — это свойство текста, т.е. явление речевое (точка зрения М.М. Бахтина, Б.В. Горнунга, М. Елинка и мн. др.), то естественно рассмотрение его категорий, в частности значения и окраски, на текстовом уровне. Несомненно, С. з. обладают не только языковые единицы, но и текст (отрезки текста, целое произведение, типы текстов). Свойства речевой организации, напр., произведений романтизма, классицизма или символизма как литературных направлений, либо науч. или публиц. текстов как произведений традиционных социально значимых сфер общения, наконец, индивидуально-авторского изложения и т.д. — все это стилистически значимо, т.к. в каждом случае характеризуется своей стилистической окраской. Однако имеет смысл все же «развести» понятия *стилистическое значение* и *окраска* на основе следующих соображений.

Стилевая специфика текста не ограничивается совокупностью языковых единиц с той или иной стилистической окраской, даже функц.-стилистической, и создается она не просто соединением этих средств. Стилевая специфика текста формируется в соответствии с определенными принципами отбора и сочетания языковых единиц, обусловленными целями общения и другими *экстралингвистическими факторами* (см.), под влиянием которых образуется определенная речевая организация текста и его стилевая специфика. Подчеркнем, что стиль — это не сами принципы, а то, что получается в результате реализации этих прин-

ципов. Назовем стилистические признаки речевой ткани произведения *стилевой окраской* целого текста (и его фрагментов). Еще А.С. Пушкин писал: «Но что сказать об наших писателях, которые, почитая за низость изъяснить просто вещи самые обыкновенные, думают оживить детскую прозу дополнениями и вялыми метафорами? <...> Должно бы сказать: рано поутру — а они пишут: Едва первые лучи восходящего солнца озарили восточные края лазурного неба <...>». Т. о., стилевая окраска текста реалистического и романтического явно различаются.

Вместе с тем, хотя стилевая окраска стилистически значима, она является выражением на текстовой плоскости тех ментальных, когнитивных процессов, тех механизмов текстовой деятельности, которые лежат в ее основе. Реализуясь в тексте, они и представляют собой *стилистическое значение*. Поэтому целесообразно различать понятия стилевой специфики, или окраски текста, обнаруживаемой на поверхностном уровне, и его С. з., обусловленного когнитивными факторами, когнитивным стилем, или стилем творческого мышления говорящего/пишущего, принадлежащего глубинному уровню смысловой структуры речевого произведения. Этот феномен можно назвать *стилевым значением*. Иначе говоря, стиль творческого мышления в процессе текстопорождения, реализации замысла автора и есть стилевое значение (на глубинном уровне смысловой структуры текста) стилевой окраски поверхностного уровня целого текста.

Лит.: Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. — М., 1958; Горнунг Б.В. Несколько соображений о понятии стиля и задачах стилистики // Проблемы современной филологии. — М., 1965; Разинкина Н.М. О разграничении понятий «эмоциональное значение» и «эмоциональная окраска». — ИЯШ. — 1968. — № 1; Шенделъс Е.И. Многозначность и синонимия в грамматике. — М., 1970; Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики. — Горький, 1975; Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. — М., 1980; Одинцов В.В. Стилистика текста. — М., 1980; Крылова О.А. Стилистическое значение // Кожин А.Н., Крылова О.А., Одинцов В.В. Функц. типы русской речи. — М., 1982; Говердовский В.И. Диалектика коннотации и денотации (взаимодействие эмоционального и рационального в лексике), — ВЯ. — 1985. — № 2; Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. — Воронеж, 1985; Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. — М., 1986; Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. — Воронеж, 1987; Винокур Г.О. Филологические исследования. — М., 1990; Его же: О языке худож. литературы. — М., 1991; Кожина М.Н. Стилистика русского языка. — М., 1993; Jelínek M. Principy srovnáváni syntakt-stylist. tendenci v současné próze slovanských národů // Československ. přednašky pro VI mezd. sjezd slavistů. — Praha, 1968. См. также лит. при статье «Стилистические средства».

Н.В. Данилевская, М.Н. Кожина, В.А. Салимовский

СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СОГЛАСОВАНИЕ — одна из двух взаимосвязанных общих закономерностей употребления стилистически значимых

языковых единиц, заключающаяся в совпадении (созвучии) стилистических окрасок слов (или большинства слов) в высказывании. Ср.: *предотвратить беду*, но не *тормознуть беду*; *огромный потенциал*, но не *большущий потенциал; треснуть по башке*, но не *нанести удар по башке* и т.п. Таким образом, С. с. — это грамматическая и семантико-стилистическая непротиворечивость языковых единиц в рамках одного контекста; использование одинаковых по своей окраске (или по своим коннотациям) стилистических средств для реализации определенной экспрессивно-стилистической задачи.

С. с., вместе со второй общей закономерностью стилистического узуса — стилистическим контрастом, СК (см. *Стилистический контраст*), выступает как стилистический прием создания экспрессивного высказывания и одновременно как средство решения экспрессивно-стилистической задачи.

С. с. и СК, являясь отличными друг от друга закономерностями, не противоречат друг другу, а, напротив, находятся во взаимной зависимости, часто предполагая друг друга, поскольку СК (как несовпадение грамматических и семантико-стилистических значений языковых единиц) может возникнуть и быть определен только на фоне С. с. (см. *Стилистический контраст*).

С. с. (как и СК) может проявляться только в речи, в каком-либо конкретном высказывании, рамки которого довольно широки — от словосочетания до целого связного текста. Следовательно, С. с. относится к функциональным закономерностям и характеризует язык не со структурной, а с функционально-стилистической, деятельностной стороны.

С. с. создается в высказывании двумя способами: 1) соединением стилистически однотипных средств; 2) соединением элементов разных стилей. Напр., в словосочетании *издать книгу* оба слова являются нейтральными (общелитературными) и в силу этого не создают никакой особой экспрессивности в общем контексте; но соединение слова *книга* с канцелярским штампом ‘выпустить в свет’ — *выпустить в свет книгу* — порождает уже иное по экспрессивной и стилистической окраске словосочетание, однако прием С. с. при этом не разрушается.

С. с., таким образом, выступает в качестве стилистического приема создания разных по коннотативному значению и степени экспрессивности высказываний, причем диапазон их различия достаточно широк: от нейтральных высказываний (С. с. создается за счет сочетания нейтральной лексики — *купить мебель, устроиться на работу, теплый вечер* и т.п.) до стилистически маркированных (*Данная задача оказывается особенно актуальной; Надлежит устранить в кратчайшие сроки; Предвыборный марафон набирает силу; Пронзительный звонок ворвался в тишину квартиры* и т.п.) или экспрессивных (*крошечные пальчики, приземистый домишко, здоровенный детина, разинуть пасть* и т.п.). При этом существенным свойством С. с. оказывается то, что компоненты высказывания находятся в отношениях взаимозависимости друг от друга, или предопределенности, когда выбор одного слова в высказывании пре-

допределяет выбор другого. Напр., в предложении *Он впутал своего друга в неприятное дело* прилагательное *неприятное*, выражающее негативную оценку дела, предопределяет выбор глагола *впутал* (или *втянул*). Возможна и обратная связь: негативная окраска глагола предопределяет выражение идентичной оценки существительного *дело*, т.е. выбор и употребление здесь прилагательного *неприятный*.

Различают контактное С. с., которое обнаруживается в микроконтексте (словосочетании или предложении), и дистантное С. с., реализующееся в макроконтексте (связном тексте, включающем в себя минимум несколько предложений).

При контактном С. с. несколько слов, расположенных в высказывании рядом, имеют одинаковое стилистическое значение, напр.: *беленький снежок* (уменьшительно-ласкательное значение у прилагательных и существительных); *великодержавный шовинизм* (оба слова относятся к книжной речи); *Это можно считать вре́менным явлением, т.е. еще не освоенным этапом художественной стилизации, который будет освоен в будущем* (почти все слова — кроме *это*, *еще* и *который* — относятся, во-первых, к книжной речи, во-вторых, словосочетания *можно считать*, *временным явлением*, *не освоенным этапом*, *художественной стилизации*, *будет освоен в будущем* имеют явную закрепленность за научной и, отчасти, деловой речью).

При дистантном С. с. одинаковое стилистическое значение имеют большинство языковых единиц, находящихся в рамках одного речевого отрезка, представляющего собой смысловое целое. Это, напр., преобладание языковых единиц разгов. окраски в тексте разгов. речи или оф.-деловой — в деловом документе и т.д. Преобладание стилистически однозначных средств в высказывании (целом тексте) создает речевую системность, благодаря которой мы воспринимаем высказывание как определенный стиль (см. *Речевая системность функц. стиля*).

С помощью С. с. в высказывании создается тот или иной экспрессивно-стилистический эффект (*хорошенькие глазки*, *воспрянуть духом*, *надлежит оформить по всем правилам*), в силу чего некоторые исследователи (В.Г. Гак, Т.Г. Винокур) трактуют это явление как экспрессивно-стилистическую закономерность речи.

Наличие С. с. в высказывании предопределено экстралингвистически: языковые единицы, реализуясь в конкретной речевой сфере, оказываются теснейшим образом взаимосвязанными на основе выполнения ими единого коммуникативного задания, зависящего от конкретных целей и задач речевого акта, а также от когнитивных закономерностей человеческого мышления. В результате одни и те же единицы (в том числе и стилистически нейтральные) в конкретном стилистическом контексте выполняют особую функцию, получают определенную стилистическую окраску. Так, напр., для науч. речи характерно широкое использование отвлеченной лексики и случаи, когда конкретные по своей семантике слова получают в контексте науч. речи обобщенное значение: *Бабочка-лимонница хорошо переносит холодное лето; Они входят*

в состав межклеточного вещества к о ж и, с у х о ж и л и й, х р я щ е й...; Для количественной характеристики п р е д л о ж е н о с ч и т а т ь мерой электроотрицательности энергию... и т.д.

При этом отвлеченность и обобщенность научной речи проявляются не только на лексическом, но и на других уровнях языковой системы: на г р а м м а т и ч е с к о м у р о в н е (имена сущ., напр., лишаются значения числа и счета, т.е. используются в ослабленном и обобщенном значении — *Б е р е з а преимущественно растет в средней полосе России* и т.п.; более активно, чем в других стилях, здесь употребляются сущ. среднего рода; краткие прилаг., приобретая отвлеченное значение, указывают на постоянство признака — *Удельный вес минералов низок; В этом контексте семантические значения единиц о п р е д е л е н н ы* и т.п.; формы лица глаголов и личные местоимения также приобретают обобщенный характер — *Мы м о ж е м рассматривать эти явления и как статические, и как динамические; К липидам о т н о с я т с я и жиры;* в науч. речи наибольшую частотность получают именно такие формы, которые отличаются отвлеченно-обобщенным значением (глагол во вневременном значении, так называемое абстрактное настоящее — *В художественной речи центр тяжести п а д а е т на прозаические тексты*; *Этим обстоятельством не и с ч е р п ы в а е т с я сложность нашей работы*; значение формы будущего времени глагола синонимично наст. вневременному — *Большие скорости молекула б у д е т и м е т ь* (ср.: *имеет*) *на прямолинейных отрезках ломаной; При сжатии или расширении температура газа б у д е т м е н я т ь с я* (ср.: *меняется*)*; У м н о ж и м* (ср.: *умножаем*) *полученный результат на X*; прош. время также нередко приобретает в контексте науч. речи вневременное значение — *Для газа данной массы отношение объема к температуре было постоянным, если давление газа н е м е н я л о с ь*); на у р о в н е с и н т а к с и с а данное качество науч. речи обнаруживает себя в широком использовании страдательных и неопределенно-личных конструкций. Обобщенно-личных и безличных предложений, в преобладании конструкций с причинно-следственными связями и т.п.

Все перечисленные средства выражения абстрактного характера науч. речи «оформляются» на уровне целого текста в явление С. с., и контактного, и дистантного.

С. с. относится к области литературной нормы, точнее к норме стилистической, требующей от говорящего/пишущего стилистически оправданного употребления языковых единиц в рамках единого коммуникативного контекста, т.е. соблюдения необходимой взаимосвязи между содержанием речи и ситуацией общения. На этом же паритетном начале экстралингвистического и стилистического построена другая стилевая закономерность — СК (см. *Стилистический контраст*).

В качестве общеупотребительных языковых средств выступают любые элементы системы языка (звуки, слово, словоформа, предложение и т.д.), в которых потенциально заложены экспрессивные возможности, актуализируемые тем или иным стилистическим приемом.

Лит.: Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики. — Горький, 1975; Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. — М., 1977; Одинцов В.В. Стилистика текста. — М., 1980; Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. — М., 1980; Кожина М.Н. Стилистика русского языка. — М., 1993.

Н.В. Данилевская

СТИЛОСТАТИСТИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЯЗЫКА — см. *Закономерности (общие) функционирования языковых единиц в функциональных стилях.*

СТИЛОСТАТИСТИЧЕСКИЙ МЕТОД анализа текста — это применение инструментария математической статистики в области стилистики для определения типов функционирования языка в речи, закономерностей функционирования языка в разных сферах общения, типах текстов, специфики функц. стилей и воздействующих на них различных экстралингвистических факторов. Использование С. м. в стилистике обусловлено стремлением подтвердить интуитивные представления о функц. стилях, других стилистических категориях и явлениях объективными показателями. При этом в стилостатистическом анализе количественный подход непременно связан с качественным (лингвостилистической стороной языковых единиц и текста), прежде всего с учетом семантики исследуемых языковых явлений, взаимосвязи их с мышлением, целями и задачами общения и других воздействующих на речь экстралингвистических факторов. Тем самым стилостатистический метод (= методика) анализа является двуединым качественно-количественным. Подмена статистического анализа арифметическим хотя и допустима в отдельных случаях, однако нежелательна, так как не дает объективных показателей (в частности знания величины ошибки наблюдений) и возможности распространения их на всю совокупность изучаемых текстов, тем более на изучение стилостатистических (вероятностных) закономерностей.

Возможность и целесообразность применения статистической методики в стилистике обусловлена свойствами самого языка и речи, их природой. Языку и речи свойственна вероятностность, которая по-разному проявляется в пределах этой дихотомии. В 1963 г. Н.Д. Андреев и Л.Р. Зиндер определили и ввели в научный обиход понятие речевой вероятности. Так, если шесть падежей русского языка являются равноправными в системе языка, то поведение их в речи нарушает это равноправие, частота их употребления оказывается различной. Таким образом, «система речевой вероятности... есть совокупность относительных количественных характеристик, описывающих численные соотношения между элементами (или группами элементов) в некотором массиве текстов. Можно сказать, что речевая вероятность определяет статистическую структуру текстов, тогда как язык характеризуется их теоретико-множественной структурой и алгоритмами их порождения и распознавания» (*Андреев*, *Зиндер*, 1963). Заметим попутно, что в данном

исследовании получен, кроме сказанного, еще один веский аргумент в пользу различения языка и речи: «...некоторые характеристики речи, притом далеко не маловажные, не могут быть выведены из системы языка» (Там же). По словам Н.Д. Андреева, парадигматические вероятности принадлежат языку, синтагматические — речи (Там же). Л.Р. Зиндер и Т.В. Строева говорят: «...при изучении языковой системы... статистика малоэффективна. Напротив, при изучении речи она приобретает первостепенное значение» (1968). Примерно в том же плане высказывался Т.П. Ломтев (1961). Как видим, С. м. помогает решению и теоретических проблем.

Т.о., одно из реальных оснований применения статистики в стилистике — это о б ъ е к т и в н а я п р и с у щ н о с т ь речи количественных признаков (повторяемости, частотности единиц); кроме того, стремление получать объективные показатели вместо расплывчатых *часто, редко, обычно,* тем более что в этой отрасли языкознания много дискуссионных вопросов, касающихся систематизации и дифференциации стилевых явлений. Стилостатистические данные в этих случаях помогают их решению. Наконец, статистика позволяет по анализу части текста судить обо всем тексте или по части текстов какой-либо сферы общения — обо всей их совокупности. С. методы способствуют и определению закономерностей функционирования языка в речи (о чем ниже).

Существуют два вида закономерностей: динамические (*вода кипит при 100 градусах и замерзает при нуле градусов*) и статистические, когда на определенное явление действует м н о ж е с т в о факторов. Статистическим законам подчинены работа человеческого мозга, развитие психики человека, речевая деятельность и другие сложные феномены. Функционирование языка в речи (текстах) подчиняется статистическим законам, имеет статистическую природу. Б.Н. Головин отмечает: «...язык действует, и речь образуется в соответствии со статистическими законами» (1971). Поскольку стилистика, особенно функц. стилистика и стилистика текста, изучают именно функциональный аспект языка, закономерности его функционирования в разных сферах общения и под воздействием ряда экстралингвистических факторов, то применение С. м. в этой области лингвистики, можно сказать, п р е д о п р е д е л е н о е е п р и р о д о й.

Статистика используется и в других разделах языкознания — лексикографии (частотные словари), культуре речи (определение языковых норм), стиховедении, расшифровке древних текстов, атрибуции авторства текста и т.д., но особенно бесспорна ее эффективность в функц. стилистике.

Характерно, что еще в 1938 г. В.В. Виноградов писал: «По-видимому, в разных стилях книжной и разговорной речи... частота употребления разных типов слов различна. Точные изыскания в этой области помогли бы установить структурно-грамматические, а отчасти и семантические различия между стилями... Анализ всех грамматических категорий должен уяснить их относительный вес в разных стилях литературного языка». И замечал: «Но, к сожалению, пока еще этот вопрос находится в

подготовительной стадии обследования материала». Однако в 60-е гг. начинается широкое применение С. м. в лингвистике, в том числе в развивающейся в это время функц. стилистике, поскольку именно она (точнее, ее объект — речь), с одной стороны, является благодатной почвой для применения этих методов, с другой стороны, в силу дискуссионности многих вопросов в то время в стилистике понадобилось решение их не только на интуитивной, но и на объективной основе, которую как раз предоставляет исследователю статистика. Она помогает и более глубокому пониманию стилей, определению стилевой дифференциации речи, в том числе подтверждению данными статистики вначале интуитивно выделенных основных функц. стилей, объективному решению вопроса о внутристилевой дифференциации этих стилей, выделению подстилей, жанров и т.д., вплоть до проявления в речи авторской индивидуальности, а также определению пограничных и периферийных зон; кроме того, исследованию стилевой структуры и специфики речевых разновидностей и, наконец, воздействующих на речь экстралингвистических стилеобразующих факторов и закономерностей функционирования в речи языковых средств. Не последнюю роль при этом играет тот факт, что статистический метод экономит время исследователя, поскольку дает возможность по сравнительно небольшой части проанализированного материала делать выводы о всем изучаемом стиле речи, и при этом выводы достоверные: с учетом (знанием) допущенной ошибки.

Знаменательно и то, что изучение функционирования морфологических средств языка в речи с помощью статистических методик позволило определить их стилистическую значимость и пересмотреть традиционное представление о якобы стилевой нейтральности морфологии.

Однако применение статистических методов требует специальной подготовки, приобретения знаний и умений, связанных с известными трудностями для лингвиста, вообще гуманитария. С самого начала стилостатистического исследования необходимо ознакомиться с правилами организации материала, основами математической статистики, ее инструментами и не забывать о приложении (приспособлении) статистического исследования к специфике изучаемого объекта — языка-речи.

Обычно статистик анализирует (считает) не весь объем изучаемого объекта, так называемой генеральной совокупности (напр. всех текстов науч. стиля, всей прозы Л. Толстого). Он берет из нее некоторое число выборок (отрезков текста определенной длины либо изучаемых языковых единиц) и по ним с помощью статистической обработки полученных данных делает заключение о всей генеральной совокупности в отношении исследуемого явления, напр. частотности глаголов наст. времени в науч. стиле речи, в том числе разных семантико-грамматических оттенков глагола, либо соотношения именных и глагольных форм и т.д. Между прочим, подобный анализ позволяет выявить интересные *стилостатистические закономерности функционирования* (см.) языка в речи, а также установить и объективно показать качественный характер науч. стиля речи (*Митрофанова*, 1973).

Для корректности статистического анализа и выводов потребуется применение такого статистического инструментария, как планирование числа выборок и их суммарного объема, размера подвыборки, а также знаний о средней частоте, среднем квадратичном отклонении и его вычислении, о статистической оценке расхождения между частотами, существенности и несущественности отклонений частот в выборке, об определении величины ошибки наблюдения при определенной степени надежности коэффициента ошибки, об относительной и абсолютной ошибке и др. Кроме того, необходимо знание о сущности и функциях таких понятий и критериев, как «хи-квадрат» (критерий согласия для проверки существенности или несущественности отклонений частот в выборке), t-критерий Стьюдента (для определения характера расхождения средних частот, случайном или существенном), об основных формулах вычисления статистических показателей, о применяемых в этих случаях готовых справочных таблицах и др. Объем статьи не позволяет раскрыть все эти вопросы и понятия; в доступной для гуманитария форме основы лингвостатистики и стилостатистики изложены в кн. Б.Н. Головина «Язык и статистика» (1971); см. также конкретное применение статистических методов при изучении разных аспектов стилей в работах А.Я. Шайкевича (1968), С.И. Кауфмана (1961), М.Н. Кожиной (1972) и др.

При использовании статистики в лингвистике, в частности в лингвостилистике, встают вопросы, которые в свое время были дискуссионными: **Что** считать? **Как** считать? **Для чего** (зачем) считать?

На первые два вопроса ответ как будто бы ясен, хотя и по ним велись дискуссии. Очевидно, поскольку «понятие частотности — понятие речевое» (*Т.П. Ломтев*) и «все, что... обладает повторяемостью, является речевым» (*Н.Д. Андреев*, *Л.Р. Зиндер*), то при изучении функц. стилей как явлении речевом целесообразно применение статистики. Считать надо языковые единицы, функционирующие в речи, причем, по-видимому, характеризующиеся разными частотами в разных сферах общения (что и подтверждается анализом материала). В зависимости от поставленных задач это могут быть самые различные единицы языка — лексические, морфологические, синтаксические, а также текстовые, в меньшей степени фонетические (связываемые преимущественно с анализом стиха). Но любые ли из них и все ли подряд?

При выделении, напр., из всего массива русских текстов функц. стилей и определении их специфики, их внутренней дифференциации можно идти двумя путями. Либо эмпирическим, подвергая статистическому обследованию о д н у за д р у г о й единицы, либо — все знаменательные слова с «разбивкой» по частям речи и морфологическим показателям. Этот путь приведет в конечном счете к описанию полной картины лингвостатистической структуры стилей. Но более экономным окажется другой возможный путь, так сказать, функц.-стилистический. На основании учета целей общения в той или иной сфере деятельности, назначения соответствующей формы сознания, особенностей типа мышления и других базовых экстралингвистических факторов вначале на интуитив-

ном уровне выдвинуть гипотезу о наиболее свойственных и, следовательно, достаточно частотных для исследуемых текстов каких-либо языковых формах (с учетом их семантической стороны), лексико-грамматических значениях и подвергнуть вначале их статистическому анализу, т.е. не все подряд и сразу языковые единицы, а выборочно. Именно те, которые предположительно соответствуют специфике стиля, особенностям подстиля и т.д. С. м. объективно подтвердит (либо откорректирует или отвергнет) выдвинутую гипотезу и определит путь дальнейшей работы. При этом важно обращать внимание на семантическую сторону языковых единиц в плане их соответствия (либо несоответствия) характеру мышления и форме сознания, отражаемой тем или иным функц. стилем. Обнаружено, что специфика стиля формируется не столько использованием специальных стилистически окрашенных средств системы языка, но преобладающей частотностью средств с *функц. окраской* (см.).

Такой подход согласуется с методологическим принципом использования статистики в стилистике: учетом единства качественной и количественной сторон анализа, ибо статистика не является самоцелью, она «обнаруживает «симптомы», количественно выявляемые сигналы качества...» (*Зиндер и Строева*, 1968). Поэтому при использовании статистических методов надо избегать встречающейся иногда ошибки: фетишизма цифр, поскольку статистика лишь инструмент, призванный помочь исследователю в его работе, направленной на выявление качественных свойств объекта, определить объективность полученных данных.

Следует также помнить и высказывание А.Н. Колмогорова о том, что изучение потока речи без гипотез о механизмах их порождения малопродуктивно и неинтересно.

На вопрос «**как** считать?» следует ответ: в соответствии с правилами математической статистики. Помня, однако, о том, что применение ее в разных отраслях знания отличается некоторым своеобразием, обусловленным спецификой изучаемого объекта и, конечно, задачами исследования. Так, если в фармакологии или медицине величина относительной ошибки наблюдения должна быть ничтожной, то для лингвостилистических исследований она признается удовлетворительной и в 5—10%, а в ряде случаев может быть и большей (*Головин*, 1971, с. 56). Но все же чем точнее полученные результаты, тем лучше. В связи с этим, в частности, стоит вопрос о выборке и подвыборке при организации начала работы. С одной стороны, желательно как можно чаще, плотнее «прочесать» текст, с другой — учесть размах колебаний встречаемости в тексте изучаемой единицы (применительно к употреблению глагола см. данные: *Кожина*, 1972. Гл. II).

Вопрос «как считать?» связан с выявлением в той или иной разновидности речи сильнодействующего экстралингвистического стилеобразующего фактора. Поскольку при формировании функц. стиля действует одновременно множество факторов и некоторые из них сильнодействующие (определяющие первичные — важнейшие — стилевые черты), важ-

но установить их влияние, и даже влияние каждого из них, на стиль речи. Допустим, стоит задача определить, влияет ли и в какой степени влияет фактор «вид (конкретная отрасль) науки» на стилостатистическую структуру научной речи. Здесь можно предложить метод своеобразного «снятия срезов» (*Кожина*, 1972, с. 46—48, 176—215), заимствованный из биологии, когда материал подбирается так, чтобы по возможности как бы нейтрализовать влияние на стиль текста ряда других факторов, а именно: берутся тексты разных отраслей науки, но одного и того же жанра, одного и того же времени, отдельно выявляется влияние фактора авторской индивидуальности и т.д. Затем сравниваются количественные показатели исследуемых текстов (по видам науки), и если имеются существенные расхождения, то напрашивается вывод о влиянии фактора «вид науки» (либо при обратных результатах — о незначительности его влияния), т.е. возникает возможность отнесения исследуемых текстов к какому-то особому функц. стилю. Для определения степени существенности/несущественности расхождений показателей (а отсюда и влияния соответствующего фактора) целесообразно использовать математические критерии согласия (t-распределения Стьюдента, хи-квадрат и др.). Если же надо, напр., определить влияние фактора «жанр», то берутся тексты определенного жанра какой-либо одной науки, по возможности близких ее отраслей, одного времени, тематики, даже одного и того же автора (чтобы, помимо названных, «устранить» влияние фактора авторской индивидуальности), а затем сравниваются полученные показатели по исследуемому жанру с данными по тому же жанру, но других наук, а также — с показателями других жанров. Если показатели по каждому жанру существенно отличаются от средних показателей по научному стилю в целом, то следует вывод о существенном влиянии фактора «жанр» на стиль текста. Если же различия несущественные, то данный фактор не является сильнодействующим, так как кардинально не меняет стилистику науч. текстов, а лишь видоизменяет ее признаки, варьируя стиль.

Однако в последнем случае мы уже переходим к вопросу «для чего (или зачем) считать?» и вопросу интерпретации количественных данных, так как не следует ограничиваться лишь их констатацией.

Вероятностно-статистическая устойчивость свидетельствует о закономерности изучаемого явления и, следовательно, о его причинной обусловленности, которая детерминирована множеством экстралингвистических факторов (имеем в виду стилистику речи). Вместе с тем теоретическое положение о влиянии комплекса факторов, определяющих специфику функц. стиля, т.е. сильнодействующих, должно подтверждаться и статистическими показателями (что и проверено теперь уже многочисленными исследованиями). Т. о., с применением С. м. снимаются многие дискуссионные вопросы. Однако, к сожалению, до сих пор еще высказываются неубедительные мнения, касающиеся, напр., выделения некоторых функц. стилей: следует ли выделять в качестве отдельных функц. стилей тексты различных отраслей знания (их стиль) и говорить об особом функц. стиле биологической

науки либо геологии, физики, психологии, философии, технических наук и т.д.? Правильнее говорить в данном случае о внутренней дифференциации науч. стиля; стилостат. показатели текстов отдельных наук должны быть не столь существенны, чтобы «перекрывать» средние показатели стилевой специфики науч. стиля в целом (что и подтверждается С. м. анализа материала). Опора на статистические данные дает, т.о., объективные критерии в решении этого вопроса.

Актуально применение статистики и в других случаях: при определении разных аспектов внутристилевой дифференциации стиля, вплоть до выявления автор. стилевой индивидуальности. При этом целесообразно идти в анализе от общего к частному: от макростилевых явлений к более конкретным, так как в этом случае имеется теоретически обоснованная перспектива исследования. С. м. позволил установить, что стиль науч.-технич. текстов не дает существенных отличий от собственно научных, т.е. не составляет особого функц. стиля, а лишь подстиль.

Главный ответ на вопрос «зачем считать?» — считать следует для того, чтобы выявить закономерности функционирования языковых средств в различных речевых разновидностях и определить объективно существующую зависимость стиля речи от тех или иных экстралингвистических факторов, конкретные связи речевой структуры с последними. В качестве примера см. *Закономерности (общие) функционирования языковых единиц в речи,* а также работы Б.Н. Головина, О.Б. Сиротининой, С.И. Кауфмана, М.Н. Кожиной, О.Д. Митрофановой и др. Эффективно применение стилостатистических методик и в случае изучения *речевой системности стиля* (см.), *функциональных семантико-стилистических категорий* (см.), в частности, определение центральных (ядерных) и периферийных языковых средств в полевой структуре этих категорий и др.

Т. о., в этих случаях статистика позволяет определить качественные, стилевые признаки речевых разновидностей, являющиеся «сигналами качества» и указанием на причинную обусловленность явлений.

Однако, несмотря на эффективность применения статистики для решения многих проблем стилистики и изучения закономерностей функционирования языка в речи, использование статистических методик после «всплеска» активности их употребления в 60—70 гг. XX столетия затем пошло на убыль. Прежде всего сказались трудности освоения гуманитариями математических познаний. Так, собственно статистический анализ и его критерии при оценке полученных показателей постепенно свелись в стилистических работах к арифметическим подсчетам. Кроме того, оказались недостаточно отработанными проблемы интерпретации статистических показателей, методологии применения последних с учетом специфики изучаемого стилистикой объекта, проблемы связи экстралингвистического со стилистическим, что не способствовало рождению гипотез, требующих проверки объективными методами.

Характерно, что одна из первых работ по применению статистики в лингвистике (*Н.А. Морозова* в 1915 г.) была подвергнута критической оценке математиком А.А. Марковым, которому принадлежат работы имен-

но в области стилостатистики. То есть трудности, естественно, возникли сразу. И много позже о них пишут О.С. Ахманова, В.Г. Адмони, Б.Н. Головин, Л. Долежел и др.

О возможности и необходимости использования математических (статистических) методов в лингвистике ученые говорят начиная с середины XIX в. (математик В.Я. Буняковский), в начале XX в. — лингвисты И.А. Бодуэн де Куртенэ, Е.Д. Поливанов, А.М. Пешковский, М.Н. Петерсон и др. Позже, в 60—70-е гг., появляется целая серия работ общего и частного характера, причем по применению статистики именно в стилистике. Высказываются мысли о необходимости глобального количественного изучения стилей (*Ф. Пап*); о том, что «норма и стиль являются понятиями, покоящимися на статистических закономерностях» (*Р.Р. Каспранский*); В.И. Перебейнос, один из авторов монографического описания стилостатистическими методами функц. стилей, отмечает: «Статистика помогает выявить закономерности, которые другими методами не определимы» (1967). Различным вопросам лингвостатистики и в особенности стилостатистики посвящены многочисленные исследования и выступления на конференциях — Н.Д. Андреев, О.С. Ахманова, Р.Г. Пиотровский, Г.А. Лесскисс, М.П. Кульгав, П.С. Кузнецов, Т.П. Ломтев, А.Я. Шайкевич, Р.М. Фрумкина, Б. Гавранек, Й. Мистрик, Й. Краус и мн. др.

Можно полагать, что стилистику (может быть и не скоро) ждет новая волна активизации стилостатистических исследований.

Лит.: Сиротинина О.Б. Использование статистического метода при выявлении стилевых различий // Питання прикладної лінгвістики. Тези міжвуз. наук. конф., Чернівці, 1960; Вопросы стилистики. Вып. 3 / Под ред. О.Б. Сиротининой. Изд. Саратов. ун-та, 1969; Сиротинина О.С., Бах С.А., Богданова В.А. К вопросу об изменениях стилевой дифференциации языка // Язык и общество, СГУ, 1964; Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка / Под ред. О.Б. Сиротининой, Лексика. — Саратов, 1983; Грамматика. — Саратов, 1992; Головин Б.Н. О возможности количественной характеристики речевых стилей, Тезисы докладов межвузовской конференции по стилистике худож. литературы, МГУ. — М., 1961; Его же: О вероятностно-статистическом изучении стилевой дифференциации языка // Семинар «Автоматизация информационных работ и вопросы прикладной лингвистики». — Киев, 1964; Его же: Из курса лекций по лингвистической статистике. — Горький, 1966; Его же: Язык и статистика. — М., 1971; Кауфман С.И. Количественный анализ общеязыковых категорий, определяющих качественные особенности стиля // Вопросы романо-германского языкознания, Коломна, 1961; Его же: Об именном характере технического стиля (на материале технической литературы). — ВЯ. — 1961. — № 5; Пап Ф. Количественный анализ словарной структуры некоторых русских текстов. — ВЯ. — 1961. — № 6; Лесскисс Г.А. О размере предложений в русской научной и художественной прозе 60-х гг. XIX в. — ВЯ. — 1962. — № 2; Его же. О зависимости между размером предложения и характером текста. — ВЯ. — 1963. — № 3; Его же: О зависимости между размером предложения и его структурой в разных видах текста. — ВЯ. — 1964. — № 3; Перебейнос В.И. Структурные методы при разграничении значений глагола // Проблемы структурной лингвистики. — М., 1962; Статистичні параметри стилів /

Под ред. В.И. Перебейнос. — Киев, Київ, 1967; Колмогоров А.Н., Кондратов А.М. Ритмика поэм Маяковского. — ВЯ. — 1962. — № 3; Колмогоров А.Н., Прохоров А.В. О дольнике современной русской поэзии. — ВЯ. — 1964. — № 1; Кондратов А.М. Статистика типов русской рифмы. — ВЯ. — 1963. — № 6; Долежел Л. Вероятностный подход к теории художественного стиля. — ВЯ. — 1964. — № 2; Кульгав М.П. Основные стилевые черты и синтаксические средства их реализации в современной немецкой научно-технической речи: Дис. ... канд. филол. наук. — М., 1964; Мистрик Й. Математико-статистические методы в стилистике. — ВЯ. — 1967. — № 3; Язык и общество. — Изд. СГУ, 1967; Шайкевич А.Я. Опыт статистического выделения функциональных стилей. — ВЯ. — 1968. — № 1; Кожина М.Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. — Пермь, 1972; Митрофанова О.Д. Язык научно-технической литературы. — М., 1973; Носенко И.А. Начала статистики для лингвистов. — М., 1981.

Марков А.А. Об одном применении статистического метода, «Изв. АН (Bulletin)». Т. 10, сер. VI. — № 4, П., 1915; Морозов Н.А. Лингвостилистические спектры, «Изв. АН. Отд. Рус. яз. и словесн.». Кн. 1—4. Т. XX, 1915; Голубев В.А. Элементы математической статистики в приложении к лесному делу. — М., 1929; Чистяков В.Ф., Крамаренко Б.М. Опыт применения статистического метода в языкознании, в. 1. — Краснодар, 1929; Ахманова О.С., Мельчук И.А., Падучева Е.В., Фрумкина Р.М. О точных методах исследования языка, МГУ, 1961; Митропольский А.К. Техника статистических вычислений. — М., 1961; Пиотровский Р.Г. О математичном языкознании, «Рус. яз. в нац. школе», 1961. — № 2; Его же: Математическое языкознание, его перспективы, «Вестник высшей школы», 1964. — № 6; Его же: Информационные измерения печатного текста // Энтропия языка и статистика речи. — Минск, 1966; Адмони В.Г. Качественный и количественный анализ грамматических явлений. — ВЯ. — 1963. — № 4; Андреев Н.Д., Зиндер Л.Р. О понятиях речевого акта, речи, речевой вероятности и языка. — ВЯ. — 1963. — № 3; Штейнфельд Э.А. Частотный словарь современного русского литературного языка. — Таллин, 1963; Фрумкина Р.М. Статистические методы изучения лексики. — М., 1964; Ее же: Роль статистических методов в современных лингвистических исследованиях // Математическая лингвистика. — М., 1973; Засорина Л.Н. Автоматизация и статистика в лексикографии, Изд. ЛГУ, 1966; Андреев Н.Д. Статистико-комбинаторные методы в теоретическом и прикладном языкознании. — Л., 1967; Феллер В. Введение в теорию вероятностей и ее приложения. Т. I. — М., 1967; Зиндер Л.Р., Строева Т.В. К вопросу о применении статистики в языкознании. — ВЯ. — 1968. — № 6; Москович В.А. Статистика и семантика. — М., 1969; Полякова Г.П., Солганик Г.Я. Частотный словарь языка газеты. — М., 1971.

Yule G.U. The statistical studi of literary vocabulary. — Cambridge, 1944; Josselson H. The Russian word count. — Detroit, 1953; Guirand P. Problems et méthodes de la statistigue linguistigue. — Paris, 1960; Tešitelova M. K statistickemu vyzkumu slovni zasoby, SaS, 1961. — № 3; Kraus J. Kvantitati-vni rozbor stylu pracovnich navodu. — «Naše reč», 1964. — № 4; Kraus J., Vašak P. Попытка количественной типологии текстов // Prague Studies in Mathematical Linguustics. — Praha, 1967.

М.Н.Кожина

СТИЛЬ (от лат. stilus, stylus — остроконечная палочка для письма, затем —манера письма, своеобразие слога, склад речи). В языкознании

нет единого определения понятия С., что обусловлено многомерностью самого феномена и изучением его с различных точек зрения.

В русистике наиболее общепринятыми являются формулировки термина-понятия «С.», базирующиеся на его определении В.В. Виноградовым (1955): «Стиль — это общественно осознанная и функционально обусловленная, внутренне объединенная совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общенародного, общенационального языка, соотносительная с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в речевой общественной практике данного народа». Отталкиваясь от этой формулировки, С. определяют как общественно осознанную, исторически сложившуюся, объединенную определенным функц. назначением и закрепленную традицией за той или иной из наиболее общих сфер социальной жизни систему языковых единиц всех уровней и способов их отбора, сочетания и употребления. Это функц. разновидность, или вариант, рус. лит. языка, отличающийся способами его использования в разных сферах общения и создающий разные речевые стили как композиционно-текстовые структуры.

С. — фундаментальное понятие стилистики, и по мере ее развития складывались разные понимания С.

С. — одно из ранних понятий гуманитарного знания, представленное в риториках и поэтиках Древней Греции и Рима, а еще ранее в индийских поэтиках. Вплоть до средневековья понятие С. как своеобразия речи связывается с вопросом нормативности, а именно с тем, какой слог и его средства (тропы и фигуры, состав лексики, фразеологии, синтаксиса) «приличествует» употреблять в разных видах словесности. В XVIII в. с появлением на Западе особой дисциплины, стилистики, С. определяется как своеобразие худож. речи (писателя, произведения и т.д.). В XVIII в. С. становится также искусствоведческим термином для обозначения сугубо индивидуальной манеры изображения. Такое понимание достигает расцвета в эпоху лит. романтизма, связываясь с понятием человека-творца, гения как неотъемлемое и неотчуждаемое его свойство. Ср. высказывание Ж.Л.Л. Бюффона: «Стиль — это сам человек». У Гегеля противопоставление манеры и С. «снимается» в понятии «оригинальность». В рус. языке термин «стиль» и вариант «штиль» появляются в XVII в., в середине XIX в. закрепляется термин «стиль».

Будучи явлением историческим (см. *Историзм стиля*), С. претерпевает изменения в содержании своего понятия.

Наиболее ранним в России было восходящее к античным риторикам трехчленное представление С. в рус. риториках XVII—XVIII вв. и теории и практике М.В. Ломоносова и его современников (см. *Трех стилей теория*): высокий — средний — низкий как совокупностей в каждом из них языковых средств в единстве (соотнесении) с предметом речи, темой, содержанием, группой жанров, тем самым — соответствующих трем видам «речений».

Позднее в связи с распадом в рус. лит. языке системы трех стилей и дальнейшим процессом демократизации языка на основе модификации

этой модели С. выделяется оппозиция: *книжный С.* (см.) — *разговорный* (разг.-фамильярный) *С.* (см.) на фоне нейтрального. Стилевая окраска книжности речи была представлена (и сейчас частично сохраняется) в письменной форме в текстах специальной (науч., оф.-дел.) и худож. литературы и восходила к церк.-слав. пласту древнерус. книжности, разговорный С. (тип) — к устно-разг. речи низов городского населения и просторечию.

Эту *модель С. традиционную* (см.) совмещают нередко с экспрессивной (Ш. Балли), поскольку здесь по отношению к нейтральной «основе» (общеупотребительным средствам языка) представлены совокупности средств языка с повышением экспрессивно-стилистической тональности: торжественная (риторическая), возвышенная, строгая, официальная или ее понижением: С. фамильярный, грубый, дружеский, неофициальный, активизирующиеся либо в сфере книжно-письменной официальной речи и придающие ей соответствующую «окраску», либо, напротив, — в разг.-обиходной (преимущественно устной, неофициальной) со свойственной ей *стилистической окраской* (см.). Эти средства представляют собой ресурсы стилистической синонимии (*очи — глаза — гляделки; длань — рука — лапа; вкушать — есть — уплетать*). В XX в. они используются в худож. литературе и публицистике как средства создания юмора, сатиры, иронии.

Однако экспрессивность речи и ее источники не ограничиваются указанным аспектом (синонимией). Экспрессивность стиля понимают шире: сюда относят средства с различными эмоциональными и экспрессивными окрасками и оценкой (возвышенная, интимно-ласковая, уничижительная, презрительная и т.д.). Обычно эти экспрессивно-стилистические признаки определяются также на фоне нейтральных (стилистически не окрашенных) средств. Более строгим структурно-семантическим вариантом этой модели является понимание С. как коннотативной стороны языковых единиц, содержащих помимо денотативного разнообразные экспрессивно-эмоциональные, оценочные, стилистические, ассоциативно-образные созначения и окраски, которые сопутствуют собственно понятийному значению, передавая закрепляемые за языковыми единицами отношения и оценки говорящих к денотатам соответствующих языковых единиц.

Таким образом, на смену пониманию С. в период классицизма как замкнутой системы средств языка определенного однотипного стилистического «статуса» (соответствующих содержанию и жанру произведения) на основе трехчленного деления, приходит понимание С. как той или иной окраски (значения, точнее со-значения) у языковых единиц на фоне нейтральной нормы, единиц, составляющих стилистические пласты в системе языка. Это аспект не столько функциональный, сколько структурно-языковой, изучаемый *стилистикой ресурсов* (см.), хотя когда речь идет об употреблении этих средств в процессе общения, естественно, обнаруживается функциональность.

Однако с начала XIX в. отошла в прошлое возможность построения более или менее протяженного высказывания, тем более целого произ-

ведения, средствами одной стилистической окраски. При взгляде на историю развития стилистики такая ситуация была оценена (в ходе дискуссии 1954 г. по стилистике) даже как исчезновение стиля (если подходить к его определению с точки зрения ломоносовской традиции).

В первой половине XIX в. для обозначения индивидуальной манеры речи применительно к С. писателя используется номинация слог (см. у В.Г. Белинского и др.). Это значение термина С. сохраняется в лингвостилистике в качестве одного из возможных до настоящего времени. Ср. толкование в словарях термина С. как индивидуальной манеры, способа, которым исполнен данный речевой акт (или произведение) — стиль речи конкретного лица, в особенности — писателя (*С. Пушкина, С. Гоголя*).

Термином «С.» в словарях обозначают и общепринятую манеру речи, способ ее исполнения, свойственный типизированным литературным текстам, в том числе жанровым разновидностям, когда значимы не только языковые элементы, но и композиция, и другие составляющие текста (*С. романтизма, классицизма; С. к-л. литературной школы; С. басни, репортажа, фельетона*).

С середины XX в. в связи с развитием *функц. стилистики* (см.) появляется и становится центральным в современной науке понимание С. как стиля функционального. В этом случае внимание сосредоточивается преимущественно на речевой организации текста. С учетом указанного выше определения стиля, данного В.В. Виноградовым (1955), функц. стиль — это своеобразный характер речи той или иной ее социальной разновидности, соответствующей сфере общения и деятельности, соотносительной с определенной формой сознания, который создается особенностями функционирования в этой сфере языковых средств и специфической речевой организацией, *речевой системностью* (см.). (Подробнее см.: *Функц. стиль, экстралингвистические факторы функц. стиля*). Т. о., С. — явление субъективно-объективное.

Термин «функц.стиль» используют в аспекте не только речи, но и строя языка, и тогда его определяют как исторически сложившиеся в данном языковом коллективе разновидности лит. языка, представляющие собой относительно замкнутые системы языковых средств, регулярно функционирующие в различных сферах общественной деятельности.

Иногда ряд функц. стилей объединяют в широкий круг книжной речи (науч., оф.-дел., публиц., «языка худож. литературы») в противоположность речи разг., обиходной.

Существует и собственно оценочное определение С. речи — *хороший С.* (сочинения) или *плохой* — на основе соответствия/несоответствия сложившимся представлениям о норме стиля (см. *Стилистическая норма*).

При различии этих пониманий С. у них имеются, однако, общие, инвариантные признаки. Это наличие некоего своеобразия, специфической характерологической черты (не нейтральности) у разновидности языка/речи или у совокупности языковых средств, каких-то отклонений от обычного, буквального, лишенного коннота-

ций (в том числе функц.-стилистических) обозначения предмета речи (денотата в широком смысле) у одного С. по сравнению с другим. Феномен С., стилистического вообще — это нечто своеобразное, специфичное, характерное для того или иного предмета, явления, отличающее его от других предметов, явлений того же ряда. Этот смысловой компонент последовательно предстает во всех значениях слова «стиль» в словарях совр. рус. языка: 1. «Совокупность признаков, характеризующих искусство... или индивидуальную манеру художника» // «Совокупность характерных признаков, особенностей, свойственных чему-либо, отличающих что-либо». 2. «Совокупность приемов использования средств языка, характерная для какого-либо писателя...» 3. «Функциональная разновидность лит. языка...», т.е. функц. стиль, как сказано выше, — это «своеобразный характер речи той или иной ее разновидности» // «Особенности в построении речи...» 4. «Способ осуществления чего-либо, отличающийся совокупностью своеобразных приемов...» (МАС. Т. 4). Заметим при этом, что номинация «манера» тоже включает в себя понятие отличительных признаков: «Совокупность особенностей в построении речи и словоупотреблении, манера словесного изложения» (БАС. Т. 4). Кроме того (что важно для определения стиля), это наличие особых в каждой сфере общения, разновидности языка/речи принципов отбора и комбинации языковых средств, их трансформации, обусловленных экстралингвистическими факторами. Различия стилей определяются различием этих принципов, но С. — не сами принципы, а результат их действия. Т. о., каждый С. характеризуется наличием дифференциальных признаков. Индивидуальный С., по словам Ю.С. Степанова, — это «мера отклонений от нейтральной нормы». Наконец, понятие С. всегда связано с его осознанием.

С. явление не столько собственно языковое (в узком смысле последнего слова, как строя языка), сколько речевое, свойственное высказываниям (текстам) и создающееся в них. Таково мнение, напр., М.М. Бахтина, утверждающего: «Экспрессивная сторона языковых единиц — это не аспект системы языка» (1979, с. 264), «...экспрессивность отдельных слов не есть свойство самого слова как единицы языка и не вытекает непосредственно из значений этих слов» (Там же, с. 269). Если и не соглашаться с категоричностью этих утверждений, то следует бесспорно признать, что стилистические значения и оттенки у слов (как присущие им созначения, коннотации) формируются в процессе функционирования слов в речи, поскольку, как верно заметил Ф. де Соссюр, «факт речи предшествует факту языка».

Таким образом, С. творится и выражается в речевой деятельности, в процессе употребления языка и запечатлевается в тексте. С. — это одно из существенных свойств текста, формирующихся и выражающихся в его речевой системности, обусловленных в той или иной сфере и ситуации общения определенной совокупностью *экстралингвистических стилеобразующих факторов* (см.). В результате чего можно отличить — по стилю — один текст (группу текстов) от другого; это касается и индиви-

дуальных особенностей речи. Неверно представлять дело лишь так, что стилистический аспект текста создается за счет языковых средств одинаковой стилистической окраски (за исключением редких особых случаев и случаев, отмеченных в произведениях XVIII в.).

В стремлении уточнить лингвистическое понятие «С.» известный чехословацкий ученый К. Гаузенблас попытался дать более глубокую его характеристику на основе учета широкого, общего понимания С. (различных «областей и форм человеческого поведения»). В результате обозначился круг (система) признаков, существенных и для стиля как понятия лингвистики. Вот эти основные признаки: «Стиль — это специфически человеческое явление», «сфера стилевых явлений — это сфера интериндивидуального контакта»; «Стиль имеет отношение к деятельности человека, для которой свойственна целенаправленность...», «Под стилем следует понимать определенный способ, принцип прохождения этой деятельности», в результате которой создается нечто целое «путем» отбора составных частей и их комбинации, важных для характеристики стиля»; «стиль связан со структурой созданного, со специфическим принципом его построения», т.е. «стиль — это свойства структуры созданного» (1967, с. 70—71). Об отношении же отдельных стилистически окрашенных единиц к языку, автор пишет, что «стилевые и языковые явления не стоят в одном ряду: стилевые явления отчасти входят в состав языковых явлений. Отчасти же выходят за их рамки» (Там же, с. 72). Ср. с указ. выше точ. зр. М. Бахтина. Подчеркнем антропоцентризм С., связанный с его онтологической природой (см. *Гончарова*, 1995).

Формирование стилистических средств языка и его стилевых разновидностей обусловлено расширением функций лит. языка в процессе его исторического развития, использованием лит. языка в появляющихся новых сферах деятельности и общения, а также в связи с появлением различных социальных ролей говорящих и т.д. С. развивается не только за счет многозначности языковых единиц и многофункциональности языка, но и за счет других языковых процессов, в частности заимствований из других языков, социальных, территориальных диалектов, жаргонов. Богатым источником для стилистики рус. лит. языка был старославянский (церковнославянский язык); в период же демократизации лит. языка в XIX в. — живая разговорная речь, просторечие, отчасти диалекты. Функц. стили рус. лит. языка формируются в своей основе на рубеже XVIII и XIX вв., а затем идет лишь процесс их «кристаллизации» (шлифования) и внутренней дифференциации.

В России изучение С. связано прежде всего с именами М.В. Ломоносова, Н.М. Карамзина, В.Г. Белинского, А.Н. Веселовского, А.И. Соболевского, А.А. Потебни; в XX в. — с работами В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, М.М. Бахтина, А.М. Пешковского, Л.В. Щербы, Б.А. Ларина, В.М. Жирмунского, Б.В. Томашевского, Л.А. Булаховского и целой плеяды современных ученых Виноградовской школы.

Понятие С. лингвистического тесно связывается с понятием С. литературоведческого — при исследовании худож. текстов. Термин «С.» употребляется в искусствоведении, эстетике, психологии, науковедении,

когнитологии (когнитивный С. — *Демьянков*, *Лузина*). В 50—70 гг. XX в. оформляется понятие С. мышления, миропонимания как тенденций мысли, общих для науки, искусства определенного периода (М. Борн, Т. Кун, применительно к худож. литературе Р. Барт).

О многообразии современных представлений о С. и его толкованиях говорят результаты анкетирования ученых разных (преимущественно славянских) стран, проведенного проф. Ст. Гайдой и опубликованные в ж. Stylistyka-IV, где представлены точки зрения на стиль К. Гаузенбласа, Ф. Данеша, М. Елинка, Й. Крауса, Б. Хоффмана, О.Б. Сиротининой, М.Н. Кожиной, Г.Я. Солганика и др. О понимании С. в зарубежной С-ке см.: Ю.С. Степанов, Б. Тошович (2002).

Лит.: Соболевский А.И. О стиле. — Харьков, 1909; Пешковский А.М. Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики. — М.; Л., 1930; Будагов Р.А. К вопросу о языковых стилях, «ВЯ». — № 3, 1954; Его же: Литературные языки и языковые стили. — М., 1967; Сорокин Ю.С. К вопросу об основных понятиях стилистики. — ВЯ. — 1954. — № 2; Виноградов В.В. Итоги обсуждения вопросов стилистики, «ВЯ». — № 1, 1955; Его же: Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. — М., 1963; Его же: Очерки по ист. рус. лит. языка XVII—XIX вв. — М., 1982; Ахманова О.С. Очерки по общей и рус. лексикологии. — М., 1957; Щерба Л.В. Избр. работы по русскому языку. — М., 1957; Винокур Г.О. О задачах истории языка // Избр. работы по русскому. языку. — М., 1959; Балли Ш. Французская стилистика. — М., 1961; Борн М. Состояние идей в физике // Физика в жизни моего поколения. — М., 1963; Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка.— 3-е изд. — М., 1965; Гаузенблас К. К уточнению понятия «стиль» и к вопросу об объеме стилистического исследования. — ВЯ. — 1967. — № 5; Кожина М.Н. К основаниям функц. стилистики. — Пермь, 1968; Ее же: Стилистика рус. языка. — М., 1993; Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. — М., 1971; Гальперин И.Р. О понятиях «стиль» и «стилистика». — ВЯ. — 1973. — № 3; Васильева А.Н. Курс лекций по стилистике русского языка. Общие понятия... — М., 1976; Шмелев Д.Н. Русский язык в его функц. разновидностях. — М., 1977; Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. — М., 1979; Винокур Т.Г. Закономерности стилистич. использования языковых единиц. — М., 1980; Головин Б.Н. Основы культуры речи. Гл. II. — М., 1980; НЗЛ. Вып. IX. — М., 1980; Петрищева Е.Ф. Стилистически окрашенная лексика рус. языка. — М., 1984; Бельчиков Ю.А. Лексическая стилистика: проблемы изучения и обучения. — М., 1988; Его же: Стиль // Рус. яз. Энц.— 2-е изд. — М., 1997; Степанов Ю.С. Стиль // ЛЭС. — М., 1990; Телия В.Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. — М., 1991; Лосев А.Ф. Некоторые вопросы из истории учений о стиле, «Вестник Моск. ун-та. Сер. 9 — Филология», 1993. — № 4; Лузина Л.Г. Когнитивный стиль // КСКТ. — М., 1996; Гончарова Е.А. Стиль как антропоцентрическая категория. Studia Linguistica. № 8. Слово, предложение и текст... — СПб., 1999; Сиротинина О.Б. Что такое стиль?, «Stylistyka-IV». — Opole, 1995; Солганик Г.Я. О стиле, Там же; Jelinek M., Teze o stylu, Там же; Hausenblas K., Styl jazykovych projevu a rozvrstvení jazyka, SaS, XXIII, 1962; Bogołębska B., Proces wyodrębniania się teorii stylu na przełomie wieku XIX na XX, «Stylistyka-II», 1993; Тошовић. Функционални стилови. — Београд, 2002.

М.Н. Кожина

СТИЛЬ КНИЖНЫЙ (книжная речь) — стиль, свойственный книжно-письменной речи (см. *Письменная речь*). В стилистике помимо выделения функц. стилей существует разграничение языковых средств и стилей на две основные сферы — книжную и разговорную, идущее от традиций словесности и стилистики XIX в. Это отражает историческое развитие рус. лит. языка, в котором приоритетным и хронологически первым был книжный тип лит. языка — язык памятников письменности, в том числе на старославянской основе, а также на основе народно-разговорной речи, постепенно «олитературивающейся». Книжная речь была, т. о., изначально связана с письменной формой выражения (а позже, с введением книгопечатания, — и с реализацией письменной речи в форме печатных текстов) и обслуживала сферу официальных отношений (в отличие от разг. речи, функционирующей широко в устной форме, непосредственном межличностном общении).

В рамках лит. языка как дихотомической системы, где книжная речь противостоит разг. (см. *Литературно-разговорный стиль речи*), постепенно формируются функц. стили. Становление системы функц. стилей происходит в конце XVIII—нач. XIX в. Теория функц. стилей складывается позже — лишь в XX в., и с ее появлением в лингвистике начинают сосуществовать два разных подхода к стилям, две классификации — стилей в традиционном их понимании и стилей функциональных.

С. к. отличается строгостью норм, особой окраской — официальностью, «сухостью» либо возвышенностью. С. к. представлен прежде всего в т. н. специальной литературе — научн., оф.-дел. текстах, информативно-хроникальных и официально-документальных жанрах публицистики, а кроме того, в известной мере в речи художественно-изобразительной (худож. текстах и текстах свободных жанров публицистики). Последняя, в отличие от специальной речи, допускает использование всех разрядов языковых единиц, в том числе разг., и поэтому не является областью предельной концентрации книжно-письменных средств, но все же широко их использует (см. *Стилистические ресурсы лексики*).

С. к. реализуется, как правило, в условиях групповой и массовой коммуникации. Сферы массовой коммуникации — печать, радио, телевидение. Здесь нет непосредственной обратной связи с адресатом информации, содержащейся в тексте, — читателями, радиослушателями, телезрителями. Групповая коммуникация осуществляется в ходе учебной лекции, урока, судебного процесса, разного рода собраний, митингов, конференций. Оратор, лектор, учитель имеют непосредственную связь со своими слушателями. Формы, степень интенсивности, характер обратной связи зависят от вида, жанра устного выступления и условий речевого общения, но в любом случае речь остается в рамках официальной ситуации.

Собственно языковая характеристика С. к. касается прежде всего области лексики. Книжная лексика по экспрессивной окраске подразделяется на «высокую», торжественную, основную часть которой составляют *славянизмы* (см.), напр.: *благословить, возрождение, провозгласить,*

таинство; «поэтическую» (см. *Поэтизмы*), которая встречается гл. обр. в стихотворной речи XIX—нач. XX в. (*грёза, лазурный, очи, чары, чудный*); слова с публиц. экспрессией (см. *Публицистический стиль; Газетизмы*), наделенные, как правило, социальной оценкой, положительной или отрицательной (*борец, гражданственность, судьбоносный, вандализм, мракобесие* и др.); слова с экспрессией «книжности», используемые для беспристрастного, в деловом тоне, изложения мысли, обсуждения вопроса (*необходимо, осуществить, реализация, результат* и др.). Для С. к. характерно употребление терминов, как узкоспециальных, так и общепонятных. Окраску книжности придает речи использование отглагольных существительных на *-ние* (*влияние, возникновение, использование, обеспечение* и т.п.), предложно-падежных конструкций с производными предлогами (*вследствие чего, в зависимости от чего, в отличие от чего, по мере чего, по сравнению с чем*) и др. специфических книжно-письменных лексико-грамматических единиц.

Книжная речь отличается от разг. более сложным синтаксисом, большей логичностью, последовательностью, связностью изложения (см. *Стилистические ресурсы синтаксиса*).

Вместе с тем книжная речь не изолирована от разг. Для рус. лит. языка характерно глубокое и разнонаправленное их взаимодействие. Еще А.С. Пушкин, отмечая различие книжно-письменного и разг. языка, подчеркивал и их связь: «Может ли письменный язык быть совершенно подобным разговорному? Нет, так же, как разговорный язык никогда не может быть совершенно подобным письменному... Чем богаче язык выражениями и оборотами, тем лучше для искусного писателя. Письменный язык оживляется поминутно выражениями, рождающимися в разговоре, но не должен отрекаться от приобретенного им в течение веков» («Письмо к издателю», 1836). Книжная и разг. речь «заимствуют» друг у друга недостающие каждой из них речевые средства выражения. Разг. речь воспринимает слова терминологического характера — по мере успехов технического прогресса, его проникновения в быт (*компьютер, интернет*), актуальную часть общественно-политической лексики (*демократы, реформы*), слова и обороты книжной окраски (*фактически, действительно, в принципе, в порядке вещей*). Книжная речь допускает в свои тексты экспрессивные средства разг. характера: фразеологизмы, пословицы, особо выразительные слова. Взаимопроницаемость книжного и разг. стилей интенсифицируется в периоды коренных социальных преобразований, в связи с развитием СМИ, расширением границ речевой свободы, особенно характерного для конца XX в.

Представление о «книжности» речи не оставалось неизменным на протяжении истории рус. языка. Во 2-й пол. XVIII в. оно связывалось прежде всего с высоким стилем (см. *Трех стилей теория*), в 1-й пол. и сер. XIX в. — с «художественностью», изысканностью, красивостью. Затем «книжность» начинает ассоциироваться с публиц. и науч. речью. В совр. языке со С. к. связываются характерные черты письменной формы наиболее разработанных традиционных функц. вариантов лит. языка: науч., публиц. сти-

лей, в определенной степени языка худож. литературы. Стремление избежать разговорности и желание выразиться «книжно» приводит зачастую к использованию оборотов, типичных для оф.-дел. стиля.

Книжная речь в ее функциональном расслоении и разг. речь совместно обеспечивают социально-культурное назначение лит. языка.

Лит.: Щ е р б а Л.В. Избр. работы по рус. языку. — М., 1957; В и н о г р а д о в В.В. Проблемы лит. языков и закономерностей их образования и развития. — М., 1967; К о с т о м а р о в В.Г. О разграничении терминов «устный» и «разговорный», «письменный» и «книжный» // Проблемы совр. филологии. — М., 1965; П е т р и щ е в а Е.Ф. Стиль и стилистические средства // Стилистические исследования (на материале совр. рус. языка). — М., 1972; Ш м е л е в Д.Н. Рус. язык в его функц. разновидностях. — М., 1977; Б е л ь ч и к о в Ю.А. Лексическая стилистика: проблемы изучения и обучения. — М., 1988; Е г о ж е: Стилистика и культура речи. — М., 2000; Г о р ш к о в А.И. Русская стилистика. — М., 2001.

Т.Б. Трошева

СТИЛЯ МОДЕЛЬ (ТРАДИЦИОННАЯ) — представляет характеристику стиля речи (произведения) и стилистических средств языка по традиционной схеме-триаде: высокий стиль — средний — низкий, иначе: + 0 — (см. *Трех стилей теория*), т.е. п о в ы ш е н и е (к торжественному, риторическому) тона речи и соответствующих по стилистической окраске языковых средств или, напротив, п о н и ж е н и е (к фамильярной, повседневно-разговорной) от «исходной» н е й т р а л ь н о й речи (и соответствующих языковых единиц), которая берется за «среднюю норму». Такая модель обеспечивается богатой синонимикой рус. языка, в том числе стилистической; напр.: *провозгласить — сказать — буркнуть; очи — глаза — гляделки; вкушать — есть — шамать; взирать — смотреть — глазеть;* и т.д. Указанная модель стиля восходит прежде всего к теории трех штилей М.В. Ломоносова (в свою очередь восходящей к античности), которая хотя и утратила свою значимость в лит. языке к началу XIX в., однако осталась в языковом сознании вплоть до современности (см. *Ахманова*, 1957). Так, сохраняется и само представление о тройной стилевой соотносительности стилевых окрасок языковых средств, и представление о высоком или низком стиле речи. Вместе с тем следует учесть, что если в ломоносовский период названные стили имели (относительно) системный характер, то с конца XVIII в. эта системность разрушается. В совр. рус. лит. языке нет высокого, среднего и низкого стилей как самостоятельных, более или менее строго очерченных систем средств, тем более в их связях с жанрами литературы. Особенно требует оговорок так называемый средний стиль (и ранее недостаточно четко очерченный). Под ним понимаются нейтральные, т.е. без стилистической, экспрессивной и других окрасок языковые средства, иначе говоря, неокрашенные, без коннотаций (см. *Нейтральный стиль, нейтральность*). Обычно это общеупотребительные языковые единицы. Однако если учесть ф у н к ц и о н а л ь н о-стилистические окраски (маркеры функц. стилей),

а также то, что почти любая языковая единица может потерять в контексте свою «нейтральность», то собственно нейтральных средств в языке немного. Тем самым термин «нейтральный» («средний» стиль) весьма условен даже в отношении к системе (строю) языка (и его средствам), но он становится еще более условным по отношению к речи, к аспекту употребления языка (К. Гаузенблас).

Для современной речи (кроме случаев стилизации) не свойственна одностилевая ее окраска, тем более в увязке с определенным жанром речи. В связи с тенденциями к демократизации языка грани между средним и низким стилями стерлись даже в речи интеллигенции (см. в особенности газетно-публиц. стиль, парламентскую речь и др.). Использование же средств «высокого стиля» обычно оговаривается автором (использованием оборотов: *говоря высоким слогом, выражаясь высоким штилем* и т.п.). Довольно широко «высокая» лексика и фразеология используется в ироническом плане как средство создания юмора и сатиры, при пародировании (обычно при столкновении разностильных единиц — М.Е. Салтыков-Щедрин, М. Зощенко, И. Ильф и Е. Петров и др.), но также и в своей основной функции — придания высказыванию торжественности, приподнятости (напр. в передовицах газет советского периода, в некоторых жанрах, таких, как торжественная юбилейная речь). Большей же частью это своего рода инкрустации в тексте. Примером *высокого стиля* (см.) и использования высокой лексики в поэтической речи может служить стихотворение А.С. Пушкина «Пророк», демонстрирующее, кстати, что эта лексика по своему происхождению является церковнославянской и книжной (*Духовной жаждою томим, / В пустыне мрачной я влачился, / И шестикрылый серафим / На перепутье мне явился; / Перстами легкими как сон / Моих зениц коснулся он... / И он к устам моим приник, / И вырвал грешный мой язык, / И празднословный и лукавый, / И жало мудрыя змеи / В уста замершие мои / Вложил десницею кровавой...*).

Лит.: Ефимов А.И. Язык сатиры Салтыкова-Щедрина, Изд-во МГУ, 1953; Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. — М., 1957; Балли Ш. Французская стилистика. — М., 1961; Панов М.В. О развитии русского языка в советском обществе. — ВЯ. — 1962. — № 3; Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка.— 3-е изд. — М., 1965; Гаузенблас К. Существует ли «нейтральный стиль»? // Функциональная стилистика: теория стилей и их языковая реализация. — Пермь, 1986; Бельчиков Ю.А. Лексическая стилистика: проблемы изучения и обучения. — М., 1988; Кожина М.Н. Стилистика русского языка. — М., 1993; Hausenblas K., Vysoký — střední — nízký styl a diferenciace stylů dnes // «Slovo a slovesnost», t. 34, 1973.

М.Н. Кожина

СУБЪЕКТНОСТЬ РЕЧИ (ТЕКСТА) (авторизация, субъектная организация текста) — глобальная интегрирующая категория текста, соотносимая с одним из двух составляющих творческой деятельности —

субъекта и объекта. Вопрос о субъекте познавательной науч. деятельности обсуждается в литературе по теории познания (*Ж.М. Абдильдин*, *А.С. Балгимбаев*, *В.С. Библер*, *М.С. Каган*, *Н.В. Мишарина*, *Ю.К. Наумов*, *В.А. Никульшин*, *К.С. Пирогов* и др.), науковедению (*В.П. Карцев*, *И.А. Майзель*, *М.И. Мишин*, *М.Г. Ярошевский* и др.), психологии научного творчества (*И.Г. Герасимов*, *А.Ф. Зотов*, *А.Н. Леонтьев*, *Я.А. Пономарев* и др.), а также в работах по общей психологии, психолингвистике (*В.В. Давыдов*, *А.А. Леонтьев*), социопсихолингвистике (*Т.М. Дридзе*), коммуникативной лингвистике (*А.А. Леонтьев*, *Ю.А. Сорокин*, *Е.Ф. Тарасов*, *А.М. Шахнарович* и др.), функц. стилистике (*Е.А. Баженова*, *А.Н. Васильева*, *Т.Г. Винокур*, *М.Н. Кожина*, *Л.М. Лапп*, *Э.Б. Погудина*, *Н.М. Разинкина*, *Р.К. Терешкина*, *Е.С. Троянская*, *Д.Н. Шмелев* и др.).

В философской литературе общепринято, что подлинным субъектом познания является общество как целостность, не существующая вне отдельных людей. Индивид выступает как субъект познания, как представитель общества в той мере, насколько полно он выражает потребности общества как коллективного субъекта познания. Однако ни в науковедении, ни в лингвистике признание социальной детерминированности развития науки в целом не может стать достаточным основанием для анализа конкретного открытия, поэтому понятие субъекта конкретизируется посредством таких уровней субъекта творческой деятельности, как общество в целом, науч. сообщество, микросоциум ученого и личность ученого (*Е.С. Бойко*, *В.П. Карцев*). В психологии науки личность ученого как субъекта науч. деятельности изучается в связи с психологией науч. творчества, а также процессом формирования ученого. Этот процесс выходит за пределы непосредственной интеллектуальной деятельности, поскольку среди личностных качеств ученого есть такие, которые обусловлены не только биологически и социально, но и научно-социально: степень овладения познавательными категориями, собственный категориальный профиль, познавательный стиль, стиль мышления ученого. Для функц. стилистики представляет особый интерес введенное М.Г. Ярошевским понятие «категориальный профиль мышления», отражающее социальную обусловленность познавательной деятельности.

В функц. стилистике вопрос о субъекте научной деятельности и способах его выражения в тексте интерпретируется по-разному (*М.Н. Кожина*, *М.П. Котюрова*, *Э.Б. Погудина*, *Н.М. Разинкина*, *Р.К. Терешкина*, *Е.С. Троянская* и др.). Наряду с логико-гносеологической стороной, основанной на социальном, познание имеет и психологическую сторону. В мировой психологии разработаны понятия «познавательный стиль», «познавательная структура личности» и «стиль мышления ученого». Если первое относится к наблюдаемым особенностям мышления данного человека, устойчиво проявляющимся в различных ситуациях, то второе обозначает определенную внутреннюю организацию психических процессов, которая обнаруживается в стиле мышления личности. Познавательная структура — связующее звено между информацией, получаемой

субъектом, и отражением ее в суждениях. Психологами установлено, что познавательные стили являются фундаментальными личностными характеристиками. О глубокой связи социального с индивидуальным свидетельствует то, что с усилением, развитием, концентрацией социального в познании увеличивается удельный вес, ценность субъективного компонента. Это проявляется в науч. тексте. Чем дальше прорывается субъект в сферу непознанного, чем больше он «отрывается» от общего знания об объекте, что приводит к утрате определенных воспроизводимых логических связей между элементами знания, тем активнее субъект актуализирует связь с социумом.

Субъектный, личностный характер текстообразования проявляется неодинаково в разных функц. стилях речи. В науч. стиле «субъект речи» понимается как фактор, оказывающий влияние на закономерности речевой организации науч. текста, и опирается на более узкое понятие «образ автора» (используемое обычно применительно к худож. стилю), а также на широкое экстралингвистическое понимание «человеческого фактора» — как привнесение рефлексивно-личностных моментов в процесс творческого осмысления внеязыковой действительности и отражения ее в речи (*Л.М. Лапп*). При таком подходе науч. текст соотносится с особенностями творческой деятельности ученого, в которой неизбежно участвуют все стороны сознания личности: интеллект, эмоция, воля. Значит, фактор субъекта речи, с одной стороны, обращен к таким экстралингвистическим основам науч. текста (стиля), как деятельность сознания автора текста, с другой — непосредственно связан с реальностью науч. текста, фокусируя его лингвистические особенности в категорию субъектности текста.

Фактор субъекта речи не только обусловливает использование в речи языковых средств отдельных классов, но пронизывает весь текст в целом, образуя особый план текста, т.е. обнаруживается в текстовых структурах. Л.М. Лапп рассматривает фактор «субъект речи» как интегративное понятие, включающее пять компонентов содержания: 1. Экстралингвистический компонент, соотносимый с личностью реального автора, вовлеченного в процесс коммуникации с науч. сообществом (социолингвистический аспект). 2. Экстралингвистический компонент, соотносимый с психической сущностью человека, особенностями его интерпретационной деятельности в процессе познания, обусловленными гносеологическими причинами (философский и психологический аспекты). 3. Компонент, соотносимый с творческой функцией автора науч. текста, преобразующий внутреннее концептуальное содержание в речевой материал (психолингвистический аспект). 4. Лингвистический компонент абстрактно-текстового уровня, соотносимый с металингвистической моделью, базирующейся на отражении в тексте различных сторон деятельности сознания автора (теоретический аспект лингвистического анализа текста). 5. Лингвистический компонент конкретно-языкового уровня (по В.В. Виноградову, «личностное говорение»), представляющий реализацию модели в комбинации языковых средств и

способов организации конкретного науч. текста, раскрывающий различные типы отношений автора текста к действительности (экспериментальный аспект лингвистического анализа). В рамках деятельностной концепции речи фактор субъекта речи определяется как интегративная категория, представляющая единство экстралингвистического, психолингвистического и лингвистического компонентов содержания понятия; как творческая функция автора (субъекта речи), организующая науч. текст как целостное произведение и определяющая его стилистическое своеобразие в отношении речевой организации модального, предметного, фазисного (связанного с этапами, или фазами, творческого поиска решения проблемы) и др. планов смысловой структуры текста, отражающих рефлексивно-личностный характер деятельности сознания ученого. Фактор субъекта речи в качестве экстралингвистической основы текста является отражением в тексте деятельности единого целостного сознания субъекта речи. Поэтому различные стороны отражения деятельности сознания в тексте рассматриваются как имеющие общий признак — субъективность.

В частности, в науч. стиле речи субъектные, антропоцентрические аспекты содержания, понимаемого в качестве науч. знания, также конкретизируются как рефлективный и коммуникативно-прагматический аспекты эпистемической, связанной с научным познанием (от греч. эпистемиа — знание) ситуации (ЭС) — метамодели процесса познания. Рефлективный и коммуникативно-прагматический аспекты ЭС характеризуются антропоцентризмом: их содержание связано с самосознанием и самовыражением ученого, его оценочным отношением к старому и добываемому новому знанию, а также с текстообразовательной деятельностью, направленной на представление полученного знания адресату. Рефлективное начало познания выражается в ценностной ориентации субъекта в содержании старого и нового науч. знания, во взглядах ученого, его идеалах, убеждениях, жизненной позиции, волевых и эмоциональных побуждениях, психологических установках и др. Иными словами, рефлексия выявляет весь спектр личностных качеств исследователя, актуальных для его науч. деятельности, ибо центром познания всегда выступает индивид как творческая личность с неповторимым набором психических свойств и собственным познавательным стилем. Коммуникативно-прагматический аспект ЭС, связанный с взаимодействием речевых партнеров, акцентирует адресатную (диалогическую) сторону научно-речевой деятельности (*Е.А. Баженова*). Специфика общения в науч. сфере обусловлена стремлением автора доказать истинность излагаемой концепции. Учет адресата выражается в достижении такой организации текста, которая была бы максимально целесообразной в плане науч. коммуникации. Недооценка коммуникативной стороны науч. содержания значительно снижает информативные качества речи и ее интерпретационный потенциал (*М.Н. Кожина*). Рефлективный и коммуникативно-прагматический аспекты ЭС представляют собой умозрительные конструкты, и их нельзя обнаружить в реальном познании в «чистом» виде. ЭС характеризуется

целостностью и членится на смысловые компоненты лишь в целях анализа, поскольку непрерывность знаний основывается на относительной устойчивости и неделимости эпистемических образований, представляющих собой качественно определенные целостности. Именно неделимость таких образований обеспечивает существование науки, ее знаний, информации как некоего целого. В результате развития рус. лит. языка в нем оформилась группа стереотипных стилистически маркированных единиц для выражения автором «я» и фиксирующих психологические установки автора, его чувства и переживания, связанные с поиском и вербализацией нового знания. Эти единицы (слова, словосочетания, предложения, а также отдельные текстовые фрагменты), интегрируясь в речевую ткань произведения, формируют личностный план текста — план (по *Е.А. Баженовой*, субтекст) авторизации. Субтекст авторизации представляет собой совокупность средств выражения авторского «я», а также психологических состояний субъекта, связанных с мыслительной и речевой деятельностью по получению и вербализации нового знания. Степень выраженности авторизации в науч. текстах различна. Тексты с неличной стилистической манерой изложения максимально «очищены» от следов предшествующей работы мысли. Как правило, в них содержится общепризнанное или устоявшееся знание, уже прошедшее проверку на объективность и достоверность. В рамках этого типа имеются две возможности оформления текста. Это или рафинированный стиль мысли, где в слоге ценится элегантность, лаконичность, непротиворечивость, или же, напротив, нарочито алгоритмизированный стиль (*В.И. Постовалова*). Тексты другого типа представляют собой автопортрет мыслителя. В речевой ткани текстов-автопортретов отражаются нюансы размышлений ученого, его живая мысль и рефлексия над «изгибами» этой мысли. Современный науч. стиль эволюционирует в сторону неличной манеры изложения (*Э.Б. Погудина*, *Е.А. Баженова*). Данная тенденция обусловлена целым рядом факторов, прежде всего экстралингвистических: возрастающей технизацией, коллективностью труда в науке, массовостью науч. публикаций, обусловливающих рост количества «лаконичных жанров», «участием» компьютера в процессе продуцирования текста, информационным бумом, повлекшим за собой повышение требований к информативной насыщенности текстов и др. В большей степени эти факторы отражаются на текстах точных, технических и экспериментальных наук, в меньшей — на гуманитарных текстах, отличающихся более ярко выраженной личностной манерой изложения.

В худож. стиле речи субъектность содержания реализуется прежде всего в главном композиционном принципе стилистической организации текста в его целостности. Худож. композиция конкретизируется субъективацией повествования, которая может быть связана с разными субъективными сферами: автором, рассказчиком (повествователем как одним из «ликов» автора, по выражению *В.В. Виноградова*) и персонажами. Субъектная сфера персонажа или повествователя вводится посредством глаголов речи, мышления, восприятия, а также указаний на сопутствую-

щие действия, жест, движение, поступки героя. Эти указания на речь, мышление, восприятие, действия героя непосредственно предшествуют используемой форме субъективации. По В.В. Одинцову, средствами субъективации авторского повествования являются следующие:

Субъективация авторского повествования					
Речевые формы			Конструктивные формы		
прямая речь	внутренняя речь	несобственно-прямая речь	формы представления	изобразительные формы	монтажные формы

Формы субъективации создают эмоциональное насыщение и экспрессивное напряжение изложения, создают стилистическую выразительность.

Лит.: Виноградов В.В. О языке художественной литературы. — М., 1959; Леонтьев А.А. Психолингвистика. — Л., 1967; Его же: Язык, речь, речевая деятельность; Его же: Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. — М., 1969; Наумов Ю.К. Активность субъекта в познании. — М., 1969; Его же: Проблемы научного творчества в современной психологии. — М., 1971; Винокур Т.Г. О содержании некоторых стилистических понятий // Стилистические исследования. — М., 1972; Герасимов И.Г. Научное исследование. — М., 1972; Зотов А.Ф. Структура научного мышления. — М., 1973; Его же: Научное и художественное мышление. — М., 1973; Пирогов К.С. К вопросу о структуре субъекта научно-технического творчества // Пробл. деятельности ученого и научных коллективов. — Л., 1973; Каган М.С. Человеческая деятельность: (Опыт системного анализа). — М., 1974; Майзель И.А. Социология науки: Проблемы и перспективы. — Л., 1974; Его же: Основы теории речевой деятельности. — М., 1974; Его же: Человек науки. — М., 1974; Библер В.С. Мышление как творчество: (Введение в логику мысленного диалога). — М., 1975; Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность.— 2-е изд. — М., 1975; Мишарина Н.В. Активность субъекта в теоретическом познании: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. — Львов, 1975; Мишин М.И. К вопросу о субъекте научной деятельности // Пробл. деятельности ученого и научных коллективов. — М., 1975. Вып. 1; Никульшин В.А. Роль личностных категорий в процессе познания: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. — М., 1975; Васильева А.Н. Курс лекций по стилистике русского языка: Научный стиль речи. — М., 1976; Кожина М.Н., Титова Л.М. К вопросу об авторской индивидуальности в научном стиле речи // Исследования по стилистике. Вып. 5. — Пермь, 1976; Пономарев Я.А. Психология творчества. — М., 1976; Его же: Социально-лингвистические исследования. — М., 1976; Его же: Творчество в научном познании. — Минск, 1976; Абдильдин Ж.М., Балгимбаев А.С. Диалектика активности субъекта в научном познании. — Алма-Ата, 1977; Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях (к постановке проблемы). — М., 1977; Ярошевский М.Г. Логика развития науки и научная школа // Школы в науке. — М., 1977; Разинкина Н.М. Развитие языка английской научной литературы. — М., 1978; Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Шахнарович А.М. Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. — М., 1979; Социальная природа позна-

ния: Теоретические предпосылки и проблемы. — М., 1979; Дридзе Т.М. Язык и социальная психология. — М., 1980; Ее же: Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. — М., 1984; Одинцов В.В. Стилистика текста. — М., 1980; Троянская Е.С. Лингвостилистическое исследование немецкой научной литературы. — М., 1982; Терешкина Р.К. К проблеме индивидуальности речи автора в научных текстах // Основные понятия и категории лингвостилистики. — Пермь, 1982; Постовалова В.И. Язык как деятельность: Опыт интерпретации концепции В Гумбольдта. — М., 1982; Погудина Э.Б. Выражение авторского «я» в немецкой научной речи (диахронический аспект): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Одесса, 1983; Карцев В.П. Социальная психология науки и проблемы историко-научных исследований. — М., 1984; Котюрова М.П. Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста (Функционально-стилистический аспект). — Красноярск, 1988; Лапп Л.М. Интерпретация научного текста в аспекте фактора «субъект речи». — Иркутск, 1993; Баженова Е.А. Научный текст в аспекте политекстуальности. — Пермь, 2001;

М.П. Котюрова

СУДЕБНОЕ КРАСНОРЕЧИЕ представлено жанрами судебных речей ходатайствующего типа, отличающихся риторической направленностью и призванных оказывать целенаправленное воздействие на суд, способствовать убеждению судей, присяжных и присутствующих в зале суда граждан в истинности мнения выступающего; тем самым по форме и по стилю — это ораторская речь.

Судебное публичное говорение — одно из самых древних и самых почитаемых на земле занятий, один из древнейших видов ораторского искусства, и каждая эпоха, страна, народ вносят в него свои изменения. Местом рождения судебного красноречия является Древняя Греция.

Русское судебное красноречие начинает развиваться во второй половине XIX в., после судебной реформы 1864 г., с введением суда присяжных и с учреждением присяжной адвокатуры. Судебные речи талантливых русских юристов А.Ф. Кони, В.Д. Спасовича, К.К. Арсеньева, А.И. Урусова, П.А. Александрова, Н.И. Холева, С.А. Андреевского, В.И. Жуковского, Н.П. Карабчевского, К.Ф. Хартулари, Ф.Н. Плевако,М.Г. Казаринова, А.В. Лохвицкого с полным правом называют прекрасными образцами судебного ораторского искусства, мастерского владения словом.

С XX в. развитие судебного красноречия пошло по пути формализации речи, ее стандартизации, нейтрализации в ней психологической стороны. Ей в большей степени стали присущи формы логического развертывания. Речи известных прокуроров Н.В. Крыленко, Р.А. Руденко, В.И. Царева, адвокатов И.Д. Брауде, В.Л. Россельса, Я.С. Киселева отличает строгая логичность, точность, убедительная доказательность, юридически обоснованная оценочность.

Выяснить, доказать, убедить — три взаимосвязанные цели, которые определяют языковые особенности этих жанров. Судебная речь ограничена сферой употребления, поскольку это официальная узкопрофессиональная речь, произносимая только в суде. Тематика этой речи, строго

ограниченная материалами рассматриваемого в судебном процессе дела, отличается большей конкретностью, чем любая другая публичная речь.

Судебная речь имеет стилистические особенности, которые проявляются в структурно-смысловом членении текста. Речи состоят из следующих частей: 1) общественно-политической оценки преступления; 2) изложения фактических обстоятельств дела; 3) анализа и оценки собранных по делу и исследованных в суде фактических данных; 4) квалификации преступления; 5) характеристики личности подсудимого; 6) выводов о мере наказания.

Рассмотрим стилистические особенности некоторых из частей. При изложении фактических обстоятельств дела ораторы изображают последовательность событий, с необходимой точностью передавая ее. В этом случае стиль изложения иногда приобретает черты репортажности, напр.: *Заручившись разрешительным свидетельством городской управы на ломку здания, правление, согласно обязательству, потребовало от Лебедева немедленного приступа к работе. Лебедев* ***отправился*** *на Никольский рынок, и там среди рабочего пролетариата* ***вербует*** *себе отряд рабочих по самым дешевым поденным платам. Весь этот отряд, под командой Андрея Лебедева,* ***рассыпался*** *по куполу здания, который изнутри, для безопасности,* ***был подперт*** *четырьмя деревянными стойками, скрепленными между собой железными связками или скобами... Работа* ***закипела. Застучали*** *молотки, и вскоре наружная металлическая обшивка была снята, а за ней снят так называемый черный пол, и остов купола* ***тотчас же обнажился*** *с его металлическими стропилами, числом до 32, которые, подобно радиусам от центра, спускались от вершины купола к его основанию, лежавшему на стенах самого здания в кольце. Наступала самая трудная и самая опасная часть работы* (Из речи К.Ф. Хартулари). Действие предстает не просто зримым, но и слышимым, воспроизведен даже ритм события. Это достигается благодаря использованию глаголов и глагольных форм, их разновременных планов. Стремительность повествованию придают обстоятельственные слова со значением времени (*вскоре, тотчас же*), союзы.

Иногда оратор вводит в воспоминания сведения о событиях, развивающихся в прошлом, напр.: *С таким легковесным багажом* ***отправилась*** *она в Одессу. Оставаться в Симферополе, в той же еврейской семье, отныне враждебной ей среде, было уже немыслимо. Вспомните показания Бертинга. На первых порах она* ***пыталась пристроиться*** *к какой-нибудь хотя бы черной, хотя бы тяжелой работе. Она* ***поступила*** *в горничные.* ***Пробыла*** *несколько дней и была* ***отпущена****, так как оказалось, что она* ***не умела ни за что взяться****... Потом мы видим ее продавщицей в лавке... По отзыву полицейского пристава Чабанова...* (Из речи Н.П. Карабчевского). Динамику повествованию придают глаголы и глагольные формы конкретного действия.

В речах русских дореволюционных судебных ораторов большое место отводилось психологическому анализу личности подсудимого, выяснению его психологического состояния перед совершением преступления или в момент его совершения, напр.: ***Видно, мысль****, на которую указыва-*

ет Аграфена, в течение недели ***пробежала целый путь*** *и уже* ***облеклась в*** *определенную и ясную* ***форму*** *— «тебе бы в Ждановку».* ***Почему же*** *именно в Ждановку? Вглядитесь в обстановку Егора и отношения его к жене. Надо от нее избавиться.* ***Как, что*** *для этого сделать? Убить...* ***Но как*** *убить? Зарезать ее****?*** *Будет кровь, нож, явные следы... Отравить****? Но как*** *достать яду,* ***как*** *скрыть следы преступления и т.д. Самое лучшее и, пожалуй, единственное средство — утопить.* ***Но когда?*** *А когда она пойдет провожать его в участок, — это время самое удобное* (Из речи А.Ф. Кони). В этом фрагменте оратор реконструирует размышления преступника, восстанавливая таким образом картину преступления. Фрагмент начинается вводным словом *видно*, выражающим предположение, оно указывает, что оратор как бы перевоплощается в субъект своей речи. Автор рассказывает о событиях, участником которых якобы он оказался, о мыслях, которые ему стали известны в ходе расследования, вовлекая тем самым слушателей в размышление. Ход мыслей преступника восстанавливается использованием метафоры, цепей вопросительных предложений, соединяемых противительным союзом *но*.

Изложение в судебных речах подчинено выявлению причинно-следственных связей, а поэтому оно сориентировано на точность и логичность выражения. В целом стилистику судебных речей отличает сочетание стандартных и эмоциональных средств выражения, так как назначение этих жанров требует употребления четких юридических клише и формул, однако реализация убеждающей функции делает необходимым использование речевых средств воздействия, формирующих экспрессию, которая придаёт не только эмоциональность, но и стройность, логичность аргументации, точность словоупотреблению, ясность выражению мыслей. Экспрессия создается контактоустанавливающими, а также изобразительно-выразительными языковыми средствами. В следующем фрагменте из речи прокурора В.И. Царева экспрессию формирует использование оценочной лексики и фразеологии, метафоры: *Когда вышел из психиатрической больницы, В. Кондраков* ***сел на шею*** *матери. Он не торопился с устройством на работу, хотя возможности были.* ***Работать не желает, труд презирает****... Но в доме нет достатка: мать получает небольшую зарплату. А этот* ***тунеядец****... выход из создавшегося положения видит в преступлении...* ***Паразитизм натягивает струны алчности*** *Виктора Кондракова и* ***толкает*** *его на разбой.*

Речи адвокатов, направленные на защиту подсудимого и на полемику со стороной обвинения, безусловно, значительно экспрессивнее, чем прокурорские. Судебный защитник, полемизируя со своим процессуальным противником, выражает мысль и свое оценочное отношение экспрессивно, благодаря чему здесь особенно активны средства эмоционального воздействия (оценочная, стилистически окрашенная лексика, фразеологизмы, тропы и фигуры речи), напр.: *И вот Семёновы, всю жизнь прожившие* ***рука об руку*** *и здесь сидящие рядом****, поникшие и растерянные****, с* ***тоской внимают речи*** *прокурора****, искусно*** *доказывающего, что обманувший Любомудров и обманутые им Семёновы связаны одним общим* ***умыслом,***

направленным на хищение *тысячи рублей,* ***как будто у рыбака и трепещущей в его хитро сплетенной сети рыбы*** *возможен общий умысел* (Из речи адвоката В.Л. Россельса).

В судебных речах наблюдаются языковые приметы устной публичной речи: текстовые и лексические повторы, ассоциативные вставки и уточнения, употребление предложений неусложненной структуры, простота субъектно-предикатных отношений, использование разговорных фразеологизмов, приемов адресации речи, слов субъективно-модального и эмоционально-оценочного характера, что вполне соответствует особенностям зрительного и слухового восприятия.

Обоснование определенной квалификации того или иного деяния происходит в полемике, а потому диалогичность — органичное свойство судебных речей. Диалогичность проявляется в обращенности, адресованности к процессуальному противнику, к суду, а также в оценке мнений органов предварительного расследования, подсудимого, потерпевшего и свидетелей. В следующем фрагменте представлена оценка позиции обвинения: *Уважаемые обвинители,* ***увлеченные односторонней версией*** *о хулиганских побуждениях,* ***якобы*** *руководивших Иваном Далмацким,* ***настаивают на том, будто*** *ему ничто не угрожало.* ***Допустим. Поверим, что*** *Еременко и Иванов шли в тамбур с миссией доброй воли.* ***Но откуда*** *об этом мог знать Далмацкий****?*** *Ведь, избив в первый свой заход Владимира Далмацкого, Еременко,* ***как помните*** *из рассказа Красовской,* ***отнюдь не*** *был склонен извиниться* ***или хотя бы считать*** *инцидент исчерпанным.* ***Так почему же*** *Иван Далмацкий должен был поверить во внезапное перерождение этого человека, особенно после того, как тот укрепил свою позицию привлечением дополнительной силы в лице Иванова****?*** *Но* ***самое, пожалуй, страшное то, что*** *Еременко и Иванов* ***все-таки действительно*** *шли драться. Вот что* ***мы узнали*** *на этот счет* ***от Красовской****, допрошенной одной из первых в прокуратуре. В томе первом дела на листах 136, 137 и 152 имеются следующие протокольные* ***записи ее показаний: «Я*** *поняла, что Иванов и Еременко будут драться с Далмацким* (Из речи адвоката И.П. Кана). Отрицание позиции обвинения адвокат передает с помощью отрицательных частиц *отнюдь не*, оценочных слов (*односторонняя версия, самое страшное*), частицы *якобы,* союза *будто*, в которых выражается сомнение в сказанном. Как видим, по существу, речи развертываются не как монолог, а как диалог с процессуальным противником. Отсюда — активно используются средства, способствующие выражению диалогичности: вопросительные предложения, вопросо-ответные комплексы, вставные конструкции, обращения, активизирующие внимание слушателей, отрицательные конструкции. Для усиления убеждающего воздействия аргументации судебные ораторы стремятся не только регулировать процесс восприятия, организовать и направить внимание участников суда, но и вовлечь их в свои размышления: *Можно ли согласиться с прокурором, утверждающим «виновны и должны быть осуждены», или прав защитник, говорящий «невиновные должны быть оправданы!». Вам придется решить, кто из нас прав* (Из речи адвоката В.Л. Россельса).

Одна из первых работ, в которой рассматривались особенности судебных речей, была книга известного судебного оратора П. Пороховщикова, который обратил внимание на аргументацию, композиционные особенности выступлений прокуроров и адвокатов, методику их подготовки, выявил ряд языковых особенностей рассматриваемых жанров. Эта книга сохраняет свою актуальность и по сей день. В применении к современным обстоятельствам функционирования судебной системы в России судебные речи, а точнее методика подготовки к ним, особенности аргументации в них, композиционные особенности, стали предметом рассмотрения и в работах юристов (*Резниченко*, 1976; *Алексеев*, *Макарова*, 1985). Первым обстоятельным исследованием, посвященным стилистическим особенностям речей великих русских ораторов XIX в., была работа Н.Г. Михайловской и В.В. Одинцова «Искусство судебного оратора». Выявлению функц.-стилистических особенностей современных судебных речей посвящена кандидатская диссертация Т.Ю. Виноградовой. Этот вопрос, но уже в методическом аспекте, затронут в учебном пособии Н.Н. Ивакиной.

Лит.: Резниченко И.М. Основы судебной речи. — Владивосток, 1976; Михайловская Н.Г., Одинцов В.В. Искусство судебного оратора. — М., 1981; Алексеев Н.С., Макарова З.В. Ораторское искусство в суде. — Л., 1985; Сергеич П. (Пороховщиков П.С.). Искусство речи на суде. — М., 1988; Виноградова Т.Ю. Функционально-стилистические особенности публичной судебной речи: Дис. ... канд. филол. н.. — Воронеж, 1991; Ее же: Судебное красноречие русских юристов прошлого. — М., 1992; Ивакина Н.Н. Культура судебной речи. — М., 1995.

Л.Р. Дускаева

Т

ТЕЗИСЫ — см. *Жанры научной литературы.*

ТЕКСТ (от лат. textus — ткань, сплетение, соединение) — объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность, целостность, завершенность и др. В семиотике Т. рассматривается как осмысленная последовательность любых знаков. С этих позиций Т. признается не только словесное произведение, но и произведение музыки, живописи, архитектуры и т.д.

В языкознании Т. — это последовательность вербальных (словесных) знаков, представляющая собой снятый момент языкотворческого процесса, зафиксированный в виде конкретного произведения в соответствии со стилистическими нормами данной разновидности языка; произведения, имеющего заголовок, завершенного по отношению к содержанию этого заголовка, состоящего из взаимообусловленных частей и обладающего целенаправленностью и прагматической установкой. Лингвистические параметры Т. описываются посредством *текстовых категорий* (см.) — общих и существенных признаков, свойственных как всем типам Т., так и каждому Т. в отдельности.

Наиболее распространены три понимания термина «Т.»: 1) как единицы высшего уровня языковой системы (узколингвистический аспект); 2) как единицы речи, результата речевой деятельности; 3) как единицы общения, обладающей относительной смысловой завершенностью. Эти трактовки понятия «Т.» обусловливают различение терминов (и соответствующих понятий) «текст» (высказывание) как собственно языковой феномен и «целый текст», произведение с присущими ему свойствами, отличающими его от единиц и уровней языковой системы. Такими отличительными свойствами являются функционально-коммуникативные качества, проявляющиеся в реальных актах общения.

Понимание Т. как уровня языковой системы соответствует грамматическому подходу, который заключается в анализе реализации логических законов развития мысли и взаимосвязи высказываний. Именно с этих позиций Т. изучается грамматикой текста, в рамках которой описываются различные типы внутритекстовых связей (формально-грам-

матические, логические, импликативные и др.), а также средства их реализации (повторы, дейктические единицы, служебные слова, акцентные выделения, интонация, распределение тематических и рематических элементов в предложении и др.).

Однако описание лишь формально-грамматической структуры Т. не объясняет многих его существенных признаков, прежде всего коммуникативных и смысловых. Критические замечания «в адрес» грамматики текста высказывают многие представители коммуникативных направлений лингвистики, в которых под Т. понимается речевое произведение, концептуально обусловленное и коммуникативно ориентированное в рамках определенной сферы общения, имеющее информативно-смысловую и прагматическую сущность. См.: «Структуре содержания не может соответствовать ни структура языковых средств внутри предложения, ни структура на уровне соотношения межфразовых единств, отражающих внешнюю организацию текста... Так как текст — это такое образование, где внешняя форма обязательно переходит во внутреннюю форму, которую составляет целостный образ содержания, то этот переход и является наиболее характерным внутренним свойством текста» (А.И. Новиков); «Учет грамматических форм связей высказываний и других текстовых единиц оказывается недостаточным для анализа целого текста (произведения)... Выход за пределы отдельного высказывания в целый текст сопряжен с качественно иным подходом к тексту, когда интралингвистического контекста (как и одних языковых знаний) недостаточно для объяснения многих существенных сторон изучаемого феномена, когда необходим выход в широкий экстралингвистический контекст» (М.Н. Кожина).

В семантике текста акцентируется его информационно-смысловая основа, соотнесенность Т. с денотатом. Кроме того, Т. как необходимый элемент любого акта вербальной коммуникации рассматривается в качестве объекта, сопряженного с автором и реципиентом. Соответственно семантика Т. включает содержание Т. (в аспекте автор — текст) и смысл Т. (в аспекте текст — реципиент). Содержание Т. определяется автором и представляет собой результат объективации фрагмента действительности средствами языка. Наличие содержания в Т. — фундаментальное свойство языка, обусловленное мышлением. Смысл Т. определяется (смыслообразование осуществляется) при взаимодействии Т. с реципиентом благодаря проявлению в нем мыслительных категорий речемыслительной деятельности, репрезентированных средствами языка. Однако понимание смысла текстовой единицы возможно лишь в вербальном контексте целого Т., поскольку темы фрагментов (единиц) Т. всегда выступают в роли подтем, микротем, развивающих общую тему целого Т. Отсюда идет различение традиционного понятия «Т.» и коммуникативного — «целый Т.», актуального для стилистики.

В стилистике целого текста, а именно функц. стилистике, Т. соотносится с его экстралингвистической основой (сферой общения, жанром и др.), выявляются коммуникативная целесообразность исполь-

зования языковых ресурсов в той или иной сфере и ситуации общения, соответствие их целевой установке говорящего и т.п., иначе говоря, осуществляется выход во внешнюю среду, вплоть до широкого социокультурного контекста, за рамки языковой системы. Данный подход предполагает, что Т. 1) выступает универсальной формой коммуникации, т.е. способен осуществлять речевое взаимодействие между автором и адресатом; 2) является речевым произведением, а не языковой единицей высшего уровня; 3) всегда имеет *концепт* (см.), т.е. идею, отражающую авторский замысел и формирующую целостность произведения; 4) представляет собой речевую систему, свойственную определенной сфере общения; 5) всегда ориентирован на адресата (даже если им является сам автор); 6) несет информацию (смысл); 7) обладает прагматическим эффектом (эффектом воздействия).

Функц. стилистика исследует целые Т. и их стилевую типологию, причем анализирует их в единстве поверхностной, формально-грамматической, и содержательно-коммуникативной, обусловленной экстралингвистически, сторон. Целый Т. характеризуется свойствами, качественно отличающими его от единиц языковой системы, поскольку лишь целый Т. (произведение) может полностью выразить авторский замысел, концепцию, т.е. обладает смыслом, несводимым к сумме значений составляющих его языковых единиц. Т. способен к смысловому приращению, которое обусловлено функционированием речевого произведения в социокультурном контексте. Поэтому целый Т. перестает быть чисто лингвистическим феноменом, «перерастая» в нечто большее и более сложное, в частности в явление культуры. Именно в целом Т. находят отражение структура речевого акта и признаки взаимодействия коммуникантов. Наконец, лишь целому Т. (произведению в целом) свойственна особая системная организация (обусловленная его экстралингвистической основой), которой не обладает отдельное высказывание-предложение, тем более единицы дотекстовых уровней. Причем эта системная организация целого Т. проявляется в композиционно-содержательной его форме и пронизывает всю текстовую ткань произведения (см. *Речевая системность функционального стиля*).

Всех перечисленных качеств нет у Т. как уровня языковой системы, они характеризуют лишь целое произведение и могут быть осмыслены исключительно в аспекте целого Т. или типологии текстов. Кроме того, перечисленные признаки являются функц.-стилистическими, т.е. обусловливают стилевую специфику речевого произведения. В качестве критериев определения целого Т. как явления реальной коммуникации рассматриваются семантический, коммуникативно-информативный, функц.-стилистический, опирающиеся на комплексный экстралингвистический анализ, предполагающий выход за пределы собственно лингвистической науки в область смежных дисциплин (философию, социологию, психологию, культурологию, науковедение, литературоведение и др.). При этом объединяющим началом многоаспектного исследования Т. является человек в различных сферах его деятельности и социокуль-

турной среды. Обращение к Т. как целому (произведению) предопределяет осмысление его семантико-содержательной стороны (см. *смысловая структура текста*), а также таких его коммуникативных параметров, как замысел, концепция, цель общения, фонд знаний, субъект речи, адресат и др., а на поверхностном уровне — текстовая организация, *композиция* (см.), принципы и приемы развертывания (см. *развернутый вариативный повтор*). Все эти параметры определяют качественное своеобразие, специфику целого Т. как единицы коммуникации.

При имеющемся многообразии подходов к пониманию феномена Т. одним из его главных, инвариантных свойств признается системность, которая обусловливается наличием структуры, иерархичности, целостности и взаимосвязи со средой.

Структура Т. — это форма существования его содержания, которой свойственны определенность, упорядоченность, членимость и целостность. Два последних признака диалектически взаимосвязаны: будучи построенным из отдельных единиц — сверхфразовых единств, *сложных синтаксических целых* (см.), *абзацев* (см.), *микротекстов* (см), *коммуникативных блоков* (см.), — Т. тем не менее сохраняет коммуникативное и смысловое единство. Наряду с этим Т. характеризуется единством внешней и внутренней формы, причем внутренняя форма является доминирующей, поскольку она является тем фундаментом, на котором строится Т. Внутренняя форма управляет на уровне замысла процессом порождения Т. и тем самым организует его внешнюю форму, т.е. распределение слов, связь предложений, объединение отрезков текста в целое.

Иерархичность Т. обусловлена иерархией заложенных в нем неравнозначных коммуникативных программ, т.е. мотивов и целей порождения речевого сообщения. Предмет сообщения подчиняется цели (основному коммуникативному намерению автора), порождающей и организующей Т. Основной замысел (концепция) сообщения выражается в опорных смысловых узлах Т. (фактах, ключевых словах и др.), образующих логико-фактологическую цепочку как смысловой стержень Т. Подчиненные коммуникативные программы соотносятся с вторичной информацией Т. (*Т.М. Дридзе*).

Под средой Т. понимается социально-культурный контекст, в котором функционирует речевое произведение. Именно в среде Т. приобретает свойства не только лингвистического, но и социально-культурного феномена, обогащается новыми смыслами и, вследствие интерпретации и реинтерпретации, получает способность к саморазвитию. Контакты Т. и среды проявляются в различных формах воздействия среды на Т. и воздействия Т. на среду, так как последний, будучи явлением не только лингвистическим, но и экстралингвистическим, самим фактом своего существования так или иначе изменяет окружающую действительность.

Проблема связи Т. и среды разрабатывается прежде всего применительно к худож. произведениям в рамках литературоведения, семиотики, культурологии и поэтики, где среда определяется как культурная и ис-

торическая эпоха написания Т., картина мира, созданная в произведении, общность эстетического языка автора и читателя (*Ю.М. Лотман*). В последнее время особую актуальность получила проблема межтекстовых связей, или «текстов в тексте» (см. *Интертекстуальность*).

Ввиду сложности и многоаспектности понятия «Т.» неоднозначно решается вопрос о типологии текстов. В основу классификации обычно кладутся лингвистические и экстралингвистические, объективные и субъективные факторы текстообразования и восприятия. Наиболее распространенной является классификация Т. по жанрово-стилистической принадлежности (художественные, научные, публицистические, деловые, разговорные с дальнейшим разграничением центральных и периферийных жанров — см. *Жанр*). В.В. Одинцов в дополнение к традиционной классификации различает среди текстов массовой коммуникации информационные и агитационные (убеждающие) по преобладанию в них рационально-логических или эмоционально-риторических структур. Г.Я. Солганик дифференцирует Т. в зависимости от характера их построения (от 1-го, 2-го или 3-го лица), характера передачи чужой речи, количества участников коммуникации (монолог, диалог, полилог), функц.-смыслового назначения (тексты-описания, тексты-повествования, тексты-рассуждения), типа связей между предложениями (тексты с цепными, параллельными или присоединительными связями). Другие исследователи классифицируют Т. по тематике (*С.И. Гиндин*, *И.Я. Чернухина*), по способу выражения информации (*Л.И. Лосева*), по характеру интерпртеации (*А.А. Реформатский*, *Ю.А. Сорокин*) и т.д.

Дискуссионным является вопрос о текстовом статусе разг. диалога. Одни исследователи избегают использования термина «Т.» в отношении произведений устной спонтанной речи, отмечая отсутствие в них тематической целостности, жанровую неопределенность, принципиальную невозможность замысла, непредсказуемость развертывания и т.п. В этом случае для наименования разг. диалогов используются понятия «устный коммуникат», «диалогическое единство», «дискурс», «текстоид» (*Н.А. Купина*, *О.Б. Сиротинина*, *М.А. Кормилицына*). Другие авторы выделяют в разг. диалоге текстовые и нетекстовые участки (*М.В. Китайгородская*, *Н.Н. Розанова*). Третьи считают спонтанный диалог текстовой структурой особого типа, обладающей коммуникативно-событийной, прагматической и динамической интегративностью (*И.Н. Борисова*, *Т.В. Матвеева*).

В задачи стилистического исследования Т. входит изучение принципов построения и речевой организации Т. в конкретной коммуникативной сфере; выявление структурно-стилистических возможностей речевых произведений, композиционно-стилистических типов и форм, а также конструктивных приемов и функционирования в речи языковых средств. В практическом отношении стилистика текста призвана способствовать, во-первых, полному и глубокому пониманию речевого произведения; во-вторых, развитию и совершенствованию культурно-речевых навыков и умений посредством указания путей и способов конструирования Т., принадлежащих различным функц. стилям.

Лит.: Поспелов Н.С. Проблема сложного синтаксического целого в современном русском языке, «Уч. зап. МГУ. Труды каф. рус. яз.», 1948. Вып. 137. Кн. 2; Лотман Ю.М. Структура художественного текста. — М., 1970; Его же: Текст и функция // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. — Таллин, 1992; Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика. — М., 1973; Его же: Стилистика текста. — М., 1997; Колшанский Г.В. Текст как единица коммуникации // Проблемы общего и германского языкознания. — М., 1978; Его же: Контекстная семантика. — М., 1980; Его же: Лингвистика текста. — М., 1978; Кухаренко В.А. Интерпретация текста. — Л., 1979; Леонтьев А.А. Высказывание как предмет лингвистики, психолингвистики и теории коммуникации // Синтаксис текста. — Л., 1979; Его же: Понятие текста в современной лингвистике и психологии // Психолингвистическая и лингвистическая природа текста и особенности его восприятия. — Киев, 1979; Одинцов В.В. Стилистика текста. — М., 1980; Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М., 1981; Москальская О.И. Грамматика текста. — М., 1981; Ее же: Текст как явление культуры. — Новосибирск, 1981; Ее же: Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. — М., 1982; Купина Н.А. Смысл художественного текста и аспекты лингво-смыслового анализа. — Красноярск, 1983; Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. — М., 1983; Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. — М., 1984; Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста. — М., 1985; Торсуева И.Г. Текст как система // Структурно-семантические единицы текста: Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореза. Вып. 267. — М., 1986; Васильев С.А. Синтез смысла при создании и понимании текста. — Киев, 1988; Котюрова М.П. Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста. — Красноярск, 1988; Шабес В.Я. Событие и текст. — М., 1989; Каменская О.Л. Текст и коммуникация. — М., 1990; Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. — Свердловск, 1990; Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. — Свердловск, 1991; Баранов А.Г. Функционально-прагматическая концепция текста. — Ростов н/Д., 1993; Сиротинина О.Б. Тексты, текстоиды, дискурсы в зоне разговорной речи // Человек — текст — культура. — Екатеринбург, 1994; Ее же: Язык — система. Язык — текст. Язык — способность. — М., 1995; Кожина М.Н. Понятия «текст» и «целый текст» (в аспекте стилистики текста) // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII—XX вв. Т. II. Ч. 1. Стилистика научного текста (общие параметры). — Пермь, 1996; Шмелева Т.В. Текст сквозь призму метафоры тканья // Человек и текст: Сб. науч. тр. — Саратов, 1998; Болотнова Н.С. Основы теории текста. — Томск, 1999; Сидорова М.Ю. Грамматика художественного текста. — М., 2000; Баженова Е.А. Научный текст в аспекте политекстуальности. — Пермь, 2001; Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. — Екатеринбург, 2001; Залевская А.А. Текст и его понимание. — Тверь, 2001.

Е.А. Баженова, М.П. Котюрова

ТЕКСТОВАЯ КАТЕГОРИЯ — один из взаимосвязанных существенных признаков текста, представляющий собой отражение определенной части общетекстового смысла различными языковыми, речевыми и собственно текстовыми (композитивными) средствами. Т. к. имеет знаковую природу, план содержания такого знака — это определенная понятийная универсалия, единый текстовой смысл (например, целостность, тема,

тональность, пространство, проспекция), а план выражения — функционально ориентированная типовая композиция разноуровневых языковых средств.

Появление термина Т. к. обусловлено стремлением современной лингвистики и стилистики к выявлению структуры текста, что, как показали многочисленные исследования, невозможно только в опоре на элементарные единицы анализа — слова и речевые приемы. Т. к. является единицей анализа, несущей в себе основные свойства целого, а именно целенаправленность и композитивность. Каждая Т. к. воплощает в себе отдельную смысловую линию текста, выраженную группой языковых средств, особым образом организованной в относительную внутритекстовую целостность. Совокупность Т. к., дополняющих друг друга и переплетающихся между собой, создают текст в качестве коммуникативной системы.

Как и для выделяемых в функц. грамматике функц.-семантических категорий, главное для Т. к. — общность семантической функции выражающих ее языковых элементов. Именно эта общность является критерием выделения Т. к. как особого феномена. В формальном же отношении Т. к. не унифицированы. Они не связаны жестко с определенным уровнем или несколькими уровнями языковой системы: разнородные языковые единицы, в том числе суперсегментные и паралингвистические, обслуживают тот или иной универсальный смысл комплексно, во взаимодействии.

Первыми в лингвистике текста были замечены и исследованы глобальные категории целостности (когерентности), связности (когезии), завершенности, отдельности, в совокупности образующие грамматику текста (*И.В. Арнольд*, *М.П. Брандес*, *И.Р. Гальперин*, *Е:И. Шендельс*, *О.И. Москальская* и др.). Позже на этой базе разрабатываются более конкретные классификации Т. к. Понятийные универсалии (категории текста) предлагается делить на два основных типа: содержательные (концептуальные) и структурные, с их подтипами (*З.Я. Тураева*), в области Т. к. применяется системно-деятельностный подход (*Е.В. Сидоров*), базирующийся на различении интенциональной стороны текста (того, что задумывалось и должно быть достигнуто автором) и его операциональной стороны (того, как это достигается). При таком подходе Т. к. понимается как объективное свойство системного речевого явления и деятельностно значимое качество этого явления, выводимое из процессов создания и функционирования текста. Параллельно была предложена самостоятельная, и в то же время лежащая в одной плоскости с категориально-текстовыми, концепция выделения текстовых структур на основе идеи отражения текстом определенного вида деятельности и соответствующей ситуации познания (*М.Н. Кожина*, *М.П. Котюрова* и др.). Такие текстовые структуры были названы функциональными семантико-стилистическими категориями (*М.Н. Кожина*), а позднее субтекстами (*Е.А. Баженова*).

Получила также развитие категориально-текстовая концепция, основанная на принципе отражательности. Текст, понимаемый как едини-

ца общения и сопряжения коммуникативной деятельности отправителя и получателя (в монологе) или активных собеседников (в диалоге), в целом отражает в себе коммуникативный акт. Т. к. как смысловая часть текста отражает один из компонентов коммуникативного акта, в число которых входит предмет речи; субъект(-ы) речи, т.е. автор(-ы) текста в целом; оценочная точка зрения субъекта; его эмоционально-психологический настрой; пространство и время как неотъемлемые атрибуты ситуации, в которой порождается текст; адресат общения. Соответственно выделяются Т. к. темы, субъекта (авторизации), оценочности, тональности (текстовой модальности), текстового пространства и времени, адресата. В силу объективно дробного выражения каждой категории в тексте к ним добавляется структурная Т. к. композиции. В совокупности данные Т. к. образуют коммуникативную систему, относительно адекватно моделирующую текст в целом. Описание отдельных Т. к. названного характера, их группировок и целостной систематики, в том числе в стилистическом аспекте, предпринималось многократно (*Т.М. Николаева*, *З.Я. Тураева*, *Н.М. Разинкина*, *Т.В. Матвеева*, *Л.М. Лапп* и др.). Вообще число выделяемых Т. к. постоянно наращивается; помимо названных рассмотрены следующие категории: локация (комплекс прагматических категорий текста: субъект — пространство — время), проспекция и ретроспекция, подтекст, акцентность, логичность, логический тезис, иерархия, партитурность, членимость, диалогичность, гипотетичность и др.

Гипотезой описания Т. к. явилось положение о том, что единый функц.-семантический стержень (идея категории) должен получать однотипную языковую манифестацию. Данная гипотеза многократно проверена и получила подтверждение на материале различных функц. стилей речи, а также на уровне общей теории. Технология описания Т. к. заключается в отборе всех языковых, речевых, собственно текстовых средств, выражающих определенный универсальный смысл (например, сигналы текстового времени), и анализе этого материала с позиций текстовой статики и динамики. Первый аспект чаще всего решается на основе лингвистической теории поля: языковые сигналы Т. к. в целом рассматриваются как функц.-семантическое поле с дальнейшим определением его ядра и периферии. Динамический аспект реализуется на основе категории последовательности и связан с выделением линейных структур языковых сигналов и анализом соотношений в этих линейных рядах.

Идея выявления полевого устройства Т. к. для многих категорий (тема, оценка, текстовое пространство и время) результативна, но не в полной мере, поскольку оставляет вне поля зрения собственно текстовые качества категории, прежде всего ее внутреннюю текстовую структуру, композитивность. Переменных параметров, которые первостепенно значимы при научном описании Т. к., — четыре: а) набор языковых составляющих; б) текстовая значимость различных типов языковых составляющих (определяется на основании частотности типов, а также их представленности в сильных позициях текста); в) комбинаторика языковых составляющих в составе линейного ряда средств выражения Т. к.; г) размещение сигналов Т. к. на пространстве текста.

При этом следует учитывать, что Т. к. неравнозначны по своему содержанию и характеру структурирования, а категория композиции — структурная по природе — не может анализироваться на единых основаниях с другими. Единицей анализа данной категории является не языковой, а речетекстовой компонент: фрагмент текста (коммуникативный блок, относительно самостоятельный минитекст). По характеру выражения данная категория структурного типа может быть названа объемной категорией.

Материальным элементом Т. к. может выступать как неделимая единица языка/речи (фонема, интонема, слово, морфема, устойчивое словосочетание), так и языковая или речевая структура (предложение, высказывание, сферхфразовое единство, микротекст: заголовок, введение и др.).

Отдельные Т. к., как и тексты в целом, функционально ориентированы, т.е. реально существуют в виде совокупности функц.-стилевых и жанровых вариантов. Описание реального существования Т. к. в текстах разных стилей и жанров переводит проблему Т. к. в область стилистики текста. Стилистическое варьирование Т. к. рассматривается в словарных статьях, посвященных отдельным категориям текста (см.: *Тема текста; Текстовое время; Текстовое пространство; Тональность текста*).

Лит.: Николаева Т.М. «Событие» как категория текста и его грамматическая характеристика // Структура текста. — М., 1980; Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М., 1981; Москальская О.И. Грамматика текста. — М., 1981; Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения (семиологическая грамматика). — М., 1981; Разинкина Н.М. Функциональная стилистика. — М., 1986; Сидоров Е.В. Основы системной концепции текста: Дис. д-ра филол. наук. — М., 1986; Его же: Проблемы речевой системности. — М., 1987; Тураева З.Я. Лингвистика текста. — М., 1986; Кожина М.Н. О функциональных семантико-стилистических категориях текста, «Филол. науки», 1987. — № 2; Ее же: Текст и его категориальные свойства. — Киев, 1989; Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. — Свердловск, 1990; Лапп Л.М. Интерпретация научного текста в аспекте фактора «субъект речи». — Иркутск, 1993; Ее же: Категории научного текста: функционально-стилистический аспект // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII—XX в. / Под ред. М.Н. Кожиной, в 3 тт. Т. 2. Стилистика научного текста (общие параметры). Ч. 2. — Пермь, 1998; Матвеева Т.В. Фактор иерархии в категориальной структуре разговорного текста // Русский язык сегодня. Вып. 1. — М., 2000; Баженова Е.А. Научный текст в аспекте интертекстуальности. — Пермь, 2001.

Т.В. Матвеева

ТЕКСТОВОЕ ВРЕМЯ (темпоральность) — *текстовая категория* (см.), с помощью которой содержание текста соотносится с осью времени: реальной исторической перспективой действительности или ее преломлением. Текст имеет двоякие соотношения такого рода: во-первых, он отображает определенный фрагмент действительности, вписанный в

общую хронологию мира (отражательное Т. в.); во-вторых, он развертывается линейно, как время, т.е. существует момент его начала и, далее, темпоральной протяженности. Вне данных отношений создать текст невозможно, Т. в. — непременный атрибут текста.

Исходя из философской интерпретации времени и деления его на время реальное (однонаправленное, непрерывное, равномерное, необратимое) и перцептуальное (время в его субъективном восприятии, что приводит к значительному изменению реальной картины в человеческом сознании: ускорению и замедлению времени, его неоднонаправленности, дискретности и т.д.), применительно к тексту можно говорить о времени объективном (диктумном) и времени субъективном (модусном).

Объективное время — это относительно адекватно отраженное в тексте реальное время, когда события текста ставятся в связь с реальными моментами, периодами, процессами в жизни личности, существовании концепта, мировом историческом процессе с его реальной хронологией (О.А. Москальская). В объективном времени отражаются разновидности реального времени: эмпирическое, историческое, календарное время.

Если приметы реальности не важны и время отражается только на уровне идеальных сущностей, выведенных на базе анализа реальности — концептов и концепций, то возникает особый вариант объективного времени — концептуальное время. Оно отличается условной точкой отсчета, статичностью (научные концепции чаще всего представляются как бы в остановленном реальном времени) и различной соотнесенностью с затекстовой действительностью. На темпоральное развитие — процесс протекания самого текста — такая специфика влияния не оказывает.

О семантике субъективного текстового времени говорят в том случае, когда степень субъективного содержания при передаче темпорального смысла настолько велика, что модель объективного времени претерпевает существенные изменения в сознании личности (время тянется или летит, останавливается и прерывается, возвращается, искажается и т.п., см. высказывания: *время пошло вспять; эти минуты показались вечностью; прервемся ненадолго, быстроногое время)*.

Субъективное время имеет ряд разновидностей. Наибольшая степень субъективности связана с типами речи, предполагающими проявление индивидуального начала. Индивидуальное время — это конкретная реализация субъективного времени в пределах данного темпорального типа. Если индивидуум — творческая личность, решающая эстетическую задачу, возникает обогащенная разновидность субъективного времени, или художественное время, не просто устанавливающее связь содержания с осью времени, но и создающее образ времени, апеллирующее к восприятию в определенной культурно-исторической общности. Здесь действует «конвенция времени» (В. Шкловский), выделяется **множество** разновидностей, связанных со спецификой худож. текста. Наиболее существенными субкатегориями художественного времени являются дихотомические пары: время авторское/сюжетное и время переживаемое/фоновое. Худо-

жественное время может сближаться с объективным, в том числе с концептуальным, и отталкиваться от него, но в любой своей разновидности для данного типа в целом характерен примат творческого начала над объективно-отражательным.

Категория времени структурируется на основе ряда противоположения на оси временной ориентации (темпоральной оси). Время — векторная категория, т.е. категория, для которой важно направление, движение из определенной исходной точки (референтной точки). Для темпоральной структуры текста также важна точка отсчета — некоторый условный пункт, векторный нуль, в опоре на который выстраивается вся темпоральная перспектива текста. Эта точка может принадлежать как объективному, так и субъективному времени, причем автор текста может условно находиться в этой точке: «я — сейчас» или «я — тогда», а может быть отстранен от нее: «он, они сейчас, тогда» (отсюда понятия «я-текст» и «он-текст»). В некоторых типах текстов могут сочетаться обе эти позиции. Точка темпорального отсчета может быть сугубо реляционной, когда в тексте важна лишь соотносительность явлений на шкале времени (это характерно для концептуального и некоторых разновидностей художественного времени). Текстовым показателем изменения темпоральной точки зрения служат фразовые указатели перехода к новому состоянию сознания: *вспоминается, как...; в детстве мы...*; *надеюсь, что...; если заглянуть в будущее, то...*

Выражение категории Т. в. осуществляется с помощью лексических единиц, обозначающих моменты и отрезки времени, а также темпоральные отношения *(время, год, мгновение, вчера, в прошлом году, раньше, позже, всегда, в тот период, после обеда)*. Лексические сигналы времени могут быть полнозначными конкретными номинациями — абсолютными временными операторами, или номинаторами *(неделя, минута, 1991-й год, весной),* а также относительными операторами, или корреляторами *(изредка, когда-то, будущее, несколько лет спустя, до того, после войны)*. Последние концентрируют внимание на релятивной стороне времени, отношениях предшествования и следования. Номинаторы фиксируют и характеризуют темпоральные факты, корреляторы передают динамизм времени и определяют положение темпоральных фактов на временной оси. Прямыми темпоральными номинаторами являются даты, сему времени несут в себе названия исторических событий и реалий, имена исторически значимых персонажей, обозначения предметов быта, связанных с определенной эпохой.

Т. в. может быть представлено в виде функц.-семантического поля (время — лексицентрическая категория), состав ядра и периферии которого варьирует в зависимости от воплощаемого типа времени, что в свою очередь связано с функц.-стилевой и жанровой определенностью текста. Для интерпретации Т. в. важна также категория последовательности. На темпоральном основании, а именно восприятии и оставлении действительности в ее последовательно-временных связях, основано повествование как функц.-смысловой тип изложения.

Грамматическое время глагола текстового значения, как правило, не имеет. Лишь в разг. речи эта категория семантизована: грамматическое наст. время указывает на время протекания речи, прош. и буд. время — на соответствующие сферы реального времени. В остальных стилях с помощью глагольно-грамматического времени осуществляется деление текста на фрагменты и устанавливается связь этих фрагментов, т.е. осуществляется внутритекстовое упорядочивание информации (*З.Я. Тураева*).

Каждый функц. стиль речи характеризуется своей темпоральной организацией текста. Варьирующими величинами будут типы текстового пространства, актуальные для определенного стиля и жанра, темпоральная статичность или динамичность текста, набор пространственных операторов, составляющих ядро и периферию текстового поля темпоральности, и др. Науч. текст обычно основан на концептуальном времени, оф.-дел. — на конкретно-реальном или обобщенно-реальном, публиц. тексты, основываясь на объективном времени, одновременно создают социальный образ времени, а худож. литература — психологический образ эпохи. В разг. речи типична локация «я — здесь — сейчас», причем точка «сейчас» обычно совпадает с моментом речи, т.е. грамматическое и лексическое значение времени совпадают.

Т. в. тесно связано с *текстовым пространством* (см.), образуя вместе с ним комплексную категорию хронотопа, а вместе с ним и категорией субъекта — комплексную категорию локации текста.

Лит.: Шкловский В. Конвенция времени. — ВЛ. — 1969. — № 3; Дешериева Т.И. Лингвистический аспект категории времени в отношении к физическому и философскому аспектам. — ВЯ. — 1975. — № 2; Слюсарева Н.А. Язык и речь — пространство и время // Теория языка. Англистика. Кельтология. — М., 1976; Тураева З.Я. Категория времени: Время грамматическое и время художественное. — М., 1979; Москальская О.И. Грамматика текста. — М., 1981; Потаенко Н.А. Категория времени и ее выражение в лексико-семантической системе языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1981; Каримова Р.А. Темпоральная организация законченного теста // Проблемы сверхфразовых единств. Просодия и интонация. — Уфа, 1985; Кронгауз М.Л. Структура времени и значение слов // Логический анализ языка: противоречивость и аномальность текста. — М., 1990; Мосенцов В. В. Временные операторы в семантической структуре высказывания и текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Харьков, 1990.

Т.В. Матвеева

ТЕКСТОВОЕ ПРОСТРАНСТВО (локальность) — *текстовая категория* (см.), представляющая собой неотъемлемое свойство всех объектов действительности, поэтому пространственные характеристики приписываются и тем объектам, которые сами по себе не имеют пространственной природы (напр., концептам и концепциям).

Текст имеет двоякую пространственную семантику: во-первых, в его содержании отображается определенный фрагмент действительности, вписанный в общую пространственную картину мира (Т. п. как отража-

тельная категория); во-вторых, сам текст разворачивается в вербальное пространство, является материальным объектом, обладающим пространственными характеристиками, т.е. существует пространство текста как звукобуквенного речевого произведения, в котором есть линейное и плоскостное пространство. Вне пространственных координат создать текст невозможно, Т. п. — обязательный атрибут текста.

Категория Т. п. изоморфна категории текстового времени, вместе с которой она образует комплексную категорию хронотопа. Как и текстовое время, Т. п. может представлять собой отраженное подобие реальной действительности или ее субъективное преломление.

Помимо основных типов Т. п. — о б ъ е к т и в н о г о (диктумного) и с у б ъ е к т и в н о г о (модусного) — однотипно с текстовым временем выделяются концептуальное пространство (разновидность объективного на уровне логических абстракций) и художественное пространство (разновидность субъективного, создающая художественный образ пространства). Художественное пространство соединяет в себе различные разновидности диктумного и модусного пространства при определяющей роли эстетического замысла творческой личности. В результате происходит гуманизация пространства, его одухотворение, создается образ пространства. В пределах художественного отражения действительности существует своя типизация. Выделены романно-эпическое (*М.М. Бахтин*), мифопоэтическое (*В.Н. Топоров*) и другие разновидности Т. п.

Для пространственной структуры текста важна исходная смысловая точка, указывающая на местоположение субъекта. Данная точка «здесь» или «там» может указывать на реальное положение автора относительно событий текста, постоянное или меняющееся, а может носить условный характер. Совместно с точкой текстового времени и самой категорией субъектности формируется локация текста: «я — здесь — сейчас» (исходный антропоцентрический пункт текстового хронотопа) или какой-либо другой ее вариант: «я — там — тогда», «он — здесь — сейчас», «он — там — тогда». Локальная точка местоположения автора может оставаться неизменной на протяжении текста, а может меняться по ходу развития текста. Эта точка, как и вся пространственная линия текста, может получить отдельное описание, в том числе детализированное, но может и не фиксироваться в тексте.

Т. п. имеет две разновидности: статическую (расположение в пространстве) и динамическую, или векторную (перемещение в пространстве). Обе эти идеи выражаются с помощью соответствующей лексики (*место, пространство, длина, ширина, далеко, близко, направляться*, *удаляться*), предлогов пространственного значения (*на, к, из-за, над, под, около*), слов с локальной семой на периферии лексического значения (такими семами характеризуется вся конкретно-предметная лексика, географические термины и топонимы). Для выражения статического пространства более значимы существительные, особенно с конкретно-предметным значением (пространство вещно), в изображении векторного пространства незаменимы глаголы пространственного перемещения, со-

ставляющие одну из самых крупных лексико-семантических групп рус. глагола (около 500 единиц лит. языка). На пространственном осмыслении предмета речи основано описание как функц.-смысловой тип изложения. Грамматическими средствами передачи идеи пространственной определенности и пространственных связей служат обстоятельственные распространители грамматической основы простого предложения с локальным значением и обстоятельственные придаточные предложения пространственной семантики.

Номинативная стратиграфия сигналов пространства также коррелятивна с категорией времени. Абсолютные пространственные операторы, или номинаторы, безотносительно обозначают пространство и его элементы (*место, земля, комната, луг, идти, приехать*), относительные операторы, или корреляторы, передают релятивное содержание пространственных элементов и связей (*поверхность, приближаться, внизу, справа, внутри, из-за, над*).

Различные функц. стили по-разному организованы в плане Т. п. Варьирующими величинами будут типы текстового пространства, актуальные для определенного стиля и жанра, статичность или динамичность текста в локальном отношении, набор пространственных операторов, составляющих ядро и периферию текстового поля локальности, и др. Так, науч. стиль характеризуется локальной привязкой «старого знания», тогда как основное содержание науч. текста — новое знание располагается в концептуальном пространстве с условной исходной точкой «здесь». Оф.-дел. текст, напротив, конкретно фиксирует эту точку, и она реально прописана в тексте, пространство носит здесь реально-исторический характер. Объективное пространство значимо также в публицистике, причем здесь не просто фиксируется определенная пространственная точка или сфера, но и осуществляется социальная характеризация пространства. Худож. речь рисует образ событийного пространства, а разговорная чаще всего лишь служебно обозначает пространственные координаты.

Обычно на всем протяжении текста операторы Т. п. соседствуют с операторами текстового времени, выражая целостность категории текстового хронотопа. Это качество подчеркивается наличием актуальных для данной сферы лексических единиц, семантика которых носит синтетический пространственно-временной характер (*начало, продолжение, переход, выход*). В целом хронотоп является способом пространственно-временной развертки темы в текст.

Лит.: Лихачев Д.С. Внутренний мир худож. литературы. — ВЛ. 1968. — № 8; Лотман Ю.М. Структура худож. текста. — М., 1970; Успенский Б.А. Поэтика композиции: Структура худож. текста и типология композиционной формы. — М., 1970; Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. — М., 1979; Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика, структура. — М., 1983; Чернухина И.Я. Элементы организации худож. прозаического текста. — Воронеж, 1984; Ибрагимова В.Л. Отражение в языке категории пространства // Исследования по семантике. — Уфа, 1986. См. также лит. к ст. *Текстовое время*.

Т.В. Матвеева

ТЕЛЕРЕЧЬ — См. *Язык и стиль электронных СМИ.*

ТЕМА ТЕКСТА — предмет обсуждения в тексте, номинативно выраженное содержательное ядро целого текста, сопоставимое с авторским замыслом в целом. Сохраняет свое единство на протяжении текста, обеспечивая его целостность. В совокупности со своим смысловым предикатом Т. т. образует тезис целого текста: выражение его основной мысли. В крупном тексте Т. т. делится на подтемы и субподтемы, отражающие содержание относительно самостоятельных частей целого текста, так что категория Т. образует иерархическую интеллектуальную структуру.

Т. отражает затекстовую реальность и является функц.-семантической категорией, не имеющей аналога в языке (не путать с *темой* как термином актуального членения предложения). Тема семантически конкретна в каждом отдельном тексте, хотя в зависимости от повторяемости ситуаций общения и встречаемости в большом количестве текстов выделяются типичные темы. Обобщенную семантику Т. т. можно сформулировать лишь абстрактно: «предмет речи целого текста».

Роль смыслового ядра речевого произведения для Т. т. обеспечивается семантическим повтором. Единицы с повторяющейся семой (слова разной частеречной принадлежности и номинативные словосочетания) создают тематическую сетку, или тематическое поле текста. Для тематического поля важно именно наличие семантической общности составляющих его единиц, семантические связи между единицами внутри поля могут быть различными (референтная общность, синонимия, гипонимия, морфологическая и семантическая общность и т.д.). Наиболее частотная сема, имеющая наибольшее количество семантических связей в тексте и выделенная в нем композиционно, будет (с помощью соответствующего слова) выразителем темы целого текста.

Наиболее важны в тематическом поле непосредственные наименования предмета речи — предметные (в отличие от признаковых и от событийных) номинации. В тексте они связаны между собой отношениями функц.-текстового тождества и могут идентифицироваться друг через друга. Цепочка таких наименований, проходящая через весь текст и содержащая в себе представление предмета речи, — это основная т е м а т и ч е с к а я ц е п о ч к а текста. Как правило, она сопровождается дополнительными, в которых номинируется нечто связанное с предметом речи (признак, часть, функция и т.д.), а имя основной Т. используется в зависимой позиции.

Содержательное единство тематической цепочки строится на референтном тождестве номинаций (*Петербург — город — он — северная Пальмира*) и на их понятийном тождестве (*город — град — каменный мешок*). Опору тематической цепочки составляет полнозначная лексическая единица в своей первичной функции: собственное имя (если предмет им наделен), термин или, чаще всего, прямая номинация — нейтральное общеупотребительное слово. Такая номинация наиболее точно и непос-

редственно обозначает предмет речи. Прямая номинация и собственное имя могут составлять смысловое единство, напр., *крейсер «Петр Великий»*. Дополнительные номинации делятся на четыре типа: а) лексически новые: синонимические, референтно тождественные и таксономические (обозначения родовых понятий по отношению к базовому: *населенный пункт* в значении «город», *корабль* в значении «крейсер», *вода* в значении «река» или «озеро»); б) трансформы — различные преобразования базовых номинаций, свернутые и развернутые (*город — г. — этот город; крейсер «Петр Великий» — крейсер, самый современный атомный ракетный крейсер российского флота*); в) субституты — неполнозначные вне контекста заместители базовой номинации (*город, крейсер — он*); г) нулевые номинации, материально не выраженные, но по смыслу необходимые и восстанавливаемые за счет контекста.

В экспрессивно-стилистическом отношении состав тематических наименований может быть разнообразен. Здесь возможны единицы любой стилистической маркированности, отбираемые автором под углом зрения его цели. Каждая из номинаций может использоваться в составе тематической цепочки текста неоднократно и в различных комбинациях с другими в линейном ряду. Основная тематическая цепочка распространяется на весь текст и, как правило, затрагивает сильные позиции текста. Плотность тематических номинаций (количество на объем композиционной части и целого текста) — величина вариативная.

Конкретный состав и структура (комбинаторика и расположение составляющих номинативных единиц) тематической цепочки определяются не только индивидуальным замыслом автора, но и — в значительной степени — требованиями того функц. стиля, в рамках которого создается текст. Особенности тематической цепочки тесно связаны с конструктивным принципом стиля. Так, в науч. стиле, для которого характерны обобщенность и отвлеченность изложения, базовой единицей тематической цепочки, как правило, выступает термин — номинация большой обобщающей силы (напр., *лексические заимствования*). В качестве дополнительных номинаций наиболее активны свернутые трансформы (*заимствования*), иногда с указательными словами (*эти заимствования, такие заимствования*), реже используются перифразы (*иноязычная лексика, иноязычные слова, такие слова*) и субституты (*они*). Практически не используются нулевые номинации. В стилистическом отношении тематические цепочки подобны целому науч. тексту — имеют книжный характер, так как задаются термином. Комбинаторика языковых составляющих цепочки характеризуется периодичностью появления базовой номинации и относительным разнообразием перемежающихся с ней дополнительных номинаций. Основная тематическая цепочка проходит через весь научный текст, как правило, начиная с заголовка.

Для сравнения: в разг. стиле, обслуживающем обиходно-бытовое общение, сквозная тематическая цепочка собственно понятийного (сигнификативного) характера не используется. Здесь тематическая линия

носит предметно-понятийный характер, т.е. базовая номинация обладает свойством конкретности (напр., *Петя, брат*). Состав дополнительных номинаций Т. разнообразен, среди них референтно тождественные (*брат — наш спортсмен, этот чудак, родственник*), синонимические (*братец, братуха*), субституты (*он*). В разговорном общении редко развертывается единая предметно-логическая Т. Чаще предметно-тематическая линия носит прерывистый характер, причем тематика меняется достаточно произвольно под влиянием психологического сюжета разговора, так что выделить главную Т. затруднительно. Разговор соединяется в целое речевое произведение тематической цепочкой говорящего, или Я-темой. Т. о., разг. стиль характеризуется двойной тематикой: люди говорят о явлениях реальности и о себе самих. В том и другом случае в составе тематических цепочек очень активно используются личные местоимения (3-го лица в предметно-логических цепочках, 1-го лица в составе Я-тем). В стилистическом отношении разговорные тематические цепочки небогаты, экспрессивные единицы используются в них сравнительно редко. Комбинаторика цепочек не настроена на разнообразие, часто используются целые серии повторений. Плотность цепочек высока, их расположение в диалоге не регламентировано.

Неповторимым своеобразием речевого представления категории темы характеризуются и другие стили речи. Жанровое и индивидуальное речевое варьирование естественно, однако ограничивается действием общих функц.-стилевых закономерностей.

Лит.: Новиков А.И., Чистякова Г.Д. К вопросу о теме и денотате текста, «Изв. АН СССР. Сер. Л и Я», 1980. — № 1; Арнольд И.В. Стилистика английского языка: (Стилистика декодирования). — Л., 1981; Москальская О.И. Грамматика текста. — М., 1981; Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. — М., 1983; Скирдач О.М. Лингвистические принципы тематической организации текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1985; Разинкина Н.М. Функциональная стилистика английского языка. — М., 1989; Матвеева Т.В. Тематическое развертывание разговорного текста // Языковой облик уральского города. — Свердловск, 1990; Данилевская Н.В. Вариативные повторы как средство развертывания научного текста. — Пермь, 1992; Сибирякова И.Г. Тематическое структурирование разговорного диалога: Дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 1996; Ее же: Тема и жанр в разговорной речи // Жанры речи. Вып. 2. — Саратов, 1997.

Т.В. Матвеева

ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ — см. *Текстовое время.*

ТЕРМИН — (от лат. *terminus* — граница) языковой знак (слово или словосочетание), соотнесенный со специальным (научным, профессиональным и др.) понятием. Свыше 90% новых слов, появляющихся в языке, составляют термины (К. Сохор). Критерий терминологичности — специальная область употребления. Свойствами Т. являются дефинитивность, мотивированность, структурность, системность. Дефинитивность Т. яв-

ляется необходимым условием выделения терминологической единицы из словарного состава языка. Дефиниция, отражающая специальное понятие термина, определяет его содержательную точность и четкость. Терминология — совокупность лексических единиц естественного языка, обозначающих понятия определенной области знаний или деятельности, стихийно складывающаяся в процессе ее зарождения и развития (*В.М. Лейчик*). Т. не существуют изолированно, а входят в состав совокупности единиц — терминосистемы, «которая является языковой (знаковой) моделью некоторой специальной сферы знаний или деятельности» (*В.М. Лейчик*). В ходе своего развития терминология преобразуется в терминосистему. Проблемы Т., терминологии, терминосистемы изучает терминоведение. Различают общее терминоведение, имеющее целью изучить природу Т., и прикладное терминоведение, рассматривающее возможность использования Т. в различных областях деятельности: при составлении словарей, в информационно-поисковых системах, в процессах стандартизации и унификации терминологии и др.

Исследование Т. началось в 30-е гг. XX в. в Австрии (*Э. Вюстер*), Германии (*Л. Ольшки*), России (*Д.С. Лотте*, *С.А. Чаплыгин*, *Э.К. Дрезен*, *П.А. Флоренский*, *С.П. Обнорский*, *М.В.Сергиевский*, *Г.О. Винокур*, *А.А. Реформатский*). В 1933 г. по инициативе Д.С. Лотте была создана Комиссия технической терминологии (КТТ) при АН СССР (ныне Комитет научной терминологии РАН). В 1965 г. в России организован Всероссийский научно-исследовательский институт классификации, терминологии и информации по стандартизации и качеству (ВНИИКИ). В 1971 г. при ЮНЕСКО был создан Международный информационный центр (Infoterm), в задачи которого входила координация международных исследований Т. и терминологии. В 1993 г. в России создано Российское терминологическое общество РоссТерм (президент В.А. Татаринов), объединяющее научных и профессиональных работников сферы терминоведения.

Основателем российской терминологической школы является Д.С. Лотте (1898—1950). В России проблемы Т. и терминологии решаются представителями таких терминологических школ и центров, как Московская школа (*П.Н. Денисов*, *В.П. Даниленко*, *В.М. Лейчик*, *В.Н. Прохорова*, *П.В. Веселов*, *С.В. Гринев*, *В.А. Татаринов*, *Ю.Н. Марчук*, *В.Ф. Новодранова*, *Н.Б. Гвишиани*, *М.М. Глушко*, *А.Д. Хаютин*, *К.Я. Авербух*, *Л.А. Морозова* и др.) — постоянное издание «Научно-техническая терминология, научно-технический реферативный сборник», Москва; Санкт-Петербургская школа (*Л.Л. Кутина*, *Ф.П. Сороколетов*, *Р.Г. Пиотровский*, *Е.Д. Коновалова*, *Е.И. Чупилина*, *А.С. Герд*, *А.И. Моисеев*, *Н.З. Котелова* и др.); Нижегородская школа (*Б.Н. Головин*, *Р.Ю. Кобрин*, *В.Н. Немченко*, *Л.А. Пекарская*, *О.А. Макарихина* и др.) — постоянное издание «Термины в языке и речи», Нижний Новгород; Воронежская школа (*С.З. Иванов*, *Е.С. Анюшкин*, *В.А. Васютин*, *Г.А. Муштенко*, *В.К. Курчаева*, *В.В. Гладких* и др.) — постоянное издание «Отраслевая терминология: Лингвопрагматический аспект», Воронеж; Омский

терминологический центр (основатель — *Л.Б. Ткачева*); Уральская школа (*З.И. Комарова*, *Л.А. Шкатова*, *Л.М. Алексеева*, *Е.О. Голованова*, *С.Л. Мишланова* и др.). Известными Европейскими терминологическими школами являются Австрийская (*Э. Вюстер*, *Х. Фелбер*, *К. Галински*, *Г. Будин*) — постоянное издание «Infoterm»; Пражская (*Л. Дрозд*); Польская (*З. Стоберски*, *В. Новицки*, *С. Гайда*, *Я. Заневски*) — постоянное издание «Neoterm»; Германская (*И. Дальберг*, *Г. Будин*, *Х. Флук*, *Л. Хоффман*); Датская (*Х. Пихт*, *Р. Арнтс*, *Ж. Квистгард*, *Я. Эндберг*, *Дж. Андерсен*) — постоянное издание «LSP & Professional Communication», Copenhagen, Denmark. В современном терминоведении существуют разнообразные точки зрения как на природу Т., так и на его свойства. Система терминов получила название терминология. Терминология представляет собой лишь одну из актуализированных частей целостного творческого научного процесса, характеризующихся объективностью и субъективностью, стереотипным и творческим. Такое понимание терминологии позволяет считать ее открытой и «нежесткой» системой.

Существуют различные аспекты изучения Т.: философский, исторический, лингвистический, информационный, технический и др. Лингвистическое направление в терминоведении складывается в конце 40—начале 50-х гг. XX в. (*А.М. Терпигорев*, *В.В. Виноградов*, *Я.А. Климовицкий*, *В.П. Петушков*, *Р.Г. Пиотровский*). Главные задачи в области изучения Т. лингвистика связывала с вопросами упорядочения и стандартизации терминологии. Исходя из поставленных задач, исследователи Т. выявили его основные свойства: однозначность, стилистическую нейтральность, независимость от контекста, отсутствие синонимии, дефинитивность, краткость. Дальнейшие успехи лингвистического направления в терминоведении (80—90-е гг.) характеризовались «непосредственным проникновением в сущность термина, в специфику его функционирования в специальных текстах и в специальном речевом обиходе без приписывания ему желаемых свойств и качеств» (*В.А. Татаринов*). Терминоведческие труды лингвистического направления доказали, что «требования», предъявляемые к Т., не соответствуют его истинной природе. Т. в исследованиях данного аспекта определяется как сложная и противоречивая единица языка, конструируемая в процессе научного творчества.

Исследование Т. в лингвистическом аспекте проводится в нескольких направлениях: классификационном, функциональном, текстовом, когнитивном и др. В.В. Виноградов полагал, что проблемы Т. и терминологии входят в теорию общего языкознания. В 50-е гг. XX в. Р.Г. Пиотровский утверждал, что новые термины возникают на базе основного словарного фонда и словарного состава общенародного языка. В 60-е гг. XX в. в связи с интенсивным ростом научного знания происходит резкий скачок в развитии терминологии. Термины стали рассматриваться как особый, быстроразвивающийся слой лексики, образующийся в соответствии с развитием знания. Понятие специфичности Т. становится основным критерием дефиниции Т. Под термином ста-

ли понимать «слово или словосочетание, имеющее специальное значение, выражающее и формирующее профессиональное понятие и применяемое в процессе познания и освоения научных и профессиональных объектов и отношений между ними» (*Б.Н. Головин*, *Р.Ю. Кобрин*). Сложная и противоречивая природа Т. исследовалась П.А. Флоренским. Он считал, что Т. должен быть «неизмеримо сочнее, неизмеримо сгущеннее, и вместе с тем быть устойчивым, твердым». Изучение Т. как языковой категории способствует выявлению природы самого языка, представление о которой связано с созданием новых терминологических единиц, влияющих на эволюцию языковой системы.

В современном исследовании Т. приоритет отдается сфере функционирования термина. Интерес к проблемам функционирования Т. возникает с конца 60-х гг. XX в. как результат развития нового направления в лингвистике — лингвистики текста. Функциональное направление исследования Т. решает сложные проблемы данной языковой единицы: противоречивость, соотношение со словом естественного языка, контекстуальная обусловленность и др. Основоположником данного направления можно считать Г.О. Винокура, который полагал, что «в роли термина может выступать **всякое** слово, как бы ни было оно тривиально, и что термины — это не особые слова, а только слова в **особой функции**». Исследовательские заслуги в решении названных проблем принадлежат Б.Н. Головину, В.П. Даниленко, В.М. Лейчику и др. Результатом многолетней работы по выявлению функций Т. в специальных текстах явилось доказательство того, что субстрат термина — лексическая единица, «у которой при выполнении ею функций термина появляются (надстраиваются) специфические признаки» (*В.М. Лейчик*). Наиболее полная типология функций Т. представлена в работе С.В. Гринева «Введение в терминоведение». Наряду с традиционно выявляемыми (номинативной, коммуникативной, когнитивной, прагматической), в ней представлены и такие функции Т., как диагностическая, проявляющаяся в возможности определения состояния развития области знания по ведущему способу терминообразования, и прогностическая, способствующая выявлению потенциальных научных направлений. Различаются общие (инструментальная, систематизирующая, суперноминативная) и специфические (моделирующая, изобразительная, гипотетическая) функции Т.

Существует видовая классификация терминов — классы терминов: собственно термины, терминоиды, предтермины, квазитермины, прототермины, номенклатура, профессионализмы, профессиональный жаргон, характеризмы и др. (*А.А. Реформатский*, *С.Д. Шелов*, *С.В. Гринев*). Однако границы внутри классов терминов подвижны, поскольку «с развитием терминологии видовые термины могут превращаться в родовые» (*С.В. Гринев*). Особенно острая дискуссия развивается в отношении дифференциации понятий Т. и номенклатуры (*Г.О. Винокур*, *А.А. Реформатский*, *О.С. Ахманова*, *С.Г. Бархударов*, *Н.П. Кузьмин*, *А.И. Моисеев*,

Т.Л. Канделаки, *С.В. Гринев*, *В.М. Лейчик*, *В.Л. Налепин*). Считается, что основная функция Т. — сигнификативная, функция номенклатуры — номинативная. В этом смысле номенклатура соотносится с именами собственными. Т. определяются как основные единицы специальной лексики, напр.: *материя, движение, понятие, текст, язык***.** Номенклатурой называют второстепенную специальную единицу, являющуюся не выражением, а названием, ярлычком, маркировкой отдельного объекта, напр.: *педаль***,** *магнето, пеногаситель, боковой люфт, суффикс***.** Достаточно сложным является вопрос о статусе профессионализмов, поскольку не существует четких критериев их отличия от Т. (*С.Д. Шелов*, *В.М. Лейчик*, *С.В. Гринев*).

Т. не являются достоянием какого-либо отдельного языка, они образуют международный терминологический фонд (*Э.К. Дрезен*, *В.В. Акуленко*, *Н.Б. Гвишиани*, *Им Хынг Су*). Сближение, интернационализация терминосистем различных языков является результатом внутриязыковых и межъязыковых процессов, к числу последних относятся межъязыковые контакты и языковое взаимообогащение.

Лит.: Дрезен Э.К. Интернационализация научно-технической литературы. — М.; Л., 1936; Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды МИФЛИ. Т. 5, 1939; Бельчиков Ю.А. Интернациональная терминология в русском языке. — М., 1959; Реформатский А.А. Что такое термин и терминология. — М., 1959; Виноградов В.В. Вступительное слово, «Вопросы терминологии». — М., 1961; Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии. — М., 1961; Кутина Л.Л. Формирование терминологии физики в России. — М.; Л., 1966; Климовицкий Я.А. Некоторые вопросы развития и методологии терминологических работ в СССР. — М.; Л., 1967; Бархударов С.Г. О значении и задачах научных исследований в области терминологии // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. — М., 1970; Герд А.С. Проблемы становления и унификации научной терминологии. — ВЯ. — 1971. — № 1; Хаютин А.Д. О различных направлениях в терминологической работе // Семантические проблемы языков науки, терминологии и информатики. Ч. II. — М., 1971; Денисов П.Н. Очерки по русской лексикологии и учебной лексикографии. — М., 1974; Акуленко В.В. Научно-техническая терминология и проблема интернациональной терминологии // Научно-техническая революция и функционирование языков мира. — М., 1977; Даниленко В.П. Русская терминология: Опыт лингвистического описания. — М., 1977; Васильева Н.В. К семантическому и функциональному описанию греко-латинских терминоэлементов в лингвистической терминологии. — ВЯ. — 1983. — № 3; Гвишиани Н.Б. Язык научного общения (Вопросы методологии). — М., 1986; Лейчик В.М. О языковом субстрате термина. — ВЯ. — 1986. — № 5; Его же: Современные проблемы русской терминологии. — М., 1986; Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю. Лингвистические основы учения о терминах. — М., 1987; Ткачева Л.Б. Основные закономерности развития английской терминологии. — Томск, 1987; Авербух К.Я. Термин как объект изучения и как инструмент фиксации и передачи знания. «Научно-техническая терминология». 1991. — № 1; Комарова З.И. Семантическая структура специального слова и ее лексикографическое описание. — Свердловск, 1991; Гринев С.В. Введение в терминоведение. — М., 1993; Им Хынг Су, Становление терминологической лексики

русского языка. — М., 1995; Анюшкин Е.С., Васютин В.А. Воронежская школа терминоведения: прагматические аспекты понятийно-терминологической работы // Отраслевая терминология: Лингвопрагматические аспекты. — Воронеж, 1996; Володина М.Н. Термин как средство специальной информации. — М., 1996; Прохорова В.Н. Русская терминология (лексико-семантическое образование). — М., 1996; Татаринов В.А. Теория терминоведения: История и современное состояние. Т. 1. — М., 1996; Новодранова В.Ф. Когнитивный подход к изучению термина. «Терминоведение». 1997. — № 1—3; Татаринов В.А. Указатель работ, опубликованных отечественными терминологами в XX веке. — М., 1998; Шелов С.Д. Определение терминов и понятийная структура терминологии. — СПб., 1998; Буданов Р.А. Развитие французской политической терминологии в XVIII веке. — М., 2002.

Л.М. Алексеева

ТИП РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ — см. *Речевая культура*.

ТОНАЛЬНОСТЬ (субъективная модальность, текстовая модальность, текстовая экспрессивность) — текстовая категория, в которой находит отражение эмоционально-волевая установка автора текста при достижении конкретной коммуникативной цели, психологическая позиция автора по отношению к излагаемому, а также к адресату и ситуации общения. Определяется ценностными воззрениями автора и характером речевого взаимодействия. Наряду с оценочностью рационального типа, Т. составляет часть комплексной категории субъектности речевого произведения.

Содержание Т. — субъективное авторское видение и психологическое самораскрытие автора, обладающее, по закону эмоционального заражения, эффектом усиленного воздействия на адресата. Частные семантические сферы Т., выражаемые различными языковыми и речевыми средствами, — это эмоциональная оценка, интенсивность (усилительность, параметрическая чрезмерность) и волеизъявление, при ведущей роли эмоциональных (эмотивных) составляющих. Средства их выражения многообразны. В их числе эмоциональные междометия, эмоционально-экспрессивная лексика, в том числе с суффиксами субъективной оценки, слова-интенсификаторы, прямые и переносные формы повелительного наклонения, средства экспрессивной фоники и синтаксиса, специальные приёмы выразительности (тропы и фигуры). К ним могут добавляться нейтральные языковые единицы с контекстной эмоциональной коннотацией, ритмические и другие речевые средства эмоциональной экспрессии, композиционные приёмы экспрессивности.

По типу речевого воздействия Т. делится на три вида:1) мажор, мажорная Т. (отражение положительных оценок и эмоций, активная энергия, общий оптимистический настрой); 2) минор, минорная Т. (отражение сниженных и отрицательных эмоциональных оценок, слабая энергия, общий пессимистический настрой); 3) нейтральная (нулевая) Т., характеризующаяся объективизированностью изложения, предельно малой значимостью психологической составляющей речевого общения.

Переходными технологическими характеристиками Т. выступают покой (относительно ровное состояние, длительность той или иной Т.) и напряженность (неустойчивое состояние определенной Т., характеризующееся накоплением некоторого количества сигналов другой Т., дальнейшее увеличение которого способно привести к качественному скачку и переходу в эту другую Т.).

Спектр конкретных разновидностей Т. неисчислим и вряд ли может быть строго классифицирован.

На дотекстовом (языковом) уровне базовыми средствами Т. выступают языковые единицы, наиболее непосредственно выражающие семантику эмоциональности, усиления, волеизъявления. Это эмоциональные междометия, эмоционально-оценочная лексика и эмоционально-оценочные аффиксы, экспрессивные интонационные и синтаксические конструкции, лексико-семантические группы «Чувство» и «Воля», грамматические средства волеизъявления и др. В тексте языковые и речевые средства Т. (специальные приемы выразительности, единицы с контекстной коннотацией, темпоритм и др.) образуют функциональное поле, ядро которого состоит из единиц повышенной текстовой значимости — наиболее частотных и представленных в сильных позициях текста.

Текстовыми переменными поля Т. является не только состав ядра и периферии поля, но и открытый или скрытый характер эмоционального и волевого авторского настроя, однородность или неоднородность текста в тональном отношении, степень стандартности средств Т.

Т. может представлять собой текстовую константу, но чаще характеризуется изменчивостью и разнонаправленностью эмотивных, параметрических и волюнтативных характеристик, наличием не одного, а целого ряда тематических полей в зависимости от характера отношений коммуникантов, числа персонажей текста, количества предметно-тематических линий. Вариативность выражения данных смыслов очень велика. Тем не менее каждый функц. стиль характеризуется типовым представлением тонального содержания, отличным от всех других стилей. Различия определяются составом ядра и периферии в общем тональном поле класса текстов, плотностью средств тональности, количеством тональных субполей и т.д.

Так, в науч. стиле ядро тонального поля не совпадает с языковым: его составляют не прямые выразители эмоций, а нейтральные лексические единицы, передающие понятие об эмоциях, причем спектр последних совсем невелик (интерес, уверенность и неуверенность, удивление, сожаление). К ним примыкают лексические усилители (частицы и параметрические определения с усилительным значением: *ведь, же, только, самый, сильный, богатый, большой*). Авторское волеизъявление находит выражение в модальности долженствования и уверенной констатации высказываемых положений, но прямое выражение волюнтативности (через лексическую группу «Воля» и повелительное наклонение глагола) для науч. речи не характерно. Плотность поля тональности в науч. речи (за исключением оценочных жанров, таких как рецензия, от-

зыв) невелика, тональность может быть реализована и одиночными включениями. Т. о., ведущей тональностью науч. текста должна быть названа нейтральная, объективно-логическая, дополняемая разреженным и слабо выраженным полем тонально определенных средств эмоциональности, усиления и волеизъявления. Категория тональности в целом имеет в научной речи «отодвинутый» логизированный характер.

Для сравнения: в оф.-дел. стиле, отражающем социально-ролевое общение и ориентированном на констатацию фактов и на предписание адресату, психологические краски либо отвергаются в целом (текст констатирующих жанров строится в нейтральной тональности), либо сводятся к актуализации волеизъявления, обязательного предписания. Ядро текстового поля тональности заполняют лексические единицы с понятийной семой волеизъявления (*обязанность, право, обеспечить, соблюдать, разрешить, необходимо, следует*), клишированные конструкции того же рода (*должен выполняться, нести ответственность, предоставить право*) и грамматические конструкции, выдвигающие на первое место идею требования, указания, рекомендации (модально-инфинитивные и неопределенно-личные предложения). В отличие от научного стиля, тональные смыслы присутствуют в жанровых обозначениях оф.-дел. текстов, их заголовках и подзаголовках (*закон, соглашение о взаимных обязательствах, требование, приказ*). Однократного использования единицы предписания в сильной позиции текста достаточно, чтобы она могла сыграть роль текстового тонального ключа, задать тональность последующего фрагмента или целого текста. Т. о., оф.-дел. стиль имеет особый склад тональности, с доминированием волеизъявительного компонента.

Аналогичным образом может быть выделено типовое тональное содержание и других функц. стилей. В границах функц. стиля тональность дифференцируется в зависимости от жанра текста, и жанровые тональные доминанты обладают большей определенностью. Функц. стиль в целом характеризуется скорее единством статуса тональности в системе текстовых категорий, нежели единством тонального содержания. Т. может быть постоянной величиной текста, но чаще характеризуется переменчивостью и разнонаправленностью эмотивных, параметрических и волюнтативных характеристик. И всё же каждый функц. стиль характеризуется своей тональной картиной. Науч. речь настроена на нейтральную Т. с включениями элементов усиления и логизированных оценок. В оф.-дел. стиле доминирует компонент волеизъявления автора, в публицистике представлены разнообразные психологические краски, интенсификаторы, сигналы волеизъявления. Жанровая систематика функц. стиля уточняет общую картину Т., причём признак Т. иногда является важным жанрообразующим признаком (ср. такие жанры, как *приказ* и *справка*, *беседа* и *допрос*, *речь на митинге* и *лекция*).

Лит.: Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Труды Ин-та рус. яз. АН СССР. Т. 2. — М.; Л., 1950; Ляпон М.В. К вопросу о языковой специфике модальности, «Изв. АН СССР. Сер. Л и Я». Т. 30, 1971. — № 3; Его же: Текст и его компоненты

как объект комплексного анализа. — Л., 1986; Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. — М., 1986; Горшкова М.Л. К определению понятия стилистической тональности художественного текста // Текст и его категориальные свойства. — Киев, 1989; Баранов А.Г. Функционально-прагматическая концепция текста. — Ростов н/Д., 1993; Матвеева Т.В. Тональность разговорного текста: три способа описания, «Stylistyka-V». — Opole, 1995.

Т.В. Матвеева

ТОТАЛИТАРНЫЙ ЯЗЫК — 1) Язык, функционирующий на территории тоталитарного (от лат. totalis — весь, целый, полный) государства, осуществляющего полный (тотальный) контроль над всеми сферами жизни общества (например, язык фашистской Германии, фашистской Италии, франкистской Испании, язык, обслуживавший коммунистические казарменные режимы в СССР, Румынии, Польше и др.). Лингвокультурологическая природа Т. я. не позволяет рассматривать его в изоляции от истории и культуры определенного народа. Так, Т. я. в русском варианте прошел несколько стадий развития. Расцвет рус. Т. я. — сталинская эпоха; закат — начало горбачевской перестройки. 2) Т. я. — язык, подвергшийся насильственному идеологическому влиянию, осуществляемому с помощью централизованной языковой политики, имеющий особый репертуар функций и специфическую системную организацию. Языковая политика, предполагающая тотальный лингвоидеологический контроль, разрабатывается как совокупность стратегически обусловленных принципов и практических мероприятий, связанных с сознательным идеологическим воздействием на живой язык, прежде всего — на лексико-семантическую систему, сферу устойчивых (стандартных) сочетаний, стилистическое маркирование языковых единиц и их размещение на аксиологической шкале. Характерным для Т. я. процессом является процесс политизации философской, религиозной, правовой, эстетической сфер лексико-фразеологического состава языка. Основная функция Т. я. сводима к идеологическим предписаниям. Именно на директивной основе вырабатываются нормы идеологически правильного речевого поведения, зафиксированные и рекомендованные словарями и справочниками (в их числе толковый, энциклопедический, философский, политический, юридический, а также словарь этики, словарь атеиста, словарь пропагандиста и др.). Предписательность, директивность способствуют формированию тоталитарного общественного языкового сознания, деформированию языковой картины мира, которую отличают примитивизм, однонаправленное движение времени, замкнутость пространства, постоянные очаги напряжения, виртуальность истинного, мифологизм, наличие единой коллективной точки зрения, редукция человеческой, в том числе языковой, индивидуальности, находящейся за пределами системы ценностей.

Т. я. организован системно. Он располагает своим словарем, который можно представить в виде блоков взаимосвязанных идеологем и мифо-

логем. Идеологемы и мифологемы становятся основными операторами коммуникативного взаимодействия в тоталитарной культуре. В функции идеологемы может выступать любой речевой отрезок, значение которого связано с обозначаемым (денотатом) идеологического типа. Например, *анти-*, *-изм* — это аффиксы, приспособленные для выражения идеологического содержния; *вредительство, партия, революция* — это слова-идеологемы; *враг народа, диктатура пролетариата, период коллективизации, развитой социализм* — это стандартные словосочетания-идеологемы; *революционные массы взяли власть в свои руки* — это стандартное высказывание идеологического типа; роман Н. Островского «Как закалялась сталь» — текст-идеологема. Идеологические смыслы могут надстраиваться над предметностной (денотативной) семантикой. В этом случае говорят об идеологических добавках. Напр., словосочетание *соглашательская линия поведения* получает семантические приращения (добавки) ‘недостойная’, ‘предательская’, ‘трусливая’, ‘коварная’. Эти добавки превращают данное словосочетание в идеологему манипулятивного типа. В качестве приращений используются оценочные семы, ср.: *гениальный* (вождь) — *прихвостень*; *критика* (отдельных недостатков) — *клевета*. Квазиидеологемы, которые насаждаются как истинные и имеют свою драматургию, можно назвать мифологемами. Так, мифологемами являются квазиидеологема *всенародной любви к вождю*; *строительства коммунизма; самого справедливого в мире советского суда* и др. Внутри блоков идеологем и мифологем устанавливаются типовые структурные связи. Универсальный тип связи — противопоставление, с помощью которого выстраиваются бинарные оппозиции, поляризующие идеологические конструкты: *советское — буржуазное; пролетарий — капиталист; большевизм — меньшевизм; материалистический — идеалистический; передовой — отсталый; развиваться — загнивать* и др. Т. я. обладает высокой степенью стандартизации. Идеологические стандарты, в число которых входят прецедентные тексты, делают коммуникацию предсказуемой, создают иллюзию всеобщей гармонии. Диалог монологизируется, оснащается догмами, поддерживающими опорную идеологическую систему. Наиболее полно тоталитарные предписания реализуются в апологетических текстах. В них идеологемы и мифологемы функционируют в нормативной идеологической контекстной среде, способствующей закреплению и развитию санкционированной официально идеи (идей) и высокого пафоса. Напр., постановление ЦК КПСС, первомайские лозунги, тексты-почины, клятвы (ср. также: песня власти, производственный роман, героическая поэма и др.). Естественной реакцией носителей языка на идеологическую ложь и лингвистическое насилие является языковое сопротивление. Оно выступает как борьба с Т. я. (языковая борьба) и как намеренное игнорирование предписанных стандартов, естественное отторжение идеологической лжи. Языковое существование советского времени по отношению к русскому языку можно охарактеризовать как ситуацию фактической диглоссии: тоталитарный русский язык — антитоталитарный рус. язык. При этом языковое сопротивление тоталитарному

диктату проявлялось на общенародном (напр., политический анекдот), субъязыковом (напр., авторская песня), индивидуальном (например, язык о. Павла Флоренского) уровнях. Опыт языкового сопротивления эпохи советского тоталитаризма вскрывает глубинный стилистический потенциал рус. языка.

Лит.: Гусейнов Г.Ч. Ложь как состояние общественного сознания. «Вопросы философии». 1989. — № 11; Караулов Ю.Н. О состоянии русского языка современности. Доклад на конференции «Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики». — М., 1991; Скляревская Г.Н. Состояние современного русского языка. Взгляд лексикографа // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. 1. — М., 1991; Вежбицка А. Антитоталитарный язык в Польше. Механизмы языковой самообороны. — ВЯ. — 1993. — № 4; Купина Н.А. Тоталитарный язык. — Екатеринбург—Пермь, 1995; Земская Е.А. Новояз, new speak, nowomowa... Что дальше? // Русский язык конца XX столетия (1985—1995). — М., 1996; Ермакова О.П. Тоталитарное и посттоталитарное общество в семантике слов // Русский язык / Под ред. Е.Н. Ширяева. — Opole, 1997; Купина Н.А. Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры. — Екатеринбург, 1999; Weiss D. Was ist neu am «newspeak»? Reflexionen zur Sprache der Politik in der Sowjetunion // Slavistische Linguistik 1985. — München, 1986; Glowicski M., Nowomowa po polsku. — Warszawa, 1991.

Н.А. Купина

ТОЧНОСТЬ РЕЧИ — коммуникативное качество, формируемое на основе связи речи с действительностью и мышлением и осознаваемое через соотнесение семантики речи с выражаемой и формируемой речью информацией (*Б.Н. Головин*). В связи с этим различаются два вида точности — предметная и понятийная. Предметная точность опирается на связь речи с действительностью и состоит в соответствии содержания речи тому кругу предметов, явлений действительности, которые речью отображаются. Понятийная Т. задается связью речи и мышления и существует как соответствие семантики компонентов речи содержанию и объема выражаемых ими понятий. Т. понятийная и предметная взаимосвязаны и взаимообусловлены так же, как связаны предмет и понятие о нем.

Основными условиями, способствующими созданию точной речи, являются знание предмета речи, знание языковой системы и прочные речевые навыки. В конкретном акте коммуникации говорящий соотносит знание предмета со знанием языковой системы и ее возможностей.

Т. издавна осознается как одно из важнейших достоинств речи. Еще в античных руководствах по красноречию первым и основным требованием, предъявляемым к речи, было требование ясности; понимание ясности в древности очень близко к современному пониманию Т. Уже тогда условием обеспечения Т. р. считали связь языка и мышления. Большое значение Т. р. придавали великие русские мастера слова — писатели и литературные критики. Как один из критериев хорошей речи Т. была осмыслена в работе Б.Н. Головина, давшего научное определение этого термина, теоретическое обоснование получили экстралингвистические

и лингвистические условия формирования этого качества в речи. В последнее время данное качество рассматривается как одно из направлений совершенствования речевого мастерства.

Лингвистическими средствами, которые способствуют формированию речевой семантики, а значит, и Т. р., являются все единицы, вошедшие в структуру речи. При этом особенно велика роль словоупотребления (в том числе терминоупотребления). Точное словоупотребление обеспечивается в первую очередь знанием системы лексических значений, разграничением значений многозначного слова, слов в синонимическом ряду, разграничением омонимов, паронимов, хорошим знанием значений слов узкой сферы употребления (иноязычных, профессиональных, архаичных и т.п.).

Т. р. всегда связана с пониманием значений слов. Трудности чаще всего возникают при употреблении заимствований, терминов, многозначных (полисемичных) слов, омонимов (слов, совпадающих по звучанию или написанию, но имеющих разный смысл). Напр., высказывание «*Надо **оставить** это предложение*» вследствие двоякого понимания многозначного слова *оставить* (*сохранить* предложение в прежнем виде или *отказаться* от него) нужно дополнить какими-либо пояснительными словами (к примеру, так: *Надо оставить это предложение **в тексте***). Двусмысленно и следующее предложение, содержащее омоним: *Вы **прослушали** объявление?* — т.е. *восприняли* переданную информацию или же, напротив, *пропустили* ее.

При употреблении синонимов (слов, различных по звучанию или написанию, но близких или тождественных по значению) следует обращать внимание на различия: оттенков смысла (*мокрый — влажный — сырой*); объемов понятий (*способный — талантливый — гениальный*); сфер употребления (*просить — ходатайствовать — взывать — выпрашивать — клянчить*); экспрессивных окрасок (*лик — лицо — рожа*).

При употреблении паронимов (близких, но не тождественных по звучанию однокоренных слов) важно различать их значения. Напр., у слов *ритмичный* и *ритмический* общий корень, они близки по звуковому составу, но различаются по значению: *ритмичный* — чувствующий ритм или обладающий ритмом, *ритмический* — основанный на ритме. В процессе речепорождения важно учитывать лексическую сочетаемость (способность слова употребляться совместно с другим словом в речевом отрезке). Границы сочетаемости в значительной степени определяются значением слова. При построении предложений следует обращать внимание на контекстуальную связанность отдельных значений полисемичного слова (напр., можно сказать *повысить* урожайность, скорость, но нельзя — *повысить* выпуск, т.к. *повысить* можно лишь то, к чему приложим параметр *высокий*). В совр. рус. языке часто бывает трудно или даже невозможно объяснить причины различной сочетаемости близких по смыслу слов (напр.: *уделять внимание / придавать значение* музыкальному образованию). Такие сочетания входят в словарь языковой личности в готовом виде, и умение их использовать составляет часть рече-

вой культуры. Т. р. определяется также л а к о н и з м о м (употреблением слов, кратко и точно называющих явления, отказом от лишних слов, т.е. п л е о н а з м а, и повторов, т.е. т а в т о л о г и и).

Несоблюдение условий создания точной речи приводит к речевым ошибкам.

Требования к Т. р. заметно различаются в зависимости от разных функц. стилей. И здесь можно говорить о стилевом аспекте изучения понятия «точность речи». Повышенные требования предъявляются к речи деловой, науч., публиц. Деловой речи присуща Т., не допускающая инотолкования. Т. формулировок правовых норм и необходимость абсолютной адекватности их понимания (толкования) — идеал законодательных текстов, способствующий реализации регулятивной функции права. Т. науч. р. обусловлена ее специфическим функц.-стилистическим содержанием — эпистемической информацией. Эпистемическая информация представляет собой науч. знание, которое эксплицируется не только как результат познавательной деятельности, но и как сама познавательная деятельность субъекта по получению нового знания об объекте изучения. В науч. речи максимально точным предполагается терминоупотребление (в терминосистеме текста). В соответствии с конвенциональностью, условностью терминов, обозначающих науч. понятия, Т. р. предполагает наличие определений терминированных понятий. Однако автор может считать 1) необходимым и возможным дать четкое логическое определение понятия, 2) возможным лишь частично определить понятие (указать некоторые признаки), 3) невозможным дать определение на данном этапе разработки понятия. Такая вариативность познавательно-коммуникативной ситуации порождает неопределенность, вернее, определенность/неопределенность выбора средств для точной характеристики содержания и объема понятия. Кроме того, не менее важно выражение процесса формирования понятий разной степени абстракции, а также движения мысли в лабиринте информации разной степени достоверности, а значит, и определенности/неопределенности. При этом если в тексте эксплицировано движение информации от неопределенного знания к более определенному, то в целом тексте выражение определенности/неопределенности имеет коммуникативную значимость именно в плане точности речи. Это свойство речи реализуется не только в пределах предложения, но и в более широком контексте, где отчетливо проявляется диффузный, континуальный характер значений неопределенности и определенности и их тесная связь. Это особенно характерно для современных (причем преимущественно теоретических) текстов, стратегия формирования которых предполагает изменение информации в рамках определенности/неопределенности.

В соответствии с одним из возможных подходов изучение Т. р. сопряжено с анализом средств, выражающих определенность/неопределенность знания в тексте, в трех основных аспектах — логико-семантическом, психолого-коммуникативном и когнитивно-эпистемическом. Так, в логико-семантическом отношении рассматриваются средства, выра-

жающие квалификацию объема понятия на основе выделения, частичного объединения/ограничения и объединения понятий. Психолого-коммуникативный аспект Т. науч. р. соотносится с ценностной ориентацией автора в эпистемическом пространстве, и прежде всего с оценкой степени достоверности информации. Когнитивно-эпистемический аспект Т. р. соотносится со структурированием содержания посредством таксономических операторов типа *вид, род, разновидность* и др., а также метапредикатов, обозначающих онтологические сущности (типа *признак, свойство, изменение, развитие* и мн. др.), логико-гносеологические и методологические понятия (типа *факт, классификация, типология, теория, закон; система, структура, функция* и др.).

Понятие «точность» приобретает особый смысл применительно к худож. речи, где Т. возникает как следствие стремления автора к адекватности слова предмету, к соответствию слова идейно-эстетической оценке предметов, к реализации в слове конкретной стилевой установки художника. Точное худож. слово возникает на основе глубокого, всестороннего познания объекта речи, причем познания и логического, понятийного, и художественного, образного. *Худож.* речь не всегда отвечает требованиям точности, потому что неточности в ней иногда служат средством создания художественной образности. В лит. произведении точность речи — это верность образу.

Для *разг.* речи характерно такое специфическое качество, как *меткость*, — особого рода выразительная и образная Т. Она проявляется при точной характеристике *отдельных* признаков предмета, явления, процесса, нередко внешних, частных. Иллюстрацией может служить использование фразеологизмов типа *верста коломенская* (о человеке высокого роста), бежит *только пятки сверкают* (о быстром беге).

Лит.: Головин Б.Н. Основы культуры речи. — М., 1980; Кожина М.Н. Стилистика русского языка. — М., 1982; Васильева А.Н. Основы культуры речи. — М., 1990; Введенская Л.А., Павлова Л.Г. Культура и искусство речи. — Ростов-на-Дону, 1995; Мучник Б.С. Культура письменной речи: Формирование стилистического мышления. — М., 1996; Ивакина Н.Н. Профессиональная речь юриста. — М., 1997; Ее же: Культура устной и письменной речи делового человека. — М., 1997; Котюрова М.П. Точность научной речи как выражение определенности/неопределенности знания // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII—XX вв. Т.II. Стилистика научного текста (общие параметры). Ч. 2. Категории научного текста: функционально-стилистический аспект. — Пермь, 1998; Дускаева Л.Р., Протопопова О.В. На пути к речевому мастерству. — Пермь, 2000.

Л.Р. Дускаева, М.П. Котюрова, О.В. Протопопова

ТРЕХ СТИЛЕЙ ТЕОРИЯ — учение о подразделении языка на три стиля (штиля): высокий — средний (посредственный) — низкий. Известна с античных времен. На русской почве появляется в риториках XVII в. и обосновывается как теория в середине XVIII в. в связи с развитием классицизма. Наибольшие заслуги в разработке Т. с. т. принадлежат

М.В. Ломоносову («Предисловие о пользе книг церковных в российском языке», 1757). Сущность Т. с. т. заключается в систематизации «речений» и языковых средств по их стилистической окраске (связанной с их происхождением и употреблением) и обязательности их использования в произведениях определенных стилей, жанров и тематики, т.е. носит историко-генетический характер. Так, «прозаические речи о важных материях» предписывалось писать высоким штилем, к нему относились оды, героические поэмы, трагедии; средний стиль представляли эклоги, элегии, дружеские стихотворные письма; низким стилем писались комедии, эпиграммы, дружеские письма в прозе, описания обыкновенных дел. При этом именно в высоком стиле предписывается использование славянизмов (*отверзаю, Господень, взываю* и т.п.); в среднем же — «речения больше в российском языке употребительные»; в низкий стиль допускается, кроме того, и просторечие. Ценность Т. с. т. М.В. Ломоносова состоит в упорядочении употребления в рус. лит. языке двух стихий: книжно-славянской и собственно русской (с учетом их взаимодействия). Систематизация стилистических средств и их «привязка» к особенностям содержания речи и употребления была весьма актуальна в середине XVIII в. (при учете так называемого смешения стилей предшествующего времени, особенно в петровскую эпоху). Кроме того, значение Т. с. т. Ломоносова состоит в обосновании демократизации языка и ее реализации в произведениях поэта-ученого: использование устаревших церковнославянских элементов в рус. лит. языке Ломоносов считает ненужным, допускаются лишь общепонятные славянизмы; при употреблении лексических и грамматических средств делается установка на «речения, больше в российском языке употребительные», допускаются просторечные элементы.

Сыграв свою положительную роль, Т. с. т., однако, уже в конце XVIII в. утратила свое значение и преодолевалась в творчестве Державина, Фонвизина, Новикова и др. писателей. Окончательно преодолена она была (как система, как норма словоупотребления) в пушкинскую и послепушкинскую эпохи. Но осознание стилистических окрасок у определенных языковых единиц как высоких, средних (или нейтральных) и низких и представление о соответствующем стиле контекстов с употреблением этих средств сохраняется в известной мере до настоящего времени (см. *Стиля модель традиционная; Высокий стиль*). Так, в книге О.С. Ахмановой «Очерки по общей и русской лексикологии» и ее же «Словаре лингвистических терминов» (М., 1966) и в др. работах эксплицировано подобное представление стилей и стилистических средств применительно к современности.

Лит.: Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. — М., 1957; Панов М.В. О развитии русского языка в советском обществе. — ВЯ. — 1962. — № 3; Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка.— 3-е изд. — М., 1965; Вомперский В.П. Стилистическое учение М.В. Ломоносова и теория трех стилей. — М., 1970; Его же: Риторики в России XVII—XVIII вв. — М., 1988; Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.— 3-е изд. — М., 1982.

М.Н. Кожина

ТРОП (от греч. tropos — поворот, оборот речи) — стилистический прием, заключающийся в употреблении слова (словосочетания, предложения) не в прямом, а в переносном значении, т.е. в использовании слов (словосочетаний и предложений), называющих один объект (предмет, явление, свойство), для обозначения другого объекта, связанного с первым тем или иным смысловым отношением. Это могут быть отношения сходства, и тогда мы имеем дело с метафорой, сравнением, олицетворением. Или отношения контраста, как в оксюмороне и антифразисе. Это могут быть отношения смежности, как в метонимии. Или отношения, носящие количественный (а не качественный) характер и выраженные с помощью синекдохи, гиперболы и мейозиса.

«Совокупность Т. можно представить в виде логически полной, регулярной системы, основанной на обобщенных понятиях количества и качества, связи, сходства и противоположности» (*Ф.П. Филин*).

Количество Т. существенно колеблется в зависимости от тех критериев, по которым они выделяются. У Квинтилиана их семь: метафора, метонимия, синекдоха, ирония, эмфаза, гипербола, перифраза. У М.В. Ломоносова — одиннадцать: добавлены катахреза, металепсис, аллегория и антономазия. А.А. Потебня выделяет лишь три основных Т.: метафору, метонимию, синекдоху. Для Р. Якобсона же существуют всего два базовых Т.: метафора и метонимия, наличие которых обусловлено, по его мнению, самой природой языка. Шофер и Райс особое значение придавали синекдохе, которую многие исследователи, в свою очередь, вовсе не считают самостоятельным Т., а определяют как разновидность метонимии.

Но все лингвисты согласны в том, что «корни тропеичности следует искать в двуплановости самой структуры языка как знаковой системы <...> и в асимметрии плана содержания и плана выражения» (*Топоров*, 1998, с. 520) и что Т. — это отклоняющиеся от нормы средства, реализующие «вторые» (переносные) смыслы, а тропеический текст — это деформированный (по сравнению с нормой) текст, «непрямая» речь, наиболее проявляющая «парадоксы тождества и различия в языке» (там же).

Т. служат для усиления изобразительности и выразительности речи, передачи оценочного и эмоционально-экспрессивного значений, создания образности. Поэтому они используются прежде всего в худож. речи и публицистике, но не присутствуют в оф.-дел. и науч.-технических текстах, т.е. там, где недопустима двусмысленность, неоднозначность понимания. Разг. речь, в силу своей повышенной экспрессивности, часто насыщена самыми разными Т.: *Ну ты и красавец!* (антифразис), *Дочь у нее — просто золото* (метафора), *Я три тарелки съел* (синекдоха), *Отсюда — рукой подать* (гипербола) и т.д.

Для Т. характерна нерегламентированность языковой формы. Они могут содержаться в одном слове, группе слов, предложении, группе предложений.

Разные Т. могут совмещаться в одной языковой единице. В результате такого совмещения возникают: метафорический эпитет и метафорическ-

кое олицетворение, гиперболическое сравнение и гиперболический эпитет и т.п. «Появляется возможность говорить об обратимости Т. <...>, благодаря которой все пространство структуры Т. оказывается связанным» (*Топоров*, 1998, с. 521). Как писал А. Белый, «формы изобразительности неотделимы друг от друга: они переходят одна в другую <...>; один и тот же процесс живописания, претерпевая различные фазы, предстает нам то как эпитет, то как сравнение, то как синекдоха, то как метонимия, то как метафора в тесном смысле».

В худож. тексте, как правило, одновременно используются несколько Т., что создает его особую «насыщенность»:

Невыразимая печаль
Открыла два огромных глаза,
Цветочная проснулась ваза
И выплеснула свой хрусталь.

Вся комната напоена
Истомой — сладкое лекарство!
Такое маленькое царство!
Так много поглотило сна.

Немного красного вина,
Немного солнечного мая —
И, тоненький бисквит ломая,
Тончайших пальцев белизна.
(О. Мандельштам)

Этот текст создан с помощью метафор, олицетворений, гиперболы, сравнения (конечно, в сочетании со стилистическими фигурами и другими приемами).

Лит.: Белый А. Символизм. — М., 1910**;** Античные теории языка и стиля. — М.; Л., 1936; Кожевникова Н.А. Об обратимости тропов // Лингвистика и поэтика. — М., 1979; Общая риторика. — М., 1986; Потебня А.А. Теоретическая поэтика. — М., 1990; Безменова Н.А. Очерки по теории и истории риторики. — М., 1991; Тодоров Ц. Поэтика // Структурализм: «за» и «против». — М., 1995; Топоров В.Н. Тропы // Большой энциклопедический словарь: Языкознание. — М., 1998; Караценцева Н.М. К истории русской филологической терминологии: (тропы и фигуры). — Ростов-на-Дону, 1999.

О.Н. Емельянова

У

УЗУС — общепринятое употребление языковых единиц. Понятие У. играет важную роль в общелингвистических теориях, раскрывающих неоднолинейность языка. Так, Л. Ельмслев предложил вместо дихотомии Ф. де Соссюра язык/речь четырехчленное деление: схема как чистая форма — норма — узус — акт речи. По мнению этого языковеда, схема, представляющая единственно истинный предмет лингвистики, противопоставлена У. и акту речи. У. понимается как совокупность языковых навыков, принятых в данном обществе и обусловленных определенными манифестациями. Акт речи — это индивидуальное речевое действие. У. и акт речи с необходимостью предполагают друг друга. Норма же, являясь материальной формой, трактуется как абстракция, не отражающая лингвистическую действительность.

Эти представления Л. Ельмслева оказали влияние на теорию Э. Косериу, который характеризует функциональный язык (язык, на котором можно говорить) с помощью понятий системы, нормы и узуса. Система — это система возможностей, координат, указывающих открытые и закрытые пути в речи. Норма представляет собой совокупность обязательных реализаций, принятых данным обществом и данной культурой. (Понятие нормы у Косериу сближается с понятием У. у Ельмслева.) В отличие от нормы, У., согласно этой концепции, включает не только традиционные, устойчивые, но и нетрадиционные, окказиональные реализации.

Значимость для лингвостилистики понятия У., или общепринятого употребления единиц языка, подчеркивали в 1940—1950-е гг. В.В. Виноградов и Г.О. Винокур. Ими формировалось представление о ее предмете как о коллективных, общественно осознанных приемах отбора и использования средств речевого общения. В это же время в чешской лингвистике складывалось понимание стиля как языковой организации высказывания, которая, «как правило, не является исключительной, но подчинена обычаю и условностям» (Гавранек); категория функционального стиля, в отличие от стиля индивидуального, субъективного, определялась с опорой на понятие «надындивидуального вкуса».

Уровню У. принадлежит речевая системность функц. стиля (см. *Речевая системность функц. стиля*).

В экспрессивной стилистике понятие У. используется при описании общественных навыков выразительного употребления языка.

Лит.: Виноградов В.В. Итоги обсуждения вопросов стилистики. — ВЯ. — 1955. — №1; Винокур Г.О. О задачах истории языка // Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. — М., 1959; Косериу Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. Вып. 3. — М., 1963; Ельмслев Л. Язык и речь // Звегинцев В.А. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. — М., 1965; Гавранек Б. О функциональном расслоении литературного языка // Пражский лингвистический кружок. — М., 1967; Кожина М.Н. К основаниям функциональной стилистики. — Пермь, 1968; Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. — М., 1980.

В.А. Салимовский

УСТАРЕВШИЕ СЛОВА — обобщающее понятие по отношению к терминам *историзмы* (см.) и *архаизмы* (см.) — слова, ранее употреблявшиеся неограниченно, как правило, во всех сферах речи, а сейчас известные скорее по языку худож. произведений или из специальной литературы: *арап, богадельня, воитель, дружество* и пр.

Лексика — самый подвижный уровень языка, чутко реагирующий на все изменения в окружающей нас действительности, и устаревание лексики — закономерный процесс. Причины этого устаревания могут быть экстралингвистическими, например, утрата обозначаемого словом объекта (что ведет к возникновению *историзмов* (см.), табуирование (очень распространенное в совр рус. языке революционного периода), эвфемизация, пуризм и прочие внешние по отношению к языку факторы. Но есть и внутрилингвистические причины устаревания (архаизации) лексики. Это развитие синонимии, омонимии, расширение или сужение семантики и др.

Устаревание слов может быть как процессом почти одномоментным (напр., появление историзма *ваучер*), так и длительным — через постепенное снижение частотности употребления слова и переход его в пассивный словарный запас языка (напр., *сей — этот*).

По степени устарелости выделяются: а) начинающие устаревать слова (снизилась частотность употребления): *лютый, родитель* и др.; б) устаревшие слова, понимание лексического значения которых не вызывает никаких затруднений: *перст, стихотворец, дарование* и др.; в) устаревшие слова, уже не понятные большинству носителей языка и поэтому стоящие на грани выпадения из его лексической системы: *наперсник, рескрипт* и др.; г) слова, вышедшие из лексической системы совр. рус. языка: *волот* (великан), *котора́* (ссора), *коц* (покрывало, ковер) и др.

Устареть может: слово полностью, отдельное значение слова, его сочетаемость, написание, произношение, порядок слов. По мнению А.П. Ялышевой, слова широкой семантики меньше подвержены устаре-

ванию. Все устаревшие слова (как архаизмы, так и историзмы) отличаются низкой частотностью употребления (сейчас) в общелитературном языке, ограниченной сферой употребления, периферийной позицией в словаре, наличием временного семантического компонента в смысловой структуре слова.

Устаревшие слова могут вернуться в активный словарный запас языка. Так произошло, напр., со словами *лицей, губернатор, дума, департамент* и др. Более всего шансов для этого имеют те лексемы, которые стали устаревшими по идеологическим мотивам. Со временем отрицательная маркированность ими утрачивается и появляется реальная возможность возвращения их в активный словарь языка.

Выделяют два основных этапа возвращения дореволюционной лексики: 1. 30—40-е гг.: *адвокат, адмирал, генерал, гвардия, министр, офицер, указ* и др.; 2. Конец 80—начало 90-х гг. XX в. *губернатор, благотворительность, господин, коммерсант* и т.д.

Подробнее об устаревших словах см. в статьях *Архаизмы* и *Историзмы.*

Лит.: Селищев А.М. Революция и язык // Селищев А.М. Избранные труды. — М., 1968; Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. — М., 1972; Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. — М., 1977; Белянская З.Ф. Устаревшая лексика современного русского языка (историзмы). — Л., 1978; Михайлова Е.Г. Архаизация элементов языка в процессе его развития. — Киев, 1987; Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. — М., 1993; Груздева Е.В. Хронологически отмеченная лексика в современном русском языке и ее лексикографическая интерпретация. — СПб., 1996; Ковалева Е.В. Устаревшая лексика в системе современного русского языка и в художественных текстах XIX в. — М., 1996; Нестеров М.Н. Русская устаревшая и устаревающая лексика. — Смоленск, Брянск, 1998.

О.Н. Емельянова

УСТНАЯ ПУБЛИЧНАЯ РЕЧЬ — литературная речь устных публичных выступлений в разных жанрах и сферах общения, относящихся к разным функц. стилям. Отличительной ее чертой является адресованность большой аудитории.

Вопрос о статусе У. п. р. и ее лингвистической сущности в современной стилистике принадлежит к числу широко обсуждаемых. Одни исследователи (*О.А. Лаптева*) считают, что У. п. р. представляет собою прежде всего устную форму литературной разговорной речи любого функц. стиля, которая противопоставлена в целом кодифицированному литературному языку (КЛЯ) как сфера действия литературного языка разной степени некодифицированности. «Центр» составляет та устная речь, которая представляет собой воспроизведение написанного и тем самым служит как бы проекцией письменно-литературных явлений на «плоскость» устной формы языка; с этой областью тесно соприкасаются жанры публичных выступлений. По мнению других (*Е.А. Земской*, *Е.Н. Ширяева*), невозможно никакое объединение разговорной речи и публичной речи в ее разных проявлениях, причем главным водоразделом КЛЯ и разговор-

ной речи является фактор официальности/неофициальности отношений. У. п. р. представляет собой устную реализацию разных функц. стилей (*Е.Н. Ширяев*, *Д.Н. Шмелев* и др.). Д.Н. Шмелев, в частности, пишет: «...По существу вряд ли официальное или подготовленное публичное выступление целесообразно рассматривать в отрыве от тех «книжных стилей» литературного языка (таких, как научный, деловой, публицистический), от которых О.А. Лаптева отграничивает объект своего исследования, но которые, несомненно, в большей степени определяют характер языковых средств, используемых в данном выступлении, чем его устная форма» (22—23).

Различие подходов исследователей к определению статуса У.п.р. объясняется расхождением в оценках ее лингвистических особенностей. Неоднозначными являются взгляды исследователей на: 1) степень представленности разговорных языковых средств в У.п.р.; 2) оценку ненормативных образований в У.п.р.

С точки зрения О.А. Лаптевой, У.п.р. имеет разговорную основу, а потому здесь представлены нормы кодифицированные, включающие в себя книжно-письменные и общелит. (при наличии разнообразных и значительных отклонений от них), устно-лит. и собственно устно-разговорные. Встречаются и ненормативные образования. Другая же группа исследователей считает, что в основе У.п.р. лежит не разговорная речь, а кодифицированная, в которую проникают разговорные элементы по нескольким причинам: 1) вследствие отсутствия у его участников навыков публичного выступления и невладения нормами КЛЯ; 2) из-за стремления участников к интимизации беседы, к оживлению своей речи и сближению ее с РР. Полагают, что разговорные элементы широко используются лишь в диалогическом публичном общении. Ненормативные образования, встречающиеся здесь, признают ошибочными.

О.А. Лаптева свои выводы о близости РР и устной публичной речи аргументирует в большей степени синтаксическим материалом, к материалу других уровней обращается реже. Для аргументации своей позиции автор в большей степени опирается на признаки разговорной речи в У.п.р. По О.А. Лаптевой, сегментация речевого потока обусловливает наличие здесь синтаксических построений трёх типов: 1) общелитературных, 2) общелитературных, меняющих свою структурную схему в ходе линейного добавления членов или нарушающих ее, 3) специфически устно-разговорных. Хотя устно-разг. синтаксические модели считаются характерной принадлежностью У.п.р., вместе с тем отмечается, что эти модели представлены здесь в меньшей пропорции относительно общелит. моделей, чем в обиходно-бытовой речи, и не во всём составе своих модификаций.

Исследователь отмечает почти у любого общелитературного синтаксического явления свои особенности употребления в У.п.р., имеющие либо качественнный, либо количественный характер. Это касается и особенностей глагольного управления, и соотношения глагольных и глагольно-именных конструкций, и соотношения типов актуального чле-

нения, и порядка слов в отдельных синтаксических группах, и употребления причастных и деепричастных оборотов. Так, напр., в области синтаксиса сложного предложения со значением причины наблюдается наличие не всех семантических типов, а лишь собственно причинных и с причинным обоснованием действия, причём предпочитается постпозиция придаточной части; из всей группы причинных союзов избираются лишь немногие *(поскольку, так как, потому что)*.

О.А. Лаптевой обнаружено смещение общелит. синтаксической перспективы высказывания, касающееся и строения всего отрезка речи (ср. «*А вот сейчас / наш последний съёмочный день был недавно / и мы...*» — телеинтервью), и порядка слов (ср. «*В этом вот первая ошибка возможная такая / родителей...*» — телевыступление), иногда выражающееся в отказе от продолжения начатой конструкции (ср. «*Когда мы разговаривали с ним / то это и учёный достойный...*» — выступление на заседании).

Автором отмечается присутствие в У.п.р. примет разговорной речи других языковых уровней. Напр., среди лексических примет отмечаются характерные для У.п.р. особенности правой и левой сочетаемости слова, процессы десемантизации слова, сужение или расширение его семантических границ, утрата ряда общелит. значений и возникновения новых, специфических. В У.п.р. наблюдается избирательность общелит. словообразовательных моделей. В отличие от книжно-письменной сферы (в частности, письменной научной речи) в У.п.р. встречаются некоторые устно-разг. формы (напр., уменьшительные). Выявляются и морфологические особенности У.п.р., которые касаются соотношения и функций разрядов и классов слов, напр. качественных и относительных прилагательных, наблюдаемых в результате окачествления относительных прилагательных и, напротив, развития некачественных значений у качественных, полнозначных и десемантизированных глаголов, глаголов и существительных конкретной и широкой семантики. Из особенностей фонетики в У.п.р. выделяется нечеткость звуковых сигналов, вследствие которой возникает звуковая омонимия разных синтактико-морфологических форм, смешиваются родовые и падежные окончания, особенно у прилагательных, местоимений и причастий, предлоги, просто созвучные слова, могут почти не звучать связки. В отличие от ораторской и дикторской речи, в У.п.р. не всегда представлен «полный» стиль произношения, часты случаи неотчётливой артикуляции и сильной редукции.

Оппоненты же исследователя, утверждая связь У.п.р. с кодифицированным литературным языком, во-первых, отрицают активность использования в У.п.р. целого ряда разговорных особенностей, во-вторых, свое внимание в анализе языковых особенностей У.п.р. сосредоточивают на особенностях КЛЯ, в-третьих, некоторые из названных О.А. Лаптевой разговорных особенностей оценивают как ошибочные, оказывающиеся следствием невладения нормами КЛЯ. Так, напр., считают, что У.п.р. не свойственны многие типические явления разговорного синтаксиса — конструкции наложения, связи свободного соединения, употребление им. падежа в функции сказуемого в высказываниях отождеств-

ления; им. падеж, относящийся ко всему высказыванию в целом, в том числе в постпозиции к корреляту *(...он был в Ташкенте, этот ансамбль)*. Явно невозможны в устной публичной речи многие, характерные для РР, типы бессоюзных полипредикативных высказываний, например, бессоюзные полипредикативные высказывания с определительными отношениями, непроективный порядок слов в целом КЛЯ. Отдельные факты использования непроективности объясняются линейным построением речи и постепенным развертыванием содержания и воспринимаются как речевые ошибки.

Кроме того, Е.Н. Ширяев, Е.А. Земская полагают, что устному КЛЯ не свойственны все те многообразные модуляции голоса, которые использует РР: растяжки гласных, «резкое» с удлинением произнесение согласных *(к-как ты сказал? ч-черт побери! п-путаница опять!)*; для РР характерно специфическое, иное, чем в КЛЯ, чередование ударных и безударных слогов в речевой цепи. Многие слова, в том числе и полнознаменательные, попадая в междударный интервал, остаются без ударения. В сфере фонетики также имеется существенное различие между РР и устным КЛЯ. В отличие от О.А. Лаптевой, авторы утверждают, что У.п.р. обычно базируется на том стиле речи, который Л.В. Щерба называл полным стилем произношения. Для публичной речи не характерны сильная редукция, приводящая к деформации слоговой структуры слога, и многие другие особенности фонетики РР. Считают, что резко различает публичную речь и РР темп. Публичная речь обычно не произносится скороговоркой, в очень быстром темпе. Для нее обычна размеренность темпа, что связано с необходимостью дать возможность слушающему правильно расслышать и понять, усвоить говоримое, особенно при дистантном расположении оратора и публики или при использовании технических средств (радио, телевизор, микрофон).

Для У.п.р. (в случае полного умения владеть ею) мало характерны перестройки на ходу, самоперебивы и т.п., ибо в ней обычно достаточно жестко задается синтаксический каркас высказывания. Обилие перестроек, самоперебивов и проч. свидетельствует о невладении (или — о неполном владении) нормами У.п.р. Кроме того, в У.п.р. выявляют особенности, свойственные КЛЯ, например, отмечают наличие в устной кодифицированной речи, даже лично адресованной, контактной, непубличной, такие типические структуры КЛЯ, как страдательный оборот с творительным субъекта. Разговор молодой сотрудницы с ее начальником. А. *Как ваши дела?* Б. *Утвержден был план / а это вот реферат / тогда же мной написанный //* .

Между тем единое представление исследователей, во-первых, о том, что значительное место в У.п.р. занимают специальные устно-речевые средства. В устном тексте наблюдаются текстовые и лексические повторы, ассоциативные вставки и уточнения, употребление предложений неусложненной структуры, простота субъектно-предикатных отношений, использование тропов и сравнений, приемов адресации речи, слов субъективно-модального и эмоционально-оценочного характера,

что отражает особенности зрительного и слухового восприятия. В У.п.р., когда говорящий затрудняется в подборе слов, могут возникать паузы колебания и обдумывания. В качестве средства оживления в публичной речи могут шире, чем в письменном КЛЯ, использоваться частицы (особенно часто *вот* и *ну*). Во-вторых, все исследователи считают, что наиболее характерные приметы письменной формы речи (употребление длинных перио-дов, сложных предложений усложненного состава с вводными и включенными конструкциями и др.) У.п.р. не свойственны, поскольку они нарушают психолингвистические законы продукции и рецепции устной речи.

Лит.: Лаптева О.А. Устно-разговорная разновидность современного русского литературного языка и другие его компоненты // Вопросы стилистики. — Саратов, 1975. Вып. 9; Ее же: Русский разговорный синтаксис. — М., 1976; Ее же: Современная русская публичная речь в свете теории стиля. — ВЯ. — 1978. — №1; Ее же: Общелитературные и специфические элементы при определении статуса устной публичной литературной речи // Структура лингвостилистики и ее основные категории. — Пермь, 1983; Ее же: О языковых основаниях выделения и разграничения разновидностей современного рус. лит. языка. — ВЯ. — 1984. — № 6; Ее же: Живая русская речь с телеэкрана, Сегед, 1990; Ее же: Современная русская научная речь. — Красноярск, 1985. Т. 2. — М., 1994. Т. 3, 1995; Шмелёв Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. — М., 1977; Земская Е.А., Ширяев Е.Н. Устная публичная речь: разговорная или кодифицированная? — ВЯ. — 1980. — № 2; Земская Е.А. Городская устная речь и задачи ее изучения // Разновидности городской устной речи, Сб. науч. трудов. — М., 1988; Сиротинина О.Б. Разговорная речь в системе литературного языка и разговорность в истории русской художественной речи, Stylistyka-IV. — Opole, 1995; Матвеева Т.В. Устная публичная речь // Словарь-справочник по культуре русской речи. — М., 2002.

Л.Р. Дускаева

УСТНАЯ РЕЧЬ — речь звучащая, произносимая. У. р. является первичной формой существования языка, более ранней по времени возникновения, чем речь письменная. Для языков, не имеющих письменности, это единственная форма их существования. Устной речи, в отличие от письменной, свойственны такие характеристики, как неподготовленность, линейность, необратимость, связь с физическим временем осуществления речи. Все это повышает автоматизм и случайность в употреблении языковых средств, снижает возможность сознательного их отбора, требующего времени на поиск, что неизбежно отразилось бы на непрерывности речевого акта и потому нежелательно. Информативность и действенность У. р. повышается за счет средств интонации, жестов и мимики.

В обиходном общении используется устно-разговорная речь. Она обладает рядом синтаксических, морфологических, лексических, фонетических особенностей (см. *Разговорный стиль; Литературно-разговорный стиль (тип) речи*). Напр., в синтаксисе для нее характерны построения с

нереализованными валентностями (что обусловлено опорой разг. речи на конситуацию и общностью апперцепционной базы участников речевого акта), разного рода повторы (как экспрессивное средство и как прием актуализации тех или иных элементов высказывания), конструкции с именительным темы (позволяющие уже в самом начале высказывания дать понять собеседнику, о чем пойдет речь) и т.п.

Применяемая гл. обр. в частно-бытовом, обиходном общении, устная форма речи реализуется и в других сферах функционирования языка — в виде публичной (общественно адресованной) речи (см. *Устная публичная речь*): в науч. сфере (доклад, лекция), общественно-политической (выступления на митингах, собраниях, заседаниях, по радио, телевидению и т.д.), правовой (судебные речи).

Высокая степень соотносительности устной публичной речи с функц. стилями письменного лит. языка — научным, публицистическим, оф.-деловым — дает некоторым исследователям основание относить устную публичную речь к книжной кодифицированной речи (Е.А. Земская, Д.Н. Шмелев, М.В. Панов).

Согласно другой точке зрения, ведущие характеристики устной публичной речи определяются ее устностью, в связи с чем в данной форме речи возникает некодифицированное соединение книжно-письменных функционально-стилевых, общелитературных, устно-литературных и разговорных элементов (О.А. Лаптева). Устная публичная речь существенно отличается от письменной, функционирующей в соотносительных жанрах (ср.: доклад — статья, лекция — раздел в учебнике и т.п.). Различия обусловлены спецификой устно-речевой коммуникации, особенностями порождения и восприятия У. р. Последней противопоказаны многие яркие черты письменной речи: употребление многокомпонентных сложных предложений, обилие вводных и вставных конструкций, причастных и деепричастных оборотов. Для У. р. характерны повторы, уточнения, ассоциативные вставки, употребление предложений неусложненной структуры, использование тропов и сравнений, приемов адресации речи, языковых средств субъективно-модального и эмоционально-оценочного характера, разг. элементов. Употребление в У. р. книжно-письменных, нейтральных и разг. единиц регулируется ситуативно-тематическими условиями, а также предпочтениями автора. Устная публичная речь индивидуализирована в большей степени, чем письменная, подвергающаяся редакторской правке и подчиняющаяся более регламентированным правилам отбора языковых средств и построения высказываний. Устная публичная речь, как и устная бытовая, обладает спонтанной формой осуществления (момент подготовленности заключается обычно лишь в продуманности логико-композиционной стороны речи). Нельзя считать разновидностью У. р. чтение вслух написанного текста, например: чтение худож. произведений актерами, театральные спектакли (в эстетической сфере У. р. представлена фольклором), чтение готового текста науч. доклада и т.п.

У. р. может быть монологической (рассказ о событиях, публичные выступления — на митинге, собрании, конференции и т.п.) и диалоги-

ческой (беседа, дискуссия, обсуждение) в зависимости от коммуникативных задач. Преобладание функции общения способствует усилению диалогичности речи, преобладание функции сообщения — монологичности. Совмещение функций сообщения, общения и воздействия в устной публичной речи обусловливает насыщенность монологической формы элементами диалога.

Лит.: Земская Е.А. Рус. разг. речь. — М., 1968; Ее же: Устная речь // Рус. язык: Энциклопедия. — 2-е изд. — М., 1998; Рус. разг. речь / Под ред. О.Б. Сиротининой. — Саратов, 1970; Рус. разг. речь / Под ред. Е.А. Земской. — М., 1973; Сиротинина О.Б. Совр. разг. речь и ее особенности. — М., 1974; Лаптева О.А. Рус. разг. синтаксис. — М., 1976; Ее же: Совр. рус. публичная речь в свете теории стиля. — ВЯ. — 1978. — № 1; Земская Е.А., Ширяев Е.Н. Устная публичная речь: разг. или кодифицированная? — ВЯ. — 1980. — № 2; Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Рус. разг. речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. — М., 1981; Рус. разг. речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / Под ред. Е.А. Земской. — М., 1983; Совр. рус. устная науч. речь. Т. 1, Общие свойства и фонетические особенности / Под ред. О.А. Лаптевой. — Красноярск, 1985; Рус. язык / Под ред. Е.Н. Ширяева. — Opole, 1997; Горшков А.И. Рус. стилистика. — М., 2001.

Т.Б. Трошева

Ф

ФЕЛЬЕТОН — см. *Жанры публицистического стиля*.

ФОНЕТИКА ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СТИЛЕЙ. В совр. науч. литературе характеристика произносительной стороны функц. разновидностей языка строится двояким образом: она может рассматриваться как с точки зрения предъявляемых к ней идеальных требований и характеристики того, «как правильно», «что допустимо» и «что запрещено» в той или иной сфере общения, так и путем выяснения ее реального состояния и изучения тех фонетических средств, которые носители лит. языка используют в своей повседневной речевой практике. Представители одного подхода (*М.В. Панов*, *Е.А. Земская*, *Н.Н. Розанова* и др.) утверждают, что носители литер. языка в зависимости от ряда условий (официальное/неофициальное, личное/публичное, подготовленное/неподготовленное общение и др.) должны использовать одну из двух систем, составляющих литер. язык — кодифицированный. литер. язык или разгов. язык. В основе другого подхода лежит следующее представление: «как бы и о чем бы мы ни говорили, спонтанно порождая свою речь, в ней всегда так или иначе будут сочетаться нормы кодифицированной и устно-разгов. речи» (*О.А. Лаптева*). Применительно к фонетическому уровню это означает, что разгов. произносительные единицы признаются «вполне литературными» лишь при установке на неофициальное общение (первая точка зрения) либо считаются не просто допустимым, но вполне закономерным явлением в любой разновидности устной лит. речи (вторая точка зрения). Таким образом, одной из основных и одновременно дискуссионных проблем здесь является вопрос о границах, в пределах которых употребление разгов. форм не вызывает отрицательной оценки и не воспринимается как негативная тенденция.

Изучение особенностей функционирования разгов. произносительных вариантов в текстах, принадлежащих к устным формам «специальной речи», включающей в себя науч., оф.-дел., публиц. и разгов. стили, показывает, что характеристика устной литер. речи в терминах двух градаций (кодиф./разгов.) дает далеко не полную картину речевого поведения носителей лит. языка в разных коммуникативных условиях: в любой функц. разновидности совр. рус. языка имеет место то или иное взаимо-

действие кодиф. и разгов. единиц; характер этого взаимодействия определяется множеством как экстралингвистических, так и собственно лингвистических факторов, порой усиливающих друг друга, а порой действующих в противоположном направлении.

Исходя из того, какие типы произносительных единиц являются при формировании функц. разновидностей языка доминирующими, противопоставленными оказываются «специальная речь» и разгов. речь. Так, в публиц., науч., оф.-дел. стилях ведущими становятся фонетические формы КЛЯ, в разгов. стиле, напротив, — разгов. произносительные варианты. Вместе с тем обращение к «специальной речи» обнаруживает, что и объединяемые в ее пределах функц. стили оказываются проницаемыми для разгов. единиц, хотя степень «насыщенности» разгов. формами может здесь варьироваться, причем характер их реализации в значительной мере обусловливается и такими факторами, как отнесенность соответствующего текста к так называемым строгим или свободным жанрам (ср., напр, дикторскую речь, лекцию для иностранцев и обсуждение политических или научных вопросов «за круглым столом»), вид речи (воспроизведение и продуцирование), принадлежность говорящего к тому или иному типу речевой культуры (элитарной, среднелитературной, литературно-разговорной или фамильярно-разговорной) и т.п. Кроме того, при исследовании отдельных разновидностей «специальной речи» ученые нередко акцентируют внимание на том, что употребление в ней разгов. форм, как правило, бывает строго функционально. Так, напр., для науч. речи выделяются пять основных случаев употребления разгов. форм: для снятия информативности, при контактных повторах, в слабых фразовых позициях и для имитации разговорности. В целом сходная картина отмечается и для других функц. стилей. При этом существенно, что ни количественный фактор (уровень использования разгов. единиц), ни функциональный не могут использоваться для разграничения функц. стилей, однако являются релевантными при противопоставлении «специальной» и разгов. речи. Наконец, к числу важнейших особенностей, противопоставляющих внутри литер. языка «специальную речь» и разгов. речь на уровне произношения, необходимо отнести и то, что в сфере частно-бытового обиходного общения представлен весь спектр разгов. единиц — от легко узнаваемых вне контекста и потенциально способных к самостоятельному употреблению (государ[сн]ый) до явлений чисто контекстуальных, имеющих значение только в рамках текста ([нач’]=значит), от высокочастотных ([ш:’ас]) до редко употребительных или почти индивидуальных ([д’е’с’]=здесь), от максимально сходных с кодифицированными ([фс’отк’ъ]) до максимально отличных от них (типа [шъ]=что). «Специальная речь», напротив, характеризуется избирательностью в использовании разгов. форм. В публиц., науч. и оф.-дел. стилях регулярно и последовательно наблюдаются лишь те разгов. формы, которые наиболее близки к кодифицированным; те же разгов. единицы, которые максимально удалены от соотносимых с ними кодифицированных или нуждаются в дополнительном контексте, обычно единичны и не составляют

системы. Имея в виду это обстоятельство, можно утверждать, что только часть разгов. форм может свободно функционировать на всем пространстве устной лит. речи и только часть — строго замкнута рамками разгов. речи. Современное состояние функц.-стилистических исследований пока еще не позволяет ответить на вопрос, существуют ли различия между функц. стилями в отношении использования ими разных типов разгов. форм. На сегодняшний день можно лишь с уверенностью говорить о том, что объединяет все стили и одновременно противопоставляет их разгов. речи. При определении статуса разгов. форм данный факт (их неоднородность) полностью исключается из рассмотрения, а вопрос о возможности и необходимости их градации по типам, как ни парадоксально, ранее не ставился и потому не получил всестороннего изучения. Традиционно разгов. варианты описываются недифференцированно, без учета того, что члены одного и того же фонетического множества могут находиться на разном расстоянии от кодифицированных форм, иметь разный индекс частотности, характеризоваться некоторыми особенностями употребления и, как следствие, быть неравноценными и занимать разное место на шкале нормативности. Вполне очевидно, что характеристика разгов. произносительных вариантов не укладывается в систему оценок *норма/не норма*, *правильно/неправильно*, *допустимо/недопустимо* и надо отказаться от их единообразной квалификации. Поэтому одной из актуальных задач в настоящее время становится детальное изучение закономерностей функционирования разгов. произносительных единиц в разных функц. стилях и дифференциация их по типам.

Лит.: Брызгунова Е.А. Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. — М., 1984; Современная русская устная научная речь // Общие свойства и фонетические особенности. Под общей ред. О.А. Лаптевой. — Красноярск, 1985; Сиротинина О.Б. Устная речь и типы речевых культур // Русистика сегодня. — М., 1995. — № 4; Русский язык в его функционировании. Уровни языка. Отв. ред. Д.Н. Шмелев, М.Я. Гловинская. — М., 1996; Вещикова И.А. Разговорные произносительные варианты в устной литературной речи // Русская словесность. — М., 1997. — № 1; Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Речь москвичей. Коммуникативно-культурологический аспект. — М., 1999; Черемисина-Ениколопова Н.В. Законы и правила русской интонации. — М., 1999; Иванова-Лукьянова Г.А. Культура устной речи. Интонация, паузирование, логическое ударение, темп, ритм. — М., 2000; Лаптева О.А. Живая русская речь с телеэкрана. — М., 2000; см. также лит. при статье *Произносительный стиль*.

И.А. Вещикова

ФОРМЫ РЕЧИ — формы (способы) осуществления речевой деятельности. Речевая деятельность может проходить в монологической и диалогической, устной и письменной форме. См. *Устная речь; Письменная речь; Монолог; Диалог; Авторская речь; Прямая речь; Косвенная речь; Несобственно-прямая речь*.

Т.Б. Трошева

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ (ФССК) — разновидность *текстовых категорий* (см.), отражающая функционально-стилевую дифференциацию речи (типологию текстов). ФССК — это система разноуровневых языковых средств (включая текстовые), объединенных функционально-семантически и стилистически на текстовой плоскости (в целом тексте, типе текстов одного функц. стиля), т.е. реализующих тот или иной категориальный признак данного текста как представителя соответствующего функц. стиля. Иначе говоря, без реализации этого признака текст не состоится как определенное функционально-стилистическое образование. При этом тот или иной функц.-стилевой параметральный признак целого текста (группы текстов) может либо структурно и семантически варьироваться по стилям, либо отсутствовать в каком-либо из них, так как в последнем случае налицо другой признак, соответствующий специфике данного функц. стиля. У текста (группы текстов), представляющего тот или иной функц. стиль, обычно имеется не один параметральный признак, а несколько взаимосвязанных, в совокупности создающих (и выражающих) функц.-стилевую специфику и своеобразие данного типа текстов (того или иного функц. стиля). ФССК тесно связаны со стилевыми чертами, особенно специфичными для данного функц. стиля, и с другими компонентами его смысловой структуры.

ФССК моделируются на основе полевого принципа, образуя структуру, в которой выделяются совокупности разноуровневых языковых и текстовых средств в качестве ядерных (центральных) и периферийных; поля же подразделяются на микрополя. При определении ядерных (центральных) и периферийных средств действуют два основных критерия: функц.-семантический и стилостатистический. Центр составляют средства, семантически и функционально наиболее значимые для выражения стилевой специфики данной группы текстов и конкретной стилевой черты либо соответствующего компонента смысловой структуры текста. Эти единицы обычно имеют и наибольшую частотность в тексте и занимают наибольшее его пространство (хотя такая зависимость наблюдается не всегда). К периферийным относятся малоупотребительные единицы, не связанные к тому же с выражением стилевой специфики данного текста (группы текстов) как представителя соответствующего функц.-стиля.

ФССК представляют собою мало изученную область стилистики текста и текстовых категорий. Лишь некоторые из них изучены, и то в отношении не всех, а некоторых функц. стилей (преимущественно научного). Однако на основании имеющихся исследований и с учетом теоретических основ стилистики можно назвать следующие ФССК: *оценки* (см), *логичности* (см.), *диалогичности* (см.), *гипотетичности* (см.), *обобщенно-отвлеченности* (или абстрагизации), *акцентности* (см.), *субъектности* (авторизации), тональности, *преемственности знания,* экспрессивности, категоричности/некатегоричности изложения, его стандартизированности, проспекции и ретроспекции, предписания (должен-

ствования, императивности изложения) и др. (курсивом помечены более изученные).

Каждая из этих категорий может быть представлена как в статике (аспект полевой структуры), так и в динамике ее развертывания по тексту, отражающей процесс текстообразования. Кроме того, ФССК можно рассматривать как в синхронии, так и в диахронии, в историческом аспекте, а также в плане сопоставительной стилистики (разных языков). Названные категории являются текстовыми, поскольку определяют общие существенные, т.е. категориальные свойства типов текста той или иной функц.-стилевой разновидности; реализуются они как дотекстовыми, так и текстовыми единицами языка и теснейшим образом связаны с *речевой системностью* (см.) функц. стиля.

Разработке вопроса о ФССК способствовало развитие функц. направления в языкознании, в частности функциональной грамматики, а именно теории функц.-семантических категорий (ФСК) и функц.-семантических полей (ФСП) А.В. Бондарко и его школы. Другим стимулом явилось развитие лингвистики текста и идеи о полевом структурировании (*Г.С. Щур* и др.). Последнее было использовано затем применительно к стилистике: описание лексико-грамматических полей с «выходом» в аспект функц. стилей (*Е.В. Гулыга* и *Е.И. Шендельс*). Кроме того, известны попытки дать классификацию функц.-грамматических категорий прагматического плана — для выражения желательности, необходимости, побуждения к действию, неуверенности, опасения и др. (*А.Н. Гвоздев*, *Н.А. Лобанова* и *И.П. Слесарева*).

Следует отметить, что ФССК существенно отличаются от ФСК (и ФСП) А. Бондарко, являющихся по существу грамматическими категориями. Последние, во-первых, относятся не столько к тексту, сколько к строю языка. Ср.: «Закономерности функционирования языка грамматических единиц включаются... в понятие грамматического строя языка...», «функц. грамматика... перерастает в функц. изучение строя языка в целом» (Разрядка наша. — *М.К.*). Поэтому само понятие функционирования здесь предстает как языковая потенция, а не реальное использование языка в процессе общения. И когда речь идет о «среде», в которой функционируют языковые единицы, то имеется в виду вербальный контекст, отдельное высказывание-предложение, а не целый текст и контекст ситуации общения в совокупности всех его экстралингвистических коммуникативных и стилеобразующих факторов. Во-вторых, ФССК (в отличие от ФСК) формируется не на основе (значении) какой-либо грамматической категории, а на экстралингвистических основаниях. Здесь функция — это роль (назначение) единиц, используемых в целом тексте для реализации ими специфических стилевых черт определенной функц.-стилевой разновидности (функц. стиля). Тогда как в первом случае (аспект ФСК) имеется в виду функция как назначение, напр., творительного падежа (творительный орудийный в вербальном контексте) или глагола (настоящее историческое), т.е. лингвистическая, в частности семантико-синтаксическая, функция; ср.: «Морфологическая функция языка — это ее роль в синтагме» (*Н.А. Слюсарева*).

Именно изучение функционирования различных языковых единиц в разных типах текста с учетом их специфики, назначения, целей общения привело исследователей в 80-х гг. к возможности и необходимости структурирования стилевых черт и выделения классов средств, типичных для определенных жанров, текстовых контекстов, функц. стилей. Ближе всего подошел к определению ФССК В.К. Гречко, см. также работы Е.С. Троянской, Н.М. Разинкиной, О.К. Кудасова, В.В. Кускова и др.

Названные выше ФССК не равнозначны по своему текстовому статусу: одни из них связаны с главнейшими и общими текстовыми свойствами (напр., связности), другие выступают как бы в подсобной коммуникативно-экспрессивной функции, напр., акцентирования каких-то моментов содержания и привлечения к ним внимания адресата (ФССК акцентности), третьи характеризуют прежде всего специфику какого-либо стиля (ФССК гипотетичности). И тем не менее всех их объединяет само назначение ФССК в тексте: конкретная реализация функциональной семантико-стилевой стороны текста как неотъемлемого его свойства, по-разному представленная в разных видах текста как репрезентаторах различных функц. стилей.

О своеобразном понимании самой текстовой категории см. И.Р. Гальперин, М.Н. Кожина, Т.В. Матвеева, М.А. Шелякин и др.

Лит.: Гулыга Е.В., Шенделькс Е.И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. — М., 1969; Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М., 1981; Кожина М.Н. О соотношении некоторых стилистических понятий и категорий с функционально-семантическими категориями // Структура лингвостилистики и ее основные категории. — Пермь, 1983; Ее же: О функциональных семантико-стилистических категориях текста, «Филол. науки», 1987. — № 2; Ее же: О функциональных семантико-стилистических категориях в аспекте коммуникативной теории языка // Разновидности и жанры научной прозы. Лингвостилистические особенности. — М., 1989; Гречко В.К. Синтаксис немецкой научной речи. — Л., 1985; Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. — Свердловск, 1990; Бедрина И.С. Функциональная семантико-стилистическая категория гипотетичности в английских научных текстах. — Одесса, 1993; Ее же: К обоснованию категории предшествующего знания в научном тексте // Стереотипность и творчество в тексте. — Пермь, 2001; Котюрова М.П. Некоторые функционально-семантические категории научного текста // Разновидности текста в функционально-стилевом аспекте. — Пермь, 1994; Сретенская Л.В. Функциональная семантико-стилистическая категория оценки в научных текстах разных жанров: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 1994; Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII—XX вв. Т. 2, Стилистика научного текста (общие параметры). Ч. 2, Категории научного текста: функционально-стилистический аспект. — Пермь, 1998: Т.Б. Иванова — о ФССК акцентности; Дускаева Л.Р., Кожина М.Н. — о ФССК диалогичности; Кожина М.Н., Плюскина Т.Н. — о ФССК гипотетичности, М.П. Котюрова — о категориях цельности, связности, логичности, точности.

Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка. — М., 1952; Щур Г.С. Теория поля в лингвистике. — М., 1974; Лобанова Н.А., Слесарева И.П. Учебник русского языка для иностранных студентов-филологов: Систематизирующий курс / Под ред. В.Г. Гака. — М., 1980;

Бондарко А.В. Основы построения функциональной грамматики, «Изв. АН СССР, Сер. Л и Я», 1981. — № 6; Его же: Функциональная грамматика. — Л., 1984; Гак В.Г. К типологии функциональных подходов к изучению языка // Проблемы функц. грамматики. — М., 1985; Слюсарева Н.А. Функциональная грамматика и когнитивность морфологии. — Там же; Шелякин М.А. О единстве функционального и системного описания грамматических форм в функциональной грамматике. — Там же; Троянская Е.С. Научное произведение в оценке автора рецензии // Научная литература. Язык, стиль, жанры. — М., 1985; Разинкина Н.М. Функциональная стилистика. — М., 1986.

М.Н. Кожина

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СТИЛИСТИКА (УЧЕНИЕ О ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СТИЛЯХ) — одно из центральных направлений стилистики, изучающее закономерности функционирования языка в различных сферах речевого общения, соответствующих тем или иным разновидностям деятельности и представляющих прежде всего *функц. стили* (см.), а также их более частные разновидности (см. *Классификация стилей*), *специфику*, *речевую системность*, стилевые нормы этих разновидностей речи с учетом их экстралингвистических стилеобразующих факторов.

Отличительной чертой этого направления исследований является изучение не структуры языка как имманентной сущности, но использования его в реальных актах речевого общения, что зависит не только (и не столько) от строя языка, сколько от экстралингвистических факторов (от сферы общения, вида деятельности, формы общественного сознания, типа мышления, целей и задач общения, типа содержания, жанра и мн. др.), детерминирующих *закономерности функционирования языка* (см.) в указанных выше разновидностях, их специфику и стилистико-речевую системность (см. *Экстралингвистические стилеобразующие факторы, Функциональный стиль*).

Поскольку именно экстралингвистические стилеобразующие факторы «дирижируют» закономерностями функционирования языка в речи и формированием специфики и речевой организации функц. стилей и их внутренних разновидностей, обусловленных экстралингвистической основой последних, постольку встает вопрос о специальном изучении связей этих факторов с особенностями речи и их влияния на образование стилевой системы речевых разновидностей. Это в свою очередь требует изучения самих экстралингвистических факторов, т.е. выход анализа за пределы «чистой» лингвистики в области смежных научных дисциплин. Поэтому проблема междисциплинарных связей, привлечения для объяснения многих проблем Ф. с. науч. знаний таких дисциплин, как психолингвистика и лингвосоциопсихология, психология, логика, теория коммуникации, прагматика, науковедение и др. оказалась необходимой, неизбежной и плодотворный при изучении проблем Ф. с. (см. *Взаимоотношение стилистики и смежных дисциплин*).

На этой основе в последнее время обозначился ряд перспективных проблем и появились интересные исследования в плане динамики, дея-

тельностного аспекта языка в процессах его употребления и создания своеобразия того или иного стиля и жанровой разновидности (см. *Научный стиль*). Ф. с. все теснее смыкается с прагмалингвистикой, лингвосоциопсихологией, теорией речевых актов и теорией речевого общения, т.е. дисциплинами коммуникативного речеведческого плана. Т. о., Ф. с., сыграв приоритетную роль в изменении парадигмы языкознания к функциональной, способствовала расширению современных исследований речи в разных аспектах (см. *Речеве́дение*).

Ф. с. представляет собой разветвленную сеть направлений исследований, включая в себя *стилистику текста*, *диахроническую*, *сопоставительную* (см.) и др. (см. *Направления стилистики*, *Стилистика, Стиль*).

Хотя истоки функционализма в лингвистике восходят к работам В. Гумбольдта, А.А. Потебни, И.А. Бодуэна де Куртене, применительно к лингвостилистике — также к трудам Ш. Балли и особенно к идеям ПЛК, но свое оформление в России Ф. с. как особая научная дисциплина получила в 50—60 гг. XX в.

Лит.: Виноградов В.В. Итоги обсуждения вопросов стилистики. — ВЯ. — 1955. — № 1; Его же: Стилистика, теория поэтической речи, поэтика. — М., 1963; Винокур Г.О. О задачах истории языка // Избр. работы по рус. языку. — М., 1959; Праж. лингв. кружок. — М., 1967; Кожина М.Н. К основаниям функц. стилистики. — Пермь, 1968; Ее же: Пути развития стилистики рус. языка во 2-й пол. XX в., «Stylistyka-VI». — Opole, 1997; Развитие функц. стилей совр. рус. языка. — М., 1968; Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. — М., 1971; Васильева А.Н. Курс лекций по стилистике русского языка. Общие понятия стилистики... — М., 1976; Ее же: Функц. направление в лингвостилистике...: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 1981; Шмелев Д.Н. Русский язык в его функц. разновидностях. — М., 1977; Одинцов В.В. Стилистика текста. — М., 1980; Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. — М., 1980; Солганик Г.Я. Лексика газеты. — М., 1981; Кожин А.Н., Крылова О.А., Одинцов В.В. Функц. типы русской речи. — М., 1982; Разговорная речь в системе функц. стилей совр. рус. лит. языка. Лексика. — Саратов, 1983; Грамматика / Ред. Сиротинина О.Б. — Саратов, 1992; Разинкина Н.М. Функциональная стилистика. — М., 1986; Матвеева Т.В. Функц. стили в аспекте текстовых категорий. — Свердловск, 1990; Рябцева Н.К. Мысль как действие, или риторика рассуждения // Логический анализ. Модели действия. — М., 1992; Баранов А.Г. Функц.-прагматическая концепция текста. — Ростов н/Д., 1993. См. также лит. к ст. *Стилистика*, *Направления стилистики*, *Функц. стиль*.

М.Н. Кожина

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СМЫСЛОВЫЕ ТИПЫ РЕЧИ — коммуникативно обусловленные типизированные разновидности монологической речи, к числу которых традиционно относятся *описание*, *повествование, рассуждение* (см.). В истории развития риторики, поэтики, стилистики они имели разные названия: способы изложения, типы текста, словесно-стилевые единства, композиционно-речевые формы и др. Термин Ф.-с. т. р. введен в научное обращение О.А. Нечаевой (1974).

Каждый Ф.-с. т. р. характеризуется определенной прагматической функцией, определенным типом логического содержания и типом структуры. Описание реализует задачу автора представить предметы в их качественной определенности, путем перечисления их признаков, повествование — представить последовательность событий (эти типы речи объединяются в группу представляющих, по классификации В.В. Одинцова), рассуждение — убедить читателя в существовании причинно-следственных связей между явлениями (аргументативный тип речи). С общим значением синхронности в описании, диахронности в повествовании, каузальности в рассуждении диалектически связаны структурно-композиционные характеристики Ф.-с. т. р.

При объединении предложений в представляющие Ф.-с. т. р. существенную, структурообразующую роль играет видо-временное соотношение глаголов в тексте. Значение синхронности выражается обычно глаголами несов. вида (чаще всего наст. или прош. времени), благодаря их «непредельности» создается некая длительность действий, которая и позволяет последним быть одновременными. Глаголы сов. вида выражают значение недлительности, сменяемости действий, что и соответствует повествованию. Часто движение во времени выражается сменой форм времени глагола, прошедшего и настоящего. Перечислительный смысл описательного текста передается обычно параллельной связью предложений, в повествовании последовательно происходящие события выражаются с помощью цепной связи.

Рассуждение состоит из цепи взаимообусловленных суждений. Показателем тесной — каузативной — связи является ярко выраженная синсемантия самостоятельных предложений, высокая употребительность логических маркеров — вводных слов *следовательно, итак, таким образом*, наречий со значением следствия, вывода *поэтому, потому, отсюда, тогда*, подчинительных союзов *так как, поскольку, потому что, так что* и др.

Ф.-с. т. р. имеют различные модификации. По структуре они могут быть «классическими» (близкими к типу), смешанными, вариационными; подвергаются изменениям в зависимости от предметно-тематического содержания произведения, функц. стиля, жанра, индивидуальной манеры автора.

Традиционная классификация типов речи возникла в рамках древней риторики и включает наиболее общие разновидности речи, четко различающиеся своими сущностными признаками. В 70—90-е гг. XX в. специальное обращение лингвистов к проблеме Ф.-с. т. р., привлечение в качестве объекта исследования текстов различных функционально-стилевых разновидностей лит. языка привело как к выделению новых типов речи, напр. *констатации* (см.) и *предписания* (см.), характерных в первую очередь для оф.-дел. сферы коммуникации, так и к вычленению подтипов внутри каждого Ф.-с. т. р.

В пределах целого текста наблюдаются различные варианты чередования и взаимодействия Ф.-с. т. р., в том числе контаминированные типы речи, обладающие одновременно признаками двух (или более) Ф.-с. т. р.

(без явного доминирования одних над другими) в результате совмещения двух (или более) коммуникативных заданий. Пример смешанного Ф.-с. т. р: *«В момент создания теории Ξ-гипероны и Ω-частица еще не были известны. Резонансы Ξ ... были обнаружены в 1962 г. Оставалась незаполненной вершина пирамиды. Гелл-Манн предсказал, что отвечающая ей частица должна иметь спин, равный 3/2, гиперзаряд Y = —2 и массу около 1675 МэВ... Почти тотчас же начались планомерные поиски этой частицы, получившей название Ω-гиперона. В Брукхэвенской лаборатории для этой цели были использованы ускоритель на 33 ГэВ и двухметровая пузырьковая камера, содержавшая 900 литров жидкого водорода. Было сделано около 300 000 снимков, прежде чем на одном из них в январе 1964 г. был зафиксирован процесс рождения и распада Ω-частицы. Ее свойства, в частности масса, в точности совпадали с предсказанными теорией. Таким образом, открытие Ω-гиперона явилось триумфом теории унитарной симметрии»* (И.В. Савельев. Курс общей физики). Первая коммуникативная функция этого текста — рассказать об открытии Ω-гиперона. Вторая — оценить это открытие, сделать вывод о его роли в подтверждении правильности теории унитарной симметрии. В результате возникает смешанный Ф.-с. т. р. (представляющий и аргументирующий содержание) с общей коммуникативной задачей — рассказать об открытии, подготовив читателя к определенному выводу об этом открытии, к правильной его оценке. Рассказ представляет собой синтез повествования (яркой приметой его являются ссылки на даты и наречия со значением времени, напр.: *почти тотчас же*) и описания (хода и результатов исследований, устройства приборов). Аргументативный компонент данного микротекста — вывод — содержит показатель логической связи *таким образом*.

Выявление Ф.-с. т. р. наиболее эффективно осуществляется в контексте целого произведения. Это позволяет увидеть смену типов речи, функционирование их либо в чистом, либо в контаминированном виде, вычленить «элементарные» Ф.-с. т. р. и поглощающие их более крупные построения, вплоть до глобальной логической структуры, являющейся каркасом всего произведения и связанной с выражением и подтверждением основной гипотезы ученого, идеи художника.

Функционирование Ф.-с. т. р. в той или иной стилевой разновидности лит. языка обусловлено в значительной степени задачами коммуникации в соответствующей сфере общения.

В худож. текстах преобладает повествование, оформляющее рассказ о событиях, система которых составляет сюжет произведения; широко представлено описание (пейзаж, портрет и т.д.). Рассуждение функционирует в виде субъективных размышлений и существенно отличается по структурно-функциональным характеристикам от научного рассуждения. Для науч. произведения типично логизированное рассуждение с четкой, стереотипной структурой, служащее для выведения нового знания. В худож. произведении функционирует более свободное по форме, индивидуализированное, эмоциональное рассуждение, подводящее, подготавливающее читателя к восприятию суждения, важного для выражения авторской эстетической оценки изображаемого.

В науч. текстах ведущими Ф.-с. т. р. являются описание (статическое и динамическое) и рассуждение (собственно рассуждение, доказательство, объяснение и т.д.). Первое служит для изображения внешних признаков объекта исследования, т.е. для непосредственного отражения объективной действительности, что относится к воплощению результатов эмпирического исследования; второе используется для отражения скрытых связей и закономерностей развития объектов изучения, т.е. выражает результаты теоретического познания. По мере развития науки и теоретического мышления доля рассуждения в науч. текстах возрастает.

Реализация традиционных коммуникативных задач публицистики — информирования и убеждающего воздействия — предопределяет преимущественное функционирование в текстах Ф.-с. т. р. повествования и рассуждения, последнего — прежде всего в виде доказательства, но отличного от доказательства научного, осуществляемого с помощью строгих логических процедур. В публиц. тексте в целях убеждения читателя в правильности суждений автора используются фактологические и ценностные аргументы. Коммуникативно детерминированным в публиц. тексте — тексте, сущностным признаком которого является диалогичность, расчет на быструю и обязательную реакцию адресата, на максимальную степень его понимания анализируемых проблем, — является также посвящение читателя в причины рассматриваемых явлений (объяснение) и цели, мотивы (обоснование) тех или иных решений, действий.

В оф.-дел. речи доминирующее положение занимает предписание, что связано с реализацией в тексте основной стилевой черты — директивности изложения, обусловленной регулирующей, регламентирующей функцией права.

Лит.: Виноградов В.В. О языке худож. литературы. — М., 1959; Нечаева О.А. Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение). — Улан-Удэ, 1974; Ее же: Очерки по синтаксической семантике и стилистике функционально-смысловых типов речи. — Улан-Удэ, 1999; Лосева Л.М. Как строится текст. — М., 1980; Метс Н.А., Митрофанова О.Д., Одинцова Т.Б. Структура науч. текста и обучение монологической речи. — М., 1981; Гришина О.Н. Соотношение повествования, описания и рассуждения в худож. тексте (на материале английской и американской прозы XX в.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1982; Кожин А.Н., Крылова О.А., Одинцов В.В. Функц. типы рус. речи. — М., 1982; Брандес М.П. Стилистика немецкого языка. — М., 1983; Кожина М.Н., Кыркунова Л.Г. О связи функционально-смысловых типов речи со спецификой функц. стилей // Слово в различных сферах речи. — Волгоград, 1988; Исмаилова Ж.А. Семантическое взаимодействие видо-временных форм глагола с типами текста (на материале повести В. Распутина «Прощание с Матерой»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1990; Протопопова О.В., Трошева Т.Б. Функционально-смысловые типы речи как критерий стилевой дифференциации научных и технических текстов // Очерки истории науч. стиля рус. лит. языка XVIII—XX вв. — Пермь, 1998. Т. 2. Ч. 2; Трошева Т.Б. Формирование рассуждения в процессе развития науч. стиля рус. лит. языка XVIII—XX вв. (сопоставительно с др. функц. разновидностями). — Пермь, 1999.

Т.Б. Трошева

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ОКРАСКА — см. *Стилистические ресурсы лексики.*

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ СТИЛИ В СООТНОШЕНИИ С РАЗГОВОРНОЙ РЕЧЬЮ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧЬЮ — см. *Художественный стиль речи; Разговорный стиль.*

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ СТИЛЬ (ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ РАЗНОВИДНОСТЬ ЯЗЫКА, ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ТИП РЕЧИ) — это исторически сложившаяся, общественно осознанная речевая разновидность, обладающая специфическим характером (своей *речевой системностью* — см.), сложившимся в результате реализации особых принципов отбора и сочетания языковых средств, это разновидность, соответствующая той или иной социально значимой сфере общения и деятельности, соотносительной с определенной формой сознания, — наука, искусство, право и т.д. См.: Ф. с. *научный*, *оф.-деловой* и др. — по А.Н. Васильевой, «макростили». Или иначе — это исторически сложившийся тип функционирования языка, отложившийся и существующий в сознании говорящих, который, реализуясь в речи в процессе общения, представляет собой крупные композиционные типы речи, обладающие спецификой. Ф. с. создается под влиянием комплекса базовых *экстралингвистических стилеобразующих факторов* (см.): наряду с видами деятельности и формами общественного сознания − функции языка; типовое содержание, характерное для соответствующей сферы общения; цели общения, связанные с назначением в социуме той или иной формы сознания и вида деятельности и др. (Эти две формулировки опираются на понимание стиля В.В. Виноградовым, М.М. Бахтиным и Б.Н. Головиным). По Виноградову, Ф. с. — явление литературного языка.

В русской лингвистической и чехословацкой традиции выделяют следующие Ф. с.: *научный* (научно-технический — см.), *публицистический* (или газетно-публицистический, политический — см.), *официально-деловой* (законодательный — см.), *разговорный* (обиходно-разговорный — см.), *художественный* (беллетристический — см.), *религиозный* — см. Эти Ф. с. представлены почти во всех современных европейских (и не только) языках. При этом закономерности функционально-стилевой системы (Ф. стиля) носят вероятностно-статистический характер. Они создаются не столько за счет готовых в языке стилистически маркированных средств, сколько за счет различной частоты употребления тех или иных языковых единиц и их организации, *речевой системности* (см.), образующейся под действием своей в каждом Ф. с. *доминанты* (или иначе: *конструктивного принципа* — см.). Напр., для оф.-дел. Ф. с. доминантой является императивность; точность, не допускающая инотолкования; стандартизация речи; для газетно-публиц. сочетание экспрессии и стандарта, яркая социальная оценочность, установка на новизну выражения.

В русистике нет единого мнения о статусе (возможности выделения наряду с другими в качестве Ф. с.) *художественного стиля речи* (см.); в известной мере это касается и *разговорного стиля* (см.).

Вероятностно-статистическая модель стиля разрабатывалась Б.Н. Головиным, О.Б. Сиротининой, Г.А. Лесскисом, М.Н. Кожиной, А.Я. Шайкевичем и др.). Она обладает предсказуемостью в отношении использования тех или иных единиц языка (включая грамматические явления).

В русской и чехословацкой лингвистике Ф. с. обычно рассматривается как явление речевое (текстуальное), т.е. как стиль речи. Но существует и т. зр., согласно которой Ф. стили — это разновидности лит. языка (строя языка) — (Д.Н. Шмелев; Н.А. Кожин, А.К. Панфилов, В.В. Одинцов и др.). Очевидно, правомерно объединение обеих позиций: Ф. с. речи — это реализация в живом речевом общении потенциальных возможностей языка (наличие в языковом сознании говорящих представлений о правилах создания Ф. стилей языка). Правда, при этом в процессе использования языка в речи появляются дополнительные «прибавки». Ср. слова М. Елинка о Ф. с. как явлении именно речевом (1965).

Ф. с. не является монолитным, его можно рассматривать на разных уровнях абстракции: высшем — как макростиль (Ф. стиль) и низших, более конкретных (подстили и другие более частные разновидности). В этом плане следует говорить о ядре стиля и его периферии, в связи с чем целесообразно моделировать Ф. с. в аспекте *полевой структуры С.* (см.). С учетом не только базовых, но и других экстралингвистических факторов Ф. с. подразделяются, т. о., на подстили, жанры, на другие, в том числе периферийные, разновидности, отражающие взаимодействие стилей (пограничные «области» Ф. с.), так как в реальной речевой действительности стили взаимодействуют и пересекаются. Тем самым в стилевой стороне речи (текста) можно найти как инвариантные для данного Ф. с. (основные) *стилевые черты* (см.), так и черты, «идущие» от экстраоснов подстиля или жанра; кроме того, в некоторых периферийных — стилевые черты и элементы других Ф. стилей.

Ф. с. — явление историческое и социальное; становление их и развитие связано с изменениями социально-культурных условий жизни общества и использования языка. Ф. с. реализуются в письменной и устной формах, но по-разному. Известна особая точка зрения (О.А. Лаптевой) о существовании *устной публичной речи* (см) вне зависимости от Ф. с., т.е. объединяющая ряд стилей в их устной форме. Другая позиция по этому вопросу принадлежит Е.А. Земской, Е.Н. Ширяеву, О.Б. Сиротининой.

Научное изучение Ф. с. — центрального понятия современной стилистики — начинается в 20-х гг. XX в. в трудах ученых Пражского лингвистического кружка, в работах Г.О. Винокура, В.В. Виноградова, М.М. Бахтина и позже — Ю.С. Степанова, В.П. Мурат, Т.Г. Винокур, А.Н. Васильевой, Б.Н. Головина, В.Г. Костомарова, М.Н. Кожиной, К.А. Роговой, Н.М. Разинкиной, О.Б. Сиротининой, Г.Я. Солганика, Т.В. Матвеевой и мн. др. Развитию учения о Ф. с. способствовал поворот языкознания от структурной парадигмы к коммуникативно-функциональной, которому в свою очередь содействовала функц. стилистика.

Ф. с. — существенный признак лит. языка; историческое развитие последнего связано с расширением его функций и тем самым формированием различных Ф. стилей, их постепенной «кристаллизацией» (бо-

лее ярко выраженными стилевыми чертами каждого Ф. с., закономерным характером стилостатистических частот языковых единиц, стилевой «чистотой» его *речевой системности*, а также — подстилей и других более частных стилевых разновидностей). Специфическая речевая системность Ф. с. обнаруживается в тексте; стиль, таким образом, выступает как свойство текста, поэтому изучение Ф. с. не должно ограничиваться анализом функционирования в речи дотекстовых единиц. Тем самым *стилистика текста* (см.) представляет собою один из разделов *функциональной стилистики* (см. *Стилистика*). См. также *Стиль*.

Лит.: Виноградов В.В. Итоги обсуждения вопросов стилистики. — ВЯ. — 1955. — № 1; Его же: Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. — М., 1963; Винокур Г.О. О задачах истории языка // Избр. работы по рус. языку. — М., 1959; Кожина М.Н. К основаниям функциональной стилистики. — Пермь, 1968; Ее же: О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики. — Пермь, 1966; Ее же: О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. — Пермь, 1972; Ее же: Стилистика русского языка.— 3-е изд. — М., 1993; Развитие функциональных стилей современного русского языка. — М., 1968; Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. — М., 1971; Сиротинина О.Б. Современная разговорная речь и ее особенности. — М., 1974; Рогова К.А. Синтаксические особенности публицистической речи. — Л., 1975; Васильева А.Н. Курс лекций по стилистике русского языка. Общие понятия стилистики, разговорно-обиходный стиль речи. — М., 1976; Ее же: Курс лекций по стилистике. Научный стиль речи. — М., 1976; Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. — М., 1979; Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. — М., 1980; Головин Б.Н. Основы культуры речи. Гл. II. — М., 1980; Одинцов В.В. Стилистика текста. — М., 1980; Солганик Г.Я. Лексика газеты. — М., 1981; Кожин Н.А., Крылова О.А., Одинцов В.В. Функциональные типы русской речи. — М., 1982; Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Лексика. — Саратов, 1983; Грамматика. — Саратов, 1992; Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. — Свердловск, 1990; Функциональные стили и формы речи / Под ред. О.Б. Сиротининой. — Саратов, 1993; Салимовский В.А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (научный академический текст). — Пермь, 2002; Havranek B. Studue o spisovnem jazyce. Praha, 1963; Jelinek M. Definice pojmu «jazykovy styl» // Sbornik praci filosofické faculty Brněnske university, 1965, A 13; Hausenblas K. Výstavba slovesných komunikatů a stylistyka // Československé přednašky pro VI mzn. sjezd slavistů. — Praha, 1968 (см. там же ст. Jelinka M.); Fleischer W., Michel G. Stilistik der deutschen Gegenwartssprache. — Leipzig. 1975; Mistrik I. Štylistika slovenského jazyka. — Bratislava, 1985; Tošovic B. Funkcionalni stilovi. — Sarajevo, 1988; Его же: Функционални стилови. — Београд, 2002.

М.Н. Кожина

ФУНКЦИЯ ВОЗДЕЙСТВИЯ — см. *Стилевые функции речевых разновидностей*.

ФУНКЦИЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОСТИ РЕЧИ — см. *Стилевые функции речевых разновидностей; Образность*.

ФУНКЦИЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ (сообщения) — см. *Стилевые функции речевых разновидностей; Публицистический стиль.*

ФУНКЦИЯ КОНСТАТАЦИИ — см. *Стилевые функции речевых разновидностей; Констатация* (как функц.-смысловой тип речи).

ФУНКЦИЯ ПОПУЛЯРИЗАТОРСКАЯ — см. *Стилевые функции речевых разновидностей.*

ФУНКЦИЯ ПРЕДПИСАНИЯ (ДОЛЖЕНСТВОВАНИЯ, ИМПЕРАТИВНОСТИ) — см. *Стилевые функции речевых разновидностей; Официально-деловой стиль.*

ФУНКЦИЯ РЕКЛАМНАЯ — см. *Стилевые функции речевых разновидностей; Язык и стиль рекламы.*

ФУНКЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ — см. *Стилевые функции речевых разновидностей; Публицистический стиль.*

ФУНКЦИЯ ФАТИЧЕСКАЯ — см. *Стилевые функции речевых разновидностей; Жанры обиходно-разговорной речи.*

ФУНКЦИЯ ЦЕННОСТНОЙ ОРИЕНТАЦИИ (в газете) — см. *Стилевые функции речевых разновидностей; Публицистический стиль.*

ФУНКЦИЯ ЭСТЕТИЧЕСКАЯ — см. *Стилевые функции речевых разновидностей; Художественный стиль речи.*

Х

ХРОНИКА — см. *Жанры публицистического стиля.*

ХУДОЖЕСТВЕННО-ОБРАЗНАЯ РЕЧЕВАЯ КОНКРЕТИЗАЦИЯ — это специфическое свойство именно худож. речи, отличающее ее от всех других разновидностей языкового общения. Проявляется оно в такой намеренно созданной по законам искусства организации языковых средств в речевой ткани худож. произведения, благодаря которой слово-понятие «переводится» в слово-образ (художественный), становится выражением индивидуально-неповторимых, как бы видимых внутренним зрением, целостных худож. образов (и их элементов — «микрообразов»), пропущенных через эстетическую оценку писателя. Это такая речевая организация, составляющая целостную систему и реализующая эстетическую функцию произведения искусства, которая специально направлена на то, чтобы ее восприятие вызывало работу фантазии читателя.

В данном случае речь идет не о простой наглядности или использовании отдельных средств словесной образности, но о выражении речевой тканью худож. произведения жизненности и цельности «изображаемого». При этом конкретизированными как «предметное» являются не только лица и вещи, но и события, действия, поступки, чувства, состояния, мысли и т.д. передаваемой читателю поэтической действительности как проявление творческой мысли художника слова.

Таким образом, понятие Х-обр. р. к. — это понятие комплексное, психолого-эстетико-лингвостилистическое. Поэтому оно выходит за рамки словесной образности, простого использования метафор или других образных средств языка (тропов и фигур), а также эмотивных языковых элементов как выражения эмоциональности речи, о чем обычно говорят, определяя специфику или хотя бы своеобразие худож. речи.

В поисках адекватного определения специфики худож. речи по сравнению с другими речевыми разновидностями (функц. стилями) необходимо опираться на экстралингвистическую основу этой речи, на особенности общения в соответствующей его сфере. Еще Ш. Балли говорил, что «...изучение языка предполагает исследование не только взаимоотношений между языковыми символами, но также и связей между

речью и мышлением», оно «...должно быть в высшей степени психологическим...». А.М. Бахтин подчеркивал, что подход к анализу худож. слова должен быть с позиций речевого общения, с учетом социального диалога и роли слушателя, т.е., по-нашему, речеведческим (см. *Речеведение*). Такой подход касается, конечно, лингвостилистического анализа всех сфер общения, но приобретает особую значимость применительно к эстетической его сфере. Какой-либо односторонний подход в данном случае не способен вскрыть специфику худож. речи как функц. стиля.

Известно, что вопрос специфики худож. речи (текста) интересовал исследователей с глубокой древности (индийские поэтики и грамматики, древнегреческая и римская риторики и стилистики). Время от времени он возникал с особенной остротой в истории науки о языке и стиле; в сравнительно недавнее время — в дискуссии «Слово и образ» 60-х гг. XX в. Можно выделить следующие наиболее «популярные» точки зрения.

Метафоризация речи (в широком смысле — высокочастотное использование тропов и фигур) как якобы главная примета худож. стиля речи. С одной стороны, еще Аристотель говорил о значимости метафоры и для мышления поэта, и для поэтической речи. Но, с другой стороны, встречаются целые страницы, десятки страниц, а иногда небольшие худож. произведения без метафор. К признаку метафоризации добавляют и эмоциональность речи, но последняя весьма характерна и для публиц. и обиходно-разг. речи, следовательно, не может считаться истинно специфической чертой худож. речи.

А.М. Пешковский выдвигал понятие «общей образности» худож. произведения, понимая под ним строгую системность всех элементов художественного целого (содержания и формы), когда изъятие даже какого-либо одного элемента ведет к «облысению» худож. образа и ущербности содержания. При всей позитивности такого подхода, он все же не вскрывает самого механизма создания образности и ее оснований.

Существенна характеристика своеобразия худож. речи, данная Б.А. Лариным через посредство так называемых «комбинаторных (или семантических) приращений смысла», которыми обладает слово в худож. произведении, т.е. тех дополнительных неповторимых семантических нюансов, которые получает слово в контексте поэтического целого, когда на коммуникативную функцию накладывается эстетическая. Но при этом речь идет в основном о лексико-семантической стороне речи.

В качестве отличительной черты худож. речи также выдвигается и такое ее свойство, как использование «внутренней формы» слова (*Г.О. Винокур* вслед за *А.А. Потебней*), т.е. такое явление, когда «смысл худож. слова не замыкается в его буквальном смысле ... а как бы весь опрокинут в тему и идею худож. замысла», когда новое, поэтическое содержание пользуется формой другого (буквального) содержания; ср., напр., название романа А. Толстого «Хлеб», содержание которого выходит за рамки общеязыкового значения этого слова, но «базируется» на нем.

В теории(ях) так называемых «русских формалистов» 20-х гг. специфика художественности слова видится в «выведении» его из автоматизма

живой разговорной речи и актуализации, «выдвижении»; здесь целью становится «неузнавание», новизна, обращающая на себя внимание (ср. «язык поэзии — язык затрудненный, заторможенный») — В. Шкловский. Однако при этом «язык искусства» понимается как нелингвистическое явление, отрывается от естественного языка, против чего выступали, в частности, М.М. Бахтин, Г.О. Винокур и др.

Отличие понятия Х.-обр. р. к. от представленных выше трактовок своеобразия худож. речи состоит в том, что, будучи понятием терминосистемы функц. стилистики, оно призвано определить специфику худож. речи в ряду других функц. стилей на основе ее базовых экстралингвистических факторов, т.е. прежде всего назначения искусства в обществе, целей и задач общения в этой сфере, типа мышления и т.д. При этом речевая ткань худож. произведения не выводится за пределы лингвистических явлений, но рассматривается не с узкоязыковых позиций строя языка, а речеведческих (лингвистики речи). Так, Г.О. Винокур подчеркивал: «Не зная, что значило слово «раньше», чем стать фактом поэтического языка, действительно нельзя понять, что оно значит как поэтическое слово». Указанный подход предполагает, как отмечалось выше, комплексный и при этом двусторонний анализ; а именно: учет, с одной стороны, особенностей творческого образного мышления писателя как субъекта речи, адресанта, с другой — восприятия худож. текста читателем, ибо произведение словесного искусства специально и осознанно создается с целью активизации образности восприятия, фантазии читателя как основы эффективности взаимопонимания коммуникантов.

Именно худож.-образная конкретность поэтического текста — как отражение в нем образного мышления писателя в процессе творчества — стимулирует образную же мысль читателя, ви́дение изображенной автором в тексте действительности, и тем самым достигается цель общения. То есть это явление двустороннее, диалогичное. Поэтому для характеристики его необходима опора на знание психологии мышления и творчества, речевого мышления, психологии восприятия речи, роли регулятивной функции (*Е.В. Сидоров*, *Н.С. Болотнова*). Учет этих данных, отмеченных как самими писателями, так и психологами, и «подключение» их к анализу фактов лингвостилистического исследования худож. текстов позволяет определить понятие Х.-обр. р. к.

С одной стороны, известны многочисленные высказывания писателей о роли образной конкретности в процессе их творческой деятельности. Ср., например, совет К. Федина молодому писателю: «Еще один существенный для прозаика совет: побольше конкретности. Образность тем выразительнее, чем точнее, конкретнее назван предмет... в поэтической прозе художника, требующей зримой ясности, не должно быть родовых понятий, если это не диктуется самой смысловой задачей содержания... *Овес* лучше *зерна*. *Грачи* более уместны чем *птицы*»; Г. Флобер писал: «Если ясно представляешь себе известный образ или чувство, то слово само выльется на бумаге»; И.А. Гончаров: «Рисуя, я

редко знаю, что значит мой образ...; я только в и ж у его живым перед собою — и смотрю, верно ли я рисую»; А.Н. Толстой: «Каждому писателю нужно в и д е т ь до г а л л ю ц и н а ц и и то, о чем он пишет» и т.д. (Разрядка наша. — *М.К.*).

С другой стороны, материалы по психологии мышления и творчества, в том числе экспериментальные данные по восприятию худож. текстов, показывают, что представления, появляющиеся при чтении худож. текста «чаще всего являются образами... предметными по своему характеру. В них всегда четко дан их вещный характер, они оформлены как «в и д и м о с т ь в е щ е й» (*О.И. Никифорова*, с. 153. — Разрядка наша. — *М.К.*). Отмечается также, что при восприятии худож. текста описываемый предмет под влиянием контекста становится конкретным, индивидуальным; в какой-то момент наступает качественное превращение «отвлеченного слова в конкретное, из понятия — образ» (Там же). Таким образом, понятийное значение, какое имеет слово в языке (речь идет о знаменательных словах) превращается при восприятии его в контексте худож. целого (точнее средствами худож. контекста) в образ. Иначе говоря, *образная мысль писателя* через особую организацию худож. речи *порождает образную же мысль читателя*; т.е. налицо двусторонний, диалогический коммуникативный процесс. А поскольку речь идет о создании и восприятии худож. образов поэтической действительности, то налицо проявление эстетической функции языка.

Как это достигается? По данным психологов, для понимания значения слова, понятийного плана речи требуется в 2,5 раза меньше времени, чем для возникновения образа (*Т. Мур*). Отсюда логический вывод: необходима активизация читательского воображения посредством особого построения текста, особой речевой организации, детализации, выдвижения, акцентирования каких-либо моментов повествования, чтобы задержать на них внимание читателя, чтобы он «увидел», «ощутил» предмет речи. Контекстная образная конкретизация здесь (в этом случае) — результат искусного владения словом: умение выразить «микрообразы» — как предметы, явления, элементы поэтического мира, созданного воображением писателя, а затем и все идейно-образное содержание произведения.

Итак, в чем состоит роль самой особой текстовой организации худож. речи, которая предстает как художественно-образная конкретизация. Какими способами и средствами она достигается? Одно из них уже указано, это образная детализация предмета речи через микрообразы (примеры — далее). Другим очень важным способом построения худож. речи и отсюда ее свойством является динамика, связанная с повествовательным (нарративным) характером худож. произведения (во всяком случае прозаического; у нас речь идет прежде всего именно о худож. прозе). Еще Аристотель отмечал, что «...те выражения представляют вещь н а г л я д н о, которые изображают ее в д е й с т в и и». О роли действия, движения и соответственно глагола в худож. речи говорил также Лессинг и многие другие писатели и исследователи. Об этом свидетельствуют и современные теоретики-литературоведы: «Художник слова изображает

именно движение и, характеризуя эти движения, ставит перед нашим воображением облик определенных «тел», в том числе и движений психологических» (*В. Кожинов*). Отмечается также, что «проблема сюжета срастается с проблемой художественной речи» (Там же). Ср. также замечания писателя: «Рисовать мало. В повествовании нужно уметь изображать движение — внешнее и внутреннее (психологию)» (*А.Н. Толстой*); «... вы должны видеть предмет, о котором пишете... в движении», тогда «вы найдете глагол этого предмета» (Там же).

Отсюда проистекает одно из средств (или одна из форм) Х.-обр. к. — **глагольное сюжетоведение**, или **глагольное речеведе́ние.** Писатель обычно не однословно выражает динамику явлений изображаемой действительности, а поэтапно, рисуя одно движение за другим. Поскольку языковыми средствами этого являются прежде всего глаголы (и отглагольные формы), то они оказываются в худож. текстах высокочастотными. Примеры: *Князь Андрей* ***встал*** *и* ***подошел*** *к окну, чтоб* ***отворить*** *его. Как только он* ***открыл*** *ставни, лунный свет, как будто он настороже у окна давно* ***ждал*** *этого,* ***ворвался*** *в комнату. Он* ***отворил*** *окно.* (*Л. Толстой*)**;** *Вдруг она опять* ***взвизгнула*** *— и лодка* ***повалилась*** *на бок; она* ***сунула*** *с кормы руку в воду и,* ***поймав*** *стебель кувшинки, так* ***рванула*** *его к себе, что* ***завалилась*** *вместе с лодкой — он едва* ***успел вскочить*** *и* ***поймать*** *ее под мышки. Она* ***захохотала*** *и,* ***упав*** *на корму спиной,* ***брызнула*** *с мокрой руки прямо ему в глаза. Тогда он опять* ***схватил*** *ее и,* ***не понимая****, что* ***делает****,* ***поцеловал*** *в хохочущие губы...* (*И. Бунин*). При этом образному динамизму повествования (или описания) способствует и использование видо-временных показателей глаголов (т.е. грамматическая сторона языка). Вот как, напр., рисует картину утренних сборов в дорогу И.С. Тургенев: «*Вот* ***кладут*** *ковер на телегу,* ***ставят*** *в ноги ящик с чемоданом. Пристяжные* ***ежатся, фыркают*** *и щеголевато* ***переступают*** *ногами, пара только что проснувшихся гусей молча и медленно* ***перебирается*** *через дорогу... Вот вы* ***сели****, лошади разом* ***тронулись****, громко* ***застучала*** *телега... Вы* ***едете — едете*** *мимо церкви...*»

Живописность, видимость и динамика «картины» достигается здесь, конечно, целым рядом средств и способов, в частности образной детализацией изображения, когда почти ни один глагол или существительное не остаются без точно подобранных определений, дополнений, обстоятельств (см. разрядку). Видовременной же план глаголов особенно знаменателен (см. полужирный): наст. историческое, иначе наст. живого представления (*кладут, ставят*), выражающее однократное действие, сменяется действием длительным, но прерывистым (*ежатся, фыркают, переступают*); очень картинно изображена переходящая дорогу пара гусей, которые **перебираются** (имитация гусиной «походки») молча и медленно. Для стиля Тургенева вообще характерно трех- и многократное повторение какого-либо признака, детали (ее акцентирование). Далее динамика меняется (***Вот вы сели, ...тронулись***) — одноразовое результативное действие, затем длительное с повтором (***едете — едете***), способствующее передаче созерцания, которому начинает предаваться

ездок. Отметим, что здесь нет метафор и налицо общеупотребительная лексика.

Конечно, известны случаи, когда движение может изображаться и без глаголов, т.е. когда сам факт перечисления названий проходящих (пролетающих) перед глазами предметов выражает динамику:

Мелькают мимо будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри...
(А.С. Пушкин)

Но такие случаи довольно редки и представлены обычно на глагольном фоне, а в данном примере «тон задает» начальный глагол (*мелькают*), обозначающий быстроту, стремительность последующего движения.

Еще пример изображения словом с помощью глагольного речеведе́ния и других средств, в том числе метафор и олицетворений: *Сначала далеко впереди...* ***поползла*** *по земле широкая ярко-желтая полоса; через минуту такая же полоса* ***засветилась*** *несколько ближе... что-то теплое* ***коснулось*** *Егорушкиной спины, полоса света,* ***подкравшись*** *сзади,* ***шмыгнула*** *через бричку и лошадей,* ***понеслась*** *навстречу другим полосам...* (Чехов, Степь).

Появление утреннего солнца, которое «принялось за свою работу», показано в движении освещенных светом полос очень детально и в пространственно-временной динамике (*сначала, далеко впереди, через минуту... несколько ближе..., ...подкравшись сзади... понеслась навстречу другим*). Очень выразительны не только цветовые определения солнечных полос (*широкая ярко-желтая*) и указание на ощущение тепла, кстати через метафорическое словосочетание с глаголом (*что-то теплое коснулось... спины*), но и динамика глагольного речеведе́ния с использованием смены видо-временных значений глаголов, их метафоризация и олицетворение (*сначала полоса поползла, засветилась* — начало действия; далее мимолетное однократное действие — *коснулось,* выразительны олицетворение и метафора, выраженные деепричастием *подкравшись* и глаголом *шмыгнула,* тоже однократного действия, но уже в прош. времени; и затем глагол *понеслась* — картина стремительного, но длительного, бесконечного движения). Все это позволяет ярко увидеть описываемую картину в ее динамике. К сожалению, объем словарной статьи не позволяет подробно проанализировать более или менее пространные отрывки худож. текстов, но и приведенные материалы в определенной степени показывают роль глаголов и других языковых средств, выступающих в функции Х.-обр. р. к.

Если в обычной речи словарное слово обладает способностью «переходить» (конкретизироваться) в единичное понятие или представление, то в худож. тексте выбор слов и организация контекста рисует зримый образ. Но это достигается **искусной** речью, **специально, намеренно** осуществляемой Х. - обр. р. к.

Характерно, что в приведенных примерах использована в основном обычная, так сказать нейтральная, лексика (с точки зрения слова-

ря) и небольшое число собственно средств словесной образности. И тем не менее специфика худож. речи налицо. Примером в этом плане может служить и стиль прозы Пушкина. Обычным для худож. прозы оказывается и всестороннее описание персонажа (его портретная характеристика), а также интерьера. Ср., напр., у И.А. Бунина: *В семь с половиной в вестибюле забил гонг. Он первый вошел в парадно сверкающую люстрой столовую, где уже стояли возле столика у стены жирный бритый повар во всем белом и подкрахмаленном, худощекий лакей во фраке и белых вязаных перчатках и маленькая горничная, по-французски субтильная. Через минуту молочно-седой королевой, покачиваясь, вошла тетя в палевом шелковом платье с кремовыми кружевами, с наплывами на щиколках...* (И.А. Бунин). Видимость, яркая зримость этой повествовательно-описательной картины создается нейтральной лексикой, но не оставляющей ни одного предмета, лица, действия без определений и обстоятельств.

Образная детализация и изобразительность, о которой говорилось выше, достигается, конечно наряду с указанными средствами, использованием точных и ярких эпитетов, метафор, сравнений, олицетворений (примеры общеизвестны), а также случаями звукописи и звукоподражания даже в прозе: «...там внизу, под кручей, перекликались уверенно могучие струи, они **пе-ре-кли-кались** в своем «рано ли, поздно ли» (М. Пришвин); «...дробно выстукивали перепела: **«Спать пора! Спать пора!»** (М. Шолохов).

К различным собственно языковым средствам может «добавляться» даже звукопись, в том числе и в прозе, напр.: «В промежутках совер**ш**енной ти**ш**ины слы**ш**ен был **ш**орох про**ш**логодних листьев, **ш**евелив**ш**ихся от таяния земли и от роста трав». И далее (по тексту Л. Толстого) пример микрообраза — момент прорастания травы, создаваемого за счет использования видовой формы глагола (однократного действия) и детализированного описания места появления травы — и на этом фоне изображение момента прорастания ростка; и не случайно он назван иглой, так как еще не успел развернуться: «*Каково? Слышно и видно, как трава растет!» — сказал себе Левин, заметив двинувшийся грифельного цвета мокрый осиновый лист подле иглы молодой травы*». Вместе с персонажем и читатель «видит» этот момент прорастания травы, хотя здесь нет метафор, налицо лишь нейтральная лексика. Но здесь представлен как раз тот случай, когда точность выражения — это верность образу.

В худож. текстах, как правило, используются не отдельные элементы и средства худож. конкретизации, а одновременно различные речевые средства и способы: это и образная детализация, и глагольное речеведение, и использование интенсивов, ритма, звукописи, акцентуаторов, т.е. налицо комплексная худ.-обр. конкретизация.

Пример такой комплексной конкретизации: *Наталья жила у отца... ей все казалось, что Григорий вернется к ней, сердцем ждала, не вслушиваясь в трезвый нашепот разума; исходила ночами в жгучей тоске,*

крушилась, растоптанная нежданной, незаслуженной обидой. А к этому прибавилось другое, и Наталья с холодным страхом шла к концу, ночами металась в своей девичьей горенке, как подстреленный чибис в ендовной куге... (Шолохов, Тихий Дон).

Состояние Натальи не названо каким-то одним отвлеченным словом, хотя в отрывке есть и абстрактная лексика (*разум, обида, страх*), оно дается развернуто, конкретизированно, отчего и становится образным.

И здесь большую роль играют, во-первых, глагольные формы (*ждала, не вслушиваясь; исходила... в тоске; крушилась, растоптанная обидой; шла к концу; металась*); во-вторых, тонкий и чрезвычайно образно точный отбор слов, наиболее экспрессивно представляющих соответствующие понятия (это интенсивы), в том числе слов народно-поэтических (***крушилась,*** *растоптанная;* ***исходила*** *по ночам в тоске*); в-третьих, обращение к словесным образам — метафорам, олицетворениям, сравнениям (*не вслушиваясь в... нашепот разума; металась, как подстреленный чибис в ендовной куге*); в-четвертых, развернутый вид речевой конкретизации: существительные с отвлеченным значением сопровождаются уточняющими определениями, дополнениями (*трезвый нашепот разума, растоптанная неожиданной... обидой* и т.д.). Благодаря этому даже абстрактные слова конкретизируются, превращаются в ощутимый образ, олицетворение. И, наконец, большую роль играют видовременные формы глаголов и деепричастий. Почти все глагольные формы здесь имеют значение прош. длительного (*ждала, исходила, крушилась*). Несколько иное, контекстуальное значение (*шла к концу*) достигается употреблением при глаголе дополнения с оттенком цели. Значение повторяемости в глаголе *металась* поддерживается и усиливается обстоятельством-существительным в форме мн. числа (*ночами*). Здесь и лексическое значение глагола, и его стилистико-экспрессивная окраска, и грамматический вид (несовершенный), и контекст указывают на действие беспорядочное и повторяющееся, а поэтому мучительное. Причастие от глагола сов. вида *растоптанная (обидой)* усиливает выражение состояния полной моральной уничтоженности (см. значение приставки *рас-*), сохраняя вместе с тем оттенок качества. Очень выразительна и образно гармонична в словосочетании приставочная форма деепричастия — *вслушиваясь* (ср. возможное: «не *слушая* нашепота разума»); форма *вслушиваясь* не только усиливает выражение интенсивности и целенаправленности действия, но и участвует в создании олицетворения. Этому способствует авторское преобразование известного фразеологизма *не слушать голоса разума.*

Таким образом, **комплексная** худож.-обр. конкретизация — это такое явление худож. речи, такой способ конкретизации, когда совокупность, точнее система, разноуровневых средств языка и речи в определенном контексте выполняет одну и ту же стилистическую функцию: служит созданию и выражению какой-то образной черты одного образа (и микрообраза), оказывая через этот комплексный акцент активизирующее воздействие на воображение читателя.

Х.-обр. р. к. может быть развернутой, либо лаконичной, или косвенной (примеры см.: *Кожина* 1966; 1993). Средствами же Х.-обр. р. к. могут быть и различные стилистические приемы — контраст, аналогия, композиция и все указанные выше средства и способы (метафоризация, приращение смысла, акцентное «выдвижение» слов, использование внутренней формы слова и др.), анализ которых представлен в обширной литературе.

Таким образом, Х-обр. р. к. выражается в худож. речи средствами и способами, в известной мере выявленными и описанными в традиционной стилистике, но *объединяет их под о б щ и м углом зрения*, опираясь на данные психологии речемыслительной деятельности и восприятия худож. текста, рассматривает с новых, *комплексных* позиций, позволивших определить и *о б ъ я с н и т ь* действительную специфику худож. функц. стиля, принципиально отличающую последний от других функц. стилей речи; при этом о т д е л ь н ы е средства образности могут быть использованы в других стилях. Существенно то, что *при всем разнообразии индивидуальных стилей* писателей *Х.-обр. р. к. присуща любому* истинно худож. произведению. Именно она принципиально отличает худож. тексты от нехудожественных. Конечно, отдельные речевые фрагменты, напр., какие-либо рассказы в обиходно-разг. сфере, могут приближаться по стилю к художественным, но они будут восприниматься как нетипичные для данного вида речи и как бы стихийно возникшие. Такого рода случаи фиксируют отсутствие резких границ между функц. стилями. Известно, что эстетическое свойственно не только профессиональным произведениям искусства, однако необходимо выделять последние как особый феномен. Говоря о Х.-обр. р. к. мы старались акцентировать роль слова писателя на внутренний зрительный ряд адресата (его воображение), так как воздействие на него является весьма значимым (недаром говорится: лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать).

Лит.: В и н о г р а д о в В.В. Стиль «Пиковой дамы // А.С. Пушкин. Временник пушкинской комиссии. — М.; Л., 1936; Е г о ж е: К спорам о слове и образе, «ВЛ». — № 5, 1960; Е г о ж е: О языке художественной прозы // Изб. труды. — М., 1980; Е г о ж е: Избранные труды. Язык и стиль русских писателей. От Карамзина до Гоголя. — М., 1990; В и н о к у р Г.О. О задачах истории языка // Избр. работы по рус. языку. — М., 1959; Е г о ж е: О языке художественной литературы. — М., 1991; К о ж и н а М.Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики. — Пермь, 1966; Е е ж е: Стилистика русского языка.— 3-е изд. — М., 1993; В е н г р а н о в и ч М.А. Специфика художественно-образной речевой конкретизации в фольклорном тексте (к постановке проблемы) // Совр. гуманитарные науки: теоретический, прагматический, методический аспекты. Вып. 1. — Тольятти, 2001.

Л а р и н Б.А. О разновидностях художественной речи. Семантические этюды, «Рус. речь». Вып. 1. — Пг., 1923; Е г о ж е: Эстетика слова и язык писателя. — Л., 1974; Ш к л о в с к и й В. О теории прозы. — М., 1929; П е ш к о в с к и й А.М. Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики. — М.; Л., 1930; Н и к и ф о р о в а О.И. Роль представлений в восприятии слова, фразы и художественного описания, «Известия АПН». Вып. 7. — М., 1947; Русские писатели о литературном тру-

де. Т. IV. — Л., 1956; Аристотель, Об искусстве поэзии, ГИХЛ. — М., 1957; Щерба Л.В. Избр. работы по рус. языку (опыт лингвистического толкования стихотворений). — М., 1957; Кожинов В. Сюжет, фабула, композиция // Теория литературы. Т. II. — М., 1964; Шмелев Д.Н. Слово и образ. — М., 1964; Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. — Л., 1972; Григорьев В.П. Поэтика слова. — М., 1979; Одинцов В.В. Стилистика текста. — М., 1980; Васильева А.Н. Художественная речь. — М., 1982; Сидоров Е.В. Проблемы речевой системности. — М., 1987; Новиков Л.А. Художественный текст и его анализ. — М., 1988; Шанский Н.М. Лингвистический анализ художественного текста. — Л., 1990; Волошинов В.Н. (Бахтин М.М.), Слово в жизни и слово в поэзии, «Риторика». — № 2, 1995; Болотнова Н.С. О теории регулятивности художественного текста, «Stylistyka-VII». — Opole, 1998; Ее же: Филологический анализ текста, ч 1. — Томск, 2001; Бабенко Л.Г., Васильев И.Е., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. — Екатеринбург, 2000.

М.Н. Кожина

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СТИЛЬ РЕЧИ (ХУДОЖЕСТВЕННО-ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЙ, ХУДОЖЕСТВЕННО-БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКИЙ) — один из *функциональных стилей* (см.), характеризующих тип речи в эстетической сфере общения: словесных произведений искусства. Конструктивный принцип Х. с. р. — контекстуальный «перевод» слова-понятия в слово-образ; специфическая стилевая черта — *художественно-образная речевая конкретизация* (см.).

Несмотря на особенную значимость для худож. произведения проявления в нем авторской индивидуальности, несмотря на многообразие направлений, методов и жанров худож. литературы, последняя, однако, имеет общий для всех их принцип использования языка, обусловленный назначением искусства в обществе, образным мышлением художника в процессе творчества, эстетической функцией. Здесь слово-понятие языка (понятийная сущность слова) как бы переводится средствами контекста в слово-образ (в широком смысле) для выражения образной мысли автора и изображаемой им вымышленной действительности. Реализация эстетической функции языка в худож. сфере общения составляет специфику худож. речи — всех ее индивидуально-авторских стилей и жанров, при всем их своеобразии и отличиях.

Вопрос о стилевом статусе худож. речи (несинонимичный термин — *«язык художественной литературы»* — см.) среди функц. стилей считается дискуссионным. Имеются две точки зрения: 1) правомерность выделения среди функц. стилей Х. с. р.; 2) категорическое неприятие такой точки зрения. Первое положение разделяют В.В. Виноградов, Р.А. Будагов, И.Р. Гальперин, Б.Н. Головин, Э.Г. Ризель, К.А. Долинин, М.Н. Кожина, О.Б. Сиротинина, Й. Мистрик, К. Гаузенблас, М. Елинек и мн. др. Второе — Л.Ю. Максимов, А.К. Панфилов, Н.А. Мещерский, Д.Н. Шмелев, В.Д. Бондалетов и др.

Аргументами против признания возможности выделять среди функц. стилей и художественный являются: 1) так называемая многостильность

худож. литературы, использование в ней языковых средств разных (всех) функц. стилей; 2) отсутствие специфических языковых примет (средств), свойственных именно худож. речи (худож. текстам); 3) наличие у худож. речи особой эстетической функции; 4) неправомерность объединения понятий «литературный язык» и «язык художественной литературы».

Однако характерно, что в этой аргументации и ее конкретизации представители указанной (второй) точки зрения обычно исходят в своем анализе не из теоретических положений функц. стилистики (как учения о функц. стилях, принципа их классификации), а из постулатов *«стилистики ресурсов»* (см.), т.е. стилистики языковых единиц без учета речевой системности стиля, критериев определения функц. стиля.

С функциональной точки зрения нельзя говорить о многостильности худож. лит-ры, так как использование отдельных языковых средств других функц. стилей не определяет тот или иной функц. стиль, главное, **как** используются эти средства и каковы их стилистические функции, в какой речевой организации они выступают. Наблюдения показывают, что языковые средства других стилей (напр. научные термины, фразеология делового стиля) используются в худож. речи не в их основной, а в измененной функции (в соответствии с целью и задачами общения в эстетической сфере), т.е. изобразительно-выразительной, в эстетической функции (при этом в выборе средств все же есть свои ограничения, например не вся известная терминология науки представлена в худож. текстах). Тем самым в худож. речи могут использоваться языковые средства других стилей, **но не сам стиль как таковой**, с присущей ему речевой системностью и, главное, не в той же функции. Ср. употребление терминов в поэтической речи: *И я из дома убежал, чтоб наконец-то выбраться* ***из радиуса действия обыденной любви****; Есть* ***радиусы действия у гнева и у дерзости****; Есть* ***радиусы действия у правды и у лжи*** (Р. Рождественский); ***Сошли с ума муссоны и пассаты*** (В. Маяковский). Еще пример более широкого контекста, показывающего принципиальное отличие стиля худож. прозы от научной при описании одного и того же явления природы писателем и ученым:

По народной примете, лес притягивает воду, чтобы затем ***отпустить ее облачком в дальнейшее странствие****. Значит, он* ***каждую каплю воды впрягает в двойную и тройную работу****. Чем больше леса, тем чаще* ***прикоснутся дождичком к земле*** *те постоянные двести миллиметров осадков, что в среднем получаем из океана в год...****Лес приближает море, и сам как море, корабли туч ночуют у его зеленых причалов****...* (Л. Леонов. Русский лес)

При изучении роли леса ***в круговороте воды*** *возникают два основных вопроса: а) какова* ***роль леса как фактора образования осадков*** *и б) какова* ***роль в распределении осадков, выпадающих из атмосферы?..*** *Лес, образуя огромную* ***охлаждающую поверхность****... содействует* ***конденсации паров****... При выпадении* ***осадков*** *в лесу часть их задерживается кронами* ***и путем физического испарения*** *возвращается* ***в атмосферу*** (М.Е. Ткаченко. Общее лесоводство)

Таким образом, с точки зрения функциональной, многостильности (в точном смысле слова) в художественных текстах нет.

Далее, не только худож., но никакой другой функц. стиль не создается совокупностью каких-либо специфических языковых средств (тем более одной окраски); они лишь часть (и не главная) стилевой специфики того или иного функц. стиля. Наличие же эстетической функции у худож. речи как раз и составляет ее специфику, на основе которой следует выделять худож. речь в особую функц.-стилевую разновидность (как это делается в отношении других функц. стилей с учетом принципа их классификации); это один из существенных стилеобразующих признаков функц. стиля. Следовательно, наличие специфики у худож. текстов в виде эстетической функции служит аргументом не против отнесения этого типа речи к функц. стилям, а за включение его в эту систему (ср.: в научном — речевая экспликация познавательно-коммуникативной функции; в оф.-деловом — коммуникация через предписующе-долженствующую установку деонтического мышления и т.д.).

По вопросу соотнесения понятий «литературный язык» и «язык художественной литературы» следует сказать, что они безусловно не тождественны. «Язык художественной литературы» — это одна из разновидностей лит. языка, т.е. эти понятия соотносительны как общее, родовое, и видовое. Использование языка в эстетической функции не превращает его в какую-то новую субстанцию, не аннулирует его коммуникативной функции (напротив, эстетическая функция существует на базе коммуникативной). Язык, представленный в худож. текстах, является образцом лит. языка (общенародный язык шлифуется и обрабатывается в «лабораториях» писателей), поэтому он широко используется в качестве иллюстративного материала в грамматиках и словарях. Очень удачно по затронутому вопросу выразился Ю.А. Бельчиков: «Язык художественной литературы, будучи явлением искусства, не утрачивает своей лингвистической субстанции», он «обязательно ориентирован на нормы литературного языка». Нельзя забывать, что «эстетическая функция — это функция языковая» (*Д.Н. Шмелев*). Таким образом, функциональная стилистика не отождествляет понятия «литературный язык» и «язык художественной литературы», различает их, соотносит, но не разрывает как две совершенно разные сущности.

Очевидно, при рассмотрении вопроса о стилевом статусе худож. речи следует иметь в виду то, что худож. тексты как сложный объект исследования могут изучаться в разных аспектах: в собственно лингвистическом (как образцы лит. языка), как ресурсы стилистических средств языка; в функц.-стилистическом — как Х. с. р.; в лингво-литературоведческом — как воплощение в тексте идейно-образного содержания, замысла художника слова, когда термин «язык художественной литературы» понимается как элемент формы (или материала) словесного произведения искусства. Необходимо четко различать эти аспекты, не смешивать и не подменять понятия одного из аспектов другим, что, к сожалению, наблюдается в литературе вопроса. Каждый из этих аспектов (и точек зрения) сам по себе имеет право на существование. Трудности же и недоговоренность в решении затронутого вопроса связаны как раз с неразли-

чением и смешением этих аспектов. Так, вкрапления в худож. текст отдельных языковых единиц из других функц. стилей можно назвать многостильностью только с позиций стилистики ресурсов; с точки же зрения функц. стилистики в этом случае нет многостильности, поскольку функц. стиль создается не совокупностью (не суммой) стилистически маркированных единиц, а специфической в каждом из них речевой организацией (системностью). Далее. Справедливо мнение, что «“материалом” всех текстов является язык, но... только в художественной сфере языковые средства **сами по себе** служат созданию произведений искусства» (*Шмелев Д.Н.*, 1989; выделено нами. — *М.К.*). Тем самым можно говорить о «языке» в худож. произведении как факте искусства, но, во-первых, четко осознавать особое положение этого исследовательского аспекта, не позволяющего с его позиций решать вопросы функц. стилистики (т.е. стиль или не стиль худож. речь?); во-вторых, все же совсем не отрываться от лингвистики, памятуя, что исходить анализ худож. литературы «**может**, конечно, только **из чисто словесного**, лингвистического состава произведения, однако не должен и не может замыкаться в его пределах...» (*Бахтин М.М.*, 1995, с. 21; выделено нами. — *М.К.*). Показательно, что Д.Н. Шмелев, в одной из своих последних работ «смягчивший» категоричность прежних взглядов по затронутому вопросу, отмечает, что «эстетическая функция **объединяет** все виды словесных художественных произведений» (*Шмелев Д.Н.*, 1989, с. 22). Именно она и определяет принципы и закономерности речевой организации худож. произведений, создавая их специфику, отличную от других функц. стилей. Это самая общая (инвариантная) черта худож. речи, не препятствующая, однако, проявлению индивидуально-авторского и жанрового многообразия худож. литературы.

Как выход из создавшейся ситуации в отношении рассматриваемого вопроса С. Сятковский предлагает: «...введение в научный обиход понятия художественного стиля, понимаемого как генотип (инвариант) по отношению к фенотипической (вариативной) природе языка художественных произведений» (*Сятковский С.*, 1995, с. 222). Однако функц. стилистика как раз и определяет функц. стиль как инвариант, реализуемый множеством различных вариантов, но, видимо, это положение не стало аксиоматичным у стилистов. Далее автор продолжает, что высказанное им предложение «...имело бы для стилистики художественной литературы приблизительно то же значение, как в свое время различение в фонетике фонемного и звукового уровней» (Там же).

И все же вопрос о статусе худож. речи среди функц. стилей требует оговорки: в силу функц. осложненности худож. речи, последняя, бесспорно «обладая» статусом функц. стиля, занимает особое положение среди других функц. стилей (как и — по другим причинам — разг. речь). Есть основания принять такую известную в стилистике классификацию функц. стилей: худож. речь — нехудож. (специальная), представленная стилями: научным, оф.-деловым, газетно-публиц., — обиходно-разговорная. Кстати, такая схема представлена в чехословацкой стилистике.

Итог рассматриваемому вопросу убедительно подведен К.А. Долининым: «Долго спорили о том, существует ли в современных европейских языках функциональный стиль художественной литературы... Ясно, что если толковать функциональные стили как нормы речевого построения текстов различных жанров, то нет никаких препятствий для того, чтобы рассматривать в ряду других функциональных стилей и стиль художественной литературы в целом, несмотря на его стилистическую неоднородность... И если мы решаем, что функциональный стиль выделяется на основе сферы деятельности, которую он обслуживает, и основной функции... (а все функциональные стили выделяются именно так), то сложность и неоднородность его состава не должны нас останавливать...» (*Долинин К.А.*, 1978, с. 66—67; разрядка наша. — *М.К.*).

В худож. речи употребляются все известные стилистические ресурсы русского языка. Ей свойственны широкая и глубокая метафоричность, богатая синонимика, многозначность, разнообразие стилевых пластов лексики и др. При этом в каждом конкретном случае из всего арсенала языково-стилистических средств уместным, единственно необходимым в данном контексте оказывается лишь одно, избранное средство (имеются в виду высокоэстетические худож. произведения). В понятие высоких качеств худож. речи и непременных ее свойств входят неповторимость и свежесть выражения при создании образов, яркая их индивидуальность. Кроме того, худож. стиль отличается не только образностью, но и явной эмоциональностью, в целом — эстетически направленной экспрессивностью.

Говоря о лингвостилистических чертах худ. речи, прежде всего следует отметить особую жизнь слова в худож. произведении. Его (слова) специфической особенностью является актуализация внутренней формы (*Г.О. Винокур*), когда средства языка, в частности лексические, и их значения оказываются той основой, отталкиваясь от которой художник создает поэтическое слово-метафору, целиком «повернутую» к теме и идее конкретного худож. произведения. При этом метафорическое значение слова нередко может быть понято и определено лишь по прочтении всего произведения, т.е. вытекает из худож. целого. Так, по наблюдению Г.О. Винокура, смысловое значение слова *хлеб*, поставленного в заглавие романа А. Толстого, означает не то же, что общеизвестное значение этого существительного. Но, опираясь на него и отталкиваясь от него, это слово получает в контексте худож. целого способность выражать одно из явлений революции и гражданской войны, представленное в романе (*Винокур Г.О.*, 1959, с. 391).

Формирование значения худож. слова в широком контексте целого произведения отмечал Б.А. Ларин. Он же выявил системную взаимосвязь слова с другими словами худож. целого при выражении сквозной поэтической мысли-идеи, т.е. лейтмотива произведения. Такое свойство поэтического слова Б.А. Ларин называет «комбинаторными приращениями смысла».

Понятия внутренней формы худож. слова и комбинаторных приращений смысла тесно связаны с понятием «общей образности» (*А.М. Пешковский*), которая заключается в том, что все языковые единицы того или иного худож. произведения направлены на выражение худож. образа, являясь в то же время строго эстетически и стилистически мотивированными и оправданными, в связи с чем устранение из текста какого-либо одного слова уже ведет к «облысению» образа (выражение А.М. Пешковского). То же касается и видоизменения форм слова, что ярко показано Г.О. Винокуром на примере невозможности изменения слова *рыбка* на *рыба* в заглавии и тексте пушкинской «Сказки о рыбаке и рыбке».

По В.В. Виноградову, худож. слово принципиально двупланово. Совпадая по своей форме со словом национального языка и опираясь на его значение, худож. слово обращено не только к общенародному языку, но и к тому миру худож. действительности, который создается или воссоздается в произведении. Смысловая структура слова «расширяется и обогащается теми художественно-изобразительными «приращениями», которые развиваются в системе целого эстетического объекта» (*Виноградов В.В.*, 1963, с. 125).

Более общим, точнее, инвариантным — с указанием причин явления, — оказывается понятие *художественно-образной речевой конкретизации* (см.) (*Кожина М.Н.*, 1966), т.е. системной взаимосвязи языковых единиц как составных элементов целого, обусловленной идейно-образным содержанием и реализующей эстетическую функцию в результате «перевода» слова-понятия в слово-образ, направленного на активизацию воображения читателя. Причем это реализуется именно в условиях специальной речевой организации: не только за счет связей близко расположенных языковых единиц, как правило, отличающихся индивидуальностью и неповторимостью их сочетаний, но и дистантно расположенных, т.е. как узкоконтекстных, так и ширококонтекстных. Важно, что в создании и выражении специфики худож. стиля, в реализации эстетической функции языка, в способах худож.-образной речевой конкретизации большую роль играют не только стилистически окрашенные, но и нейтральные языковые средства, которые приобретают новые качества, становятся элементами искусства. Истинный мастер способен придать любой лингвистической единице в контексте худож. произведения эстетическое «звучание» и значимость.

Проиллюстрируем сказанное фрагментом из «Капитанской дочки» А.С. Пушкина: *Урядник привел меня в избу, стоявшую на высоком берегу реки, на самом краю крепости... Савельич стал в ней распоряжаться; я стал глядеть в узенькое окошко. Передо мною простиралась печальная степь. Наискось стояло несколько избушек; по улице бродило несколько куриц. Старуха, стоя на крыльце с корытом, кликала свиней, которые отвечали ей дружелюбным хрюканьем. И вот в какой стороне осужден я был проводить свою молодость!* Этот небольшой отрывок из нескольких предложений представляет весьма яркую образную картину и той обстановки от-

даленной маленькой крепости, в которой очутился молодой Гринев, и его настроение и переживания в связи с назначением в эту глухую сторону. Несмотря на то что здесь почти отсутствуют тропы, создается отчетливый зрительно-психологический образ. Этому способствует лаконизм выражения, отбор точных и емких, к тому же единичных и тем самым более выразительных определений (***узенькое*** *окошко,* ***печальная*** *степь,* ***несколько*** *избушек,* ***несколько*** *куриц,* ***дружелюбное*** *хрюканье*). Последняя фраза с ее порядком слов, их отбором (*осужден* и *вот в какой стороне...*), восклицательной интонацией представляет собой как бы крик души юного офицера, охваченного тоской.

Таким образом, худож. произведение способно преобразовывать семантику любого, в том числе и нейтрального, слова, наделяя ее текстовыми приращениями смысла, прежде всего эмоционально-экспрессивными и эстетическими, что достигается, в частности, повторением лексической единицы в разных контекстах. С этим связано проявление такой важной черты текстовой семантики худож. произведения, как динамичность смысла (*Виноградов В.В.*, 1963, с. 162). Многократное предицирование повторяющейся номинации приводит к присоединению каждого нового признака к предыдущим и формированию более сложного по сравнению с языковым текстового смысла. Данное явление носит типичный характер и обладает большой значимостью, так что некоторые исследователи предлагают даже выделять особый тип лексического значения — «художественное значение» (*Барлас Л.Г.*, 1982). Слово с худож. значением — это элемент текста, значимый для более глубоких смысловых слоев худож. текста — образного и идейного (*Купина Н.А.*, 1983). Специфической чертой функционирования языковых средств в худож. стиле является также преобладание смысла слова над его значением, что приводит к созданию имплицитного идейно-эстетического содержания произведения (подтекста), требующего специальной интерпретации.

Типичное явление худож. речи — м е т а ф о р и з а ц и я (в широком смысле). См. у А.С. Пушкина изображение гибели Ленского через символические ассоциации, метафорические отождествления: *Мгновенным* ***холодом облит****, / Онегин к юноше спешит, / Глядит, зовет... / Его уж нет. Младой певец / Нашел безвременный конец! /* ***Дохнула буря, цвет*** *прекрасный /* ***Увял*** *на утренней заре, /* ***Потух огонь на алтаре!.*** Ср. также в прозаическом произведении выражение внутренней жизни героя, его психического состояния через изображение движения, жеста посредством образного сравнения (о Каренине в «Анне Карениной»): *Он не спал всю ночь, его гнев увеличивался. Он оделся и,* ***как бы неся полную чашу гнева и боясь расплескать ее****... вошел к ней.* Н.А. Кожевникова разграничивает следующие типы метафор: общеязыковые, напр.: *Потом* ***вспыхнула*** *и поглядела на часы* (Чехов); метафоры-сравнения, напр.: *Волнистый* ***дым рубашки пеленал*** *ее* ***тело*** (Белый); метафоры-загадки, напр.: ***Сквозной лебедь в окне там поплыл над хрустальным ледком*** — о метели (Белый); антропоморфные метафоры: *...И вдруг вся широкая* ***степь сбросила с себя утреннюю полутень, улыбнулась и засверкала росой*** (Чехов) и др. *(Кожевникова Н.А.*, 1994, с. 176—188).

Весьма специфичны для худож. текстов и такие случаи, когда какое-либо слово становится лейтмотивом произведения, выражая определенную идейно-образную «линию» повествования. Таковы, например, в «Русском лесе» Л. Леонова сквозные образы *реки*, *воды* как символов жизни или *ле́са*, *лесного сообщества*, ассоциативно передающие сложные взаимоотношения изображаемых в романе персонажей.

Характерно для худож. речи и то, что слово — причем обычное, нейтральное слово, — вовлекаясь в эстетическую организацию речи, не просто наполняется новым содержанием, но как средство материализации образного смысла становится элементом идейно-художественного целого, оказывается способным передавать глубокое содержание. Так, по наблюдениям Д.Б. Благого в «Медном всаднике» А.С. Пушкина контраст «общего» и «частного», конфликт между ними, передающий основной идейный смысл поэмы, подчеркивается композиционным противопоставлением разных форм личных местоимений. О Петре: *Отсель грозить* ***мы*** *будем шведу; Природой здесь* ***нам*** *суждено / В Европу прорубить окно; Все флаги в гости будут к* ***нам***. О Евгении: *О чем же думал* ***он****? О том, / Что был* ***он*** *беден, что трудом / Он должен был себе доставить / И независимость, и честь, / ...И что с Парашей будет* ***он*** */ Дни на два, на три разлучен*.

Итак, все, что выражено в произведении, выражено через посредство слова (языка) — именно в этом смысле «язык есть первоэлемент литературы» (М. Горький). Но не все, выраженное в нем, выражено непосредственно словом. Например, по наблюдениям А.Н. Васильевой, в «Воскресении» Л. Толстого параллельно описывается тюремное утро Катюши Масловой и сибаритское утро Нехлюдова, и этот контрастирующий параллелизм рождает в читателе много мыслей и чувств, прямо не выраженных в слове. В «Тоске» А.П. Чехова прямо не сказано, что чувство тоскливого одиночества особенно угнетающе действует на Иону в окружении суетящейся многочисленной толпы занятых только собой людей, но писатель изображает тоскующего одинокого человека на фоне этой толпы, и прямо не выраженная мысль художника становится понятной читателю (*Васильева А.Н.*, 1983, с.136). Значит, выбор ситуации, события, персонажей, пейзажа, интерьера, фактических деталей, поступков, жестов, мимики героя, их композиционное расположение и т.д. — все эти «затекстовые» компоненты худож. стиля оказывают влияние на функционирование языковых средств в произведении и сами испытывают их влияние. В структуре произведения все они составляют единое целое, единственное в своем качестве, неразрывное, и только в целом проявляют свои высшие идейно-эстетические функции.

Худож. текст характеризуется выверенным соотношением пропорций. В нем, как и в других видах искусства, эстетической ценностью обладают различные проявления симметрии, выражающиеся в приемах организации ритма, фоники и интонации, *композиции* (см.), архитектоники и др., — в целом, форма произведения. Более того, «изменение, ломка формы художественного текста приводит к разрушению содержа-

ния его, искажению идеи» (*Одинцов В.В.*, 1980, с. 161). По мнению В.В. Виноградова, «...В композиции художественного произведения динамически развертывающееся содержание раскрывается в смене и чередовании разных форм и типов речи, разных стилей, синтезируемых в «образе автора» и его создающих как сложную, но целостную систему экспрессивно-речевых средств. Именно в своеобразии этой речевой структуры образа автора глубже и ярче выражается стилистическое единство композиционного целого» (*Виноградов В.В.*, 1959, с. 154).

В основе композиции худож. произведения лежит тот или иной худож. прием — семантико-стилистический стержень, вокруг которого организовано содержание. Причем иерархическая упорядоченность в худож. структуре носит принципиально иной характер по сравнению со структурой делового, научного и прочих текстов. Если в нехудож. текстах композиция определяется характером логических отношений элементов, то в худож. тексте она индивидуальна и неповторима. Ср.: «Сколько ни изучай компоненты художественного произведения, — невозможно понять их смысл, всех в совокупности и каждого порознь, если не поймешь общего, единого и все в произведении пронизывающего идейного устремления и художественного принципа, являющегося основой эстетического бытия произведения» (*Гуковский Г.*А., 1966, с. 109).

Детальный анализ типов композиции представлен в работе В.В. Одинцова (1980). Разделяя точку зрения Л.С. Выготского относительно того, что «...в художественном произведении всегда заложено некоторое противоречие, некоторое внутреннее несоответствие между материалом и формой...» *(Выготский Л.С.*, 1968, с. 208), В.В. Одинцов, в частности, исследует композиционный прием контраста, как типичный способ преодоления отмеченного «противоречия». В качестве иллюстрации автор анализирует рассказ Л. Толстого «После бала», в котором противопоставлены две части: I. Бал (любовь Ивана Васильевича к Вареньке, ее отец-полковник в танце с дочерью) и II. После бала (на глазах рассказчика — Ивана Васильевича — страшная сцена экзекуции над солдатом, которой руководит полковник, отец Вареньки; сцена, перевернувшая жизнь Ивана Васильевича) (*Одинцов В.В.*, указ. соч., с. 168—171. См. также: *Кожина М.Н.*, 1993, с. 212—213). В этих двух сценах все повествование построено на контрасте, что и выражается в отборе и употреблении слов определенной семантики. Так, в описании бала большую роль играют эмоциональные определения, эпитеты (*Бал был* ***чудесный****; зала* ***прекрасная****; буфет* ***великолепный****;* ***восторженное****,* ***нежное*** *чувство;* ***ласковые****,* ***милые*** *глаза* и др.), попарное объединение слов (*выразить весь свой* ***восторг и благодарность****, в знак* ***сожаления и утешения****, все* ***смотрели*** *на нее* ***и любовались*** *ею*) и др. В этой сцене состояние души Ивана Васильевича переполнено любовью, восхищением и нежностью, ведь это была ***самая сильная*** *любовь его; он был* ***сильно влюблен****; счастлив, блажен... добр*. Вся эта сцена рисуется в светлых, радостных тонах, окрашенных словами-образами *любви, улыбки, умиления*.

Совершенно иные средства использованы в сцене экзекуции, которая изображается в мрачных, темных тонах и неприятных звуках. Сами

по себе нейтральные слова, а также лексемы эмоциональной семантики, их нагнетение в тексте (в противоположность «светлым» словам первой части рассказа) оказываются весьма эстетически значимыми. Единичные определения здесь предметны (***скользкая*** *дорога,* ***белые*** *зубы,* ***черные*** *мундиры,* ***черные*** *люди*) и использованы для достижения контраста. Причем контраст создают как антонимичные прилагательные (*белый — черный*), так и те, на первый взгляд нейтральные, предметные, которые уже использовались при описании бала и вновь повторяются, но уже в иных условиях, в ином окружении — при описании экзекуции, см.: *Это был ее отец, с своим* ***румяным*** *лицом и* ***белыми*** *усами и бакенбардами*. Во второй части меняется и грамматический характер определений (это преимущественно страдательные причастия: ***оголенный по пояс*** *человек,* ***привязанный к ружьям****, под* ***сыпавшимися*** *ударами,* ***подрагивающей*** *походкой,* ***сморщенное от страданий*** *лицо* и др.), а также изложения в целом: если в описании бала доминируют прилагательные, то в описании экзекуции — глаголы. Композиция рассказа, построенная на контрасте, а вместе с тем и особая организация речи, наполненная лексикой также контрастного значения, усиливает, подчеркивает не только зримые образы, но и чувства, переживания и тем самым передает идею произведения. Кроме того, языковые черты второй части рассказа свидетельствуют об изменении точки зрения повествователя: сквозь объективно-повествовательный тон рассказчика прорывается голос непосредственного наблюдателя экзекуции. Хотя повествование по-прежнему ведется от лица Ивана Васильевича, говорит уже не тот человек, для которого изображаемое стало далеким прошлым; говорит человек, который все это видит впервые и еще не знает точно, что происходит. Так углубляется намеченное в начале противопоставление. Содержательный контраст усиливается контрастом стилистическим. Усиление, углубление контраста осуществляется благодаря тому, что конструируется новая субъектная сфера — герой, непосредственный наблюдатель происходящего; изображаемое пропускается через призму его сознания. Соотношение «автор — рассказчик» (сцена бала) осложняется при описании сцены «после бала»: «автор» — «рассказчик» — «герой» (непосредственный наблюдатель). Стилистический эффект подобного усложнения композиции отмечал В.В. Виноградов: «Изображение событий с точки зрения непосредственного наблюдателя усиливает и подчеркивает реалистический «тон» и стиль воспроизводимых сцен, создавая иллюзию прямого отражения действительности. Несмотря на субъективную призму персонажа, и именно благодаря ей, возрастает «объективная» точность, достоверность изображения» (*Виноградов В.В.*, 1939, с. 172).

Одним из типичных способов развертывания худож. текста являются повторы — звуковой, лексический, словообразовательный, синтаксический и др. Как подчеркивает Н.А. Кожевникова (1994), важнейшая роль в организации текста принадлежит словесному повтору, чрезвычайно разнообразному по языковой реализации (от слова до сложного синтаксического целого) и выполняемым функциям. Во-первых, повто-

ряющееся слово эксплицирует тему определенного фрагмента текста или целого произведения. Например, в рассказе Л. Андреева «В тумане» слово *туман* проходит и через речь автора, и через речь персонажей. Во-вторых, повторы последовательно используются при характеристике персонажей: внутренняя определенность и замкнутость образа создается повтором детали, повтором устойчивого признака, который используется и как характеристика персонажа вообще, и как характеристика отдельных его черт. Более того, повторяющийся эпитет нередко распространяется на предметы, окружающие персонажа. Так, в повести Н. Лескова «Смех и горе» таким способом характеризуется *голубой купидон* — жандармский капитан Постельников, появление которого подготовлено изображением интерьера: ***светло-голубые, небесного*** *цвета стены, вся эта мебель обита* ***светлым голубым*** *ситцем,* ***голубые*** *ситцевые занавески, с подзорами на окнах, и дорогой* ***голубой*** *шелковый полог над широкою двуспальною постелью.* На этом фоне рассказчик видит какое-то голубое существо — *таки все-все сплошь* ***голубое***: ***голубой*** *воротник,* ***голубой*** *сюртук,* ***голубые*** *рейтузы...* В-третьих, повтор слова или фразы передает мысль, оценку и навязчивую идею персонажа (см., фразу Беликова *Как бы чего не вышло* из «Человека в футляре» Чехова).

Повторяющиеся детали связывают разные эпизоды текста, устанавливая между ними точки соприкосновения. Так, в «Отце Сергии» Л. Толстого в сцене объяснения Касатского с невестой акцентирована деталь — пение соловья: *Соловей защелкал вблизи.* Эта же деталь повторяется затем в сцене, предшествующей падению отца Сергия: *Соловьи, одни совсем близко, и другие два или три внизу в кустах у реки, щелкали и заливались.* Таким образом, посредством повтора замыкается некоторое сюжетное кольцо произведения.

В качестве разновидности повтора, характерной для литературы XX в., Н.А. Кожевникова называет монтаж развернутых фрагментов текста из отрезков, использованных ранее, когда новый контекст возникает как комбинация элементов одного исходного контекста (подробнее см.: указ. соч., с. 196—198).

Нередко в худож. произведении возникают образные поля, основанные на сквозном повторе, который проходит через весь текст, устанавливая ряды регулярных образных соответствий. Так, для произведений Л. Толстого характерно противопоставление образных полей «свет — тьма», «огонь — холод» («Анна Каренина», «Смерть Ивана Ильича» и др.). В романе И. Гончарова «Обломов» развертываются образные параллели «жизнь — река», «жизнь — цветение» и др. «Особенность образных полей, — считает Н.А. Кожевникова, — заключается в том, что повторяющиеся образные характеристики связаны не только с ведущими темами текста, но и присутствуют на периферии, распространяясь на предметы, внешне далекие от развития центральных линий» (там же, с. 213). Наконец, повтор играет существенную роль в композиционном развертывании произведения, обеспечивая кольцевую композицию.

В целом, композиционно-стилистическая организация худож. произведения является важным средством реализации его идейно-эстетического содержания. При этом важно, что каждое худож. произведение представляет собой единство композиционно-стилистической структуры, т.е. целостную стилистическую систему, объединенную *образом автора* (см.). Автор так строит свой текст, так расставляет акценты, так группирует и соотносит различные моменты изображения, что добивается нужного впечатления, нужного воздействия на читателя. Авторский угол зрения пронизывает и скрепляет все произведение и объясняет место, роль и функцию каждого его худож. элемента.

Х. с. р. предполагает существование индивидуальных стилей, без которых худож. литература вообще немыслима. Худож. речь и формируется как собственно функц. стиль лит. языка именно тогда, когда формирование самого этого языка как единого национального дает основу для широкого стилистического проявления творческой индивидуальности писателя (см. *Идиостиль*).

Однако при всех неповторимо-индивидуальных лингвостилистических особенностях отдельных произведений худож. речь в целом имеет общие принципы отбора и закономерности функционирования языковых единиц, обусловленные реализацией эстетической функции. Это ярко выражается, например, в значениях и функционировании времен и видов глаголов (см. *М.Н. Кожина*, 1966, 1972). Для худож. речи характерно использование форм прош. времени в связи с повествовательной манерой изложения. Наст. время нередко используется в значении настоящего исторического (настоящего живого представления). Разнообразны и значения буд. времени. Широко представлено переносное употребление времен и многообразие их значений, при этом преобладают наиболее конкретные значения. В связи с этим настоящее вневременное, свойственное научной речи как наиболее отвлеченное, в худож. стиле встречается редко. В Х. с. р. преобладает использование сов. вида глагола как более конкретного сравнительно с несов. видом. Формы несов. вида отличаются многообразными видовыми оттенками, конкретизирующими выражение характера действия, чего не наблюдается, например, в науч. речи.

Весьма характерно также и то, что изложение обычно охватывает не какой-либо один видовременной план, а разные. Этим создается большая выразительность, динамизм повествования. Например: ***Вижу*** *я, как на мелком месте текущая вода* ***встречает*** *преграду, вода* ***устремляется*** *в узкую приглубь, и от этой бесшумной устремленности вот и* ***кажется****, будто вода мускулы* ***сжала****, а солнце это* ***подхватывает****... А вот большой завал, и вода как бы* ***ропщет****. Но это не слабость, не жалоба, не отчаяние, вода этих чувств вовсе* ***не знает****, каждый ручей* ***уверен*** *в том, что* ***добежит*** *до свободной воды... Дерево давно и плотно* ***легло*** *на ручей... но ручей* ***нашел*** *себе выход под деревом и быстриком, с трепетными тенями* ***бьет*** *и* ***журчит*** (Пришвин). Глаголы различных семантических групп выступают здесь именно в образно-конкретизирующей функции благодаря отбору слов и особому контекстному окружению. В целом худож. стиль характе-

ризуется высокой частотностью глаголов и особой ролью этой части речи в достижении образной конкретизации. Благодаря глагольному речеведéнию (термин М.Н.Кожиной), писатель активизирует читательское воображение, создавая поэтапное представление о худож. образе.

В Х. с. р. преобладают конкретные существительные. Абстрактные слова приобретают конкретно-образное значение благодаря метафоризации, напр.: *Тогда* ***обрадованная мысль летает*** *от одного солнечного пятна к другому* (Пришвин); ***Расплескал злобу*** *в драке с Петром* (Шолохов); ***Смерть*** *как будто* ***заигрывала*** *с казаком* (Шолохов). Формам числа существ. также свойственны наиболее конкретные значения: в ед. числе — указание на отдельные считаемые предметы, во мн. числе — на совокупность, множество отдельных предметов.

Краткие прилагательные, в отличие от науч. стиля, в худож. речи обозначают обычно состояния и признаки героя (предмета, явления) в определенный момент времени, напр.*: На этот раз он был* ***молчалив, рассеян, мягок*** (Тургенев); *Иван Петрович, видя, что гость скучает и* ***задумчив****... прочел смешное письмо* (Чехов).

Х. с. р. отличается яркой эмоциональностью и особой экспрессивностью, что проявляется в широком употреблении наиболее выразительных и эмоционально окрашенных языковых единиц всех уровней. Здесь используются не только средства словесной образности и переносные значения грамматических форм, но и средства со стилистической окраской торжественности либо разговорности, фамильярности и т.п. Последние широко привлекаются писателями для речевой характеристики персонажей.

Особенно богатые возможности экспрессии заключаются в привлечении различных средств синтаксиса: в использовании всех возможных типов предложений (в том числе односоставных, отличающихся разнообразными стилистическими окрасками), *инверсии* (см.), чужой (а также *несобственно-прямой*) *речи* (см.). *Анафоры* (см.), *эпифоры* (см.), использование *периодов* (см.) и других средств поэтического синтаксиса — все это составляет активный стилистический фонд Х. с. р.

Худож. речь, во многом принципиально отличаясь от науч. и офиц.-дел., по ряду признаков сближается с публиц. (эмоциональность, использование многообразных языковых единиц, возможность столкновения разностильных средств в определенных стилистических целях). Кроме того, худож. речь, обычно осуществляемая в письменной форме, близка по некоторым своим чертам устной разг.-быт. речи и широко использует ее средства. Однако отражение в Х. с. р. черт разг. речи отнюдь не фотографическое: попадая в худож. произведение, устная живая речь подвергается тщательному отбору и обработке, а главное, подчиняется эстетической функции.

Лингвостилистический анализ худож. произведения должен быть направлен на выявление его идейно-эстетического содержания и роли использованных писателем языковых средств всех уровней в создании этого содержания. «Обозначаемое и выражаемое средствами языка содержание литературного произведения само по себе не является предметом лингвистического изучения. Лингвиста больше интересуют способы вы-

ражения этого содержания или отношение средств выражения к выражаемому содержанию. Но в плане такого изучения и содержание не может остаться за пределами изучения языка художественной литературы. Ведь действительность, раскрывающаяся в художественном произведении, воплощена в его речевой оболочке; предметы, лица, действия, называемые и воспроизводимые здесь, поставлены в разнообразные функциональные отношения. Все это сказывается и отражается в способах связи, употребления и динамического взаимодействия слов, выражений и конструкций во внутреннем композиционно-смысловом единстве словесно-художественного произведения» (*Виноградов В.В.*, 1959, с. 91).

Изучение Х. с. р. как функц. стиля воспитывает углубленный функциональный подход к фактам и явлениям родного языка, раскрывает глубинную сущность произведения словесного искусства. (См. также *Язык художественной литературы*; *Поэтическое речевое мышление*; *Лингвистический анализ художественного текста*; *Коммуникативная стилистика художественного текста; Худож.-образная речевая конкретизация)*.

Лит.: Щ е р б а Л.В. Опыты лингвистического толкования стихотворений. 1. «Воспоминание» Пушкина // Русская речь. — Пг., 1923; П е ш к о в с к и й А.М. Стихи и проза с лингвистической точки зрения // Методика родного языка, лингвистика, стилистика. — М.; Л., 1925; В и н о г р а д о в В.В. Стиль «Пиковой дамы» // А.С. Пушкин. Временник пушкинской комиссии. — М.; Л., 1936; Е г о ж е: О языке Л.Н. Толстого // Литературное наследство. Т. 35—36. — М., 1939; Е г о ж е: Итоги обсуждения вопросов стилистики. — ВЯ. — 1955. — № 1; Е г о ж е: О языке худож. литературы. — М., 1959; Е г о ж е: Избранные труды о языке худож. прозы. — М., 1980; Е г о ж е: Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. — М., 1963; Е ф и м о в А.И. Стилистика худож. речи. — М., 1957; Ч а п д у р о в С.Ш. О выразительности слова в худож. прозе. — Улан-Удэ, 1959; Б у д а г о в Р.А. В защиту понятия «стиль худож. литературы», «Вестник Моск. ун-та», 1962; К о ж и н а М.Н. О понятии стиля и месте языка худож. лит. среди функц. стилей. — Пермь, 1962; Е е ж е: О специфике худож. и науч. речи в аспекте функц. стилистики. — Пермь, 1966; Е е ж е: Стилистика рус. языка. 1 изд. — М., 1977; 3-е изд. — М., 1993; Б а х т и н М.М. Проблемы поэтики Ф.М. Достоевского. — М., 1963; Е г о ж е: Эстетика словесного творчества. — М., 1979; В о л о ш и н о в В.Н. (М.М. Б а х т и н), Слово в жизни и слово в поэзии, «Риторика», 1995. — № 2; Ф е д о р о в А.В. Язык и стиль худож. произведения. — М., 1963; Е г о ж е: Образная речь. — Новосибирск, 1985; Ч и ч е р и н А.В. Идеи и стиль. — М., 1965; Ш м е л е в Д.Н. Слово и образ. — М., 1964; Е г о ж е: Русский язык в его функциональных разновидностях. — М., 1977; Е г о ж е: Функц.-стилистическая дифференциация языковых средств // Грамматические исследования: Функц.-стилистический аспект. — М., 1989; Г у к о в с к и й Г.А. Изучение лит. произведения в школе. — М.; Л., 1966; В ы г о т с к и й Л.С. Психология искусства. — М., 1968; Б о р и с о в а М.Б. Слово в драматургии М. Горького. — Саратов, 1970; П а н ф и л о в А.К. Лекции по стилистике русского языка. — М., 1972; Л а р и н Б.А. Эстетика слова и язык писателя. — Л., 1974; Е г о ж е: О разновидностях худож. речи // Русская словесность. — М., 1997; П о с п е л о в Г.Н. Художественная речь. — М., 1974; С т е п а н о в Г.В. Цельность художественного образа и лингвистическое единство текста // Лингвистика текста. Т. 2. — М., 1974; Е г о ж е: О границах литературоведческого и лингвистического анализа художественного текста, «Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз», 1980. Т. 39. — № 3; М а к с и м о в Л.Ю. Литературный язык и язык худо-

жественной литературы // Анализ художественного текста. Вып. 2. — М., 1975; Хованская З.И. Принципы анализа художественной речи и литературного произведения. — Саратов, 1975; Шанский Н.М. О лингвистическом анализе и комментировании художественного текста // Анализ художественного текста. Вып. 1. — М., 1975; Иванчикова Е.А. Видо-временной контекст в художественном повествовании // Синтаксис и стилистика. — М., 1976; Ее же: Синтаксис художественной прозы Достоевского. — М., 1979; Ковалевская Е.Г. Анализ художественного произведения. — Л., 1976; Кожевникова Кв. Формирование содержания и синтаксис художественного текста // Синтаксис и стилистика. — М., 1976; Головин Б.Н. Язык худож. лит. в системе языковых стилей современного рус. лит. языка // Вопросы стилистики. Вып. 14. — Саратов, 1978; Долинин К.А. Стилистика французского языка. — Л., 1978; Чернухина И.Я. Очерк стилистики худож. прозаического текста. — Воронеж, 1978; Ее же: Элементы организации художественного прозаического текста. — Воронеж, 1984; Григорьев В.П. Поэтика слова. — М., 1979; Кухаренко В.А. Интерпретация текста. — Л., 1979; Язык Л.Н. Толстого / Ред. Кожин А.Н. — М., 1979; Одинцов В.В. Стилистика текста. — М., 1980; Брагина А.А. Лексика языка и культура страны. — М., 1981 (гл. VII); Ее же: Синонимы в литературном языке. — М., 1986; Ревзина О.Г. К построению лингвистической теории языка художественной литературы // Теоретические и прикладные аспекты вычислительной лингвистики. — М., 1981; Ее же: Марина Цветаева // Очерки истории языка русской поэзии XX в.: Опыты описания идиостилей. — М., 1995; Ее же: Альтернативные подходы к художественному тексту: синтезирующий взгляд // Текст: Проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного. Тез. межд. науч.-метод. конференции. — М., 1996; Барлас Л.Г. Специфика художественно-речевой семантики и особенности ее анализа // Основные понятия и категории стилистики. — Пермь, 1982; Его же: Текстовой аспект функционально-стилевой характеристики языка худож. литературы // Функциональная стилистика: теория стилей и их реализация. — Пермь, 1986; Кожин А.Н., Крылова О.А., Одинцов В.В. Функциональные типы русской речи. — М., 1982; Васильева А.Н. Художественная речь. — М., 1983; Купина Н.А. Смысл худож. текста и аспекты лингвосмыслового анализа. — Красноярск, 1983; Черемисина Н.В. Вопросы эстетики русской худож. речи. — Киев, 1984; Ковтунова И.И. Поэтическая речь как форма коммуникации. — ВЯ. — 1986. — № 1; Якобсон Р.О. Работы по поэтике. — М., 1987; Азнаурова Э.С. Прагматика худож. слова. — Ташкент, 1988; Новиков Л.А. Худож. текст и его анализ. — М., 1988; Его же: Искусство слова. — М., 1992; Домашнев А.И., Шишкина И.П., Гончарова Е.А. Интерпретация худож. текста. — М., 1989; Матвеева Т.В. Функц. стили в аспекте текстовых категорий. — Свердловск, 1990; Винокур Г.О. О языке худож. литературы. — М., 1991; Болотнова Н.С. Худож. текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. — Томск, 1992; Кожевникова Н.А. Типы повествования в русской литературе. — М., 1994; Ее же: Типологическая характеристика худож. текста на фоне традиций рус. литературы XIX—XX вв. // Человек — текст — культура. — Екатеринбург, 1994; Сятковский С. Язык худож. лит. и худож. стиль // Межд. юб. сессия к 100-летию акад. В.В. Виноградова, тез. докл. — М., 1995; Бельчиков Ю.А. Стиль // Рус. яз. Энц. — М., 1997; Лотман Ю.М. Структура худож. текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. — СПб., 1998; Сидорова М.Ю. Грамматика худож. текста. — М., 2000; Худож. речь рус. зарубежья: 20—30-е годы XX века. Анализ текста // ред. К.А. Рогова. — СПб., 2002.

М.Н. Кожина, Е.А. Баженова

ЦЕЛОСТНОСТЬ ТЕКСТА — 1) в психолингвистике понимается как свойство текста, соотносимое с целесообразным содержательно-функциональным единством, не определяемое лингвистически (А.А. Леонтьев); это механизм, приводящий в действие речевые сигналы единства текста (напр., ключевые слова и их повторы) (Л.В. Сахарный); 2) в герменевтике — это Ц. восприятия текста, осознание отношений «части-целого» («герменевтический круг» — по Т.П. Щедровицкому), замкнутого смыслового пространства текста, хотя и с учетом его развертывания; целостное восприятие предполагает объемность понимания текста — в предметно-логическом, когнитивном и коммуникативном отношениях; 3) в семиотике Ц. т. осознается посредством синтеза смысла на разных уровнях понимания текста (перевод на другой язык, комментарий, интерпретация, методологический уровень понимания — с акцентом на методологии анализа текста и понимания его смысла); 4) в функц. стилистике Ц. т. трактуется как интегрирующая текстовая категория, т.е. структурно-смысловое понятие (в отличие от дискретности формальной структуры текста) (И.Р. Гальперин, Е.С. Троянская, Т.М. Дридзе, Л.М. Майданова, И.М. Колегаева, М.П. Котюрова и др.). Так, применительно к тексту в соответствии с деятельностной, субъект-объектной концепцией его специфического содержания Ц. т. обеспечивается и объектной (посредством терминосистемы), и субъектной стороной смысла (благодаря объединяющей коммуникативно-познавательной активности субъекта). Ц. т. — понятие многомерное и разноаспектное, его содержание обусловлено тем, на каком основании, на какие компоненты делится содержание текста, каковы отношения между ними и какими средствами они выражаются. Источником смысловой Ц. т. является экстралингвистический фактор, обусловливающий многоплановую смысловую структуру текста. В соответствии с интерпретационной моделью смысловой структуры одного из важнейших типов текста — научного — Ц. т. достигается в результате синтезирующей деятельности субъекта на основе развертывания таких аспектов смысловой структуры науч. текста, как фазисный, модальный, логический, операциональный, предметный (Л.М. Лапп). Предметный и логический аспекты смысла представляют каркас содержания в виде картины мира («фабулы текста»), фазисный (поэтапный)

план представляет собой реконструкцию целостного познавательно-коммуникативного процесса, объединенного идеей исследования, развернутой в концепцию; модальный план соотносится с категорией модальности — общей семантической категорией высказывания, которая имеет как объективный, так и субъективный характер: с одной стороны, ориентирована на объективные связи, отражаемые субъектом речи в высказывании в целом как необходимые, возможные или действительные, с другой — на субъективную оценку степени достоверности мысли (категорической, простой, проблематической достоверности) (В.З. Панфилов); операциональный план «оживляет» картину мира в тексте посредством событийного мышления автора, связывает объектную и субъектную стороны смысла текста.

Целостность текста — это «стратегическое» свойство текста, ориентированное на отдельное произведение во всей его полноте, включая сопутствующие тексты, а именно: заглавие, оглавление, предисловие, аннотацию, введение, выводы и т.п. Их объединяющая функция эксплицировать авторский замысел и результат реализации этого замысла в свернутой форме — одна из основных в плане целого произведения.

Целесообразно отличать Ц. т. от его ***цельности,*** соотносимой с качественной — функц.-стилевой — определенностью текста: эпистемической — в науч. тексте, эстетической — в худож., модально-логической — в оф.-деловом и т.д. Дифференциация понятий Ц. и цельности науч. текста имеет смысл при изучении различных свойств текстов с учетом их фукнкционально-стилевой типологии: либо в отношении «объемности», трехаспектности (онтологический, методологический и аксиологический) знания в целом и каждого его фрагмента — и тогда речь идет о цельности, либо с позиций линейности, композиционной развернутости знания в тексте — и тогда речь идет о Ц. т.

В свою очередь, в отношении содержательной структуры газетного текста сформировалась концепция, в соответствии с которой Ц. газетного текста создается такими элементами содержания, как явление и событие, а также логическая схема — описательная, событийная и обобщающая, объединяющая эти элементы содержания с интерпретирующей информацией (Л.М. Майданова). Разноплановость параметров Ц., с одной стороны, тематическая и логическая, а с другой — интерпретирующая, относящаяся к метатексту, свидетельствует о том, что Ц. т. представляет собой объемную категорию (Т.В. Матвеева), сопряженную с линейными текстовыми категориями (связности, логичности и др.), в функц.-текстовом плане ориентированными на формирование Ц. т., которая вариативно проявляется в текстах разных функц. стилей.

Лит.: Леонтьев А.А. Высказывание как предмет лингвистики, психолингвистики и теории коммуникации // Синтаксис текста / Под ред. Г.А. Золотовой. — М., 1979; Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М., 1981; Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. Проблемы семиосоциопсихологии. — М., 1984; Майданова Л.М. Структура и композиция газетного текста. — Красноярск, 1987; Матвеева Т.В.

Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. — Свердловск, 1990; Колегаева И.М. Текст как единица научной и художественной коммуникации. — Одесса, 1991; Лапп Л.М. Интерпретация научного текста в аспекте фактора «субъект речи» (на материале анализа русской научной литературы). — Иркутск, 1993; Сахарный Л.В. Человек и текст: две грамматики текста // Человек — Текст — Культура / Под ред. Н.А. Купиной, Т.В. Матвеевой. — Екатеринбург, 1994; Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII—XX вв.. Т. 2. Стилистика научного текста (общие параметры). Ч. 2. Категории научного текста: функционально-стилистический аспект / Под ред. М.Н. Кожиной. — Пермь, 1998 (глава II. Цельность и целостность научного текста — автор М.П. Котюрова).

М.П. Котюрова

ЦЕПНАЯ СВЯЗЬ (между самостоятельными предложениями) — один из самых распространенных способов связи самостоятельных предложений в речи, при котором один из членов предыдущего предложения структурно соотносится с членом последующего предложения и при котором происходит последовательное, логическое, «цепное» развитие мысли (последующее предложение развивается из предыдущего), напр.: *Я посмотрел на стул. Стул был колченогим.*

Формула такой связи А — В — С. С — Д — Е, где буква, стоящая на первом месте, обозначает подлежащее, на втором — сказуемое, на третьем — дополнение. Связь осуществляется благодаря тому, что дополнение предшествующего предложения становится подлежащим в следующем предложении. Структурный вид этой связи «дополнение — подлежащее». Широко используются и другие модели структурной соотнесенности предложений: «подлежащее — дополнение», «дополнение — дополнение», «подлежащее — подлежащее». Синтаксическая сущность цепной связи выражается в этих синтаксических моделях, в синтаксических отношениях между соседними членами предложения. Это внутренняя, структурная сторона цепной связи. Внешняя сторона характеризуется средствами воплощения синтаксических отношений — лексическим повтором, синонимической лексикой, местоимениями. В соответствии с этим можно выделить: 1) цепную связь посредством лексического повтора, 2) цепную синонимическую связь, 3) цепную местоименную связь. При этом синтаксическая сущность цепной связи, структурные ее виды, модели (пары соотносящихся членов предложения) сохраняются независимо от средств воплощения моделей:

Я посмотрел на стул. Стул был колченогим.
Я посмотрел на стул. Он был колченогим.
Я посмотрел на стул. Мебель была колченогой.

Модель цепной связи здесь «дополнение — подлежащее», средства же ее воплощения в каждом примере разные.

Цепная связь посредством лексического повтора («*В Чили вырос один из самых замечательных поэтов нашего времени* **Пабло Неруда**. **Неруда** *пришел к народу трудной извилистой дорогой*»), с одной стороны, может

характеризовать речь безыскусную (детская речь, фольклор), с другой стороны, используется в тех областях, где нужна точность, ясность, строгость речи (научная, техническая, деловая речь, публицистика, худож. литература).

При цепной синонимической связи соотносящиеся члены соседних предложений выражаются не одним и тем же словом, а словами-синонимами: «**Каир** *уникален. Другого такого* **города** *нет на свете*». Цепная синонимическая связь позволяет выражать разнообразные смысловые отношения между предложениями, их экспрессивно-модальные оттенки (оценка, комментирование и т.д.). Она делает речь более гибкой, разнообразной, позволяя избегать повторения одного и того же слова.

Цепная местоименная связь имеет самое широкое распространение во всех стилях («*Маленький трехоконный домик княжны имеет праздничный вид. Он помолодел точно*» — А.П. Чехов). Местоимения более тесно объединяют предложения, чем повтор или синонимическая лексика. Цепные местоименные связи исключительно многообразны. В их организации участвуют личные местоимения, личные местоимения в значении притяжательных и собственно притяжательные, указательные местоимения.

Цепная связь используется во всех стилях языка. Это самый распространенный способ соединения предложений, в наибольшей степени соответствующий специфике мышления. Там, где мысль развивается линейно, последовательно, где каждое последующее предложение развивает предшествующее, как бы вытекает из него, цепная связь неизбежна.

Лит.: Лосева Л.М. К изучению межфразовой связи (абзац и сложное синтаксическое целое), «Рус. язык в школе», 1967. — № 1; Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика (сложное синтаксическое целое). — М., 1991.

Г.Я. Солганик

ЦЕРКОВНО-РЕЛИГИОЗНЫЙ СТИЛЬ — функциональная разновидность совр. рус. лит. языка, обслуживающая сферу церковно-религиозной общественной деятельности и соотносящаяся с религиозной формой общественного сознания.

В доперестроечное время (1917—1980-е гг.) эта область функционирования рус. языка, в силу известных экстралингвистических причин, была практически закрыта для филолога-исследователя, следствием чего явилось отсутствие указания на Ц.-р. стиль в литературе по стилистике, а также распространенное мнение, что данная сфера обслуживается не современным рус., а церковнославянским языком. В настоящее время сфера церковно-религиозной общественной деятельности раздвигает свои границы. Коммуникация в этой сфере включает, с одной стороны, произнесение различных канонических богослужебных текстов, воспроизведение молитв и песнопений, где действительно представлен церковнославянский язык, а с другой стороны — выступления священнослу-

жителей перед массовой аудиторией по радио, на митингах, по телевидению, в Государственной Думе, во время обряда освящения школ, больниц, офисов и т.д., осуществляемые не на церковнославянском, а на совр. рус. лит. языке, который и предстает в этом случае в виде особого функц. стиля — *церковно-религиозного* (в другой терминологии — *религиозного, религиозно-проповеднического* или *религиозно-культового*; термин ***церковно-религиозный*** предпочтительнее, т.к. указывает одновременно и на сферу общественной деятельности, в которой он функционирует, и на религиозную форму общественного сознания, и на церковных деятелей как авторов соответствующих текстов, но не ограничивает его реализацию лишь жанром проповеди). Таким образом, сфера церковно-религиозной общественной деятельности оказывается сферой *двуязычия*.

Но если церковнославянский язык подробно изучен и описан, то изучение Ц.-р**.** функц. с. совр. рус. лит. языка только начинается; имеются описания жанров церковно-религиозного послания и храмовой проповеди; предстоит изучить жанры напутственного слова, надгробного слова и др. *слов*, речь священнослужителей в официальной обстановке, — т.е. все жанры и формы речи, в которых находит своё воплощение Ц.-р**.** функц. с.

Системность Ц.-р. с. отражается в таких параметрах соответствующих речевых жанров, как: а) содержательная сторона; б) коммуникативная цель; в) образ автора; г) характер адресата; д) система языковых средств и особенности их организации.

Содержание текстов, выдержанных в Ц.-р. с., позволяет выделить в нем две стороны: диктумное (собственно событийное) содержание, заданное темой, и модальную рамку диктумного содержания, образуемую поздравлениями, призывами, религиозными наставлениями, советами, восхвалением деятельности Церкви и т.д.: *«Обращаясь к вам с пасхальным приветствием, я призываю вас благоуспешно продолжать служение Церкви и Отечеству в беспредельной преданности Христу, в верности Его заповедям и любви к каждому человеку и всему человеческому роду»* (Пасхальное послание Алексия II, 1988). Эти две содержательные стороны Ц.-р**.** текстов соотносятся — соответственно — с содержательно-фактуальной и содержательно-концептуальной информацией (по И.Р. Гальперину). Специфической чертой содержательно-концептуальной информации (или модальной рамки содержательной стороны) является ее *эксплицитный* характер; она отражает религиозную идеологию и не допускает никаких инотолкований.

Коммуникативная цель текстов Ц.-р. с. всегда *сложная, многоплановая*: раскрывая диктумное содержание, автор одновременно стремится к *эмоциональному воздействию* на адресата, причем это эмоциональное воздействие связывается с определенным событием из библейской истории, из жизни апостолов, святых, деятелей Церкви и т.д., напоминая о котором, автор стремится к *религиозному просвещению* аудитории; отмечая важнейшие события в современной церковной и — шире — общественной жизни, автор достигает еще одной цели — *пропаганды пози-*

тивной роли Церкви в жизни современного общества и, наконец, призывая к соблюдению христианских заповедей, к сохранению религиозных традиций, к соблюдению церковных установлений, автор преследует цель *воспитания* аудитории в религиозном духе. Таким образом, соединение эмоционально-воздействующей, религиозно-просветительской, религиозно-пропагандистской и воспитательно-дидактической целей реализует многостороннюю коммуникативную направленность Ц.-р. текстов.

Сложная коммуникативная цель формирует и ***образ автора***, который в Ц.-р. с. оказывается также *сложным, двуплановым*: с одной стороны, это духовный пастырь, наставник мирян, а с другой, — одно из *«чад Матери-Церкви»*, испытывающий чувства радости, ликования или, напротив, чувства сожаления или скорби вместе со слушающими; это варьирование образа автора находит отражение, в частности, в варьировании языковой формы, обозначающей повествователя (***я*** авторское / ***мы*** авторское / **мы** инклюзивное): *«С радостным, светлым чувством **я** обращаюсь к вам со словами мира и любви о Христе...»; «**Мы** посетили Алма-Атинскую епархию в Казахстане...»; «И **мы**, чада Божии, возрадуемся ныне... и проследуем в Вифлеем»* (Рождественское послание Алексия II, 1995—1996). Образ автора как посредника между Церковью — «наместницей Бога на Земле» — и верующими, народом, причем посредника, понимающего народ и близкого к нему, обусловливает отсутствие явного авторского волеизъявления в форме категорического приказа: долженствующе-предписывающий характер изложения в форме категорического императива Ц.-р. с. не свойственен: *«Мы хотим, чтобы наши верующие не были ограничены только знакомством через средства массовой информации о том, как будет проходить празднование в Святой Земле или нашей первопрестольной столице Москве, а чтобы они лично приняли участие в Великом Юбилее в своей церковной общине, в своем родном городе, районе или селе»* (Рождественское послание митрополита Ювеналия, 1998—1999). Даже в ситуации, когда автор выражает негативное отношение всей патриархии к событию (напр., к показу по телевидению фильма Мартина Скорсезе «Последнее искушение Христа»), он прибегает не к речевым жанрам приказа или категорического запрета, а к речевым жанрам просьбы и совета: *«Этот фильм / который хотят показать по телевизору... / он нехороший... Там показывают сплошное кощунство... // Тем более это всё смешано / для нас с дорогим Священным Писанием / и Преданием / о Господе нашем Иисусе Христе // Поэтому пожалуйста / отнеситесь к этому серьёзно»* (из храмовой проповеди — пример Н.Н. Розановой).

Адресат текстов Ц.-р. с. — это, с одной стороны, православные христиане, если текст звучит в церкви и адресован верующим, или более широкая аудитория, если текст обращен, напр., к слушателям радиопередачи, телезрителям и т.п., т.е. *адресат обобщенный и массовый* (по Н.И. Формановской). В случае же обращения священнослужителя к другим церковным деятелям различного ранга, — адресат *прогнозируемый и конкретизируемый*. Но всегда тексты, выдержанные в Ц.-р. с., обращены

к массовой аудитории, следовательно, представляют собой ***публичную официальную речь***, а потому Ц-р. с. является ***книжным функц. стилем кодифицированного лит. языка.***

Система языковых средств Ц.-р**.** с. включает ***лексические единицы четырёх пластов***: 1) нейтральную, межстилевую лексику *(помогать, говорить, делать, каждый, тогда, Москва)*; 2) общекнижную *(восприятие, бытие, исконная роль, традиции, однако, весьма, придерживаться иных мировоззрений*); 3) церковно-религиозную *(Господь Вседержитель, иноки и инокини, монашествующие, миряне, престольный праздник, богослужение, царство Божие, иерархи, боголюбивые пастыри, Святая Земля, освящение, жены-мироносицы)*; 4) лексику с газетно-публицистической функционально-стилевой окраской *(суверенные государства, боевики, сфера образования, преодоление трудностей, экономическая и социальная обстановка, проблемы беженцев и регионов*). Основной лексичский ресурс стиля составляет лексика эмоционально-экспрессивно окрашенная, в частности архаически-возвышенная и эмоционально-оценочная *(беспримерная преданность, возвеличить воинов, неземное величие, черпать вдохновение, преславный праздник),* употребление которой связано с реализацией тех коммуникативных целей, о которых шла речь выше: с воспитательно-дидактической целью и целью положительного эмоционального воздействия, направленного на формирование у адресата определенных морально-нравственных концептов. ***Грамматические ресурсы*** стиля включают такие морфологические и синтаксические средства, которые обеспечивают: 1) *книжный* характер стиля (в частности родительный присубстантивный, причастия и причастные обороты, пассивные конструкции); 2) *архаическую* стилистическую окраску речи (архаические морфологические формы, устаревшее управление, инверсия согласуемого компонента в словосочетании); 3) создание *экспрессивного эффекта* (ряды однородных членов, суперлативы); напр.: *1) лето благости Господней; слова мира и любви; радующее сердце общение; восстанавливаемый в Москве Храм Христа Спасителя; 2) с любовию во Христе; изглаждена будет; ныне рождшемся; возлюбленные о Господе; на земли; миру горнему; хранить веру отеческую; Церковь небесная; 3) ...поздравляю вас, дорогие мои, с этим светлым и благословенным праздником; важнейший; преизобильная; преславное; многополезное; радостнейший; наичестнейшие; благословеннейший.* С негативной точки зрения арсенал грамматических средств стиля характеризуется отсутствием многокомпонентных усложненных предложений с разнородными синтаксическими связями, бессоюзного способа выражения подчинительных отношений, что связано со стремлением к доступности, понятности Ц.-р**.** текстов массовому адресату.

Целям ***усиления экспрессии*** и, в частности, создания эмоционально-оценочной стилистической окраски речи, служат, кроме использования оценочной и эмоционально-экспрессивно окрашенной лексики: а) обширная цитация; б) использование тропов и фигур речи (наиболее типичными из которых являются метафоры, эпитеты, повторы, градация,

антитеза, инверсия, риторический вопрос); в) приемы усложнения композиции текстов; напр.: *«Мы грешны и нечисты // А Она (Богородица) / Пречистая»* (антитеза); *«И действительно / кому и когда отказал Бог в благодати / просвещения / Кто из христиан / не может получить / себе мудрости от Бога?»* (риторический вопрос); (примеры Н.Н. Розановой).

В целом, с точки зрения языкового воплощения, изученные жанры Ц.-р. с. отличаются ***сочетанием общекнижных элементов с церковно-религиозными и газетно-публицистическими,*** а также ***архаически-торжественной и эмоционально-оценочной окраской***, что ***отличает Ц.-р. с. от всех остальных книжных функц. стилей, в том числе — и от газетно-публицистического***, с которым он сближается сложностью коммуникативной функции, массовым характером адресата и эмоционально-экспрессивной окрашенностью многих языковых средств, входящих в его систему. Однако указанные признаки, а также различная направленность воздействия, характер образа автора, отсутствие той открытости для стилистически сниженных, пейоративно-оценочных и даже нелитературных элементов, которая свойственна газетно-публиц. стилю, — все это не позволяет считать Ц.-р. с. «разновидностью» или «подстилем» газетно-публиц. функц. стиля совр. рус. лит. языка.

Лит.: Крысин Л.П. Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка // Поэтика. Стилистика. Язык и культура / Памяти Т.Г. Винокур. — М., 1996; Шмелев А.Д. Функциональная стилистика и моральные концепты // Язык. Культура. Гуманитарное знание. Научное наследие Г.О. Винокура и современность. — М., 1999; Крылова О.А. Существует ли церковно-религиозный функциональный стиль в современном русском литературном языке? // Культурно-речевая ситуация в современной России. — Екатеринбург, 2000; Ее же: Можно ли считать церковно-религиозный стиль современного русского литературного языка разновидностью газетно-публицистического? // Стереотипность и творчество в тексте. — Пермь, 2001; Со Ын Ён, Речевой жанр современного церковно-религиозного послания.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2000; Розанова Н.Н. Коммуникативно-жанровые особенности храмовой проповеди // И.А. Бодуэн де Куртенэ: Ученый. Учитель. Личность / Под ред. Т.М. Григорьевой. — Красноярск, 2000.

Кожина М.Н. К основаниям функциональной стилистики. — Пермь, 1968 (см. с. 160—175); Феодосий епископ Полоцкий и Глубокский. Гомилетика. Теория церковной проповеди, Моск. Духов. Академия. — Сергиев Посад, 1999; Войтак М. Индивидуальная реализация жанрового образца проповеди // Стереотипность и творчество в тексте. — Пермь, 2002; Makuchowska M. Język religijny // Język polski / Ред. St. Gajda. — Opole, 2001. Салимовский В.А. Вера в речевом выражении: постановка вопроса // Духовные начала русского искусства и образования («Никитские чтения»). Материалы IV Всероссийской научной конференции. — Великий Новгород, 2004.

О.А. Крылова

Ч

ЧЛЕНИМОСТЬ (ТЕКСТА) — параметр, свойство (грамматическая категория) текста как произведения речетворческого процесса; функция композиционного плана текста целого произведения; наличие дискретных единиц текста, обусловленных коммуникативным и смысловым единством и целостностью текста произведения; синоним к номинации стилистического приема «членение», особенно актуального для науч. стиля речи, — приема, направленного на достижение ясности изложения в соответствии с достаточно строго регламентированными правилами построения науч. произведения.

Наиболее известной является концепция И.Р. Гальперина о двух видах членения текста: 1) объемно-прагматическом (в другой терминологии — синтактико-смысловом), обусловливающем последовательность контактно расположенных отрезков текста и ориентированном на оптимальную организацию текстовой информации. Этот вид членения связан с изучением единиц, которые по сложившейся традиции называются сверхфразовыми единствами (СФЕ); 2) контекстно-вариативном (или композиционно-смысловом), предполагающем различные типы передачи информации и получающем реализацию в формах речи (повествование, описание, рассуждение), а также в элементах композиции как способе содержательно-смысловой упорядоченности текста (абзац, параграф, раздел, глава и т.д.) (*И.Р. Гальперин*, 1981).

Вопросы Ч. (делимитации) речевого сообщения в основном разрабатываются в рамках грамматики текста, где синтактико-смысловой единицей текста признается сверхфразовое единство (СФЕ, сложное синтаксическое целое, логическое единство, прозаическая строфа и др.), композиционно-смысловой единицей — абзац.

В качестве характерных особенностей сверхфразовых единств отмечаются их структурная целостность, самостоятельность, независимость от контекста, слитность составляющих частей. Обычно СФЕ определяется как группа тесно взаимосвязанных по смыслу и синтаксически предложений, выражающих более полное по сравнению с отдельными предложениями развитие мысли (*Г.Я. Солганик*, 1991); структурно организованная закрытая цепочка предложений, представляющая собой смысловое и коммуникативное единство (*А.Н. Мецлер*, 1984); отрезок текста,

характеризующийся относительной смысловой и функциональной завершенностью, тесными логическими, грамматическими и лексическими связями (*З.Я. Тураева*, 1986); семантически и формально структурированный комплекс, состоящий из нескольких предложений, связанных единством содержания, а также формальными языковыми средствами — лексическими и грамматическими скрепами и интонацией (*Е.А. Реферовская*, 1989). СФЕ исследуется в аспектах: 1) формально-языкового построения и типологии; 2) характера лексических и грамматических связей, объединяющих предложения; 3) тема-рематических отношений, отражающих коммуникативную функцию текста.

По мнению Е.А. Реферовской, СФЕ состоят из предложений, объединенных в смысловом отношении частными семантическими связями и формальными скрепами (*Е.А. Реферовская*, 1989). Первое предложение СФЕ относительно самостоятельно, так как предполагает продолжение, вызывает «ожидание», получающее разрешение далее. Последующие синсемантичные предложения имеют лексические и синтаксические показатели своей смысловой и формальной зависимости от предыдущих предложений. Число предложений, составляющих СФЕ, обусловлено его смысловым объемом, количеством включенных деталей, ассоциативных связей и т.п.

Е.А. Реферовская также развивает идею О.И. Москальской о двух типах связей в тексте — горизонтальных (линейных) и вертикальных. Первый тип связей заключается в том, что каждое последующее предложение в СФЕ опирается в коммуникативном плане на предшествующее, продвигая высказывание от известного, «данного», к новому, вследствие чего образуется тема-рематическая цепочка, имеющая конечный характер и определяющая границы СФЕ (*О.И. Москальская*, 1981). Цепочки слов, предложений и сверхфразовых единств формируют поверхностную сторону текста; его глубинную структуру образуют вертикальные (смысловые) связи между отдельными СФЕ.

Абзац и СФЕ, имея много общего, в то же время не тождественны, поскольку обладают различной природой, действуют в различных «сферах» текста и отражают разные основания его членения. Сходство этих единиц проявляется в том, что они могут быть тематически законченными отрезками текста, служат продвижению основной линии повествования, включают частные соображения автора, лишь косвенно относящиеся к основному тексту. Различие же связано с тем, что, во-первых, СФЕ выражает объективно ограниченную микротему, в то время как абзац далеко не обязательно характеризуется тематической законченностью. Во-вторых, абзац относится к композиционно-стилистическим приемам членения текста, которые носят субъективный характер, поскольку определяются личным вкусом и манерой автора подчеркивать в тексте те моменты, которые он хотел бы видеть выделенными. Сверхфразовое единство представляет собой «объективный способ понятийно-лингвистического членения текста», так как выражает законченность высказывания и имеет определенное

место в сюжетном развитии текста (*Е.А. Реферовская* 1989, с. 49—55. См. также: *Н.А. Левковская*, 1980, с. 75).

Итак, из анализа литературы можно сделать вывод, что в лингвистике (и прежде всего грамматике) текста именно сверхфразовое единство и *абзац* (см.) признаются его основными структурными единицами. Принимая во внимание конструктивную функцию СФЕ, абзаца и подобных единиц в формировании поверхностной стороны речевого сообщения, мы тем не менее не можем не признать ограниченности узкограмматического подхода к проблеме членения текста. В связи с этим представляется целесообразным разграничить понятия связности (когезии) как внешней упорядоченности текста и целостности (когерентности, интеграции) как его содержательной и смысловой упорядоченности.

Четкая логическая организация является основополагающим принципом членения науч., оф.-дел., газетных текстов. Четкость достигается разными средствами, в частности, путем выделения частей цифровыми и буквенными обозначениями. В таком членении косвенно вырисовывается сама концепция автора относительно взаимообусловленности выделенных частей. Объемно-прагматическое членение текста осуществляется с учетом объема (размера) части и установки на внимание читателя.

В отношении науч. стиля к средствам объемно-прагматического членения текста прежде всего относится четкая композиция: подразделение на части, главы, параграфы, абзацы и другие законченные фрагменты текста. К средствам членения относятся и стилистические фигуры: повторы (в основном анафора), параллелизм, градация. Для построения всего науч. произведения в целом и каждой его части, как правило, характерна «рамочность», т.е. наличие зачина и заключения. Принцип «рамочности» характерен в той или иной степени для всех жанров науч. литературы (*Е.С. Троянская*, 1982).

В отношении худож. стиля контекстно-вариативное членение текста соотносится с наличием таких форм речетворческих актов, как: 1) речь автора: а) повествование, б) описание природы, внешности персонажей, обстановки, ситуации, места действия и пр., в) рассуждения автора; 2) чужая речь: а) диалог (с вкраплением авторских ремарок), б) цитация; 3) несобственно-прямая речь. Все виды членения взаимообусловлены и имплицитно раскрывают содержательно-концептуальную информацию. Членение худож., публиц., оф.-дел., науч. текста имеет двоякую основу: прагматическую — раздельно представить читателю отрезки с целью облегчить восприятие сообщения, субъективно-познавательную — определить временные, пространственные, образные, логические связи отрезков сообщения. В Ч. текста проявляется аналитическая тенденция, всегда сопровождающая процесс реализации мысли в письменной разновидности языка. Выявление системы членения текста имеет своей задачей преодоление линейного плана восприятия текста. Членение текста обусловливает проявление таких категорий, как *целост-*

ность (см.), *связность* (см.), ретроспекция, континуум и некоторые другие, связанные с пространственно-временными отношениями. В отличие от контекстно-вариативных фрагментов, в текстах большого размера — романах, драмах, больших поэмах, уставах, пактах, договорах и т.п., т.е. макротекстах, — появляются части, называемые по-разному, в зависимости от типа текста: с одной стороны, предисловие, введение, «от автора», пролог, преамбула и, с другой стороны — послесловие, заключение, эпилог, summury, выводы и проч. Если части текста объемно-прагматического характера (часть, глава, главка, абзац, сверхфразовое единство) вплетены в произведение и являются его неотъемлемыми частями, то предисловие, введение, заключение и др. факультативны и характеризуются некоторой независимостью, хотя одновременно тесно связаны с ним. Они имеют определенно воздействующее влияние на читателя, поскольку передают чисто авторские размышления о содержании произведения в целом. Введение обычно предваряет содержательно-концептуальную информацию, а в некоторых случаях — и содержательно-фактуальную. Своеобразие введения заключается в том, что, способствуя проспекции, оно не раскрывает ни плана повествования, ни сюжета, ни основной информации. Предисловие же содержит определенную долю информации, основной в тексте и обобщенно представленной в названии (заглавии). Так, в текстах науч. характера можно встретить предисловия, в которых упоминаются положения, ранее разработанные автором или другими авторами, а также положения, которые являются существенными для новых сообщений. В худож. произведениях предисловия и введения не характерны для организации текста. Вариантом предисловия является пролог, имеющий свои особенности: часто он обладает ретроспективной и проспективной направленностью. В ретроспективном плане в прологе описываются явления, факты, обстоятельства, необходимые для более полного раскрытия содержания произведения. В проспективном плане пролог дает возможность автору сориентировать читателя на адекватное восприятие идеи произведения. Однако пролог может быть и действительным вступлением к основному содержанию текста. Текстовой характеристикой введения, предисловия, пролога является их относительная автосемантия. Эти части текста называют предтекстами. И тем не менее это части целого: отдельно от самого произведения они не существуют. Что касается послесловия (заключения, эпилога), то его И.Р. Гальперин определяет как часть текста, имеющую предицирующую функцию. Содержательно-концептуальная информация находит здесь свое эксплицитное выражение. Послесловие выполняет функцию интеграции всего текста и является одной из конкретных форм категории *завершенности* (см.), вместе с тем открывая путь для иного развертывания общей идейной направленности сюжета, с иной содержательно-концептуальной информацией.

Лит.: Левковская Н.А. В чем различие между сверхфразовым единством и абзацем, «Филол. науки», 1980. — № 1; Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М., 1981; Москаль-

ская О.И. Грамматика текста. — М., 1981; Троянская Е.С. Лингвостилистическое исследование немецкой научной литературы. — М., 1982; Ее же: Обучение чтению научной литературы. — М., 1989; Мецлер А.А. Понятие текстового блока, «Филол. науки», 1984. — № 6; Тураева З.Я. Лингвистика текста. — Л., 1986; Ее же: Лингвистика текста и категория модальности. — ВЯ. — 1994. — № 3; Реферовская Е.А. Коммуникативная структура текста в лексико-грамматическом аспекте. — Л., 1989; Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. — Свердловск, 1990; Колегаева И.М. Текст как единица научной и художественной коммуникации. — Одесса, 1991; Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика. — М., 1991.

М.П. Котюрова

Ш Э

ШТАМП — см. *Стереотипность речи.*

ЭКСПРЕССИВНАЯ СТИЛИСТИКА — направление лингвостилистики, изучающее экспрессивные средства языковой системы и закономерности их использования носителями языка. Согласно определению Ш. Балли, труды которого заложили основу этого научного направления, «стилистика изучает экспрессивные факты языковой системы с точки зрения их эмоционального содержания, то есть выражение в речи явлений из области чувств и действие речевых фактов на чувства».

В отечественной лингвистике одним из первых задачу изучения стилистических ресурсов рус. языка поставил Л.В. Щерба. Рус. лит. язык, по его мнению, должен быть представлен в стилистике «в виде концентрических кругов — основного и целого ряда дополнительных, каждый из которых должен заключать в себе обозначения (поскольку они имеются) тех же понятий, что и в основном круге, но с тем или другим дополнительным оттенком, а также обозначения таких понятий, которых нет в основном круге, но которые имеют данный дополнительный оттенок». При этом ученый связывал выразительные возможности языковых средств с функциональной целесообразностью использования языка.

Г.О. Винокур рассматривал понятие стилей, в том числе экспрессивных (например, торжественного и делового, официального и фамильярного), в контексте проблемы языкового употребления и подчеркивал, что стилистика имеет своим предметом коллективные привычки и формы употребления языка.

По отношению к истории рус. лит. языка с позиций Э. с. определял понятие стиля В.В. Виноградов (1946): «Стиль языка — это семантически замкнутая, экспрессивно ограниченная и целесообразно организованная система средств выражения, соответствующая тому или иному жанру литературы или письменности, той или иной сфере общественной деятельности (например, стиль официально-деловой, стиль канцелярский, телеграфный и т.п.), той или иной социальной ситуации (например, стиль торжественный, стиль подчеркнуто вежливый и т.п.), тому или иному характеру языковых отношений между разными членами и слоями общества... Структура, количество, качество и иерархическое со-

отношение стилей литературного языка изменяются от эпохи к эпохе». Позднее, подводя итоги дискуссии середины 1950-х гг. по проблемам стилистики, дав новое определение стиля (как функц.) В.В. Виноградов писал, что в совр. рус. языке совокупности однотипно окрашенных языковых единиц уже не образуют систем (в строгом значении термина). Это скорее устойчивые экспрессивно-стилистические ряды в системе языка. Но даже в наиболее стилистически дифференцированной его лексической стороне уже нет экспрессивно замкнутых подсистем, свойственных лит. языку в отдельные периоды его развития. Поэтому Виноградов «разводит» понятия функц. стиля и экспрессивного (1963).

В последующие десятилетия различные аспекты теории Э. с. разрабатываются Т.Г. Винокур, К.А. Долининым, О.А. Лаптевой, А.П. Сковородниковым, Ю.М. Скребневым, Ю.С. Степановым, Т.Г. Хазагеровым и др. Усиливается интерес к изучению закономерностей употребления стилистических ресурсов языка коллективом его носителей. Согласно концепции Т.Г. Винокур, стилистическое содержание высказывания создается «выравниванием функций» разных по происхождению экспрессивных элементов «на коммуникативной линии узуса». Речевое общение обслуживается узуально-стилевым комплексом, основные элементы которого — «стилистическое значение», «средство», «прием», «задание» и «эффект». В соответствии с экспрессивным заданием языковые единицы, обладающие стилистическим значением, употребляются в высказывании с помощью стилистического приема, чем достигается определенный выразительный эффект. (См. *Стилистическое значение; Стилистические средства; Стилистический прием; Стилистическое задание*).

Если исходить из того, что функц. стилистика изучает весь круг стилистических явлений, образующихся при употреблении языка в реальной речевой действительности (в том числе, естественно, и экспрессивные качества речевых сообщений), то проблематику возникновения узуальных стилистических значений можно рассматривать как согласующуюся с задачами данного направления стилистики.

Лит.: Виноградов В.В. О задачах истории рус. лит. языка..., «Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1946. Т. 5. Вып. 3; Его же: Итоги обсуждения вопросов стилистики. — ВЯ. — 1955. — № 1; Его же: Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. — М., 1963; Щерба Л.В. Совр. рус. лит. язык // Избр. работы по рус. языку. — М., 1957; Винокур Г.О. О задачах истории языка // Избр. работы по рус. языку. — М., 1959; Балли Ш. Французская стилистика. — М., 1961; Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики. — Горький, 1976; Бельчиков Ю.А. Лексическая стилистика. — М., 1977; Вакуров В.Н., Кохтев Н.Н., Солганик Г.Я. Стилистика газетных жанров. — М., 1978; Киселёва Л.А. Вопросы теории речевого воздействия. — Л., 1978; Винокур Т.Г. Закономерности стилистич. использования яз. единиц. — М., 1980; Сковородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции совр. рус. лит. языка. — Томск, 1981; Лаптева О.А. Типология вариативных синтаксических рядов в аспекте функционирования лит. языка. — ВЯ. — 1984. — №2; Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. — Воронеж, 1985; Брагина А.А. Синонимы в литературном языке. — М., 1986; Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разг. употребления. — Новосибирск, 1986; Доли-

нин К.А. Стилистика французского языка. — М., 1987; Шахов-ский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семант. системе языка. — Воронеж, 1987; Телия В.Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматич. ориентация. // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. — М., 1991; Хазагеров Т.Г. Экспрессивная стилистика: границы и задачи, «Stylistyka-VI». — Opole, 1997.

В.А. Салимовский

ЭКСПРЕССИВНЫЙ СИНТАКСИС — см. *Стилистич. ресурсы синт.*

ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ (ВНЕЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ) СТИЛЕОБРАЗУЮЩИЕ ФАКТОРЫ ФУНКЦ. СТИЛЕЙ — это те явления внеязыковой действительности, в которых протекает речевое общение и под влиянием которых происходит отбор и организация языковых средств, т.е. речь приобретает свои стилевые характеристики. Употребление языка говорящими происходит не в вакууме, а в определенном невербальном контексте речевого акта, факторы которого, как и свойства языковой личности, влияют на стиль речи. Эти факторы весьма разнообразны. Для образования функц. стилей особенно важны так называемые базовые (или первичные) факторы. Основные специфические стилевые черты функц. стилей формируются под влиянием таких Э. с. ф., как сфера общения, связанная с тем или иным видом деятельности, соотносительным с формой сознания (наука, искусство, политика, право, религия, обиходное сознание в бытовой сфере); форма мышления (логико-понятийное, образное, деонтическое и т.д.), цель общения — основная (в отличие от индивидуальной интенции конкретного речевого акта), обусловленная назначением в социуме указанных видов деятельности; тип содержания (различающийся обычно в разных сферах общения); функции языка (коммуникативная, эстетическая, экспрессивная, фатическая и др.); типовая (базовая) ситуация общения (официальная/неофициальная). Другие (условно — вторичные) факторы определяют стилевые черты, хотя и характерные для того или иного функц. стиля, но не сущностные и потому встречающиеся в других стилях (обычно с модификацией), но, главное, формирующие черты не макростиля, а более частных разновидностей (подстилевых, жанровых и т.д.). Это — условия общения и формы речи, не связанные непосредственно с назначением самой формы сознания и соответствующего вида деятельности, а с реализацией дополнительных задач общения в какой-либо более конкретной разновидности деятельности, условиями ее «протекания», учетом своеобразия аудитории; кроме того — межличностным или массовым видом общения, непосредственным или опосредованным; устной или письменной формой речи, подготовленной/неподготовленной (спонтанной); монологической/диалогической; конкретной ситуацией общения; родом литературы; спецификой жанра; взаимоотношениями говорящих; их социальной ролью; индивидуальными интенциями говорящего (вплоть до проявления в речи

стиля его мышления) и др. Эти факторы обусловливают стилевые особенности речи, как бы накладываемые на основную, макростилевую специфику, иначе — обнаруживающие более конкретные особенности речи (напр., ч е р т ы научно-популярного п о д с т и л я в сфере науч. речи, как бы добавляемые к последней и несколько ее трансформирующие; или ж а н р а: статья — обзор — рецензия и т.д.). Базовые факторы и соответствующие им стилевые черты являются инвариантными. Тем самым в речи (тексте) налицо как бы иерархия стилевых черт, составляющая единство: вторичные факторы и стилевые черты характеризуют внутреннюю дифференциацию каждого функц. стиля на подстили, жанры и т.д. (см. *Классификация функц. стилей и их внутренняя дифференциция*). Однако они взаимосвязаны с первичными.

Сложнее обстоит дело с определением базовых факторов разг. речи (*разг.-обиходного функц. стиля* — см.), относительно чего существуют различные точки зрения (см.: *О.Б. Сиротинина*, 1997). Но скорее всего здесь базовыми следует признать факторы официальности/неофициальности, непосредственности/опосредованности, подготовленности/неподготовленности общения, которые вместе с целеполаганием определяют тип работы сознания в этой сфере. Для некоторых функц. стилей, напр. газетно-публицистического, существенными оказываются условия общения (так, краткость сроков создания газетных текстов определяет переход экспрессивных средств в стандартные) (*В.Г. Костомаров*, 1971).

Стилевые черты находятся в промежуточном отношении от экстралингвистических факторов — к языковым средствам. На основе базовых экстралингвистических факторов формируется *конструктивный принцип функц. стиля* (см.) как стилеобразующий фактор, определяющий принципы отбора и сочетания языковых средств, организующий их в систему. Сам термин-понятие «экстралингвистический» достаточно условен, так как при этом речь идет о функц. природе языка, об обусловленности стилистического распределения языковых средств; поэтому этот термин «приобретает собственно лингвистическую значимость» (*Д.Н. Шмелев*).

Изучению экстралингвистических факторов общения, их влияния на характер речи и ее стилевое своеобразие способствовало не только развитие функц. стилистики, но и социолингвистики, психолингвистики, лингвосоциопсихологии, теории речевых актов, прагматики. При этом, очевидно, целесообразно различать, с одной стороны факторы (и их влияние на речь), которые осознанно реализуются говорящим в процессе порождения речи (написание науч. труда или газетной статьи и т.д.), и, с другой — факторы, не зависящие от желаний говорящего (напр., пол, возраст). Именно первые связаны с понятием стиля, в частности функц. стиля (как явления осознанного).

При определении функц. стилей и их классификации первостепенное значение имеет опора на вид деятельности, соответствующий той или иной форме общественного сознания, так как номинация «сфера общения» широка и неопределенна. На ее основе В.А. Аврорин выделяет 12 сфер общения, а Ю.М. Скребнев вообще считает, что их бесконечное

множество. Между тем именно соотнесение в стилистике сферы общения с указанным экстрафактором позволило определить пять интуитивно осознаваемых функц. стилей (обычно изучаемых в стилистиках разных стран): научный, официально-деловой, публицистический, художественный, разговорный и закономерно к ним присоединяемый религиозный.

Э. с. ф. изучены в разной степени (применительно к тому или иному функц. стилю). Между тем недостаточная их изученность и учет при исследовании функц. стилей отрицательно сказываются при решении тех или иных вопросов стилистики, напр.: классификации стилей, их внутренней дифференциации, взаимодействия и др. Наиболее исследованы Э. с. ф. *науч. стиля* (см.), в том числе такие глубинные, как эпистемическая ситуация (в единстве трех ее аспектов — онтологического, методологического, аксиологического), фазы (этапы) продуктивной деятельности ученого — от проблемной ситуации к идее/гипотезе, ее доказательству и выводу), предпосылочное знание, факторы, определяющие композицию науч. текста, субъекта речи и диалога его с адресатом и др. (*М.П. Котюрова*, *Е.А. Баженова*, *Л.М. Лапп*, *М.Н. Кожина*, *Л.В. Красильникова*, *Н.М. Разинкина*, *Е.С. Троянская*, *О.А. Лаптева*, *В.А. Салимовский* и др.).

Значимость учета Э. с. ф. несомненна; особенно в аспекте о б ъ я с н е н и я тех или иных явлений стиля. Так, учет «челночного характера» научно-познавательной деятельности и мышления позволил определить высокий статус категорий ретроспекции и проспекции и ретроспективно/проспективный принцип развертывания научного текста.

Вопросу об экстралингвистических, в том числе стилеобразующих, факторах посвящена обширная литература (*Д.Х. Хаймз*, *В. Лабов*, *М.А.К. Халлидей*, *Р. Фаулер*, *Р. Познер*, ученые Пражской школы — *Б. Гавранек*, *Ф. Травничек*, *Й. Филипец*, *К. Гаузенблас*, *Й. Мистрик*, *М. Елинек*, *Й. Краус*). Последние разрабатывают идею о субъективных и объективных Э. с. ф. и стилях. В отечественной стилистике рассматриваемая проблема представлена в трудах В.В. Виноградова, Л.П. Якубинского, Г.О. Винокура, Р.А. Будагова, А.Н. Васильевой, М.Н. Кожиной, В.Г. Костомарова, М.П. Котюровой, В.Л. Наер, О.Б. Сиротининой и мн. др.

Лит.: В и н о к у р Г.О. О задачах истории языка, в его кн: Избр. работы по рус. языку. — М., 1959; В и н о г р а д о в В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. — М., 1963; К о ж и н а М.Н. К основаниям функц. стилистики. — Пермь, 1968; Е е ж е: О речевой системности науч. стиля сравнительно с некоторыми другими. — Пермь, 1972; Е е ж е: Стилистика рус. языка.— 3-е изд. — М., 1993; К о с т о м а р о в В.Г. Русский язык на газетной полосе. — М., 1971; В а с и л ь е в а А.Н. Курс лекций по стилистике русского языка. Общие понятия стилистики. — М., 1976; Б а х т и н М.М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. — М., 1979; В и н о к у р Т.Г. Закономерности использования яз. единиц. — М., 1980; Н а е р В.Л. Уровни языковой вариативности и место функц стилей // Научная литература. Язык, стиль, жанры. — М., 1985; К о т ю р о в а М.П. Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста. — Красноярск, 1988; В е щ и к о в а И.А. Публиц. стиль как единица в системе функц. разновидностей языка, «Вестник Моск. ун-т. Сер. Филология», 1992. — № 1; Б а р а н о в А.Г. Функц.-прагматич. концепция текста. — Ростов н/Д., 1993; С и р о т и н и н а О.Б. Изучение разг. речи как одна из проблем русской стилисти-

ки, «Stylistyka-VI». — Opole, 1997; Hausenblas K. Vystavba slovesných komunikatů a stylistíka. Čsl. přednašky pro VI mezd. Sjezd slavistů. — Praha, 1968; Jelinek M. Stylove rospeti soucasne spisovne čestiny // Bělič, Daneš и др. Kultura českého jazyka. — Liberec, 1969; Kraus J. Uvod do stylistiky pro informačni pracovniky. — Praha, 1977; Wilkoń A. Tipologia odmian językowych wspolczesnej polszczyzny. — Katowice, 1987; Halliday M.A.K. Language as Social Semiotic. The social interpretation of language and meaning, — London, 1990; Тошовић Б. Функционални стилови. — Београд, 2002.

М.Н. Кожина

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА — см. *Стилистические ресурсы лексики.*

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВАНАЯ ОКРАСКА — см. *Стилистические ресурсы лексики.*

ЭПИСТОЛЯРНЫЙ ЖАНР (от греч. epistolē — письмо, послание) — текст, имеющий форму письма, открытки, телеграммы, посылаемый адресату для сообщения определенных сведений. Письмо относится к древнему виду письменных сообщений, которыми обмениваются коммуниканты, лишенные непосредственного контакта. На протяжении многих столетий переписка была единственным способом общения на больших расстояниях. «Письмо составляет ту же устную беседу, тот же разговор между отсутствующими, только на бумаге», — писали в 1887 г. Сазонов и Бельский, авторы «Полного русского письмовника». Тогда написанное слово правило миром, составление письма было искусством (Р. Теппер), а Э. ж. отличался особым стилем (см. *Эпистолярный стиль*).

Сегодня Э. ж. переживает не лучшие времена. Расширение функций устной речи в современных условиях ведет к сокращению объема письменного межличностного общения (заменяется телефоном). Меньше переписываются друзья и родственники, сокращается и фатическая переписка по случаю праздников, юбилеев и других событий личного характера. Активизировался же, обновляется и развивается лишь такой жанр письменной речи, как деловое (служебное) письмо (*И.А. Стернин*). Вместе с тем, благодаря новым средствам коммуникации, возможно передавать сообщения помимо традиционной почты с помощью телефакса, факс-модема, электронной почты, пейджера.

Важнейшие структурно-стилистические признаки Э. ж.:

— сочетание в текстах признаков монологической и диалогической речи;
— разделение писем по сфере общения на *деловые* и *частные*, с учетом мотивов и целей — *по видам*, различающимся *языковой формулой*;
— использование языковых средств, соответствующих сфере переписки; книжно-письменных в деловых и устно-разговорных в частных письмах;
— устойчивая композиция текста: более жесткая в официальных и более свободная в частных письмах;

— точное обозначение отправителя и получателя, *обращение* к последнему и *подпись* отправителя;
— соблюдение речевого этикета с учетом фактора адресата, характера сообщения и национальных «эпистолярных» традиций.

Путем переписки происходит общение дистантное во времени и в пространстве и в письменной форме. Эти факторы накладывают особый отпечаток на Э. ж., определяя его форму и содержание. Так, однонаправленность общения требует обдумывания, даже подготовки текста, чтобы сделать его ясным, исчерпывающим, полным и предвосхитить возможные вопросы, уточнения, исключить непонимание либо инотолкование. Достигается это сравнительной полнотой языковых конструкций, развернутостью и последовательностью изложения, свойственными монологической речи.

В то же время наличие адресата и ожидание ответа либо действия, поступка обусловливает появление признаков, присущих диалогу, в виде обращения, вопроса, напоминания, описания жеста (*обнимаю, жму руку* и т.д.). Таким образом, в текстах Э. ж. сочетаются элементы м о н о л о г а и д и а л о г а (А.А. Акишина, Н.И. Формановская). Однако наряду с этим выражается мнение, что через письма осуществляется дистантное монологическое общение (Л.Е. Тумина).

Письма, как и открытки (открытые письма), телеграммы (сообщения по телеграфу), а также факсы, пейджерограммы, электронные письма разнообразны и классифицируются по различным основаниям. Так, по сфере общения выделяют д е л о в ы е (называемые также служебными) и ч а с т н ы е (официальные и неофициальные) письма (А.А. Акишина, Н.И. Формановская).

Деловые (служебные) письма составляют переписку государств, учреждений, предприятий, организаций в процессе дипломатической, управленческой, социальной, производственной деятельности. Такое письмо может быть адресовано определенному должностному лицу, однако тип отношений между ними при этом официальный, поскольку и адресат и адресант выступают в качестве юридических лиц — представителей той или иной организации и абстрагированы от своей индивидуальности.

Деловые письма обладают правовой значимостью, т.е. являются документами, правда, менее регламентированными сравнительно с другими жанрами официально-делового стиля. Особенности служебных писем и требования к их составлению обычно содержатся в курсах деловой корреспонденции, в рамках которой рассматриваются различные по содержанию документы, направляемые в виде писем: распоряжения, разъяснения, информационные сообщения вышестоящих органов, а также отчеты, ответы, запросы, пояснения, предложения и т.п. бумаги, направляемые нижестоящими организациями. Составлению деловых писем посвящено много пособий и справочников.

Частные письма делятся на официальные и неофициальные. Первые направляются от имени частного лица к организации; организации к частному лицу; частного лица к частному лицу. Официальные отношения меж-

ду корреспондентами — обязательный признак этих писем даже в переписке частных лиц, которые не знакомы или мало знакомы друг с другом.

Неофициальными частными письмами считаются послания хорошо знакомых людей, друзей, родственников, всех тех, кто поддерживает неформальные, межличностные отношения. Л.Г. Антонова относит личные письма к письменным жанрам обиходно-разговорной сферы общения (наряду с дневниковыми записями, записками и т.д.). Как и всем разновидностям жанра, письмам личного характера присущи: непринужденность, естественность изложения; свобода выбора средств изложения; заинтересованность, индивидуальность автора, выраженная в тексте явно; определенная (нежесткая) структура; учет «эпистолярных» традиций (Н.И. Формановская), принятых пишущими. Письмо, сочиненное в соответствии с этими принципами, свидетельствует о неповторимости автора как личности, отражая нравственный облик пишущего, служа мерилом его образования и знания.

В отличие от деловых, частные письма не столь стандартны, хотя и обладают нежесткой устойчивой структурой. Письмо начинается зачином, содержащим дату, место, откуда оно направляется, приветствие и обращение. Затем располагается основная информативная часть, в которой сообщаются сведения, послужившие поводом для написания письма. Культура письма требует выделения в тексте законченных смысловых отрезков, начинающихся с красной строки (абзацев). Концовка письма содержит слова прощания, просьбы, пожелания, подпись, приписки.

Учет «эпистолярных традиций» при написании личных писем означает прежде всего соблюдение таких максим рус. речевого этикета, как проявление уместной вежливости, доброго отношения к корреспонденту. Уже упоминавшиеся Сазонов и Бельский отмечали, что в частных письмах тон «бывает почтительный к старшим и влиятельным, шуточный — к равным себе и любезный — к низшим. Шаловливая игривость допускается только в переписке дружеской, дышащей неподдельной задушевностью и не сжимаемой рамками сдержанного этикета».

В тексте это проявляется в выборе форм обращения, приветствия, прощания, личных местоимений *ты*, *вы* и др. соответственно избранной автором стилистической тональности, конкретной ситуации общения и требованиям национального этикета. Известно, что сфера обращения на *вы* в английском и немецком языках у́же, чем в русском; эти же языки и соответственно их этические нормы чаще, чем русский, допускают сокращенные имена (см: «Культура русской речи»). Так, в русских частных письмах выбор имени и отчества, полной или уменьшительной формы имени, а также имени и наименований родства с ласкательными суффиксами определяется взаимоотношениями корреспондентов, степенью их близости, характером отношений, содержанием письма.

Широко распространена форма обращения со словом *дорогой*, причем оно носит нейтральный характер, что становиться ясным при сопоставлении этого обращения с ласковыми, интимными словами *милый*, *родной* или же со словами официальной окраски *уважаемый*, *глубокоуважаемый*. Ср. с обращением интимного характера *дорогой мой* или *мой дорогой*.

В отличие от служебных, в личных письмах встречаются приветствия типа *Здравствуй(те)! Добрый день! Шлю привет! Приветствую тебя из Сочи!* Нередко приветствия употребляются вместе с обращениями, например: *Дорогой Рома, здравствуй! Милый сын мой Мишенька, шлю тебе материнский привет!*

Подпись в конце письма соответствует форме обращения в зачине: называющие друг друга по имени-отчеству корреспонденты, прощаясь, обычно тоже указывают имя-отчество, иногда — вместе с фамилией; те, кто обращается друг к другу, употребляя имена, наименования родства, прозвища, иногда фамилии или только инициалы и т.п., соответственно так же и подписываются: *Твой Саша. Всегда ваш Андрей Викторович. Ваш кум А. Чехов. Академик Тото. Твоя подруга Тихоня.*

Таким образом, в письмах личного характера встречаются самые разнообразные словесные формы установления, поддержания и завершения контакта, которые определяются характером взаимоотношений корреспондентов, их настроением, темой сообщения и др. факторами.

Частные письма предлагается также классифицировать с точки зрения мотивов и целей их написания на такие виды, как: поздравления, сожаления, упреки, оправдания, извинения, одобрения, комплименты, просьбы, советы, предложения, благодарности, сообщения (информационные), отказы и др. (А.А. Акишина, Н.И. Формановская). В письмовниках конца XVIII—начала XX вв. содержались образцы личных писем — дружеских, поздравительных, благодарительных, просительных, извинительных, сатирических, издёвочных, нравоучительных и др. (до 20 разновидностей).

Каждый вид письма отличается языковой формулой — устойчивым оборотом, фразой, стереотипно выражающей назначение послания. Наиболее подробно эти формулы, употребительные в письмах не только делового (см. *жанры оф.-дел. стиля*), но и личного характера, описаны А.А. Акишиной и Н.И. Формановской в связи с обучением иностранных учащихся особенностям переписки на русском языке. Так, стереотипными выражениями поздравления в частных письмах будут фразы: *Поздравляю(-ем) (Вас, тебя) с праздником (с Новым годом, с юбилеем* и т.д.; *Шлю (шлем) Вам (тебе) свои поздравления*; соответственно стереотипным оказываются и ответы на поздравления с выражением благодарности, напр.: *Сердечно (горячо, от всего сердца, от всей души) благодарю Вас (тебя) за поздравление (за то, что поздравил(-а, -ли) меня* и т.д. *Вы очень любезны, что...*; *Это очень мило с твоей стороны...* При этом набор устойчивых оборотов достаточно широк, адресант располагает возможностью выбора, который больше в сфере частного, межличностного общения и меньше в сфере деловой.

Языковые формулы соответствующей семантики характерны также для писем, различных по их целевой установке, напр., информирующих (типа извещения, сообщения): *Хочу сообщить новость о...; Мне хотелось бы рассказать о наших делах; Дела мои идут хорошо; В ответ на Ваше письмо № ... от ... сообщаем (хотим довести до Вашего сведения)*; побудительных (напр., просьбы, запросы, требования): *Просим (Вас)*

выслать нужные документы; Нас интересуют Ваши предложения о...; Я хочу попросить тебя вот о чем...; Давайте встретимся и обсудим наше дело.

В современных пособиях по составлению писем обычно ограничиваются рассмотрением лишь деловой переписки, что, конечно, весьма важно для работников сферы управления, бизнеса и др. Однако пособий типа письмовников с образцами, в том числе и частных писем, сегодня нет. До революции существовала практика знакомства широкой публики с образцовыми письмами замечательных людей, чтобы воспитывать вкус у составителей частной корреспонденции. Для этого в пособиях по письмоводству помещались письма высокопоставленных особ, государственных деятелей, творческой интеллигенции. С 1917 г. эта традиция обучать составлению как писем различного характера, так и другим жанрам письменного делового общения по образцам прервалась, накопленный в этой области опыт во многом остается невостребованным.

Лит.: Ляпунова В.Е. Частное письмо как жанр русского литературного языка (на материале писем Чехова) // В творческой лаборатории Чехова. — М., 1974; Акишина А.А., Формановская Н.И. Этикет русского письма. — М., 1981; Акишина А.А. Письмо как один из видов текста. Статья первая: Общие сведения об эпистолярном жанре, «РЯР», 1982. — № 2; Статья вторая: Характеристика благодарственных, извинительных и поздравительных писем, там же, 1982. — № 4; Сергеева И.Ф. Письмо ждет ответа: книга размышлений, споров и доказательств. — М., 1985; Формановская Н.И. Вы сказали: «Здравствуйте»: Речевой этикет в нашем общении. — М., 1987; Ее же: Этикет делового письма. — М., 1988; Веселов П.В. Современное деловое письмо. — М., 1990; Его же: Аксиомы делового письма: Культура делового общения и официальной переписки. — М., 1993; Теппер Р. Как овладеть искусством делового письма: 250 писем и записок в помощь менеджеру. — М., 1994; Романов А.А. Грамматика деловых бесед. — Тверь, 1995; Колтунова М.В. Деловое письмо: Что нужно знать составителю. — М., 1998; Педагогическое речеведение. Словарь-справочник. — М., 1998; Составление и оформление служебных документов: Практическое пособие для коммерческих фирм, общественных организаций и государственных структур. — М., 1999; Гулякова И.Г. Личность писателя в его письмах (языковой аспект) // Язык, культура, общение в условиях краткосрочного обучения. — СПб., 2000; Добсон Э. Как писать деловые письма: Практическое пособие для всех. — Челябинск, 2000; Пиз А., Данн П. Язык письма. — М., 2000; Кирсанова М.В., Анодина Н.Н., Аксенов Ю.М. Деловая переписка. — М.; Новосибирск, 2001.

О.В. Протопопова

ЭПИСТОЛЯРНЫЙ СТИЛЬ (от греч. epistolā — письмо, послание) — стилистическая особенность писем (посланий) как одной из разновидностей письменной лит. речи (см. *Эпистолярный жанр*). Номинация «Э. с.» используется в одном из возможных значений термина «*стиль*» (см.), но обычно вне системы функц. стилей, хотя, напр., А.И. Ефимов называл Э. с. функц. разновидностью лит. языка. Однако поскольку Э. с. выделялся А.И. Ефимовым не на основе определения Ф. стиля и без учета принципов классификации функц. стилей, а по жанровому принципу, Э. с. нельзя ставить в один ряд с разновидностями функц.-стилевыми.

Оснований для выделения Э. с. в качестве функционального нет: не существует ни отдельной сферы общения, ни соответствующих ей формы общественного сознания и вида деятельности, ни специфических задач общения, которые обусловили бы стилевые отличия речи, выступающей в виде переписки, достаточные для ее противопоставления другим функц. разновидностям. Напротив, речь в эпистолярной форме распространена в различных сферах общения и деятельности, приобретая в них специфические черты. Так, существует переписка дипломатическая, деловая, коммерческая и др. (офиц. характера), а также частная (офиц. и неофиц.), выступающая средством дистантного общения. В сфере науки письмо не только средство личного общения ученых, но и форма обмена информацией, разновидность науч. прозы. Используется эпистолярная форма и в публицистике как особый жанр открытого письма, предназначенного не столько конкретному адресату, сколько широкой общественности и рассчитанного на определенный резонанс в различных сферах. Форма письма идеально совпадает с принятым в публицистике способом изложения от 1-го лица. В сфере худож. творчества авторы прибегают к изложению в виде переписки, решая особые задачи при реализации эстетической функции. В соответствии со сферой применения тексты в форме письма отличаются образным, эмоциональным изложением (публиц. и худож. проза), офиц.-книжным характером (переписка в различных сферах государственной, политической деятельности, бизнеса и т.п.) либо экспрессивно-разг. окраской с элементами письменной речи (частные письма в быту).

Целесообразно рассматривать Э. с. в ряду стилей различных жанров прозы, или жанровых (типовых) стилей различных видов литературы, о которых упоминал В.В. Виноградов (напр., стили худож. прозы, стихотворной речи, стиль повести, романа и др.).

Иногда в качестве синонима к термину «Э. с.» выступает номинация «*эпистолярный жанр*» (см.). Однако эти наименования не являются полными синонимами, так как в первом случае акцент делается на понятии «стиль», а во втором — «жанр».

Характерные особенности Э. с.: определенная роль адресата и адресанта, их точное обозначение, отражение социального положения корреспондентов, проявление авторского «я», индивидуальной речевой специфики, сочетание признаков диалога и монолога, устно-разг. и книжно-письменной речи, соблюдение речевого этикета письма. Так, письма одного автора к разным корреспондентам различаются по тематике, стилю, тональности, так как пишущий всегда учитывает личность, интересы, взгляды адресата, выражает свое отношение к нему. Диалогичность письма обусловливает скрытое присутствие в тексте образа адресата, его имплицитную характеристику. Для Э. с. обязательно соблюдение речевого этикета, отражающего характер переписки, статус корреспондентов, что реализуется в принятых формулах обращения, завершения письма и подписи, соответствующих национальной традиции (см. *Эпистолярный жанр*).

Э. с. как разновидность русской письменной речи складывался исторически. Его древнейшие образцы — берестяные грамоты XI—XV вв.,

переписка Ивана Грозного с А. Курбским (XVI в.). Формирование Э. с. в различных видах государственной и частной переписки происходит в эпоху Московского государства. С течением времени Э. с. становится разновидностью лит. повествования (стилизация писем в произведениях Сумарокова, Фонвизина, Новикова второй половины XVIII в., эпистолярная проза, поэзия и публицистика). Распространение переписки делового, профессионального, личного характера обусловило издание особых руководств по составлению писем — «письмовников». Старейшее рус. руководство с образцами переписки — «Приклады, како пишутся комплименты разные» (1708 г.). Издаются также письма известных деятелей государства, науки, искусства, ставшие фактом литературы и получившие резонанс в различных сферах духовной жизни: А.Д. Кантемира, А.Н. Радищева, А.В. Суворова, В.Г. Белинского, К.С. Станиславского, Л.Д. Ландау и др.

Эпистолярное наследие мастеров мировой культуры составляет особую разновидность мемуарной литературы (наряду с дневниками, автобиографиями и библиографиями, воспоминаниями). Опубликованные письма деятелей искусства и литературы относятся к историческим документам, освещающим и оценивающим факты и события, свидетелями которых были авторы посланий. Издание таких писем сопровождается науч.-справочными статьями, поясняющими их содержание, указателями имен и адресатов и другими вспомогательными материалами. Как часть мемуаристики, письма деятелей искусства и литературы являются одновременно науч. историографией, исторической публиц. и худож. прозой, поскольку эти послания, написанные талантливыми людьми, образны, совершенны по форме и стилю, индивидуально неповторимы, высокохудожественны.

Избранные письма писателей составляют часть их наследия, неразрывно связанную с их худож. произведениями, так как не только знакомят читателя с жизнью, творчеством и окружением автора, свидетельствуют о его напряженной духовной жизни, широте интересов, но и отражают работу художника над лит. текстами, содержат автокомментарии по поводу замысла, композиции, языка, тематики и т.п., представляя творческий процесс. Поэтому переписка писателей имеет огромное значение не только в культурно-историческом отношении, но и в собственно языковом, поскольку оказывается лабораторией, в которой осваиваются и оттачиваются обороты речи, слог и понятия, обогащающие затем общелитературный национальный язык. Творческая писательская личность отражается в частных письмах, в которых наряду с признаками разг. стиля встречаются также приемы худож. речи: тропы, фигуры, игра слов и др.

В письмах писателей отражаются особенности *идиостиля* (см.) мастеров слова, проявляется личностное начало, эмоционально окрашенное отношение к излагаемому содержанию, соблюдается речевой этикет. К блестящим образцам эпистолярного наследия относят письма А. Пушкина, А. Чехова, Н. Некрасова, Л. Толстого, И. Тургенева, В. Короленко, М. Горького, В. Маяковского, М. Цветаевой, М. Булгакова, Б. Пастернака и многих других писателей и поэтов.

Э. с. используется в худож. и публиц. творчестве со специальным стилистическим заданием. Так, содержание произведения может излагаться

в виде письма полностью (широкоизвестны «Письма русского путешественника» Н. Карамзина, «Письма к другу» Ф. Глинки, «Письма из Франции» Д. Фонвизина, «Бедные люди» и «Роман в девяти письмах» Ф. Достоевского, «Выбранные места из переписки с друзьями» Н. Гоголя, многочисленные письма к издателям и друзьям А. Пушкина и т.п.), а также частично (письма Татьяны и Онегина в романе А. Пушкина «Евгений Онегин», письма Желткова в «Гранатовом браслете» А. Куприна и др.).

Благодаря лит. стилизации изложение в эпистолярной форме от первого лица психологически убедительно, изнутри показывает духовную жизнь героев, способствует интимизации повествования, проявлению личностного начала. Такой принцип изображения действительности вызывает доверие читателей, чему также способствует речевая самохарактеристика повествователя. Так, письмо Татьяны, написанное простым рус. языком, без единого иностранного слова, в живой разг. манере, характеризует любимую пушкинскую героиню как подлинно «русскую душою»; бедные и униженные люди — Макар Девушкин у Достоевского и Желтков у Куприна — в своих письмах раскрываются как поэтичные, благородные натуры.

Э. с. охотно используется писателями в сатирических целях, для саморазоблачения повествователя — обычно ограниченного, малообразованного обывателя с сомнительными моральными качествами. При этом его речь воспроизводится сатирически заостренно (см. «Письмо ученому соседу» А. Чехова, письмо помещика Дурыкина к Стародуму в «Недоросле» Д. Фонвизина, знаменитые «Письма к Фалалею», приписываемые Д. Фонвизину, и др.). Напр.: *Герасимов сообщил мне, что вы неправильно мыслите об луне т.е. об месяце, который заменяет нам солнце в часы мрака и темноты, когда люди спят, а Вы проводите электричество с места на место и фантазируете. Не смейтесь над стариком за то что так глупо пишу. Вы пишите, что на луне т.е. на месяце живут и обитают люди и племена. Этого не может быть никогда, потому что если бы люди жили на луне то заслоняли бы для нас магнетический и волшебный свет ее своими домами и тучными пастбищами. Без дождика люди не могут жить, а дождь идет вниз на землю, а не вверх на луну...* (А. Чехов).

Лит.: Ефимов А.И. История русского литературного языка. — М., 1971; В творческой лаборатории Чехова. — М., 1974; Акишина А.А., Формановская Н.Н. Этикет русского письма. — М., 1981; Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика // Проблемы русской стилистики. — М., 1981; Его же: Очерки по истории русского литературного языка XVI—XIX веков. — М., 1982; Кожин А.Н. Литературный язык Московской Руси. — М., 1984; Гиндин С.И. Биография в структуре писем и эпистолярного поведения // Язык и личность. — М., 1989; Кохтев Н.Н. Эпистолярный стиль // Русский язык. Энциклопедия. — М., 1997; Гулякова И.Г. Об эпистолярном стиле В.П. Астафьева (на материале писем М.Н. Кураеву), «Мир русского слова», 2002. — № 1.

О.В. Протопопова

ЭПИТЕТ — см. *Стилистические ресурсы лексики.*

Я

ЯЗЫК И СТИЛЬ РЕКЛАМЫ. Под этим понимается система языковых и внеязыковых средств выражения содержания рекламных текстов (Р. т.), их речевая организация, обусловленная функционированием в сфере массовой коммуникации. Реклама относится к убеждающей и воздействующей речи, призванной привлекать и поддерживать внимание адресата, способствовать последующему запоминанию сообщения и побуждать к определенному действию.

Реклама (фр. reclame от лат. reclamare — выкрикивать) — текст, представляющий фирмы, товары, услуги и др. с целью привлечь внимание адресата, заинтересовать его, убедить в преимуществе рекламируемого объекта по сравнению с другими. Хотя к рекламе прибегали с незапамятных времен, рекламная индустрия возникла сравнительно недавно — в середине XIX в. как следствие массового производства и грамотности, породивших прессу, в которой помещались рекламные сообщения.

Рекламу можно классифицировать по разным основаниям, напр. в зависимости от 1) представляемого объекта (реклама товара, фирмы, услуги, идеи и др.); 2) сферы применения (политическая, экономическая, социальная, досуговая); 3) адресата (для массового потребителя или специалиста); 4) материального носителя информации (реклама на ТВ, в печати, в сети Интернет, почтовая, наружная и др.); 5) способа аргументации (рациональная, эмоциональная, ассоциативная, предметная, образная и др.); 6) средств воздействия (прямая или иносказательная, «жесткая» или «мягкая»). Каждый вид рекламы характеризуется своими особенностями, однако общими оказываются требования к рекламному сообщению быть кратким, интересным, достоверным, понятным, динамичным, многократно повторяющимся и т.п.

Р. т. отличает от других информационных сообщений особая заинтересованность в конечном результате, стремление достичь следующих целей:

— создание атмосферы осведомленности о рекламируемом объекте;
— стимулирование решения о приобретении товара, выборе услуги, торговой марки; о поддержке политической партии, общественного движения и т.п.; о голосовании на выборах за того или иного кандидата;

— информирование или обучение (напр., как правильно пользоваться товаром или уменьшить риск для здоровья).

В Р. т. органично сливаются и реализуются несколько коммуникативных функций: апеллятивно-эмоциональная (прагматически заинтересованное обращение к адресату), репрезентативная (представление определенной информации) и воздействующая (убеждение в достоверности информации, в необходимости совершить какое-л. действие).

Вопрос о функц.-стилевом статусе Р. т. является дискуссионным. Так, по мнению Д.Э. Розенталя и Н.Н. Кохтева, исследовавших рекламу советского периода, эти тексты относятся к *публиц. стилю* (см.), поскольку они, как и публицистика, социально ориентированы и нацелены на реализацию какой-л. политики. В.Ю. Липатова считает Р. т. контаминацией различных стилей, жанров и разновидностей речи (устных и письменных, диалогических и монологических, разговорных, научных и др.), а также неодинаковых способов аргументации (эмоциональных и рациональных, ассоциативных и логических, образных и предметных и т.п.). Другие исследователи также отмечают стилевую «гибридность» рекламных сообщений, а именно вовлечение в сферу массовой коммуникации науч., науч.-популярных, оф.-дел., разг. текстов и выполнение ими новых — рекламных — функций (напр., финансовые отчетные документы, использующиеся в рекламе банка; письма частного содержания от фирм в адрес клиентов, публикуемые в газете для интимизации имиджа фирмы, и др.).

В свою очередь, Е.С. Кара-Мурза утверждает, что «характер функционирования рекламы в нынешних российских СМК [средствах массовой коммуникации] уже позволяет делать выводы относительно сложившихся функционально-стилистических особенностей ее текстов на фоне других стилевых разновидностей русского языка» (*Кара-Мурза* 1997, с. 65). Автор полагает, что Р. т. содержательно отличаются от публиц. темой и функцией: в публицистике рассматривается общественно значимое событие, в рекламе — товар или услуга; основной функцией Р. т. является не столько информирование потенциального потребителя, сколько воздействие на него. Это, по мнению Е.С. Кара-Мурзы, позволяет выделить рекламный стиль в отдельную функциональную разновидность языка. Подобной точки зрения придерживается также И.А. Стернин.

Однако вопрос о стилевом статусе Р. т. остается дискуссионным, поскольку и основные функции (информирование, оценка, воздействие и убеждение), и цель (побуждение массового адресата к определенному действию), и социальное значение (в том числе в области экономики) свидетельствуют о близости рекламы публиц. стилю, несмотря на всю ее специфичность. Такой подход в решении данного вопроса преобладает, например, в польской стилистике (см. *лит.*).

Жесткие финансовые условия как один из *экстралингвистических факторов* (см.) рекламы диктуют максимальную компрессию Р. т., особую плотность его содержания, часть которого либо не вербализуется, либо символизируется. В связи с этим Р. т. включает собственно вербаль-

ный блок и невербальные компоненты: визуально-графические (шрифт, цвет, изобразительные элементы, пространственно-композиционное решение), кинетические (жест, поза, мимика) и аудиальные (интонация, ритм и др. просодические средства звукового дизайна). Все это обусловливает особую структуру Р. т. Большей частью его нельзя понимать как линейную последовательность знаков: каждый тип рекламы стремится к усложнению текстовой структуры за счет переплетения семантических компонентов, построения особой иерархии смыслов, моделирования текстовых уровней. Эффект наложения различных знаковых систем приводит к сложной комбинаторике смыслов рекламного сообщения.

Уникальная черта стилистики Р. т. на фоне традиционных текстов книжно-письменного типа — их своеобразный а г р а м м а т и з м, т.е. нарушение обязательных логико-грамматических связей между словами в пределах предложения и на стыке двух самостоятельных предложений. Р. т. может состоять не только из цельных предложений, но и из единиц назывного типа — слов и словосочетаний, не связанных в предложения. Рядом стоящие предложения могут набираться различными шрифтами, что устанавливает между ними дополнительные смысловые отношения; благодаря этому одно предложение может расчленяться на части. В Р. т. нередко используется шрифт, в котором не различаются строчные и прописные буквы. Пробелы между словами и предложениями могут быть произвольными, а строки выравниваться не только по левому, но и по правому краю, а также по центру.

Особо следует отметить достаточно новую для России форму рекламы в компьютерных сетях, несомненным достоинством которой является то, что по заказу сообщение может находиться в сети неопределенно длительный срок, а стоимость ее размещения сравнительно невысока. Посылаемое в компьютерную сеть сообщение несколько отличается от обычного Р. т.: оно должно быть более информативным, т.е. содержать характеристику предлагаемого товара или условия сделки, а также учитывать особенности компьютерного шрифта, размеры экрана дисплея и т.п.

В основе смысловой структуры Р. т. лежит и д е я, определяющая как образ представления рекламируемого объекта, так и литературную форму текста. Напр., радиореклама холодильника «Атлант» выполнена в форме «Личного дела» с указанием года рождения, служебных заслуг и даже констатацией того, что *в связях, порочащих его, холодильник не замечен* («Радио России»). Посуду «Цептер» «Радио России» долго представляло слушателям в форме разговора двух подруг (*Милочка, как тебе удается так быстро и вкусно готовить? — А я, как и ты, купила посуду «Цептер»!* и т.д.). Разнообразие рекламных идей чрезвычайно велико и практически не поддается учету или классификации. По способу изложения Р. т. может быть описательным, рассуждающим и повествовательным, монологическим и диалогическим, сюжетным и бессюжетным, а также пародийным, т.е. облекаться в форму другого, широко известного текста. В целом рекламная идея — это творческая находка, ценность которой в ее новизне и оригинальности.

Большую роль в смысловой структуре Р. т. играет аргументация, направленная на убеждение адресата приобрести товар, воспользоваться рекламируемой услугой и т.д. Так, в качестве фактологических аргументов выступает описание тех потребительских свойств товара, которые должны оказаться привлекательными для потенциального покупателя (потребности и вкусы последнего обязательно учитываются рекламопроизводителем). Напр., в рекламе телевизора Philips 21 перечисляются его технические характеристики и те потребительские свойства, которые этими характеристиками обеспечиваются:

Что такое новый телевизор Philips 21? Прежде всего это новый кинескоп и многопозиционный регулятор резкости (технические характеристики). *Благодаря им экран телевизора не будет отсвечивать даже в залитой солнцем комнате, а само изображение будет четким и контрастным* (потребительские свойства).

У Philips 21 есть и другая замечательная особенность — та полнота и ясность звучания (потребительские свойства*), которую создают стереофонические высоко- и низкочастотные динамики* (технические характеристики) («Известия»).

Оценочные аргументы выражают положительные качества рекламируемого товара либо самого по себе, либо в ряду однородных товаров, при этом оценка часто гиперболизируется, напр.: *Ariston*. ***Наилучший из лучших***; *Эльсэв. Это* ***событие в мире косметики***.

В качестве аргументов также используются: авторитетное мнение; апелляция к имиджу фирмы, которая может быть оценена как гарант высокого качества товара; апелляция к имиджу адресата. Напр., в рекламе компьютера делается ссылка на опыт пользователей: *Попробуйте Apple Макинтош, и Вы поймете, почему* ***уже более 10 миллионов людей во всем мире используют его в своей работе!*** На авторитет фирмы ссылаются составители реклам в «Cosmopolitan»: *Сегодня мы предлагаем последние разработки* ***крупнейшей в мире косметической фирмы Л'Ореаль Париж***; ***Нивеа***. *Это слово известно людям во всем мире. Nivea — это косметические изделия великолепного качества, которого Вы вправе ожидать от* ***самой крупной косметической марки в мире***. Примеры аргументов к адресату: *Дикая Орхидея. Изысканное белье* ***для притягательной женщины****; Азартный бизнес* ***для тех, кто умеет считать***; *Новая мягкая мебель от Nataly Verto.* ***Новые формы, новые ощущения, новые возможности. А может быть, и новая жизнь?***..

Важным компонентом смысловой структуры Р. т. является так называемый слóган (англ. slogan — лозунг, девиз) — сжатая, ясная и легко воспринимаемая формулировка рекламной идеи, напр.: *Ароматы счастливой жизни!; Наш высокий уровень — это Ваш взлет!; Вдохните аромат звезд!; Новое поколение выбирает Pepsy!* и др. Слоган может помещаться не только в сильной — начальной — позиции текста, но и в его конце, как своеобразная выразительная точка, вывод. Языковое оформление слогана обусловлено требованиями краткости и выразительности, что в совокупности обеспечивает его афористичность. Для достижения этого ис-

пользуются различные синтаксические фигуры и средства словесной выразительности: метонимия (*Продаем холод!*), метафора (*Открытая дверь на мировой рынок*), антитеза и параллелизм (*Максимум знаний в классе — минимум усилий дома!*), эпифора (*Больше, чем деньги, лучше, чем деньги*) и др.

Все языковые средства, используемые в Р. т., подчинены цели воздействия на адресата, побуждения его к совершению действия, желательного для рекламопроизводителя. Это обеспечивается благодаря соблюдению определенных стилистических принципов, обеспечивающих экспрессивность Р. т.: диалогичности, личностности (интимизации), усиления напряженности изложения и др.

Диалогичность, обеспечивающая установление контакта с адресатом, достигается за счет использования вопросительных предложений в форме прямого обращения (напр.: *Почему бы Вам не изучить иностранный язык с нами?; Вас ограбили?.. У Вас угнали автомобиль, обчистили квартиру?*); вопросно-ответных комплексов (напр.: *Ваш холодильник нуждается в ремонте? ПО «Сокол» готово придти к Вам на помощь!; Хотите хорошо жить? Звоните!*), а также диалогической формы целого текста, напр.:

— ЧТО НОВОГО?
— СПРОСИТЕ РИА «НОВОСТИ»!

Личностность изложения связана с ориентацией рекламиста на неформальный диалог с адресатом, что допускает замену ВЫ-общения на ТЫ-общение, *языковую игру* (см.), употребление разг. и просторечных выражений. В качестве типичных приемов интимизации рекламного сообщения используются:

— личные местоимения (*В **нашем** магазине **Вы** всегда можете купить; **Вы** думаете, **Вашей** жене интересно то же, что и **Вам**? Какая женщина откажется от микроволновой печи?! В ее необходимости могут сомневаться только мужчины*);
— обращения (***Друзья**! К Вам пришел гость — у Вас пустой холодильник!*);
— особые синтаксические конструкции, обиходная лексика, фразеологизмы и др. элементы, свойственные разг. стилю речи, напр.: ***Заплати и бери**!; **Сразу и навсегда**! от тараканов, мышей и крыс Вас избавит малое предприятие «Милена»; **Вряд ли где дешевле**!; **За нами не заржавеет**! Ремонт, восстановление и предпродажная подготовка автомашин; **Дешево и сердито**! Предлагаем компьютеры*;
— рифмовка, напр.: *Опытен и даровит? — Позвони скорее в «ВИТ»!; Квадраты серые углов раскрасит фирма «Искрасофт»*;
— прием аллюзии, т.е. соотнесение рекламной фразы с устойчивым, общеизвестным понятием или высказыванием литературного, исторического или мифологического характера. Приведем примеры: ***Есть такая фирма**! Акционерное общество «ЛЭНД»; На пути к прогрессу **«Рубикон» не обойдешь**! Фирма «Рубикон» предлагает; **Есть и ситец, и парча**! Торговый дом «Лентекс» реализует оптовые партии всех видов тканей; Две недели **у Христа за пазухой**! Ласковое море, пляж, розы и фрукты. Удобные апартаменты. Вечерние туалеты Если Вы воображали нечто подобное, обращайтесь в нашу фирму!*

Под напряженностью понимается усиленное ожидание продолжения текста, обеспечивающее заинтересованность адресата в получении информации. К механизмам создания напряженности относятся следующие:

— использование местоимений, требующих смыслового восполнения, напр.: *Я тебе* вот что *скажу*;

— графическое выделение и/или повторы указательного слова ЭТО, указывающего на незаконченность синтаксической конструкции, напр.:

СОВРЕМЕННЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ
ЭТО
— необходимые знания и практические навыки в области экономики, финансов, права;
— эффективная организация деятельности фирмы;
— максимальное использование творческих возможностей руководителя;

— повторы ключевых слов;

— использование придаточных предложений с условным значением, напр.: ***Если Вы хотите купить или продать***
КВАРТИРУ, КОМНАТУ, ДАЧУ, ДОМ
АГЕНТСТВО «21 ВЕК» — ВАШ ЛУЧШИЙ ПОМОЩНИК

— использование отрицательных конструкций с оценочным значением, усиливаемым противопоставлением, которые создают эффект ожидания, напр.: *Мы* ***не говорим*** *о низких ценах. Мы по ним торгуем!; Мы* ***не можем остановить*** *рост цен,* ***НО*** *мы можем заставить дивиденды расти вместе с ценами.*

Приведенные примеры показывают, что в языковом оформлении Р. т. наблюдается стилистическая пестрота — от ориентированности на оф.-дел. или науч. стиль до открытой разговорности, от высокой поэтики до жаргона и просторечия, что объясняется, с одной стороны, спецификой рекламируемого предмета, с другой — ориентированностью рекламного сообщения на определенную потребительскую аудиторию.

Р. т. стали неотъемлемой частью нашей повседневной жизни, они тиражируются СМИ в количестве, рассчитанном практически на все население страны. Механизмы распространения Р. т. таковы, что они входят в сознание адресата даже помимо его желания. В силу этих причин вопросы культуры речи, соблюдения этических и речевых норм становятся в сфере рекламы особенно важными. Элементарные орфографические ошибки; неумеренное использование иностранных слов; неестественные, фальшивые интонации; не соответствующие русскому менталитету жесты, мимика, стереотипы речевого поведения — все это вызывает раздражение, недовольство, нервозность и в конечном счете отвращение к объекту рекламы. Среди типичных речевых ошибок, зафиксированных в Р. т., выделим следующие:

— нарушение норм управления (*бальзам для* ***натирания в кожу*** вместо *натирания кожи*; *За 3 дня вы* ***похудеете до 15 кг*** вместо *похудеете на 15 кг*);

— лексические ошибки, вызванные искажением значения слова (***мистическое*** *завещание Сталина* [реклама фильма] вместо *мифическое, мнимое завещание*) или незнанием его ассоциативного ореола (бар-ресторан в Москве *«Сивый мерин»*);
— нарушение лексической сочетаемости (*Ваше* ***горло не будет першить*** вместо *в горле не будет першить*);
— калькирование иноязычных конструкций (*традиции* ***шоколадного качества*** вместо *качество шоколада*);
— алогичное построение фразы (*Похудение — 100%; Требуется мужчина на мясо* [рубщик мяса]; *Лечу от храпа: аппарат «Гильотина»*);
— неоправданное смешение стилистически чужеродных элементов. Напр., рекламно-агитационный текст, призывающий читателей газеты на сеансы массового исцеления к «провидице Дарье» и «бабушке Поле», утверждает: *После встречи с ними отступят сердечно-сосудистые заболевания, неврозы, заболевания легких, бронхов, печени и почек, тромбофлебиты, варикозное расширение вен, гипертония и гипотония Восстановится зрение, слух,* ***встанут и пойдут калеки, массово выйдут камни из почек****, желчного пузыря, наступит избавление от одиночества, вновь восстановятся семьи.* В этом тексте стилистически неоправданно совмещены перифраз о калеках (слепых и расслабленных) из евангельских текстов, газетизм *массово* и терминологическая метафора *камни выйдут из почек*, образное значение которой в специальных текстах уже стерлось, а здесь возрождается, создавая незапланированный комический эффект.

Подобные ошибки обнаруживают низкий культурно-речевой уровень рекламистов, подрывают уважение и к сообщению, и к рекламодателю.

Несмотря на то что техника создания Р. т. в России испытывает сильное западное влияние, авторы рекламных сообщений должны учитывать запросы потенциального адресата-россиянина: национально обусловленную систему ценностей, менталитет, культурно-исторический опыт, социально-экономические условия и др. В связи с этим необходимо обучать начинающих рекламистов созданию позитивных рекламных образов и формированию посредством рекламы конструктивных жизненных установок.

В целом стилистика рекламы, изучающая закономерности функционирования в Р. т. языковых средств, только формируется как научная и прикладная дисциплина.

Лит.: Розенталь Д.Э., Кохтев Н.Н. Язык рекламных текстов. — М., 1981; Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. — М., 1990; Кохтев Н.Н. Стилистика рекламы. — М., 1991; Его же: Реклама: Искусство слова. — М., 1997; Его же: Оптимальные параметры рекламы // Культура русской речи и эффективность общения. — М., 1996; Гермогенова Л.Ю. Эффективная реклама в России. — М., 1994; Кафтанджиев Х. Тексты печатной рекламы. — М., 1995; Кромптон А. Мас-

терская рекламного текста. — Тольятти, 1995; Кара-Мурза Е.С. Культура речи в рекламной деятельности // Журналистика и культура русской речи. Вып. 1. — М., 1996; Ее же: О бедной рекламе замолвите слово // Журналистика и культура русской речи. Вып. 3. — М., 1997; Ее же: «Найдена формула счастья». Проблема аргументации в рекламе // Журналистика и культура русской речи. Вып. 7. — М., 1999; Майданова Л.М., Лазарева Э.А. Практическая стилистика жанров СМИ: репортаж, корреспонденция, рецензия, радиообзор печати, реклама: Учеб. пособие. — Екатеринбург, 1996; Литвинова А.В. Короче афоризма, умнее заголовка: Успех рекламы начинается со слогана. — М., 1997; Почепцов Г.Г. Символы в политической рекламе. — Киев, 1997; Липатова В.Ю. Реклама // Педагогическое речеведение. Словарь-справочник. — М., 1998; Литвинова А., Литвинов С. Сколько весит слово? «Статьевая» реклама в прессе. — М., 1998; Морозова И. Слагая слоганы. — М., 1998; Музыкант В.Л. Теория и практика современной рекламы. В 2-х частях. — М., 1998; Реклама и связи с общественностью: теория и методика профессионального творчества. Ч. 1 / Под ред. М.А. Шишкиной. — М., 1998; Стернин И.А. Общественные процессы и развитие современного русского языка. Очерк изменений в русском языке конца XX века. — Воронеж—Пермь, 1998; Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова. — СПб., 1999; Ученова В.В., Старых Н.В. История рекламы, или Метаморфозы рекламного образа. — М., 1999; Бландел Р. Эффективные бизнес-коммуникации. Принципы и практика в эпоху информации / Пер. с англ. — СПб, 2000; Ученова В.В. и др. Реклама: Палитра жанров. — М., 2000; Евстафьев В.А. Журналистика и реклама: Основы взаимодействия (опыт теоретического исследования). — М., 2001; Корнилова Е., Гордеев Ю. Слово и изображение в рекламе. — Воронеж, 2001; Фещенко Л.Г. Структура рекламного текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2002; Przewodnik po stylistyce polskiej / Red. n. St. Gajda. — Opole, 1995.

Е.А. Баженова, О.В. Протопопова

ЯЗЫК И СТИЛЬ ЭЛЕКТРОННЫХ СМИ — разновидность устной публичной речи публицистического стиля. В последние полтора десятилетия произошли глобальные изменения в информационной системе, в радио- и телеречи. Сегодня все большее распространение получает и такое новое средство массовой коммуникации, как INTERNET. В данной статье предполагается рассмотреть стилистику более исследованной радио- и телевизионной речи. Устный характер и социальная направленность сближает радио- и телевизионные выступления. Однако специфика используемых технических устройств определяет и ряд различий между ними.

Особенности устной речи на РВ и ТВ конкретизированы О.А. Лаптевой. Область устной речи здесь простирается от непрофессионально выступающих (приглашенные в студию, интервьюируемые) до устной публичной речи: «Живой, спонтанный тип телеречи стремится полностью слиться с разговорной речью, но часто остается на уровне устной публичной речи (коллективной или индивидуальной) из-за специфики условий съемки и общих задач телепередачи» (2001, с. 8). Однако из устного характера радио- и телевыступлений совсем не следует их отождествление с разговорной речью. Как продукт профессиональной журна-

листской деятельности, радио- и телеречь должны являться произведением осмысленного творчества, с продуманной системой средств воздействия, направленной на достижение запланированного результата, поэтому неправомерно рассматривать язык электронных СМИ разновидностью устной разговорной речи.

Устная речь телерадиожурналиста имеет в своей основе письменную речь, даже если конкретное выступление не зафиксировано письменно. Используемые здесь средства разговорности служат задачам общепублицистического воздействия. Выступление максимально эффективно, если оно сочетает элементы заранее подготовленного письменного текста с устной формой его реализации. В журналистских теле- и радиовыступлениях речевой поток, который должен восприниматься как спонтанный, на самом деле таким не является.

Интонация речи, используемой в массовой коммуникации, отличается от интонации непринужденного межличностного общения «нейтральностью» мелодии основного тона. Редукция безударных гласных менее выражена, паузы между словами, речевыми тактами не выходят за рамки строго обусловленных границ. Требование удобства слухового восприятия определяют такие особенности радио- и телеречи, как краткость фраз и даже слов, их удобочитаемость и удобопроизносимость, расчленение фразы при помощи интонации. Эффективное воздействие в электронных СМИ возможно лишь при наличии в речи эмоциональности, экспрессивности, личностности изложения, ясности сообщения, присущих публицистическому стилю в целом.

Общение журналиста со своей аудиторией в электронных СМИ имеет социально обусловленный характер. Журналист передает социально значимую информацию. Тексты СМИ формируют общественное мнение, воздействуя на поведенческие установки слушателей/зрителей. Причем коммуникатор всегда представляет взгляды, мнения, установки с позиции той или иной социальной группы. Как отмечает Э.А. Лазарева, социальная направленность выражается в выборе темы текста и ракурса её раскрытия. Социально ориентированный характер текста проявляется по-разному в зависимости от конкретной тематики передачи: от самых «отстраненных» от зрителя, официальных — до максимально приближенных к нему по типу межличностных отношений. Примеры передач, стоящих на разных полюсах: программы центральных каналов «Время», «Вести» на РТР и «Радио России», «Сегодня» и т.п. В информационных передачах ведущий занимает подчеркнуто объективную позицию, это серьезный разговор со зрителем/ слушателем, при котором минимально проявляется индивидуальность. Тональность текстов спокойная, нет ярких речевых выразительных средств, невербальные средства подчеркивают ощущение сдержанности и объективности (*Лазарева,* 2000, с. 201).

Но социальная направленность текста воплощается в форме личностно ориентированного общения. Обращение к зрителю/слушателю как к отдельной личности с ее индивидуальными чертами — наиболее удачная форма, которая позволяет с максимальной воздействующей силой

передать социальное содержание. На радио и ТВ сегодня распространены авторские передачи, где социально значимое содержание облечено в форму личностно ориентированного текста. Такова информационно-аналитическая воскресная передача Л. Парфенова «Намедни» на НТВ с обзором событий, произошедших за неделю. Ведущий организует анонсирование сюжетов, переходы от одного к другому, комментарии к ним. Авторский текст наполнен цитатами, которые способствуют индивидуальности преподнесения уже не нового события. Речь ведущего конкретна, доходчива, организована по типу официальной беседы. Удачное сочетание принципов устной и письменной речи, остроумный комментарий облегчает понимание политической, экономической информации.

Диалогичность теле- и радиоречи касается ее направленности на адресата, а также стремления взаимодействовать с ним и является конструктивным принципом публицистического стиля. Причем целеустановка на взаимодействие с адресатом определяет использование речевых приемов, не только выявляющих постоянное присутствие воспринимающего лица (лиц) (как это чаще всего утверждается в исследовательской литературе), но и демонстрирующих взаимодействие с предполагаемыми смысловыми позициями читателей. Выступающий в кадре или перед микрофоном должен предугадать реакцию зрителя и слушателя и суметь ответить на неё. Беседа строится в расчете на невидимого собеседника, который мыслится как активный участник двустороннего контакта. Вот почему здесь необходимо предвидеть различные точки зрения на проблему, аргументируя собственную. Слушатель/зритель должен чувствовать ход мыслей оратора. Таким образом, радио- и телеречи свойственна *диалогичность* (см.).

Созданию диалогичности речи способствуют такие стилистические приемы, как вопросно-ответные комплексы (напр.: ***Кем*** *стали ветераны необъявленной афганской войны? Бизнесменами, рабочими, рэкитирами,* ***кем еще?*** *Никто не знает, сколько их умерло от ран после, сколько сошли с ума.* ***Нет*** *статистики* (Из телепередачи)), прямая адресованность (напр.: *Добрый день,* ***дорогие друзья****...*; *Наступает настоящая весна, как* ***вы знаете****, это время очень романтическое и поэтическое, когда* (Из радиопередачи) и косвенная адресованность к реципиенту (напр.: ***Я хочу искренне поздравить всех тех, кто*** *искренне верует,* ***и всех, кто****, может быть, не верит в существование Господа Бога, но верит в существование неких высших сил* (Из телепередачи)), побуждения к ментальным и конкретным физическим действиям (использование «мы-конструкций», указывающих на двусторонность коммуникации (присутствие не только автора, но и адресата), способствующих консолидации аудитории (напр.: *нашим постоянным телезрителям известно, до встречи в эфире, в нашей завтрашней программе*).

Помимо форм адресованности, диалогичность в теле- и радиоречи выражается и другими приемами. Усилению диалогического тонуса речи, а вместе с тем более тонкому воздействию на чувства зрителя (слушателя) способствует интимизация повествования, т.е. активизация эмо-

ционального начала, которая включает реципиента в совместное размышление, происходящее в кадре и у микрофона. Необходимость особых форм выражения, рассчитанных на каждого слушателя/зрителя в отдельности, заставляет журналиста вести поиск средств и приемов, снижающих официальность общения, делающих его более непринужденным. Этому способствует, например, демонстрация журналистской саморефлексии, динамики мыслей и переживаний, в результате которой автор приходит к тем или иным выводам. Мыслительный процесс, окрашенный эмоциями, воспроизводится как бы перед зрителями/слушателями, интимизирует общение: *Даже сейчас, когда я вспоминаю об этом, я очень волнуюсь.*

Интимизации способствуют также разговорная лексика, фразеология, лексические образные средства и синтаксические средства выразительности (стилистические фигуры), особая интонация речи. Для достижения большего контакта со зрителем/слушателем, большей доходчивости вполне допустимы использование обратного порядка слов в предложении, риторические вопросы, высказывания с вводными словами и предложениями и конструкции разговорного синтаксиса, эмоциональная разговорная лексика. Интонация — темп речи, паузы, тембр, тон речи, мелодика, логическое ударение и словоударение — воспринимается слушателем/зрителем как выражение внутреннего состояния, настроения и искренности (или неискренности) говорящего. Само звучание речи должно вызывать предполагаемую автором у аудитории реакцию.

В последнее десятилетие на радио и телевидение широко проникает прямая речь не только журналистов, но и героев передач, поскольку претерпевают серьезные изменения диалогические жанры РВ и ТВ. Слушатели/зрители активно участвуют в обсуждении проблемы, спорят, не соглашаются с собеседником, выражают собственную позицию по обсуждаемому вопросу. Появляются новые жанры устной публицистики — дискуссия, круглый стол, групповая беседа, ток-шоу, формируется их специфика, возникают свои нормы и законы их организации и проведения, где значительное место начинает занимать смысловая позиция телезрителей.

Журналист строит общение в расчете на аудиторию, которая различается возрастными особенностями, тематическими пристрастиями и т.д. Профессионализм заключается в умении ориентироваться на разную аудиторию. Стилистика передач, рассчитанных на молодежную аудиторию, в значительной мере отличается от аналитических передач высокой степенью интимизации, раскованности. Особенности построения общения с молодежной аудиторией проанализированы Э.В. Чепкиной на примере программ музыкального телевизионного канала МТВ-Россия. В таких передачах имитируется неофициальность, их отличает непринужденность, вплоть до фамильярности. Маркированию сугубо неофициального регистра общения служат обращения друг к другу и самоименования (*Любашка, Михон, Коша Кузикус* и т.д.). Здесь активно используется оппозиция МЫ/ОНИ — противопоставление мира молодых миру взрослых. Во всех программах канала в речи ведущих и зрите-

лей широко используются молодежный жаргон, англицизмы и музыкальные термины, принятые в молодежной среде речевые стереотипы. Названия всех музыкальных групп и исполнителей звучат в соответствии с нормами английского произношения. Кроме того, речь на канале пронизана иронией. Такая речь создает атмосферу общей игры, несерьезной, «невзрослой» тональности общения (*Чепкина,* 2001, с. 231—232).

Специфику радио- и телеречи определяют особенности их технической трансляции. В радиопрограмме взаимодействуют вербальный текст с акустическим сопровождением. По наблюдениям авторов пособия «Публицистический стиль», в традиционном универсальном или информационном вещании (например, на «Радио России», «Маяк», «Эхо Москвы») первичным, доминантным является в основном вербальный текст. Акустико-шумовые тексты несамостоятельны, коротки, обычно узнаваемы, но сопровождаются описательно-повествовательным комментарием (*«Вы слышите шум поездов, идущих к новой станции метро»*). Подводки к музыкальным текстам и послесловия (связки) в смысловом плане обычно связаны с музыкальным текстом. В форматном радио («Европа плюс», «Максимум» и др.) вербальный текст отнюдь не доминирует — он является лишь равноправным элементом компьютерной программы, где последовательно и параллельно, через продуманные промежутки времени, предъявляются различные тексты: краткие новости на легкой музыкальной «подкладке» (мелодия — знак, символ радиоканала), затем музыка, далее может быть комментарий. В развлекательных и молодежных передачах наблюдается ускорение темпа речи, эмоциональность изложения, использование пиковых интонаций, агрессивная манера речи.

В телеречи стилистика вербального текста, фоностиля, тембра озвучивания текста и стилистика визуального текста тесно взаимосвязаны, поскольку вербальный текст обычно направленно интерпретирует визуальный текст. Телевизионный макротекст тем понятнее, чем теснее взаимосвязь между словесной аргументацией и визуальным высказыванием (относительно законченным фрагментом видеоряда), чем четче связаны друг с другом вербальные и визуальные фрагменты.

Вербальный текст должен быть ясным, четким, не перенасыщенным информацией. Соответственно синтаксис вербального текста специфичен: небольшая глубина предложений, простые синтаксические конструкции, много назывных предложений, кратко, как при прямом обращении, представляющих и комментирующих происходящее в кадре. Синтаксические особенности телеречи связаны со своеобразным распределением функционально-смысловой нагрузки: функцию описания и, частично, повествования выполняет видеоряд, а функцию комментария принимает на себя вербальный текст. Он должен не повторять изображение, а иллюстрировать текст. Соответственно в телеречи не должно быть много определений, свойственных, прежде всего, описанию. Своеобразием отличается тема-рематическая нагрузка телеречи. Для большей ясности, акцентирования внимания зрителя происходит сцепление темы предложения и содержания видеоряда — т.е. в видеоряде зрительно

повторяется тема предложения. Например, предложение предваряется видеорядом с изображением реки, далее звучит предложение: *«Волга, национальный символ России, находится на грани экологической катастрофы»*. В визуальном высказывании рема не обозначена — нет свидетельств «экологической катастрофы». Визуальное высказывание «тематизировано», внимание зрителя сосредоточено на теме — реке Волге, зритель сориентирован в пространстве. В дальнейшем высказывание может актуализировать и рему — «экологическую катастрофу».

Видеотекст имеет свою композицию, которая должна сопрягаться с композицией вербального текста. Если в вербальном тексте используется комментарий (рассуждения), то функцию введения в комментарий, обязательного для устного убеждающего текста, может принять на себя видеотекст — он создает настроения, психологические установки и т.п. Поэтому вербальный текст в неинформационных жанрах обычно звучит несколько позже, чем появляется изображение. Композиционные части передачи маркируются с помощью выразительных средств (изменение фоностиля, типа изобразительной речи, музыкального текста) (*Н.Г. Бойкова, А.Н. Беззубов, В.И. Коньков,* 1999).

История изучения радио- и телевизионной речи коротка, как коротка история развития и самих электронных СМИ. Некоторые языковые особенности радиоречи, главным образом фонетические, выявлены в работах М.В. Зарвы (1971), в работе С.И. Бернштейна сформулированы важные рекомендации для работников ТВ и РВ, улучшающие восприятие высказываний (1977). Функциям и структуре телевизионной речи посвящено исследование С.В. Светаны (1976). Анализ разговорного пласта телевизионной речи в нормативном аспекте представлен в монографии О.А. Лаптевой (1990). В аспекте культуры речи язык аудио-визуальных СМИ рассматривался М.П. Сенкевич (1994). Отдельные особенности ТВ и РВ речи, определяемые техническими условиями их производства и трансляции, описаны в коллективном учебном пособии «Публицистический стиль» (1999). Теоретическая неразработанность многих проблем стилистики электронных СМИ отмечается всеми исследователями.

Лит.: Зарва М.В. Слово в эфире. — М., 1971; Светана С.В. Телевизионная речь. — М., 1976; Бернштейн С.И. Язык радио. — М., 1977; Муратов С.А. Диалог: телевизионное общение в кадре и за кадром. — М., 1983; Трескова С.И. Социолингвистические проблемы массовой коммуникации. — М., 1989; Лаптева О.А. Живая русская речь с телеэкрана. Разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте. — Сегед, 1990; Егоров В.В. Телевидение: Теория и практика. — М., 1993; Сенкевич М.П. Культура телевизионной и радиоречи. — М., 1994; Гаймакова Б.Д., Сенкевич М.П., Макарова С.К. Мастерство эфирного выступления. — М., 1996; Леонтьев А.А Психология общения. — М., 1997; Бойкова Н.Г., Беззубов А.Н., Коньков В.И. Публицистический стиль. — СПб, 1999; Лазарева Э.А. Язык электронных СМИ в коммуникативном аспекте // Публицистика и информация в современном обществе. — М., 2000; Чепкина Э.В. Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995—2000). — Екатеринбург, 2000.

Л.Р. Дускаева

ЯЗЫК СЕТИ ИНТЕРНЕТ. Сегодня человечество поставило себе на службу продукт информационной революции — глобальную компьютерную сеть Интернет, т.е. совокупность сетей и технических систем, а также создаваемого ими коммуникационного пространства. Общение в такой среде, как Интернет, имеет отличительные особенности сравнительно с традиционной коммуникацией, соответственно специфично и использование в сети языка.

В лингвистике проблема «язык и компьютер» в прикладном плане была поставлена в период создания первых компьютеров в середине XX в. В рамках этой проблемы традиционными стали исследования по применению естественного языка для общения с компьютером, по созданию для этих же целей искусственных языков, по лингвистическим основам искусственного интеллекта, по проблематике машинного перевода и автоматизированного реферирования и проч. (см.: *Пиотровский* 1975; НЗЛ 1989; *Филиппович, Родионов, Черкасова* 1990; *Граудина* 1996 и др.). Вместе с тем язык Интернета как лингвистический феномен стал предметом специального изучения сравнительно недавно. Так, Л.Ю. Иванов исследует проблему обратного воздействия компьютеров, глобальной сети, искусственных языков на рус. лит. язык, отмечая при этом, во-первых, одновременное усложнение одних и упрощение других средств сравнительно с аналогичными в лит. языке, не подвергшемся воздействию глобальной сети; во-вторых, конкуренцию норм письменной и устной речи. В целом же очевидна неизученность языка Интернета в современной лингвистике.

Как отмечает А.И. Акопов, Интернет представляет собой множество не связанных между собой областей общения, функционирующих автономно. Соответственно язык Интернета функц.-стилистически весьма р а з н о р о д е н, следовательно, неоднородны и его ж а н р ы, использующиеся в различных сферах общения, представленных в сети. Причем, по мнению Л.Ю. Иванова, в такой активно развивающейся среде функционируют жанры, заимствованные из традиционной, несетевой коммуникации, и исконно сетевые; среди тех и других регулярно появляются новые жанры и отмирают старые. Заимствованные жанры (науч. и публиц. статьи, худож. произведения и т.п., переведенные в цифровой формат) транспонированы из традиционной коммуникации и не изменяются в условиях их виртуального бытования, тогда как исконно сетевые жанры формируются под влиянием условий Интернет-общения (чаты, конференции, дискуссионные группы, опросы, анкеты, «сетература», т.е. произведения разных стилей и жанров, созданные специально для публикации только в сети) (*Иванов* 2000).

Адресатом Интернет-сообщения является отдельный пользователь, со свойственными только ему запросами. Информационная деятельность здесь не «широковещание», а «узковещание», причем производитель информации и её потребитель абсолютно равноправны в силу интерактивной природы самого сетевого общения. Формирование и функционирование различных жанров происходит в условиях дистантного, опосре-

дованного совокупностью сетей и технических систем общения, внутри соответствующих сфер деятельности (науч., публиц., правовой, эстетич., религиозной, бытовой).

Качественное своеобразие языкового облика сетевых разг. жанров создается контаминацией речевых разновидностей, своеобразным сочетанием их признаков. В частности, монологические тексты отдельных пользователей являются реакцией на предыдущие сообщения и стимулом для последующих, что делает эти тексты в высшей степени диалогичными. Письменная по форме речь близка к устной: будучи обычно спонтанной или частично подготовленной, она исправляется на ходу, содержит повторы, оговорки, поправки, самоперебивы, уточнения, добавления, т.е. характеризуются прерывистостью.

Потребность полноценного общения в Интернете вызвала к жизни новые знаковые системы. Так, невозможность использовать в сетевой коммуникации традиционные невербальные средства привела к созданию специальных пиктограмм, так называемых смайликов, выражающих разные чувства в виде улыбающихся и нахмурившихся рожиц, а также к применению аббревиатур (обычно англоязычных), заглавных букв, которые в качестве заменителя модуляции голоса передают его повышение, и нек. др. Все перечисленные особенности накладывают отпечаток на язык и стиль сетевых разг. жанров, в которых сочетаются вербальные средства и специальные знаки, заменяющие средства невербальные, а также устная и письменная формы речи и пр.

Язык Интернета пополняется новой лексикой за счет словообразования, напр. путем аффиксации (*отладчик*, *загрузчик, сопроцессор, оцифровка* и др.). При этом активно используются морфемы, свойственные разг. речи. Другой источник расширения словарного состава глобальной сети — лексические заимствования, главным образом из английского языка, напр.: *сервер, хакер, сайт, веб* и др. Кроме того, язык Интернета формируется под влиянием технического, в частности компьютерного, жаргона. По мнению И.А. Стернина, компьютерный жаргон содержит экспрессивные обозначения действий пользователя компьютером, деталей компьютера, названий операционных систем и программного обеспечения, языков программирования, неполадок в работе компьютера и т.п. вместо принятых официальных терминов данной сферы. Наиболее значительными тематическими группами в этом жаргоне оказываются наименования действий пользователя компьютером, деталей комплектующих, названий операционных систем. Подавляющее большинство компьютерных жаргонизмов образовано на английской основе или является кальками с английского, напр.: *аппликуха* — прикладная программа; *вин, виндуза* — операционная система windows; *брендовый* — новый; *вишасы* — добрые пожелания; *гама* — компьютерная игра и др. Вследствие подобной контаминации русского и английского языков компьютерный жаргон получил неодобрительное наименование «рунглиш». Отмечается быстрое развитие и пополнение компьютерного жаргона новыми единицами (*Стернин* 1998).

Особое место в языке глобальной сети занимает ономастическая лексика, поскольку все лица, получающие доступ в сеть, наделяются именами, как настоящими, так и псевдонимами (*никами*, от англ. nickname). При этом имена отличаются экспрессивностью: *Кассандра, ТочкаРу, Одинокая тень, Фиалка* и др.

К морфологическим особенностям языка глобальной сети относится активное использование форм императива 1 л. ед. ч. вместо формы вежливости во мн. ч. Это явление свойственно также рекламным электронным текстам: *Хочешь тачку, как эта? Жми сюда! Зайди на «Кулички»!* Оно выражает обращенность к каждому.

На уровне синтаксиса в языке Интернета отмечается сильное влияние разг. речи (простые, неполные, вопросительные, восклицательные предложения), значительна тенденция к аграмматизму — отклонению от синтаксических и пунктуационных норм лит. языка: рассогласование частей высказывания, напр.: *Если Вы предлагаете незамедлительно прекратить войну, неужели Вы не понимаете, чем это кончится*; усечение его начальной части, напр.: *Большая игра в казаки-разбойники с привязкой к местности... Почему бы и нет?;* обрыв, нарушающий синтаксическое построение высказывания, напр.: *Или дать каждому чечену по авто и дому — и тогда войны не будет.* Здесь отсутствует ожидаемый перед *или* первый член союзного соединения. Подобные пропуски ожидаемых инициальных частей реплик в диалоге довольно часто встречаются в дискуссионных группах. Так, реплика нового участника дискуссии подхватывает реплику предыдущего оратора, становится ее продолжением.

Экспрессии способствуют такие синтаксические фигуры, как эллипсис, парцелляция, амплификация. Пример эллипсиса: *Гораздо больше! Если бы только работники идеологии, то это бы ладно.* Пример парцелляции: *Высокоинтеллектуальный Миша. Вы сразу все знаете заранее. И истинные намерения З., и изначальную порочность коммуняк. Аксиома. Вот только беда. Этих порочных слишком много. Или нужно с ними считаться, или как класс под корень. А это уже было. И вы ничему не научились. Жаль.* Пример амплификации (осложненной литотой «не говоря уже о»): *Елена, а Путин со своей постоянной военной тематикой, со своими кораблями, подлодками и тракторами, не говоря уже о Чечне, которая на его совести, — неужели он это то, что надо России?* Использование фигур усиливает воздействие речи на адресата.

Благодаря технической базе в глобальной сети формируется г и п е р т е к с т, обеспечивающий нелинейную организацию содержания со стороны адресанта и возможность нелинейного восприятия сообщения со стороны адресата. Гипертекст существовал задолго до эры компьютеров, напр. как совокупность текстов Священного Писания, отдельных статей в энциклопедиях и др., которые можно читать в произвольном порядке (см.: *Купер* 1998).

Наиболее эффективным средством создания гипертекста является компьютер, поскольку вся совокупность текстов, зафиксированных в сети в письменном электронном виде и связанных с воспринимаемым

сообщением посредством ссылочного аппарата, находится в зоне непосредственной досягаемости получателя. Таким образом, одна из важнейших особенностей бытования языка в Интернете — ступенчатое развертывание гипертекста. Полная схема его развертывания такова: заголовок (ссылка) — заголовок с аннотацией — часть текста (несколько частей могут открываться последовательно) — полный текст. Получатель, которому объем информации показался недостаточным, всегда может запросить дополнительные сведения.

Исследователи указывают, что упрощение средств передачи прагматических интенций в языке Интернета типично для свода правил хорошего тона в сети: сетикета или нэтикета (от англ. netiquette). Наблюдения над процессом рождения правил речевого поведения в Интернете позволяют сделать вывод о некоторых отличиях их от этикета внесетевой реальности. Сетикет включает в себя следующие аспекты: техническую совместимость (совместимость используемых протоколов), последовательность и характер соединения (время и приоритет доступа, порядок набора, способы вступления в контакт), ограничение по объему до 1000 слов. Существует запрет на пропаганду наркотиков, детской порнографии и расизма. Как правило, в дискуссионных группах запрещаются также обидные, грубые и не относящиеся к теме дискуссии высказывания (*Иванов* 2000). В текстах частных электронных писем нередко отсутствуют обращения, подписи, используются инициалы, акронимы, смайлики и др.

Лит.: Пиотровский Р.Г. Текст. Машина. Человек. — Л., 1975; НЗЛ. Вып. XXIV. Компьютерная лингвистика. — М., 1989; Филиппович Ю.Н., Родионов Е.В., Черкасова Г.А. Языковые средства диалога человека с ЭВМ. — М., 1990; Граудина Л.К. ЭВМ и культура речи: итоги и перспективное планирование // Культура русской речи и эффективность общения. — М., 1996; Купер И.Р. Гибкие гипертекстовые системы: Материалы семинара в рамках международной конференции Hypertext'97 // РЖ «Языкознание». — 1998. — № 1; Стернин И.А. Общественные процессы и развитие современного русского языка: Очерк изменений в русском языке конца XX века. — Воронеж—Пермь, 1998; Эпштейн В.Л. Введение в гипертекст и гипертекстовые системы. — http://www.ipu.ru/publ/epstn.htm, 1998; Акопов А.И. Типологические признаки сетевых изданий // Филол. вестник РГУ. — 2000. — № 1; Иванов Л.Ю. Язык интернета: заметки лингвиста. — http://www.ivanoff.ru 2000.

Л.Р.Дускаева, О.В.Протопопова

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ — 1) важнейшая составляющая художественной формы лит. произведений, наряду с композицией выражающая их содержание (см. концепцию В.В. Одинцова, 1980); 2) худож.-беллетристический стиль как одна из функц. разновидностей лит. языка, имеющая свои лингвистические и экстралингвистические особенности; 3) особый тип речи (художественной), характерный для эстетической сферы коммуникации, отличающийся образностью, эстетической функцией, повышенной эмоциональностью,

антропоцентризмом, эстетической мотивированностью, особой ролью подтекста и т.д. (см. *Худож. стиль речи*); 4) языковые средства, отобранные автором из языковой системы и использованные в худож. произведении в соответствии с авторским замыслом; 5) свойственный писателям и поэтам стиль, манера отражения эстетического восприятия действительности в художественной форме в соответствии с языковой и концептуальной картиной мира художника слова, его творческим методом.

До сих пор это ключевое в филологии понятие (далее Я. х. л.) остается дискуссионным, допуская множественность интерпретаций. Во многом это связано с его сложностью и возможностью многоаспектного рассмотрения в соответствии с разными исследовательскими целями и задачами. Напр., цель историка русского языка, изучающего лит. произведение, — «выяснить строй и состав соответствующего языка в определенную эпоху его истории на основании того, что может быть для этой задачи извлечено из текста соответствующих памятников» (*Винокур Г.О.*, 1990, с. 113).

Цель литературоведа — рассмотреть Я. х. л. как форму выражения худож. содержания произведения и проявления творческого метода автора, его эстетического кредо: «Творчество писателя, его авторская личность, его герои, темы, идеи и образы воплощены в его языке и только в нем и через него могут быть постигнуты», — писал В.В. Виноградов (1959, с. 6). В работе «О языке художественной литературы» ученый справедливо рассматривал Я. х. л. не только как материал, характеризующий литературно-языковую систему соответствующей эпохи, но и как язык словесного искусства, как систему средств словесно-художественного выражения, в котором «находятся и выделяются черты индивидуальной творческой манеры, индивидуального стиля или мастерства» *(Виноградов*, 1959, с. 51).

Цель и задачи стилиста, изучающего Я. х. л., варьируются в зависимости от различных направлений, сложившихся в рамках данной науки. Так, для исторической стилистики, о которой писал Г.О. Винокур, важно построение «истории стилей русского письменного языка в их взаимоотношениях» (*Винокур Г.О.*, 1990, с. 116). Для описательной стилистики представляет интерес отражение в лит. произведениях различных языковых средств, взятых автором из сокровищницы рус. лит. языка, а также выявление авторских новообразований, потенциально способных обогащать языковую систему. Функц. стилистику интересуют эстетические функции языковых средств разных уровней, использованных автором в тексте, отражение в Я. х. л. стилевых черт, свойственных худож. стилю речи, особенности худож.-образной конкретизации (термин М.Н. Кожиной), механизм ее создания и т.д.

В развитие стилистики худож. литературы особенно велик вклад В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, А.М. Пешковского, Б.А. Ларина, Л.В. Щербы. По мнению В.В. Виноградова, «исследование «языка» (или, лучше, стилей) худож. литературы должно составить предмет особой филологической науки, близкой к языкознанию и литературоведению, но

вместе с тем отличной от того и другого» (*Виноградов*, 1959, с. 4). В рамках этого направления изучается «язык в его худож. функции, язык как материал искусства, в отличие, напр., от языка как материала логической мысли, науки» (*Винокур Г.О.*, 1990, с. 129). Для стилистики худож. литературы анализ Я. х. л. означает внимание к проблемам «языка» («стиля») художественного произведения и «языка» («стиля») писателя. И та и другая проблема опираются на понятие индивидуального стиля и обусловлены им» (*Виноградов*, 1959, с. 84).

В рамках нового направления стилистических исследований — коммуникативной стилистики текста — Я. х. л. рассматривается как «коммуникативная система знаков и знаковых последовательностей, отражающая сопряженную модель деятельности автора и адресата» (*Сидоров*, 1987), как регулятивная система сигналов эстетической информации, стимулирующая в сознании читателя различные текстовые ассоциации, значимые для процесса формирования смысла и творческого диалога автора и читателя.

Для конкретизации понятия «Я. х. л.» необходимо рассмотреть его соотношение со смежными понятиями «лит. язык»», «худож. речь», «поэтический язык». В вопросе о соотношении языка худож. литературы и лит. языка в настоящее время разногласий между учеными нет. Все они признают взаимосвязь этих понятий, рассматривая худож. литературу как творческую лабораторию, «в которой открываются новые способы и средства поэтического использования народной речи» (*В.В. Виноградов*). В работе «Язык художественных произведений» (1954) исследователь отмечал: «Пользуясь общенародным языком своего времени, он (писатель) отбирает, комбинирует и — в соответствии со своим творческим замыслом — объединяет разные средства словарного состава и грамматического строя своего родного языка». Эту же мысль подчеркивает Г.О. Винокур: «Самое различие между поэтическим стилем речи и общим языком образовательной среды вообще не обязательно и в известных условиях может отсутствовать» (1990, с. 141). В другой статье «Об изучении языка литературных произведений» ученый высказывается более категорично: «Поэтический язык не существует без прочных корней в языке реальной действительности» (1990, с. 129).

Однако связь языка худож. литературы и лит. языка не означает тождества данных понятий: Я. х. л. может выходить за пределы собственно лит. языка как в его прошлое, так и в область диалектной и жаргонной речи в случае эстетической обусловленности соответствующих языковых средств. Вместе с тем «язык подлинно худож. произведения не может далеко и значительно отступать от основы общенародного языка, иначе он перестанет быть общепонятным», — справедливо отмечал В.В. Виноградов (1959, с. 219). Т. о., понятие «Я. х. л.» — более широкое сравнительно с понятием «лит. язык». С другой стороны, возможна более узкая трактовка Я. х. л. как одной из функц.-стилевых разновидностей лит. языка.

У этой точки зрения есть свои сторонники (их большинство) и оппоненты. Не признают в качестве особого стиля Я. х. л. Л.Ю. Максимов,

Н.А. Мещерский, К.А. Панфилов, Д.Н. Шмелев, А.И. Горшков и др. Ими выдвигаются следующие аргументы: 1) Я. х. л. специфичен, по ряду признаков он противостоит литературному языку; 2) у Я. х. л. особая эстетическая функция; 3) Я. х. л. многостилен, не замкнут.

В качестве контраргументов ученые отмечают: 1) хотя в худож. речи и используются отдельные черты и элементы других стилей, худож. речь, как и всякий другой стиль, характеризуется целостностью и единством, поскольку средства других стилей трансформируются, попав в ткань худож. произведения (*Кожина*, 1993); 2) эстетическая функция — одна из функций лит. языка, одна из сфер его реализации, основывающаяся на коммуникативной функции; 3) для Я. х. л., как и для других стилей, характерны лингвистические и экстралингвистические особенности и стилевые черты.

Я. х. л. нередко соотносят с поэтическим языком и худож. речью, которая трактуется, во-первых, широко, как образная речь в разных сферах общения. На это указывал В.В. Одинцов: «Внешне вполне худож. речь может быть и нехудожественной (в эстетическом смысле), и наоборот, простое, непритязательное изложение может преследовать (и достигать) худож.-эстетические цели как в текстах худож. литературы, так и за ее пределами» (*Одинцов*, 1980, с. 62). С этой точки зрения худож. речи близко понятие «поэтический язык» в его расширенном значении, трактуемое В.П. Григорьевым (1979, с. 76—78) как «язык с установкой на творчество». Как отмечает автор, «поскольку всякое творчество подлежит и эстетической оценке, это язык с установкой на эстетически значимое творчество, хотя бы самое минимальное, ограниченное рамками одного только слова». Однако и при таком подходе Я. х. л. — «сфера действия поэтического языка по преимуществу».

При узкой трактовке худож. речи она соотносится исследователями только с понятием «Я. х. л.», которое вызывает дискуссию. Против использования этого термина выступил, напр., В.В. Кожинов в статье «Слово как форма образа» (1964): «Если мы хотим обладать строгой терминологией, мы не имеем права употреблять выражения вроде «язык худож. литературы», «язык писателя», а тем более «язык Пушкина», «язык Толстого»». Как писал исследователь, «предмет стилистики — не язык в собственном смысле, но именно «речь», осуществление языка в конкретных высказываниях — в произведениях литературы, науки, публицистики, в устном общении людей» (1964, с. 7).

Если В.В. Кожинов полагал, что «в известном смысле произведение худож. литературы и есть не что иное, как худож. речь» (1964, с. 3), то В.П. Григорьев не без основания утверждал: «Речь без языка, текст без языка, а худож. произведение без худож. языка — это научные фикции» (1977, с. 265). По справедливому мнению ученого, «худож. литература — это ряд произведений, процесс. Не менее важно и другое: в этом процессе проявляется не только худож. литература как множество конкретно наблюдаемых объектов, но и худож. язык как относительно самостоятельный объект исследования» (*Григорьев*, 1977, с. 268).

Заслуживает внимания особая точка зрения по данному вопросу Р.А. Будагова. Рассматривая соотношение эстетики языка и речи, он отмечал: «Первая относится к самим ресурсам и возможностям языка, вторая — реализации подобных ресурсов и возможностей в том или ином тексте, у того или иного писателя» (*Будагов*, 1975, с. 68). С этим связана и концепция Г.О. Винокура, писавшего о «поэтическом языке» как «средствах языка в речи», как «языке, употребленном в поэтических произведениях» (*Винокур Г.О.*, 1990, с. 140).

К особенностям Я. х. л. (худож. речи) исследователи относят: употребление языковых средств других стилей, использование, наряду с литературными, и внелитературных средств в эстетических целях, образность, явную эмоциональность, «семантическую осложненность слов» (*Б.А. Ларин*), антропоцентричность, значимость имплицитного выражения (*А.В. Федоров*, *И.Я. Чернухина*), неповторимость и свежесть языковых средств для создания образов (*Б.А. Ларин*, *М.Н. Кожина* и др.), точность речи как верность образу (*М.Н. Кожина*, *А.И. Горшков*), алогичность, наличие аномалий (*М.Н. Кожина*, *Н.Г. Комлев*), избыточность (*М.Н. Кожина*, *Н.В. Черемисина*), наличие внутренней формы, трактуемой как способность одного содержания служить формой выражения другого содержания (*Г.О. Винокур*), и др. Наиболее яркой особенностью худож. речи называют ее способность выполнять эстетическую функцию. При этом одни исследователи связывают ее только с худож. произведениями, другие — с различными проявлениями эмоциональности, экспрессивности, языкового творчества. Одни считают ее частью коммуникативной функции, другие усматривают ее специфику в том, что эта функция не является модификацией коммуникативной функции.

Эстетическую функцию определяют как способность языкового знака быть составным элементом образа (*Г.А. Лесскис*); как подчиненность отдельного произведения идейно-художественному замыслу (*В.П. Ковалев*); как наилучшим образом, наиболее целесообразно в соответствии с назначением искусства слова осуществляемую коммуникативную функцию (*М.Н. Кожина*) и т.д.

Наряду с эстетической, выделяют и стилистическую функцию языковых средств худож. произведения. Их дифференцируют по протяженности контекстов, в которых используются языковые единицы (*З.И. Хованская*). Эстетическая функция языковых средств рассматривается в рамках целого произведения. Вполне оправданной является точка зрения М.Н. Кожиной (1977, с. 49): «это функция произведения искусства, реализующаяся с помощью всех уровней и компонентов худож. структуры, для которых язык является средством материализации».

В 1966 году вышла в свет работа М.Н. Кожиной «О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики», в которой в качестве специфической черты художественной речи сформулирована идея *художественно-образной речевой конкретизации* (см.), суть которой заключается в системном, комплексном характере оценки средств и способов создания образности: от фонетических до синтаксических.

Т. о., идея системного подхода к определению специфики худож. речи нашла здесь свое законченное воплощение. Основные положения этой концепции уходят своими корнями в теории А.М. Пешковского, Г.О. Винокура, В.В. Виноградова и др. исследователей Я. х. л. (как худож. речи).

В последние десятилетия в стилистике худож. литературы делаются попытки дальнейшей разработки вопроса о специфике худож. речи, ведутся поиски языковых основ ее образности, ставится и решается вопрос об аспектах изучения худож. речи (ср. работы *Д.Н. Шмелева*, *Е.Г. Ковалевской*, *Л.А. Новикова*, *В.П. Григорьева*, *А.И. Федорова*, *А.Н. Васильевой* и др.).

Смена науч. парадигмы и связанный с этим интерес к коммуникативным аспектам анализа худож. произведений обусловили подход к Я. х. л. как к способу выражения и репрезентации языковой и концептуальной картины мира автора, «стоящего» за текстом (Ю.Н. Караулов). В связи с интенсивным развитием когнитивной лингвистики особую актуальность приобретает исследование средств репрезентации ключевых концептов в их текстовом воплощении, изучение языковых способов организации познавательной деятельности читателей, анализ различных речевых средств, формирующих эстетический эффект текста, определяющих его прагматику и семантику. Исследование Я. х. л., т. о., приобретает ярко выраженную антропоцентрическую и коммуникативно-деятельностную направленность. Дальнейшее развитие науки о языке худож. литературы невозможно вне этих тенденций.

Лит.: Виноградов В.В. Язык художественного произведения. — ВЯ. — 1954. — № 5; Его же: Наука о языке художественной литературы и ее задачи. — М., 1958; Его же: О языке художественной литературы. — М., 1959; Его же: Избранные труды: О языке художественной прозы. — М., 1980; Шкловский В. Художественная проза. Размышления и разборы. — М., 1961; Кожина М.Н. О понятии стиля и месте языка художественной литературы среди функциональных стилей. — Пермь, 1962; Ее же: О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики. — Пермь, 1966; Ее же: Стилистика русского языка. — М., 1993; Кожинов В.В. Слово как форма образа // Слово и образ. — М., 1969; Бахтин М.М. Слово в поэзии и прозе, «ВЛ», 1972. — № 6; Ларин Б.А. Эстетика слова и язык писателя. — Л., 1974; Будагов Р.А. Эстетика слова. «Рус. речь», 1975. — № 4; Григорьев В.П. От текста к языку и снова к тексту. «Изв. АН СССР», ОЛЯ, 1977. — № 3. Т. 36; Его же: Поэтика слова. — М., 1979; Языковые процессы современной русской художественной литературы. Поэзия. — М., 1977; Языковые процессы современной русской художественной литературы. Проза. — М., 1977; Лихачев Д.С. К специфике художественного слова, «Изв. АН СССР. Сер. Л и Я», 1979. Т. 38. — № 6; Ревзина О.Г. К построению лингвистической теории языка художественной литературы // Теоретические и прикладные аспекты вычислительной лингвистики. — М., 1981; Васильева А.Н. Художественная речь: Курс лекций по стилистике для филологов. — М., 1983; Федоров А.И. Образная речь. — Новосибирск, 1985; Григорьев В.П., Ковтунова И.И. Поэтическая речь как форма коммуникации. — ВЯ. — 1986. — № 1; Винокур Г.О. Об изучении языка литературных произведений // Филологические исследования. — М., 1990; Его же: Язык литературы и литературный язык. Там же; Томашевский Б.В. Поэтика. — М., 1996; Веселовский А.Н. Язык поэзии и язык прозы // Русская словесность: От теории словесно-

сти к структуре текста. Антология / Под ред. проф. В.П. Нерознака. — М., 1997.

Н.С. Болотнова

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА — определенный тип речевого поведения говорящих, основанный на преднамеренном (сознательном, продуманном) нарушении системных отношений языка, т.е. на деструкции речевой нормы с целью создания неканонических языковых форм и структур, приобретающих в результате этой деструкции экспрессивное значение и способность вызывать у слушателя/читателя эстетический и, в целом, *стилистический эффект* (см.). Чаще всего Я. и. связана с выражением в речи комических смыслов или с желанием создать «свежий, новый образ». Я. и. свойственна преимущественно разг., публиц. и худож. стилям речи.

Термином «языковая игра», введенным в лингвистику Л. Витгенштейном, обозначается специфическое употребление языковых единиц, осознанное говорящим в функциональном отношении, т.е. соотнесенное со сферой общения. Я. и. связана с активностью языковой личности и способностью творчески использовать языковые знания.

Понимание Я. и. вне креативной деятельности невозможно, т.к. 1) способность субъекта к яркому, необычному, эффектному употреблению слова (или выражения) всегда вторична по отношению к знанию языковой системы и владению ее нормативными связями, т.е. умение «играть словом» предполагает владение *стилистическим* аспектом языка; 2) «игровой» момент в речевом общении может появиться лишь тогда, когда говорящий осуществляет целенаправленный поиск приемов разрушения конвенциональных языковых структур и связанных с ними стереотипов речевого восприятия; 3) Я. и. всегда адресна: будучи целенаправленной и продуманной именно как эффектный вариант языкового употребления, она не может состояться как таковая без понимания ее адресатом; 4) Я. и. всегда направлена на создание в языковой (речевой) структуре нового смысла, незнакомого ранее слушателю/читателю.

Я. и. является одним из многочисленных вариантов реализации *стилистического задания* (см.), которое планируется и осуществляется говорящим с целью достижения определенного стилистического эффекта — компонента стилистической структуры коммуникативного акта, или «узуально-стилевого комплекса» (термин Т.Г. Винокур): стилистическое задание — стилистическое значение — стилистический эффект. В рамках речевого узуса *стилистическое значение* (см.) служит звеном, объединяющим данную оппозицию на основе причинно-следственной связи.

Критерием разграничения фактов Я. и. и речевых ошибок является языковая и — шире — стилистическая компетенция говорящего. В отличие от речевых ошибок Я. и. строится благодаря знанию системных языковых связей и владению стилистическими закономерностями употребления единиц языка, а также учету жанровой специфики речепроизвод-

ства. Я. и. имеет двойную направленность: это языковое и собственно речевое явление, ибо для реализации Я. и. первостепенное значение имеет умение творчески нарушить (перестроить) усвоенные модели стандартного употребления языка; ср. известную строку А.С. Пушкина: «Без грамматической ошибки я русской речи не люблю». В связи с этим можно говорить о том, что Я. и. — это явление *функционально-стилистическое* (см.).

Эффект Я. и. основывается на ассоциативном потенциале слова — ассоциативной валентности слова, допускающей варьирование при совмещении его плана выражения и плана содержания и — как результат — различную интерпретацию его значения (*Гридина*, 1996, с. 33—63). В контексте реализуется та или иная частная ассоциативная валентность слова — фонетическая, семантическая, лексическая, словообразовательная, синтаксическая. Каждая из этих частных валентностей выступает как тот или иной механизм Я. и. Кроме того, ассоциативная природа Я. и. свидетельствует о том, что важным средством ее создания в речи является *метафора* (см. *Стилистические ресурсы лексики*).

На фонетическом уровне Я. и. реализуется с помощью таких приемов, как *анаграмма*, *палиндром*, *звукоподражание*, *звукосимволика*, а также различные *фоносемантические сближения* слов. Напр.: анаграмма (высказывание, характеризующееся тождеством звукового состава лексем при различии сочетаемости и последовательности фонем) — *На дворе трава, на траве дрова*; *Купи кипу пик*; *Шла Саша по шоссе и сосала сушку* и т.п.; палиндром (сохранение одного и того же смысла слова/фразы при чтении слева направо и справа налево) — *Ишак ищет у тещи каши*; *А роза упала на лапу Азора*; *топот*; *шалаш* и т.п.; омофоническое сближение слов (эффект «ослышки», основанный на омофоническом переразложении слов в потоке речи) — Бабушка дочитывает сказку внуку: «*Стали они жить-поживать и добра наживать*». Дослушав, внук спрашивает: «*Бабушка, а какого они жевали добрана?*»; *Купи мне безе! — Зачем тебе, ты и без Бизе Кармен*; и т.п.; омонимическое сближение слов (несоответствие значений сопоставляемых слов, основанное на омонимии) — *Когда мальчика называют женским именем? — Когда он соня*; *Какой город летает? — Орел*; «*Ты, Петька, что пишешь?*» — «*Оперу, Василий Иванович*». — «*Какому такому оперу?!*» (анекдот); *Пардону просим* — ассоциативная замена рус. «прощение» на франц. «pardon»; автомобиль иностранной марки «Grand cherokee» шутливо называется в народе *широкий-широкий* (ср.: ‘grand’ — в переводе с англ. ‘большой, огромный’ и ‘cherokee’, выступающий здесь как фонетический аналог рус. ‘широкий’); с*троитель* — ассоциативное объединение значений ‘человек, работающий на стройке’ и ‘любящий выпить на троих, стройть’; *кролик* — пловец, специализирующийся в плавании кролем; *кармен* в значении ‘шофер’ (результат соединения англ. *car* — ‘автомобиль’ и *man* — ‘мужчина’) и т.п.; паронимическое сближение слов (сдвиг в оценочной квалификации обозначаемого, выявляющий оценочный парадокс) — *Прихватизация* (ассоциативное объединение разных значений при осмыслении при-

ватизации как стремления схватить, украсть, присвоить); *календурь* (вместо ‘календарь’ при подчеркивании его комического, шутливого содержания); *Дрязги шампанского* (вместо ‘брызги’); *Бредни губернатора* (вместо ‘будни’); расшифровка аббревиатуры ООО как ‘*Общество с безграничной безответственностью’* (вместо ‘Общество с ограниченной ответственностью’) и т.п.

На морфологическом уровне Я. и. основана на сознательном нарушении фономорфологического восприятия лексических единиц, напр.: *Супостат* — ‘остатки супа’; *папазол* — ‘трезвый отец’; *барсук* — ‘бар для собак’; *Музыкайфная волна* — ‘молодежная музыкальная волна’; «*Комсомольская правДа!*»; *Эльдорадио* от ‘эльдорадо’ и т.п.

На лексическом уровне Я. и. создается благодаря несовпадению семантического наполнения мотивирующей и мотивированной основ в акте словообразования, напр.: *Опять уже остограмились!*; *Здесь в городе он совсем обынтеллигентился*; *Обычайное дело* (от ‘необычайное происшествие’); *Желтопресная газета* (от ‘желтая пресса’); *Фешемебельные апартаменты* (от ‘фешенебельные’) и др.

Кроме того, Я. и. реализуется в высказывании с помощью перестройки синтаксических связей, когда ключевым инструментом создания «нового образа» являются контекст и создаваемая им потенциальная вариантность семантики слов, словосочетаний, а также смысловых отношений между частями предложения. В последнем случае Я. и. создает «эффект обманутого ожидания»: прогнозируемый реципиентом смысл фразы разрушается за счет нетипичного (неожидаемого) порядка слов или введения нетипичных для данной синтаксической конструкции лексических компонентов. Напр.: *Курить я буду, но пить не перестану* (каламбур); *Наш человек всегда там, где трудно. Трудно всегда там, где наш человек* (каламбур) и т.п.

Важным свойством Я. и. этого типа является то, что, начинаясь как деструкция строя предложения, она (Я. и.) оказывается явлением именно т е к с т о в ы м: сам факт игры становится понятными только из всего окружающего контекста или даже целого текста (ср. «деструктивный» язык текстов А. Платонова). Именно на этом уровне Я. и. в полной мере реализует свой деятельностный, творческий характер благодаря способности «синтаксически деструктивных» единиц распространять комический или сатирический смысл на более широкое текстовое пространство вплоть до создания особой художественной концепции. В качестве текстовых средств Я. и. часто выступают различного рода каламбуры, многозначные лексемы, точное значение которых (чаще всего нетипичное для них) проясняется только окружающим контекстом, а также особые, концептуально продуманные автором случаи нарушения нормативных синтаксических связей. Напр.: *Почему у вас ягоды зеленые? — Потому что они еще зеленые* (каламбур); *На столе у нас обычно была закуска типа «Я тебя умоляю»* (В. Ерофеев); *Вчерашний день, таким образом, помаленьку высветлялся* — в смысле ‘в мутном и вязком от похмелья сознании Степы Лиходеева прояснялись события вчерашнего дня’ (М. Булгаков); *По-*

жилой товарищ делает нам залегание по вопросу необходимого стыда для власти; *Дванов не знал, куда думать* (А. Платонов) и т.п.

Лит.: Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. — М., 1980; Витгенштейн Л. Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. — М., 1985; Уварова Н.Л. Логико-семантические типы языковой игры (на материале английской диалогической речи). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Горький, 1986; Арутюнова Н.Д. Ненормативные явления и язык // Язык и логическая теория. — М., 1987; Норман Б.Ю. Язык: знакомый незнакомец. — Минск, 1987; Телия В.Н. Метафора как модель словопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. — М., 1988; Фуко Б. Лингвистические структуры, порождаемые игрой слов // РЖ «Общественные науки за рубежом. Языкознание». — 1990. — № 6; Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. — Екатеринбург, 1996.

Н.В. Данилевская

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА — см. *Языковая личность*.

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ есть личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств. В лингвистике Я. л. — это понятие, связанное с изучением *языковой картины мира* (ЯКМ), которая представляет собой результат взаимодействия системы ценностей человека с его жизненными целями, мотивами поведения, установками и проявляется в текстах, создаваемых данным человеком. Полное описание языковой личности в целях ее анализа или синтеза, по мнению Ю.Н. Караулова, предполагает: а) характеристику семантико-строевого уровня ее организации (т.е. либо исчерпывающее его описание, либо дифференциальное, фиксирующее лишь индивидуальные отличия и осуществляемые на фоне усредненного представления данного языкового строя); б) реконструкцию языковой модели мира, или тезауруса данной личности (на основе произведенных ею текстов или на основе специального тестирования); в) выявление ее жизненных или ситуативных доминант, установок, мотивов, находящих отражение в процессах порождения текстов и их содержании, а также в особенностях восприятия чужих текстов. Я. л. — многоуровневое понятие, характеризующееся противоречивостью соотношения стабильных и изменчивых элементов, устойчивости мотивационных предрасположений и способности подвергаться внешним воздействиям и самовоздействию — противоречивостью, проявляющейся на каждом уровне Я. л.: семантическом, когнитивном и мотивационном. Стабильная, вневременная, инвариантная часть в структуре Я. л. соотносится на семантическом уровне с общерусским языковым типом и устойчивой частью вербально-семантических ассоциаций, на лингво-когнитивном уровне — с базовой, инвариантной частью ЯКМ, на мотивационном уровне — с устойчивыми коммуникативными потребностями и коммуникативными чертами, или готовностями, информирующими о внут-

ренних установках, целях и мотивах личности. Т. н. вневременная часть в структуре Я. л. является таковой только в масштабе самой личности, по отношению к ее временным изменениям, оказываясь продуктом достаточно длительного исторического развития. Временные, изменчивые, статистически вариативные части структуры Я. л. опираются на системно-структурные данные о состоянии языка в соответствующий период, на социальные и социолингвистические характеристики языковой общности, а также сведения психологические, обусловливающие те ценностно-установочные критерии, которые и создают уникальный, неповторимый эстетический и эмоционально-риторический колорит ее дискурса (или ее речи, всех текстов, ее «языка»).

Связь и взаимодействие уровней в структуре Я. л. осуществляется на основе экстралингвистической информации: от вербально-семантического уровня легко перейти к лингво-когнитивному и реконструировать тезаурус личности. Для перехода к мотивационно-прагматическому уровню нужна дополнительная информация о социальном функционировании Я. л., ее сознательных ролях. Поскольку личность не только социальна, но и индивидуальна, при переходе к ее прагматическому уровню необходима психологическая составляющая, а именно эмоциональная, характеризующая ее специфику в коммуникативно-деятельностной сфере.

Лит.: Дридзе Т.М. Интерпретационные характеристики и классификация текстов (с учетом специфики интерпретационных сдвигов // Смысловое восприятие речевого сообщения. — М., 1976; Зимняя И.А. Психологическая схема смыслового восприятия // Смысловое восприятие речевого сообщения. — М., 1976; Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Л., 1984. Исследования речевого мышления в психолингвистике. — М., 1985; Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. — М., 1987; Его же: Метатекстовые элементы как средство экспликации языковой личности (на примере научных работ В.В. Виноградова) // Аспирантский сборник НГПУ — 2001. Ч. 6. — Новосибирск, 2001; Винокур Т.Г. К характеристике говорящего. Интенция и реакция // Язык и личность. — М., 1989; Федорченко И.А. Метафорическая и метатекстовая константы языковой личности академика В.В. Виноградова. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Барнаул, 2002.

М.П. Котюрова

ЯЗЫКОВЕДЧЕСКИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ: ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ. В современной парадигме языкознания, характеризующейся функционально-деятельностным и антропоцентрическим подходом(ами) к исследованию языка, все более распространенным становится дискурсивный анализ (Д. а.), как правило, опирающийся на учет экстралингвистических факторов. При этом обращение к Д. а. приводит к расширению традиционного объекта лингвистики, понимаемого теперь как «Междисциплинарная область знания, в которой, наряду с лингвистами участвуют и социологи, психологи... стилисты и философы [...]. Косвенные отношения связывают теорию дискурса с риторикой, раз-

ными версиями учения о функциональных стилях, с психолингвистикой, а также с разными направлениями в исследовании разговорной речи» (БСЭ. Языкознание, 1998). В.З. Демьянков, например, отмечает, что «формальные критерии дискурса рассматривают формы существования разговорного языка» (1995, с. 281). Ю.С. Степанов подчеркивает: «Дискурс — это первоначально особое использование языка для выражения особой ментальности...» (1995, с. 35—73). О необходимости комплементарного, интегрирующего подхода, объединяющего лингвистику текста и анализ дискурса, говорится в современных работах отечественных исследователей (см. *О.Г. Ревзина, М.Л. Макаров, М.К. Басималиева*).

Как известно, дискурс — многозначный термин. Различные подходы объединяет взгляд на Д. как на комплексный объект исследования, не поддающийся анализу на основе традиционных лингвистических методик, т.к. дискурсивные правила неимманентны правилам языковой системы. Можно выделить следующие трактовки термина-понятия «дискурс» и аспекты Д. а., развиваемые преимущественно в зарубежной лингвистике.

1. Группа высказываний, связанных между собой по смыслу и/или некоторым способом внутритекстовой организации, напр., «речь, присваиваемая говорящим, в противоположность «повествованию», которое разворачивается без эксплицитного вмешательства субъекта высказывания» (*Бенвенист*). В таком отрезке текста могут анализироваться способы связности и другие языковые практики, экстраполированные за пределы предложения, что позволяет выявить коммуникативную компетенцию говорящих, а также учесть влияющие на процесс текстопорождения культурные факторы, которые не относятся к собственно языку. Французская школа анализа Д. (*Пешё, Серио*) изучает разные типы порождения высказываний, т.е. понимает под Д. не эмпирический, а теоретический объект — инвариант для ряда актуализированных высказываний.

2. Устный или письменный текст, вербальный продукт коммуникативной деятельности, высказывание-результат, являющееся объектом интерпретации для реципиентов. В рамках данного подхода дискурс как явление речи противопоставляется тексту как абстрактной грамматической структуре, взятой только в аспекте системы языка или формальных лингвистических знаний, лингвистической компетентности. Теория речевых актов.

3. Комплексное «коммуникативное событие» (*ван Дейк*), протекающее между адресантом и адресатом в определенном социальном контексте (временном, пространственном и др.). Дискурс отражает вербальные и невербальные составляющие как письменной, так и устной коммуникации, все многообразие исторической эпохи, богатство индивидуальных характеристик участников акта общения (социальных, культурных, психологических). Данное направление анализа Д. подчеркивает динамический аспект функционирования текста.

4. Социально обусловленная система речи и действия, социальная формация, предписывающая правила говорения (*М. Фуко*). Понятие,

имеющее более высокую степень абстракции, чем предыдущие. Д. в этом понимании может охватывать исторический период, социальную общность или тип культуры. Виртуально Д. включает в себя ресурсы, необходимые для производства текстов в данном дискурсивном пространстве, и правила, регулирующие процесс текстопорождения — производство текста адресантом и восприятие текста адресатом. Для коммуникантов эта виртуальная структура существует в виде отпечатков в памяти, а также в момент ее опредмечивания в действии. Актуально дискурс представлен в реальном процессе коммуникации и в совокупности текстов, произведенных в пространстве Д. Дискурсивные практики — анонимная система для построения новых высказываний, которой может воспользоваться любой включившийся в пространство Д. коммуникант. Структура дискурса накладывает ограничения на коммуникативную деятельность и одновременно предоставляет возможности для текстопорождения. Ведущие дискурсивные практики — практики формирования объектов, концептов, позиций коммуникантов. При этом объекты формируются по имманентным данному Д. правилам, концепты, функционирующие в пространстве дискурса, не могут отождествляться с ментальными структурами реальных коммуникантов, и, таким образом, можно говорить о том, что каждый Д. конструирует собственную «реальность». Дискурсивные текстопорождающие практики опредмечиваются в кодах, которые носят интертекстуальный характер, т.е. не поддаются выявлению и анализу в рамках текста как завершенной целостности.

Этот подход сближается по некоторым характеристикам с функциональной стилистикой, особенно если концептуализировать дискурсивное пространство в соответствии со сферами социокультурной деятельности. В то же время возможно выделение типов Д., не совпадающих по объекту с традиционно выделяемыми функциональными стилями (Д. агитационный, рекламный, идеологический или, скажем, медицинский, экономический). Существенным отличием дискурсивного анализа, особенно в лингвофилософских исследованиях постклассического направления, является то, что обращение к понятиям «дискурсивная практика» и «код» позволяет учитывать не только целенаправленную сознательную деятельность коммуникантов, но и факторы, организующие правила дискурсивного текстопорождения на бессознательном уровне: автоматическое воспроизведение коммуникантами знакомых дискурсивных практик и культурных кодов.

Лит.: Семиотика. — М., 1973; Бенвенист Э. Общая лингвистика. — М., 1974; ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация — М., 1989; Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX в. // Язык и наука конца XX в. — М., 1995; Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности Язык и наука XX в. — М., 1995; Фуко М. Археология знания — Киев, 1996; Кибрик А.А., Плунгян В.А. Дискурсивно-ориентированные исследования // Фундаментальные напрвления совр. американской лингвистики. — М., 1997; Большой энциклопедический словарь. Языкознание. — М., 1998; Макаров М.Л. Интерпретативный анализ дискурса а малой группе — Тверь, 1998; Басималиева М.К. О понятиях «текст» и «дис-

курс». — Филол. науки. — 1999. — № 3; Ревзина О.Г. Язык и дискурс. — Вестник Моск. ун-та. — Сер. 9. — 1999 — № 1; Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. — М., 1999; Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса — СПб., 2001; Чепкина Э.В. Руский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995—2000): Дисс. ... д-ра филол. наук — Екатеринбург, 2001; Мишланова С.Л., Пермякова Т.М. Дискурс: в поисках новой парадигмы // Стереотипность и творчество в тексте. — Пермь, 2001; Чернявская В.Е. Дискурс как объект лингвистического исследования // Текст и дискурс. — СПб., 2001; Алексеева Л.М., Мишланова С.Л. Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа. — Пермь, 2002.

Э.В. Чепкина

ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ ФУНКЦИЯ — см. Функция языковой игры.

ЯЗЫКОВО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ СМИ. Из всех функциональных стилей русского языка наиболее заметные изменения в последние полтора десятилетия зафиксированы в СМИ, что естественно и закономерно при учете глобальных политико-социальных преобразований, происшедших в России с 1985 г. Уже в 90-е г. появились работы, посвященные анализу различных аспектов публицистического стиля: семантических процессов в области лексики и фразеологии (*Говердовская* 1992*; Ермакова* 1996*; Поспелова* 1991 и др.), метафорического фонда стиля (*Бессарабова* 1996), семантико-стилистической сочетаемости в связи с проблемой стилевой нормы (*Какорина* 1992), выражения авторской позиции в публицистике (*Кайда* 1992), аргументации в публицистическом тексте (*Аргументация* 1992), а также в жанровой системе газеты (*Виноградов* 1996; *Майданова* 1990*; Майданова, Соболева, Чепкина* 1997*; Солганик* 1996*; Кройчик* 2001) и мн. др. Наконец, особенности современной речевой практики проанализированы и проиллюстрированы преимущественно материалами СМИ в монографиях В.Г. Костомарова «Языковой вкус эпохи» (1997), «Русский язык конца XX столетия (1985—1995)» (2000).

При этом все исследователи отмечают экстралингвистическую обусловленность лингвостилистических изменений в данной сфере. Публицистическая сфера, как бы напрямую связанная с областью социальных отношений, быстрее всех отреагировала на изменения в этой области. Среди экстралингвистических факторов, вызвавших преобразования в стиле, прежде всего выделяются такие, как изменение статуса и функций СМИ в обществе, обретение демократических свобод (печати, слова), отмена цензуры, перестройка системы СМИ под влиянием политического, идеологического расслоения общества, развитие конкурентных отношений между СМИ, изменение коммуникативного статуса аудитории.

За последние полтора десятилетия в русском публицистическом стиле зафиксированы изменения: 1) информационной нормы в стиле, в связи с этим усиление информационной функции СМИ; 2) в экспликации

как информационной, так и воздействующей функции, вызванные преобразованиями в выражении субъекта речи, а также в презентации отношений с адресатом; 3) в жанровой системе; 4) стилистики СМИ разных типологических групп. Эти преобразования коснулись языка всех СМИ, включая электронные, но более всего исследована в этом отношении газетная речь.

1. Прежняя идеологизированная информационная норма вступала в непреодолимое противоречие с объективной информационной нормой по крайней мере по двум параметрам: в идеологически ангажированной прессе информация, с одной стороны, была избыточной, а с другой — редуцированной и поэтому недостаточной; она отличалась высокой степенью недостоверности (*Виноградов* 1996; *Какорина* 1992). Прежняя журналистика с её установкой на пропаганду и агитацию по существу трансформировала и воздействующую, и информативную функции, особенно последнюю. Информация о фактах, событиях была значима не сама себе, но как средство проведения определенной идеологии, действительность искажалась, мифологизировалась, факты нередко подтасовывались и давались сквозь призму установленной свыше «утвержденной» идеологемы. Отсюда информация о событиях внутренней жизни, как правило, приукрашивалась, рисовалась в светлых, радостных и приподнято-торжественных тонах, тогда как сведения о событиях за рубежом окрашивались мрачным цветом с оттенком неприязни. В целом информация весьма часто выступала не в своей роли, трансформировалась, поскольку содержательно была неистинной, она как бы пропитывалась пропагандистски-воздействующим началом. С.И. Виноградов приводит высказывание В. Аграновского, обнаружившего содержавшиеся в текстах официальных решений тех лет своеобразные языковые «маркеры лжи», характерные для публицистического стиля того времени: «улучшить, повысить, углубить, ускорить», которые называли действия, «изначально обреченные на неисполнение в силу своей абсолютной неконкретности и обезоруживающей безликости» (*Личность решает все! // Огонек.— 1989.— № 14, с. 7*).

Усиление информационной функции в современных СМИ связано с изменением в них информационной нормы. Это проявилось в росте объема информационного поля, а также в повышении «качества» информации, её достоверности. Увеличение объема информационного поля связано с расширением публицистической проблематики, практическим исчезновением «закрытых зон» для средств массовой информации, а также с возможностью альтернативной подачи информации вследствие идеологического, политического, творческого расслоения прессы. Показ одного и того же события с разных сторон способствует в современной газете объемному его представлению.

Усиление информативности публицистических текстов, по наблюдениям Г.Я. Солганика, ярко проявилось в заголовках. Здесь наиболее радикальное изменение связано с принципиальной заменой именных заголовков глагольными. Большинство заглавий информационных мате-

риалов в газете — двусоставные предложения с глагольным сказуемым. Они сжато выражают содержание материала и играют роль своеобразных лидов: *Сербы наносят жестокий удар по престижу российской дипломатии; Цены растут, но медленнее, чем в прошлом году* (Изв.) (*Солганик* 1996). Еще одно изменение, касающееся экспликации информационной функции, — отражение общего движения стилистических изменений публицистической речи «сверху вниз» (на снижение стиля) в уменьшении сдержанности, официальности передачи информации, в субъективизации дискурса новостей. Наконец, усиление информационного начала отразилось в перестройке жанровой системы.

Таким образом, взаимоотношения между информативной и второй, воздействующей функциями, их содержательная сущность, вес каждой в публицистике, а особенно средства реализации этих функций заметно изменяются.

2. Воздействующий характер текстов СМИ отражается в побудительности, *социальной оценочности* (см.), *изобразительности* (см.). В доперестроечной прессе экспрессивная функция подавляла и трансформировала информативную, содержательно отличалась жесткой императивностью, одноплановостью (проведением незыблемой идеологической установки) и однонаправленностью, приводящей к модификации коммуникативного акта (воздействие со стороны газеты именно как органа партии и государства, т.е. обобщенного адресанта, на читателя, а не взаимодействие общающихся). В современной газете обе эти функции — информационная и воздействующая, — освобождаясь от деформаций, все более выступают в своей основной роли — информирования и экспрессивности.

Информирование стремится быть достоверным, фактологическим. Функция воздействия уходит от одноплановости и императивности: в коммуникативном акте как бы уравновешиваются роли адресанта и адресата. Стилистика материализации воздействующей функции становится более разнообразной, раскованной, индивидуализированной. Теперь почти каждая газета имеет свое лицо, а каждый журналист стремится к проявлению своего авторского Я, своего стиля. Все это находит отражение в таких изменениях стилистики журналистских текстов, как преобразования в экспликации побудительной модальности, оценочности, диалогичности.

Если прежде лозунгово-призывная экспрессия в газете реализовалась через императивную модальность (см. об этом, в частности: *Шмелев* 1977, с. 73), то современная газета не допускает агитации «в лоб», и поэтому изменяется характер модальности в отношении адресата: она становится рекомендательной, косвенно-императивной, сопровождающейся обоснованием волеизъявления. Благодаря этому в газете исчезает открытая назидательность, политико-идеологическая апеллятивность. Тем самым меняется функционально-стилистическое значение императива. Ср. примеры из старой газеты: *К новым трудовым свершениям, дорогие товарищи!; Пусть крепнет великая дружба между нашими на-*

родами! (прямой императив, содержащийся здесь, придает речи директивность, патетичность) с новыми употреблениями: *Надо хорошенько запомнить цели эсэсовцев и не заставлять себя верить в их мнимое благородство* (Комсом. правда); *При этом надо учесть, что за тот же период затраты были значительно ниже...* (Изв.); *Мы обязаны помнить, что гуманный смысл нашей жизни не должен при этом обедняться* (Сельская жизнь). По наблюдениям екатеринбургских авторов, «модальность долженствования переосмысливается. Если она исчезла из отношений автора и широкого читателя, то теперь она появилась в отношениях автора и адресата, с одной стороны, и властных структур, с другой. Все «надо» обращены теперь то к Президенту, то к Думе, то к правительству. Основная модальность сейчас — это разной окраски вопросительность, утверждение с оглядкой на возможное возражение, опровержение. В серьезных аналитических материалах эта вопросительность естественна потому, что общество пока не знает способов решения своих проблем» (*Майданова, Соболева, Чепкина* 1997).

Глубокий и системный характер носят изменения в реализации оценочности в газете, находя выражение в функционировании языковых единиц всех уровней (лексических, фразеологических, словообразовательных, грамматических). Многие ранее нейтральные слова приобрели негативную стилистическую окраску: *система* (ср. в словосочетаниях: *административно-командная система; авторитарно-бюрократическая система); партаппарат, номенклатура*. С другой стороны, слова, ранее имевшие негативные коннотации, теперь нейтрализовались: *рынок, биржа, купечество, господин, дворянин, конкуренция, коммерсант* и мн. др. Появляются словообразования с яркой отрицательной семантикой, ранее недопустимой: *партократия, партаппаратчик, брежневизм, рашидовщина* и др. т.п. По наблюдениям Г.Я. Солганика, «в современном обществе идут мучительные поиски новой идеологии, поэтому процессы формирования оценочности весьма активны, хотя и не отличаются стабильностью и определенностью. Общее их направление можно, по-видимому, определить как ослабление или нейтрализацию прежних резко положительных или резко отрицательных оценок» (1996).

Сфера действия социальной оценочности сравнительно с предшествующим периодом сужается, а степень ее выраженности снижается. В условиях смены или отсутствия четких идеологических и политических ориентиров трудно давать оценку непрерывным и часто непредсказуемым изменениям общественной и политической жизни. У журналистов, да и у общества в целом не сформировались еще собственного мнения, собственной позиции по отношению к тому или иному явлению. И тогда на помощь приходит спасительная ирония. Использование иронии очень характерно для современных СМИ. Ирония рассматривается исследователями как способ непрямой оценки (*Виноградов; Солганик* и др.), как ведущая стилистическая черта в журналистском тексте (*Дроняева* 1998). Одним из наиболее распространенных средств выражения иронии является стилистический контраст, возникающий в результате использова-

ния языковых единиц разных стилистических окрасок: *мораторий на дрязги и распри; Министерство не лыком шито*! *Шикарно вооружены; грозить ему тощим хвостом и орать от ужаса* (из газ.). Заметно участилось в публицистике использование приема иронической деформации или трансформации смысла известных пословиц и поговорок. Напр.: *Свинья — лучший друг человека* — о возможности пересадки человеку сердца свиньи (Известия); *Через академию — к звездам* — об астрологической академии (Российская газета); *Ловись, рыбка, большая и маленькая* — о браконьерстве (Правда); *Язык до Оксфорда доведет, если он английский* (Комс. правда) и др.

Для публицистики новейшего времени характерно стилистическое многообразие, раскрепощенность речи в сторону снижения стиля. Процесс «экспансии» разговорной речи вплоть до просторечия и нелитературных языковых средств приобрел поистине небывалые масштабы и интенсивность. По существу, изменилась стилевая норма публицистической речи, она сдвигается в сторону разговорности, раскованности и свободы. Разговорные средства всех языковых уровней используются в самых различных жанрах, существенно изменяя общий лингвостилистический облик публицистики, происходит общее снижение её стиля. Чрезвычайно возросло использование в публицистике фразеологических единиц, причем заметно чаще стали использоваться фразеологизмы сниженного, просторечного характера. Возросла частотность просторечных и сниженных лексических единиц, к примеру: *Теперь в Москве хоть кто-то стал* ***чесаться*** (Изв.); *Чтоб* ***не вляпаться*** *в такую ситуацию...* (Комс. правда); *У входа* ***кучковались*** *телохранители* (Литер. газета); *Сбербанк — орешек, на котором* ***обломал зубы*** *Олег Бойко* (Изв.); *Пока предприятие можно* ***доить*** (Комсом. пр.); *Не исключено, что здесь нам* ***вешают лапшу на уши*** (Литер. газета) и т.д. В морфологии разговорные средства широко представлены словообразовательными элементами: *гаишник, эмгэушник, шариковщина*; частицами: *дескать, мол, де* и др.; в синтаксисе — резким увеличением частотности предложений устно-разговорного типа, эллиптических конструкций.

В публицистические тексты проникают сленговые и жаргонные лексические единицы: ***Стукач*** *на крыше* — о дятле (Труд); *Звягильский* ***сдает*** *своих*; *Прибыль, полученная торговцами, составила* ***зелеными*** *полмиллиона* (Изв.); *Молодые голландцы не* ***шибко*** *стремятся* ***закосить*** *от армии*; *Это* ***разборки*** *конкурентов, скажет милиция*; *Оперные звезды опять* ***соображают на троих*** — о совместных планах Доминго, Кабалье и Паваротти (Комсом. правда). К сожалению, частотны в газете грубые и непристойные выражения: *Глубокий* ***пофигизм****, выдаваемый за нейтралитет* (Изв.); *Спектакль на букву «х»* — о спектакле «Хлестаков» (Изв.).

Исчезновение старых черт экспрессии из газетного языка: императивности, патетичности, лозунговости, порождавших назидательность, дидактизм, политическую апеллятивность и отдалявших журналистов от аудитории, приводящих к становлению «неравных» отношений между адресантом и адресатом (см.: *Винокур* 1972; *Шмелев* 1977), приводит к

уравниванию позиций коммуникантов в современных СМИ. Это способствует утверждению такой черты экспрессии, как интимизация изложения, вносит дух доверительности в изложение, когда читатель вовлекается в процесс сомышления, сопереживания, тем самым формируется личностно ориентированное общение. Обычно личностная ориентированность изложения в газетных текстах связывается с ориентацией письменной газетной речи на устную разговорную речь. Однако стремление к сближению с каждым отдельным читателем, проявляющееся в раскованности журналистской речи, приводит, как отмечает В.Г. Костомаров, не только к «плюрализму и индивидуальному разнообразию», но и к «удручающей стилистической скудости» журналистских текстов. Сегодня стремление к свежести выражения изменило языковой вкус эпохи, привело к ломке устоявшихся представлений о нормах стилистической сочетаемости (*Костомаров* 1997, с. 29). Между тем личностная ориентированность изложения способствует установлению доверительных отношений, взаимопонимания с читателем, а следовательно, сама по себе не имеет ничего общего с речевой разнузданностью и цинизмом, с которыми сегодня часто приходится сталкиваться в журналистских текстах.

Влияние устно-разговорной речи и перераспределение статуса адресанта и адресата в новой газете особенно ощутимо сказываются на текстовом уровне, а именно в привлечении диалоговых форм речи, в изменениях речевого воплощения *диалогичности* (см.). В СМИ последнего десятилетия это качество стало конструктивным, фундаментальным свойством, изменив во многом облик журналистских текстов. Оно выступает как принцип построения отдельного текста (как жанрообразующий признак), как способ организации материалов на газетной полосе (репликой диалога в этом случае выступает целый текст). В связи с перестройкой структуры прессы диалогичность становится формой взаимодействия между различными изданиями.

В публицистическом стиле обогащается концепция адресата. В прежней публицистике адресат — это чаще всего идейно однородная масса, сегодня под этим понимается весьма разнородная масса людей с разными интересами, информационными запросами и взглядами. Отсюда тактики учета особенностей адресата становятся значительно разнообразными. В частности, при сообщении новостей автор, с одной стороны, стремится учитывать информационные запросы своей аудитории и соответствовать им, с другой — в надежде быть правильно понятым учитывает степень осведомленности читателей, направленность их информационных интересов, предполагаемые реакции адресата, стремится привлечь интерес к сообщению, а для этого *корректирует* процесс сообщения. Предвосхищая возможные упреки в неполноте, в неточности сообщения, журналист дополняет, уточняет форму текста; с помощью такой корректировки, детализации события, субъективности изложения журналист помогает читателю адекватно понять свой текст, активизирует внимание читателя, его воображение, стремится поддерживать интерес к публикации, убедить в объективности, достоверности изложения. При-

чем такого рода коррекция может осуществляться в современной газете не только внутри одного текста, но и присоединением к основному авторскому материалу дополняющих его текстов других авторов (документов, сообщений из других СМИ). Благодаря такому приему сообщение становится более объемным и достоверным. Таким образом, учет адресата проявляется не только в аналитических материалах, как это принято считать, но и в информационных.

Если журналисту необходимо представить результаты своего анализа и убедить читателей в правильности выводов, постановкой вопросов он стимулирует свою мыслительную деятельность, обращая же вопросы к читателям, будит их мысль. В процессе убеждающего воздействия дает свою оценку, для аргументации которой обосновывает несостоятельность мнений оппонентов и защищает позицию сторонников. Причем все это осуществляется в современных СМИ в условиях более камерного общения, при уравнивании коммуникативных позиций адресующегося и адресата, автора и «третьих» лиц, когда изложение фактического материала получает личностную окраску. Журналист не утверждает, не насаждает готовые истины, как это чаще всего было в прежней газете, а на глазах читателя вырабатывает общее с ним мнение об объекте. Поэтому чужую позицию журналист передает не только цитированием, пересказом, в косвенной речи своего текста, но и включением в свой материал целых текстов, в которых излагается иная точка зрения. Тем самым в полемику вступают целые тексты. Наконец, при необходимости журналист намечает пути решения проблем, разрабатывает варианты деятельности адресата для устранения препятствий в общественном развитии. При этом «модальность долженствования вплетена в семантику интеллектуальной беседы автора и адресата» (*Майданова, Соболева, Чепкина* 1997, с. 219). Журналист согласовывает способы возможных действий, координирует эти действия с читателем. Именно поэтому диалогичность рассматривается сегодня как фундаментальное качество публицистической речи.

Важной чертой выражения диалогичности в современных публицистических текстах является возросшая частота использования деформации *прецедентных текстов* (см.) с помощью приемов цитирования, аллюзий, реминисценций, ссылок, парафраз, пародий, которые способствуют формированию у читателя дополнительных ассоциаций. Напр.: *Джим, ты не прав!; Сепаратисты всех стран, равняйтесь на Квебек!; Снежная лавина пошла другим путем; Соцстрахи СНГ, соединяйтесь!*; *Все могут короли*; *Ищут подводники, ищет полиция* (Изв.); *Ван Юн, ударник капиталистического труда* (Труд); *От какого наследства мы отказываемся* (Литер. газета); *Кто с вами, мастера культуры?* (АиФ); *Сын полка ракетного полигона* (Рос. газета); *Не нужен нам берег турецкий*; *Детям малых народов*; *Локомотив, вперед лети!* — о футбольной команде «Локомотив» (Рос. газета) и т.д. Как утверждает С.И. Сметанина, «какими бы ни были отношения между прецедентным и журналистским текстами, это всегда отношения диалога: сцепление и наполнение «чужого» слова своим со-

держанием. В диалогические отношения втягиваются не только тексты, но и создатели, и читатели, тексты и их потребители» (2002, с. 27).

3. Изменение информационной нормы, усиление информативного начала в журналистике, резкое усиление личностной тенденции, утверждение диалогичности как фундаментального качества газетной речи отразилось на жанровой перестройке газеты, замеченной многими исследователями. Правда, их мнения расходятся в оценке степени глубины этих преобразований. Если Г.Я. Солганик говорит лишь о некоторых изменениях старой системы (исчезновении одних и формировании других жанров), то Л.Е. Кройчик куда более категоричен: «Вместе со старой системой организации СМИ рухнула и прежняя классификация жанров». И далее: «Прежняя классификация устарела — а что взамен?» (*Кройчик* 2000, с. 130).

Какие изменения в системе жанров отмечены исследователями? Вследствие усиления информационной функции с газетных полос прежде всего исчезла передовая статья. Присущие ей директивность, риторичность, лозунговость, менторский дидактизм становятся неуместными в газете. Исчезают и такие «сильно воздействующие» жанры, как очерк, фельетон. По замечанию Е.В. Какориной, вследствие общей тенденции к «снижению» стиля фельетонные правила построения текстов становятся справедливыми в отношении всех текстов (*Какорина* 1992). В связи с повышением «статуса» отдельных голосов в публицистическом общении широко распространяются жанры, в основе которых лежит диалог: беседа, экспресс-интервью, экспресс-опросы, эксклюзивные интервью. Усиление личностной тенденции отразилось в распространении таких жанров, как эссе, комментарий, прогноз, исповедь. Усиление информационной функции в газете способствовало распространению жанров журналистского расследования, версии, связанных со специфическими способами получения информации. В целом отмечается упразднение жанровых перегородок, происходит заметная эволюция системы жанров: одни жанры замещаются другими, некоторые трансформируются, третьи взаимодействуют и синтезируются. «Жанр фиксирует сдвиги в духовной жизни общества и меняется вместе с ней. Это дает основания увидеть в жанрах и через жанры «движение времени» (*Тепляшина* 1997, с. 29). Совершенно справедливым представляется мнение А.Н. Тепляшиной о том, что две взаимосвязанных тенденции — активная эволюция жанров, с одной стороны, и свободная комбинация признаков различных жанров в одном произведении, с другой — создали предпосылки для новой теории жанров, т.е. учения, всякий раз предполагающего необходимость изменения нормы применительно к постоянно обновляющейся практике (*Тепляшина* 1997, с 30). «Современное состояние изучения функциональных стилей, в частности публицистического, настоятельно требует надежного лингвостилистического описания системы жанров, составляющих в совокупности публицистический стиль» (*Дроняева* 2000, с. 156). Поэтому одна из актуальных проблем стилистики современных СМИ — поиски разноплановых репродуктивных форм текстовой деятельности как

образцов оптимального речевого взаимодействия в публицистических текстах.

Одним из возможных путей решения этой проблемы является рассмотрение системы жанровых форм газетной публицистики как «иерархически организованной системы частных деятельностей и образующих их типовых действий» (*Салимовский* 2002). Обеспечение успешного функционирования журналистики как специфического социального института предполагает необходимость разработки типологии жанровых форм газетной публицистики, которую закономерно проанализировать в аспекте реализации типовых коммуникативных задач, присущих данной сфере общения. Кроме того, эта типология должна, очевидно, учесть изменения коммуникативного статуса адресата в публицистике. Поэтому другим классифицирующим параметром должен выступать фактор адресата, влияющий на формирование речевых жанров (см., например, об этом: *Дускаева* 2000; 2002).

4. Стилистические особенности современных СМИ дифференцируются по типам изданий. Действительно, былое тематическое, концептуальное, стилистическое единство кануло в лету. СМИ начали учитывать реальные разнообразные коммуникативные потребности читателя в информации. Это привело к многократному увеличению количества изданий и их качественной дифференциации. Начинают различаться демократические и оппозиционные издания, различия в социальных позициях этих газет отражаются и стилистически (*Диева* 2001; *Какорина* 2000). Выше был представлен анализ стилистических особенностей качественных демократических изданий. Оппозиционные же издания направлены на то, чтобы предложить свою, отличную от официальной, интерпретацию уже известных событий. Стилистику оппозиционных изданий, по наблюдениям Е.В. Какориной, определяют такие обстоятельства, как преобладание интерпретации над информированием; фиксированный, заранее заданный характер оценок и другой концептуальной информации, не обладающей свойствами новизны; редукция фактологической информации; разнообразие и специфичность спектра речевых действий, осуществляемых посредством текстов. В этих текстах выражается общая стратегия построения дискурса с позиций глобального конфликта с собеседником-оппонентом, с позиций, исключающих поиск взаимопонимания или сближения концептуальных миров. Поэтому при интерпретации распространены высказывания, которые не модифицируют, а глубоким образом изменяют пропозициональное содержание исходного высказывания: *Заговорили о финансовой стабилизации, значит, опять будут грабить народ* (День). Потребность в интерпретации, в выражении интенции сарказма вызывает «к жизни» такие художественно-публицистические жанры, как памфлеты, фельетоны, басни, письма, стихотворения. Образный мир оппозиционной прессы несет в себе черты «эстетики безобразного», в котором гипертрофирована область отрицательных оценочных номинаций. «Своя» информация противопоставляется «чужой» (*Какорина* 2000). В результате тексты этих газет отличаются повышенной *речевой агрессией* (см.).

Структурные изменения прессы привели к появлению на печатном российском рынке «желтых» информационно-развлекательных коммерческих СМИ. Конкурентная борьба за читателя приводит к использованию в них речи, близкой определенной части читательской аудитории, стирает границы между автором и читателем, приближает газетную речь к языку последнего. Анализ языкового материала показал, что в текстах «желтых» газет происходит качественное и количественное накопление новых экспрессивных средств и приемов, используемых затем широко во всей прессе, а именно: активно функционируют тропы, остроумные каламбуры, окказионализмы, формируется адресованность по типу *ты*-обращений, оригинально трансформируются фразеологизмы, аллюзии, ироничные пародии. Чрезвычайно экспрессивен синтаксис, здесь часто используются парцелляция, эллипсис, вставные конструкции и пр. Весьма остроумны некоторые заголовки. Отличительной чертой «желтой» прессы, ее рекламным «оружием» становятся игры со смыслами. В стремлении к обновлению примелькавшихся средств и приемов выражения мысли журналисты нередко прибегают к «заимствованиям» из просторечия, жаргона, вообще ориентируются на разговорность. В целом все это несет, как отмечает В.Г. Костомаров, «свежую струю ярких, истинно народных, насыщенных экспрессией элементов, разнообразящих речь» (1997, с. 95). Разговорные элементы позволяют индивидуализировать, выявить своеобразность и нестандартность высказываний, ведут к откровенности и открытости общения.

Однако в процессе словотворчества, в поиске свежих слов и выражений из всей системы языковых средств журналисты часто используют грубые и вульгарные по своей эмоционально-стилистической окраске языковые единицы. В бульварной газете стал вырабатываться свой стиль письма — агрессивно-эпатирующий, установка на сенсационность вызывает активность вульгарной оценочности. Приведем примеры заголовков «желтых» изданий, с помощью которых они стремятся привлечь внимание читательской аудитории: *Радж Капур покорил московских дур* (Экспресс-газ.); *Медвежья болезнь. Штрихи к портрету Сергея Шойгу; В очередь, сукины дети!* (Моск. комсом.). В заголовках находит выражение стремление «желтых» газет к эпатажу, сенсационному, скандальному эффекту.

В текстах «желтых» газет ирония, сарказм часто переходят в авторское *ерничанье*, *стеб* и используются как своеобразный вид оценки. Профессиональное слово «стеб» в последние годы широко распространилось в журналистских кругах. Как справедливо отмечает Г.Я. Солганик, вульгарность содержания текста, языка автора — это не только стилевая манера, это становится определенной мировоззренческой позицией журналистов, точнее, отсутствием позиций, когда высмеивается всё и вся (*Солганик* 2000).

Очевидно, что жесточайшая конкуренция, борьба между СМИ за аудиторию породили негативные языковые процессы. Категорически невозможно принять огрубление речи, снятие журналистами «желтых» изданий запрета на употребление на газетной полосе обсценной лекси-

ки, нарушение этических норм общения, общечеловеческих нравственных норм, когда совершенно неуместно журналисты начинают иронизировать, играть со смыслами в описании трагических ситуаций. «Засилие» в публицистическом тексте внелитературных средств (просторечных слов, жаргонизмов, молодежного сленга и т.п.) притупляет ощущение чистоты и красоты языка, приводит к снижению речевой культуры читателей.

Стремление развлечь читателя, удержать его любой ценой в «желтой» прессе трансформирует газетные жанры. Информирование в них недостоверно, прогнозы мистифицированы из-за активного использования в качестве источника информации слухов, сплетен; комментарии необоснованны из-за неаргументированности, эпатажности оценок, общение с адресатом часто фамильярно и т.д. Специфика выражения экспрессивности здесь заключается в вульгаризации оценочности, эпатажности, сенсационной рекламности, фамильярной адресованности; все эти черты стали их стилевыми приметами. Тем самым стилистика данного типа газет заняла периферийное положение в структуре газетно-публицистического стиля, на границе его пересечения с разговорно-бытовым стилем и просторечием.

Таким образом, языково-стилистические изменения в современных СМИ велики и значимы и представлены многопланово: на содержательном, семантическом и стилистическом уровнях, а также в перераспределении средств общего языка.

Лит.: Майданова Л.М. Стилистические поиски современной газеты // Читатель и газета. — Свердловск. 1990; Вакуров В.Н. Словотворчество журналиста // Вестник МГУ. Серия X. Журналистика. — 1991. — № 4; Поспелова Г.М. Социальные ориентации общества в зеркале прессы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. X. Журналистика. — 1991. — № 5, 6; Аргументация в публиц. тексте. — Свердловск, 1992; Говердовская Е.В. Лексические новации в сфере имени существительного соврем. русского литер. языка. Дис. ... канд. филол. наук. — М., 1992; Кайда Л.Г. Авторская позиция в публицистике. Автореф. дис.доктора филол.наук. — М., 1992; Какорина Е.В. Стилистические изменения в языке газеты новейшего времени (трансформация семантико-стилистической сочетаемости). Автореф. дисс. ... канд. филол. н. — М, 1992; Ее же: Отражение социальной дифференциации русского языка в современной прессе // Публицистика и информация в современном обществе. — М., 2000; Кожина М.Н. Стилистика русского языка. — М., 1993; Кожина М.Н., Дускаева Л.Р. Лингвостилистические изменения русской газеты последнего десятилетия. Stylistyka-II. — Opole, 1993; Дускаева Л.Р. Диалогичность газетных текстов 1981—1990 гг. Дис. ... канд. филол. н. — Пермь, 1994; Ее же: Диалогичность речевых жанров газетной публицистики // Стереотипность и творчество в тексте. — Пермь, 2001; Ее же: Дифференциация информационных жанров в публицистике // Изменяющийся языковой мир. Материалы междунар. науч. конф. — Пермь, 2002; Виноградов С.И. Язык газеты в аспекте культуры речи // Культура русской речи и эффективность общения. — М., 1996; Михальская А.К. Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике. — М., 1996; Солганик Г.Я. Газетные тексты как отражение важнейших языковых процессов в современном обществе (1990—1994 гг.) // Журналистика и культура русской речи. Вып. 1. — М, 1996; Его же: Современ-

ная публицистическая картина мира // Публицистика и информация в современном обществе. — М., 2000; Бессарабова Н.Д. Из метафорического фонда // Журналистика и культура русской речи. Вып. 4. — М., 1997; Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. — 2-е изд. — М., 1997; Синячкина Н.Л. Основные тенденции в развитии лексики языка газеты на современном этапе (1985-1996). Автореф. ... канд. филол. н. — М., 1997; Майданова Л.М., Соболева Е.Г., Чепкина Э.В. Общественная концепция личности Stylistyka-VI. — Opole, 1997; Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации. — Екатеринбург, 1997; Русский язык / Под ред. Е. Ширяева. — Opole, 1997; Тепляшина А.Н. Методологические основы жанрообразования в масс медиа // Логос, общество, знак (к исследованию проблемы феноменологии дискурса). — СПб., 1997; Дроняева Т.С. «Мстительница и утешительница». Ирония как ведущая стилистическая черта в журналистском тексте // Журналистика и культура русской речи. Вып. 5. — М, 1998; Ее же: Констатация факта (семантика и прагматика информационного текста) // Публицистика и информация в современном обществе. — М., 2000; Стернин И.А. Общественные процессы и развитие современного русского языка. Очерк изменений в русском языке конца XX в. — Воронеж—Пермь, 1998; Кутейников А.Е. Журналистика в системе политики. — СПб, 1999; Ермакова О.П. Семантические процессы в лексике // Русский язык конца XX столетия (1985—1995). 2-е изд. — М., 2000; Кройчик Л.Е. Система журналистских жанров // Основы творческой деятельности журналиста. — СПб. 2000; Русский язык конца XX столетия (1985—1995). 2-е изд. — М., 2000; Диева Т.М. Социальные диалекты в современной российской прессе (газеты «Завтра» и «Русский порядок»). — СПб, 2001; Чепкина Э.В. Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995—2000) — Екатеринбург, 2000; Салимовский В.А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (научный академический текст). — Пермь, 2002; Сметанина С.И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX в.). — СПб, 2002.

Л.Р. Дускаева

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СТИЛИСТИЧЕСКИХ ФИГУР. Существует тяготение тех или иных языковых средств к выражению определенных стилистических фигур. Так, прием антитезы реализуется в тексте посредством антонимических пар: *Не **веселая**, не **печальная**, / Словно с темного неба сошедшая, / Ты и песнь моя обручальная, / И звезда моя сумасшедшая* (Н. Заболоцкий); прием парономазии — с помощью паронимов: *Я ненавижу вас, люди-резины, / Вы **растяжимы** на все **режимы*** (А. Вознесенский); прием метафоры — за счет полисемии: ***Белый** был — красным стал: / Кровь обагрила, / **Красным** был — белым стал: / Смерть побелила* (М. Цветаева).

Некоторые языковые средства принимают участие в реализации не одной-двух стилистических фигур, а многих. Такой широкой сферой охвата стилистических фигур характеризуются мотивационно связанные слова (МСС) — мотивационные пары или цепочки. Они выражают следующие приемы:

1) прием сопоставления, частным случаем которого является хиазм:

Простимся ж коротко и просто —
Раз руки не умеют красть!
*С тобой, **нелепейшая роскошь**,*
***Роскошная нелепость** — страсть!*
(М. Цветаева)

2) прием антитезы: *И я **несчастлив** оттого, что **счастлив**, / И снова **счастлив**, что **несчастлив** я* (Е. Евтушенко); при этом контраст может быть выражен МСС разных лексико-грамматических классов: *Далеко-далече там Багдад, / Где жила и пела Шахразада. / Но теперь ей ничего не надо. / **Отзвенел** давно **звеневший** сад* (С. Есенин);

3) прием оксюморона (соединение несоединимого): *Работает он с утра до ночи... — и в этом отношении он не человек, а золото; в остальном же, как иные говорят, **ученый неуч*** (А. Чехов);

4) прием тавтологии: *Вся комната янтарным блеском / Озарена. Веселым **треском** / **Трещит** затопленная печь* (А. Пушкин);

5) прием плеоназма (словесного излишества): *Молодые, как самая **ранняя рань**, / Мы не верили в ад. Мы плевали на рай!* (Р. Рождественский);

6) прием градации: *Подует ветер. / Сосен темный ряд / Вдруг **зашумит**, / **застонет**, **занеможет*** (Н. Рубцов);

7) прием оживления *внутренней формы слова* (см.): *И мне снятся всю ночь на **снегу снегири**, / В белом инее красные птицы* (М. Дудин) и др.

МСС активно используются художниками слова для выражения различных приемов «поэтической техники»:

8) анафоры (единоначатия): ***Зашумит** ли клеверное поле, / Заскрипят ли сосны на ветру, / Я замру, заслушаюсь и вспомню, / Что и я когда-нибудь умру* (Е. Евтушенко) и всех приемов эвфонии (благозвучия);

9) аллитерации: *Ревет ли зверь в лесу глухом, / Трубит ли рог, **гремит** ли **гром**...* (А. Пушкин);

10) ассонанса: *Я вольный **ветер**, я вечно **вею**, / **Волную волны**, ласкаю ивы, / В ветвях **вздыхаю**, **вздохнув**, немею, / **Лелею** травы, **лелею** нивы* (К. Бальмонт);

11) ритма: *...С **выдохом**, с **высвистом**, / С **выхрипом**, с вы... / Твердит одинокое слово «Терпи!»* (Р. Рождественский);

12) рифм всех видов (внешних и внутренних, кольцевых и перекрестных, богатых и бедных, точных и неточных и т.п.): *И сердце бьется в **упоенье** / И для него воскресли вновь / И божество, и **вдохновенье**, / И жизнь, и слезы, и любовь* (А. Пушкин). ***Переливы** и **отливы** рук — / Однообразные движенья, / Ты заклинаешь, без сомненья, / Какой-то солнечный испуг* (О. Мандельштам) и т.п.

Кроме известных стилистических фигур, МСС участвуют в реализации специфических мотивационных фигур речи:

13) приема перевернутой мотивации, суть которого в инверсионном употреблении мотивируемого и мотивирующего слов, когда они как бы меняются местами, отражая обратный ход мысли, события и т.д.*: Семь холмов — как семь колоколов, / На семи **колоколах — колокольни*** (М. Цветаева*). **Родник родит** реку...* (К. Паустовский);

14) приема объединения мотивационных пар и цепочек, заключающегося в том, что компоненты разных мотивационных пар используются как составляющие одного словосочетания, синтезирующего целостное понятие: *Над городом, отвергнутым Петром, / Перекатился* ***колокольный*** *гром. /* ***Гремучий*** *опрокинулся прибой / Над женщиной, отвергнутой тобой. / Царю Петру и вам, о царь, хвала! / Но выше вас, цари:* ***колокола*** (М. Цветаева). В словосочетании ***колокольный гром*** представлены компоненты двух мотивационных пар: ***гром*** и ***греметь***, ***колокол*** и ***колокольный***;

15) приема индивидуально-авторской мотивации, который, в отличие от приема поэтической этимологии, парономазии, представляет собой результат сближения созвучных разнокоренных слов на основе их осмысления как мотивационно связанных: *Я умираю от* ***жалящей жалости****, / Глядя, как вянет ромашки лицо* (Л. Васильева). В представлении поэта жалость осмысляется как чувство, которое как бы жалит;

16) приема инотолкования внутренней формы слова: ***Челюскинцы****! Звук — как сжатые* ***челюсти****... / И впрямь* ***челюстьми*** *— / Из льдин-****челюстей*** */ Товарищей вырвали!* (М. Цветаева).

Выражение в поэтическом тексте стилистических форм за счет МСС значительно повышает их выразительно-изобразительный эффект.

Лит.: Квятковский А. Поэтический словарь. — М., 1966; Блинова О.И. Явление мотивации слов: Лексикологический аспект. — Томск, 1984; Ее же: Об одном феномене антропологической лингвистики // Современные образовательные стратегии и духовное развитие личности. Ч. 2. — Томск, 1996; Скребнев Ю.М. Фигуры речи // Русский язык. Энциклопедия. — М., 1997.

О.И. Блинова

ЯСНОСТЬ РЕЧИ, или понятность, — одно из основных качеств или стилевых черт науч. стиля, включающее в себя логичность, точность, сжатость, экспрессивность, стандартность. В других стилях, напр., художественном или разговорном, Я. может подчинять себе такие качества, как образность, эмоциональность, развернутость и т.д. Отсюда видно, что эта стилевая черта варьируется по стилям и определяется употреблением реализующих ее языковых средств. Стилевые черты, в частности Я. р., детерминируют отбор и комбинирование соответствующих языковых стилистических средств (М.П. Кульгав, Э.Г. Ризель, Е.С. Троянская, М.Н. Кожина и др.). С одной стороны, стилевая черта является стилеобразующим фактором, регулирующим отбор определенных языковых фактов в различных функц. стилях, с другой — она является свойством, качеством, признаком, внутренней приметой стиля.

Лит.: Ризель Э.Г. Полярные стилевые черты и их языковое воплощение, «Иностранные языки в школе», 1961. — № 3; Кульгав М.П. Основные стилевые черты и синтаксические средства их реализации в современной научно-технической речи: Дис. ... канд. филол наук. — М., 1964; Кожина М.Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. — Пермь, 1972; Троянская Е.С. Лингвостилистическое исследование немецкой научной литературы. — М., 1982.

М.П. Котюрова

Предметный указатель

В предметный указатель (как и в словарь) включены помимо собственно терминов стилистики некоторые общелингвистические термины и термины смежных со стилистикой дисциплин — культуры речи, риторики, прагматики, социолингвистики и др.

Названия статей, содержащихся в основном корпусе словаря, в указателе выделены полужирным шрифтом. Так же даются синонимичные и дублетные номинации.

Когда содержание того или иного термина-понятия (видового) раскрывается в словаре не в отдельной статье, а в обобщающей (определяющей родовое понятие, явление), название видового термина в указателе набрано полужирным шрифтом в разрядку со ссылкой на обобщающую статью (в скобках курсивом).

Светлым шрифтом представлены термины, не получившие в словаре подробного толкования; их содержание раскрывается в других статьях, названия которых приведены в скобках курсивом.

Для удобства пользования словарем в ряде случаев термины-словосочетания (с вариативным или неустоявшимся употреблением) представлены в указателе (не в тексте словаря) дважды: на ключевое слово и на определение к нему, например: Стиль книжный и Книжный стиль; Жанр речевой и Речевой жанр; Стилистическая парадигматика и Парадигматика стилистическая и т.п. В этих случаях шрифт номинации соответствует принятым в указателе правилам (см. выше).

А

Абзац 12
Абстрагизация (отвлеченно-обобщенность научной речи — см. *Научный стиль; Стилевые черты*) 13
Авторская речь 13
Автосемантия 14
Агрессия речевая (см. **Речевая агрессия**) 15
Акцентности категория (см. **Категория акцентности**) 121
Акцентность (см. *Категория акцентности*) 121

Акцентуаторы 15
Аллюзия (см. *Язык и стиль рекламы*)
Амплификация (см. *Риторический прием*) 367
Анадиплозис (см. *Риторический прием*) 367
Анафорические строфы 15
Аннотация (см. *Жанры научной лит.*) 58
Антиэллипсис (см. *Риторический прием; Стилистические ресурсы синтаксиса*) 367, 475
Антонимы 16
Апозиопезис (усечение) — (см. *Стилистические ресурсы синтаксиса*) 475
Арготизмы (см. *Внелитературная лексика*) 33
Аргументативный тип речи: доказательство 20
Архаизмы 21

В

Варваризмы 23
Взаимоотношение стилистики и смежных дисциплин 25
Внелитературная лексика 33
Воздействия функция (см. Функция воздействия) 584
Вульгаризмы (см. *Внелитературная лексика*) 33
Выразительность речи 37
Выразительные средства языка 38
Высокий стиль 40

Г

Газетизмы 42
Гипертекст (см. *Язык сети Интернет***)**
Гипотетичности категория (см. **Категория гипотетичности**) 127
Глубинный смысл текста 43
Грамматическая стилистика (см. **Стилистические ресурсы морфологии и словообразования**) 471

Д

Деловой стиль (см. **Официально-деловой стиль**) 274
Декодирования стилистика (см. **Стилистика декодирования**) 415
Диалектизмы (см. *Внелитературная лексика*) 33
Диалог 45

Диалогичности категория (см. **Категория диалогичности**) 131
Диалогичность речи (письменной) 46
Диафора (фигура речи) (см. *Риторический прием*) 367
Дискурс 54
Дискурсивный анализ (см. *Языковедческие функциональные методы*)
Доказательство (см. *Аргументативный тип речи: доказательство*) 20
Доминанта функционального стиля (см. **Конструктивный принцип функционального стиля)** 181

Ж

Жанр (литературный) 57
Жанр (речевой) (см. **Речевой жанр**) 353
Жанры научной литературы 58
Жанры официально-делового стиля 70
Жанры обиходно-разговорной речи 68
Жанры публицистического стиля 80
Жаргонизмы (см. *Внелитературная лексика*) 33

З

Завершенность текста 90
Задание стилистическое (см. **Стилистическое задание**) 491
Закономерности (общие) функционирования языковых единиц в функциональных стилях 91
Значение стилистическое (см. **Стилистическое значение)** 494

И

Игра языковая (см. **Языковая игра**) 657
Идиостиль 96
Изменения (языково-стилистические) в современных СМИ (см**. Языково-стилистические изменения в современных СМИ**)
Изобразительность речи (см. *Образность*) 256
Инверсия (см. *Стилистические ресурсы синтаксиса*) 475
Интегративность текста 100
Интервью (см. *Жанры публицистического стиля*) 80
Интерпретация (текста) 102
Интертекстуальность 105
Информативность текста 109

Информационная функция (см. Функция информационная) 585
Ирония (см. *Языково-стилистические изменения в современных СМИ*) 664
Историзм стиля 112
Историзмы 115
Историческая (диахроническая) стилистика (см. **Стилистика историческая (диахроническая)** 417

К

Канцеляризмы 118
Картина мира языковая (**Языковая картина мира**) см. *Языковая личность*) 660
Категоричность/некатегоричность изложения (см. *Стилевые черты*) 404
Категория текстовая, стилистико-текстовая (см. **Текстовая категория**) 534
Категория «Образ автора» (см. **Образ автора**) 254
Категория акцентности (функциональная семантико-стилистическая) 121
Категория гипотетичности (функциональная семантико-стилистическая) 127
Категория диалогичности (функциональная семантико-стилистическая) 131
Категория оценки 140
Категория текста (см. **Текстовая категория**) 534
Категория функциональная семантико-стилистическая (см. **Функциональная семантико-стилистическая категория**) 574
Качества речи (см. **Коммуникативные качества речи**) 163
Классификация и внутренняя дифференциация функциональных стилей 147
Ключевые слова 154
Книжная лексика (см. *Стилистические ресурсы лексики*; *Стиль книжный*)
Книжный стиль (см. **Стиль книжный, Книжная речь**) 515
Когнитивный стиль (см. *Стиль*) 508
Кодирования стилистика (см. **Стилистика кодирования**) 421
Кольцевые строфы 158
Коммуникативная стилистика художественного текста 158
Коммуникативные качества речи 163
Коммуникативный блок (К-блок) 164
Композиция (текста) 169
Коннотация стилистическая (**Стилистическая коннотация**) 433 (см. также *Стилистическое значение; Стилистически окрашенная лексика*) 494, 454
Констатация (как функционально-смысловой тип речи) 174
Констатации функция (см. Функция констатации) 585
Конструктивный прием 176
Конструктивный принцип функционального стиля (доминанта функционального стиля) 181
Континуальность текста 182

Контраст стилистический (см. **Стилистический контраст**) 484
Концепт 182
Косвенная речь 186
Красноречие (Риторика) (см. *Судебное красноречие*) 361, 524
Культура речи 187

Л

Лексическая стилистика (Стилистические ресурсы лексики) 457
Лингвистика речи (см. *Речеведение*) 333
Лингвистика текста 192
Лингвостилистический анализ художественного текста 196
Литературно-разговорный стиль (тип) речи 205
Литературный язык 209
Логичность (как коммуникативное качество речи) 212
Логичность текста (как стилевая черта) 215
Логичность подчеркнутая (см. Подчеркнутая логичность) 291
Локальность (Текстовое пространство) 216

М

Макроокраска стиля (см. *Стилистическое значение*) 494
Макростиль (см. *Классификация и внутренняя дифференциация функц. стилей; Функциональный стиль*) 147, 582
Макротекст 217
Метафора (см. *Стилистические ресурсы лексики*) 222
Метод стилостатистический (см. **Стилостатистический метод**) 500
Методы лингвостилистического анализа 222
Микротекст 231
Модальность текстовая (Тональность) 550
Монография (см. *Жанры научной литературы*) 231
Монолог 231

Н

Направления стилистики 234
Наука о стилях художественной литературы (см. *Стилистика*) 409
Научно-популярный подстиль 237
Научный стиль 243

Нейтральный стиль 250
Несобственно-прямая или **несобственно-авторская речь** 252
Норма стилистическая (см. **Стилистическая норма**) 434

О

Образ автора (Категория «образ автора») 254
Образность 256
Общекнижная лексика (см. *Стилистические ресурсы лексики*) 457
Общенаучная лексика 259
Общение по Интернету (см. *Язык сети ИНТЕРНЕТ*)
Объяснение (как функционально-смысловой тип речи) 261
Окраска стилистическая (см. *Стилистическое значение; Стилистически окрашенная лексика*) 494, 454
Окраска функционально-стилистическая (см. Функционально-стилистическая окраска) 582
Омонимия и смежные явления 264
Описание (как функционально-смысловой тип речи) 268
Ораторская речь 271
Ораторский стиль (см. *Ораторская речь; Классификация и внутренняя дифференциация функц. стилей*) 271, 147
Отвлеченно-обобщенность (абстрагизация) научной речи (см. *Стилевые черты; Научный стиль*) 404, 243
Официально-деловой стиль (Деловой, официально-документальный, административный, законодательный, официально-канцелярский, канцелярский, деловая словесность) 274
Оценки категория (см. **Категория оценки**) 140
Очерк (см. *Жанры публицистического стиля*) 80

П

Парадигматика стилистическая (см. **Стилистическая парадигматика**)440
Параллельные прозаические строфы 279
Паронимы (см. *Стилистические ресурсы лексики*) 457
Парцелляция 280
Период 283
Перифраза (парафраза) (см. *Стилистические ресурсы лексики*) 457
Письменная речь 286
Поверхностный смысл текста 288
Повествование (как функционально-смысловой тип речи) 289
Повторы развернутые вариативные (см. **Развернутые вариативные повторы**) 317

Подстиль (см. *Классификация и внутренняя дифференциация функциональных стилей*) 147
Подчеркнутая логичность (научной речи) — (см. *Стилевые черты; Научный стиль*) 404, 243
Позиционно-лексический повтор (см. *Стилистические ресурсы синтаксиса*) 475
Полевая структура функционального стиля 291
Пометы словарей (см. **Стилистическая помета**) 445
Популяризаторская функция (см. Функция популяризаторская) 585
Поэтизмы 292
Поэтика 293
Поэтическое речевое мышление 297
Прагмастилистика (см. *Взаимодействие стилистики и смежных дисциплин*) 25
Практическая стилистика (см. *Стилистика; Направления стилистики; Стилистика ресурсов*) 409, 234, 422
Предписание (как функционально-смысловой тип речи) 302
Предписания функция (Функция предписания) 585
Предписующе-долженствующий характер (деловой речи) — (см. *Стилевые черты; Официально-деловой стиль*) 404, 274
Прецедентные тексты (см. *Интертекстуальность*) 105
Прием конструктивный (см. **Конструктивный прием**) 176
Прием оживления внутренней формы слова 304
Прием риторический (см. *Риторический прием*) 367
Прием стилистический (см. *Конструктивный прием; Риторический прием*)176, 367
Прием умолчания (см. *Риторический прием*) 367
Прозаическая строфа 306
Произносительный (фонетический, орфоэпический) стиль 308
Просторечие (см. *Внелитературная лексика*) 33
Прямая речь 311
Публицистический стиль (газетно-публицистический, газетный, политический, газетно-журнальный) 313

Р

Радиоречь (см. *Язык и стиль электронных СМИ*) 643
Развернутые вариативные повторы 317
Разговорная лексика (см. *Стилистически окрашенная лексика*) 454
Разговорность (см. *Разговорный стиль*) 320
Разговорный стиль (разговорно-бытовой, разговорно-обиходный, повседневного общения) 320
Рассуждение (как функционально-смысловой тип речи) 322
Регулятивность 329

Рекламная функция (см. Функция рекламная) 585
Рекламы язык и стиль (см. **Язык и стиль рекламы**)
Религиозный стиль (см. **Церковно-религиозный стиль**) 613
Репортаж (см. *Жанры публицистического стиля*) 80
Реферат (автореферат) (см. *Жанры научной литературы*) 58
Рецензия (см. *Жанры научной литературы*) 58
Речеве́дение (Лингвистика речи) 333
Речевая агрессия 341
Речевая культура 344
Речевая системность функционального стиля 348
Речевая ситуация 351
Речевой акт 352
Речевой жанр 353
Речевой этикет 355
Речь 359
Риторика (Красноречие) 361
Риторический прием (Стилистический прием) 367

С

Сверхтекст 375
Связность речи (как текстовая категория) 377
Синекдоха (см. *Стилистические ресурсы лексики*) 457
Синонимия стилистическая (см. *Синонимы; Стилистические ресурсы лексики*) 382, 457
Синонимы 382
Синтагматика стилистическая (см. **Стилистическая синтагматика**) 448
Синтаксис текста 383
Синтаксис экспрессивный (см. **Экспрессивный синтаксис**) 626
Синтаксическая стилистика (см. **Стилистические ресурсы синтаксиса**) 475
Синтаксический эллипсис и антиэллипсис (см. *Стилистические ресурсы синтаксиса*) 475
Синтаксическое усечение (см. *Стилистические ресурсы синтаксиса*) 475
Системность функционального стиля (см. **Речевая системность функционального стиля**) 348
Ситуация речевая (см. **Речевая ситуация**) 351
Славянизмы (церковнославянизмы, старославянизмы) 386
Слог (см. *Стиль*) 508
Слоган (см. *Язык и стиль рекламы*)
Сложное синтаксическое целое (ССЦ) (см. *Синтаксис текста*) 383
Смысловая структура (смысл) текста 389
Смысловое развертывание художественного текста 393
Сопоставительная стилистика (см. **Стилистика сопоставительная**) 427
Социальная оценочность (газетной речи) 397

Социальной оценки функция (см. Функция социальной оценки) 585
Специфика функционального стиля (см. *Функциональный стиль*) 582
Средства словесной образности (см. *Образность; Троп; Стилистическая фигура*) 256, 560, 453
Стандарт (см. *Стереотипность речи*) 398
Стандартизированность деловой речи (см. *Стереотипность речи; Официально-деловой стиль*) 398, 274
Статья газетная (см. *Жанры публицистического стиля*) 80
Статья научная (см. *Жанры научной литературы*) 58
Стереотип (см. *Стереотипность речи*) 398
Стереотипность речи 398
Стилевые функции речевых разновидностей 402
Стилевые черты 404
Стили произношения (см. **Произносительный (фонетический, орфоэпический) стиль**) 308
Стилистика 409
Стилистика декодирования 415
Стилистика историческая (диахроническая) 417
Стилистика кодирования 421
Стилистика практическая (Практическая стилистика — см. Стилистика ресурсов) 422
Стилистика ресурсов (структурная, строя языка, стилистических средств языка, аналитическая, практическая, традиционная) 422
Стилистика синхроническая (см. *Направления стилистики*) 234
Стилистика сопоставительная 427
Стилистика текста 430
Стилистика функциональная (см. **Функциональная стилистика**) 577
Стилистика экспрессивная (см. **Экспрессивная стилистика**) 624
Стилистики направления (см. **Направления стилистики**) 234
Стилистико-речевая системность (см. **Речевая системность функционального стиля**) 348
Стилистико-текстовые категории (см. *Текстовая категория; Функциональная семантико-стилистическая категория*) 534, 574
Стилистическая коннотация 433
Стилистическая нейтральность (см. *Нейтральный стиль*) 250
Стилистическая норма 434
Стилистическая окраска (см. *Стилистическое значение; Стилистически окрашенная лексика*) 494, 454
Стилистическая ошибка (недочет) 438
Стилистическая парадигматика 440
Стилистическая помета 445
Стилистическая синонимия (см. *Синонимы, Стилистические ресурсы лексики*) 382, 457
Стилистическая синтагматика 448
Стилистическая фигура 453
Стилистически окрашенная лексика 454

Стилистические ресурсы лексики (лексическая стилистика) 457
Стилистические ресурсы морфологии и словообразования (грамматическая стилистика) 471
Стилистические ресурсы синтаксиса (синтаксическая стилистика) 475
Стилистические ресурсы фонетики (см. **Фонетика функциональных стилей**) 483
Стилистические средства (Стилистическое средство (единица)) 483
Стилистический контраст 484
Стилистический прием (см. *Конструктивный прием; Риторический прием*) 176, 367
Стилистический эффект 489
Стилистическое задание 491
Стилистическое значение 494
Стилистическое согласование 496
Стилостатистические закономерности употребления языка (см. **Закономерности (общие) функционирования языковых единиц в функциональных стилях**) 91
Стилостатистический метод 500
Стиль 508
Стиль книжный (книжная речь) 515
Стиль функциональный (см. **Функциональный стиль**) 582
Стиля модель (традиционная) 517
Субъектность речи (текста) (авторизация, субъектная организация текста) 518
Судебное красноречие 524

Т

Тезисы (см. *Жанры научной литературы*) 58
Текст (в аспекте стилистики) 529
Текстовая категория 534
Текстовое время 537
Текстовое пространство 540
Телеречь (см. *Язык и стиль электронных СМИ*) 643
Тема текста 543
Темпоральность (см. **Текстовое время**) 537
Теория трех стилей (см. **Трех стилей теория**) 558
Термин 545
Тип речевой культуры (см. *Речевая культура*) 344
Типы речи функционально-смысловые (см. **Функционально-смысловые типы речи**) 578
Тональность (субъективная модальность, текстовая модальность, текстовая экспрессивность) 550
Тоталитарный язык 553

Точность речи (см. также *Стилевые черты; Официально-деловой стиль*) 555, 404, 274
Трех стилей теория 558
Троп 560

У

Узус 562
Усечение (апозиопезис) (см. *Стилистические ресурсы синтаксиса*) 475
Устаревшие слова 563
Устная публичная речь 564
Устная речь 568

Ф

Фатическая функция (см. Функция фатическая) 585
Фельетон (см. *Жанры публицистического стиля*) 80
Фигура стилистическая (см. **Стилистическая фигура**) 453
Фонетика функциональных стилей 571
Формы речи 573
Функциональная семантико-стилистическая категория 574
Функциональная стилистика (учение о функциональных стилях) 577
Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение, доказательство, объяснение, констатация, предписание) 578
Функционально-стилистическая окраска (см. *Стилистически окрашенная лексика; Стилистические ресурсы лексики*) 454, 457
Функциональные стили в соотношении с художественной речью и разговорной речью (см. *Художественный стиль речи; Разговорный стиль*) 595, 320
Функциональный стиль (функциональная разновидность языка, функциональный тип речи) 582
Функция воздействия (см. *Стилевые функции речевых разновидностей*) 402
Функция изобразительности речи (см. *Стилевые функции речевых разновидностей; Образность*) 402, 256
Функция информационная (сообщения) (см. *Стилевые функции речевых разновидностей*) 402
Функция констатации (см. *Стилевые функции речевых разновидностей; Официально-деловой стиль*) 402, 274
Функция популяризаторская (см. *Стилевые функции речевых разновидностей*) 402

Функция предписания (долженствования, императивности) (см. *Стилевые функции речевых разновидностей; Официально-деловой стиль*) 402, 274
Функция рекламная (см. *Стилевые функции речевых разновидностей; Язык и стиль рекламы*) 402
Функция социальной оценки (см. *Стилевые функции речевых разновидностей; Публицистический стиль*) 402, 313
Функция фатическая (см. *Стилевые функции речевых разновидностей; Жанры обиходно-разговорной речи*) 402
Функция ценностной ориентации (в газете) (см. *Стилевые функции речевых разновидностей; Публицистический стиль*) 402
Функция эстетическая (см. *Стилевые функции речевых разновидностей; Художественный стиль речи*) 402, 595
Функция языковой игры (см. *Языковая игра*) 658

Х

Хроника (см. *Жанры публицистического стиля*) 80
Художественно-образная речевая конкретизация 586
Художественный стиль речи (художественно-изобразительный, художественно-беллетристический) 595

Ц

Целостность (цельность) текста 610
Ценностной ориентации функция (см. Функция ценностной ориентации) 402
Цепная связь (между самостоятельными предложениями) 612
Церковно-религиозный стиль 613

Ч

Членимость (текста) 618

Ш

Штамп (см. *Стереотипность речи*) 398

Э

Экспрессивная стилистика 624
Экспрессивный синтаксис (см. *Стилистические ресурсы синтаксиса*) 475
Экстралингвистические (внелингвистические) стилеобразующие факторы функциональных стилей 626
Эмоционально-оценочная лексика (см. *Стилистические ресурсы лексики*) 457
Эмоционально-экспрессивная окраска (см. *Стилистические ресурсы лексики*) 457
Эпистолярный жанр 629
Эпистолярный стиль 633
Эпитет (см. *Стилистические ресурсы лексики*) 457
Эпифора (см. *Язык и стиль рекламы*)
Эстетическая функция (Функция эстетическая; см. *Художественный стиль речи*) 595
Эффект стилистический (Стилистический эффект) 489

Я

Язык и стиль рекламы 636
Язык и стиль электронных СМИ 643
Язык сети Интернет 649
Язык художественной литературы 652
Языковая игра 658
Языковая картина мира (см. *Языковая личность*) 661
Языковая личность 661
Языковедческие функциональные методы: Дискурсивный анализ 662
Языковой игры функция (см. Функция языковой игры) 668
Языково-стилистические изменения в современных СМИ 665
Языковые средства выражения стилистических фигур 676
Ясность речи 678

Указатель авторства словарных статей

Алексеева Л.М. Интерпретация; Лингвистика текста; Термин

Аннушкин В.И. Риторика

Баженова Е.А. Интертекстуальность; Категория оценки; Композиция (текста); Поэтическое речевое мышление; Стилистика декодирования; Стилистика кодирования (стилистика от автора, генетическая стилистика); Стилистическая парадигматика; Стилистическая синтагматика

Баженова Е.А. в соавт. с Кириченко Н.В. Стилистические ресурсы морфологии и словообразования (грамматическая стилистика)

Баженова Е.А. в соавт. с Кожиной М.Н. Художественный стиль речи (художественно-изобразительный, художественно-беллетристический)

Баженова Е.А. в соавт. с Котюровой М.П. Жанры научной литературы; Смысловая структура (смысл) текста; Текст

Баженова Е.А. в соавт. с Протопоповой О.В. Язык и стиль рекламы

Блинова О.И. Прием оживления внутренней формы слова; Языковые средства выражения стилистических фигур

Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика художественного текста; Образ автора; Регулятивность; Смысловое развертывание художественного текста; Язык художественной литературы

Вещикова И.А. Произносительный (фонетический, орфоэпический) стиль; Фонетика функциональных стилей

Грузберг Л.А. Концепт

Данилевская Н.В. Конструктивный прием; Лингвостилистический анализ художественного текста; Макротекст; Метод(ы) лингвостилистического анализа; Микротекст; Развернутые вариативные повторы; Сверхтекст; Стилевые функции речевых разновидностей; Стилистика ресурсов (структурная, строя языка, стилистических средств языка, аналитическая, традиционная); Стилистический контраст; Стилистический эффект; Стилистическое задание; Стилистическое согласование; Языковая игра

Данилевская Н.В. в соавт. с Кожиной М.Н., Салимовским В.А. Стилистическое значение

Данилевская Н.В. в соавт. с Трошевой Т.Б. Стилистические ресурсы синтаксиса (синтаксическая стилистика)

Дементьев В.В. Жанры обиходно-разговорной речи

Дускаева Л.Р. Диалогичность речи; Категория диалогичности (функциональная семантико-стилистическая); Ораторская речь; Социальная оценочность (газетной речи); Судебное красноречие; Устная публичная речь; Язык и стиль электронных СМИ; Языково-стилистические изменения в современных СМИ

Дускаева Л.Р. в соавт. с Котюровой М.П., Протопоповой О.В. Точность речи

Дускаева Л.Р. в соавт. с Майдановой Л.М. Жанры публицистического стиля

Дускаева Л.Р. в соавт. с Протопоповой О.В. Жанры официально-делового стиля; Коммуникативные качества речи; Логичность (как коммуникативное качество речи); Официально-деловой стиль; Речевой этикет; Язык сети Интернет

Емельянова О.Н. Авторская речь; Архаизмы; Варваризмы; Внелитературная лексика; Историзмы; Косвенная речь; Несобственно-прямая, или несобственно-авторская речь; Омонимия и смежные явления; Прямая речь; Синонимы; Стилистическая помета; Троп; Устаревшие слова

Иванова Т.Б. Акцентуаторы; Категория акцентности (функциональная семантико-стилистическая); Стилистическая ошибка (недочет)

Кириченко Н.В. Научно-популярный подстиль

Кириченко Н.В. в соавт. с Баженовой Е.А. Стилистические ресурсы морфологии и словообразования (грамматическая стилистика)

Кожина М.Н. Предисловие; Взаимоотношение стилистики и смежных дисциплин; Высокий стиль; Закономерности (общие) функционирования языковых единиц в функциональных стилях; Категория гипотетичности (функциональная семантико-стилистическая); Классификация и внутренняя дифференциация функциональных стилей; Конструктивный принцип функционального стиля (доминанта функционального стиля); Направления стилистики; Научный стиль; Полевая структура функционального стиля; Речеведение; Речевая системность функционального стиля; Стилистика; Стилистика историческая (диахроническая); Стилистика сопоставительная; Стилистика текста; Стилостатистический метод (анализа текста); Стиль; Стиля модель (традиционная); Трех стилей теория; Функциональная семантико-стилистическая категория (ФССК); Функциональная стилистика (учение о функциональных стилях); Функциональный стиль (функциональная разновидность языка, функциональный тип речи); Художественно-образная речевая конкретизация; Экстралингвистические (внелингвистические) стилеобразующие факторы функциональных стилей

Кожина М.Н. в соавт. с Баженовой Е.А. Художественный стиль речи (художественно-изобразительный, художественно-беллетристический)

Кожина М.Н. в соавт. с Котюровой М.П. Стилевые черты

Кожина М.Н. в соавт. с Салимовским В.А., Данилевской Н.В. Стилистическое значение

Кондаков Б.В. Поэтика

Копнина Г.А. Парцелляция

Копнина Г.А. в соавт. с Протопоповой О.В. Канцеляризмы

Копнина Г.А. в соавт. со Сковородниковым А.П. Выразительность речи; Выразительные средства языка; Образность; Стилистическая фигура

Котюрова М.П. Автосемантия; Завершенность текста; Идиостиль (индивидуальный стиль, идиолект); Интегративность текста; Информативность текста; Континуальность текста; Логичность текста; Общенаучная лексика; Связность речи (как текстовая категория); Стереотипность речи; Стилистические ресурсы лексики (лексическая стилистика); Субъектность речи (текста) (авторизация, субъектная организация текста); Целостность текста; Членимость (текста); Языковая личность; Ясность речи

Котюрова М.П. в соавт. с Баженовой Е.А. Жанры научной литературы; Смысловая структура (смысл) текста; Текст

Котюрова М.П. в соавт. с Дускаевой Л.Р., Протопоповой О.В. Точность речи

Котюрова М.П. в соавт. с Кожиной М.Н. Стилевые черты

Крижановская Е.М. Коммуникативный блок (К-блок); Стилистически окрашенная лексика

Крылова О.А. Церковно-религиозный стиль

Кузнецова А.А. Период

Купина Н.А. Глубинный смысл текста; Поверхностный смысл текста; Тоталитарный язык

Майданова Л.М. в соавт. с Дускаевой Л.Р. Жанры публицистического стиля

Матвеева Т.В. Культура речи; Текстовая категория; Текстовое время (темпоральность); Текстовое пространство (локальность); Тема текста; Тональность (субъективная модальность, текстовая модальность, текстовая экспрессивность)

Протопопова О.В. Эпистолярный жанр; Эпистолярный стиль

Протопопова О.В. в соавт. с Баженовой Е.А. Язык и стиль рекламы

Протопопова О.В. в соавт. с Дускаевой Л.Р. Жанры официально-делового стиля; Коммуникативные качества речи; Логичность (как коммуникативное качество речи); Официально-деловой стиль; Речевой этикет; Язык сети Интернет

Протопопова О.В. в соавт. с Дускаевой Л.Р., Котюровой М.П. Точность речи

Протопопова О.В. в соавт. с Копниной Г.А. Канцеляризмы

Салимовский В.А. Жанр (литературный); Речевой акт; Речевая ситуация; Речевой жанр; Речь; Стилистическая коннотация (окраска, стилистическое значение); Стилистические средства; Узус; Экспрессивная стилистика

Салимовский В.А. в соавт. с Кожиной М.Н., Данилевской Н.В. Стилистическое значение

Самотик Л.Г. Антонимы

Сиротинина О.Б. Разговорный стиль; Речевая культура

Сковородников А.П. Ключевые слова; Риторический прием

Сковородников А.П. в соавт. с Копниной Г.А. Выразительность речи; Выразительные средства языка; Образность; Стилистическая фигура

Солганик Г.Я. Абзац; Анафорические строфы; Газетизмы; Кольцевые строфы; Параллельные прозаические строфы; Прозаическая строфа; Публицистический стиль (газетно-публицистический, газетный, политический, газетно-журнальный); Синтаксис текста; Цепная связь.

Трошева Т.Б. Аргументативный тип речи: доказательство; Диалог; Историзм стиля; Констатация; Литературно-разговорный стиль (тип) речи (разговорная речь); Литературный язык; Монолог; Нейтральный стиль; Объяснение; Описание; Письменная речь; Повествование; Поэтизмы; Предписание; Рассуждение; Речевая агрессия; Славянизмы; Стилистическая норма; Стиль книжный (книжная речь); Устная речь; Формы речи; Функционально-смысловые типы речи

Трошева Т.Б. в соавт. с Данилевской Н.В. Стилистические ресурсы синтаксиса (синтаксическая стилистика)

Чепкина Э.В. Языковедческие функциональные методы: Дискурсивный анализ

Чернявская В.Е. Дискурс

Г.И. Соловьева

Содержание

Предисловие 4
Принятые сокращения 10
Словарь 12
Предметный указатель 678
Указатель авторства словарных статей 691

Справочное издание

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА

Под ред. М.Н. Кожиной

Подписано в печать 15.08.2011. Изд. № 2406.
Электронное издание для распространения через Интернет.

ООО «Флинта», 117342, Москва, ул. Бутлерова, д. 17-Б, комн. 324.
Тел./факс: 334-82-65; тел. 336-03-11.
E-mail: flinta@mail.ru; web site: www.flinta.ru

Издательство «Наука», 117997, ГСП-7, Москва В-485, ул. Профсоюзная, д. 90.